3887.

БИБЛІОТЕКА ЕГОРЬЕВСКОЙ ГИМНАЗІИ.

ВЛАДИМИРСКОЙ
ОБЛАСТНОЙ
БИБЛИОТЕКИ

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

N. Roszak

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
на 1911 годъ.

Вступая въ 1911 году въ сорокъ второй годъ своего существованія, **„Русская Старина“**, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ 1911 году: **А. Ѳ. Кони** — „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля“.—„Житейскія встрѣчи“. **П. О. Пирлинга**—В. С. Печеринъ въ перепискѣ съ И. С. Гагаринымъ. Воспоминанія **И. И. Янжула**. „О пережитомъ и видѣнномъ въ 1864—1909 гг.“, при чемъ авторъ касается: Островскаго, Полонскаго, Писемскаго, Гайдебурова, Юрьева, Елисѣева, Шелгунова, Успенскаго, Кони, Соловьева, Крылова, Чичерина, Муромцева, Стороженко, Бунге, Делянова, Боголюбова, Побѣдоносцева, Витте и др. **А. А. Мазонъ**—Къ освѣщенію цензорской дѣятельности И. А. Гончарова (неизданные матеріалы). **А. Лебедева**—Николай Гавриловичъ Чернышевскій. **П. Л. Юдина**.—Изъ жизни Н. И. Костомарова въ Саратовѣ. **Е. А. Лехачевскаго**.—Первообразъ русскаго народа. Графа А. К. Толстого. **А. И. Слезскинскаго**.—Тайный другъ Пушкина. **М. Е. Васильевой**.—Записки крѣпостной. **Л. Н. Любимова**.—Изъ жизни инженера путей сообщенія. **А. Синицина**.—Изъ воспоминаній стараго врача. **Е. В. Андріяшевой**.—Воспоминанія стараго педагога. **В. В. Шереметевскаго**.—Басурманская неволя. **Е. К. Андреевскаго**.—М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны. **Де Ливрона**.—Изъ воспоминаній о плаваніи на клиперѣ „Стрѣлокъ“. **Г. А. Данилова**.—Сибирская казачья дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 гг. **Ѳ. Г. Тернера**. Воспоминанія жизни (о Вышнеградскомъ, Витте, Рейтернѣ, Іонинѣ, гр. А. А. Ливенѣ, гр. Валуевѣ, Горемыкинѣ, И. Н. Дурново, Сипягинѣ, Ванновскомъ, гр. К. И. Паленѣ, К. К. Гротѣ, М. Н. Анненковѣ, гр. Л. Н. Толстомъ, А. Г. Рубинштейнѣ, Айвазовскомъ, Захарьинѣ, ст. секр. Безобразовѣ, гр. А. А. Толстомъ, Е. А. Нарышкиной, кн. Ек. Радзивиллъ, Бисмаркѣ и др.). **И. Лаврентьевой**.—Другъ дѣтей.—Изъ жизни Е. М. Бемъ.—Свѣтлый лучъ изъ дальнихъ лѣтъ. Т. П. Пассекъ. **А. В. Жиркевича**.—Изъ архива кн. Л. А. Ухтомскаго. **Е. А. Альбовскаго**.—Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи. **А. Перскаго**. — Новый директоръ. Міокотисанъ. На абордажѣ. **М. В. Безобразовой**.—Дневникъ академика В. П. Безобразова. **Ф. Д. Филоненко**.—Изъ подольской старины. (Изъ быта духовенства). „Депутатъ отъ Россіи“. Воспоминанія и переписка **О. А. Новиковой**. **С. Н. Раевскій**.—Къ постройкамъ стараго Петербурга. **А. Н. Сергѣева**. — Изъ быта духовенства. **Е. А. Рагозиной**.—Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 гг., при чемъ авторъ, описывая жизнь Турціи и ея обитателей, касается гр. Игнатьева, Нелидова, Ону, Макѣева, кн. Церетели, Гобартъ-паши, сэра Элліотта, Зичи, гр. Корти, лорда Сольсбери, бар. Каличе, Кіамиль-паши, Митхадъ-п., Османъ-п., Керимъ, Намыкъ, Сивфетъ, Мухтаръ-пашей и др. **А. Е. К.**—М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны. **И. И. Оноре**—11 лѣтъ въ театрѣ (о Вагнерѣ, Серовѣ, Ларошѣ и др.). **А. А. Чебышева**.—Письма П. А. Катенина—И. А. Бахтину и много другихъ историческихъ изслѣдованій и воспоминаній.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ
„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса”.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;
«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

основанное 1-го января 1870 г.

1911.

АПРѢЛЬ. — МАЙ. — ІЮНЬ.

СОРОКЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ШЕСТОЙ.

25350
49 г.
Библіотека Егорьевской гимназіи
Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1911.

52320

Петръ Кузьмичъ Козловъ.

(Русскій изслѣдователь Центральной Азіи).

Пытливость человѣческихъ знаній въ различныхъ областяхъ науки не останавливается ни передъ какими бы то ни было трудностями и лишеніями, наоборотъ, все съ большею настойчивостью, съ большею предпріимчивостью идетъ впередъ... Въ области географической науки также. Въ позднѣйшій болѣе нежели полувѣковой періодъ географическихъ изслѣдованій въ спискѣ европейскихъ путешественниковъ стоятъ и имена русскихъ географовъ. На долю русскихъ изслѣдователей выпала Сѣверная и Центральная Азія. Послѣдняя, впрочемъ, по разнымъ, часто практическимъ, соображеніямъ привлекала вниманіе и другихъ европейцевъ, въ особенности англичанъ. Въ то время, какъ русскіе путешественники устремлялись въ Центральную Азію съ сѣвера, англичане слѣдовали туда же съ юга, со стороны Индійскихъ владѣній. Каждая изъ экспедицій, командируемыхъ преимущественно географическими обществами, прокладывала новый шагъ, за которымъ напряженно слѣдили всѣ тѣ, кому не безразличны были интересы этой малоизвѣстной страны, богатой не только историческимъ прошлымъ и настоящимъ, но еще болѣе и предстоящимъ будущимъ...

Въ настоящее время среди русскихъ путешественниковъ, пользующихся наибольшею извѣстностью не только у насъ въ Россіи, но и за границей—это полковникъ Петръ Кузьмичъ Козловъ, въ свое послѣднее Монголо-Сычуаньское путешествіе, 1907—1909 г.г.,

въ пустынномъ центрѣ Монголіи, открывшій мертвый городъ „Хара-хото“, который со всѣми археологическими въ немъ находками сдѣлался достояніемъ науки вообще и русскаго музея Александра III и библіотеки Императорской Академіи Наукъ въ частности. На страницахъ журнала мы познакомимъ нашихъ читателей съ біографическимъ очеркомъ русскаго путешественника и его описаніемъ Монголо-Сычуаньской экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, исполненной подъ руководствомъ П. К. Козлова...

Ред.

„Русская экспедиція, говоритъ П. К. Козловъ, отъ которой впервые сознательно забилось мое юношеское сердце, была предпослѣдняя экспедиція нашего славнаго Николая Михайловича Пржевальскаго, ея громкое возвращеніе въ С.-Петербургъ, въ январѣ 1881 г. Чѣмъ-то сильнымъ, захватывающимъ вѣяло отъ этой экспедиціи, ея доблестнаго вождя, энергичныхъ, закаленныхъ спутниковъ, но главнымъ образомъ самого вождя, картинно описывавшаго эпопею словно сказочныхъ странствованій по пустынямъ и нагорью Тибета. Своими блестящими лекціями, страстный, увлекающійся Н. М. Пржевальскій привлекалъ многолюдныя аудиторіи... Ученыя общества создали повышенную географическую атмосферу, въ которой съ гордостью произносилось имя перваго русскаго изслѣдователя природы Центральной Азіи“. Имя Пржевальскаго „стало синонимомъ безстрашія и энергіи въ борьбѣ съ природою и людьми и беззавѣтной преданности наукѣ“.....

Газеты и журналы быстро разнесли вѣсть о возвращеніи славной экспедиціи Пржевальскаго по всей Россіи. Извѣстіе о Н. М. Пржевальскомъ проникало въ медвѣжьи углы, отстоявшіе отъ станцій желѣзныхъ дорогъ до сотни и болѣе верстъ. Въ одномъ изъ такихъ угловъ, въ усадьбѣ „Слобода“ [1]), Смоленской губерніи Порѣчскаго уѣзда, и проживалъ въ то время П. К. Козловъ, тогда

[1]) Усадьба Слобода, черезъ годъ, стала собственностью Н. М. Пржевальскаго, который вскорѣ развелъ въ ней садъ, въ саду вырылъ прудъ, построилъ домъ и приспособилъ въ саду же старую „хатку“ для писанія книги о путешествіи. Эта хатка была своего рода святая святыхъ души Пржевальскаго. Кромѣ самыхъ близкихъ друзей—путешественниковъ въ нее никто не допускался. Здѣсь были написаны двѣ книги „Третье“ и „Четвертое“ путешествіе въ Центральной Азіи... Украшеніемъ Слободы, между прочимъ, служитъ большое, живописное озеро съ высокими островами, нагорными берегами, покрытыми хвойнымъ лѣсомъ. Глухари и медвѣди и своеобразная красота озерной дали съ спящими островами очаровали Пржевальскаго, и онъ пріобрѣлъ Слободу въ свою собственность. „Съ име-

еще пятнадцатилѣтній мальчикъ, съ запасомъ знаній шести классовъ реальнаго училища, готовившійся поступить въ Учительскій Институтъ. „Какъ сейчасъ помню, говоритъ П. К. Козловъ, высокій подъемъ чувствъ и горячее стремленіе къ Центральной Азіи и ея отважному изслѣдователю—Пржевальскому. Его живое описаніе красотъ горной природы, широкихъ пустынныхъ далей, навѣвавшихъ поэтическій просторъ, положительно захватили всю мою душу, всего меня и неотразимо влекли къ великому познанію, самому источнику этого познанія—Пржевальскому. Но въ то же время я былъ далекъ отъ реальной мысли когда-либо встрѣтиться съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ ...Тѣмъ дороже и памятнѣе былъ для меня день осуществленія этого, казалось, несбыточнаго желанія, день—въ который я вдругъ сталъ не только лицомъ къ лицу съ Пржевальскимъ, но и сроднился съ нимъ, съ его исключительною дѣятельностью. Когда я впервые увидѣлъ Пржевальскаго, то сразу узналъ его могучую фигуру, его властное, благородное, красивое лицо, его образъ—знакомый, родной мнѣ образъ, который уже давно былъ созданъ моимъ внутреннимъ воображеніемъ. Какъ истый путешественникъ и чуткій знатокъ природы, несравненный Н. М. Пржевальскій быстро зажегъ во мнѣ горячую любовь къ природѣ Азіи и какъ чистый и цѣльный человѣкъ подчинилъ силѣ своего обаянія. Въ его неимовѣрно жизненной энергіи мое личное я вначалѣ растворилось и стало частицею его общаго собирательнаго имени“...

Такимъ образомъ, осенью 1883 года, въ званіи вольноопредѣляющагося и въ качествѣ помощника начальника экспедиціи П. К. Козловъ отправился сопутствовать Н. М. Пржевальскому въ его, новое тогда, четвертое путешествіе въ Центральной Азіи—поперекъ Гоби, вдоль сѣверной окраины Тибета и по бассейну Тарима. Изъ этого двухлѣтняго, перваго для г. Козлова, путешествія онъ возвратился инымъ человѣкомъ—Центральная Азія стала для него цѣлью жизни. „Такое убѣжденіе, разсказываетъ П. К. Козловъ, не поколебалось, наоборотъ, еще болѣе укрѣпилось послѣ тяжелыхъ нравственныхъ страданій, связанныхъ съ неожиданной смертью моего незабвеннаго учителя Н. М. Пржевальскаго“...

Пржевальскому временно наслѣдовалъ полковникъ генеральнаго штаба М. В. Пѣвцовъ, въ сообществѣ съ которымъ, въ теченіе

немъ Слобода, разсказываетъ П. К. Козловъ, во мнѣ просыпается первое, самое сильное и самое глубокое воспоминаніе о Пржевальскомъ“.

Въ настоящее время, какъ маіоратное, имѣніе Слобода принадлежитъ старшему въ родѣ Пржевальскихъ—юристу В. В. Пржевальскому.

также двухъ лѣтъ, 1889—1891 г.г., подпоручикъ Козловъ вновь посѣтилъ Сѣверный Тибетъ, Восточный Туркестанъ и Джунгарію, ведя въ это время, помимо обычныхъ географическихъ экскурсій въ стороны отъ главнаго каравана, спеціальныя наблюденія надъ животнымъ міромъ и вѣдая сборами зоологической коллекціи вообще...

За первое проявленіе самостоятельныхъ работъ, въ дѣлѣ изслѣдованія Центральной Азіи, П. К. Козловъ удостоился высокой и дорогой для него награды—медали Пржевальскаго...

Далѣе слѣдуетъ третье путешествіе П. К. Козлова, 1893—1895 г.г., участіе въ экспедиціи, оффиціально именовавшейся „экспедиціей спутниковъ Пржевальскаго—Роборовскаго и Козлова"—экспедиціи, обслѣдовавшей Нань-Шань и проникшей въ сѣверо-восточный уголъ Тибета. Вслѣдствіе острой болѣзни, постигшей главнаго руководителя экспедиціи, штабсъ-капитана Роборовскаго, это тяжелое путешествіе было закончено подъ руководствомъ поручика Козлова, взвалившаго на свои молодыя, сильныя плечи отвѣтственную ношу. Участіе въ этой экспедиціи отмѣчено книгой П. К. Козлова подъ заглавіемъ „Отчетъ помощника начальника экспедиціи" [1]).

Наконецъ, двѣ послѣдующія экспедиціи: Тибетская, 1899—1901 г.г. и Монголо-Сычуаньская, 1907—1909 г.г., проектированы П. К. Козловымъ и исполнены во главѣ съ этимъ неутомимымъ путешественникомъ.

Тибетское путешествіе П. К. Козлова особенно плодотворно изслѣдованіемъ богатой оригинальной природы и малоизвѣстныхъ или даже вовсе неизвѣстныхъ восточно-тибетскихъ племенъ, населяющихъ верховья трехъ знаменитыхъ рѣкъ Китая — Хуанъ-хэ, Ян-цзы-цзяна и Меконга. Описаніе этого путешествія изложено на страницахъ I и II томовъ роскошнаго изданія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества подъ заглавіемъ „Монголія и Камъ", а результаты научные на страницахъ послѣдующихъ спеціальныхъ томовъ той же Монголіи и Камъ.

За Тибетское путешествіе П. К. Козловъ былъ удостоенъ чрезвычайной почетной награды Императорскаго Русскаго Географическаго Общества—Константиновской золотой медали.

Бросимъ самый бѣглый взглядъ на нѣкоторыя мѣста описательной части Тибетскаго путешествія П. К. Козлова.

---

[1]) Труды экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Центральной Азіи, совершенной въ 1893—1895 г.г. подъ начальствомъ В. И. Роборовскаго. П. К. Козловъ. Часть II. Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Начальнику экспедиціи и его спутникамъ тяжело было оторваться отъ сердца Россіи — Москвы, а тамъ дальше стало легче, въ особенности, когда началось настоящее путешествіе.

...„Еще нѣсколько минутъ, говоритъ нашъ путешественникъ, и караванъ, извиваясь лентою, двинулся къ востоку. Впереди, сажень на сто, ѣхалъ я съ урядникомъ Телешовымъ и проводникомъ-киргизомъ; въ аррьергардѣ слѣдовалъ поручикъ Казнаковъ".

Впечатлѣніе перваго ночлега было таково. „Полюбовавшись на мараловъ (оленей) и на красивые виды по сторонамъ, члены экспедиціи вернулись на бивуакъ. Вскорѣ спустились на землю сумерки, и солнечный свѣтъ смѣнился луннымъ, слабо, но картинно пронизывавшимъ лѣсъ, подъ сѣнью котораго путешественники впервые вкушали оригинальную прелесть своей привольной страннической жизни".

Лѣсная и пышная луговая растительность русской части Алтая, по мѣрѣ проникновенія къ востоку, уступала мѣсто пустынной монгольской растительности, лѣто — осени, когда караванъ тибетской экспедиціи проходилъ вблизи священныхъ горъ Ихэ-богдо и Бага-богдо;... „въ открытой долинѣ весь день дулъ юго-западный вѣтеръ, стихшій только ко времени погасанія зари. Морозъ усиливался. По темно-голубому, свободному отъ облаковъ небу, сначала заискрились блестящія звѣзды, немного позднѣе показалась луна, картинно разлившая свой мягкій свѣтъ по снѣговой равнинѣ. Чѣмъ-то непостижимо великимъ казалась въ эту ясную ночь гора Бага-богдо; ея матово-блестящіе снѣга, поднятые на двѣ слишкомъ версты относительной высоты, производили глубокое впечатлѣніе, подъ обаяніемъ котораго истые буддисты, говорятъ, просиживаютъ ночи, погруженными въ созерцаніе"...

Праздникъ Рождества Христова путешественники встрѣтили и проводили въ области центральной пустыни Гоби. „Въ сочельникъ, пишетъ П. К. Козловъ, „нашъ скромный бивуакъ, пріютившійся въ ущельицѣ, казался точкой среди необъятной, погруженной въ дремоту, пустыни; изрѣдка обрисуется силуэтъ часового, прогуливавшагося при мерцаніи пламени костра; тяжело вздохнетъ верблюдъ, или оригинально простонутъ баранъ и дремлющая собака, или заговоритъ во снѣ человѣкъ, вотъ все, что нарушало тишину здѣшней ночи. Немного подальше, сейчасъ за гребнемъ увала, опять дикая, безмолвная пустыня"...

За Гобійской пустыней поднимаются высокія скалистыя цѣпи Нань-Шаня, темнѣя многочисленными ущельями. Путешественники съ нетерпѣніемъ ожидали, справедливо прославленнаго, Тэтунга, а вотъ и онъ самъ и давно ожидаемый монастырь Чортэнтанъ.

Вдали, на правомъ берегу рѣки, виднѣлась привѣтливая когда-то луговая площадь, теперь же темная, взъерошенная — та самая, которая служила нѣсколько разъ мѣстомъ для бивуака экспедиціямъ покойнаго Н. М. Пржевальскаго, а выше по горамъ тянулись густые лѣса, въ которыхъ столько разъ охотился великій путешественникъ. „Никогда я не забуду, говоритъ П. К. Козловъ, этого очаровательнаго уголка. Цѣлый мѣсяцъ мы ежедневно засыпали, убаюкиваемые монотоннымъ гуломъ рѣки. Много, много разъ манили насъ къ себѣ грандіозныя прибрежныя ея скалы, въ особенности по вечерамъ, когда ничто не нарушало окрестную тишину, кромѣ рокота стремительныхъ, прозрачныхъ водъ рѣки, и когда мысль подъ обаяніемъ дикой, величественной природы, воскрешала въ воображеніи образъ покойнаго перваго изслѣдователя, который, сравнительно недавно, любовался тѣми же прелестными видами и прислушивался къ мягкому всплескиванію волнъ того же красавца Тэтунга“.

„Приближаясь, затѣмъ, къ Цайдаму или сѣверной границѣ Тибета“, пишетъ П. К. Козловъ, „мы увидѣли на югѣ, въ туманной дали, хребетъ Бурханъ-Будда, протянувшійся длиннымъ величественнымъ валомъ съ востока на западъ. Въ тонкой пыльной дымкѣ мутновато виднѣлись снѣга, еще плотно укрывавшіе верхній поясъ горъ“.

„Мысль невольно перенеслась за этотъ порогъ Тибета, гдѣ исполинской скатертью развертывается высокое суровое нагорье, дающее пріютъ оригинальнымъ представителямъ животнаго царства. Тамъ должна быть сосредоточена предстоявшимъ лѣтомъ наша дальнѣйшая дѣятельность... Что ожидаетъ насъ далеко впереди? поможетъ ли намъ счастье также успѣшно поработать въ завѣтной странѣ, какъ это удалось сдѣлать въ Алтаѣ и въ Центральной Гоби?—вотъ вопросы, неотвязно стоявшіе въ воображеніи начальника экспедиціи при видѣ убѣленныхъ природою вратъ Тибета“...

14-го апрѣля экспедиція, наконецъ, достигла хырмы (хырма — укрѣпленіе) Барунъ-цзасака и расположилась внутри ея глиняныхъ стѣнъ бивуакомъ. Здѣсь П. К. Козловъ устроилъ метеорологическую станцію. Въ этой же хырмѣ Барунъ-цзасака былъ организованъ и складъ коллекцій и багажа, необходимаго на обратный путь экспедиціи. Мѣстный князь, старый знакомый П. К. Козлова, не имѣлъ данныхъ выразить по этому поводу какого-либо протеста на томъ основаніи, что ему было предписано изъ Синина объ оказаніи экспедиціи полнаго содѣйствія какъ относительно пребыванія въ Цайдамѣ, такъ равно и по снаряженію ея въ дальнѣйшій путь.

Тибетъ высокій, завѣтный край послужилъ предметомъ изслѣдованія нашему соотечественнику, который проникъ въ бассейнъ Меконга... „Здѣсь, по описанію П. К. Козлова, гребни главныхъ хребтовъ и второстепенныхъ горъ лежатъ сравнительно недалеко отъ окаймляющихъ ихъ рѣкъ и рѣчекъ, которыя по большей части заключены въ глубокія ущелья или живописнѣйшія тѣснины, наполненныя вѣчнымъ шумомъ водъ. Въ замѣчательно красивую, дивную гармонію сливаются картины дикихъ скалъ, по которымъ тамъ и сямъ лѣпятся роскошные рододендроны, а пониже ель, древовидный можжевельникъ, ива; на дно, къ берегамъ рѣкъ сбѣгаютъ дикій абрикосъ, яблони, красная и бѣлая рябина; все это перемѣшано массою разнообразнѣйшихъ кустарниковъ и высокими травами. Въ альпахъ манятъ къ себѣ голубые, синіе, розовые, сиреневые ковры цвѣтовъ изъ незабудокъ, генціанъ, хохлатокъ, Saussurea, мытниковъ, камнеломокъ и другихъ".

Въ глубокихъ, словно спрятанныхъ въ высокихъ горахъ, ущельяхъ, водятся красивые пестрые барсы, рыси, нѣсколько видовъ дикихъ кошекъ, медвѣди и даже, нигдѣ раньше путешественниками не замѣченныя, обезьяны (Macacus vestitus), живущія большими и малыми колоніями нерѣдко въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ тибетцами.

Въ ясную, теплую погоду въ красивыхъ уголкахъ бассейна Меконга натуралистъ одновременно услаждаетъ и взоръ, и слухъ. Свободно и гордо расхаживающія по лужайкамъ стаи фазановъ или плавно, безъ взмаха крыльевъ, кружащіеся въ лазури неба грифы и орлы невольно приковываютъ глазъ; пѣніе мелкихъ пташекъ, раздающееся изъ чащи кустарниковъ, ласкаетъ ухо.

Весеннее солнце пригрѣвало между тѣмъ сильнѣе и сильнѣе. Кустарники и травянистая растительность ожили и принарядили унылую долину Цайдама; въ воздухѣ, напоенномъ ароматомъ свѣжей растительности, цѣлыми днями не смолкало жужжаніе насѣкомыхъ и щебетаніе ласточекъ, витавшихъ надъ хырмой. Путешественниковъ неудержимо влекло на югъ — въ горы, которыя теперь, въ маѣ, чаще стали открываться взору своими темно-синими ущельями.

Въ началѣ лѣта, тибетская экспедиція посѣтила бассейнъ Желтой рѣки, въ серединѣ—бассейнъ Голубой, а въ концѣ лѣта радостно вступила и въ бассейнъ Меконга... „Долго я стоялъ на перевалѣ Радэб-ла, говоритъ П. К. Козловъ, и не могъ налюбоваться Барчюскимъ ущельемъ, гармонично сочетавшимъ въ себѣ отвѣсныя каменныя кручи, густые лѣса ели и древовиднаго можжевельника

и темную извилистую рѣчку, положительно тонувшую среди причудливо нависшихъ надъ нею гигантскихъ скалъ и цѣплявшихся по нимъ хвойныхъ зарослей. Даже мои тупые монголы-спутники и тѣ, при видѣ Барчюскаго ущелья много разъ повторяли: „гадзэръ сэйнъ байна"!—что значитъ мѣсто хорошее, красивое".

Съ обѣихъ сторонъ ущелье запирается мрачными тѣснинами, а съ восточной—кромѣ того и высокимъ каменнымъ порогомъ, съ которымъ Бар-чю яростно сражается, превращаясь при этомъ въ одну сплошную массу, игравшую на солнцѣ цвѣтами радуги. Ревъ и шумъ Барчюской стремнины былъ въ состояніи заглушить самый громкій людской голосъ. Обаятельной дикой прелести каскада способствовали также дѣвственныя заросли, нависшія съ отвѣсно ниспадавшихъ береговыхъ стѣнъ. Это было любимѣйшее мѣсто охотничьихъ экскурсій П. К. Козлова.

По цѣлымъ часамъ просиживалъ здѣсь нашъ путешественникъ, наблюдая подъ монотонный гулъ стремнины за жизнью мѣстныхъ пернатыхъ. Чуть блеснутъ солнечные лучи по скалистымъ стѣнамъ ущелья и вершинамъ хвойныхъ деревъ, какъ уже просыпаются птицы и покидаютъ мѣста ночевокъ. Снѣжные грифы, бородатые ягнятники и орлы—беркуты дозоромъ понеслись надъ вершинами горъ; высоко надъ елями паритъ ястребъ, котораго, по временамъ, безпокоятъ попутно пролетавшіе соколы, сарычи, галки и крикливыя красноклювыя клушицы; на опушкѣ полянъ, въ хвоѣ, цѣпляются всевозможныя синицы, пѣночки и золотисто-лобый королекъ; изрѣдка, въ стайкѣ, перелетали ущелье гималайскіе клесты и горные голуби; у прибрежныхъ, обмытыхъ водою, корней ютился крапивничекъ, а по рѣчнымъ валунамъ—водяная оляпка, часто спрыгивавшая на воду.

Къ полдню, птички становятся менѣе энергичными и, напившись воды, незамѣтно скрываются въ кустарники и скалы. „Пора и охотнику, пишетъ П. К. Козловъ, возвращаться къ бивуаку. Тихо бредешь по знакомой тропинкѣ, порою на минуту остановишься, прислушаешься и въ то же время посмотришь въ бинокль на ближайшія скалы. Среди тишины вдругъ польются, словно изъ свирѣли, нѣжные тонкіе звуки зеленаго красавца всэре, усѣвшагося гдѣ-либо на бугоркѣ, подлѣ стайки этихъ птицъ, спустившихся къ рѣчкѣ напиться; по мѣрѣ того, какъ умолкаетъ одна пріятная трель вблизи, за поляной раздается новая, тамъ дальше еще и еще; мелодичные переливы звуковъ довѣрчивыхъ всэре и замѣчательно нарядное ихъ опереніе часто совершенно обезоруживали меня и я ограничивался одними прицѣливаніями въ этихъ птицъ Истый охотникъ-коллекторъ и любитель природы меня пойметъ"...

Короткіе дни въ глубокомъ ущельи Бар-чю проходили скоро, сумерки длились также непродолжительно, а за ними быстро надвигалась ночь своимъ темнымъ мрачнымъ покровомъ. Благодаря богатству сухихъ дровъ, люди отряда, по вечерамъ, устраивали веселые костры, подлѣ которыхъ путешественники частенько засиживались позднѣе обыкновеннаго, въ особенности когда еще сквозь медленно плывущія облака проглядывала луна, таинственно озарявшая тихій уголокъ бивуака и ближайшія сѣрыя скалы. Густой высокоствольный лѣсъ стоялъ безмолвно, словно погруженный въ дремоту, и совершенную тишину ночи нарушалъ монотонный рокотъ рѣчки да унылое гуканье филина, по временамъ раздававшееся въ томъ или другомъ ущельѣ. Непріятный голосъ этой ночной птицы будилъ экспедиціонную собаку и привлекалъ ее съ лаемъ въ свою сторону; затѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ, недруги успокаивались, и опять наступала прежняя убаюкивающая тишина.

Подлѣ костра раздѣляла компанію путешественниковъ ихъ общая любимица—обезьяна, которую П. К. Козлову подарилъ тибетскій начальникъ и которую путешественники впослѣдствіи прозвали Мандрилъ. „Обезьяна съ перваго же появленія въ лагерь экспедиціи, говоритъ П. К. Козловъ, сдѣлалась предметомъ развлеченія ея участниковъ. Для этого звѣрка была устроена трапеція, на которой онъ продѣлывалъ всевозможныя упражненія. Со всѣми нами Мандрилъ скоро освоился, но привязывался только къ тѣмъ, кто не допускалъ себѣ по отношенію къ нему злыхъ или мальчишескихъ шутокъ; ласковое же отношеніе и лакомыя подачки очень цѣнилъ, какъ равно не проявлялъ обиды или неудовольствія, если кто по временамъ наказывалъ на мѣстѣ преступленія“.

„Нашъ свирѣпый песъ Гарза вначалѣ порывался уничтожить Мандрила, но, получая за каждую подобную попытку должное внушеніе, скоро смирился и освоился съ нимъ, а недѣли двѣ спустя оба нашихъ спутника стали если не друзьями, то во всякомъ случаѣ и не недругами. Гарза позволилъ Мандрилу безнаказанно ласкать себя за голову или навязчиво цѣпляться за ноги, за хвостъ, но только не выносилъ его назойливыхъ прыжковъ на спину; въ такомъ случаѣ собака убѣгала отъ обезьяны и пряталась гдѣ-либо въ кустахъ“.

На дальнѣйшемъ пути внизъ по Меконгу тибетцы неожиданно преградили дорогу и въ одномъ, подходящемъ для нихъ мѣстѣ, пытались уничтожить экспедицію, но это предпріятіе стоило имъ порядочныхъ потерь. „Тѣмъ не менѣе, пишетъ П. К. Козловъ, никто не могъ знать, что̀ насъ ожидало впереди... Въ теченіе всей ночи, казавшейся мнѣ вѣчностью, я положительно не могъ уснуть

ни на минуту: мысли самаго разнообразнаго свойства роились въ моей головѣ. Чтобы поразнообразить и сократить время, я оставлялъ палатку и часами смотрѣлъ на ясное, спокойное небо. Яркія звѣзды медленно перемѣщались съ восточной стороны горизонта на западную, таинственные метеоры изрѣдка озаряли извѣстную часть небеснаго свода и, померкнувъ, беззвучно исчезали въ міровомъ пространствѣ. Съ сосѣдняго карниза-обрыва сурово глядѣлъ на нашъ бивуакъ домикъ ламы—отшельника, пріютившагося словно орлиное гнѣздо. Внизу глухо бурлила и плескалась рѣка, по верхушкамъ лѣса, порою, пробѣгалъ слабый ночной вѣтерокъ. Едва своеобразная ласка природы успѣла навѣять дремоту, какъ уже на востокѣ зажглась алая полоска зари, и лагерь пробудился".

„Невдалекѣ, за кумирней Момда-гомба, продолжаетъ П. К. Козловъ, мы встрѣтили трехъ нарядно одѣтыхъ всадниковъ, выѣхавшихъ къ намъ изъ Чамдо для веденія дипломатическихъ переговоровъ въ качествѣ представителей мѣстной тибетской администраціи. Старшій изъ нихъ, въ званіи да-лама, высокій брюнетъ, съ черными проницательными глазами, былъ въ темно-красныхъ одеждахъ и парадной шляпѣ, украшенной синимъ шарикомъ. Черезъ плечо этого амдосца, подобно генеральской лентѣ, висѣла связка серебряныхъ гау (ладанка), а въ лѣвомъ ухѣ — наградная массивная золотая серьга, художественно отдѣланная бирюзой и кораллами. Двое другихъ меньшихъ чиновниковъ составляли его свиту. При встрѣчѣ съ нами чамдосцы тотчасъ сошли съ своихъ богато-убранныхъ лошадей и вѣжливо привѣтствовали насъ; мы отвѣтили тѣмъ же. Вслѣдъ за симъ, да-лама сталъ просить меня не заходить въ Чамдо, согласно будто бы желанію находившихся тамъ лхаскихъ чиновниковъ, привезшихъ изъ резиденціи Далай-ламы такого рода распоряженіе. Умоляюще складывая руки и устремляя глаза къ небу, да-лама продолжалъ настоятельно просить о томъ же. „Пожалѣйте мою голову, показывая пальцемъ на шею, повторялъ представитель чамдоской власти и каждый разъ, въ ожиданіи перевода фразы, его испуганное лицо страшно блѣднѣло. Съ своей стороны я выразилъ да-ламѣ большое удивленіе, что чамдоская администрація рѣшила заговорить съ нами позже, нежели слѣдовало, иначе такого сложнаго недоразумѣнія не могло произойти. Во всякомъ случаѣ поступокъ тибетцевъ, дѣйствовавшихъ по наущенію главы великаго монастыря и окрестныхъ ему кумиренъ, переполненныхъ монахами, послужитъ большимъ укоромъ совѣсти для того, кто благословилъ воиновъ поднять противъ насъ оружіе, и кто теперь, потерявъ голову, командировалъ его къ намъ для улаживанія этого непріятнаго дѣла. На мои доводы хитрый чиновникъ ничего не

отвѣтилъ и, чтобы не дать прочесть выраженія своего лица, низко склонилъ голову. Послѣ этого я предложилъ чиновнику прослѣдовать внизъ по долинѣ рѣки до мѣста бивуака, гдѣ можно будетъ обстоятельнѣе выяснить этотъ тяжелый вопросъ".

Второго ноября (1900 г.) экспедиція вновь поднялась на хребетъ Вудвиль Рокхиля, въ восточной, еще болѣе величественной его части, гдѣ перевалъ Мо-ла открываетъ безконечный лабиринтъ горъ по всѣмъ направленіямъ. Командующими, блестящими на солнцѣ, вершинами того же Рокхильскаго хребта были снѣговыя вершины Моди и Зачжи, на которыя, по словамъ нашего чамдосца-спутника, старѣйшіе ламы ихъ богатаго монастыря часто обращаютъ взоры, такъ какъ при созерцаніи послѣднихъ „чистыхъ" ступеней земного міра, человѣкъ въ состояніи скорѣе отрѣшиться отъ житейской суеты и приблизиться къ познанію нирваны... Гребни горъ по большей части состояли изъ обнаженныхъ сѣрыхъ скалъ, бока же ихъ въ это осеннее время темнѣли зарослями лѣса, среди котораго змѣйками извивались серебряныя ленты многочисленныхъ ручьевъ и рѣчекъ, съ шумомъ низвергавшихся въ долину".

Многоводный Меконгъ стремительно несется по широкому галечному руслу, обставленному высокими берегами. Его зеленовато-голубыя волны нестрятъ барашками, разбивающимися на порогахъ въ мельчайшую водяную пыль, создающую на солнцѣ очаровательную радугу. Мѣстами же Меконгъ катится величаво-спокойно и представляетъ собою стальную или зеркальную гладь, красиво отражающую прилежащіе скалы и лѣса.

„Съ Меконга, говоритъ П. К. Козловъ, мы поднялись на крутой выступъ массива, съ вершины котораго я въ послѣдній разъ любовался этой могучей рѣкой, ея меридіальной длиной, по дну которой темно-голубой блестящей лентой извивался многоводный данникъ Южно-Китайскаго моря. Въ сѣверной части горизонта тѣснились угрюмыя скалы, на югѣ рѣка терялась въ гигантскихъ каменныхъ воротахъ, за которыми въ синѣющей дали, словно облака, граничили съ голубой полоской неба восточная окраина Рокхильскаго хребта и вершины болѣе отдаленныхъ Далай-ламскихъ горъ. Ближайшій къ намъ сонмъ боковыхъ скалистыхъ отроговъ темнѣлъ многочисленными складками сплошной заросли хвойнаго лѣса, ручьи и маленькія рѣчки терялись на днѣ глубокихъ овраговъ или второстепенныхъ ущелій. У прибрежныхъ террасовидныхъ полянъ группировались сѣрые домики тибетцевъ".

Въ одномъ изъ селеній лхадоскаго округа—Лун-ток-ндо, путешественники прожили три зимнихъ мѣсяца. Это селеніе отстоитъ отъ Чамдо къ сѣверо-востоку, верстахъ въ сорока, будучи обставлено со всѣхъ сторонъ горами, разрываемыми рѣчкой Рэ-чю... Въ домѣ, занятомъ экспедиціей только на половину, въ его верхнемъ этажѣ, прежніе его обитатели вначалѣ было перепугались и разбрелись по сосѣдямъ, но вскорѣ, убѣдившись, что имъ худого ничего не причинятъ, возвратились и сгруппировались въ нижнемъ этажѣ.

Ровная площадка, находившаяся выше дома, занятаго экспедиціей, сослужила хорошую службу для установки астрономическихъ инструментовъ и производства опредѣленія географическихъ координатъ этого пункта.

„Вставали мы, пишетъ П. К. Козловъ, на зимовкѣ также, сравнительно, рано—конвой около шести часовъ, а мы, члены экспедиціи, около семи, ко времени утренняго метеорологическаго наблюденія. Послѣ чаепитія каждый принимался по обыкновенію за свое дѣло“.

„Наши минуты досуга по-прежнему раздѣлялъ Мандрилъ, который, по мѣрѣ надвиганія весенняго тепла, чаще и чаще отпускался на свободу. Забравшись на сосѣднее экспедиціонному дому дерево, ловкій звѣрекъ подолгу проводилъ тамъ время въ удивительныхъ прыжкахъ съ вѣтви на вѣтвь, не рѣдко въ погоняхъ за пристававшими къ нему воронами. Соображая о будущемъ своего невольнаго спутника, я попытался было его пристроить одному изъ мѣстныхъ тибетцевъ, но Мандрилъ на пятый день вновь прибѣжалъ въ нашъ лагерь и въ такомъ жалкомъ, несчастномъ видѣ, что у всѣхъ насъ вызвалъ глубокое сожалѣніе, усилившееся подъ впечатлѣніемъ той радости, которую проявилъ бѣдный звѣрекъ при видѣ всѣхъ насъ: въ глазахъ и движеніяхъ обезьяны нельзя было не видѣть выраженія просьбы не покидать ее. Пробовалъ я также отпускать Мандрила въ стадо его дикихъ собратій, но ничего хорошаго не вышло: нашъ звѣрекъ получилъ нѣсколько пощечинъ, которыми его щедро надѣлили дикія обезьяны. Послѣ того мы рѣшили больше не разставаться съ Мандриломъ“.

Общая характеристика мѣстныхъ обитателей напоминаетъ таковую тибетцевъ. О нравственныхъ качествахъ лхадосцевъ авторъ „Монголіи и Камъ [1])“ говоритъ слѣдующее... „имъ присущи та же лѣнь, грубость, лицемѣріе, низкопоклонство; то же ханжество и суевѣріе. Подобно всѣмъ тибетцамъ, лхадосцы безцеремонные попрошайки:

[1]) Томъ I, часть вторая, стр. 432—433.

потомкамъ монголовъ ничего не стоитъ протянуть руку и причитывать прославленіе—„куцэренъ, куцэренъ... сирэну...“ При встрѣчѣ съ почетными ламами или чиновниками, лхадосцы заранѣе слѣзаютъ съ лошадей, а при еще большемъ приближеніи присѣдаютъ и, одновременно съ присѣданіемъ, высовываютъ языкъ, часто оттягивая правою рукою соотвѣтствующую щеку, а затѣмъ произносятъ „дэму“ или „тэму“, равносильное нашему „здравствуй!“ Въ разговорѣ со старшими лицами простолюдины молчаливо и почтительно стоятъ и только изрѣдка одобрительно киваютъ головой и покорно повторяютъ „лаксу, лаксу“, то есть „да-да“, даже выслушивая жестокій приговоръ надъ собою. Въ знакъ одобренія тибетцы поднимаютъ вверхъ большой палецъ, тогда какъ поднятый мизинецъ опредѣляетъ собою низшее качество; промежуточные же пальцы указываютъ на соотвѣтствующую ихъ расположенію степень; два большихъ или два малыхъ пальца, поднятыхъ или выставленныхъ одновременно, выражаютъ или высшую похвалу, или крайнее порицаніе. Какъ и у другихъ обитателей Тибета, у лхадосцевъ принято встрѣчать и провожать гостей до лошади. О всякомъ постороннемъ или чужомъ человѣкѣ, направляющемся въ домъ тибетца, или проходящемъ мимо, но вблизи жилища, во-время даютъ знать своимъ неистовымъ лаемъ злыя собаки“.

„Отъ множества различныхъ бусъ, янтарей и раковинъ, отъ связокъ ключей, нацѣпленныхъ на женщинъ или дѣвушекъ, отъ своеобразныхъ звуковъ, издаваемыхъ всѣмъ этимъ убранствомъ во время движенія, лхадоскамъ положительно невозможно пройти не замѣченными. И лхадоски большія любительницы всевозможныхъ женскихъ украшеній и нарядовъ; и онѣ также норовятъ заманить продавца съ подобными товарами въ сосѣдство своего дома, чтобы тѣмъ самымъ скорѣе дать понять мужьямъ или отцамъ о представляющемся случаѣ исполнить обѣщаніе, данное ими когда-то купить ту или иную вещь, на зависть гордыхъ сосѣдокъ“...

„Праздникъ Рождества Христова и первый день Новаго, двадцатаго, столѣтія, экспедиція отмѣтила нѣкоторой торжественностью, такъ какъ у насъ, говоритъ П. К. Козловъ, все еще существовали предметы роскоши: сардины, консервированное молоко и кофе, всевозможные леденцы, коньякъ, ликеры, сигары и проч.,—тщательно сберегаемые про такіе исключительные праздники или другіе дни, чѣмъ-либо знаменательные въ нашемъ далекомъ и продолжительномъ странствованіи. Надо, однако, замѣтить, что по части „питій“ экспедиція располагала, на весь тридцатимѣсячный срокъ путешествія за границей, всего лишь двадцатью бутылками и полубутылками коньяка и ликеровъ, при чемъ изъ этого скромнаго запаса

три бутылки цѣликомъ были подарены именитымъ туземцамъ, кромѣ того значительная часть коньяка пошла имъ въ видѣ обычнаго угощенія; изъ остального же запаса, служившаго достояніемъ всего персонала экспедиціи, мы еще сохранили по бутылкѣ коньяка и ликера подъ названіемъ „завѣтная“, до вступленія на родную землю. Этими словами я хочу сказать, что такъ называемые горячительные напитки въ нашей экспедиціи представляли скорѣе лекарственное средство, нежели тотъ „необходимый повседневный предметъ“, въ какой ихъ возводятъ другіе путешественники. Правда, пьющіе нижніе чины получали отдѣльную „чарку“ водки, которую мы фабриковали сами, на мѣстѣ, изъ восьми-ведернаго запаса спирта, везомаго спеціально для коллектированія рыбъ, змѣй, ящерицъ, мелкихъ грызуновъ и другихъ образцовъ зоологическихъ сборовъ. Непьющіе же чины конвоя, а такихъ было нѣсколько человѣкъ, взамѣнъ водки получали лишнюю порцію сахару или леденцовъ, обыкновенно экономно расходуемыхъ ими вмѣстѣ съ кирпичнымъ чаемъ,—единственнымъ напиткомъ, на который мы не скупились, несмотря ни на какую его дороговизну. Сардины и сласти—эти „вкусныя заѣдочки и усладеньки“, выражаясь словами незабвеннаго Пржевальскаго, также получали и нижніе чины и почти въ той же мѣрѣ, какая полагалась и по отношенію къ любому изъ главныхъ членовъ экспедиціи, не позволявшихъ себѣ никакого излишка и комфорта, наоборотъ,—съ перваго дня путешествія съ караваномъ, разставшихся съ привычками цивилизованной обстановки, до спанья на кроватяхъ или койкахъ включительно: всѣ члены экспедиціи спали прямо на землѣ, лишь подославъ подъ себя войлока. Короче—мы жили братьями“.

„Такіе исключительные праздники, или, напримѣръ, вступленіе экспедиціи на нагорье Тибета, въ бассейнъ Ян-цзы-цзяна или Меконга, добыча новыхъ формъ млекопитающихъ и птицъ, мы ознаменовывали тѣмъ, что нашъ однообразный супъ смѣнялся вкуснымъ пловомъ, и помянутыми заѣдочками и усладеньками, которыя мы дѣлили съ дѣтской наивностью и простотою. Въ подобныя минуты, сидя за чашкой чая, мы считали себя, положительно, счастливѣйшими изъ людей, въ особенности если къ тому же еще выпадали на нашу долю такіе чарующіе уголки, на какіе не одинъ разъ указывалось мною выше“.

Двадцатаго февраля (1901 года), съ первыми проблесками весны на Меконгѣ, экспедиція снялась лагеремъ и направилась въ обратный путь—къ родинѣ. Между долинами рѣкъ Меконга и Ян-цзы-цзяна вставалъ грандіозный хребетъ, названный П. К. Козловымъ „хребетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“;

при пересѣченіи двухъ снѣговыхъ цѣпей этого хребта участники экспедиціи натерпѣлись не мало, такъ какъ въ области верхняго пояса и переваловъ, поднятыхъ до 16.600 футовъ надъ моремъ, бушевали снѣжные штормы.

„Особенно дикое и подавляющее впечатлѣніе, пишетъ П. К. Козловъ, производятъ горы въ тѣсномъ промежуткѣ между двумя высокими цѣпями хребта, гдѣ небольшая по протяженію, но многоводная рѣчка Бар-чю [1]), съ крутымъ паденіемъ и бѣшенымъ стремленіемъ водъ, ведетъ борьбу со скалами и порогами, нагроможденными въ хаотическомъ безпорядкѣ въ тѣснинѣ сѣверной цѣпи, не представляющей никакой возможности для движенія каравана. Бѣшеная рѣчка Бар-чю, словно стальная змѣя, разрываетъ передовыя горы, шумно клокочетъ и пѣнится на днѣ темной расщелины и далѣе, по направленію къ долинѣ Ян-цзы-цзяна“.

„Не менѣе дика и величественна картина вообще въ верхнемъ поясѣ этого хребта, обильнаго мощными скалами и высокоствольными хвойными лѣсами, нерѣдко сочетающимися въ своеобразную прелесть. Множество высокихъ и низкихъ, густыхъ и разрѣженныхъ кустарниковъ лѣпится, тамъ и сямъ, по карнизамъ и сопкообразнымъ выступамъ отроговъ или поднимается по крутизнамъ, изрѣзаннымъ каменными руслами, мѣстами прерываемыми шумными каскадами“.

Въ серединѣ, между цѣпями хребта, въ урочищѣ Бачам-да, экспедиціи пришлось устроить невольную дневку, такъ какъ въ теченіе ночи, съ пятаго на шестое марта, выпалъ снѣгъ глубиною до фута и по временамъ проглядывавшее сквозь туманъ солнце болѣзненно ослѣпляло глаза, не давая возможности безъ сѣтчатыхъ очковъ ступить шагу или хоть на минуту покинуть палатку.

„Эта же стоянка, говоритъ П. К. Козловъ, еще болѣе омрачилась для насъ гибелью на только что пройденномъ перевалѣ нашего спутника Мандрила, умершаго подъ тяжелымъ вьюкомъ, свалившимся на него вмѣстѣ съ быкомъ, одновременно везшимъ и несчастнаго Мандрила. Сознаюсь, что мнѣ лично очень тяжело было перенести смерть обезьяны, дѣтски привязавшейся къ намъ и отлично знавшей каждаго изъ участниковъ экспедиціи. Гренадеры, вооружившись лопатами, вырыли яму на красивомъ горномъ скатѣ,

---

[1]) Бар-чю, что значитъ звонкая, бурливая, стремительная рѣчка,— вторая въ области маршрута экспедиціи, вступившей уже въ бассейнъ Ян-цзы-цзяна. Первая же „красавица“ Бар-чю находится въ бассейнѣ Меконга.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

вблизи звонкой и прозрачной рѣчки. Холодный трупикъ нашего любимца былъ бережно опущенъ и засыпанъ землей, по верхъ которой мы соорудили изъ камней пирамидку"...

Въ долинѣ Ян-цзы-цзяна тибетскую экспедицію догналъ лхаскій отрядъ всадниковъ, во главѣ съ двумя чиновниками, командированными Далай-Ламой для веденія переговоровъ съ начальникомъ экспедиціи. Послы рѣшились прибыть въ русскій лагерь и начать съ путешественниками переговоры лишь послѣ того, какъ убѣдились въ томъ, что они видятъ передъ собою, дѣйствительно, русскую экспедицію.

„Въ теченіе недѣльнаго совмѣстнаго пребыванія на берегахъ Ян-цзы-цзяна, пишетъ П. К. Козловъ, мы хорошо познакомились съ лхасцами. Въ бесѣдахъ съ ними, намъ удалось разспросить этихъ лицъ о Тибетѣ вообще и о Лхасѣ и ея главномъ представителѣ въ частности. Благодаря ихъ же содѣйствію экспедиціи посчастливилось на дальнѣйшемъ пути еще болѣе расширить свои географическія изслѣдованія... Дружески обмѣнявшись привѣтствіями, сфотографировавъ пословъ, одаривъ ихъ и передавъ отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества подарки для Далай-Ламы, мы пріятельски разстались съ лхаскими чиновниками. Съ своей стороны послы вручили экспедиціи болѣе нежели скромные подарки, заключавшіе въ себѣ „дары мѣстной природы".

Дальнѣйшій путь экспедиціи проходилъ въ болѣе доступной мѣстности и первое время по большой торговой дорогѣ, ведущей въ Хор-Гамдзэ. Изрѣдка, встрѣчались привѣтливые уголки, съ лѣсною зарослью, гдѣ наши путешественники устраивали охоты—облавы.

„Первая наша охота загономъ, говоритъ П. К. Козловъ, была устроена вечеромъ, вторая раннимъ утромъ, когда чаще случается лучшая погода. Мы во-время успѣли обойти лѣсъ и занять свои знакомыя мѣста. Воздухъ былъ тихъ и прозраченъ. Небо изъ темно-синяго постепенно переходило въ болѣе нарядный и живой ярко-синій оттѣнокъ; позднѣе, отъ южныхъ высокихъ горъ стали отдѣляться тонкія облачка и медленно неслись въ нашу сторону; тамъ, въ вышинѣ, среди облачковъ, въ лазоревыхъ пространствахъ, мелькали точками снѣжные грифы и бородатые ягнятники, здѣсь, внизу, вдоль святой горы, быстро съ шумомъ, пролетала пара благородныхъ соколовъ и беркутъ, осиротѣвшій наканунѣ; первыя птицы вѣроятно не терпѣли сосѣдства орла, ожесточенно нападая на него съ разныхъ сторонъ, но гордый сильный хищникъ спокойно слѣдовалъ впередъ и лишь порою опрокидывался спиною внизъ или продѣлывалъ другія эволюціи. По удаленіи орла, сокола на свободѣ

занялись любовною игрою, спиралью поднимаясь въ высь, въ которой и скрылись совершенно. Рядомъ, въ лѣсу перелетали мелкія птички, однѣ молчаливо, другія, наоборотъ, со звонкой веселой трелью. Въ восточномъ направленіи открывалась долина, по которой змѣилась рѣчка, блестѣвшая ледяною поверхностью. На сѣверѣ, по луговымъ откосамъ горъ, пестрѣли стойбища тибетцевъ-скотоводовъ. Въ бинокль отлично было видно, какъ женщины возились съ барашками, отнимая ихъ отъ матерей, спѣшившихъ къ удалявшимся стадамъ. Окрестъ святой горы, паслись наши караванныя животныя. На югѣ ослѣпительной бѣлизной сіяли и искрились снѣга Дэргэскаго хребта. Стоя на своемъ номерѣ, въ ожиданіи загонщиковъ, пригрѣваемый теплымъ весеннимъ солнышкомъ, я невольно восхищался величіемъ окружавшей меня природы. Между тѣмъ голоса загонщиковъ сдѣлались болѣе громкими; надо стоять насторожѣ, зорко смотрѣть и напряженно вслушиваться. Въ гущинѣ лѣса что-то подозрительно треснуло, и все вниманіе охотника направлено къ мѣсту звука, затѣмъ опять тишина и томительное ожиданіе; подлѣ, испуганно промелькнула синица, за нею краснохвостка, въ высокихъ вѣтвяхъ перемѣстился дятелъ, а пониже, въ кустарниковой чащѣ, затрещалъ дроздъ, выдавшій присутствіе зайца, быстро вынесшагося къ сосѣдней опушкѣ лѣса; вдругъ грянулъ выстрѣлъ, красивымъ эхомъ откликнувшійся въ хвойномъ лѣсу, вѣтеръ пахнулъ дымомъ, и все стихло. Охота кончилась“...

Вскорѣ, потомъ, экспедиція оставила сычуаньскую дорогу и постепенно склонилась своимъ курсомъ на сѣверъ—сѣверо-западъ, слѣдуя вверхъ по Я-лун-цзяну, лѣвому притоку Голубой рѣки. Въ этомъ углу Кама обитаютъ болѣе воинственные, болѣе грубые и вѣроломные кочевники, которые съ первыхъ дней встрѣчи съ путешественниками стали проявлять разбойничій задоръ. Своимъ отличнымъ снаряженіемъ, богатствомъ вооруженія, маленькая горсточка русскихъ людей разжигала буйныя страсти мѣстныхъ разбойниковъ. Предчувствуя недоброе, путешественники перешли на военное положеніе: наполнили свои сумки патронами, усилили ночныя дежурства и спали не раздѣваясь. Во время движенія каравана высылались дозоры, обнаруживавшіе сторожевые отряды тибетцевъ. Наконецъ стало яснымъ, что экспедиція вновь заперта, что ей предстоитъ во что бы то ни стало пробиваться силою.

„Тихая, полуясная ночь, пишетъ П. К. Козловъ, прошла довольно спокойно, какъ равно и слегка морозное раннее утро, двадцать пятаго апрѣля, когда экспедиціонный караванъ медленно, но въ то

же время и бодро двигался вверхъ по Гэ-чю, держась сосредоточенно. Мелодичное пѣніе соловья долго не прерывалось, между тѣмъ солнце уже освѣтило вершины сосѣднихъ горъ, тонко-перистыя облачка медленно плыли къ востоку, сбиваясь въ сплошную пелену, тогда какъ на западѣ небосклонъ прояснялся все больше и больше. Сдержанный людской голосъ давалъ понять, что отрядъ глубоко проникнутъ предстоявшимъ событіемъ. Всѣ внимательно слѣдили за сосѣдними горами, но всего больше, разумѣется, за той частью гребня, гдѣ расположился непріятель. Наконецъ показался и онъ самъ; почти одновременно на трехъ сосѣднихъ плоскихъ вершинахъ Биму-ла заволновались тибетцы въ развернутомъ конномъ строѣ. Громкіе голоса мѣстныхъ воиновъ, мастерски выводившихъ своеобразныя высокія трели, слились въ общій дикій концертъ, нарушившій тишину утра въ горахъ. Минутъ черезъ пять голоса тибетцевъ смолкли, затѣмъ повторились еще и еще. Мы продолжали двигаться до подошвы главнаго ската перевала, отстоявшаго своей вершиной на разстояніе одной версты, гдѣ временно остановились, чтобы подтянуть потуже подпруги, самимъ полегче одѣться и еще разъ осмотрѣть оружіе. Тѣмъ временемъ на гребнѣ сѣверной цѣпи горъ показалась партія, человѣкъ въ двадцать пять, другихъ тибетцевъ, оставшихся для насъ неизвѣстными. Число же лингузцевъ простиралось отъ двухсотъ пятидесяти до трехсотъ человѣкъ. На сей разъ наши недруги покрикивали или одновременно съ двухъ сторонъ или же поочередно, словно переговариваясь о чемъ-то".

„Такъ какъ между нами и лингузцами, на первомъ уступѣ горъ, залегали скалистыя обнаженія, за которыми могла находиться непріятельская засада, то я, приказавъ каравану осмотрительно двигаться на перевалъ, самъ съ А. Н. Казнаковымъ и Бадмажаповымъ, постоянно при мнѣ находившимся, поѣхалъ налегкѣ, впередъ, съ цѣлью возможно скорѣе обогнуть каменистую преграду. Къ нашему благополучію лингузцы не воспользовались этимъ естественнымъ передовымъ укрѣпленіемъ и мы, миновавъ его, были снова на открытомъ луговомъ скатѣ, обезпечивавшемъ свободное движеніе каравана. Едва мы показались здѣсь, какъ тибетцы еще грознѣе завопили на всевозможные лады и тотчасъ же, несмотря на довольно большую для ихъ ружей дистанцію—въ шестьсотъ шаговъ, одновременно съ трехъ вершинъ, открыли огонь изъ своихъ фитильныхъ ружей. Благодаря ихъ командующему положенію тибетскія пули, по инерціи, долетали до цѣли, шумя и свистя то тутъ, то тамъ. Наши лошади испуганно озирались, всхрапывали, и мы принуждены были ихъ отпустить къ каравану, сами же, раздѣлившись по одиночкѣ, въ свою очередь, открыли огонь по тибетцамъ. Я обстрѣли-

валъ восточную вершину, Бадмажаповъ среднюю, А. Н. Казнаковъ правую или западную; наша единственная боевая линія вначалѣ состояла изъ трехъ человѣкъ и должна была противодѣйствовать дикарямъ, которые въ данный моментъ были почти въ сто разъ многочисленнѣе насъ. Медленно двигаясь впередъ, мы по временамъ присаживались и пускали въ тибетцевъ пули. Какъ уже и говорено было выше, стычку пришлось вести на высотѣ около 15.000 футовъ надъ моремъ, гдѣ разрѣженный воздухъ давалъ себя чувствовать даже и привычнымъ организмамъ. По мѣрѣ нашего приближенія къ перевалу и по мѣрѣ того, какъ наша боевая линія усиливалась людьми, прибывавшими отъ каравана, а слѣдовательно усиливался и нашъ огонь, тибетская пальба стихала; разбойники показывали однѣ лишь головы; еще же черезъ полчаса или часъ, когда мы уже въ числѣ десяти человѣкъ благополучно поднялись на гребень, послѣдній былъ свободенъ. Разбойники со страхомъ, подобно горному потоку, бѣжали по крутымъ ущельямъ на югъ, по направленію къ Я-лун-цзяну. Мы не скупились на выстрѣлы и далеко проводили негодяевъ огнемъ нашихъ винтовокъ".

„Тѣмъ временемъ караванъ подтянулся на перевалъ, и я поздравилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ молодцовъ спутниковъ младшими или старшими унтеръ-офицерами и урядниками. Роли теперь перемѣнились: мы стояли на вершинѣ гребня и спокойно завтракали тамъ, гдѣ только что находились наши недруги, заготовившіе большое количество дровъ и льда".

Проучивъ и этихъ розбойниковъ, путешественники, въ дальнѣйшемъ, чувствовали себя вполнѣ удовлетворительно. Теперь они выходили на нагорье, на просторъ, гдѣ могли лучше примѣнить свое прекрасное вооруженіе и еще успѣшнѣе гарантировать безопасность. Встрѣчные дзачюкавасцы и литанцы по отношенію къ экспедиціи были очень сдержанны; здѣсь о стычкѣ были освѣдомлены. Путешественники располагали тремя проводниками, въ сообществѣ съ которыми удачно вышли на прямую разбойничью дорогу, ведущую на озеро Русское.

„На всемъ нашемъ пути по безлюдному нагорью, говоритъ П. К. Козловъ, но въ особенности въ раіонѣ бассейна рѣчки Сэрг-чю, намъ ежедневно приходилось наблюдать отъ пяти-шести до десяти-двѣнадцати и болѣе медвѣдей, промышлявшихъ то по одиночкѣ, то большею частью по два, по три, а однажды пришлось видѣть четырехъ взрослыхъ пищухоѣдовъ, бродившихъ тѣсной компаніей. Въ открытой долинѣ Сэрг-чю, гдѣ среди „шириковъ" (тибетская осока) залегаютъ въ видѣ островковъ глинистыя возвышенія, населенныя пищухами, мы насчитывали съ одного наблюдательнаго пункта до

десятка медвѣдей: тамъ, невдалекѣ, рѣзвится медвѣдица съ двумя дѣтенышами, здѣсь двое взрослыхъ звѣрей отдыхаютъ, грѣясь на солнцѣ, вдоль сосѣдняго ручья пробираются разрозненной компаніей три медвѣдя, къ одному изъ которыхъ, самому крупному, подходятъ двое изъ нашихъ охотниковъ и т. д. Обилію медвѣдей въ Тибетѣ, конечно, способствуетъ и то обстоятельство, что туземцы ихъ не стрѣляютъ, за исключеніемъ охотниковъ, желающихъ воспользоваться шкурой, какъ ковромъ или подстилкой во время охотничьихъ экскурсій за травоядными. Что же касается нашей экспедиціи, то мы, наоборотъ, рѣдко упускали случай, чтобы не поохотиться на этого звѣря. Всѣми нами въ общей сложности за двѣ весны было убито до сорока медвѣдей, изъ которыхъ пятнадцать пришлось на мою долю".

„Охота на медвѣдей, здѣсь, въ Тибетѣ производится въ „открытую", если можно такъ выразиться. Дѣйствительно, замѣтивъ медвѣдя еще издали, охотникъ смѣло идетъ къ нему поближе, затѣмъ начинаетъ разсматривать и сообразоваться, съ какой бы изъ сторонъ всего удобнѣе его скрасть, то есть приблизиться на выстрѣлъ не замѣченнымъ, считаясь съ отличной способностью медвѣдя далеко чуять по вѣтру. Зрѣніе же у этого звѣря сравнительно довольно слабое. Всего удобнѣе подходить къ медвѣдю въ то время, когда онъ занятъ ловлей пищухъ или предается отдыху и наименѣе подходящее время, когда звѣрь направляется скорымъ „ходомъ", будучи напуганъ. Если же медвѣдь спокойно разрываетъ грызуновъ, то обыкновенно норовятъ идти къ нему ускоренно, останавливаясь во время поворотовъ звѣря въ сторону охотника. Если на пути къ медвѣдю имѣются хотя мало-мальскія прикрытія, то не трудно приблизиться къ цѣли на сотню шаговъ, а то и ближе. Подойдя къ звѣрю, охотникъ съ колѣна или лежа стрѣляетъ въ медвѣдя. Въ большинствѣ случаевъ опытный охотникъ и умѣлый стрѣлокъ однимъ двумя, самое большое тремя выстрѣлами изъ обыкновенной, трехлинейной винтовки уложитъ звѣря.

„Изъ многочисленныхъ охотъ на медвѣдей, веденныхъ мною и моими спутниками въ послѣднюю весну въ Тибетѣ, я остановлюсь на одной изъ нихъ. Мы успѣли сдѣлать переходъ и расположиться лагеремъ въ глубокой, узкой долинѣ, окаймленной луговыми скатами. Нѣкоторые изъ людей отряда отправились на охоту, я же прилегъ вздремнуть, какъ вдругъ слышу голосъ тибетца Болу: „пэмбу, джэму эджери"! то есть „господинъ, медвѣдь идетъ"! Дѣйствительно, стоило мнѣ только приподняться, какъ я уже увидѣлъ медвѣдя, медленно шедшаго по косогору. Звѣрь, повидимому, не обращалъ вниманія на нашъ бивуакъ. Не долго думая, я взялъ

свою винтовку, вложилъ въ нее всѣ пять патроновъ—два разрывныхъ и три обыкновенныхъ—и направился на пересѣченіе пути медвѣдя. Однако высота, около 15.000 футовъ надъ моремъ, даетъ себя чувствовать: горло пересыхаетъ, ноги подкашиваются, сердце учащенно бьется. Садишься. Невольно смотришь въ сторону медвѣдя и не спукаешь съ него глазъ; мишка по-прежнему то движется впередъ, то разрываетъ землю. Опять идешь; солнце пригрѣваетъ, вѣтеръ освѣжаетъ. Наконецъ, зайдя навстрѣчу звѣря, я прилегъ за бугоркомъ. Жду. Медвѣдя нѣтъ и нѣтъ. Я осторожно приподнялся, тревожное сомнѣніе охотника исчезло: медвѣдь не вдалекѣ прилегъ. Ползкомъ продвинувшись десятка два шаговъ, я достигъ второго бугорка. Въ бинокль отлично было видно, какъ вѣтерокъ колышетъ длинную блестящую шерсть медвѣдя; кругомъ тихо, спокойно; могучіе пернатые хищники зачуяли добычу и кружатъ на фонѣ неба; нашъ бивуакъ словно замеръ: вниманіе всѣхъ приковано къ медвѣдю и охотнику. Раздался выстрѣлъ, медвѣдь сердито зарычалъ и тяжело приподнялся на ноги; глухо щелкнула вторая пуля—звѣрь грузно свалился на земь. Не мѣняя положенія, я взглянулъ въ бинокль: медвѣдь лежалъ не шевелясь. Встаю и направляюсь къ обрыву, находившемуся отъ меня шагахъ въ двухстахъ, поодаль отъ медвѣдя, чтобы оттуда взглянуть по сторонамъ. Тѣмъ временемъ двое препараторовъ казаковъ уже покинули бивуакъ и шли къ медвѣдю. Подойдя къ обрыву, я отъ усталости невольно тяжело вздохнулъ, медвѣдь вскочилъ, словно ужаленный, потрясъ своей мохнатой головой и съ страшной стремительностью направился ко мнѣ, неистово рыча и фыркая. Подпустивъ разъяреннаго медвѣдя шаговъ до десяти, я выстрѣломъ въ грудь свалилъ его; звѣрь кубаремъ, черезъ голову, свалился внизъ. Послѣдній рѣшающій моментъ, когда озлобленный мишка несся съ окровавленной пастью, надолго запечатлѣлся въ моей памяти; въ немъ, въ этомъ моментѣ, и заключалось то особенное чувство, которое такъ дорого и привлекательно охотнику“...

„Вскорѣ, затѣмъ, говоритъ П. К. Козловъ, экспедиція поднялась на вершину невысокаго безымяннаго перевала, откуда, дѣйствительно, могла радостно привѣтствовать голубую зеркальную поверхность знакомаго бассейна озера Русскаго. Почти годъ минулъ съ тѣхъ поръ, какъ мы его покинули съ запада, теперь же вблизи находился его юго-восточный край, манившій насъ своею мягкою лазурью. Въ сѣверной дали вырисовывался силуэтъ хребта Амнэ-н'кора, бѣлоснѣжныя вершины котораго сливались съ облаками. Цѣлые полчаса я простоялъ на перевалѣ, любуясь видами въ ту и другую сторону. Южный горизонтъ будилъ воспоминанія о красотѣ

и богатствѣ природы Кама, сѣверный радовалъ счастливымъ достиженіемъ конца нашей главной тибетской задачи. Пропустивъ весь караванъ мимо себя, мнѣ пріятно было прочесть на лицахъ моихъ спутниковъ удовольствіе и радость... Еще часъ-другой; и нашъ бивуакъ уже красовался на возвышенномъ берегу, о который гулко ударялись высокія, прозрачныя озерныя волны"...

Между тѣмъ нетерпѣніе экспедиціи попасть въ Цайдамъ росло съ каждымъ днемъ. Всѣ участники ея невольно всматривались въ ту часть хребта Бурханъ-Будда, откуда могъ и долженъ былъ показаться цайдамскій отшельникъ Ивановъ. Ивановъ былъ обнаруженъ въ ожидаемый день и въ намѣченномъ направленіи. Пріѣздъ Иванова оживилъ весь бивуакъ. Пошли спросы и разспросы... Прежде всего цайдамскій отшельникъ порадовалъ начальника экспедиціи докладомъ о хорошемъ состояніи склада, а затѣмъ вручениемъ почты—первой со времени двухлѣтняго странствованія, если не считать десятка писемъ, полученныхъ пятнадцать мѣсяцевъ тому назадъ въ Сининѣ. Одинъ изъ членовъ экспедиціи справедливо замѣтилъ, что Ивановъ, пріѣхавшій на прекрасной откормленной лошади, въ нарядномъ кителѣ, съ разодѣтымъ цайдамскимъ монголомъ, составилъ полный контрастъ по отношенію даже къ членамъ экспедиціи, не говоря уже про конвой,—такъ обносились участники тибетской экскурсіи. Лица ихъ вполнѣ гармонировали съ потрепаннымъ одѣяніемъ.

Спустя нѣкоторое время Ивановъ болѣе спокойно разсказывалъ о своемъ житьѣ-бытьѣ въ Цайдамѣ. Самымъ великимъ лишеніемъ, говорилъ онъ, для всѣхъ ихъ (четырехъ человѣкъ) составляло не полученіе прямыхъ свѣдѣній объ экспедиціи; тѣ же нелѣпые разсказы, которые передавались богомольцами или другими странниками туземцами, ихъ не только не удовлетворяли, но еще пуще огорчали; нѣкоторому сомнѣнію въ благополучіи экспедиціи способствовали позднѣйшіе толки, приходившіе изъ разныхъ мѣстъ Тибета и согласовавшіеся между собою о гибели экспедиціи, но они твердо вѣрили, что этого не могло случиться, хотя и допускали возможность утраты кого-либо изъ персонала экспедиціи, но не всей экспедиціи...

„До поздней ночи, пишетъ П. К. Козловъ, отрядъ не ложился спать; да и въ постеляхъ долго еще можно было слышать мягкіе голоса путниковъ, мирно бесѣдовавшихъ о своей родинѣ: повидимому, у всѣхъ на душѣ было легко, хорошо. Къ тому же ночь стояла превосходная: тихая, ясная; сводъ неба былъ унизанъ звѣздами и серпомъ молодой луны".

Китайцы-переводчики, командированные сининскимъ Цин-цай'емъ съ пакетами въ экспедицію, долго не вѣрили собственнымъ глазамъ, что нашли всѣхъ путешественниковъ живыми. Въ Сининѣ были увѣрены, что русская экспедиція погибла, и что начальнику края придется отвѣтить за безпечность.

Въ концѣ августа, экспедиція вступила въ Сининъ. „У западной крѣпостной башни, описываетъ начальникъ экспедиціи, превосходно выложенной изъ сѣраго камня, мы переправились черезъ быструю, довольно многоводную рѣчку и вошли арочнымъ входомъ въ городъ. Нѣсколько солдатъ, стоявшихъ на башнѣ, тупо-безсмысленно глядѣли изъ-за бойницъ, въ нашу сторону. Но зато большое любопытство было сосредоточено на насъ при вступленіи въ узкія многолюдныя торговыя улицы, гдѣ тотчасъ образовалась толпа досужихъ зѣвакъ, послѣдовавшихъ за нами. У купцовъ, сидѣвшихъ за прилавками магазиновъ, вытягивались физіономіи, и они на время забывали свое дѣло; многіе почему-то громогласно считали насъ по головамъ, не стѣсняясь указывать пальцемъ. Мальчишки забѣгали впередъ, толпились, сбивали другъ друга съ ногъ и задерживали встрѣчныхъ, упрямые ослики становились поперекъ дороги, громко орали, заставляя спрыгивать сѣдоковъ, — словомъ, обычная городская картина, наблюдая которую мы незамѣтнымъ образомъ прибыли къ торговому дому Цань-тай-мао. Послѣ нѣкотораго смущенія и нерѣшительности, приказчики открыли ворота и впустили во дворъ моихъ людей и лошадей, я же съ Ладыгинымъ прошелъ черезъ магазинъ въ помѣщеніе купцовъ, которые заранѣе отвели для насъ двѣ комнаты. Сопровождавшій насъ купецъ шепнулъ на ухо моему сотруднику, что онъ и его ближайшіе товарищи опасаются за нашу безопасность, „толпа возбуждена, страсти ея могутъ возгорѣться при малѣйшей нетактичности съ вашей стороны: вѣдь народъ не можетъ забыть, что вы — европейцы принудили богдохана оставить столицу и бѣжать чуть не пѣшкомъ внутрь страны". Позднее, вечернее время заставило однако зѣвакъ скоро разойтись, а нашихъ купцовъ успокоиться и приготовить для насъ ужинъ, а затѣмъ оставить насъ въ покоѣ.

„На утро, приведя себя въ порядокъ, мы отправились съ визитомъ, о чемъ В. Ѳ. Ладыгинъ уже успѣлъ предупредить Цинъ-цай'я и другихъ главныхъ должностныхъ лицъ Синина. Средствомъ передвиженія я избралъ китайскую закрытую телѣжку, внутри которой мнѣ можно было спрятаться отъ любопытныхъ глазъ; снаружи же усаживался В. Ѳ. Ладыгинъ, свободно переносившій всякую уличную толпу въ Китаѣ. Первый, къ которому мы поѣхали съ визитомъ, былъ Цинъ-цай — Бань-ши-да-чень, бывшій

сланъ инородческаго приказа, родомъ манчжуръ — Ко-ну-тун-и. Невысокаго роста, коренастый, округлый съ небольшими темными глазами и здоровымъ лицомъ, онъ производилъ хорошее впечатлѣніе. Послѣ обычныхъ привѣтствій Цин-цай утонченно поблагодарилъ за подарокъ, а затѣмъ съ улыбкой началъ выражать свой восторгъ по поводу моего благополучнаго возвращенія изъ Тибета. — „Вы такой жизнерадостный, энергичный, счастливый, что, глядя на васъ, самъ молодѣешь душою; я только отчасти могу представить себѣ тѣ невзгоды, трудности и лишенія, какія вы переносили непрерывно въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ; вы вышли изъ всего побѣдителемъ и привезли съ собою научныя драгоцѣнности, и какъ теперь я искренно радъ, что вы вернулись здравыми и невредимыми. Въ ваше отсутствіе я получилъ нѣсколько депешъ, одна тревожнѣе другой; и въ Россіи, и въ Китаѣ считали вашу экспедицію погибшей. По возвращеніи же моихъ посланныхъ изъ Цайдама, доставившихъ мнѣ отрадное извѣстіе, я тотчасъ телеграфировалъ о томъ въ Пекинъ. Въ настоящее время, вѣроятно, и ваша родина радуется за ваше благополучное странствованіе и смѣло надѣется на таковое же возвращеніе“. Далѣе разговоръ перешелъ къ самому путешествію; Цинъ-цай очень интересовался восточнымъ Тибетомъ и племенами, его населяющими. Съ своей стороны я коснулся было современной политики Китая, по отношенію къ европейскимъ государствамъ, но, какъ и слѣдовало ожидать, Бань-ши-да-чень искусно перешелъ на другую тему:—„васъ, вѣроятно, ожидаютъ въ Россіи почетныя награды!“ Поблагодаривъ Цин-цай'я еще разъ за его предупредительность и любезность, много разъ проявленныя какъ къ экспедиціи, такъ и ко мнѣ лично, я отправился къ дао-тай'ю или губернатору. Во дворѣ и за дворомъ меня сопровождала многочисленная толпа, державшая себя крайне прилично“.

„Дао-тай тоже манчжуръ, переведенъ въ Сининъ изъ Кульчжи, гдѣ занималъ подобную же должность. Представительный, молодцеватый дао-тай тѣмъ не менѣе выглядѣлъ крайне опечаленнымъ; причиною этой печали, по признанію самого хозяина, было то, что у него въ Пекинѣ, во время разгрома, безъ-вѣсти пропала шестнадцатилѣтняя красавица дочь... Справившись съ собою, дао-тай сталъ забрасывать меня вопросами о путешествіи, о дикихъ племенахъ Тибета, о нашихъ съ ними стычкахъ; между прочимъ его занимали и такого рода вопросы — много ли осталось въ Тибетѣ мѣстъ еще не изслѣдованныхъ, доволенъ ли я самъ географическими новостями и всякаго рода научными коллекціями, собранными экспедиціей, скоро ли я отправлюсь въ новое путе-

шествіе и многіе другіе въ этомъ родѣ. Въ заключеніе, губернаторъ замѣтилъ: „слава Богу, что вы возвратились съ честью и со славой; и ваше и наше государства гордятся подобными людьми, а все-таки на будущее время избѣгайте такихъ дикихъ мѣстъ“. Во время продолжительнаго разговора за неизмѣннымъ чаемъ, любезный дао-тай извинялся, что не можетъ насъ угостить шампанскимъ, которое онъ любитъ, и къ которому его пріучили въ Кульчжѣ русскіе знакомые. Затѣмъ, онъ предложилъ моему сотруднику коробочку папиросъ; видя, что тотъ съ жадностью набросился на нихъ и сталъ уничтожать одну папиросу за другою, онъ принесъ еще нѣсколько коробочекъ и принудилъ Ладыгина, долго не курившаго хорошаго табаку, взять и эти. Самъ хозяинъ отъ времени до времени покуривалъ изъ китайскаго кальяна, художественно отдѣланнаго разноцвѣтной эмалью въ соединеніи съ бирюзой и бронзой. Въ пріемной губернатора, какъ и въ пріемной Цин-цай'я, стоялъ его многочисленный дворъ — адъютанты, чиновники, различные низшіе служащіе и обыкновенная публика; впрочемъ послѣдняя и большинство низшихъ служащихъ помѣщались главнымъ образомъ во дворѣ. Со двора же, въ бумажныя отверстія оконъ, смотрѣло также не мало глазъ женщинъ изъ семьи дао-тай'я и доносился ихъ мягкій, пріятный голосъ“.

„Разставшись съ дао-тай'емъ, мы черезъ четверть часа были у чжэнь-тай'я — командующаго войсками области. По слухамъ, чжэнь-тай состоялъ виднымъ членомъ анти-европейскаго общества „гэлаохуй“, что не мѣшало ему быть по отношенію къ намъ не только корректнымъ, но даже изысканно вѣжливымъ и гостепріимнымъ. Несмотря на свои немолодые годы, чжэнь-тай выглядѣлъ очень хорошо: держался ровно, ходилъ скоро. Громкій голосъ и величавая осанка изобличали въ немъ настоящаго командира. Послѣ того какъ мы попривѣтствовали другъ друга, командующій войсками поинтересовался знать, къ какой я принадлежу національности; послѣдующій же разговоръ былъ приблизительно тотъ же, что и прежде.

„Передъ отъѣздомъ, чжэнь-тай пригласилъ насъ къ себѣ на послѣ-завтра на обѣдъ“.

„Впереди предстояло еще два визита къ младшимъ лицамъ мѣстной администраціи, заѣхавъ къ которымъ, мы поспѣшили домой; признаться, я сильно усталъ въ необычайной обстановкѣ и по пріѣздѣ къ себѣ на квартиру тотчасъ сбросилъ парадное одѣяніе, облекся въ лѣтнюю тужурку и вышелъ во дворъ подышать воздухомъ. Дворъ нашихъ хозяевъ отличался опрятностью, значительная его часть имѣла досчатую настилку; у одной изъ сторонъ

двора красовались клумбы свѣжей зелени и яркихъ цвѣтовъ. Огромный песъ лѣниво лаялъ съ верхней галлереи, откуда онъ спускался по ночамъ внизъ, для несенія сторожевой службы. На крышѣ дома рѣзвилось множество голубей, одни взвивались и улетали, другіе, съежившись въ комочекъ, сидѣли неподвижно, третьи громко ворковали, два же самыхъ красивыхъ голубя такъ озлобленно дрались, что не замѣтили, какъ ихъ общій врагъ — кошка, стремительно бросившись, схватила одного изъ нихъ и чуть-чуть не задушила, если бы во-время не подоспѣлъ мѣткій ударъ, заставившій кошку моментально бросить голубя и бѣжать безъ оглядки. Освобожденный голубь вспорхнулъ и полетѣлъ, оставивъ за собой немало перьевъ, медленно падавшихъ на землю.

На слѣдующій день я принималъ у себя сининскихъ представителей; старшіе изъ нихъ жаловали ко мнѣ въ паланкинахъ, младшіе пріѣзжали въ телѣжкахъ или просто верхомъ на отличныхъ иноходцахъ, убранныхъ богатыми сѣдлами. Каждаго изъ китайскихъ чиновниковъ сопровождала болѣе или менѣе многочисленная свита, имѣвшая въ хвостѣ не мало праздныхъ добровольцевъ. Въ общемъ, разговоръ былъ тотъ же, что и вчера съ незначительнымъ лишь дополненіемъ, касающимся жизни самихъ чиновниковъ на этой окраинѣ".

„Наканунѣ оставленія Синина, въ два часа дня, мы отправились на званный обѣдъ къ чжэнь-тай'ю. Толпа, оріентировавшаяся по извозчику, заблаговременно собралась сопровождать нашъ экипажъ, но, какъ и прежде, она была крайне сдержанна: за все время мы ни разу не слышали по нашему адресу ея обычнаго въ такихъ случаяхъ эпитета: „ян-гуйцзе", т. е. „заморскій дьяволъ". Подъѣхавъ къ дому чжэнь-тай'я и миновавъ его первыя двое воротъ, мы вышли изъ тряской телѣжки и послѣдовали пѣшкомъ въ третьи ворота, за которыми уже увидѣли предупредительнаго чжэнь-тай'я, окруженнаго блестящей свитой. Послѣ привѣтственныхъ рукопожатій, мы направились въ тѣсной компаніи, подъ звуки китайскаго оркестра, въ большую открытую съ боковъ столовую, расположенную напротивъ домашняго театра. Въ столовой мы были представлены четыремъ сослуживцамъ командующаго войсками, принимавшимъ участіе въ званомъ обѣдѣ. Большой круглый столъ былъ уже уставленъ всевозможными, исключительно китайскими яствами, помѣщавшимися въ многочисленныхъ—большихъ и малыхъ, высокихъ и низкихъ—чашечкахъ. Хозяинъ дома сдѣлалъ знакъ гостямъ приблизиться къ отдѣльному столу съ закуской. Приглашенная компанія чинно повиновалась, и каждый изъ гостей, взявъ по маленькому блюдечку

сладкаго, принялся кушать; затѣмъ сѣли за обѣденный столъ; мнѣ было отведено почетное мѣсто во главѣ стола, прочіе гости размѣстились согласно ихъ служебному рангу, и наконецъ самъ хозяинъ занялъ стулъ, стоявшій нѣсколько поодаль отъ прочихъ, не имѣя у себя vis-à-vis".

„Первая часть обѣда длилась около двухъ часовъ; сколько подавалось блюдъ, трудно сказать, но думаю: около тридцати или сорока. Послѣ каждаго блюда хозяинъ дома поднималъ маленькую фарфоровую чарочку, наполненную подогрѣтымъ виномъ и, обводя глазами гостей, призывалъ ихъ то же самое сдѣлать, чтобы одновременно всѣмъ осушить чарочки. Большинство блюдъ были очень вкусныя, какъ и вообще обѣдъ, и съ китайской точки зрѣнія, по заключенію В. Ѳ. Ладыгина, не оставлялъ желать ничего лучшаго, хотя, конечно, чжэнь-тай извинялся за „скромное" содержаніе блюдъ, ссылаясь на отдаленность приморскихъ городовъ, въ которыхъ только и можно достать тонкія, гастрономическія принадлежности китайской кухни. Не только гости китайцы, но и я съ своимъ сотрудникомъ были усердно заняты ѣдою, во время которой вообще у китайцевъ не принято много разговаривать; по выходѣ же изъ-за стола, въ теченіе четверти часа, у гостей шелъ оживленный разговоръ. Сосѣдъ по столу В. Ѳ. Ладыгина, испитой, худой, желчный китаецъ убѣдительно просилъ моего спутника добыть ему лекарства или указать иной способъ избавиться отъ куренія опіума, въ концъ разрушившаго его организмъ. Вторая или заключительная часть обѣда прошла сравнительно скоро; сонныя, раскраснѣвшія лица гостей свидѣтельствовали о ихъ желаніи отправиться по домамъ и отойти на часъ другой въ область Морфея. Необходимо добавить, что въ продолженіе обѣда на театральной сценѣ шли различныя представленія и игралъ смѣшанный оркестръ; костюмы и гримъ были очень интересные. Всѣ актеры-мужчины; женскія роли избираютъ молодые китайцы, имѣющіе женственныя лица и умѣющіе подражать женщинамъ, какъ манерами, такъ и голосомъ. Больше всѣхъ привлекалъ вниманіе гостей красивый, изящный мальчикъ и какъ актеръ казался несравненнымъ, въ особенности въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ дѣйствія: его красота и плавность движеній были просто очаровательны, какъ очаровательна и самая игра привыкшаго къ похваламъ красавца-мальчика. Въ антрактахъ, гости посылали актерамъ денежные подарки, за что послѣдніе прибѣгали просить указаній на послѣдующія темы".

„Званый обѣдъ удался, на лицѣ хозяина сіяла неподдѣльная улыбка!...."

Тридцатаго августа экспедиція оставила Синин̀ъ, а вмѣстѣ съ нимъ и китайскую культуру. Дальнѣйшій путь къ пустынѣ Гоби шелъ въ области горъ Восточнаго Нань-шаня, самой красивой, расчлененной его части. Каравану приходилось то подниматься на кручи и слѣдовать вдоль опасныхъ карнизовъ, то спускаться на дно глубокихъ ущелій и переправляться въ бродъ черезъ ручьи и рѣчки. Къ сожалѣнію, первые дни горы были скрыты густыми облаками, и вся прелесть ихъ терялась. Это лѣто, 1901 г., было здѣсь особенно богато атмосферными осадками; тропинки нѣсколько разъ размывались и вновь исправлялись. Отряду экспедиціи въ этомъ отношеніи пришлось также поработать не мало, а ея начальнику поболѣть душою при видѣ какъ неувѣренно пробирается караванъ по скольскому глинистому обрыву. „Того и гляди, описываетъ П. К. Козловъ, что полетитъ тотъ или другой вьюкъ съ коллекціями или инструментами и въ одинъ несчастный мигъ... страшно подумать— всѣ труды пропадутъ даромъ; такого рода несчастья никогда не забудешь. Чтобы отвлечь напряженное вниманіе отъ каравана, невольно переводишь взглядъ въ другую сторону, гдѣ залегаетъ еще болѣе дикій хаосъ горъ, размытыхъ множествомъ ущелій; самую величественную гору изъ окрестнаго сонма громадъ—Рангхта намъ удалось увидѣть только однажды, въ незначительный ясный проблескъ; она была покрыта снѣгомъ и небольшими клочками кучевыхъ облаковъ. Затѣмъ, погода улучшилась. Съ вершинъ отроговъ путникъ могъ наблюдать красивые, широкіе виды, заполненные богатою растительностью. Съ глубинъ ущелій въ красивомъ безпорядкѣ взгромождались одна на другую дикія сѣрыя скалы, по которымъ кое-гдѣ торчали жалкія деревца ели и можжевельника; отъ самыхъ высокихъ или командующихъ вершинъ, въ свою очередь, сбѣгали каменныя розсыпи; выше же всего, въ ярко-синемъ небѣ, плавно кружились снѣжные грифы, бородатые ягнятники и звонко клёктавшіе орлы-беркута...“

Придя въ монастырь Чортэнтанъ, экспедиція расположилась лагеремъ на лѣвомъ берегу Тэтунга, напротивъ прежней стоянки, въ виду заманчивыхъ лѣсныхъ ущелій. Вблизи разстилался тополевый вѣковой лѣсъ, еще ближе монотонно шумѣла и плескалась рѣка... „Сколько лучшихъ воспоминаній, говоритъ П. К. Козловъ, вновь пробудилъ во мнѣ Тэтунгъ. На этихъ самыхъ берегахъ, я впервые понялъ высокую прелесть путешествія по Центральной Азіи; на этихъ самыхъ берегахъ я прислушивался къ заманчивымъ разсказамъ моего незабвеннаго учителя о Камѣ; среди этой же обстановки я отдыхалъ послѣ пустыни Гоби, идя въ передній путь. Теперь я вновь на этихъ берегахъ, еще болѣе чарующихъ меня обаятель-

ной лаской природы и отрадно воскресающихъ во мнѣ на мѣстѣ живой образъ ея перваго изслѣдователя"...

Въ первый день прихода въ Чортэнтанъ, путешественники доставили на бивуакъ свое имущество, образцово сбереженное монастыремъ. Каждый изъ нихъ нашелъ здѣсь личный запасъ платья, бѣлья и послѣ обстоятельнаго мытья съ удовольствіемъ одѣлся во все новое, свѣжее. „Первое время, говоритъ П. К. Козловъ, мы даже не сразу узнавали другъ друга, замѣчая, со смѣхомъ „всѣ стали господами". Припрятанныя на днѣ ящиковъ заѣдочки и усладеньки также пришлись намъ какъ нельзя болѣе кстати. Словомъ, приходъ въ Чортэнтанъ для экспедиціи былъ великимъ праздникомъ. Наши друзья ламы еще болѣе способствовали подобному радостному настроенію. Они насъ встрѣтили словно самыхъ близкихъ родныхъ, участливо разспрашивая не только о путешествіи по „странѣ ламъ и монастырей", но и о томъ, что намъ извѣстно изъ писемъ о нашей родинѣ, о нашихъ родныхъ. Эти люди казалось всецѣло отдались намъ—и радовались, и горевали неподдѣльно вмѣстѣ съ нами; свое личное я, на время нашего пребыванія, было ими забыто".

Десятаго сентября экспедиція покинула Чортэнтанъ. Ламы напутствовали начальника экспедиціи лучшими пожеланіями и интересной тибетской книгой „Исторія царей Тибета", сочиненіе пятаго Далай-Ламы. Прощаніе было самое трогательное, въ особенности съ Цорчжи-ламой, проводившимъ путешественниковъ на протяженіи двухъ дней къ сѣверу. „При дружескомъ разставаніи, говоритъ П. К. Козловъ, монахъ растрогался, крупныя слезы полились изъ его темныхъ глазъ, еще минута, и онъ... зарыдалъ. Подобнаго рода слезы я видѣлъ у туземцевъ впервые; онѣ на меня произвели глубокое впечатлѣніе. Человѣкъ чуждый намъ по религіи, языку, нравамъ, обычаямъ, былъ тѣмъ не менѣе близокъ намъ по обще-человѣческимъ душевнымъ качествамъ".

Отъ этого чортэнтанскаго ламы, равно и отъ другихъ пріятелей, обитающихъ въ нагорной Азіи, начальникъ экспедиціи, періодически, получаетъ письма. „Удостоившись знакомства съ Вами, читаемъ въ одномъ изъ писемъ Цорчжи-ламы, я проникся къ Вамъ чувствомъ искренней преданности, со времени разлуки съ Вами, когда я постоянно съ глубокою любовью вспоминалъ о Васъ, незамѣтно промелькнуло нѣсколько мѣсяцевъ. Вотъ и зеленый тростникъ покрылся туманомъ, и серебристая роса сгустилась въ иней. Я думаю о томъ мѣсяцѣ (о Васъ), какъ будто бы онъ находился, и какъ запретить духу переноситься черезъ пространство. Съ почтеніемъ вспоминая о Вашихъ великихъ доблестяхъ и высокихъ административныхъ талантахъ, я съ глубокимъ нетерпѣніемъ ожидаю какъ благовѣщеніе

облака (отличіе) покроетъ Васъ, какъ роса покрываетъ бамбукъ. А я бѣдный монахъ, обитатель пустыни, пристрастившійся къ лѣсамъ и источникамъ, хотя и мечтаю о томъ, чтобы выдѣлиться изъ толпы, но мнѣ не достаетъ указаній къ воспитанію природы. Какое сравненіе съ Вашимъ Превосходительствомъ, который широко распространяетъ просвѣщеніе, озаряя имъ людей"...

Оставляя привѣтливый богатый Нань-Шань съ лазоревымъ небомъ, экспедиція вступаетъ въ Монгольскую пустыню, надъ безграничнымъ просторомъ которой висѣла, словно вуаль, пыльная дымка. Туда, на сѣверъ, уносились всѣ помыслы и стремленія усталыхъ путешественниковъ, ласкавшихъ себя пріятными грёзами и мечтами о приближеніи къ родинѣ...

Второго октября экспедиція оставила шумный Дынъ-юань-инъ и сразу очутилась въ тихой монотонной пустынѣ. Проходя у высотъ, окаймляющихъ городъ съ сѣвера, путники наблюдали интересную травлю лисицъ борзыми. Невдалекѣ отъ каравана, изъ-за холмовъ, неожиданно показались всадники, которые съ страшной стремительностью скакали за собаками, увлеченными лисой. „Я долго не забуду, пишетъ П. К. Козловъ, въ высшей степени интересныхъ двухъ-трехъ минутъ, въ теченіе которыхъ лиса, борзые и нѣсколько человѣкъ всадниковъ, слившись въ одинъ фокусъ общей картины, мчались подлѣ нашего каравана; это было нѣчто особенное, приковавшее наше вниманіе; вотъ еще одна секунда, еще одинъ моментъ, и лиса въ зубахъ собакъ. Общее замѣшательство и поднятая въ воздухѣ пыль подтвердили предполагаемое окончаніе успѣшной охоты. Въ рукахъ нарядно одѣтаго всадника виднѣлся красивый звѣрь съ пушистымъ хвостомъ. Это былъ утренній выѣздъ младшаго изъ алашаньскихъ князей, желавшаго, вѣроятно, показать намъ свою лихость и молодечество".

По мѣрѣ движенія къ сѣверу холодъ все болѣе увеличивался, а осенніе дни сокращались. Теперь были очень кстати, заранѣе приготовленныя распоряженіемъ алашаньскаго князя, юрты и топливо—самыя, повидимому, необходимыя, принадлежности въ дорогѣ, а между тѣмъ путешественникамъ казавшіяся роскошью, въ особенности послѣ дневныхъ утомительныхъ переходовъ, когда они съ пріятнымъ чувствомъ входили въ нихъ, согрѣваясь чаемъ и теплом маленькой печки. Время, въ походѣ, бѣжало быстро, но несравненно медленнѣе, конечно, желаній путешественниковъ, которые, по ихъ признанію, съ дѣтской наивностью, отсчитывали истекавшіе дни и дни, предстоявшіе впереди по направленію къ Ургѣ, этой своего рода „обѣтованной землѣ" тибетскихъ странниковъ. Да, дѣйствительно, Урга могла быть для нихъ землей обѣ-

тованной: они сильно истомились и нравственно, и физически, вѣдь прошло уже тридцать мѣсяцевъ, и они не могли не желать скораго конца ихъ путешествія...

У горы „Два-хана"—Хойрханъ—Гоби угостила путниковъ снѣжнымъ штормомъ, подобнаго которому они еще не видѣли ни разу. Сильные вихреобразные порывы бури положительно сталкивали въ сторону огромныя верблюжьи фигуры, мелкій снѣгъ залѣплялъ глаза. Въ этотъ памятный день, третьяго ноября, они прошли сорокъ двѣ версты, и всѣ до единаго ознобили себѣ лица, такъ какъ вслѣдъ за снѣжнымъ штормомъ ударилъ морозъ въ 27,5°.

На предпослѣднемъ переходѣ къ Ургѣ начальникъ экспедиціи получилъ отъ маститаго консула Я. П. Шишмарева дружеское привѣтственное письмо, въ которомъ, уважаемый монголами, русскій генералъ спѣшилъ засвидѣтельствовать его полную готовность пріютить „дорогихъ путешественниковъ" подъ гостепріимнымъ кровомъ русскаго консульства.

Спускаясь съ перевала Гангынъ-дабанъ, путешественники радостно привѣтствовали священную гору Богдо-ула, сплошь засыпанную снѣгомъ, на бѣломъ фонѣ котораго рѣзко и красиво выдѣлялись темныя, густыя заросли лѣса. На другой же день, седьмого ноября, обогнувъ ее у западнаго подножья и переправившись черезъ шумную, прозрачную Толу, они, вскорѣ затѣмъ, достигли и дома ургинскаго консульства.

„Не берусь описывать тѣхъ радостныхъ чувствъ, говоритъ начальникъ экспедиціи, которыми мы были переполнены, достигнувъ конца нашей трудной задачи, увидѣвъ родныя лица, услышавъ родную рѣчь... Чѣмъ-то сказочнымъ повѣяло на насъ при видѣ европейскихъ удобствъ, при видѣ теплыхъ уютныхъ комнатъ, при видѣ сервированныхъ столовъ. Наша внѣшность такъ сильно разнилась и не подходила ко всему этому комфорту, что Я. П. Шишмаревъ не могъ не подвести меня къ зеркалу и показать мнѣ—меня же самого. „Такимъ, какъ вы теперь, говорилъ добродушный русскій хозяинъ, нѣкогда вступилъ въ Ургу и вашъ незабвенный учитель, Н. М. Пржевальскій, отдыхавшій вотъ въ этой большой комнатѣ, которую я приготовилъ для васъ"...

Кяхта своимъ широкимъ гостепріимствомъ заставила еще болѣе позабыть пережитыя участниками экспедиціи невзгоды и лишенія, сочувствіе же Петербурга укрѣпило ихъ въ сознаніи *посильно* исполненнаго передъ родиной долга..... В—ъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ“.

Генералъ Церпицкій.

(Константинъ Викентіевичъ).

„Полковникъ Церпицкій,—Генералъ Витмеръ“—познакомилъ насъ лѣтъ 25 тому назадъ, въ Симферополѣ, начальникъ штаба 13-й пѣхотной дивизіи.

Передо-мною стоялъ плотный человѣкъ, не высокаго роста, блондинъ съ краснымъ лицомъ здоровяка и георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ.

Церпицкій командовалъ тогда полкомъ, расположеннымъ въ Симферополѣ.

Офицерскій георгіевскій крестъ всегда привлекаетъ вниманіе и побуждаетъ смотрѣть на человѣка немножко какъ на героя.

Мы разговорились. Оказалось, что георгіевскій крестъ полученъ Церпицкимъ въ Туркестанѣ, что онъ, Церпицкій—сподвижникъ Скобелева и Куропаткина; но первая бесѣда была непродолжительной.

И, тѣмъ не менѣе, я успѣлъ замѣтить, что герой-полковникъ очень и очень былъ не прочь „для красоты слога“ пожертвовать не только истиной, но даже правдоподобіемъ своихъ разсказовъ.

При дальнѣйшемъ знакомствѣ, эти качества Церпицкаго проступали все съ большей и большей рельефностью. Но, пока онъ былъ въ Симферополѣ, личное знакомство наше ограничилось немногими бесѣдами. Слышалъ только о немъ, какъ о лихомъ командирѣ, котораго очень любили солдаты именно за его лихость, за то что онъ никогда не подъѣзжалъ, а подскакивалъ къ фронту и, пѣхотинецъ, носился предъ фронтомъ на хорошемъ конѣ, какъ подобало бы настоящему кавалеристу.

Много о немъ говорили также, какъ о великомъ фокусникѣ, умѣвшемъ привлекать къ себѣ не только солдатъ, но и начальство и даже начальство не непосредственное, а то, которое обѣщало быть таковымъ въ будущемъ.

Такъ, разсказывали, что, узнавъ о проѣздѣ изъ Ялты Куропаткина, тогда еще только генералъ-маіора съ георгіевскимъ крестомъ на шеѣ—онъ вывелъ свой полкъ за пять верстъ отъ Симферополя и встрѣтилъ своего туркестанскаго знакомца съ такими почестями, которыя были бы и фельдмаршалу въ пору. Если въ этомъ разсказѣ и была доля преувеличенія, то во всякомъ случаѣ онъ характеренъ для обрисовки личности Церпицкаго съ указанной стороны. Ни про кого другого ничего подобнаго не говорили.

Ближе познакомился я съ Церпицкимъ, когда онъ возвратился въ Крымъ изъ китайскаго похода начальникомъ 13-й пѣхотной дивизіи и поселился въ Севастополѣ.

Человѣкъ онъ былъ очень любопытный.

По внѣшности онъ переобразился почти въ толстяка, но толстяка подвижного, не анемичнаго, а, напротивъ, налитого кровью, которая, казалось, такъ вотъ и брызнетъ изъ его красныхъ щекъ. Онъ былъ далеко не глупъ, даже, пожалуй, уменъ. Много и интересно разсказывалъ и изобрѣталъ при этомъ безъ удержу.

Слушаешь бывало и думаешь про себя: очень интересно, но что въ разсказѣ истина, что изобрѣтеніе? Да не отнести ли и всего къ области пылкой фантазіи разсказчика?

Онъ много говорилъ о Скобелевѣ. Увѣрялъ, между прочимъ, что часто слышалъ отъ Скобелева мое имя и самые лестные для меня отзывы, которые тутъ же приводилъ. Повторять ихъ не стану, въ убѣжденіи, что разсказчикъ говорилъ это только для того, чтобы доставить мнѣ удовольствіе. Но когда я упомянулъ о безграничномъ честолюбіи Скобелева и о томъ, что его честолюбивые замыслы не исключали короны,—скобелевской династіи—Церпицкій убѣжденно соглашался со мною, увѣряя, что онъ пришелъ къ тому же убѣжденію на основаніи близкаго знакомства съ героемъ, такъ рано сошедшимъ въ могилу.

Константинъ Викентьевичъ былъ большой хлѣбосолъ. Любилъ хорошо поѣсть, хорошо выпить и хорошо угостить. Просторная квартира его была украшена оружіемъ, китайскими вещицами, коврами и наглядными выраженіями его боевой дѣятельности. Помню, между прочимъ, какую-то, растянутую по стѣнѣ китайскую матерію, на которой была изображена по-китайски и по-русски благодарность отъ жителей за то, кажется, что генералъ защитилъ жителей отъ хунхузовъ. Добровольное ли это было приношеніе, или даже этотъ

трофей не явился ли результатомъ простого заказа храбраго генерала, склоннаго къ рекламѣ—Богъ вѣсть. Но послѣдній вопросъ приходилъ въ голову не мнѣ одному.

Церпицкій былъ большой циникъ, но о вещахъ самыхъ рискованныхъ онъ говорилъ какъ-то такъ, съ такой наивностью и такъ весело, забавно, что не вызывалъ отвращенія, а заставлялъ смѣяться, рекомендуя, напримѣръ, какъ своего „большого друга“ еврея, поставлявшаго ему товаръ всякаго рода для развлеченія стараго, неисправимаго холостяка. И этого „большого друга“ онъ сажалъ рядомъ съ собою и пилъ съ нимъ вино.

Своимъ грубымъ цинизмомъ, не лишеннымъ своеобразнаго остроумія, онъ не затруднялся щегольнуть и передъ солдатами и привлекалъ этимъ невзыскательныя натуры простолюдиновъ. Вообще онъ зналъ солдата, его душу, его міровоззрѣніе, умѣлъ говорить съ нимъ, и солдаты его любили.

— Нашъ генералъ бѣдовый, говорилъ мнѣ ушедшій въ запасъ фельдфебель, и лицо его такъ и сіяло при этомъ. Какъ онъ къ фронту подскакиваетъ! Не то что иной. Шагомъ никогда его не увидишь. Все вскачь да вскачь.

Мнѣ разсказывали, что и на войнѣ онъ умѣлъ поднять духъ солдата, умѣстно сказанной циничной выходкой, и говорили это совсѣмъ не его сторонники. Говорили, напримѣръ, что разъ въ бояхъ подъ Мукденомъ, въ трудную минуту, онъ выскочилъ впередъ между резервами и цѣпью и подъ градомъ пуль поскакалъ вдоль цѣпи, крича, что выписалъ изъ Россіи „триста дѣвицъ не затруднительнаго поведенія—все для васъ, ребята“.

Шутка, какъ и смѣлость начальника, ободрила цѣпь, она безъ-завѣтно ринулась впередъ, и японцы были отброшены.

Это напоминаетъ мнѣ разсказъ изъ знаменитой осады Самарканда, героемъ которой былъ бывшій нижегородскій драгунъ, маіоръ, или подполковникъ, Назаровъ.

Гарнизонъ день и ночь бился цѣлую недѣлю, осажденный огромнымъ скопищемъ среднеазіатовъ. Видя утомленіе нравственное и физическое, Назаровъ приказалъ вытопить баню и говорилъ войскамъ:

„Въ баню, въ баню, ребята, идите. Да мойтесь хорошенько, потому халатники насъ безпремѣнно завтра возьмутъ, такъ чтобы все у васъ чисто было“.

Люди гоготали: видно, дѣло наше еще ничего, коли начальство такъ шутитъ.

Не помню хорошо—отъ кого я слышалъ этотъ разсказъ. Едва-ли не отъ Василія Васильевича Верещагина, знаменитаго художника,

погибшаго вмѣстѣ съ Макаровымъ и выказавшаго подъ Самаркандомъ исключительную храбрость и энергію.

Припоминаю также разсказъ про Геймана, имя котораго тогда, въ 1877 году, сіяло звѣздой даже среди кавказскихъ храбрецовъ.

Номерной моей гостиницы во Владикавказѣ оказался отставнымъ солдатомъ роты Геймана, Я люблю вообще разговаривать съ простолюдинами, слушать ихъ безъискусственную рѣчь. Узнавъ о томъ, что вижу предъ собою одного изъ свидѣтелей ранней молодости Геймана, естественно сталъ его разспрашивать.

— Ахъ какой былъ ротный! Такихъ и не было, да и не будетъ. Бывало, говорилъ между прочимъ старый служака,—въ экспедиціи такъ уморишься по горамъ, силы въ тебѣ вовсе нѣтъ. Какъ увидитъ, этта, капитанъ, что рота растянулась чуть не на версту, сейчасъ, это, съ коня сойдетъ и давай разговаривать съ солдатами. Какъ, этта, увидятъ ребята, такъ, этта, и учнутъ подтягиваться къ ротному, штобъ послушать его.

„Что жъ онъ говорилъ такое?

— Разное говорилъ.

„Ну, напримѣръ?

— Вотъ, говорилъ, ребята плохо намъ теперь, тяжело, и сухари надоѣли, и вши насъ одолѣли; а домой придемъ, тамъ отдохнемъ, поѣдимъ до отвалу, да въ баню пойдемъ, вшей, этта, вычешемъ, да къ дѣвицамъ пойдемъ (выраженіе, конечно, было болѣе крѣпкое). Ну, рота, захохочетъ, и на душѣ веселѣй станетъ, и про усталость забудешь.

Возвращаясь къ Церпицкому и къ его умѣнью говорить съ солдатами, привлекать къ себѣ ихъ сердца, припоминаю, какъ я разъ поѣхалъ съ нимъ осматривать его верховую конюшню (у него было пять верховыхъ коней, и кони были недурные, а два-три даже прекрасные). Мы встрѣчали солдатъ одиночками и въ группахъ. Онъ, какъ-то особенно молодецки, во весь голосъ кричалъ—„здорово, молодцы“, своеобразно налегая на послѣдній слогъ и протягивая его. И весело было смотрѣть на радостныя, оживленныя лица солдатъ. всею грудью отвѣчавшихъ—„здравія желаемъ“.

Онъ безспорно обладалъ недюжинной храбростью.

Въ китайскую войну онъ вывелъ цѣлую исторію противъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, незаслуженно дурно аттестуя ихъ и, тѣмъ не менѣе, капитанъ Генеральнаго Штаба Ознобишинъ, человѣкъ очень способный, не оправдывая Церпицкаго, выражалъ, однако, мнѣ лично благодарность судьбѣ, доставившей ему счастье быть въ бою подъ его начальствомъ. При взятіи Бейтана, напримѣръ, когда подъ атакующими стали рваться фугасы, производящіе

вообще страшное моральное впечатлѣніе, и когда люди замялись, Церпицкій соскочилъ съ коня и бросился въ атаку впереди всѣхъ, не обращая на взрывы фугасовъ ни малѣйшаго вниманія.

Подъ Мукденомъ онъ велъ себя также геройски, какъ человѣкъ неустрашимый и, когда во главѣ Бузулукскаго полка отбилъ атаку (сколько помню 21 февраля) — солдаты цѣловали его ноги.

И тѣмъ не менѣе, этотъ герой, храбрецъ и человѣкъ совсѣмъ неглупый, человѣкъ военной складки и хорошихъ военныхъ дарованій былъ безспорно вреденъ въ той роли, которую ему пришлось играть. Вреденъ, скажу прямо, благодаря своему фокусничеству, недобросовѣстному отношенію къ серьезному дѣлу, дѣлу первостепенной важности, дѣлу святому, какимъ несомнѣнно надо считать дѣло военное. Святому потому, что вопросъ вѣдь идетъ о страданіяхъ, жизни, или смерти сотенъ и тысячъ людей.

Мнѣ передавали люди, заслуживающіе полнаго довѣрія, что когда писалась реляція о мукденскихъ бояхъ и начальникъ его корпусного штаба, генералъ Марковъ, человѣкъ очень серьезный и почтенный, читалъ ее своему начальнику, тотъ требовалъ увеличить вдвое потери, понесенныя частями.

„Какіе тамъ 360, пишите 800. А въ томъ полку—зачѣмъ 480? Пишите 1.200“.

— Да нельзя же; это точныя цифры, доставленныя полковыми командирами.

„Врутъ, врутъ они. Я лучше знаю. Да соуса, соуса у васъ нѣтъ совсѣмъ. Смотрите-ка, какъ другіе мерзавцы про себя пишутъ. Онъ и подъ огнемъ-то не былъ, а говоритъ, что сталъ во главѣ и повелъ свой корпусъ къ побѣдѣ. Соусу, соусу побольше“!

Во время самыхъ боевъ, хотя велъ себя очень мужественно, онъ посылалъ донесенія одно за другимъ, что противъ него тройныя силы, и что онъ отбилъ въ теченіе дня 33 атаки, а между тѣмъ его атаковала, или, вѣрнѣе, демонстрировала противъ него въ это время, какъ удостовѣряетъ австрійскій агентъ при японской арміи капитанъ Фрицъ, всего одна 5-я дивизія, тогда какъ у Церпицкаго было противъ нея полтора корпуса.

Когда на другой день пріѣхалъ къ Церпицкому изъ штаба 2-ой арміи Генеральнаго Штаба капитанъ Кисляковъ, тотъ обратился съ вопросомъ:

— Что говорятъ обо мнѣ въ Главной квартирѣ?

— Хвалятъ, былъ отвѣтъ, что вы удержались на позиціи.

— Да неужели въ этомъ могли сомнѣваться?

— Еще бы. Основываясь на вашихъ донесеніяхъ, очень за васъ безпокоились.

— Мало ли что я доносилъ. Плохо же знаютъ Церпицкаго. Церпицкій никогда бы не отступилъ, никогда бы не отдалъ позиціи.

Такъ говорилъ Церпицкій по свидѣтельству самого капитана Кислякова, не понимая, повидимому, какъ этой бравадой онъ выдаетъ съ головой самого себя.

Дѣйствительно, съ позицій, занимаемыхъ Церпицкимъ, было удобнѣе всего атаковать обходящаго непріятеля: прорывъ японцевъ въ этомъ пунктѣ ставилъ армію Ноги въ крайне опасное положеніе—„кто обходитъ, тотъ самъ обойденъ“; но нерѣшительный, вѣчно опасавшійся за свой тылъ Куропаткинъ отмѣнилъ эту атаку и рѣшилъ произвести наступленіе противъ головы обходящихъ колоннъ Ноги войсками Гернгроса, поручивъ Церпицкому держаться, и держаться крѣпко, потому что отъ его позицій лежалъ ближайшій путь къ Мукдену, гдѣ сосредоточивались всѣ наши склады и тыловыя учрежденія. Естественно, что если бы сюда были притянуты главныя силы для прорыва растянувшихся японцевъ—опасеніе за Мукденъ отпадало, но, какъ бы то ни было, на Церпицкаго была возложена обязанность только держаться на его позиціяхъ, которымъ опасливый главнокомандующій придавалъ огромное значеніе, страшась за Мукденъ. И настойчивыя донесенія Церпицкаго—что передъ нимъ тройныя силы—и требованія подкрѣпленій въ то время, какъ самъ онъ не сомнѣвался въ возможности удержать позиціи, мало того, что тревожно дѣйствовали на воображеніе главнокомандующаго — заставляли посылать къ нему подкрѣпленія и ослабляли насъ въ пунктѣ удара.

По этому же поводу припоминаю разсказъ генерала А., георгіевскаго кавалера, командовавшаго на войнѣ дивизіей и нынѣ корпуснаго командира.

— Въ іюнѣ мѣсяцѣ, на Сипенгайскихъ позиціяхъ, я завтракалъ какъ-то у генерала Куропаткина и слышалъ слѣдующій разсказъ о Церпицкомъ.

„22-го, помнится, числа февраля онъ собственноручно пишетъ донесеніе Куропаткину и Каульбарсу о томъ, что онъ отбилъ 8 атакъ, и что въ резервѣ не остается ни одного баталіона. Приноситъ донесеніе своему Начальнику Штаба для подписи.

Начальникъ Штаба говоритъ, что онъ этого донесенія подписать не можетъ.

— Почему?

— Потому что мы отбили одну только атаку, и резервъ стоитъ у насъ совершенно нетронутымъ.

— Какъ хотите, отвѣтилъ Церпицкій, подписалъ и немедленно отправилъ по назначенію.

„Вообще, говорилъ генералъ А., отдававшій полную справедливость личной храбрости и военной жилкѣ Церпицкаго, у Церпицкаго подъ Мукденомъ было сосредоточено 48 баталіоновъ на пространствѣ 2-хъ верстъ по фронту и 2-хъ верстъ въ глубину, и тѣмъ не менѣе онъ постоянно просилъ подкрѣпленій".

Повторяю еще разъ, что генералъ А. относился къ Церпицкому совсѣмъ не пристрастно и отдавалъ справедливость его храбрости и военной жилкѣ.

Поведеніе Церпицкаго подъ Мукденомъ, когда рѣшалась участь кампаніи, когда дѣло шло о нашей чести и славѣ, невольно заставляетъ вспомнить другого храбреца, но храбреца совсѣмъ иного закала, который, чтобы не тревожить главнокомандующаго въ пунктѣ, гдѣ рѣшалась участь турецкой войны, среди самой ужасной обстановки, когда турки угрожали тылу его позиціи, а солдаты замерзали, стоя на часахъ, находилъ въ себѣ достаточно военнаго и гражданскаго мужества, чтобы не посылать главнокомандующему иныхъ донесеній, какъ „на Шипкѣ все спокойно".

Вотъ классическій образецъ, достойный подражанія, который долженъ перейти въ вѣка! И имени этого героя, надѣюсь, называть не нужно: оно не изгладилось еще и не должно изгладиться изъ благодарной памяти моихъ соотечественниковъ.

Вообще, на военное дѣло надо смотрѣть, какъ на дѣло святое, въ которомъ всѣ фокусы, личные интересы, счеты самолюбія, или тщеславія должны быть отброшены въ сторону. Дѣло это жестокое, ужасно жестокое, требующее, поэтому, полной добросовѣстности. И вотъ этой-то добросовѣстностью храбрецъ Церпицкій не отличался. Да, впрочемъ, онъ ли одинъ и много ли людей высшаго командованія, начиная съ главнокомандующаго, руководились не личными побужденіями, не эгоизмомъ, не мелкими интересами самолюбія, тщеславія, желанія показать себя съ казовой стороны, многимъ ли приходило въ голову, что ихъ дрянныя побужденія стоятъ крови, ужасныхъ страданій и рано или поздно получатъ надлежащую оцѣнку безпристрастной и безстрастной исторіи?

А. Витмеръ.

Письмо [1]) о кончинѣ Императора Александра I, найденное въ бумагахъ барона Петра Казиміровича Мейендорфа [2]), среди другихъ бумагъ того же года.

Таганрогъ 23-го Ноября 1825 года.

Ужасная вѣсть о кончинѣ Государя дошла до васъ уже, Любезные друзья Н. Н. то мнѣ теперь остается сказать вамъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ постигшаго насъ несчастія, такъ судьбѣ угодно было, что Государь на убѣжденіе согласился и отправился въ Крымъ 27-го Октября, въ Горахъ близь Олушты Государь проѣзжая верхомъ, безпрестанно долженъ былъ, или опускатся съ Горъ, или подыматься на горы, у подошвы горъ очень было жарко, а выше холодно, и чѣмъ выше тѣмъ холоднѣе, была же къ тому ужасная буря, Государь безпрестанно внизу снималъ фуражку и отирался, какъ чрезъ минуту поднявшись на высоту чувствовалъ противное; въ тотъ же день чрезъ Байдарскую долину проѣзжая въ Севастополь остановился на дорогѣ и осматривалъ Георгіевской монастырь верхомъ съ двумя татарами и переводчикомъ; въ 5-ти верстахъ отъ дороги; уже смеркалось и было очень холодно: спросили не угодно ли надѣть шинель или бурку?—не надо, и отправился а отъ туда возвратился часа чрезъ два, вставъ съ лошади сказалъ: очень холодно, и что онъ озябъ, и надѣлъ шинель, сѣлъ въ коляску и отправился въ Севастополь куда уже прибылъ въ 9-ть часовъ вечера; на другой день также въ одномъ мундирѣ былъ при парадѣ у спуска судна на Александровскую батарею, потомъ на морѣ и все сіе очень поздно кончилъ, замѣтили перемену въ лицѣ онъ не жаловался; но на балъ не поѣхалъ и отказался; въ Бакче-Сараѣ на Гаевѣ и Перекопѣ замѣтили, что онъ такъ сказать не по себѣ; въ Ореховѣ самъ уже

---

[1]) Письмо приводится въ точной копіи.

[2]) Бар. Мейендорфъ въ 1825 г. былъ секретаремъ при русскомъ посольствѣ въ Мадридѣ.

сказалъ; что онъ не много не здоровъ, а въ Маріуполѣ за 125. верстъ до Таган—рога недоѣзжая, на начлегѣ позвалъ Вілліе сказалъ, что чувствуетъ ознобъ, и что намеренъ выпить пуншу, чтобъ пропотѣть выпилъ пуншу и укутался но невспотѣлъ; 5-го Ноября потребовалъ на ноги мѣхи и надѣлъ мѣховую шинель и настанціи за обѣдомъ сказалъ, что чувствуетъ лихорадку Крымскую 125. верстъ до Таган—рога онъ всё засыпалъ и послѣднею едва двигались, такъ ему тежело было ѣхать; безпрестанно спрашивалъ сколько верстъ осталось ѣхать, но на голову не жаловался, пріѣхавъ въ 7-мъ часу вечера ни кого не принималъ, на другой день началъ было одѣваться и ходить, и ходилъ пѣшкомъ, но не могъ, потомъ хуже и хуже 8-го числа написалъ коротенькое письмо къ Императрицѣ, далѣе все хуже, но какъ не уговаривали принять лекарство, но онъ не принималъ—15-го рано по утру принявъ предложеніе Императрицы исповѣдывался и преобщился когда Священникъ преобщилъ то ставъ предъ нимъ на колени сказалъ?, что онъ увраче валъ душу и просилъ отъ церькви народа, чтобъ онъ согласилъ врачевать тело; если надобно? Я согласенъ отвѣчалъ и тутъ же сказалъ: теперь я вижу что опасно боленъ? Пустили 50. піявокъ, сдѣлалось по легче, потомъ опять хуже, горчица не пособили 16-го былъ безъ чувствъ,17, приложили у затылка мушку было легче и проговорилъ, но съ 18-го почти не открывалъ глазъ 19-го въ 10-ти часовъ 50. минутъ утра кончилъ жизнь. Императрица была безъ отлучно при немъ 5-ть сутокъ не спала и не кушала, когда сталъ кончатся, начали читать отходную Императрица всё держала его за руку, а когда испустилъ духъ, то она закрыла глаза, подвязала платкомъ подбородокъ, сложила руки поцѣловала, сказавъ: прощай мой другъ!... обратилась къ образу, помолилась и пошла въ свою половину, едва къ себѣ вошла, зарыдала какъ потомъ вскорѣ сказала: Господи прости мои слабости, ободрившись приказала при тѣлѣ служить понихиду, взяла свѣчу и не плакала.—Но скорбь ужасная видна была на лицѣ ея, на другой день перевезли ее въ другой домъ, вчера была у тѣла на понихидѣ, и сегодняшняго дня начала говѣть; Императрица не человѣкъ, но Ангелъ во плоти, чудо, переноситъ съ величіемъ души! но очень слаба; ужасное здѣсь положеніе плачь! видѣли тѣло, но все еще не опомнилися, все намъ кажется не воснѣ ли, видимъ по воскрытіи тѣла все нашли въ наилутъшемъ видѣ, но когда черепъ воскрыли, то вылилось до 50-ти золотниковъ воды.—Ждемъ сюда изъ Варшавы Цесаревича.

Сообщилъ баронъ А. Мейендорфъ.

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ.
(1864 — 1909 г. г.).

ГЛАВА X [1]).

Соединенные Штаты Сѣверной Америки. — Всемірная Выставка въ Чикаго 1893 г.—Вызовъ въ Петербургъ къ С. Ю. Витте и предложеніе ѣхать на Выставку.—Осложненія и затрудненія вопроса.—Подробная программа порученій, мнѣ данныхъ Министерствомъ Финансовъ. Бюрократическая сложность и тягость заданныхъ темъ для изслѣдованія.—Письмо А. И. Чупрова противъ такого характера порученій.—Переѣздъ черезъ Атлантическій океанъ. — Первыя впечатлѣнія Америки и г-жа Гэпгудъ.—Встрѣча на океанійскомъ пароходѣ съ г-жею Марсденъ, искоренительницею проказы, и ея московскія приключенія. Исполненіе мелкихъ порученій Министерства.—Вашингтонъ.—Чикаго: впечатлѣнія города и Выставки.—Безстыдство американской рекламы.—Возвращеніе въ Европу.

Въ 1893 году Соединенные Штаты Сѣверной Америки въ первый разъ выступили на мирное экономическое состязаніе, объявивши у себя открытіе всемірной выставки въ г. Чикаго по всѣмъ отраслямъ народнаго хозяйства, искусства, техники и образованія въ память великаго Колумба, за 500 лѣтъ открывшаго Америку. Приглашались всѣ народы всѣхъ державъ почтить этотъ американскій праздникъ состязанія промышленности и культуры всѣхъ видовъ. На вызовъ охотно откликнулась и Россія, стремясь съ честью занять мѣсто среди культурныхъ народовъ на этомъ народномъ соревнованіи. Новый нашъ Министръ Финансовъ, незадолго передъ этимъ назначенный С. Ю. Витте, близко знакомый по своей прежней дѣятель-

---

[1]) См. „Русская Старина“ мартъ 1911 г.

ности съ желѣзными дорогами и ясно сознавая великое будущее Заатлантической Республики и ея Выставки, хотѣлъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и представить Россію какъ можно полнѣе и лучше со всѣми ея силами и богатствами, и въ то же время собрать на Выставкѣ данныя, необходимыя для русскаго хозяйства и промышленности въ широкомъ смыслѣ. Поэтому еще въ началѣ 1892 г. появились въ газетахъ слухи о предположеніи командировать на Выставку многихъ нашихъ ученыхъ для собранія тѣхъ или иныхъ свѣдѣній и данныхъ.

Въ виду этихъ слуховъ, меня нисколько не удивило, когда, въ это время проживая въ Москвѣ за своимъ постояннымъ занятіемъ преподаванія въ Университетѣ, я получилъ въ концѣ октября 1892 г. телеграмму за подписью Министра Витте, приглашающую меня въ Петербургъ для переговоровъ по нѣкоторому важному дѣлу. Безполезно говорить, что этотъ вызовъ доставилъ мнѣ большое удовольствіе. До тѣхъ поръ я имѣлъ честь знать о С. Ю. Витте очень мало, лишь дважды обмѣнявшись съ нимъ письмами по поводу взаимной посылки своихъ ученыхъ трудовъ. Когда-то съ удовольствіемъ и интересомъ я прочелъ его сочиненіе о желѣзнодорожномъ тарифѣ и въ свою очередь послалъ ему нѣкоторыя свои работы. У меня сразу мелькнула естественная мысль, что его вызовъ связанъ со Всемірной Выставкой. Представлялся лишь нерѣшеннымъ вопросъ о подробностяхъ самаго предложенія и особенно цѣляхъ его.

Въ ближайшій же день я отправился въ Петербургъ и явился сначала къ давно знакомому мнѣ почтенному В. И. Ковалевскому, Директору Департамента Торговли и Мануфактуры. Отъ него я узналъ подтвержденіе моей догадки о командировкѣ въ Чикаго на Выставку въ качествѣ одного изъ представителей отъ Министерства Финансовъ. Вслѣдъ затѣмъ, почти немедленно я представился г. управляющему Министерствомъ и былъ имъ принятъ отмѣнно любезно, выслушалъ нѣсколько комплиментовъ своимъ научнымъ трудамъ, съ которыми С. Ю. Витте былъ очевидно хорошо знакомъ, и желаніе Министра воспользоваться моими знаніями для цѣлей Министерства. Узнавши отъ меня, что я не особенно тороплюсь возвращеніемъ въ Москву и предполагаю остаться нѣсколько дней, Министръ настоятельно попросилъ меня въ такомъ случаѣ побывать у его товарища А. С. Ермолова и поговорить съ нимъ относительно одной бумаги, по которой желательно имѣть мое мнѣніе о предполагаемыхъ новыхъ налогахъ. Вскорѣ я посѣтилъ г. Ермолова и получилъ черезъ него проектъ возстановленія незадолго передъ этимъ (при Лорисъ-Меликовѣ) отмѣненнаго у насъ

налога на соль. Послѣ бесѣды и нѣкоторыхъ своихъ замѣчаній относительно даннаго проекта, я поспѣшилъ возвратиться домой въ Москву.

Положеніе мое по поводу желанія Министерства привлечь меня къ участію въ выработкѣ своего проекта было довольно щекотливое. Съ одной стороны, я былъ фактически противъ соляного налога и всегда говорилъ и писалъ противъ него, съ другой стороны, отмѣна его во время Министерства Лориса-Меликова совершилась настолько поспѣшно, а ожиданія отмѣны были такъ преувеличены и раздуты усердіемъ нашихъ мало-свѣдущихъ публицистовъ [1]), что легко было, конечно, привести много аргументовъ противъ этой отмѣны и указать на другіе изъяны нашего государственнаго хозяйства, гораздо болѣе крупные и требующіе болѣе настоятельной реформы.

Прошло недѣли двѣ времени, и положеніе мое по данному вопросу затруднилось и осложнилось еще болѣе. Въ одно прекрасное утро ко мнѣ явился оберъ-кондукторъ Николаевской желѣзной дороги съ частнымъ письмомъ отъ В. И. Ковалевскаго и съ пакетомъ разныхъ оффиціальныхъ бумагъ и книжекъ. На этотъ разъ В. И. Ковалевскій уже прямо сообщалъ о просьбѣ Министра просмотрѣть присланныя бумаги и составить докладную записку о соляномъ налогѣ, въ томъ родѣ, какъ я высказывался когда-то противъ его отмѣны въ своихъ „Очеркахъ изслѣдованія“.

Становился такимъ образомъ какъ бы вопросъ: „To be or not to be?!“ Съ одной стороны, я только что получилъ отъ Министра крайне для меня пріятное порученіе — ѣхать въ Америку, что составляло одну изъ завѣтныхъ мыслей моей жизни, которую выполнить безъ этого предложенія я былъ не въ состояніи, но, съ другой, я былъ обязанъ за это выступить гласно съ изложеніемъ мнѣній, несогласныхъ съ моими печатно заявленными воззрѣніями на данный вопросъ... Я долженъ былъ рѣшить, между тѣмъ, этотъ вопросъ тотчасъ же. Письмо В. И. Ковалевскаго требовало немедленнаго отвѣта и возвращенія всѣхъ матеріаловъ въ случаѣ отрицательнаго отвѣта. Оберъ-кондукторъ въ свою очередь высказывалъ нетерпѣніе и торопилъ распиской. Какъ быть, согласиться или отказать?

Послѣ короткаго колебанія и совѣщанія съ моимъ постояннымъ

---

[1]) Напр. Леонидъ Черняевъ, авторъ многочисленныхъ тенденціозныхъ статей о соляномъ налогѣ. См. мою книгу „Очерки и изслѣдованія“, томъ II. Москва. 1884 г. Статья 6. „Причины и послѣдствія отмѣны соляного налога“. Стр. 404 и далѣе.

и дорогимъ совѣтникомъ—женой, было рѣшено безусловно отказаться отъ составленія какой-либо бумаги и какого-либо мнѣнія по предложенному проекту возстановленія соляного налога, кромѣ тѣхъ замѣчаній, которыя я уже сдѣлалъ въ Петербургѣ. Сознаюсь откровенно, что мнѣ было очень тяжело отказать, тѣмъ не менѣе, Министерству Финансовъ въ услугѣ для меня, близко знакомаго съ вопросомъ,—весьма легкой. Но этого требовала во-первыхъ моя авторская щепетильность, и затѣмъ увѣренность, что въ лицѣ С. Ю. Витте, обратившагося ко мнѣ въ первый разъ съ просьбой о подобной услугѣ, я имѣю дѣло не съ какимъ-либо ординарнымъ лицомъ, обыкновеннымъ петербургскимъ бюрократомъ, а съ человѣкомъ высокаго ума и дарованія, который оцѣнитъ мои побужденія въ отказѣ и отнесется къ нему съ должнымъ снисхожденіемъ. Наилучшимъ оправданіемъ моихъ ожиданій служитъ то, что въ дѣйствительности моя командировка въ Америку состоялась въ надлежащее время. Никакого вліянія мой отказъ Министру въ его желаніи въ этомъ случаѣ не оказалъ, и я впредь всегда встрѣчалъ отъ С. Ю. такое же доброе вниманіе и любезность, какъ при первомъ посѣщеніи. Обыденная, ежедневная мѣрка людей мелкихъ отнюдь не примѣнима и не прилагается къ людямъ крупнымъ и выдающагося государственнаго ума, какъ Витте, говоря переставленными словами латинской поговорки: „Quod licet bovi non licet Jovi“.

5-го февраля 1893 года я получилъ увѣдомленіе о командированіи меня въ Америку во время Выставки въ Чикаго делегатомъ отъ Министерства Финансовъ для изслѣдованія главнѣйшихъ явленій экономической жизни Соединенныхъ Штатовъ и для участія на Выставкѣ въ экспертизѣ съ содержаніемъ на счетъ Министерства 3.200 р. металлическихъ въ четыре мѣсяца на всѣ могущія быть издержки на это путешествіе и изслѣдованіе.

Единовременно съ этимъ Ковалевскій просилъ сообщить ему подробную программу моихъ предполагаемыхъ занятій и работъ въ Америкѣ, которую, послѣ обсужденія своего, онъ долженъ былъ представить для окончательнаго утвержденія Министру Финансовъ.

Въ этой бумагѣ содержался уже для меня большой сюрпризъ, не входившій въ мои разсчеты,—участіе въ экспертныхъ работахъ, что привязывало меня необходимо въ Чикаго, и во-вторыхъ въ данномъ отношеніи отъ 5-го февраля мнѣ сообщалось, что по указанію г. Министра Финансовъ въ программу моего изслѣдованія должно быть включено ознакомленіе съ постановкой въ Соединенныхъ Штатахъ *элеваторнаго дѣла, организаціи хлѣбной торговли*, внутренней и вывозной *и правительственной за нею инспекціи*.

Можно себѣ представить, какъ я былъ непріятно удивленъ этой первой оффиціальной бумагой о своей командировкѣ въ Америку, которую дожидался, между тѣмъ, съ такимъ нетерпѣніемъ. Я уже составилъ себѣ планъ изслѣдованія въ Америкѣ по нѣкоторымъ вопросамъ, изъ коихъ первое мѣсто долженъ былъ занять огромной важности и развивавшійся въ то время вопросъ о синдикатахъ и трёстахъ. По имѣвшимся уже тогда въ моемъ распоряженіи даннымъ, мнѣ необходимо было побывать прежде всего въ Пенсильваніи, такъ какъ больше всего трёсты, по слухамъ, развились тамъ, и заняться нѣсколько времени въ богатѣйшей библіотекѣ конгресса въ Вашингтонѣ, что трудно было, разумѣется, совмѣстить съ экспертизой и необходимостью все время торчать въ Чикаго на Выставкѣ! Мнѣ странно даже теперь вспомнить о своей наивности и полномъ незнаніи петербургской бюрократіи въ то время. Въ указанной выше бумагѣ Департамента Торговли мнѣ показалось крайне затруднительнымъ выполнить порученіе объ элеваторахъ, хлѣбной торговлѣ и надзорѣ за ней,—вопросы, которыми я никогда въ жизни не занимался. Но я не ожидалъ даже, что къ этимъ темамъ я получу въ непродолжительномъ будущемъ еще десятки другихъ, изъ которыхъ каждая для добросовѣстнаго изслѣдованія потребовала бы многихъ мѣсяцевъ, а все въ цѣломъ многихъ годовъ, а никакъ не четырехъ мѣсяцевъ, всего предназначенныхъ для моей командировки въ Америку!.....

Между тѣмъ, дѣло было уже рѣшеннымъ и отказаться отъ поѣздки въ Америку было бы поздно и неловко передъ Министерствомъ. Мы уже готовились въ дорогу раньше, чѣмъ это потомъ состоялось. Я забылъ обычную петербургскую волокиту. Еще въ ноябрѣ 1892 г. жена моя писала своей матери: „Иванъ Ивановичъ согласился ѣхать на Выставку и теперь надо дождаться утвержденія отъ Государственнаго Совѣта, чтобы этотъ вопросъ былъ окончательно рѣшенъ. Условія, которыя намъ предлагаютъ, такъ выгодны, что грѣшно было бы отказаться. На тѣ деньги, которыя даются на проѣздъ, можно воспользоваться самымъ комфортабельнымъ пароходомъ и, Богъ дастъ, мы не очень будемъ страдать отъ морской болѣзни. Другого такого случая повидать Америку не представится, и потому мы рѣшились принять предложеніе. Къ Новому Году должна окончательно рѣшиться наша поѣздка. Теперь же мы начинаемъ почитывать все, касающееся Америки и даже для лучшей практики въ языкѣ, чтобы быть болѣе достойными представителями Россіи, хотимъ пригласить англичанку или англичанина спеціально для болтовни. На-дняхъ къ намъ объявился иностранецъ: я обрадовалась, думаю англичанинъ, но оказалось нѣмецъ. Какъ нарочно,

когда нужно инглишмена, его и нѣтъ, а въ другое время къ намъ и къ Стороженко постоянно появляются съ разными рекомендательными письмами изъ Англіи".

„Выставка въ Чикаго, кажется, будетъ расположена очень красиво. Чикаго лежитъ на большомъ озерѣ Мичиганъ, а само пространство, занимаемое выставкой, перерѣзано многочисленными прудами, такъ что почти всякое зданіе одной своей стороной выходитъ на воду. Я никакъ не ожидала, когда лѣтомъ встрѣчала въ журналахъ картинки Выставки, что придется на ней быть. Ивана Ивановича имѣютъ вообще въ виду привлечь въ теченіе этой зимы къ разнаго рода работѣ при Министерствѣ, и я рада, потому что ему разнообразная дѣятельность очень полезна".

Даже мудрый Улиссъ, мой милый другъ А. И. Чупровъ, который очень интересовался моей предстоящей поѣздкой къ заатлантическимъ друзьямъ, не могъ предвидѣть всей той нелѣпой тяжести многочисленныхъ порученій, которую на меня возложили петербургскіе бюрократы, руководствуясь желаніемъ „съ одного вола взять даже не двѣ, а цѣлыхъ десять шкуръ"!.....

Въ февралѣ 1893 г. я ѣздилъ въ Петербургъ вырабатывать подробную программу моего изслѣдованія для утвержденія Министра и для личныхъ переговоровъ и доказательствъ, что „нельзя обнять необъятное"... Оттуда я написалъ подробное письмо своему другу А. И. Чупрову съ изложеніемъ всѣхъ происходившихъ переговоровъ и получилъ интересный отвѣтъ, къ счастью у меня уцѣлѣвшій, отъ 25-го февраля 1893 г. Вотъ это любопытнѣйшее письмо, показывающее взгляды на данный вопросъ безспорно умнаго человѣка: „Дорогой Иванъ Ивановичъ! Большое спасибо тебѣ за дружеское письмо. Мнѣ было весьма интересно и пріятно узнать, что твоя поѣздка налаживается и при томъ въ желательномъ для тебя и для дѣла смыслѣ. Я, впрочемъ, былъ вполнѣ увѣренъ, что такъ именно и выйдетъ: Владиміръ Ивановичъ Ковалевскій слишкомъ дѣльный человѣкъ для того, чтобы возлагать на тебя порученія, которыя тебѣ не симпатичны, и къ которымъ ты не чувствуешь себя достаточно подготовленнымъ. Всѣ вопросы, которые ты для себя взялъ, очень важны, но бѣда въ томъ, что ихъ много, и что они отнимутъ, пожалуй, у тебя все время. Между тѣмъ, какъ я уже говорилъ тебѣ при послѣдней бесѣдѣ, было бы существенно, чтобы у тебя оставался досугъ для общаго осмотра Выставки и изученія тѣхъ ея сторонъ, которыя представляются тебѣ особенно важными. Мы не можемъ въ настоящую минуту предусмотрѣть, что именно будетъ на Выставкѣ и надъ чѣмъ придется поработать. Поэтому мой совѣтъ: отдѣлывайся по возможности отъ лишнихъ порученій, которыя

нерѣдко предлагаются только потому, что нужно же что-нибудь поручить. Мнѣ не нравится, что начальство хочетъ все существенное взвалить на одного человѣка, тогда какъ слѣдовало бы командировать въ Америку и отдать въ помощь тебѣ нѣсколько человѣкъ, напримѣръ техника и агронома. Америка такъ важна для насъ въ смыслѣ образца во многихъ сферахъ экономической жизни,—и Выставка въ Чикаго въ частности—обѣщаетъ столько интереснаго, что на посылку спеціалистовъ скупиться не слѣдовало бы. Лучше съэкономить на отправкѣ предметовъ, которыми все равно не удивишь, но не жалѣть денегъ на отправку людей: новые идеи и пріемы, которые могутъ быть вывезены съ Выставки, съ избыткомъ возмѣстятъ издержки. А. И. Чупровъ".

Эти простыя, здравыя мысли расходились, однако, съ обычной практикой петербургскихъ канцелярій даже при такомъ талантливомъ, выдающемся Министрѣ, какимъ былъ С. Ю. Витте. Никакого техника и агронома ко мнѣ не было, конечно, прикомандировано, и мнѣ пришлось въ Америкѣ изъ собственныхъ денегъ платить одному технику за посѣщеніе и рисунки элеваторовъ, а множество возложенныхъ на меня задачъ такъ меня подавляло, что я заранѣе на большинство изъ порученій, данныхъ мнѣ, долженъ былъ поставить крестъ.

Вотъ въ краткихъ словахъ содержаніе подробнаго проекта программы экономическаго изслѣдованія, порученнаго мнѣ въ Америкѣ. Общая задача, на меня возложенная, распадается на двѣ части: I. Изслѣдованіе *главнѣйшихъ явленій* экономической жизни Соединенныхъ Штатовъ. II. Изученіе нѣкоторыхъ вопросовъ *второстепенной важности*. Къ первой части относится всецѣло предложенная мною тема—вопросъ о синдикатахъ или стачкахъ предпринимателей, а ко второй принадлежатъ самые различные экономическіе и техническіе вопросы, рекомендуемые моему вниманію, помимо вопроса объ элеваторахъ (предложеннаго самимъ Министромъ),—Департаментами торговли и мануфактуръ, окладныхъ, неокладныхъ и таможенныхъ сборовъ. Къ такимъ второстепеннымъ вопросамъ относится, напримѣръ, изученіе извѣстнаго билля Макъ-Кинлея и его вліяніе. Точно также значеніе для покровительственной системы техническаго образованія и его успѣховъ въ народѣ. Въ добавленіе къ этому Всемірная Выставка въ Чикаго должна была представить собой такое обширное зрѣлище соревнованія промышленныхъ и торговыхъ силъ всего свѣта, что внимательный наблюдатель-экономистъ самъ долженъ обратить вниманіе на многія явленія и мѣропріятія, которыя нельзя предусмотрѣть въ настоящей программѣ.

Не ограничиваясь всѣми этими задачами, подробная программа

отъ имени трехъ Департаментовъ (торговли и мануфактуръ, таможенныхъ и неокладныхъ сборовъ) рекомендовала обратить возможное вниманіе въ Соединенныхъ Штатахъ на слѣдующіе экономическіе пункты:

„1-ое. Существуетъ ли въ Соединенныхъ Штатахъ бракованіе товаровъ съ цѣлью нормированія ихъ качества въ интересахъ покупателей, на какіе роды товаровъ распространяется правительственный надзоръ и какъ онъ организованъ“?

„2-ое. Установленъ ли въ Соединенныхъ Штатахъ и, если существуетъ, то какъ организованъ правительственный надзоръ за крупными и мелкими промышленными учрежденіями въ отношеніяхъ санитарномъ, строительномъ и другихъ, исключая урегулированія отношеній фабрикантовъ къ рабочимъ,—не представляющее интереса для изслѣдованія, въ виду несовершенства постановки этого дѣла въ Соединенныхъ Штатахъ и достаточнаго уже знакомства съ этою частью вопроса“.

„3-е. На чьи средства—центральнаго правительства, штатовъ или городовъ относятся расходы по устройству и содержанію портовыхъ сооруженій, и не существуетъ ли для покрытія издержекъ на эти сооруженія особыхъ сборовъ, какихъ именно и каковъ способъ взиманія ихъ? Отвѣтъ желателенъ по 2-мъ или 3-мъ значительнымъ портовымъ городамъ“.

„4-ое. Какіе предметы обложены въ Соединенныхъ Штатахъ акцизнымъ въ пользу казны сборомъ изъ числа необложенныхъ у насъ, и если окажутся таковые, то каковъ размѣръ обложенія и каковы способы обложенія“?

„5-ое. Какія существуютъ въ Соединенныхъ Штатахъ карантинныя правила, и каковъ общій характеръ ихъ примѣненія“?

„6-ое. Не оказалъ ли билль Макъ-Кинлея вліянія на таможенную этику (т. е. вопросъ о взяточничествѣ и подкупѣ“)?

„7-ое. Занимаются ли американскіе элеваторы очисткою зерна, и если да, то какіе изъ нихъ именно (т. е. кому принадлежатъ“)?

„8-ое. Вывозится ли въ Европу зерно: „rejected“ и зерно „unmerchentable“? Если не вывозится, то имѣется ли запрещеніе, общее для Соединенныхъ Штатовъ, или же мѣстное биржевое, или же вывозъ не происходитъ въ виду недопущенія этихъ хлѣбовъ на биржу? Въ случаѣ же вывоза—въ какихъ количествахъ онъ происходитъ“?

„9-ое. Хлѣбная инспекція въ городахъ Нью-Іоркѣ и Чикаго имѣетъ ли компетенцію исключительно въ предѣлахъ города или всего Штата“?

„10-ое. Прослѣдить техническіе пріемы инспекціи и классифи-

каціи хлѣбовъ. (Когда происходитъ классификація хлѣбовъ: до поступленія ихъ въ элеваторы или послѣ? Какъ производится самая операція контроля надъ хлѣбами во время нахожденія ихъ въ элеваторѣ“)?

„11-ое. Не производились ли анализы засоренности американскихъ классифицируемыхъ хлѣбовъ съ опредѣленіемъ наличности % содержанія песка, сора и минеральныхъ примѣсей, и отдѣльно % питательныхъ примѣсей,—и если производились, то каковы результаты анализовъ“?

„Всѣ вышесказанные экономическіе и финансовые вопросы изучаются Г. Янжуломъ по мѣрѣ силъ съ возможной полнотой и обстоятельностью, какъ путемъ личныхъ разспросовъ, такъ и книжнымъ образомъ, а по возвращеніи въ Россію Г. Янжулъ обязанъ не позже одного года составить подробный отчетъ о своемъ изслѣдованіи и представить его въ Департаментъ торговли и мануфактуръ, что, конечно, не исключаетъ возможности представленія отвѣтовъ на перечисленные вопросы и ранѣе этого срока“.

Но этими многочисленными и подчасъ очень трудными для формулировки и отвѣта вопросами не ограничивались задачи, заданныя мнѣ Министерствомъ Финансовъ для американскаго путешествія. Когда уже общая программа была составлена, Г. Слободчиковъ, Директоръ Департамента Окладныхъ Сборовъ, прислалъ мнѣ еще болѣе сложную и трудную программу, выполняя которую я долженъ былъ бы написать для одного этого Департамента полный курсъ федеральныхъ и штатныхъ финансовъ, курсъ податной администраціи и курсъ экономической политики спеціально по землевладѣнію и землепользованію, и т. д. и т. д. цѣлый рядъ подобныхъ курсовъ.

Вотъ эта умная программа указаннаго Департамента, которая произвела на меня нѣсколько комичное впечатлѣніе, и до сихъ поръ я не могу читать её безъ смѣха, въ виду крайней несообразности такого порученія съ наличными средствами и обстоятельствами.

„I. Прямые налоги (установленные въ пользу Штатовъ и общинные мѣстные), ихъ система и особенности. Способы оцѣнки поземельной собственности для податныхъ цѣлей. Денежныя повинности“.

„II. Натуральныя повинности; виды ихъ и способы отбыванія. Финансовое и экономическое значеніе натуральныхъ повинностей“.

„III. Организація мѣстной податной администраціи“.

„IV. Различныя формы землепользованія“.

„V. Новѣйшія данныя о результатахъ примѣненія законоположеній о гомстетахъ (Homestead).

И того, слѣдовательно, разные органы Министерства Финансовъ, отправляя меня въ Америку, возложили на меня 19 (девятнадцать), по меньшей мѣрѣ, самыхъ разнородныхъ порученій и самаго разнообразнаго характера, при чемъ многія изъ нихъ, какъ напримѣръ I. „Прямые налоги“ (Департ. оклад. сборовъ),—„II. Натуральныя повинности“,—„III. Организація мѣстной податной администраціи“ и т. д. представляютъ собой, какъ я уже раньше ихъ называлъ, цѣлые курсы, которые читаются въ университетахъ цѣлые семестры, если не цѣлые года. Другія изъ этихъ девятнадцати порученій представляли темы по изученію мало изслѣдованнаго матеріала, требующаго многіе мѣсяцы работы и личныхъ разспросовъ, какъ вопросы о синдикатахъ и торговыхъ учрежденіяхъ. Третья тема изъ данныхъ порученій требовала большого числа справокъ и разъѣздовъ, какъ вопросъ объ акцизахъ, въ разныхъ штатахъ поставленный различно. Наконецъ нѣкоторыя другія темы и задачи, какъ напримѣръ тема о вліяніи билля Макъ-Кинлея на этику или взяточничество и продажность вызывали необходимость цѣлыхъ полицейскихъ и чуть не судейскихъ изслѣдованій, къ которымъ иностранца, можетъ быть, совсѣмъ и не допустили бы... Къ этой программѣ присоединилось предложеніе, отъ Департамента Окладныхъ Сборовъ, привезти или доставить справочныя книги разнаго рода по изслѣдуемымъ вопросамъ и темамъ.

Смѣю думать, что самъ С. Ю. Витте едва ли имѣлъ представленіе о всѣхъ этихъ геркулесовскихъ трудахъ на меня возложенныхъ на четыре, а если выкинуть время на дорогу, то на три мѣсяца моего изслѣдованія,—иначе, думаю, онъ его значительно сократилъ бы. Большинство этихъ разнородныхъ темъ вызвано усердіемъ не по разуму многочисленныхъ представителей финансовой администраціи. Каждый старался перещеголять своего товарища, и если одинъ возложилъ на профессора, командируемаго на казенный счетъ такъ далеко, два порученія, то другой („Чѣмъ онъ былъ хуже“!?), предлагалъ собрать свѣдѣнія по цѣлымъ шести темамъ и т. д. и т. д. Первоначально я пришелъ отъ всего этого въ полное отчаяніе и рѣшилъ, какъ ни зашло далеко дѣло, явиться къ Министру и отъ всего отказаться, но затѣмъ мудрые и опытные люди изъ того же Вѣдомства, съ которыми я подѣлился своими затрудненіями и намѣреніями, остановили меня отъ такого рѣшительнаго шага, объясняя мнѣ, что все это обычная казовая сторона петербургскаго бюрократическаго веденія дѣла, что я отнюдь не долженъ пугаться столькихъ задачъ и заниматься изъ многихъ, порученныхъ мнѣ

темъ, исключительно вопросами мнѣ желательными и которые я считаю за наилучшіе и наиболѣе настоятельные. Въ концѣ концовъ для моихъ неопытныхъ силъ въ тайнахъ петербургскихъ канцелярій былъ разрѣшенъ обширный вопросъ о моей дѣятельности въ Америкѣ. Я успокоился и мирно началъ готовиться къ дальнему и трудному путешествію за Атлантическій океанъ.

Былъ тщательно выбранъ день, чтобы по возможности поспѣть, если не къ открытію Выставки, то къ одному изъ первыхъ дней ея. На 20-ое марта взяты были билеты на Берлинъ съ тѣмъ, чтобы черезъ Гамбургъ ѣхать въ Америку. Многолюдная компанія друзей и пріятелей собралась 20-го числа на Брестскомъ вокзалѣ къ отходу почтоваго поѣзда, чтобы проводить насъ съ женой въ дальнюю дорогу. Въ числѣ провожавшихъ былъ нашъ знаменитый писатель Л. Н. гр. Толстой, отъ котораго вмѣстѣ съ супругой я имѣлъ порученіе въ Америку, подробно описанное въ VI главѣ „Моихъ воспоминаній“ („Русская Старина“ май 1910 г.). Разумѣется, общее вниманіе на вокзалѣ было привлечено фигурой Льва Николаевича, пока мы съ нимъ не простились, и поѣздъ не отправился въ путь.

Благополучно, хотя убійственно медленно и однообразно на четвертый день утромъ доѣхали до Берлина. Почти тотчасъ же въ Берлинѣ взяты были билеты на огромномъ суднѣ „Normania“, отправлявшемся въ Нью-Іоркъ 6-го апрѣля н. с. Около недѣли оставалось у насъ свободной, и такъ какъ на это время приходилась русская Святая, то мы рѣшились провести праздники въ Дрезденѣ, въ родномъ для насъ отчасти мѣстѣ, и гдѣ сохранились у насъ знакомства, куда и переѣхали. Къ назначенному сроку 12-го апрѣля н. с. мы пріѣхали скорымъ поѣздомъ въ Гамбургъ и, увы, узнали тамъ непріятную новость, что „Normania“ по случаю какого-то недавняго несчастія поступила въ починку и въ назначенный срокъ отбыть не можетъ. Вмѣсто всякаго вознагражденія гамбургское американское общество предложило намъ на выборъ,—еще подождать съ недѣлю и отплыть на своемъ самомъ огромномъ суднѣ „Fürst Bismark“, или же черезъ три дня на небольшомъ пароходѣ „Servia“, весьма тихоходномъ. Послѣ небольшого размышленія и колебанія мы рѣшили разсѣчь Гордіевъ узелъ—совсѣмъ не ѣхать на гамбургскомъ суднѣ. Поэтому мы настоятельно потребовали возвратить намъ деньги, заплаченныя впередъ и вещи, также отправленныя впередъ, и поспѣшили съ экспрессомъ перенестись немедленно изъ Гамбурга въ Лондонъ, чтобы захватить тамъ мѣсто на одномъ изъ судовъ, имѣющихъ отправиться, какъ мы знали изъ расписанія, 15-го апрѣля изъ Ливерпуля въ Нью-Іоркъ.

Въ назначенный срокъ, благодаря чрезвычайной быстротѣ сообщенія, мы въ два дня перенеслись изъ Гамбурга въ Ливерпуль, при чемъ успѣли въ Лондонѣ захватить послѣднюю каюту въ двѣ койки на огромномъ и роскошномъ суднѣ „Etruria“ и вечеромъ 15-го къ отходу парохода были въ гавани съ экспрессомъ, продѣлавшимъ безъ остановки весь длинный путь отъ Лондона до Ливерпуля.

Я не буду описывать здѣсь нашъ длинный и интересный переѣздъ черезъ океанъ, какъ и „Этрурію“, цѣлый городъ по своимъ размѣрамъ, такъ какъ сдѣлалъ это обстоятельно въ другомъ мѣстѣ [1]). Утомительно тяжелая и небезопасная процедура съ таможенными кончилась; нашъ багажъ по американскому обычаю мы сдали въ транспортную контору для доставки намъ на домъ, а сами выбрались на набережную Нью-Іорка, весьма грязную и дурно освѣщенную и съ опасностью попасть подъ поѣзда, шнырявшіе не переставая вдоль берега, пробрались къ траму (особой канатной системы, еще не электрической) и отправились на 18-ую улицу, гдѣ было выбрано нами предварительно и списавшись пристанище, въ домѣ одного россіянина (нѣкто Бѣляковъ), бывшаго нѣкогда предводителя дворянства въ Симбирской губерніи и бѣжавшаго отъ долговъ въ Америку, гдѣ устроился, проѣвши, вѣроятно состояніе, хорошимъ поваромъ въ одномъ Нью-Іоркскомъ громадномъ универсальномъ магазинѣ, и сверхъ того съ помощью жены-ирландки содержавшимъ небольшой пансіонъ преимущественно для русскихъ.

Въ пансіонѣ Бѣлякова мы устроились весьма комфортабельно и удобно; нашли своихъ знакомыхъ изъ Москвы, извѣстную пѣвицу Е. Э. Линеву (урожденную Покрицъ), которая знакомила съ русскимъ хоромъ и нашимъ національнымъ пѣніемъ американцевъ на Выставкѣ. Съ перваго же дня пріѣзда, благодаря хорошему ознакомленію съ городомъ по гидамъ и планамъ, мы вмѣстѣ съ женой и поодиночкѣ не встрѣчали почти никакихъ препятствій разыскивать различныхъ рекомендованныхъ намъ лицъ и собирать нужныя свѣдѣнія, я—въ сферѣ программы Министерства Финансовъ, жена по вопросамъ народнаго и спеціально женскаго образованія и труда. Особенно много, болѣе двадцати рекомендательныхъ писемъ, я получилъ отъ высокоуважаемаго Л. Н. гр. Толстого и, не успѣвши израсходовать ихъ въ Америкѣ, привезъ ему обратно. Для первыхъ впечатлѣній американской жизни для насъ весьма цѣнны, конечно,

---

[1]) См. И. и Е. Янжулъ „Часы досуга“. Москва 1896 г. Часть II „Американскіе очерки и картинки“. (Большею частью напечатаны предварительно въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“).

наши первыя письма домой на родину. Корреспонденція въ Америкѣ получалась крайне неаккуратно, и письма часто пропадали. Вотъ, напримѣръ, выдержка изъ письма жены къ матери въ одинъ изъ первыхъ дней нашего пребыванія въ Штатахъ.

„Мы устроились, пишетъ она, очень хорошо у нашего русскаго хозяина Бѣлякова и принимаемся за работу. Ив. Ив. уже многое для себя узналъ въ послѣдніе дни; я же немножко задержалась зубной болью, впрочемъ теперь я уже почти избавилась отъ нея и съ завтрашняго дня тоже начну дѣйствовать..... Американцы очень любезный народъ и насъ забросали разными приглашеніями осматривать и то, и другое; иногда не разберешься даже въ разнаго рода рекомендаціяхъ и указаніяхъ,—такое ихъ множество! Многіе американцы первые являются къ намъ на домъ, и хотя я еще не пускалась, продолжаетъ жена, въ ходъ, но передо мной прошелъ уже цѣлый калейдоскопъ лицъ, а Ив. Ив—ча разыскиваютъ бывшіе его ученики изъ евреевъ, выгнанные изъ Москвы. Тяжелую имъ приходится испытывать долю, прежде чѣмъ они устроются здѣсь такъ или иначе, и всѣ почти начинаютъ съ самаго простого ручного труда; да и тотъ не всегда легко найти, потому что, хотя здѣсь платятъ хорошія цѣны (прачка поденщица получаетъ напр. 2 р. въ день), но и требуютъ интенсивнаго и упорнаго труда, а русскіе къ тому же пріѣзжаютъ почти всѣ безъ знанія языка. Сегодня, напримѣръ, приходилъ незнакомый юноша почему-то къ Ив. Ив—чу просить помочь отыскать ему какое-нибудь мѣсто, хотя бы самое простое!..... Ив. Ив. въ свою очередь попросилъ хозяина, и тотъ обѣщалъ подумать“.

„Несмотря на то, что здѣсь временемъ дорожатъ столько же, какъ деньгами, тѣмъ не менѣе городъ по внѣшности не производитъ впечатлѣнія суетливости. Около нашей квартиры проходитъ воздушная желѣзная дорога, которою приходится часто пользоваться. Поѣзда проходятъ каждыя двѣ минуты, но тѣмъ не менѣе пассажиры сходятъ и садятся преспокойно, какъ мы садимся въ тарантасъ въ деревнѣ..... Американцы суетятся только, когда имъ предстоитъ какое-нибудь зрѣлище: тогда они приходятъ въ волненіе и готовы сбить другъ друга съ ногъ и забыть всѣ правила приличія“.

„Такъ недавно я видѣла очень хорошо одѣтыхъ дамъ, которыя влѣзали на высокую телѣгу и становились на положенную поперекъ нея доску посмотрѣть на шествіе войскъ всѣхъ народностей, собравшихся по случаю Колумбійскаго празднества“.

„Еще поражаетъ, при общей дѣловитости, та масса времени и энергіи, которая тратится американками на закупки. То, что происходитъ въ Москвѣ только во время дешевыхъ товаровъ, здѣсь

происходитъ каждый день въ центрахъ торговли: дама, иногда съ младенцами на рукахъ, по цѣлымъ часамъ блуждаетъ по магазинамъ, которые всѣ устроены здѣсь по типу „Мюръ и Мерелизъ“, и въ которыхъ можно гулять, даже ничего не покупая“.

„Мы съ С. Э. Линевой ходили разъ закупать разныя вещи для обмундировки ея хора, и вотъ я тогда насмотрѣлась на закупающихъ американокъ. Онѣ дѣлаютъ это съ такимъ ожесточеніемъ, какъ-будто всё счастье ихъ жизни зависитъ отъ удачной покупки.

„Кромѣ этихъ центровъ торговли, городъ менѣе оживленъ, чѣмъ Лондонъ, а улицы до того грязны и плохо мощены, что превосходятъ Москву. На извощикахъ тутъ никто не ѣздитъ, такъ что, когда переходишь черезъ улицу, то надо беречься только конки, да фуръ. Надъ головой шумитъ проходящій поѣздъ, который первое время пугаетъ, но потомъ привыкаешь чувствовать себя подъ нимъ въ безопасности“.

Точно такого же содержанія были и мои первыя письма изъ Америки. „Ваше письмо (сегодня полученное)—пишу я отъ 25-го апрѣля матери моей жены,—несказанно насъ обрадовало: дѣло въ томъ, что первое Ваше письмо до насъ не дошло, очевидно пропало. Вообще почту здѣшнюю похвалить нельзя; „Русскія Вѣдомости“, напримѣръ, я получаю съ большими пропусками; на пропажу писемъ также многіе жалуются.

„Такъ какъ вы теперь, вѣроятно, получили хоть одно изъ двухъ нашихъ американскихъ писемъ, то намъ нѣтъ нужды повторять, что мы переѣхали океанъ благополучно, и право на сушѣ болѣе опасностей, нежели въ такихъ плавучихъ городахъ, какъ океанійскіе пароходы съ ихъ тысячнымъ населеніемъ (съ нами на „Этруріи“ ѣхало около 1.300 человѣкъ вмѣстѣ съ экипажемъ). Морская болѣзнь очень непріятна, но также не опасна ничуть и при томъ не всегда бываетъ; со мной во всю недѣлю переѣзда не была ни разу, а если жена страдала, то по своей трусливости“.

„Американцы—народъ очень любезный и обязательный, не только исполняютъ охотно просьбы, но стараются предупреждать ихъ, и даже по-русски любятъ зазывать обѣдать запросто: вотъ напр. сегодня я обѣдаю у здѣшняго университетскаго профессора Селигмана—моего сотоварища по наукѣ. Жена понемногу также осматривается и завязываетъ свои школьныя знакомства; я же большею частью времени работаю въ библіотекахъ“.

Большое значеніе въ нашихъ первыхъ шагахъ по Нью-Іорку и осмотрахъ его учрежденій играла г-жа Варвара Гэпгудъ (Hargood), о которой я упоминалъ во главѣ VI, разсказывая о порученіи гр. Л. Н. Толстого и его семейства. Графиня Софья Андреевна

прислала ей два женскихъ костюма тульской крестьянки, графъ же Левъ Николаевичъ—свою рукопись для перевода. Г-жа Гэпгудъ была очень признательна за доставленіе этихъ „прекрасныхъ“ костюмовъ, какъ она вѣжливо назвала тульскія паневы и довольно безобразные платки; сначала упорно хотѣла мнѣ заплатить расходы провоза, но когда я также упорно отказался отъ этого, тѣмъ болѣе что провозъ отъ Европы почти ничего не стоилъ, г-жа Гэпгудъ немедленно обратилась къ практическому виду помощи—чѣмъ она можетъ лично намъ служить? Я, помнится, попросилъ ее, перебирая свои многочисленныя порученія отъ Министерства, доставить мнѣ доступъ къ начальнику порта г. Нью-Іорка, чтобы добыть данныя о портовыхъ сборахъ для Министерства. Она немедленно сдѣлала надлежащую отмѣтку въ своей записной книжкѣ, обѣщалась доставить мнѣ рекомендацію отъ извѣстнаго лица къ начальнику порта и черезъ нѣсколько дней дѣйствительно это сдѣлала.

Что же касается до моей жены, то узнавши изъ ея объясненія, что она интересуется разными сторонами народнаго образованія и знакомствомъ съ разными женскими благотворительными и образовательными учрежденіями, г-жа Гэпгудъ, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, немедленно взяла мою жену на буксиръ и повезла ее въ экскурсію по школамъ и другимъ учрежденіямъ, дабы познакомить лично съ нѣкоторыми руководителями и начальниками этихъ учрежденій. Предложивши прежде всего зайти въ одну недалеко кстати отъ насъ лежавшую церковь, чтобы познакомиться съ ея священникомъ, г-жа Гэпгудъ объяснила, что подъ началомъ этого священника въ зданіи, прилегающемъ непосредственно къ церкви, имѣется цѣлый рядъ просвѣтительно-благотворительныхъ учрежденій, начиная съ дѣтскаго сада, религіозныхъ бесѣдъ съ подростками, читальни для взрослыхъ и кончая шахматнымъ клубомъ для мужчинъ и вечеринками для рабочихъ женщинъ, именуемыми „митингами для матерей“... Впослѣдствіи при посѣщеніи одного подобнаго митинга, жена моя имѣла случай познакомиться съ нѣсколькими интересными типами женщинъ изъ рабочаго класса Новаго Свѣта, которыя, благодаря сохраняемому ею инкогнито, сочли ее также за ищущую заработка, только что пріѣхавшую эмигрантку, удивляясь однако, что она, обратно всѣмъ новичкамъ, свободно владѣетъ англійскимъ языкомъ. Для того, чтобы не выдать своего инкогнито, женѣ пришлось искать объясненія своего знанія языка; собесѣдницы ея, повидимому, удовлетворились разсказомъ, что передъ переселеніемъ въ Америку, ихъ новая русская знакомая, которую руководительницы митинга рекомедовали ихъ вниманію и попеченію, прожила нѣкоторое время у знакомыхъ въ Англіи. На этомъ недоумѣ-

нія прекратились, но за то посыпались предложенія „мѣстечка“ (т. е. ручного труда или занятія), что опять привело въ смущеніе жену и заставило ее придумывать предлоги, почему она не торопится обезпечить себя въ Америкѣ заработкомъ. Въ еще большее затрудненіе она была однажды поставлена въ другомъ изъ учрежденій при данной церкви во время религіозной бесѣды съ многочисленнымъ сборищемъ дѣтей, составляющимъ такъ называемую „воскресную“ школу церкви. При входѣ ея въ обширный залъ, гдѣ расположилась по-праздничному одѣтая толпа дѣтей, священникъ рекомендовалъ ее своей аудиторіи какъ друга (a friend), пріѣхавшаго изъ Россіи и желающаго съ ними побесѣдовать,—и тутъ жестомъ руки онъ указалъ на жену, предоставляя ей удовольствіе (по американскимъ понятіямъ) обратиться съ рѣчью къ юному собранію. Смущенная неожиданностью, не зная тогда еще объ этомъ чисто американскомъ угощеніи, обязательномъ при пріемѣ почетныхъ гостей, жена отказалась отъ этой чести, послѣ чего священникъ счелъ все-таки нужнымъ прежде всего высказать нетерпѣливо ожидавшимъ обращенія къ нимъ дѣтямъ, нѣсколько привѣтственныхъ словъ отъ имени „друга“ изъ Россіи; лишь послѣ этого вступленія, онъ перешелъ къ предмету своей назначенной на данное воскресенье бесѣды.—Но всё это происходило съ женой позднѣе уже, въ отсутствіе г-жи Гэпгудъ; въ первое посѣщеніе она едва успѣла поблагодарить священника за его готовность во всякое время показать свои учрежденія, какъ г-жа Гэпгудъ потащила ее въ другое мѣсто—въ большой дѣтскій пріютъ, гдѣ спѣшно опять рекомендовала начальницѣ; затѣмъ онѣ полетѣли въ третье учрежденіе—дѣтскій садъ, гдѣ повторилось то же самое. Въ одно утро, пользуясь кэблями (замѣняющими въ Нью-Іоркѣ трамваи) и городской желѣзной дорогой, онѣ объѣздили массу мѣстъ и несмотря на то, что всякій разъ г-жа Гэпгудъ успѣвала, такъ сказать, лишь всунуть жену въ извѣстное учрежденіе и тотчасъ же ее оттуда извлекала, эта спѣшная экскурсія, стремглавъ продѣланная, открыла двери многихъ интересныхъ учрежденій, которыя затѣмъ и посѣщены были женою повторно на досугѣ. Ознакомленіемъ съ цѣлымъ рядомъ характерныхъ сторонъ американской жизни жена обязана была, такимъ образомъ, любезности и энергіи нашей новой знакомой.

Имя той же Варвары Гэпгудъ невольно мнѣ приводитъ въ голову воспоминаніе о весьма оригинальномъ событіи, случившемся собственно со мною еще въ Россіи до отъѣзда, а окончившемся въ Америкѣ, благодаря той же энергичной переводчицѣ Льва Толстого. Примѣрно за годъ до моей поѣздки въ Америку въ моей квартирѣ въ Москвѣ прислуга жены моей разбудила меня однажды довольно

рано утромъ совсѣмъ необычнымъ образомъ.—„Баринъ, баринъ, вставайте, генералъ сидитъ въ кабинетѣ и Васъ ждетъ“!—„Какой генералъ, и что ему нужно“?—„Настоящій генералъ,—отвѣчаетъ моя наивная горничная,—въ эполетахъ и со звѣздой, давно сидитъ, Васъ дожидается“. Съ удивленіемъ и досадой я поднялся съ постели, наскоро одѣлся и вышелъ въ кабинетъ. Тамъ, дѣйствительно, оказался неизвѣстный мнѣ господинъ въ военной формѣ, густыхъ эполетахъ и при регаліяхъ, который однако отрекомендовался мнѣ какъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и какой-то военно-медицинскій или врачебный инспекторъ. На мой послѣдующій вопросъ, чѣмъ могу служить и какую онъ имѣетъ надобность до меня, г. военный докторъ отвѣчалъ, что явился ко мнѣ по приказанію и порученію Его Высокопревосходительства Московскаго Генералъ-Губернатора Костанды, что генералъ свидѣтельствуетъ мнѣ свое почтеніе и проситъ извинить, что не можетъ самъ явиться по данному дѣлу, потому что нездоровъ и ему запрещено выходить—„я же самъ запретилъ—объяснилъ докторъ,—ему выходить, сильно простуженъ“.—„Чѣмъ же я могу служить Его Высокопревосходительству“?—повторилъ я свой вопросъ. Къ величайшему моему изумленію докторъ съ самымъ серьезнымъ видомъ отвѣтилъ: „Генералъ покорнѣйшее проситъ Васъ прочесть на дняхъ публичную лекцію о *проказѣ* съ благотворительной цѣлью“!

Я нѣсколько разъ повторилъ вопросъ о предметѣ лекціи и опять услышалъ отвѣтъ г. военнаго доктора: „Да, о проказѣ, именно о проказѣ“! Придя нѣсколько въ себя отъ удивленія, я просилъ доктора разсказать мнѣ обстоятельно и опредѣленно, что значитъ эта нелѣпая просьба о лекціи по предмету—проказы,—такъ какъ я совершенно далекъ отъ предмета чтенія и по своему образованію ничего не знаю о проказѣ, кромѣ упоминанія въ Евангеліи и бѣглыхъ замѣткахъ въ газетахъ. „Я самъ это хорошо понимаю“—отвѣчалъ докторъ,—„и докладывалъ Его Высокопревосходительству, но генералъ повторилъ мнѣ строго приказъ, такъ какъ самъ не можетъ ѣхать къ Вамъ и проситъ прочесть лекцію, хотя по образованію, намъ извѣстно, что Вы не врачъ“.

Затѣмъ съ обиняками и оговорками почтенный врачъ, исполнявшій волю пославшаго его, передалъ мнѣ закулисную сторону этой забавной, но весьма характерной исторіи изъ современной жизни нашего high-life. Оказалось слѣдующее. Въ Англіи, незадолго передъ временемъ разсказа, появилась какая-то неизвѣстная лично никому американка Miss Marsden, которая ополчилась новымъ крестовымъ походомъ противъ страшнаго бѣдствія, вновь усилившагося въ наши дни — болѣзни *проказы*, случаи которой приходится

встрѣчать все больше и больше!!... Она призывала всѣхъ добрыхъ людей примкнуть и поддержать ея намѣреніе пробраться въ тундры Сибири, гдѣ у шамановъ какого-то дикаго племени (кажется, якутовъ) скрывается секретъ вѣрнаго излеченія этой ужасной болѣзни. Ловкая и вѣроятно убѣдительно дѣйствовавшая госпожа, запасшись многими сильными вліяніями въ Англіи, проникла даже, говорятъ, къ тамошнему двору и явилась съ усиленными рекомендаціями въ Петербургъ, гдѣ была принята весьма сочувственно; тѣмъ не менѣе въ Петербургѣ ей дали денегъ немного и рѣшили, что если нужны деньги, то надо ѣхать въ богатую Москву, куда ее и сплавили опять-таки съ наилучшей аттестаціей ея гуманному и самоотверженному предпріятію.

Все высшее московское общество, по словамъ доктора съ семействомъ генерала Костанды во главѣ, принимаетъ въ Miss Marsden сильнѣйшее участіе и хотѣло бы ей помочь. „По слухамъ въ Москвѣ и особенно отъ знакомой супруги и дочери генерала — графини Уваровой, — слышалъ, что вы весьма успѣшно читаете лекціи съ благотворительной цѣлью и много собираете денегъ. Поэтому генералъ и рѣшился, по просьбѣ своихъ дамъ, послать меня къ вамъ съ указанной просьбой, а такъ какъ деньги предназначаются для борьбы съ проказой, то дамы и предложили тему о проказѣ, не разбирая, можете ли вы или нѣтъ читать о ней, считая, что вы въ состояніи говорить обо всемъ“...!!??

Разумѣется, я отказался отъ столь лестнаго для меня генералъ-губернаторскаго предложенія, прося доктора засвидѣтельствовать въ свою очередь мое почтеніе генералу Костанда и объяснить, что я, не зная Miss Marsden и ея компетентности въ поискахъ леченія проказы, вообще бы не взялся читать лекціи въ ея пользу, а на тему о проказѣ тѣмъ болѣе! Докторъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ вполнѣ согласенъ со мной, ибо сомнѣвается, чтобы г-жа Марсденъ нашла въ тундрахъ Сибири что-нибудь новое, наукѣ неизвѣстное, ибо были даже спеціальныя медицинскія изслѣдованія на мѣстѣ этого вопроса, но что онъ-де (военно-медицинскій инспекторъ) творитъ волю пославшаго его; затѣмъ онъ извинился и раскланялся.

Послѣ этого страннаго визита, я слышалъ въ Москвѣ о Марсденъ очень мало, но все не въ ея пользу. Аристократическія дамы, посовѣтовавшись, въ виду моего отказа, рѣшили достать денегъ инымъ, болѣе дѣйствительнымъ способомъ, мнѣ точно не извѣстнымъ, у купцовъ; было получено нѣсколько тысячъ, которыя и были вручены Miss Marsden съ открытымъ листомъ и самыми широкими полномочіями вмѣстѣ съ рекомендаціями сибирскому начальству. Затѣмъ дали ей въ провожатые русскаго врача, говорящаго по-англійски и

которому, говорили послѣ въ Москвѣ, Марсденъ забыла заплатить обѣщанныя деньги, взявши всю собранную сумму въ личное свое распоряженіе. Марсденъ пышно проѣхалась по Якутской области, въ сопровожденіи начальника, поговорила черезъ переводчиковъ, мало понимая другъ друга, съ шаманами, и затѣмъ вернулась въ Америку,—вотъ все, что мнѣ было въ то время извѣстно.

Вообразите мое удивленіе, когда въ началѣ моего путешествія въ Америку на пароходѣ „Etruria", я увидалъ въ спискѣ ѣдущихъ пассажировъ, который какъ-то успѣли напечатать въ первые же дни отплытія, имя Miss Marsden. Но недѣльный переѣздъ нашъ въ Нью-Іоркъ былъ очень бурный; все время судно болѣе или менѣе трепало и повально всѣ были больны. Я еще въ числѣ немногихъ счастливцевъ перенесъ бурю спокойно и уже совсѣмъ въ концѣ переѣзда въ виду Нью-Іорка познакомился съ ѣдущей тутъ же нѣмкой изъ Петербурга, хорошо говорившей по-русски, компаньонкой, какъ она объявила, Miss Marsden и издали видѣлъ эту госпожу, возвращавшуюся въ Америку послѣ своихъ русскихъ приключеній, надо думать, не безъ денегъ, ибо „Etruria" былъ пароходъ дорогой и роскошный.

Когда мы съ женой познакомились съ Варварой Гэпгудъ и случайно во время разговора обмолвились, что пріѣхали на одномъ пароходѣ съ извѣстной Марсденъ, то она быстро впала въ свойственный ей ражъ, весьма непочтительно обзывая Марсденъ плутовкой, воровкой и т. д. На наше удивленіе, протесты и разсказы о томъ, какъ ее у насъ принимали высокопоставленные аристократы, какъ съ нею няньчились, какъ вѣрили въ то, что она пріѣхала спасать человѣчество отъ проказы и проч. и проч., гнѣвъ г-жи Гэпгудъ усилился еще болѣе. — „А, когда такъ, то я открою вамъ на нее глаза!" -- и обѣщалась это сдѣлать черезъ нѣсколько дней. Спустя три или четыре дня мы, дѣйствительно, получили отъ нея пачку вырѣзокъ изъ американскихъ газетъ за нѣсколько лѣтъ до того времени съ описаніемъ процесса и разныхъ продѣлокъ г-жи Марсденъ: случаевъ воровства или мошенничества, вообще грѣховъ противъ восьмой заповѣди. Въ одной газетѣ, мнѣ помнится, упоминалось, что она еще сидитъ въ тюрьмѣ, отбывая наказаніе за какой-то проступокъ, а въ другой газетѣ, другого штата, сообщалось, что она бѣжала въ Европу!...

Само собой разумѣется, что я отнюдь не могу ручаться за точность газетныхъ выдержекъ и даже за рѣшительное обвиненіе Марсденъ почтенною г-жею Гэпгудъ, но все это вмѣстѣ мнѣ представляется достаточнымъ, дабы показать, какъ велико легковѣріе въ Европѣ къ американскимъ авантюристамъ и какъ въ бѣдной

Россіи легко отыскиваются тысячи денегъ для уроженцевъ богатой Америки, которые, пользуясь нашей простотой, запускаютъ умѣлую руку въ нашъ податливый, гдѣ не нужно, карманъ!!...

Возвратимся, однако, къ цѣли моего прибытія въ Америку,— выполненію разныхъ сложныхъ задачъ, возложенныхъ на меня Департаментами Министерства Финансовъ. Какъ было выше упомянуто, изъ массы разнородныхъ задачъ я рѣшилъ, изучая Всемірную выставку и незнакомую, столь интересную страну, какъ Соединеные Штаты, ограничиться наиболѣе для меня любопытными и поучительными темами, которыя хронологически по времени моего ознакомленія съ ними и писанія соотвѣтствующихъ отчетовъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

1-е Портовые сборы.

2-е Регулированіе торговли; элеваторы и хлѣбная инспекція.

3-е Маргариновый акцизъ.

4-е Организація Американскаго Министерства Земледѣлія.

5-е Синдикаты.

Къ сожалѣнію моему, слѣдуя указанію программы, мнѣ данной передъ отъѣздомъ, что въ случаѣ возможности я могу представить отчетъ объ исполненіи данныхъ мнѣ порученій ранѣе *годичнаго* срока, назначеннаго мнѣ для моего американскаго порученія, для первыхъ трехъ задачъ я написалъ краткіе отчеты еще въ Америкѣ и отослалъ ихъ на имя Влад. Ив. Ковалевскаго въ Департаментъ Торговли, предполагая, что онъ ихъ распредѣлитъ по принадлежности. Четвертая тема, о Министерствѣ Земледѣлія, принадлежала къ тѣмъ порученіямъ, которыя относились къ изученію явленій американской жизни, т. е. предмету, намѣченному мною по личному усмотрѣнію (4 п. программы). Данныя для этого вопроса мною были собраны, но не обработаны и не отосланы въ Петербургъ, потому что я не имѣлъ никакого увѣдомленія о полученіи первыхъ трехъ отчетовъ. Наконецъ была пятая работа—Синдикаты—обширная и огромная тема, по которой я собиралъ свѣдѣнія разнороднымъ способомъ въ теченіе всего своего пребыванія въ Америкѣ, писалъ же, возвратясь въ Россію, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ упорной работы. Единственно этотъ отчетъ, въ результатѣ, былъ напечатанъ на счетъ Министерства [1]). Въ то же время довольно странная и печальная судьба постигла первые три отчета, посланные по почтѣ

---

[1] Министерство Финансовъ, Торговли и Мануфактуръ. *И. И. Янжулъ.* „Промысловые синдикаты или предпринимательскіе союзы для регулированія производства, преимущественно въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки". Спб. 1895 г.

изъ Америки: они своевременно пришли въ Департаментъ Торговли и были имъ приняты, но что съ ними сдѣлалось дальше, никому не извѣстно.

Когда я вернулся въ Россію и увидалъ г. Директора Департамента Ковалевскаго, прося мнѣ возвратить временно эти небольшія работы для того, чтобы ими воспользоваться для печати, такъ какъ черновыхъ или не было, или я ихъ во всякомъ случаѣ не сберегъ,—къ сожалѣнію, я получилъ отъ Департамента одинъ рѣшительный отвѣтъ, что мои отчеты не сохранились, хотя и были въ свое время получены, такъ же, какъ и образцы хлѣба для характеристики хлѣбной инспекціи, пересылка которыхъ дорого стоила мнѣ. Три раза я черезъ разныхъ лицъ хлопоталъ о поискахъ въ Департаментѣ моихъ отчетовъ, но всѣ разы безуспѣшно, такъ что въ настоящее время, не имѣя копіи, я лишенъ возможности въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ познакомить съ ихъ содержаніемъ и могу лишь разсказать ихъ суть въ немногихъ словахъ.

Первая работа о портовыхъ сборахъ — совершенно кабинетная: на мою просьбу познакомить меня съ ними, начальникъ Нью-Іоркскаго порта прислалъ мнѣ всѣ дѣйствующіе регламенты и табели, и этимъ ограничился. Составленная мною по этому предмету краткая записка и была представлена какъ отчетъ въ Департаментъ Торговли, касаясь исключительно въ предѣлахъ программы портовыхъ сборовъ одного лишь г. Нью-Іорка.

Второй отчетъ,—объ элеваторахъ, хлѣбной торговлѣ и инспекціи, обратно съ портовыми сборами, вызвалъ съ моей стороны довольно много разъѣздовъ по окрестностямъ Нью-Іорка и Чикаго, гдѣ лежали элеваторы, и значительный трудъ для меня вникнуть и усвоить совершенно неизвѣстныя до тѣхъ поръ условія и подробности многихъ сельско-хозяйственныхъ и техническихъ данныхъ, не говоря о пріемахъ и способахъ контроля, воочію мнѣ показанныхъ лично инспекторами съ образцами хлѣба разнаго качества и засоренности. Мало того, въ Чикаго я пригласилъ русскаго техника г. Линева, по своей спеціальности ближе стоящаго къ дѣлу, продолжить мое изслѣдованіе, снять рисунки нѣкоторыхъ элеваторовъ, а также пріобрѣсти для отсылки въ Петербургъ образцы инспектированнаго хлѣбнаго товара. Печальная судьба, говорили, постигла и этотъ основательный отчетъ и лишила меня плодовъ труда и стараній. Я даже забылъ съ теченіемъ времени тѣ свѣдѣнія, которыя собралъ путемъ разспросовъ г.г. хлѣбныхъ инспекторовъ и торговцевъ по этому дѣлу. Министръ С. Ю. Витте, насколько мнѣ извѣстно, этого моего отчета не получалъ, и мнѣ очень досадно: для чего же я трудился, по цѣлымъ днямъ ѣздилъ въ жару по

пыльнымъ и небезопаснымъ задворкамъ Нью-Іоркскихъ желѣзныхъ дорогъ и разбиралъ цѣлые часы незнакомые мнѣ сорта хлѣба. Для чего всё сіе?!

Еще болѣе мнѣ прискорбна пропажа моей работы по третьему вопросу, — маргариновому акцизу, написанному не только по программѣ, но и по личной просьбѣ г. Маркова, — тогда Директора Департамента Неокладныхъ Сборовъ или косвенныхъ налоговъ. „Если Вы встрѣтите въ Америкѣ“ — объяснялъ онъ мнѣ скромно при прощаніи,—„какой-нибудь акцизъ, у насъ не существующій и въ то же время противъ принятія котораго у насъ не имѣется серьезныхъ возраженій по Вашему мнѣнію, то потрудитесь его пообстоятельнѣе описать и прислать отчетъ намъ“. Я такъ и сдѣлалъ, согласно просьбѣ г. Маркова; случайно увидавши въ числѣ мелкихъ сборовъ американскаго казначейства налогъ на маргаринъ, я познакомился съ его исторіей по одной журнальной работѣ, сдѣлалъ надлежащія справки въ федеральномъ законодательствѣ Соединенныхъ Штатовъ и побесѣдовалъ объ этомъ налогѣ съ инспекторомъ косвенныхъ сборовъ, кажется въ штатѣ Нью-Іорка. Въ результатѣ у меня получилась не особенно объемистая, но весьма интересная и поучительная экономическая работа. Всѣмъ извѣстно, какая борьба противъ маргарина безпрерывно ведется во многихъ странахъ Европы, въ томъ числѣ и у насъ, ради, главнымъ образомъ, выгодъ сельскихъ хозяевъ. Для этого сильно преувеличивается санитарная вредоносность искусственнаго масла, иногда представляется, напримѣръ, обязательная окраска въ какой-нибудь яркій цвѣтъ и вообще разными мѣрами стѣсняется сбытъ его, хотя мало имущіе классы населенія вынуждаются этой создаваемой путемъ закона дороговизной маргарина, столь важнаго питательнаго продукта, обращаться къ гораздо болѣе вреднымъ суррогатамъ, какъ наше „кашное“ сало, нерѣдко съ примѣсью минеральнаго масла, т. е. совершенно неудобоваримый продуктъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ, помимо того же маргарина, заключается олеинъ и стеаринъ, удобные для освѣщенія, но не для питанія. При этомъ надзоръ за маргариновымъ производствомъ безъ спеціальнаго налога требуетъ расходовъ, падающихъ на тѣхъ же плательщиковъ налоговъ безъ всякой пользы государству и странѣ и къ рѣшительному вреду даже для здоровья населенія.

Американцы, мнѣ казалось во время моего изслѣдованія (въ 1893 г.), очень удачно разрѣшили эту задачу въ духѣ нашей пословицы „и овцы цѣлы, и волки сыты“. Они не убили, какъ мы старались сдѣлать, маргариновое производство, и оно въ Штатахъ очень развито, существуя съ очень маленькимъ акцизомъ и тща-

тельнымъ надзоромъ за ходомъ производства. Но въ то же время этотъ акцизъ доставляетъ государству доходъ вродѣ полутора милліоновъ долларовъ, хотя лишь умѣренно облагаетъ дешевый сортъ масла; его потребленіе съ другой стороны не вредитъ интересамъ молочныхъ хозяевъ или маслодѣловъ, отнюдь не задерживая фабрикацію дорогихъ сортовъ масла. По всѣмъ этимъ причинамъ маргариновый акцизъ вызвалъ тогда мое полное сочувствіе, какъ мѣра, могущая быть удачно повторенною, какъ мнѣ представлялось, и у насъ; но мой отчетъ по этому предмету постигла одинаковая участь съ первыми двумя, т. е. онъ дѣлся въ Департаментѣ Торговли неизвѣстно куда и во всякомъ случаѣ не былъ препровожденъ въ надлежащее мѣсто, — въ Департаментъ Неокладныхъ Сборовъ (sic!).

Въ четвертыхъ, какъ было упомянуто, я собралъ матеріалъ при посѣщеніи Вашингтона, въ силу даннаго мнѣ программой права, объ организаціи многочисленныхъ лабораторій и полезнѣйшей дѣятельности тамошняго Министерства Земледѣлія. Изъ этого матеріала я составилъ большую статью для „Русскихъ Вѣдомостей“, которая потомъ перепечатана была въ сборникѣ моихъ статей „Часы досуга“; Министерству же Финансовъ, какъ тему не подходящую, я совсѣмъ этой работы не послалъ, удовлетворивши ею лишь собственную пытливость.

Наконецъ моя главная и серьезная работа, до сихъ поръ не потерявшая значенія,—о промысловыхъ синдикатахъ въ Соединенныхъ Штатахъ, составила (помимо газетныхъ и журнальныхъ статей) единственный печатный и общедоступный результатъ моей американской поѣздки. Для этой работы я знакомился и бесѣдовалъ со многими лицами въ Америкѣ, перечиталъ много всякихъ юридическихъ фоліантовъ и просмотрѣлъ много справочныхъ книгъ, спорилъ до хрипоты съ лицами, связанными ходячими предразсудками и рутиннымъ доктринерствомъ, уничтожающимъ свободу мысли и смѣлость думать по-своему, и этою работою, наконецъ, я вызвалъ въ Россіи кучу брани и помоевъ на свою голову отъ органовъ нашей печати самаго разнообразнаго направленія и характера. Въ концѣ концовъ, однако, истина восторжествовала. Нынѣ можно считать общепризнанной главнѣйшую мысль моего изслѣдованія о синдикатахъ, что во-первыхъ надо допустить легальное существованіе этихъ предпринимательскихъ союзовъ, разъ уничтожить и задержать ихъ невозможно, и во-вторыхъ надо регламентировать и нормировать, въ интересахъ общаго блага, существованіе синдикатовъ, обставляя ихъ надлежащими условіями.

Въ виду значительныхъ размѣровъ самаго сжатаго даже опи-

санія содержанія моего изслѣдованія о синдикатахъ, я рѣшилъ изъять его изъ настоящей главы и помѣстить въ слѣдующую главу, гдѣ читатель найдетъ его вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ о торговыхъ музеяхъ, которое примѣрно относится къ тому же времени (1893—1896 г.г.). Затѣмъ продолжаю дальше описаніе нашего американскаго путешествія.

Изъ Нью-Іорка черезъ мѣсяцъ тамъ пребыванія и кончивши мелкіе отчеты по различнымъ вопросамъ, выше перечисленнымъ, мы отправились на Выставку въ Чикаго (по свѣдѣніямъ газетъ уже открытую, хотя далеко еще не полную) нѣсколько окружной дорогой черезъ Филадельфію и Вашингтонъ. Недѣльное пребываніе въ Вашингтонѣ, помимо знакомства съ любопытными зданіями этой столицы Новаго Свѣта, заключалось въ изученіи разныхъ учрежденій, особенно Министерства Земледѣлія, меня поразившаго стройностью и цѣлесообразностью многочисленныхъ своихъ лабораторій. Вездѣ я встрѣчалъ самый любезный пріемъ, готовность раскрыть и объяснить мнѣ организацію этихъ учрежденій и даже до сихъ поръ получаю интересныя изданія этого Министерства.

Изъ личныхъ знакомствъ въ Вашингтонѣ, которыя произвели на меня впечатлѣніе, могу упомянуть о знакомствѣ съ знаменитымъ американскимъ статистикомъ Каролль Райтъ (Caroll Wright), въ то время директоромъ Департамента Труда (Director of the Department of Labor), который держалъ себя любезно, но съ большимъ достоинствомъ и обѣщалъ меня снабжать постоянно всѣми изданіями своего вѣдомства. Къ моему удивленію онъ, повидимому, иностранныхъ языковъ не знаетъ и, напримѣръ, нѣмецкой и французской литературой совсѣмъ не пользуется. Мнѣ удалось впослѣдствіи, во вниманіе къ его тѣмъ не менѣе многочисленнымъ трудамъ, возвести его въ званіе почетнаго члена нашей Академіи Наукъ, чѣмъ онъ былъ очень доволенъ [1]).

---

[1]) Съ нимъ произошло у меня въ Вашингтонѣ чисто американское qui pro quo, которое даетъ понять, какъ низко въ общественномъ мнѣніи Соединенныхъ Штатовъ стоятъ люди, занимающіеся политикой. Передъ моимъ отъѣздомъ Каролль Райтъ справился, гдѣ я остановился въ Вашингтонѣ, и былъ видимо очень удивленъ, если не пораженъ, когда я сказалъ ему названіе гостиницы, случайно выбранной мною по извѣстному гиду Бедэкера, только что вышедшему въ томъ году по случаю Выставки для Америки. Почему-то Райтъ не отдалъ мнѣ визита, но я много не придалъ этому значенія и скоро забылъ, пока мнѣ не напомнилъ о томъ мой пріятель проф. Селигманъ (Колумбійскаго Университета въ г. Нью-Іоркѣ). Онъ объяснилъ мнѣ, что у американцевъ, напротивъ, строго соблюдается правило отдачи визита, и если онъ не отплатилъ его, то, навѣрное, причина

„Въ первый разъ въ жизни,—пишетъ жена моя матери своей въ письмѣ отъ 20-го мая 1893 г.,—въ Вашингтонѣ мы оказались окруженными неграми, которыхъ въ этомъ городѣ очень много еще со временъ рабства; они въ большомъ количествѣ служатъ за столомъ, какъ половые въ нашихъ трактирахъ. Куда ни посмотришь, вездѣ въ отелѣ снуютъ чумазыя рожи, лоснящіяся, какъ хорошо вычищенный сапогъ, и такія же руки подаютъ намъ хлѣбъ и другія кушанья, такъ что съ непривычки кажется даже, что онѣ не могутъ быть чисты. При этомъ, однако, черные служители отличаются большимъ добродушіемъ, обратно съ бѣлой прислугой, которая здѣсь въ Америкѣ очень задираетъ носъ, получая минимумъ 30 рублей въ мѣсяцъ".

Прибывши въ Чикаго, мы одинаково были поражены какъ неблагоустройствомъ и грязью этого обширнаго города, выстроеннаго кое-какъ, съ чрезвычайной быстротой и заключающаго гораздо болѣе жалкихъ маленькихъ лачугъ, нежели дворцовъ, такъ въ то же время превосходной красотой и богатствомъ Всемірной Выставки, въ немъ устроенной. „Чикаго—городъ весьма странный,—пишетъ моя жена матери отъ 7-го іюня—съ одной стороны, улицы въ родѣ г. Ржева въ худшихъ его частяхъ, съ другой—дома такой вышины, что шляпа валится съ головы, когда хочешь пересчитать всѣ этажи: грязь неимовѣрная, и въ этой грязи кишитъ народъ"...

Нѣтъ сомнѣнія, американцы перещеголяли всѣхъ своихъ предшественниковъ по выставкамъ, включая предпослѣднюю Парижскую. Прежде всего, они первые отбросили казенную форму выставокъ, напоминающихъ нѣчто въ родѣ огромныхъ оранжерей. Американцы дали міру, въ этой выставкѣ, по истинѣ *волшебный бѣлый городъ*—White City—который уносилъ воображеніе въ отдаленныя времена древней Эллады, при видѣ длиннаго ряда ярко залитыхъ жгучимъ солнцемъ бѣлыхъ стройныхъ колоннъ и портиковъ, сквозь которые виднѣлось безбрежное озеро Мичиганъ, вполнѣ дающее иллюзію моря. Вторая разница въ пользу Чикагской Выставки состояла въ томъ, что она была гораздо обширнѣе напр. Парижской, занимая не менѣе чѣмъ въ четыре раза большую площадь, хотя расположеніе въ видѣ усѣченнаго трехугольника съ широкимъ основаніемъ, облегчающее переходъ изъ одной части въ другую, скрадывало для неопытнаго наблюдателя чрезвычайные ея размѣры.

заключается въ отелѣ, о которомъ справлялся, что этотъ отель (къ сожалѣнію названіе его я забылъ) есть обычное мѣстопребываніе всѣхъ городскихъ политиковъ—politicians—и мѣсто ихъ митинговъ, и что Райтъ не посѣтилъ меня, дабы себя не скомпрометтировать, какъ извѣстное лицо, знакомствомъ съ politicians. Какъ истинный типичный американецъ, онъ, конечно, не могъ знать, что такой американскій взглядъ или обычай мнѣ совсѣмъ не извѣстенъ!

Въ смыслѣ богатства Чикагская Выставка не имѣла себѣ раньше ничего подобнаго, и хотя она не представляла крупнаго техническаго значенія, какъ многія предшествовавшія Выставки, но это не умаляло ни на іоту ея по истинѣ громаднаго образовательнаго и воспитательнаго значенія. Чикагская Выставка являлась временнымъ, но богатѣйшимъ и разнообразнѣйшимъ музеемъ, въ которомъ были представлены всѣ науки, всѣ знанія такъ же, какъ и всѣ націи міра, и который могъ оказаться подъ силу лишь такому способному и богатому народу, не только своимъ настоящимъ, но и будущимъ, какъ сѣверо-американцы.

Изъ недостатковъ Чикагской Выставки можно указать лишь два: во-первыхъ, чрезвычайную безсистемность и безтолковость каталогизаціи и разстановки предметовъ, что затрудняло самое изученіе Выставки, и во-вторыхъ, отсутствіе свѣдѣній о цѣнахъ выставленныхъ предметовъ, что точно также, въ свою очередь, умаляло экономическое значеніе этой „Всемірной Ярмарки“ (World's Fair), какъ американцы, не совсѣмъ правильно, назвали свою первую крупнѣйшую международную Выставку [1]).

Точно такое же сильное впечатлѣніе произвела Выставка и на мою жену. „Выставка,—пишетъ она отъ 14-го іюня матери—очень хороша и красива, такъ же, какъ безобразенъ самый г. Чикаго, который своею грязью превосходитъ нашу Москву и даже, пожалуй, губернскіе города.—Выставка такъ богата, что я даже боюсь, что не успѣю осмотрѣть хорошенько одинъ отдѣлъ образованія, тѣмъ болѣе, что въ жару очень устаешь отъ осмотровъ. Русскій отдѣлъ очень хорошъ и привлекаетъ всеобщее вниманіе; его торжественное открытіе совершалось съ архіерейскимъ служеніемъ (епископъ Николай, нынѣ въ Госуд. Совѣтѣ), и оказалось въ общемъ очень много русскихъ, все больше пріѣхавшихъ на казенный счетъ. Центральнымъ сходбищемъ нашихъ соотечественниковъ является маленькая комнатка,—русская контора,—гдѣ русскій матросъ съ „Дмитрія Донского“ ставитъ самоваръ и угощаетъ чаемъ всякаго русскаго пришельца. Мой мужъ говоритъ, что этому чаю и русскому матросу больше всего обязанъ, что въ состояніи выдержать каждодневный осмотръ Выставки въ такую адскую жару, которая стоитъ здѣсь“...

Обратно съ Вашингтономъ, гдѣ мы жили въ чисто американскомъ отелѣ, да еще являвшимся политическимъ центромъ, какъ мы видѣли, въ Чикаго мы устроились также, какъ въ Нью-Іоркѣ, въ частномъ домѣ, на этотъ разъ въ семьѣ поляковъ (отчасти

---

[1]) См. мои „Часы досуга“. 1896 г.

евреевъ), которые еще не вполнѣ даже свыклись съ американской жизнью, часто вздыхали по Варшавѣ и все время кормили насъ вкусными польскими кушаньями, при чемъ хозяйка не разъ высказывала удивленіе и негодованіе на американскихъ хозяекъ, которыя до минимума доводятъ трудъ и заботы по кухнѣ и, цѣлый день прогуливаясь по лавкамъ, какъ она утверждала, только за часъ до возвращенія мужей со службы (обыкновенно въ 6 ч. вечера) принимаются жарить къ обѣду какой-нибудь бифштексъ, не заботясь о приготовленіи супа, который, по ихъ понятіямъ, отнялъ бы у нихъ слишкомъ много времени... „Мы же, напротивъ,— какъ сообщала моя жена въ письмѣ своей матери—возвращаясь съ Выставки и освѣжившись первымъ дѣломъ ванной, которая, по американскимъ обычаямъ, имѣется въ каждой квартирѣ, получали у нашей польской хозяйки полный обѣдъ съ борщомъ, которымъ и удовлетворяли накопившійся за день аппетитъ".

Послѣ шести недѣль пребыванія въ Чикаго и усерднаго каждодневнаго посѣщенія выставки, собравши весь матерьялъ, какой только было возможно, для выполненія нѣкоторыхъ задачъ или темъ, предложенныхъ мнѣ Министерствомъ Финансовъ, мы и физически, и морально были въ высшей степени утомлены. Въ это время, какъ разъ, со мной произошло крайне курьезное событіе въ чисто-американскомъ вкусѣ, которое заслуживаетъ передачи. Въ „Chicago Times" и другихъ крупныхъ чикагскихъ газетахъ появилось перечисленіе всевозможныхъ конгрессовъ, назначенныхъ на августъ мѣсяцъ, и тѣхъ докладовъ, которые на нихъ будутъ дѣлаться. Въ числѣ ихъ упоминалось мое имя съ утвержденіемъ, что такого-то и такого числа делегатъ русскаго Министерства Финансовъ сдѣлаетъ докладъ о состояніи русскаго государственнаго кредита въ одинъ день, въ другой же день, въ такой-то часъ онъ же, Янжулъ, сдѣлаетъ докладъ по другому финансовому вопросу, касающемуся Россіи (тему я забылъ)...

Я немедленно полетѣлъ къ нашему генеральному коммиссару и заявилъ объ этомъ явно ложномъ и при томъ оффиціальномъ отъ Выставки оповѣщеніи. Г. генеральный коммиссаръ отвѣтилъ мнѣ, категорически, что онъ ничего не знаетъ объ этомъ оповѣщеніи и никакого отношенія къ докладамъ или конгрессамъ не имѣетъ, что мнѣ надо обратиться по этому вопросу въ главное американское Бюро Выставки и тамъ искать объясненій, и что онъ, разумѣется, поддержитъ мой допросъ, если тамъ не захотятъ со мной говорить. Я немедленно полетѣлъ въ главное американское Бюро Выставки и тамъ, обратно съ ожиданіями, безъ всякихъ отлыниваній и отговорокъ сейчасъ же получилъ объясненіе. Главный

секретарь Главнаго Бюро, какъ онъ назвался, на заявленіе мое отвѣтилъ, къ удивленію, утвердительно: „Да мы, дѣйствительно, сдѣлали рядъ такихъ газетныхъ объявленій о всевозможныхъ странахъ и делегатахъ, въ видѣ какъ бы вызова или предложенія съ нашей стороны, что намъ интересно было бы послушать, но Вы къ этому вѣдь отнюдь не приневоливаетесь, да и многихъ конгрессовъ совсѣмъ не будетъ, а реклама свое дѣло сдѣлаетъ и привлечетъ многихъ посѣтителей къ Чикаго и нашей Выставкѣ“!..

Послѣ такого безстыднаго объясненія и такого широкаго американскаго толкованія своихъ правъ и обязанностей администраціи, мнѣ не оставалось ничего иного дѣлать, какъ, по выраженію восточныхъ народовъ, „палецъ удивленія положить на ротъ изумленія“! и отправиться домой, что я и сдѣлалъ...

По окончаніи изученія Чикагской выставки, я возвратился въ Нью-Іоркъ къ своему Бѣлякову, черезъ нѣсколько дней взялъ билетъ на этотъ разъ на французскомъ пароходѣ „La Touraine“ и черезъ Гавръ вернулся въ Европу, а оттуда, послѣ основательнаго курса леченія холодной водой въ горахъ Швейцаріи, пріѣхалъ на родину, гдѣ слѣдующее за тѣмъ лѣто (1894 г.), въ тиши Саратовской деревни, написалъ свою книгу о синдикатахъ, о которой будетъ рѣчь въ ближайшей главѣ „Воспоминаній“.

Кромѣ вышеуказанныхъ уже отчетовъ, книги о синдикатахъ и статей моихъ, которыя породила моя американская командировка, слѣдуетъ впрочемъ упомянуть еще рядъ статей моихъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ о Выставкѣ, большую статью объ американской прессѣ въ „Вѣстникѣ Европы“ и двѣ статьи моей жены: „Американскія женщины“ и „Поклоненіе деревьямъ“, изъ коихъ послѣдняя дала толчокъ у насъ къ подобному же движенію, т. н. „Праздникамъ Древонасажденія“, которые впрочемъ, какъ все въ Россіи, скоро вышло изъ моды [1]).

Иванъ Янжулъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) См. также наши общіе съ женой „Американскіе очерки и картинки“ въ нашей книгѣ „Часы досуга“, Москва 1896.

Императоръ Александръ и Великая Княгиня Екатерина Павловна.

(Великій Князь Николай Михаиловичъ. Переписка Императора Александра I съ сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной).

Мы уже знакомы съ выдающимся, по своему историческому значенію, письмомъ Императора Александра къ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, писаннымъ въ самый разгаръ событій 1812 года, въ которомъ Императоръ объясняетъ сестрѣ побужденія, коими онъ руководствовался, принимая то или иное рѣшеніе и старается оправдать въ ея глазахъ свои поступки [1]).

Изъ этого письма, а равно изъ отвѣта на него Великой Княгини, мы видимъ, насколько августѣйшій братъ и сестра дорожили существовавшими между ними дружескими отношеніями; всякій разъ, какъ между ними возникалъ хотя малѣйшій поводъ къ недоразумѣнію или когда являлось опасеніе, что какая-нибудь мысль, высказанная въ письмѣ, или отдѣльныя его выраженія могли быть невѣрно поняты и истолкованы, они тотчасъ старались выяснить недоразумѣніе, чтобы отъ сказаннаго не осталось въ душѣ ни малѣйшаго осадка. Такъ было и въ данномъ случаѣ.

„Ваша *личная честь*, писала Екатерина Павловна Императору, отвѣчая на вышеупомянутое письмо отъ 13 декабря 1812 года, была всегда безупречна въ моихъ глазахъ, иначе могла ли бы я любить Васъ? Впрочемъ, ничто въ моихъ письмахъ, кажется, не давало Вамъ права усомниться въ этомъ. Когда я говорила „*спа-*

[1]) См. „Русская Старина“ январь 1911 г.

сите свою честь", это означало: пріѣзжайте во внутреннія губерніи Имперіи, ибо столица еще не есть государство; появитесь въ арміи, чтобы поднять ея упавшій духъ. Въ Москвѣ Васъ ждали съ нетерпѣніемъ; тамъ всѣ страстно желали Вашего пріѣзда; я увѣрена, и это убѣжденіе раздѣляется всѣми, что будь Вы въ Москвѣ, она была бы въ нашихъ рукахъ".

„Что касается тѣхъ предостереженій, которыя были сдѣланы Вамъ весною (относительно происковъ Наполеона), то несомнѣнно, что Наполеонъ всегда дѣлалъ и будетъ дѣлать все возможное, чтобы повредить намъ..., а что касается его желанія поселить раздоръ въ нашей семьѣ, то, хорошо зная личности, можно сказать навѣрно, что его планъ, если таковой вообще существовалъ, не могъ бы осуществиться: Вашъ братъ слишкомъ искренно Вамъ преданъ, чтобы онъ могъ быть для Васъ опасенъ; что касается меня, то я считаю ниже своего достоинства отвѣчать на это... тотъ, кто вздумалъ бы изобразить мнѣ Васъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ, разглагольствовалъ бы не долго"...

Въ этихъ строкахъ вылилась вся пылкая душа Великой Княгини, которая своей горячей любовью къ брату, своимъ всегдашнимъ стремленіемъ идти навстрѣчу всему, что занимало или тревожило его въ извѣстный моментъ, съумѣла пріобрѣсти на Александра такое вліяніе и такъ съумѣла привязать его къ себѣ, что когда ему случалось долго быть съ нею въ разлукѣ, онъ начиналъ тосковать, жаловаться на то, что онъ одинокъ, что отсутствіе Великой Княгини ему тягостно, потому что онъ чувствуетъ потребность говорить съ нею о вопросахъ, которые его волнуютъ (des questions qui me troublent).

„Я ожидаю съ несказаннымъ нетерпѣніемъ той минуты, когда я буду съ Вами, пишетъ онъ Екатеринѣ Павловнѣ [1]), мнѣ такъ о многомъ хотѣлось бы поговорить съ Вами, но это можно сдѣлать только устно".

Послѣдняя фраза не случайная и сказана не спроста; Александръ, — а это весьма характерно въ устахъ монарха — не довѣрялъ своей почтѣ, онъ не былъ увѣренъ, что тайна его корреспонденціи будетъ соблюдена; поэтому, если письмо посылалось почтою, то обо всѣхъ болѣе или менѣе интимныхъ, щекотливыхъ или важныхъ государственныхъ вопросахъ онъ писалъ только намеками, о чемъ, конечно, можно только пожалѣть, ибо въ противномъ случаѣ ихъ высоко интересная переписка пріобрѣла бы еще большее значеніе.

---

[1]) Письмо отъ 26 декабря 1810 г.

„Осторожность въ перепискѣ доводилась Александромъ до крайнихъ предѣловъ. Такъ напр. въ одномъ письмѣ [1]) онъ предостерегаетъ Екатерину Павловну о томъ, чтобы она не распространялась о мартинистахъ. „Бога ради не пишите никогда по почтѣ ни о чемъ важномъ, въ особенности — ни слова о мартинистахъ [2]). Зато въ письмахъ, посылаемыхъ съ фельдъегерями, пишите съ полной откровенностью. Я буду держаться того же правила“.

Было еще одно обстоятельство, заставлявшее Императора быть осторожнымъ и сдержаннымъ въ своихъ письмахъ; вдовствующая Императрица Марія Ѳеодоровна не уважала тайны его корреспонденціи, она требовала, чтобы дочь давала ей для прочтенія всѣ письма Императора.

„Вамъ извѣстно любопытство матушки, пишетъ Екатерина Павловна; я получила Ваше письмо у нея въ комнатѣ. Она дала мнѣ прочесть свое письмо, и мнѣ пришлось сдѣлать то же; она уважаетъ только тайну переписки Георга, его писемъ она не рѣшается просить у меня; этого нельзя сказать о Вашихъ письмахъ, которыя, какъ мнѣ было заявлено, *всегда желаютъ видѣть*“.

„Я такъ и зналъ, отвѣчаетъ Александръ I, что захотятъ сунуть носъ въ мои письма; поэтому я еще до полученія Вашего письма приказалъ моему лакею передавать Вамъ мои письма, когда Вы будете однѣ“.

„Будьте осторожны, когда Вы будете писать мнѣ“, пишетъ Великая Княгиня изъ Царскаго Села 8 января 1813 г., „ибо хотятъ взаимности, мнѣ же показываютъ всѣ Ваши письма. Какъ отвратительно обманывать!“

Несмотря на эти стѣсненія, мѣшавшія иногда Императору высказаться откровенно, тонъ и содержаніе его писемъ свидѣтельствуютъ, что сестра пользовалась его полнымъ довѣріемъ. Объ этомъ говоритъ между прочимъ и то обстоятельство, что въ ихъ перепискѣ нерѣдко встрѣчается упоминаніе о второй семьѣ Александра („ma petite famille“). Великая Княгиня освѣдомляется о матери, посылаетъ ей привѣтствіе, посылаетъ дѣтямъ разныя бездѣлки... и государь тронутъ этимъ вниманіемъ, и ласкою къ матери и дѣтямъ, благодаритъ за это сестру; а надобно замѣтить, что никому другому онъ не разрѣшалъ даже намека на его отношенія къ М. А. Нарышкиной.

„Конечно, трудно сказать, замѣчаетъ по этому поводу Великій Князь Николай Михаиловичъ, была ли Великая Княгиня вполнѣ безпристрастна и чистосердечна, когда ласкала возлюбленную

[1]) Письмо отъ 18 декабря 1811 г.

[2]) Письмо отъ 20 декабря 1812 г.

своего брата", но этимъ она несомнѣнно пріобрѣла лишнее право на его расположеніе.

„Онъ довѣрялъ ей гораздо больше, чѣмъ своей супругѣ, Елисаветѣ Алексѣевнѣ, которая по свойствамъ своего характера не умѣла вселить въ него того вдохновенія, той искры, которыя были необходимы для воздѣйствія на впечатлительную душу Александра Павловича.

„Елисавета Алексѣевна и Екатерина Павловна никогда не были дружны между собою. Достойно вниманія, что ни въ письмахъ Александра, ни въ письмахъ Великой Княгини никогда не упоминается имени Елисаветы".

Пылкая, впечатлительная, увлекающаяся, подъ часъ несдержанная Екатерина Павловна не могла найти отклика въ душѣ холодной и разсудительной Елисаветы Алексѣевны; а горячее расположеніе, которое оказывалъ ей Александръ Павловичъ, и ихъ постоянное дружеское общеніе безъ сомнѣнія могли вызвать въ душѣ Императрицы чувство затаенной ревности, и это отразилось на ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Когда Екатерина Павловна, послѣ четырехъ лѣтъ счастливой супружеской жизни, потеряла, въ исходѣ декабря 1812 г., своего мужа, Елизавета Алексѣевна выказала мало участія къ ея горю, и это поселило между ними еще бо́льшее охлажденіе.

Нижеслѣдующія строки изъ письма Елисаветы Алексѣевны къ матери, маркграфинѣ, въ коемъ она говоритъ о кончинѣ супруга Великой Княгини, герцога Георга Ольденбургскаго, не оставляютъ сомнѣнія на счетъ ея истинныхъ чувствъ по отношенію къ овдовѣвшей Великой Княгинѣ.

„Едва оправившись отъ родовъ, пишетъ Императрица, она не давала Императору покоя, просьбами послать ея мужа въ армію. Такъ какъ въ арміи не было въ то время ни Императора, ни Великаго Князя Константина, то единственной ея цѣлью могло быть имѣть тамъ агента, который доводилъ бы до ея свѣдѣнія все происходящее. Она пріѣхала въ Петербургъ, чтобы интриговать у Императора. *При ея безпокойномъ честолюбіи, у нея не достаетъ хитрости;* въ этомъ случаѣ ея планы бросились въ глаза даже ея матери, которая сказала однажды:

„Въ ея власти самыя великолѣпныя губерніи Россіи, а она все недовольна. Я не знаю, чего хочетъ Като?" Ее попросили однако оставаться спокойно въ Ярославлѣ [1]), и принцу Георгу не пришлось

[1]) „Дамамъ не мѣсто въ арміи", писалъ Александръ Екатеринѣ Павловнѣ 6 декабря 1812 г., въ отвѣтъ на ея просьбу; „это послужило бы прецедентомъ для другихъ и только увеличило бы безъ того большой обозъ. Таковъ мой взглядъ на дѣло".

отправиться къ арміи. Ей было обѣщано, что она будетъ сопровождать Императора, когда онъ вернется къ арміи; когда же непріятель поспѣшно ретировался, то она съ мужемъ вернулась въ Тверь, откуда писала Императору: „я жду! я жду!“ Бѣдняжка, она не знала, чего она ждала, такъ какъ курьеръ, привезшій Георгу наконецъ разрѣшеніе отправиться въ Вильно, засталъ его уже больнымъ“.

Эти строки не требуютъ комментаріевъ.

Для характеристики отношеній, установившихся между супругою Александра I и его любимой сестрою, можно прибавить, что когда Великую Княгиню просили, въ 1812 г. стать во главѣ Тверского и Ярославскаго отдѣла патріотическаго общества, основаннаго Императрицей Елисаветой, то она, въ виду натянутыхъ отношеній, существовавшихъ между нею и Императрицей, колебалась принять это предложеніе [1]). Между тѣмъ эти сомнѣнія были вызваны отнюдь не желаніемъ Великой Княгини уклониться отъ активной дѣятельности въ тяжелую годину отечественной войны; напротивъ, глубоко потрясенная и взволнованная событіями 1812 года, Екатерина Павловна скорбѣла о томъ, что она не могла принять въ нихъ непосредственнаго участія.

„Всего болѣе сожалѣю я въ своей жизни, говорила она, что не была мужчиной въ 1812 году“. Но она все-таки съумѣла найти путь, чтобы самостоятельно проявить свою дѣятельность и сдѣлать пріятное Императору. Ей первой пришла мысль о призывѣ къ ополченію.

„Я увѣрена, писала она князю В. П. Оболенскому, что не найдется ни одного русскаго, который бы опозорилъ себя стыдомъ не пожертвовать для отечества собою и своимъ рвеніемъ“ [2]).

Согласно плану всеобщаго ополченія, составленному Великой Княгиней, „дворянство должно было себя обязать кормить и содержать это войско во время всей войны“; она первая показала тому примѣръ и привела въ исполненіе свое намѣреніе, „внушенное, по ея выраженію, безпредѣльной ревностію къ пользамъ и славѣ дражайшаго отечества и живѣйшею любовью къ государю“ [3]), сформи-

---

[1]) „Что касается Патріотическаго Общества, почему бы Вамъ не сдѣлаться его членомъ!“ писалъ Императоръ въ томъ же письмѣ отъ 6-го декабря 1812 г.

[2]) Журналъ Императорскаго русскаго военно-историческаго Общества 1910 г., кн. 2 С. А. Гулевичъ. Участіе Императорской фамиліи въ формированіи государственныхъ ополченій.

[3]) Рескриптъ Великой Княгини на имя министра Удѣловъ, отъ 30 іюня 1812 года.

ровавъ въ Твери, подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ и непосредственнымъ указаніемъ, егерскій батальонъ, для чего съ опредѣленнаго ей въ удѣлъ имѣнія было собрано надлежащее число воиновъ, которые были вооружены и обмундированы на ея собственное иждивеніе и содержались на ея средства во все продолженіе войны, вплоть до расформированія батальона въ 1814 года.

Съ прекрасной стороны характеризуютъ Великую Княгиню ея письма къ Императору, писанныя подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ тяжелой утраты, понесенной ею въ исходѣ 1812 года.

15 декабря скончался ея супругъ, герцогъ Георгъ Ольденбургскій: когда прошли первыя минуты жгучаго горя, первою ея мыслію была забота объ обезпеченіи его бывшихъ приближенныхъ и подчиненныхъ, и въ дальнѣйшемъ устройствѣ ихъ судьбы. Въ представленномъ ею Императору спискѣ были перечислены всѣ его адъютанты и прочія должностныя лица; тутъ были: князь В. П. Оболенскій, Д. Н. Арсеньевъ, А. И. Бартоломей, Тимротъ, Нагель, Д. И. Языковъ, гр. С. О. Растопчинъ, Борнъ; и противъ каждой фамиліи были обозначены тѣ награды и назначенія, которыя Екатерина Павловна считала желательными дать имъ, и Императоръ Александръ, въ то трудное для него время (конецъ 1812 и начало 1813 г.г.), несмотря на множество заботъ и на физическое утомленіе, терпѣливо выслушивалъ всѣ эти просьбы и находилъ время отвѣчать подробно на ея ходатайства, не забывая ни одной мелочи. Такъ дорого было для него исполненіе самаго малѣйшаго ея желанія.

Съ небольшимъ два мѣсяца спустя послѣ кончины герцога, Екатерина Павловна отправилась по настоянію Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ заграничное путешестіе для поправленія своего здоровья, на воды въ Богемію.

Какъ сестрѣ Императора Александра, на котораго были обращены въ то время взоры всей Европы, Екатеринѣ Павловнѣ былъ оказанъ вездѣ самый предупредительный пріемъ.

„Начиная отъ Бродъ, мнѣ оказывалось повсемѣстно всевозможное вниманіе, писала Екатерина Павловна изъ Праги [1]), несмотря на то, что я умоляла сохранить мое инкогнито и избавить меня отъ всяческихъ церемоній, но императоръ (австрійскій) такъ строго повелѣлъ оказывать мнѣ тѣ же почести, какъ ему, что войска вездѣ отдавали мнѣ честь, и меня привѣтствовали толпы народа. Всего интереснѣе то, что народъ и солдаты (хотя они были въ строю) кричали ура! ура! Александръ! Всѣ классы общества, начиная отъ простыхъ крестьянъ,

[1]) 16—28 апрѣля 1813 г.

и кончая эрцгерцогомъ Фердинандомъ, котораго я видѣла въ Брюннѣ, гдѣ онъ командуетъ войскомъ, твердятъ мнѣ и моей свитѣ, не будучи къ тому ничѣмъ вызваны съ моей стороны, что Императоръ Александръ спаситель Европы, что если ихъ Императоръ приказалъ бы имъ сражаться за французовъ, то генералы и офицеры тотчасъ вышли бы въ отставку, а солдаты дезертировали бы изъ рядовъ арміи. Генералы говорятъ, что они не смѣютъ не отдать мнѣ почестей, такъ какъ солдатамъ извѣстно, что я сестра русскаго Императора".

Настроеніе, преобладавшее въ Австріи въ то время, какъ Великая Княгина прибыла въ австрійскія владѣнія, было чрезвычайно благопріятно для Россіи; австрійское правительство круто перемѣнило свое отношеніе къ Наполеону, стало уклоняться отъ союза съ нимъ и рѣшило принять на себя роль посредника для возстановленія общаго мира.

Со стороны правительства была сдѣлана попытка зондировать почву и разузнать у Великой Княгини о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ Александра I.

Въ письмѣ изъ Праги отъ 8 мая 1813 года, Екатерина Павловна передаетъ брату интересный разговоръ, который она имѣла съ однимъ изъ мѣстныхъ сановниковъ, испросившимъ съ этой цѣлью у нея аудіенцію.

„Могу Васъ увѣрить, сказалъ онъ, что въ Вѣнѣ твердо рѣшено дѣйствовать совмѣстно съ Россіей, хотя бы она и проиграла одно или два сраженія [1]): собственно говоря, это рѣшеніе принято въ разсчетѣ именно на это обстоятельство. Боятся лишь одного: чтобы въ случаѣ этого несчастья русскій Императоръ не измѣнилъ своего плана и не принялъ иного рѣшенія". Я отвѣчала: „Мнѣ кажется, что никакія сомнѣнія въ твердой рѣшимости Императора Александра недопустимы; онъ заявилъ, что онъ дѣйствуетъ отнынѣ не только въ интересахъ своего личнаго дѣла, но и въ интересахъ Европы, и что всѣ государства должны содѣйствовать сверженію французскаго ига, которое дастъ себя почувствовать всѣмъ державамъ, ежели ему подпадетъ одно изъ сосѣднихъ государствъ. Фактическимъ доказательствомъ этого служатъ подкрѣпленія, которыя прибыли къ намъ, и тѣ, которыхъ мы ожидаемъ, а равно и формирующіяся ополченія; это говоритъ о предусмотрительности Императора и о намѣреніи пополнить заблаговременно могущія быть потери. А

[1]) Разговоръ происходилъ двѣ недѣли спустя послѣ неудачнаго для союзныхъ войскъ Люценскаго сраженія и почти наканунѣ сраженія подъ Бауценомъ.

вотъ доказательства нравственнаго порядка: Москва, древняя столица, самое драгоцѣнное изъ нашихъ владѣній, была занята непріятелемъ, такъ же какъ и нѣкоторыя другія наши губерніи; поколебало ли это твердость Императора? Нѣтъ! онъ былъ убѣжденъ, что цѣль можетъ быть достигнута и спокойствіе можетъ быть возстановлено только при настойчивости и упорствѣ".

„Если Вы утверждаете это, то можете быть увѣрены и въ твердости нашего Императора", сказалъ сановникъ.

Недѣлю спустя послѣ этого письма, послѣ кровопролитнаго сраженія подъ Бауценомъ, Великая Княгиня писала брату [1]): „По старой привычкѣ я считаю нужнымъ сообщить Вамъ все то, что клонится, по моему мнѣнію, къ Вашему благу. Во-первыхъ, сраженіе подъ Бауценомъ покрыло Васъ, лично, славою; здѣсь всѣ признаютъ, что Вы могли бы идти впередъ, а не отступать, и если Вы этого не сдѣлали, то это объясняютъ самоотреченіемъ, желаніемъ отречься отъ личной славы; всѣ благомыслящіе люди говорятъ, что если бы Вы были на Одерѣ, то это было бы полезнѣе для дѣла. Какъ видите, здѣсь склонны все объяснить въ хорошую сторону". Вчера, бургграфъ просилъ позволенія посѣтить меня, чтобы сообщить мнѣ добрыя вѣсти, полученныя имъ изъ Дрездена, о томъ, что Вы будто бы вернулись, одержавъ подъ Бауценомъ побѣду; это между прочимъ; главное—онъ хотѣлъ поговорить со мною о другомъ. Черезъ Прагу проѣхалъ на-дняхъ Монтескье и разсказывалъ чудеса о сраженіи, которое они называютъ великой побѣдой. Чрезъ Вѣну проѣзжали ежедневно два-три французскихъ курьера; одинъ изъ нихъ отправился въ Константинополь, другіе въ Мюнхенъ, откуда получено извѣстіе о томъ, что сраженіе произвело сенсацію; видите, они ничѣмъ не стѣсняются, и такъ какъ они посылаютъ курьерами военныхъ, которые говорятъ много и со знаніемъ дѣла, то можно опасаться, что у нихъ найдутся прозелиты. Вотъ это и было именно то, о чемъ бургграфъ хотѣлъ поговорить со мною. Онъ горюетъ о томъ, что изъ нашей главной квартиры не было послано ни души; онъ говоритъ очень разумно, что Стадіонъ не болѣе какъ дипломатъ, что онъ читалъ всѣ депеши, которыя тотъ посылалъ въ Вѣну, и что онѣ никакъ не могли служить противовѣсомъ тому впечатлѣнію, какое производитъ болтовня французовъ. Онъ горячо желаетъ, чтобы Вы дѣйствовали въ томъ же духѣ и послали кого-нибудь, кто бы могъ сообщить всѣ подробности и передать ихъ съ знаніемъ дѣла. Онъ сказалъ мнѣ еще одну вещь, которая требуетъ обсужденія, а именно: по ихъ свѣдѣніямъ французы получаютъ мало подкрѣпленій. „Если

[1]) Изъ Праги 14 (26) мая 1813.

русская армія въ состояніи продолжать войну еще два мѣсяца, сказалъ онъ, будьте увѣрены, что Наполеонъ будетъ окончательно разбитъ и не сможетъ оправиться, хотя бы онъ даже не проигралъ большого сраженія. Его армія разрушается, его средства истощены; у насъ уже есть, по точному подсчету, болѣе трехъ тысячъ дезертировъ; въ томъ числѣ довольно много французовъ, не считая тѣхъ, кои блуждаютъ по нашимъ горамъ и лѣсамъ, занимаясь грабежомъ".

Вскорѣ послѣ Бауценскаго сраженія было заключено, какъ извѣстно, на шесть недѣль военное перемиріе; Императоръ Александръ воспользовался имъ, чтобы съѣздить на нѣсколько дней въ Опочну, въ сѣверной Богеміи, для свиданія съ Великой Княгиней Екатериной Павловной. Туда же пріѣхалъ Меттернихъ для переговоровъ съ Государемъ.

Для союзниковъ было въ то время очень важно заручиться содѣйствіемъ Австріи; отъ этого зависѣлъ исходъ войны; понятно, что Императоръ готовъ былъ сдѣлать все возможное, чтобы отвлечь ее отъ союза съ Франціей.

Екатерина Павловна была посвящена въ эти планы, и вотъ что писалъ ей Александръ, 20 іюля 1813 г. изъ замка, Петерсвальдау, гдѣ онъ временно поселился.

„Я очень сожалѣю о томъ, что вы еще не сообщили мнѣ ничего о Меттернихѣ и о томъ, что нужно сдѣлать, чтобы онъ былъ вполнѣ на нашей сторонѣ; у меня имѣются необходимыя деньги, поэтому не экономьте. Возвращаю вамъ 1.700 дукатовъ и разрѣшаю вамъ продолжать вашу тактику—самую надежную изъ всѣхъ—тамъ, гдѣ это понадобится".

Вѣсть о взятіи Парижа застала Великую Княгиню въ Лондонѣ, куда она прибыла, совершивъ продолжительное путешествіе по Европѣ и гдѣ должна была свидѣться съ Императоромъ Александромъ.

„Я узнала объ этомъ событіи у принцессы Шарлотты, писала Екатерина Павловна брату. Вернувшись домой, я застала у нея посланнаго изъ министерства съ подробностями, касающимися этого событія; первыя слова, сказанныя имъ, были похвала Вамъ. На слѣдующій день я поѣхала осмотрѣть банкъ, собралась несмѣтная толпа народа, всѣ кричали ура и рукоплескали въ честь Императора Александра".

„Быть Вашей сестрою здѣсь лучшая рекомендація".

Тщеславію молодой женщины льстило быть центромъ восторженныхъ привѣтствій, которыя относились къ горячо любимому ею брату; неудивительно, что у нея вскружилась голова, и что подъ этимъ впечатлѣніемъ она сдѣлала во время своего пребыванія въ

Лондонѣ рядъ промаховъ, вслѣдствіе которыхъ цѣль путешествія Императора Александра въ Лондонъ въ политическомъ отношеніи не была достигнута [1]).

Перемѣна, происшедшая въ настроеніи Императора Александра послѣ его побѣдоноснаго шествія по Европѣ, совершенно не отразилась на его отношеніи къ сестрѣ; оно осталось такое же довѣрчивое и любовное. Екатерина Павловна была посвящена въ происшедшій въ его душѣ переворотъ и сочувствовала его мистическому настроенію; это доказываютъ не только ихъ письма за 1814—1817 гг., но и разные документы, найденные въ бумагахъ Великой Княгини. Въ нихъ оказались разсужденія „О мистической словесности", справки о сочиненіяхъ Теозофа Бёма, Сведенберга, Сенъ-Мертена, Штиллинга и др.

Это показываетъ, что Екатерина Павловна интересовалась мистическими вопросами, которыми увлекался въ ту пору Александръ I. Вообще, какъ показываетъ ихъ переписка, Великая Княгиня всегда живо и „дѣятельно" откликалась на все то, что занимало въ данный моментъ ея августѣйшаго брата, будь то вопросы политики, или религіозныя исканія, или чисто личныя переживанія; въ этомъ кроется тайна ея глубокаго вліянія на него; этимъ она такъ привязала его къ себѣ, что несмотря на огромную перемѣну, происшедшую въ его взглядахъ и настроеніи послѣ Отечественной войны, онъ продолжалъ по-прежнему переписываться съ нею и неизмѣнно искалъ съ нею духовнаго общенія.

Относящееся къ этому періоду письмо, адресованное Екатеринѣ Павловнѣ 20 мая (3 іюня) 1815 года изъ мѣстечка Луизбурга, показываетъ, какъ интимна была та область, въ которую Александръ допускалъ свою сестру. Въ этомъ письмѣ онъ подробно пишетъ о недоразумѣніяхъ съ какой-то „Virginie" и прилагаетъ письмо этой Virginie, „котораго, къ сожалѣнію, въ архивныхъ бумагахъ не оказалось, а оно бы дало ключъ къ загадкѣ, кто именно была эта особа".

„Быть можетъ, Вы получите это письмо, пока Вы будете въ С.-Пёлтенѣ съ Virginie, пишетъ Александръ. Будете ли Вы съ нею хоть минуту однѣ, будете ли Вы имѣть возможность высказать ей мои сѣтованія,—увы! Какое право имѣю я жаловаться, но горе мое велико! Судя потому, что она говорила Marie [2]), она въ восторгѣ, что я уѣхалъ; слѣдовательно, мои догадки оправдались. Я часто думалъ, что я долженъ быть ей въ тягость, что она будетъ въ восторгѣ отдѣлаться отъ меня: я не ошибся! Помните, когда мы ѣхали

[1]) См. „Русская Старина" мартъ 1911 г.

[2]) Великая Княгиня Марія Павловна.

въ каретѣ, Marie обѣщала мнѣ сказать ей о моей женѣ истинную правду, такъ, какъ это сдѣлали Вы: вмѣсто этого, когда Virginie сама коснулась этого вопроса, Marie отвѣчала, что она ничего не можетъ сказать ей по этому поводу. Прочтите внимательно ея письмо и скажите мнѣ, могу ли я не быть до глубины души огорченнымъ его содержаніемъ; я отмѣтилъ карандашемъ тѣ мѣста, которыя наиболѣе поразили меня. Обо мнѣ говорятъ какъ о виновномъ; и этотъ ангелъ, Virginie, защищаетъ меня и сказала, что она не можетъ обвинять меня ни за мои слова, ни за поступки. Наконецъ, Marie какъ бы извиняется въ томъ, что она приняла насъ у себя, между тѣмъ она не разъ, въ вашемъ присутствіи, предлагала мнѣ пригласить Virginie, когда я этого захочу. Къ чему все это дѣлается? Я этого не понимаю и никогда не пойму. Вы своимъ чуткимъ сердцемъ поймете меня, другъ мой, и поймете, какъ я страдаю; выразить это словами невозможно. Меня также весьма огорчаетъ то, что Virginie какъ будто упрекаетъ себя въ томъ, что она поощряла мою привязанность, между тѣмъ какъ она дѣлала все возможное, чтобы отвлечь меня отъ этого или, по крайней мѣрѣ, старалась убѣдить меня въ томъ, что это ей совершенно безразлично".

„Скажите Virginie, что моя привязанность къ ней будетъ вѣчная, что какъ бы ни смотрѣть на нее, она такъ чиста, и есть такая дань восторга моей души ея душѣ, что ее нельзя исказить".

Въ предисловіи къ „Перепискѣ Императора Александра съ Великой Княгиней Екатериной Павловной" говорится по поводу этого письма, что изъ сопоставленія датъ можно вывести заключеніе, будто „личность, которую Императоръ называетъ въ своихъ письмахъ Virginie, была никто иная, какъ баронесса Криденеръ. Но этому противорѣчитъ содержаніе письма Императора Александра къ фрейлинѣ Р. С. Стурдза, въ которомъ онъ описываетъ свое *первое* свиданіе съ баронессой Криденеръ, происшедшее въ Гейльброннѣ 4/16 іюня 1815 года.

Въ Гейльброннъ, гдѣ находилась главная квартира русскихъ войскъ, Императоръ прибылъ утомленный всѣмъ пережитымъ во время борьбы съ Наполеономъ, взволнованный извѣстіемъ объ его исчезновеніи съ острова Эльбы, о бѣгствѣ французскаго короля и водвореніи Наполеона на императорскомъ престолѣ. „Онъ жаждалъ уединенія и покоя".

„Наконецъ я вздохнулъ свободно", писалъ онъ фрейлинѣ Стурдза— „и первымъ моимъ движеніемъ было раскрыть книгу, которая была всегда со мною [1]), но отуманенный разсудокъ мой не проникалъ въ смыслъ читаемаго, и я оставилъ книгу и думалъ, какимъ бы утѣ-

[1]) Библія.

шеніемъ было для меня въ подобную минуту бесѣда съ сочувствующимъ душевно мнѣ человѣкомъ. Эта мысль напомнила мнѣ о Васъ и о томъ, что вы говорили мнѣ о г-жѣ Криденеръ, а также о желаніи, высказанномъ мною Вамъ, познакомиться съ нею. Гдѣ она теперь находится, спрашивалъ я себя, и какъ мнѣ повстрѣчаться съ нею? Никогда! не успѣлъ я остановиться на этой мысли, какъ услышалъ стукъ въ дверь"... и князь Волконскій доложилъ Государю, что какая-то особа настойчиво требуетъ свиданія съ нимъ. Это оказалась г-жа Криденеръ. „Ея появленіе оказалось для меня благодѣтельнымъ, и я далъ себѣ слово продолжать столь дорогое для меня знакомство".

Изъ этихъ строкъ ясно, что Александръ видѣлъ тутъ г-жу Криденеръ *впервые*; до этого онъ *никогда* не видалъ ее, хотя много слышалъ объ ней отъ Р. С. Стурдза и думалъ объ ней. И такъ Государь *видѣлъ* ее *впервые* 4/16 іюня; между тѣмъ въ письмѣ къ Екатеринѣ Павловнѣ, писанномъ десять дней ранѣе этого перваго свиданія, онъ говоритъ о Virginie, какъ о личности, съ которой онъ ранѣе встрѣчался и бесѣдовалъ. „Marie какъ будто извиняется въ томъ, пишетъ онъ, что она приняла насъ у себя" и еще: „она (Virginie) въ восторгѣ, что я уѣхалъ".

Очевидно, Virginie была какая-то другая личность, сумѣвшая заинтересовать Императора и произвести на него сильное впечатлѣніе. „Virginie знаетъ, говоритъ Александръ въ томъ же письмѣ, что я никогда отъ нея ничего не требовалъ; такъ какой же она имѣетъ поводъ сердиться на меня?"

Не подлежитъ сомнѣнію, что тутъ идетъ рѣчь о *бывшемъ* знакомствѣ, о неоднократно бывшихъ свиданіяхъ, и слѣдовательно подъ именемъ Virginie не могла скрываться г-жа Криденеръ, впервые явившаяся къ нему ночью 4/16 іюня".

Екатерина Павловна также познакомилась съ г-жею Криденеръ, но она почти не упоминаетъ объ ней въ своихъ письмахъ. Въ то время Великая Княгиня была всецѣло поглощена мыслію о своемъ бракѣ съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ, съ которымъ она познакомилась въ Лондонѣ, куда онъ прибылъ изъ Парижа въ свитѣ Императора Александра.

Вдовствующая Императрица Марія Ѳеодоровна была противъ этого брака, въ виду того, что принцъ, женатый на принцессѣ Шарлоттѣ Баварской, только что передъ тѣмъ развелся съ женою, и его разводъ ставили въ связь съ его сватовствомъ къ Екатеринѣ Павловнѣ; это очень печалило Государыню, и она долго не давала своего согласія на бракъ дочери; Великой Княгинѣ пришлось прибѣгнуть къ посредничеству Императора, чтобы повліять на мать.

„Король (Виртембергскій) настоятельно проситъ меня сообщить ему Ваше рѣшеніе по поводу того, когда и гдѣ совершится мое бракосочетаніе, писала Екатерина Павловна Александру въ іюнѣ 1815 г. Вотъ уже два мѣсяца, какъ мнѣ приходится давать ему все одинъ и тотъ же отвѣтъ. Изъ Вашего письма я вижу, что, понявъ причины, заставляющія меня желать, чтобы бракъ былъ заключенъ какъ можно скорѣе и при томъ *внѣ* Петербурга, Вы хотѣли написать объ этомъ матушкѣ. Съ тѣхъ поръ я не имѣла отъ Васъ никакихъ извѣстій и нахожусь въ полной неизвѣстности"...

„Я получила письмо отъ принца; онъ сообщаетъ мнѣ, что онъ спрашивалъ Васъ, когда ему будетъ дозволено пріѣхать въ Россію. Вы отвѣтили ему, что это будетъ зависѣть отъ окончаніи дѣла принцессы Шарлотты Баварской. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ королемъ, дѣло это почти окончено; не останавливаясь на этомъ, я считаю себя въ правѣ напомнить Вамъ, что въ Гейдельбергѣ и въ Вѣнѣ Вы не ставили этого условія, которое не можетъ служить препятствіемъ, такъ какъ принцъ по всѣмъ гражданскимъ и церковнымъ законамъ уже цѣлый годъ имѣетъ право вступить въ бракъ; только принцесса еще не получила этого права".

Послѣ усиленной и продолжительной борьбы, Екатеринѣ Павловнѣ удалось уговорить мать дать свое согласіе на ея вторичный бракъ. Какъ ни тягостно ей было вѣнчаться въ Петербургѣ [1]), но она должна была подчиниться желанію матери, и ея бракосочетаніе съ принцемъ Виртембергскимъ совершилось въ Петербургѣ, съ большимъ блескомъ 12 января 1816 года, послѣ чего она уѣхала въ Штутгардтъ.

За 1816 годъ и вплоть до кончины Великой Княгини, послѣдовавшей три года спустя, 28 декабря 1818 года, писемъ ея не сохранилось.

Безвременная кончина Екатерины Павловны глубоко потрясла государя. Она была для него другомъ, она прекрасно понимала его, она не стѣснялась говорить ему правду, какъ она ее понимала, и указывать ему на сдѣланныя имъ ошибки. Она горевала вмѣстѣ съ нимъ въ тяжелую годину Отечественной войны, поддерживала въ немъ бодрость духа, вліяла на его рѣшенія, хотя быть можетъ и не всегда удачно, дѣлила съ нимъ радость по поводу его послѣдующихъ блестящихъ успѣховъ, сообщала ему свои наблюденія и свои бесѣды съ государственными людьми, знакомила его съ состояніемъ общественнаго мнѣнія въ Россіи и за границей—словомъ, была для него дѣятельнымъ и незамѣнимымъ другомъ. Чтобы удержать въ теченіе столькихъ лѣтъ привязанность брата и неизмѣнно пользоваться его

[1]) „Въ Петербургѣ все мнѣ тягостно, писала Екатерина Павловна, но да будетъ воля Господня".

полной откровенностью, нужно было обладать выдающимися качествами ума и сердца. Письма и записочки Великой Княгини къ брату, искрившіяся умомъ и весельемъ, полныя внутренняго содержанія, удивительно дружескія и ласковыя по формѣ, объясняютъ то обаятельное впечатлѣніе, какое она производила на него и по отзыву современниковъ, вообще, на всѣхъ людей, приходившихъ съ нею въ соприкосновеніе.

Воспитанная подъ руководствомъ матери, какъ и прочія ея сестры, она получила разностороннее образованіе, хорошо говорила и писала по-русски, что было рѣдкостью для высшаго общества конца 18 вѣка въ Россіи, знала прекрасно не только французскій и нѣмецкій языки, но и англійскій. Несмотря на всеобъемлющую власть и вліяніе матери, она сохранила большую долю самостоятельности, особенно сказавшуюся, когда она стала замужней женщиной.

Это была натура богато одаренная, въ которой умъ преобладалъ надъ всѣми силами души, но онъ сочетался въ ней съ любящимъ, отзывчивымъ сердцемъ и съ особымъ умѣніемъ облечь все, что она говорила, въ такія ласковыя формы, которыя плѣняли окружающихъ.

Эта ласковость и умѣнье отозваться на переживанія брата, умѣніе понять ихъ, къ какой бы области они ни относились, были тѣмъ секретомъ, благодаря которому Великая Княгиня съумѣла не только пріобрѣсти, но удержать его привязанность до конца жизни, при томъ въ эпоху столь богатую событіями, встрѣчами и внутренними переживаніями.

Нѣсколько коротенькихъ выдержекъ изъ болѣе интимныхъ записочекъ Александра I къ сестрѣ, относящихся по большей части къ 1805 году, когда Екатеринѣ Павловнѣ было всего 16 лѣтъ, и нѣжныя прозвища, которыя онъ даетъ ей (Bisiam, Biskis, Bissiamowna), говорятъ о томъ, какое обаяніе она производила на него своей личностью; по этимъ и по нѣкоторымъ другимъ еще болѣе восторженнымъ изліяніямъ можно думать, что, не будь она его сестрою, онъ страстно увлекся бы ею какъ женщиной и что его горячее чувство къ ней граничило съ влюбленностью:

„Вы всецѣло завладѣли мной, я безъ ума отъ Васъ... если Вы шальная, за то самая прелестная, какая когда-либо существовала... я Васъ обожаю“, пишетъ Александръ 19 сентября 1805 г., и на другой день, въ коротенькомъ письмецѣ, добавляетъ: „Выкиньте изъ головы, что отвѣчать Вамъ затруднительно для меня; когда у меня есть свободная минутка, это для меня истинное удовольствіе, ибо мало что на свѣтѣ я люблю такъ, какъ мою Бизіамъ... прощайте, очарованіе моихъ глазъ, идолъ моего сердца“.

Двѣ недѣли спустя, 2 октября 1805 г. государь пишетъ изъ

Пулавъ: „что подѣлываетъ дорогой носикъ, который я съ такимъ наслажденіемъ приглаживалъ и цѣловалъ? я боюсь, чтобы онъ не сдѣлался жесткимъ за ту вѣчность, на которую мы разлучены. Меня беретъ искушеніе пріѣхать курьеромъ, поцѣловать Васъ и затѣмъ вернуться на свой постъ". Еще черезъ четыре дня, 6 октября 1805 г.: „знать, что Вы любите меня, необходимо для моего счастья, ибо Вы одно изъ самыхъ прелестныхъ созданій, какія только существуютъ на свѣтѣ".

Эти чувства не ослабѣли и много лѣтъ спустя, когда Екатерина Павловна была уже замужемъ за принцемъ Георгомъ Ольденбургомъ и жила вдали отъ брата, въ Твери.

22 ноября 1809 г. онъ пишетъ ей: „Вскорѣ я надѣюсь, однако, располагать собой, и упаду къ Вамъ въ Тверь, какъ бомба. Одна мысль объ этомъ кружитъ мнѣ голову". Въ мартѣ 1810 г. онъ пишетъ еще: „Я всегда зналъ, что сильно люблю Васъ, но только съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, я чувствую цѣну этого". Въ апрѣлѣ 1811 г. онъ говорилъ: „пора уже, побранивъ Васъ, сказать Вамъ, что я люблю Васъ, какъ безумный, хотя Вы, Вы—сумазбродка, но я, какъ сумасшедшій, радуюсь тому, что я Васъ увижу". Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, 21 ноября 1811 г., онъ горевалъ о томъ, что онъ не могъ, какъ ему хотѣлось, пріѣхать въ Тверь, въ виду того, что у него множество было дѣлъ.

Тому подобныя ласковыя, нѣжныя, почти страстныя изліянія встрѣчаются во многихъ письмахъ, не упомянуть о нихъ нельзя, ибо они слишкомъ характерны для отношеній Александра къ Екатеринѣ Павловнѣ и объясняютъ отчасти горячія чувства къ ней Императора, которыя такъ много лѣтъ оставались неизмѣнны.

Грустнымъ аккордомъ къ ихъ перепискѣ звучатъ заключительныя слова одного изъ писемъ Александра, писаннаго 16—28 января 1817 г., всего за годъ до кончины Великой Княгини.

„Вы спрашиваете, дорогой другъ, что я *подѣлываю*? Все то же, т. е. привыкаю все болѣе и болѣе покориться велѣніямъ судьбы и даже нахожу уже извѣстное удовлетвореніе въ томъ полномъ одиночествѣ, въ какомъ я нахожусь. Все остальное *совершенно въ томъ же положеніи*, какъ было при Васъ".

Съ кончиною Екатерины Павловны Императоръ сталъ еще болѣе одинокъ, потерявъ въ ней своего лучшаго, самаго искренняго и преданнаго ему друга.

В. Тимощукъ.

Письмо Архимандрита Фотія къ неизвѣстному.

Любезнѣйшій о Господѣ сродникъ по духу!

Свой своему по неволи другъ, а я тебѣ свой о Господѣ: ты меня любишь, и я тебя люблю, а по любви можно все сдѣлать: прошу тебя сдѣлай любовъ, яви, что ты рабъ Божій, удиви міръ кротостію твоею: сегодня, ежели можно, поздравь съ днемъ тезоименитства Градоначальника здѣшняго: побѣди себя и его и всѣхъ любовію, яви безгнѣвіе, и сотвори симъ любовъ, и содѣлай Бога себѣ другомъ: уже тебѣ благодать какъ я вижду есть у Бога: и храни сіе въ секретѣ: я имѣю нужду тебя видѣть: не себя ради, а ради души твоея по любви моей къ тебѣ.

Благословеніе Божіе буди тебѣ со всѣми радуйся...

Сродникъ твой о Господѣ
недостойнѣйшій — Фотій.

1836 года.
16 Генваря.

Се! Что добро, или что красно, во еже братіи, жити вкупѣ!
и со всѣми миръ имѣть, аще возможно есть.

(Изъ собранія кж. Е. Д. Долгорукой).

Сообщилъ В. С. Арсеньевъ.

Къ біографіи Л. А. Мея.

Левъ Александровичъ и Софья Григорьевна Мей, ихъ родные и знакомые.

(Семейная хроника) [1]).

При хорошей подготовкѣ и выдающихся способностяхъ, Софья Полянская вскорѣ стала первой ученицей въ своемъ классѣ; подруги называли ее „notre premiѣre chiffreuse“—но этому не суждено было сбыться. Не прошло и полутора года со дня поступленія въ Институтъ, какъ дѣвочка стала блѣднѣть, слабѣть,—оказалось малокровіе, со всѣми его спутниками и ее отправили въ лазаретъ. Тогда Александра Ивановна Васильчикова пріѣхала къ больной съ своимъ докторомъ, и рѣшено было взять ее обратно изъ Института.

Радость, счастье быть снова дома, возлѣ своей милой мамá, опять видѣть любимыя лица и мѣста, быстро возстановили силы и здоровье Сонюшкѣ, и началось серьезное ученье—уже у Васильчиковыхъ. Съ утра, изъ дома Ек. Алек. Архаровой Сонюшку отвозили на Большую Морскую, гдѣ жили въ собственномъ домѣ Васильчиковы; тамъ она проводила цѣлый день и брала уроки съ ихъ дочерьми: Анной Алексѣевной, бывшей впослѣдствіи замужемъ за графомъ Павломъ Трофимовичемъ Барановымъ, и Екатериной Алексѣевной, вышедшей за князя Владиміра Александровича Черкасскаго. Вечеромъ, Александра Ив., ежедневно навѣщавшая свою мать, привозила ее обратно. Иногда, къ нимъ въ карету садился Алексѣй Васильевичъ и доѣзжалъ до дома князя Виктора Павло-

[1]) См. „Русская Старина“ мартъ 1911 г.

вича Кочубея, женатаго на сестрѣ его Марьѣ Васильевнѣ. У княгини Кочубей жила тогда ея тетка, знаменитая Наталья Кирилловна Загряжская, рожденная Разумовская, у которой Пушкинъ учился по-русски.

Все, что можно было придумать для здоровья, умственнаго развитія, счастія и удовольствія дѣтей, тамъ все было, и всѣмъ этимъ Сонюшка пользовалась наравнѣ съ другими. Возвращаясь по вечерамъ домой, на Караванную, крестная мать окружала ее самыми нѣжными, истинно материнскими попеченіями. Софья Григорьевна всегда вспоминала объ этомъ времени, какъ о счастливѣйшемъ во всей ея жизни. Но за счастьемъ идетъ горе!

Екатерина Александровна Архарова, давно переступившая за 80-ти лѣтній возрастъ, безболѣзненно и мирно отдала Богу свою чистую душу. Ее похоронили въ Александро-Невской лаврѣ. По прошествіи шести недѣль, Екатерина Михайловна съ племянницей отправились въ Москву, къ ея родителямъ, жившимъ тамъ уже нѣсколько лѣтъ и проводившимъ въ Графченкахъ только лѣтнее время.

Черезъ двѣ недѣли послѣ пріѣзда, Ек. Мих. Шлыкова скончалась. Давно скрывавшаяся болѣзнь, вслѣдствіе перенесенныхъ сильныхъ потрясеній, обострилась, и смерть послѣдовала въ самый короткій промежутокъ времени. Пріѣхалъ Иноземцевъ, но помочь было невозможно.

Живя въ Петербургѣ, Сонюшка очень аккуратно писала къ родителямъ стереотипныя письма: увѣдомляла ихъ о своемъ здоровьѣ, успѣхахъ; поздравляла съ высоко-торжественными праздниками, прибавляя извѣстныя пожеланія всѣхъ благъ земныхъ. А на самомъ дѣлѣ съ каждымъ годомъ все больше и больше отъ нихъ отвыкала и забывала ихъ, но всю привязанность сосредоточила на теткѣ, которую называла и считала матерью. Лишившись вдругъ тѣхъ, кого она такъ горячо и нѣжно любила; неожиданно вырванная изъ среды, гдѣ ей было такъ хорошо; оторванная ото всего, что было дорого и мило, и чѣмъ столько лѣтъ наполнялась жизнь ея; перенесенная въ совершенно новую обстановку, Софья Григорьевна почувствовала себя одинокой и осиротѣлой, хотя въ родной, но еще чуждой ей семьѣ. Глубокое горе о потерѣ любимаго существа и рѣзкая перемѣна жизни имѣли большое вліяніе на развитіе ея характера. Изъ веселой, безпечной дѣвочки, она сдѣлалась грустною и задумчивою; она какъ-то ушла въ себя, и отъ нея вѣяло холодомъ. Оставаясь совершенно безучастною ко всему окружающему, она тосковала о невозвратномъ прошломъ.

А между тѣмъ, это была любимая дочь своего отца; въ семьѣ ее всѣ любили и уважали, и она стояла выше другихъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Васильчиковы, продавъ свой Петербургскій домъ, на Бол. Морской, переѣхали на житье въ Москву, Софья Гр. совершенно ожила и какъ бы пробудилась отъ долгой нравственной летаргіи: она снова почувствовала себя въ той сферѣ, гдѣ ей такъ легко и хорошо жилось. Любовь къ высшему, аристократическому обществу и изящной обстановкѣ сохранилась у нея на всю жизнь.

Когда Софья Гр. возвратилась въ Москву, два ея брата были въ училищѣ Правовѣдѣнія. Больше всѣхъ она полюбила и подружилась со старшей изъ своихъ сестеръ—Еленой.

Съ нею одной она была откровенна, только ей повѣряла всѣ свои мысли и чувства. С. Гр. получила весьма серьезное научное образованіе; хорошо знала французскій и англійскій языкъ; была прекрасной музыкантшей. Умная, даровитая, изящная, она обращала на себя общее вниманіе. Спокойное и сосредоточенное выраженіе очень шло къ тонкимъ, красивымъ чертамъ и придавало какую-то особенность ея блѣдному лицу. Она рѣзко выдѣлялась изъ среды своихъ сверстницъ, и рѣдко кто изъ молодыхъ людей, узнавъ ее, не увлекся бы ею. Софья Гр. рано привыкла видѣть себя окруженною поклонниками, любовь ихъ она принимала за должную дань ея уму и красотѣ,—но сама еще никого не любила.

Глава VII.

Женитьба Л. А. Мея и поѣздка молодыхъ въ Петербургъ.

Незадолго передъ выходомъ Льва Алек. изъ Лицея, Григ. Мих. Полянскій продалъ Графченки и пріобрѣлъ въ Москвѣ, на Тверской улицѣ большой каменный домъ, куда и сталъ ходить, почти ежедневно, Л. Ал., какъ сказано выше. Полянскіе, давно уже находясь въ свойствѣ съ его семьею, никогда не прерывали съ нею самыхъ дружескихъ отношеній. Старшій сынъ Михаилъ Григорьевичъ и два племянника Григ. Мих.: Александръ и Алексѣй Степановичи Оголины, еще въ дѣтствѣ играли вмѣстѣ со Львомъ Александровичемъ. Когда онъ поступилъ въ Лицей, они почти въ то же время поступили въ училище Правовѣдѣнія. Въ продолженіе всей школьной жизни не переставали видаться и почти въ одно время пріѣхали опять въ Москву. Но не одно товарищество и старая семейная дружба манила къ Полянскимъ молодого поэта: ихъ старшая дочь,

Софья Григорьевна, начала занимать его умъ и сердце. Образъ перваго идеала блѣднѣлъ и замѣнялся другимъ [1]).

Возвратясь въ родительскій домъ, Софья Гр. продолжала свое образованіе. Отецъ взялъ для нея гувернантку-англичанку и всѣхъ нужныхъ учителей. Она съ раннихъ лѣтъ училась музыкѣ и въ то время уже очень хорошо играла на фортепіано. Левъ Ал. любилъ смотрѣть на нее, слушать ея музыку, читать ей свои стихи [2]). Одинъ разъ ему показалось, что она надъ нимъ насмѣхается, это его такъ оскорбило, что онъ ушелъ, ни съ кѣмъ не простясь, нѣсколько лѣтъ не былъ въ домѣ и избѣгалъ всякой съ нею встрѣчи, хотя съ другими членами семейства оставался въ прежнихъ, дружескихъ отношеніяхъ. Но когда случай свелъ ихъ снова, и они объяснились, онъ очень скоро сдѣлался ея женихомъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ—мужемъ.

Въ эти годы добровольнаго изгнанія и сердечной пустоты, Л. Ал. занимался серьезнымъ изученіемъ богословскихъ наукъ, древнихъ писателей и русскихъ лѣтописей. Въ это тяжелое для него время, ему пришлось схоронить свою старую няню, а потомъ и мать. Ольга Ивановна Мей умерла за годъ до женитьбы Л. Ал., въ 1849 году ни масленницѣ. Л. Ал. не могъ вспомнить безъ содроганія ту глубокую скорбь, какую онъ испыталъ, идя за гробомъ матери, когда печальная процессія проѣзжала мимо Новинскаго,—мѣста народнаго гулянья: праздничныя лица, толкотня, музыка, пѣсни, писк марьонетокъ, кривлянье клоуновъ, и весь этотъ шумъ и гамъ толпы произвели на него потрясающее впечатлѣніе. Онъ не могъ забыть его до конца жизни. Тетка его, Елизавета Ив. Шлыкова, пережила Ольгу Ив. на два года: она умерла уже послѣ его свадьбы; а сестра Л. Ал., Елизавета Александровна Мей, вышла замужъ за своего дальняго родственника Алексѣя Димитріевича Шлыкова, у нихъ осталось три сына и дочь, это единственные родные племянники Л. Ал. Въ это же время онъ познакомился съ графиней Евдокіей Петровной Ростопчиной, у которой собирался весь цвѣтъ Московской интеллигенціи.

Тогда же онъ познакомился и дружески сошелся съ Михаиломъ Андреевичемъ и Надеждою Димитріевною Половцовыми. Л. Ал. два лѣта прожилъ въ ихъ имѣніи—селѣ Покровскомъ. Стихотвореніе „*Деревня*“ относится къ тому времени.

---

[1]) Разсказъ Л. Ал. „*Чубукъ*“ относится ко времени возвращенія его изъ Лицея въ Москву. Подъ именемъ „*Росковыхъ*“ описанъ домъ Полянскихъ и всѣ выведенныя тамъ личности взяты *изъ дѣйствительности*.

[2]) Къ этому времени относятся стихи Л. А. „*Когда ты, склонясь надъ роялью*“, „*Не знаю, отчего такъ грустно мнѣ при ней?*“ „*Бѣги ея*“, „*Октавы*“.

Имя его, какъ поэта, дѣлалось уже извѣстнымъ. А когда давали на Московской сценѣ въ первый разъ его драму *„Царская Невѣста“*, Л. Ал. смотрѣлъ ее изъ ложи его собственной невѣсты.

Свадьба ихъ была 30 апрѣля 1850 г. Это приходилось на Красную-горку. Погода стояла великолѣпная; было жарко. Домъ, откуда отпускали невѣсту, представлялъ роскошную оранжерею: такъ много было цвѣтовъ и деревьевъ; на улицѣ и въ церкви толпился народъ; свадебный поѣздъ былъ блистательный. Матерью посаженою жениха была гр. Ев. Пет. Ростопчина, а отцомъ посаженымъ невѣсты—Алексѣй Вас. Васильчиковъ и шаферомъ младшій сынъ его, Александръ Алек. Вообще, Васильчиковы приняли самое сердечное участіе въ свадьбѣ Софьи Григорьевны.

Первые мѣсяцы послѣ свадьбы молодые прожили на прелестной дачѣ, противъ Нескучнаго-сада, на самомъ берегу Москвы-рѣки, тамъ, гдѣ она загибается къ Воробьевымъ горамъ. У нихъ была своя лодка: стоило переѣхать рѣку, чтобы быть въ Нескучномъ-саду, или подняться на гору, чтобы видѣть Москву съ лучшаго ея пункта. Густой, тѣнистый садъ выходилъ прямо въ Лужники. Къ нимъ часто заходилъ сосѣдъ ихъ: Михаилъ Ивановичъ Погодинъ. Онъ жилъ въ собственномъ домѣ, возлѣ Дѣвичьяго-монастыря. Бывали: Алекс. Ник. Островскій; Ник. Вас. Бергъ; Тертій Ив. Филипповъ, въ то время онъ пѣлъ задушевнымъ, груднымъ теноромъ, русскія пѣсни и былины; Сер. Пав. Калошинъ; Бор. Сем. Озеровъ; князь Петръ Крапоткинъ и другіе.

Послѣ дачной жизни, въ началѣ зимы, Л. Ал. повезъ свою молодую жену въ Петербургъ, къ дядѣ—Пет. Ив. Мею, знавшему ее еще дѣвочкой. Они у него остановились и прожили въ Петербургѣ всю зиму. Въ это время Л. Ал. опять увидался со своими товарищами-лицеистами и познакомилъ ихъ со своей женой. Это были: В. Р. Зотовъ, А. Н. Кирилинъ, Г. В. Кондоиди, В. П. Ефремовъ, Е И. Ламанскій, В. П. Гаевскій. Когда Л. Ал. уѣзжалъ въ Петербургъ, графъ Алексѣй Павловичъ Бобринскій, тоже товарищъ его по Лицею, съ которымъ Л. Ал. часто видался въ Москвѣ, далъ ему письмо къ своей сестрѣ—графинѣ Юльѣ Павловнѣ Бобринской, которая въ то время жила въ Зимнемъ-Дворцѣ и была одна изъ любимыхъ фрейлинъ Императрицы Александры Ѳеодоровны. Гр. Ю. П. Бобринская приняла очень любезно молодого поэта и жену его. Когда давали на Петербургской сценѣ *„Царскую Невѣсту“*, въ театрѣ присутствовалъ Государь, Императрица и весь Дворъ, такъ, что спектакль вышелъ совершенно парадный. Этому во многомъ содѣйствовала гр. Бобринская. Когда Мей уѣзжали въ Москву и пріѣхали съ нею проститься, гр. Ю. П. была больна и не могла ихъ принять

сама, но она выслала, чтобы пожелать имъ добраго пути, пріятельницу свою—графиню Гаукэ. Это была никто иная, какъ впослѣдствіи мать принца Александра Батенберга.

Въ это же время второй братъ С. Г. Мей, Иванъ Григорьевичъ Полянскій женился на сестрѣ лициста—В. Н. Кутузова—на Ольгѣ Николаевнѣ. Такъ какъ Полянскій былъ правовѣдъ, то и свадьба его была въ церкви училища Правовѣдѣнія. Посаженымъ отцомъ жениха былъ принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, а посаженою матерью Софья Гр. Мей.

Вскорѣ послѣ возвращенія Л. Ал. и С. Гр. изъ Петербурга, все семейство Полянскихъ уѣхало изъ Москвы въ Смоленскую деревню. Л. Ал. вышелъ въ отставку и вмѣстѣ съ женой тоже туда пріѣхалъ. Въ семьѣ тестя онъ прожилъ почти годъ, пока не получилъ назначеніе—инспектора 2-й Московской гимназіи.

А. Г. Полянская.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ моихъ воспоминаній о послѣ Е. П. Новиковѣ.

Столь извѣстный въ свое время нашъ посолъ въ Вѣнѣ Евгеній Петровичъ Новиковъ, человѣкъ въ высокой степени корректный и аккуратный въ дѣлахъ, страдалъ, однако, однимъ недостаткомъ, который нерѣдко ставилъ его, какъ выдающагося дипломата, не только въ рискованное, но даже смѣшное положеніе, — онъ былъ то, что называется „тяжелоумомъ“.

Свои донесенія въ Петербургъ онъ писалъ, какъ въ то время было принято, на французскомъ языкѣ и когда диктовалъ ихъ своимъ секретарямъ,—онъ и самъ мучился и секретаря заставлялъ страдать. Продиктовавъ фразу, онъ безпрестанно ее мѣнялъ, зачеркивалъ слова, замѣнялъ ихъ новыми и часто совершенно исказивъ ту идею, которую первоначально хотѣлъ выразить на бумагѣ. Иногда, депеша въ четыре страницы ему стоила нѣсколько часовъ самой тяжелой работы. Однажды, послѣ неимовѣрныхъ усилій, окончивъ свое донесеніе и пославъ депешу въ Петербургъ, онъ ночью вспомнилъ, что между прочимъ въ этой депешѣ влѣпилъ такую фразу: *il tient maintenant le haut du bout du pavé*... Уразумѣвъ, наконецъ, досадную ошибку въ этой злополучной фразѣ, Евгеній Петровичъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ рано утромъ, на другой день послать въ Петербургъ шифрованную телеграмму, въ которой наивно сообщилъ, что въ его, наканунѣ посланной депешѣ слово „*bout*“ совершенно лишнее и просилъ это слово въ его депешѣ зачеркнуть.

Въ другой разъ съ нимъ приключился такой казусъ. Въ концѣ 1870 года знаменитый Тьеръ объѣзжалъ иностранные Дворы, прося у нихъ помощи и заступничества передъ Германіей для заключенія съ нею почетнаго для Франціи мира. Побывавъ въ Петербургѣ, Тьеръ оттуда пріѣхалъ и въ Вѣну. Наканунѣ своего отъѣзда изъ

Вѣны онъ поѣхалъ съ визитомъ къ Новикову. Проведя съ нимъ въ бесѣдѣ по этому жгучему для Франціи вопросу довольно продолжительное время, Тьеръ распростился и уѣхалъ съ тѣмъ, чтобы на другой день выѣхать въ Парижъ съ поѣздомъ, отходящимъ изъ Вѣны въ шесть часовъ утра. Каково же было его удивленіе, когда въ 5 часовъ утра, за часъ до отхода поѣзда, къ нему въ гостиницу является Новиковъ, который ночью, по обыкновенію, вспомнилъ, что въ его разговорѣ съ Тьеромъ наканунѣ, онъ не вполнѣ подробно объяснилъ ему политическое положеніе Европы, и Новикову казалось вполнѣ естественной необходимостью тотчасъ же дополнить свои соображенія о настоящемъ положеніи политическихъ дѣлъ, и вотъ Новиковъ встаетъ въ 4 часа утра и мчится къ Тьеру, котораго застаетъ за утреннимъ кофеемъ въ то время, какъ секретари укладываютъ его бумаги. Удивленному Тьеру Новиковъ объясняетъ цѣль своего визита и даетъ нѣкоторыя дополнительныя разъясненія, забытыя имъ наканунѣ и въ дѣйствительности... совершенно безполезныя, ничего не дополняющія и ничего не разъясняющія. Тогда Тьеръ обращается къ находящимся при немъ двумъ секретарямъ, господамъ Rémusat и Barthélémy de St. Hillert, и говоритъ имъ: „Посмотрите, господа, передъ вами сидитъ посолъ величайшей Державы, который всталъ сегодня въ четыре часа утра и пріѣхалъ ко мнѣ лишь для того, чтобы поставить точку на букву і (*Il est venu chez moi pour mettre un point sur un i*). Возьмите же съ него примѣръ, такъ какъ я не думаю, чтобы вы оба были способны сдѣлать то же самое“.

Ст. Ник. Митусовъ.

Воспоминанія стараго педагога [1]).

V.

Поступленіе на казенное содержаніе. Холера 1847 г. Вакаціи. Холера 1848 г. Перемѣны въ университетѣ. Генералъ-губернаторъ попечитель округа. Его управленіе округомъ. Окончаніе курса университета.

Слѣдующій 1847—48 учебный годъ я уже началъ на казенномъ содержаніи въ стѣнахъ университета, въ зданіи котораго помѣщался и институтъ казеннокоштныхъ студентовъ съ его большими комнатами или камерами, для восьми и болѣе студентовъ каждая, и особыми довольно впрочемъ вонючими въ ночное время большими спальнями. При институтѣ состояла особая библіотека, большая, но безпорядочная. До какой степени безпорядочно и до какой степени широко мы пользовались свободою въ чтеніи книгъ изъ этой библіотеки, можно видѣть изъ того, что въ нашей (юридической) камерѣ собрано было чуть не все Полное Собраніе законовъ, и что на немъ и изъ него нѣкоторые студенты устраивали постели, такъ какъ спальни въ теченіе дня были заперты.

Печально закончился 1847 г. Кіевъ посѣтила страшная гостья—холера. Смертность была ужасная. Многіе изъ застигнутыхъ болѣзнью въ нѣсколько часовъ кончали дни своей жизни. Каждый день приносилъ новыя тысячи жертвъ. Разсказывали, что по Васильковской улицѣ почти безпрерывно тянулись погребальныя процессіи. Студенты и всѣ учащіеся въ учебныхъ

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1911.

заведеніяхъ были отпущены по домамъ. Мы однако казенно-коштные почти всѣ остались въ Кіевѣ и, можно сказать, несмотря на страхи, которые доносились до насъ въ видѣ слуховъ изъ города, мы не унывали. Удивительное дѣло молодость. Сидя въ своихъ камерахъ, мы проводили время довольно весело, въ шуткахъ и въ диспутахъ, словно не случилось ничего особеннаго. Выходили въ городъ мы очень рѣдко, а по ночамъ даже не рѣшались путешествовать; такъ какъ въ простомъ народѣ распространялись нелѣпые слухи, что студенты разносятъ изъ обсерваторіи холеру. Эти вздорные слухи, вышедшіе, по всей вѣроятности, изъ какого-либо кабака, до того распространились, что по тропинкѣ изъ обсерваторіи, шедшей по широкому валу, гдѣ нынѣ Подвальная улица, было не совсѣмъ безопасно проходить ночью, не рискуя подвергнуться нападенію какихъ-нибудь гулякъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ все утихло, и кіевская жизнь вошла въ обычную колею, а мы, прогулявши почти два мѣсяца, приступили къ полугодичному экзамену.

Такъ закончился 1847-й годъ. Мы лишились одного или двухъ товарищей, умершихъ, впрочемъ, не отъ холеры, а отъ чахотки. Но не успѣли успокоиться и отдохнуть послѣ случившейся катастрофы, какъ съ наступленіемъ теплаго времени опять появилась холера. Смертность въ Кіевѣ опять усилилась, вслѣдствіе чего мы съ братомъ Николаемъ, окончившимъ Лицей Нѣжинскій и искавшимъ службы въ Кіевѣ, поспѣшили убраться домой. Вакаціи я провелъ дома и все-таки не спрятался отъ холеры. По пріѣздѣ домой мать просила меня заняться хозяйствомъ. Какъ теперь помню, я взялся ретиво за исполненіе принятыхъ на себя обязанностей. Но первый блинъ пришелся комомъ. Въ началѣ іюля, какъ помнится, въ воскресеніе, я послалъ старика, бывшаго нашего крестьянина, котораго пригласилъ въ родѣ прикащика, въ ближайшее селеніе Коробовку, нанять рабочихъ на жнива. Селеніе Коробовка всего въ восьми верстахъ отъ нашего хутора, а потому я просилъ прикащика возвратиться того же дня вечеромъ, чтобъ знать, какъ распорядиться работами на слѣдующій день. Но прошелъ вечеръ, настало и утро слѣдующаго дня; посланный не являлся. Наконецъ часу въ десятомъ дали мнѣ знать, что, нанявъ рабочихъ, посланный мой заболѣлъ на возвратномъ пути холерой и что лежитъ въ трехъ верстахъ отъ нашего хутора въ лѣсу, возлѣ деревни Ольховъ. Я велѣлъ запречь лошадь и поѣхалъ разыскивать больного. И дѣйствительно, нашелъ его въ послѣднемъ градусѣ холеры. Я съ кучеромъ уложилъ его на повозку и привезъ домой. Къ вечеру мой прикащикъ скончался. За нимъ послѣдовали: жена, сынъ его, дочь, невѣстка. Отъ всей семьи осталась одна дѣвочка лѣтъ шести, которую моя мать взяла

на свое попеченіе и послѣ выдала замужъ, на правахъ воспитанницы за вольнаго человѣка. Мы всѣ три брата не мало перетрусили холеры и дѣйствительно трудно было и храбриться въ виду страшной смертности въ нашемъ крестьянствѣ.

Послѣ вакацій я съ братомъ Михаиломъ, уже успѣвшимъ поступить въ университетъ, отправились въ Кіевъ и, еще подъѣзжая къ городу, узнали, что тамъ послѣ сильнаго проливного дождя, затопившаго весь Крещатикъ, сдѣлалось совершенно благополучно, и холера прекратилась. Я перешелъ на третій курсъ университета. Мое рвеніе къ слушанію постороннихъ лекцій прошло; да и своего дѣла было достаточно. Пришлось слушать новые курсы: уголовнаго и международнаго права, политическую экономію, сельское хозяйство, финансы. Благоустройство, каноническое право, по всѣмъ почти предметамъ необходимо было составлять записки; такъ какъ никакихъ учебниковъ кромѣ „Гражданскихъ законовъ“ Кранихфельда, въ то время еще не существовало, а студенты еще не додумались до литографированія записокъ профессорскихъ. Я, не имѣя понятія о стенографіи, придумалъ разныя сокращенія словъ и, благодаря своей выдумкѣ, могъ записывать вчернѣ лекціи профессоровъ и затѣмъ на другой день утромъ, вставъ въ четыре часа, до 8-ми часовъ, когда всѣ спали, успѣвалъ изложить лекціи начисто. Другіе товарищи не считали нужнымъ такъ трудиться и предпочитали поспать до начала лекцій. Мало по малу, благодаря аккуратному составленію лекцій, я сдѣлался для многихъ необходимымъ человѣкомъ, раздавая для переписки свои записки, а для студентовъ барычей, не желавшихъ утруждать себя перепиской, меня начали приглашать въ качествѣ тутора. Сверхъ всякаго ожиданія я за свои труды, впрочемъ очень тяжелые, началъ въ видѣ гонорара получать деньги, и признаюсь на свою бѣду. Я началъ курить дорогой табакъ, а что хуже всего: не знавши до 23 лѣтъ никакихъ увлеченій, началъ принимать участіе въ веселыхъ студентскихъ пирушкахъ и во всѣхъ ихъ послѣдствіяхъ. Къ счастію я не могъ войти во вкусъ ни выпивки, ни знакомства съ женскимъ поламъ, разумѣется, худшаго сорта. Первые опыты кутежа возбудили во мнѣ отвращеніе къ хмѣльнымъ напиткамъ, а продажная любовь производила просто омерзѣніе. Я сталъ уклоняться отъ удовольствій, которыя тогда между студентами въ особенности первыхъ курсовъ были въ модѣ. Случай, давшій другое лучшее направленіе моей волѣ, была студенческая вечеринка на масляной 1849 г. у одного знакомаго малороссійскаго патріота. На этой вечеринкѣ, тянувшейся чуть не до утра, я такъ усердно попробовалъ „варенухи“, что послѣ этого долго страдалъ болью головы и совершеннымъ разстройствомъ пи-

щеваренія, а потому разъ навсегда далъ себѣ слово отказаться отъ напитковъ, гибельно подѣйствовавшихъ на мое здоровье.

Въ это время въ жизни Кіевскаго университета начинается радикальный переворотъ. Нашъ попечитель Траскинъ переведенъ губернаторомъ въ Харьковъ, а на его мѣсто назначенъ кіевскій генералъ-губернаторъ генералъ Бибиковъ — гроза того времени. Онъ облеченъ званіемъ попечителя, оставаясь въ то же время генералъ-губернаторомъ. Вскорѣ по вступленіи въ должность попечителя, Бибиковъ собралъ насъ въ парадной университетской залѣ и объявилъ, что переполненіе университета людьми „разныхъ сословіевъ“ вредно, и что правительство рѣшило сократить число студентовъ. Съ этою цѣлію назначенъ былъ комплектъ для всѣхъ факультетовъ, кромѣ медицинскаго, всего въ 300 человѣкъ. Повидимому, распоряженіе это было слѣдствіемъ тогдашняго броженія въ Европѣ. Боялись, чтобы русскіе студенты не послѣдовали примѣру заграничныхъ революціонеровъ, несмотря на то, что мы были далеки отъ всякаго свободомыслія и если о чемъ и толковали тихонько въ интимныхъ бесѣдахъ, то возмущались крѣпостнымъ правомъ и толковали объ освобожденіи крестьянъ, но чисто съ теоретической стороны. Тѣмъ не менѣе управленіе округомъ Бибикова ознаменовалось драконовскою строгостью. Для того, чтобы привести университетъ, состоявшій тогда всего изъ 600 студентовъ, въ комплектъ, намъ объявили, что въ университетѣ могутъ оставаться тѣ только, которые въ точности и безпрекословно подчинятся правиламъ. Начались исключенія изъ университета за незастегнутую пуговицу и за всякое несоблюденіе формы. Десятки студентовъ, преимущественно фуксовъ (новичковъ), были удалены изъ университета. Процессъ увольненія былъ крайне простъ. Стоило только Бибикову, гуляя на Крещатикѣ, встрѣтить студента не въ порядкѣ, и дѣло было кончено. Попечитель спрашивалъ какъ фамилія и велѣлъ идти къ инспектору получить свои документы. Встрѣчались и курьезы въ родѣ слѣдующаго: Бибиковъ, гуляя въ Царскомъ саду, замѣтилъ издали двухъ студентовъ, разстегнутыхъ, и началъ звать ихъ къ себѣ; но студенты предпочли обратиться въ бѣгство. Садъ былъ окруженъ городовыми. Несмотря на то, студенты, переодѣвшись въ костюмъ рабочихъ, жившихъ въ саду, благополучно выбрались изъ засады. Такъ и не розыскали преступниковъ.

Строгость на улицахъ отразилась и во внутренней жизни университета. Деканы обязаны были посѣщать лекціи, производить переклички студентовъ и наблюдать, не замѣчается ли вольнаго духа въ лекціяхъ ихъ товарищей. Признаюсь, насъ коробило по-

явленіе непрошенныхъ гостей на лекціяхъ, и мы никакъ не могли понять, какъ могъ контролировать одинъ профессоръ другихъ профессоровъ—своихъ товарищей. Въ то же время изгнано изъ университета преподаваніе философіи, по всей вѣроятности, въ видахъ предупрежденія свободомыслія. Для усиленія надзора за студентами число субъ-инспекторовъ увеличено съ шести до 12-ти. Субъ-инспекторы являлись и въ театръ, и по квартирамъ, и на улицахъ. И всѣ главнымъ образомъ добивались одного и того же, чего добивался главный начальникъ—соблюденія формы. — Замѣчательно, что при всей этой строгости мало обращалось вниманія на нравственность студентовъ. Самъ генералъ-губернаторъ въ циничной бесѣдѣ со студентами намекалъ на терпимость въ этомъ отношеніи. Это не могло не отражаться на направленія молодости. Въ особенности отличались фуксы, которые не рѣдко были не прочь порисоваться своими похожденіями.

Трудно было объяснить, почему понадобились всѣ строгости, когда въ университетѣ во все время моего пребыванія не было ни одной крупной исторіи не только съ политическимъ оттѣнкомъ, но даже обыкновеннаго буршескаго характера. Злобой дня и то только для насъ, казенно-коштныхъ, былъ вопросъ о питаніи, которое все болѣе и болѣе ухудшалось, можетъ быть, благодаря строгостямъ. Болѣе смѣлые студенты жаловались, но жаловались не на всю систему хозяйства, а на какой-либо дурной обѣдъ. Въ такомъ случаѣ являлся помощникъ попечителя Юзефовичъ и умиротворялъ молодежь какимъ-нибудь ужиномъ, который приказывалъ изготовить въ замѣнъ дурного обѣда. Разъ, однако, явился самъ грозный Бибиковъ и такъ разнесъ нашихъ кормителей, что у нихъ на долго пропала охота наживаться на счетъ нашихъ желудковъ. Другое явленіе послѣднихъ годовъ моего пребыванія въ университетѣ — это развитіе антагонизма между аристократами - студентами и нами—плебеями. Для примѣра приведу одинъ случай. Въ 1849 г. въ Кіевѣ большое вниманіе кіевскаго бомонда обратила на себя танцовщица, нѣкая Богданова. Наши товарищи-аристократы, отличавшіеся шитыми чистымъ золотомъ петлицами на мундирахъ, позолоченными шпагами и пуговицами и узкими донышками на шапкахъ, вздумали сдѣлать своей дивѣ большую овацію. Купили до 50-ти билетовъ въ театръ и поручили своимъ прихлебателямъ роздать эти билеты казенно-коштнымъ студентамъ, въ надеждѣ, что мы поддержимъ задуманную ими овацію. Это вызвало общее наше неудовольствіе. Мы отказались отъ предлагаемыхъ даровыхъ билетовъ, и аристократы со стыдомъ должны были отказаться отъ своего плана; такъ какъ мы категорически заявили, что устроимъ

контръ-овацію, если хотѣвшіе подкупить насъ барычи не оставитъ своего намѣренія. Были и личныя столкновенія студентовъ другъ съ другомъ между казенно-коштными студентами, столкновенія, доходившія до дракъ; но начальство въ такихъ случаяхъ поступало энергически. Оно виновныхъ отправляло на должности приходскихъ учителей. Такія наказанія, впрочемъ, были только временной опалой. Виновные по истеченіи нѣкотораго времени опять возвращались въ университетъ и благополучно оканчивали курсъ. Временная опала ничуть не вредила ихъ карьерѣ.

Вообще, при всей строгости Бибикова, нельзя не замѣтить, что въ немъ нерѣдко проявлялись и симпатичныя черты. Такъ, при столкновеніи студентовъ съ полиціею онъ нерѣдко становился на сторонѣ студентовъ и защищалъ ихъ противъ произвола. Его боялись полицейскіе, какъ огня, и потому званіе студента пользовалось нѣкоторымъ почетомъ. Были также случаи, что Бибиковъ, узнавши о несчастіи какого-либо студента, принималъ въ немъ живое участіе. Въ такихъ случаяхъ вниманіе грознаго начальника мирило насъ съ нимъ, и имя его сдѣлалось легендарнымъ между студентами.

Нельзя, однако, оправдать дѣйствій Бибикова, или его подчиненныхъ, при приведеніи въ исполненіе распоряженія о комплектѣ студентовъ. Приступили къ исполненію этого распоряженія въ 1848—49 учебномъ году. Еще до каникулъ объявлено было по гимназіямъ, что пріема въ университетъ не будетъ, такъ какъ въ университетѣ, кромѣ медиковъ и казенно-коштныхъ студентовъ, состояло болѣе 300 человѣкъ. И дѣйствительно пріема не было; но только для тѣхъ, которые не имѣли протекціи. По протекціи же принято до 20 студентовъ, и при томъ всѣ только на казенное содержаніе. Такое, собственно говоря, незаконное распоряженіе было вдвойнѣ неправильно. Новые студенты приняты на казенное содержаніе безъ экзамена, а съ другой—приняты по большей части люди состоятельные, вовсе ненуждавшіеся въ казенномъ содержаніи. Подобное распоряженіе о комплектѣ могло только оказаться выгоднымъ для нашихъ кормителей, которые и безъ того не обижали себя, а въ данномъ случаѣ они еще болѣе попользовались на счетъ порцій богачей, которые не интересовались нашимъ мизернымъ столомъ и предпочитали кушать дома.

На четвертомъ курсѣ я, въ виду скораго выхода изъ университета, началъ мало интересоваться университетскими дѣлами и все вниманіе обратилъ на приготовленіе къ окончательному экзамену. Не мало у меня времени заняло и составленіе послѣдняго полугодичнаго сочиненія, которое я разработалъ въ формѣ обширной

диссертаціи на тему: „О войнѣ и мирѣ по Гуго Гроцію“. Въ усиленныхъ занятіяхъ я не замѣтилъ, какъ прошелъ годъ. Начались окончательные экзамены. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1850 г. я окончилъ эти экзамены благополучно. Меня удостоили ученой степени кандидата юридическихъ наукъ. Мое сочиненіе „О войнѣ и мирѣ“ признано за кандидатскую диссертацію, и 9 іюня я утвержденъ Совѣтомъ университета въ степени кандидата.

А. Ѳ. Андріяшевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Генералъ-лейтенантъ А. А. Іедлинскій.

(Изъ далекаго прошлаго Кавказа) [1]).

Однажды Іедлинскій зашелъ какъ-то въ Тифлисѣ въ магазинъ и, выбравъ себѣ изящный туалетный нессесеръ, велѣлъ прислать его къ себѣ на квартиру. Вскорѣ послѣ его ухода, въ магазинъ зашла княгиня N., слывшая въ то время въ тифлисскомъ обществѣ хотя и увядающей, но все еще молодящейся львицей. У этой жгучей южанки, какъ передавали по секрету злые языки, была очень развита растительность на лицѣ, которую она, тщательно скрывая отъ свѣта, сбривала... Увидѣвъ на прилавкѣ еще не завернутый нессесеръ, послѣдній ей очень понравился, но, узнавъ, что онъ былъ послѣднимъ и купленъ уже Іедлинскимъ, съ которымъ она была знакома, попросила хозяина магазина передать генералу ея просьбу, не уступитъ ли онъ ей этотъ нессесеръ? Когда нессесеръ съ просьбой княгини былъ доставленъ Іедлинскому, онъ сейчасъ же выразилъ свое согласіе и, предварительно вынувъ изъ нессесера всѣ предметы за исключеніемъ ассортимента бритвъ и принадлежностей для бритья, галантно презентовалъ его княгинѣ.

Говорятъ, N. долго не могла простить Іедлинскому этой шутки, дулась на него болѣе года и лишь тогда вновь снизошла къ генералу, когда послѣднему какой-то остротой удалось сразить ея соперницу, такъ же посягавшую на постъ львицы тифлисскаго beau mond'a.

Сообщ. Вл. Марковъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1911 г.

Изъ архива князя Л. А. Ухтомскаго [1].

1851 годъ.

22-е марта.

Вчера корветъ легъ въ дрейфъ, и я поѣхалъ въ Адлеръ для опроса о благополучіи крѣпости, а также затѣмъ, чтобы запастись свѣжей провизіей. Шлюпкѣ надо было идти до берега верстъ шесть. На половинѣ дороги пошелъ туманъ и править приходилось на удачу. Всякое мѣсто, куда бы мы ни пристали, кромѣ одной точки, могло быть атаковано горцами. Хотя у насъ были орудіе и ружья, но все-таки мы безпокоились. Къ счастію, ничего не случилось—и мы пристали къ укрѣпленію. Мѣстоположеніе Адлера, какъ всякаго мѣста Кавказа, живописно. Горы были еще покрыты снѣгомъ, но зелень на нижнихъ холмахъ уже распустилась, персики и абрикосы цвѣли. Какія страшныя противоположности! Посреди этой роскошной природы, на берегу моря, кажется, тутъ-то и жить. Но вышло иначе. Постоянныя лихорадки мучаютъ наши войска, положеніе которыхъ безъ того незавидное. За полверсты отъ укрѣпленія никто не можетъ быть безопасенъ, почему всѣ сидятъ въ четырехъ стѣнахъ. Пища тоже не роскошная. Все зависитъ отъ расположенія горцевъ, и такъ какъ теперь они въ непріязненномъ положеніи, то солдаты ѣдятъ солонину и сухари. На дняхъ комендантъ Адлера съ отрядомъ изъ ста человѣкъ ходилъ въ горы, чтобы разсѣять убыховъ, собранныхъ эмиромъ. Походъ его былъ удаченъ: онъ выжегъ огромный аулъ и взялъ въ плѣнъ одно семейство. Мы нарочно ходили смотрѣть на нихъ. Вообрази

[1]) См. „Русская Старина“ мартъ 1911 г.

картину. Старуха-мать и дочь, лѣтъ шестнадцати, сидѣли въ комнатѣ. Мальчикъ лѣтъ семи и дѣвочка лѣтъ восьми сидѣли на порогѣ, полунагіе. Ребенокъ, дѣвочка лѣтъ двухъ, лежала безъ памяти: какая-то шальная пуля ранила малютку. Еще старуха стояла около печки и охала. Намъ сказали, что это—одно семейство, а старуха изъ числа слугъ. Вдругъ въ укрѣпленіи—суматоха: увидѣли пароходъ, который идетъ сюда. Всѣ одѣваются въ форму, чтобы явиться начальнику берегой линіи; всякій изъ офицеровъ ждетъ чего-нибудь—кто писемъ, кто новостей, всѣ бѣгаютъ, всѣ хлопочутъ. Въ послѣдній разъ пароходъ былъ здѣсь въ декабрѣ мѣсяцѣ; въ остальное время обитатели укрѣпленія не имѣли никакихъ свѣдѣній. Мы тоже пошли на берегъ. Толпа мирныхъ имеретинцевъ, въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ, полу-нагихъ, а нѣкоторые въ звѣриныхъ шкурахъ, собралась на пристани. Будбергъ, въ полной кавказской формѣ, со своей свитой, принималъ донесеніе отъ коменданта. Эта сцена какъ будто-бы вырѣзана была изъ французской иллюстраціи. Пока матросы носили провизію на шлюпку, наливались водой, мы зашли опять къ плѣннымъ. Всѣ они были въ слезахъ; непрерывные стоны наполняли комнату. Новая толпа любопытныхъ смотрѣла на нихъ, какъ на новооткрытую породу звѣрей. Мы спрашиваемъ: „Что это значитъ?“ Одинъ имеретинъ объясняетъ намъ, что на пароходѣ прибылъ горецъ изъ Сочи и сказалъ, что отецъ ихъ убитъ въ стычкѣ, а братъ лежитъ тяжело раненый. Когда мы вошли въ другой разъ, молодая черкешенка была чѣмъ-то сконфужена, все поправляла свое красное платье, шитое золотомъ, и шитую мантилью; на лѣвой рукѣ у нея было кольцо. Мать сидѣла въ сторонѣ, убитая горемъ. Раненая малютка все еще спала. Но, какъ была хороша молодая черкешенка! Правильныя черты лица, темно-голубые глаза и локоны свѣтло-каштановыхъ волосъ. Блѣдность, истомленіе дѣлали ее еще интереснѣе.

Многіе изъ офицеровъ удивлялись, что она плачетъ, говорили ей, что имъ, плѣннымъ, будетъ здѣсь хорошо и проч. Жалкіе люди! Они вѣрно не понимаютъ любви къ родинѣ. Они, вѣроятно, не въ состояніи вообразить плѣнъ семейства, у котораго все погибло, не исключая защитниковъ!.. Въ одинъ и тотъ же часъ я видѣлъ два трагическіе момента въ жизни этого семейства: первый, когда они еще не знали о гибели своихъ родныхъ, можетъ быть, мечтали о томъ, какъ-бы дать имъ о себѣ извѣстіе; второй—послѣ извѣстія о смерти отца и брата. Жалко, что я забылъ спросить, какъ рѣшилъ Будбергъ: отдадутъ ли ихъ, или оставятъ въ плѣну. Я думаю, что отдадутъ: вѣдь русскіе не воюютъ съ женщинами“!..

27 марта.

„Вчера, перебирая старыя бумаги, я нашелъ тетрадь моихъ записокъ 1846 года, когда я былъ еще гардемариномъ, въ кампаніи, на фрегатѣ „Церера“. Случай, по которому это было написано, вѣроятно, былъ тотъ, что я, видя жалкое положеніе матросовъ, думалъ о томъ, какъ бы улучшить это положеніе.

Вотъ что я тогда писалъ:

„Сію минуту мнѣ пришла единственная мысль улучшенія благосостоянія матросовъ. Я вообразилъ, что я—экипажный командиръ, что я, тотчасъ же по принятіи экипажа, собираю всѣхъ моихъ матросовъ и говорю имъ: „Ребята! Зная ваши недостатки, я пришелъ поговорить съ вами о перемѣнѣ, которая навѣчно улучшитъ состояніе ваше. Вотъ въ чемъ дѣло. Согласны ли вы отдѣлять отъ вашего жалованья по нѣсколько копѣекъ и собранную сумму ввѣрить моему распоряженію? Во-первыхъ, я увеличиваю ее присоединеніемъ моихъ денегъ въ вашу же пользу. Во-вторыхъ, я пущу этотъ капиталъ въ оборотъ, сдѣлаю какое-нибудь заведеніе, въ которомъ торговлю ввѣрю искуснѣйшимъ изъ васъ, такъ что лѣтъ черезъ пять наша сумма возрастетъ до огромнаго капитала, части котораго будутъ употребляться на ваши надобности. Многіе изъ васъ иногда нуждаются въ деньгахъ для помощи своимъ семействамъ или для родныхъ, но, къ несчастью, вы не можете помочь имъ. Теперь же вы получите эти деньги съ доказательствами вашей надобности и съ нѣкоторыми условіями. Потомъ, вы знаете неудобства помѣщенія въ госпиталяхъ. Здѣсь же вы найдете всѣ удобства. Вы вѣрно видѣли много примѣровъ, что матросы, выходя въ отставку, не имѣютъ чѣмъ жить. Но тутъ васъ будутъ содержать на счетъ капитала, а вы будете поддерживать торговлю. Наконецъ, ежели кто изъ васъ будетъ раскаиваться въ томъ, что положилъ свои деньги, то ему немедленно выдадутъ ихъ съ большими процентами“.

Я воображаю, что мое предложеніе принято, согласіе дано, и все, о чемъ я мечталъ и говорилъ, приходитъ въ порядокъ; планъ осуществляется, меня всѣ любятъ; матросы называютъ „отцомъ“. Между тѣмъ, мои средства растутъ; я уже въ состояніи имѣть свои суда и посылать ихъ для успѣха торговли новаго общества. Вотъ уже я славнѣйшій человѣкъ въ морѣ, не считая выгодъ примѣра и пользы отечеству“.

Вчера вечеромъ мы по обыкновенію сидѣли послѣ ужина съ Павломъ Александровичемъ, и я разсказывалъ ему эту идею. Конечно, онъ нашелъ въ ней много прекраснаго и замѣтилъ, что чѣмъ мы моложе, тѣмъ въ насъ болѣе добра и самоотверженія, чѣмъ болѣе старѣемъ — тѣмъ дѣлаемся хуже. Поэтому, будемъ

раньше готовиться къ этой ужасной, все - убивающей, старости, не будемъ разбрасывать свои силы по-пустому, говоря: „Живи, пока живется! Придетъ время, когда онѣ понадобятся“.

Возвращаясь къ идеѣ, мною изложенной, я вижу, что она не умирала у меня въ продолженіе этого времени, но только измѣнилась, принявъ другой оборотъ. Въ доказательство, приведу два примѣра, которые недавно были у меня въ головѣ, очень недавно. Первый изъ нихъ.—Ежели бы всѣ офицеры положили свое жалованье, напримѣръ, человѣкъ сто, и эту сумму въ сто тысячъ пустили бы въ оборотъ, то общество имѣло бы тысячи выгодъ, т. е. прекрасный столъ, удобныя квартиры, свою библіотеку, залу для гимнастики, литературные вечера; члены общества могли бы на общественный счетъ ѣхать въ отпускъ, посылаться за оказанныя услуги за границу и проч. и проч.

Второй предполагаемый планъ моей жизни. Я думаю съ чиномъ капитанъ-лейтенанта выйти въ отставку и отправиться путешествовать пѣшкомъ, года на три или четыре; потомъ воротиться на родину, быть владѣтелемъ „Богдановъ“, жениться—ежели судьба приведетъ, а не то посвятить себя сестрамъ и начать тихую, обворожительную жизнь. Днемъ—какія-нибудь занятія въ полѣ (я бы самъ обрабатывалъ садъ или занимался ремесломъ); а вечеромъ—общее чтеніе или бесѣда около огонька, въ кругу друзей; иногда поѣздка въ городъ; хорошая библіотека.—И какъ-бы хорошъ былъ этотъ міръ!.. На крестьянъ я обращалъ бы вниманіе самое полное, все бы отдавалъ имъ, чтобы только они были довольны; постепенно пріучалъ бы ихъ быть людьми свободными, а не рабами. И потомъ, по выслугѣ извѣстнаго числа лѣтъ, напримѣръ пяти, я освободилъ бы лучшихъ изъ нихъ. И такъ кругомъ меня составилось бы новое общество людей, родныхъ мнѣ во всемъ, которые были бы счастливѣе меня! Дѣти ихъ также учились бы вмѣстѣ съ моими. О! Чудныя мечты! Какой благодѣтельный геній поможетъ мнѣ привести ихъ въ исполненіе“?!.

19 іюля. Севастополь.

— „Сегодня былъ самый тяжелый день изо всей нашей кампаніи. Солнце жгло невыносимо. Мы, затянутые съ утра въ полную парадную форму, ждали смотра. Всѣ занятые службою, бѣгаютъ, хлопочутъ. А я, закинувши назадъ руки, ходилъ взадъ и впередъ по палубѣ, не чувствуя жара, позабывъ о службѣ и весь погруженный въ мысли о ней... Вчера встрѣтился со мной Нахимовъ. Онъ былъ по-прежнему добръ, внимателенъ, разспрашивалъ о моей кампаніи и, прощаясь, сказалъ, что надѣется, что я черезъ день пойду въ море, потому что мнѣ здѣсь нечего дѣлать. Ежели бы онъ зналъ,

что меня удерживаетъ на берегу! Но я не сказалъ бы ему этого. На время я измѣняю морю, оставляя всѣ его прелести и непостоянство, потому что я нашелъ ему соперницу, которая не уступитъ морю ни въ прелести, ни въ вѣтренности...“

21 августа.

— „Вчера совершенно нечаянно я слышалъ подробности заговора Петрашевскаго, который надѣлалъ столько шуму въ Россіи. Петрашевскій—человѣкъ умный, образованный, съ полнымъ желаніемъ добра Россіи, не составлялъ никогда никакого заговора. Какъ у человѣка богатаго, у него собиралось много молодыхъ людей и составлялись вечера—литературные или музыкальные, которые оканчивались прекрасными ужинами. Изъ ихъ общества изгнаны были карты—эта зараза, которую хотятъ распространить между нами, на нашу же гибель. Иногда говорили о политикѣ, но собственно о политикѣ иностранной, которая была интересна для всякаго, о французской революціи и предстоящей Венгерской кампаніи. Несмотря на всю невинность этихъ собраній, тайная полиція Орлова уже давно слѣдила за ними и, не видя тутъ ничего важнаго, оставляла ихъ въ покоѣ. Ничего бы не вышло изъ этого, ежели бы сюда не вмѣшалась контра Лепанди противъ Орлова. Лепанди былъ тоже начальникъ тайной полиціи, но по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Желая уронить Орлова въ глазахъ Государя, онъ доноситъ вдругъ о заговорѣ. Государь, обращаясь къ Орлову, говоритъ: „Ты ничего не знаешь. У тебя въ Петербургѣ—заговоръ“.

„Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Величество!—говоритъ тотъ. Заговора нѣтъ. Я давно слѣжу за собраніями молодыхъ людей, которые не предпринимаютъ вреднаго“. Наканунѣ манифеста объявленія войны Венгерской у Петрашевскаго былъ обѣдъ. Говорили о предстоящемъ манифестѣ, что Россія дѣлаетъ дурно, вступаясь въ дѣла Австріи, которая постоянно надувала насъ. Между прочимъ, одинъ изъ присутствующихъ прочелъ анекдотъ о Государѣ, когда тотъ встрѣтилъ въ кабакѣ двухъ матросовъ; далѣе—исторія цѣловальника. Нѣкоторые говорили, чтобы анекдотъ напечатать. „Но какъ же“?“ замѣтили справедливо другіе: „Цензура не пропуститъ. Ежели бы у насъ была тайная типографія—тогда—дѣло другое“. Тѣмъ разговоръ и кончился. Лепанди, слѣдя съ единственной цѣлью погубить, доноситъ вечеромъ обо всемъ Государю. Тотъ, разсерженный, что даже знаютъ о предстоящемъ манифестѣ, велѣлъ взять всѣхъ, какъ заговорщиковъ. Ихъ посадили всѣхъ въ казематъ. Назначена была комиссія—изслѣдовать. И кого же

назначили!..—Тѣхъ самыхъ, которые донесли, именно Лепанди Ростовцева и другихъ...“

10 сентября.

— Сегодня я получилъ письмо отъ отца: „Я уже старъ и дѣла наши въ безпорядкѣ. Мнѣ нуженъ помощникъ. Пріѣзжай! Мы потолкуемъ“.—Этотъ намекъ меня огорчилъ. „Такъ я долженъ все бросить!“ думаю я. Чтобы развлечься, я пошелъ въ библіотеку; но слова мелькали въ глазахъ, а мысли были далеки. Перелиставъ, не читая, почти всѣ журналы, я пошелъ гулять. Погода была чудесная; море—живописное, воздухъ чистъ по обыкновенію. И все это я долженъ оставить—всѣ мѣста, которыя дали мнѣ новую жизнь, всѣхъ людей, съ которыми сроднился, и тебя, К—а, которая въ настоящее время мнѣ дороже всего на свѣтѣ. Запереться въ глуши, среди хлопотъ, вѣчнаго холода и прочее! Да, такой переходъ—тяжелъ!

Что же, отецъ—правъ: онъ—старъ и слабъ для управленія разстроеннымъ имѣньемъ. Ему надобенъ помощникъ, и по всѣмъ законамъ онъ имѣетъ право потребовать меня. Остальные сыновья—трое—на службѣ отечеству, четвертый—готовится. И такъ, мои мечты могутъ осуществиться. Я буду отцомъ и братомъ окружающихъ, ихъ просвѣтителемъ. Можетъ быть тутъ я принесу пользу больше братьевъ. Вся моя душа, всѣ способности будутъ тамъ, но сердце—въ Севастополѣ. Вотъ уже началась моя патріархальная жизнь: я самъ обрабатываю сады, работаю въ полѣ или дома, а, во время отдыха, читаю Цицерона, Платона или Гомера. На мнѣ—грубое платье. Но я буду стараться дѣлами и поступками отличаться отъ другихъ. Пища моя будетъ самая простая: молоко, хлѣбъ или фрукты. Ежели же я не буду нуженъ въ семействѣ, или возьмутъ Сашеньку, то я, не требуя ничего изъ дому, буду въ состояніи содержать себя службой, завести со временемъ дачу на южномъ берегу, побываю за границей, образую по своему вкусу библіотеку. Тутъ уже другая картина. Черезъ мѣсяцъ участь моя рѣшится“.

23 сентября.

— Это ужасно!—Два дня мой журналъ былъ у нея и хоть бы одно слово гдѣ-нибудь въ утѣшеніе!“

24 сентября.

Вчера и сегодня весь городъ въ движеніи; ждутъ великихъ князей. Вездѣ готовятъ иллюминацію. Въ собраніи—балъ. Войска готовятся къ смотру. Мы на шлюпкахъ выѣдемъ на рейдъ—встрѣчать пароходъ. До обѣда я читалъ въ библіотекѣ объ іезуитахъ, которые снова начинаютъ усиливаться во всей Европѣ, читалъ

проповѣдь Филарета Московскаго о свободѣ и удивляюсь, что человѣкъ съ такимъ умомъ говоритъ такой вздоръ. Вечеромъ я былъ съ нею на горахъ. Внизу все двигалось взадъ и впередъ—въ ожиданіи великихъ князей. Право, грустно... Неужели люди всегда жили такъ скучно и пошло, какъ мы живемъ теперь! Всѣ скучаютъ; всякій съ нетерпѣніемъ ждетъ, чтобы прошелъ какъ нибудь день. Вездѣ натянуто. Всѣ чувства, всѣ слова—ложны. Посмотрите! Вотъ вошли эти юноши, для которыхъ готовился весь городъ. На улицахъ—крики „ура“!, шумъ экипажей. Въ залѣ ихъ встрѣчаетъ музыка. Всѣ столпились около нихъ. И, повѣрьте, что всѣ скучаютъ. Публика успѣла разсмотрѣть ихъ лица. Имъ же давно наскучили эти парадныя и блестящія встрѣчи. Всѣ скучаютъ, и, между тѣмъ, вы не увидите ни одного скучнаго лица. Въ самомъ дѣлѣ, отчего такъ скучны и вялы наши собранія?—Потому, что мы, входя въ залу, только надѣли другое платье, въ то время, какъ расположеніе духа осталось одно и то же. Эта праздность и однообразіе сравняли для насъ всѣ дни. Я не понимаю веселья по заказу. Для меня страненъ этотъ парадный пріемъ. Ихъ (великихъ князей) встрѣчали, какъ древнихъ героевъ, возвратившихся послѣ покоренія царства. Удовольствія тогда только хороши, когда они замѣняютъ трудъ и когда вы рады отдохнуть въ обществѣ. Нѣтъ, вѣроятно, они позавидовали бы мнѣ. Ни балъ, ни музыка, ни иллюминація не занимали меня: я стоялъ около нея, говорилъ съ нею; глаза наши понимали другъ-друга, и я ничего не желалъ больше. Въ самомъ дѣлѣ чувство любви такъ сильно овладѣло мною, что я больше ни о чемъ не думаю—ни о книгахъ, ни о службѣ, ни объ отпускѣ: все для меня исчезло, кромѣ нея... Да, можетъ быть, эти дни не повторятся два раза въ жизни...“

2 октября.

— Сегодня день моего рожденья. Прошло то счастливое время, когда этотъ день былъ для меня праздникомъ, когда я былъ еще ребенкомъ. Для меня осталось одно воспоминаніе. Вотъ наступило утро давно ожидаемаго дня. Еще чуть свѣтъ. Я проснулся и тороплю свою няню, чтобы мое новое платье было выглажено, шелковый поясокъ расправленъ, словомъ, чтобы все было готово. Вотъ я умылся, прочелъ молитву, которой насъ учили, одѣлся и жду съ нетерпѣніемъ, когда можно будетъ идти къ мамѣ. „Княжна встала. Пожалуйте въ спальню!“—Мама еще сидитъ на постели. Мы поцѣловали у нея руку. Другіе сѣли за уроки—французскаго, нѣмецкаго, англійскаго языка, а я на этотъ день свободенъ. Мнѣ поданы разные подарки, лакомства, и часа черезъ два я—за ма-

ленькимъ столомъ угощаю братьевъ и сестеръ. Въ этомъ было какое-то особенное удовольствіе, теперь для меня потерянное. Потомъ я цѣлый день имѣю право гулять, бѣгать, гдѣ мнѣ вздумается, и вечеромъ, ложась спать, я думалъ, скоро ли опять прійдетъ день моего рожденія?!—Какъ будто-бы я жилъ только для этого дня. Но вотъ прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ и уже меня не занимаетъ ни одна изъ тогдашнихъ радостей; ничто даже не напоминаетъ того, что окружало прежде. Мама, къ которой мы съ такимъ почтеніемъ и страхомъ входили по утрамъ, чтобы цѣловать ручку, въ могилѣ. Братья и сестры, которыхъ я угощалъ когда-то за маленькимъ столомъ, разбрелись по всѣмъ концамъ Россіи—кто въ Варшавѣ, кто въ Петербургѣ, кто въ Москвѣ. А я—въ Севастополѣ, выздоравливающій, сижу одинъ, на своей маленькой квартирѣ".

Сообщ. А. В. Жиркевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны [1].

(Изъ воспоминаній).

Съ самаго вступленія своего на военную службу, принцъ Фридрихъ-Карлъ поставилъ себя очень близко къ тѣмъ войсковымъ частямъ, съ которыми обязанъ былъ имѣть соприкосновеніе по службѣ; онъ зналъ ихъ, и они его хорошо знали; на вечерахъ, о которыхъ говорено выше, у него бывала масса офицеровъ подвѣдомственныхъ ему частей; для нихъ посѣщеніе этихъ вечеровъ являлось какъ бы продолженіемъ высшихъ военныхъ курсовъ и движеніемъ впередъ въ дѣлѣ самообразованія.

Вообще прусскіе генералы, какъ извѣстно, всегда неустанно занимались и занимаются воспитаніемъ войскъ; но врядъ ли кто иной прилагалъ къ этому дѣлу такъ много рвенія, какъ принцъ Фридрихъ-Карлъ; ни у кого и успѣховъ не было въ этомъ отношеніи такихъ большихъ.

Что касается офицеровъ, то кромѣ частныхъ, въ высшей степени полезныхъ, занятій съ избранными изъ нихъ у себя „на дому“, принцъ постоянно лично занимался съ чинами корпуса офицеровъ и въ военныхъ собраніяхъ, и въ казармахъ, и на военныхъ поляхъ, и въ походахъ; онъ ихъ привлекалъ къ чтенію лекцій товарищамъ и нижнимъ чинамъ, самъ усердно принималъ участіе въ разборахъ и разъясненіяхъ читавшагося, а лучшія лекціи приказывалъ печатать на свой счетъ или на штабныя средства—дабы поощрять офицеровъ, трудившихся болѣе добросовѣстно и усердно. Какъ „генералъ“, пользовавшійся большимъ авторитетомъ, онъ имѣлъ доступъ къ тому, чтобы признаваемыя имъ полезными и необходимыми

[1] См. „Русскую Старину“ мартъ 1911 г.

военныя знанія прививать составу офицеровъ еще со школьной скамьи:—онъ оффиціально принималъ постоянное дѣятельное участіе въ полномъ составленіи новыхъ и въ частичномъ измѣненіи старыхъ программъ военно-учебныхъ заведеній; такимъ-то образомъ онъ ввелъ въ Пруссіи полное знакомство корпуса офицеровъ со всѣмъ тѣмъ, что во времена его молодости признавалось лучшимъ въ міровой военной практикѣ—съ тогдашнимъ французскимъ военнымъ искусствомъ во всѣхъ мелочахъ его проявленія.

По началу своей службы принцъ былъ пѣхотинецъ; имѣя пристрастіе къ верховой ѣздѣ и къ лошади, онъ много времени посвящалъ изученію кавалерійскаго дѣла и строя, считался въ немъ знатокомъ и всегда носилъ форму гусарскаго полка своего имени; отецъ его принцъ Карлъ-Фридрихъ всю свою жизнь состоялъ въ званіи генералъ-фельдцейхмейстера; это было причиной того, что принцъ Фридрихъ-Карлъ былъ далеко не чуждъ артиллеріи; онъ очень любилъ этотъ родъ оружія и входилъ въ подробное знакомство съ вооруженіемъ артиллеріи не только своей прусской или германской, но и иностранной.

„Это воистину спеціалистъ по всѣмъ тремъ родамъ оружія, говаривалъ про него М. И. Драгомировъ;—когда приходится съ нимъ говорить въ деталяхъ о дѣйствіяхъ различныхъ родовъ оружія и разбирать въ каждомъ изъ нихъ способы обученія, рѣшительно нельзя разобрать, что ему дороже и къ чему онъ ближе: вездѣ онъ какъ дома“.

* * *

М. И. Драгомировъ находилъ, что, занимаясь со своими частями, прусскіе генералы слишкомъ много вдавались въ это и слишкомъ много налегали на мелочи; отъ этого происходило то, что они заслоняли офицеровъ, нижнимъ же чинамъ нерѣдко казались нудящими, такъ какъ, въ увлеченіи желаніемъ внѣдрить въ нихъ необходимыя знанія, они, что называется, пилили ихъ своими наставленіями.

Приблизительно въ тѣ времена — времена, граничившія съ походами шлезвигскимъ, датскимъ и богемскимъ, среди генераловъ стали появляться такіе, которые сознали, что на такой способъ проведенія среди солдатъ знаній,—способъ пиленія необходимо обратить вниманіе и, несмотря на то, что причина его кроется въ національности прусскаго, а можетъ быть и вообще нѣмецкаго характера,—является необходимымъ отъ него отдѣлаться.

Указанія на этотъ счетъ прежде всѣхъ далъ принцъ Фридрихъ-Карлъ; онъ и вообще поставилъ на очередь вопросъ о необходимости отдѣлаться отъ излишней, крайней пунктуальности въ мело-

чахъ; за нимъ и другіе начали проповѣдывать „разумный педантизмъ“; стали отличать „мелочную придирчивость“, и она получила названіе безмысленной.

Не сразу, конечно, сообразно этому, появились замѣтныя измѣненія быта арміи въ зависимости отъ новаго вѣянія; на-ряду съ пришедшими къ сознанію пользы новыхъ взглядовъ, среди командировъ оказалось немало такихъ, которые считали чуть ли не преступленіемъ стремленіе разстаться съ національными привычками, коренившимися въ этой области; какъ можно вести воспитаніе одиночнаго солдата, а затѣмъ взвода, роты, батальона, полка, дивизіи безъ той пунктуальности, которая одна, по ихъ твердому убѣжденію, способна ставить войска на самую высокую степень совершенства. Отъ этого и явилась въ ту пору такая разнокалиберщина въ арміи, что въ то время, когда принцъ Фридрихъ-Карлъ или маститый генералъ Штейнмецъ [1]) или еще кто-нибудь строго, съ педантизмомъ преслѣдуя заведенную въ частяхъ привычку нижнихъ чиновъ услужливо и старательно выбывать во время боя изъ фронта въ моментъ появленія первыхъ раненыхъ для доставленія ихъ на перевязочный пунктъ,— не обращаютъ никакого вниманія на то, что у офицеровъ въ строю во время похода появляются цвѣты въ петляхъ пуговицъ мундира,—другіе начальники частей преслѣдуютъ это невинное удовольствіе, никакого вреда дѣлу не приносящее; но въ то же время ихъ не хватаетъ на то, чтобы замѣтить и подчеркнуть строгимъ запрещеніемъ выходъ изъ строя для переноски раненыхъ или хотя бы такую вещь, какъ повадка нижнихъ чиновъ наполнять собою во время военно-временнаго похода повозки обоза и на нихъ отставать отъ своихъ частей

„Дѣло въ томъ, говоритъ Мих. Ив., что цвѣточки бросаются въ глаза при поверхностномъ взглядѣ на часть, а преслѣдованіе пагубнаго для численнаго состава арміи отставанья, во время боя или въ походѣ, требуетъ кое-чего болѣе сложнаго: для этого надо заглянуть въ обозъ или провѣрить число рядовъ, остающееся въ ротахъ послѣ того, какъ части успѣютъ втянуться въ походъ, а неизмѣнное число лодырей уже поотстанетъ.

Въ этомъ отношеніи и въ прусской и въ нашей, да и во всякой, арміи совершенно одинаково: начальникъ, замѣчающій все въ видимомъ дѣлѣ трынчиковъ и ремешковъ, никогда не увидитъ того, на счетъ чего надо выйдти изъ колеи и дать себѣ трудъ прослѣ-

[1]) Генералъ Штейнмецъ командовалъ корпусомъ въ арміи Фридриха-Карла, отличался необычайною твердостью, большой требовательностью и строгостью; это былъ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ боевыхъ генераловъ арміи; о немъ рѣчь впереди.

дить или, выражаясь просто, побезпокоить себя. Слѣдятъ за мелочами и подчеркиваютъ пустяки, по большей части, люди мало свѣдущіе, неучи или лѣнтяи, говорилъ Мих. Ив. Прослѣдите за малоопытнымъ унтеръ-офицеромъ, который поставленъ обучать молодыхъ солдатъ;—какими пустяками онъ занимается, на какой, въ сущности, вздоръ обращаетъ вниманіе; ему, однако, и Богъ велѣлъ это продѣлывать, въ особенности на первыхъ порахъ: у него нѣтъ ни привычки, ни знаній; съ теченіемъ времени онъ наберется опыта, подучится,—главное подучится, и тогда будетъ требовать дѣло; образованному же чину арміи—офицеру такое безграмотство непростительно,—ибо такъ и кажется, что, подчеркивая пустяки, онъ хочетъ притворяться дѣлающимъ дѣло, а на самомъ дѣлѣ не знаетъ, къ чему приладиться и на что обратить свое благосклонное, но довольно бездѣльное вниманьишко".

* * *

Принцъ Фридрихъ-Карлъ, при всей своей сдержанности, отзывался довольно рѣзко о тѣхъ начальникахъ, которые, придираясь къ мелочамъ, упускали суть; онъ называлъ ихъ „верхоглядами, ничего несмыслящими въ дѣлѣ".—Такихъ начальниковъ,—какъ только они появлялись въ его арміи,—онъ зналъ на перечетъ, при случаѣ дѣлалъ имъ въ общихъ чертахъ указанія на необходимость болѣе серьезнаго отношенія къ порученному имъ дѣлу и совѣтовалъ сосредотачивать свое вниманіе на томъ, чтобы умѣть отличать мелочное отъ важнаго, а время, безполезно затрачиваемое на „пиленье", употреблять съ пользой на краткое, ясное изложеніе необходимыхъ въ военномъ быту знаній.—„Для этого, говорилъ онъ, необходимо самимъ учиться, учиться и всю жизнь учиться, безъ этого не добьетесь толку никогда и ни въ чемъ".

По словамъ графа В. П. Голенищева-Кутузова, принцъ обычно дѣлалъ замѣчанія въ крайне мягкой и деликатной формѣ; когда же случалось ему выходить изъ себя—его всегдашній тонъ, какъ говорили, переходилъ въ игривый, вѣрнѣе въ саркатическій.—Терпѣть не могъ онъ вообще повторять свои замѣчанія, въ особенности повторять одному и тому же лицу; всѣ знали, что лица, заслужившія со стороны принца Фридриха-Карла неоднократное повтореніе однихъ и тѣхъ же замѣчаній по этой части, готовили себѣ одинъ конецъ—ихъ принцъ очень скоро и безпощадно сбывалъ изъ строевыхъ частей.—При этомъ онъ, въ объясненіе своихъ дѣйствій, говорилъ: „расходовать себя на повторныя замѣчанія мнѣ не приходится, пилить я не умѣю и считаю для себя рѣшительно непозволительнымъ".—Такимъ образомъ армія очищалась отъ неучей: одна часть ихъ выучивалась, а другая изчезала.

Въ арміи къ принцу Фридриху-Карлу относились съ большимъ уваженіемъ, также, какъ къ кронпринцу; каждый старался къ его указаніямъ относиться съ полнымъ вниманіемъ и, принимая ихъ къ свѣдѣнію, стремился немедленно же неуклонно исполнять;—не изъ боязни кары это дѣлалось, а изъ нежеланія огорчить глубокоуважаемаго начальника.

Со стороны принца изгнаніе неподдававшихся, непроявлявшихъ успѣха, едва ли можно считать жестокостью, такъ какъ очевидно, такіе люди являлись безнадежно не успѣвавшими, представляя собой тяжелую обузу для арміи, и держать ихъ въ ней, конечно, не приходилось.—Этому всѣ, если и не давали прямого одобренія, то во всякомъ случаѣ вполнѣ сочувствовали, сознавая, что иного, болѣе подходящаго, выхода придумать нельзя.

Въ одинъ изъ годовъ, предшествовавшихъ именно Австро-Прусской войнѣ, должны были, согласно заключенію принца, покинуть армію четыре начальника дивизій, три пѣхотныхъ и одинъ кавалерійскій.—„Характернѣе всего, говорилъ Мих. Ив., что начальника кавалерійской дивизіи и одной изъ пѣхотныхъ принцъ вытѣснилъ вмѣстѣ съ ихъ начальниками штабовъ; такимъ образомъ армія въ тотъ годъ подверглась очисткѣ въ значительномъ процентѣ; не безъ того, что всѣ эти шесть высокостоявшихъ въ военной іерархіи чиновъ, вѣроятно, держались принцемъ на примѣтѣ со времени датской войны“. Замѣчательно, что король Вильгельмъ, какъ разсказывалъ графъ В. П. Голенищевъ-Кутузовъ, почти всегда являлся передъ своимъ племянникомъ ходатаемъ за притѣснявшихся имъ генераловъ; но успѣха эти ходатайства почти никогда не имѣли; принцъ всегда, въ отвѣтъ на это, очень мило самъ обращался въ ходатая за нихъ передъ королемъ: онъ старательно просилъ его величество найдти имъ въ государствѣ вообще, или хотя бы въ нестроевыхъ частяхъ арміи, болѣе подходящій къ ихъ мирнымъ (невоеннымъ или небоевымъ) способностямъ родъ службы.

* * *

Кто былъ близко знакомъ со службой генерала Драгомирова тому извѣстны его взгляды на этотъ предметъ; словесно онъ ихъ высказывалъ, быть можетъ, мало, но въ дѣлахъ они ясно проглядывали; Мих. Ив., видимо, былъ вполнѣ согласенъ со взглядами принца Фридриха-Карла, а потому, считая пользу отечественнаго военнаго дѣла выше всего и ставя ее на первый планъ, онъ, нисколько не стѣсняясь, постоянно дѣлалъ тщательный „подборъ“ высшихъ начальниковъ частей, въ особенности корпусныхъ командировъ въ своемъ округѣ: за послѣдніе годы его командованія округомъ не мало командировъ корпусовъ, начальниковъ дивизій и,

другихъ начальниковъ большихъ частей, согласно съ его рѣшеніемъ, получали назначенія внѣ строя.

— „Обиднаго въ этомъ для нихъ ничего нѣтъ, говорилъ Мих. Ив.; каждый изъ нихъ свое отслужилъ, и иной отслужилъ очень хорошо; былъ конь да изъѣздился, пришла своя пора отступить; да и ему такъ-то легче, уйти заблаговременно—было бы тяжелѣе пробовать надрываться въ боевой обстановкѣ и уже послѣ того уходить, покидая чуть ли не поле сраженія".

Приводя различные разсказы о принцѣ Фридрихѣ-Карлѣ, М. И. Драгомировъ говорилъ: „странно слышать разсказы о такихъ, въ сущности, мелкихъ дѣлахъ принца,—племянника короля, столь высокаго военоначальника—начальника арміи и въ мирное и въ военное время; то обстоятельство, что разсказы касаются мелкихъ фактовъ, вовсе не служитъ показателемъ того, будто бы онъ самъ по себѣ былъ мелочнымъ или что называется „мелкотравчатымъ" человѣкомъ; нѣтъ, въ этомъ нужно усматривать лишь то, что принцъ считалъ себя обязаннымъ входить во всѣ мелочи обученія ввѣренныхъ ему войскъ; долго онъ съ этимъ не возился, но нѣсколько недѣль въ году посвящалъ ближайшему руководительству фронтовыми занятіями, вникая въ работу всѣхъ начальниковъ частей отъ крупныхъ до самыхъ мелкихъ".

„Чтобы въ военное время имѣть полную увѣренность въ непобѣдимости своихъ войскъ, надо во время мира отдавать себя имъ всецѣло", говаривалъ, по словамъ гр. Вас. Павл. Голенищева-Кутузова, принцъ Фридрихъ-Карлъ; поэтому, сидя непосредственно на домашнихъ занятіяхъ войскъ нѣкоторое время въ теченіе зимы, онъ остальную часть года отдавалъ неустанно высшему наблюденію за ихъ разнообразными уже тактическими занятіями въ полѣ. Рѣшительно во всемъ принцъ былъ настойчивъ, твердъ и неизмѣненъ. Отъ этого, какъ свидѣтельствовалъ Мих. Ив. и въ частной бесѣдѣ и въ оффиціальномъ отчетѣ, „благодѣтельное вліяніе его взглядовъ на военное дѣло въ корпусахъ, кои входили въ составъ его арміи, отражалось вполнѣ".

* * *

Принцъ Фридрихъ-Карлъ представлялъ собой рѣдкій типъ „боевого педагога"; быстро, но систематически, онъ обращалъ цѣлыя части изъ нестроевыхъ въ боевыя; въ отдѣльности онъ, въ свою очередь, создалъ немало подобныхъ себѣ педагоговъ; благодаря этому въ прусской арміи они водятся и благодаря этому, находясь рядомъ съ прусской арміей, преобразовываются до неузнаваемости въ боевыя такія части, отъ

которыхъ нельзя было и ожидать этого [1]). Мих. Ив. Драгомировъ считалъ, что въ принцѣ такая способность являлась врожденною; пруссаки же увѣряли, что её передалъ ему и развилъ въ немъ его наставникъ генералъ фонъ-Роонъ. Этотъ генералъ былъ опредѣленъ учителемъ и наставникомъ къ принцу Фридриху-Карлу на сороковомъ году своей жизни, когда принцу лишь минуло 16 лѣтъ. До этого времени фонъ-Роонъ, окончивши курсъ въ Берлинской военной школѣ, состоялъ учителемъ въ кадетскомъ корпусѣ, руководилъ военно-топографическими работами, учительствовалъ въ военной школѣ, а затѣмъ на 33-мъ году жизни, въ чинѣ капитана генеральнаго штаба, состоялъ сначала членомъ, а потомъ предсѣдателемъ высшей экзаменаціонной комиссіи, оставаясь въ то же время преподавателемъ или можетъ быть профессоромъ военной школы. Такъ прошли двадцать лѣтъ его службы; попавъ на сороковомъ году жизни въ наставники къ принцу, онъ пробылъ въ этой должности болѣе шести лѣтъ и только послѣ того (сорока шести лѣтъ) началъ занимать строевыя, а больше высшія штабныя должности; съ успѣхомъ занималъ онъ ихъ лѣтъ десять въ мирное и въ военное время, когда вдругъ принцъ-регентъ Вильгельмъ (впослѣдствіи король и императоръ Вильгельмъ I), родной дядя его ученика и питомца,—далъ ему, состоявшему тогда въ должности начальника 14-ой прусской пѣхотной дивизіи (ею онъ командовалъ нѣсколько мѣсяцевъ), назначеніе на постъ военнаго министра (въ 1858 году), а черезъ три года назначилъ его управляющимъ и морскимъ министерствомъ (58 лѣтъ); „карьера совсѣмъ особая“, говорилъ Мих. Ив. Драгомировъ. „Понятно, что пруссаки всегда считали его магомъ и волшебникомъ въ дѣлѣ военной педагогики; а по моему мнѣнію, добавлялъ онъ, принцъ самъ по себѣ былъ отборнымъ педагогомъ,—„это былъ самородокъ по части воспитанія войсковыхъ массъ“. Что принцъ при своихъ дарованіяхъ былъ въ высшей степени воспріимчивымъ и всякое ученіе, которое ему преподавалъ фонъ-Роонъ, падало на плодотворную почву — это вѣрно; но, по всѣмъ даннымъ, нужно придти къ заключенію, что „очень большую роль въ дѣлѣ довоспитанія этого способнаго принца сыгралъ Мольтке“, который находился при немъ все время датской войны и очевидно очень назидательно руководилъ этимъ двадцатилѣтнимъ воспріимчивымъ молодымъ человѣкомъ съ высокими задатками, уже достаточно направленными и хорошо развитыми обстоятельнымъ фонъ-Роономъ“.

Много общаго находилъ М. И. Драгомировъ въ судьбѣ, карьерѣ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1910 г. апрѣль, стр. 180; по поводу Нассауской арміи, капитально передѣланной пруссаками.

и въ направленіи способностей фонъ-Роона и нашего гр. Дм. Алекс. Милютина. Кстати, оба они почти одновременно были, каждый въ своемъ отечествѣ, назначены на постъ военнаго министра и много лѣтъ шли въ этой должности параллельно.

Входя вообще въ разговоры о принцѣ Фридрихѣ-Карлѣ, М. И. Драгомировъ нерѣдко предавался воспоминаніямъ о покойномъ Наслѣдникѣ Цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ, которому онъ нѣсколько лѣтъ преподавалъ военное дѣло; онъ часто разсказывалъ о способностяхъ усопшаго Великаго Князя и иногда добавлялъ объ отношеніяхъ, установившихся между нимъ и его высокимъ ученикомъ [1]).

Извѣстно, что Цесаревичъ скончался 12 апрѣля 1865 года, т. е. за годъ съ небольшимъ до австро-прусской войны, начавшейся 3-го іюня 1866 года.

Принцъ Фридрихъ-Карлъ преподалъ войскамъ немало инструкцій по разнымъ отраслямъ военной, или вѣрнѣе боевой службы; въ нихъ онъ придерживался главнымъ образомъ того, чтобы, при полной ясности, быть до безконечности краткимъ; эти его инструкціи немало напоминали Суворовскую манеру выражаться при обученіи; правда, онъ заимствовался отъ нашего генералиссимуса только частью, главнымъ же образцомъ ставилъ себѣ, безъ сомнѣнія, своего прадѣда Фридриха Великаго.

Въ нашей арміи принцъ числился въ званіи шефа 12 гусарскаго Ахтырскаго полка и имѣлъ чинъ фельдмаршала; и тѣмъ и другимъ онъ очень гордился.

А. Е. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Отрывочныя воспоминанія объ этихъ отношеніяхъ я свожу въ настоящее время въ одно цѣлое, — намѣреваясь передать ихъ когда-нибудь вниманію читателей „Русской Старины“.

Сибирская казачья дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 годахъ [1]).

(Дневникъ участника съ 2 февраля 1904 года по 30 іюля 1905 года).

11-го марта.

Съ этими думами и съ этой новостью я отправился къ генералу Симонову. Оказывается, онъ уже зналъ все это. Генералъ Симоновъ собирался самъ ѣхать къ семьѣ въ Кокчетавъ, чтобы тамъ провести Пасху и ждать распоряженій о посадкѣ. Николай Алексѣевичъ охотно благословилъ и меня съ той же цѣлю съѣздить въ Петербургъ. Будучи въ Петербургѣ, я могъ всегда точно узнать время отправленій дивизій и своевременно вернуться въ Омскъ. Такимъ образомъ, была рѣшена и моя поѣздка въ Петербургъ, а пока что сегодня въ Омскъ...

12-го марта Омскъ.

Утромъ являлся къ командующему войсками генералу Сухотину. Съ какимъ вниманіемъ онъ слушалъ мой докладъ о занятіяхъ съ офицерами въ Кокчетавѣ и Петропавловскѣ. Видно было, что генералъ Сухотинъ готовъ былъ бы самъ поработать съ офицерами, передать имъ свои завѣты, полные энтузіазма и неодолимой энергіи... У меня до сихъ поръ звучатъ въ сердцѣ его слова: „не съ кѣмъ работать, не съ кѣмъ работать“. Да, дѣла много здѣсь, а работниковъ, подготовленныхъ исполнителей въ духѣ и направленіи генерала Сухотина, вообще, немного: на всѣ дѣла ихъ далеко хватить не можетъ. Генерала Сухотина чрезвычайно обрадовало мое заявленіе о поразительномъ вниманіи, усердіи и той

[1]) См. „Русская Старина“, мартъ 1911 года.

охотѣ, съ которою всѣ офицеры отнеслись къ этимъ занятіямъ. Докладъ этотъ длился болѣе часа.

Вернувшись въ штабъ, нашелъ пакетъ съ планами перевозки полковъ дивизіи. Наконецъ-то, вопросъ этотъ разрѣшился, хотя и не въ смыслѣ быстроты. Штабъ дивизіи садится 9 апрѣля въ 4 ч. и 20 минутъ дня. Ждать еще долго... Передавъ дѣла старшимъ адъютантамъ, я отправился домой, гдѣ и пишу эти строчки.

Передъ отъѣздомъ въ Кокчетавъ капитанъ Марушевскій и я переселились въ отведенную квартиру въ городѣ въ домъ Лимонова (на берегу р. Оми) и заняли здѣсь одну комнату. Удобствъ здѣсь было мало, но хорошо уже было то, что мы избавились отъ этого безобразнаго строя и условій жизни гостиницы Зайцева. Поѣздъ идетъ ночью, сборы мои невелики, поэтому рѣшилъ пойти подѣлиться своею радостью къ Романовымъ и къ генералу Гершельману... И такъ ѣду домой въ Петербургъ... въ это время слѣдовало подъѣзжать къ Ляояну.

10-го марта Канскъ.

Мы подъѣзжаемъ къ Канску. Событія и впечатлѣнія послѣднихъ дней не легко привести въ порядокъ. Спѣшки и суеты было порядочно. Все 7 и 8-го апрѣля (я вернулся въ Омскъ въ ночь на 7-е апрѣля) пришлось посвятить очищенію штаба отъ ненужнаго хлама и бумажной переписки, которой за два мѣсяца набралось великое количество. 9-го апрѣля утромъ собрали все имущество, берущееся въ походъ, въ обозномъ сараѣ штаба дивизіи во дворѣ станичнаго правленія города Омска. До 2 часовъ дня возились съ окончательной укладкой и увязкой нашихъ повозокъ съ имуществомъ. На станцію отправили на мѣсяцъ пути запасъ овса и сѣна и нагрузили ими почти два вагона. Эта предусмотрительность относительно запаса фуража была принята не только въ штабѣ дивизіи, но и во всѣхъ сотняхъ полковъ дивизіи. Около трехъ часовъ дня конвой, обозъ, писаря и вся казенная прислуга съ заводными лошадьми построилась на площадкѣ у станичнаго правленія. Прибылъ и командующій дивизіей, произведенный на Пасху въ генералъ-лейтенанты и утвержденный въ должности начальника дивизіи. Былъ, конечно, и фотографъ. Перекрестились казаки, снявши шапки; въ торжественной тишинѣ прочитали „Отче Нашъ“ и „Спаси Господи“... Пожелавъ всему составу штаба добраго здоровья на все время похода, я поздравилъ ихъ съ походомъ, а затѣмъ скомандовалъ „шагомъ маршъ“...

Двинулись на первый разъ довольно нестройно: видимо обозные не освоились еще со своей ролью и чистоты въ движеніи не было. Пришлось пропустить два раза нашу колонну, чтобы наладить этотъ

порядокъ. У обознаго казака Федорова вырвались двѣ лошади и произошелъ безпорядокъ: повозки остановились, за лошадьми поскакали казаки. Далѣе уже шли до станціи въ полномъ порядкѣ. Пріятно было видѣть весь составъ штаба верхами, пѣшаго не было ни одного казака. Казенная прислуга только оказалась обремененною заводными лошадьми. У большинства было три лошади, кромѣ своей. Кромѣ того, мы вели съ собою десять лошадей для дивизіи генерала Ренненкампфа, купленныхъ по его просьбѣ.

Посадка производилась у продовольственнаго пункта ст. Омскъ. Съ четырехъ часовъ дня до семи часовъ десять минутъ вечера тянулась погрузка штаба дивизіи въ вагоны и на платформы. Тутъ оказалась наша безпомощность. Надо было держать 116 лошадей, устраивать мостики для ввода лошадей въ вагоны, втаскивать груженные повозки и экипажи (у меня такового не было) на платформы, грузить запасы фуража (два вагона),—а казаковъ въ штабѣ дивизіи, считая рѣшительно всѣхъ, 63 человѣка. Вся тяжесть посадки происходила вслѣдствіе того, что грузиться приходилось прямо съ земли; готовыхъ платформъ на ст. Омскъ не имѣется вовсе и это великое неудобство. Казаки выбивались изъ силъ, а погрузка все же шла медленно, да и подвижной составъ подали поздно. Какъ бы то ни было, мы были готовы къ сроку и безъ этихъ платформъ и безъ помощи желѣзнодорожныхъ командъ рабочихъ.

Казаки простились со своими родными и близкими; слезы и вздохи оросили многія изъ этихъ загорѣлыхъ лицъ и заставили высоко подняться ни одну изъ этихъ могучихъ грудей... Насъ тихо подали къ вокзалу пассажирской станціи.

На пассажирской станціи насъ ждалъ уже молебенъ. Генералы Сухотинъ, Симоновъ, Гершельманъ, масса родныхъ, знакомыхъ, офицеровъ и чиновъ окружныхъ управленій и городскихъ учрежденій съ губернаторомъ генераломъ Романовымъ во главѣ были здѣсь. Стояли и питомцы школы Сиб. казачьяго войска со всѣми чинами Управленія и 2 Отдѣла во главѣ съ генералами Катанаевымъ, Шайтановымъ, полковникомъ Н. Г. Путинцевымъ и др. Народу было такъ много, что вокзалъ и его пассажирская платформа не могли вмѣстить всѣхъ; многіе сидѣли на крышѣ вокзала и на крышахъ близъ стоявшихъ вагоновъ.

Торжественный молебенъ съ окропленіемъ святою водой, благословеніе генерала Симонова Св. Иконою Смоленской Божьей Матери, при чемъ икону эту подносилъ ученикъ пансіона, благословеніе генерала Симонова складнемъ, напутствіе генераломъ Сухотинымъ и генераломъ Катанаевымъ, короткое прощаніе среди звонковъ и свистковъ... и поѣздъ тихо тронулся подъ звуки оркестра музыки и

громкаго „ура“ публики. Доносились еще звуки музыки, доносилось „ура“, отдѣльныя восклицанія добрыхъ пожеланій, виднѣлись шапки и платки еще въ рукахъ сливавшейся въ общую массу толпы, а поѣздъ уносилъ насъ дальше и дальше... куда-то далеко, въ невѣдомое пространство, отрывая насъ отъ тѣхъ, съ кѣмъ сердца наши еще такъ недавно бились съ такимъ сильнымъ чувствомъ близости.

Я усталъ отъ суеты этого дня, усталъ отъ массы сильныхъ ощущеній и, казалось, радъ былъ этой наступившей тишинѣ... Равномѣрный шумъ поѣзда успокаивалъ нервы, отгонялъ мысли; невольно хотѣлось отдыха... Размѣстились мы въ вагонѣ отлично. Для офицеровъ цѣлыхъ два вагона. Почти у каждаго по цѣлому большому купэ; только ординарцы да младшіе чины помѣщены въ купэ по двое. Вотъ составъ Штаба Сибирской казачьей дивизіи: 1) Начальникъ дивизіи—ген.-лейт. Симоновъ Николай Алексѣевичъ. 2) Начальникъ Штаба—Генер. Штаба полковникъ Даниловъ Георгій Алексѣевичъ. 3) Старшій адъютантъ по строевой части—Ген. Штаба подполковникъ Посоховъ Андрей Андреевичъ. 4) Старшій адъютантъ по хозяйственной части—есаулъ Третьяковъ Николай Васильевичъ. 5) Прикомандированный къ Штабу—(причисленный къ Ген. Шт.) 5 Сиб. каз. п. есаулъ Егоровъ Александръ Ивановичъ. 6) Ординарцы начальника дивизіи: сотникъ Пузеревскій Николай Николаевичъ. Хорунжій Зарубаевъ Владиміръ Николаевичъ. 7) Дивизіонный врачъ—надв. сов. Филипповскій Николай Михайловичъ. 8) Дивизіочный интендантъ—полковникъ Путинцевъ Иванъ Флегонтовичъ. 9) Дѣлопроизводитель его — кол. ассесоръ Шараповъ. 10) Дивизіонный контролеръ—надв. сов. Левинъ Михаилъ Витальевичъ. 11) Начальникъ конвоя—хорунжій Путинцевъ Георгій Николаевичъ.

На станціи Канскъ стоимъ 7 часовъ. Такая продолжительная остановка показываетъ мнѣ на неправильное оборудованіе станцій и всего пути. Вѣдь это болѣе четверти сутокъ мы стоимъ непроизводительно; можно было бы двѣсти верстъ сдѣлать за это время; станція простая, не узловая; все значеніе ея заключается въ томъ, что здѣсь оборудованъ продовольственный пунктъ, около котораго и стоитъ нашъ эшелонъ; но на обѣдъ и часа времени слишкомъ достаточно. Ходилъ смотрѣть, какъ казаки обѣдаютъ и познакомиться съ порядками продовольственнаго пункта. На обѣдъ дали щи съ мясомъ и ячневую кашу. Щи приготовлены вкусно, порціи на мой взглядъ золотниковъ 40 (къ сожалѣнію, не свѣшалъ); каша суховата. Кухня содержится достаточно чисто; свѣтлая и просторная, столовая тоже; столы и полъ только были грязны. Видимо за этимъ дѣломъ хорошаго надзора нѣтъ и на казаковъ, чувство брезгливости

у которыхъ развито сильнѣе, чѣмъ у нашего крестьянина, это не могло пройти незамѣченнымъ. На 10 человѣкъ давали одну миску; ѣсть было неудобно, ибо крайнимъ приходилось тянуться далеко; слѣдовало давать одну миску на 5—6 человѣкъ. Казаки ѣли охотно не всѣ; щи и мясо одолѣли еще, а отъ каши отказались многіе. Одинъ въ шутку сказалъ мнѣ: „съ такой порціей опъ двухъ японцевъ зарубитъ сразу“. Четверо на обѣдъ не пошли вовсе.

Продолжительной остановкой воспользовались для выводки лошадей.—Лошади всѣ были веселы и нагулялись вдоволь. При вагонахъ оказалось всего лишь двое сходенъ для лошадей на весь эшелонъ; очень мало. При такой скудости, конечно, надо имѣть 3—4 часа времени на выводку лошадей, но, повторяю, это явленіе должно быть отнесено къ числу незаконныхъ; при иномъ отношеніи къ этому дѣлу въ два часа времени и пообѣдать можно и выводку можно сдѣлать. Наконецъ, и самая необходимость пользоваться сходнями для лошадей свидѣтельствуютъ только о полной неподготовленности пути для военныхъ перевозокъ. Для лошадей эти сходни такое „препятствіе“, которое не всякая изъ нихъ возьметъ... Но казаки молодцы: видитъ, что конь уперся, мигомъ сидитъ уже верхомъ, и тогда конь смѣло и рѣшительно входитъ въ вагонъ. Благодаря этимъ сходнямъ былъ случай, что конь, поставившій уже переднія ноги въ вагонъ, сталъ отъ испуга пятиться назадъ, оступился задними ногами на краю и, конечно, полетѣлъ... Хорошо, что счастливо все обошлось: коняка вскочилъ, удивленно поглядѣлъ на все окружающее и былъ одобрительно привѣтствованъ всѣми здѣсь бывшими казаками. Во всякомъ случаѣ безъ готовыхъ платформъ на такихъ станціяхъ можно нажить большихъ бѣдъ, а главное, жаль времени, безконечно жаль. Дивизія идетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 5 и 8 полки, штабъ дивизіи, 7 и 4 полки.

11-го апрѣля ст. Чулымъ.

Стоимъ 4 часа. Эти продолжительныя остановки начинаютъ изводить: на разъѣздахъ стоимъ, на станціяхъ стоимъ; словомъ, не торопимся. Дѣлали опять выводку лошадей. Это дѣло полезное, и мы приняли за правило дѣлать выводку каждый день, благо обстоятельства этому помогаютъ.

Нашъ эшелонъ догнала первая сотня 7 полка (есаула Панкова). Ген. Симоновъ вышелъ и поздоровался съ сотней, которая выстроилась въ пѣшемъ строю передъ вагонами. Затѣмъ казаки затѣяли пѣсни и пляски. Казачьи пѣсни совершенно непохожи на пѣхотныя и манерой и своею мелодичностью, не говоря уже про содержаніе. Въ этихъ пѣсняхъ можно прослѣдить всю трехсотлѣтнюю исторію

Сибирскаго войска, и каждая изъ нихъ сложена въ память какого-либо историческаго событія жизни войска. Здѣсь я впервые услышалъ пѣсню про Ермака Тимоѳеева; я весь отдался опять думамъ и чувствамъ, которыя невольно захватывали меня при этихъ звукахъ пѣсни, которую пѣли болѣе 150 потомковъ Ермака. Я записалъ эту пѣсню со словъ казаковъ.

Пѣснь про Ермака Тимоѳеева:

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ,
Во мракѣ молніи летали,
Безпрерывно громъ гремѣлъ
И вѣтры въ дебряхъ бушевали...
Ко славѣ страстію дыша,
Въ странѣ суровой и угрюмой,
На дикомъ брегѣ Иртыша
Сидѣлъ Ермакъ, объятый думой.
Товарищи его трудовъ,
Побѣдъ и громозвучной славы,
Среди раскинутыхъ шатровъ
Безпечно спали средь дубравы.
О, спите, спите, мнилъ герой,
Друзья, подъ бурею ревущей!
Съ разсвѣтомъ гласъ раздастся мой,
На славу, иль на смерть зовущій!
Вамъ нуженъ отдыхъ: сладкій сонъ
И въ бурю храбрыхъ успокоитъ;
Въ мечтахъ напомнитъ славу онъ
И силу ратниковъ удвоитъ.
Кто жизни не щадилъ своей
Въ разбояхъ, злато добывая,
Тотъ думать будетъ ли о ней,
За Русь Святую погибая?
Своей и вражьей кровью смывъ
Всѣ преступленья буйной жизни,
И за побѣды заслужилъ
Благословенія отчизны...
Намъ смерть не можетъ быть страшна,
Свое мы дѣло совершили:
Сибирь Царю покорена,
И мы не праздно въ мірѣ жили!

Но роковой его удѣлъ
Уже сидѣлъ съ героемъ рядомъ,
И съ сожалѣніемъ глядѣлъ
На жертву любопытнымъ взглядомъ.
Ревѣла буря, дождь шумѣлъ,
Во мракѣ молніи летали,
Безпрерывно громъ гремѣлъ
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.
Иртышъ кипѣлъ въ крутыхъ брегахъ,
Вздымалися сѣдыя волны
И разсыпались съ ревомъ въ прахъ,
Бія о брегъ казачьи челны.
Съ вождемъ покой въ объятьяхъ сна
Дружина храбрая вкушала;
Съ Кучумомъ буря лишь одна
На ихъ погибель не дремала;
Страшась вступить съ героемъ въ бой,
Кучумъ къ шатрамъ, какъ тать презрѣнный,
Прокрался тайною тропой,
Татаръ толпами окруженный;
Мечи сверкнули въ ихъ рукахъ...
И окровавилась долина:
И пала грозная въ бояхъ,
Не обнаживъ меча, дружина...
Ермакъ воспрянулъ ото сна
И, гибель зря, стремится въ волны,
Душа отвагою полна,
Но далеко отъ брега челны...
Иртышъ волнуется сильнѣй,
Ермакъ всѣ силы напрягаетъ
И мощною рукой своей
Волны сѣдыя разсѣкаетъ...
Плыветъ... ужъ близко челнока,
Но сила року уступила
И, закипѣвъ страшнѣй, рѣка
Героя съ шумомъ поглотила.

Въ пляскѣ особенно хорошъ былъ казакъ Михаилъ Ширяевъ. Самъ приземистый, съ густой бородой, съ темнымъ загорѣлымъ лицомъ, съ блестящими маленькими глазами, папаха на затылокъ, онъ производилъ сильное впечатлѣніе своей неподдающейся описанію мимикой и всей фигурой, поставленной на сравнительно топкія съ

маленькими ступнями ноги. Какіе только выкрутасы онъ не откалывалъ въ порывѣ своего вдохновенія... мнѣ и теперь кажется, что передъ моими глазами и ходитъ, и вертится, и присѣдаетъ Ширяевъ... Дали ему награду. Вечеромъ казаки пѣли молитву, произведена была повѣрка, какъ полагается на зорѣ. Тихій вечеръ, стройное пѣніе казаковъ, окружающая необычная обстановка, все придавало зорѣ какую-то особенную торжественность и на всѣхъ она производила глубокое впечатлѣніе. Въ пути наши порядки внутренней жизни пока ничѣмъ не отличались отъ обычной жизни строевыхъ частей.

Г. А. Даниловъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой) [1].

ГЛАВА IV.

Январь 1878 г.

Исторія окончательной борьбы раздѣлилась на три періода. Первый, время отъ 16 декабря (когда рѣшенъ былъ созывъ парламента на 17-е января), по 3-е марта, послѣ заключенія мирнаго договора въ Санъ-Стефано. Въ это время враждебная туркамъ партія мира торжествовала. Второй продолжался отъ подписанія Санъ-Стефанскаго договора до подписанія Сальзберри Шуваловскаго меморандума (т. е. отъ 3-го марта до 29-го мая). Третій и послѣдній періодъ закончился подписаніемъ Берлинскаго трактата. Это была формальная ратификація Шуваловскаго меморандума, которая ознаменовалась присоединеніемъ Крита къ Англіи и подписаніемъ Англо-Турецкаго договора.

Краткая, но рѣшительная борьба противъ туркофильской политики лорда Биконсфильда была во многихъ отношеніяхъ интереснѣе, чѣмъ взрывъ народнаго негодованія. Первое возмущеніе противъ турецкихъ звѣрствъ было сначала чисто человѣколюбиваго свойства. Въ концѣ же 1877 г. вопросъ былъ: будетъ ли нація, бывшая противъ Турціи въ 1876 г., достаточно, чтобъ въ 1878 году не допустить войны противъ Россіи въ защиту Турецкой имперіи?

Въ декабрѣ защитники войны вѣрили, что, если лордъ Биконсфильдъ подыметъ мечъ противъ Россіи, нація его поддержитъ. Плевна не была взята до 9-го декабря. На Рождество русскія войска еще стояли на сѣверѣ отъ Балканъ. Биконсфильдъ молчалъ. Печать ревностно стояла за войну, даже члены кабинета публично

[1]) См. „Русская Старина“ февраль 1911 г.

говорили въ этомъ смыслѣ. Standart, министерскій органъ, заявилъ что русскимъ долженъ быть воспрещенъ переходъ черезъ Балканы.

Враждебная туркамъ партія была насторожѣ. „Всякую минуту мы можемъ ждать, говорила она, что Биконсфильдъ нарушитъ свой нейтралитетъ. Мы теперь же должны быть готовы ему противодѣйствовать".

Англійскій Кабинетъ рѣшилъ открыть парламентъ 17-го января, вмѣсто обычнаго 8-го февраля. Standart авторитетно объявилъ, что созывается парламентъ для утвержденія суммы, необходимой для увеличенія вооруженія, требуемаго положеніемъ Европы, и продолжалъ разсуждать о лучшихъ мѣрахъ для высадки англійскихъ войскъ въ Турцію. Газета „Pall Mall" увѣряла, что война противъ Россіи будетъ даже популярна. Другіе анти-русскіе органы печати высказывались въ этомъ же духѣ.

Съ другой стороны, руссофилы увѣряли, что эта воинственная агитація несущественна. Даже лордъ Сальзберри и его единомышленники противились Биконсфильдовской политикѣ вмѣшательства; несомнѣнно руссофиловъ побуждала къ дѣятельности г-жа Новикова своими письмами. Нетрудно, прослѣдить какъ ея вліяніе, такъ и вліяніе памяти ея брата Николая въ слѣдующемъ отрывкѣ, появившемся въ одномъ изъ воинственныхъ органовъ партіи.

„Русскій народъ, долгое время исключенный изъ того, что Мазини называлъ „братскимъ банкетомъ Европейскихъ народовъ", получилъ вдругъ доступъ въ него путемъ жертвъ; Россія показала свою душу. Страна, вся проникнутая тѣмъ дивнымъ чувствомъ человѣколюбія, которое заставило русскихъ умирать десятками тысячъ, чтобъ дать свободу Болгаріи, имѣетъ большую будущность. Страданіе очищаетъ, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыя государства. Но какъ сильно страдаетъ русскій народъ теперь, никто, конечно, кромѣ русскихъ, знать не можетъ; въ этотъ день Рождества Христова, во множествѣ домовъ Великой Россіи оплакиваютъ дорогихъ ушедшихъ, которымъ не суждено вернуться. Смерть за благородное дѣло сладка, глаза оставшихся въ живыхъ туманятъ слезы, но мертвые умирали не напрасно. Освобожденіе славянъ Россіей возвысило Русскій народъ".

Фрудъ пишетъ 26-го декабря г-жѣ Новиковой:

„Нашъ премьеръ, если правильно его представляютъ, очевидно, мечталъ закончить свое политическое поприще сценой превращенія: Европа въ пламени, а самъ онъ въ качествѣ арлекина у рампы". Слѣдующее письмо мое къ ней, писанное карандашемъ на желѣзнодорожной станціи 22-го декабря 1877 г., даетъ понятіе о страхахъ и надеждахъ, среди которыхъ Англія проводила Рождество 1877 г.

„Пользуюсь минутой, чтобъ написать Вамъ еще разъ, до моей

поѣздки въ Лондонъ. Сегодня утромъ я получилъ письма отъ Гладстона, Чемберлена и другихъ. Гладстонъ очень добръ. Онъ говоритъ, что онъ не знаетъ, гдѣ и когда оказать сопротивленіе, но онъ увѣренъ въ томъ, что враждебныя туркамъ газеты должны бить тревогу и всюду готовиться къ сильной оппозиціи. Чемберленъ говоритъ, что въ настоящую минуту Египетъ разъединяетъ либеральную партію и можетъ повлечь за собой войну Англіи съ Франціей. Онъ слышалъ отъ Вадингтона, французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, что Франція намѣрена сильно протествовать, и если теперь воздерживается отъ объявленія войны, то лишь для того, чтобы приготовиться къ ней позднѣе. Гладстонъ, Брайтъ и Ло страшно противятся такой войнѣ.

„Гренфель говоритъ, что у королевы голова идетъ кругомъ отъ Россіи и Индійской имперіи, и что Германія все дѣлаетъ, чтобы двинуть наши войска на востокъ для того, чтобы развязать себѣ руки на западѣ.

„Сегодня у меня былъ длинный разговоръ съ Джозефъ Коуенъ, членомъ парламента отъ Нюкастель, онъ совершенный турокъ. Онъ говоритъ, что правительство, если готовится къ войнѣ, то это къ войнѣ съ Франціей, изъ-за Египта, а не съ Россіей изъ-за Турціи. Онъ сказалъ, что мы не можемъ воевать съ Россіей, хотя онъ очень этого бы желалъ: онъ ненавидитъ русскихъ. Онъ говоритъ, что страна, хотя и не за Россію, но противъ войны съ нею. Теперь прощайте. „Все обстоитъ благополучно, какъ говоритъ, издатель New Jork Herald'a. Страна быстро тянется въ нашу сторону". Ура! Счастливыхъ праздниковъ. Стэдъ".

Вотъ текстъ вышеупомянутаго письма Гладстона къ Стэду:

22 декабря 1877 г.

„Милостивый Государь,—благодарю за присланныя замѣтки, я увѣренъ, что Вы знаете, что я получаю и читаю ихъ съ сочувствіемъ, хотя не всегда могу прислать прямое подтвержденіе имъ.

„Въ этомъ случаѣ трудно, можетъ быть, сказать, когда и какъ сопротивляться, но я увѣренъ, что всякая не турецкая газета хорошо сдѣлаетъ, если будетъ сразу и постоянно трубить противъ войны съ Россіей изъ-за Турціи.

„Я думаю, что не только позволительно и справедливо, а необходимо ясно указывать на премьеръ-министра, какъ на корень всего этого зла и скандала.

Преданный Вамъ Гладстонъ".

Г-нъ Фриманъ въ письмѣ, изъ Италіи, г-жѣ Новиковой выказываетъ почти то же настроеніе. Онъ ей пишетъ:

Пиза 19 декабря 1877 г.

„Вы были бы довольны, если бъ видѣли мой восторгъ, когда пришло извѣстіе о взятіи Плевны русскими. Мы всѣ боимся двухъ вещей: 1-е, чтобы евреи (будь онъ проклятъ!) все-таки не вовлекъ бы насъ въ войну; Вы вѣдь видѣли, что у него поддержка королевы, которая ѣздила обѣдать въ его Гето; 2-е, чтобы Вы, заключая миръ, не упустили бы изъ вида интересы Греціи".

Черезъ два дня г. Фриманъ пишетъ Стэду:

„Я радъ, что Вы видѣли Кокса, въ немъ всегда проявляется пылкій гнѣвъ, могущій уничтожить любого противника, но всегда за справедливое дѣло.

Я радъ въ особенности Вашей встрѣчѣ съ Динъ-Черчъ. Что касается Фруда, я не понимаю, почему онъ на нашей сторонѣ. Защитникъ Генриха VIII, онъ долженъ стоять за Митхада и Шефкета-пашей".

Между тѣмъ либералы продолжали просить Гладстона бить тревогу. Несмотря на то, что иногда существовало антирусское направленіе, среди нихъ все же преобладало желаніе избѣжать войны.

Гладстонъ, обращаясь къ секретарю одной анти-воинственной ассоціаціи, 24-го декабря, сказалъ: „необходимо помѣшать грозящему нарушенію нейтралитета". Онъ очень подчеркивалъ важность удаленія всякой партійности въ національномъ протестѣ. Для этого собирались городскіе митинги, торговыя палаты и городскіе совѣты для выработки рѣшеній. Попытка г-на Барри созвать въ Трафальгаръ-скверѣ туркофильскій митингъ, 29 декабря, потерпѣла полнѣйшее фіаско. 28-го декабря каноникъ Макколь прислалъ г-жѣ Новиковой слѣдующее успокоительное донесеніе.

„Надѣюсь, что ранній созывъ парламента не заставитъ никого думать въ Россіи, что Англія станетъ воевать, даже въ томъ случаѣ, если Россія войдетъ въ Константинополь (конечно, не навсегда). Лордъ Биконсфильдъ и королева желаютъ войны, но страна неумолимо противъ: либералы, а ихъ большинство въ странѣ, единодушно будутъ въ оппозиціи. Нѣкоторые даже среди торіевъ сильно противятся войнѣ; никакое правительство недѣли не проживетъ, если вздумаетъ объявить войну Россіи. Многіе туркофилы наши также уклоняются отъ войны. Если бы Россія завладѣла Арменіей, оставивъ Европейскую Турцію (освободивъ, конечно, Горцеговину и Болгарію), то Англія не сдѣлала бы ни одного выстрѣла. Я участвовалъ въ митингахъ за послѣднее время, и могу васъ увѣрить, что огромное большинство нашего населенія не потерпитъ правительства, которое объявило бы войну Россіи".

Послѣ отъѣзда Ольги Алексѣевны изъ Англіи, Фрудъ началъ

правильную переписку съ ней. Первое письмо его, изъ длинной серіи писемъ, въ которыхъ онъ извѣщалъ ее обо всемъ, что происходило въ Лондонѣ, было помѣчено Новымъ Годомъ 1878. Она писала ему съ нѣкоторой тревогой о признакахъ возрождающагося антагонизма Англіи противъ Россіи, на что онъ отвѣчалъ:

„Дорогая г-жа Новикова, меня не удивляетъ Ваша тревога. Я самъ ее вполнѣ раздѣляю. Народъ нашъ слабъ, какъ вода, но политики наши еще слабѣе. Тѣ, на которыхъ мы разсчитывали, измѣняютъ намъ въ минуту испытаній. Я надѣюсь, что Россія своимъ дипломатическимъ отвѣтомъ лорду Биконсфильду и увѣреніями, что причина войны былъ отказъ Турціи принять совѣтъ великихъ державъ отвратить поводъ къ войнѣ и конференція тогда возобновится. Такимъ образомъ Англія лишится предлога для вмѣшательства. Иначе проклятая интрига, такъ долго работающая въ подпольѣ, будетъ имѣть успѣхъ, и намъ будутъ грозить опасныя послѣдствія. Неужели Бисмаркъ фальшивъ? Можетъ ли быть, чтобы онъ желалъ поссорить Англію съ Россіей, чтобы провести успѣшно собственные планы на счетъ Голландіи, Бельгіи и Даніи? Дай Богъ, чтобъ осторожность государя и князя Горчакова не допустила катастрофы. Желалъ бы успокоить Васъ лучшими извѣстіями, но англійское общество сходитъ съ ума, а при такихъ обстоятельствахъ разсудокъ безполезенъ и безсиленъ. Вашъ искренно Фрудъ“.

Письма Фруда въ это тяжелое и тревожное время были полны интереса и политической важности. Они служили Ольгѣ Алексѣевнѣ цѣннымъ коррективомъ для моихъ нѣсколько оптимистическихъ донесеній ей. Фрудъ имѣлъ рѣдкое преимущество знать все, что дѣлается въ кабинетѣ, по крайней мѣрѣ, въ то время, когда лордъ Корнарвонъ и лордъ Дерби были коронными министрами, и даже послѣ ихъ отставки они лучше многихъ другихъ могли отгадывать, какая происходила битва между защитниками мира и войны въ Кабинетѣ. Онъ жилъ въ Западной части Лондона, въ самомъ центрѣ реакціи, тогда какъ я писалъ изъ Дарлингтона, бывшаго тогда центромъ противотурецкой пропаганды, говоритъ Стэдъ. Странно, однако, что несмотря на разницу темпераментовъ и точекъ зрѣнія, ея постоянные корреспонденты сходились безусловно въ своихъ пожеланіяхъ успѣховъ Россіи.

На Новый годъ, говоритъ Стэдъ, я нѣсколько поспѣшно отправилъ записку менѣе оптимистическаго взгляда на положеніе дѣлъ, г-жѣ Новиковой. Я ей писалъ:

„Я не теряю бодрости. Мы еще побѣдимъ чорта. Никогда не предавайся страху. Нѣтъ, нѣтъ. Слава Богу. Лучше умирать, чѣмъ быть трусомъ. Но помните, что это битва тяжелая“.

21-го января, чтобъ сообщить Россіи насколько настоящая Англія, была противъ Биконсфильда, я послалъ въ „Московскія Вѣдомости“ слѣдующій рапортъ:

„Широкія массы англійскаго народа стоятъ положительно за миръ, но воинственная партія надѣется, что лордъ Биконсфильдъ придумаетъ средство, чтобъ побудить русское правительство на грубый отвѣтъ Англіи. Это немедленно будетъ представлено, какъ оскорбленіе Великобританіи, и всѣ усилія будутъ направлены къ тому, чтобы заставить народъ требовать войны. Въ настоящее время, однако, лучшая часть народа желаетъ мира и будетъ продолжать на этомъ настаивать.

Къ счастью русское правительство, избѣгая ловушекъ, подставленныхъ Биконсфильдомъ, вѣжливо отвѣчаетъ на всѣ его сообщенія, уважаетъ интересы Англіи и выражаетъ искреннее желаніе поддерживать дружескія отношенія съ Великобританіей. Одно неосторожное слово или депеша можетъ все измѣнить. Такимъ образомъ отъ мудрости русскаго правительства зависитъ, чтобы соблюденіе нейтралитета не измѣнилось“.

Этотъ тревожный тонъ подтвердился и однимъ корреспондентомъ, котораго считали близко стоящимъ къ лорду Карнарвонъ и лорду Дерби. Онъ писалъ:

„Лордъ Биконсфильдъ увѣренъ, что Англія за него, и въ самомъ Кабинетѣ нѣкоторые боятся, что это такъ. Этому необходимо противодѣйствовать, употребляя все вліяніе на прессу. Стэдъ писалъ въ этомъ смыслѣ Гладстону, Брайту и Фостеру.

„2-го января“, продолжая свое письмо къ Ольгѣ Алексѣевнѣ, Стэдъ говоритъ: „лордъ Карнарвонъ произнесъ миролюбивую рѣчь, за которую получилъ торжественный выговоръ отъ королевы.

„Получилъ письмо отъ Мунделла. Онъ мраченъ, онъ говоритъ: Биконсфильдъ пріобрѣтаетъ вліяніе въ кабинетѣ, только быстрый протестъ насъ можетъ спасти“. „Мы будемъ протестовать, говоритъ Стэдъ, городскіе митинги собираются въ каждомъ большомъ городѣ. Я пишу сегодня ночью по всему нашему округу: „вставайте и дѣйствуйте“. Мы можемъ положиться на нашихъ друзей. Если только Вашъ Императоръ будетъ продолжать дѣйствовать такъ же мудро, какъ до сихъ поръ, избѣгая всякаго раздражающаго замѣчанія, то Биконсфильдъ будетъ побитъ своими соотечественниками. Всякое измѣненіе характера со стороны Россіи ослабляетъ наши силы здѣсь. Всякій добрый, благородный, рыцарскій поступокъ Вашъ укрѣпляетъ ихъ“.

На другой день я доношу г-жѣ Новиковой, продолжаетъ Стэдъ.

„Получилъ письмо отъ Гренфеля. Онъ говоритъ, что предпола-

гается занятіе Галиполи англичанами, которое получитъ, вѣроятно, согласіе всѣхъ партій. Это вѣдь не враждебная окупація. Она временная, какъ вещественная гарантія въ томъ, что Вы выйдете изъ Константинополя, какъ войдете. Не думаю, чтобы Вы были противъ этого. Но скажите мнѣ Ваше мнѣніе".

4-го января многолюдный и восторженный анти-турецкій митингъ состоялся въ Дарлингтонѣ.

Въ это же время вотъ что писалъ г-жѣ Новиковой извѣстный сэръ Джонъ Коксъ:

„Дизраели нужно доказать, что его дѣйствія принесли бы неминуемое бѣдствіе странѣ.

„Если возникла бы такая война, я усердно молился бы о томъ, чтобъ сыны Англіи были посрамлены и унижены. Когда Англія поступаетъ справедливо, я желаю ей быть первымъ государствомъ въ мірѣ; но есть вещи выше національныхъ выгодъ, и если она въ союзѣ съ мошенниками и убійцами, я желаю, чтобъ она получила возмездіе, которое послужитъ предостереженіемъ на много тысячелѣтій".

Гладстонъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

Ховарденъ отъ 4-го января.

„Дорогая г-жа Новикова, благодарю Васъ за письмо отъ 3-го. Оно меня застало, вмѣстѣ съ моими соотечественниками, въ волнахъ неизвѣстности. Лордъ Карнарвонъ говорилъ разумно, чтобъ успокоить страну, которую глава ея взволновалъ. Я воздерживаюсь отъ всякой общественной дѣятельности, въ данную минуту, потому что считаю мое вмѣшательство въ агитацію большимъ вредомъ, допустимымъ развѣ во избѣжаніе худшаго".

„Внезапное открытіе парламента—одна изъ театральныхъ выходокъ Биконсфильда, но пока продолжается Ваша война, мы не можемъ быть спокойны.

„А теперь дайте мнѣ сказать Вамъ то, что я намѣренъ громко высказать, говоря публично. Я имѣю на счетъ мира опредѣленное мнѣніе. Надѣюсь, что миръ окончательно удалитъ турецкую исполнительную власть изъ Болгаріи. Если условія для Болгаріи будутъ слабы, скажутъ, и не безъ справедливости, что Россія желаетъ держать Турцію въ тревогѣ, чтобъ имѣть предлогъ для вмѣшательства.

О другихъ Славянскихъ княжествахъ я не говорю, кто-то другой желаетъ заняться ими, но не забудьте славную, безсмертную Черногорію. Я не военный критикъ; но мнѣ кажется, что Гурко показалъ самый тонкій примѣръ стратегіи, какой когда-либо показала война.

„Счастливаго Новаго Года (стар. стиля) Вамъ и Вашимъ, и да вернется благословенный миръ. Вашъ искренно В. Е. Г.“.

Стэдъ пишетъ г-жѣ Новиковой:

„Сомнѣнія нѣтъ, что турокъ скотина, но храбрая скотина“.

3-го января г-нъ Фостеръ произнесъ рѣчь своимъ избирателямъ въ Брадфордѣ, въ которой онъ бросилъ вызовъ сторонникамъ войны. Я провелъ у него слѣдующій день и былъ восхищенъ непримиримымъ тономъ его заявленій.

Я писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

„Г-нъ Форстеръ рѣшителенъ, онъ мнѣ сказалъ, что онъ и его друзья будутъ всячески сопротивляться войнѣ и каждому шагу, ведущему къ ней. Будьте увѣрены, что мы будемъ сражаться также храбро съ нашимъ правительствомъ, какъ Ваши русскіе сражались на Шипкѣ.

Я говорилъ о томъ, какъ Фрудъ выражалъ свое отвращеніе къ туркофильскимъ чувствамъ многихъ лицъ изъ нашего духовенства. Сектанты во время всего этого кризиса были гвардіей Гладстона. Письмо епископа Оксфордскаго отъ 7-го января было вызвано предположеніями, что духовенство возбуждаетъ націю къ войнѣ изъ-за турокъ“.

Епископъ писалъ Стэду:

„Я желалъ бы, чтобъ духовенство единодушно ненавидѣло войну, и въ особенности такую войну, какъ та, что предлагается теперь Биконсфильдомъ. Но говорить, что духовенство вызываетъ ее, нельзя безъ убѣдительныхъ доказательствъ. Я надѣюсь, что это неправда.

„Если духовенство, какъ Вы говорите, не желаетъ помогать либеральной партіи въ ея политикѣ, то помните, что это не вполнѣ безъ основанія. Оно замѣчаетъ, что политика либераловъ заключается въ униженіи церкви для того, чтобъ унизить самую религію. Я понимаю, что духовенство уклоняется отъ помощи такой партіи.

„Мнѣ очень жаль, что оно переноситъ эти соображенія на великій Восточный вопросъ, но несомнѣнно, что враги Церкви сами въ этомъ виноваты.

„Надѣюсь отъ всего сердца, что насъ минуетъ преступленіе и бѣдствіе войны“.

8-го января я доносилъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

„Мы въ полнѣйшей безопасности. Конечно не тогда, когда мы будемъ спать, но мы въ безопасности теперь потому, что не спимъ. Говорятъ о роспускѣ парламента. Это ни къ чему не приведетъ. Биконсфильдъ не такой дуракъ, чтобъ раздробить свое большинство ради турецкихъ пашей“.

Фрудъ писалъ опять Стэду:

„Опасность все также велика. Биконсфильда репутація поставлена на карту; не таковъ онъ, чтобъ смириться".

Въ тотъ же день Гладстонъ писалъ Стэду изъ Хауардена:

„Милостивый Государь, я съ большимъ интересомъ читаю все присылаемое мнѣ Вами и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣжу за Восточнымъ вопросомъ.

„Я радъ пріему Фостера Вами и тому, что Вы заодно съ нимъ въ этомъ періодѣ Восточнаго вопроса.

„Манифестація была достаточно велика, чтобъ имѣть вѣсъ и безъ малѣйшей партійности.

„Большая сила въ сдержанности. Чтобы ни случилось, я надѣюсь, что Россія никогда не согласится на жалкія предложенія конференціи относительно Болгаріи.

„Желая полнаго процвѣтанія Вашей энергической дѣятельности, остаюсь Вашъ преданный Гладстонъ".

Я писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ 11 января:

„Была большая туркофильская сходка въ Сентъ-Джемсъ-Холь. Всѣ Стаффорды были тамъ, и это было строго частное дѣло...Рѣчи принесутъ пользу, такъ какъ докажутъ, что партія войны не бездѣйствуетъ".

Г-жа Новикова, обрадованная письмомъ Гладстона отъ 4-го января, заключающимъ въ себѣ такое ясное и опредѣленное направленіе, немедленно перевела его на русскій языкъ и напечатала въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", написавъ Гладстону благодарность за письмо, которое, по ея словамъ, оказало много пользы правому дѣлу.

Я очень осторожно увѣдомлялъ ее обо всемъ, что представляло опасность. Такъ 12-го января я писалъ ей:

„Сегодняшнія извѣстія не совсѣмъ хороши. Въ Оксфордѣ на обѣдѣ, либеральный лидеръ, оказавшійся въ дѣйствительности ярымъ туркофиломъ, возбудилъ громкія рукоплесканія, объявивъ, что честь и безопасность Англіи поставлены на карту, и что Англія должна настоять на томъ, чтобы имѣть голосъ въ соглашеніи.

Но въ Бристолѣ городской голова говорилъ о совершенной ненужности войны Россіи съ Турціей, и ему также аплодировали. Въ Бирмингамѣ, и въ Городскомъ Совѣтѣ въ Сити сдѣлали постановленія, сильно порицающія войну, что̀ вызвало сильное одобреніе. Трудно сказать, къ чему примкнетъ нація. Если судьба ея быть проклятой, она пойдетъ на войну, что бы ни случилось потомъ, а если она пойдетъ на войну по этому поводу, то нѣтъ сомнѣнія, что она проклята".

Однако съ каждымъ днемъ горизонтъ прояснялся. 14-го января г-нъ Гренфель писалъ:

„Къ счастью народное мнѣніе въ пользу нейтралитета восторжествовало и убѣдило консервативныхъ интригановъ, что, если бы лордъ Биконсфильдъ объявилъ войну, онъ совершилъ бы актъ политическаго самоубійства“.

Лордъ Биконсфильдъ все время старался подражать лорду Пальмерстону. Наканунѣ открытія парламента ясно было, что партія войны разбита. Газета Pall Mall, которая 20-го декабря такъ увѣренно предвидѣла, что вся страна, за исключеніемъ нѣсколькихъ фанатиковъ, безъ колебаній поддержитъ лорда Биконсфильда, 13-го января отказалась отъ своихъ предсказаній. Она была въ бѣшенствѣ и отчаяніи отъ обманутыхъ надеждъ. „Заявленія отъ всей страны о твердой рѣшительности продолжать нейтралитетъ такъ велики и общи, писалъ Гладстонъ, что опасность, надо думать, миновала. Я докладывалъ г-жѣ Новиковой телеграммой „мы поразили и разбили партію войны“.

17-го января, когда собрался парламентъ было ясно, что митинги сдѣлали свое дѣло. Нейтралитетъ не долженъ быть нарушенъ. Снова партія мира въ кабинетѣ восторжествовала, и рѣчь королевы доказывала капитуляцію Биконсфильда. На слѣдующій день я доносилъ:

„Какъ я Вамъ телеграфировалъ вчера, рѣчь королевы—большая побѣда для насъ. Правительство было принуждено категорически заявить свою вѣрность нейтралитету, отречься отъ всякаго отношенія къ печати, настаивавшей на войнѣ, и признать себя поборникомъ прежней политики. Повѣрьте мнѣ, войны не можетъ быть между Вами и нами, пока Вы будете продолжать быть вѣжливы, выполняя Вашу святую миссію разбивать турокъ, не затрагивая самолюбія и интересовъ Англіи, какъ Вы это дѣлали до сихъ поръ“.

„Гренфель мнѣ пишетъ: онъ подъ впечатлѣніемъ, что есть опасность со стороны Германіи. Онъ думаетъ, что, если бы мы послали войско въ Галиполи, Германія завладѣла бы Голландіей или напала бы на Францію. Я не думаю. Вашъ другъ Картрайтъ тоже моего мнѣнія“.

Фриманъ изъ отдаленнаго Палермо поддерживалъ самую неутомимую переписку съ обоими центрами англо-русскаго освѣдомительнаго бюро. 15-го января онъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

„Почему это побѣда бываетъ разъ въ мѣсяцъ и непремѣнно около середины мѣсяца? Я начинаю очень бояться, что дѣло сладится кое-какъ, оставятъ турка живымъ, и для Греціи ничего не будетъ сдѣлано. Вѣрьте, мнѣ это плохая политика. Легче уничтожить турка совсѣмъ теперь, нежели когда-либо въ другое время, когда надо будетъ все начинать съ начала. Если останется во владѣніи

турка хотя бы одна христіанская страна, тѣ же звѣрства повторятся не сегодня—завтра: Фессалійская рѣзня вмѣсто Болгарской, также жестокая, можетъ быть, хуже, потому что вся чертовщина черкесовъ, башибузуковъ, турецкихъ пашей, софтовъ и проч. уйдетъ изъ освобожденныхъ странъ въ мѣста подвластныя, такъ что положеніе этихъ мѣстъ будетъ хуже прежняго. Дайте это понять власть имѣющимъ, если имѣете возможность".

Въ Дарлингтонъ онъ въ тотъ же день писалъ:

„Рѣшительно не могу понять, какъ въ виду такого явнаго національнаго чувства Биконсфильдъ бы могъ отважиться на войну. Но я боюсь преждевременнаго мира исключительно на пользу славянъ, если Грецiя останется безъ помощи. Если Эпиръ, Θессалія и проч. останутся у турокъ, мусульмане нагрянутъ туда изъ освобожденныхъ провинцій, принося съ собой въ семь разъ большія злодѣйства. Тогда начнутся Θессалійскія жестокости, осложненія, конференція и повтореніе всего прошлаго, тогда какъ конецъ этому могъ бы быть положенъ навсегда.

Будьте увѣрены, что еврей и его друзья все сдѣлаютъ, чтобъ сохранить какъ можно шире пространство, гдѣ бы друзья ихъ могли заводить свою чертовщину безпрепятственно. Такова будетъ теперь ихъ политика, и они будутъ называть это „милосердіемъ", „щедростью" и проч. Объ этомъ надо говорить во всѣхъ газетахъ, на всѣхъ собраніяхъ.

„Кто можетъ сказать, чего хочетъ еврей? я бы думалъ, однако, что теперь, когда раздался такъ громко народный голосъ по всей Англіи, если онъ хочетъ идти на войну съ Россіей, онъ долженъ стать во главѣ своего народа, а не насъ".

Г-жа Новикова писала мало писемъ; въ январѣ 10-го въ отвѣтъ на какой-то сдѣланный мною упрекъ, она кратко отвѣчала:

„Есть минуты, какъ въ частной, такъ и въ политической жизни, когда обвиненіе или хвала теряютъ всякое значеніе. Россія теперь переживаетъ ихъ, и она слишкомъ залита кровью, чтобъ обращать вниманіе на какія бы то ни было сплетни".

Эти замѣчанія не особенно поощрительны, но вполнѣ естественны при данныхъ обстоятельствахъ, замѣчаетъ на это Стэдъ.

19-го января я писалъ Гладстону:

„Г-жа Новикова опечалена мыслью, что мы можемъ объявить войну, и я сказалъ ей, что если бы ей понадобилось какое-нибудь успокоеніе или совѣтъ, я въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Вами и могу передать ей Ваше мнѣніе".

Онъ отвѣтилъ немедленно, а я послалъ копію его письма Ольгѣ Алексѣевнѣ:

20-е января 1878 г.

„Милостивый государь, весьма мало вѣроятія, чтобы мы съ Вами расходились въ мнѣніи о Восточномъ вопросѣ въ какомъ бы ни было его періодѣ, ничего не слѣдуетъ предрѣшать. Хотя я не стою непремѣнно за сопротивленіе, мнѣ кажется весьма невѣроятнымъ появленіе такихъ обстоятельствъ, которыя оправдали бы уступки.

Я, кажется, рѣшусь привести на память прецедентъ 1870 г.

Надежды мои относительно Россіи, успѣхи которой не подлежатъ сомнѣнію, слѣдующія:

1. Что она окончательно освободитъ славянъ.

2. Что она будетъ благосклонна къ грекамъ, къ которымъ у нея, конечно, никакихъ обязательствъ нѣтъ.

3. Что она обезпечитъ полное вознагражденіе доброй, храброй, маленькой Черногоріи.

4. Чтобы свое вознагражденіе она нашла въ чемъ-нибудь другомъ, а не омрачала бы славное, безсмертное дѣло возвращеніемъ себѣ кусочка Бессарабіи.

Напишите изъ этого, сколько найдете умѣстнымъ.

Преданный Вамъ Гладстонъ.

Сообщите, пожалуйста, что я здѣсь до 30, потомъ въ Оксфордѣ, если обстоятельства позволятъ".

Двумя днями позже я получилъ слѣдующее письмо.

„Милостивый государь!

Такъ какъ подробности въ моемъ послѣднемъ письмѣ написаны съ тѣмъ, чтобы Вы могли, если хотите, ихъ сообщить, я желаю сказать, что эти подробности не образецъ идеальнаго устройства но минимальная доля того, что я бы считалъ пріемлемымъ.

Вамъ преданный Гладстонъ".

Успокоеніе отъ пораженія партіи войны не долго продолжалось. Говорили, что королева и Биконсфильдъ все же остались увѣренными, что, если только Россія попробуетъ атаковать Константинополь, игра будетъ въ ихъ рукахъ. Говорили, что отставка лорда Карнарвона была бы сигналомъ опасности. Депутація изъ шестидесяти членовъ парламента, консерваторовъ, была у лорда Стаффорда, убѣждая правительство вмѣшаться, если русскіе приблизятся къ Константинополю или Галиполли. Въ первые дни новаго года русскія войска перешли за Балканы и 20-го января дошли до Адріанополя. Когда они были въ нѣсколькихъ дняхъ похода до Константинополя, джингоисты рѣшились на послѣднюю отчаянную мѣру. Сообщено Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія жизни О. Ѳ. Тернера [1].

1892.

Утромъ 26 марта меня разбудили, чтобы сообщить мнѣ, что И. А. Вышнеградскій внезапно заболѣлъ; такъ какъ несмотря на то, онъ собирался ѣхать съ докладомъ къ Государю, то меня просили поскорѣе прибыть къ нему, въ надеждѣ, что мнѣ удастся отговорить его отъ поѣздки. Я, разумѣется, поскорѣе одѣлся и отправился къ нему, но оказалось, что онъ уже уѣхалъ. Съ нимъ ночью сдѣлался паралитичный припадокъ, который въ теченіе дня все усиливался.

Въ этотъ же день имѣлъ докладъ у Государя и С. Ю. Витте, назначенный незадолго передъ тѣмъ Министромъ Путей Сообщенія. Встрѣтившись въ пути съ Иваномъ Алексѣевичемъ, онъ былъ пораженъ тѣмъ, какимъ онъ его увидѣлъ, а отъ сопровождавшаго его чиновника узналъ, что произошло. Прибывъ въ Царское Село, Сергѣй Юльевичъ поспѣшилъ въ кабинетъ Государя, чтобы предупредить его, къ какомъ видѣ является Вышнеградскій. Дѣйствительно, Иванъ Алексѣевичъ едва могъ направиться къ столу Государя. Уже предупрежденный, Государь подошелъ къ нему и уговорилъ его ѣхать домой, успокоивъ его, что онъ можетъ доложить о дѣлахъ, какъ скоро только поправится. Съ слѣдующимъ же поѣздомъ Ивана Алексѣевича отвезли обратно въ Петербургъ; онъ прибылъ домой уже окончательно больной, и его уложили въ постель.

Сергѣй Юльевичъ немедленно выписалъ изъ Москвы пользовавша-

---

[1]) См. „Русская Старина“ мартъ 1911 г.

гося въ то время громадною репутаціей, доктора Захарьина. При первомъ осмотрѣ онъ нашелъ положеніе Вышнеградскаго вызывавшимъ большія опасенія, но уже на слѣдующій день онъ нашелъ въ его состояніи значительное улучшеніе, которое затѣмъ постоянно продолжалось.

Захарьинъ долженъ былъ немедленно написать рапортъ Государю о томъ, въ какомъ положеніи онъ нашелъ министра финансовъ; разумѣется, онъ не могъ не указать на то, что по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе продолжительное время ему придется воздержаться отъ дѣлъ. При такихъ условіяхъ управленіе министерствомъ переходило ко мнѣ—я послалъ докладъ Государю, испрашивая его соизволеніе на вступленіе въ управленіе министерствомъ.

По случаю моей встрѣчи у больного Вышнеградскаго съ докторомъ Захарьинымъ, не могу не сказать нѣсколько словъ объ этой, во всякомъ случаѣ необыкновенной личности. Захарьинъ пользовался въ Москвѣ репутаціей замѣчательно искуснаго доктора и ужаснаго чудака. Понимая, какъ надо было, по крайней мѣрѣ въ то время, обращаться съ богатымъ московскимъ купечествомъ qu'il fallait leur imposer, онъ ни въ чемъ съ ними не стѣснялся и обращался съ ними какъ-то свысока. У него опредѣлена была довольно высокая цѣна за визитъ, затѣмъ онъ требовалъ, чтобы за нимъ всегда присылали экипажъ, чтобы на квартирѣ больного для него всегда были приготовлены нѣкоторые фрукты и напитки, которые онъ привыкъ употреблять... о его чудачествахъ много разсказывали, но несомнѣнно, что эти чудачества поднимали его авторитетъ у московскаго купечества. Слышавъ объ его привычкахъ, меня интересовало, какъ онъ будетъ себя вести въ Петербургѣ. Онъ оказался совершенно другимъ. У Вышнеградскаго онъ велъ себя чрезвычайно просто и естественно, не выкидывая никакихъ странностей. Въ разговорахъ съ нимъ я убѣдился, что это очень умный и тонкій человѣкъ, который хорошо знаетъ, съ кѣмъ какъ обращаться. Такъ напр., говоря со мною, онъ упомянулъ, что онъ знакомъ съ моими экономическими сочиненіями, затѣмъ завелъ со мною рѣчь о нашемъ общемъ знакомомъ, покойномъ профессорѣ Вернадскомъ.

Въ послѣдній годъ жизни покойнаго Государя Захарьинъ былъ приглашенъ къ Государю и тутъ при Дворѣ, какъ разсказываютъ, онъ заявлялъ разныя требованія и претензіи, которыя коробили придворныя сферы. Но я полагаю, что онъ такъ поступалъ совершенно сознательно и намѣренно. Признавая положеніе Государя очень опаснымъ и предвидя, особенно въ виду того, что Государь, не вѣровавшій въ медицину, не исполнялъ его предписаній, что вскорѣ долженъ наступить печальный конецъ, котораго ничѣмъ предотвратить

нельзя,—онъ желалъ только одного—возможности удалиться, и потому совершенно не старался быть persona grata, а наоборотъ. Дѣйствительно, послѣ консультаціи онъ вскорѣ уѣхалъ и болѣе уже не возвращался къ больному. Онъ достигъ того, чего желалъ.

6-го апрѣля Государь утвердилъ меня Управляющимъ Министерствомъ Финансовъ; я оставался въ этомъ положеніи по 30-е августа, т. е. около пяти мѣсяцевъ.

Время это было довольно суетливое. Кромѣ текущихъ дѣлъ по министерству, приходилось ликвидировать дѣла, вызванныя въ прошломъ году запрещеніемъ вывоза хлѣба; все еще необходимо было оказывать въ разныхъ мѣстностяхъ пособіе сельскому населенію, еще не оправившемуся отъ неурожая; затѣмъ появившаяся холера потребовала принятія разныхъ мѣръ по соглашенію съ министерствами внутреннихъ дѣлъ и военнымъ, наконецъ приходилось наблюдать за биржей и производить операціи по покупкѣ и продажѣ золота, въ видахъ сохраненія курса на извѣстномъ уровнѣ. По этой послѣдней операціи, Иванъ Алексѣевичъ поручилъ мнѣ сноситься съ А. А. Абазой, который находился въ своемъ имѣніи; Абаза, впрочемъ, почти всегда соглашался съ моими предложеніями.

Одновременно съ симъ приходилось заниматься и дипломатическими дѣлами. Одно утро ко мнѣ заѣхалъ испанскій секретарь посольства, замѣнявшій временно посланника, который былъ въ отпуску, и сообщилъ мнѣ, что черезъ двѣ недѣли истекаетъ срокъ торговаго договора между Россіей и Испаніей, и что если не принять немедленно мѣръ къ возобновленію договора, то торговыя сношенія между двумя странами могутъ пострадать. Повидимому, испанскій посланникъ въ Петербургѣ и нашъ посланникъ въ Мадридѣ князь Горчаковъ просто прозѣвали это дѣло. Въ торговлѣ съ Испаніей была особенно заинтересована Финляндія, сбывавшая туда лѣсъ на своихъ судахъ и привозившая оттуда вина. Переговоривъ обстоятельно и условившись съ испанскимъ секретаремъ, я немедленно послалъ всеподданнѣйшій докладъ Государю, въ которомъ, изложивъ положеніе дѣла, я просилъ разрѣшенія на возобновленіе означеннаго договора и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ по этому поводу необходимое сношеніе съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Согласіе Государя послѣдовало, а испанскій повѣренный въ дѣлахъ съ своей стороны снесся по телеграфу со своимъ правительствомъ, и въ теченіе двухъ недѣль все это дѣло было приведено къ благополучному окончанію. Молодой испанскій секретарь былъ особенно доволенъ тѣмъ, что во время его временнаго управленія посольствомъ ему удалось устроить такое дѣло. Кромѣ того пришлось вести переговоры съ французскимъ посломъ, Монтебелло, въ

виду предполагавшагося къ заключенію торговаго договора съ Франціею,—это дѣло, начатое мною, было закончено уже С. Ю. Витте.

На первое время мнѣ приходилось каждый разъ испрашивать соизволеніе Государя на назначеніе времени для моего доклада, но затѣмъ, благодаря посредничеству И. Н. Дурново, у меня устроился еженедѣльный докладъ въ опредѣленный день. Доклады происходили первоначально въ Гатчинѣ, а съ іюля въ Петергофѣ. Первый разъ, когда мнѣ пришлось ѣхать съ личнымъ докладомъ къ Государю, я находился въ нѣсколько тревожномъ состояніи. Но дѣло обошлось очень хорошо. Государь былъ очень естественъ въ своемъ обращеніи, съ большимъ вниманіемъ выслушалъ мой докладъ, почти со всѣмъ согласился и, при выходѣ подавъ мнѣ руку, благодарилъ меня. Это повторялось почти послѣ каждаго доклада. Замѣчательно, до какой степени было просто помѣщеніе Государя въ Гатчинѣ, небольшой кабинетъ, въ которомъ стоялъ только письменный столъ и нѣсколько стульевъ,—но еще меньше было помѣщеніе въ Александріи, гдѣ приходилось въ кабинетъ проходить черезъ уборную Государя, совершенно какъ на частной дачѣ, а не во дворцѣ.

Въ концѣ апрѣля состоялась закладка основаній церкви на Гутуевскомъ островѣ, которая строилась для пограничной стражи. Въ качествѣ Управляющаго М. Ф. мнѣ пришлось участвовать въ этой религіозной церемоніи. Въ фундаментъ были замуравлены, какъ это обыкновенно дѣлается, разныя монеты чеканки того года и серебряная доска, на которой были выгравированы данныя о днѣ закладки церкви, имена присутствующихъ лицъ—и упомянуто объ управляющемъ Мин. Финансовъ. Такимъ образомъ мое имя и положеніе въ этомъ году оказались увѣковѣченными на этой доскѣ, которая будетъ пребывать въ фундаментѣ собора вѣроятно до тѣхъ поръ, пока Петербургъ будетъ существовать. Молебенъ по этому случаю служилъ извѣстный отецъ Іоаннъ Кронштадтскій. Мнѣ пришлось при этомъ видѣть его въ первый разъ. Онъ произвелъ на меня очень пріятное впечатлѣніе, я поговорилъ съ нимъ и просилъ его благословенія.

Иванъ Алексѣевичъ Вышнеградскій уѣхалъ за границу лѣчиться 9-го апрѣля и вернулся въ Петербургъ въ началѣ іюня. Мы условились съ С. Ю. Витте поѣхать ему навстрѣчу въ Колпино. Мы нашли его значительно поправившимся, но еще слабымъ,—онъ самъ казался довольно обезкураженнымъ. Дня черезъ два послѣ своего возвращенія Иванъ Алексѣевичъ благодарилъ меня за мои добрыя чувства къ нему и за то, какъ я велъ въ это время дѣла Министерства. Сознаюсь, что это заявленіе было мнѣ очень пріятно. Повидимому, уѣзжая, Вышнеградскій нѣсколько безпокоился, какъ пой-

дутъ дѣла безъ него. Но по своемъ возвращеніи ему пришлось слышать съ разныхъ сторонъ и, кажется особенно отъ Островскаго, что дѣла шли у меня вполнѣ удовлетворительно, такъ что онъ совершенно успокоился.

Иванъ Алексѣевичъ оставался въ Петербургѣ только нѣсколько дней и затѣмъ уѣхалъ для дальнѣйшаго поправленія здоровья въ Финляндію, гдѣ онъ пробылъ еще около мѣсяца. По окончательномъ возвращеніи въ Петербургъ, во второй половинѣ іюля, онъ помѣстился на сосѣдней съ нами большой Шуваловской дачѣ, которую я для него нанялъ, во время его отсутствія. Его здоровье къ этому времени значительно поправилось, но все же онъ не полагалъ возможнымъ оставаться Министромъ Финансовъ, и потому теперь сталъ возникать вопросъ о его преемникѣ. Уже стали поговаривать о С. Ю. Витте. Повидимому, задолго до того, Иванъ Алексѣевичъ, который былъ особенно высокаго мнѣнія о талантахъ Сергѣя Юльевича, съ которымъ онъ прежде служилъ въ обществѣ Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, указывалъ Государю на Витте какъ на естественнаго себѣ преемника. При такихъ условіяхъ, хотя я и управлялъ уже министерствомъ пять мѣсяцевъ, я не могъ разсчитывать на назначеніе мое Министромъ Финансовъ. Однажды возвращаясь съ доклада у Государя вмѣстѣ съ Сергѣемъ Юльевичемъ, я прямо его спросилъ „когда состоится ваше назначеніе“—но онъ отвѣтилъ мнѣ „даю вамъ слово, что до сихъ поръ никто не предлагалъ мнѣ этого поста“.

Неопредѣленность положенія меня, разумѣется, не мало безпокоила; кто будетъ окончательно назначенъ, какъ устроится мое положеніе—эти вопросы не могли оставлять меня безучастнымъ.

Иванъ Алексѣевичъ представлялся по возвращеніи Государю; вернувшись отъ Государя, онъ говорилъ со мною очень сдержанно о томъ, какъ его принялъ Государь—такъ что я чувствовалъ себя даже нѣсколько обиженнымъ такою сдержанностью. Но вотъ дня два спустя (9 августа) онъ зашелъ ко мнѣ на дачу и обстоятельно сообщилъ мнѣ весь разговоръ, происходившій у него съ Государемъ.

Оказалось, что Государь очень сочувственно къ нему отнесся, явно интересовался состояніемъ его здоровья и высказывалъ глубокое сожалѣніе о томъ, что онъ принужденъ оставить Министерство Финансовъ. Тронутый такимъ пріемомъ, Вышнеградскій заявилъ Государю, что онъ могъ бы остаться еще нѣкоторое время Министромъ Финансовъ, если бы сократить кругъ дѣятельности Министерства. Въ этихъ видахъ онъ предложилъ передать торговую и таможенную части въ Министерство Путей Сообщенія, С. Ю. Витте, съ образованіемъ, какъ за границею, Ministére de Commerce et des

Voies de Communication. Государь на это согласился и теперь предстояло приняться немедленно за работу раздѣленія Министерствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Иванъ Алексѣевичъ мнѣ признался откровенно, что хотя въ прежнее время онъ и рекомендовалъ Сергѣя Юльевича Государю въ качествѣ будущаго Министра Финансовъ, но что теперь онъ начинаетъ нѣсколько сомнѣваться въ цѣлесообразности подобнаго назначенія, потому что онъ начинаетъ опасаться, что Витте будетъ слишкомъ широко и неосторожно пользоваться кредитомъ; по его мнѣнію онъ будетъ очень хорошимъ Министромъ Торговли,—но Министерство Финансовъ онъ бы считалъ благоразумнѣе впослѣдствіи передать мнѣ, какъ человѣку болѣе осторожному. Министромъ онъ предполагалъ, въ виду своего разстроеннаго здоровья, оставаться недолго, какой-нибудь годъ, и затѣмъ онъ намѣренъ былъ предложить Государю назначить меня Министромъ Финансовъ, послѣ него.

Казалось, что все устраивалось для меня превосходно, а между тѣмъ вышло совсѣмъ другое.

Мы немедленно принялись съ нимъ за составленіе Всеподданнѣйшаго доклада о преобразованіи Министерства Путей Сообщенія въ Министерство Путей Сообщенія и Торговли, я по этому поводу говорилъ съ Витте относительно передачи ему Департаментовъ Торговли и Таможеннаго. Казалось, состоялось окончательное соглашеніе, хотя, повидимому, новый планъ и не былъ по сердцу Сергѣю Юльевичу.

14-го августа И. А. Вышнеградскій повезъ Государю Всеподданнѣйшій докладъ, а я поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Петербургъ съ обыкновенными докладными бумагами по Министерству Финансовъ. Когда о нашемъ пріѣздѣ было доложено Государю, то онъ велѣлъ просить къ себѣ Вышнеградскаго; мнѣ же было приказано оставить мои бумаги Государю, такъ какъ онъ въ это время меня принять не можетъ. Я запечаталъ мои докладныя бумаги и передалъ пакетъ камеръ-лакею для доставленія его Государю.

Затѣмъ я поѣхалъ въ приготовленное для меня помѣщеніе, чтобы тамъ позавтракать и ожидать Ивана Алексѣевича. Я полагалъ, что послѣ пріема у Государя, и онъ пріѣдетъ туда завтракать, и мы вмѣстѣ отправимся въ Петербургъ. Но время проходило, а онъ не пріѣзжалъ. Наконецъ на мой запросъ по телефону, мнѣ отвѣтили, что Вышнеградскій уже уѣхалъ въ Петербургъ прямо съ доклада. Это меня крайне удивило и сейчасъ заставило предполагать, что случилось что-то неожиданное. Я немедленно потребовалъ экипажъ и поѣхалъ на станцію. Въ Петербургѣ, уже на ст. Финляндской жел. дор. я встрѣтилъ Вышнеградскаго,—онъ отмалчивался и у него было очень серьезное выраженіе лица. Я былъ въ большомъ

волненіи, но пока ничего не могъ еще узнать, наконецъ, подъѣзжая уже къ Парголову, когда мы оставались въ вагонѣ одни, онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее.

Государь ему сказалъ, что онъ очень цѣнитъ ту жертву, которую Вышнеградскій готовъ былъ принести, несмотря на свое разстроенное здоровье,—но что онъ не считаетъ возможнымъ принять такой жертвы, что онъ имѣетъ въ виду назначить Ивана Алексѣевича на другой, болѣе важный постъ, который однако не связанъ съ такою утомительною дѣятельностью, какъ Министерство [1]). Такимъ образомъ весь нашъ проектъ канулъ въ воду, все осталось по-прежнему, и Сергѣю Юльевичу предстояло сдѣлаться Министромъ Финансовъ.

Вотъ что произошло въ теченіе недѣли между 9 и 14 августа. Государь видѣлся съ С. Ю. Витте и М. И. Островскимъ, и оба высказались ему противъ проекта преобразованія Министерства Финан-

---

[1]) Имѣлся въ виду постъ предсѣдателя Департамента Экономіи, который оставался вакантнымъ послѣ ухода А. А. Абазы. Но и это предположеніе впослѣдствіи не осуществилось и вотъ при какихъ условіяхъ.

Когда Витте былъ сдѣланъ Министромъ Финансовъ, онъ подъ вліяніемъ профессора Антоновича, котораго онъ даже назначилъ товарищемъ министра—вполнѣ предавался мысли развитія нашей промышленности путемъ усиленія бумажнаго обращенія. Замѣчательно, что государственный человѣкъ, окончательно утвердившій у насъ металлическую монетную единицу, началъ свою дѣятельность *инфлаціонистомъ*. Во время своей продолжительной карьеры Сергѣй Юльевичъ не разъ мѣнялъ свое убѣжденіе—но это не всегда происходило на почвѣ оппортунизма; нерѣдко, когда онъ убѣждался въ ошибочности своего прежняго мнѣнія, онъ, не стѣсняясь, мѣнялъ его—доктринеризмъ не былъ чертою его характера; какъ человѣкъ умный, онъ, такъ сказать, продолжалъ учиться, такъ и въ данномъ случаѣ, продолжая заниматься этимъ вопросомъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, при ближайшемъ ознакомленіи съ вопросомъ о денежномъ обращеніи, что теорія Антоновича ошибочна, и сдѣлался сторонникомъ металлическаго обращенія, а какъ человѣкъ страстный сталъ дѣйствовать въ смыслѣ установленія у насъ денежнаго обращенія съ особенною энергіею, какъ объ этомъ будетъ сказано далѣе.

Но вначалѣ онъ находился вполнѣ подъ вліяніемъ Антоновича. При вступленіи въ Министерство онъ считалъ главною своей задачей—сооруженіе большой Сибирской дороги, потому что послѣ проѣзда Государя Наслѣдника по Сибири, проектъ этотъ сдѣлался у насъ самымъ популярнымъ дѣломъ. Витте составилъ предположеніе строить Сибирскую дорогу на особые банковые билеты, выпускаемые параллельно съ существовавшимъ у насъ бумажнымъ денежнымъ обращеніемъ. Это предположеніе встрѣтило сильную оппозицію со стороны Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградскаго. Опасаясь, что при такихъ условіяхъ Вышнеградскій, въ качествѣ предсѣдателя Департамента Экономіи, будетъ противиться проведенію его химерическихъ плановъ, онъ уговорилъ Государя оставить прежнее предположеніе и назначить предсѣдателемъ Департамента Экономіи Д. М. Сольскаго.

совъ. Сергѣй Юльевичъ очевидно возражалъ съ своей точки зрѣнія, не желая отказаться отъ Министерства Финансовъ, во главѣ котораго его положеніе должно было быть гораздо болѣе вліятельнымъ, чѣмъ во главѣ вновь созидаемаго Министерства Торговли, а М. И. Островскій съ другой стороны высказывалъ Государю, что Вышнеградскій больной человѣкъ и потому долго во главѣ Министерства Финансовъ оставаться не можетъ; благоразумно ли при такихъ условіяхъ производить такую ломку въ нашихъ Государственныхъ учрежденіяхъ, существующихъ столь продолжительное время, только для того, чтобы сохранить Вышнеградскаго какой-либо годъ или другой во главѣ Министерства. Эти два отзыва сильно подѣйствовали на Государя и побудили его отказаться отъ проекта, на который онъ уже изъявилъ свое согласіе, и который, повидимому, былъ такъ близокъ къ осуществленію.

При такихъ обстоятельствахъ мнѣ было особенно желательно выяснить мое будущее положеніе, и я просилъ И. Н. Дурново, который все время высказывалъ мнѣ большое сочувствіе, переговорить объ этомъ съ Государемъ. Оказалось, что Государь не считалъ возможнымъ назначить меня прямо въ Госуд. Совѣтъ, потому что я не былъ еще сенаторомъ, и согласился только, согласно моему желанію, сохранить мнѣ все содержаніе, которое я получалъ какъ Товарищъ Министра.

Параллельно съ этими политико-административными перипетіями, происходилъ рядъ празднествъ по случаю происходившаго около этого времени въ Петербургѣ международнаго конгресса желѣзнодорожныхъ дѣятелей. С. Ю. Витте въ качествѣ Министра Путей Сообщенія давалъ роскошный обѣдъ делегатамъ. Затѣмъ они были приглашены на обѣдъ ко Двору. Обѣдъ происходилъ въ Зимнемъ Дворцѣ, въ одной изъ большихъ залъ. Это былъ такъ называемый обѣдъ за гофмаршальскимъ столомъ, потому члены Царской Фамиліи на немъ не присутствовали. Обѣдъ происходилъ подъ предсѣдательствомъ гофъ-маршала. Блестящая сервировка въ великолѣпномъ залѣ дворца несомнѣнно должна была произвести впечатлѣніе на гостей. Кромѣ того въ честь извѣстнаго экономиста Сэя, находившагося въ числѣ делегатовъ, а также нѣкоторыхъ другихъ экономистовъ былъ устроенъ обѣдъ нашимъ кружкомъ экономистовъ—на подобіе парижскаго diner des économistes,—который прошелъ очень оживленно. На всѣхъ этихъ торжествахъ мнѣ пришлось участвовать, хотя безпокойство о будущемъ моемъ положеніи не особенно располагало меня къ веселію.

Наконецъ съ этимъ же временемъ совпало окончаніе постройки желѣзной дороги изъ Выборга на Иматру. На открытіе ея были

приглашены делегаты и нѣкоторые русскіе сановники. Такъ какъ я еще никогда не бывалъ на Иматрѣ, то я рѣшился принять участіе въ этой экскурсіи. Проѣздъ туда и обратно долженъ былъ совершиться въ одинъ день. Мы выѣхали утромъ часовъ въ восемь, въ салонныхъ вагонахъ; пріятно бесѣдуя съ делегатами, мы около полудня прибыли въ Выборгъ, гдѣ происходила краткая остановка и гостямъ былъ сервированъ завтракъ. Затѣмъ мы опять двинулись въ путь и, проѣхавъ по красивой финляндской лѣсистой мѣстности около 3 часовъ, прибыли на Иматру. Отъ станціи до водопада было всего нѣсколько шаговъ, всѣ высыпали изъ вагоновъ и бросились къ водопаду. Иматра, въ сущности, не водопадъ, а рядъ пологихъ пороговъ, по которымъ рѣка Вуокса течетъ съ удивительною стремительностью; все это пространство воды кипитъ какъ въ котлѣ. При суровой обстановкѣ финляндскаго скалистаго пейзажа—это представляетъ дикую, но эффектную картину.

Насмотрѣвшись на водопадъ, мы отправились въ лежащую у водопада гостиницу, гдѣ насъ ожидалъ обѣдъ, послѣ котораго, взглянувъ еще на водопадъ, мы въ восьмомъ часу сѣли въ наши вагоны и вечеромъ уже были въ Петербургѣ.

Послѣдніе дни августа представляли въ административныхъ сферахъ какую-то особенную суматоху. Въ началѣ сентября Государь долженъ былъ ѣхать на маневры, и къ тому времени вопросъ о министерствахъ долженъ былъ быть рѣшенъ, а между тѣмъ не оказывалось подходящаго кандидата на мѣсто Министра Путей Сообщенія, которое становилось вакантнымъ съ назначеніемъ Витте Министромъ Финансовъ. Дѣло все тянулось и тянулось до самаго отъѣзда Государя.

Не желая оставлять министерство, какъ простой чиновникъ, я воспользовался отсрочкою выхода указа о назначеніи Витте Министромъ Финансовъ, чтобы послать Государю послѣдній мой докладъ въ качествѣ Управляющаго Министерствомъ, приложивъ къ нему обстоятельную записку о нашемъ финансовомъ положеніи вообще, которую я предварительно прочиталъ Вышнеградскому. Государь передалъ эту записку Витте, послѣ назначенія Министромъ Фин.— и впослѣдствіи Витте какъ-то ссылается въ Государственномъ Совѣтѣ на нѣкоторыя мѣста моей записки.

Наконецъ въ послѣднія минуты на постъ Министра Путей Сообщенія остановились на совершенно неподходящемъ кандидатѣ, помѣщикѣ одной изъ южныхъ губерній Кривошеинѣ, который пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность какъ земскій дѣятель и какъ устроитель пароходнаго сообщенія на какой-то рѣкѣ. Кривошеинъ, впрочемъ, не пользовался особенно хорошей репутаціей,—назначеніе его оказалось

неособенно удачнымъ, оставался Министромъ недолго и былъ замѣненъ княземъ М. И. Хилковымъ.

Едва ли не въ послѣдній день передъ отъѣздомъ Государя вышелъ указъ о назначеніи новыхъ министровъ, обо мнѣ же ничего не было сказано, хотя, какъ мнѣ было извѣстно, мое назначеніе въ сенаторы на словахъ было рѣшено Государемъ. Сознаюсь, что такое невниманіе меня нѣсколько обидѣло. При довольно трудныхъ обстоятельствахъ я пять мѣсяцевъ управлялъ Министерствомъ Финансовъ, и въ тотъ моментъ, когда во мнѣ уже не настояло надобности, какъ бы забыли о моемъ существованіи. Новые министры назначены, Государь уѣхалъ, а я пока оставался Товарищемъ Министра.

Желая поскорѣе высвободиться изъ всѣхъ этихъ непріятныхъ отношеній, я обратился къ Витте съ формальнымъ ходатайствомъ о разрѣшеніи мнѣ отпуска, имѣя необходимость отправиться въ Крымъ. Сергѣй Юльевичъ прислалъ ко мнѣ спросить, когда я его могу принять на слѣдующій день. Въ условленное время онъ пріѣхалъ ко мнѣ, чтобы сообщить, что мое назначеніе въ сенаторы состоится на дняхъ, и что о моемъ отпускѣ онъ уже послалъ всеподданнѣйшій докладъ Государю. Два дня спустя я получилъ отъ него извѣщеніе, что мой отпускъ разрѣшенъ, и немедленно, въ первыхъ числахъ сентября отправился въ Ялту, гдѣ я вслѣдъ за тѣмъ получилъ извѣщеніе о моемъ назначеніи сенаторомъ.

Ко всей этой неурядицѣ и суматохѣ, ко всѣмъ интригамъ разыгравшимся за это послѣднее время, присоединилась еще одна совершенно своеобразная интрига, о которой остается сказать нѣсколько словъ.

Въ Парижѣ и Брюсселѣ вдругъ появились ѣдкіе памфлеты противъ Вышнеградскаго и Витте, частью въ видѣ брошюръ за подписью Ціона, частью въ видѣ статей въ извѣстной Revue, издаваемой M-me Juliette Adam.

Докторъ Ціонъ, бывшій профессоръ въ медико-хирургической академіи, послѣ оставленія профессуры, поселился въ Парижѣ. Человѣкъ умный и предпріимчивый, онъ сталъ вращаться въ Парижѣ въ финансовыхъ и биржевыхъ сферахъ, занимаясь вѣроятно разными денежными дѣлами. Во время своей ученой службы въ Петербургѣ, онъ, кажется, былъ знакомъ съ Иваномъ Алексѣевичемъ Вышнеградскимъ. Есть поводъ предполагать, что послѣ назначенія своего министромъ, Вышнеградскій, который съ самаго начала помышлялъ о томъ, какъ бы воспользоваться парижскимъ рынкомъ, для размѣщенія на немъ русскихъ государственныхъ бумагъ, поручалъ конфиденціально Ціону посондировать при его

сношеніяхъ съ французскими банкирами почву въ этомъ отношеніи. Не знаю почему, но вѣроятно Ціонъ дѣйствовалъ не съ достаточнымъ тактомъ или не хотѣлъ подчиняться указаніямъ Вышнеградскаго—но дѣло въ томъ, что Вышнеградскій, повидимому, прекратилъ съ нимъ всякія сношенія и устранилъ его совершенно отъ дальнѣйшихъ сношеній министерства съ французскими банкирами.

Ціонъ очень обидѣлся, онъ не могъ простить этого Вышнеградскому и сдѣлался его открытымъ врагомъ. Удивительно только, что онъ началъ борьбу противъ него въ такой моментъ, когда Вышнеградскій уже оставлялъ министерство и потому уже никакого вліянія на дѣла не могъ имѣть. Но тутъ примѣшивалась вѣроятно еще другая цѣль. Назначеніе Витте на мѣсто Министра Финансовъ вызывало съ разныхъ сторонъ сильное неудовольствіе. Такъ какъ Витте считался ставленникомъ Вышнеградскаго, то вѣроятно полагали, что, дискредитируя Вышнеградскаго, тѣмъ самымъ дискредитуется и Витте. Впослѣдствіи Ціонъ сталъ впрочемъ прямо нападать на Витте, совершенно не уставая въ своихъ нападкахъ на него, постоянно клеймя его названіемъ „временщика“. Еще въ 1890 г. въ Лейпцигѣ вышла брошюра на русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Куда временщикъ Витте ведетъ Россію“, въ которой онъ тенденціозно доказывалъ, что всѣ наши бюджеты за послѣднія десять лѣтъ заканчивались громадными дефицитами, что дефициты эти покрывались займами, что недоимки въ окладныхъ сборахъ постоянно росли, что выкупъ желѣзныхъ дорогъ въ казну имѣлъ пагубныя послѣдствія и т. д. — если уже критиковать управленіе Витте, то очевидно слѣдовало подступать къ нему не съ этой стороны.

4-го сентября, я къ великому моему удовольствію могъ наконецъ выѣхать изъ Петербурга. Случайно я вспомнилъ, что пять лѣтъ тому назадъ именно въ этотъ день я съ Д. М. Сольскимъ, И. А. Вышнеградскимъ и А. В. Цимсеномъ отправлялся въ Царское Село на засѣданіе къ М. Х. Рейтерну, для обсужденія подготовительныхъ мѣръ къ возстановленію у насъ денежнаго обращенія. Изъ этихъ лицъ двоихъ уже не было въ живыхъ, а третій, И. А. Вышнеградскій, вслѣдствіе своей болѣзни уже вышелъ изъ ряда дѣятелей, — новый министръ финансовъ начиналъ свою дѣятельность инфлотіонистомъ, казалось, самое дѣло погибло. Совершилось же непредвидѣнное, дѣло было приведено къ осуществленію именно новымъ министромъ.

Въ Ялтѣ я засталъ И. Н. Дурново, который тамъ находился съ своею дочерью, нынѣ покойною г-жею Спнельниковою. Мы съ нимъ часто видѣлись, и онъ мнѣ въ это время оказывалъ очень дели-

катное вниманіе. Я не могъ не оцѣнить такого его обращенія ко мнѣ именно потому, что въ моемъ оффиціальномъ положеніи произошелъ неблагопріятный для меня переворотъ. Послѣ вліятельнаго положенія управляющаго министерствомъ финансовъ я перешелъ на скромное положеніе будущаго сенатора. При такихъ условіяхъ прежніе пріятели нерѣдко сторонятся отъ васъ,—а И. Н., напротивъ того, особенно любезнымъ обращеніемъ со мною, старался показать мнѣ, что наши личныя отношенія съ перемѣной моего оффиціальнаго положенія нисколько не измѣнились.

Постройка нашего дома въ Ялтѣ приходила къ окончанію. Домъ построенъ въ арабскомъ стилѣ; надъ входомъ въ домъ, съ сада, помѣщена надпись изъ Св. Писанія въ изразцахъ „не пецытеся убо на утро — яко Богъ печется о васъ“. Меня при поѣздкахъ за границу всегда поражалъ существующій тамъ обычай, особенно въ горныхъ мѣстностяхъ Австріи, украшать постройки не только крестьянскихъ домовъ, но и элегантныхъ дачъ, помѣщаемыми на стѣнѣ, надъ входомъ, надписями — заимствованными или изъ Св. Писанія или изъ сокровища народныхъ поговорокъ. Мнѣ этотъ обычай очень понравился и потому, когда я сталъ строить дачу въ Ялтѣ, я рѣшился сдѣлать и у себя подобную надпись. Самый же текстъ [1]) я выбралъ потому, что во время постройки у меня было не мало заботъ и непріятностей,—были даже моменты, когда я сожалѣлъ, что рѣшился вообще строить; все это миновало, и постройка приходила къ концу, и потому это изреченіе, что не слѣдуетъ заботиться о завтрашнемъ днѣ, мнѣ казалось наиболѣе подходящимъ въ данномъ случаѣ. Теперь же оказывалось, что я переѣзжаю въ новый домъ именно въ моментъ существенной перемѣны въ моей служебной судьбѣ — такъ что это изреченіе могло служить какъ бы увѣщаніемъ, вообще по отношенію къ моей будущей жизни. День помѣщенія этой надписи въ стѣну совпалъ случайно со днемъ моего рожденія, 12 октября; это мнѣ представлялось хорошимъ предзнаменованіемъ. 7-го ноября мы окончательно переѣхали въ нашъ домъ — до сихъ поръ я жилъ въ Ялтѣ въ домѣ министерства финансовъ, — такъ что окончаніе постройки вышло очень кстати. 9-го ноября происходило освященіе дома. На немъ присутствовало большое число гостей изъ нашихъ Ялтинскихъ знакомыхъ; для рабочихъ, которые поднесли мнѣ пирогъ въ видѣ „хлѣба и соли“ — былъ устроенъ завтракъ, все обошлось очень удачно. Два дня спустя мы отправились въ Петербургъ.

---

[1]) Матѳ. 6, 34 и I Петр.—5, 7.

Здѣсь меня ожидало очень пріятное извѣстіе; но по этому поводу я долженъ обратиться нѣсколько назадъ.

При посѣщеніи Венеціи, вмѣстѣ со мною моя покойная жена была очарована картиной Тинторетто въ Scuola di San Rocco, изображающей распятіе Спасителя. Послѣ смерти Софіи Александровны у меня явилась мысль помѣстить на ея надгробномъ памятникѣ копію распятія съ этой картины. На слѣдующій годъ я поѣхалъ въ Венецію и заказалъ тамъ мозаичную копію съ распятія на картинѣ Тинторетто. Картина эта очень большая съ массою фигуръ, но я выбралъ изъ нея только средину, представляющую Спасителя на крестѣ, у ногъ Котораго склоняются Божія Матерь и одинъ изъ учениковъ—поэтому необходимо было выкопировать эту средину картины акварелью и уже по этой акварельной копіи составлять мозаику. Мозаичное воспроизведеніе картины вышло очень художественно. По прибытіи въ Петербургъ, я распорядился немедленно помѣстить ее на мраморный памятникъ покойной жены. Вскорѣ послѣ того, будучи за границей, я получилъ непріятное извѣстіе, что мозаику выломали и украли изъ памятника. Несмотря на всѣ поиски полиціи похититель не былъ открытъ, мозаика окончательно пропала.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе пятнадцати лѣтъ, и вотъ въ 1891 г. какъ-то разъ ко мнѣ приходитъ П. П. Семеновъ, который видѣлъ въ свое время мозаику и восхищался ею,—и сообщаетъ мнѣ, что въ какой-то закладной кассѣ онъ нашелъ мозаику, которая, какъ ему кажется, именно та, которую у меня похитили. П. П. Семеновъ любитель и коллекціонеръ хорошихъ картинъ и потому посѣщаетъ постоянно разные аукціоны; при такомъ посѣщеніи ссудной кассы, онъ и напалъ случайно на мою мозаику. Онъ любезно согласился принять на себя всѣ переговоры по этому случаю.

И вотъ въ первый же день моего пріѣзда въ Петербургъ я отправился къ Петру Петровичу, чтобы узнать, въ какомъ положеніи дѣло; онъ встрѣтилъ меня, съ мозаикой въ рукахъ, словами „это ваша супруга васъ встрѣчаетъ“. Я, разумѣется, былъ очень обрадованъ обратнымъ полученіемъ этого драгоцѣннаго для меня предмета, который столько лѣтъ пропадалъ. Оказалось, что когда заложившій вещь узналъ, что она краденая, то согласился возвратить ее за ту небольшую сумму, за которую онъ самъ ее купилъ.

Прежняя усиленная ежедневная дѣятельность по Министерству Финансовъ замѣнилась теперь посѣщеніемъ сенатскихъ засѣданій. Я былъ назначенъ въ 1-й Департаментъ; вмѣстѣ со мною засѣдали въ этомъ Департаментѣ А. Д. Шумахеръ, какъ первоприсутствующій, его замѣнилъ въ этомъ положеніи послѣ его смерти В. А. Арцымовичъ, затѣмъ членами были князь Гр. С. Голицынъ, Э. Я.

Фуксъ, Н. В. Шидловскій, Дембовецкій, графъ Каннистъ, назначенный потомъ посломъ въ Вѣну, графъ Кутайсовъ, Орловъ и Оржевскій. Съ дѣятельностью Сената я уже былъ знакомъ, потому что въ качествѣ товарища министра финансовъ мнѣ приходилось посѣщать сенатскія засѣданія. Несмотря на то, что значеніе Сената было очень ослаблено его зависимостью отъ Министерства Юстиціи и отношеніемъ къ нему другихъ министровъ, которые иногда по цѣлымъ годамъ не отвѣчали на запросы Сената, если дѣло было для нихъ непріятно,—я все же могъ убѣдиться во время моего пребыванія въ Сенатѣ, что это было единственное учрежденіе, которое дѣйствительно стояло на стражѣ закона и представляло нѣкоторую гарантію противъ произвола губернаторовъ и другихъ бюрократическихъ учрежденій. Первый Департаментъ былъ преимущественно занятъ жалобами частныхъ лицъ на противозаконныя дѣйствія властей и обыкновенно не стѣснялся въ отмѣнѣ постановленій, которыя казались ему несогласными съ закономъ, и въ привлеченіи даже виновныхъ къ денежной отвѣтственности. А это было время ратованія въ правительственныхъ кругахъ за усиленіе губернаторской власти; многіе губернаторы явно не подчинялись закону и такихъ энергическихъ губернаторовъ какъ-то особенно цѣнили. Разсказывали про одного губернатора, которому его секретарь докладывалъ, что имѣвшееся въ виду распоряженіе несогласно съ закономъ,—что онъ взялъ соотвѣтствующій томъ свода законовъ, положилъ его на стулъ, сѣлъ на него и затѣмъ обратился къ своему секретарю съ вопросомъ „а гдѣ теперь вашъ законъ“. Былъ даже случай во время моего пребыванія въ Сенатѣ, когда по одному дѣлу по Высочайшему повелѣнію 1-му Департаменту было предписано пересмотрѣть и перерѣшить свое рѣшеніе.

Это Высочайшее повелѣніе было вызвано всеподданнѣйшимъ докладомъ Витте. Замѣчательно, что Сергѣй Юльевичъ, который въ началѣ своего министерства относился явно невнимательно и къ Сенату и къ Государственному Совѣту, нерѣдко, обходя эти учрежденія по дѣламъ, подлежавшимъ ихъ компетенціи Всеподданнѣйшими докладами, вскорѣ однако понялъ, что ему, напротивъ того, выгодно опираться на авторитетъ этихъ высокихъ учрежденій, совершенно перемѣнилъ свои къ нимъ отношенія и сталъ къ нимъ въ совершенно корректныя и почтительныя отношенія до того, что даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда ему приходилось еще почему-либо рѣшать данное дѣло Всеподданнѣйшимъ докладомъ, онъ самъ объ этомъ докладывалъ Государственному Совѣту, какъ бы извиняясь и объясняя причины, почему онъ принужденъ былъ такъ поступить.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ я въ свободное время продолжалъ заниматься религіозными вопросами. Послѣдняя моя работа была „объясненіе на Посланіе къ Филиппійцамъ“. Подобно тому какъ изъ Евангелія я выбралъ Евангеліе отъ Іоанна, потому что оно меня особенно затрогивало, я изъ Апостольскихъ Посланій остановился на Посланіи къ Филиппійцамъ, потому что я въ нихъ находилъ мѣста, мнѣ особенно сочувственныя, какъ напр. стихи „будучи увѣренъ въ томъ, что начавшій въ васъ доброе дѣло, будетъ совершать его даже до дня Іисуса Христа“ (1,6) или „и миръ Божій, который превыше всякаго ума, соблюдетъ сердца ваши и помышленія ваши во Христѣ Іисусѣ“ (4,7). Работа эта печаталась послѣдовательно отдѣльными статьями въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ и по окончаніи ея въ этомъ году вышла отдѣльной книгой. Такимъ образомъ, одновременно съ окончаніимъ моихъ занятій по министерству финансовъ, заканчивалась и эта моя работа, которою я занимался нѣсколько лѣтъ. Съ окончаніемъ продолжительной работы всегда соединено нѣкоторое чувство сожалѣнія. Я нахожу, что Шиллеръ совершенно правъ, говоря „Der Abschied von einer langen und wichtigen Arbeit ist immer mehr traurig als erfreulich. Das ausgespannte Gemüth sinkt zu schnell zusammen und die Kraft kann sish nicht sogleich zu einem neuen Gegenstande wenden“. (Brief Schiller's an Goethe 27 Jan. 1796).

Не довольствуясь Сенатскими засѣданіями, я сталъ потому соображать, какою бы еще заняться работой, и остановился на мысли предпринять трудъ по крестьянскому вопросу. Я сталъ собирать необходимый матеріалъ и приступилъ къ работѣ въ деревнѣ уже слѣдующимъ лѣтомъ. Занятія этимъ вопросомъ продолжались у меня около двѣнадцати лѣтъ. Моя работа появлялась сначала отдѣльными статьями въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“, а затѣмъ вышла отдѣльными томами, подъ заглавіемъ „Государство и Земледѣліе“.

До сихъ поръ вышло два тома, а затѣмъ, въ 1905 году, предстоитъ еще издать послѣдній третій томъ. Сочиненіе мое обратило на себя нѣкоторое вниманіе въ компетентныхъ сферахъ, и мнѣ было очень пріятно, что по случаю моего 50-ти лѣтняго юбилея, даже въ рескриптѣ Государя было упомянуто о моемъ основательномъ знакомствѣ съ крестьянскимъ вопросомъ.

Въ началѣ декабря я представлялся Государю, онъ принималъ меня въ той же комнатѣ, въ которой я такъ часто бывалъ у него съ докладомъ....

1893.

Въ послѣдніе годы я проводилъ лѣто обыкновенно на дачѣ въ окрестностяхъ Петербурга. Теперь же, пользуясь лѣтнимъ вакантомъ, я рѣшился отправиться на лѣто къ себѣ въ деревню Захонье. Такъ какъ мы нѣсколько лѣтъ тамъ не жили, то пришлось привести усадьбу въ порядокъ, возобновить постройки, расчистить садъ и т. д. Пребываніе въ деревнѣ было очень пріятно—деревенская природа, широкій просторъ, хорошія отношенія къ сосѣднимъ крестьянамъ, прогулки въ лѣсъ—все это имѣло свою прелесть, послѣ дачной жизни. Кромѣ того къ намъ пріѣзжали постоянно друзья и знакомые изъ Петербурга, между прочимъ насъ посѣтилъ протоіерей Лебедевъ, съ которымъ я былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, и о которомъ была рѣчь выше. Мы съ нимъ гуляли, бесѣдуя во время прогулокъ объ интересующихъ насъ предметахъ, затѣмъ онъ мнѣ читалъ свои работы. Такимъ образомъ пребываніе въ деревнѣ прошло очень быстро, и я не могъ не сожалѣть, когда пришлось уѣзжать изъ Захонья. Осень мы провели какъ обыкновенно въ Ялтѣ. Въ этомъ году мы тамъ часто видѣлись съ графиней А. А. Толстой, она жила въ Ливадіи вмѣстѣ съ сестрой. Ея сестра лѣтомъ опасно заболѣла, и ей пришлось дѣлать ампутацію ноги,—я удивился, съ какою силою духа графиня Александра Андреевна переносила эти тяжелыя минуты.

Въ день нашего отъѣзда изъ Ялты стоялъ до того сильный туманъ, что пароходъ изъ Ѳеодосіи не могъ пристать къ молу. Вся мѣстность была укутана какою-то бѣлесоватою мглой, такъ что въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія нельзя было различить предметы. Пароходъ, отыскивая молъ, нѣсколько разъ проходилъ взадъ и впередъ мимо нашего сада, мы слышали вблизи его свистки, но парохода нельзя было разглядѣть. Ему удалось дойти до мола, только когда ему навстрѣчу былъ посланъ маленькій портовый пароходъ. Такимъ образомъ вмѣсто 10 часовъ утра мы отправились изъ Ялты только около половины второго часа. На морѣ все еще лежалъ туманъ настолько сильный, что только на близкомъ разстояніи можно было разузнавать предметы. Опасность для насъ была столкнуться въ туманѣ съ другимъ судномъ, и потому мы шли очень медленно, пароходъ при томъ постоянно давалъ свистки изъ сирены. Разъ совершенно близко мимо насъ прошло парусное судно—оно вдругъ появилось изъ тумана передъ нами и также быстро опять исчезло въ туманѣ—это было какъ какое-то привидѣніе.

Это единственный разъ, что мнѣ пришлось быть на морѣ въ

такой туманъ; подобный переѣздъ имѣетъ своего рода интересъ, потому что пассажиры все время находятся въ какомъ-то возбужденномъ состояніи. Капитанъ не сходилъ съ мостика, а когда мы увидѣли наконецъ Севастопольскіе форты, то видно было, какъ онъ вздохнулъ съ особеннымъ чувствомъ удовлетворенія—въ чертахъ его лица можно было прочесть, что опасность миновала, и мы достигли цѣли.

По возвращеніи въ Петербургъ я узналъ о смерти англійскаго посла въ Петербургѣ, Морьера. Я его хорошо зналъ и часто съ нимъ бесѣдовалъ о дѣлахъ. Замѣчательно, какъ онъ смотрѣлъ на дипломатическія отношенія. Онъ говорилъ мнѣ, что онъ не придаетъ никакого серьезнаго значенія дипломатическимъ соглашеніямъ; единственно, что по его словамъ дѣйствительно реально связываетъ двѣ страны—это общность экономическихъ интересовъ. Замѣчательное сужденіе въ глазахъ посла. Онъ былъ другомъ Россіи и прилагалъ всѣ старанія къ установленію добрыхъ отношеній между Россіей и Англіей—поэтому я искренне сожалѣлъ о его кончинѣ.

1894.

Въ началѣ этого года Государь видѣлся за границей съ Бисмаркомъ и имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ, который окончился примиреніемъ между ними. Направленный противъ Россіи австро-прусскій договоръ и послѣдовавшее затѣмъ гоненіе на наши бумаги, возбужденное Бисмаркомъ на берлинской биржѣ—вызвало сильное негодованіе Государя противъ него. Бисмаркъ, повидимому, совершенно откровенно изложилъ Государю свою политику. Въ видахъ огражденія интересовъ своего отечества и устраненія опасныхъ компликацій, которыя могли произойти между двумя государствами, какъ послѣдствія самолюбивыхъ дѣйствій князя Горчакова и похода русской журналистики противъ Пруссіи вслѣдъ за заключеніемъ Берлинскаго трактата—онъ былъ принужденъ прибѣгнуть къ вышеуказаннымъ мѣрамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался убѣдить Государя въ своемъ неизмѣнномъ дружественномъ расположеніи къ Россіи, несмотря на всѣ временныя политическія несогласія. Государь, повидимому, призналъ справедливость и искренность его словъ. Когда Бисмаркъ сталъ затѣмъ развивать дальнѣйшіе виды на свою будущую политику, Государь спросилъ его—увѣренъ ли онъ въ томъ, что онъ еще долго останется у кормила правленія, и убѣжденъ ли онъ въ твердости своего положенія. Удивленный этимъ вопросомъ, Бисмаркъ, повидимому, никакихъ сомнѣній по этому поводу не

заявилъ—а не прошло и года, какъ онъ былъ внезапно уволенъ самымъ рѣзкимъ образомъ.

Было ли въ словахъ Государя случайное предчувствіе, или имѣлись уже тогда при берлинскомъ дворѣ нѣкоторые признаки, которые давали ему поводъ предполагать, что положеніе Бисмарка поколеблено, признаки, о которыхъ самъ Бисмаркъ не имѣлъ тогда еще никакого понятія—сказать трудно, но вѣроятнѣе послѣднее предположеніе.

Въ концѣ января скончался сенаторъ Ѳ. М. Дмитріевъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ остроумныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умныхъ людей, которыхъ я зналъ. Онъ былъ очень близокъ къ покойной Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которая вообще имѣла способность группировать около себя выдающихся личностей, а послѣ ея смерти онъ оставался въ такихъ же отношеніяхъ къ Михайловскому дворцу.

Три мѣсяца послѣ него скончалась владѣтельница Михайловскаго Дворца Вел. Кн. Екатерина Михаиловна. Я ее помнилъ еще молодою женщиною; затѣмъ послѣ смерти ея матери, я долгое время находился съ ней въ постоянныхъ сношеніяхъ по Клиническому Институту, о которомъ была рѣчь выше; въ послѣдній разъ я ее видѣлъ въ мартѣ, когда я обѣдалъ у нея. На другой день послѣ ея кончины, 2-го мая, я отправился въ Михайловскій Дворецъ, чтобы проститься съ останками усопшей; я пріѣхалъ случайно во дворецъ ровно во время положенія ея во гробъ. Я зашелъ въ ея спальню, она лежала еще на кровати, на которой скончалась. Выраженіе лица ея было спокойное и привѣтливо-доброе, какимъ оно было всегда при ея жизни. Я присутствовалъ при положеніи ея во гробъ, и несъ его вмѣстѣ съ ея сыновьями и нѣсколькими приближенными лицами, при перемѣщеніи его изъ ея спальной въ зало, гдѣ онъ былъ установленъ на приготовленномъ катафалкѣ.

Нѣсколько времени спустя, при открытіи ея духовнаго завѣщанія оказалось, какъ я уже выше разсказывалъ, что въ числѣ другихъ лицъ она упомянула и обо мнѣ, оставивъ мнѣ на память картину Бакгуйзена. Повторяю, что мнѣ было очень отрадно, что покойная, передъ смертью, вспомнила обо мнѣ и о долговременныхъ нашихъ сношеніяхъ.

Лѣтомъ во время нашего пребыванія въ деревнѣ, туда прибыли два молодые офицера военной академіи, Коцебу—сынъ нашего посланника въ Штутгартѣ и Усовъ, сынъ моего бывшаго профессора сельскаго хозяйства въ Университетѣ. Послѣ экзамена въ академіи они были командированы для производства опытныхъ съемокъ. Они поселились въ деревнѣ у крестьянъ и собирались

сдѣлать намъ визитъ. Они еще не успѣли побывать у насъ, когда, кажется на слѣдующій день мнѣ пришли сказать, что Коцебу сломалъ себѣ ногу и въ такомъ положеніи лежитъ въ избѣ у крестьянина, въ которой онъ поселился. Оказалось, что онъ поѣхалъ на крестьянской одноколкѣ въ поле, лошадь понесла, и онъ какъ-то ногою попалъ въ колесо, такъ что переломъ представлялся очень серьезнымъ. Я немедленно отправился навѣстить его и принять необходимыя мѣры для оказанія ему медицинской помощи. У больного я засталъ его товарища Усова, и мы рѣшили немедленно послать въ Псковъ за докторомъ — а фельдшера послать въ аптеку за хлороформомъ. Прежде всего нужно было освободить переломанную ногу отъ сапога, и мы съ Усовымъ принялись разрѣзывать сапогъ, что было не совсѣмъ легко, такъ какъ сломанная кость торчала изъ подъ мускуловъ. Наконецъ эта предварительная операція окончилась, и больному стало отъ того нѣсколько легче. Часа черезъ два пріѣхалъ и докторъ; онъ констатировалъ переломъ кости и рѣшилъ приступить къ перевязкѣ, только что привезутъ хлороформъ, — потому что приходилось при этомъ вытягивать ногу, чтобы свести оконечности кости, что составляетъ довольно болѣзненную процедуру. Но вотъ мы ждемъ часъ, другой, а нашъ фельдшеръ все еще не пріѣзжаетъ, наконецъ мы рѣшились послать ему на встрѣчу человѣка. Оказалось, что, побывавъ въ аптекѣ, фельдшеръ затѣмъ напился на станціи и, не доѣзжая до деревни, на полѣ расположился отдыхать, гдѣ его и нашелъ нашъ посланный. Наконецъ хлороформъ былъ доставленъ, и забинтованіе ноги состоялось благополучно. На другой день больного отправили съ большою осторожностью на станцію, для перевозки его въ Петербургъ, въ пути его засталъ ассистентъ доктора Вельяминова, посланный изъ Петербурга, по распоряженію родителей Коцебу.

Усовъ же остался у насъ въ Захоньѣ продолжать свою работу. При этомъ случился такой курьезъ — снявъ правильно на планъ одно мѣсто, на другой день оказалась какая-то погрѣшность въ планѣ, онъ уже сталъ передѣлывать его, когда случайно выяснилось, что крестьяне, работая въ полѣ, переставили поставленную имъ вѣху, и потому съемка показывалась неправильной, пришлось возвращаться къ прежней работѣ. Такъ какъ за это время Усовъ съ нами очень сошелся, то во всемъ этомъ мы принимали живое участіе и помогали даже ему при возстановленіи плана. Онъ пробылъ у насъ въ деревнѣ нѣсколько недѣль и за это время сдѣлался нашимъ близкимъ знакомымъ; онъ продолжаетъ посѣщать насъ въ Петербургѣ, каждый разъ когда онъ тамъ бываетъ проѣздомъ.

Теперь перехожу къ Ялтѣ и пріѣзду туда Государя. Але-

ксандръ III пріѣхалъ въ Ялту на пароходѣ 21-го сентября, чтобы оттуда ѣхать въ Ливадію. Все Ялтинское общество собралось на пристани встрѣчать Государя, пошелъ и я. Проходя мимо меня, Государь любезно со мною поздоровался и подалъ мнѣ руку—это былъ послѣдній разъ, что я съ нимъ встрѣчался. Затѣмъ я его еще два раза видѣлъ проѣзжавшимъ въ коляскѣ мимо нашего дома.

Болѣзнь Государя все усиливалась, каждый день всѣ съ нетерпѣніемъ и возбужденіемъ ожидали извѣстій изъ Ливадіи о положеніи здоровья больнаго. Къ сожалѣнію, почти постоянно свѣдѣнія были неблагопріятны. Иногда казалось какъ будто является нѣкоторое улучшеніе, но это обыкновенно продолжалось недолго и опять наступали неблагопріятныя извѣстія.

11-го октября въ Ялту прибыла невѣста Наслѣдника, принцесса Алиса. Набережная была украшена флагами и вензелями вдоль всего пути слѣдованія кортежа. Невѣста ѣхала въ открытой коляскѣ, погруженная въ букеты цвѣтовъ, которыми былъ наполненъ экипажъ и изъ которыхъ она сама выдѣляясь, какъ живой цвѣтокъ. Возлѣ нея сидѣлъ Наслѣдникъ, а передъ коляской скакалъ верхомъ татаринъ (мѣстный старшина) въ богатомъ, шитомъ золотомъ, татарскомъ костюмѣ; этотъ татаринъ обыкновенно сопровождаетъ царскіе выѣзды. Вся набережная была наполнена публикой, которая громкими привѣтами встрѣчала молодую царскую невѣсту.

Когда 15-го октября я оставилъ Ялту, то положеніе Государя было уже очень серьезнымъ, но никакъ нельзя было еще ожидать близкой Его кончины. По прибытіи въ Петербургъ на другой же день я узналъ, что 19-го Государь скончался. Я Его зналъ молодымъ человѣкомъ, давая ему уроки, затѣмъ много лѣтъ спустя. видѣлся съ Нимъ почти еженедѣльно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ на докладахъ, когда я управлялъ министерствомъ финансовъ—и вотъ Его не стало. Я хорошо помнилъ Его открытый и добрый вздлядъ, и мнѣ было отрадно, что удалось еще видѣть Его передъ кончиной и пожать Ему руку.

Такимъ образомъ я пережилъ трехъ Императоровъ. При смерти Николая Павловича я состоялъ еще на службѣ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ; затѣмъ я участвовалъ на коронаціи Александа II-го — а теперь присутствовалъ при кончинѣ Александра III, который 15 годами былъ моложе меня.

Государь скончался, сидя въ креслѣ, обнявъ рукою Императрицу, — нѣсколько времени передъ смертью онъ произнесъ слова: „Я не боюсь умереть“.

Комнату въ Ливадійскомъ дворцѣ, въ которой скончался Государь, я посѣтилъ въ слѣдующемъ году. Мѣсто, на которомъ стояло

зеленое сафьянное кресло, въ которомъ почилъ Государь, отмѣчено крестомъ, помѣщеннымъ въ паркетѣ пола — сама комната отличается простотой и меблирована, сколько помню, простою, свѣтлою, ясневою мебелью.

21-го октября, т. е. ровно мѣсяцъ спустя послѣ прибытія покойнаго Государя въ Ялту, состоялось торжественное засѣданіе въ Сенатѣ по случаю восшествія на престолъ Императора Николая II-го и принесенія ему присяги. Министръ Юстиціи Муравьевъ функціонировалъ въ качествѣ генералъ-прокурора Сената, сидя за особымъ столомъ. При составленіи журнала возникли сужденія, какъ обозначить будущаго наслѣдника престола. Послѣ выясненія этого важнаго вопроса журналъ былъ подписанъ всѣми сенаторами. Послѣ засѣданія служилась панихида въ Исаакіевскомъ Соборѣ. 22-го было повтореніе панихиды въ Сенатской церкви и въ Исаакіевскомъ Соборѣ. Въ тотъ же день совершилось прибытіе тѣла покойнаго Государя въ Петербургъ, и въ этотъ же день происходилъ переходъ принцессы Алисы въ православіе, съ нареченіемъ Ей имени Александры Ѳеодоровны.

1-го ноября состоялось торжественное перенесеніе тѣла покойнаго Государя изъ Зимняго Дворца въ Соборъ въ крѣпости — при этомъ мнѣ пришлось въ кортежѣ нести Грузинскую корону. Шествіе продолжалось нѣсколько часовъ, послѣ прибытія гроба въ Соборъ, тамъ опять была совершена панихида, — а 7-го ноября состоялось погребеніе Государя.

На другой день, 8-го ноября, скончался Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ. Антона Григорьевича всѣ такъ любили и почитали, что его кончина ощущалась какъ національное горе, какъ національная потеря, а кто его лично зналъ, для тѣхъ эта потеря была личнымъ горемъ. 9-го ноября состоялась панихида по немъ въ церкви Михайловскаго Дворца.

Антонъ Григорьевичъ въ послѣднее время много хворалъ, онъ почти ослѣпъ—и несмотря на то, его внезапная смерть явилась для всѣхъ неожиданнымъ печальнымъ событіемъ.

11-го ноября Государь принималъ Сенатъ, при чемъ онъ высказалъ, что всегда желаетъ слышать отъ Сената правду и только правду. 14-го ноября состоялось бракосочетаніе Государя. По случаю этого событія въ обществѣ и народѣ замѣчался большой энтузіазмъ. Къ концу года состоялось увольненіе Кривошеина и назначеніе на его мѣсто князя Хилкова. Мнѣ пріѣхалъ разсказать объ этомъ М. Н. Анненковъ.

1895.

25-го марта скончался И. А. Вишнеградскій. Послѣ перваго припадка своей болѣзни три года тому назадъ, онъ почти совер-

шенно поправился; у него оставалась только нѣкоторая слабость, не было прежней энергіи. За все это время мы съ нимъ часто видѣлись и наши отношенія стали самыя теплыя. Во время его министерства я съ нимъ былъ также въ хорошихъ, но нѣсколько сухихъ отношеніяхъ,—но послѣ его болѣзни и послѣ моего управленія министерствомъ, мои отношенія къ нему стали прямо дружественныя. Его кончина не могла потому не поразить меня, Кромѣ личнаго чувства, прекращеніе существованія человѣка, съ которымъ долгое время были постоянныя сношенія, а съ Вышнеградскимъ я съ 1887 по 1892 годъ видѣлся почти ежедневно, работая вмѣстѣ,—вызываетъ въ душѣ впечатлѣніе, что извѣстный періодъ собственной жизни съ этимъ приходитъ къ концу, что всегда наводитъ на грустныя мысли о скоротечности земного существованія. За нѣсколько дней до смерти Иванъ Алексѣевичъ поѣхалъ навѣстить кого-то изъ своихъ знакомыхъ, тамъ съ нимъ сдѣлался вторичный ударъ, его съ трудомъ свели по лѣстницѣ и усадили въ экипажъ. По пріѣздѣ домой онъ уже почти не былъ въ состояніи подняться по лѣстницѣ—его уложили въ постель и онъ скоро совершенно потерялъ сознаніе, въ такомъ положеніи онъ находился нѣсколько дней и 25-го марта скончался, не приходя въ сознаніе—онъ погребенъ въ одной изъ церквей Александро-Невской Лавры.

Въ іюнѣ, возвращаясь изъ деревни въ городъ на сенатское засѣданіе, я на Царскосельской станціи вышелъ изъ вагона, чтобы купить газету. Открывъ „Новое Время“—первое, что я прочелъ, было извѣстіе о смерти предсѣдателя Комитета Министровъ Н. Х. Бунге. Кромѣ легкаго недомоганія—онъ былъ почти совершенно здоровъ, въ полной силѣ и еще не старый человѣкъ, такъ что никакъ нельзя было ожидать его внезапной кончины. Меня это совершенно неожиданное извѣстіе ужасно поразило. Покойный былъ всегда ко мнѣ очень расположенъ и мнѣ вѣрить не хотѣлось, что я уже никогда не увижу болѣе этого умнаго и добраго человѣка. Въ Петербургѣ я прямо поѣхалъ къ А. Н. Куломзину, который тогда былъ управляющимъ дѣлами Комитета Министровъ, надѣясь узнать отъ него подробности этого печальнаго происшествія. Я засталъ Куломзина глубоко удрученнымъ потерею, какъ онъ выразился, „такого благороднаго начальника и друга, который служилъ ему во всемъ нравственной поддержкой“. Куломзинъ, котораго вызвали по телеграфу, какъ только оказалось, что положеніе Бунге опасно, разсказалъ мнѣ подробности его кончины. Оказывается, что Николай Христіановичъ уже долгое время страдалъ грудью, но повидимому полагалъ, что это недомоганіе никакой опасности не представляетъ,—въ этотъ роковой день у него вдругъ сдѣлался

припадокъ, кажется удушья,—вѣроятно, это было нѣчто вродѣ грудной жабы. Николай Христіановичъ немедленно почувствовалъ, что дѣло идетъ къ концу; онъ приказалъ послать за пасторомъ, при чемъ сказалъ: „я умереть не боюсь“,—пріобщился Св. Тайнъ и затѣмъ спокойно, съ тѣмъ же спокойствіемъ, которое его всегда отличало въ жизни,—мирно почилъ. Съ его смертью Россія потеряла выдающагося и честнаго государственнаго человѣка, такого дѣятеля, которыхъ у насъ немного; это была потеря не только для его друзей и почитателей, но и для Россіи.

Два дня спустя, когда я собирался возвращаться въ деревню, мнѣ доложили, что ко мнѣ заходилъ С. Ю. Витте и велѣлъ сказать, что онъ желаетъ меня видѣть. Я немедленно отправился къ нему, и онъ сообщилъ мнѣ, что онъ уже давно хлопочетъ о назначеніи меня въ Государственный Совѣтъ и что ему теперь обѣщано мое назначеніе къ 1-му января. Чтобы еще болѣе обезпечить это назначеніе, онъ намѣренъ доложить Государю о немедленномъ моемъ назначеніи членомъ Комитета Финансовъ. Въ то время въ этомъ Комитетѣ кромѣ Министровъ участвовали только нѣкоторые члены Государственнаго Совѣта и Товарищъ Министра Финансовъ. Въ этомъ званіи и я состоялъ членомъ Комитета Финансовъ, но съ оставленіемъ звания Товарища Министра пересталъ быть и членомъ Комитета Финансовъ. Назначеніе меня вновь членомъ этого Комитета должно было поэтому влечь за собою мое назначеніе въ члены Государственнаго Совѣта.

Я поблагодарилъ Витте за его сообщеніе и прибавилъ при этомъ, что я полагалъ, что онъ не желаетъ моего участія въ финансовыхъ дѣлахъ послѣ того, какъ я высказывалъ ему разныя возраженія на нѣкоторыя стороны его воззрѣній, касательно бумажно-денежнаго обращенія—и что потому мнѣ особенно пріятно слышать отъ него, что именно онъ заботится о моемъ назначеніи въ Государственный Совѣтъ. На это онъ отвѣтилъ мнѣ, что возраженія, вызванныя знаніемъ дѣла и убѣжденіемъ, никогда его не возстановятъ противъ заявляющаго таковыя. Нѣсколько дней спустя въ деревнѣ я получилъ оффиціальное извѣщеніе о моемъ назначеніи въ члены Комитета Финансовъ.

Витте уже тогда былъ занятъ вопросомъ о возстановленіи металлическаго денежнаго обращенія. Зная, что въ общемъ я раздѣляю эту мысль, хотя въ частностяхъ и могу съ нимъ расходиться,—онъ могъ быть увѣренъ, что съ моей стороны онъ встрѣтитъ поддержку въ проведеніи задуманнаго имъ важнаго дѣла,—и это было вѣроятно однимъ изъ побужденій, заставившихъ его желать моего присутствія въ Комитетѣ Финансовъ и Государственномъ Совѣтѣ.

Послѣ этого разговора съ Сергѣемъ Юльевичемъ я, разумѣется, въ очень хорошемъ расположеніи духа поѣхалъ на желѣзную дорогу. Въ вагонѣ я встрѣтился съ Войневичемъ, который ѣхалъ къ намъ гостить, а на другой день къ намъ пріѣхалъ Лобойковъ. Такимъ образомъ, благодаря, между прочимъ, частому посѣщенію друзей и знакомыхъ изъ Петербурга, пребываніе въ деревнѣ сложилось въ этомъ году очень пріятно. Прогулки, поѣздки верхомъ и въ экипажѣ въ красивыя окрестности Захонья всегда доставляли всѣмъ большое удовольствіе. При этомъ Войневичъ снималъ обыкновенно мѣстные виды. Поѣздки въ экипажѣ предпринимались обыкновенно въ нѣсколько болѣе отдаленную мѣстность, при чемъ обыкновенно брали съ собою самоваръ и разные съѣстные припасы; пріѣхавъ на мѣсто назначенія, тамъ разводили огонь, и все общество располагалось на травѣ пить чай въ веселой бесѣдѣ. Любимою экскурсіею была поѣздка на такъ называемую Низовскую гору. У подошвы этой горы, покрытой лѣсомъ, разстилались красивые зеленые луга, посреди которыхъ извивалась зигзагами рѣчка, серебристой лентой. Не менѣе пріятны были поѣздки на берега сосѣдней рѣки и озера. Кромѣ того любимымъ препровожденіемъ времени была игра въ крокетъ, къ которой мы всѣ очень пристрастились. Я всегда любилъ игру на билліардѣ, а крокетъ это своего рода билліардъ, только на землѣ. Говоря о деревенской жизни, остается еще упомянуть, что не мало удовольствія доставляла намъ жившая у насъ ручная бѣлка. Весело было смотрѣть, какъ выпущенная изъ клѣтки она вбѣгала на самыя верхушки высокихъ березъ, перепрыгивала съ одного дерева на другое и затѣмъ, нагулявшись вдоволь, спокойно возвращалась въ свое жилище.

Осенью мы отправились вмѣсто Крыма за границу. Мнѣ хотѣлось побывать въ Парижѣ, котораго я болѣе 10 лѣтъ не видалъ и показать его моимъ сестрамъ, совершенно его не знавшимъ.

По возвращеніи въ Петербургъ, я нашелъ у себя на столѣ письмо Министра Внутреннихъ Дѣлъ И. Л. Горемыкина, который просилъ моего разрѣшенія перепечатать для членовъ Совѣщанія по крестьянскому дѣлу, устраиваемаго при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, только что появившуюся по этому вопросу въ „Вѣстникѣ Европы“ мою статью. Статья эта была начало моего труда о крестьянскомъ и дворянскомъ землевладѣніи, о которомъ я уже упоминалъ выше, и который впослѣдствіи вышелъ въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ „Государство и Землевладѣніе“. Статья эта обратила на себя нѣкоторое вниманіе и мнѣ съ разныхъ сторонъ о ней говорили. Иванъ Логиновичъ вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ моего участія въ разработкѣ этого важнаго вопроса. Черезъ нѣсколько дней я заѣхалъ къ

нему и въ разговорѣ, который у насъ происходилъ по этому поводу, онъ объяснилъ мнѣ, что это дѣло находится еще въ подготовительномъ фазисѣ, но что онъ считаетъ урегулированіе положенія крестьянъ главною своею задачею. И что же, проходили годы его управленія Министерствомъ, и онъ все не приступалъ активно къ этому важному дѣлу. Года два или три спустя, я въ разговорѣ съ нимъ въ Государственномъ Совѣтѣ коснулся этого вопроса, при этомъ онъ подтвердилъ мнѣ, что всѣ его желанія по-прежнему направлены къ разрѣшенію этого важнаго дѣла, но что онъ до сихъ поръ до того отвлекается текущими дѣлами и полицейскими вопросами министерства, что не можетъ посвятить себя этой важной работѣ, но что онъ немедленно примется за него, какъ только ему удастся нѣсколько освободиться отъ другихъ поглощающихъ пока его вниманіе дѣлъ и вопросовъ.. Но осуществить свою повидимому завѣтную мысль ему такъ и не удалось. Немного времени спустя произошло его столкновеніе съ Витте по поводу проекта введенія земскаго положенія въ Западныхъ губерніяхъ и за тѣмъ его увольненіе отъ поста Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Въ настоящее время (1905) онъ назначенъ предсѣдателемъ Комиссіи по устройству Крестьянскаго Землевладѣнія, замѣнившей собою Комиссію, состоявшую подъ предсѣдательствомъ Витте, и занимавшейся тѣмъ же вопросомъ—удастся ли ему теперь что-либо существенное по этому важному вопросу—покажетъ будущее.

3-го ноября пушечные выстрѣлы оповѣстили о разрѣшеніи отъ бремени Императрицы. Опять ожиданія появленія наслѣдника не осуществились. Нѣсколько времени спустя пришлось ѣхать въ Царское Село для присутствованія при крещеніи новорожденной, нареченной Ольгой.

Во второй половинѣ декабря ко мнѣ зашелъ С. Ю. Витте, чтобы сообщить мнѣ, что мое назначеніе членомъ Государственнаго Совѣта къ 1-му января уже состоялось, затѣмъ я съ разныхъ сторонъ сталъ уже получать поздравительныя записки, а 31-го, по возвращеніи съ всенощной изъ Казанскаго Собора, я получилъ оффиціальное извѣщеніе о моемъ назначеніи.

1896.

Въ началѣ января скончался Страховъ, симпатичный авторъ интересныхъ статей изъ области религіи и философіи. По выходѣ изъ университета я долгое время не принималъ участія въ годовыхъ университетскихъ обѣдахъ, которые устраиваются обыкновенно 8-го февраля, день учрежденія Петербургскаго университета. Но въ этомъ

году, по иниціативѣ С. А. Мордвинова и графа К. И. Палена, у насъ состоялся такой обѣдъ, при участіи В. Н. Вешнякова, А. А. Нарышквна, В. Н. Маркуса, и нѣкоторыхъ другихъ бывшихъ студентовъ нашего выпуска; послѣ обѣда мы, разумѣется, пили брудершафтъ и пѣли студенческія пѣсни. Съ Паленомъ я былъ давно знакомъ, но около этого времени я съ нимъ какъ-то особенно сблизился и познакомился съ его семействомъ. Графъ Паленъ замѣчательно симпатичный человѣкъ. Истинный аристократъ, онъ держалъ себя чрезвычайно просто,—вмѣстѣ съ тѣмъ благородство и прямота характера и сила убѣжденія высказываются у него во всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ ему приходится принимать участіе. Къ сожалѣнію, послѣ оставленія поста Министра Юстиціи онъ долгое время не принималъ почти никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ, живя постоянно въ деревнѣ. Только въ послѣднее время онъ сталъ опять посѣщать засѣданія Государственнаго Совѣта и участвовать въ его сужденіяхъ.

Весною этого года начались сужденія въ Государственномъ Совѣтѣ по вопросу о возстановленіи у насъ металлической денежной единицы.

По этому важному вопросу взгляды членовъ Государственнаго Совѣта распадались на два діаметрально противоположныя мнѣнія. Значительная часть членовъ держалась того мнѣнія, что такъ какъ на кредитныхъ билетахъ находится подпись—что Государство обязуется по предъявленію выдавать за нихъ соотвѣтствующую сумму серебряной или золотой монетой, то это обязательство, при открытіи размѣна, должно быть исполнено въ точности—несмотря на пріостановку самаго размѣна въ продолженіе многихъ лѣтъ. По мнѣнію этихъ членовъ носителю кредитнаго билета, при открытіи размѣна, должно быть предоставлено право получать за каждый кредитный рубль золотой рубль; такъ какъ въ противномъ случаѣ это было бы неисполненіе принятаго на себя Правительствомъ формальнаго обязательства, и равнялось бы частичному банкротству Государства.

Другіе члены, напротивъ того, полагали, что размѣнъ долженъ быть установленъ на нормѣ дѣйствительно существовавшаго въ то время отношенія между цѣнностью кредитныхъ билетовъ и золота, т. е. въ пропорціи 100 : 150, путемъ соотвѣтственнаго возвышенія стоимости существующей золотой монеты, и затѣмъ чеканки новой золотой монеты, съ соотвѣтственнымъ уменьшеніемъ содержанія въ ней золотого металла. Послѣднее мнѣніе раздѣлялъ и я.

Какъ было выше указано, вся политика Министерства Финансовъ за послѣднее время была направлена къ тому, чтобы устранить вредное колебаніе въ курсѣ металлической монеты и, дѣйствительно, благодаря принятымъ мѣрамъ, отношеніе золота къ бумагѣ держалось постоянно, съ незначительными колебаніями, въ пропорціи 100 : 150.

Наши доктринеры, сторонники отвлеченнаго правового воззрѣнія на вопросъ, совершенно упускали изъ вида практическую его постановку. Деньги служатъ не только средствомъ обмѣна предметовъ, но и мѣриломъ цѣнностей. За многія лѣта этимъ мѣриломъ служила у насъ единица бумажнаго рубля. Возвышеніе ея на 50%, даже если бы это оказалось осуществимымъ, произвело бы пертурбацію во всѣхъ экономическихъ отношеніяхъ, пертурбацію, которая привела бы къ ужасному кризису и почти всеобщему раззоренію. Достаточно обратить вниманіе на всѣ долгосрочные займы и особенно на займы землевладѣльцевъ въ земельныхъ банкахъ. Землевладѣльцы занимали кредитные рубли и вдругъ всѣ ихъ платежи увеличились бы на 50%. Это повлекло бы за собою окончательное раззореніе всего нашего дворянскаго землевладѣнія. Нельзя не припомнить вопли заемщиковъ, такъ называемаго золотого банка, когда курсы стали падать, а между тѣмъ они получали ссуду по курсу золота и потому должны были знать, какія она принимала на себя обязательства; а дѣло дошло до того, что пришлось регулировать ихъ отношенія къ банку при помощи пособія изъ Государственнаго Казначейства. Всѣ же послѣдующіе ипотечные займы были заключены на кредитную валюту. Пострадали бы однако не только долгосрочные должники, но переоцѣнка всѣхъ цѣнностей отозвалась бы крайне вредно на всѣхъ оборотахъ и внесла бы разстройство въ торговлю, промышленность и вообще во всѣ экономическія отношенія. Рѣшиться на такое мѣропріятіе было бы очевидно политическимъ безумiемъ, ставить же вопросъ такъ, какъ его ставили наши доктринеры, что если нельзя возстановить полной цѣнности рубля, то лучше ничего не дѣлать, совершенно не открывать размѣна—значило бы изъ-за чисто отвлеченныхъ правовыхъ соображеній отказываться отъ консолидаціи нашего денежнаго обращенія, т. е. отъ мѣропріятія, которое должно было всѣмъ принести пользу и отъ котораго никто не могъ пострадать, потому что очевидно никто изъ контрагентовъ не разсчитывалъ у насъ на возстановленіе прежней стоимости рубля, какою она была полстолѣтія тому назадъ.

Но и въ чисто правовомъ отношеніи теорію нашихъ доктринеровъ едва ли можно было признать правильною. Наша монетная система по закону была основана на серебрѣ. Единицею цѣнности считался серебряный рубль. Между тѣмъ серебро за это время настолько понизилось въ цѣнѣ, что почти совершенно сравнялось со стоимостью нашихъ кредитныхъ билетовъ. А потому безъ всякаго нарушенія законныхъ обязательствъ, принятыхъ на себя государствомъ, размѣнъ могъ быть открытъ на серебро, рубль за

рубль. Если уже говорить о девальваціи, то надо было признать совершенно естественную и самостоятельную девальвацію серебра; поэтому и съ правовой точки зрѣнія нельзя было говорить о девальваціи нашей бумажной валюты, потому что она сохраняла полную свою цѣнность относительно своего закочнаго металлическаго основанія, серебра. Что же касается до золота, то оно всегда считалось у насъ дополнительнымъ металломъ и съ самаго начала подвергалось уже измѣненію по отношенію къ законному основному металлу, серебру. Когда въ самомъ началѣ оказалось, что дѣйствительная стоимость золота нѣсколько превышала закономъ установленную,— то стоимость золотой монеты, полуимперіала, была увеличена на 15 коп.; разъ такое измѣненіе было допущено, то бо́льшая или меньшая цифра повышенія первоначальной законной стоимости золота, съ абсолютной точки зрѣнія права, уже не составляла существеннаго различія 5 р. 15 к. и 7 р. 50 к. разница только въ размѣрѣ измѣненія, но не въ основномъ началѣ. Вотъ почему и съ чисто правовой точки зрѣнія нельзя было возражать противъ установленія золотой монеты сообразно съ дѣйствительною стоимостью золота въ данный моментъ; это была уже не девальвація, а фиксація существовавшаго много лѣтъ курса.

Противники введенія металлическаго обращенія возражали кромѣ того, что, при нашемъ невыгодномъ международномъ, балансѣ, трудно будетъ сохранить размѣнъ, безъ постояннаго подкрѣпленія нашего металлическаго фонда займами.

Это возраженіе имѣло свое основаніе. Нашъ торговый балансъ стоялъ постоянно въ нашу пользу, но въ виду значительныхъ платежей по заграничнымъ займамъ и другимъ расходамъ правительства, нашъ общій международный балансъ требовалъ постоянно нѣкоторой приплаты. Но нельзя не принять въ соображеніе, что и при бумажномъ обращеніи, приходилось отъ времени до времени поправлять нашъ курсъ займами, потому что нельзя же было допускать безграничнаго паденія вексельнаго курса. Такъ что по существу въ этомъ отношеніи ничего не должно было измѣниться со введеніемъ у насъ золотой монетной единицы, а между тѣмъ непоколебимость денежнаго обращенія на золотомъ основаніи, кромѣ пользы для внутреннихъ оборотовъ, не могла не послужить еще и къ укрѣпленію нашего заграничнаго кредита—какъ это воочію доказали факты послѣдняго времени

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій я произнесъ въ этомъ смыслѣ пространную рѣчь, послѣ которой многіе члены Государственнаго Совѣта поздравляли меня съ достигнутымъ успѣхомъ.

Весенняя сессія клонилась къ концу, а приходилось по этому

вопросу говорить еще о многомъ, а потому не было приступлено къ баллотировкѣ: разрѣшеніе этого важнаго вопроса было отложено до осенней сессіи.

Конецъ года я провелъ какъ обыкновенно—частью въ деревнѣ, частью въ Ялтѣ. Изъ деревни я ѣздилъ въ Псковъ, чтобы посмотрѣть на этотъ городъ, мимо котораго я такъ часто проѣзжалъ, никогда не останавливаясь въ немъ. Замѣчателенъ въ Псковѣ его древній соборъ, стоящій на высокомъ берегу рѣки Великой. Видъ съ этого мѣста на все теченіе Великой чрезвычайно живописенъ. Въ соборѣ хранятся разныя историческія достопримѣчательности, между прочимъ мечъ Гедимина.

Сужденія Государственнаго Совѣта о преобразованіи нашего денежнаго обращенія, пріостановленныя весною, все еще не возобновлялись. Министръ Финансовъ, который придавалъ особенную важность этому вопросу, медлилъ приступомъ къ его дальнѣйшему разсмотрѣнію въ Государственномъ Совѣтѣ, потому что ввиду усиленной оппозиціи со стороны противниковъ этой мѣры, онъ опасался, что проектъ можетъ окончательно провалиться. Вотъ почему къ концу года онъ рѣшился предложить на разсмотрѣніе нѣкоторыхъ членовъ Государственнаго Совѣта вопросъ—не слѣдуетъ ли начать съ установленія фиксаціи курса золотой монеты. Высочайшимъ повелѣніемъ, мимо Госуд. Совѣта. Меня объ этомъ предупредилъ М. С. Кахановъ; для обсужденія этого вопроса было назначено частное засѣданіе у В. М. Маркуса, въ которомъ принимали участіе кромѣ хозяина дома и меня, Витте, Кахановъ и Половцевъ. Что касается до меня, то я сомнѣвался въ цѣлесообразности подобнаго поступка, полагая, что можно будетъ достигнуть большинства въ Госуд. Совѣтѣ,—и хотѣлъ говорить въ этомъ смыслѣ. Я нѣсколько опоздалъ и пріѣхалъ на совѣщаніе позже другихъ. Полагая, что у насъ будутъ происходить сужденія по существу вопроса, я былъ очень удивленъ, что мнѣ прямо предъявили на мое разсмотрѣніе проектъ редакціи Всеподданнѣйшаго доклада—повидимому у всѣхъ остальныхъ членовъ никакого сомнѣнія не возникало относительно цѣлесообразности такого образа дѣйствія. При такомъ положеніи дѣла, я (къ сожалѣнію) уже не рѣшился возбуждать моихъ сомнѣній по существу вопроса и ограничился нѣкоторыми замѣчаніями по редакціи доклада. Нѣсколько дней спустя по этому вопросу состоялось совѣщаніе у Д. М. Сольскаго, которому былъ сообщенъ нашъ проектъ, и послѣ обсужденія его было рѣшено испросить у Государя соизволеніе на представленіе этого вопроса на разрѣшеніе Комитета Финансовъ, назначивъ его засѣданіе подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя. Вмѣстѣ съ тѣмъ для установленія нѣко-

торой связи по этому дѣлу съ Государственнымъ Совѣтомъ было признано необходимымъ пригласить къ участію въ этомъ засѣданіи Предсѣдателя Госуд. Совѣта Вел. Кн. Михаила Николаевича и Государственнаго Секретаря В. К. фонъ-Плеве. При этомъ руководились такою мыслью, что если Предсѣдатель Совѣта и Госуд. Секретарь, какъ естественные представители Государств. Совѣта, не будутъ возражать противъ предположеннаго направленія дѣла, то этимъ какъ бы устранялось всякое сомнѣніе.

1897.

Государь утвердилъ доложенное ему предположеніе, и засѣданіе Комитета Финансовъ, подъ предсѣдательствомъ Государя, въ такомъ составѣ, состоялось въ Царскомъ Селѣ 2-го января 1897 года.

Послѣ продолжительныхъ сужденій въ этомъ засѣданіи была рѣшена фиксація курса золота въ отношеніи 150 къ 100, т. е. полуимперіалъ былъ фиксированъ въ 7 р. 50 к., а имперіалъ въ 15 руб.

Этимъ рѣшалась сущность вопроса, но ея подробности слѣдовало облечь въ форму закона. По этому поводу опять было назначено совѣщаніе у Д. М. Сольскаго; нѣкоторые полагали, что такъ какъ главный вопросъ разрѣшенъ уже окончательно, то и подробностей нечего вносить на утвержденіе Государственнаго Совѣта; я былъ противнаго мнѣнія и окончательно совѣщаніе согласилось со мною. Министромъ Финансовъ былъ составленъ проектъ подробнаго монетнаго закона и внесенъ на разсмотрѣніе Госуд. Совѣта. Въ средѣ Государственнаго Совѣта мы подверглись ожесточеннымъ нападкамъ со стороны оппозиціонныхъ членовъ—которые отнеслись совершенно безучастно къ разсмотрѣнію новаго закона, который и прошелъ въ одно засѣданіе. Какъ бы то ни было, но съ этого момента у насъ твердо установилось металлическое обращеніе на золотой единицѣ,—выдержавшее даже искусъ японской войны, которая не могла поколебать нашего денежнаго обращенія.

Нѣкоторые члены Государственнаго Совѣта впрочемъ замѣчали, что такъ какъ до сихъ поръ періодическая фиксація курса золота была предоставлена Министру Финансовъ и не входила въ компетенцію Государственнаго Совѣта, то и окончательная фиксація курса золотой монеты Высочайшимъ повелѣніемъ не представляетъ какого-либо нарушенія правъ и преимуществъ Госуд. Совѣта. Мало-по-малу возбужденіе улеглось.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. [1].

Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину.

15.

13 (25) іюля 1824 г. Шаево.

Если бъ Вы, живучи въ Парижѣ, отвѣчали на Кологривское письмо двумя недѣлями позже, это бы всякому показалось возможно, вѣроятно, въ порядкѣ; но чтобы я здѣсь пропустилъ столько времени за недосугомъ, это всякаго должно удивить. Вдругъ скопились хлопоты и занятія: въ день именинъ моихъ, 29-го іюня, было въ моемъ же приходѣ свѣщенье новой церкви, домъ мой захлебнулся гостями, всѣ они прожили у меня дни четыре; потомъ долженъ я былъ провожать отъ себя къ отцу его, на другой берегъ рѣки Унжи, одного больного офицера, который у меня нѣсколько мѣсяцевъ лежалъ и лѣчился; потомъ ѣздилъ за семьдесятъ пять верстъ — къ нашему предводителю Опухтину [2], очень хорошему человѣку, который у меня преждѣ самъ три раза былъ, — и на дняхъ только я возвратился. Вотъ вамъ подробный отчетъ о всѣхъ препятствіяхъ, замедлившихъ мое письмо: теперь обратимся къ вашему: благодарю васъ за новости литературы, не только французкой но и русской, ибо

---

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1911.

[2]) Дмитрій Акимовичъ Апухтинъ род. 1768, ум. 1838, Кологривскій предводитель въ 1824 г.; былъ женатъ на Маріи Павл. Фонвизиной (ум. въ 1842 г.); ихъ дочь Наталья Дмитріевна вышла замужъ за декабриста Мих. Ал. Фонвизина и, овдовѣвъ, вступила вторично въ бракъ съ Ив. Ив. Пущинымъ, тоже декабристомъ.

и та теперь мнѣ мало извѣстна становится. О Гречевой грамматикѣ [1]) я отъ Васъ узналъ; послѣдніе томы Карамзина [2]) давно должны быть для меня куплены, но мой комиссіонеръ А. А. Жандръ такъ иногда неисправенъ что страхъ: вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ ничего не пишетъ и ничего не шлетъ, впрочемъ, не онъ одинъ. Чебышовъ и Грибоѣдовъ оба въ Петербургѣ, и это я тоже знаю стороною, черезъ Колосову и Каратыгина. Полярную Звѣзду и Бахчисарайскій Фонтанъ я читалъ; Звѣзда дрянная компилація, а Фонтанъ что такое и сказать не умѣю; смыслу вовсе нѣтъ. Въ началѣ Гирей куритъ и сердится, потомъ всталъ и пошелъ куда-то, вѣроятно на дворъ, ибо—послѣ объ этомъ ни слова, а начинается описаніе внутренности гарема, гдѣ по мнѣнію Пушкина запертыя невольницы, пылкія грузинки и пр. сидятъ, *безпечно* ожидая хана!!! что за Марія? что за Зарема? Какъ онѣ умираютъ? Никто ничего не знаетъ, однимъ словомъ это romantique. Стихи, или лучше сказать, стишки, сладенькіе, водяные, разъ читаются, а два никакъ. А что вы скажете о дипломатическихъ дѣйствіяхъ Арзамаса? о предисловіи и разговорѣ Вяземскаго [3])? о рецензіяхъ въ Сынѣ Отечества? о собственномъ какомъ-то отзывѣ Пушкина что онъ съ Вяземскимъ за одно [4])? они безъ всякой совѣсти хотятъ силой оружія завладѣть Парнасомъ: это уже не война Гигантовъ, а война Пигмеевъ. Пигмей Гречь писалъ на дняхъ ко мнѣ сюда письмо съ разными комплиментами, и вотъ о чемъ: Пигмей Булгаринъ хочетъ издать какой-то драматическій Альманахъ [5]), и Христа ради выспрашиваетъ у всѣхъ милостыни; нѣтъ ли у меня чего непечатаннаго, а де отмѣнно бы одолжили, кабы что изъ Андромахи [6]) по-

---

[1]) Катенинъ имѣетъ въ виду, вѣроятно, Гречевы „Корректурные листы русской грамматики“ тетр. I. (С.-Пб. 1823 г.), ибо „Пространная русская грамматика“ ч. I и „Практическая русская грамматика“ вышли въ свѣтъ только въ 1827 г.

[2]) X и XI т.т. „Исторіи Государства Россійскаго“ напечат. въ 1824 г.

[3]) Приложенная къ изд. 1824 г. статья кн. П. А. Вяземскаго: „Вмѣсто предисловія. Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или Васильевскаго Острова“.

[4]) С. О. 1824 г. ч. 93-ая № 18, 181—182. (Письмо Пушкина къ издателю „Сына Отечества“).

[5]) „Русская Талія, подарокъ любителямъ и любительницамъ отечественнаго театра“ на 1825 г. изд. Ѳаддея Булгарина.

[6]) Трагедія Катенина „Андромаха“, вышедшая въ свѣтъ въ 1827 г., какъ видно изъ посвященія ея П. П. Скуратову, была начата еще въ 1809 г. „Передъ выступленіемъ въ походъ въ мартѣ 1813 г., два дѣйствія и болѣе половины 3-го были готовы“. Въ половинѣ 1818 г. она была окончена. 3-ье дѣйствіе „Андромахи“ было напеч. въ „Русской Таліи“ на 1825 г.

жаловали. Я на это отвѣчалъ что мнѣ словесность и театръ столько надѣлали неудовольствія что я отъ нихъ отсталъ и желалъ бы забыть, что въ глуши живучи не знаю ничего что у нихъ дѣлается,— и буде имъ очень хочется моихъ стиховъ, такъ просили бы Жандра, кому отъ меня дана воля, я же остаюсь покорный слуга [1]). Кажется, довольно сухо. Къ Жандру же я писалъ что если Гречь и Булгаринъ станутъ просить, онъ можетъ узнать во первыхъ въ какое общество попадется моя вдовица [2]), а во вторыхъ сказать имъ чтобы они выханжившъ сами вѣщь для своей пользы, уже не смѣли бы въ угожденіе другимъ или себѣ ее ругать. Желаю очень знать, одобряете ли Вы въ этомъ случаѣ мою политику. Я не совершенно отказалъ, думая что можетъ быть и полезно безъ намѣренія о себѣ напоминать, а то у насъ пожалуй забудутъ. Какая разница во Франціи! тамъ двѣ стороны, одна держитъ въ страхѣ другую, и даже (какъ я увидѣлъ изъ письма Толстова къ Бестужеву въ С. О.) [3]) журналистъ обязанъ закономъ печатать отвѣтъ всякаго автора критикованнаго въ его журналѣ, хотя бы отвѣтъ былъ вдвое длиннѣе, а если журналистъ спрячетъ, то его въ судъ и деньги съ него берутъ для богоугодныхъ заведеній; у насъ же, Боже мой! да какой законъ писанъ Гречу либо Каченовскому? они деспоты, и даже на оберткѣ объявляютъ, что никому, никогда, никакимъ отчетомъ не обязаны. Актрисы наши то же что журналисты, и я полагаю что Я. Толстой изъ почтенія къ Семеновой не смѣлъ написать о томъ какъ проучили Жоржъ [4]). Вообразите, что Семенова теперь всякой разъ освѣдомляется обо мнѣ, о моемъ здоровьи и пр., что она въ бенефисъ брала Аріадну и хотѣла еще взять Нечаянный Закладъ [5]), но дирекція запретила Колосовой играть ибо ея контрактъ находился въ спорѣ. Новаго на театрѣ Петербургскомъ мало: Antonin [6]) опять принятъ и вскорѣ появится, изъ Бахчисарайскаго Фонтана

---

[1]) Это письмо было обнародовано Н. К. Пиксановымъ („Русск. Стар.“ 1905 г. № 4: Изъ Архива Ѳ. Булгарина, стр. 209—210).

[2]) Т. е. „Андромаха“.

[3]) С. О. 1824 г. ч. 94-ая № 24 стр. 145—167. „Второе письмо изъ Парижа къ А. А. Бестужеву“ (Якова Толстаго). Первое письмо въ С. О. 1823 г. ч. 90-ая № 52, стр. 243—259.

[4]) См. Письмо Катенина къ А. М. Колосовой отъ 12 іюля 1824 г. („Рус. Стар.“ 1893, апр. стр. 188—189).

[5]) Комедія Седена „La Gageure Imprévue“ перев. Катенинымъ и предст. 22-го сент. 1819 г.

[6]) Артистъ балетной труппы.

сдѣлалъ что-то Шаховской [1]), и свой бенефисъ даритъ Дюровой [2]); Каратыгинъ въ бенефисъ матери пускаетъ своего Добраго Малаго въ стихахъ, имъ много поправленныхъ, какъ онъ пишетъ. О переводахъ Варвары Семеновны я уже вамъ писалъ и объ успѣхѣ ея *Завѣщанія* (le Legs); послѣ того она еще сдѣлала les fausses Confidences, но врядъ ли онѣ еще игрались за нерѣшеньемъ пріема Колосовой, а рѣшенъ онъ недавно: въ первый годъ получитъ она шесть, а въ остальные два по осьми тысячъ, кромѣ бенефиса на казенныхъ расходахъ въ Генварѣ, поѣздки въ Москву и отдохновенія въ Іюлѣ. Удивляюсь что Вы не получили еще моихъ переводовъ изъ Державина, но какъ же Вы намѣрены писать для французкаго журнала? прямо ли по французки, или кто другой (разумѣется подъ вашимъ надзоромъ) будетъ переводить? мудрено ли что M. Julien [3]) не зналъ Василія Полторацкаго [4])? я самъ впервые слышу его имя, quel est cet Orbassan [5])? Купите для меня новыя Лавиневы произведенія, его послѣднія Messeniennes, о которыхъ Вы пишите, переписку съ Ламартиномъ и комедію l'ecole des vieillards. Отгадалъ ли я на счетъ двухъ Jeanne Shore [6]) или нѣтъ? мнѣ кажется, одна должно быть либеральная, а другая въ смыслѣ légitimité: безъ того, кажется, нѣтъ причины двумъ авторамъ вдругъ обробатывать одно содержаніе, и то весьма мало извѣстное. Пожалѣйте обо мнѣ, любезнѣйшій Николай Ивановичь; житіе мое становится яко тьма кромешная; въ концѣ нынѣшняго мѣсяца, отправляюсь я за двѣсти верстъ, въ Чухломскій уѣздъ, въ новокупленную мою усадьбу; тамъ надо хлопотать и устраивать; оттолѣ въ августѣ ѣду въ Кострому брать винную поставку и опять хлопотать въ казенной палатѣ; съ мѣсяцъ отрады будетъ мнѣ въ Ростовѣ у Голи-

---

[1]) „Керимъ-Гирей, Крымскій ханъ“,—романт. трагедія въ 5 д. въ стихахъ съ пѣніемъ, хорами и танцами, кн. Шаховскаго; содержаніе взято изъ поэмы Пушкина; предст. 28-го сент. 1825 г. въ пользу Дюровой и Азаричевой. Керимъ-Гирея игралъ В. А. Каратыгинъ, Маріо—Дюрова, Зарему—Семенова 6.

[2]) Любовь Осиповна Дюръ, актриса, р. въ 1805 г. ум. 1828 г.

[3]) Marc-Antoine Jullien, основатель „Revue Encyclopédique“, р. въ 1775 г. ум. въ 1848 г.

[4]) Не Сергѣй ли Дмитріевичъ Полторацкій, извѣстный библіофилъ и библіографъ (р. въ 1803 г., ум. въ 1884 г.), который съ 1822 г. помѣщалъ въ „Revue Encyclopédique“ статьи о русской литературѣ, за подписью S. P.?

[5]) Трагедія Вольтера „Tancrède“ A. III Sc. 2.

[6]) Одна изъ этихъ трагедій принадлежитъ Louis-Jean-Népomucène Lemercier (1771—1840), другая Pierre Liadières (1792—1858). См. указанное уже выше „Второе письмо къ А. А. Бестужеву“. (Я. Толстого) въ С. О. 1824 г. ч. 94, № 24, стр. 145—167, а также письмо Катенина къ А. М. Колосовоой отъ 12 іюля 1824. („Русск. Стар.“ 1893 г., апр., стр. 188—189.

цыныхъ, но къ новому году принужденъ я возвратиться въ Кострому для полученія купчей крѣпости отъ моего продавца, большаго ябедника и внести ему 26.200 рублей: не бездѣлица. Нынѣче же какъ на зло, годы самые дурные сошлись: урожая въ нашихъ мѣстахъ нѣтъ, а торговли не бывало, горе мыкаемъ да и только. У меня есть еще одна просьба къ вамъ: не сочтите ее за нескромность, а истинно за пріязнь. Вы въ нынѣшнемъ году возвратитесь: нельзя ли вамъ меня посѣтить въ Кологривѣ? я бы охотно пріѣхалъ встрѣтить Васъ въ Петербургѣ, кабы могъ; а право пріѣзжайте сюда, я еще выпишу человѣка другова порядочныхъ людей, и мы можемъ провести время довольно пріятно: Вы намъ станете разказывать, а мы слушать, книгъ у меня много, вина есть и шахматы: какъ Вы объ этомъ думаете? а вѣдь и вамъ любопытно тотчасъ послѣ Парижа увидѣть Кологривъ. Прощайте, милый, будьте здоровы и пишите все туда же, ко мнѣ доставятъ. Весь вашъ

Павелъ Катенинъ.

16.

14-го ноября 1824 г. Ростовъ.

Письмо Ваше изъ Парижа отъ 25-го сентября нов. ст. получилъ я, любезнѣйшій Николай Ивановичь, вчера, то-есть 13-го ноября ст. ст. стало быть оно путешествовало ровно два мѣсяца: довольно скоро, если причесть къ тому, что оно не прямо пріѣхало, а уже изъ Кологрива вернулось въ Ростовъ, гдѣ я проживаю въ гостяхъ у друга моего князя Николая Сергѣевича Голицына уже третій мѣсяцъ: Декабрь обязанъ по дѣламъ провести въ Костромѣ, а послѣ новаго года возвращаюсь во-свояси. Сколько обязанъ я, почтеннѣйшій, благодарить Васъ за всю дружбу вашу, и за дружбу дѣятельную! сколько стоило Вамъ трудовъ и хлопотъ благородное покушеніе сказать правду! нѣтъ сомнѣнія, что гуси Арзамасскіе разкричатся; а между тѣмъ представьте себѣ мое удивленіе: вмѣстѣ съ Вашимъ письмомъ вдругъ получаю я *безденежный* билетъ на журналъ *Мнемозина*, издаваемый въ Москвѣ княземъ Одоевскимъ [1]) и Кюхельбекеромъ [2]). Такая нечаянная и поздная со стороны ихъ учтивость должна имѣть особенную причину, и едва-ли не сыщется она въ 77-й книжкѣ Парижскаго Меркурія: [3]) впрочемъ увидимъ. Гречь и Булгаринъ

[1]) Князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій, р. въ 1803, ум. въ 1869 г.

[2]) Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, р. 1797, ум. 1846 г., лицейскій товарищъ Пушкина.

[3]) Статья Бахтина: „Quelques notes d'un russe, présentement à Paris-sur l'Anthologie russe de M.Dupré de St.-Maure“, была помѣщена въ „Mer,

удивительные люди. Я увѣдомлялъ Васъ о письмѣ перваго ко мнѣ, и о сухомъ, почти грубомъ моемъ отвѣтѣ, гдѣ я даже не упомянулъ о его товарищѣ. Послѣ этаго я полагалъ навѣрно, что они разсердятся, и въ свою очередь на меня плюнутъ; но не тутъ то было: корысть преодолѣла все, и Булгаринъ, выпросивъ у Жандра третіе дѣйствіе Андромахи, явился для полученія его къ Каратыгину, у котораго тоже выпросилъ позволеніе списать съ него портретъ, и все это помѣстить въ первую книжку его Альманаха. Онъ выйдетъ подъ названіемъ: *Русская Талія*, вѣроятно потому, говоритъ шутя Каратыгинъ, что на первой страницѣ появится Шаховской со своей толстой таліей; изъ актеровъ еще Самойловъ [1]) и не знаю, сколько-то женщинъ [2]). Колосова теперь въ Москвѣ [3]), и всѣ (опричь Кокошкина) [4]) отъ нее въ восхищеніи; она играла въ Мизантропѣ, Липецкихъ Водахъ и Завѣщаніи (le Legs de Marivaux, переводъ В. С. Миклашевичевой), а изъ трагедіи Аменаиду [5]) и Есѳирь. Хотя Жандръ меня забросилъ, однако я знаю, что онъ передѣлываетъ вольными стихами Вѣнцеслава Ротру [6]) (Rotrou). Грибоѣдовъ сочинилъ комедію: *Горе отъ ума*; ее очень хвалятъ, но цензура не пропускаетъ. Шаховской продолжаетъ ежедневно умножать репертуаръ; въ пользу Ежовой въ непродолжительномъ времени появится *Финъ* [7]), представленіе почерпнутое изъ Пушкина поэмы Русланъ и Людмила; оно будетъ раздѣлено на три части: 1-я Пастухъ, 2-я Разбойникъ, 3-я Колдунъ. За оною послѣдуетъ *Езопъ* [8]), и Брянскій въ сей разъ прочтетъ цѣликомъ 35 басенъ. Вотъ все, что я знаю о литературѣ русской; теперь перенесемся

---

cure du XIX-e siècle“ 1824 г. t. VI, № 77, p. 505 и сл. съ подписью L. N. Эта статья, съ нѣкоторыми сокращеніями, переведена на русскій языкъ А. Р. и напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“ 1824 г. ч. 138 № 22 стр. 102—113, подъ заглавіемъ „Нѣкоторыя замѣчанія Россіянина, живущаго въ Парижѣ на Антологіи г. Дюпре де Сентъ-Мора“.

[1]) Василій Михайловичъ Самойловъ, р. 1782, ум. 1839 г.

[2]) Къ „Русской Таліи“ на 1825 г. приложены портреты кн. А. А. Шаховскаго, Е. С. Семеновой, В. А. Каратыгина, А. И. Истоминой и Е. А. Телешовой.

[3]) А. М. Колосова отправилась въ Москву 14-го октября 1824 г. и покинула ее 6-го декабря того же года.

[4]) Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ, р. 1773 г., ум. 1838 г., съ 1823 по 1831 г. управлялъ Московскими театрами.

[5]) Въ трагедіи Вольтера „Танкредъ“, перев. Н. И. Гнѣдичемъ.

[6]) Venceslas, трагикомедія Ротру (Jean Rotrou 1609—1650) 1647 г.

[7]) „Финнъ“, комедія кн. А. А. Шаховскаго, представл. въ бенефисъ Ежовой 3-го ноября 1824 г.

[8]) „Притчи или Эзопъ у Ксанѳа“; комедія-водевиль кн. Шаховскаго.

во Францію. Г-нъ Dumoulin [1]), не въ обиду его чести, плохой стихотворецъ, и всѣ его передѣлки никуда не годятся, особенно исказилъ онъ четыре стиха: Tantôt leur démarche est sévère? перестановка словъ въ первомъ стихѣ уже показываетъ, что онъ не имѣетъ чувствительнаго слуха, а третій: leur danse tantôt est légère обращаетъ подозрѣніе въ увѣреніе, и притомъ голуби не пляшутъ; однообразіе же оборота, изъ котораго онъ хлопоталъ, производитъ скуку. Придирки къ буквѣ s въ повелительномъ наклоненіи и къ стеченію двухъ гласныхъ въ Трубадурѣ, достойны Каченовскаго; совсѣмъ тѣмъ очень хорошо, что все это въ свѣтъ вышло. Буде Вы еще познакомитесь съ Лавинемъ, спросите при случаѣ, что онъ думаетъ о русско-французскихъ стихотвореніяхъ, и о поправкахъ почтеннаго Меркурія Dumoulin. Повторяю мою просьбу о покупкѣ всѣхъ сочиненій Лавиня въ лучшемъ видѣ; репертуары же надо покуда оставить: я истощился деньгами и обязанъ теперь за расходами въ оба смотрѣть. На счетъ того, что въ Академіи предпочтительно приняли Парижскаго архіепископа и дурнаго трагика Сумета [2]) мой отвѣтъ вамъ готовъ въ спискѣ членовъ Россійской Академіи: тамъ Поспѣловъ [3]), Воейковъ [4]) и пр. и пр. сами обдумайте и разсудите. Постараюсь достать изъ Москвы *Меркурія*, и когда прочту сообщить Вамъ мое мнѣніе обо всемъ, а теперь могу только благодарить. Похвалы Дмитріеву и Жуковскому въ Revue encyclopédique [5]) пахнутъ Вяземскимъ; но вопреки имъ многіе думаютъ, что ни тотъ, ни другой не выдали по сіе время ничего большаго, и даже ничего собственно своего. Пышный отзывъ о достоинствѣ басенъ, переведенныхъ изъ Лафонтена, обиденъ Крылову, ссылка на переводъ Орлеанской Дѣвы, Ѳома на безлюдье, а сравненіе романтическихъ полу-русскихъ пустячковъ съ Пиндаромъ и Анакреономъ дерзкая нелѣпица. Удивленіе Лавиня, что его стихи читаютъ въ Рос-

---

[1]) Evariste Dumoulin, р. 1776, ум. 1833 г., сотрудникъ Mercure du XIX-e siècle".

[2]) Alexandre Soumet, р. 1788, ум. 1845 г. драматическій писатель, принадлежалъ къ группѣ такъ называемыхъ „sémi-romantiques", лавировавшихъ между романтизмомъ и классицизмомъ, авторъ трагедій „Elisabeth de France" (1823) „Jeanne d'Arc" (1825) и мн. др.

[3]) Ѳедоръ Тимоѳеевичъ Поспѣловъ избранъ въ члены Россійской Академіи 16-го декабря 1811 г., по представленіи переводовъ четырехъ частей „Лѣтописей" Тацита, разговора „объ ораторахъ" и „Жизни Юлія Агриколы".

[4]) А. Ѳ. Воейковъ избранъ въ члены Россійской Академіи 8-го марта 1819 г.

[5]) 1824 г. t. XXIII, p. 383 и сл.

сіи, означаетъ либо скромность, либо странное мнѣніе о нашемъ отечествѣ; они все не отвыкнутъ отъ мысли, что мы Камчадалы. Не смотря на это, я осмѣлюсь даже сообщить Вамъ нѣсколько критическихъ замѣчаній на его комедію: l'ecole des vieillards. Стихи превосходны, но въ планѣ нѣкоторое колыханіе: хорошо ли (въ драматическомъ смыслѣ), что молодая жена къ концу піэсы исправится, молодой придворный разчувствуется, и все кончится къ общему удовольствію? Такъ ли бы кончилъ Мольеръ? не заставилъ ли бы онъ старика мужа дорого заплатить за неосторожную женитьбу на двадцатилѣтней вертушкѣ? не принудилъ ли бы онъ его, послѣ смѣшного и неудачнаго поединка, остаться въ столицѣ; волей иль неволей вступить въ пожалованную ему должность, и наружной веселостью прикрывать сердечное горе? а жена бы и Дюкъ поживала себѣ въ любви и щастьи до перваго неизбѣжнаго охлажденія, или до случая: придворный можетъ попасть въ немилость, красавица подурнѣть и состарѣться. Правда: тогда врядъ ли Тальма и Марсъ взялись за свои роли, я не разъ замѣтилъ, что Г-да большіе таланты охотники не до хорошихъ, а до выгодныхъ ролей. Въ путешествіи вашемъ на прекрасный югъ желаю вамъ много веселія, и почти увѣренъ, что мое желаніе исполнится; но, какъ хотите, любезный Николай Ивановичь, а по возвращеніи въ Россію, Вы должны навѣстить меня въ Шаевѣ, и пробыть тамъ у меня нѣсколько мѣсяцевъ; путевыя издержки отъ части окупятся продолжительнымъ пребываніемъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ денегъ не на что тратить, а скучно вамъ не будетъ; я постараюсь позвать еще кое-кого, выпишу извѣстные Вамъ диваны; мы на нихъ возляжемъ, воскуримъ, побесѣдуемъ, и время пройдетъ непримѣтно. Чебышовъ въ Петербургѣ и со мной переписывается, даже собирается ко мнѣ; но его слова также ненадежны, какъ и планы вашего патрона. Ахъ! я и забылъ вамъ сказать важную для нашего края новость: Государь въ прошедшемъ мѣсяцѣ проѣхалъ черезъ Кологривъ, и былъ ко всѣмъ чрезвычайно милостивъ: жаль, что хлопоты по моей покупкѣ, несносныя и необходимыя, не позволили мнѣ быть дома въ это время, и я Царя не видалъ; а онъ еще изволилъ обо мнѣ спрашивать. Прощайте, мой милый, будьте здоровы, и если Вы меня любите (какъ по всему видно) будьте увѣрены и въ заслуженной дружбѣ и уваженіи всѣмъ сердцемъ преданнаго Вамъ человѣка Павелъ Катенинъ.

Сообщилъ А. Чебышевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Андрей Виніусъ, сотрудникъ Петра Великаго [1]).

(Окончаніе)

IV.

Литературная дѣятельность А. А. Виніуса. Сочиненія духовно-нравственнаго содержанія, научныя и оффиціальныя. Библіотека Виніуса.

Познакомившись съ біографіей Андрея Андреевича Виніуса, приступимъ къ обозрѣнію его научныхъ и литературныхъ трудовъ, дѣловыхъ бумагъ, а затѣмъ переписки его съ Петромъ В., которая лучше всего уясняетъ вопросы, сближавшіе молодого царя со старымъ его сотрудникомъ.

Первое изъ дошедшихъ до насъ сочиненій Виніуса относится къ 1667 г. Оно озаглавлено „Избраніе отъ святыхъ, божественныхъ и царственныхъ книгъ“. Содержаніе этого сочиненія составляютъ: 1) бесѣда отца съ сыномъ, въ которой преподаны разныя моральныя и догматическія наставленія—изложены догматы вѣры по символу апостольскому, даются наставленія о духовномъ приготовленіи къ молитвѣ, о страхѣ Божіемъ; о власти Государя сказано: „Царю и всякой власти достоитъ три вещи въ незабытной памяти имѣти: первое—яко человѣки владѣетъ; второе же—яко власть сія, временна сущи, истлѣваетъ; владѣти же не лютостію, но имъ же быша радостни вси, восхищаемы доброумiемъ и милосердiемъ“; далѣе слѣдуютъ наставленія—о милосердіи, о суетности и опасности земного величія, о благодати и премудрости; всѣ эти наставленія заканчиваются изреченіемъ: „пчела на звонъ летитъ, а мудрый человѣкъ на полезное слово течетъ“; 2) выписки изъ отцовъ церкви; 3) бе-

[1]) См. „Русская Старина“ августъ 1910 г.

сѣда Геннадія, патріарха цареградскаго съ царемъ турскимъ Моратъ-Магметомъ (перев. съ греч.); 4) церковная исторія; 5) разныя отрывочныя статейки; описаніе Іерусалима, гробницы Магомета, сказаніе Ивана Пересвѣтова о царѣ турскомъ Магметѣ, како хотѣвъ сожещи книги греческія, событія изъ русской исторіи со времени взятія Казани [1]).

Вѣроятно, въ томъ же году появился крупный трудъ Виніуса „О столицахъ нарочитыхъ городовъ и славныхъ государствъ, и земель, и острововъ, и проливовъ и знатныхъ мѣстъ сухими и водными путями, колико имутъ разстояніе Россійскаго Государства отъ первопрестольнаго его Царскаго Величества града Москвы [2])". Эта книга состоитъ изъ 2 отдѣловъ и добавленія. Въ первомъ отдѣлѣ указаны разстоянія и пути отъ Москвы до разныхъ русскихъ городовъ, напр. „Астрахань, сухимъ путемъ 2.500 верстъ, а водою 2.660 вер.; путь къ ней—на Коломну, на Переславль Резанскій, на Касимовъ, на Муромъ, на Нижній, на Козмодемьянскъ, на Чебоксары, на Свіяжскъ, на Казань, на Симбирскъ, на Самару, на Саратовъ, на Царицынъ, на Черный Яръ. А сухимъ путемъ—на Володиміръ, на Муромъ, на Арзамасъ, на Олатырь, на Симбирскъ, отъ Симбирска—вышеписаннымъ путемъ. А другой сухой путь—на Касимовъ, на Темниковъ, на Пензу, на Саратовъ, а изъ Саратова—по вышеписанному пути. Кіевъ—960 верстъ. Путь—на Калугу, на Болховъ, на Сѣвскъ, на Путивль; другой путь—на Тулу, на Мценскъ, на Орелъ, на Новгородъ-Сѣверскій; третій путь—отъ Сѣвска на Глуховъ". Во второмъ отдѣлѣ указаны разстоянія до иностранныхъ городовъ, напр. „Амборокъ, вольный градъ, разстояніемъ отъ Москвы на Ригу, оттуда же моремъ—1.800 верстъ. Парижъ, столица французскаго короля, отъ Москвы на Ригу—3.100 вер. Стекольное, столица свѣйскаго короля, отъ Москвы на Ригу—2.100 верстъ". Въ концѣ книги помѣщенъ указъ о томъ, какъ надо писать подорожныя и сколько полагается прогоновъ отъ Москвы до тѣхъ или другихъ мѣстъ.

Вѣроятно, около этого же времени Виніусъ начертилъ географи-

---

[1]) Б. Федоровъ „Бесѣда русскаго старца съ сыномъ своимъ". Отеч. Записки 1824 г., № 50.

[2]) Рум. муз. № CCCLVI. Въ каталогѣ рукописей Академіи Наукъ (1818 г.) эта книга названа поверстникомъ и обозначена 1667 годомъ. Другой экземпляръ этой книги есть среди рукописей Археограф. Комиссіи съ нѣсколько переиначеннымъ заглавіемъ, см. Н. Барсуковъ, Рукописи Археогр. Комиссіи, Спб., 1882, № 20. По свидѣтельству И. А. Шляпкина эта книга представляетъ заимствованіе изъ латинской книги „Водный міръ" (Св. Димитрій Р., стр. 85).

скую карту, на которой былъ въ главныхъ чертахъ обозначенъ путь изъ Московіи въ Китай [1]).

5 декабря 1668 года Виніусъ подалъ въ Посольскій приказъ „статьи", представлявшія собою проектъ заведенія флота на Каспійскомъ морѣ. Въ этихъ статьяхъ онъ доказывалъ необходимость построить много галеръ („каторгъ"), которыя, по его мнѣнію, на Каспійскомъ морѣ были бы полезнѣе парусныхъ судовъ, потому что онѣ могутъ ходить въ штиль и при противныхъ вѣтрахъ, входить въ рѣки противъ теченія и изъ своихъ носовыхъ орудій поражать непріятеля на дальнемъ разстояніи. При этомъ Виніусъ особенно ставилъ на видъ то обстоятельство, что заведеніе флота въ Московскомъ государствѣ во многихъ отношеніяхъ значительно легче, чѣмъ въ другихъ государствахъ: этимъ послѣднимъ приходится покупать на сторонѣ судостроительные матеріалы, какъ-то: лѣсъ, пеньку, желѣзо, смолу, а также пушки и порохъ, тогда какъ въ Московскомъ государствѣ всѣ эти припасы имѣются въ изобиліи. Виніусъ далекъ отъ мысли, что флотъ нуженъ только для военныхъ цѣлей; онъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается надъ указаніемъ значенія флота для торговли: на этихъ галерахъ (гребцами на нихъ должны быть закованные преступники, отчего слово „каторга" получило впослѣдствіи совсѣмъ иное значеніе) можно развозить, за извѣстную плату, купеческіе товары по всѣмъ берегамъ Каспійскаго моря и впадающимъ въ него рѣкамъ. Въ случаѣ, если отыщется рѣчной путь въ Индію, и установятся съ нею торговыя сношенія, то казнѣ отъ проектируемаго флота будетъ большая прибыль. Эти же галеры могли бы служить для уничтоженія разбоевъ на морѣ и на рѣкахъ. Такимъ образомъ отъ введенія галернаго флота разовьется торговля, защита отъ разбойниковъ увеличитъ богатство торговыхъ людей, прибавятся государственные доходы. Свой проектъ Виніусъ заканчиваетъ словами: „сіе объявляя, бью челомъ вашей пречестности, чтобъ гнѣва своего на меня за се не имѣли, что изъявляю такіе дѣла, которые на меня не положены, но своими высокими разумы извольте разсудить и аще годно, то Великаго Государя доложите, аще же не годно, мою непристойную дерзость простить извольте" [2]).

„Отписки", которыя прислалъ Виніусъ изъ-за границы, путешествуя въ качествѣ посла, представляются очень любопытными. Наблюдательный посолъ не только старался вездѣ и всюду

---

[1]) Яковъ Рейтенфельсъ, Сказанія о Московіи, Чтенія М. О. Ист. и др. за 1905 г., кн. III, стр. 98. Рейтенфельсъ называетъ Виніуса „бельгійцемъ".

[2]) Доп. къ Акт. Истор., т. V, 404—405. Очеркъ русской морской исторіи, т. I, 67—68.

узнавать новости, но сообщалъ многія цѣнныя свѣдѣнія о тѣхъ странахъ, черезъ которыя ему приходилось проѣзжать. Въ отпискѣ изъ Риги онъ сообщаетъ: 1) что польскій король Михаилъ заключилъ съ турками крайне тягостный для Польши договоръ, который будетъ разсмотрѣнъ на сеймѣ; что гнѣзненскій архіепископъ и Собѣскій злоумышляютъ противъ короля, хотя шляхта стоитъ за него; 2) что папа хлопочетъ о примиреніи короля Польскаго съ вышеупомянутымъ архіепископомъ и озабоченъ организаціей помощи Польшѣ противъ турокъ; 3) что шведы предлагаютъ посредничество въ примиреніи Франціи и Англіи съ Голландіей; 4) что французы потерпѣли пораженіе отъ императорскихъ и бранденбургскихъ войскъ; 5) что Испанія примкнула къ союзу противъ Франціи, а ожидается присоединеніе Швеціи къ союзу съ Франціей. Въ отпискѣ изъ Данцига, отъ 3 января 1674 г. онъ сообщаетъ: 1) о мятежномъ движеніи, поднятомъ въ Польшѣ примасомъ и коронным гетманомъ Собѣскимъ, и о покушеніяхъ на жизнь короля; 2) о попыткахъ умиротворенія со стороны папы; 3) о грозномъ письмѣ турецкаго султана польскому королю; 4) объ усиленіи военныхъ дѣйствій между Франціею и Голландіею, которой помогаютъ императоръ и Бранденбургъ. Въ отпискѣ изъ Лондона Виніусъ сообщаетъ, что англійскій король и парламентъ готовятся къ продолженію войны съ Голландіей, но не уклоняются и отъ мирныхъ попытокъ—предполагаютъ послать уполномоченныхъ на Ахенскій съѣздъ.

Виніусъ счелъ нужнымъ внести въ свой статейный списокъ характеристику государственнаго строя Англіи: „Правленіе англійскаго королевства—пишетъ онъ,—или, какъ общимъ именемъ именуютъ, Великой Британіи, есть отчасти монархіально (единовластно), отчасти аристократно (правленіе первыхъ людей), отчасти демократно (народоправительно). Монархіально есть потому, что имѣютъ англичане короля, который имѣетъ отчасти въ правленіи силу и повелѣніе, только не самовластно. Аристократно и демократно есть потому: во время великихъ дѣлъ, начатія войны или учиненія мира, или поборовъ какихъ денежныхъ, король созываетъ парламентъ или сеймъ. Парламентъ дѣлится на два дома: одинъ называютъ вышнимъ, другой—нижнимъ домомъ. Въ вышнемъ собираются сенаторы и шляхта лучшая изо всей земли; въ другомъ—собираются старосты мірскихъ людей всѣхъ городовъ и мѣстъ, и хотя что въ вышнемъ домѣ и приговорятъ, однако безъ позволенія нижняго дома совершить то дѣло невозможно, потому что всякіе поборы денежные зависятъ отъ меньшаго дома. И потому вышній домъ можетъ назваться аристократія, а нижній—демократія. А безъ

повелѣнія тѣхъ двухъ домовъ король не можетъ въ великихъ дѣлахъ никакого совершенства учинить“ [1]).

Едва Виніусъ вернулся изъ-за границы, какъ появляется новое его литературное произведеніе: „Зрѣлище житія человѣча“, перев. съ нѣмец. языка [2]). Книга эта представляетъ сборникъ басенъ, при чемъ къ каждой баснѣ присоединяется историческій анекдотъ.

Выставляя пользу книги, составитель говоритъ, что она необходима особенно для молодыхъ людей, какъ прекрасное наставленіе: „къ тому же, заявляетъ онъ,—зѣло дивно размышляти, како всемогущій Господь Богъ не точію кійждому животному свойство и природу дарова, но въ нѣкоторые отъ нихъ изрядные обычаи и нравы насадилъ есть, которые есть безсловесные не точію человѣкомъ въ пищу, но и во многія потребы годствуютъ; еще же отъ сихъ научитися можетъ, яко зря на безсловесныя, достоитъ намъ житіе свое и нравы злобные исправляти—иже не многіе ли видимъ свирѣпѣйше львовъ и гнѣвливѣе медвѣдей, иные нечестивѣйше свиней, овыхъ же неблагодарнѣйше псовъ, иныхъ же гордѣйше павлиновъ“. Всѣхъ басенъ 124. Къ одной изъ нихъ, гдѣ разсказано о томъ, какъ конь увязъ въ болотѣ, а хозяинъ билъ его, надѣясь, что заставитъ его выйти, присоединенъ разсказъ изъ Светонія, какъ Тиверій жестоко обошелся съ рабомъ; къ другой, гдѣ разсказано о голодномъ львѣ, созывавшемъ звѣрей на совѣтъ и поѣдавшемъ ихъ, и о лисицѣ, разгадавшей его хитрость и не пошедшей къ нему—присоединенъ разсказъ о германскомъ императорѣ Рудольфѣ, не желавшемъ идти въ Римъ, къ третьей—о лисицѣ, лишившейся хвоста и уговаривавшей подругъ оторвать себѣ хвосты—присоединенъ разсказъ о нѣкоемъ Адалгераѣ, который былъ Императоромъ Северомъ остриженъ въ поруганіе, а вернувшись на мѣсто жительства, увѣрялъ согражданъ, что при дворѣ появилась новая мода—стричь волосы и бороду и т. д. Историческіе анекдоты заимствованы авторомъ изъ Геродота, Плутарха, Цицерона, Светонія, Флавія, Діона, Gesta Romanorum и средневѣковыхъ историковъ [3]).

Какъ почтмейстеръ и переводчикъ, а потомъ дьякъ Посольскаго

---

1) Памятники Диплом. Сношеній, т. IV, стр. 803—946 и Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. III, 535.

2) Полное заглавіе: „Зрѣлище житія человѣча, въ немъ же изъяснены суть дивныя бесѣды животныхъ съ истинными къ тому приличными повѣстьми, въ поученіе всякаго чина и сана человѣкомъ, новопреведено съ нѣмецкаго языка“ въ 1674 г.

3) Пыпинъ, Очеркъ литер. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ. Спб., 1857, стр. 175—177 и 358.

приказа, Виніусъ долженъ былъ принимать дѣятельное участіе въ составленіи „курантовъ“, о чемъ намъ приходилось говорить въ его біографіи. Здѣсь мы приведемъ образецъ такихъ курантовъ, составленныхъ въ 1683 году.

„Переводъ съ цесарскихъ и галанскихъ печатныхъ курантовъ, каковы присланы черезъ рижскую почту въ нынѣшнемъ въ 191 году сентября въ 12 день“, гласитъ ихъ заглавіе. Далѣе идутъ свѣдѣнія изъ разныхъ мѣстъ, при чемъ имена мѣстъ, мало извѣстныхъ, сопровождаются поясненіями на поляхъ, напр. противъ словъ „изъ Любовля“ на поляхъ написано: „въ Венгерской землѣ“, противъ словъ „Изъ Вѣны“ написано „столица цесарская“, противъ словъ „изъ Тироля“ написано—„отчинная земля цесарская“; иногда разъясняются такимъ же путемъ иностранныя слова: противъ словъ „Государя дофина“ написано—„сынъ короля французскаго“. Свѣдѣнія въ этихъ курантахъ идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) вѣсти изо Львова объ успѣхахъ Текели и дипломатической неудачѣ французовъ въ Царьградѣ; 2) изъ Кельна о рожденіи сына у дофина; 3) изъ „Стеколна“ (Стокгольма) о запрещеніи „людямъ иной вѣры“ посѣщать церкви иноземныхъ пословъ и объ открытіи цѣлебнаго колодца „съ кислою водою“; 4) изъ „Няполи“ о народномъ возстаніи въ Сициліи („понеже крѣпко мучены быша отъ начальныхъ своихъ“); 5) изъ Турина о походѣ французскаго флота „подъ Алкирсъ, турской городъ“; но—сказано далѣе, „тамошніе жители пристанища свои морскія сваями укрѣпили и городки на сваяхъ построили и болши ста пушекъ тамъ поставили“; 6) изъ Вѣны (наибольшее количество извѣстій)—объ укрѣпленіи войсками тирольской границы, о тяжеломъ положеніи Венгріи и о дѣйствіяхъ Текели, о мѣрахъ къ охранѣ цесарскихъ рудниковъ и дорогъ въ Моравію и Силезію; объ обѣщаніи венгерскихъ „бунтовщиковъ“ покорить туркамъ въ одинъ походъ всю Венгрію, кромѣ 2 городовъ, о союзѣ Баваріи съ цесаремъ; о сдачѣ Кашавы венгерскимъ бунтовщикамъ; 7) изъ Бреслава—о дальнѣйшихъ успѣхахъ Текели и турокъ [1]).

Отъ 1690 года сохранились двѣ челобитныя Виніуса царямъ Іоанну и Петру по мѣстническому его дѣлу съ дьяками Постниковымъ и Михайловымъ. Съ этими челобитными намъ удалось познакомиться только во время печатанія настоящей статьи, а между тѣмъ онѣ заключаютъ нѣкоторыя интересныя подробности, касающіяся біографіи Андрея Андреевича. Въ первой челобитной читаемъ:

---

[1]) Лѣтопись занятій Археогр. Комиссіи, 1865—66 г., вып. 4.

„Въ прошломъ, государи, въ 156 (1647—8) году блаженные памяти отцу вашему государеву, великому государю, отецъ мой билъ челомъ, оставя отчину свою, и домъ, и родителей, въ подданство вѣчно. А во 161-мъ году былъ посыланъ въ галанскую землю комисаромъ для приговору начальныхъ и иныхъ надобныхъ людей, и для высылки всякаго ружья во время войны съ королемъ польскимъ, и для иныхъ разныхъ дѣлъ. И, пріѣхавъ изъ той службы, крестился въ православную христіанскую вѣру святыя греческія восточныя церкви со всѣмъ домомъ своимъ, а крестилъ отца моего и меня, холопа вашего, святѣйшій Никонъ патріархъ [1])". Далѣе онъ пишетъ, что въ 1675 г., когда онъ былъ посланъ „для сыску всякихъ рудъ", то дана была ему проѣзжая грамота, гдѣ онъ былъ „написанъ дворяниномъ и съ *вичомъ*"; указываетъ также и годъ перемѣщенія своего изъ Аптекарскаго приказа въ Посольскій (197, т. е. 1689). Далѣе онъ заявляетъ, что хотя чувствовалъ себя обиженнымъ производствомъ изъ дворянъ въ дьяки, но „для своего иноземчества ослушанъ быть и отъ приказу до... указу отстать не смѣлъ, для того, что я, холопъ вашъ, человѣченко беззаступной и безродной [2])".

Въ числѣ документовъ Денежнаго стола Разряда № 236—238 (Моск. Арх. Мин. Юст.) есть расходныя книги Сибирскаго приказа, составленныя при думномъ дьякѣ А. А. Виніусѣ за время 1694—1696 г.г.

Въ сентябрѣ 1696 года, во время тріумфальнаго входа войскъ въ Москву послѣ взятія Азова, Виніусъ говорилъ въ трубу вирши побѣдителямъ, вѣроятно—собственнаго сочиненія. Онѣ не представляютъ собою ничего замѣчательнаго. Для примѣра приведемъ вирши, сказанныя Лефорту:

„Генералъ-адмиралъ, морскихъ всѣхъ силъ глава!
Пришедъ, зрѣлъ, побѣдилъ прегордаго врага.
Мужествомъ командора турокъ вскорѣ пораженъ,
Премногихъ же оружій и запасовъ си лишенъ.
Сраженіемъ жестокимъ бусурманы побѣждены;
Корысти ихъ отбиты, корабли запалены;

---

[1]) Приведенныя здѣсь данныя не сходятся съ данными, приведенными выше, въ біографіи Андрея Андреевича. Мы думаемъ, что здѣсь онъ напуталъ; тѣ данныя болѣе правдоподобны. Но подробность насчетъ Никона интересна.

[2]) Моск. Архивъ Мих. Ю., столб. Моск. стола. Разряда № 955. Срв. Журналъ 53 засѣданія Тверской Ученой Архивной Комиссіи 25 янв. 1896 г., приложеніе 1-е (докладъ В. Сторожева).

Оставшіе жь ся въ бѣгство ужасно устремиша,
Страхъ велій въ Азовѣ и всюду расшириша.
По сихъ, ихъ сила многа на морѣ паки пріиде;
Но въ помощь градъ Азовъ отъ сихъ нихтоже вниде:
Сіе бо возбранила морскихъ ти воевъ сила,
Ихъ къ сдачѣ градъ Азовъ всю выю наклонила.
И тѣмъ бо взятіемъ весело поздравляемъ,
Труды же командора тріумфомъ прославляемъ [1]).

Въ Государственномъ Архивѣ (XI, № 19) есть нѣсколько писемъ Виніуса Лефорту въ Вѣну на нѣмецкомъ яз. (1698 г., 8 и 15 іюля и 5 и 12 августа).

Въ 1699 году Виніусомъ были составлены для Сибири особыя таможенныя статьи, въ которыхъ, между прочимъ: 1) запрещается служилымъ людямъ торговать безпошлинно, во избѣжаніе злоупотребленій; 2) облегчаются пошлины и повелѣвается „лишнихъ цѣнъ для большаго пошлиннаго сбору таможеннымъ головамъ отнюдь на товары и запасы не накладывать и тѣмъ торговыхъ и всякаго чина людей не грабить, и не оскорблять, и не отгонять“; 3) предписывается торговые караваны пропускать въ Китай не каждый годъ, чтобы не упала цѣна на русскіе товары; иноземцевъ безъ указу не пропускать вовсе; 4) купцовъ, возвращающихся изъ Китая, повелѣвается тщательно провѣрять и, если они будутъ укрывать товары отъ пошлинъ, подвергать взысканіямъ, отъ пени до батоговъ включительно, смотря по величинѣ утайки; 5) золото отбирать на Государя, уплачивая деньгами; взятое золото тщательно изслѣдовать, „чтобъ обману не было“; затѣмъ находимъ такія постановленія: „въ которыхъ городѣхъ, опричь Верхотурья и Нерчинска, у купецкихъ людей продажи и торгу нѣтъ, а ѣдутъ проѣздомъ, и воеводамъ и головамъ таможеннымъ ихъ ничѣмъ не держать и до нихъ дѣла нѣтъ, и не задерживать, а пропускать тотчасъ безвредно; а буде учнутъ которой воевода или голова задерживать напрасно, какъ и въ прежнихъ лѣтѣхъ многими воровскими вымыслы купецкихъ людей задерживали и великіе и непомѣрные грабежи и нападки къ нимъ чинили, а иныхъ не токмо за многіе ихъ труды всѣхъ прибылей, которые было ему въ домъ свой привезть, но и самыхъ истинныхъ пожитковъ лишили, и того впредь отнюдь никому нигдѣ не творить; а буде который воевода или таможенной голова то учинитъ, и такіе ослушники будутъ наказаны жестокимъ наказаніемъ, да у нихъ же будутъ взяты всѣ животы на великаго Государя, да сверхъ того тѣхъ торговыхъ людей убытки будутъ

[1]) Записки Желябужскаго. Спб., 1840, примѣчанія, стр. 287—288.

доправлены по ихъ сказкамъ безъ всякія пощады, чтобъ имъ, торговымъ людямъ, заплатя съ своихъ товаровъ пристойную пошлину, во всѣхъ сибирскихъ городѣхъ безъ всякаго опасенія и раззоренія возможно было торговать [1])".

Въ 1696 году Виніусъ велѣлъ боярскому сыну Семену Ремезову написать въ Тобольскѣ на александрійской бумагѣ съ привезенныхъ къ Москвѣ сибирскихъ городовыхъ чертежей листы и добавить недостающіе чертежи городовъ во всѣ стороны отъ Тобольска. Вслѣдъ за этимъ появился „Списокъ чертежа Сибирскія земли", выписанный изъ окладной книги, „сочиненный въ бытность въ Сибирскомъ приказѣ боярина князя Репнина и при думномъ дьякѣ Андреѣ Виніусѣ въ 7205 г." [2]).

Въ 1701 году Виніусъ лишился управленія почтами. Онъ подалъ докладную записку о суммахъ, которыя ему слѣдовало получить за доставку писемъ съ казны. Записка эта интересна приведенными въ ней статистическими данными. Въ приказной выпискѣ начинается она такъ: „Въ прошлыхъ годѣхъ вѣдалъ Рижскую и Виленскую почты сынъ ево, Матвѣй, а на тѣхъ почтахъ посыланы изъ Посольскаго приказа многіе его царскаго величества грамоты и дѣла и всякія письма къ посламъ въ Галанскую и Дацкую землю и въ Берлинъ и противъ того тѣ послы посылали свои отписки и вѣстовыя записки и всякія дѣла и за письма Андрея Кревта, которые онъ сказалъ, что въ прошлыхъ годѣхъ писалъ за море о его величества дѣлѣхъ, такъ же и къ стольникамъ и къ инымъ людемъ, которые жили для его, государевыхъ, дѣлъ въ Берлинѣ, а именно: князь Юрья Трубецкой и Семенъ Нарышкинъ, многіе письма за рубежъ изъ тѣхъ странъ посыланы и отъ нихъ въ пріемѣ были. А что въ расходѣ было по генварь мѣсяцъ 1700 году опричь тѣхъ ево Андреевыхъ писемъ Кревта, которыя въ опчемъ перечнѣ не положены—и тѣ ему въ Оружейной палатѣ 500 рублевъ зачтены. А послѣ того генваря мѣсяца того же 1700 году со всякихъ такихъ же приказныхъ и посольскихъ и иныхъ писемъ по апрѣль 1701 году въ платежахъ зарубежныхъ почтмейстеромъ денегъ и ямщикомъ московскимъ въ прогоны изошло 304 рубля 12 копѣекъ. А онъ, Андрей, по его ц. величества имянному указу обнадеженъ, что тѣ деньги изъ... казны ему выданы будутъ". Далѣе приведена роспись посланныхъ за 1700 и за время по апрѣль 1701 года писемъ. Изъ нея видно, что за годъ и три мѣсяца заграничною почтою переслано 1.748 золотниковъ писемъ на сумму 209 р. 82 к. (около 12 к.

---

[1]) П. С. З., III, № 1654.

[2]) Русскій Магазинъ, 1791—1792 г. т. I. Стр. 403—415.

за золотникъ). Добавочные расходы по пересылкѣ этихъ писемъ составили 94 р. 30 коп. Итого Виніусу причиталось 304 р. 12 к. [1]).

Въ томъ же году Семеномъ Ремезовымъ закончено было предпринятое по распоряженію Виніуса изданіе „Чертежной книги Сибири“ [2]).

17 декабря 1702 г., посылая „память“ Никитѣ Демидову выдѣлкѣ желѣза, стали и пушекъ, Виніусъ приложилъ письмо слѣдующаго содержанія (приводимъ его цѣликомъ, какъ образчикъ частнаго письма Виніуса).

„Пріятель мой Никита Демидовичъ, здравствуй на многіе лѣта съ сыномъ и со всѣми заводными. Каковъ къ тебѣ указъ посланъ, и ты о всемъ о томъ учини, и 2 пушки двѣнадцатифунтовые конечно съ собою къ Москвѣ привези, и безъ себя пушечное литье гораздо уставь, чтобъ сколько мочно вылить, и выливъ, весною безо всякихъ отговорокъ послать къ Москвѣ. А какъ ты къ Москвѣ поѣдешь, о томъ учини мнѣ вѣдомость, для того, чтобъ доложа великаго государя, указъ достать, куды тѣ пушки, къ Москвѣ-ль, или въ низовые городы послать. Да съ собою привези стали для образца. И какъ къ тебѣ съ Каменскихъ заводовъ присланы будутъ мастеры и ученики для присматриванія твоего литья, и ты пожалуй, со всякою вѣрностію имъ укажи. За симъ челобитьемъ, Андрей Виніусъ“ [3]).

Въ томъ же году въ Сибирскомъ приказѣ, по распоряженію Виніуса, была составлена обстоятельная вѣдомость о ясачныхъ, десятинныхъ, денежныхъ, хлѣбныхъ и соляныхъ доходахъ и расходахъ въ Сибирскихъ городахъ съ 1698 г. по 1701 г. включительно [4]).

О многочисленныхъ переводахъ научныхъ трактатовъ и составленіи словарей Андреемъ Виніусомъ у насъ говорится въ другомъ мѣстѣ; переписка его съ Петромъ В. будетъ разсмотрѣна нами особо; теперь остается намъ познакомиться еще съ его помѣтами по поводу докладной записки сибирскаго митрополита (начало 1703 года). Въ этихъ „помѣтахъ“ наиболѣе интересны слѣдующія мѣста. 1) Относительно образованія Виніусъ говоритъ, что митро-

---

[1]) Хрущовъ, 33.

[2]) Ремезовъ составилъ 19 чертежей городовъ Сибири, чертежъ степи отъ Тобольска до Китая, Алтая, Бухары, Хивы, Урала и Астрахани, 2 чертежа всѣхъ сибирскихъ городовъ, рѣкъ и земель, и чертежъ Великопермской страны, Поморья, Печерскаго и Двинскаго края до Соловецкихъ проливовъ. Объ источникахъ чертежной книги Сибири см. ст. Оглоблина въ Библіографѣ за 1891 г., № 1.

[3]) Пам. Сиб. Ист. XVIII в., кн. 1, стр. 207.

[4]) Русская Историч. Библіотека, т. VIII.

политу надлежитъ заботиться о заведеніи обученія славянороссійской грамматикѣ и катехизису, но книги надо покупать въ Москвѣ („типографіи въ Тобольску не быть“). 2) Относительно проектируемыхъ м. Филофеемъ ежегодныхъ церковныхъ соборовъ въ Сибири, Виніусъ пишетъ, что, за дальностью разстояній, соборы эти не могутъ устраиваться, а въ видахъ интересовъ церкви митрополитъ долженъ назначать лучшихъ людей на духовныя мѣста. 3) Относительно крещенія инородцевъ въ русскую вѣру Виніусъ пишетъ, что крещеннымъ не слѣдуетъ сбавлять податей и прощать преступленій, а „которые языка, ниже вѣры, свѣдомы, и тѣхъ скоро не крестить, да не будетъ вѣрѣ православной отъ нихъ поруганія“. 4) Относительно живущихъ въ блудѣ Виніусъ пишетъ, что съ матерей не надо брать штрафовъ, чтобы онѣ, изъ страха, не умерщвляли дѣтей, а „велѣть отцамъ духовнымъ и приходскимъ попамъ обученми чистыми отъ такихъ дѣлъ унимать, а паче приводящіе къ тому причины—пьянство, своевольство и прочіе пресѣкать“; 5) предписывается митрополиту также слѣдить за раскольниками, зачастую притворно приносящими покаяніе для спасенія себя отъ наказанія, и если обнаружится, что они занимаются пропагандой, то ихъ казнить.

Эти „помѣты“ Виніуса дѣлались на основаніи указаній, данныхъ ему самимъ царемъ, и потому уловить въ нихъ собственныя мнѣнія автора довольно трудно [1]).

Въ томъ же 1703 году Виніусъ представилъ интересное „Сокращенное объявленіе прибыточнымъ полезнымъ дѣламъ, которые учинены при сидѣнье думного дьяка Андрея Андреевича Виніуса въ Сибирскомъ съ 203 г. всего въ 8 лѣтъ, а въ Приказѣ артиллеріи съ 1701 г. всего въ 2 года.

Въ приказе Сибирскомъ.

Всякихъ денежныхъ и ясачныхъ доходовъ въ приказе прибыло сверхъ прежнихъ въ Сибири и к Москвѣ въ присылке въ тѣ лѣта болши 400,000 рублевъ. Тѣми денгами нужды артиллерійные селитра мѣдь и иные потребности исполнялися.

Въ Приказе артиллеріи.

Въ тѣ прошлые 2 года всякихъ пушекъ и мортировъ и гоубицъ со многими трудами вылито 400 мѣстъ и болше.

Мастеры пушечные были во многомъ неискуствѣ и много пушекъ не зная силы въ литье перепортили. А нынѣ учали

[1]) Чт. М. О. Ист. и древ. 1863 г., кн. IV. Съ другими сибирскими распоряженіями Виніуса мы встрѣчались въ его біографіи; тамъ же мы упоминали и о разныхъ его донесеніяхъ царю.

Сыскано такое въ тамочной странѣ желѣзо и заводы двои заведены, а трои починаютъ, что возможно, когда всѣ устроятся, желѣза чугуну быть въ годъ 1.500.000 пудъ, а иноземцы, смотря доброту его, что явилось лутче свѣйского кованого, даютъ у Города поставить за пудъ по ѳѳимку, исъ котораго выдетъ въ передѣле рубль съ алтыномъ, и исъ того желѣза учали дѣлать ѳузеи, сабли, тесаки, копья сталь уклад.; лить пушки, мортиры, гоубицы, которые добротою развѣ малымъ хуже мѣдныхъ. А къ Москвѣ подряжено и съ провозомъ по 35 копѣекъ пудъ. Сыскана жь мѣдь, селитра, сѣра, а много ль учнетъ выходить и по чему ставится впредь время явитъ.

Во шти городѣхъ для губительныхъ разорительныхъ пожаровъ построены каменные приказы, анбары гостиные и воеводцкие дворы починаютъ строить, а ставится цѣною дешевою.

Отъ татарскихъ разорителныхъ случай, чего не бывало, построенъ полкъ драгунской доброй, въ немъ 1.000 человѣкъ.

Воеводы въ городехъ построены такіе, на которыхъ челобитья, ни жалобы отъ торговыхъ и всякого чина людей не слышать.

Сего 1703 году изъ Сибири къ Москвѣ идетъ и въ привозе иное есть товарами исъ Китайского царства болши 100.000 рублевъ, да золота слишкомъ лить лутче и та артиллерія за помощію Божіею гдѣ была, великое получила надъ супостаты побѣды и градомъ здачи.

Порохи учали ныне дѣлать за крѣпкимъ смотрѣніемъ лутче прежнихъ гораздо, а въ цѣнѣ дешевлѣ.

Нынѣ въ школѣ артиллерійской наукамъ робятъ 300 человѣкъ, исъ которыхъ нѣкоторые изучились геометріи и вступили въ ѳортификацію. И къ тому буде охоту и тщаніе, паче жь у самаго дѣла приложа искуство то будетъ довольно своихъ инженеровъ и протчіе надобные люди къ артиллеріи.

Никакому дѣлу и артиллеріи безопасного отъ огня и губителныхъ пожаровъ мѣста, а нынѣ артиллеріа стоитъ въ мѣстехъ изрядныхъ и отъ огня безопасно и въ такомъ порядке, что мочно съ похвалою и удивленіемъ иноземцамъ пріѣзжимъ показать.

Въ полноту преизобилную артиллерія неслыханая сибирская починаетъ выходить, которая такую своей естественной природы имѣетъ доброту и мяхкость какихъ пушекъ и протчихъ оружей лутше во всей вселенной быть не мочно.

Порохи и протчіе многіе къ артиллеріи налѣжащіе статьи стояли въ мѣстехъ такихъ, гдѣ отъ волглости порохъ портился, сила и мочь вскорѣ терялась, а иные люди подъ тою прикрышкою дѣлали порохъ худой

100 коробокъ, да всякихъ зборныхъ денегъ старыхъ пудовъ 100 всего товаровъ и золота и серебра будетъ 180.000 рублевъ, опричь ясачной казны, чего прежде сего николи не бывало.

Желѣза въ пушкахъ, мортирахъ, гоубицахъ, прутьяхъ и протчихъ статьяхъ и стали и оузей многое число.

и въ походѣхъ такой воровской порохъ не толко непріятелемъ шкоды, но своимъ вредности многіе чинились а въ пожары, паче жь въ 207 году на пушечномъ дворѣ погорѣло всякихъ статей сказываютъ болши 50.000 рублевъ, а ныне пороховые анбары дѣлаютъ въ 2 мѣстехъ и кузницы и анбары ограды каменные и кровли черепичные, что впредь такихъ разорительныхъ опасностей за сохраненіемъ Божіимъ не чаять.

Въ тѣ жь 2 года у всякихъ запасовъ артиллерійныхъ не додано въ ценѣ менши прежнихъ съ 20.000 рублевъ.

(Приписано внизу): Великому Государю бьетъ челомъ за сіа свои службы въ Козелскомъ и въ Переславскомъ уездехъ о 240 дворехъ или малымъ болше. Нижайшій его государевъ рабъ Ан. Виніюсъ. Выписка во Дворцѣ [1]).

Изъ обозрѣнія литературныхъ и научныхъ трудовъ Андрея Андреевича Виніуса можно сдѣлать слѣдующіе выводы: его интересовали всевозможные вопросы—богословскіе, моральные, историческіе, государственные и въ особенности — географическіе; выражался онъ чрезвычайно просто и удобопонятно, что въ то время было большою рѣдкостью—не щеголялъ иностранными словами, а если употреблялъ ихъ, то тутъ же старался разъяснять; въ переводахъ его почти не было германизмовъ, и они отличались крупными литературными достоинствами. Письма Виніуса еще лучше познакомятъ насъ съ его прекраснымъ по тому времени литературнымъ слогомъ.

Когда Виніусъ скончался, то библіотека его, по приказанію царя, передана была въ 1718 г. въ заведенную тогда въ Петербургѣ публичную библіотеку (нынѣ въ Академіи Наукъ). Изъ современнаго каталога можно видѣть, что у Виніуса была библіотека преимущественно изъ голландскихъ книгъ; но были также книги на нѣмецкомъ, латинскомъ, французскомъ, польскомъ и эстонскомъ яз. Всего было 363 названія. По содержанію онѣ представляютъ собою рядъ сочиненій по языкамъ, теологіи, математикѣ,

[1]) Кабинетъ П. В., II, № 5. Письма и бумаги Петра В., V, 721.

юриспруденціи, анатоміи, военнымъ наукамъ, исторіи [1]). Назовемъ нѣкоторыя изъ нихъ: словари и грамматики (между прочимъ латинская грамматика знаменитаго Филиппа Меланхтона); сказанія о Россіи Герберштейна, Олеарія, Петрея; Литовскій Статутъ; Печерскій патерикъ; Метаморфозы Овидія; Коранъ. По годамъ изданія эти книги относятся ко времени 1581—1702 г.г. [2]).

V.

Переписка А. А. Виніуса съ Петромъ В. Значеніе дѣятельности Виніуса въ исторіи.

Сохранилось значительное количество писемъ, писанныхъ царемъ Петромъ Виніусу, и писемъ Виніуса царю. Знакомство съ этими письмами представляетъ большой интересъ для всякаго, кто занимается изученіемъ біографіи Виніуса. Съ одной стороны, эти письма знакомятъ насъ съ характеромъ порученій, которыя царь давалъ Виніусу, съ тѣми отношеніями, которыя между ними существовали; съ другой стороны — письма Виніуса наилучшимъ образомъ знакомятъ насъ съ его литературнымъ слогомъ, потому что всѣ писаны языкомъ правильнымъ и красивымъ. Къ этому надо прибавить еще, что въ письмахъ того и другого лица зачастую находимъ бытовыя подробности, характеризующія ту эпоху.

По характеру писемъ, время ихъ написанія можно раздѣлить на три періода: 1694—1699 годы, когда дружба царя съ его преданнымъ слугою достигаетъ высокаго развитія, 1700—1703 годы, когда между ними замѣтно наступаетъ охлажденіе и 1704—1714 годы, когда Виніусу пришлось переживать вслѣдствіе царской немилости тяжелыя испытанія.

Первый періодъ переписки интересующихъ насъ лицъ начинается письмомъ Виніуса царю отъ 9 іюля 1694 г., которое заключаетъ въ себѣ дѣловыя свѣдѣнія (о постройкѣ кораблей) [3]). Изъ письма царя къ Виніусу отъ 12 іюля видно, что между ними уже

---

[1]) Образованные люди того времени, вѣроятно, не упускали случая пользоваться библіотекой Виніуса. Мы имѣемъ очень раннее свидѣтельство объ этомъ — въ письмахъ Сильвестра Медвѣдева къ Симеону Полоцкому (см. Письма Сильвестра Медвѣдева, С. Брайловскаго, Спб., 1901, стр. 9). Интересное дѣло о присвоеніи одной цѣнной чужой книги Виніусомъ было разсказано выше.

[2]) П. Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В., Ч. I, стр. 208—209. Въ приложеніи къ соч. Бранденбурга помѣщенъ автографъ Виніуса.

[3]) Письма и бумаги П. В., I, 500—501.

существовали дружескія отношенія. Виніусъ не упускаетъ случая пользоваться этими отношеніями и проситъ царя о своихъ личныхъ нуждахъ [1]). Царь пишетъ изъ Архангельска (12, 19 и 21 іюля), при чемъ, переписываясь о дѣлѣ, пересыпаетъ свою рѣчь шутками, откровенничаетъ насчетъ „Бахуса“ и пр. [2]) Виніусъ безпрерывно сообщаетъ ему свѣдѣнія, получавшіяся изъ-за границы, въ видѣ писемъ и газетъ.

19 мая 1695 г. царь пишетъ Виніусу изъ Нижняго-Новгорода [3]), а 10 іюня—изъ Царицына [4]). Виніусъ, продолжая посылать царю всякія заграничныя вѣсти, въ это время уже, повидимому, былъ занятъ доставкой къ Дону артиллерійскихъ припасовъ.

Далѣе слѣдуютъ письма царя съ Дону. Вслѣдствіе отсутствія правильной почты и препятствій со стороны нападеній степняковъ—татаръ, письма царя часто запаздываютъ, что служитъ причиной большого безпокойства въ Москвѣ (письма Виніуса отъ 9 и 16 іюля). Въ письмѣ отъ 9 іюля Виніусъ сообщаетъ Петру о полученіи въ Архангельскѣ галеры, заказанной въ Голландіи. Въ письмѣ отъ 30 іюля Петръ поручаетъ Виніусу позаботиться о доставкѣ въ Москву привезенной галеры вмѣстѣ съ мастеромъ, ее привезшимъ, чтобы послѣдній собралъ ее въ Москвѣ [5]).

Въ августѣ и сентябрѣ переписка велась довольно оживленно. Виніусъ, сообщая царю заграничныя новости, въ одномъ изъ писемъ описываетъ военныя дѣйствія и заканчиваетъ такъ: „мню, что Маршовы трудники, снявъ желѣзныя одежды и положа оружіе, въ теплыя учнутъ шубы одѣваться и грѣтыя избы искати“ [6]).

21 октября Петръ писалъ Виніусу о „каторжныхъ“ мастерахъ; Виніусъ отвѣчалъ ему, что посолъ датскій Бутенантъ фонъ-Розенбушъ писалъ о нихъ уже дважды въ Данію. Въ этомъ же письмѣ Виніусъ пишетъ, что хотѣлъ ѣхать къ царю, но получилъ какіе-то сильные ушибы и сталъ болѣть глазами; не упускаетъ случая также сообщить слухи о военныхъ дѣйствіяхъ нѣмцевъ противъ турокъ [7]).

Мартовскія и апрѣльскія письма 1696 г. писаны царемъ изъ Воронежа. Изъ отвѣтовъ Виніуса интересно письмо, помѣченное 21 апрѣля. Въ немъ Виніусъ сообщаетъ, что указъ царя о заго-

---

[1]) Письма и бумаги П. В., I, 22.
[2]) Письма и бумаги П. В., I, 23, 24.
[3]) Письма и бумаги П. В., I, 30—31.
[4]) Письма и бумаги П. В., I, 510—511.
[5]) Письма и бумаги П. В., I, 44.
[6]) Письма и бумаги П. В., I, 537.
[7]) Письма и бумаги П. В., I, 544—545.

товленіи крашенины и краснаго сукна исполненъ княземъ Прозоровскимъ; что за границею все идутъ разнообразныя военныя приготовленія; что курфирстъ Бранденбургскій посылаетъ въ Москву 2 инженеровъ и 4 бомбардировъ; наконецъ,—что французы захватили русскій корабль св. Павла, шедшій съ голландскими товарами и подъ голландскимъ флагомъ [1]).

Въ письмѣ отъ 3 мая царь намекаетъ на какія-то секретныя заморскія порученія [2]); Виніусъ отвѣчалъ, что все будетъ имъ исполнено [3]).

Въ письмѣ отъ 31 мая и въ іюньскихъ письмахъ царь сообщаетъ Виніусу о русскихъ удачахъ подъ Азовомъ. Виніусъ отвѣчалъ письмами обычнаго содержанія — заграничные слухи и сообщенія о погодѣ.

15 іюля царь написалъ Виніусу рѣзкое письмо по поводу поведенія его свояка, думнаго дьяка Емельяна Игн. Украинцева. Дѣло въ томъ, что Украинцевъ, по излишней осторожности, скрылъ отъ нашего посла при цесарскомъ дворѣ свѣдѣнія о нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ подъ Азовомъ, чѣмъ замедлилъ дѣйствія нѣмцевъ. „Скажи ему, заключаетъ Петръ свое письмо — что чего онъ не допишетъ на бумагѣ, то я допишу ему на спинѣ“ [4]). Виніусъ исполнилъ порученіе царя и въ письмѣ отъ 29 іюля просилъ прощенія для своего свояка. Въ письмѣ приводятся, по обыкновенію, заграничные слухи, особенно по поводу кандидатуръ на польскій престолъ [5]).

Но этотъ отвѣтъ еще не былъ полученъ Петромъ, какъ царь пишетъ краткое, но восторженное письмо о взятіи Азова (отъ 20 іюля) [6]). Виніусъ отвѣчалъ на это не менѣе восторженнымъ, но длиннымъ письмомъ (отъ 1 авг.) Вотъ отрывокъ изъ этого письма: „Радуйся, о непобѣдимый нашъ великій царю, превосшелъ еси Александра древняго: той бо, аще видѣніемъ плѣненныхъ Даріевой жены и дщери красотою ихъ не уязвися, обаче о побѣдахъ своихъ превознесся и не даде славы Богу, но себѣ вся приписалъ есть; но ты, великій нашъ государь, Богу небесному приписалъ еси и трудамъ своихъ рабовъ вѣрныхъ. Радуйся, великій нашъ монархъ, иже никакими трудами непреборимъ былъ еси, и еще прежде взятія града того, вѣрою подобно Исусу Навину взя-

[1]) Письма и бумаги П. В., I, 564—565.
[2]) Письма и бумаги П. В., I, 62—63.
[3]) Письма и бумаги П. В., I, 569.
[4]) Письма и бумаги П. В., I, 89—90.
[5]) Письма и бумаги П. В., I, 591.
[6]) Письма и бумаги П. В., I, 96.

тіемъ себя обнадежилъ еси. Радуйся, праведній нашъ великій воине, иже своихъ враговъ не точію оружіемъ, но милосердіемъ праведнымъ побѣдилъ еси и толикихъ враговъ поганскихъ животомъ дарова. Тѣмъ же да прославится ваше государское имя по всей земли въ вѣчное веселіе всѣхъ христіанъ и въ безконечное уязвленіе богомерзкихъ агарянъ, и сей кровію и мученичествомъ православныхъ христіанъ полученный клейнотъ да пребудетъ не отриновенъ высокой вашей великого государя державѣ, дондеже солнце имать теченіе свое на тверди небеснѣй имѣти. Аминь". Далѣе Виніусъ, между прочимъ, сообщаетъ, что онъ не удержался отъ радости и написалъ объ этомъ за границу къ Витзену, чтобы тотъ сообщилъ радостную вѣсть Вильгельму англійскому [1]).

Въ августѣ переписка продолжалась. Въ письмѣ отъ 20 августа Царь проситъ Виніуса озаботиться устройствомъ тріумфальныхъ воротъ для въѣзда войска въ Москву. „Сіе же пишу, прибавляетъ онъ скромно, — не яко уча, но яко помня вашей милости о семъ николи тамъ бываемымъ" [2]). Отвѣчая на августовскія письма, Виніусъ, въ письмѣ отъ 8 сентября, излагаетъ свои проекты по этому поводу; но онъ рѣшительно заявляетъ, что „тому дѣлу прежде сентября 18 дня поспѣть не мочно, понеже, Государь, то дѣло не малое". Въ этомъ же письмѣ Виніусъ сообщаетъ о радости Бранденбургскаго курфирста по поводу взятія Азова и извиняется, что не явился ко Царю во время пребыванія его на желѣзныхъ заводахъ въ Тульскомъ уѣздѣ [3]).

Во 2-й половинѣ сентября Петръ прислалъ небольшую шутливую записку [4]) и 30 сентября со своимъ войскомъ прибылъ въ Москву.

Вскорѣ послѣ этого Царь Петръ собрался въ дальній путь за границу.

Едва выѣхавъ за границу, въ мартѣ 1697 года, Царь пишетъ Виніусу интимныя письма, употребляя симпатическія чернила. Виніусъ, въ свою очередь, пишетъ Царю письма вродѣ слѣдующаго:

„Господину моему благопріятнѣйшему. За писаніе твое любительное изъ Новагорода марта 19 дня, здѣ стало въ 23 день въ полдень, благодарствую сердечно, и того дня, понеже отъ господина великаго посла съ товарыщи первая явилась почта, ввалился

---

[1]) Письма и бумаги П. В., I, 597—599.
[2]) Письма и бумаги П. В., I, 109—110.
[3]) Письма и бумаги П. В., I, 603—604.
[4]) Письма и бумаги П. В., I, 110.

я въ такую компанію, и въ тѣ часы, когда дошла вѣсть о викторіи полтавцовъ надъ татары, и тутъ за здравіе пословъ и храбрыхъ кавалеровъ, а паче же государское, такъ подколотили, что Бахусъ со внукомъ своимъ Ивашкою Хмельн. надсѣлся со смѣху; а братъ Василій со старикомъ Бахусомъ хотѣлъ было поростаться, какъ говорилъ, но Ивашко лихъ, опять подкрался и почасту съ нимъ танцуетъ. За симъ буди, господине, здравъ и въ пути своемъ во всякомъ благосчастіи, еже сердечно желая съ поклоненіемъ А. В. челомъ бьетъ“ [1]).

1 апрѣля Царь писалъ Виніусу изъ Риги, что посольство приняли тамъ съ великою честію; но уже черезъ недѣлю пришлось Царю жаловаться на нелюбезность шведовъ, не позволившихъ осмотрѣть укрѣпленія Риги, и на дороговизну, и на скупость жителей. Половина письма отъ 8 апрѣля писана симпатическими чернилами: здѣсь сообщается о числѣ солдатъ въ Ригѣ, объ укрѣпленіяхъ, о жалованіи военнымъ людямъ, о намѣреніи короля шведскаго добиваться польской короны для своего сына. Послѣднее Виніусъ долженъ былъ сообщить кому слѣдуетъ („набольшимъ“) [2]).

Отвѣчая на Царскія письма, Виніусъ извѣщаетъ Петра подробно о побѣдѣ полтавцевъ надъ татарами; затѣмъ, сообщивъ о смерти Петра Вас. Шереметева, довольно смѣло заявляетъ: „мѣсто оставилъ, которое зѣло... требуетъ добраго человѣка и къ тому искуснаго; я бы желалъ окол. Богд. Ѳед. Полибина; онъ искусенъ, добръ и былъ бы опасенъ“; впрочемъ, спѣшитъ добавить: „только то обраніе не въ нашей, но въ волѣ великаго Государя“ [3]).

28 апрѣля изъ Либавы Петръ писалъ Виніусу о саламандрѣ въ спирту, которую онъ видѣлъ въ одной аптекѣ; въ этомъ же письмѣ онъ сообщалъ, что, отдѣлившись отъ посольства, ѣдетъ моремъ въ Кенигсбергъ [4]).

Изъ дальнѣйшихъ писемъ интересно письмо Виніуса отъ 7 апрѣля. Соблюдая инкогнито Царя, онъ писалъ: „прошу тя, господина моего, понеже указомъ благочестивѣйшаго нашего монарха мнѣ велѣно построить заводы изъ такихъ рудъ, которыя прибыльны будутъ; и по опытнымъ свидѣтельствамъ сыскалъ я зѣло добрую руду изъ магнита желѣзную, и такова, что писали изъ галанской земли, лучше быть невозможно. И я прошу зѣло: посломъ, пожалуй, подокучь, чтобъ они у курфистра Бранденбурскаго, или цесаря, или

---

[1]) Письма и бумаги П. В., 1, 615.
[2]) Письма и бумаги П. В., I, 144—146.
[3]) Письма и бумаги П. В., I, 620.
[4]) Письма и бумаги П. В., 149.

у Саксонскаго упросили самого добраго мастера, который бы умѣлъ въ достатокъ изъ той руды сталь дѣлать, и пушки, и мозжеры лить, потому что, своей ради мягкости, я чаю, что въ пушки и въ мозжеры зѣло годна; да онъ же бы и гранаты и бомбы лилъ, и, какъ возможно, скоро выслать. А о корму съ пуда договориться и сказать ему, что тамо, гдѣ ему быть, всякой харчъ зѣло дешевъ. А буде здѣсь дѣлать мушкеты, добро бъ прислали ствольнаго да замочнаго добраго мастеровъ по человѣку; мочно придать имъ учениковъ. Пожалуй, мой господине, учини мнѣ дружбу, а я тебѣ воздамъ, чтобъ сіе совершить, потому что отъ того мѣста во всѣ рускіе и сибирскіе городы всякое ружье и желѣзо мочно водою спровадить. Къ тому та магнитная руда, сказали опытчики, такова богата, что изъ 100 фунтовъ руды выходитъ 30 или 40 фунтовъ самаго добраго желѣза. И то дѣло будетъ въ такое диво, что во всей вселеннѣй не бывало, чтобъ изъ магнита желѣзо плавить, а далѣ копаючи, либо иное и богатѣе и прибыточнѣе сыщется. А объ иныхъ рудахъ, о которыхъ я писалъ, вѣстей по сесь часъ нѣтъ“ [1]). Вопросъ о русскомъ желѣзѣ особенно мучитъ Виніуса: „наипаче болитъ сердце, что иноземцы, высокою цѣною продавъ свейское желѣзо, и побравъ деньги, за рубежъ поѣхали, а наше сибирское многимъ свейскаго лучше“ [2]). „Еще дерзнулъ есмь напомнити“ пишетъ онъ немного позже,—„о мастерахъ къ заводамъ желѣзнымъ: одинъ чтобъ умѣлъ печь домну, и молотовую, и плотины сдѣлать, и какъ руду обжигать и плавить; второй чтобъ пушки и прочія орудія умѣлъ лить; третій чтобъ умѣлъ сталь дѣлать, а связи тянуть. Буде не мочно или трудно сыскать, чаю—по нуждѣ и здѣсь сыщутся. Добро бы, буде миръ у француза совершится, чтобъ мушкетныхъ и сабельныхъ или шпажныхъ и замочныхъ мастеровъ достать, только то, чаю, не уйдетъ, какъ заводы будутъ“ [3]).

11 іюля Царь писалъ Виніусу изъ Кольберга. Въ этомъ письмѣ, сообщая дипломатическія новости насчетъ польскаго престола, Петръ увѣдомляетъ, что въ Кенигсбергѣ онъ нанялъ на русскую службу бомбардира, а о желѣзныхъ мастерахъ хлопочетъ до сихъ поръ [4]).

Дальнѣйшія письма трактуютъ о тѣхъ же вопросахъ, какіе неоднократно попадались выше [5]); то, что въ письмахъ Виніуса

[1]) Письма и бумаги П. В., I, 623.

[2]) Кабин. П. В., II, кн. № 53. Соловьевъ, кн. III, 1175.

[3]) Письма и бумаги П. В., I, 629.

[4]) Письма и бумаги П. В., I, 181.

[5]) Въ письмѣ отъ 6 авг. онъ упоминаетъ также объ успѣшномъ ходѣ постройки шлюзъ.

касается почты, было предметомъ нашего разсмотрѣнія въ его біографіи.

17 августа Петръ писалъ изъ Саардама. Въ этомъ письмѣ онъ сообщаетъ, что посольство было принято въ Голландіи съ честью, члены посольства присутствовали въ театрѣ, приглашены на фейерверкъ; что видѣлся онъ съ Витзеномъ, который обѣщалъ устроить его на работу при Остиндской верфи. Съ ироніей сообщаетъ Царь о спальникахъ, посланныхъ въ Голландію для науки еще раньше посольства, что они, выуча компасъ, уже хотѣли возвращаться въ Москву, не побывавши на морѣ [1]).

27 августа Виніусъ писалъ Царю нѣкоторыя подробности о дѣятельности Ромодановскаго: „повелѣнное поклоненіе всѣмъ господамъ, а паче же Государю генералиссиму въ обителехъ его... низко и по достоинству сотворилъ, и за то подарокъ его отвезъ— и отпустилъ меня съ больною головою и перекусанною щекою. Однакожь, спаси его Богъ! очистилъ колодниковъ съ 300 ч. съ марта мѣсяца“. Напомнивъ, по обычаю, еще разъ о мастерахъ, Виніусъ проситъ: „пожалуй, мой милостивой, подари и иныхъ своимъ писаніемъ: печалятся о томъ вельми“ [2]). Значитъ, Царь, забывая о другихъ, не забывалъ писать Виніусу! То же самое видно изъ письма Петра отъ 31 августа изъ Амстердама: „писалъ ты, пишетъ онъ Виніусу, что оскорбляются нѣкоторыя персоны, что я о украинномъ дѣлѣ писалъ къ тебѣ, а не къ нимъ, и то мочно разсудить, что то дѣло великое, и явно писать нельзя, а того письма (т. е. писаннаго раньше тайными чернилами) они не знаютъ, а мнѣ инакъ было писать нельзя“ [3]).

10 сентября Виніусъ послалъ Царю 2 письма. Сообщая о дождяхъ и грязи въ Москвѣ, онъ завидуетъ заграничнымъ мостовымъ и выражаетъ мысль, что хорошо бы и мостового мастера прислать изъ-за границы; жалуется на малое число писемъ изъ посольства— о пути его приходится узнавать изъ курантовъ! Сообщаетъ о смерти К. Ѳ. Нарышкина [4]).

Въ письмѣ отъ 17 сентября Виніусъ сообщаетъ Царю о приходѣ 40 кораблей голландскихъ, англійскихъ и гамбургскихъ въ Архангельскъ [5]).

1 октября Петръ въ письмѣ изъ Амстердама проситъ никого не обижаться, что онъ, „иное за недосугомъ, иное за отлучкою, а

---

[1]) Письма и бумаги П. В., I, 186.
[2]) Письма и бумаги П. В., I, 638.
[3]) Письма и бумаги П. В., I, 188.
[4]) Письма и бумаги П. В., I, 639—640.
[5]) Письма и бумаги П. В., I, 641.

иное за Хмельницкимъ" не успѣваетъ писать писемъ [1]). Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 5 октября Царь пишетъ: „пишешь о великихъ дождяхъ и грязяхъ, что у васъ нынѣ; и о томъ дивимся, что на такой высотѣ такая грязь; мы здѣсь и ниже воды живемъ, однако сухо". Въ этомъ же письмѣ онъ сообщаетъ, что плѣнный турецкій паша у нѣмцевъ говорилъ о существующемъ пророчествѣ, будто въ 1699 г. Царь-градъ будетъ взятъ русскими [2]). Послѣ этого Царь почти мѣсяцъ не писалъ Виніусу, что послѣдняго очень безпокоило [3]).

4 ноября Виніусъ сообщалъ Царю сибирскія вѣсти: изъ Китая вышелъ большой купеческій караванъ съ камками; воеводы сибирскіе теперь лучше прежнихъ, а о злоупотребленіяхъ прежнихъ ведется слѣдствіе; позже онъ писалъ о находкѣ желѣзныхъ рудъ, что же касается серебряныхъ рудъ, разыскивать которыя посланы греки, то пока онъ не получалъ свѣдѣній за дальностью разстоянія [4]).

Въ письмѣ изъ Лондона отъ 11 января 1698 года Петръ обѣщаетъ Виніусу прислать „вѣдомости золотыхъ разныхъ земель [5])".

Въ мартовскихъ письмахъ изъ Детфорда, Царь пишетъ о чудныхъ китайскихъ вещахъ, которыя онъ видѣлъ въ Англіи, о томъ, что желѣзныхъ мастеровъ можно достать и въ Англіи, только за дорогую цѣну, а также сообщаетъ о морскихъ маневрахъ въ Портсмутѣ и о смерти испанскаго короля.

Виніусъ, въ письмѣ отъ 15 апрѣля, кромѣ почтовыхъ дѣлъ, пишетъ о морозахъ, пожарахъ (отъ одного изъ нихъ чуть онъ самъ не пострадалъ), о табачномъ дѣлѣ и... по обыкновенію, о желѣзныхъ мастерахъ [6]). Въ другомъ, апрѣльскомъ письмѣ Виніусъ сообщаетъ подробно о мѣрахъ, принятыхъ имъ для распространенія и утвержденія христіанства въ Китаѣ и сопредѣльныхъ съ нимъ народахъ [7]).

30 апрѣля Царь писалъ изъ Амстердама о своемъ возвращеніи изъ Англіи и объ отдачѣ табаку на откупъ англичанамъ [8]).

---

[1]) Письма и бумаги П. В., I, 198.

[2]) Письма и бумаги П. В., I, 201—202.

[3]) Письма и бумаги П. В., I, 653 и 654.

[4]) Письма и бумаги П. В., I, 664. Впослѣдствіи свѣдѣнія о поискахъ этихъ гречанъ были получены, но въ нихъ было мало интереснаго („Двѣ грамоты о началѣ горнаго промысла въ Сибири", Временникъ М. Общ. ист. и др., кн. VII).

[5]) Письма и бумаги П. В., I, 236.

[6]) Письма и бумаги П. В., I, 709.

[7]) Письма и бумаги П. В., I, 695.

[8]) Письма и бумаги П. В., I, 250—251.

Почта изъ-за границы нерѣдко опаздывала. Это давало поводъ ко всякимъ темнымъ слухамъ. Петръ чрезвычайно былъ недоволенъ, когда узналъ, что Виніусъ человѣкъ бывалый, и тотъ безпокоился болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, при запозданіи почты [1]). Пришлось Виніусу просить прощенія, что онъ вмѣсто того, чтобы успокаивать другихъ, самъ поднималъ тревогу. Въ письмѣ, писанномъ въ концѣ мая, онъ, между прочимъ, проситъ Царя: „въ странахъ, идѣже заводы желѣзные и серебряные и прочіе, мню, ваше господство проѣздомъ будете и, сему случившуся, молю, чтобъ изволили показать старымъ и знающимъ мастерамъ тотъ магнитъ, что я вашему господству поднесъ, и имъ объявить, что того камени три великія жилы и многія иныя жилицы, что они признаютъ подъ тѣми жилами быти, и заводы такіе жь у нихъ есть ли и какое желѣзо изъ того камени магнитного учнетъ выходити [2])".

Въ іюнѣ Петръ писалъ изъ Дрездена и изъ-подъ Вѣны. Радуясь сообщеннымъ Виніусомъ извѣстіямъ о насажденіи христіанства въ Китаѣ, онъ совѣтуетъ въ такихъ дѣлахъ быть осторожнымъ и употреблять поповъ не такъ ученыхъ, какъ „разумныхъ и покладныхъ", чтобы не раздражить китайскихъ начальниковъ или іезуитскихъ миссіонеровъ [3]).

Въ слѣдующихъ письмахъ Виніусъ писалъ объ усмиреніи стрѣлецкаго бунта; а затѣмъ, такъ какъ Петръ сообщалъ, что камень, посланный ему Виніусомъ для образца, утерянъ и показать ему за границей нечего, то Виніусъ послалъ ему чертежъ магнитной горы у р. Тагила съ указаніемъ жилъ и планомъ окрестностей. Обиліе лѣсовъ и водныхъ путей по близости, по мнѣнію Виніуса, наилучшимъ образомъ способствовало бы заведенію заводовъ. Мимоходомъ онъ сообщаетъ также о томъ, что близъ Москвы заводы останавливаются отъ недостатка топлива [4]). Въ это время онъ получилъ извѣстіе отъ Витзена, что пострадалъ лучшій шведскій заводъ, что подало Виніусу надежду, что сбытъ нашего желѣза увеличится. Не надѣясь уже получить желѣзныхъ мастеровъ изъза границы, онъ хлопочетъ о передачѣ ему русскихъ мастеровъ съ заводовъ, прекратившихъ свою работу [5]).

Возвратившись въ Россію, Петръ, какъ извѣстно, принялся за казни стрѣльцовъ; затѣмъ опять отдался кораблестроенію. Письма его (изъ Воронежа, Азова и пр.) отличаются краткостью и сухостью.

---

[1]) Письма и бумаги П. В., I, 252.
[2]) Письма и бумаги П. В., I, 722.
[3]) Письма и бумаги П. В., I, 253—254.
[4]) Письма и бумаги П. В., I, 728 и 732.
[5]) Письма и бумаги П. В., I, 734 и 741.

Письма Виніуса также измѣняютъ свой тонъ и становятся раболѣпными. Онъ сообщаетъ Петру заграничныя новости, посылаетъ куранты, сообщаетъ о переводахъ, сдѣланныхъ имъ по порученію Царя (переводъ росписи кораблей, надгробнаго слова Лефорту и пр.). Въ письмѣ отъ 31 марта 1699 г. онъ пишетъ: „аще о чемъ Никита Моисеевичъ (Зотовъ) тебѣ, моему милостивѣйшему, о мнѣ донесетъ, возри окомъ человѣколюбнымъ на раба своего, подаждь ми, Государь, отраду, яко и надъ подъячими милость изволилъ ты, Государь, явити: моя братья на мя, изъ нихъ нижайшаго, веліе бремя налагаютъ, противо себя мало не втрое: а работаю, ей, мой милосердый, тебѣ, великому Государю, вѣрно и чистою совѣстію. Но о семъ да буди твоя государская воля; упованіе мое единъ Богъ и ты, мой премилостивѣйшій [1])".

Іюньскія письма Виніуса посвящены сибирскимъ дѣламъ.

3 сентября Царь писалъ Виніусу изъ Таганрога, что русскій посолъ отправился въ Константинополь на кораблѣ [2]). Въ отвѣтъ на это Виніусъ посылаетъ 24 сентября велерѣчивое посланіе, восхваляя появленіе русскаго флота на южныхъ моряхъ [3]).

Мартовскія письма 1700 года посвящены сибирскимъ дѣламъ. Дружескій характеръ переписки исчезаетъ совершенно. Въ одномъ изъ писемъ Царь поручаетъ Виніусу написать Витзену о присылкѣ пожарныхъ трубъ. Царь недоволенъ, что Виніусъ присылаетъ мало вѣстей, что пропадаютъ почты. Началась Великая Сѣверная война. Царь постоянно сообщаетъ Виніусу о военныхъ событіяхъ, но все чаще и чаще высказываетъ ему свое неудовольствіе. Такъ напр., въ ноябрѣ онъ требуетъ немедленно исправить неудачно сдѣланный портретъ умершаго Ѳ. Ѳ. Плещеева; въ апрѣлѣ 1701 г. требуетъ поспѣшить съ доставкой артиллеріи и не стѣснять англичанъ въ торговлѣ табакомъ въ Сибири („если тотъ торгъ пресѣчется, прибавляетъ Петръ, отъ сего весь убытокъ на васъ будетъ доправленъ" [4]).

Въ мартѣ 1701 г. большая часть почтъ была взята изъ вѣдѣнія Виніуса; на тревожный запросъ его по этому поводу, Петръ отвѣчалъ:

„Min Her. Письма ваши я принялъ, въ которыхъ пишете о готовости артиллеріи и что трудитеся въ томъ; и то зѣло доброе дѣло и надобно, ибо время—яко смерть. Тутъ же пишешь, нѣтъ ли

---

[1]) Письма и бумаги П. В., I, 765.
[2]) Письма и бумаги П. В., I, 303.
[3]) Письма и бумаги П. В., I, 782—784.
[4]) Письма и бумаги П. В., I, 443.

какого гнѣву за нечаемое будто отнятіе почты. И тутъ не сама ли васъ совѣсть обличитъ? Понеже я уже давно о томъ говорилъ, и вы такъ тому свѣдомы были, что многимъ о томъ говорили и нѣчто давали, а взята оная отъ васъ не за ино что, только что оная у васъ была ни въ какую пользу государству, но только вамъ, ибо сколь кратъ я говорилъ тебѣ о корреспонденціи въ иныя мѣста, но тѣ мои слова тщетны; того для и отдана иному, гдѣ если такова жь будетъ тщетна, и тамъ можетъ отнятца.—Другая же, которая къ Городу (т. е. къ Архангельску), на нѣкоторое время оставлена у васъ. Сего ради достоитъ не небречь тѣхъ, или въ переманку ставить словъ, кто волю отъ Бога имѣетъ, но всею крѣпостію радѣть. Буде жь помнишь, что по доносу прельстишься, слава Богу, какъ вы о себѣ, такъ мы о васъ вѣдаемъ, и дядьки нѣтъ, кто бъ велъ за носъ. Сіе не въ печаль вашей милости, но вразумленія ради пишу, да не колеблешься въ семъ мыслію.

Piter.

Съ Воронежа, апрѣля въ 16 день 1701 года [1])".

На это письмо Виніусъ отвѣчалъ 29 апрѣля. Онъ заявляетъ, что радуется, узнавъ о томъ, что гнѣва Государева на него нѣтъ, проситъ только „въ трудѣхъ... всеусердныхъ суща въ препитаніи вседневнаго... съ домишкомъ хлѣба не оставити и вѣрныя... работишка разсмотрити". Затѣмъ переходитъ къ дѣламъ: говоритъ объ изготовленіи новыхъ пушекъ, о присылкѣ 34.000 пуд. колокольной мѣди на пушки (послѣ битвы подъ Нарвой) и о недостаткѣ красной мѣди, безъ которой изъ колоколовъ лить пушекъ невозможно; объ отпускѣ съ Москвы сибирскаго архіерея (знаменитаго св. Димитрія); проситъ о поставкѣ пороха Избрантомъ вмѣсто Воронежа въ новгородскій походъ [2]).

14 мая Петръ писалъ Виніусу о доставкѣ артиллеріи въ Новгородъ. О красной мѣди Петръ поручаетъ сказать бурмистрамъ, что они отвѣтятъ головами, если во время ея не доставятъ. Насчетъ пороха царь согласился съ Виніусомъ [3]).

30 мая Виніусъ писалъ Петру, что пушекъ готово достаточно, но отправка замедляется за недостаткомъ подводъ, которыя перехватываются „многими господами" для ихъ нуждъ [4]).

20 іюля 1702 г. онъ писалъ царю, что оправился отъ болѣзни и собирается по дѣламъ въ Сибирь „вящшею охотою, видя, что

---

[1]) Письма и бумаги П. В., I, 444.
[2]) Письма и бумаги П. В., I, 852—853.
[3]) Письма и бумаги П. В., I, 449.
[4]) Письма и бумаги П. В., I, 856.

сибирскаго желѣза пушки и мортиры опытъ свой выдержали". Въ этомъ же письмѣ онъ сообщаетъ подробныя свѣдѣнія объ артиллеріи [1]).

Взявъ Нотебургъ, Петръ не могъ удержаться, чтобы не подѣлиться радостью со своимъ старымъ слугою: „зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ, однако слава Богу, счастливо разгрызенъ. Артиллерія наша зѣло чудесно дѣло свое исправила" (письмо отъ 13 октября 1702 г.) [2]). На это письмо послѣдовалъ радостный отвѣтъ Виніуса изъ Верхотурья, отъ 8 декабря. Но и въ этомъ письмѣ большая часть отведена дѣлу: Виніусъ пишетъ о сибирскихъ заводахъ, имъ устраиваемыхъ, о приготовленіи новыхъ пушекъ, нахожденіи богатой желѣзной руды въ такомъ количествѣ, „что чаю прежде лѣсамъ оскудѣніе, нежели рудамъ будетъ"; а наипаче, что желѣзо то зѣло добро и равняется съ гишпанскимъ" [3]).

Но съ 1703 г. царю снова приходится ссориться съ Виніусомъ. Въ январѣ онъ пишетъ послѣднему письмо, противъ обыкновенія начиная его такъ: „Господину надзирателю артиллеріи" вмѣсто обычнаго Min Her. Въ этомъ письмѣ дѣлается выговоръ за несвоевременный отпускъ артиллерійскихъ припасовъ и за небрежное изготовленіе ихъ [4]). 10 февраля царь требуетъ присылки желѣза въ Воронежъ. Отвѣчая на это послѣднее письмо, Виніусъ, между прочимъ, жалуется на недостатокъ сѣры для пороха и свинцу, въ чемъ винитъ бурмистровъ; сообщаетъ, что англичане въ восторгѣ отъ сибирскаго желѣза и просятъ дать имъ образецъ. Сообщивъ затѣмъ о большой прибыли, полученной имъ отъ продажи китайскихъ товаровъ, Виніусъ не упускаетъ случая попросить себѣ деревеньку дворовъ въ 200 съ небольшимъ: „воистинно, государь, аще живъ буду,—заслужу, Богу помогающу, паче жь въ Сибири, въ промыслахъ желѣзныхъ, мѣдныхъ, селитреныхъ, а еще что Господь подастъ. Такожде коликіе мои труды въ управленіи такой великой артиллеріей были, о томъ тебѣ, моему милостивѣйшему, извѣстно" [5]).

Но Петръ уже скептически относился къ трудамъ Виніуса. Слѣдующее письмо царя Виніусу помѣчено 19 февраля 1703 г.; въ немъ онъ требуетъ Виніуса къ себѣ въ Воронежъ съ нѣкоторыми припасами. Въ началѣ мая 1703 г. былъ взятъ Ніеншанцъ. Сообщая объ этомъ радостномъ событіи многимъ лицамъ, Петръ на

---

[1]) Письма и бумаги П. В., I, 380—381.
[2]) Письма и бумаги П. В., II, 92.
[3]) Письма и бумаги П. В., II, 413.
[4]) Письма и бумаги П. В., II, 125.
[5]) Письма и бумаги П. В., II, 469.

этотъ разъ уже не находитъ нужнымъ писать Виніусу. Тѣмъ не менѣе, бѣдный старикъ, уже подвергавшійся допросу за свою неаккуратность, считаетъ долгомъ принести царю свое поздравленіе по этому случаю. Въ письмѣ отъ 12 мая Виніусъ восторженно говоритъ о значеніи Ніеншанца для русской торговли, какъ конечнаго пункта великаго Каспійско-Балтійскаго пути. Тутъ же Виніусъ сообщаетъ о смерти Карла XII въ Помераніи, о разрѣшеніи голландскаго правительства вывезти 5000 пуд. сѣры въ Москву для изготовленія пороху [1]).

Въ октябрѣ 1703 г. Виніусъ былъ отставленъ отъ всѣхъ должностей; на немъ осталось только артиллерійское дѣло: онъ все еще лилъ пушки. Тяжка была для него немилость царская. „Обрадуй мя, своего раба“,—писалъ онъ царю въ апрѣлѣ 1705 г., полагая, что царь уже забылъ свой гнѣвъ: „въ печалѣхъ погружаема, въ грядущій праздникъ Воскресенія Христа Бога нашего обнадеженіемъ своея государскія милости“ [2]).

Вынужденный удалиться за границу, Виніусъ писалъ оттуда (неизвѣстно, изъ какого мѣста) царю оправдательное письмо [3]). Въ этомъ письмѣ онъ пишетъ, что, потерявъ около Гродно почти всѣхъ своихъ людей и лошадей, опасался попасть въ руки непріятеля и потому поспѣшилъ спастись за прусскую границу, откуда искалъ возможности вернуться въ московскіе предѣлы. Когда же ему это не удалось, онъ черезъ Кенигсбергъ отправился въ Голландію. „Достигъ, пишетъ онъ,—въ такую озяблость горькаго ми состоянія, что всего, еже въ толикія лѣта трудами многими пріобрѣлъ, весьма себя вижу обнаженна“. Въ заключеніе онъ проситъ прощенія у царя: „Даруй мнѣ, состарѣлому и слабому, остатныя дни малыя моея краткія жизни внѣ всѣхъ мирскихъ суетствъ въ домишкѣ моемъ или въ монастырѣ мирно скончати“ [4]).

За этимъ письмомъ послѣдовало другое, отъ 16 ноября 1706 г. Съ ужасомъ упомянувъ о взводимыхъ на него обвиненіяхъ въ измѣнѣ со стороны враговъ, которые „не боятся Божія мстительнаго суда“, именуютъ его „крайнимъ злодѣемъ“, чтобъ лишить его всего имущества, Виніусъ перечисляетъ свои заслуги на службѣ царскаго Величества: завѣдываніе посольскимъ, сибирскимъ и пушкарскимъ приказомъ, устроеніе заводовъ, торговыхъ сношеній въ Сибири, находку селитры, открытіе школы математической для наукъ инженер-

---

[1]) Письма и бумаги П. В., II, 537—539.

[2]) Кабин. П. В., II, № 4. Соловьевъ, кн. IV, 4.

[3]) Свѣдѣнія объ этомъ, равно какъ и о послѣдующихъ письмахъ Виніуса см. у Пекарскаго и V т. Писемъ и бумагъ Петра В.

[4]) Каб. П. В., II, № 5. Письма и бумаги П. В. V, 715.

ныхъ, бомбардирскихъ и пушкарскихъ, участіе въ дѣлахъ малороссійскихъ, устройство тріумфальнаго шествія послѣ азовскихъ побѣдъ, заботу о безопасномъ возвращеніи Петра изъ-за границы и пр. [1]).

Очевидно, это послѣднее письмо возымѣло дѣйствіе на Царя, который умѣлъ помнить заслуги своихъ приближенныхъ. Онъ, наконецъ, отвѣтилъ Виніусу изъ Люблина, 18 іюня 1707 г.: „Господинъ Виніусъ! Письма ваши три я принялъ, на которые отвѣтствую, что какъ вы поѣздку свою ни разсуждаете, однакожъ оная не безъ вины есть; что же вы тутъ поминаете, что отчужденъ отъ милости, и въ томъ можете сами разсудить: пока вы постоянно шли, тогда и я къ вамъ теплѣе былъ, а когда сказывать стали, что нечего ѣсть, а десять тысячъ въ одну ночь дали, тогда и меня сіе ваше непостоянство отъ васъ отдалило. Но нынѣ, ежели хочете паки возвратиться, то во всемъ прощеніе получите, такожъ и все ваше вамъ отдано будетъ; въ томъ можете весьма надежны быть“ [2]). 10 сентября 1708 г. Виніусъ, увѣдомляя царя, что онъ, по милости Божіей, возвратился въ нѣдра восточнаго православія и прибылъ черезъ Архангельскъ къ Москвѣ, просилъ объ отдачѣ ему принадлежащаго имущества, дома и книгъ. Въ октябрѣ онъ уже благодарилъ Петра за то, что его „домишко распечатанъ, деревнишки возвращены“.

Слѣдующія письма Виніуса касаются исключительно ученыхъ и переводческихъ трудовъ, возложенныхъ на него царемъ: въ декабрѣ 1708 г. онъ сообщалъ Петру, что окончилъ переводъ трактата по механикѣ и предлагалъ переводъ сочиненія о фортификаціи; въ отвѣтъ на письмо Петра (неизвѣстное намъ), въ которомъ Царь приказывалъ напечатать трактатъ по механикѣ и изготовить „книгу огнестрѣльную“, Виніусъ отвѣчаетъ обстоятельнымъ письмомъ. Онъ совѣтуетъ Царю, чтобы тотъ, раньше печатанія, прочелъ трактатъ о механикѣ въ рукописи; относительно же „огнестрѣльной книжицы“ заявилъ, что таковая уже переведена имъ 12 лѣтъ тому назадъ или даже больше, но перевода ея у него нѣтъ. Виніусъ предполагалъ, что книга эта найдется среди тѣхъ 400 книгъ, которыя были взяты у него въ Аптекарскій приказъ и задержаны тамъ комиссаромъ Веселовскимъ. Онъ убѣдительно просилъ Царя дать указъ о выдачѣ ему этихъ книгъ, тѣмъ болѣе, что среди нихъ есть лексиконы, необходимые ему для переводовъ, книга съ фигурами о „фундаментномъ вѣдѣніи“ и о фейерверкахъ. Мимоходомъ Виніусъ сообщаетъ,

---

[1]) Въ этомъ же письмѣ Виніусъ заявляетъ, что ему 65 лѣтъ отъ роду. Каб. П. В., II, № 5. Письма и бумаги П. В., V, 717.

[2]) Письма и бумаги П. В. V, 312.

что книги собирались имъ въ теченіе 50 лѣтъ и даже выписывались изъ-за границы черезъ Витзена.

Въ письмѣ отъ 2 февраля 1709 г., увѣдомляя Царя о продолженіи своей ученой работы, Виніусъ спрашиваетъ, издавать ли ему переведенную имъ книгу по артиллеріи. То же самое находимъ и въ письмахъ отъ 7 февраля и 9 марта. Въ первомъ письмѣ Виніусъ ходатайствуетъ о дарованіи ему или кому-нибудь другому („мнѣ, или чье имя назначь“) на 10 лѣтъ привилегіи на печатаніе „новыхъ Россійскаго и иныхъ государствъ партикулярныхъ и общихъ всей вселенной чертежей съ русскими подписями“, чтобы никто другой не смѣлъ бы таковые перепечатывать. Во второмъ письмѣ онъ сообщаетъ о полученіи всѣхъ своихъ книгъ и благодаритъ за это.

Письма отъ Виніуса къ Царю посылались и въ слѣдующіе годы, до 1714 включительно; они заключаютъ въ себѣ по большей части поздравленія по случаю разныхъ побѣдъ.

Вотъ что, напр., онъ пишетъ послѣ Полтавской битвы:

Пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій царю, великій монархъ и побѣдитель преславный!

Всемірная дошедшая здѣсь радость благодатіею Вышняго Царя царствующаго (sic), всесильнаго Господа Бога Вамъ, великому нашему монарху, дарованною надъ въ мыслѣхъ превознесенному непріятелемъ несравненною викторію, удостоися со святымъ Моисеемъ прославляюще воспѣти, поемъ Господеви, славно бо прославися (на поляхъ: Исходъ, 15), коня и всадника и всѣхъ воевъ храбро бывшихъ проверже по степямъ. Сей есть Богъ нашъ сокрушаяй брани супостатъ нашихъ, покрый ихъ, яко древле египтянъ море. Сихъ же кровь пролилъ. Оружія храбрыхъ воинъ россійскихъ, множество силы своея стерль Господь супостаты. Посла на ня Господь гнѣвъ свой, иже пояде ихъ, яко стебліе. Рече врагъ: гнавъ постигну, утну мечемъ моимъ, поражу и раздѣлю корысть, исполню душу мою и воевъ моихъ и прочая. Сія бо несравненная викторія исполнила всѣхъ подданныхъ вашихъ монаршескихъ сердца такою радостію паче всѣхъ радостей и воистинно превзыде славою побѣду Кароля 5-го кесаря римскаго, монарха зѣло славнаго, иже во Италіи порази Францишка перваго краля францужскаго и самаго плѣни, но сей несравненна. Понеже вящшая часть французъ бѣгствомъ спаслися, въ сей же, мню, ни единъ избѣже. Превзошла побѣду кесарскую, юже получи Леополдусъ надъ турки подъ Сегединымъ, въ 1697 году и паки иной надъ французы сія съ союзники подъ Гохштетомъ въ 1709 году, а паче же въ Россіи николиже слыханой мню и вѣрую, яко самое присудствіе Вели-

чества Вашего сію великую съ малымъ урономъ вашего государскаго воинства побѣду сод....ствовало. Тѣмже высокому вашему монарщескому имяни удостоися вящшей похвалы понеже несумнително многіе шведскихъ доброхотовъ концепты въ дымъ превратятся, вашимъ же государскимъ интересамъ много тысящъ добрыхъ и ко славѣ высокаго вашего государскаго имяни простирающихъ дѣлъ привлачитъ.

Сего ради азъ, убогій старецъ, въ надеждѣ вашіа монаршескія ко мнѣ убогому обѣщанного милосердія утверждаютъ между многими въ смыслѣ богатыми послѣднею силою памяти и ума моего предъ престолъ Вашего Величества къ ногамъ вашимъ повергшася сею великою несравненною викторіею смиренно и покорственно привѣтствуя, дерзнухъ поздравити и глаголати: радуйся, о великій нашъ преславный монарха, иже удостоился еси съ нѣкоимъ римскимъ монархомъ изглаголати сія словеса: пріидохъ, видѣхъ и побѣдихъ; радуйся, о непобѣдимый монарха, иже паче сей побѣды праведную сыю на сихъ высокохвалныхъ враговъ и пристойную сыю отмстительную ярость милосердіемъ несравненнымъ побѣдилъ еси, избранныя ихъ плѣнники своими царскими щедротами ихъ во ужасное удивленіе привелъ еси. Буди же паки хвала и благодареніе вышнему Богу, увѣнчавшему святымъ муромъ помазанную честнѣйшую ти главу и толиколѣтныя труды славою безсмертною, паче жь сохраншему дражайшую святую вашу царскую персону отъ толикихъ опасныхъ явленныхъ и неявленныхъ человѣческихъ случай. Сего ради отъ ревности моея души дерзнухъ Величеству Вашему представить покорныя доношенія, яко сожалѣніемъ многимъ есмь содержимъ о славѣ Божіей и вѣчной безсмертной похвалы Вашего Величества великой премудрости въ такихъ викторіахъ кротости, милосердіи и щедротъ, дабы грядущимъ родамъ паче жь Вашего Величества пресвѣтлѣйшимъ наслѣдникамъ во мглу забытности не были преданы, но въ нескончаему память. Сіа и многія содѣянныя вашими побѣды славныя, не на преходимыхъ, но на твердыхъ матеріахъ, гдѣ Ваше Величество соизволите были изображены и поставлены. Яко же въ ветхомъ и новомъ Римѣ, Парижѣ, Лондонѣ, въ Галандіи, и протчихъ странахъ нѣкоторые уже болши 1.000 лѣтъ древнія храбростію мудрою полученныя побѣды во славу тѣхъ монарховъ на столпахъ и металахъ изъяснены, но понеже сія дѣла мнѣ не вручены, аще отъ ревности и дерзнухъ представити съ припаденіемъ смиренно молю о милостивомъ вашемъ государскомъ прощеніи и во еже сіе вышепомянутое мое покорнѣйшее убогое привѣтство щедротами своего государскаго человѣколюбнаго при-

роднаго милосердіа, яко отъ евангелской убогой вдовицы двѣ лепты пріяти и въ милостивомъ вашемъ государскомъ хранителномъ призрѣніи мя имѣти.

Вашего Царскаго Величества, моего премилосердаго великаго монарха и преславнаго побѣдителя нижайшій и покорнѣйшій рабъ Андр. Виніусъ. Съ Москвы, 1709 іюля въ 6 день [1]).

Интересно также письмо, писанное, повидимому, въ 1712 году: „Нынѣ, пріѣхавъ къ Москвѣ, г. тайный совѣтникъ Тихонъ Никитичъ (Стрѣшневъ), мнѣ, рабу вашему, вашимъ, Великаго Государя, указомъ, сказалъ, что вы, Государь, изволили потребовать отъ меня переводу уставу судебныхъ воинскихъ правъ, и я, Государь, въ прошломъ году былъ на вашей, Великаго Государя, службѣ въ полкахъ съ гетманомъ, а пріѣхавъ въ Глуховъ, съ начала мѣсяца іюля лежалъ нѣсколько недѣль въ разслабленіи, а которые дни было мнѣ отраднѣе, въ тѣ трудился надъ лексикономъ голландскимъ, а надъ воинскими правы не работалъ, понеже чаялъ, иные люди то управятъ. А нынѣ, къ Москвѣ пріѣхавъ, въ домикѣ моемъ обрѣлъ—постановлены шведы во всѣхъ жильяхъ, и донынѣ не сводятъ, а было ихъ сначала больше 200 человѣкъ, и въ домъ меня не пустили, и жилъ въ чужомъ дворѣ недѣли съ три, а мнѣ не малое отъ постоя разореніе. А нынѣ, Государь, началъ въ воинскихъ правахъ трудитися, и по елико смогу, буду работать; однако жъ рукою, Государь, правою въ письмѣ мнѣ зѣло тяжко, едва имя свое подписываю; но уповаю симъ великимъ постомъ голландскіе артикулы совершить, а прочее потомъ. Не прогнѣвись, мой милостивѣйшій Государь, на мя, нижайшаго раба своего: воистинно, Государь, сталъ быть дряхлъ, едва брожу, ужъ 70-й годъ доходитъ. Желаніе—вѣсть Богъ—есть, да сила по вся дни скудѣетъ [2]).

Послѣ 1714 г. писемъ Виніуса уже не имѣется.

Мы сдѣлали обозрѣніе жизни и дѣятельности Андрея Андреевича Виніуса. Оно приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Виніусъ былъ однимъ изъ лучшихъ представителей переходной эпохи (XVII — XVIII вв.). Большая часть его жизни отдана

---

[1]) Это письмо до сихъ поръ не было нигдѣ напечатано. Каб. Петра В. II, № 9, л. 123.

[2]) Пекарскій обозначилъ это письмо 21 февраля 1702 г. и помѣстилъ его въ разсказѣ раньше ухода Виніуса за границу. Но это явно ошибочно. Не говоря уже о самомъ содержаніи письма,—извѣстно, что Виніусъ при Мазепѣ никогда не былъ, а былъ при Скоропадскомъ, въ 1710 г., затѣмъ въ 1702 г. ему было 60, а не 70 лѣтъ.

XVII вѣку, большая часть дѣятельности — времени Петра. Онъ представляетъ собою великолѣпный типъ русскаго работника обѣихъ эпохъ. Въ XVII вѣкѣ онъ, увлекаясь свѣтской культурной работой—проектами флота, дипломатіей, почтами, не чуждъ былъ и добродѣтелей той эпохи—онъ интересовался богословскими и этическими вопросами, писалъ въ этомъ духѣ рядъ сочиненій, получалъ иконы въ подарокъ отъ государей; въ XVIII вѣкѣ—онъ космополитъ, смотритъ на религію съ культурной и государственной точки зрѣнія. Онъ заслужилъ глубокое довѣріе и уваженіе правительства въ XVII в. и сохранилъ ихъ надолго и при Петрѣ В. При Петрѣ онъ весь отдавался той сферѣ, гдѣ кипѣла преобразовательная дѣятельность. Съ „птенцами гнѣзда Петрова“ вмѣстѣ онъ участвовалъ въ попойкахъ, не отставалъ отъ нихъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія для себя лично матеріальныхъ выгодъ; съ этими же „птенцами“ онъ и работалъ до изнеможенія, несмотря на свой почтенный возрастъ. Рѣдкіе дѣятели петровскаго времени соединяли въ своихъ рукахъ такое большое количество дѣлъ, которое лежало на Виніусѣ; да иначе и быть не могло—врядъ ли кто изъ сотрудниковъ Петра обладалъ такими разнообразными познаніями, какъ этотъ „русскій нѣмецкаго происхожденія“—какъ называетъ его Корбъ. Онъ зналъ нѣсколько языковъ, прекрасно владѣлъ русскимъ литературнымъ слогомъ, имѣлъ большую разнообразную библіотеку; обладая гибкимъ умомъ, онъ умѣлъ быть и хорошимъ администраторомъ, и дипломатомъ, и дѣятелемъ просвѣщенія, и аптекаремъ, и заводчикомъ, и литейщикомъ; зналъ корабельное дѣло, былъ опытенъ въ финансовыхъ вопросахъ, интересовался геологіей и географіей. Его мы видимъ въ Москвѣ въ приказахъ, въ Верхотурьѣ и Тулѣ на заводахъ, въ Вильно—ведущимъ переговоры съ почтмейстеромъ, въ Малороссіи—въ роли правительственнаго агента, въ Гродно—при артиллеріи, наконецъ за границей. Жизнь закончилъ онъ въ Петербургѣ: онъ былъ въ числѣ первыхъ насельниковъ новой столицы. Почти до смерти онъ не переставалъ заниматься наукою.

Подражая Царю, который

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ
. . . . . .
На тронѣ вѣчный былъ работникъ,

Виніусъ былъ такимъ же въ тѣхъ сферахъ, куда помѣщала его властная рука преобразователя Россіи[1]). Судьба отказала ему въ

[1]) „На каждомъ мѣстѣ Виніусъ вполнѣ выказалъ свое благоразуміе и свое происхожденіе“ говоритъ Корбъ, считавшій Виніуса нѣмцемъ (стр. 318).

счастіи—насладиться семейными радостями; мы почти ничего не знаемъ о его семьѣ, и сыновей послѣ него не осталось, но судьба же отказала ему и въ другомъ счастіи, о которомъ мечтаетъ всякій труженикъ—увидѣть окончательные плоды своей дѣятельности. Онъ не дожилъ до конца Сѣверной войны, которая была ведена флотомъ и артиллеріей, въ созиданіи которыхъ Виніусъ былъ однимъ изъ главныхъ помощниковъ Петра.

Почта, это великое культурное явленіе, до Виніуса еще была только въ зачаточномъ состояніи, ходила только на западъ; при немъ пролегли почтовыя дороги по всѣмъ направленіямъ отъ Москвы—въ Новгородъ, Архангельскъ, Азовъ, Кіевъ, даже—въ далекую Сибирь.

Мы видѣли, какъ пострадалъ Аптекарскій приказъ, когда одно время Виніусъ оставилъ его; то же случилось съ почтами и съ Сибирью. Развитіе первыхъ надолго замедлилось; сибирскія дороги запустѣли, и сношенія по нимъ стали прекращаться; а что дѣлали сибирскіе воеводы послѣ Петра В., безъ надзора такого лица, какимъ былъ Виніусъ,—слишкомъ хорошо извѣстно. Несомнѣнно, что въ лицѣ Виніуса Петръ имѣлъ выдающагося помощника и очень дорожилъ имъ. Имя Виніуса должно въ исторіи Петра В. стоять рядомъ съ именами Гордона и Лефорта, и нисколько не ниже ихъ.

Всѣмъ вышесказаннымъ объясняется то обстоятельство, что Царь, послѣ всѣхъ превратностей судьбы старика, довольно скоро согласился на возвращеніе его изъ-за границы, вернулъ ему его имущество и даже внѣшній почетъ. Такая личность заслуживала нашего вниманія, тѣмъ болѣе, что въ тѣхъ произведеніяхъ исторической литературы, которыя касаются біографіи Виніуса, оказалось много неточностей и подчасъ грубыхъ ошибокъ, которыя и были указаны въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ настоящаго очерка.

И. Козловскій.

Дополненія и поправки

къ ст. „Андрей Виніусъ, сотрудникъ Петра Великаго“.

Къ „введенію“. Во время печатанія настоящей статьи автору удалось познакомиться съ нѣкоторыми изданіями, ранѣе ускользнувшими отъ его вниманія. Таковы: „Дѣло дьяка Ан. Ан. Виніуса (7 сент. 1690—27 іюня 1693 г.)“, напечатанное В. Сторожевымъ въ приложеніи къ Журналу 53-го засѣданія Тверской Ученой Архивной Комиссіи 25 янв. 1896 г., „Царскій образъ. Замѣчательная икона

въ храмѣ села Михайловскаго Старицкаго уѣзда. Тверь, 1895" (см. ниже) и новое сочиненіе Korb's Diarium itineris in Moscoviam und Quellen, die es ergänzen, v Friedrich Dukmeyer, Berlin, 1909, Historische Studien, Heft LXX. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ успѣлъ воспользоваться данными, приведенными въ этихъ изданіяхъ, за исключеніемъ второго (см. ниже, дополн. къ гл. II).

Къ главѣ I. Для біографіи Андрея Денисовича Виніуса имѣютъ важное значеніе матеріалы, напечатанные г. Е. Вильчинскимъ въ „Русской Старинѣ" за 1909 г. и 1910 г.

Годъ смерти А. Д. Виніуса довольно точно опредѣляется въ челобитной его сына (у Сторожева, стр. 24). Это—1662 или 1663.

Къ главѣ II. Къ приведенному въ концѣ главы извѣстію о пожалованіи иконы Виніусу царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ нужно добавить слѣдующее.

Въ с. Михайловскомъ, Старицкаго уѣзда, на лѣвомъ берегу Волги, въ мѣстной церкви, хранится образъ Нерукотвореннаго Спаса, неизвѣстно какъ сюда попавшій (по мѣстной легендѣ, пожертвованный проѣзжимъ „бариномъ" лѣтъ сто тому назадъ). На этомъ образѣ, на задней сторонѣ доски „крупнымъ прекраснымъ старинным уставомъ, вполнѣ удобочитаемымъ, сдѣлана слѣдующая замѣчательная надпись: „Сіи образъ Іисуса Слова Божія 7092 ноемврія 26 по завещанию великаго государя царя Іоанна Васильевича отъ цесаря Рудолѳа сребропозлащениемъ украшенъ по обычию грековъ, списокъ славнаго образа, которой отъ самого Творца нашего Іисуса въ Едесъ ко Авгарю посланъ бяше, иже и нынѣ въ Римѣ. И свидетельствуетъ о томъ грамота въ посолскомъ приказе; и по отшествіи жизни его, государя, сыну его, государю Ѳеодору Ивановичу, отданъ въ чертогъ царъски и потомъ въ келіяхъ святейшаго патриарха Ѳиларета Никитича и по кончинѣ его отданъ въ іконохранительницу чертоговъ царскихъ. Свидетелствуетъ о томъ опись патриарша казеннаго приказу. Велики государь царь и велики князь Ѳеодоръ Алексіевичъ въ иконохранительницу некогда въ пришествіи своемъ за многую свою милость сию святую икону пожаловалъ отъ царскіе полаты дьяку Андрею Виниусу и о семъ свидѣтельствуетъ расходная книга той полаты".

Надпись эта, вмѣстѣ съ иконою, была изслѣдована священникомъ с. Михайловскаго, о. Казанскимъ и докладъ о ней читался въ засѣданіи Тверской ученой архивной комиссіи 16 сент. 1895 г. Въ докладѣ этомъ доказано, что икона эта дѣйствительно была получена въ даръ Іоанномъ Грознымъ, но не отъ императора Рудольфа, а отъ папы Григорія XIII. Надпись эта носитъ дѣловой характеръ

и основана, очевидно, на справкахъ въ оффиціальныхъ бумагахъ. Такой дѣлецъ, какъ Виніусъ, именно могъ составить такую надпись.

— По отношенію къ дѣятельности Виніуса въ Аптекарскомъ приказѣ слѣдуетъ сдѣлать одно добавленіе. При Петрѣ В., какъ это разсказано нами въ своемъ мѣстѣ, Виніусъ также завѣдывалъ Аптекарскимъ приказомъ и оказался очень неаккуратнымъ. Въ данное время есть также косвенное указаніе на то, что онъ не всегда отличался образцовой аккуратностью. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Шакловитому кн. В. В. Голицынъ писалъ: „да отпиши ко мнѣ: на прошлыхъ почтахъ или съ Бехтѣевымъ отпустилъ къ тебѣ письмо, на которомъ подписано по-нѣмецки, и тутъ же и моею рукою: велѣно отдать его Андрею Виніусу скоро—то для нужныхъ моихъ лекарствъ—и по се время отповѣди мнѣ по немъ нѣтъ. Пожалуй прикажи, чтобъ мнѣ, противъ того, тотчасъ отписано было". (Розыскныя Дѣла о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ, т. III, Спб., 1888, стлб. 1110—1111).

— Въ тѣхъ же Розыскныхъ дѣлахъ, т. II, стлб. 575 и т. III, стлб. 1280 и 1319 и слѣд. находимъ, что Виніусъ стоялъ во главѣ Новгородскаго приказа между 14 ноября 1689 и 20 окт. 1691 г. Такимъ образомъ крайніе предѣлы его службы въ этомъ приказѣ расширяются: съ 14 ноября 1689 до 29 февр. 1692 г. 20 октября 1691 г. онъ посылалъ изъ Новгородскаго приказа память въ приказъ Розыскныхъ Дѣлъ о разсмотрѣніи челобитной кеврольцевъ и мезенцевъ, пожаловавшихся на неправильныя дѣйствія спутника князей Голицыныхъ въ ихъ ссылкѣ, стольника Павла Скрябина.

— Относительно мѣстническаго дѣла надо сказать, что Виніусъ, хотя и позже сдѣлался дьякомъ, чѣмъ Постниковъ и Михайловъ, но долженъ былъ считаться старше ихъ, потому что до этого былъ московскимъ дворяниномъ, а его товарищи выслужились изъ подъячихъ.

Къ главѣ III. Нѣкоторые думаютъ, что монахъ Каріонъ, упоминаемый въ разсказахъ Корба, есть не кто иной, какъ извѣстный духовный писатель того времени, Каріонъ Истоминъ. О томъ, что Виніусъ не прочь былъ сближаться съ духовными лицами, можно видѣть еще изъ одного разсказа, помѣщеннаго въ „Житіи патр. Іоакима".

Андрей Виніусъ разсказывалъ иноку Евѳимію, что онъ, по смерти патріарха Іоакима, хотѣлъ „небрещи" его портретомъ, который у него былъ, потому что „что во образѣ, егда патріархъ преставился?" Но покойный патріархъ явился ему во снѣ и заявилъ: „побереги образъ мой, яко и впредь пригодится" и Виніусъ отнесся

къ видѣнію, какъ къ одному изъ чудесъ почившаго (Шляпкинъ, Св. Димитрій Ростовскій и его время, стр. 213).

— Къ числу полезныхъ канцелярскихъ нововведеній въ Сибирскомъ приказѣ при Виніусѣ надо отмѣтить введеніе вмѣсто столбцовъ, скатывавшихся въ „колеса"—тетрадей.

— Къ тому времени, когда старикъ Виніусъ всецѣло былъ поглощенъ ученой работой, относится небольшое черновое письмо, найденное нами въ Гос. Архивѣ въ Кабин. дѣлахъ, № 64, кн. 3. Въ немъ авторъ обращается къ Андрею Андреевичу съ сообщеніемъ, что его лексиконъ царю понравился и чтобы онъ, если будетъ здоровъ, пріѣхалъ ко двору.

Около бурсы.

Воспоминанія о духовной школѣ 60-хъ годовъ, въ связи съ очеркомъ быта тогдашняго сельскаго духовенства.

XII. Первое мое большое путешествіе [1]).

Такъ при такой обстановкѣ протекло мое дѣтство до 10-тилѣтняго возраста. Кромѣ родного села, нѣсколькихъ сосѣднихъ селъ, гдѣ жили родные и хорошіе знакомые отца изъ духовенства, да ближайшаго города, куда мы съ отцомъ или съ работникомъ ѣздили на базаръ или для продажи сельско-хозяйственныхъ продуктовъ (огурцовъ, ягодъ, меда и зерна) или для покупки продуктовъ, которыхъ нельзя было достать въ деревнѣ (у насъ не было даже мелочной лавки), я ничего не видалъ. Только на 10-мъ году я съ отцомъ и матерью сдѣлалъ, по тогдашнему времени, большое путешествіе. Мы ѣздили въ городъ Задонскъ, гдѣ незадолго предъ этимъ были открыты мощи святителя Тихона. Весною, въ началѣ іюня, мы отправились въ Задонскъ, на собственной лошади, запряженной въ простую телѣгу, нагруженную провизіей, сѣномъ, подушками и теплымъ, про запасъ, платьемъ. Все это было покрыто домашнимъ ковромъ. Отецъ отслужилъ молебенъ „въ путь шествующимъ“, и мы, рано утромъ, тронулись въ путь. Кучера у насъ не было: лошадью правили отецъ или я. Ѣхать нужно было болѣе 200 верстъ, и путешествіе наше, съ остановками у родныхъ и знакомыхъ, продолжалось не менѣе двухъ недѣль. Среди дня, во время жары, устраивался отдыхъ гдѣ-нибудь у рѣчки или ручья, гдѣ можно было сварить кашу изъ пшена во взятомъ изъ дома котелкѣ. На ночь останавливались, по большей части, у родныхъ или знакомыхъ и

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1910 г.

рѣдко на постоялыхъ дворахъ. Заѣхали въ губернскій городъ, гдѣ тогда въ семинаріи учился мой старшій братъ, и гдѣ съ осени предстояло и мнѣ поселиться. Проѣхали Липецкъ съ минеральными водами. Пока мы съ матерью на городской базарной площади давали лошади кормъ и отдыхъ, отецъ сходилъ куда-то и принесъ бутылку минеральной воды, прямо изъ источника. Я, предполагая, что минеральная вода должна быть очень вкусною, набросился на нее, но былъ непріятно пораженъ дурнымъ вкусомъ согрѣтой солнцемъ желѣзистой воды. Наконецъ, послѣ долгихъ скитаній, мы у цѣли нашего путешествія, въ Задонскѣ. Былъ мѣстный праздникъ. Народа было много, по преимуществу простолюдиновъ. Въ главную церковь, гдѣ находились мощи, намъ съ трудомъ удалось проникнуть, несмотря на священническую рясу отца. Съ трудомъ мы добились приложиться къ св. мощамъ. Здѣсь, въ церкви и около нея, я впервые увидалъ множество больныхъ, калѣкъ, явившихся сюда за исцѣленіемъ. Впервые я увидалъ тогда такъ называемыхъ „порченныхъ“ людей, кликушъ, которыя неистово кричали и корчились во время богослуженія. Хотя я, выросши на лонѣ природы, и не страдалъ слабонервностью, но, признаюсь, мнѣ жутко было видѣть картины кликушества, и я былъ отчасти доволенъ, что церковь была такъ полна народомъ, что только издали можно было видѣть и слышать происходившее. Можетъ быть, эти картины кликушества, можетъ быть, проявляемый монахами избытокъ торгашества въ церкви—просфорами, свѣчами, освященнымъ елеемъ изъ лампадъ предъ мощами,—можетъ быть, недостаточно благоговѣйное отношеніе монаховъ къ такимъ предметамъ, которые намъ, богомольцамъ, прибывшимъ сюда издалека, казались дорогими и сугубо священными, но у меня да, кажется, и у моихъ родителей, послѣ посѣщенія Задонскихъ святынь, остался на сердцѣ какой-то осадокъ неудовлетворенности религіознаго чувства, жаждавшаго видѣть нѣчто другое... И странное дѣло! Подобное впечатлѣніе я выносилъ и впослѣдствіи, при посѣщеніи Троице-Сергіевской и Кіево-Печерской лавръ и Новаго Аѳона. Вездѣ приходилось мнѣ наблюдать преобладаніе меркантилизма, недостатокъ благоговѣйности у лицъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ святынямъ... Всегда при этомъ представляется мнѣ гнѣвный видъ Христа, вынужденнаго изгнать изъ дома молитвы лицъ, превращающихъ его въ вертепъ разбойниковъ. Въ приходскихъ церквахъ это торгашество не такъ замѣтно, но пора бы уничтожить это громкое высыпаніе собранныхъ по церкви денегъ, эту погоню за свѣчными огарками, эту бѣготню отъ одного подсвѣчника къ другому, чтобы не дать догорѣть „жаркой свѣчѣ поселянина предъ иконою Божіей Матери...“

XIII. Поступленіе въ духовное училище. Бытъ семинаристовъ. Бурса.

Въ концѣ августа 1862 года отецъ мой повезъ меня въ губернскій городъ Т., „включать“ въ духовное училище. Меня снабдили небольшимъ сундучкомъ съ бѣльемъ и платьемъ. Мать и крестная наготовили мнѣ долго сохраняющихся съѣстныхъ припасовъ, сухихъ, на маслѣ и сметанѣ, лепешекъ (пышекъ); въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были запечены цѣлыя, со скорлупою, куриныя яица. Конечно, не забыты были яблоки изъ собственнаго сада. Мать дала мнѣ нѣсколько двугривенныхъ „на булки“, а въ одномъ изъ чулковъ я потомъ нашелъ еще двугривенный, предусмотрительно положенный туда моею крестною. Въ Т. мы остановились на той самой квартирѣ, на которой жилъ въ прошломъ учебномъ году мой старшій братъ, который теперь уже былъ въ „философіи“ [1]).

Поступленіе мое въ духовное училище произошло безъ всякихъ затрудненій. Подготовленъ былъ я хорошо и, кажется, отцу моему пришлось ограничиться только словесною благодарностью начальства [2]). Ученье въ школѣ было безплатное, и поступилъ я не на казенный коштъ, а на свой собственный. Курсъ духовнаго училища былъ шестилѣтній и дѣлился на три отдѣленія: низшее, среднее и высшее, или низшій, средній и высшій классы, по два года въ каждомъ. Меня по моимъ лѣтамъ и познаніямъ приняли въ низшій классъ.

Своекоштные ученики семинаріи и духовныхъ училищъ жили на ученическихъ квартирахъ группами отъ 8 до 12 человѣкъ.

---

[1]) Такъ назывался 2-й классъ семинаріи, гдѣ проходились философскія науки: логика, психологія и исторія философіи. Первый классъ назывался риторикою, а послѣдній—богословіемъ. Въ каждомъ классѣ сидѣли по два года, такъ что семинарскій курсъ нормально тянулся 6 лѣтъ.

[2]) По поводу того, какъ иногда принимали въ училище, у насъ разсказывали слѣдующій анекдотъ про діакона С—ва. Привезъ онъ „включать“ сына. Потому ли, что послѣдній былъ неважно подготовленъ, или по другимъ соображеніямъ, инспекторъ училища отказалъ въ принятіи его въ училище. О. діаконъ, упрашивая инспектора и обѣщая вѣкъ быть ему благодарнымъ, сдѣлалъ видъ, что лѣзетъ въ карманъ, чтобы умилостивить инспектора подаркомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, понялъ инспекторъ, потому что послѣ этого сразу сдѣлался милостивымъ и записалъ мальчика принятымъ. А кончилось тѣмъ, что о. діаконъ вынулъ изъ кармана подрясника платокъ, чтобы утереть имъ слезы благодарности къ инспектору. Обманъ удался, но инспекторъ долго потомъ припоминалъ ученику С—ву, замѣтивъ его въ чемъ-либо неблаговидномъ: „И отецъ твой мошенникъ и ты, с..... с..., такой же мошенникъ!..“

Во главѣ этой группы стоялъ „старшій“, обыкновенно, „богословъ“ или „философъ“. Онъ являлся отвѣтственнымъ по квартирѣ лицомъ, велъ хозяйство и репетировалъ малышей, получая за это около 1 рубля въ мѣсяцъ за каждаго, порученнаго его наблюденію ученика. За квартиру платили помѣсячно, 5—6 рублей ассигнаціями, т. е. около 1½ рублей на серебро съ человѣка. За эту плату квартирная хозяйка должна была варить намъ обѣдъ и ужинъ изъ нашей провизіи (исключая овощей—капусты и картофеля), ставить намъ самоваръ (угли мы покупали сами), стирать нашимъ мыломъ бѣлье и убирать комнаты. Говядину, муку, крупы, яйца, свѣчи, масло, чай, сахаръ и булки мы должны были покупать сами. Обыкновенно „старшій“ рано утромъ въ базарный день (въ пятницу и понедѣльникъ), забравъ съ собою кого-либо изъ младшихъ, отправлялся въ мясные ряды и покупалъ тамъ мясо, приблизительно по ½ фунта на человѣка въ день. Мясо тогда было очень дешево—около 3—4—5 коп. фунтъ, и его покупали сразу на нѣсколько дней. Ржаную муку, помню, мы покупали въ розницу по 20 коп. пудъ, гречневую крупу и пшено по 40—50 коп. пудъ, коровье масло (топленное)—15—20 коп. фунтъ, а яйца—коп. 5 за десятокъ. При такой дешевизнѣ продуктовъ содержаніе ученика въ мѣсяцъ обходилось не дороже 4—5 рублей. Но и эта небольшая сумма была тяжела для сельскихъ причетниковъ, денежные доходы которыхъ были, какъ уже сказано выше, очень мизерны. И вотъ, взамѣнъ денегъ причетникъ привозилъ изъ дому сельскую провизію: муку, крупу и масло, а послѣ Пасхи и собранныя при христосованьи яйца, и все это ставилось въ счетъ, вмѣсто наличныхъ денегъ.

Духовное училище, въ которое я поступилъ, было основано еще въ 18 столѣтіи. При мнѣ зданія его состояли изъ 4 деревянныхъ корпусовъ, изъ которыхъ одинъ имѣлъ нижній каменный этажъ. Училище расположено на высокомъ берегу рѣки Цны и, вообще говоря, стояло на хорошемъ мѣстѣ, хотя и въ концѣ города. Открытый видъ на рѣку и на Зарѣчье; вдали поемные луга, „архіерейскіе хутора“ (дача архіерея), „Кривой“ мостъ черезъ старую Цну, а еще дальше—большой лѣсъ,—все это ласкало взоръ и нѣсколько сглаживало непріятности обстановки внутренней жизни училища. Въ одномъ изъ училищныхъ корпусовъ помѣщалась квартира начальства училища. Въ остальныхъ корпусахъ помѣщались классы, церковь, столовая и спальни бурсаковъ. Такъ какъ подъ словомъ „бурса“ нѣкоторые разумѣютъ вообще духовную школу, я долженъ здѣсь пояснить, что у насъ бурсаками назывались не всѣ ученики духовной школы, а только тѣ, которые, по сиротству или

по бѣдности родителей, принимались въ общежитіе на казенное содержаніе или, лучше сказать, на содержаніе отъ духовенства и церквей. Всѣ остальные ученики, болѣе чѣмъ половина, которыхъ могли содержать родители, жили по частнымъ квартирамъ. „Бурсы", т. е. казеннаго общежитія, у насъ ужасно боялись, и только уже крайняя нужда заставляла родителей помѣщать туда своихъ дѣтей. Дѣло въ томъ, что на бурсу отпускались самыя незначительныя средства. Помѣщенія бурсы были прямо ужасны. Чуть не полсотни людей въ одной комнатѣ. Здѣсь, и юнцы, и великовозрастные всѣ вмѣстѣ. Кровати съ подушками, соломенными матрацами и одѣялами, табуретками и столы—вотъ вся обстановка бурсацкой комнаты. Грязь, духота невообразимыя. Мнѣ иногда приходилось заходить въ такъ называемые бурсацкіе номера къ товарищамъ, и бывало, не знаешь, какъ поскорѣе удрать изъ этого помѣщенія. Благодаря грязи и постельнаго бѣлья заводились миріады насѣкомыхъ. Посидѣть съ товарищемъ бурсакомъ на его постели (табуретовъ не хватало) значило набраться отвратительныхъ насѣкомыхъ или заразиться чесоткою. Какъ ни коротко насъ заставляли стричься (критеріемъ было то, чтобы пальцами раскрытой ладони нельзя было ухватить волосъ), но и въ короткихъ волосахъ головы заводились насѣкомыя. Это не были временные гости (гость посидитъ да и оставитъ хозяина), а нѣчто, почти неразрывно связанное съ бурсакомъ. Ихъ было такъ много, что, вмѣсто гребенки, ихъ можно было вычесывать рукавомъ пальто изъ коричневаго драпа (вигони) съ длиннымъ жесткимъ ворсомъ. Потретъ, бывало, бурсакъ голову рукавомъ пальто, и на рукавѣ окажется изрядное количество насѣкомыхъ. Одѣяла бурсаковъ кишѣли насѣкомыми, несмотря на то, что каждую недѣлю одѣяла „жарились" въ горячей банѣ. Я не видалъ этой процедуры, но... очевидцы говорили мнѣ, что когда одѣяла въ жаркой банѣ подвергались дѣйствію высокой температуры, отъ нихъ раздавался трескъ,— то лопались отъ жару насѣкомыя. На бѣльѣ бурсаковъ, особенно въ сборкахъ около шеи, было видимо-невидимо насѣкомыхъ. Они такъ тяготили привычныя уже тѣла бурсаковъ, что, бывало, въ классѣ видишь, какъ производится охота на свирѣпыхъ звѣрей. Для этого „охотники" отправлялись, обыкновенно въ укромный уголъ—въ камчатку (о ней рѣчь впереди), чтобы не попасться на глаза начальству, такъ какъ охота подобнаго рода считалась въ классѣ недозволенною. Въ номерахъ бурсаковъ водились мыши и крысы, да такія смѣлыя, что бурсакъ, намазавшій себѣ носъ отъ насморка, сальною свѣчкою, случалось, просыпался на утро съ поврежденнымъ носомъ. Кормили бурсаковъ отвратительно. Щи изъ

тухлой капусты съ скверным мясомъ (да и то въ минимальной дозѣ), каша да хлѣбъ, отзывавшійся нерѣдко чѣмъ-то затхлымъ и прѣлымъ—вотъ и вся пища бурсаковъ.

Ничего, похожаго на такъ называемое воспитаніе, въ бурсѣ и помина не было. Сторожъ, убиравшій номера и иногда усмирявшій разбушевавшихся учениковъ и отбиравшій отъ нихъ контрабанду: водку, табакъ и карты, да учитель, завѣдывавшій бурсою и изрѣдка навѣщавшій ее,—вотъ и вся воспитательная часть. При множествѣ людей, скученныхъ въ одной комнатѣ, гдѣ каждый занимался, чѣмъ хотѣлъ: кто игралъ въ карты, кто курилъ, кто пѣлъ, кто сквернословилъ,—заниматься ученьемъ было весьма затруднительно, и только уже ученики съ твердымъ характеромъ и крѣпкою неиспорченною волею могли здѣсь учиться, забиваясь въ углы, гдѣ поменьше шума.

Если добавить къ описанному мною то, что въ бурсу епархіальное начальство помѣщало иногда или въ видѣ наказанія, или въ цѣляхъ благотворительности (а можетъ быть, для той и другой цѣли вмѣстѣ), спившихся съ круга или провинившихся чѣмъ-либо духовныхъ, потерявшихъ мѣсто и призрѣваемыхъ въ бурсѣ, то послѣднюю можно было приравнять скорѣе къ дисциплинарному баталіону для порочныхъ солдатъ, чѣмъ къ воспитательному учрежденію, долженствовавшему приготовлять юношество къ высокому пастырскому служенію.

XIV. Ученическія квартиры.

Ученики, жившіе на частныхъ квартирахъ, находились въ гораздо лучшихъ условіяхъ. Но и они вели спартанскій образъ жизни, если принять въ разсчетъ тѣ средства, на которыя они должны были жить. Ученическая квартира обыкновенно состояла изъ 2—3 маленькихъ комнатъ, въ которыхъ ютилось 8—12 человѣкъ. Столы, стулья и кровати да иногда набитый мочалою диванъ для „старшаго“, вотъ вся обстановка ученической квартиры. Я не помню, чтобы у насъ на квартирѣ былъ шкафъ. Бѣлье хранилось въ сундукахъ, книги на столахъ и окнахъ, а платье вѣшалось на гвоздяхъ, въ изобиліи вбитыхъ въ стѣны. Особаго порядка и чистоты не было, но все же разъ въ недѣлю мылись полы, сами мы разъ въ недѣлю ходили въ баню, а „старшій“ все же хотя отчасти слѣдилъ за тѣмъ, чтобы малыши не валялись „съ ногами“, т. е. въ сапогахъ, на кроватяхъ, не разбрасывали вещей, не кричали, не

безобразничали и не били баклушъ. Я сказалъ „отчасти слѣдилъ“, потому что старшіе нерѣдко уходили изъ дому (на прогулки, къ товарищамъ, а то и въ трактиръ, чтобы позабавиться игрою на билліардѣ), и тогда малыши оставались уже безъ всякаго надзора. Развѣ только квартирная хозяйка уйметъ буяновъ или черезчуръ расшалившихся малышей угрозою пожаловаться „старшему“. А старшій нѣтъ-нѣтъ, да отдеретъ за вихоръ, а, въ серьезныхъ случаяхъ, не остановится и предъ розгою...

Вставали мы рано. Около 6 часовъ утра въ ученической квартирѣ уже движеніе. Зимою—еще темно, и комнату слабо освѣщаетъ сальная свѣча (керосиновыя лампы появились у насъ, помню, уже въ концѣ 60-хъ годовъ). Кто готовитъ недоученный свечера урокъ, такъ какъ надѣялся, что „утро вечера мудренѣе“, кто зашиваетъ порванное бѣлье и платье, кто заготовляетъ себѣ на полдень, въ школѣ, не мудреный завтракъ—ломоть чернаго хлѣба (если не осталось ничего изъ привезеннаго или присланнаго изъ дому), кто помогаетъ товарищу умываться, поливая ему воду ковшикомъ. Почти всѣ заняты: спятъ развѣ великовозрастные философа и богословы, которые поздно легли, и которымъ легко сходили пропуски уроковъ. Когда я поступилъ въ училище, чай въ семинарскихъ общежитіяхъ былъ рѣдкимъ явленіемъ. Обыкновенно по утрамъ къ намъ приходилъ сбитенщикъ Григорій, имѣя при себѣ мѣдный съ ручкою, какъ у ведра, самоваръ, связку калачей въ сумкѣ и стаканы, вложенные въ поясъ на подобіе патронташа. За двѣ копѣйки у Григорія можно было, даже въ кредитъ, получить небольшой калачъ и 1—2 стакана горячаго сбитня—желтоватой мутной жидкости, сваренной изъ воды, меда и какихъ-то пряностей. Напитокъ—невзрачный на видъ, но намъ, малышамъ, онъ очень нравился, такъ что и позже, когда по утрамъ появился у насъ чай, нѣкоторые изъ насъ предпочитали сладкій сбитень жиденькому чаю „въ прикуску“ (одинъ кусокъ сахару долженъ былъ хватить на 2—3 стакана чаю).

Подкрѣпивъ силы, ученики младшихъ классовъ должны были „прослушаться“ у старшаго, т. е. дать ему отчетъ о знаніи уроковъ. Эта процедура заключалась въ томъ, что старшій (котораго приходилось при этомъ разбудить, растолкать и даже дать ему зажженную папироску), взявъ учебную книгу, слѣдилъ по ней, знаетъ ли ученикъ на память заданный урокъ или переводъ съ латыни или греческаго языка на русскій.

XV. Посѣщеніе уроковъ. Классы. Экзекуціи.

Въ классъ ходили рано. Весною, послѣ Преполовенія Св. Пасхи, т. е. около конца апрѣля или начала мая, почти каждый считалъ нужнымъ до начала уроковъ выкупаться въ рѣкѣ. А такъ какъ тепловатая вода, особенно въ іюнѣ мѣсяцѣ, плохо охлаждала разогрѣтыхъ бѣготней и рѣзвостями малышей, то нѣкоторые, чтобы не жарко было сидѣть въ душномъ классѣ, нарочно смачивали свои рубахи и такимъ образомъ приходили въ классъ съ влажнымъ бѣльемъ. Не помнится, чтобы такой способъ охлажденія тѣла имѣлъ какія-либо дурныя послѣдствія для здоровья практиковавшихъ его учениковъ, но въ классахъ, и безъ того страдавшихъ недостаткомъ чистоты воздуха, прибавлялись лишнія испаренія отъ высыхающаго на ученикахъ, подчасъ грязнаго бѣлья.

Кажется, около 8 часовъ утра начинались уроки. Классы были очень многолюдные. У насъ въ низшемъ отдѣленіи было 160 учениковъ. Все это размѣщалось въ длинной комнатѣ, освѣщенной съ узкой стороны двумя окнами. Въ простѣнкѣ между окнами помѣщались стулъ и столъ преподавателя, а параллельно продольнымъ стѣнамъ располагался рядъ длинныхъ партъ числомъ до 16, на каждой изъ которыхъ сидѣло человѣкъ по 10-ти. Отъ входной двери къ столу учителя велъ узкій между партами проходъ во всю длину класса. Около печи, въ заднемъ углу класса, оставалось небольшое, незанятое партами пространство въ 3—4 квадр. аршина. Это и была такъ называемая „камчатка“. Туда прятались отъ болѣе добродушныхъ и недальновидныхъ учителей ученики, незнавшіе уроковъ. Сидя на полу или просто „возлежа“ тамъ, они не видны были учителю и могли заниматься тамъ, чѣмъ угодно, лишь бы не нарушалась тишина. Кто охотится за насѣкомыми, кто втихомолку перекидывался съ товарищемъ въ картишки. Въ камчаткѣ обыкновенно „возлежалъ“ „экзекуторъ“ или сокращенно „сѣкуторъ“; т. е. ученикъ, на обязанности котораго было держать наготовѣ розги и, по приказанію начальства, исполнять не особенно почтенную обязанность палача. На эту должность возводились обыкновенно великовозрастные, плохо учившіеся, но сильные ученики. Мы, малыши, порядочно таки побаивались сѣкутора. Хорошо помню, что сѣкутору нашего низшаго класса Егору Гилярову товарищи преподносили въ подарокъ либо куски булки, либо деревенскіе гостинцы, чтобы сѣкуторъ не такъ усердно исполнялъ свои обязанности. И надо сказать правду: сѣкуторы жалѣли товарищей, особенно изъ угостившихъ или вообще благопріятелей, и

иногда ловко обманывали начальство. Розги изготовлялись экзекуторами изъ молодыхъ березовыхъ вѣтокъ, конечно, безъ листьевъ (на училищномъ дворѣ близъ правленія у насъ росли большія березы, можетъ быть спеціально посажены для цѣлей педагогіи). Сѣкуторы полютѣе какъ-то особенно даже приготовляли эти, можно сказать, наглядныя пособія при обученіи и „воспитаніи“: ихъ парили въ банѣ и даже натирали солью, чтобы они, просѣкая кожицу, были ядовитѣе. Но наиболѣе милостивые или умилостивленные сѣкуторы ухитрялись такъ ударять свою жертву, что на глазъ какъ будто былъ и сильный ударъ, даже со свистомъ, но розга легко, довольно нѣжно (до извѣстной степени, конечно), ложилась, куда слѣдуетъ. Случалось, впрочемъ, что педагогъ построже замѣчалъ уловку, и тогда сѣкуторъ самъ подвергался поркѣ. Обыкновенно, назначенный къ поркѣ, почти безпрекословно подчиняясь распоряженію, самъ ложился на полу у дверей на вышеописанномъ проходѣ и самъ же освобождалъ отъ немудренаго туалета ту часть тѣла, которая почему-то считается наиболѣе способною къ дѣйствительному воспринятію педагогическихъ воздѣйствій. Сопротивленіе поркѣ было безполезно, такъ какъ, въ случаѣ надобности, позовутъ сторожей, да и вредно, такъ какъ порція тогда усиливалась. Но если сопротивляться было вредно, то, напротивъ, кричать и плакать было полезно. Для жестокихъ учителей плачъ былъ доказательствомъ, что ученикъ страдаетъ, а на добродушныхъ учителей такой плачъ дѣйствовалъ, повидимому, угнетающимъ образомъ. Они какъ бы стыдились, что имъ приходится прибѣгать къ „березовой кашѣ“, и какъ только ученикъ сильно раскричится, приказывали прекращать экзекуцію. Въ то время, какъ я поступилъ въ школу, сѣченіе было нормальнымъ вполнѣ явленіемъ. Его прописывали какъ-бы по рецепту, по извѣстнымъ порціямъ. У насъ существовала система такъ называемыхъ штрафныхъ балловъ. Еженедѣльно въ субботу завѣдующему нашимъ училищемъ протоіерею М—ну (скончался въ санѣ епископа въ концѣ 60-хъ годовъ) доставлялся изъ училища списокъ учениковъ съ баллами ниже 5, что при осьми-бальной системѣ означало ниже теперешней тройки. О. Смотритель обыкновенно писалъ резолюцію, въ силу которой получившій 3 долженъ быть наказанъ ударомъ одной розги; получившій 2—ударомъ 2 розогъ; за 1—три розги и за 0—пять розогъ. За четверку ученикъ долженъ былъ или остаться одинъ разъ безъ обѣда, или простоять одинъ урокъ въ классѣ на колѣняхъ. И вотъ, въ силу такой резолюціи, по понедѣльникамъ инспекторъ устраивалъ по классамъ формальную экзекуцію. Прочитывалось распоряженіе начальства, и каждый про-

винившійся выходилъ на середину класса и получалъ свою порцію. Въ виду того, что штрафныхъ учениковъ было по нѣсколько десятковъ, процедуру старались произвести какъ можно скорѣе и, по пословицѣ: „на людяхъ смерть красна“, ученики, въ общемъ, болѣе благодушно смотрѣли на эту формальную порку. Это было не то, что порка, назначенная въ классѣ ad hoc разсвирѣпѣвшимъ педагогомъ. Послѣдняя порка была поосновательнѣе. Иногда о. смотритель самъ являлся въ классъ, чтобы покарать учениковъ за дурные баллы. Но тутъ, обыкновенно, дѣло оканчивалось къ нашему благополучію. Выругаетъ насъ почтенный о. протоіерей олухами, мерзавцами и т. п. Мы всѣмъ классомъ въ 160 человѣкъ просимъ прощенія, обѣщаемъ учиться. Послѣ троекратнаго „оглашенія“: „будете ли учиться?“ и отвѣтовъ: будемъ, будемъ! — „Вѣрное слово?“ — Вѣрное слово! вѣрное слово! Начальство перемѣняло гнѣвъ на милость и прощало провинившихся, а иногда ограничивалось тѣмъ, что сопровождавшій начальство сторожъ съ пучкомъ розогъ, по распоряженію начальства, подносилъ къ носамъ штрафныхъ учениковъ пучекъ розогъ, чтобы понюхать, чѣмъ это пахнетъ. И выстроившіеся на серединѣ класса ученики поочередно охотно нюхали розги, счастливые, что все обошлось благополучно. Вообще, въ мое время нравы уже стали смягчаться. Не было у насъ описаннаго Помяловскимъ „сѣченія на воздусяхъ“. Не было даже особенно жестокихъ порокъ, когда сѣкли до безчувствія, какъ объ этомъ намъ разсказывали старшіе [1]). Розга уже отживала свой вѣкъ, примѣнялась рѣже, больше по традиціи, да по писанію: „его же любитъ Господь, наказуетъ“, или по пословицѣ: „за битаго двухъ небитыхъ даютъ“. Розгою пользовались еще и потому, что это средство воспитанія простое и недорогое: матеріалъ всегда подъ рукою [2]). Переломъ во взглядахъ на розгу совпалъ съ начавшимся въ то время обновленіемъ русской жизни благодаря реформамъ Царя-Освободителя. Обновленіе коснулось и нашей захолустной школы, и съ 1867—1868 года розга какъ-то сама собою стала исчезать изъ школьнаго воспитательнаго обихода.

[1]) Мнѣ сознавался одинъ уже пожилой священникъ, что и до самой старости своей онъ не переставалъ видѣть во снѣ предстоящую ему порку и въ ужасѣ просыпался: такъ свѣжи были у него воспоминанія о давнопрошедшихъ экзекуціяхъ.

[2]) Около 10 лѣтъ спустя, будучи уже студентомъ Московскаго университета, я на лекціи уголовнаго права покойнаго С. И. Баршева слышалъ оправданіе розги, какъ простого и дешеваго средства наказанія: „выдралъ— и кончено!“ заключилъ почтенный профессоръ, кажется, послѣдній изъ могиканъ профессоровъ, защитниковъ смертной казни и тѣлесныхъ наказаній.

XVI. Авдиторство. Слушательные каталоги.

Урокъ начинался обыкновенно общимъ пѣніемъ молитвы „Царю Небесный“, которая на урокахъ греческаго языка произносилась по-гречески. Послѣдній урокъ заканчивался пѣніемъ „Достойно есть“. Послѣ Пасхи до Воскресенья „Царю Небесный“ замѣнялось пѣніемъ „Христосъ Воскресе“ по-славянски, по-гречески и по-латыни, соотвѣтственно уроку. Послѣ молитвы учитель провѣрялъ такъ называемый „слушательный каталогъ“, или „авдиторскій журналъ“. Дѣло въ томъ, что у насъ существовала система авдиторства (отъ audio—слушаю), состоявшая въ томъ, что каждый (кромѣ перваго) ученикъ извѣстнаго класса долженъ былъ до начала уроковъ подойти „прослушаться“ къ своему авдитору — одному изъ стоящихъ выше его по списку товарищей (списки велись по успѣхамъ учениковъ), чтобы удостовѣрить свое знаніе уроковъ. Такъ, первый по списку ученикъ слушалъ 2, 3 и 4-го, 2-й—5, 6 и 7-го и т. д. У каждаго авдитора было такимъ образомъ, по 3 подчиненныхъ ему ученика, знаніе которыми урока онъ долженъ былъ провѣрить и отмѣтить объ этомъ въ слушательномъ каталогѣ (нотатѣ). Отмѣтки эти были трехъ родовъ s (знаетъ), n (не знаетъ) и abs (abest), т. е. не подходилъ къ авдитору „слушаться“. Разсмотрѣвъ каталогъ, учитель дѣлалъ распоряженія на счетъ тѣхъ, кто не зналъ урока или не подходилъ слушаться. Обыкновенно такія лица ставились на колѣна въ классѣ на время урока; если же ученикъ систематически не учился или уклонялся отъ „слушанія“, онъ наказывался или оставленіемъ безъ обѣда или розгами. Оставленіе безъ обѣда отягчалось иногда приказаніемъ, — присутствуя при обѣдѣ бурсаковъ, разносить имъ кушанье вмѣстѣ съ сторожами. Такъ какъ провѣрка слушательнаго каталога отнимала много времени, нашъ инспекторъ, гроза всего училища, В. И. В—ій, придумалъ слѣдующій остроумный способъ. Онъ объявилъ, чтобы тѣ ученики, которые не знаютъ урока, при приходѣ его въ классъ, не дожидались его распоряженія, а прямо становились посреди класса на колѣни. Такимъ образомъ, дѣло упрощалось. Учитель, войдя въ классъ, видѣлъ сразу, кто не знаетъ урока. Такъ какъ ученики, или по традиціи, или вслѣдствіе стыда, становились на колѣна лицомъ къ партамъ, то, В. И., обходя ряды колѣнопреклоненныхъ, поворачивалъ къ себѣ ученика, потянувъ его за ухо, и при этомъ дѣлалъ свои замѣчанія: „а, это ты, Семенъ?“ или: „какъ ты сюда попалъ, Василій?“ Насколько я помню, институтъ авдиторства держался при мнѣ года три-четыре. Злоупотребленія со

стороны авдиторовъ были довольно рѣдки: авдиторы за неправильно поставленную отмѣтку подвергались сами наказанію. Если, бывало, ученикъ, котораго авдиторъ отмѣтилъ знающимъ, на вопросы учителя отвѣчалъ плохо, то сейчасъ же къ отвѣту тянулся самъ авдиторъ. Бывало, что и послѣдній плохо знаетъ урокъ, и тогда ему предстояло раздѣлить участь незнающихъ, при чемъ, конечно, въ счетъ ему ставилось какъ само незнаніе урока, такъ и попытка обмануть учителя.

XVII. Классный журналъ. Причины непосѣщенія уроковъ. Училищный дворъ.

Кромѣ „слушательнаго каталога“ велись: отмѣточный для каждаго дня каталогъ и такъ называемый журналъ, гдѣ записывались ученики, пропустившіе урокъ или въ чемъ-либо провинившіеся. Въ отношеніи пропуска уроковъ слѣдуетъ отмѣтить, что на-ряду съ обыкновенными причинами у насъ нерѣдки были отмѣтки: „безъ сапогъ“. Если лѣтомъ по случаю отдачи сапогъ въ починку ученикъ могъ явиться и босымъ, то въ холодное время отдача обуви въ ремонтъ поневолѣ считалась уважительною причиною неявки въ классъ. Вѣдь надо было считаться съ тѣмъ, что по двѣ пары сапогъ едва-ли у кого было, а въ 1862 году, въ годъ поступленія моего въ училище, мнѣ довелось видѣть одного изъ моихъ товарищей-бѣдняковъ даже въ лаптяхъ. Это уже напоминаетъ некрасовскаго „Школьника“, на котораго „батька издержалъ послѣдній грошъ“ и которому „старая дьячиха отдала послѣдній четвертачокъ, что проѣзжая купчиха подарила на чаекъ“. Да тутъ невольно представляется нарисованная поэтомъ картина:

Ноги босы, грязно тѣло,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! Что за дѣло?
Это славныхъ многихъ путь.

Но бывали и курьезныя причины отсутствія учениковъ на урокахъ. На вопросъ учителя, гдѣ такіе-то ученики, слышатся, бывало, отвѣты товарищей: „капусту рубитъ“, въ „банѣ“, или „одѣяла жаритъ“. Въ началѣ осени, когда заготовляли на зиму продукты для бурсы, отряжались, бывало, въ помощь сторожамъ наиболѣе крупные бурсаки. На сколько мнѣ помнится, этотъ видъ натуральной повинности не тяготилъ бурсаковъ. Все-таки на дворѣ, гдѣ рубилась капуста, было вольготнѣе, чѣмъ въ классѣ, гдѣ рискуешь быть наказаннымъ. Кромѣ того, рубившіе капусту въ награду получали сколько

угодно кочерыжекъ, нѣжныя части которыхъ считались у бурсаковъ не заурядnымъ лакомствомъ. „Жарить одѣяла“—это тоже натуральная повинность, вѣроятно, не столь пріятная, какъ рубка капусты, если, конечно, не считать удовольствіемъ, съ одной стороны, не быть въ классѣ, а съ другой стороны—хоть на нѣсколько дней освободиться отъ надоѣдливыхъ насѣкомыхъ. Начальство наше, повидимому, находило необходимымъ отпускать учениковъ изъ класса на время уроковъ, чтобы бороться съ тѣмъ зломъ, которое представляло обиліе насѣкомыхъ. По тѣмъ же соображеніямъ никто изъ учительскаго персонала не возражалъ противъ того, что иной разъ въ субботу, среди уроковъ, отворялась дверь класса и раздавался зычный голосъ сторожа: „первый номеръ въ баню!“ Баня для бурсаковъ была небольшая и во-внѣ учебные часы немыслимо было всѣмъ бурсакамъ побывать въ банѣ, особенно, если принять въ разсчетъ, что въ 6 часовъ вечера начиналась всенощная. Вотъ и приходилось въ учебные часы вызывать учениковъ въ баню, по очереди, по номерамъ комнатъ, гдѣ жили бурсаки. Помню, какое движеніе начиналось въ классѣ послѣ призыва въ баню! Бурсаки объявленнаго номера опрометью оставляли свои мѣста, прыгали по партамъ черезъ головы товарищей (гдѣ тутъ протискиваться чрезъ длинный рядъ учениковъ до прохода между партами?). Учитель на нѣсколько минутъ долженъ былъ пріостановить занятія, мирясь съ неизбѣжнымъ безпорядкомъ.

XVIII. Классная обстановка. Одежда семинаристовъ. Развлеченія на перемѣнахъ.

Впрочемъ, въ классахъ особеннаго порядка и не было. Начать съ того, что въ нихъ была ужасная грязь. Калошъ мы не носили, и почти все, что во время ходьбы по немощенымъ улицамъ г. Т. набиралось на сапогахъ, вносилось въ классъ. Раздѣвальной не было: кто въ чемъ пришелъ, въ томъ и сидѣлъ въ классѣ. Лѣтомъ—какой-нибудь нанковый кафтанъ или чуйка, осенью—суконная чуйка, а зимой—полушубокъ или тулупъ баранiй, не всегда даже крытый, съ воротникомъ. Особымъ франтовствомъ считалось, если полушубокъ былъ дубленный, съ цвѣтными вышивками спереди, по поламъ и подолу и съ оторочкой изъ какого-нибудь сѣренькаго мѣха, или тулупъ изъ барашка, крытый сукномъ, съ какимъ-либо цвѣтнымъ воротникомъ. У меня, помню, былъ барашковый тулупъ съ воротникомъ желтаго цвѣта изъ собачьяго мѣха. Отецъ мой называлъ его въ шутку „лайковымъ“ (отъ слова „лаять“). Помню также, что воротникъ этотъ былъ предметомъ вожделѣнія одного бурсака,

который упросилъ меня разрѣшить ему вырѣзать изъ моего воротника нѣсколько волосъ, чтобы сдѣлать кисточку для рисованія.

Такъ какъ въ классахъ печи топились рѣдко и не было надобности снимать полушубки и тулупы, то наши классы скорѣе напоминали какія-нибудь случайныя народныя аудиторіи, чѣмъ организованное учебное заведеніе.

Воздухъ въ классахъ былъ отчаянный. Вообразите себѣ лужи на полу отъ растаявшаго принесеннаго на сапогахъ снѣга, испаренія отъ 160 тѣлъ, скученныхъ въ небольшой комнатѣ, плохо или лучше совсѣмъ не вентилируемой, запахъ овчинъ и грязнаго платья и бѣлья. Корридоръ, по сторонамъ котораго были расположены классы, былъ узкій и темный, а примыкающія къ нему отхожія мѣста, самаго примитивнаго устройства и дурно содержимыя, распространяли такое зловоніе, которое, конечно, проникало и въ классы, что непривычному человѣку трудно было выдержать. Какая, бывало, радость, когда начнется перемѣна и можно было вздохнуть на свободномъ дворѣ, а еще лучше, когда въ весеннее время успѣешь сбѣгать къ рѣкѣ и тамъ наскоро выкупаться. Кстати объ училищномъ дворѣ. На немъ стояли заготовленныя дрова, и ученики, которымъ не хотѣлось почему-либо сидѣть въ классѣ или хотѣлось покурить, охотно прятались отъ начальства между скирдами дровъ. Строгій инспекторъ, конечно, часто устраивалъ тамъ облаву на дезертировъ, и не всегда быстрота ногъ спасала бѣглецовъ отъ поимки. У меня живо рисуется въ воображеніи одинъ относящійся сюда случай. Мой двоюродный братъ, мальчуганъ лѣтъ 10-ти, застигнутый въ дровахъ инспекторомъ и наблюдающимъ за бурсою учителемъ Н. И. П—скимъ, не видя возможности прорваться, спрятался въ старую водовозную бочку, валявшуюся около дровъ. Начальство не замѣтило бѣглеца, но опытный хозяйскій глазъ инспектора обратилъ вниманіе на бочку, валяющуюся безъ дѣла, и началъ, осматривая ее, придумывать, какъ бы использовать ее. „А вѣдь бочка-то, Николай Ивановичъ, пожалуй еще годится для воды“, сказалъ онъ завѣдывающему. При этомъ, чтобы удостовѣриться въ годности бочки, инспекторъ сталъ перекатывать ее своею палкою. Когда верхнее широкое отверстіе бочки очутилось внизу, мальчишка выкатился изъ бочки бросился бѣжать. Начальство было ошеломлено неожиданностью, и бѣглеца спасли его быстрыя ноги да то обстоятельство, что выпалъ онъ съ противоположной отъ начальства стороны бочки.

XIX. Игры. Кулачные бои.

Училищный дворъ былъ ареною всякаго рода игръ и спорта. Никакой гимнастики въ теперешнемъ смыслѣ этого слова у насъ

не полагалось, но мы забавлялись играми въ лапту, въ шары и клюшки, въ чехарду, лазили по деревьямъ и дровамъ, зимою играли въ снѣжки или просто валяли другъ друга въ снѣгъ или старались насыпать снѣга за воротникъ товарища, натереть ему докрасна лицо снѣгомъ. Иногда, раздѣлившись на двѣ стороны, ученики вступали въ кулачные бои. Послѣдніе были строго регламентированы. Такъ, строго соблюдалось условіе,—бить только ладонями и не драться по лицу („по мордàмъ не бить"). Дѣло въ томъ, что какъ ни грубы были тогдашніе нравы, начальство преслѣдовало кулачные бои и драки (вѣроятно, оно считало своею привилегіею кулачную расправу съ учениками), и всякія на лицахъ учениковъ послѣдствія дракъ: синяки, царапины и т. п. строго преслѣдовались. Приходилось приводить вымышленныя причины какого-нибудь поврежденія на лицѣ, вродѣ ссадины на носу и синяка подъ глазомъ; говорить, напримѣръ, что нечаянно въ темнотѣ ударился объ дверь и т. п. Но нашего В. И—ча трудно было провести, и объясненіе подобнаго рода вызывало обыкновенно предложеніе инспектора: „а ну-ка, с.... с..., покажи, какъ это ты ухитрился объ дверь набить себѣ синякъ подъ глазомъ". А затѣмъ, конечно, слѣдовало внушеніе изъ области тоже кулачной расправы. Вотъ почему, вступая въ бои, уговаривались „по мордàмъ" или „по рылàмъ не драться". Бои были ожесточенные, и увлеченные ими ученики, случалось, не замѣчали, какъ появлялся инспекторъ, ловилъ „бойцовъ" на мѣстѣ преступленія, а затѣмъ... слѣдовала кулачная „расправа"...

Такъ какъ въ классахъ зимою было холодно, то въ дурную погоду мелкіе бои устраивались и въ классахъ, чтобы согрѣться. Классъ дѣлился на двѣ стѣны, которыя и двигались другъ на друга въ среднемъ промежутѣ между партами, пока не получалось извѣстіе, что идетъ окончившее завтракъ начальство или пока оно само неожиданно не появлялось на мѣсто боя и не прекращало его.

XX. Какъ и чему мы учились? Штрафные баллы.

Описавъ обстанову, среди которой мы учились, я перейду къ описанію того, чему и какъ мы учились. Въ низшемъ классѣ, въ который я поступилъ, преподавались: чтеніе, пѣніе, катехизисъ, священная исторія, греческій, латинскій и русскій языки и чистописаніе. Читали больше священныя и церковно-богослужебныя книги. Не буду распространяться о чтеніи; скажу только, что у насъ въ низшемъ классѣ были лица, едва по складамъ умѣвшія разбирать русскія и славянскія книги. Пѣніе преподавалось преимущественно въ цѣляхъ подготовленія къ умѣнью отправленія богослуженія, а потому разучивали только церковно-богослужебныя

пѣсни по октоиху. Обученіе пѣнію начиналось съ нотной азбуки. Сначала на память заучивалось, на какой линейкѣ стоитъ какая нота, а затѣмъ начиналось заучиваніе самой гаммы: „утъ (теперешнее до), ре, ми“ и т. д., какъ подрядъ, такъ и съ интервалами. Когда, послѣ долгаго срока, эта премудрость была пройдена, приступали къ церковнымъ пѣснямъ. Разучивались Богодичны: „Всемірную славу“, „Прейде сѣнь законная“ и т. д. При этомъ каждый Богородиченъ разучивался сначала „по солямъ“, т. е. произносились не слова, а только названія нотъ. Такъ, напримѣръ, чтобы пропѣть Богородиченъ 1 гласа: „Всемірную славу, отъ человѣкъ прозябшую“, нужно было заучить и твердо пропѣть учителю: Ми-ре ми, фа-соль-фа-ми-ре, ми-ре-ми ре, ми-ми-ре-утъ и т. д... Долго тянулось это ученье „по солямъ“ и наконецъ переходили къ пѣнію „по тексту“, т. е. уже съ произнесеніемъ самыхъ словъ. Все заучивалось съ голоса. Никакихъ инструментовъ, какъ пособій къ изученію пѣнія, не полагалось. Особенно трудно было заучить напѣвы такъ называемыхъ „гласовъ“. Вѣроятно, не многимъ читателямъ извѣстно, что наши церковные напѣвы различаются по „гласамъ“, при чемъ „гласы“ различаются: на „Господи воззвахъ“ и на „Богъ-Господь“, а тѣ и другіе, сверхъ того, имѣютъ восемь разныхъ напѣвовъ. Кромѣ того, особые напѣвы существуютъ для многочисленныхъ ирмосовъ канона. Запомнить все это въ высшей степени трудно, а между тѣмъ требовалось, чтобы ученикъ быстро оріентировался въ гласахъ и быстро могъ изобразить напѣвъ, напримѣръ 7 или 8 гласа „на Господи воззвахъ“. Для этого на каждый гласъ нужно было твердо знать, какъ образецъ, напѣвъ, хотя одной какой-либо пѣсни этого гласа и сумѣть пропѣть по этому образцу всякую церковную пѣснь. Для того, чтобы облегчить запоминаніе гласовъ, у насъ въ ходу была пѣвшаяся на всѣ 8 гласовъ исторія встрѣчи двухъ монаховъ. Гл. 1, Идетъ чернецъ изъ монастыря. 2, Навстрѣчу ему вторый чернецъ. 3, Откуда ты, брате, грядеши? 4, Я гряду, гряду изъ Константина-града. 5, Сядемъ-ка, брате, побесѣдуемъ. 6, Жива ли брате, мати моя. 7, Мати твоя давно померла. 8, Увы мнѣ, мати моя!“ Твердо зная напѣвъ этой исторіи, легко можно было припомнить напѣвъ каждаго гласа „на Господи воззвахъ“.

Русскій языкъ (или точнѣе русская грамматика) проходился по учебнику Востокова. Зубрили наизусть: „имя существительное есть названіе всякаго предмета. Предметы бываютъ: одушевленные“ и т. д. На примѣры и разборъ словъ обращалось мало вниманія. Прокатаетъ ученикъ съ полстраницы текста грамматики, о томъ, какіе бываютъ предметы, и получаетъ удовлетворительную отмѣтку;

сбился—бѣда! Позднѣе, въ среднемъ классѣ мы стали учиться по грамматикѣ Говорова, гдѣ уже извѣстныя грамматическія правила выводились изъ примѣровъ. Но и здѣсь многое сводилось къ зубрежкѣ, и примѣры, только заученные, но плохо разъясненные, мало помогали. Я хорошо помню одинъ бывшій со мною случай. Вѣроятно, переутомленный зубрежкой, я цѣлый вечеръ старался запомнить фразу учебника Говорова: „обстоятельственныя слова означаютъ разныя условія, при которыхъ сказуемое соединяется съ подлежащимъ“. Всѣ старанія мои запомнить фразу были безуспѣшны, такъ какъ никто не разъяснилъ мнѣ, какъ это „сказуемое соединяется съ подлежащимъ“. Съ плачемъ я обратился къ старшему брату, жалуясь, что никакъ не могу заучить на память заданнаго урока. Братъ, видя мое утомленіе и волненіе, посовѣтовалъ мнѣ лечь спать, и завтра все будетъ въ памяти. И что же вы думаете? Вставъ утромъ, я легко запомнилъ злосчастную фразу и твердо помню ее до сего времени, хотя описываемое мною событіе было въ 1864 году. Крѣпко долбили мы, но крѣпко и держалось въ головѣ то, что было заучено болѣе или менѣе сознательно, „съ понятіемъ“, какъ тогда у насъ говорилось.

Этимологія и синтаксисъ русскаго языка преподавались въ теченіе 6 лѣтъ. Письменныхъ работъ не было никакихъ. Изрѣдка писали „диктовки“. Но, Боже мой, что это было такое! Я все время шелъ, по успѣхамъ, вторымъ ученикомъ въ классѣ, но, помню, уже въ высшемъ классѣ, т. е. послѣ 4-хъ лѣтъ ученія, долго и горячо молился Богу, чтобы онъ просвѣтилъ меня по части знаковъ препинанія. Припоминаю слѣдующій случай, по поводу котораго мы много смѣялись. Въ высшемъ, кажется, классѣ писали диктовку. Мой товарищъ О. Нечаевъ, съ которымъ я вмѣстѣ жилъ, на вопросъ старшаго: ну, что же, Ѳедя, ты и запятыя и другіе знаки препинанія ставилъ въ диктовкѣ? отвѣтилъ: „ну ихъ къ чорту! Еще вдуешься съ ними“. Онъ предпочиталъ не поставить ни одного знака препинанія, лишь бы „не вдуться“ съ ними, т. е. не попасть въ просакъ неумѣстнымъ употребленіемъ знаковъ препинанія.

Преподаватель ариѳметики Д. Ф. А—ій преподавалъ въ то же время и славянскую грамматику. Почему оказывалось возможнымъ соединеніе столь разнородныхъ предметовъ, я объяснить не могу, но подобное явленіе повторялось у насъ постоянно и даже полагалось по штату. Преподаватель русскаго языка обучалъ церковному пѣнію. Преподаватель греческаго языка былъ въ то же время преподавателемъ священной и русской исторіи, а пространный катехизисъ преподавался учителемъ латинскаго языка. Учебникомъ ариѳметики была тощенькая книжка Буссе. Она начиналась съ опре-

дѣленій: „ариѳметика есть наука о числахъ. Одна или соединеніе нѣсколькихъ единицъ именуется числомъ. Единица есть извѣстная величина, съ которою сравниваются другія величины того же рода“ и т. д. Все это зазубривалось наизусть безъ дальнѣйшихъ разъясненій примѣрами. Я хорошо помню, что ученикъ „прочитавшій“ твердо наизусть, правила нумераціи, на какомъ мѣстѣ стоятъ единицы, десятки.... милліоны, или „прочитавшій“ наизусть опредѣленіе сложенія („сложеніе есть дѣйствіе, въ которомъ два или нѣсколько чиселъ, именуемыхъ слагаемыми, соединяются въ одно число, называемое суммою“), на предложеніе преподавателя идти къ доскѣ и написать тамъ число или произвести сложеніе, заявлялъ: „я, Д. Ф—чъ, читать умѣю, а дѣлать не умѣю“. И такой отвѣтъ, бывало, оцѣнивался балломъ 4—5, что при существовавшей у насъ восьмибальной системѣ, равнялось теперешней тройкѣ съ минусомъ.

Позже, въ среднемъ и въ высшемъ классахъ у насъ рѣшались и ариѳметическія задачи, но, повидимому, только для проформы. Д. Ф—чъ, бывало, отошлетъ ученика къ доскѣ, велитъ одному изъ первыхъ учениковъ продиктовать изъ задачника Буссе задачу, а самъ углубляется въ чтеніе принесенной съ собою книжки журнала до тѣхъ поръ, пока ученикъ, пощелкавъ мѣломъ по доскѣ, не заявитъ, что задача рѣшена. Сплошь и рядомъ это рѣшеніе задачи сводилось къ тому, что, получивъ чрезъ классную почту отъ задавшаго задачу ученика указанный въ задачникѣ отвѣтъ задачи, ученикъ, послѣ ряда цифръ ставилъ на доскѣ этотъ отвѣтъ. Д. Ф—чъ, посмотрѣвъ на доску и сличивъ послѣднюю цифру на доскѣ съ отвѣтомъ въ задачникѣ, удовлетворялся такимъ рѣшеніемъ задачи.

Латинскій и греческій языки преподавались по учебникамъ неизвѣстныхъ авторовъ (синодскія изданія). Послѣдній предметъ у насъ былъ самымъ страшнымъ: его преподавалъ гроза училища В. И. В—скій, инспекторъ училища. Его у насъ такъ боялись, что приходъ его въ училище (онъ жилъ въ своемъ домѣ на сосѣдней улицѣ) обыкновенно подкарауливался: нѣсколько учениковъ стояли у воротъ училища, откуда былъ виденъ всякій выходящій изъ-за угла сосѣдней улицы на набережную, и какъ только инспекторъ появлялся на набережной, „соглядатаи“ (такъ звались у насъ сторожившіе инспектора ученики), сломя голову, бѣжали во дворъ училища и въ классы и громогласно объявляли, что „В. И—чъ идетъ“. Почти моментально и дворъ, и классъ принимали другой видъ. Игры и кулачки на дворѣ прекращались, и въ классахъ водворялась тишина. Да и было чего бояться! Человѣкъ властный и жестокій, В. И—чъ взыскивалъ строго за все. Синякъ или царапина на лицѣ

мальчугана, недостаточно коротко остриженные волосы, плохо выученный и даже не такъ, какъ хотѣлось В. И—чу, произнесенный урокъ, шалость на дворѣ и на улицѣ, опозданіе въ классъ, невнимательность въ классѣ,—все это сурово и жестоко наказывалось. Ученика, у котораго волосы на головѣ отросли настолько, что ихъ можно было ущипнуть пальцами, В. И. дралъ за вихорь до такой степени, что потомъ выдувалъ изъ пальцевъ выщипанные изъ головы несчастнаго мальчика волосы. Да и мѣсто для щипковъ выбиралось гдѣ побольнѣе: гдѣ-нибудь за ухомъ, гдѣ кожа понѣжнѣе или, быть можетъ, менѣе привычна къ щипкамъ. Зуботычины и пощечины были постояннымъ явленіемъ въ классѣ. И это продѣлывалось не только съ малышами, но даже и съ великовозрастными учениками средняго и высшаго классовъ, гдѣ бывали юноши подъ 20 лѣтъ. Небольшого роста, толстый В. И—чъ, чтобы достать за вихоръ иного великовозрастнаго ученика, кричалъ „нагнись, с... с...“ А порка? Ни у кого на урокѣ такъ часто не сѣкли, какъ у В. И—ча. Сидя въ сосѣднемъ классѣ, бывало, слышишь отчаянные крики подвергаемыхъ поркѣ: „простите, В. И—чъ, я не буду больше!“ Рѣдкій изъ учениковъ, и то больше благодаря случаю, избѣгалъ тѣлесной расправы и порки въ теченіе шестилѣтняго училищнаго курса.

В. К.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
на 1911 годъ.

Вступая въ 1911 году въ сорокъ второй годъ своего существованія, „Русская Старина“, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ 1911 году: **А. Ѳ. Кони** — „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля“.—„Житейскія встрѣчи“. **П. О. Пирлинга**—В. С. Печеринъ въ перепискѣ съ И. С. Гагаринымъ. Воспоминанія **И. И. Янжула**. „О пережитомъ и видѣнномъ въ 1864—1909 гг.“, при чемъ авторъ касается: Островскаго, Полонскаго, Писемскаго, Гайдебурова, Юрьева, Елисѣева, Шелгунова, Успенскаго, Кони, Соловьева, Крылова, Чичерина, Муромцева, Стороженко, Бунге, Делянова, Боголюбова, Побѣдоносцева, Витте и др. **А. А. Мазонъ**—Къ освѣщенію цензорской дѣятельности И. А. Гончарова (неизданные матеріалы). **А. Лебедева**—Николай Гавриловичъ Чернышевскій. **П. Л. Юдина.**—Изъ жизни Н. И. Костомарова въ Саратовѣ. **Е. А. Лехачевскаго.**—Первообразъ русскаго народа. Графа А. К. Толстого. **А. И. Слезскинскаго.**—Тайный другъ Пушкина. **М. Е. Васильевой.**—Записки крѣпостной. **Л. Н. Любимова.**—Изъ жизни инженера путей сообщенія. **А. Синицина.**—Изъ воспоминаній стараго врача. **Е. В. Андріяшевой.**—Воспоминанія стараго педагога. **В. В. Шереметевскаго.**—Басурманская неволя. **Е. К. Андреевскаго.**—М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны. **Де Ливрона.**—Изъ воспоминаній о плаваніи на клиперѣ „Стрѣлокъ“. **Г. А. Данилова.**—Сибирская казачья дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 гг. **Ѳ. Г. Тернера.** Воспоминанія жизни (о Вышнеградскомъ, Витте, Рейтернѣ, Іонинѣ, гр. А. А. Ливенѣ, гр. Валуевѣ, Горемыкинѣ, И. Н. Дурново, Сипягинѣ, Ванновскомъ, гр. К. И. Паленѣ, К. К. Гротѣ, М. Н. Анненковѣ, гр. Л. Н. Толстомъ, А. Г. Рубинштейнѣ, Айвазовскомъ, Захарьинѣ, ст. секр. Безобразовѣ, гр. А. А. Толстомъ, Е. А. Нарышкиной, кн. Ек. Радзивиллъ, Бисмаркѣ и др.). **И. Лаврентьевой.**—Другъ дѣтей.—Изъ жизни Е. М. Бемъ.—Свѣтлый лучъ изъ дальнихъ лѣтъ. Т. П. Пассекъ. **А. В. Жиркевича.**—Изъ архива кн. Л. А. Ухтомскаго. **Е. А. Альбовскаго.**—Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи. **Д. Перскаго.**—Новый директоръ. Міокотисанъ. На абордажѣ. **М. В. Безобразовой.**—Дневникъ академика В. П. Безобразова. **Ф. Д. Филоненко.**—Изъ подольской старины. (Изъ быта духовенства). „Депутатъ отъ Россіи“. Воспоминанія и переписка **О. А. Новиковой. С. Н. Раевскій.**—Къ постройкамъ стараго Петербурга. **А. Н. Сергѣева.**—Изъ быта духовенства. **Е. А. Рагозиной.**—Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 гг., при чемъ авторъ, описывая жизнь Турціи и ея обитателей, касается гр. Игнатьева, Нелидова, Ону, Макѣева, кн. Церетели, Гобартъ-паши, сэра Эллиотта, Зичи, гр. Корти, лорда Сольсбери, бар. Каличе, Кіамиль-паши, Митхадъ-п., Османъ-п., Керимъ, Намукъ, Сивфетъ, Мухтаръ-пашей и др. **А. Е. К.**—М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны. **И. И. Оноре.**—11 лѣтъ въ театрѣ (о Вагнерѣ, Сѣровѣ, Ларошѣ и др.). **А. А. Чебышева.**—Письма П. А. Катенина—И. А. Бахтину и много другихъ историческихъ изслѣдованій и воспоминаній.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ
„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса”.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;
«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Петръ Кузьмичъ Козловъ.

(Русскій изслѣдователь Центральной Азіи).

(Окончаніе).

Три года спустя по возвращеніи П. К. Козлова въ отечество, въ Петербургъ, гдѣ онъ весь ушелъ въ разработку богатыхъ научныхъ результатовъ, въ Монголіи случилось замѣчательное событіе: въ эту страну прибылъ Далай-Лама, и въ сѣверной ея части, въ Ургѣ—своего рода монгольской Лхасѣ — расположился на долгое пребываніе.

...Двадцать шестого іюля 1904 года, въ два часа ночи, Далай-Лама, верховный представитель Тибета, оставилъ свою столицу, и, въ сообществѣ лишь самыхъ преданныхъ лицъ: Сойбонъ-хамбо, Чотбонъ-хамбо, Эмчи-хамбо (врача), Агвана Доржіева и восьми человѣкъ слугъ-оруженосцевъ, поспѣшно направился къ сѣверу, по обычной дорогѣ монгольскихъ паломниковъ. Что же вынудило главу буддійской церкви экстренно оставить Лхасу?—Англійская военная экспедиція полковника Іонгхёзбенда, авангардъ которой уже появился въ долинѣ рѣки Брамапутры.,. Первые дни Далай-Лама слѣдовалъ, соблюдая incognito, но затѣмъ, около Накъ-чю, онъ уже не скрывалъ себя передъ народомъ. Послѣдній, предчувствуя недоброе, повергся въ унынiе и горько плакалъ. Въ Накъ-чю была сдѣлана продолжительная, почти недѣльная остановка, въ теченіе которой удалось запастись обстоятельно, на предстоявшую трудную пустынную дорогу. Отсюда Далай-Лама послалъ въ Лхасу дополнительныя распоряженія.

---

1) См. „Русская Старина“ апрѣль 1911 г.

На сколько было возможно, Агванъ Доржіевъ [1]) старался облегчить путь его святѣйшества, уѣзжая впередъ курьеромъ и приготовляя въ людныхъ пунктахъ подводы, продовольствіе и проч. Населеніе, прослышавъ о путешествіи Далай-Ламы, быстро группировалось въ извѣстныхъ молитвенныхъ центрахъ, гдѣ происходило

---

[1]) По описанію П. К. Козлова, Агванъ Доржіевъ — бывалый и очень свѣдущій человѣкъ. Онъ хорошо знаетъ Россію, неоднократно также видѣлъ Парижъ, Берлинъ, Вѣну, Лондонъ. Знакомясь съ Западной Европой, затѣмъ съ Индіей, восточнымъ Китаемъ и Японіей, онъ не забывалъ и внутренней или Центральной Азіи. Послѣдняя изъѣзжена имъ, что называется, вдоль и поперекъ. Любопытно вспомнить прошлое этого замѣчательнаго человѣка.

Около тридцати лѣтъ тому назадъ, молодой лама, уроженецъ Харашибирскаго улуса, Харинской степной думы, покинулъ предѣлы Забайкалья съ тѣмъ, чтобы съ караваномъ паломниковъ пробраться въ трудно доступный Тибетъ. Что же влекло его туда? Неужели одно желаніе поклониться буддійскимъ святынямъ?

Несомнѣнно, имъ руководили другія цѣли... Для религіознаго паломничества онъ былъ слишкомъ молодъ; это былъ удѣлъ лишь пожилыхъ людей, а ему едва исполнилось двадцать лѣтъ. Дѣйствительно, его манилъ Тибетъ, какъ сокровище буддійской философіи, гдѣ онъ могъ лучше всего познать основное свойство „ученія, излагающаго сущность мудрости“. Пытливый умъ молодого монаха не могъ мириться съ жалкимъ прозябаніемъ заурядnаго ламы у себя за Байкаломъ. Молодой Доржіевъ ясно понималъ и видѣлъ, что монгольскіе и бурятскіе ламы, пройдя въ Тибетѣ полный курсъ избранной спеціальности, и получивъ тамъ одну изъ высшихъ ученыхъ степеней, пріобрѣтеніе которыхъ въ Монголіи невозможно, всегда пользовались громаднымъ авторитетомъ среди прочаго ламства. На нихъ другіе ламы смотрѣли съ большимъ почтеніемъ и тайной завистью. Эти ученые ламы всегда занимали высшія мѣста въ ламской іерархіи и вліяли на весь строй жизни своихъ сородичей. Зная это, молодой монахъ, чтобы не остаться обыкновеннымъ ламой у себя на родинѣ, рѣшилъ набраться знаній въ Тибетѣ, чувствуя для этого въ себѣ достаточную энергію и способность. И вотъ, по прибытіи въ Лхасу, Доржіевъ дѣлается скромнымъ студентомъ, изучающимъ высшую догматику буддизма — цанитъ. Упорная работа и особенный складъ ума, умѣющаго легко разбираться въ дебряхъ буддійской схоластики, а также выдающійся талантъ Доржіева заставили обратить на него особое вниманіе старѣйшихъ ламъ. Мало-по-малу, проходя всѣ ступени буддійской іерархіи, онъ становится изъ безвѣстнаго ламы-пришельца крупной величиной среди лхаскаго ламства.

Впослѣдствіи, въ теченіе четверти вѣка, Агванъ Доржіевъ достигаетъ не только высшихъ ученыхъ ламскихъ степеней, но и становится ближайшимъ совѣтникомъ Далай-Ламы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и руководителемъ политики властителя Тибета. Насколько трудно было достичь этого, можно судить по тому, что къ престолу Далай-Ламы стремятся многія тысячи ламъ, и десятки тысячъ глазъ ревниво слѣдятъ за всѣмъ тѣмъ, что дѣлается у престола перерожденца. Обладая исключительнымъ тактомъ и

торжественное богослуженіе, въ присутствіи главы буддійской церкви, и куда единовѣрцы щедро несли дары мѣстной природы, стараясь всячески выразить верховному правителю Тибета ихъ полную готовность служить ему на всемъ дальнѣйшемъ пути.

Съ пріѣзда Далай-Ламы въ Ургу, монголы, буряты, калмыки неудержимо устремились на поклоненіе его святѣйшеству и наводнили собою Богдо-курень и его окрестности. Обаяніе Далай-Ламы росло съ каждымъ днемъ; монастырь Ганданъ, гдѣ основался тибетскій владыка, пріобрѣлъ большую популярность. Жизнь въ Ургѣ забила ключемъ. Ургинскіе храмы денно и нощно призывали молящихся. Всѣ только и говорили о великомъ Далай-Ламѣ; мѣстные обитатели, казалось, утратили всякій интересъ.

Излишне говорить, до какого напряженія дошло вниманіе всѣхъ тѣхъ лицъ, которымъ были близки и понятны интересы Тибета и которые слѣдили за каждымъ шагомъ англійской военной экспедиціи, болѣя душой за беззащитныхъ тибетцевъ...

Пятаго апрѣля, 1905 года, состоялось Высочайшее повелѣніе о четырехмѣсячномъ командированіи капитана Козлова въ Ургу, а пятнадцатаго апрѣля онъ уже выѣхалъ изъ Петербурга, имѣя съ собою переводчика монгольскаго языка и около двадцати пудовъ громоздкаго багажа. Поѣздка П. К. Козлова мотивировалась привѣтствіемъ Далай-Ламы и поднесеніемъ ему и его свитѣ подарковъ, отъ имени Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Въ Кяхтѣ окончательно была сформирована маленькая экспедиція, и П. К. Козловъ въ двадцатыхъ числахъ мая уже вступилъ въ Ургу, остановившись, согласно желанію Далай-Ламы, въ близкомъ сосѣдствѣ съ монастыремъ Ганданъ—резиденціей его святѣйшества.

желѣзной волей, Доржіевъ шагаетъ черезъ головы тысячи ламъ, успѣшно проходитъ всѣ ступени буддійской схоластики и блистательно выдерживаетъ всѣ публичные диспуты и состязанія.

Въ настоящее время Агванъ Доржіевъ состоитъ при Далай-Ламѣ цанитъ-хамбо-ламой и имѣетъ высшую ученую степень лхарамбы. Насколько важна и почетна эта степень, ссылаемся на авторитетное показаніе профессора А. М. Позднѣева: „Ламы, прослушавшіе курсъ тарнистическаго ученія—отдѣлъ магіи и заклинаній — получаютъ степень нгарамбы. Наконецъ, выдержавшіе цанитское или высшее догматическое состязаніе предъ кумиромъ лхасскаго Цзу, удостаиваются степени лхарамбы, но таковыхъ въ Монголіи, кажется, вовсе не имѣется, по крайней мѣрѣ, мнѣ никогда не приходилось встрѣчать ни одного лхарамбы, да и собесѣдники мои монголы не могли припомнить мнѣ, кто бы изъ монголовъ получилъ эту степень".

Такова въ общихъ чертахъ Одиссея нашего забайкальца, ставшаго повѣреннымъ въ дѣлахъ Тибета, ближайшимъ совѣтникомъ Далай-Ламы и представителемъ тибетскаго правительства въ С.-Петербургѣ...

„Урга, говоритъ П. К. Козловъ, привольно раскинулась въ обширной долинѣ рѣки Толы и издали производитъ гораздо лучшее впечатлѣніе, нежели вблизи; впрочемъ, это—общая характеристика почти всѣхъ населенныхъ пунктовъ въ Азіи, хотя Урга своею ужасною грязью, вѣроятно, превосходитъ все, по крайней мѣрѣ, видѣнное мною въ Азіи. Здѣсь человѣческой лѣни потворствуютъ собаки, которыя являются даровыми и единственными санитарами. Ургинскіе уличные псы очень свирѣпы, въ особенности въ ночное время, когда многіе обитатели опасаются пѣшкомъ выходить изъ дома, изъ боязни подвергнуться съ ихъ стороны серьезнымъ нападеніямъ. Наиболѣе опасны собаки-людоѣды, пожирающія трупы умершихъ туземцевъ или караулящія появленія подобныхъ подачекъ. Въ высшей степени омерзительны картины поѣданія собаками покойниковъ, но не менѣе непріятны и тѣ, когда наблюдаешь, какъ ургинскіе нищіе вступаютъ въ драку съ мѣстными псами при оспариваніи отбросовъ“.

Къ югу отъ Урги красуется „дѣвственная“ гора Богдо-ула, почитаемая монголами за святую, съ чуднымъ лѣсомъ, ревниво оберегаемымъ со всѣмъ его животнымъ царствомъ, заботами монастырей: Ганданъ и Майтреи.

Между монастырями вклинились своими національными постройками русскія и китайскія торговыя колоніи. Немного выше, по долинѣ рѣки, устроены управленія владѣтелей края и ихъ цитадель съ незначительнымъ гарнизономъ. Еще восточнѣе расположены: русское консульство и русско-китайскій банкъ, за которымъ, въ двухъ верстахъ, стоитъ китайскій городокъ Май-ма-ченъ.

Опрятнѣе и живописнѣе прочихъ расположена новая резиденція ургинскаго богдо-гэгэна, симпатизирующаго русской архитектурѣ домовъ и вообще многому русскому, и примѣняющагося въ своей домашней обстановкѣ ко вкусу русскаго зажиточнаго класса людей. Его деревянный двухъэтажный домъ скопированъ съ дома русскаго консульства; говорятъ, и внутри онъ обставленъ предметами европейской роскоши.

По словамъ П. К. Козлова Далай-Лама состоитъ въ тринадцатомъ перерожденіи, и являетъ собою молодого изящнаго тибетца, съ темными глазами, съ лицомъ, слегка попорченнымъ оспой и носящимъ слѣды великой озабоченности, подавленности. Его душевное спокойствіе сильно нарушено политикой англичанъ; онъ сдѣлался нервнымъ, раздражительнымъ... Спитъ Далай-Лама не много: встаетъ съ утренней зарей, ложится въ полночь, а то и позже. Обыкновенно, это время отмѣчается духовнымъ оркестромъ, исполняющимъ, въ ночной тиши, аккомпаниментъ молитвъ тибет-

Далай-Лама
(въ 13-мъ перерожденіи)

скаго первосвященника. Весь день у него наполненъ занятіями свѣтскими и религіозными. Помѣщается онъ въ небольшомъ красивомъ монастырскомъ флигелѣ, раздѣленномъ на два этажа. Въ верхнемъ этажѣ у Далай-Ламы рабочій кабинетъ и спальня, въ нижнемъ—пріемная. Весь штатъ при немъ исчисляется въ пятьдесятъ человѣкъ тибетцевъ, наполовину принадлежащихъ къ чиновничьему духовному званію. Днемъ, почти безотлучно, при немъ состоятъ два министра и столько же секретарей; ночью, въ роли „няни"—симпатичнѣйшій старичекъ Сойбонъ-хамбо и три юныхъ тибетца въ качествѣ приближенныхъ слугъ-охранителей. Дворъ свой Далай-Лама держитъ въ большой строгости.

Будучи отличнымъ проповѣдникомъ, мыслителемъ, говорятъ, даже глубокимъ философомъ въ области буддійской философіи, глава буддійской церкви, въ то же время, по отношенію къ свѣтскимъ дѣламъ, незамѣнимый дипломатъ, заботящійся о благѣ народа. Ему не достаетъ лишь европейской утонченности. Со времени вступленія на престолъ, верховный правитель Тибета уже успѣлъ ознаменовать свою дѣятельность слѣдующими отрадными явленіями: отмѣной смертной казни, обузданіемъ чиновничьяго произвола, устраненіемъ злоупотребленій китайскихъ властей, обиравшихъ тибетцевъ, поднятіемъ народнаго просвѣщенія и проч.

Надо полагать, что только однѣ выдающіяся умственныя способности помогли Далай-Ламѣ избѣжать превратности судьбы. Предшественникъ настоящаго перерожденца едва достигъ двадцатилѣтняго возраста, какъ уже и умеръ; одиннадцатый перерожденецъ жилъ еще менѣе—около восемнадцати лѣтъ. Въ тринадцатомъ или современномъ перерожденіи, по опредѣленію свыше, безъ метанія жребія, Далай-Лама обнаружилъ себя въ четырехстахъ верстахъ къ юго-западу отъ Лхасы, въ округѣ Дакъ-бо. Трехлѣтнимъ ребенкомъ онъ былъ торжественно перемѣщенъ въ Лхасу, въ одинъ изъ ближайшихъ горныхъ монастырей, Ригя, гдѣ проживалъ до пятилѣтняго возраста. Позднѣе, его перенесли въ духовномъ паланкинѣ съ установленными почестями въ Потал-ы и посадили на тронъ. Съ семи лѣтъ онъ началъ изучать грамоту, а къ двадцати, или совершеннолѣтію, закончилъ свое философское образованіе въ размѣрѣ курсовъ высшихъ лхасскихъ школъ, и принялъ въ свои руки свѣтское управленіе Тибетомъ.

За малолѣтствомъ Далай-Ламы, правителями страны назначаются регенты изъ знатнѣйшихъ тибетскихъ хутухтъ.

Послѣ смерти пятаго Далай-Ламы, въ теченіе почти сорока лѣтъ, далай-ламы сдѣлались предлогомъ политическихъ интригъ разныхъ властолюбцевъ, пока рядъ историческихъ событій не

уничтожилъ въ Тибетѣ власти монгольскихъ и туземныхъ князей, и пока, наконецъ, въ 1751 году, не было признано за Далай-Ламой преобладающее вліяніе, какъ духовное, такъ и свѣтское. Избраніе Далай-Ламы до 1823 года — года выбора десятаго перерожденца — основывалось на предсказаніяхъ высшихъ ламъ и опредѣленіи прорицателей, что равносильно выбору вліятельныхъ лицъ, но, при выборѣ десятаго перерожденца, впервые было примѣнено на практикѣ, установленное при императорѣ Цянь-Лунѣ, метаніе жребія, посредствомъ такъ называемой „сэрбумъ“ или „золотой урны“. Оно состоитъ въ томъ, что имена трехъ кандидатовъ, опредѣленныхъ прежнимъ порядкомъ, пишутся на отдѣльныхъ билетикахъ; послѣдніе кладутъ въ золотую урну, которая сначала ставится передъ большой статуей Чжово-Сакья-муни и возлѣ нея совершается депутатами отъ монастырей богослуженіе о правильномъ опредѣленіи перерожденца. Затѣмъ, урна переносится въ Потал-ы, во дворецъ Далай-Ламы, и здѣсь, передъ дощечкой съ именемъ императора, въ присутствіи высшихъ правителей Тибета и депутацій отъ главнѣйшихъ монастырей, маньчжурскій амбань, посредствомъ двухъ палочекъ, замѣняющихъ у китайцевъ вилки, вытаскиваетъ одинъ изъ билетиковъ. Чье имя написано на этомъ билетикѣ, тотъ и возводится на далай-ламскій престолъ. Избраніе перерожденца обыкновенно привѣтствуется китайскимъ богдыханомъ въ видѣ торжественной присылки высшаго духовнаго или свѣтскаго лица, хранящаго императорскую духовную печать. Означенное лицо привозитъ художественно исполненные изъ золота или драгоцѣнныхъ камней письменные знаки, означающіе имя и титулъ перерожденца.

У П. К. Козлова съ Далай-Ламой, послѣ двухъ-трехъ свиданій, установились наилучшія отношенія, благодаря которымъ нашъ путешественникъ могъ свободнѣе наблюдать за всѣмъ тѣмъ, что его интересовало, и составляло задачу по отношенію къ тибетцамъ и по отношенію къ монголамъ, въ особенности къ пріѣзжимъ изъ разныхъ уголковъ Монголіи монгольскимъ князьямъ, съ довѣріемъ и дружбой относившимся къ нему.

„Первое мое свиданіе съ Далай-Ламой, пишетъ П. К. Козловъ, состоялось перваго іюля (1905 г.), въ три часа дня. Я отправился въ телѣжкѣ, запряженной одиночкой, въ сопровожденіи моихъ двухъ спутниковъ Телешова и Афутина, ѣхавшихъ верхами. У монастыря, передъ главнымъ входомъ, толпилось множество паломниковъ. Здѣсь меня встрѣтили: хоринскій почетный зайсанъ—бурятъ Дылыковъ, состоящій при Далай-Ламѣ переводчикомъ съ монгольскаго на русскій языкъ, а также и въ качествѣ чиновника особыхъ порученій,

Будда на львиномъ престолѣ.

Областной фонд
Московской обл. библиотеки

и двое-трое тибетцевъ, приближенныхъ Далай-Ламы. Войдя въ монастырскій дворъ и миновавъ нѣсколько юртъ и дверей, я очутился у далай-ламскаго флигеля, а минуту спустя и у самого Далай-Ламы, торжественно возсѣдавшаго на тронѣ, противъ легкой сѣтчатой двери. Лицо великаго перерожденца было задумчиво—спокойно, чего, вѣроятно, нельзя было сказать относительно меня, находившагося въ нѣсколько возбужденномъ состояніи: вѣдь я стоялъ лицомъ къ лицу съ самимъ правителемъ Тибета, съ самимъ Далай-Ламой! Не вѣрилось, что моя завѣтная мечта, взлелѣянная въ теченіе многихъ лѣтъ, наконецъ, исполнилась, хотя исполнилась отчасти: я всегда мечталъ сначала увидѣть таинственную Лхасу, столицу Тибета, затѣмъ уже ея верховнаго представителя. Случилось наоборотъ: не видя Лхасы, я встрѣтился съ Далай-Ламой, я говорилъ съ нимъ... Я невольно впился глазами въ лицо великаго перерожденца и съ жадностью слѣдилъ за всѣми его движеніями. Подойдя къ нему, я возложилъ на его руки свѣтлый шелковый хадакъ [1]), на что въ отвѣтъ одновременно получилъ отъ Далай-Ламы его хадакъ, голубой и тоже шелковый. Почтительно, по-европейски, кланяясь великому перерожденцу и произнося привѣтствованіе отъ имени Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, я, вслѣдъ за этимъ, подалъ знакъ моимъ спутникамъ приблизиться съ подарками и передать ихъ, въ присутствіи Далай-Ламы, его свитѣ—министрамъ и секретарямъ. Далай-Лама привѣтливо улыбнулся и сдѣлалъ указаніе поставить подарки вблизи его обычнаго мѣста, затѣмъ, пригласивъ меня сѣсть на заранѣе приготовленный русскій стулъ, сталъ держать по-тибетски отвѣтную рѣчь. Голосъ его былъ пріятный, тихій, ровный; говорилъ Далай-Лама спокойно, плавно, послѣдовательно. Его тибетскую рѣчь переводилъ на монгольскій языкъ одинъ изъ его секретарей, Канчюнъ-сойбонъ, нѣсколько лѣтъ передъ этимъ прожившій въ Ургѣ; съ монгольскаго же языка на русскій переводилъ Дылыковъ. Послѣ обычныхъ привѣтственныхъ словъ: „Какъ вы доѣхали до Урги, какъ себя чувствуете послѣ дороги?“ и проч. Далай-Лама началъ благодарить Русское Географическое Общество, его главныхъ представителей, а также и лицъ другихъ учрежденій, способствовавшихъ осуществленію моей поѣздки въ Ургу. „Я уже имѣю удовольствіе знать Императорское Русское Географическое Общество—говорилъ Далай-Лама—оно вторично [2]) выражаетъ мнѣ знакъ своего вниманія и благорасполо-

---

[1]) Платъ счастья.

[2]) Первое привѣтствіе Далай-Ламѣ отъ имени Географическаго Общества было поручено передать начальнику Тибетской экспедиціи П. К. Козлову, и

женія; вы же лично для меня интересны, какъ человѣкъ много путешествовавшій по моей странѣ". Въ заключеніе, Далай-Лама сказалъ, что онъ, съ своей стороны, будетъ просить меня, уѣзжая въ Петербургъ, не отказать принять нѣчто для Географическаго Общества. Въ промежуткахъ между рѣчью, Далай-Лама часто смотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо, и каждый разъ, когда наши взгляды встрѣчались, онъ слегка, соблюдая достоинство, улыбался. Вся его свита стояла въ почтительной позѣ и говорила, кромѣ лицъ переводившихъ, шепотомъ. Канчунъ-сойбонъ, выслушивая рѣчь отъ Далай-Ламы, или переводя ему отвѣтную, стоялъ передъ правителемъ Тибета съ опущенной внизъ головою, наклоненнымъ туловищемъ, и самый разговоръ произносилъ вполголоса, словораздѣльно. Въ видѣ угощенія, передо мною стояли чай и сласти. Далай-Лама также спросилъ себѣ чаю, и ему была налита чашка изъ спеціальнаго серебрянаго чайника и подана на золотомъ оригинальномъ блюдцѣ, закрытая золотой массивной крышкой".

„Въ теченіе всего времени, пока шли обычные разговоры, лицо Далай-Ламы хранило величавое спокойствіе, но, какъ только вопросъ коснулся англичанъ, ихъ военной экспедиціи въ Тибетъ, оно тотчасъ перемѣнилось—покрылось грустью, глаза опустились, и голосъ сталъ нервно обрываться. При прощаніи, я пожелалъ правителю Тибета полнаго успѣха его благимъ стремленіямъ, на что Далай-Лама пріятно улыбнулся и вручилъ мнѣ второй хадакъ съ бронзовымъ изображеніемъ „Будды на алмазномъ престолѣ", замѣтивъ что „мы будемъ часто видѣться". Обратно я направился тѣмъ же путемъ".

„Этотъ день, замѣчаетъ П. К. Козловъ, былъ для меня счастливѣйшимъ изъ всѣхъ дней, проведенныхъ когда-либо въ Азіи".

Въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ П. К. Козловымъ въ Ургѣ, ему удалось перезнакомиться со всѣмъ дворомъ Далай-Ламы. Правитель Тибета любезно позволилъ спутнику-художнику П. К. Козлова срисовать съ себя нѣсколько портретовъ, лично же нашему путешественнику сфотографировать флигель Далай-Ламы и лицъ, сопутствовавшихъ ему въ его поѣздкѣ до Урги. Изъ произведенныхъ фотографій Далай-Лама пожелалъ имѣть всѣ по нѣскольку экземпляровъ; изъ трехъ же срисованныхъ собственныхъ портретовъ вручилъ П. К. Козлову два для представленія Государю

онъ его послалъ съ береговъ Ян-цзы-цзяна, весною 1901 года, черезъ посредство Тибетскаго посольства. См. „Монголія и Камъ", т. I, ч. II, стр. 484.

Императору [1]), при царскомъ хадакѣ. Портреты эти снабжены золочеными тибетскими письменами, выражающими титулъ Далай-Ламы: „Портретъ владѣтеля всего свѣтскаго правленія и религіи всевѣдущаго Вадрадара, тринадцатаго перерожденца Далай-Ламы, держащаго бѣлый лотосъ сакъяскаго гелона (высшій духовный обѣтъ послѣдователей сакъя-муни), чжэбцзунь-агванъ-ловзанъ-тубданъ-гіамцо-джигбралъ-ванчукъ-чоглай-намбаръ-гіамба (верховный владѣтель языка—ораторъ геніальный, всесильный—море-безстрашный, полноправный, совершенный, побѣдитель всего“). Оригинальныя письмена на портретахъ художественно исполнены двумя писцами канцеляріи Далай-Ламы, съ рукописи и подъ редакціею послѣдняго; одинъ писецъ писалъ тушью тибетскіе іероглифы, другой покрывалъ ихъ золотомъ... Ни одинъ изъ писцовъ, исполнявшихъ свое дѣло на колѣняхъ, не смѣлъ поднять глазъ на своего владыку.

Географическому Обществу Далай-Лама поручилъ передать очень интересные предметы культа и другіе, преимущественно входящіе въ составъ духовнаго оркестра; изъ этихъ послѣднихъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ гонгъ. Кромѣ того, при прощальной аудіенціи, Далай-Лама, трогательно напутствуя П. К. Козлова, далъ ему нѣсколько тибетскихъ бурхановъ, съ хадаками, для поднесенія представителямъ вѣдомствъ или учрежденій, принимавшимъ близкое участіе въ командированіи П. К. Козлова въ Ургу. Лично же путешественника Далай-Лама одарилъ двумя отличными изображеніями: Буддой на Львиномъ престолѣ и Майтреи, при чемъ замѣтилъ, чтобы П. К. Козловъ съ ними никогда не разставался, въ особенности съ Майтреи, какъ съ Богомъ—покровителемъ путешествующихъ.

„Итакъ, говоритъ въ заключеніе П. К. Козловъ, моя одна завѣтная мечта, унаслѣдованная отъ моего незабвеннаго учителя Н. М. Пржевальскаго—увидѣть Далай-Ламу—исполнилась. Надо надѣяться, что, поддержанный довѣріемъ *Русскаго Географическаго Общества, я увижу и столицу* Тибета—Лхасу“.

...Самый высокій интересъ со стороны культурнаго міра былъ проявленъ къ послѣдней Монголо-Сычуаньской экспедиціи П. К. Козлова, 1907—1909 г.г., открывшей въ центрѣ Монголіи, въ низовьи Эцзинъ-гола, мертвый городъ Хара-хото.

Хара-хото или Си-ся, какъ извѣстно, подарилъ современной наукѣ огромное богатство памятниковъ старины: свыше тысячи

---

[1]) Фотографическій снимокъ съ одного изъ этихъ портретовъ и приложенъ къ статьѣ о Далай-Ламѣ здѣсь, на страницахъ журнала „Русской Старины“.

томовъ книгъ [1]) и множество свитковъ и бумагъ, собраніе въ нѣсколько сотъ экземпляровъ буддійской иконописи; кромѣ того нѣсколько бронзовыхъ или глиняныхъ статуэтокъ и статуй, клише, ассигнаціи и металлическіе денежные знаки, предметы обихода и предметы роскоши, черепъ гэгэна-перерожденца, погребеннаго въ „знаменитомъ“ субурганѣ (надгробіи), вмѣстѣ съ главными находками въ Хара-хото, и многое, многое другое, поступившее теперь, согласно волѣ Государя Императора, въ Русскій Музей Александра III.

Кромѣ археологической коллекціи, монголо-сычуаньская экспедиція доставила богатое собраніе этнографическихъ предметовъ, въ особенности по буддійскому культу и китайской старинѣ, распредѣленныхъ между Императорской Академіей Наукъ и тѣмъ же Русскимъ музеемъ Александра III.

Что касается до изслѣдованія природы—коллекцій геологическихъ, ботаническихъ и зоологическихъ, то, по признанію географическаго общества и спеціальныхъ учрежденій и лицъ, получившихъ въ обработку естественно-историческій матеріалъ экспедиціи, коллекціи эти представлены полно, разнообразно, съ подробными записями и чертежами или даже спеціальными журналами и дневниками. Начальникъ экспедиціи готовитъ общее историко-географическое описаніе путешествія; его помощники: Черновъ занятъ обработкой геологическихъ сборовъ, Напалковъ — приведеніемъ въ порядокъ картографическихъ данныхъ.

Наука съ нетерпѣніемъ будетъ ожидать выхода въ свѣтъ періодическихъ описаній находокъ въ Хара-хото, и надо надѣяться, что наши синологи-востоковѣды съ тѣмъ же интересомъ будутъ работать надъ Хара-хото, съ какимъ встрѣтили его богатое собраніе коллекцій, только-что появившихся тогда въ Петербургѣ и привлекшихъ къ обозрѣнію ихъ выставки массу столичной публики. Императорское Географическое Общество, съ Высочайшаго соизволенія, передавшее Хара-хото цѣликомъ въ Русскій музей Александра III, обязано слѣдить за скорѣйшей разработкой археологическихъ коллекцій, такъ счастливо добытыхъ ея экспедиціей; съ своей же стороны и Русскій Музей Александра III, надо думать, приметъ надлежащія мѣры не только къ должной группировкѣ и установкѣ коллекцій въ своемъ превосходномъ помѣщеніи, но и къ изящному воплощенію результатовъ Хара-хото съ точки зрѣнія научной обработки.

---

[1]) Книги написаны на китайскомъ, монгольскомъ, маньчжурскомъ, тибетскомъ, персидскомъ, уйгурскомъ и на невѣдомомъ языкахъ. Невѣдомый или такъ называемый языкъ Сп-ся уже началъ расшифровываться благодаря словарю, найденному среди харахотоской библіотеки.

Агванъ Доржіевъ

Съ эпизодической стороны Монголо-Сычуаньское путешествіе въ высшей степени интересно первымъ плаваніемъ по огромному, до 350-ти верстному (въ окружности) альпійскому озеру Куку-нору и посѣщеніемъ участниками экспедиціи его таинственнаго острова Куйсу, обитаемаго тремя отшельниками — монахами, смертельно перепугавшимися сказочнаго появленія на островѣ русскихъ. Еще болѣе захватывающимъ образомъ дѣйствуетъ картина ночной атаки амдоскихъ разбойниковъ на маленькій лагерь русской экспедиціи— горсточку русскихъ, затерявшихся въ глубинѣ Нагорной Азіи...

Такова, въ общихъ чертахъ, дѣятельность П. К. Козлова какъ русскаго путешественника въ Центральной Азіи вообще и начальника Монголо-Сычуаньской экспедиціи въ частности,—путешественника, снискавшаго со стороны родины лестную оцѣнку въ рядѣ высокихъ почетныхъ наградъ.

Девятаго марта, 1910 года, Государь Императоръ пожаловалъ начальнику Монголо-Сычуаньской экспедиціи чинъ полковника (со старшинствомъ съ 13-го января 1909 года—день стычки) и увеличеніе пожизненной пенсіи, а двадцать пятаго марта полковникъ Козловъ имѣлъ счастіе въ Высочайшемъ Государя Императора присутствіи, въ Царскомъ Селѣ, прочесть лекцію о своемъ путешествіи съ демонстрированіемъ діапозитивовъ и характерныхъ образцовъ находокъ въ открытомъ имъ городѣ Хара-хото, за что награжденъ подаркомъ изъ кабинета Его Императорскаго Величества.

Вице-президентъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, членъ Государственнаго Совѣта, П. П. Семеновъ-Тянъ-Шанскій поднесъ П. К. Козлову дипломъ на званіе почетнаго члена означеннаго Общества.

Въ заключеніе, можно отмѣтить въ отчетномъ 1910 году двѣ послѣднія чрезвычайныя награды: Англійское и Итальянское географическія Общества присудили нашему путешественнику, полковнику Козлову, за его открытія въ Центральной Азіи, большія золотыя королевскія медали...

В—ъ.

Памяти Бѣлинскаго.

Когда называютъ имя В. Г. Бѣлинскаго, то въ памяти русскаго читателя не только встаетъ образъ писателя-гуманиста и замѣчательнаго критика, впервые установившаго прочные литературные взгляды, — съ этимъ именемъ неразрывно вспоминается время высокаго подъема нашей общественной мысли, тѣ удивительные „сороковые годы“, преданіе о которыхъ составляетъ одну изъ наиболѣе любимыхъ страницъ въ исторіи нашего просвѣщенія. Духовный ростъ своеобразнаго русскаго мыслителя, превращеніе его изъ „недоучившагося студента“ въ перваго литературнаго дѣятеля становятся понятными лишь въ связи съ тѣми общественными вліяніями, какими онъ былъ окруженъ въ началѣ своей работы въ кружкахъ, связанныхъ съ Московскимъ университетомъ. О нихъ было много говорено и много писано, но тѣни этого уже далекаго прошлаго какъ бы живутъ съ нами и теперь, вдохновляя при каждомъ обращеніи къ нимъ красотою и глубиною своего идеализма.

Съ начала тридцатыхъ годовъ весь тонкій цвѣтъ нашей молодой образованности, всѣ пылкіе юноши съ разнообразными дарованіями, художественными, философскими и учеными, стали встрѣчаться въ дружескихъ сборищахъ, сначала студенческихъ, а потомъ и общественныхъ кружкахъ; изъ нихъ всѣмъ извѣстными сдѣлались впослѣдствіи два—Станкевича и Герцена. Внѣ университета создался кружокъ раннихъ славянофиловъ. Черезъ много лѣтъ, вспоминая

о московской жизни, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ встрѣчъ во имя серьезныхъ духовныхъ запросовъ о своихъ сверстникахъ (не только о друзьяхъ) говоритъ: „это была удивительная молодежь... такого круга людей талантливыхъ, чистыхъ, развитыхъ, умныхъ и преданныхъ я не встрѣчалъ, а скитался довольно по бѣлому и „красному свѣту“. И вотъ, въ средѣ этихъ блестящихъ молодыхъ философовъ, съ живостью усваивавшихъ всѣ послѣдніе выводы западно-европейской науки, появляется человѣкъ изъ глухого уѣзднаго общества, съ неудачнымъ дѣтствомъ, испытавшій всю горечь приниженнаго существованія. Этому новому лицу, В. Г. Бѣлинскому, было суждено сдѣлаться самымъ горячимъ и вліятельнымъ проводникомъ во всемъ читающемъ обществѣ тѣхъ мыслей и настроеній, которыя вырабатывались въ упомянутыхъ кружкахъ, въ сторонѣ отъ торной дороги жизни.

А какова была эта торная дорога, каково было существованіе въ уѣздномъ захолустьѣ, откуда вышелъ нашъ мыслитель, объ этомъ мы имѣемъ художественно-правдивый разсказъ выдающагося русскаго бытописателя, разсказъ, имѣющій значеніе историческаго документа. — „Дѣтство мое прошло въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ (принимая во вниманіе медленность теченія жизни въ провинціи — разница со временемъ дѣтства и юности Бѣлинскаго незначительная), а эти годы для „обыкновенной“ русской толпы были самымъ глухимъ, самымъ мертвымъ временемъ. Все, что родилось и провело въ эти годы свое дѣтство, все это, какъ бы ни былъ ребенокъ даровитъ отъ природы, было близко къ потерѣ сознанія человѣческаго достоинства, съ дѣтства переполнялось всѣми сортами трусости, пріучалось боязливо мыслить, чувствовать и вовсе отвыкло отъ аппетита какъ-нибудь поступать, какъ-нибудь дѣйствовать... Не шевелиться, хоть и мечтать; не показать виду, что думаешь; не показать виду, что не боишься, показывать, напротивъ, что „боишься“, трепещешь,—тогда какъ для этого и основаній-то никакихъ нѣтъ,—вотъ что выработали эти годы въ русской толпѣ. Надо постоянно бояться—это корень жизненной правды; все остальное можетъ быть, но можетъ и не быть, да и не нужно всего этого остального,—еще наживешь хлопотъ,—вотъ что носилось тогда въ воздухѣ, угнетало толпу, отшибало у нея умъ и охоту думать!“ — „Какъ только начинаю себя помнить, чувство какой-то виновности, какого-то тяжелаго преступленія уже тяготѣло надо мной. Такъ дѣйствовала на меня эта унылая, мертвая атмосфера, созданная людьми, искони потерявшими смыслъ и аппетитъ „жизни“, что я еще семи или восьми лѣтъ уже чувствовалъ тотъ

самый камень на сердцѣ, какой чувствовали всѣ мои родственники, всѣ мои сверстники".

„Все, что я ни видѣлъ вокругъ себя, все какъ бы отказалось отъ самого себя и только заботилось о томъ, чтобы не погибнуть, точно было ввержено въ какую-то пропасть... „Пропадешь!—носилось надо всѣми мнѣ близкими:—пропадешь, если посмѣешь чего-нибудь захотѣть самъ, если самъ что-нибудь позволишь себѣ..." „Хватай невѣсту-то покуда можно... а то пропадешь!" И человѣкъ хваталъ урода, отъ котораго спивался... „Хватай мѣсто... останешься безъ мѣста, пропадешь!" И художникъ, талантливый человѣкъ „хваталъ" мѣсто попа, почтальона — и спивался... Ни одной свѣтлой точки не было на горизонтѣ. „Пропадешь!"—кричали небо и земля, воздухъ и вода, люди и звѣри... И все ежилось и бѣжало отъ бѣды въ первую попавшуюся нору". (Глѣбъ Успенскій). Страстное, можно сказать отчаянное нежеланіе себѣ и другимъ „пропасть", неутолимая жажда научить людей выбиться изъ этой душной обывательской жизни, поднявъ ихъ духовный уровень и сознаніе человѣческаго достоинства—эти побужденія были изъ главнѣйшихъ въ дѣятельности Бѣлинскаго.

Только что приведенный, быть можетъ грубоватый, но яркій набросокъ Гл. Успенскаго даетъ намъ извѣстное понятіе о томъ, въ какой обстановкѣ питалась мысль и росло чувство негодующаго автора „письма къ Гоголю". Отъ общей характеристики настроеній въ бѣдныхъ слояхъ общества того времени обратимся къ фактамъ, удостовѣреннымъ людьми, знавшими дѣтство писателя. И. И. Лажечниковъ въ своихъ воспоминаніяхъ по разсказамъ, какіе слышалъ на мѣстѣ, передаетъ, что домашняя обстановка Бѣлинскаго была самая безотрадная. „Общество, которое дитя встрѣчало у отца, были городскіе чиновники, бо̀льшею частью члены полиціи, съ которыми уѣздный лекарь (отецъ критика) имѣлъ дѣло по своей должности (отъ которой ничего не наживалъ). Общество это видѣлъ онъ на-распашку, часто за ерофеичемъ и пуншемъ, слышалъ рѣчи, обращавшіяся болѣе всего около частныхъ интересовъ, приправленныя цинизмомъ взяточничества и мелкихъ продѣлокъ, видѣлъ во-очію неправду и черноту, не замаскированныя боязнью гласности, не закрашенныя лоскомъ образованности, видѣлъ и купленное за ведёрку крестное цѣлованіе понятыхъ и свидѣтельствованіе разнаго рода побоевъ и пр. и пр... Душа его, въ которую пала съ малолѣтства искра Божія, не могла не возмущаться при слушаніи этихъ рѣчей, при видѣ разнаго рода отвратительныхъ сценъ. Съ раннихъ лѣтъ накипѣла въ ней ненависть къ обскурантизму, ко всякой неправдѣ, ко всему ложному... Оттого-то его убѣ-

жденія перешли въ его плоть и кровь, слились съ его жизнью... Прибавьте къ безотрадному зрѣлищу гнилого общества, которое окружало его въ малолѣтствѣ, домашнее горе, бѣдность, нужды, вѣчно его преслѣдовавшія, вѣчную борьбу съ ними, и вы поймете, отчего произведенія его иногда переполнялись желчью, отчего въ откровенной бесѣдѣ съ нимъ изъ наболѣвшей груди его вырывались грозно обличительныя рѣчи, которыя, казалось, душили его"... Другія воспоминанія также рисуютъ общественную, семейную и учебную обстановку Бѣлинскаго съ самой неблагопріятной стороны; воспитаніе его такимъ образомъ совсѣмъ не было похоже на воспитаніе его друзей, членовъ кружка Станкевича, выросшихъ въ дворянскихъ богатыхъ помѣстьяхъ. Вполнѣ обезпеченные и окруженные съ излишествомъ всякими удобствами съ дѣтскихъ лѣтъ, они не испытывали никакихъ лишеній и не знали, что такое нужда. Житейскія невзгоды преслѣдовали Бѣлинскаго съ самаго ранняго возраста и продолжались въ дальнѣйшемъ. Низменная сторона дѣйствительности была первою школой, тяжелымъ вкладомъ въ его міровоззрѣніе; личный опытъ при глубокой духовной сущности развилъ въ немъ энергическое сочувствіе къ страданіямъ другихъ. Бѣлинскій рано понялъ человѣческое горе и его нравственно воспитательное значеніе. Съ другой стороны въ Бѣлинскомъ съ тѣхъ же дѣтскихъ лѣтъ сказалось влеченіе ко всему прекрасному и доброму, не находя его въ жизни, съ тѣмъ большею силою мысль обращалась къ книгѣ, къ литературѣ. „Бѣлинскій", говоритъ А. Н. Пыпинъ, „не былъ, что называется „воспитанъ" на какомъ-нибудь изъ великихъ писателей, напротивъ, онъ читалъ безъ разбора все, что попадалось подъ руку"... „онъ даже восхищался Сумароковымъ" (будучи мальчикомъ и ученикомъ уѣзднаго училища).

„Для иного и чтеніе Шекспира или Гёте останется безплодно: для Бѣлинскаго довольно было произведеній, гораздо болѣе скромныхъ, чтобы поддержать въ немъ уже готовыя стремленія". „Мало по-малу вкусъ развивался, становился требовательнѣе, и гимназистъ Бѣлинскій былъ не только поклонникомъ Пушкина, но имѣлъ уже опредѣленныя предпочтенія, и не вдругъ поддавался возраженіямъ, хотя бы они и были довольно авторитетны. Словомъ, Бѣлинскій съумѣлъ оріентироваться въ своемъ чтеніи и тѣмъ сильнѣе привязывался къ литературѣ, чѣмъ больше ему пришлось обойти окольныхъ путей, чтобы придти къ пониманію истинно-поэтическаго". Черта, опредѣляющая весь характеръ развитія личности Бѣлинскаго—самыми разнообразными дорогами упорно шелъ онъ къ истинѣ, и тѣмъ глубже залегало въ немъ выстраданное убѣжденіе.

Не окончивъ гимназіи, Бѣлинскій уѣхалъ въ Москву, въ уни-

верситетъ, его онъ также не окончилъ. Польза была отъ университета лишь та, что талантъ окрѣпъ и развился въ московской литературной и журнальной средѣ, въ кружкахъ, о которыхъ говорилось. Было большимъ счастьемъ для писателя, что обстоятельства очень скоро связали его съ просвѣщеннѣйшими людьми тѣхъ лѣтъ. Идеальная сторона жизни, европейская наука, насколько она была доступна тогда для насъ, русскихъ, процвѣтала въ вольной академіи философовъ, эстетиковъ и моралистовъ въ значительно большей степени, чѣмъ въ оффиціальной школѣ. Врожденное чувство воспріимчивости ко всему прекрасному нашло здѣсь счастливыя условія для своего развитія, здѣсь созрѣло эстетическое пониманіе Бѣлинскаго не оставлявшее его до конца жизни. Но не только одна эстетика занимала молодые умы, живыя бесѣды, страстные споры касались разнообразныхъ философскихъ вопросовъ; однако чисто научные интересы имѣли здѣсь второстепенное значеніе. „Мы тогда въ философіи искали всего на свѣтѣ, кромѣ чистаго мышленія“, вспоминаетъ И. С. Тургеневъ, одинъ изъ учениковъ Станкевича. Къ такой постановкѣ вопросовъ пришли однако не сразу: необходимъ былъ переходъ отъ прежняго міровоззрѣнія. Изъ неистоваго романтика, написавшаго въ студенческіе годы драму, гдѣ въ страстныхъ, на подобіе шиллеровскихъ, монологахъ, обличалось зло русскаго крѣпостничества (несомнѣнная причина его увольненія изъ университета), Бѣлинскій въ кругу московскихъ друзей превращается въ якобы уравновѣшеннаго мыслителя и, переживъ всю дикость нравовъ среды, изъ которой вышелъ, онъ уходитъ въ далекую отъ этой жизни германскую идеалистическую философію Шеллинга, Фихте и Гегеля. Поэтическая красота первой изъ этихъ системъ была естественною ступенью для перехода отъ романтизма, отъ томленія по неясной мечтѣ. Искусство въ этой философіи имѣло первенствующее значеніе. Призванный творецъ въ искусствѣ былъ единственный истинный человѣкъ, соединяющій все то, что въ природѣ находится въ разъединеніи, во враждѣ. Всѣ области знанія поглощались искусствомъ, и вдохновенный художникъ постигалъ тайны міра, онъ видѣлъ и ощущалъ его гармонію. „Какимъ-то торжествомъ, свѣтлымъ, радостнымъ чувствомъ исполнилась жизнь, когда указана была возможность объяснить явленія природы тѣми же самыми законами, какимъ подчиняется духъ человѣческій въ своемъ развитіи, закрыть, повидимому, навсегда пропасть, раздѣляющую два міра, и сдѣлать изъ нихъ единый сосудъ для вмѣщенія вѣчной идеи и вѣчнаго разума. Съ какою юношескою и благородною гордостью понималась тогда часть, предоставленная человѣку въ этой всемірной жизни!... Природа была поглощена имъ и въ немъ же воскресала для новаго, разумнаго и

одухотвореннаго существованія!.. Чѣмъ свѣтлѣе отражался въ немъ самомъ вѣчный духъ, всеобщая идея, тѣмъ полнѣе понималъ онъ ея присутствіе во всѣхъ другихъ сферахъ жизни. На концѣ всего воззрѣнія стояли нравственныя обязанности и одна изъ необходимыхъ обязанностей — высвобождать въ себѣ самомъ божественную часть міровой идеи отъ всего случайнаго, нечистаго и ложнаго для того, чтобы имѣть право на блаженство дѣйствительнаго, разумнаго существованія“ (П. В. Анненковъ). Подъ вліяніемъ новой философіи Бѣлинскій и его друзья смотрѣли на міръ и окружающую дѣйствительность главнымъ образомъ съ эстетической точки зрѣнія. Противорѣчіе идеала съ жизнью сглаживалось восторгомъ передъ истинно-художественнымъ произведеніемъ, открывавшемъ тайны міра.

Нравственная правда поглощалась красотой. Вотъ что писалъ Бѣлинскій въ это время. „Нравственность въ сочиненіи должна состоять въ совершенномъ отсутствіи притязаній со стороны автора на нравственную или безнравственную цѣль. Факты говорятъ громче словъ, вѣрное изображеніе нравственнаго безобразія могущественнѣе всѣхъ выходокъ противъ него... Однако такія изображенія только тогда вѣрны, когда безцѣльны, когда созданы, а создавать можетъ одно вдохновеніе, а вдохновеніе можетъ быть доступно одному таланту, слѣдовательно, только одинъ талантъ можетъ быть нравственнымъ въ своихъ произведеніяхъ“.

Какой запасъ эстетическихъ силъ и вѣра во всемогущество философіи были въ душѣ писателя, когда съ заразительною горячностью онъ писалъ о красотахъ искусства въ условіяхъ своего полуголоднаго существованія въ Москвѣ. Это свойство Бѣлинскаго отдаваться до конца всеобъясняющей мысли въ дальнѣйшемъ становится еще нагляднѣе, особенно при усвоеніи имъ системы Гегеля. Но предварительно ему пришлось ознакомиться съ философіей Фихте. Онъ проходилъ ее подъ руководствомъ М. Бакунина. Система Фихте, дабы разрѣшить противорѣчіе между объективнымъ и субъективнымъ, признавала всѣ внѣшнія явленія созданіемъ человѣческаго духа. Изъ мыслей этого философа выводъ былъ тотъ, что весь внѣшній міръ превращался въ пустой призракъ, и вся задача развитой личности должна быть сосредоточена на высшей жизни духа, на познаніи своего чистаго „я“, на высвобожденіи этого „я“ изъ подъ власти всего преходящаго, случайнаго и отъ внѣшняго міра человѣкъ не долженъ зависѣть, если хочетъ быть свободнымъ и самостоятельнымъ. Но въ отвлеченномъ мірѣ тонкостей „фихтеанства“ Бѣлинскій скоро почувствовалъ себя не слишкомъ ловко, и можно было ожидать, что этотъ періодъ его духовнаго развитія долженъ будетъ скоро окончиться. Пренебреженіе къ другимъ сто-

ронамъ жизни, кромѣ идеальной, не удовлетворяло живымъ потребностямъ его духа и отъ презрѣнія онъ очень скоро перешелъ къ совершенному оправданію дѣйствительности, къ признанію ея законной и разумной во всѣхъ проявленіяхъ. Эти выводы были сдѣланы изъ философіи Гегеля, доставившаго писателю много огорченій. Вообще всѣ изученія нѣмецкихъ мыслителей нелегко давались Бѣлинскому. „Жизнію моею, цѣною слезъ, воплей души усвоилъ я себѣ эти мысли, и онѣ вошли глубоко въ мое существо“...

„Вопросъ о „дѣйствительности“ и ея „разумности“ является центральнымъ пунктомъ всей духовной жизни кружка Станкевича въ эпоху его увлеченія гегельянствомъ, и это еще разъ доказываетъ, въ какую грубую ошибку впадаютъ тѣ, которые, изучая движеніе 40-хъ годовъ, разсматриваютъ философскіе взгляды эпохи Бѣлинскаго исключительно съ научной точки зрѣнія. Не знаменательна ли въ самомъ дѣлѣ та исключительность, съ которою всѣ силы ума и сердца Бѣлинскаго и его друзей обратились на толкованіе положенія Гегеля — „все дѣйствительное — разумно“, положенія, въ концѣ концовъ, второстепеннаго, мимоходомъ высказаннаго въ предисловіи къ „Философіи права“. Если вы возьмете какую-нибудь позднѣйшую исторію философіи и прочтете статью о Гегелѣ, вы тамъ часто не встрѣтите даже простого упоминанія о формулѣ „все дѣйствительное — разумно“. Вотъ до чего маловажной она кажется обыкновенному изслѣдователю рядомъ съ грандіозностью чисто-научныхъ притязаній гегелевской философіи дать абсолютную истину о сущности всего мірового процесса. Но для русскаго человѣка сороковыхъ годовъ, который накинулся на гегелевскую философію не изъ жажды научнаго знанія, а потому, что ему надо было немедленно рѣшить вопросъ, *какъ ему жить*, все отступило передъ жгучестью ужасныхъ сомнѣній, вносимыхъ формулой“ (С. А. Венгеровъ). За этотъ, собственно говоря, безразличный взглядъ на явленія жизни Бѣлинскій ухватился, какъ за послѣднюю возможность мыслью замирить чувство, возмущавшееся отъ оскорбляющей дѣйствительности. За новое убѣжденіе онъ держался очень крѣпко и былъ до безумства послѣдователенъ, доходя до самыхъ крайнихъ выводовъ. „Я гляжу на дѣйствительность“, — пишетъ Бѣлинскій, — „столь презираемую мною прежде, и трепещу таинственнымъ восторгомъ, сознавая ея разумность, видя, что изъ нея ничего нельзя выкинуть, и въ ней ничего нельзя похулить и низвергнуть. Всѣ самыя противоположныя понятія получили для меня какой-то цѣлостный смыслъ и уже не дерутся между собою, но образуютъ цѣлое зданіе со многими сторонами, одну общую картину изъ разныхъ красокъ, жизнь изъ-

безконечно разнообразныхъ элементовъ"... Ему кажется, что „всякій шагъ человѣка вѣренъ, всякое положеніе истинно, всѣ отношенія къ людямъ безошибочны"...

„Дѣйствительность есть чудовище, вооруженное желѣзными когтями и огромною пастью съ желѣзными челюстями. Рано или поздно, но пожретъ она всякаго, кто живетъ съ ней въ разладѣ и идетъ ей на перекоръ. Чтобы освободиться отъ нея и вмѣсто ужаснаго чудовища увидѣть въ ней источникъ блаженства, для этого одно средство—*сознать* ее". Нужно замѣтить, что въ это время крайнихъ выводовъ Бѣлинскаго онъ былъ одинокъ, члены кружка Станкевича въ Москвѣ не жили, старые друзья разъѣхались, новые еще не пріѣхали. Самъ Станкевичъ былъ за границей, Грановскій еще не пріѣзжалъ въ Москву, Герценъ пока былъ въ ссылкѣ, В. П. Боткинъ никакого противодѣйствія оказать не могъ, т. к. былъ силенъ въ исторіи искусствъ, а не въ философіи; оставался Бакунинъ, но его отношенія къ Бѣлинскому въ періодъ крайняго увлеченія послѣдняго уже измѣнились; друзья начали ссориться съ тѣмъ, чтобы скоро и вовсе разойтись. Во всѣхъ перечисленныхъ стремленіяхъ Бѣлинскаго у него была одна цѣль—выработать нравственный идеалъ, опираясь на различныя философскія системы, объяснить поражающіе его факты русской дѣйствительности, найти выходъ сомнѣніямъ, которыя обуревали его страстную натуру, пытавшуюся такъ или иначе примирить разладъ нравственныхъ требованій съ существующимъ положеніемъ вещей. Послѣднее міросозерцаніе, сложившееся у Бѣлинскаго, не нравилось его друзьямъ. Станкевичъ не одобрялъ „примиренія"; Бакунинъ сердился на Бѣлинскаго за его измѣну „идеальности" въ пользу дѣйствительности. Въ 1839 г. произошла встрѣча Бѣлинскаго съ вернувшимся изъ ссылки Герценомъ; эта встрѣча имѣла важное значеніе. Еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ, во времена возникновенія кружковъ, Герценъ и его другъ Огаревъ воспитывались на идеяхъ, рѣзко отличавшихся отъ идеалистическаго направленія друзей Станкевича. Члены кружка Герцена въ противоположность германской философіи увлекались французскимъ позитивизмомъ и соціализмомъ. Но въ 1834 г. оба друга были арестованы и отправлены въ ссылку. Кружокъ разсѣялся и нѣкоторые его члены присоединились потомъ, спустя нѣсколько лѣтъ, къ товарищамъ Станкевича. Вниманіе Герцена и его друзей было давно сосредоточено на политическихъ и соціальныхъ вопросахъ, на изученіи современнаго состоянія общества, на размышленіяхъ о возможномъ его будущемъ. Съ ихъ точки зрѣнія примиреніе съ дѣйствительностью было уничтоженіемъ всѣхъ запросовъ, какими жила ихъ душа. Встрѣча Герцена послѣ ссылки съ Бѣлинскимъ въ Москвѣ

была очень недружелюбна, отношеніе перваго къ русской дѣйствительности было самое отрицательное, отношеніе второго доходило до полнаго оправданія всѣхъ самыхъ уродливыхъ явленій. Но уже приближался послѣдній переломъ во взглядахъ нашего критика, новая литература, столь любимая имъ, стала опровергать всѣ его теоретическія разсужденія, и перемѣна его жизни способствовала, какъ и въ молодости, ближайшему столкновенію съ дѣйствительностью. Появились стихотворенія и проза Лермонтова, пѣсни Кольцова, „Мертвыя души“ Гоголя, а самъ Бѣлинскій вынужденъ былъ покинуть Москву и перебраться въ Петербургъ. Весь пройденный путь былъ далеко не безплоденъ, въ лицѣ Бѣлинскаго русская общественная мысль совершала свое необходимое развитіе и отъ романтизма постепенно перешла къ новымъ задачамъ нашего перваго реализма. И ранній романтизмъ писателя, и отрицаніе и оправданіе дѣйствительности, все послужило къ выработкѣ цѣльнаго міросозерцанія, въ которомъ пониманіе красоты гармонично сочеталось со здравымъ отношеніемъ къ дѣйствительности, глубина мысли—съ чуткой воспріимчивостью ко всѣмъ жизненнымъ явленіямъ.

Переѣздъ въ Петербургъ былъ связанъ съ большими огорченіями. Бѣлинскій прощался съ жизнью среди друзей и выступалъ въ міръ чужой и враждебный.

Журналисты—Сенковскій, Булгаринъ и Гречъ имѣли многочисленныхъ поклонниковъ въ обществѣ и, дабы ослабить ихъ вредное вліяніе, приходилось вести съ ними утомительную полемику; бывшій кружокъ Пушкина былъ Бѣлинскому чуждъ; редакція „Отечественныхъ Записокъ“, которая вызвала его изъ Москвы, состояла изъ лицъ ему мало знакомыхъ. Впослѣдствіи около него составился новый кружокъ друзей, въ числѣ которыхъ были Некрасовъ, Панаевъ, Тургеневъ, Анненковъ и др. Но эти новые друзья не могли замѣнить Бѣлинскому старыхъ. Образъ его жизни былъ однообразенъ, въ 1843 г. онъ женился.

Два раза, и то на короткій срокъ, уѣзжалъ онъ изъ Петербурга въ Крымъ и за границу, для лѣченія болѣзни. Въ Петербургѣ Бѣлинскій приходилъ въ болѣе частое и рѣзкое столкновеніе съ той дѣйствительностью, полное примиреніе съ которой онъ такъ недавно проповѣдывалъ. Вращаясь въ кругу московскихъ друзей, преимущественно въ области отвлеченныхъ вопросовъ, онъ многія стороны жизни наблюдалъ лишь издалека; эти стороны съ полною ясностью предстали передъ нимъ въ городѣ, гдѣ ближе пришлось узнать условія, въ которыхъ работалъ тогдашній русскій литераторъ, оцѣнить силу вліянія Булгарина, Греча и Сенковскаго, узнать, что такое читающая публика. Приведемъ нѣсколько строкъ изъ его

размышленій о Петербургѣ. „Петербургъ“, пишетъ Бѣлинскій, „имѣетъ на нѣкоторыя натуры отрезвляющее дѣйствіе; сначала кажется вамъ, что отъ его атмосферы, словно листья съ дерева, спадаютъ съ васъ самыя дорогія убѣжденія; но скоро замѣчаете вы, что то не убѣжденія, а мечты, порожденныя праздною жизнью и рѣшительнымъ незнаніемъ дѣйствительности,—и вы остаетесь, можетъ быть, съ тяжкою грустью, но въ этой грусти такъ много святого, человѣческаго... Что мечты! Самыя обольстительныя изъ нихъ не стоятъ въ глазахъ дѣльнаго (въ разумномъ значеніи этого слова) человѣка самой горькой истины, потому что счастье глупца есть ложь, тогда какъ страданіе дѣльнаго человѣка есть истина и при томъ плодотворная“... Въ другомъ мѣстѣ Бѣлинскій говоритъ слѣдующее. „Мы весь Божій свѣтъ видѣли въ своемъ кружкѣ. Появилось стихотвореніе, повѣсть—восхитили тебя, меня и прочихъ чудаковъ, а мы и говоримъ, что публика поняла это сочиненіе. Чтобы узнать, что такое русская читающая публика, надо пожить въ Петербургѣ“... Длинныя письма, какія писалъ въ это время Бѣлинскій къ своимъ московскимъ друзьямъ, свидѣтельствуютъ о тяжелыхъ душевныхъ переживаніяхъ, о ломкѣ всего міровоззрѣнія; по этимъ письмамъ можно съ полною ясностью представить себѣ ходъ его мыслей, приведшій къ окончательнымъ выводамъ, создавъ того Бѣлинскаго, взгляды котораго стали канономъ для большинства изъ послѣдующихъ поколѣній. Говоря о трудности положенія среди дѣйствительности, еще заслуживающей презрѣнія, Бѣлинскій съ возрастающею горячностью описываетъ свои новыя настроенія. „Въ Петербургѣ, съ необитаемаго острова я очутился въ столицѣ, журналъ поставилъ меня лицомъ къ лицу съ обществомъ,—и Богу извѣстно, какъ много перенесъ я! Для тебя еще не совсѣмъ понятна моя вражда къ *москводушію*, но ты смотришь на одну сторону медали, а я вижу обѣ. Меня убило это зрѣлище общества, въ которомъ властвуютъ и играютъ роли подлецы и дюжинныя посредственности, а все благородное и даровитое лежитъ въ позорномъ бездѣйствіи на необитаемомъ островѣ... Отчего же европеецъ въ страданіи бросается въ общественную дѣятельность и находитъ въ ней выходъ изъ самаго страданія?“ Въ слѣдующемъ же письмѣ отъ 4 октября 1840 г. разрывъ съ прежними воззрѣніями уже совершенно опредѣлился, и Бѣлинскій разражается страстнымъ монологомъ такого содержанія.

„Проклинаю мое гнусное стремленіе къ примиренію съ гнусною дѣйствительностью!.. Да здравствуетъ великій Шиллеръ, благородный адвокатъ человѣчества, яркая звѣзда спасенія, эманципаторъ общества отъ кровавыхъ предразсудковъ преданія! Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма!—какъ воскликнулъ великій Пушкинъ,

Для меня теперь человѣческая личность выше исторіи, выше человѣчества. Это мысль и дума вѣка! Боже мой, страшно подумать, что со мной было—горячка или помѣшательство ума—я словно выздоравливающій"... И въ концѣ письма: „дѣйствительность—это палачъ".

Всѣ пути были пройдены, Бѣлинскій пришелъ къ выводамъ, не оставлявшимъ его уже до конца жизни.

Теперь проповѣдь его сводится къ необходимости поднять духовный уровень массъ, повысить сознаніе человѣческаго достоинства, отстаивать право развитой личности на свободную мысль и чувство. Вопросъ объ отношеніи такой личности къ народной массѣ, которую слѣдовало воспитывать и просвѣщать, сталъ, какъ извѣстно, кореннымъ въ разногласіяхъ двухъ общественныхъ теорій, западнической и славянофильской.

Въ связи съ развитіемъ философскихъ воззрѣній Бѣлинскаго шло развитіе его эстетическихъ и вообще литературныхъ взглядовъ. Но здѣсь въ немъ было больше устойчивости; вопреки своимъ теоретическимъ разсужденіямъ, онъ невольно становился на правильныя точки зрѣнія, соединяя чувство дѣйствительности съ врожденнымъ чувствомъ прекраснаго. И здѣсь заключается его непререкаемое значеніе. Его общественно-политическіе взгляды нуждались въ поправкахъ, историческая наука разъяснила впослѣдствіи многое, что не было извѣстно ни Бѣлинскому, ни его противникамъ, но обнаруженное имъ необычайно тонкое художественное пониманіе произведеній Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Кольцова надолго сдѣлало его литературныя оцѣнки школьными, классическими.

Все это достаточно извѣстно. Но хотѣлось бы напомнить въ эти дни воспоминаній о знаменитомъ критикѣ, что, доходя мыслью до граней отрицанія, ставъ въ послѣдніе годы жизни на публицистическую точку зрѣнія, Бѣлинскій не потерялъ способности вѣрно опредѣлять художественную сторону поэтическихъ произведеній, не требовалъ отъ свободнаго творчества подчиненія предуказаннымъ цѣлямъ. Приведемъ послѣдніе взгляды его на искусство. Въ декабрѣ 1847 г. Б. пишетъ В. П. Боткину: „Будь повѣсть хоть расхудожественна, да если въ ней нѣтъ дѣла, то я къ ней совершенно равнодушенъ... *Я знаю, что сижу въ односторонности, но не хочу выходить изъ нея*"... Его продолжатели, за немногими исключеніями, этого не сознавали и довели свои требованія до тупика, гдѣ прекрасное, вѣчное въ такомъ писателѣ, какъ Глѣбъ Успенскій, вызывало равнодушіе, Фетъ былъ острякъ, а вся красота и глубина творчества А. Чехова оставалась совершенно непонятой. Бѣлинскаго спасли не только врожденная

чуткость къ прекрасному, но и полученное имъ эстетическое воспитаніе въ самомъ идеалистическомъ кружкѣ, который когда-либо бывалъ на свѣтѣ. И въ этомъ гармоническомъ сочетаніи широкихъ общественныхъ взглядовъ съ преклоненіемъ передъ вѣчными красотами человѣческаго духа надо видѣть неумирающее значеніе перваго русскаго критика.

В. Я.

Дата рожденія Бѣлинскаго.

Сплошь да рядомъ въ біографіяхъ нашихъ писателей встрѣчаются грубыя фактическія ошибки. Два года назадъ [1]) мы говорили объ ошибкахъ въ метрическихъ церковныхъ книгахъ, гдѣ записаны дни рожденія Пушкина и Гоголя. Тифлисцы, ставя въ своемъ Александровскомъ саду памятникъ Гоголю, ухитрились ошибиться даже въ годѣ рожденія великаго писателя, никогда не вызывавшемъ ничьихъ сомнѣній, и на пьедесталѣ вывести крупными литерами „Н. В. Гоголь. 1808—1852“ [2]), хотя всероссійское празднованіе гоголевскаго столѣтія, ознаменовавшее 1909-й годъ, могло напомнить небрежнымъ поклонникамъ Гоголя, что онъ родился не въ 1808 г., а въ 1809-мъ.

Близится празднованіе столѣтія со дня рожденія Бѣлинскаго, но для многихъ все еще находятся подъ сомнѣніемъ и годъ, и мѣсяцъ, и день рожденія великаго критика. Лишь недавно, какъ сообщали газеты [3]), даже предпринимались розыски документовъ, которые могли бы установить дату его рожденія и крещенія. Однако, поскольку разыскиваемыя архивныя данныя должны были привести къ разрѣшенію вопроса о годѣ рожденія Бѣлинскаго, они совершенно излишни, — потому что вопросъ давно уже разъясненъ по вполнѣ достовѣрнымъ документальнымъ источникамъ.

Первый виновникъ этой ошибки—самъ Бѣлинскій, который пи-

---

[1]) „Рус. Стар.“ 1909 г., май, 318—320.

[2]) „Голосъ Кавказа“ 1909 г., № 988; „Московск. Вѣдомости“ 1910 г., № 6 („Позорная ошибка“).

[3]) Напр., „С.-Петербургск. Вѣдом.“ 1909 г., № 214.

салъ въ мартѣ 1846 г. своему другу В. П. Боткину: „Мая 30, а по-вашему, по-басурманскому, іюня 11-го, стукнетъ мнѣ 36 лѣтъ“ [1]). Согласно этому категорическому заявленію Бѣлинскаго, можно было считать датою его рожденія—30 мая 1810 года. Родственникъ Бѣлинскаго Д. П. Ивановъ, доставившій его біографу А. Н. Пыпину записку о дѣтствѣ Бѣлинскаго, думалъ, что онъ родился въ февралѣ 1810 года [2]). Однако, оказывается, что Ивановъ вдвойнѣ ошибся—и въ годѣ, и въ мѣсяцѣ, и что самъ Бѣлинскій, сообщивъ Боткину вѣрно число и мѣсяцъ своего рожденія, увеличилъ свой возрастъ ровно на цѣлый годъ.

Трудъ Пыпина уже былъ оконченъ, когда Ивановъ убѣдился въ своей ошибкѣ и написалъ ему: „къ сожалѣнію, годъ мѣсяцъ и число рожденія Бѣлинскаго остались неисправлены и въ отдѣльномъ изданіи его біографіи, вѣроятно, потому, что свѣдѣнія о томъ были доставлены уже послѣ отпечатанія первыхъ листовъ. Изъ метрическаго свидѣтельства, хранящагося въ архивѣ, сынъ мой узналъ, что Бѣлинскій родился въ 1811 г. 30-го мая. Первоначальное показаніе мое объ этомъ предметѣ основано на загадочномъ сообщеніи сестры Виссаріона Александры Григорьевны“. Эта выписка изъ письма Иванова была напечатана лишь во второмъ изданіи книги Пыпина, вышедшемъ всего три года назадъ [3]), но еще за десять лѣтъ, въ 1898 г., въ „Саратовскомъ Дневникѣ“, № 113, появилась замѣтка Б. А. Марковича, изъ которой приводимъ небольшую выдержку [4]).

„Въ архивахъ пензенскаго дворянства находятся подлинные документы, которые должны измѣнить нѣкоторыя прежнія біографическія данныя о великомъ русскомъ критикѣ. Эти документы можно видѣть въ „Дѣлѣ о Бѣлинскомъ“, составившемся вслѣдствіе ходатайства Бѣлинскаго о занесеніи его въ родословныя книги пензенскаго дворянства. Прошеніе Бѣлинскаго помѣчено 12 августа 1843 г. Изъ этого „дѣла“ устанавливается, что Бѣлинскій родился не въ 1810 году, какъ принято было считать, а въ *1811 (30 мая)*. Дата устанавливается какъ формулярнымъ спискомъ отца Бѣлинскаго, такъ и ходатайствомъ послѣдняго (отецъ Бѣлинскаго былъ тогда лѣкаремъ во флотѣ въ 7-мъ учебномъ экипажѣ) на имя Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Павловича о

---

[1]) А. Н. Пыпинъ, „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“, изд. 2-е, Спб., 1908, стр. 7.

[2]) Тамъ же.

[3]) Стр. 640—641.

[4]) Цитир. по книгѣ С. А. Венгерова „Очерки по исторіи русской литературы“, Спб., 1907 г., стр. 281.

воспріятіи отъ купели Виссаріона. Въ дѣлѣ затѣмъ находится представленное самимъ Бѣлинскимъ подлинное отношеніе на имя его отца, отъ 11 іюня *1811* года, объ изъявленіи согласія Его Императорскаго Высочества на воспріятіе отъ купели Виссаріона".

Въ 1829 г., когда Бѣлинскій долженъ былъ поступить въ Московскій университетъ, „благородные" дворяне Чембарскаго уѣзда выдали ему (19 августа) свидѣтельство „въ томъ, что здѣшняго уѣзднаго штабъ-лѣкаря Григорія Никифорова Бѣлинскаго, продолжавшаго служеніе въ званіи лѣкаря 20 августа 1810 г., а штабъ-лѣкаря 2 сентября 1816 г., сынъ Виссаріонъ, дѣйствительно рожденный отъ него прошлаго *1811* года мая 30 числа, который нигдѣ еще на службѣ не находился и опредѣленъ не былъ, и нынѣ ему отъ роду *19-ый* годъ"... [1]) Въ своемъ прошеніи объ опредѣленіи въ университетъ, поданномъ 31 августа *1829 г.*, самъ Бѣлинскій писалъ: „отъ роду имѣю *18 лѣтъ*" [2]).

Ясно, такимъ образомъ, что Бѣлинскій самъ считалъ годомъ своего рожденія 1811-й годъ, что въ его письмѣ 1846 г. къ Боткину—простая, случайная описка, и что въ томъ, что онъ родился въ 1811 году, никакихъ сомнѣній быть не можетъ.

Что касается до мѣсяца и числа рожденія Бѣлинскаго, то недавно г. Рудаковъ опубликовалъ [3]) выпись изъ метрической книги свеаборгской крѣпостной Александро-Невской церкви за 1811 г., гдѣ значится, что „Іюня перваго числа 7 гребного экипажа у лѣкаря Григорья Бѣлынскаго отъ первой его жены Маріи Ивановой родился сынъ Виссаріонъ, молитвованъ и крещенъ девятаго числа"... Г. Рудаковъ принялъ безъ колебаній эту дату. Однако, какъ указалъ ему С. Никольскій [4]), Г. Н. Бѣлинскій пригласилъ Цесаревича Константина Павловича въ воспріемники новорожденнаго Виссаріона письмомъ, помѣченнымъ 31 мая. „Слѣдуетъ предполагать", писалъ С. Никольскій,—„что или письмо къ великому князю было ошибочно помѣчено 31 мая, или что причтъ Свеаборгской церкви, составляя метрическую запись 9 іюня, въ день крестинъ, относительно дня рожденія основывался на ошибочномъ заявленіи родныхъ или воспріемниковъ и занесъ въ запись, съ ихъ словъ, не-

---

[1]) Сообщенія А. Архангельскаго въ „Рус. Старинѣ" 1899 г., апрѣль, 200—201, и Н. Волкова въ „Памятной книжкѣ Константиновскаго межевого института за 1901—1902 г.", М., 1902 (въ этомъ институтѣ Бѣлинскій одно время преподавалъ русскій языкъ).

[2]) Сообщеніе А. Н. Пыпина въ сборникѣ „Памяти Бѣлинскаго", М. 1899 г.

[3]) „Новыя данныя о времени рожденія В. Г. Бѣлинскаго"—„Нов. Время" 1910 г., № 12364.

[4]) „День рожденія Бѣлинскаго"—„Нов. Время" 1910 г., № 12395.

правильно 1 іюня". Г. Рудаковъ пробовалъ возразить [1]), что могла ошибиться въ числѣ канцелярія великаго князя, а то и самъ отецъ Бѣлинскаго, если только онъ не „послалъ заранѣе заготовленное письмо"; показаніе же метрическаго свидѣтельства кажется ему непререкаемымъ. Что въ цѣнности показаній метрическихъ книгъ можно и должно сомнѣваться, объ этомъ краснорѣчиво говорятъ вышеупомянутыя невѣрныя даты въ записяхъ о рожденіи Пушкина и Гоголя. Разногласіе между документами, констатированное, но не разъясненное г. Рудаковымъ, рѣшается и показаніемъ самого Бѣлинскаго, считавшаго, конечно, на основаніи семейныхъ свѣдѣній, днемъ своего рожденія 30 мая, и неопровергнутой, безъ всякаго основанія заподозрѣнной, датой письма его отца къ великому князю отъ 31 мая, и записью въ формулярѣ Г. Н. Бѣлинскаго, внесенной, конечно, по показанію послѣдняго. Такимъ образомъ ясно, что на точность метрической записи полагаться нельзя, и что днемъ рожденія Бѣлинскаго должно считать *30-ое мая* [2]).

Бѣлинскій умеръ еще моложе Пушкина, не дотянувъ четырехъ дней до полныхъ 37 лѣтъ. Жизнь слишкомъ недолгая, особенно если вспомнить, какую великую работу благороднаго сердца и геніальнаго ума пришлось передѣлать Бѣлинскому и при какихъ неблагопріятныхъ историческихъ условіяхъ! Пусть же русское общество сумѣетъ помянуть Бѣлинскаго въ торжественный день его столѣтія и добрыми словами, и добрыми дѣлами!

Л.

---

[1]) „Окончательные (?) розыски о днѣ рожденія В. Г. Бѣлинскаго"—„Нов. Время" 1910 г., № 12593.

[2]) См. нашу же замѣтку объ этомъ въ „С.-Петерб. Вѣдом." 1909 г., № 218.

Дѣло поручика Гартлинга.

(Историческій разсказъ).

1.

Большое парусное судно остановилось у пристани. На мостки повалило много пассажировъ, совершившихъ, большею частью, продолжительный переѣздъ. Судно-бригъ „Маргарита“ возвращалось изъ Англіи. Это было въ первыхъ числахъ іюля 1800 г. О быстромъ пароходномъ сообщеніи нашего времени тогда не имѣли понятія, но тѣмъ не менѣе парусныя судна ходили довольно исправно, когда бури не мѣшали рейсамъ. „Маргарита“ пришла съ грузомъ каменнаго угля въ Выборгъ, для того чтобы, оставивъ его здѣсь, нагрузиться мѣстными товарами.

Въ числѣ прибывшихъ пассажировъ находился молодой человѣкъ, стройный, широкоплечій, съ добродушнымъ лицомъ, широкимъ носомъ, съ сѣрыми добрыми глазами, съ темно-русыми волосами. Его поношенная одежда иностраннаго покроя свидѣтельствовала объ его стѣсненномъ положеніи. Онъ несъ въ рукахъ котомку, въ которой заключался весь его багажъ. Одѣтъ онъ былъ въ высокіе сапоги и толстую куртку, которую носятъ рыбаки-англичане. На головѣ у него была войлочная шляпа съ большими полями.

Маленькій невзрачный городъ представлялся его глазамъ. Улицы въ немъ были широки и прямы и шли крестъ на крестъ. Къ серединѣ города мѣстность становилась выше, здѣсь разбитъ былъ длинный широкій бульваръ, на площади помѣщались присутственныя мѣста, и высилась сѣрая гранитная кирка.

Былъ базарный день, на площадь съѣхались крестьяне изъ сосѣднихъ мызъ и деревень, чухонки и чухонцы, съ ихъ маленькими повозками, въ которыхъ они привозили молоко, сливки, сыръ, яйца, масло въ небольшихъ деревянныхъ шайкахъ и овощи. Виднѣлись возы съ дровами, съ муравленой обоженной посудой, съ маленькими некрашеными дугами и рѣшетами. Столовая и чайная посуда мѣстнаго производства, разставленная на столикахъ подъ маленькими палатками, была выкрашена въ красный и черный цвѣта и имѣла угловатыя очертанія; видно было, что рука сѣверянина груба и незнакома съ изящными округлыми линіями, какія такъ любитъ художникъ-южанинъ.

Въ маленькомъ дощатомъ сараѣ была устроена кухня и столовая, оттуда валилъ паръ, тамъ слышался шумъ многихъ голосовъ, и туда заходили крестьяне закусить и выпить. По окончаніи торга эта столовая разбиралась и увозилась.

Пріѣзжій,—звали его Николай Гартлингъ,—подошелъ къ одному изъ мѣстныхъ крестьянъ и, посмотрѣвъ на его сытую лошадь и крѣпкую повозку, несмѣло сказалъ ему:

— Сколько ты возьмешь, чтобы доставить меня до Ниппо, это будетъ верстъ шестьдесятъ отсюда?

— Это далеко—отвѣтилъ крестьянинъ,—я долженъ быть къ вечеру дома. Вотъ мой зять можетъ васъ довести, меньше двѣнадцати марокъ взять за такой конецъ нельзя.

— А гдѣ найти мнѣ вашего зятя?—сказалъ помолчавъ молодой человѣкъ.

— Онъ тамъ, на углу у корчмы, я васъ доведу.

Съ этими словами онъ взялъ подъ уздцы свою лошадь и пошелъ по площади.

Пыль столбомъ стояла въ воздухѣ. Жара не успѣла еще свалить, голубое небо дышало чисто южнымъ непривычнымъ зноемъ.

Крестьянинъ, найдя своего родственника, заговорилъ съ нимъ быстро и торопливо на финскомъ языкѣ, который былъ хорошо извѣстенъ шведу Гартлингу, но, тѣмъ не менѣе, онъ не совсѣмъ ясно понималъ значеніе нѣкоторыхъ словъ.

Крестьянинъ спросилъ пятнадцать марокъ, но уступилъ, и порѣшили на двѣнадцати. Гартлингъ особенно и не торговался. Его нѣсколько пришибленный видъ свидѣтельствовалъ объ его душевномъ разстройствѣ и его, быть можетъ, временной слабости.

Сборы обоихъ путниковъ были недолги. Лошадь была напоена, подпруги подтянуты, и, немного спустя, повозка направилась по дорогѣ на Иматру.

День уже склонялся къ вечеру. Хлѣбъ дозрѣвалъ въ поляхъ.

Сѣнокосъ только что окончился, и неубранное сѣно въ копнахъ виднѣлось около дороги.

Странное впечатлѣніе производила эта молчаливая, пустынная страна. Среди сверкающаго поля попадались огромные красные гранитные камни съ глубокими трещинами. Въ другой разъ, возлѣ самой дороги вдругъ выростала каменная груда, и можно было видѣть, какъ гранитные пласты тѣснились на другіе гранитные пласты, образуя прихотливыя, необыкновенныя сооруженія.

Густые сосновые и еловые лѣса также были безмолвны. Отъ растопленной солнцемъ смолы, отъ накаленныхъ хвои и листьевъ несся острый характерный запахъ. Раскаленный песокъ мѣстами жегъ ноги. Изрѣдка попадались деревни, маленькія, хмурыя, непривѣтливыя.

Собранный въ поляхъ булыжникъ раздѣлялъ земельные участки, ограждалъ дома и огороды. Видно было, что это—страна камня и лѣса.

Стояли озера, ясныя, глубокія, съ чистой прозрачной водой, на нихъ плавали иногда дикіе утки и гуси.

Мѣстами попадались такіе пейзажи, которые очаровывали своею дикостью и прелестью.

Солнце спустилось. Путники продолжали ѣхать въ сумеркахъ, но скоро чухонецъ свернулъ на знакомую мельницу. Это было старинное небольшое, низенькое зданіе, стоявшее подъ горою на берегу узкой быстрой рѣчки. Мшистая деревянная плотина преграждала теченіе. Тяжелыя мельничныя колеса вращались съ глухимъ ворчаніемъ и бросали брызги воды и пѣны. Кругомъ мельницы росли раскидистыя сосны, а сама она была окружена кустами бузины и жимолости. Вечеромъ, сверху горы она имѣла что-то таинственное. Въ окнахъ виднѣлся свѣтъ.

Путники наши вошли въ комнату, гдѣ находился мельникъ, сѣдой старикъ, его дочь, дѣвушка лѣтъ двадцати пяти, опрятная, проворная финляндка, съ гладко зачесанными спереди и собранными сзади волосами, въ розовой кофточкѣ и черномъ передникѣ.

Кромѣ нихъ на скамейкѣ сидѣлъ полицейскій стражникъ.

Гартлингъ расположился на скамейкѣ, а его возница вступилъ въ разговоръ съ хозяиномъ. Дочь мельника подала на столъ молоко, яйца, масло и нарѣзала нѣсколько ломтей хлѣба.

Полицейскій освѣдомился у возницы, куда онъ везетъ своего путника и зачѣмъ. Тотъ отвѣчалъ, что ѣдетъ изъ Выборга и сѣдока своего не знаетъ, слышалъ только, что земляки видѣли, какъ онъ сошелъ съ прибывшаго въ портъ судна. Этотъ разговоръ велся въ полъ-голоса. Гартлингъ не подозрѣвалъ, что рѣчь идетъ о немъ,

и былъ погруженъ въ свои думы. Онѣ были невеселы. Надъ нимъ разразился одинъ изъ тѣхъ ударовъ, которые оставляютъ неизгладимый слѣдъ на всю жизнь.

Пока Гартлингъ закусывалъ, возница нѣсколько разъ выходилъ изъ комнаты къ своей лошади. Стражникъ, обращаясь къ Гартлингу, спросилъ:

— Куда изволите ѣхать?

— У моего отца имѣнье недалеко отсюда,—отвѣчалъ тотъ,—я возвращаюсь домой.

— А въ Выборгъ вы откуда пріѣхали?

— Въ Выборгъ я пріѣхалъ на суднѣ „Маргарита“ изъ Англіи.

Тогда стражникъ спросилъ, по какимъ надобностямъ онъ былъ въ Англіи, но Гартлингъ уклонился отъ отвѣта, и вообще любопытство его собесѣдника стало казаться ему назойливымъ и непріятнымъ. Въ томъ разговорѣ, который произошелъ, не было ничего особеннаго, но тѣмъ не менѣе онъ оставилъ въ Гартлингѣ непріятное и даже тягостное впечатлѣніе.

Онъ досадовалъ на себя, зачѣмъ онъ заѣхалъ на мельницу, лучше было бы ѣхать дальше. Такой небольшой конецъ, какъ верстъ шестьдесятъ, можно было бы сдѣлать, не кормя.

Наконецъ возница объявилъ, что можно ѣхать дальше. Гартлингъ замѣтилъ, что въ комнатѣ уже стражника не было. Они распростились съ мельникомъ и сѣли въ повозку. Когда они отъѣхали на нѣкоторое разстояніе, чухонецъ, пускавшій клубы дыма изъ коротенькой трубки, сказалъ:

— Это женихъ Эммы, дочери мельника. Каждый день таскается сюда, послѣ Рождества, говорятъ, свадьба.

Гартлингъ не обратилъ вниманія на его слова.

Темнота сгустилась, засверкали звѣзды и выплыла луна. Ѣхать было очень хорошо. Вся окрестность была залита мягкимъ, нѣжнымъ, ласкающимъ душу свѣтомъ. Глубокая тишина навѣвала грезы. Небо казалось такимъ глубокимъ, безконечнымъ... Какъ мала и ничтожна земля въ сравненіи съ этимъ громаднымъ небеснымъ пространствомъ, которое открывается взорамъ, какъ мелки и ничтожны дѣла людей, всякій слѣдъ которыхъ стирается тотчасъ рукою времени. И зачѣмъ люди такъ безсердечны и жестоки другъ къ другу, зачѣмъ они стараются запутать свою жизнь и усложнить отношенія между собою? И какъ рѣзко отличаются ихъ вкусы и взгляды отъ того, что важно и истинно, и что ему, Гартлингу, такъ понятно. Неужели можно любить чины и ордена, неужели можно посвятить свою жизнь для пріобрѣтенія этихъ знаковъ отличія? Что въ немъ измѣнится, если его будутъ называть не

поручикомъ, какъ теперь, а генераломъ? Станетъ ли онъ отъ этого добрѣе и лучше, чище и умнѣе?

Конечно нѣтъ, но эта мысль, которая приходитъ ему теперь въ голову, называется вольнодумной и строго порицается старшими. И не даромъ товарищи не разъ говорили:— Эй, Гартлингъ, не сносить тебѣ головы.

Луна поднялась выше, поблѣднѣла и уменьшилась. Стало замѣтно холоднѣе. Протяжный, похожій на мяуканье кошки, пронесся крикъ совы, и она, качаясь на огромныхъ мягкихъ крыльяхъ, нѣсколько разъ пролетѣла надъ дорогой. Вотъ показались вдалекѣ строенія и высокій шпицъ кирки. Повозка подъѣхала къ каменной оградѣ, за которой стоялъ бѣлый одноэтажный высокій домъ съ красной крышей.

Собаки залаяли, калитка отворилась. Гартлингъ вошелъ въ сѣни, и спустя минуту находился въ объятіяхъ своихъ родныхъ, которые совсѣмъ не ожидали его встрѣтить.

За ужиномъ, въ ярко освѣщенной столовой, онъ разсказывалъ о своихъ приключеніяхъ, но не вполнѣ откровенно.

Онъ былъ отправленъ съ полкомъ въ Англію, откуда вернулся совершенно неожиданно и одинъ. Онъ сообщилъ, что онъ не состоитъ больше на военной службѣ. Эти слова удивили всѣхъ, такъ какъ онъ ничего не писалъ объ этомъ. Но было уже поздно, и надо было расходиться.

2.

Женихъ Эммы на другой день явился къ полицейскому комиссару и между прочимъ донесъ ему, что встрѣтилъ на мельницѣ незнакомаго человѣка, который сообщилъ, что прибылъ изъ-за границы.

Полицейскій комиссаръ, тучный старикъ съ плѣшивой головой, съ крючковатымъ носомъ, съ большими очками въ тяжелой серебряной оправѣ, спросилъ какъ теперь быть. Пришелъ письмоводитель, худощавый молодой человѣкъ, съ сѣрыми зоркими глазами, въ черномъ камзолѣ.

Комната, гдѣ помѣщалось присутствіе въ маленькомъ мѣстечкѣ, не имѣла въ себѣ ничего оффиціальнаго. Мундировъ ни на комъ не было, равно какъ не виднѣлось никакихъ знаковъ отличій,— всѣ были въ партикулярныхъ платьяхъ. Бумаги кипами лежали на столѣ, но въ такомъ порядкѣ, что приходившіе за справками обыватели тотчасъ получали ихъ.

— По существующимъ законамъ необходимо прежде всего

освѣдомиться, съ какимъ онъ прибылъ паспортомъ, сказалъ письмоводитель.

— Это вѣрно,—согласился полицейскій комиссаръ. А если у него нѣтъ никакого паспорта?—сказалъ онъ, подумавъ.

Письмоводитель отвѣтилъ:

— Если онъ дѣйствительно мѣстный уроженецъ, то его здѣсь знаютъ, и паспортъ ему мы можемъ сами выдать, но не иначе, какъ доведя до свѣдѣнія о семъ выборгскаго губернатора господина Ореуса.

— А потому,—рѣшилъ полицейскій комиссаръ,—сегодня же мы отправимъ въ усадьбу стражника и поступимъ сообразно тому отвѣту, который онъ намъ привезетъ.

Стражникъ не замедлилъ вернуться съ отвѣтомъ. Гартлингъ на словахъ объяснилъ, что паспорта у него нѣтъ, но такъ какъ отца его, мѣстнаго фискала, всѣ знаютъ, то свидѣтельства, даннаго стражнику, для того, чтобы не было сомнѣнія въ его личности, совершенно достаточно. Въ свидѣтельствѣ было написано, что земскій фискалъ Гартлингъ удостовѣряетъ, что къ нему точно вернулся изъ-за границы сынъ его Николай, служившій въ генералъ-маіора Седморацкаго мушкатерскомъ полку, и нынѣ оставившій военную службу.

Если бы Николай Гартлингъ не прибылъ изъ-за границы, то его пріѣздъ не возбудилъ бы ничьего вниманія, но теперь объ этомъ надлежало донести высшему начальству, что и было сдѣлано мѣстнымъ полицейскимъ управленіемъ. Выборгскаго губернатора Ореуса извѣстили, что потаенно прибылъ изъ-за границы поручикъ Гартлингъ, и при немъ не оказалось никакого паспорта.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого донесенія, изъ Выборга пришелъ приказъ взять Гартлинга подъ стражу, что и было исполнено, а донесеніе о Гартлингѣ своимъ порядкомъ было отправлено изъ Выборга въ Петербургъ.

БУМАГИ.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь,

сего августа 10-го числа имѣлъ я долгъ всеподданнѣйше Его Императорскому Величеству представить не менѣе же и вашему высокопревосходительству доносъ о найденномъ въ Сердобскомъ кирхштилѣ въѣхавшемъ туда потаенно изъ-за границы россійскомъ подданномъ, Выборгской губерніи уроженцѣ тамошняго уѣзда земскаго фискала сынѣ Николаѣ Гартлингѣ, который о себѣ объявилъ, что онъ служилъ въ мушкатерскомъ генералъ-маіора Седморатскомъ

полку порутчикомъ и будучи съ полкомъ въ Англіи и исключенъ изъ службы, лишенъ чиновъ и дворянства, каковое показаніе его и по выправкѣ съ высочайшимъ Его Императорскаго Величества приказаніемъ въ 24 день сентября прошлаго 1799 года даннымъ, оказалось справедливымъ. Не имѣя объ немъ, Гартлингѣ, никакого предписанія, пріемлю симъ смѣлость всѣпокорнѣйше просить себѣ отъ вашего высокопревосходительства наставленія, должно ли ему позволить свободное въ сей губерніи пребываніе: ибо хотя онъ яко уроженецъ здѣшній и извѣстенъ, однако я за всѣмъ тѣмъ, по неимѣнію у него для такого здѣсь пребыванія паспорта или другого свидѣтельства, усумняюсь самъ собою оное ему позволить и приказалъ его до разрѣшенія содержать подъ карауломъ.

Съ совершеннымъ высокопочтеніемъ и истинною преданностью имѣю честь пребыть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства

всѣпокорнѣшимъ слугой
Максимъ Ореусъ.

№ 1330
Августа 28 дня
1800-го года
Выборгъ.

Распоряженіе его высокопревосходительства генералъ-лейтенанта, генералъ-прокурора генералъ-провіантъ-мейстера и кавалера Петра Хрисанфовича Обольянинова:

Графу Ливену. № 7940.

Для исполненія даннаго мнѣ Высочайшаго повелѣнія нужно мнѣ имѣть свѣденіе, за какую вину исключенъ изъ службы, лишенъ чиновъ и дворянства служившій въ мушкатерскомъ Седморацкаго полку порутчикомъ Гартлингъ. Почему прошу В. С., приказавъ о семъ выправиться, меня увѣдомить незамедлительно. Съ истиннымъ почтеніемъ М. Г. мой вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга.

(подписи нѣтъ).

3-го сентября 1800 г.
№ 16260

Милостивый Государь Петръ Хрисанфовичъ.

Имѣю честь увѣдомить ваше высокопревосходительство, что служившій въ мушкатерскомъ Седморацкаго полку порутчикомъ Гартлингъ исключенъ изъ службы прошлаго 1799 года, октября 24 дня съ лишеніемъ чиновъ, дворянства и преломленія шпаги надъ головой за трусость, оказанную имъ въ сраженіи противъ

непріятеля. Пребывая всегда съ истиннымъ и совершеннымъ высокопочитаніемъ Вашего высокопревосходительства, милостивый государь, всѣпокорнѣйшій слуга генералъ-адъютантъ Ливенъ.

Въ Гатчинѣ.
Сентября 4 дня 1800 года.

Его Высокопревосходительству Обольянинову.
(Докладъ Обольянинова).

Выборгскій гражданскій губернаторъ Ореусъ донесъ, что явился къ нему изъ-за границы выѣхавшій изъ Англіи служившій въ мушкатерскомъ Седморацкаго полку порутчикомъ Гартлингъ, о которомъ извѣстенъ, будучи онъ изъ службы исключенъ задержалъ его тамо и испрашивалъ разрѣшенія. Ваше Императорское Величество повелѣть соизволили справиться, за что онъ исключенъ. По справкѣ съ генералъ-адъютантомъ графомъ Ливеномъ нашлось, что онъ исключенъ 799-го года октября 24-го съ лишеніемъ чиновъ, дворянства и преломленіемъ шпаги надъ головой за трусость, оказанную имъ въ сраженіи противъ непріятеля.

Осужденные въ таковой мѣрѣ по уставу и указамъ Петра Перваго не токмо не терпимы ни въ какой службѣ и добромъ обществѣ, но ни въ свидѣтели не допущаются, ни суда имъ во всякихъ личныхъ обидахъ (кромѣ убивства) не дается, ниже въ компаніи ихъ допускать не велѣно яко шельмованныхъ.

Въ разсужденіи сего гдѣ позволить пребываніе оному Гартлингу испрашиваю Высочайшаго Вашего Величества повелѣнія.

Воинскаго устава 209 артикулъ
процессовъ 3 части 2 главы
4 пунктъ.
Генералъ-Регламентъ
53 глава.

(Отвѣтъ Обольянинова). Ореусу № 7982
(О) (вѣроятно, помѣтка)

На всеподданнѣйшій докладъ мой о явившемся изъ-за границы исключенномъ изъ службы порутчикѣ Гартлингѣ, о которомъ Ваше Превосходительство отъ 28-го августа ко мнѣ относились, послѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе: онаго Гартлинга сослать въ Нерчинскъ въ работу. О исполненіи сей Высочайшей воли сообщая вашему превосходительству, пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ (подписи нѣтъ).

№ 7982
Гатчино.
Сентября 5 дня.
1800 г.

Статейной списокъ

Отправленному изъ выборгскаго въ Санктъ-петербургское губернское правленіе для дальняго препровожденія въ Нерчинскъ въ работу.

Прежнее званіе.	Имя.	За какія вины.	Примѣты.
Исключенный изъ службы порутчикъ.	Гартлинъ.	За какія вины въ присланномъ объ немъ повелѣніи не значится.	Ростомъ 2-хъ аршинъ 5 вершковъ, лицомъ смуглъ и щедроватъ, носъ широковатъ, глаза сѣрые, волосы на головѣ и на бровяхъ темнорусые, отроду 27-йгодъ.

Максимъ Ореусъ.
Совѣтникъ Иванъ Гусевъ.
Совѣтникъ Карлъ Янсонъ.
Секретарь К. Брз.

Маркъ Басанинъ.

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ.
(1864—1909 г. г.).

ГЛАВА XI [1]).

Новый плодъ экономической эволюціи: *„синдикаты“ или „картели“*. — Происхожденіе ихъ, какъ ближайшій результатъ концентраціи капиталовъ и труда.—Общіе выводы изъ моего изслѣдованія о синдикатахъ, сдѣланнаго въ Америкѣ. — Новое порученіе Министерства Финансовъ: изслѣдованіе *Торговыхъ Музеевъ, Экспортныхъ Союзовъ и Товарныхъ Складовъ* въ Европѣ.— Трудность принятой мною на себя задачи и отсутствіе всякой литературы предмета. — Главнѣйшіе типы торговыхъ музеевъ: Брюссель, Вѣна, Будапештъ. — Экспортные союзы въ Германіи и Австріи. — Образцовая организація вывозной торговли въ Гамбургѣ.—Борьба съ затрудненіями разнаго рода. — Странная судьба торговыхъ музеевъ во Франціи. — Отрицательное отношеніе въ Англіи. — Конечный выводъ моего изслѣдованія о торговыхъ музеяхъ.

Путешествіе въ Америку, предпринятое въ 1893 г. по порученію Министерства Финансовъ, описанное въ прошлой X главѣ моихъ „Воспоминаній“, помимо собранныхъ тамъ различныхъ свѣдѣній, произвело на меня глубокое впечатлѣніе во многихъ отношеніяхъ и даже существенно измѣнило нѣкоторые мои экономическіе воззрѣнія и взгляды. Такъ, хотя я, обратно многимъ европейскимъ экономистамъ (напр. когда-то изучаемому мною Максу Вирту и лекціямъ Бёмерта въ Цюрихѣ) не вѣрилъ уже въ гармонію существующихъ интересовъ и всеисцѣляющую силу конкурренціи, но тѣмъ не менѣе я, согласно съ Адамомъ Смитомъ и всей классической школой, считалъ соперничество въ промышленности и торговлѣ, какъ главный и свободный регуля-

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1911.

торъ возможныхъ золъ и крайностей индивидуальной дѣятельности. О страшной вновь возникшей силѣ объединенія капиталистическихъ предпріятій въ новѣйшее время, подъ именемъ синдикатовъ, я имѣлъ до своей поѣздки въ Америку лишь весьма туманное и неопредѣленное представленіе. Лишь тамъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, я увидалъ и оцѣнилъ изъ разговоровъ съ множествомъ лицъ и чтенія многихъ анкетъ и законодательныхъ попытокъ все значеніе *синдикатовъ* — этой новой формы ликвидаціи старыхъ экономическихъ понятій о свободной конкурренціи.

Въ виду той чрезвычайной важности, которую я придаю съ теченіемъ времени этому моему изслѣдованію о революціонныхъ (sui generis) капиталистическихъ союзахъ, я считаю нужнымъ, хотя въ самыхъ краткихъ и сжатыхъ размѣрахъ, познакомить читателей моихъ „Воспоминаній“ съ этой существенной работой, явившейся важнѣйшимъ результатомъ моей поѣздки въ Америку.

„Синдикаты“ или по-нѣмецки „картели“, у американцевъ „тресты“, составляютъ видъ предпринимательскихъ или капиталистическихъ союзовъ новѣйшаго времени. Быстрѣе всего и раньше они развились именно въ Соединенныхъ Штатахъ, почему я самолично выбралъ ихъ предметомъ главнѣйшаго изслѣдованія въ моей американской командировкѣ и нашелъ полное сочувствіе со стороны пославшаго меня въ Америку Министерства. Теперь спрашивается, почему синдикаты появились на свѣтъ, и почему они растутъ повсюду какъ грибы, несмотря на всѣ внѣшнія противодѣйствія, которыя часто встрѣчаются въ правительственныхъ и частныхъ мѣрахъ?—Какъ извѣстно, въ старину все промышленное производство покоилось исключительно на ремесленныхъ формахъ, при чемъ капиталъ игралъ ничтожную роль и главную — трудъ; орудія производства были крайне несложны и стоили дешево, и сбытъ приготовленныхъ товаровъ былъ предназначенъ для немногихъ извѣстныхъ потребителей. Вся экономическая картина существенно измѣнилась въ настоящее время: въ промышленности господствуетъ крупное производство — фабрики и заводы, гдѣ значительно преобладаетъ относительное значеніе капитала; огромныя зданія для работы, сложныя дорогія машины замѣняютъ прежнюю простоту всего дѣла, и доля работника въ общемъ производствѣ сравнительно умаляется, а значеніе основного или неподвижнаго капитала растетъ и увеличивается. Отсюда, отъ этой важной перемѣны произошло и измѣненіе единственнаго регулятора производства и торговли—конкурренціи. Прежде, въ былое старое время, соперничество промышленниковъ и торговцевъ устанавливало весь ходъ экономическаго процесса; нынѣ же, при огромныхъ затратахъ на неподвижный или основной капи-

талъ, значеніе соперничества дошло до минимума и во многихъ случаяхъ совсѣмъ исчезаетъ. Вообще можно считать за правило, что тамъ, гдѣ вложенъ большой основной капиталъ и имѣютъ мѣсто опредѣленные твердые платежи (напр. по займамъ, заключеннымъ для основанія большого предпріятія), конкурренція легко спускаетъ цѣны ниже стоимости производства или дѣла; и въ концѣ концовъ промышленнымъ предпріятіямъ угрожаетъ банкротство, а странѣ промышленный или торговый кризисъ. Единственнымъ выходомъ для спасенія конкуррирующимъ сторонамъ является лишь остановка экономической борьбы путемъ соглашеній, а результатомъ послѣднихъ — возникновеніе новыхъ промысловыхъ синдикатовъ и предпринимательскихъ союзовъ съ цѣлью тѣмъ или инымъ способомъ задержать паденіе цѣнъ и вообще найти выходъ изъ крайне неудовлетворительнаго нынѣ экономическаго положенія. Отсюда, слѣдовательно, свободная конкурренція не только теряетъ нынѣ свое значеніе, но родитъ монополію или точнѣе *монополизацію производства*, ибо сокращаетъ число соперниковъ.

Вотъ въ чемъ лежитъ и заключается главная суть и основаніе современнаго *синдикатнаго движенія*. Такъ какъ съ ходомъ времени безпомощность конкурренціи увеличивается, то наоборотъ возрастаетъ все больше и больше значеніе *соединенія силъ или союза*. Предпріятія нерѣдко даютъ лишь убытокъ, ибо прибыль спускается ниже стоимости производства, и конкурренція не только не спасаетъ слабой стороны, но напротивъ слабаго давитъ, а сильнаго поднимаетъ. Прямой выводъ отсюда, что спасеніе для производства заключается единственно въ *концентраціи* капиталовъ и промысловъ, т. е. другими словами въ ходѣ развитія промышленности крупныя предпріятія должны становиться еще крупнѣе, соединяться съ другими, развиваясь быстро до гигантскихъ размѣровъ. Изъ всякой борьбы побѣдителемъ, конечно, выходитъ тотъ, кто сильнѣе, а въ торгово-промышленной конкурренціи, разумѣется, побѣда должна остаться за представителями крупнаго капитала, выразителемъ которыхъ и являются синдикаты.

Разнообразныя выгоды крупнаго предпріятія легко объясняютъ значеніе и причины выше указаннаго явленія. Эти огромныя преимущества крупныхъ производствъ передъ мелкими заключаются одинаково, какъ въ уменьшеніи расходовъ (на покупкѣ и сортировкѣ сырья и экономіи управленія, напр.), такъ и въ увеличеніи доходовъ (улучшеніе механизмовъ и пріемовъ производства), въ возможности добавочныхъ промысловъ и доходовъ и утилизаціи отбросовъ.

Само собой разумѣется, что описанное соединеніе силъ или

концентрація производства должна непремѣнно повести за собой новыя разнообразныя послѣдствія и изъ нихъ на первомъ мѣстѣ, несмотря на общій ростъ промышленности—*уменьшеніе* относительнаго числа промышленниковъ и затѣмъ обезличеніе ихъ, т. е. превращеніе въ акціонерныя компаніи и товарищества или новое сліяніе обществъ въ общества, которое и извѣстно подъ общимъ названіемъ синдикатовъ, картелей и трестовъ. Промысловый союзъ или синдикатъ есть союзъ промышленниковъ, заключенный главнымъ образомъ съ цѣлью предупрежденія паденія цѣнъ на товары ниже стоимости производства. Настоящій вѣкъ можетъ считаться преимущественно временемъ возникновенія и распространенія этой странной формы созданія экономическихъ союзовъ. Промысловые синдикаты разсѣяны повсюду, и чѣмъ болѣе производство и торговля страны отличаются высокой формой развитія, тѣмъ большее распространеніе имѣютъ синдикаты. Быстрый ростъ и размноженіе такихъ капиталистическихъ союзовъ какъ синдикаты не можетъ, конечно, не вызывать страха и опасенія; люди, помня старыя монополіи и откупа съ ихъ злоупотребленіями, невольно ожидаютъ ихъ повторенія отъ синдикатовъ. Особенно много нареканій и жалобъ вызываютъ такъ называемые *торговые* синдикаты, имѣющіе по существу и своимъ цѣлямъ большое различіе отъ промысловыхъ; они прежде всего отличаются спекулятивнымъ характеромъ, имѣя назначеніе регулировать не производство, а лишь одну *торговлю*, т. е. соблюдаются интересы только посредниковъ. Кромѣ цѣли, и по своимъ свойствамъ торговые синдикаты значительно отличаются отъ промысловыхъ краткосрочностью своего существованія. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ и, самое большое, лѣтъ скупки и борьбы за монополію какого-нибудь товара, существованіе такого союза обыкновенно оканчивается.

Изложивши обстоятельно въ девяти главахъ (причисляя сюда Введеніе и за исключеніемъ Приложенія) все происхожденіе, теорію и исторію синдикатовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, вмѣстѣ съ описаніемъ ихъ различныхъ видовъ въ нѣкоторыхъ странахъ современной Европы, я прихожу, въ заключеніи, къ изложенію слѣдующаго отношенія государственной власти къ синдикатамъ. Во-первыхъ, я выясняю, что̀ государство *должно* дѣлать по отношенію къ синдикатамъ и, во-вторыхъ, что̀ *можетъ* дѣлать для правильной постановки даннаго вопроса? Первое должно выразиться въ томъ, чтобы государство разобралось въ ихъ видахъ и формахъ: устройство, цѣль, способы и пріемы различныхъ синдикатовъ весьма отличаются другъ отъ друга и, нѣтъ сомнѣнія, заслуживаютъ разнаго къ себѣ отношенія. Первый, главнѣйшій видъ синдикатовъ, согласно моему

изслѣдованію, это—промысловые синдикаты, т. е. направленные въ области промышленности къ предупрежденію паденія цѣнъ ниже стоимости; вторые синдикаты—торговые, т. е. соглашенія торговцевъ или посредниковъ, которые собственно новыхъ цѣнностей не создаютъ, а перемѣщаютъ ихъ изъ рукъ въ руки. Наконецъ къ третьему виду синдикатовъ можно отнести чисто краткотечные виды крупныхъ соглашеній—порожденіе биржевыхъ спекуляцій, которыя питаются преимущественно на торговыхъ биржахъ продажей *на будущее или на срокъ* (rings, corners, Schwänze). Публика, къ сожалѣнію, очень часто ихъ смѣшиваетъ со всѣми прочими предпринимательскими союзами.

Въ результатѣ своего изслѣдованія я предлагаю, согласно числу категорій синдикатовъ, троякое къ нимъ и отношеніе. Союзы перваго рода, промысловые, должны быть признаны государствомъ какъ полезная и даже желательная форма ассоціаціи, такъ или иначе предназначенная для предупрежденія въ странѣ крупнаго народнаго бѣдствія, называемаго промышленнымъ кризисомъ. Синдикаты второго рода, торговые, могутъ быть терпимы и допускаемы подъ строгимъ контролемъ государства въ случаѣ, если главныя ихъ цѣли дозволяются закономъ, напримѣръ, благотворительныя, для взаимнаго общенія и проч. и не обнаруживаютъ вредныхъ для общества злоупотребленій. Наконецъ, третій видъ, временные торгово-спекулятивные синдикаты, являющіеся уже чистымъ зломъ, подлежатъ преслѣдованію уголовными карами, вмѣстѣ съ необходимостью измѣненія и передѣлки всѣхъ тѣхъ биржевыхъ правилъ и условій, которыя ведутъ къ столь вреднымъ общественнымъ явленіямъ.

Государство не имѣетъ ни возможности, ни надобности вызывать искусственно на свѣтъ возникновеніе промысловыхъ синдикатовъ; точно также нѣтъ нужды государству требовать непремѣнно заявленія о его составленіи и разрѣшеніи. Какъ дѣло сложное и новое—весьма трудно его регулировать, и часто, по наличнымъ условіямъ, достаточно будетъ, если государство признаетъ дозволительнымъ составленіе всякихъ союзовъ промышленниковъ лишь не противныхъ закону.

Разрѣшеніе или признаніе закономъ синдиката и утвержденіе договора, имъ составленнаго, влечетъ за собой 5 слѣдующихъ послѣдствій:

1-ое Обязательность условій договора для членовъ синдиката.

2-ое Охрана матеріальныхъ интересовъ синдикатовъ и признаніе его юридическимъ лицомъ.

3-ье Ежегодная отчетность промышленныхъ и торговыхъ операцій всѣхъ предпріятій, въ него входящихъ, съ правомъ государства на *фактическій* контроль и регулированіе цѣнъ.

4-ое Гласность въ дѣятельности синдикатовъ, т. е. обязательность, обратно съ примѣромъ нѣкоторыхъ американскихъ трестовъ, веденія подробныхъ протоколовъ всѣхъ засѣданій, какъ общаго собранія членовъ, такъ и правленія синдиката, и публикація выдержекъ изъ нихъ въ оффиціальныхъ изданіяхъ.

5-ое Полное обезпеченіе участи рабочихъ на фабрикахъ синдиката.

Разумѣется, давая право новому явленію экономической жизни, государство въ свою очередь можетъ возложить на синдикаты новыя и немалыя обязанности: прежде всего ежегодную отчетность гораздо обширнѣе той, которая нынѣ обязательна для акціонерныхъ обществъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ данныя о продажныхъ цѣнахъ и о заработной платѣ, уплаченной въ дѣйствительности по книгамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство получаетъ и право контроля продажныхъ цѣнъ синдиката и слѣдитъ, дабы онѣ не перешли за назначенный заранѣе того максимальный предѣлъ.

Въ заключеніе государство требуетъ гласности въ дѣятельности синдиката, по крайней мѣрѣ въ формѣ сообщенія всѣхъ необходимыхъ статистическихъ данныхъ о коммерческой сторонѣ дѣла. Конечно, такъ какъ синдикаты доставляютъ капиталистамъ лучшіе барыши, то государство возлагаетъ на нихъ и больше обезпеченности въ той или иной формѣ участи рабочихъ, а ежели сочтетъ нужнымъ, то вводитъ *спеціальныя обложенія* синдикатовъ съ цѣлью полученныя такимъ образомъ средства употребить на пользу тѣхъ же самыхъ рабочихъ.

Такова, въ немногихъ строкахъ, сущность содержанія и главнѣйшихъ выводовъ моего американскаго изслѣдованія о синдикатахъ. Изслѣдованіе это явилось первой русской книгой по данному вопросу, подвергшею его оцѣнкѣ съ разныхъ сторонъ. Не мнѣ, конечно, судить, повліяли ли мнѣнія, высказанныя въ изслѣдованіи, на воззрѣнія въ нашихъ правящихъ сферахъ, но несомнѣнно господствующія воззрѣнія на синдикаты съ того времени (1895 г.) подверглись коренному измѣненію, какъ въ Европѣ, такъ и у насъ въ Россіи. Въ настоящее же время мало по малу завоевываютъ себѣ право на признаніе основныя положенія моего изслѣдованія. Никто теперь, изъ болѣе или менѣе серьезныхъ ученыхъ, не стоитъ болѣе за простое уничтоженіе синдикатовъ, какъ вредной экономической формы; всѣ уже поняли, что это невозможно. Расходятся мнѣнія лишь на томъ, какъ узаконить, легализировать синдикаты, какія дать имъ права и обязательства. Все это, конечно, вопросы спорные и должны въ разное время устанавливаться различно, смотря по степени экономическаго развитія страны и всѣмъ ея

условіямъ. Только въ нынѣшнемъ году (1910), кажется, правительство наше намѣрено впервые серьезно заняться составленіемъ законопроекта о синдикатахъ и внесеніемъ его въ Думу и Государственный Совѣтъ для законодательнаго разрѣшенія.

Очень возможно, что твердая постановка вопроса о синдикатахъ въ Россіи еще затянется на многіе годы, тѣмъ болѣе, что и въ Европѣ онъ далеко еще не разрѣшенъ. Во всякомъ случаѣ даже временный пробный законъ несравненно лучше отсутствія всякаго закона, какъ нынѣ, что̀ ведетъ къ многочисленнымъ и различнымъ злоупотребленіямъ.

Перейдемъ, затѣмъ, къ другой моей работѣ опять-таки по порученію Министерства Финансовъ, тѣсно связанной по внутреннему содержанію, какъ и по времени, съ первой—о синдикатахъ.

Весной 1895 года, направляясь черезъ Петербургъ за границу для леченія отъ серьезной болѣзни, меня постигшей (болѣзнь сердца и ишіасъ), я получилъ отъ В. И. Ковалевскаго черезъ короткое время послѣ представленія работы о синдикатахъ, которою Министерство было очень довольно, новое порученіе: заняться во время пребыванія моего въ Западной Европѣ изслѣдованіемъ и изученіемъ торговыхъ музеевъ, складовъ товарныхъ образцовъ и вообще различныхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій, предназначенныхъ содѣйствовать или поощрять заграничный сбытъ или отпускъ національныхъ продуктовъ. При этомъ мнѣ было любезно предоставлено заниматься вопросомъ, въ виду моей болѣзни, лишь въ предѣлахъ, которые я найду для себя удобными, и не стѣсняясь временемъ и мѣстомъ изслѣдованія.

Послѣ двухмѣсячнаго отдыха и леченья въ Маріенбадѣ, въ то же лѣто я принялся за посѣщеніе и собираніе свѣдѣній о торговыхъ музеяхъ, начиная первоначально съ Австріи, въ которой находился. Совершенно неожиданно для меня работа оказалась гораздо труднѣе, чѣмъ предполагалось сначала. *Литературы вопроса, можно сказать, почти не существовало.* Если по только что законченной мною работѣ о синдикатахъ сколько-нибудь серьезныхъ предшественниковъ въ видѣ изслѣдователей этого вопроса я почти не имѣлъ ни въ Америкѣ, ни въ Европѣ и они начали появляться лишь въ послѣдующее за тѣмъ время, то это тѣмъ болѣе относилось къ торговымъ музеямъ и экспортнымъ союзамъ и вообще, какъ правительственнымъ, такъ и частнымъ способамъ развитія сбыта товаровъ и экспорта.

Вся литература этого вопроса, если не считать труды, косвенно касавшіеся предмета, состояла лишь въ устарѣвшей уже книгѣ

Губера [1]), немногихъ оффиціальныхъ отчетахъ, брошюрахъ, бѣглыхъ описаніяхъ въ консульскихъ донесеніяхъ, особенно американскихъ, и нѣкоторыхъ журнальныхъ статьяхъ, преимущественно мелкихъ. Такимъ образомъ мнѣ предстояло, при скудости печатныхъ источниковъ, объѣхать главнѣйшіе пункты Европы, знакомясь съ важнѣйшими учрежденіями этого рода, посѣтить и ознакомиться съ ними *лично* и путемъ разспроса и бесѣды со свѣдущими людьми, собрать недостающій матеріалъ по данному вопросу и затѣмъ уже привести его въ порядокъ и разработать. Однимъ словомъ, необходимо было, за отсутствіемъ литературы о музеяхъ и союзахъ, создать ее и уже потомъ дѣлать свои выводы. Эта важнѣйшая часть труда поглотила у меня два лѣта 1895 и 1896 г. и слѣдующую зиму, такъ что книга моя появилась лишь въ началѣ 1897 года и была посвящена незабвенной для меня памяти человѣка, которому я много обязанъ,— Н. Х. Бунге.

Но сказаннымъ не ограничивается еще трудность возложеннаго на меня изслѣдованія: мнѣ пришлось еще столкнуться съ такимъ затрудненіемъ, котораго я не могъ раньше должнымъ образомъ взвѣсить и оцѣнить. Оказалось, что за немногими исключеніями торговые музеи и особенно помѣщенные при купеческихъ союзахъ и проч. *вовсе не публичны* и не открыты для всякаго желающаго, а тѣмъ болѣе иностранца. Въ каждомъ посѣтителѣ подобной выставки или склада всегда подозрѣвается торговый или промышленный конкуррентъ или просто соглядатай, который желаетъ высмотрѣть какой-либо профессіональный или техническій секретъ, или вывѣдать, напримѣръ, цѣны... Поэтому всѣмъ лицамъ, завѣдующимъ въ Европѣ подобными учрежденіями, вмѣняется часто въ прямую обязанность не допускать въ склады иныхъ лицъ, кромѣ настоящихъ покупателей и то съ разборомъ, т. е. хорошо зарекомендованныхъ. Но, вѣдь, мнѣ, разумѣется, недостаточно было видѣть складъ, а необходимо было получить о немъ возможно большее количество свѣдѣній, что связано было, конечно, съ еще большими препятствіями. Если мнѣ удалось во многихъ случаяхъ преодолѣть эту огромную трудность и вызвать довѣріе при разспросахъ и бесѣдахъ, то я этимъ обязанъ двумъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, своему званію университетскаго профессора и тому уваженію, которымъ на Западѣ и особенно въ Германіи это званіе пользуется, и затѣмъ любезности и дружелюбію моихъ добрыхъ знакомыхъ между чешскими и нѣмецкими учеными, меня щедро снабжавшими письмами и просьбами

[1]) *F. C. Huber*: Die Ausstellungen und unsere Export-Industrie". Stuttgart 1886.

къ лицамъ, завѣдующимъ учрежденіями или имѣющимъ къ нимъ касательство. Безъ этихъ двухъ условій мнѣ бы не удалось получить свѣдѣнія отъ многихъ музеевъ или учрежденій, наиболѣе интересныхъ, напримѣръ имѣющихъ основаніе что-нибудь скрывать отъ публики. Укажу для примѣра на Штутгартскій музей образцовъ (Export-Musterlager), посѣщенный мною два раза—въ 1887 и въ 1895 г. Д-ръ Циллингъ, директоръ музея, допустилъ меня въ первый разъ съ большой неохотой и подозрительностью и то лишь потому, что на моей нѣмецкой карточкѣ стояло кромѣ университетскаго профессора, еще московскій фабричный инспекторъ. Второй разъ я уже запасся хорошей рекомендаціей отъ банкира Ильриха въ г. Ульмѣ, и кромѣ того старый д-ръ Циллингъ отсутствовалъ временно и его замѣнялъ его молодой сынъ, оказавшійся болѣе довѣрчивымъ. Въ одномъ даже случаѣ, кажется во Франкфуртѣ, мнѣ пришлось назваться промышленникомъ, чтобы получить доступъ въ складъ. Ссылки на нашихъ дипломатическихъ представителей или мое правительственное порученіе прямо могли часто повредить дѣлу. Такъ, въ Лондонѣ я потерпѣлъ неудачу и совершенно былъ недопущенъ въ контору знаменитой „Bradstreet Company“, когда сослался на рекомендацію, полученную въ нашемъ посольствѣ. Всего мною было посѣщено по порученію Министерства Финансовъ и осмотрѣно въ разныхъ концахъ Европы 12 музеевъ, экспортныхъ союзовъ или складовъ образцовъ *общественнаго* характера, 10 *частныхъ* складовъ товарныхъ образцовъ для вывоза (въ Гамбургѣ) и 2 справочныя конторы по кредитоспособности въ виду ихъ подсобнаго значенія для дѣла экспорта и вообще торговли и, по той же причинѣ, 1 адресное бюро въ Берлинѣ.

Изслѣдованіе мое торговыхъ музеевъ началось съ Вѣны—города, ближайшаго къ тогдашнему мѣсту моего пребыванія—Маріенбаду, гдѣ я лечился. Въ Вѣнскомъ Торговомъ Музеѣ, съ которымъ я былъ раньше знакомъ по издаваемому имъ журналу его имени „Das Handelsmuseum“, не встрѣтилось никакихъ препятствій къ моему ознакомленію. Любезные чиновники музея меня снабдили всѣми отчетами, какіе у нихъ имѣлись о дѣятельности музея, нѣкоторыя же изданія я пріобрѣлъ за деньги; но мало того, одинъ изъ служащихъ музея, крайне опытный и свѣдущій человѣкъ Юліусъ Бёмъ, незадолго передъ тѣмъ посѣтившій Россію для оцѣнки ея значенія, какъ мѣста сбыта австрійскихъ товаровъ, подарилъ мнѣ недавно вышедшую свою брошюру по этому вопросу, крайне интересную, собственно распространяемую конфиденціально (vertraulich) лишь между членами Export-verein'a. Я съ благодарностью воспользовался ею для своего труда о музеяхъ, какъ оцѣнкой со стороны

свѣдущаго иностранца важности русскаго рынка и въ то же время косности и неподвижности русскаго купечества.

Въ Вѣнѣ мы пробыли довольно долго, что-то около двухъ недѣль, при чемъ получили важное извѣстіе изъ Петербурга, которое чуть не измѣнило всѣ наши дальнѣйшіе планы и путешествіе по Европѣ. Когда мнѣ было предложено изслѣдованіе объ экспортѣ и торговыхъ музеяхъ, то обѣщали, по совѣщанію со мной, извѣстную сумму. Въ виду именно, какъ я предполагалъ и какъ случилось, необходимости затратить по крайней мѣрѣ два лѣта на поѣздки по главнѣйшимъ городамъ Европы, гдѣ находятся музеи или торговые центры, я опредѣлилъ на расходы 3.000 рублей, и Министерство вполнѣ и охотно на то согласилось. Какъ обстоятельства потомъ показали, я назначилъ скорѣе мало, чѣмъ много, и два лѣта разъѣздовъ поглотили у меня всю эту сумму съ избыткомъ.

Къ моему великому удивленію я получилъ въ Вѣнѣ пересланное мнѣ изъ Маріенбада письмо изъ Департамента Торговли и Мануфактуръ, не помню кѣмъ именно подписанное, увѣдомляющее меня, что Департаментъ, соображая свои расходы, не имѣетъ возможности платить мнѣ первоначально обѣщанную сумму 3.000 рублей и покорнѣйше проситъ меня удовольствоваться двумя тысячами, при чемъ Департаментъ указывалъ, что *я могу соотвѣтственно сократить и размѣры моего труда на изслѣдованіе!*

Сильно разсерженный такимъ торговымъ отношеніемъ къ моимъ ученымъ трудамъ, я, не колеблясь, отвѣтилъ, что такъ какъ цифра вознагражденія опредѣлена мною по разсчету расходовъ, необходимыхъ въ теченіе двухъ лѣтъ на разъѣзды по цѣлой Европѣ, съ неопредѣленнымъ при томъ пребываніемъ въ разныхъ пунктахъ, я считаю для себя невозможнымъ, безъ всякаго основанія, отказаться отъ своего разсчета, и не имѣя привычки исполнять какую-либо работу иначе, какъ во всей ея цѣлости, а не *на половину* или *двѣ трети*, я долженъ при новыхъ условіяхъ отказаться отъ предложенной мнѣ командировки, несмотря на то, что уже началъ работы по ней...

Не знаю, конечно, по чьей иниціативѣ возникъ этотъ инцидентъ, но во всякомъ случаѣ убѣжденъ, что онъ произошелъ безъ вѣдома Министра, иначе онъ остановилъ бы эту курьезную торговлю по предложенію, сдѣланному мнѣ по его собственной иниціативѣ, безъ всякой съ моей стороны просьбы или даже намека. Между тѣмъ я еще изъ Маріенбада списался по поводу моего изслѣдованія съ извѣстнымъ географомъ и знатокомъ вывозной торговли д-ръ Яннашъ (издателемъ экспортнаго журнала), получилъ отъ него нѣкоторые совѣты и пріобрѣлъ чрезвычайно интересную и важную брошюру объ основаніи спеціальнаго Экспортъ-банка со статутами его (als Manus-

cript gedruckt, streng vertraulich). Въ то же время я встрѣтилъ въ Вѣнѣ извѣстнаго чешскаго дѣятеля д-ра Крамаржа, который сообщилъ мнѣ о только что основанномъ у нихъ въ Прагѣ „Торговомъ Музеѣ“ при тамошнемъ Экспортномъ Обществѣ и совѣтовалъ мнѣ обязательно его посѣтить, предлагая свои рекомендаціи [1]). (Vyvozni spolek pro Cechy, Moravu a Slezske v Praze).

Для меня возникалъ лично вопросъ, какъ поступить послѣ отказа отъ министерской командировки и связанной съ нимъ субсидіи?! Послѣ небольшого размышленія и совѣщанія съ женой, я рѣшился продолжать командировку на свой собственный страхъ и рискъ, какъ можно скромнѣе и не торопясь временемъ, какъ и слѣдовало, въ виду болѣзненнаго состоянія.

Послѣ такого рѣшенія я началъ спокойно продолжать изслѣдованіе въ Вѣнѣ, усердно посѣщая сначала „Handelmuseum“, выпытывая всякія свѣдѣнія о подробностяхъ его организаціи; потомъ перешелъ къ изученію тамошняго Экспортнаго Союза (Der Oesterreichische-Ungarische Export-Verein). По словамъ секретаря его Шварца, съ которымъ я немедленно познакомился, этотъ ферейнъ—самый старый въ Европѣ и основанъ Вѣнской Торговой Камерой. Сначала онъ имѣлъ постоянную выставку образцовъ товаровъ, а позднѣе она была уничтожена, ибо признана безполезной въ виду полной возможности для пріѣзжаго покупателя или доставить по первому требованію необходимый ассортиментъ товара, или свести его прямо на фабрику. Ферейнъ сбываетъ товары исключительно своихъ членовъ съ помощью многочисленныхъ агентовъ, постоянныхъ и подвижныхъ во всемъ свѣтѣ.

Сверхъ этихъ двухъ учрежденій я познакомился, также въ Вѣнѣ, съ спеціальнымъ „Клубомъ Промышленниковъ“ (Industrieller Klub), дѣятельно занятымъ содѣйствіемъ всякаго рода вывозу австрійскихъ товаровъ, между прочимъ издающимъ различныя полезныя для торговли статистическія изслѣдованія и справочныя книги.

Изъ Вѣны мы отправились скоро въ Венгерскую столицу—Будапештъ, гдѣ ко мнѣ отнеслись крайне подозрительно, сообщая свѣдѣнія неохотно и даже непріязненно, съ явнымъ желаніемъ меня сбить съ толку въ моемъ изслѣдованіи. Между тѣмъ, самъ Венгерскій музей представляетъ крайне интересный типъ и, по обширной своей дѣятельности, весьма поучительный. Во главѣ его Справочнаго

---

[1]) Я съ д-мъ Крамаржемъ былъ знакомъ давно, еще по Россіи: когда-то ко мнѣ на квартиру въ Москвѣ его привезъ Влад. Соловьевъ; кромѣ того у насъ былъ общій знакомый проф. Мазарикъ, почтеннѣйшій и достойнѣйшій представитель науки у славянъ, какого только я знаю.

Бюро стоялъ нѣкто Шашвари, вѣроятно венгерскій ренегатъ изъ славянъ, говорящій на массѣ языковъ (въ томъ числѣ по-русски весьма изрядно); онъ же состоялъ редакторомъ „Revue de l'orient", газеты на французскомъ языкѣ для иностранцевъ и маджарской торговой газеты для венгерцевъ (Magyar Kerezkedelimi Muzeum) и былъ авторомъ многихъ статистическихъ трудовъ. Газеты эти проникнуты были, насколько я успѣлъ съ ними ознакомиться, большою ненавистью къ нашему отечеству. При осмотрѣ съ нимъ разныхъ частей музея, онъ видимо старался мнѣ всегда изъ разныхъ правилъ, объясненій и объявленій, изданныхъ на разныхъ языкахъ, всучить тѣ экземпляры, которые были изданы по-венгерски, какъ бы избѣгая болѣе легкихъ и понятныхъ языковъ. Въ мою тогдашнюю записную книжку по желанію самого Шашвари помѣщено слѣдующее оригинальное замѣчаніе: „Informations—Bureau даетъ охотно справки иностранцамъ, *насколько это не вредитъ интересамъ венгерской торговли*" („Т. е. поворотъ отъ воротъ", прибавлено уже отъ меня замѣчаніе въ той же книжкѣ, „или убирайтесь къ чорту")!..

Изслѣдованіе въ Будапештѣ, такъ же какъ и подъ конецъ въ Вѣнѣ, я производилъ, въ силу изложеннаго выше, какъ совершенно самостоятельную, лично для себя предпринятую работу; но по окончаніи ея, проживая въ Рейхенгаллѣ, куда я уѣхалъ брать ванны, я совершенно неожиданно для себя получилъ чекъ отъ Департамента Торговли въ 3.000 рублей, который, хотя и не сопровождался никакимъ объясненіемъ, но явно свидѣтельствовалъ о томъ, что Департаментъ отказывается отъ желанія уменьшить сумму моего вознагражденія и вполнѣ согласенъ на мои условія, т. е. сумму первоначально назначенной оплаты моего труда. Послѣ этого мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ тотчасъ послѣ окончанія курса леченья въ Рейхенгаллѣ продолжать начатый объѣздъ европейскихъ торговыхъ музеевъ въ задуманномъ ранѣе размѣрѣ, что̀ и производилось мною въ теченіе двухъ лѣтнихъ поѣздокъ моихъ за границу.

Считаю нужнымъ изложить, хотя вкратцѣ, сущность всего моего изслѣдованія вмѣстѣ съ главнѣйшими выводами.

Очень долго въ Европѣ чуть не единственнымъ способомъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, поощренія промышленному сбыту служили покровительственныя пошлины и разныя преміи; затѣмъ, въ началѣ прошлаго года появляются мѣстныя выставки своихъ продуктовъ для поощренія туземной производительности наградами. Въ серединѣ XIX вѣка (въ 1851 г. въ Лондонѣ) была открыта первая *всемірная* выставка для мирнаго промышленнаго состязанія всѣхъ народовъ. Число ихъ все болѣе и болѣе увеличи-

вается, и всемірныя выставки повторяются въ разныхъ странахъ съ многомилліонными затратами и роскошной обстановкой. Наконецъ вниманіе публики какъ бы утомляется выставками, и онѣ все болѣе и болѣе изъ орудій промышленной политики обращаются въ мѣста и средства всевозможныхъ увеселеній и сенсацій. Самообразовательное значеніе ихъ весьма слабѣетъ, и онѣ становятся средствомъ поощренія выгоды отдѣльныхъ производителей, а не содѣйствія всей промышленности и торговли. Такъ какъ, однако, никто не отрицаетъ и хорошихъ сторонъ выставокъ, заключающихся въ наглядномъ способѣ ознакомленія съ результатами международной производительности, то явилось желаніе закрѣпить указанную хорошую сторону временныхъ выставокъ, а въ то же время ослабить въ нихъ элементъ случайности. Для этого выставки постепенно изъ временныхъ превращаются въ постоянныя, или находящіяся твердо на одномъ мѣстѣ или даже *передвижныя*.

Начиная съ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка особенно умножается въ Европѣ число подобныхъ постоянныхъ выставокъ, въ свою очередь происходящихъ, во многихъ случаяхъ, непосредственно изъ временныхъ. Первоначально такія выставки носятъ характеръ лишь образовательный, какъ Политехническій Музей, напримѣръ, въ Москвѣ, и съ ними совершается новая эволюція: имъ придается болѣе купеческій характеръ и ближайшей цѣлью всѣхъ такихъ выставокъ и учрежденій становится всевозможное поощреніе сбыта товаровъ и такъ сказать облегченіе въ этомъ отношеніи трудовъ отдѣльныхъ производителей и торговцевъ. Замѣчается стремленіе устранить характеръ строго-временныхъ выставокъ, давъ возможность публикѣ посѣщать ихъ постоянно, заинтересовать лицъ, знакомить ихъ съ качествомъ и родомъ товаровъ, что лучше всего именно и достигается превращеніемъ временныхъ выставокъ въ постоянныя или т. н. *„торговые музеи“*.

Торговые музеи одинаково по своему происхожденію учреждаются на правительственный, общественный и частный счетъ; но рядомъ съ ними, нерѣдко въ тѣхъ же странахъ и городахъ, въ силу импульса самоинтереса, возникаютъ разнаго рода и характера *экспортные союзы* исключительно на счетъ заинтересованныхъ лицъ и классовъ.

Подъ именемъ „торговыхъ музеевъ“ разумѣются учрежденія новѣйшаго времени, гдѣ собираются коллекціи всевозможныхъ товаровъ для ознакомленія съ ними лицъ, заинтересованныхъ какъ въ ввозѣ, такъ и въ вывозѣ различныхъ произведеній. Задачей такого музея является практическое обученіе или освѣдомленіе торговцевъ, занимающихся ввозомъ и вывозомъ, при чемъ такой музей, посред-

ствомъ постояннаго дополненія съ помощью консуловъ и другихъ заграничныхъ агентовъ, находится всегда на уровнѣ новѣйшаго положенія торговаго дѣла.

Изъ такихъ музеевъ наиболѣе извѣстны Брюссельскій, Вѣнскій и Будапештскій, почему мнѣ и пришлось объѣхать три города, гдѣ они находятся, съ осмотромъ и изученіемъ музеевъ на мѣстѣ путемъ личныхъ разспросовъ и печатнаго матеріала. При общихъ задачахъ всѣ эти три типа торговыхъ музеевъ въ Европѣ имѣютъ и свои различія.

Брюссельскій Музей, согласно его программѣ, долженъ занять въ области коммерческихъ наукъ мѣсто, принадлежащее, въ области наукъ естественныхъ, коллекціямъ минералогическимъ, геологическимъ и т. д. Онъ долженъ снабжать средствами для практическаго изученія торговаго дѣла; онъ долженъ „дать“, — говоритъ программа, „производителямъ оружіе противъ конкурренціи и вообще ограждать отъ неудачъ...“ Эти обширныя задачи достигаются посредствомъ слѣдующихъ способовъ, состоящихъ прежде всего въ обширныхъ коллекціяхъ троякаго рода: 1-ое выставка образцовъ произведеній вывоза, т. е. фабрикаты разнаго рода, продаваемые иностранными конкуррентами Бельгіи на различныхъ рынкахъ свѣта; 2-ое образцы произведеній ввоза, которые заключаютъ въ себѣ сырье и съѣстные продукты, которые могутъ быть ввозимы въ Бельгію и пригодные для продажи въ другія страны; 3-е важнымъ отдѣленіемъ музея является выставка образцовъ или способовъ *упаковки*, что имѣетъ цѣлью указать экспортеру, какъ онъ долженъ укладывать и въ какую обложку завертывать товаръ (faire la toilette), принимая въ соображеніе какъ климатъ извѣстной страны, такъ и пути сообщенія, вкусы, требованія и даже предразсудки покупателей. Цвѣтъ, напримѣръ, товара (бумаги, матеріи и проч.) играетъ большую роль на китайскомъ рынкѣ, свойство обложки—подъ тропиками и т. д.

Брюссельскій торговый музей состоитъ въ самой тѣсной связи съ Консульскимъ Институтомъ Государства и подчиняется потому Вѣдомству Иностранныхъ Дѣлъ. Въ инструкціи консуламъ Бельгіи указывается на ихъ содѣйствіе цѣлямъ Музея для развитія торговли, какъ на главную ихъ задачу и обязанности; соотвѣтственно и приноровлена къ этой цѣли вся ихъ служба. До извѣстной степени консулъ является ближайшимъ совѣтникомъ, чуть не слугой каждаго торговца въ его дѣлѣ, особенно въ отношеніи доставленія всякихъ свѣдѣній и справокъ. Для этого важнымъ пособіемъ, доступнымъ каждому торговцу, даже иностранцу, является существующее при Брюссельскомъ Музеѣ прекрасное Справочное Бюро

для доставленія всевозможныхъ справокъ по любому любопытному для торговца вопросу, начиная съ путей сообщенія, напримѣръ, въ данной странѣ, и кончая обычаями и нравами. Справочное Бюро издаетъ, между прочимъ, подробный каталогъ всѣхъ коллекцій, часто перепечатываемый и къ услугамъ всякаго желающаго справиться.

Весьма близокъ къ Брюссельскому Музею, но и съ значительными отличіями, Вѣнскій Музей: первоначально возникшій какъ Восточный Музей, онъ лишь впослѣдствіи принялъ болѣе широкую задачу и превратился въ обще-торговый съ болѣе общими задачами для австрійской монархіи—заботиться о поддержаніи и дальнѣйшемъ развитіи всей австрійской промышленности и торговли. Въ первомъ, именно, въ заботахъ о промышленности, лежитъ различіе Вѣнскаго Музея отъ Брюссельскаго; послѣдній исключительно заботится только объ одной торговлѣ или обмѣнѣ, а не о производствѣ. Точно также, обратно съ Брюсселемъ, Вѣнскій Музей постоянно устраиваетъ выставки разнаго рода, то своихъ, то иностранныхъ товаровъ, смотря по цѣли, которую выставка преслѣдуетъ; наконецъ Вѣнскій Музей прямо занимается политикой въ смыслѣ поиска сбыта для австрійскихъ товаровъ, что совершенно внѣ дѣятельности Брюсселя. Такъ, напримѣръ, въ 1893 г., во времена т. н. швейцарско-французской таможенной войны, Вѣнскій Музей постарался воспользоваться ссорой сосѣдей: съ помощью Вѣнской Торговой Палаты австрійскія фирмы были поставлены въ прямыя сношенія съ швейцарскими и въ результатѣ Франція потеряла въ значительной степени свой швейцарскій рынокъ, а Австрія выиграла его для своихъ производителей и торговцевъ.

Подобно Брюссельскому Музею, Вѣнскій точно также имѣетъ Справочное Бюро и вообще охотно исполняетъ всевозможныя порученія своихъ промышленниковъ и торговцевъ. Мало того, онъ даже беретъ на себя такую сложную задачу, какъ производство анализа разныхъ товарныхъ образцовъ и всячески поощряетъ художественно-промышленное развитіе въ странѣ драгоцѣнными для этой цѣли изданіями, которыя не подъ силу частнымъ издателямъ.

Третій типичный музей, Венгерскій въ Будапештѣ, представляетъ по своей организаціи еще большее различіе отъ первыхъ двухъ. Въ то время, когда первые два торговые музеи лишь учатъ торговцевъ и даютъ знать „какъ продавать и какіе товары нужны на рынкѣ“, Венгерскій Музей въ Будапештѣ „прямо торгуетъ товарами“ или принимаетъ на комиссію продажу любого продукта своего сочлена. Съ этой торговой цѣлью Венгерскій Музей получилъ исключительное право непосредственно сноситься со всѣми

австро-венгерскими дипломатическими чиновниками и устроилъ, преимущественно на Востокѣ, двѣнадцать отдѣленій или филій, которыя въ свою очередь имѣютъ постоянныхъ агентовъ и устраиваютъ самостоятельныя выставки. Мало того, Будапештскій Музей имѣетъ даже на Балканскомъ полуостровѣ своихъ странствующихъ приказчиковъ, commis-voyageurs. Обширной дѣятельности Венгерскаго Музея и его торговымъ предпріятіямъ долго не доставало своего кредитнаго учрежденія, но теперь этотъ недостатокъ устраненъ черезъ устройство Венгріей на Балканскомъ полуостровѣ спеціальнаго Банка для этой цѣли подъ именемъ Анонимнаго Венгерскаго Торговаго Общества. Благодаря обширной и успѣшной дѣятельности Венгерскаго Музея съ его отдѣленіями, Балканскій полуостровъ экономически переходитъ постепенно въ руки Австріи, которая весьма старательно наблюдаетъ также за нашимъ рынкомъ, желая подобрать его въ свои руки. Одинъ изъ видныхъ промышленныхъ дѣятелей въ Вѣнѣ, Юліусъ Бёмъ, уже давно совѣтовалъ австрійскимъ промышленникамъ составить торговый синдикатъ для ввоза въ Россію и заняться вопросомъ—„gemeinsame Bearbeitung des russischen Markts“ (совмѣстная обработка русскаго рынка!..).

Помимо этихъ трехъ важнѣйшихъ представителей торговыхъ учрежденій, устраиваемыхъ правительствами соотвѣтствующихъ странъ и при ихъ ближайшемъ участіи, одинаковую роль поощренія и содѣйствія экспортной торговлѣ играютъ въ Европѣ такъ называемые *экспортные союзы или общества.* Они преслѣдуютъ собственно ту же цѣль, какъ и музеи, и большею частью имѣютъ при себѣ также коллекціи товаровъ, т. е. доставляютъ свѣдѣнія о торговлѣ и способствуютъ увеличенію сбыта, хотя и иными путями. Обратно съ первой категоріей торговыхъ союзовъ, экспортные союзы являются лишь выраженіемъ самодѣятельности самихъ торговцевъ и промышленниковъ, и если изрѣдка имѣютъ связь съ правительствомъ или государствомъ, то лишь, большею частью, слабую, какъ въ Дрезденѣ, Франкфуртѣ, Штутгартѣ, или совсѣмъ никакой связи съ государствомъ не имѣютъ (богатѣйшіе и важнѣйшіе въ Германіи экспортные склады Гамбурга).

Первое мѣсто между нѣмецкими экспортными складами перваго же рода имѣетъ несомнѣнно Саксонскій союзъ въ Дрезденѣ, принесшій огромную пользу всей германской торговлѣ. Средствами для достиженія его цѣлей являются: 1-ое—агенты или представители, разсѣянные буквально по всему міру; 2-ое—устройство путешествій или поѣздокъ торговыхъ лицъ въ разныя страны свѣта; 3-ье—посылка спеціальныхъ агентовъ для завязыванія торговыхъ сношеній на разныхъ концахъ міра; и наконецъ 4-ое—ознакомленіе покупа-

телей съ нѣмецкими продуктами со стороны Саксонскаго союза печатаніемъ въ огромномъ количествѣ каталоговъ или прейсъ-курантовъ и различныхъ справочныхъ книгъ, знакомящихъ всѣхъ и каждаго съ товарами нѣмецкаго производства и торговли. Всякій важный случай узаконенія, измѣненіе таможенныхъ или законодательныхъ правилъ, гдѣ бы ни было, немедленно сообщается всѣмъ членамъ экспортнаго союза посредствомъ подробныхъ циркуляровъ. Этотъ союзъ доставляетъ сочленамъ всякія справки о фрахтахъ, тарифахъ, данныя о кредитоспособности, выдаетъ письма или рекомендаціи и сносится для члена съ представителями и агентами почти гдѣ угодно и проч. и проч.

Всѣ свѣдущіе иностранцы высоко ставятъ заслугу этого и подобныхъ ему экспортныхъ союзовъ для прочнаго успѣха германской промышленности и торговли. „Эти союзы, — пишетъ о нихъ извѣстный американскій консулъ Монаганъ, — являются дѣятельнымъ агентомъ Германіи для завоеванія иностранныхъ рынковъ. Ихъ методы просты и въ то же время весьма успѣшны; они поддерживаются прессой, правительствомъ и всѣмъ народомъ....“ Другой экономическій писатель французъ Schwob также рѣшительно говоритъ за экспортные союзы, какъ орудіе для послѣднихъ торгово-промышленныхъ побѣдъ Германіи.... „Великій секретъ германскаго успѣха“,—по его словамъ, — „это—развитіе духа ассоціаціи, союзъ общихъ усилій для цѣли общей. Вся Германія покрыта всевозможными союзами всякаго рода....“ — „Если Соединенные Штаты, — замѣчаетъ онъ въ заключеніе, — являются союзомъ государствъ, то Германія является государствомъ союзовъ!...“ [1]).

Изъ всѣхъ германскихъ экспортныхъ союзовъ, однако, сверхъ упомянутыхъ выше, главнѣйшую роль для интересовъ, даже не одной нѣмецкой, торговли играетъ Гамбургъ съ его извѣстнымъ портомъ и оригинальной организаціей международной мѣны товаровъ. Безъ нея невозможны были бы настоящіе успѣхи германской промышленности, и огромная важность Гамбурга, какъ экспортныхъ воротъ для всѣхъ прилегающихъ даже странъ, заслуживаетъ нашего особаго вниманія. Нѣмецкая экономическая литература новѣйшаго времени направила меня на этотъ пунктъ и, снабженный многими рекомендаціями отъ своихъ нѣмецкихъ ученыхъ друзей (проф. Шульце, Геверницъ, Вальтеръ Лоцъ, Губеръ, д-ра Юргенсъ и Зоетберъ), я отправился въ Гамбургъ, гдѣ успѣлъ познакомиться какъ слѣдуетъ съ организаціей этого величайшаго въ настоящее время экспортнаго пункта и его складами товарныхъ образцовъ.

---

[1]) „Между дѣломъ“. Стр. 257 и проч.

Но, чтобы оцѣнить какъ слѣдуетъ важность Гамбурга, необходимо познакомиться, хотя вкратцѣ, съ сущностью его экспортной системы.

Дѣло въ томъ, что при настоящемъ состояніи промышленно-торговыхъ отношеній между производителемъ товара и его покупателемъ, по необходимости, вдвигается иногда цѣлый рядъ посредниковъ, и это въ особенности касается внѣшней торговли странъ; лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ производитель или фабрикантъ самъ находитъ себѣ за границею покупателя и непосредственно сбываетъ ему свой товаръ. Относительно нѣмецкой внѣшней торговли, мною выясненъ былъ, при посѣщеніи Гамбурга, слѣдующій общій порядокъ: всякій товаръ, предназначенный для вывоза изъ Германіи, проходитъ черезъ руки двоякаго рода посредниковъ: такъ называемаго „экспортера“ и „экспортнаго агента“. Съ перваго взгляда существованіе такихъ посредниковъ является излишней прибавкой къ цѣнѣ товара; между тѣмъ, въ дѣйствительности, только подобной организаціи Гамбургъ, а съ нимъ и вся Германія, обязаны развитіемъ огромныхъ размѣровъ своей торговли. Благодаря широкому распространенію сбыта и поискамъ рынковъ по всему міру, нѣмецкій фабрикантъ лишенъ возможности входить въ личныя сношенія съ потребителемъ его произведеній; онъ совсѣмъ, часто, не знаетъ страны, въ которую попадаетъ изготовленный имъ товаръ: ему не знакомы ни условія торговли въ ней, ни пути сообщенія, ни языкъ. Въ виду этого создался на помощь фабрикантамъ особый классъ людей, такъ называемыхъ *экспортеровъ*, спеціально ознакомленныхъ съ разными мѣстами сбыта германскихъ продуктовъ. Такіе экспортеры являются людьми не только образованными, бывавшими въ разныхъ странахъ, но и очень богатыми; они пользуются обширнымъ кредитомъ въ банкахъ и, избавляя фабрикантовъ отъ риска и неудобствъ далекаго кредита, уплачиваютъ за все наличными деньгами, сами получая отъ заморскихъ покупателей лишь векселя и уплату, можетъ быть не раньше, какъ черезъ годъ. Каждый изъ заморскихъ покупателей, ведущихъ торговлю съ Европой, обязательно имѣетъ въ Гамбургѣ своего экспортера, черезъ котораго получаетъ нѣмецкій товаръ, а на-ряду съ нимъ иногда и товаръ другого происхожденія, которымъ экспортеръ не пренебрегаетъ, если онъ нуженъ его покупателю.

Но въ свою очередь экспортеръ, доставляя для покупателей отдаленныхъ странъ часто самые разнообразные товары, не можетъ быть спеціалистомъ въ товарѣ, и таковымъ является представитель второй стадіи въ организаціи Гамбургской торговли—*экспортный агентъ*. Это—лицо уже нѣсколько иного пошиба, чѣмъ первый. Многіе изъ гамбургскихъ агентовъ по экспорту сами изъ фабри-

кантовъ или долго торговали извѣстнаго рода товаромъ, почему являются хорошими знатоками тѣхъ или иныхъ спеціальностей; они часто устраиваютъ при своихъ конторахъ выставку образцовъ этихъ товаровъ, т. н. „Export-Musterlager". Подобно тому, какъ каждый иностранный покупатель имѣетъ своего экспортера въ Гамбургѣ, точно также всякій производитель или фабрикантъ имѣетъ тамъ своего экспортнаго агента, черезъ посредство котораго исключительно продаетъ свои продукты. Въ большинствѣ случаевъ отъ каждой фабрики выставлены лишь образцы, и торговля ведется за счетъ фабриканта, т. е. экспортный агентъ по заказу экспортера, какъ спеціалистъ, нѣсколько знакомый со вкусомъ по данному товару всѣхъ отдаленныхъ заморскихъ покупателей, дѣлаетъ подборъ товара или показываетъ его самъ покупателю, если тотъ лично прибылъ въ Гамбургъ, сводитъ, такъ сказать, двѣ стороны, а иногда даже и торгуетъ прямо за собственный счетъ. Та же черта, которая поражаетъ относительно экспортеровъ, высокое знаніе и образованіе, не въ меньшей степени, только въ спеціальномъ родѣ, примѣняется и къ экспортнымъ агентамъ г. Гамбурга. Обладая также обширнымъ знаніемъ заграничныхъ рынковъ по своимъ спеціальностямъ, они руководятъ поискомъ новыхъ мѣстъ сбыта для данныхъ товаровъ, вызываютъ на свѣтъ новыя формы производства, и направляя ихъ на удовлетвореніе различныхъ вкусовъ и потребностей отдаленныхъ странъ, тѣмъ способствуютъ широкому развитію нѣмецкой торговли и промышленности.

Занятіе экспортнаго агента, какъ мнѣ объясняли въ Гамбургѣ, имѣетъ большое значеніе въ смыслѣ указанія фабриканту на тотъ товаръ, тотъ способъ его выдѣлки и ту упаковку, которая необходима для экспорта. Находясь постоянно въ сношеніи черезъ экспортеровъ, а часто и лично, съ заморскими покупателями, экспортный агентъ обладаетъ большою опытностью въ товарахъ, имѣющихъ ходкій сбытъ, и понимаетъ вкусъ и требованія той мѣстности, куда товары предназначены, и тѣхъ пріемовъ, путемъ которыхъ можно распространить сбытъ извѣстнаго товара. Ограничусь двумя примѣрами дѣятельности агентовъ и богатствомъ ихъ свѣдѣній. Экспортный агентъ металлическихъ издѣлій—Фоссъ, напримѣръ, поражалъ меня своими разнообразными этнографическими и естественно-научными свѣдѣніями. Указывая, напримѣръ, мнѣ рядъ вывѣшенныхъ на стѣнѣ образцовъ ножей для дикарей внутренней Африки, Фоссъ не только перечислялъ племена своихъ покупателей, но и почему ножи, имъ пріобрѣтаемые, такой или иной формы, смотря по цѣли, для которой они употребляются. Точно также Фоссу знакомы хорошо разныя почвы во всемъ мірѣ для посѣва сахарнаго тростника и,

сообразно съ ними, фабрикантъ приготовляетъ разныя мотыги или сѣчки, дѣлая болѣе острыми или тупыми, сообразно почвѣ или свойству произрастанія. Другой экспортный агентъ, Бродерсенъ, представитель фабрикъ крупной посуды, преимущественно кувшиновъ и блюдъ фарфоровыхъ и фаянсовыхъ, наоборотъ, самъ вліяетъ на вкусы и, такъ сказать, дѣлаетъ спросъ на свой товаръ. Смотря по модѣ и спросу, въ контору Бродерсена художники и фотографы присылаютъ со всего міра изображенія, то птицъ, то иныхъ животныхъ, то пейзажи, то портреты разныхъ героевъ и знаменитостей. По его заказу художники въ Мюнхенѣ и Цюрихѣ идеализируютъ эти сюжеты, а промышленники переводятъ на посуду. Въ результатѣ отъ моды на пейзажи онъ заработалъ въ одной Южной Америкѣ, какъ сообщалъ мнѣ, 100.000 марокъ, благодаря своей выдумкѣ и т. д. и т. д. Такимъ образомъ, если экспортеръ является знатокомъ—въ людяхъ для заграничнаго сбыта товаровъ, то экспортный агентъ является знатокомъ—въ товарахъ.

Такова суть организаціи Гамбургской вывозной торговли, которой Германія, а отчасти и Австрія обязана въ значительной степени своимъ экспортомъ и богатствомъ. Я видѣлъ въ складахъ Гамбурга товары буквально со всей Европы, напримѣръ, французскіе шелка и французское вино, англійскую сталь и посуду, шведскій хлѣбъ и норвежскую рыбу, но къ сожалѣнію я не видѣлъ въ богатѣйшихъ Гамбургскихъ складахъ ничего русскаго (впрочемъ, кажется, видѣлъ мѣшокъ Ростовскаго горошка въ складѣ пищевыхъ продуктовъ), хотя многіе наши продукты съ честью могли бы фигурировать, по моему мнѣнію, въ международной торговлѣ.

Какъ я упоминалъ раньше, вездѣ въ Германіи, какъ и въ Австріи, я проникалъ въ склады и выставки экспортныхъ товаровъ часто съ немалыми затрудненіями и каждый разъ лишь по чьей-нибудь рекомендаціи, въ большинствѣ случаевъ отъ моихъ знакомыхъ—профессоровъ въ разныхъ нѣмецкихъ университетахъ, или даже случайныхъ знакомыхъ, напримѣръ, банкировъ, съ которыми имѣлъ дѣло; два раза отъ библіотекарей, въ томъ числѣ отъ г. Патера въ Чешскомъ Національномъ Музеѣ; въ Саксонскій экспортный складъ проникъ благодаря г. Петерманну, библіотекарю Дрезденскаго учрежденія „Gehe-Stift“; въ Гамбургѣ, въ богатѣйшій складъ „Deurer u. Kaufmann“ я проникъ благодаря знакомству съ однимъ газетчикомъ и т. д. и т. д. Тамъ, гдѣ являлся безъ рекомендаціи, ничего, кромѣ общедоступнаго для публики, узнать не могъ или долженъ былъ разными путями бороться съ различными затрудненіями и предубѣжденіями. Въ Будапештѣ, гдѣ, какъ выше объяснено, было встрѣчено прямо недоброжелательное отношеніе къ моей любознатель-

ности и разспросамъ, я вынужденъ былъ прибѣгнуть, долженъ покаяться, даже къ лести или маленькой хитрости. Я увѣрилъ г. Шашвари (Saszwari), секретаря, черезъ посредство котораго велись всѣ мои разспросы и знакомство съ Венгерскимъ Торговымъ Музеемъ и его обширной дѣятельностью, что я много наслышался въ Россіи объ его журналѣ („Revue de l'Orient), подъ который нарочно подписался у него и много толковалъ объ его двухъ брошюрахъ, которыя заранѣе купилъ и прочелъ на понятныхъ для меня языкахъ; этимъ я сдѣлалъ его какъ будто нѣсколько разговорчивѣй и любезнѣе въ бесѣдахъ со мною. Наконецъ, въ двухъ случаяхъ, гдѣ я не встрѣчалъ никакихъ препятствій къ возможнымъ осмотрамъ и разспросамъ, собственно нечего было, какъ оказалось, смотрѣть, по незначительности складовъ. Такъ, напримѣръ, въ Прагѣ, гдѣ чехи принимали меня въ высшей степени любезно, экспортный союзъ оказался крайне незначительнымъ и неважнымъ по своей дѣятельности, существовалъ лишь три года, въ то же время не имѣлъ въ Прагѣ никакого склада и крайне ничтожное число агентовъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Весьма странная судьба торговыхъ складовъ и музеевъ—во Франціи, гдѣ ихъ собираются завести, но не трогаются съ мѣста. И до времени моего изслѣдованія появлялись извѣстія объ открытіи въ двадцати городахъ подобныхъ учрежденій, но оказалось въ конечномъ результатѣ, что они существуютъ лишь номинально, такъ какъ сами французы какъ бы забыли о нихъ или сомнѣваются въ ихъ существованіи. Въ виду этого я обратился единовременно въ Парижъ къ г. Шарлю Соломону, Товарищу Предсѣдателя Общества Соціальнаго музея (Société du Musée Social) и г. Артуру Раффаловичу, агенту нашего Министерства Финансовъ, съ просьбой сообщить мнѣ, существуютъ ли во Франціи въ дѣйствительности торговые музеи и гдѣ именно. Оба компетентныя лица отвѣчали, собственно, отрицательно, ссылаясь лишь на попытки и старанія и на единственный музей въ г. Лиллѣ (Lille), но болѣе старательныя мои собственныя справки обнаружили совершенное ничтожество этого музея, такъ что едва-ли возможно было его принимать даже въ разсчетъ (напр. на его содержаніе изъ двухъ источниковъ отпускалось всего лишь 600 франковъ! И никакихъ статутовъ или правилъ они не имѣли). Такимъ образомъ во Франціи въ то время не могло быть и рѣчи о дѣйствительномъ существованіи торговыхъ музеевъ.

Та же судьба относительно торговыхъ музеевъ и содѣйствія вывозной торговлѣ постигла и другое великое государство—Великобританію или Англію. Въ ней, обратно съ Франціей, можно утвер-

дительно сказать, существуетъ зданіе торговаго музея (London Imperial Institute) и при томъ роскошное, стоившее болѣе трехъ съ половиной милліоновъ, съ обширной администраціей, около 150 правителей или губернаторовъ, назначаемыхъ королевской властью. Цѣль этого Имперскаго Института, согласно первоначальному плану, должна была состоять во всемъ томъ, что имѣетъ мѣсто и въ трехъ указанныхъ типичныхъ европейскихъ музеяхъ, Брюсселя, Вѣны и Будапешта. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, во время моего осмотра, по крайней мѣрѣ (до 1895 г.) Имперскій Институтъ былъ богато обставленъ, въ немъ происходили ежедневныя собранія, много ѣли, пили и забавлялись музыкой, но никакихъ усилій и мѣръ для содѣйствія торговлѣ самая торговая страна въ Европѣ не проявляла. Хотя Институтъ пытался даже издавать экономическій журналъ, но безъ всякаго серьезнаго содержанія и „не имѣлъ денегъ“ на устройство справочнаго отдѣла. Вообще онъ производилъ впечатлѣніе чего-то *дѣланнаго на показъ*, безжизненнаго и не отвѣчающаго своему прямому назначенію. Онъ болѣе напоминалъ, на мой взглядъ, клубъ для развлеченія и увеселенія зажиточныхъ людей, нежели серьезный органъ государства для содѣйствія своей торговлѣ.

Я изложилъ здѣсь въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ главную суть результатовъ моихъ разъѣздовъ по Европѣ въ 1895 и 1896 г.г. Изъ этихъ собранныхъ и старательно, гдѣ возможно, провѣренныхъ данныхъ слѣдуетъ заключить, во-первыхъ, что торговые музеи или даже экспортные союзы не составляютъ чего-либо безусловно необходимаго для роста промышленности въ данной странѣ, если такія богатыя и промышленныя государства, какъ два послѣднія—Англія и Франція, могутъ безъ нихъ обходиться. Но, во-вторыхъ, общій выводъ моего изслѣдованія заключается въ той огромной и разнообразной пользѣ, которую приносятъ эти музеи и союзы въ тѣхъ государствахъ, гдѣ таковые имѣются. При теперешнемъ развитіи торговли она достигла такого высокаго положенія и сложности, что стала почти на степень науки, требующей большого и разнообразнаго изученія. На этомъ основаніи полезнѣйшая задача всѣхъ торговыхъ музеевъ всякаго вида, какъ и экспортныхъ союзовъ, состоитъ именно въ томъ, что они всѣ являются орудіемъ знанія или распространителемъ знанія въ торговомъ классѣ и торговомъ дѣлѣ. Между тѣмъ, какъ справедливо утверждаетъ одинъ англійскій писатель: „If knowledge is not power, it shows the way to power“ („Если знаніе не составляетъ само силы, то оно во всякомъ случаѣ указываетъ путь къ силѣ“).

Съ этой точки зрѣнія государство, желающее содѣйствовать и

развивать свою торговлю и промышленность и спеціально усилить сбытъ, обязано, сообразно въ каждой странѣ своимъ экономическимъ условіямъ, основывать или поощрять эти благотворительныя для экономическихъ интересовъ учрежденія. Таковъ *конечный выводъ* моего изслѣдованія о торговыхъ музеяхъ [1]).

Въ заключеніе спрашивается, вышелъ ли какой-нибудь практическій толкъ изъ моего изслѣдованія? Я смотрю на свои „Воспоминанія“ какъ, до нѣкоторой степени, на дѣло моей совѣсти и болѣе всего боюсь и стараюсь избѣгнуть какой-нибудь умышленной неправды; я сообщаю здѣсь bona fide по совѣсти только то, во что вѣрю; если читатель увидитъ явную ошибку, то утверждаю, что она не умышленна. Поэтому, если поставить ребромъ вопросъ о какой-либо пользѣ отъ моего настоящаго изслѣдованія, то я могу только добросовѣстно отвѣтить, что одинаково съ прежними изслѣдованіями и порученіями правительства (о польской промышленности, о синдикатахъ и проч.), никакой пользы, убѣжденъ я, изъ моего труда Россія не извлекла, и правительство имъ не воспользовалось. Деньги, мнѣ данныя, были истрачены зря, если не считать мою личную выгоду,—написать интересную книгу, доступную, впрочемъ, не для всякаго. Въ настоящее время эта книга о торговыхъ музеяхъ уже давно вышла изъ продажи, но увы! Я не могу указать даже на маленькую черточку какихъ-либо правительственныхъ мѣропріятій или пробужденія самодѣятельности у нашихъ промышленно-торговыхъ классовъ, благодаря тѣмъ образцамъ и урокамъ, которые изложены понятнымъ языкомъ въ моей работѣ! Послѣ всѣхъ этихъ достовѣрныхъ наблюденій невольно изслѣдователемъ овладѣваетъ духъ унынія и пессимизма. Неужели русская жизнь такъ мало подвижна или тяжела на подъемъ, что на нее не дѣйствуютъ никакіе примѣры, добытые опытомъ чужой жизни; неужели ей суждено оставаться всегда тѣмъ самымъ „лежачимъ камнемъ“, по нашей же поговоркѣ, „подъ который вода не течетъ“?!.

Иванъ Янжулъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Подробное изложеніе моихъ выводовъ можно найти, конечно, въ самомъ отчетѣ: „Министерство Финансовъ, Департаментъ Торговли и Мануфактуръ. Отпускная торговля и нѣкоторыя мѣры для ея развитія. „Торговые музеи, экспортные союзы и складъ товарныхъ образцовъ“. Изслѣдованіе И. И. Янжула. Москва 1897 г.“.

Генералъ-лейтенантъ А. А. Іедлинскій.

(Изъ далекаго прошлаго Кавказа) [1]).

Іедлинскій командовалъ какъ-то казачьимъ полкомъ, штабъ котораго былъ въ Эриванѣ, а двѣ сотни стояли въ сосѣднемъ мѣстечкѣ Ихдырѣ. Во время обѣда на полковомъ праздникѣ, на которомъ присутствовали и полковыя дамы, Іедлинскій, какъ большой поклонникъ женскаго пола, не приминулъ послѣ ряда тостовъ, произнести, между прочимъ, тостъ и за нихъ.

— За здоровье Эриванокъ и Ихдырокъ!

* * *

Въ другой разъ, обходя военный лазаретъ въ сопровожденіи врача, называвшаго ему по-латыни названія болѣзней нижнихъ чиновъ, онъ остановился у одной койки.

— Satiriodis, произнесъ врачъ.

— Не заразительно?

— Нѣтъ.

— Жаль! отвѣтилъ Іедлинскій и пошелъ дальше.

* * *

VI.

Будучи храбрымъ въ бояхъ, остроумнымъ въ бесѣдахъ, невзыскательнымъ въ жизни, Іедлинскій безразлично относился къ деньгамъ, тратя ихъ не считая, точно онъ былъ богачемъ, хотя никакого состоянія не имѣлъ, и жилъ однимъ казеннымъ жалованьемъ. Когда деньги были, онъ не отказывалъ въ нихъ ни другимъ, ни себѣ, и очень скоро оставался безъ копѣйки, прибѣгалъ къ долгамъ и вѣчно путался съ своими кредиторами; нерѣдко и тутъ на выручку ему являлось никогда не покидавшее его остроуміе. Однажды Іедлинскій, при новомъ назначеніи куда-то въ горы, вскорѣ былъ переведенъ на другое мѣсто, штабъ-квартира котораго находилась въ долинѣ. И вотъ, ничтоже не смущаясь, онъ оффиціально пишетъ по начальству, что „получивъ въ свое время прогонные и подъемные“, проситъ теперь ассигновать ему по справедливости на дорогу и „спускные“, безъ которыхъ ему не съ чѣмъ тронуться въ путь. Оригинальный рапортъ былъ доложенъ князю Барятинскому, который разсмѣялся и приказалъ выдать Іедлинскому просимые „спускные“.

Сообщ. Вл. Марковъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1911 г.

Эволюція литературныхъ и общественныхъ взглядовъ Бѣлинскаго.

Страстное стремленіе къ истинѣ, неустанное исканіе правды красной нитью проходитъ черезъ всю дѣятельность Бѣлинскаго, у котораго слово никогда не расходилось съ дѣломъ, такъ какъ для него „думать и чувствовать, понимать и страдать было одно и то же“.

„Только тотъ не ошибался въ истинѣ, кто не искалъ истины, только тотъ не измѣнялъ своихъ убѣжденій, въ комъ нѣтъ потребности и жажды убѣжденья“ [1]), эти слова Бѣлинскаго могутъ служить эпиграфомъ всей кипучей дѣятельности нашего критика „исключительно преданнаго правдѣ“ (Тургеневъ), „любившаго истину больше себя“, по его собственному признанію, „и всегда готоваго пожертвовать ей своимъ самолюбіемъ, откровенно признаваясь, что онъ какъ и другіе можетъ ошибаться и заблуждаться“.

Чуждый всего болѣе неподвижности и застоя, враждебный „китайскому“ элементу, Бѣлинскій смотрѣлъ на жизнь какъ на „дѣйствованіе и борьбу, какъ на подвигъ“ и видѣлъ всю прелесть и смыслъ ея въ томъ, что она „безпрестанно нова, безпрестанно измѣняется“.

Слова, которыми Бѣлинскій характеризуетъ Бакунина, всецѣло могутъ быть отнесены къ нему самому, такъ какъ отличительной чертой его было „вѣчно движущееся начало, лежавшее въ глубинѣ его духа“, не позволявшее ему „засѣсть въ какое-нибудь узенькое опредѣленьице и блаженствовать въ немъ“, замкнуться навсегда

[1]) Статьи о Пушкинѣ.

въ одномъ какомъ-нибудь міросозерцаніи, но заставлявшее постоянно „кипѣть его умъ“, критически относиться ко всѣмъ своимъ убѣжденьямъ и взглядамъ и съ мучительной болью отказываться отъ нихъ, какъ только онъ замѣчалъ ихъ несостоятельность. Результатомъ этой неустанной работы мысли являются рядъ рѣдко противоположныхъ на первый взглядъ періодовъ въ критической дѣятельности Бѣлинскаго, возникшихъ однако далеко не случайно, а вслѣдствіе постепенной, иногда даже трудно уловимой эволюціи его взглядовъ и убѣжденій, связанныхъ однимъ и тѣмъ же неутомимымъ исканіемъ правды, стремленіемъ примирить идеалъ и дѣйствительность въ одномъ гармоническомъ синтезѣ, сложный, мучительный вопросъ, надъ которымъ всю жизнь бился Бѣлинскій.

Каждый изъ этихъ періодовъ составляетъ новый этапъ въ его развитіи, шагъ впередъ въ сравненіи съ предъидущимъ, такъ какъ онъ по собственному выраженію мѣнялъ „копейку на рубль“.

Сурово встрѣтила жизнь Бѣлинскаго, дѣтство его протекло въ тяжелой и мрачной обстановкѣ постоянныхъ семейныхъ неурядицъ. Мало отраднаго представляло и окружавшее впечатлительнаго мальчика общество, состоявшее изъ городскихъ чиновниковъ и чиновъ полиціи, гдѣ царили мелкіе интересы и взяточничество.

„Съ раннихъ лѣтъ, говоритъ Лажечниковъ, въ немъ накипала ненависть къ обскурантизму, ко всякой неправдѣ, ко всему ложному“.

То же грубое насиліе и произволъ встрѣтилъ Бѣлинскій и въ школѣ, и хотя самъ не страдалъ отъ него, но глубоко возмущался имъ.

И семья и школа развили въ немъ „ненависть ко всякому насилію и оскорбленію человѣческаго достоинства“. „Его сильно возмущала тираннія помѣщиковъ съ крѣпостными людьми“ (Ивановъ) и онъ даже „остерегалъ одну изъ своихъ родственницъ отъ общенія съ однимъ изъ такихъ помѣщичьихъ семействъ“ (Пыпинъ). Въ немъ рано проявился независимый гордый характеръ, и еще 12-мъ мальчикомъ онъ поражаетъ Лажечникова своими самостоятельными отвѣтами, гордой независимостью и глубокимъ чувствомъ собственнаго достоинства.

Съ юныхъ лѣтъ у Бѣлинскаго проснулась страсть къ литературѣ, въ которой онъ искалъ удовлетворенія своихъ нравственныхъ и эстетическихъ запросовъ и которой впослѣдствіи отдалъ всю свою жизнь, всѣ свои силы. Тетрадь съ выписанными Бѣлинскимъ стихотвореніями свидѣтельствуетъ о томъ, что его вниманіе привлекали главнымъ образомъ стихотворенія, говорившія о высшихъ цѣляхъ и задачахъ жизни. Вопросъ о примиреніи *идеала* и

дѣйствительности съ юношескихъ лѣтъ начинаетъ волновать Бѣлинскаго, Шиллеръ съ его высокимъ идеализмомъ становится однимъ изъ его любимыхъ поэтовъ.

Его вліяніе особенно ярко сказывается въ юношеской драмѣ Бѣлинскаго „Дмитрій Калининъ", написанной въ 1830—31 г. во время его пребыванія въ университетѣ. Несмотря на всѣ ея литературные недостатки, на явное подражаніе „Разбойникамъ" Шиллера, на бьющій черезъ край неистовый романтизмъ, къ которому впослѣдствіи такъ отрицательно отнесется Бѣлинскій, эта драма является всё-таки крайне интереснымъ произведеніемъ, ярко отразившимъ чувства и мысли, волновавшія тогда Бѣлинскаго, весь его душевный складъ.

И дѣйствительно, въ героѣ пьесы, одаренномъ „душою пламенной, душою страстной ко всему великому", горячо протестующемъ противъ всякой неправды, всякаго гнета и насилія, не трудно узнать „неистоваго" Виссаріона. Жертва сословной и общественной несправедливости Дм. Калининъ вооружается противъ всего, что посягаетъ на священныя права человѣческой личности, противъ „глупыхъ, унизительныхъ для человѣчества предразсудковъ", противъ законовъ, „противныхъ правамъ природы и человѣчества, правамъ самого разсудка". Онъ считаетъ своимъ *долгомъ* нарушать ихъ во имя правды, справедливости, свободы, во имя своего права на личное счастье, защищая въ пламенныхъ рѣчахъ „свободу чувства".

Интересъ этого незрѣлаго произведенія, которое впослѣдствіи такъ строго осудилъ самъ авторъ, не исчерпывается однимъ горячимъ протестомъ противъ всякой несправедливости, лицемѣрія, ханжества и насилія, однимъ страстнымъ, но неопредѣленнымъ порывомъ къ свободѣ и гуманности, свойственнымъ великодушной юности и отчасти навѣяннымъ драмами Шиллера, которыя, по словамъ Бѣлинскаго, „наложили на него дикую вражду къ общественнымъ порядкамъ, во имя абстрактнаго идеала общества, оторваннаго отъ географическихъ и историческихъ условій развитія, построеннаго на воздухѣ; бросили его въ абстрактный героизмъ".

Въ этой драмѣ впервые раздается энергическій протестъ противъ крѣпостного права, вытекающій, какъ мнѣ кажется, не изъ одного только неопредѣленнаго стремленія къ справедливости, а явившійся результатомъ личныхъ наблюденій и переживаній автора. Не даромъ Бѣлинскій пишетъ отцу по поводу своего произведенія: „Вы въ немъ увидите многія лица, довольно Вамъ извѣстныя". Такимъ образомъ къ абстрактному идеалу примѣшивается и нѣкоторая доля реальнаго элемента, какъ результатъ ранняго столкно-

венія Бѣлинскаго съ дѣйствительной жизнью, которой совершенно чуждъ былъ близкій ему обезпеченный кружокъ Станкевича.

Картины крѣпостного права отличаются гораздо болѣе объективной реальной обрисовкой, нежели остальные эпизоды драмы: рѣчи Лизы и Ивана чужды того кричащаго романтизма, который характеризуетъ всѣ выступленія Дмитрія Калинина. Разсказъ Ивана о жестокомъ самоуправствѣ помѣщицы съ крестьянами, съ мужикомъ Антипомъ напоминаетъ своимъ тономъ появившіяся значительно позднѣе произведенія Григоровича. „Да развѣ мы не такіе же люди, какъ и ваша милость, сударыня“, заявляетъ Иванъ жестокой помѣщицѣ въ то время, когда крѣпостное право разсматривалось какъ вполнѣ нормальное явленіе, освѣщенное вѣковыми обычаями. Уже одно слово „рабъ“ ненавистно Дмитрію и превращаетъ его въ „злобу и неистовство“.

Но хотя эта драма и носитъ слѣды нѣкотораго реализма, тѣмъ не менѣе страстное осужденіе крѣпостного права героемъ пьесы парализуется замѣчаніемъ автора, направленнымъ къ оправданію „мудраго и попечительнаго правительства“, благодаря мѣропріятіямъ котораго „подобныя тиранства начинаютъ совершенно истребляться“.

Чуждый въ то время какого-либо опредѣленнаго политическаго міросозерцанія, далекій отъ всякихъ оппозиціонныхъ стремленій, Бѣлинскій тѣмъ не менѣе не ограничивается одной пламенной проповѣдью гуманности и 3 года спустя принимаетъ дѣятельное участіе въ освобожденіи крѣпостной дѣвушки, принадлежавшей его семейству.

Драма Бѣлинскаго, какъ извѣстно, была признана университетскими цензорами „безнравственной, позорящей университетъ“, что повергло „благонамѣреннаго“ Бѣлинскаго въ горестное изумленіе. Тотъ же моральный либерализмъ, то же уваженіе къ достоинству человѣческой личности, высокіе нравственные идеалы, стремленіе къ самоусовершенствованію, горячій интересъ къ литературѣ и искусству одушевляли и кружокъ Станкевича, который оказалъ такое сильное вліяніе на дальнѣйшее развитіе Бѣлинскаго. Подъ вліяніемъ Станкевича и Бакунина Бѣлинскій всецѣло отдается нравственно философскимъ и эстетическимъ вопросамъ, заглушившимъ первые проблески реальнаго отношенія къ русской общественности, къ дѣйствительности.

Отвѣта на всѣ волновавшіе ихъ нравственные и умственные запросы Станкевичъ и его друзья ищутъ въ нѣмецкой философіи. „Мы искали тогда въ философіи всего на свѣтѣ“, говоритъ Тургеневъ, „кромѣ чистаго мышленія“.

Философскій романтизмъ Шеллинга съ его пантеистическимъ ученіемъ объ „абсолютѣ“, какъ основаніи природы и духа и тождествѣ идеальнаго и реальнаго на первыхъ порахъ, захватилъ молодыхъ мечтателей.

Бѣлинскаго и его друзей увлекаетъ „возможность объяснить явленія природы тѣми же законами, которымъ подчиняется духъ человѣческій“ (Анненковъ), опредѣлять міръ „какъ дыханіе единой вѣчной идеи“, проявляющейся въ безчисленныхъ формахъ, какъ „великое зрѣлище абсолютнаго единства въ безконечномъ разнообразіи“, понимать искусство „какъ отблескъ творящей силы природы“, назначеніе и цѣль котораго „изображать, воспроизводить въ словѣ, въ звукѣ, чертахъ и краскахъ идею всеобщей жизни природы“. (Лит. Мечт.).

Ихъ плѣняетъ великое значеніе, которое Шеллингъ приписываетъ искусству и эстетическому развитію человѣка, высокій взглядъ на поэта, какъ на просвѣтителя и руководителя человѣчества, „апостола истины и знанія“, гармоническая связь между эстетическимъ и нравственнымъ элементомъ, такъ какъ въ „поэзіи, не имѣющей цѣли внѣ себя“, въ „безцѣльномъ, свободномъ“ творчествѣ—художественное тождественно съ нравственнымъ. Ихъ увлекаетъ высокая роль, которую Шеллингъ отводитъ человѣку, „назначеніе“ котораго „постигать своимъ умомъ и знаніемъ мудрую, любящую, справедливую вѣчную идею, раздѣлять ея жизнь въ чувствѣ безконечной зиждущей любви“. (Лит. Мечт.).

Не менѣе высокую цѣль ставитъ Шеллингъ и различнымъ народностямъ, являющимся „личностями человѣчества“, которыя, „живя самобытной жизнью, должны приносить свою долю въ общую сокровищницу человѣчества“, непрестанно двигаясь на пути прогресса.

Система эта, ставящая цѣлью отдѣльнаго индивидуума, народа и, наконецъ всего, человѣчества постоянную борьбу во имя достиженія высокихъ нравственныхъ идеаловъ, не могла не возбудить горячей симпатіи страстной, дѣятельной натуры Бѣлинскаго.

Съ необыкновеннымъ подъемомъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ Бѣлинскій передаетъ ея главныя положенія въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“, напечатанныхъ въ „Молвѣ“ въ 1834 г. Вся статья проникнута горячимъ одушевленіемъ, высокимъ нравственнымъ паѳосомъ звучатъ слова о назначеніи человѣка: „Гордись, гордись, человѣкъ, своимъ высокимъ назначеніемъ!.. дыши для счастья другихъ, жертвуй всѣмъ для блага ближняго, родины, для пользы человѣчества, люби истину и благо не для награды, но для истины и блага и тяжелымъ крестомъ выстрадай твое соединеніе съ Богомъ“.

Опредѣляя литературу какъ „выразительницу народнаго духа, внутренней жизни народа, до ея сокровенныхъ глубинъ и біеній", Бѣлинскій приходитъ къ заключенію, что въ этомъ смыслѣ у насъ еще не существуетъ литературы, несмотря на крупные таланты Державина, Крылова, Грибоѣдова и Пушкина.

Для доказательства своей мысли онъ предпринимаетъ историческій обзоръ постепеннаго развитія русской литературы, начиная съ Ломоносова, и вмѣстѣ даетъ „исторію постепеннаго хода нашего общества со временъ Петра". „Такимъ образомъ критика Бѣлинскаго не ограничивается одной областью эстетическихъ явленій, а простирается далеко за предѣлы ея, въ пониманіе цѣлой жизни общества" (Пыпинъ).

„Для того чтобы у насъ наступила истинная эпоха—искусства", заключаетъ Бѣлинскій, „нужно сперва, чтобы у насъ образовалось *общество*, въ которомъ бы выразилась физіономія могучаго русскаго народа" (эта мысль сдѣлается основнымъ положеніемъ всей дальнѣйшей критики Бѣлинскаго) „надобно, чтобы у насъ было *просвѣщеніе*, созданное нашими трудами, возращенное на родной нивѣ". Бѣлинскій радостно привѣтствуетъ стремленіе къ просвѣщенію „въ духѣ православія, самодержавія и народности" въ средѣ дворянства и купечества, а также подчеркиваетъ полезную дѣятельность духовенства „въ дѣлѣ отечественнаго просвѣщенія", онъ увѣренъ, что оно возрастетъ у насъ благодаря „неусыпнымъ попеченіямъ мудраго Правительства".

Эти заключительны строки особенно интересны по тому рѣзкому контрасту, которой онѣ представляютъ съ знаменитымъ „Письмомъ" къ Гоголю.

Бѣлинскій заканчиваетъ статью надеждой, что въ близкомъ будущемъ мы явимся не только подражателями, но и „соперниками Европы".

Статья проникнута глубокимъ оптимизмомъ, напоминающимъ взглядъ „оффиціальной народности". Бѣлинскій не затрагиваетъ болѣе вопроса о крѣпостномъ правѣ и, говоря о народѣ, называетъ его „чернью", считая высшіе классы главными выразителями народной жизни. Несмотря на восторженный взглядъ на Петра и его реформу, преклоненію предъ которымъ Бѣлинскій останется вѣренъ до конца жизни, слышится полное сочувствіе къ „священнымъ народнымъ обычаямъ", и даже старинным русскимъ костюмамъ, уничтоженнымъ Петромъ, Бѣлинскій посвящаетъ нѣсколько проникновенныхъ элегическихъ строкъ.

Вѣрный своему тонкому эстетическому чутью, Бѣлинскій бросаетъ вызовъ всему пошлому, фальшивому, натянутому въ литера-

турѣ, и хотя онъ въ этомъ отношеніи является продолжателемъ Надеждина, однако же важно отмѣтить существенную между ними разницу, какъ это подчеркиваетъ Чернышевскій.

Надеждинъ преслѣдуетъ романтизмъ лишь какъ „фальшивое литературно-эстетическое явленіе“, тогда какъ Бѣлинскій во всей своей дальнѣйшей критической дѣятельности будетъ возставать на него какъ на „выраженіе натянутыхъ, экзальтированныхъ, лживыхъ понятій о жизни, какъ на извращеніе умственныхъ и нравственныхъ силъ человѣка, ведущее къ фантазерству и пошлости, самообольщенію и кичливости“ (Чернышевскій).

Такимъ образомъ уже на первыхъ порахъ въ критикѣ Бѣлинскаго, проникнутой отвлеченной шеллингіанской философіей, начинаютъ звучать публицистическіе мотивы, онъ устанавливаетъ тѣсную связь между литературой и обществомъ, горячо ратуетъ за высокіе нравственные человѣческіе идеалы, за просвѣщеніе и видитъ въ литературѣ могучую двигательную силу на пути къ прогрессу.

Въ слѣдующей статьѣ „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя“, раздѣляя поэзію на *идеальную* и *реальную*, Бѣл. отдаетъ предпочтеніе послѣдней за ея вѣрное воспроизведеніе дѣйствительности, за „тѣсное сочетаніе искусства съ жизнью“ и горячо привѣтствуетъ появленіе повѣстей Гоголя, подчеркивая въ нихъ „совершенную истину жизни, народность, оригинальность и комическое одушевленіе, побѣждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и уныніе“.

Но несмотря на преобладаніе реалистическаго элемента въ жизненной, боевой, а не созерцательной по преимуществу натурѣ Бѣлинскаго, отвлеченная философско-нравственная точка зрѣнія все болѣе и болѣе овладѣваетъ Бѣлинскимъ, отрывая его на нѣкоторое время отъ дѣйствительной жизни, вырабатывая въ немъ мыслителя.

Подъ вліяніемъ своего друга Бакунина, знакомство съ которымъ относится къ 1836 г., Бѣлинскій, ищущій болѣе опредѣленной основы для своего нравственнаго міросозерцанія, чѣмъ то, которое давало поэтическое, но туманное и шаткое ученіе Шеллинга, дѣлается на нѣкоторое время приверженцемъ философіи Фихте, у котораго нравственная сторона жизни выдвинута сильнѣе, чѣмъ у Шеллинга.

Бѣлинскій, страстно искавшій примирить противорѣчіе между жизнью „идеальной“ и жизнью дѣйствительной, „уцѣпился за фихтеанскій взглядъ съ энергіею, съ фанатизмомъ“, въ надеждѣ найти въ немъ цѣлостное, гармоничное нравственное міросозерцаніе. Онъ весь ушелъ въ этотъ новый открывшійся для него міръ мысли, съ

восторгомъ разсматривая „мышленіе, какъ нѣчто цѣлое, нѣчто одно, въ чемъ нѣтъ ничего особеннаго и случайнаго“.

Теперь онъ приходитъ къ убѣжденію, что „идеальная жизнь есть именно дѣйствительная, положительная, конкретная, а такъ называемая дѣйствительная жизнь есть отрицаніе, призракъ, ничтожество, пустота“.

Въ періодъ увлеченья „фихтеанской отвлеченностью“, въ которую по собственному признанію Бѣлинскаго его „*втащилъ* Бакунинъ, уничтоживъ въ его понятіи цѣну опыта и дѣйствительности“, Бѣлинскій исключительно уходитъ въ отвлеченно-нравственную точку зрѣнія, полагая единственной цѣлью всякаго человѣка „личное индивидуальное совершенствованіе“, къ которому обязываетъ каждаго человѣка „любовь къ человѣчеству и святое убѣжденіе въ безконечномъ усовершенствованіи человѣческаго рода“. Теперь національные интересы поглощаются общечеловѣческими. Въ статьѣ „Опытъ системы нравственной философіи“ краснорѣчиво отразилась внутренняя мучительная борьба Бѣлинскаго съ собственнымъ несовершенствомъ во имя достиженія „идеальной жизни въ духѣ“, доставившей ему вмѣстѣ съ „убійственными минутами сомнѣнія и отчаянія, минутами разрушительной дисгармоніи съ самимъ собой, отвращенія отъ жизни, упоительныя минуты вѣры, неизъяснимаго блаженства и полнаго примиренія съ жизнью“.

Но фихтеанство, понятое Бѣлинскимъ и его друзьями, какъ углубленіе во внутреннюю, идеальную „жизнь духа“, высоко возносившую „просвѣщеннаго благодатью“ надъ толпой и „пошлой“ дѣйствительностью, не могло на долго удовлетворить и успокоить Бѣлинскаго.

„Грозный призракъ внѣшней жизни“ не давалъ ему „успокоиться, забыться“, мгновенные порывы восторга смѣнялись отчаяніемъ, „оскудѣніемъ жизни“, „недѣлями апатіи, смертельной тоски“, не могъ онъ также успокоиться на долго на „теоріи страданья“, которой надо выстрадать право на абсолютную жизнь въ духѣ.

Бѣлинскій, „сила котораго состояла въ непосредственномъ чувствѣ“, не могъ безъ насилія надъ своимъ *я* замкнуться въ мірѣ холоднаго отвлеченнаго мышленія.

„Для меня, говорилъ онъ, еще не избавившись вполнѣ отъ вліянія Шеллинга, истина существуетъ какъ созерцаніе въ минуту вдохновенія или совсѣмъ не существуетъ“. „Я ненавижу мысль, какъ отвлеченіе“.

Выходомъ изъ этого мучительнаго періода „распаденья и отвле-

ченности“ должно было явиться примиреніе съ дѣйствительностью, оправданье ея, къ которому и приходитъ Бѣлинскій подъ вліяніемъ философіи Гегеля.

Это „примирительное“ отношеніе къ дѣйствительности, понимаемой Бѣлинскимъ еще въ отвлеченномъ, идеальномъ смыслѣ, уже ярко выступаетъ въ его „пятигорскомъ“ письмѣ отъ 7-го августа 1837 г.

Въ немъ еще чувствуется вліяніе Фихте, „все призракъ, мечта, одна мысль существенна и реальна“, пишетъ Бѣлинскій своему другу, совѣтуя обратиться къ изученію философіи, какъ къ „началу и источнику всякаго знанья“, предварительно приготовившись къ ней путемъ искусства, которое „очиститъ его душу отъ проказы земной суеты, холоднаго себялюбія, укрѣпитъ и разовьетъ любовь и дастъ религію или истину въ созерцаніи“.

Горячо убѣждая своего друга заняться философіей, которая даетъ „отвѣты на всѣ вопросы души“, „подаритъ такимъ счастьемъ, какого толпа и не подозрѣваетъ“, Бѣлинскій въ то же время энергично совѣтуетъ пріятелю „избѣгать *политики* и всякаго политическаго вліянія на свой ходъ мыслей“, считая занятіе политикой въ Россіи лишь безсмысленнымъ достояньемъ „пустыхъ головъ“.

Оно уже потому безцѣльно въ Россіи, что „она не изъ себя разовьетъ свою гражданственность и свободу, но получитъ то и другое отъ своихъ царей“, доказательствомъ чему служитъ Петръ Великій.

„Самодержавная власть, опекающая Россію какъ малое дитя съ любовью и разумной строгостью“, ведетъ страну къ лучшему будущему, не давая ей преждевременной, а вслѣдствіе этого гибельной свободы. Бѣлинскій нисколько не возмущается политическимъ и гражданскимъ безправіемъ, крѣпостнымъ правомъ, говоря, что „мы еще должны быть рабами“, такъ какъ часъ свободы еще не пробилъ для Россіи.

Онъ прославляетъ „самодержавную власть, которая даетъ полную свободу думать и мыслить, но ограничиваетъ свободу громко говорить и вмѣшиваться въ ея дѣла“ и находитъ вполнѣ основательнымъ запрещеніе „выписывать политическія книги, которыя бы послужили только ко вреду, кружа головы неосновательныхъ людей“.

Бѣлинскій убѣжденъ, что въ Россіи все идетъ къ лучшему, что благодаря отсутствію маіората и „мудрымъ попеченьямъ правительства, не позволяющаго писать противъ крѣпостнаго права, но исподволь освобождающаго крестьянъ“, оно скоро отойдетъ въ область исторіи.

Онъ вѣритъ, что „въ Россіи гражданская свобода явится пло-

домъ внутренней свободы каждаго индивидуума, составляющаго народъ".

Такимъ образомъ Бѣлинскій проповѣдуетъ полный политическій индифферентизмъ и невмѣшательство въ дѣла общественной жизни, совѣтуя „возлюбить добро и истину и путемъ науки стремиться къ тому и другому".

„Если бы каждый изъ индивидовъ, составляющихъ Россію, путемъ любви дошелъ до совершенства, тогда Россія безъ всякой политики сдѣлалась бы счастливѣйшей страной въ мірѣ".

Интересно совпаденье этого взгляда съ мнѣньемъ Карамзина, Жуковскаго и Гоголя въ его „Перепискѣ".

Порицая всякія внутреннія потрясенія и насильственные перевороты, Бѣлинскій призываетъ современное ему молодое поколѣніе „быть апостолами просвѣщенія" и, очевидно, имѣя въ виду декабристовъ, прибавляетъ: „И такъ будемъ подражать апостоламъ Христа, которые не дѣлали заговоровъ и не основывали ни явныхъ, ни тайныхъ обществъ, распространяя ученіе своего божественнаго Учителя".

„И такъ учиться, учиться, учиться и еще таки учиться", повторяетъ онъ свой энергическій призывъ къ просвѣщенію, какъ 3 года тому назадъ въ „Литературныхъ Мечтаньяхъ".

„Къ чорту политика, да здравствуетъ наука!"

Подъ наукой онъ подразумѣваетъ нѣмецкую философію и рѣзко клеймитъ французскую науку, особенно французскую философію, „основанную на опытѣ" и являющуюся вслѣдствіе этого нелѣпостью.

„Германія, вотъ Іерусалимъ новѣйшаго человѣчества!"

Многіе взгляды, которые Бѣлинскій потомъ подробно разовьетъ въ своихъ статьяхъ гегельянскаго періода, напоминаютъ основныя положенія „Переписки" Гоголя. Какой громадный путь предстоитъ пройти Бѣлинскому, чтобы придти къ полному отрицанію ихъ въ своемъ страстномъ, негодующемъ „Письмѣ" къ Гоголю!

И такъ, Бѣлинскій въ этотъ періодъ ставитъ на первомъ планѣ личное нравственное самоусовершенствованіе и стремленіе къ достиженію „абсолютной жизни въ духѣ", проникнутой одними высшими духовными интересами знанія и искусства далекой отъ житейской пошлости. Отношенія къ обществу и государству стоятъ на второмъ планѣ, стремленіе къ личному совершенствованію и просвѣщенію заключаетъ въ себѣ главную обязанность гражданина общества.

Но, признавая всю важность для человѣчества этой „абсолютной" жизни, Бѣлинскій въ то же время чувствуетъ, что ею не исчерпывается все отношеніе къ жизни, что „внѣшняя" жизнь съ ея реальными интересами имѣетъ также свои неотъемлемыя права.

Тяжелыя матеріальныя условія не даютъ ему „забыться въ чистой идеѣ“. „Прикованный желѣзными цѣпями къ внѣшней жизни, говоритъ онъ, могъ ли я возвыситься до абсолютной?“

Къ концу 1837 г. Бѣлинскій, „утомленный отвлеченностью“, „жаждетъ сближенія съ дѣйствительностью“. Болѣе близкое знакомство съ философіей Гегеля приводитъ Бѣлинскаго къ логической необходимости признать дѣйствительность и законность ея требованій въ личной жизни на основаніи знаменитой формулы: „что дѣйствительно, то разумно“.

Философія Гегеля явилась для Бѣлинскаго „спасеніемъ“, „освобожденіемъ“ отъ „фихтеанской отвлеченности“ и философскаго романтизма и вмѣстѣ значительнымъ шагомъ впередъ на пути къ реалистическому міровоззрѣнію, несмотря на весь ея отвлеченный характеръ. Бѣлинскому показалась „откровеніемъ“ философія Гегеля, которая разсматриваетъ исторію какъ необходимый, законосообразный процессъ развитія человѣчества, устраняетъ господство слѣпой случайности, устанавливаетъ стройный гармоническій взглядъ на міръ, подчиняя всецѣло частное общему и представляя всемірно-историческій процессъ какъ торжество Разума въ его непрерывномъ движеніи впередъ, къ необходимой, разумной свободѣ.

Со свойственнымъ ему увлеченіемъ и логической неустрашимостью Бѣлинскій развилъ ея положенія до крайнихъ предѣловъ. „Новый міръ намъ открылся“, пишетъ онъ Станкевичу въ 1839 г. „Сила есть право и право есть сила, съ какимъ чувствомъ услышалъ я эти слова. Я понялъ идею паденія царствъ, законность завоевателей. Я понялъ, что нѣтъ дикой матеріальной силы, нѣтъ владычества штыка и меча, нѣтъ произвола, нѣтъ случайности, и кончилась моя опека надъ родомъ человѣческимъ, и значеніе моего отечества предстало мнѣ въ новомъ видѣ“.

Воспринявъ нѣкоторыя положенія эстетики Гегеля, Бѣлинскій восклицаетъ: „Боже мой! Какой новый, свѣтлый, безконечный міръ. Слово и дѣйствительность“ стало для меня равносильнымъ слову „Богъ“!

Понявъ дѣйствительность въ эмпирическомъ смыслѣ, отождествивъ „разумную“ дѣйствительность съ *реальной* дѣйствительностью (Гегель не все существующее считаетъ дѣйствительнымъ, а поэтому и не все существующее разумнымъ), Бѣлинскій неизбѣжно долженъ былъ придти къ признанію разумности всего существующаго, къ преклоненію передъ дѣйствительностью. Онъ „весь“ проникся восторгомъ передъ нею. „Я гляжу на дѣйствительность, столь презираемую прежде мною, и трепещу таинственнымъ восторгомъ, сознавая ея разумность, видя, что изъ нея ничего нельзя выкинуть, и въ ней ничего нельзя похулить и отвергнуть“.

Отсюда ультра-консервативные взгляды Бѣлинскаго, готоваго преклониться передъ всѣмъ общественнымъ и политическимъ строемъ Россіи, его враждебное отношеніе ко всякому отрицанію дѣйствительности, къ „прекраснодушной войнѣ“ съ нею, его ненависть къ Шиллеру, къ французамъ, къ критической дѣятельности „конечнаго разсудка“, его преклоненіе передъ философской и консервативной Германіей, передъ объективной поэзіей Шекспира, Гете и Пушкина, его крайній оптимизмъ. „Все благо, все добро“, повторяетъ Бѣлинскій въ этотъ періодъ.

Статьи „Московскаго Наблюдателя“, выразившія это „примирительное“ направленіе, поражаютъ отсутствіемъ полемики, своимъ сдержаннымъ тономъ (когда дѣло идетъ не о французахъ и ихъ „неистовой“ литературѣ), и признаніемъ заслугъ даже такихъ личностей, какъ Греча и Булгарина. Бѣлинскій восхищается статьей Греча „Поѣздка въ Германію“ за ея нападки на политическій конституціонный строй Франціи, на поверхностность и „верхоглядство“ французовъ, за его „свѣтлый“ и вѣрный взглядъ на самодержавную Пруссію и Гамбургскую республику. Бѣлинскій сочувственно приводитъ слѣдующій отзывъ Греча о Гамбургской республикѣ. „Участіе народа въ правленіи ничтожно, Гамбургская республика есть лучшее свидѣтельство того, что простому народу не должно давать не только воли, но и голоса въ дѣлахъ общественныхъ“.

„Въ Пруссіи всякъ можетъ удостовѣриться, что такъ называемыя представительныя формы правленія отнюдь не составляютъ необходимости благоустроеннаго и счастливаго государства“.

Бѣлинскій отрицательно относится къ революціоннымъ попыткамъ „юной Германіи“ измѣнить современный политическій строй страны.

„Эта юная Германія лучше всего показываетъ, какъ безплодны и ничтожны покушенія индивидуальностей на участіе въ ходѣ міродержавныхъ судебъ“.

Это порицаніе распространяется и на дѣятельность Гейне какъ политическаго писателя.

„Французоѣдство“ Бѣлинскаго особенно ярко отразилось въ рѣзкой рецензіи объ „Исторіи Франціи“ Мишле.

Въ этотъ періодъ Бѣлинскій вполнѣ раздѣляетъ консервативные политическіе взгляды Жуковскаго и восхищается его описаніемъ „Путешествія по Россіи Наслѣдника Цесаревича“, этимъ горячимъ диѳирамбомъ самодержавной царской власти.

Преклоняясь передъ „просвѣтленнымъ“ объективнымъ характеромъ произведеній Пушкина, Бѣлинскій особенно подчеркиваетъ стихотвореніе „Герой“, „драгоцѣнное какъ доказательство благородныхъ истинно-русскихъ чувствованій Пушкина“.

Онъ даже признаетъ „счастливыми“ плохіе стихи Кукольника, воспѣвающіе Царскую Семью.

Но особенно ярко выразились политическо-консервативные взгляды Бѣлинскаго въ статьѣ о „Бородинской Годовщинѣ“ Жуковскаго (1839 г.).

На основаніи самаго характера царской власти, которая, „не будучи произвольно-случайной, всегда таинственно сливалась волею Провидѣнія съ разумной дѣйствительностью“, Бѣлинскій провозглашаетъ „необходимость безусловнаго повиновенія царской власти, какъ волѣ самого Провидѣнія“. „Царь есть жизнь и душа своего народа“. Бѣлинскій горячо возстаетъ противъ „русскаго европеизма“, настаивая на необходимости самобытнаго развитія нашей народной жизни и предостерегая отъ подражанія гражданскому и политическому строю народовъ Западной Европы.

Онъ съ восторгомъ говоритъ о „великомъ прошедшемъ Россіи, которое родило великое настоящее и является залогомъ ея славнаго будущаго“. Впадая въ идеализацію русской старины, Бѣлинскій подчеркиваетъ вполнѣ нормальныя, патріархальныя отношенія между высшими и подчиненными имъ низшими сословіями. Такимъ образомъ онъ приходитъ къ полному оправданію тогдашняго строя русской жизни, не видитъ въ ней „неправды черной“ и признаетъ разумнымъ даже самое крѣпостное право.

Около того же времени онъ пишетъ сочувственную рецензію о пошлой и ничтожной „Ручной библіотекѣ для людей“, являющейся апологіей крѣпостного права.

Въ этотъ періодъ, Бѣлинскій, понимая „народность“, какъ отвлеченное понятіе, какъ „выраженіе субстанціи народа, а не тривіальную простонародность“, крайне индифферентно относится къ „массамъ низшаго народа, лишеннаго всякаго умственнаго развитія, загрубѣлаго отъ низшихъ нуждъ и тяжелыхъ работъ жизни“, къ „грубому“ солдату, къ „грубому“ поселянину, ограниченный кругозоръ понятій котораго не простирается далѣе „низкихъ нуждъ матеріальной жизни“.

По отношенію къ Мицкевичу Бѣлинскій становится на узконаціональную точку зрѣнія.

Тотъ же апоѳеозъ царской власти и вмѣстѣ теорію происхожденія ея, а также и происхожденія государства находимъ мы во второй Бородинской статьѣ, выразившей собой крайній моментъ увлеченія Бѣлинскаго гегельянствомъ.

Въ I-ой части статьи Бѣлинскій горячо оспариваетъ раціоналистическій взглядъ XVIII-аго вѣка на возникновеніе государства, которое по его мнѣнію есть „разумное и священное явленіе, воз-

никшее какъ результатъ непосредственнаго откровенія божественной идеи".

Отсюда вытекаетъ и „священный характеръ коренныхъ государственныхъ постановленій", которыя не являются временными и случайными человѣческими постановленіями. Вторая часть статьи посвящена выясненію взаимнаго соотношенія личности и общества, столкновенію міра субъективнаго и объективнаго.

Бѣлинскій начинаетъ съ признанія „автономіи личности", „дѣйствительности ея субъективной стороны". „Всякій человѣкъ есть самъ по себѣ цѣль, и жизнь дана ему какъ удовлетвореніе, какъ счастье, какъ блаженство, къ которому онъ слѣдовательно имѣетъ полное право стремиться".

Но субъективной стороной не исчерпывается сущность человѣческой личности, которая по духу своему „какъ проблеску безконечнаго и общаго", является также частью мірового общаго, выражающагося въ объективномъ мірѣ, который не что иное, какъ „законы его же разума, его субъективнаго духа, но только осуществившіеся во внѣ его, какъ явленія".

„Въ отношеніи къ индивидуальной особности человѣка міръ объективный есть враждебный ему міръ, но въ отношеніи къ его духу міръ объективный есть родной ему міръ".

Отсюда вытекаетъ борьба субъективной личности съ объективнымъ міромъ, до тѣхъ поръ, пока человѣкъ путемъ „борьбы и отрицанья" не сознаетъ своего родства съ этимъ объективымъ міромъ и не придетъ къ полному примиренію и „сліянію" съ нимъ, „усвоивъ объективный міръ въ свою субъективную собственность" и ставъ черезъ то личностью „уже дѣйствительной, уже выражающей собою не случайную частность, а общее *міровое*".

Такимъ образомъ „столкновеніе личности съ обществомъ является средствомъ не ограниченія, а расширенія личности" (Ивановъ-Разумникъ), этому взгляду Бѣлинскій останется вѣренъ и въ послѣдній періодъ своего развитія, несмотря даже на крайній индивидуализмъ, но теперь онъ проповѣдуетъ „смиреніе" передъ существующимъ и *подчиняетъ* личность обществу.

„*Общество есть высшая дѣйствительность*, а дѣйствительность или потребуетъ полнаго примиренія съ собой, полнаго признанія со стороны человѣка, или сокрушаетъ его подъ свинцовой тяжестью своей исполинской длани".

Выраженіе борьбы этого субъективнаго и объективнаго міра Бѣлинскій видитъ въ „Гамлетѣ" и „Фаустѣ", которые достигаютъ просвѣтленія и расширенія своей личности, пройдя черезъ мучи-

тельный періодъ „распаденья и отрицанья“, сознавъ себя частью мірового общаго и примирившись съ нимъ.

Такъ какъ субъективное должно быть подчинено объективному, то и въ искусствѣ Бѣлинскій становится на сторону объективной поэзіи, объявляя „субъективность смертью поэзіи“.

Въ этотъ періодъ онъ отрицательно относится къ поэзіи Полежаева за ея „скорбный, *лазаретный* характеръ“, за неумѣніе „найти разрѣшеніе и примиреніе бытія и возвыситься до объективнаго созерцанія прекраснаго бытія“, тогда какъ „поэтъ есть гражданинъ безконечнаго и святого царства Божія, въ которомъ нѣтъ плача и скрежета зубовъ, но одна просвѣтленная радость, свѣтлое ликованіе и самая печаль въ немъ есть только грустная радость“. Такъ говоритъ Бѣлинскій въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ эпохъ своей жизни, всецѣло проникаясь воспринятой доктриной.

Ярче всего это преклоненіе предъ „разумной дѣйствительностью“ и проповѣдь „чистаго искусства“, свободнаго отъ субъективно-нравственной точки зрѣнія и всякихъ соціальныхъ и этическихъ тенденцій — выразились въ статьѣ о „Менцелѣ“ 1840 г.

Бѣлинскій жестоко обрушивается на Менцеля, этого „маленькаго великаго человѣка“, для котораго исторія является „безсвязной сказкой“, и который возстаетъ противъ существующаго современнаго строя Германіи, противъ ученія Гегеля, противъ объективной поэзіи Гёте, не откликающейся на великія современныя событія. Бѣлинскій рѣзко критикуетъ Менцеля за узкую „моральную“ точку зрѣнія на искусство, за требованіе, чтобы оно служило обществу и отзывалось на вопросы современности, которая всего менѣе можетъ быть предметомъ поэзіи, какъ „явленіе безъ полноты и цѣлости, закрытое туманомъ страстей, предубѣжденій и пристрастія партій“.

„Отраженьемъ мелкихъ сектъ, ничтожныхъ системъ, эфемерныхъ партій, дневныхъ вопросовъ“ является новѣйшая французская литература, которую Бѣлинскій подвергаетъ жестокой критикѣ и особенно обрушивается на Ж. Зандъ, „пропагандирующую идеи санъ-симонизма и освобожденія женщины“.

Въ этомъ періодѣ Бѣлинскій ограничиваетъ призваніе женщины узкой семейной сферой, проповѣдуетъ „милое, простодушное незнаніе женщины, которой должны быть открыты лишь прекрасныя стороны бытія“, порицаетъ „глупыя бредни санъ-симонистовъ“, требующихъ для женщины одинаковыхъ гражданскихъ правъ съ мужчиной, одинаковаго участія въ общественной жизни, и крайне враждебно относится къ женщинамъ-писательницамъ.

Въ этотъ періодъ поэтъ въ глазахъ Бѣлинскаго является глав-

нымъ образомъ художникомъ, а не прежде всего *человѣкомъ*, какъ въ періодъ шеллингіанства.

„Содержаніемъ поэзіи, говоритъ Бѣлинскій, должны быть не вопросы дня, а вопросы вѣковъ, не интересы страны, а интересы міра, не участь партій, а судьбы человѣчества“. Любимыя его произведенія теперь это „Пока не требуетъ поэта“ и „Чернь“ Пушкина (о которой онъ потомъ будетъ говорить съ такимъ негодованіемъ, подразумѣвая подъ „чернью“ народъ. Онъ преклоняется передъ объективной поэзіей Гёте, котораго ставитъ несравненно выше Шиллера и „Нереиду“ Пушкина за художественность формы предпочитаетъ „Идеаламъ“ Шиллера.

Въ тѣсной связи съ общественнымъ индифферентизмомъ и „примирительнымъ“ настроеніемъ стоитъ и статья о „Горѣ отъ ума“, въ которой Бѣлинскій разбираетъ „Ревизоръ“ и комедію Грибоѣдова исключительно съ философско-эстетической точки зрѣнія нѣмецкой критики, нисколько не касаясь ихъ общественнаго значенія. Признавая „Ревизоръ“ безусловно художественнымъ произведеніемъ, онъ видитъ недостатки „Горя отъ ума“ въ отсутствіи „конкретной“ идеи и художественной цѣльности, въ преобладаніи субъективнаго элемента автора, что дѣлаетъ изъ „Горя отъ ума“ сатиру, а „сатира не можетъ быть художественнымъ произведеніемъ“. Отдавая справедливость превосходнымъ частностямъ комедіи „геніальной обрисовкѣ типовъ“, хотя и испорченной субъективнымъ вмѣшательствомъ автора, Бѣлинскій рѣзко критикуетъ Чацкаго за „умничанье“ и „протестъ“ противъ всего окружающаго. Онъ находитъ его „не художественнымъ лицомъ“, „образомъ безъ лица“, призракомъ, „фантомомъ“, называетъ его „полоумнымъ, крикуномъ, фразеромъ, идеальнымъ шутомъ, новымъ Донъ-Кихотомъ“.

„Противорѣчіе Чацкаго съ окружающимъ его обществомъ не могло лечь въ основу художественнаго произведенія, такъ какъ это противорѣчіе случайное, а не дѣйствительное, противорѣчіе не съ обществомъ, а съ кружкомъ общества“. Бѣлинскій не допускаетъ возможности, чтобы все русское общество было таково, какъ его рисуетъ Грибоѣдовъ, онъ находитъ „безумнымъ“ вторженіе Чацкаго въ это чуждое ему общество, „неумѣстными“ всѣ его протестующія выходки. Общество это было право, изгнавъ его изъ своей среды. „Общество, говоритъ Бѣлинскій, всегда правѣе и выше частнаго человѣка, и частная индивидуальность только до той степени и дѣйствительна, а не призрачна, до какой она выражаетъ собою общество“.

Это враждебное отношеніе Бѣлинскаго къ Чацкому, какъ къ представителю ненавистной ему въ то время категоріи „опасныхъ“,

„безпокойныхъ“ людей, непрошенныхъ „преобразователей“ общества, смотрящихъ на него сверху внизъ, въ сознаніи своего гордаго превосходства, станетъ еще понятнѣе, когда мы вспомнимъ стремленіе Бѣлинскаго къ „обыденности“ и „простотѣ“, къ „примиренію со всѣми“.

Описывая время своего учительства въ Межевомъ Институтѣ въ 1838 г., имѣвшаго для него „безконечныя слѣдствія въ постиженіи дѣйствительности“, онъ говоритъ: „Я начинаю находить въ разговорѣ общіе интересы съ такими людьми, съ какими никогда не думалъ имѣть чего-либо общаго“. Онъ возстаетъ противъ исключительности ихъ кружка „не похожаго ни на что остальное и враждебнаго всему остальному“.

„Всякая форма, поражающая людей своей рѣзкостью и странностью и возбуждающая о себѣ толки и пересуды—пошла т. е. идеальна. Надо во внѣшности своей походить на всѣхъ, быть какъ всѣ“.

„Главнѣйшей цѣлью“, провозглашаетъ Бѣлинскій, „должна быть простота и согласіе съ дѣйствительностью“. Но вскорѣ онъ начинаетъ чувствовать всю невозможность этого „согласія съ дѣйствительностью“, стремленіе „участвовать въ ней не созерцательно, а дѣятельно“, стремленіе узнать ее ближе неизбѣжно должно было открыть ему неприглядныя стороны ея, вызвать въ его понятіяхъ цѣлый рядъ противорѣчій.

Этому отрезвленію Бѣлинскаго отъ чрезмѣрной идеализаціи дѣйствительности способствуютъ столкновеніе его съ кружкомъ Герцена, критически относившагося къ русской дѣйствительности и интересовавшагося общественными и политическими вопросами, переѣздъ въ Петербургъ и произведенія Лермонтова, Кольцова, Гоголя. „Развитіе и измѣненіе взглядовъ Бѣлинскаго, замѣчаетъ Пыпинъ, шло параллельно съ ходомъ развитія русской литературы“.

Оторванный отъ своего кружка, этого „необитаемаго острова“, какъ называетъ его Бѣлинскій за его отчужденность отъ жизни общества, чувствуя все болѣе и болѣе необходимость выйти изъ его „китаизма“ на „широкое поле дѣйствительности“, Бѣлинскій знакомится въ Петербургѣ въ 1839 г. съ настоящей, реальной дѣйствительностью, подъ вліяніемъ которой происходитъ мучительный поворотъ въ его взглядахъ.

„Петербургъ, говоритъ Бѣлинскій, былъ для меня страшной скалой, о которую больно стукнулось мое прекраснодушіе“. Въ статьѣ „Москва и Петербургъ“ Бѣлинскій на основаніи личнаго опыта говоритъ объ „отрезвляющемъ“ дѣйствіи Петербурга на нѣкоторыя натуры.

„Сначала кажется вамъ, что отъ его атмосферы, словно листья съ деревъ, спадаютъ съ васъ самыя дорогія убѣжденія; но скоро замѣчаете вы, что то не убѣжденія, а мечты, порожденныя праздною жизнью и рѣшительнымъ незнаніемъ дѣйствительности—и вы остаетесь, можетъ быть съ тяжелой грустью, но въ этой грусти такъ много святого, *человѣческаго*".

Періодъ между 1839—1841 г.г. съ момента его переѣзда въ Петербургъ—является очень сложнымъ и мучительнымъ процессомъ духовнаго перерожденья Бѣлинскаго, когда въ немъ борются два различныя міросозерцанія.

Подъ вліяніемъ этого остраго душевнаго процесса Бѣлинскій доводитъ до крайнихъ предѣловъ развитіе своихъ гегельянскихъ убѣжденій,—какъ-бы ища въ нихъ твердой точки опоры противъ обуревающихъ его сомнѣній, противъ мучительной работы своей самостоятельной критической мысли, вотъ почему вышеупомянутыя статьи этого періода, задуманныя еще въ Москвѣ, но написанныя уже въ Петербургѣ, отличаются такой страстной напряженностью.

Вотъ почему послѣдующія его статьи 1841 г. представляютъ съ ними такой рѣзкій и неожиданный контрастъ, на самомъ же дѣлѣ, подготовленный цѣлымъ періодомъ напряженной внутренней работы.

Въ чемъ же выражается этотъ періодъ и къ какому новому міросозерцанію приводитъ онъ Бѣлинскаго?

Отвѣтъ на это даютъ данныя его біографіи, почерпнутыя главнымъ образомъ изъ его переписки съ Боткинымъ.

Въ Петербургѣ начинается для Бѣлинскаго мучительная „раздѣлка съ прошлымъ" встрѣча съ непосредственной дѣйствительностью, а равно и вышеупомянутыя другія вліянія производятъ постепенный переворотъ въ его философскихъ, эстетическихъ и общественныхъ взглядахъ. Первыя впечатлѣнія „гнусной петербургской дѣйствительности" начинаютъ колебать вѣру Бѣлинскаго въ „разумность" этой дѣйствительности. „Петербургъ, пишетъ Бѣлинскій, имѣетъ необыкновенное свойство оскорбить въ человѣкѣ все святое и заставить въ немъ выдти наружу все сокровенное".

Всматриваясь внимательно въ современную русскую жизнь, изучая её, Бѣлинскій начинаетъ ближе чувствовать свою связь съ обществомъ „кровнѣе любить Русь, но лишь съ ея субстанціальной стороны", „ея же дѣйствительность настоящая" начинаетъ приводить его въ отчаяніе „грязно, мерзко, возмутительно, не человѣчески" и у него вырывается крикъ отчаянія: „родная дѣйствительность ужасна"!

Его поражаетъ пошлость и неразвитость россійской читающей публики, которую онъ начинаетъ клеймить презрительнымъ названіемъ „расейской“ (слово, въ которомъ кроется столько горечи и любви), но съ которой онъ начинаетъ все болѣе и болѣе чувствовать свою кровную связь.

Онъ все болѣе и болѣе проникается сознаніемъ, что борьба съ пошлой „расейской литературой“, съ пошлостью вкусовъ читающей публики его настоящее призваніе. „Литературѣ расейской моя жизнь и моя кровь“ восклицаетъ онъ. „Идея общества всецѣло охватываетъ его“.

Абстрактный идеалъ человѣка, замкнувшійся лишь въ эгоистичномъ стремленіи къ личному совершенствованію, оторванный отъ общества, болѣе не удовлетворяетъ его. „Горе человѣку, если онъ ограничивается быть только человѣкомъ, не присовокупляя къ этому абстрактному и громкому званію ни купца, ни помѣщика, ни офицера, ни учителя. Общество покараетъ его. Эту кару я уже чувствую на себѣ“. И въ противоположность Станкевичу, презрительно относившемуся къ званію литератора, Бѣлинскій начинаетъ смотрѣть на свою литературную дѣятельность какъ на гражданское служеніе обществу:

„Я литераторъ, говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и гордымъ убѣжденіемъ“.

Теперь литература становится для него средствомъ умственнаго и нравственнаго воспитанія общества, онъ придаетъ огромное значеніе журналистикѣ. Оспаривая предубѣжденіе Боткина относительно журнала, онъ пишетъ: „Теперь у насъ великую пользу можетъ приносить для настоящаго и еще болѣе для будущаго кафедра, но журналъ бо́льшую, ибо для нашего общества прежде науки нужна человѣчность, гуманическое образованіе“. Эта проповѣдь человѣчности и страстная борьба со всѣмъ, что позоритъ человѣческую личность, сдѣлается краеугольнымъ камнемъ всей дальнѣйшей критической дѣятельности Бѣлинскаго, гдѣ публицистъ возьметъ верхъ надъ критикомъ. Въ своемъ желаніи приблизиться къ этой „расейской публикѣ“ Бѣлинскій готовъ даже „поглупѣть“, чтобы она лучше понимала его, такъ какъ онъ чувствуетъ, что онъ авторъ „не для немногихъ“.

Этотъ переломъ уже чувствуется въ статьѣ о „Героѣ нашего времени“ 1840 г.

Бѣлинскій сочувственно относится къ Печорину и хотя объясняетъ его неудовлетворенность и безплодную трату богатыхъ душевныхъ силъ не общественными условіями (какъ впослѣдствіи онъ это выразитъ въ оцѣнкѣ Онѣгина), а видитъ въ страданіяхъ

Печорина лишь переходный моментъ распаденія, предшествующій примиренію съ разумной дѣйствительностью, моментъ, который Печоринъ ошибочно принимаетъ за конечный результатъ своего развитія, тѣмъ не менѣе Бѣлинскій относится къ этому протестующему, мятежному, гордому человѣку совсѣмъ иначе, чѣмъ къ Чацкому. Онъ видитъ въ Печоринѣ не разочароваинаго человѣка, а рвущагося къ кипучей дѣятельности.

Вникая въ характеръ Печорина, чувствуется, что Бѣлинскій какъ-бы объясняетъ имъ переходный процессъ своей внутренней жизни. Слѣдующія слова изъ характеристики Печорина всецѣло могутъ быть отнесены къ личнымъ переживаніямъ Бѣлинскаго:

„Печоринъ много думалъ о жизни и по опыту знаетъ, какъ ненадежны всѣ заключенія и выводы для тѣхъ, кто прямо и смѣло смотритъ на истину, не тѣшитъ и не обманываетъ себя убѣжденіями, которымъ уже самъ не вѣритъ. Духъ его созрѣлъ для новыхъ чувствъ и новыхъ думъ, сердце требуетъ новой привязанности: дѣйствительность, вотъ сущность и характеръ всего этого новаго. Онъ готовъ для него, но судьба еще не даетъ ему новыхъ опытовъ, и презирая старыя, онъ все-таки по нимъ же судитъ о жизни".

Статья эта написана въ томъ же году, какъ и статья о „Менцелѣ" и однако же во многомъ противоположна ей. Бѣлинскій сочувственно относится къ субъективному элементу творчества Лермонтова и самую „неопредѣленность, неразгаданность въ характерѣ Печорина", недостаточно объективированнаго авторомъ, ставитъ въ заслугу Лермонтову, видя въ ней попытку откликнуться на современные общественные вопросы.

Въ письмахъ къ Боткину постоянно упоминается имя Лермонтова, который оказалъ въ это время могучее вліяніе на Бѣлинскаго и въ произведеніяхъ котораго онъ находитъ какъ отраженіе собственныхъ мыслей и страданій, такъ и отзвукъ настроеній современнаго ему общества.

„Лермонтовъ, пишетъ Бѣлинскій 13-го іюня 1840 г., великій поэтъ: онъ объектировалъ современное общество и его представителей".

Въ Петербургѣ журналъ поставилъ Бѣлинскаго „лицомъ къ лицу къ этому обществу". „Его убило это зрѣлище общества, въ которомъ властвуютъ и играютъ роль подлецы и дюжинныя посредственности, а все благородное и даровитое лежитъ въ позорномъ бездѣйствіи на необитаемомъ островѣ".

Все яснѣе открывается Бѣлинскому связь личной жизни съ жизнью общества, и свои нравственныя страданія, равно какъ и

страданія своихъ друзей, онъ начинаетъ объяснять общественными современными условіями. Онъ и его друзья принадлежатъ къ „несчастному поколѣнію, надъ которымъ отяжелѣло проклятіе времени, дурного времени“. Жертвы тяжелой переходной эпохи „они отдуваются не за себя, а за общество“.

„На насъ, пишетъ онъ, обрушилось безалаберное состояніе общества, въ насъ отразился одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ моментовъ общества, силою отторгнутаго отъ своей непосредственности и принужденнаго тернистымъ путемъ идти къ пріобрѣтенію разумной непосредственности, къ очеловѣченію“.

„Мы живемъ въ страшное время, говоритъ онъ, въ другомъ письмѣ, судьба налагаетъ на насъ схиму, мы должны страдать, чтобы нашимъ внукамъ было легче жить“ (къ Боткину 13-го іюня 1840 г.).

Почти въ тѣхъ же словахъ рисуетъ и Герценъ тяжелое положеніе лучшихъ людей той эпохи въ современномъ имъ обществѣ, то же настроеніе находимъ мы и у Грановскаго. Еще не освободившись вполнѣ отъ вліянія Гегеля, Бѣлинскій старается найти оправданіе ихъ общихъ стремленій въ міровой необходимости. „Что дѣлать, говоритъ онъ, гибель частнаго въ пользу общаго,— міровой законъ“.

Бѣлинскому становятся ясны причины ихъ неудовлетворенности, ихъ собственныхъ недостатковъ.

„Воспитаніе, говоритъ онъ, въ томъ же письмѣ 13-го іюня 1840 г., лишило насъ религіи, обстоятельства жизни (причина которыхъ въ состояніи общества) не дали намъ положительнаго образованія и лишили всякой возможности сродниться съ наукой; съ дѣйствительностью мы въ ссорѣ и по праву ненавидимъ и презираемъ ее, какъ и она по праву презираетъ и ненавидитъ насъ“.

„Да, наше поколѣніе израильтяне, блуждающіе по степи и которымъ никогда не суждено узрѣть обѣтованной земли. И всѣ наши вожди-Моисеи, а не Навины. Скоро ли явится сей вождь“? По мѣрѣ того какъ Бѣлинскій начинаетъ проникаться важностью общественныхъ интересовъ, измѣняется и его взглядъ на французовъ, онъ уже не презираетъ ихъ больше за страсть къ политикѣ и современнымъ вопросамъ, „онъ мирится съ ними и уважаетъ ихъ, хотя еще не любитъ“.

По мѣрѣ проникновенія въ русскую жизнь „любовь его къ родному, русскому, становится грустнѣе: это уже не прекраснодушный энтузіазмъ, но страдальческое чувство“.

Личность уже не представляется ему средствомъ въ всемірно-историческомъ процессѣ, она имѣетъ законное право добиваться

личнаго счастья, а не приносить все въ жертву общему. Въ христіанствѣ Бѣлинскій видитъ признаніе достоинства человѣческой личности, ея индивидуальности, благодаря ему „человѣкъ какъ субъективная личность явился героемъ новой трагедіи, въ которую вошли плебеи и шуты“. Для него „Евангеліе абсолютная истина, а безсмертіе индивидуальнаго духа есть основной его камень“. „Права личнаго человѣка также священны, какъ и мірового гражданина“; и Бѣлинскій горячо осуждаетъ того, „кто на вопль и судорожное сжатіе личности смотритъ свысока“.

„О, пропадай это ненавистное общее, этотъ Молохъ, пожирающій жизнь, эта гремушка эгоизма“. Все болѣе и болѣе охватываетъ его сомнѣніе въ непреложности абсолютной истины Гегеля.

Подъ вліяніемъ смерти Станкевича „вопросъ личнаго безсмертія становится для него альфою и омегою истины“, и онъ „плюетъ на философію, которая обходитъ его, потому что не въ силахъ разрѣшить его“.

Умъ Бѣлинскаго кипитъ въ непрерывной и интенсивной работѣ мысли, въ страстной, мучительной провѣркѣ прежнихъ убѣжденій и замѣнѣ ихъ новыми: „я ужасно измѣняюсь, говоритъ онъ, каждая минута даетъ мнѣ новое“. Для него „настаетъ пора простыхъ признаній, и онъ уже отвергаетъ абсолютное значеніе этого таинственнаго Entsagung—(самоотреченія)“, необходимость котораго тщетно старается ему доказать Боткинъ. Наконецъ Бѣлинскій приходитъ къ рѣшительному разрыву съ своимъ прежнимъ „примирительнымъ“ направленьемъ и связанными съ нимъ взглядами общественными и литературными.

„Проклинаю мое гнусное стремленіе къ примиренію съ гнусною дѣйствительностью. Да здравствуетъ великій Шиллеръ, адвокатъ человѣчества, яркая звѣзда спасенія, эманципаторъ общества отъ кровавыхъ предразсудковъ преданья!

„Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма! Для меня теперь человѣческая личность выше исторіи, выше общества, выше человѣчества. Это мысль и дума вѣка“. (Къ Боткину 4-го окт. 1840 г.).

Отнынѣ всѣ силы Бѣлинскаго направлены будутъ на борьбу съ „ужасной родной дѣйствительностью“, на защиту поруганнаго достоинства человѣческой личности. „Я не сойдусь, не помирюсь съ пошлой дѣйствительностью“, пишетъ онъ. „Дѣйствительность, это палачъ! Борьба съ нею“ поглощаетъ теперь все его существованіе, равно какъ и „идея достоинства человѣческой личности и ея горькой участи“.

Особенно ярко эта „раздѣлка“ съ прошлыми убѣжденіями, вызывающими теперь у Бѣлинскаго чувство стыда и раскаянія, выра-

жена въ письмѣ отъ 10-го дек. 1840 г. Ему тяжела его выходка противъ Мицкевича въ „гадкой“ статьѣ о „Менцелѣ“.

Онъ съ тяжелымъ чувствомъ вспоминаетъ о „Горѣ отъ ума“, которое онъ осудилъ съ художественной точки зрѣнія, „не догадываясь, что это благороднѣйшее, гуманическое произведеніе, энергическій (и при томъ еще первый!) протестъ противъ гнусной расейской дѣйствительности, противъ чиновниковъ, взяточниковъ, баръ, развратниковъ, противъ свѣтскаго общества, противъ невѣжества, добровольнаго холопства и пр. и пр.“.

Онъ сожалѣетъ, что въ „Бородинской Годовщинѣ“, „вѣрной въ своихъ основаніяхъ, не развилъ и идею отрицанія какъ историческаго права, не менѣе перваго священнаго и безъ котораго исторія человѣчества превратилась бы въ стоячее и вонючее болото“. Такимъ образомъ отвергнувъ „абсолютность результатовъ“ гегелевой философіи, Бѣлинскій остается вѣренъ ей какъ діалектической системѣ, перейдя отъ правыхъ гегельянцевъ къ лѣвымъ. Идея отрицанія все сильнѣе и сильнѣе охватываетъ Бѣлинскаго; теперь его любимыми героями становятся „Лютеръ, Вольтеръ, энциклопедисты, террористы, Байронъ — герои разрушители старыхъ жестокихъ деспотическихъ формъ жизни“.

Теперь онъ уже не только уважаетъ французовъ, но преклоняется передъ ними, какъ передъ „энергическимъ, благороднымъ народомъ, льющимъ кровь свою за священнѣйшія права человѣчества“.

Передъ нимъ теперь ясно раскрылись всѣ недостатки „гнусной расейской дѣйствительности, этого китайскаго царства матеріальной животной жизни, чинолюбія, крестолюбія, деньголюбія, взяточничества, безрелигіозности, разврата, отсутствія всякихъ духовныхъ интересовъ, торжества безстыдной и наглой глупости, посредственности, бездарности, гдѣ все человѣческое, сколько-нибудь умное, благородное, талантливое осуждено на угнетеніе“. Въ этомъ взглядѣ на современную русскую дѣйствительность Бѣлинскій вполнѣ сходится съ Герценомъ и съ этого момента начинается ихъ все болѣе тѣсное сближеніе. „Бородинская Годовщина“ была „послѣднимъ яростнымъ залпомъ по противникамъ“, (Герценъ) съ 1841 г. Бѣлинскій вполнѣ примыкаетъ къ нимъ.

Стремясь отнынѣ „говорить о жизни по факту, о которомъ идетъ дѣло“, бросивъ „абстрактныя общности“, Бѣлинскій естественно приходитъ къ возмущенію гнетомъ „цензуры, превратившейся въ военный уставъ о бѣглыхъ каторжникахъ и истребляющей всякую свободу мысли“.

Теперь его горячія симпатіи переходятъ на сторону ненавистной ему ранѣе „юной Германіи“, „этой благородной дружины энтузіастовъ свободы и ея поэта Гейне, отдавшагося всецѣло идеѣ достоинства личности и видящаго во Франціи цвѣтъ человѣчества“.

Придя къ заключенію о „необходимости пересмотра всѣхъ общественныхъ основаній нашего времени, о необходимости освобожденія человѣческой личности и безъ того несчастной отъ гнусныхъ оковъ неразумной дѣйствительности, мнѣнія черни и преданія варварскихъ вѣковъ“ (15 янв. 1841 г.), Бѣлинскій совершенно логично приходитъ и къ новому взгляду на женщину, онъ уже не порицаетъ „глупыя бредни санъ-симонистовъ“, какъ въ 1839 г., а съ негодованіемъ возстаетъ противъ унизительнаго, угнетеннаго положенія женщины „жертвы, рабы новѣйшаго общества“ и его лицемѣрной внѣшней морали, допускающей въ бракѣ полный и безнаказанный произволъ мужчины. Онъ возстаетъ противъ „киргизъ-кайсацкаго“ взгляда на честь женщины и естественно приходитъ къ признанію великой заслуги Ж. Зандъ, „вдохновенной пророчицы, энергическаго адвоката правъ женщины“.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ 1842 г. онъ называетъ Ж. Зандъ „Іоанной д'Аркъ нашего времени, звѣздой спасенія и пророчицей великаго будущаго“.

Въ журнальной замѣткѣ 1843 г. Бѣлинскій нападаетъ на жалкое, ничтожное воспитаніе современной женщины, дѣлающее изъ нея „вещь мужа“ и на „общественный порядокъ, обрекшій женщину на исключительное служеніе любви, преградивъ ей путь во всѣ другія сферы человѣческаго существованія, между тѣмъ какъ подъ преимущественнымъ характеромъ любви и чувства она создана дѣйствовать въ тѣхъ же самыхъ сферахъ и на тѣхъ же поприщахъ, гдѣ дѣйствуютъ мужчины“. Взглядъ на женщину, на любовь, на бракъ, Бѣлинскій особенно подробно разовьетъ въ статьяхъ о Пушкинѣ, гдѣ, отрѣшившись отъ шиллеровской идеализаціи женщины, отъ романтическаго, мечтательнаго взгляда на любовь, Бѣлинскій видитъ въ женщинѣ прежде всего *человѣка*.

Не входя въ опредѣленіе ея гражданскихъ правъ и обязанностей, ея реальнаго участія въ общественной жизни (что по мнѣнію Скабичевскаго составляетъ слабую сторону женскаго вопроса въ 40-хъ годахъ), онъ не ограничиваетъ ея призванія узкой семейной сферой, высоко смотритъ на мать, какъ на воспитательницу, и требуетъ, чтобы женщинѣ былъ „открытъ міръ общаго, міръ знанія, искусства“. Отвергая бракъ, какъ обязательство, видя

въ бракѣ, не освященномъ чувствомъ, „пустую форму, лицемѣріе, позоръ и униженіе женщины“, Бѣлинскій признаетъ только бракъ, основанный на разумной, свободной любви.

„Истинная любовь можетъ быть только основана на взаимномъ уваженіи другъ въ другѣ человѣческаго достоинства, отсюда равенство и свобода въ отношеніяхъ сторонъ“. Любовь, являясь свободнымъ чувствомъ свободной личности, упраздняетъ обычное понятіе о вѣрности, исключаетъ и самую ревность въ истинно-нравственномъ человѣкѣ. На этомъ основаніи Бѣлинскій осуждаетъ Татьяну за ея насиліе надъ своимъ чувствомъ во имя лицемѣрной общественной морали.

Ненависть къ обрядовой сторонѣ брака со всѣми его условностями ярко выступаетъ въ перепискѣ Бѣлинскаго съ его невѣстой, заставлявшей его глубоко страдать своей приверженностью къ традиціямъ и обычаямъ. Въ своихъ мечтахъ о „золотомъ вѣкѣ“, Бѣлинскій совершенно упраздняетъ бракъ во имя свободы личности, во имя высокой просвѣтленной любви, чуждой всякаго эгоизма. Онъ горячо вѣритъ въ наступленіе того свѣтлаго времени, „когда женщина не будетъ рабой общества, когда не будетъ обрядовъ, не будетъ договоровъ и условій на чувство, не будетъ долга и обязанностей, и воля будетъ уступать не волѣ, а одной любви“.

Возвращаясь къ 1841 г., мы видимъ, что Бѣлинскій, движимый глубокимъ состраданьемъ къ угнетенной человѣческой личности, приходитъ къ рѣзко выраженному „соціологическому индивидуализму“.

Признавая судьбу личности „важнѣе судебъ всего міра“, Бѣлинскій раскланивается съ „философскимъ колпакомъ Гегеля“, отказывается отъ эгоистическаго самонаслажденія духомъ въ стремленіи къ личному совершенству и требуетъ отъ философіи „отчета во всѣхъ жертвахъ условій жизни, исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайностей, суевѣрія и инквизиціи“ (1-го марта 1841 г.).

Подобно Ивану Карамазову онъ мучается проклятымъ вопросомъ о судьбѣ личности въ „побѣдномъ ходѣ цивилизаціи“. Въ порывѣ самоотверженной любви онъ „и даромъ не хочетъ счастья, если не будетъ спокоенъ насчетъ каждаго изъ своихъ братій по крови“.

Здѣсь Бѣлинскій соприкасается съ Достоевскимъ, который не допускаетъ возможности міровой гармоніи, построенной на страданіи замученнаго ребенка, и который въ гордомъ своей цивилизаціей Лондонѣ содрогается отъ ужасной нищеты и разврата обездоленной меньшей братіи, отъ страданія маленькой 6-ти лѣтней дѣвочки, обреченной на проституцію.

„Годъ назадъ, пишетъ Бѣлинскій, я думалъ діаметрально противоположное тому, какъ думаю теперь“. Этотъ разрывъ съ прежнимъ міросозерцаніемъ ярко выразился въ статьѣ о „Стихотвореніяхъ“ Лермонтова 1841 г., представляющей полный контрастъ съ статьей о „Менцелѣ“.

Въ ней Бѣлинскій, требуя отъ поэзіи отклика на современную жизнь, признаетъ важное значеніе поэзіи Лермонтова въ ея связи съ современнымъ русскимъ обществомъ, въ раскрытіи его „скорби и недуговъ“, въ избыткѣ внутренняго субъективнаго элемента, „который есть признакъ гуманности“.

Видя въ „Думѣ“ Лермонтова выраженіе „грозы духа, оскорбленнаго позоромъ общества“, Бѣлинскій признаетъ теперь сатиру законнымъ родомъ поэзіи. Онъ особенно цѣнитъ въ Лермонтовѣ его „стихъ, облитый горечью и злостью“ и подчеркиваетъ бо́льшее значеніе Лермонтова, чѣмъ Пушкина для современнаго общества, признавая главнымъ достоинствомъ его теперь не объективность, а „гуманность“.

Стремясь приблизить жизнь къ идеалу, Бѣлинскій цѣнитъ поэзію Лермонтова не только за ея вопль негодованія, но и за бодрую вѣру въ жизнь. Въ этой статьѣ уже проскальзываетъ новая оцѣнка „Горя отъ ума“, „дикая, величавая природа Кавказа вдохновила оскорбленное человѣческое чувство Грибоѣдова на изображеніе апатическаго, ничтожнаго круга Фамусовскаго общества“. Эту же мысль Бѣлинскій повторитъ во „Взглядѣ на русскую литературу 1841 г.“, гдѣ, кратко касаясь „Горя отъ ума“, онъ говоритъ: „Содержаніе этой комедіи взято изъ русской жизни, паѳосъ ея негодованіе на дѣйствительность, запечатлѣнную печатью старины“.

Рѣзко мѣняется взглядъ Бѣлинскаго на государство. Германію онъ теперь считаетъ „позорнымъ государствомъ“, она членъ тройственнаго священнаго союза, а „союзъ врагъ всякой свободы“. Подъ вліяніемъ развившейся въ немъ „дикой, бѣшеной, фанатической любви къ свободѣ и независимости человѣческой личности“, Бѣлинскій сочувственно относится къ французской революціи и видитъ идеалъ государственности въ древнемъ, классическомъ мірѣ, основой жизни котораго была „гордость личности, неприкосновенность личнаго достоинства“. Отсюда и его взглядъ на важное воспитательное значеніе классическихъ языковъ.

Въ своемъ увлеченіи свободой личности Бѣлинскій упрекаетъ Гегеля за узкій идеалъ государства какъ конституціонной монархіи“.

Въ этомъ крайнемъ увлеченіи свободой человѣческой личности еще слышится прежній идеалистъ, „гражданинъ вселенной“, не ставшій еще на настоящую реальную точку зрѣнія.

Поэтому и его „маратовская“ любовь къ человѣчеству не болѣе лишь какъ вспышка увлеченія и изъ нея еще нельзя выводить заключенія объ „агрессивномъ“ характерѣ „соціализма“ Бѣлинскаго, которымъ онъ начинаетъ увлекаться.

„Я теперь въ новой крайности (пишетъ онъ 24-го іюня 1841 г.), идея соціализма стала для меня идеею идей, альфою и омегою вѣры и знанья, она поглотила и исторію и религію“, „Соціальность—вотъ мой девизъ“!

Стремясь къ гармоническому синтезу „индивидуальнаго, которое призракъ безъ общаго, и общаго, которое въ свою очередь призракъ безъ особеннаго, индивидуальнаго“, Бѣлинскій думалъ найти его въ утопическомъ соціализмѣ. „Онъ вѣрилъ всѣмъ своимъ существомъ, говоритъ Достоевскій, что соціализмъ не только не разрушаетъ свободу личности, а напротивъ возстановляетъ ее въ неслыханномъ величіи, но на новыхъ и уже адамантовыхъ основаніяхъ“.

Въ соціализмѣ Бѣлинскаго главнымъ образомъ привлекаетъ его этическая сторона.

„Въ новыя нравственныя основанія соціализма онъ вѣрилъ до безумія и безъ всякой рефлексіи, тутъ былъ одинъ лишь восторгъ“ (Достоевскій).

Глубоко страдая при видѣ „обездоленной меньшей братьи, при видѣ толпы, валяющейся въ грязи“, Бѣлинскій считаетъ „*человѣка* не въ правѣ забываться въ искусствѣ и знаніи“. „Абсолютная жизнь въ духѣ“, сосредоточенная исключительно въ отвлеченныхъ интересахъ науки и искусства, отрѣшенная отъ активнаго участія въ общественной жизни, представляется ему теперь утонченнымъ умственнымъ сибаритствомъ, преступнымъ узкимъ эгоизмомъ. Такимъ образомъ онъ близко подходитъ къ соціальнымъ стремленіямъ шестидесятниковъ, не упраздняя въ то же время окончательно чисто эстетическаго значенія искусства и красоты, какъ средства къ нравственному воспитанію человѣка.

Теперь Бѣлинскій будетъ уже требовать отъ искусства главнымъ образомъ не красоты формы, а мысли, глубины содержанія, гуманности и горячаго отклика на всѣ общественные вопросы. Отсюда его увлеченіе Ж. Зандъ и интересъ къ такимъ писателямъ, какъ Леру, Кабэ, С. Симонъ, Прудонъ, Луи-Бланъ и Фурье. Отнынѣ вся его критическая дѣятельность превратится въ горя-

чую проповѣдь гуманности и борьбу съ уродливыми явленіями жизни.

Но горячо призывая золотой вѣкъ царства Божія на землѣ и вмѣстѣ увлекаясь снова „колоссальными образцами Фихте и Шиллера, пророками человѣчества“, Бѣлинскій уже не довольствуется отвлеченными, великодушными мечтами „гражданина вселенной“, такъ какъ онъ прежде всего сынъ своей страны, связанный съ нею кровною страдальческой любовью.

Русская жизнь, русское общество со всѣми его отрицательными сторонами становится главнымъ предметомъ его думъ и страданій; приблизить русское общество къ свѣтлому человѣческому идеалу, который онъ носилъ въ своей душѣ, способствовать облагораживанію и „очеловѣчиванію“ его, пробужденію національной, разумной дѣятельной жизни — вотъ то свѣтлое призваніе, которое онъ глубоко чувствовалъ и служить которому горячо призывалъ всѣ лучшіе элементы общества. Его тяготитъ оторванность близкаго ему кружка отъ современнаго русскаго общества, въ ней онъ видитъ главную причину ихъ общихъ страданій, безсилія и недостатковъ. „Безъ общества, говоритъ онъ, нѣтъ ни дружбы, ни духовныхъ интересовъ, безъ него гибнутъ напрасно лучшія силы и дарованія“. „Дѣйствительность возникаетъ на почвѣ, а почва всякой дѣйствительности—общество“.

„Человѣчество есть лишь абстрактная почва для развитія души индивидума. Человѣкъ великое слово, великое дѣло, но тогда, когда онъ французъ, нѣмецъ, англичанинъ, русскій“ (8 сент. 1841 г.).

Такимъ образомъ отъ абстрактной идеи человѣчества Бѣлинскій постепенно переходитъ къ конкретной идеѣ народа и общества, стремясь стать на почву дѣйствительности.

Отсюда его страстный интересъ къ русской литературѣ, какъ выразительницѣ русскаго общественнаго самосознанія и двигательницѣ общества на пути прогресса. Онъ съ восторгомъ привѣтствуетъ въ 1842 г. появленіе „Мертвыхъ Душъ“, придавая имъ огромное „соціальное, общественное, историческое значеніе“. Преклоняясь передъ Гоголемъ, какъ бытописателемъ, „вносящимъ свѣтъ въ мракъ русской дѣйствительности“, Бѣлинскій видитъ „паѳосъ поэмы въ противорѣчіи общественныхъ формъ русской жизни съ ея глубокимъ субстанціальнымъ началомъ“.

Признавая отрицаніе современной русской дѣйствительности единственнымъ средствомъ къ національному возрожденію, Бѣлинскій горячо вооружается противъ квасныхъ патріотовъ, видѣвшихъ

въ „Мертвыхъ Душахъ“ злостную сатиру, а не реальное воспроизведеніе неприглядныхъ сторонъ русской жизни.

Съ неменьшимъ негодованіемъ обрушивается онъ и на К. Аксакова, искажающаго обличительный смыслъ „Мертвыхъ Душъ“, видящаго въ нихъ русскую „Иліаду“, т. е. „поэму съ положительнымъ содержаніемъ“, готоваго умиляться надъ Маниловымъ и ставящаго въ своемъ національномъ ослѣпленіи Гоголя наравнѣ съ Гомеромъ, выше величайшихъ западныхъ писателей. Между тѣмъ, какъ по мнѣнію Бѣлинскаго русскій писатель можетъ быть съ ними сравниваемъ лишь по таланту, по художественности формы, а не по содержанію своего произведенія, лишеннаго общечеловѣческаго значенія уже по самому свойству русской современной жизни. Преслѣдуя всякую фальшивую идеализацію русской жизни, способствующую сохраненію ея старыхъ отжившихъ формъ, Бѣлинскій сочувственно отозвавшійся въ первой рецензіи о лирическихъ отступленіяхъ „Мертвыхъ Душъ“, отрицательно относится къ нимъ во II-ой рецензіи, замѣтивъ въ нихъ тревожный признакъ. Отъ его наблюдательнаго взора не ускользаетъ слишкомъ пристрастная любовь Гоголя ко всему русскому, гордыя мечты о превосходствѣ славянскаго племени и слишкомъ легкое сужденіе о чужихъ національностяхъ.

„Кто знаетъ, какъ раскроется содержаніе „Мертвыхъ Душъ“, говоритъ онъ съ тревогой, — замѣтивъ въ Гоголѣ несоотвѣтствіе мыслителя съ художникомъ и озабоченный еще до появленія „Мертвыхъ Душъ“ недостаточнымъ образованіемъ Гоголя.

„Въ концѣ 1842—1843 г. во взглядахъ Бѣлинскаго начинаетъ господствовать критическое отношеніе къ дѣйствительности, историческая и общественная точка зрѣнія“ (Пыпинъ).

„Въ 1843 г., говоритъ Кавелинъ, талантъ, нравственная физіономія и образъ мыслей Бѣлинскаго достигли своего апогея. Его симпатіи клонились къ Франціи, а не Германіи или Англіи. Его идеалы были нравственно-соціальные болѣе, чѣмъ политическіе“.

Бѣлинскій окончательно порываетъ съ К. Аксаковымъ и примиряется съ Бакунинымъ, примкнувшимъ къ лѣвому гегельянству, которое „должно было привести его ко всяческому совершенству“.

Соціально-нравственные вопросы становятся главными жизненными интересами Бѣлинскаго, и онъ горько жалуется на тяжелыя цензурныя условія. „Объ искусствѣ ври что хочешь, а о дѣлѣ, т. е. нравахъ и нравственности, хоть не трать труда и времени“.

Отвлеченный элементъ въ его статьяхъ исчезаетъ, уступая мѣсто насущнымъ вопросамъ современности.

Въ литературѣ онъ видитъ „всю нашу умственную жизнь, всю поэзію нашей жизни“, залогъ прогресса русскаго общества, возможность поднятія его умственнаго и нравственнаго уровня и раскрытія общественныхъ недуговъ. Онъ горячо поддерживаетъ натуральную школу за выставленные ею мотивы: „защиту раба отъ произвола господина, женщины отъ родового ига, осмѣяніе апатіи и рутины, грубаго невѣжества, отсутствіе честности, гуманности и гражданскаго чувства“ (Скабичевскій).

„Благодаря натуральной школѣ, говоритъ Бѣлинскій, литература стала сознаньемъ общества, его вѣрнымъ зеркаломъ и не только вѣрнымъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія, но и его ревизоромъ и контролеромъ“. „Она идетъ во главѣ общества и не только отражаетъ его стремленія, но и способствуетъ возбужденію въ обществѣ гуманнаго направленія въ низшихъ классахъ“.

Теперь художественная сторона произведеній отходитъ въ глазахъ Бѣлинскаго на второй планъ, уступая мѣсто содержанію. „Безъ живого, кровнаго сочувствія къ современному міру нельзя теперь быть замѣчательнымъ поэтомъ“, говоритъ Бѣлинскій, разбирая антологическія стихотворенія Майкова, „поэтъ прежде всего человѣкъ, потомъ гражданинъ своей страны“. Онъ придаетъ огромное значеніе беллетристикѣ, „проводящей въ общество человѣческія чувства и понятія“.

Въ 1845 г. онъ посвящаетъ обширную статью разбору „Тарантаса“ графа Соллогуба, затрагивающаго самые насущные вопросы тогдашней современности, дающаго картины крѣпостного права и помѣщичьяго быта, описаніе воспитанія современнаго дворянства, его отношеніе къ службѣ, къ обществу, къ русской дѣйствительности, къ Западной Европѣ. Подчеркивая фальшивый либерализмъ героя, его пошлый романтизмъ, брезгливое отношеніе къ простому народу, Бѣлинскій останавливается подробно на отношеніи крѣпостныхъ къ барину, на унизительной для ихъ человѣческаго достоинства встрѣчѣ помѣщика *на колѣняхъ* у своихъ избъ, на полное отсутствіе въ нихъ чувства самоуваженія.

Сочувственно относясь къ изображенію авторомъ недостатковъ русскаго европеизма въ героѣ, его внѣшней пустой подражательности Европѣ, Бѣлинскій въ то же время является ярымъ противникомъ возврата къ старинѣ и отчужденности отъ культурнаго Запада. Отдавая справедливость „дѣльной“ книгѣ, Бѣлинскій нападаетъ на автора за фальшивую идеализацію патріархальныхъ, будто-бы

любовныхъ отношеній крѣпостныхъ къ помѣщикамъ, за пристрастное отношеніе автора къ русской старинѣ съ ея темными отрицательными сторонами, за славянофильскую идеализацію простого народа и призывъ писателямъ „набираться мудрости“ у темной народной массы.

Противникъ обособленности сословій, Бѣлинскій сочувственно относится къ дворовому человѣку, порождающему конторщика, вольноотпущенника, затѣмъ чиновника.

Считая высшіе классы носителями культуры и видя въ этомъ ихъ важное значеніе для общества, Бѣлинскій придаетъ большое значеніе среднему, чиновничьему классу, созданному петровской реформой, являющемуся, благодаря образованію, соединительнымъ звеномъ между высшими и низшими классами народа и способствующему устраненію грубыхъ сторонъ замкнутыхъ въ себѣ сословій. Такимъ образомъ Бѣлинскій является горячимъ сторонникомъ демократическаго принципа всесословности, какъ залога человѣческаго братства. Благодаря исключительно литературному характеру русской образованности, онъ видитъ важную заслугу нашей литературы въ распространеніи гуманности, въ сплоченіи представителей различныхъ сословій въ одно сильное человѣческое и вмѣстѣ національное общество. „Образованіе равняетъ“, говоритъ онъ и горячо желаетъ для Россіи общественности, основанной на высшихъ духовныхъ интересахъ и идеалахъ.

Горячій поклонникъ петровской реформы, въ которой онъ видитъ единственный путь къ національному развитію Россіи, Бѣлинскій отдаетъ чиновническому и дѣловому Петербургу, представителю новыхъ началъ русской жизни, рѣшительное преимущество надъ Москвой съ ея соннымъ патріархально-семейственнымъ бытомъ.

Въ Петербургѣ, городѣ будущаго, и Москвѣ, городѣ прошлаго съ ихъ достоинствами и недостатками, онъ видитъ „двѣ стороны“ русской національной жизни, „двѣ односторонности, которыя могутъ со временемъ образовать своимъ сліяньемъ прекрасное и гармоническое цѣлое, прививъ другъ къ другу то, что въ нихъ есть лучшаго“.

Считая эпоху заимствованій изжитой для Россіи, Бѣлинскій находитъ пережитой и эпоху борьбы старыхъ и новыхъ началъ и видитъ единственный путь къ достиженію національнаго могущества Россіи въ гармоническомъ синтезѣ стараго и новаго, въ самостоятельной національной переработкѣ, заимствованной отъ Запада культуры. Онъ радостно привѣтствуетъ первую желѣзную дорогу, которая должна соединить древнюю и новую столицу, видитъ важный факторъ національной жизни въ экономическомъ развитіи страны

и съ живѣйшимъ интересомъ слѣдитъ за развитіемъ русской промышленности. (Въ 1847 г. Бѣлинскій въ „Отечественныхъ Записках“ хвалитъ „превосходныя статьи о золотыхъ пріискахъ въ Сибири“). Одинаково предостерегая общество отъ чрезмѣрнаго матеріализма, какъ и отъ безпочвенной идеальности, Бѣлинскій главнымъ двигательнымъ началомъ общественной жизни провозглашаетъ высшіе нравственные и духовные интересы. Романтики и сухіе матеріалисты ему одинаково антипатичны. Идеаломъ его становится „трезвый, бодрый дѣятель, который бы смотрѣлъ на вещи прямо и любилъ бы землю, жилище наше и нашихъ потомковъ“, такимъ образомъ Бѣлинскій предвосхищаетъ идеалъ „реалиста“ 60-хъ годовъ, для дѣятельности котораго онъ расчищаетъ и подготовляетъ почву. Вотъ почему онъ рѣшительно развѣнчиваетъ молодого Адуева и отдаетъ свои симпатіи положительному, трезвому хотя и мѣщански эгоистичному Петру Ивановичу, который за отсутствіемъ другого литературнаго типа ближе всѣхъ подходитъ къ его идеалу „трезваго“ дѣятеля.

Всматриваясь внимательно въ соціальную общественно-экономическую жизнь Западной Европы, Бѣлинскій приходитъ къ признанію важной роли, которую играетъ буржуазія въ этотъ переходный историческій моментъ и отъ которой, по мнѣнію его, зависитъ „всякій прогрессъ“ не только во Франціи, но и въ Россіи. „Теперь ясно видно, говоритъ онъ въ письмѣ къ Анненкову въ 1847 г., что внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи начнется не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуазію“.

Такимъ образомъ въ послѣдніе годы своей жизни Бѣлинскій отказывается отъ своего увлеченія утопическимъ соціализмомъ вслѣдствіе абстрактнаго характера этого ученія и „стремится обосновать свою соціальность на болѣе реальной почвѣ, на почвѣ реальныхъ экономическихъ отношеній“ (Ивановъ-Разумникъ). Онъ видитъ точки сближенія соціалистовъ и славянофиловъ въ ихъ общей идеализаціи народа, въ отсутствіи элемента развитія, находитъ слабую сторону утопическаго соціализма „въ абстрактномъ отрицаніи существующаго порядка вещей“, (Плехановъ) въ его неправильномъ взглядѣ на капитализмъ и отрицаніе важной роли экономическихъ отношеній.

Печальная роль французскаго народа въ событіяхъ 1830 г., его ухудшившееся положеніе послѣ того, какъ онъ явился слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ буржуазіи, приводитъ Бѣлинскаго къ заключенію, что улучшеніе экономическихъ условій важнѣе для народа, чѣмъ пріобрѣтеніе политической свободы. Онъ приходитъ къ убѣ-

жденію, что „народъ никогда нигдѣ не освобождался самъ, всегда и вездѣ все дѣлалось черезъ личности“.

Эти французскія событія еще болѣе укрѣпляютъ Бѣлинскаго въ его взглядѣ на народъ, какъ на „силу природную, естественную, непосредственную, великую и ничтожную, благородную и низкую, мудрую и слѣпую въ ея торжественныхъ проявленіяхъ, но никогда не зависящую отъ самое-себя, никогда не управляющую самой-собою“. „Народъ, сила охранительная, консервативная, противящаяся всякому движенію впередъ“. „Поэтому безъ высшихъ сословій, которымъ обезпеченное положеніе давало возможность обратить свою дѣятельность на предметы умственные, народы навсегда остались бы на первобытной степени ихъ патріархальнаго быта“.

Освобожденіе народа можетъ совершиться только при помощи просвѣщенной гуманной личности, поэтому главной цѣлью Бѣлинскаго является воспитаніе этой нравственно-свободной гуманной личности, могущей развить лучшія народныя начала, улучшить матеріальный бытъ народа, способствовать его просвѣщенію и сближенію съ западной культурой.

Воспитанію этой личности много способствуетъ литература. Вотъ почему Бѣлинскій такъ восторженно отнесется къ Искандеру, этому „поэту гуманности“, борцу противъ жестокихъ и нелѣпыхъ предразсудковъ, преданій и отжившихъ старыхъ формъ жизни, вотъ почему онъ припишетъ такое великое значеніе „глубоко человѣческому и патетическому элементу въ творчествѣ Достоевскаго“, а также и „физіологическимъ очеркамъ“ крестьянскаго быта Григоровича, знакомящимъ общество съ этимъ бытомъ и возбуждающимъ горячее сочувствіе къ народу.

Въ связи съ этимъ взглядомъ на народъ находится и взглядъ Бѣлинскаго на народную поэзію, къ которой онъ относится отрицательно за ея узкій умственный горизонтъ, за ея „дубовую“ форму, предпочитая ей болѣе художественныя и сознательныя произведенія Кольцова, которымъ Бѣлинскій приписываетъ важное значеніе въ дѣлѣ воспитанія простолюдина. Отсюда же и его отрицательное отношеніе къ малороссійской и другимъ славянскимъ литературамъ, къ панславизму, какъ стремленію къ обособленности и посягательству на высшую западную культуру. Взглядъ Бѣлинскаго на народъ, на реформу Петра, на великое значеніе для нея западной цивилизаціи, на ея дальнѣйшее развитіе, а главное отрицательное отношеніе къ русской старинѣ должны были неминуемо привести его въ самое рѣзкое столкновеніе съ славянофилами, которыхъ Бѣлинскій въ своемъ увлеченіи нерѣдко смѣшивалъ съ представителями „оффиціальной народности“.

Онъ горячо преслѣдовалъ ихъ за „китаизмъ“, за проповѣдь возврата къ отжитой старинѣ, за романтическую фальшивую идеализацію „русскаго народа и его прошлаго, за проповѣдь“ „спасительнаго смиренія“, за одностороннее опредѣленіе народности одними старинными обычаями, сохранившимися въ простонародьи, за отчужденность отъ Запада, за враждебное отношеніе къ петровской реформѣ, какъ насильственному, случайному акту, во всемъ этомъ онъ видѣлъ лишь гибельные элементы застоя и неподвижности.

Но вражда къ гуманическому космополитизму въ послѣдніе годы заставила Бѣлинскаго безпристрастно отнестись къ славянофиламъ. Въ статьѣ „Взглядъ на русскую литературу 1846 г.“ Бѣлинскій высказываетъ свое „уваженіе къ славянофильству, какъ ко всякому искреннему убѣжденію“, какъ къ доктринѣ „касающейся самыхъ жизненныхъ, самыхъ важныхъ вопросовъ нашей общественности“. Отрицая положительную сторону ихъ доктрины, выражающуюся въ мистической вѣрѣ въ народъ, въ „туманныхъ мистическихъ предчувствіяхъ побѣды Востока надъ Западомъ“, Бѣлинскій отдаетъ справедливость ея отрицательной сторонѣ, признаетъ пользу ихъ критики двойственнаго характера русскаго европеизма, ихъ указаніе на отсутствіе опредѣленнаго національнаго характера.

Безсильные отыскать корень зла, они пробудили къ этому западниковъ, устремивъ ихъ къ серьезному изученію русской исторіи и народнаго быта, въ чемъ Бѣлинскій видитъ несомнѣнную заслугу славянофиловъ.

Вооружаясь противъ безпочвеннаго, безсильнаго космополитизма, Бѣлинскій приближается къ славянофиламъ, придавая огромное значеніе самобытному національному развитію Россіи (взглядъ, который онъ провозгласилъ еще въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ и которому остался вѣренъ до конца) и видя въ немъ только залогъ ея политическаго могущества.

„Онъ рѣшительно не вѣритъ въ возможность крѣпкаго политическаго и государственнаго существованія народовъ, лишенныхъ національности“, но національное отнюдь не должно являться ограниченіемъ всечеловѣческаго, а должно быть проникнуто имъ.

Славянофилы ошибаются, принимая процессъ развитія за его конечный результатъ; поворотъ къ прошлому невозможенъ, мы должны идти въ направленіи петровской реформы „перестать восхищаться европейскимъ, потому только, что оно не азіатское, но любить, уважать его, стремиться къ нему, потому только, что оно человѣческое и на этомъ основаніи, все европейское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго отвергать съ такой же энергіей, какъ и все азіатское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго“.

Бѣлинскій приближается къ славянофиламъ въ своей вѣрѣ въ великое міровое будущее Россіи, но не предопредѣляетъ его. „Мы призваны сказать міру свое слово, свою мысль, но какая она, объ этомъ пока еще рано намъ хлопотать“, онъ даже высказываетъ со всею осторожностью предположеніе, что „русскому народу предназначено выразить въ своей національности наиболѣе богатое и многостороннее содержаніе“.

Здѣсь Бѣлинскій соприкасается съ Герценомъ, видѣвшимъ на основаніи позднѣйшей безпристрастной оцѣнки въ славянофилахъ сыновей одной и той же матери, но обратившихъ всю любовь и надежды свои на ея прошлое.

Кавелинъ утверждаетъ, что Бѣлинскій раздѣлялъ и „народническую“ точку зрѣнія Герцена, высказавъ однажды въ разговорѣ, что „Россія лучше сумѣетъ, пожалуй, разрѣшить и соціальный вопросъ, чѣмъ Европа“.

Отдавая должное славянофиламъ, Бѣлинскій до конца будетъ осуждать ихъ за преклоненіе передъ „спасительной неподвижностью народа“, за отрицаніе необходимости просвѣщенія народа, въ которомъ онъ видитъ его единственное спасеніе.

Насущнѣйшимъ вопросомъ для тогдашней Россіи онъ вмѣстѣ съ лучшими представителями эпохи считаетъ освобожденіе отъ крѣпостного права. Убѣжденный, что вслѣдствіе инертности невѣжественной народной массы освобожденіе народа должно у насъ совершиться *сверху* внизъ, онъ съ живѣйшимъ участіемъ и тревогой слѣдитъ за первыми попытками правительства на этомъ пути. Признавая этотъ „великій вопросъ“ вопросомъ неотложной важности, передъ которымъ должны на время смолкнуть всѣ другія требованія, и вѣря, что благодаря происканъ крѣпостниковъ и лицемѣрной двусмысленной политикѣ придворной партіи, это дѣло можетъ быть совершено лишь однимъ Государемъ, одушевленнымъ искреннимъ и твердымъ желаніемъ народнаго блага, онъ раздражительно относится ко всѣмъ проявленіямъ враждебности прогрессистовъ къ правительству. Она, по его мнѣнію, можетъ лишь повредить осуществленію намѣченной реформы и еще большему усиленію деспотизма. Отсюда его рѣзко выраженное порицаніе Шевченко, сосланнаго на Кавказъ, отсюда же и сочувственное отношеніе къ Императору Николаю I.

Ту же временную уступку абсолютизму, по тѣмъ же соображеніямъ дѣлаетъ и Герценъ въ своей знаменитой статьѣ „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ“.

Изъ всего вышеуказаннаго ясно становится, какой взрывъ негодованія въ душѣ Бѣлинскаго должна была вызвать „Переписка

Гоголя", негодованіе, которое онъ съ такимъ страстнымъ и вдохновеннымъ краснорѣчіемъ излилъ въ своемъ знаменитомъ „Письмѣ".

Здѣсь ярко отразился Бѣлинскій какъ человѣкъ и гражданинъ во всей высотѣ своей нравственной личности. Здѣсь вылились наружу всѣ его задушевныя убѣжденія, здѣсь мы находимъ программу его общественныхъ и политическихъ взглядовъ.

Горячій сторонникъ цивилизаціи и гуманности въ самомъ высшемъ значеніи этихъ словъ, сознательно и глубоко любившій Россію, Бѣлинскій не могъ равнодушно отнестись къ „гнусной" книгѣ Гоголя, которая могла гибельно отозваться на судьбѣ „рвущейся" къ новой жизни страны.

Объясняя изданіе этой книги корыстными, низкими цѣлями заискиванья передъ правительствомъ, не подозрѣвая мучительной душевной драмы Гоголя, Бѣлинскій не можетъ простить ему измѣны свѣтлой роли „великаго вождя Россіи на пути сознанія, развитія, прогресса, могущественно способствовавшаго своими великими произведеніями самосознанію Россіи".

Со всей страстностью своей любви къ истинѣ и родинѣ онъ обрушивается на Гоголя, ставшаго „проповѣдникомъ кнута, апостоломъ невѣжества", стремящагося снова вернуть Россію на гибельный путь застоя и мрака. Осуждая Гоголя за его незнаніе духа современной Россіи, ея насущныхъ потребностей, Бѣлинскій говоритъ: „Россія видитъ свое спасеніе въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности. Ей нужны права и законы, сообразные съ здравымъ смысломъ и справедливостью, и строгое по возможности ихъ исполненіе".

„Самые живые, современные національные вопросы въ Россіи теперь: уничтоженіе крѣпостного права, отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе по возможности строгаго выполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть".

Считая крѣпостное право глубоко безнравственнымъ явленіемъ, нарушеніемъ самыхъ священныхъ правъ человѣка, Бѣлинскій рѣзко обвиняетъ Гоголя за его оправданіе этого позорнаго учрежденія, за совѣты помѣщикамъ грубо оскорблять крестьянъ.

Проникнутый „религіознымъ" уваженіемъ къ человѣческой личности, Бѣлинскій съ негодованіемъ отвергаетъ санкціонированіе Гоголемъ кулачной расправы и горячо возстаетъ противъ царящаго у насъ судебнаго произвола (здѣсь Бѣлинскій близко соприкасается съ Герценомъ, нарисовавшимъ въ своихъ произведеніяхъ такую потрясающую картину русскаго безправія и горячо ратовавшаго за судебную реформу).

Понимая христіанство какъ свѣтлое ученіе „свободы, равенства

и братства", какъ проповѣдь любви и терпимости, какъ религію внутренняго чувства и свободнаго духа, Бѣлинскій горячо возстаетъ противъ чисто-человѣческаго учрежденія церковной іерархіи.

Онъ рѣзко осуждаетъ систему доносовъ, „татарскую цензуру", всѣ ограниченія свободной человѣческой личности въ тогдашнемъ русскомъ полицейско-государственномъ строѣ.

Изъ сравненія этого „Письма" съ его „пятигорскимъ" письмомъ 7-го августа 1837 г. ясно становится, какой громадный путь прошелъ Бѣлинскій въ своемъ развитіи, превратившись изъ эстетика и отрѣшеннаго отъ жизни философа въ энергическаго выразителя завѣтныхъ стремленій „сдавленнаго тяжелымъ гнетомъ, рвущагося къ свободѣ русскаго общества", въ борца за общественно-политическіе идеалы современной ему эпохи.

„Письмо" Бѣлинскаго, получившее такое широкое распространеніе несмотря на суровый николаевскій режимъ, сыгравшее, какъ извѣстно, крупную роль въ дѣлѣ Петрашевцевъ, сдѣлалось могучимъ лозунгомъ „поборниковъ эмансипаціи и всякаго простора", „возмущающихся зломъ и гнетомъ", проникнутыхъ „идеями гуманности". (Ив. Аксаковъ).

Прослѣдивъ „зигзаги развитія" сложной, сильной личности Бѣлинскаго, мучительно переживавшаго не только умомъ, но и сердцемъ различные этапы своей духовной эволюціи, мы убѣждаемся, что они были далеко не случайны и произвольны, но тѣсно связаны съ ходомъ развитія передовой части нашего общества 30-хъ и 40-хъ годовъ.

Періодъ увлеченія отвлеченной нѣмецкой философіей, стоившій столько страданья и борьбы глубоко реалистической, боевой натурѣ Бѣлинскаго (который по собственному признанію былъ „весь земной"), выработавшій въ немъ мыслителя и критика, имѣлъ несомнѣнно важное значеніе въ развитіи Бѣлинскаго.

Онъ былъ для его дальнѣйшей литературно-общественной дѣятельности той же необходимой подготовительной школой, какъ и вообще вся эпоха 30-хъ годовъ для прогрессивной части нашего общества, періодъ выработки сознательной критической мысли, приготовившій рядъ общественно-политическихъ дѣятелей 40-хъ годовъ.

Переживъ, переработавъ самостоятельно идеи Шеллинга, Фихте, Гегеля, Бѣлинскій до конца своей жизни остался вѣренъ діалектической системѣ Гегеля съ его ученіемъ о постоянной эволюціи всего существующаго, напряженно слѣдя за движеніемъ современной умственной и общественно-политической жизни Россіи и Западной Европы.

Перейдя съ абстрактной философской почвы на „широкое поле

дѣйствительности", онъ сталъ примѣнять не только къ литературѣ и искусству, но и ко всей „быстро несущейся жизни" выработанные научные пріемы критическаго мышленія, подвергая строгой оцѣнкѣ и провѣркѣ всякое новое ученіе, вскрывая его слабыя стороны.

Съ присущимъ ему здравымъ смысломъ, необыкновеннымъ чутьемъ дѣйствительности, способностью не только вѣрно опредѣлять, но и предугадывать логическій ходъ событій, Бѣлинскій не только воспринялъ и съ особенной яркостью и силой отразилъ, какъ въ фокусѣ, главнѣйшія умственныя теченія современной ему жизни, но и далеко опередилъ современную эпоху, явившись предвозвѣстникомъ дальнѣйшихъ путей развитія русской общественной мысли.

Въ этомъ лежитъ залогъ неувядаемой жизненности литературно-общественной дѣятельности Бѣлинскаго (несмотря на многое, что устарѣло въ ней, сохранивъ исключительно историческій интересъ), соединенной тѣсной преемственной связью не только съ эпохой 60-хъ годовъ, но и съ современной намъ эпохой, борющейся за окончательное торжество тѣхъ идеаловъ, за которые такъ страстно ратовалъ Бѣлинскій, и которые онъ съ такой силой провозгласилъ въ своемъ „геніальномъ" [1]), „Письмѣ"!..

М. Дьяченко.

---

[1]) Герценъ.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

ГЛАВА VIII [1]).

Наступали послѣдніе дни карнавала. Для заключительнаго аккорда уличныхъ развлеченій было назначено грандіозное шествіе масокъ и „bataille des fleurs“.

Къ тому времени на рейдъ прибыла изъ Безики броненосная эскадра подъ вымпеломъ лорда-адмирала Сеймура, начальника всѣхъ морскихъ силъ Великобританіи.

Смирна всполошилась и приготовилась оказать исключительное вниманіе „друзьямъ и защитникамъ“ Оттоманской Имперіи. Но чванные сыны Альбіона съ явно выражаемымъ пренебреженіемъ уклонялись отъ всякаго сближенія съ мѣстнымъ обществомъ и разсматривали его, по своему обычаю, сквозь призму британскаго величія, точно инфузорію какую-то.

И вдругъ, по необъяснимому стеченію обстоятельствъ, только я одна не попала въ разрядъ этихъ микроскопическихъ организмовъ, и на меня взглянули не вооруженнымъ глазомъ. Вотъ какъ это произошло.

Насъ собралась довольно большая компанія, задумавшая посѣтить фрегатъ „Девастейшенъ“—что значитъ „опустошитель“—на которомъ имѣлъ пребываніе лордъ Сеймуръ.

Испросивъ предварительно черезъ консула его разрѣшенія, мы усѣлись въ каики и отправились въ экскурсію къ желѣзному чудовищу.

---

[1]) См. „Русская Старина“ мартъ 1911 г.

Насъ приняли вѣжливо, но сухо. Мы осмотрѣли каюты, столовую, кабинетъ адмирала, библіотеку—все было прекрасно убрано, блистало роскошью и комфортомъ. Затѣмъ намъ предложили взглянуть на громадныя орудія въ боевыхъ башняхъ.

— Всего только четыре пушки?—съ разочарованіемъ спросила я рыжаго лейтенанта, стоявшаго тутъ же.

— Да, только и всего!—перефразировалъ онъ съ усмѣшкой мои слова:—но вполнѣ достаточно, чтобы привести въ развалины, напримѣръ, всю Смирну съ ея окрестностями.

— Ну, едва ли!—задорно отвѣтила я на его вызывающій тонъ:—тогда что же можно сказать о другихъ корабляхъ, на которыхъ по 30 и болѣе орудій?

Такая параллель чрезвычайно насмѣшила англичанина: онъ расхохотался и показалъ мнѣ всѣ свои клыки во рту. Я съ негодованіемъ отвернулась и хотѣла уже отойти подальше, какъ вдругъ нечаянно встрѣтилась глазами со взглядомъ, который приковалъ меня къ мѣсту: на той же рубкѣ, въ нѣкоторомъ отъ насъ разстояніи сидѣлъ въ американскомъ креслѣ очень важнаго и надменнаго вида пожилой морякъ и съ упорнымъ, пристальнымъ вниманіемъ слѣдилъ за каждымъ моимъ движеніемъ, что было слишкомъ замѣтно по выраженію его лица.

Такъ продолжалось нѣсколько мгновеній...

Наконецъ, фигура неизвѣстнаго шевельнулась, приподнялась и, подобно статуи Командора, двинулась въ мою сторону.

— Mademoiselle! надѣюсь, вы позволите мнѣ, какъ хозяину этого плавучаго дома, заявить себя вашимъ покорнѣйшимъ слугой?—обратился прямо ко мнѣ на правильномъ французскомъ языкѣ, хотя и съ рѣзкимъ акцентомъ, чопорный англичанинъ, а затѣмъ раскланиваясь по всѣмъ правиламъ высшаго этикета, какъ-будто бы онъ привѣтствовалъ принцессу крови, добавилъ: „имѣю честь представиться, лордъ Сеймуръ“.

Тонъ и манеры британскаго вельможи показались мнѣ обворожительными; но я продолжала стоять передъ нимъ смущенная, озадаченная и молчала.

— Да отвѣчайте же хоть что-нибудь! шепнулъ еле слышно кто-то за моей спиной; но лордъ-адмиралъ немедленно поспѣшилъ вывести меня изъ неловкаго положенія:

— О, ничего! ничего!—проговорилъ онъ снисходительно:—все это въ порядкѣ вещей: скромность и застѣнчивость составляютъ драгоцѣннѣйшее украшеніе юности. Къ тому же молодость еще и великодушна, а потому надѣюсь, что mademoiselle найдетъ оправданіе въ своемъ сердцѣ и для меня, бѣднаго скитальца по чужимъ

морямъ, когда пойметъ, что не въ моей власти было преодолѣть желанія познакомиться съ ней...

— Милордъ!—перебила я, тронутая его рыцарскимъ обращеніемъ:—простите меня! напротивъ, вы дѣлаете мнѣ честь... я очень, очень рада... Здѣсь даръ краснорѣчія окончательно покинулъ меня, и я вновь замолчала.

Но, вѣроятно, магнату Англіи въ концѣ концовъ надоѣло рисоваться передъ какой-то дѣвчонкой: онъ сбавилъ тону и довольно фамильярно спросилъ меня:

— Прелестная незнакомка, почему вы такъ тщательно охраняете свое инкогнито? съ кѣмъ же я имѣю честь говорить?

Замѣшательство первыхъ минутъ уже прошло, и я назвала себя.

— Какой пріятный сюрпризъ!—воскликнулъ лордъ съ дѣланнымъ восторгомъ:—такъ вы русская и даже не здѣшняя уроженка? тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! Впрочемъ, я и самъ догадался объ этомъ, когда увидѣлъ васъ, а иначе мнѣ не пришло бы въ голову искать знакомства съ вами, такъ какъ въ моихъ правилахъ подальше держаться отъ турецкой райи[1]) да и вообще отъ всякой расы, не имѣющей своего собственнаго государства,—говоритъ онъ громко, не обращая вниманія на то, что здѣсь же, въ нѣсколькихъ шагахъ, находилась цѣлая группа этихъ людей, достояніе которыхъ охраняла его эскадра отъ злостныхъ покушеній „Московіи“.

— Однако, намъ негдѣ и присѣсть,—спохватился онъ, оглядываясь по сторонамъ:—не угодно ли вамъ посѣтить мой салонъ—тамъ много интереснымъ вещей?

— Благодарю васъ, сэръ; но не могу,—намъ пора домой,—отвѣтила я, указывая на своихъ спутницъ.

— О, нѣтъ! какъ же такъ? mesdames,—обратился гордый вельможа къ послѣднимъ: будьте любезны, разрѣшите мнѣ предложить къ вашимъ услугамъ мои аппартаменты для обозрѣнія коллекцій и гравюръ.

Мы послѣдовали за нимъ и дѣйствительно увидѣли сказочное великолѣпіе въ убранствахъ его каютъ.

— Я убѣжденный „поклонникъ“ Россіи,—продолжалъ ораторствовать гостепріимный хозяинъ, усаживая меня на диванъ: вашему народу принадлежитъ великая будущность. Кстати, могу васъ порадовать: въ непродолжительномъ времени по пути изъ Мальты въ Босфоръ сюда зайдетъ королевская яхта подъ флагомъ герцога Эдинбургскаго и его супруги, дочери вашего Императора.

Тогда мнѣ пришла въ голову счастливая мысль воспользоваться

---

[1]) Подданные турецкой Порты не магометане.

удобнымъ случаемъ и любезнымъ содѣйствіемъ лорда-адмирала, чтобы представиться герцогинѣ; но онъ тотчасъ же разочаровалъ меня, объяснивъ, что ихъ высочества по всѣмъ вѣроятіямъ прибудутъ на рейдъ поздно вечеромъ, а на разсвѣтѣ отплывутъ дальше. Такъ и остался навсегда открытымъ вопросъ, чѣмъ собственно хотѣлъ порадовать меня командовавшій флотомъ Великобританіи?

— Мнѣ будетъ чрезвычайно пріятно встрѣтиться съ вами еще и въ Хіосѣ,—добавилъ онъ:—я имѣю намѣреніе покрейсировать между островами архипелага, и такъ какъ вашъ дядя консулъ, то сочту долгомъ сдѣлать ему визитъ. Затѣмъ, взглянувъ на меня съ выраженіемъ судьи на подсудимую, онъ предложилъ отвѣтить ему на слѣдующій вопросъ:

— Кажется, вы сомнѣваетесь въ разрушительной силѣ нашего „Девастейшена“ на основаніи того, что у него всего 4 пушки?

— Да,—проговорила я безучастно, такъ какъ мнѣ было рѣшительно все равно до этого. Но лорду Сеймуру, видимо, не понравилось мое равнодушное отношеніе къ престижу панцырнаго фрегата, и онъ весь загорѣлся стремленіемъ во что бы то ни стало вывести меня изъ пагубнаго заблужденія.

— Mademoiselle, вы жестоко неправы!—воскликнулъ онъ съ такой интонаціей въ голосѣ, какъ будто предостерегая меня отъ паденія въ пропасть:—я могу точно и наглядно доказать вамъ сейчасъ же, что наши орудія самыя могущественныя и самыя громадныя въ мірѣ по калибру!

Я не успѣла еще сообразить, въ чемъ заключалось дѣло, какъ любезный хозяинъ уже развернулъ передъ моими глазами альбомы какихъ-то чертежей и принялся съ воодушевленіемъ посвящать меня во множество подробностей спеціальныхъ знаній.

Онъ такъ много и долго разсказывалъ о діаметрахъ въ дюймахъ и прочихъ мудреныхъ вещахъ и такъ надоѣлъ мнѣ, что я готова уже была расплакаться отъ невыносимой скуки. Но судьба еще благоволила ко мнѣ и выручила изъ бѣды: доложили о прибытіи генеральнаго консула съ важными депешами.

Тогда, облегченно вздохнувъ, я встала, простилась съ нимъ и съ рѣшительнымъ видомъ направилась къ выходу на палубу.

Раскланиваясь со мной въ послѣдній разъ, лордъ Сеймуръ добавилъ:

— Беру на себя величайшую смѣлость, mademoiselle, просить васъ дать мнѣ возможность закончить нашъ разговоръ въ другое время?..

Передавая въ настоящей главѣ эпизодъ моего знакомства съ первѣйшимъ вельможей Англіи и останавливаясь на немъ такъ по-

дробно—хотя, надо сознаться, здѣсь мало интереснаго—я вовсе не хотѣла въ данномъ случаѣ только похвалиться оказаннымъ мнѣ предпочтеніемъ со стороны человѣка такого недосягаемо высокаго ранга и, какъ надо было полагать, съ очень большими требованіями и вкусами. Нѣтъ, я слишкомъ далека отъ подобнаго самомнѣнія и намѣрена представить дѣло въ настоящемъ его освѣщеніи.

Правда, что происшествіе это вызвало сенсацію и долгое время служило предметомъ оживленныхъ толковъ среди горожанъ.

На меня стали посматривать такъ, какъ будто-бы и въ самомъ дѣлѣ на мою голову внезапно упалъ лучъ солнца и соткалъ надъ ней блестящій ореолъ.

А между тѣмъ, такъ не трудно было понять, почему именно на мнѣ остановилось вниманіе гордаго и неприступнаго въ своей важности пэра Англіи, тогда какъ всѣмъ хорошо было извѣстно, что онъ слишкомъ брезгливо сторонился отъ людей не его круга.

Несомнѣнно одно, что если бы слуха его не коснулось дерзкое сужденіе какой-то иностранки о качествахъ британскихъ пушекъ, то онъ даже и не замѣтилъ бы моего присутствія въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя.

Знаменитый адмиралъ, по свойственному его расѣ самообожанію, былъ непоколебимо убѣжденъ, что вопросъ о морскихъ силахъ Англіи составлялъ для каждаго, имѣвшаго счастіе обитать съ нимъ на одной планетѣ, главный нервъ жизни и важнѣйшую цѣль бытія.

Такова основная и самая характерная черта англичанина: онъ безумно влюбленъ рѣшительно во все, что его касается, и смотритъ на Божій міръ только сквозь призму своего недосягаемаго величія.

Когда лордъ Сеймуръ, какъ и обѣщалъ, посѣтилъ насъ въ Хіосѣ, то онъ самъ признался мнѣ, что его крайне поразила моя полная неосвѣдомленность о британскомъ флотѣ, и что это показалось ему прямо ненормальнымъ явленіемъ.

Годъ спустя я опять встрѣтилась на жизненномъ пути съ начальникомъ морскихъ силъ Англіи, и онъ такъ же, какъ и въ первый разъ, говорилъ много о разрушительныхъ свойствахъ 12-ти дюймовыхъ орудій и въ заключеніе подарилъ мнѣ фотографическій снимокъ „Девастейшена“.

ГЛАВА IX.

Послѣднее воскресенье карнавала было самымъ боевымъ днемъ сезона.

Я сидѣла съ дядей и тетей у открытаго окна въ нижнемъ этажѣ испанскаго консульства, куда пригласили насъ для болѣе удобнаго обозрѣнія маскарадныхъ процессій.

Уже съ утра наряженныя въ причудливые костюмы толпы горожанъ широкимъ, бурнымъ потокомъ разливались по всѣмъ кварталамъ Смирны, наполняя воздухъ хаотическимъ шумомъ праздничнаго настроенія.

Взрывъ хлопушекъ и трескъ ружейнаго огня возвѣстили о началѣ церемоніала. Изъ всѣхъ улицъ и переулковъ стали выходить къ береговой части города множество группъ пѣшихъ и конныхъ масокъ, изображавшихъ собой пародіи на злобы дня и каррикатуры на общественныхъ дѣятелей того времени. Затѣмъ, продефилировали въ стройномъ порядкѣ славяне, албанцы, негры, арабы и другія племена, населявшія султанскую державу. Но ничто не насмѣшило такъ публику, какъ аллегорическое изображеніе армянской народности. И дѣйствительно, зрѣлище оказалось чрезвычайно забавнымъ: въ концѣ колонны національностей двигался на колесикахъ исполинскихъ размѣровъ картонный носъ съ надписью вокругъ ноздрей: „Аллахъ создалъ меня прежде Адама, а потому я такъ великъ и прекрасенъ!“ Бѣшеный взрывъ хохота и громъ аплодисментовъ встрѣтилъ и проводилъ эту затѣю веселыхъ левантинцевъ.

Однако, самое интересное еще предстояло впереди, и глаза всѣхъ съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ устремлены въ ту сторону, откуда предполагалось шествіе „великихъ и малыхъ державъ“.

Шумные арлекины и крикливые Пьеро въ бѣлыхъ колпакахъ съ оглушительнымъ визгомъ шныряютъ по набережной и угощаютъ степенныхъ людей прямо по физіономіямъ зарядами confetti, вслѣдствіе чего разыгрываются порой весьма комичныя сценки. Вотъ, напримѣръ, идетъ, важно покачиваясь на ходу, строгій, типичный мулла въ огромной чалмѣ, стараясь не обращать вниманія на бѣснованіе гяуровъ, и вдругъ, когда онъ менѣе всего того ожидаетъ, у него подъ глазами и на лбу получаются нежелательныя украшенія. Старикъ поднимаетъ палку, грозитъ; но отъ шалуновъ и слѣдъ простылъ.

Мимо насъ мелькаютъ, точно въ калейдоскопѣ, новыя и новыя картинки волшебника-карнавала, и дѣловая Смирна, такимъ образомъ, принимаетъ видъ театральнаго зрѣлища.

Наступалъ моментъ, котораго такъ жаждала толпа.

Гдѣ-то забилъ барабанъ, заиграли рожки фантастическихъ горнистовъ, и на арену праздника явились политическія аллегоріи.

Фуроръ поразительный! ликованіе, не поддающееся описанію! И надо сказать, что эта часть программы была чрезвычайно остроумно исполнена.

Прежде всего мы увидѣли символическій образъ Англіи: кита, голову котораго вѣнчала корона изъ броненосцевъ и пушекъ. Скрытые въ туловищѣ импровизированнаго животнаго люди двигали его впередъ, но такъ искусно, что, казалось, и въ самомъ дѣлѣ оно плыло по мостовой, какъ-будто бы на волнахъ океана.

Франція гордо выступала пѣтухомъ въ ростъ человѣка. Турція представлена была арабскимъ конемъ, увѣнчаннымъ зеленымъ тюрбаномъ; Испанія — быкомъ; Греція — масличнымъ деревомъ. Италію изображали двѣ фигуры: волчица, вскормившая Ромула, и бандитъ въ огромной шляпѣ съ перьями.

Германія отсутствовала, вѣроятно вслѣдствіе того, что Вильгельмъ II еще не заправлялъ тогда дѣлами турецкой Имперіи и некому было распорядиться по этой части. А нашу матушку-Россію даже вовсе исключили изъ сонма европейскихъ державъ, и она, горемычная, втиснутая въ шкуру медвѣдя, смиренно шествовала бокъ о бокъ съ китайскимъ дракономъ во главѣ азіатскихъ государствъ. Далѣе шли вереницы какихъ-то чудовищъ и звѣрей до тигра включительно, олицетворявшихъ страны и народы всѣхъ частей свѣта.

— Здѣшняя молодежь приготовила вамъ сюрпризъ,—обращаясь ко мнѣ и къ дядѣ, сказалъ консулъ, донъ Тарацо, указывая на приближавшуюся къ нашему окну группу мужчинъ, которые показались намъ издали почти оголенными. Тѣмъ не менѣе, мы были тронуты вниманіемъ, но не успѣли договорить словъ благодарности и неудержимо расхохотались: мимо насъ уже дефилировала процессія, подъ названіемъ „les paysans russes“, о чемъ гласили ярлычки, приколотые къ спинамъ нашихъ маскарадныхъ соотечественниковъ.

Даже самое пылкое воображеніе никогда не представляло себѣ русскихъ мужиковъ въ видѣ акробатовъ, обтянутыхъ въ трико, съ разноцвѣтными колпаками на головахъ и въ туфляхъ съ бантами; но съ тою лишь разницей отъ балаганныхъ героевъ, что на рукахъ и ногахъ фантастическихъ пейзановъ звенѣли цѣпочки, означавшія „кандалы“, въ которыхъ, по существующему и сейчасъ мнѣнію въ Европѣ, безсмѣнно ходятъ наши „рабы-крестьяне“ — понятія цивилизованнаго міра о Россіи такъ перепутаны, такъ

дики и ужасны, что прямо граничатъ съ настоящимъ идіотизмомъ, а потому самый невозможный, кошмарный вздоръ принимается имъ на вѣру безъ критики и разсужденій. Такъ было и въ данномъ случаѣ: публика чистосердечно увѣровала, что предложенное ей зрѣлище вполнѣ соотвѣтствовало дѣйствительности, въ чемъ я убѣдилась изъ разговоровъ въ толпѣ:

— Ахъ, бѣдные, несчастные люди! — слышались трогательные возгласы по адресу нашихъ „рабовъ“ или, выражаясь языкомъ иностранной прессы въ Турціи „les rabis esclaves de Moscovie“:— какъ имъ должно быть холодно въ такихъ легкихъ башмачкахъ! Вотъ по истинѣ варварская страна эта ледяная Россія! Вслѣдъ за голыми россіянами двигались, какъ и слѣдовало ожидать, россійскія пейзаночки. Вотъ здѣсь-то и оказался обѣщанный мнѣ сюрпризъ, такъ какъ я до того момента даже не подозрѣвала, что у насъ деревенскія бабы щеголяютъ въ шелковыхъ тюникахъ и причесываются у французскихъ парикмахеровъ. Вся эта группа нарядныхъ барышень вплотную подошла къ окну, у котораго я сидѣла и со словами привѣтствія: „Soyez la bienvenue, charmante rose de Sibérie—réjouissez nos coeurs que vous ayez déjà gagné“ забросала меня букетами цвѣтовъ.

Такой удивительный знакъ вниманія несказанно польстилъ моему самолюбію, и я невольно подавила въ себѣ чувство досады, вызванное передъ тѣмъ нѣкоторыми картинами въ калейдоскопѣ аллегорій, гдѣ все русское осмѣивалось съ цинизмомъ идіотовъ.

Этой сценкой закончился уличный маскарадъ; но празднично настроенная толпа долго еще не расходилась, оглашая воздухъ смѣхомъ, пѣніемъ и звуками гитаръ.

На слѣдующій день мы собрались въ обратный путь къ себѣ домой, въ нашъ тихій, патріархальный Хіосъ.

Все, пережитое тамъ и еще такъ недавно, уже стало казаться мнѣ далекимъ, тяжелымъ сномъ: слишкомъ оригинальный и яркій характеръ новой обстановки волшебно дѣйствовалъ на мое воображеніе, и я чрезвычайно неохотно покидала веселую Смирну.

Правда, что порою, измученная усталостью, я возвращалась къ милымъ призракамъ и уходила въ норывъ тоски и горькихъ сожалѣній. Тогда любимый образъ, подобно тому, какъ это бываетъ въ области сновидѣній, то воскресалъ и манилъ къ себѣ, то вновь скрывался и, блѣднѣя, угасалъ.

Однако, въ собственную похвалу могу добавить, что вакантное мѣсто въ сердцѣ пока еще оставалось не занятымъ, хотя имѣлся къ тому большой выборъ. Говоря откровенно, я просто не умѣла

разбираться въ движеніяхъ своей души, а потому и не понимала, что дѣлалось тогда со мной.

Пароходъ „Веста“, раскачиваясь то вправо, то влѣво, плавно перелеталъ съ волны на волну, направляя свой путь къ Хіосскому рейду вдоль берега Анатоліи, откуда уже дышала ароматомъ зацвѣтающихъ рощъ южная, жаркая весна.

Истомленная духотой, царившей въ каютахъ, я вышла на верхнюю палубу, чтобы остаться тамъ до утра.

Въ морѣ купались міріады звѣздъ и серебристый рожокъ луны, играя, точно брилліантами въ его темной глубинѣ.

Мы только что выбрались передъ тѣмъ изъ вѣчно бурнаго и грознаго пролива Чандарли, гдѣ насъ изрядно потрепало, а потому легкая зыбь въ Архипелагѣ казалась сущимъ пустякомъ по сравненію съ дикой вакханаліей капризныхъ теченій Малоазіатской Сциллы и Харибды.

Сложное чувство наполнило меня, когда въ туманной дали развернулась панорама Хіосской бухты, гдѣ за дымками испареній прятался силуэтъ острова, и моя фантазія полетѣла впередъ навстрѣчу любви и жаркимъ объятіямъ.

Молодость тѣмъ и очаровательна, что всегда богата иллюзіями и надеждами: тотчасъ же всѣ тревоги сомнѣнія разсѣялись и остались далеко позади. Хотя и жутко было представить себѣ возвратъ къ прошлому; но такъ неудержимо влекло къ нему...

Надъ темной чертой восточнаго горизонта раскинулась красная лента зори; грянула пушка „Езана“ [1]), возвѣщавшая мусульманамъ часъ молитвы, и контуры турецкихъ бастіоновъ выступили изъ тѣней минувшей ночи.

„Веста“ загремѣла якорями и дала протяжный свистокъ. Консульская шлюпка, подброшенная волной до уровня трапа, приняла насъ къ себѣ подъ сѣнь русскаго флага, а затѣмъ отчалила прочь.

ГЛАВА X.

Не успѣла я еще оглядѣться и прійти въ себя послѣ утомительнаго сезона, какъ уже получила записочку отъ своей турецкой подруги съ упреками за долгое отсутствіе и съ убѣдительной просьбой повидаться съ ней.

Я не была настолько сильна, чтобы противиться искушенію, а потому не разсуждая и ни надъ чѣмъ не задумываясь, но лишь получивъ согласіе тетушки, не медля отправилась въ Конакъ.

---

[1]) „Езанъ“ по-турецки восходъ солнца.

Меня встрѣтили съ бурнымъ порывомъ радости и восхищенія, какъ и слѣдовало того ожидать со стороны затворницъ, для которыхъ все, что находилось за предѣлами ихъ унылаго существованія, лишеннаго благъ общественной жизни, возбуждало къ себѣ жгучее любопытство и необычайно острое вниманіе.

Торопливые, безтолковые разспросы и шумныя восклицанія сыпались, какъ горохъ изъ мѣшка или же, правильно выражаясь, совершенно, какъ барабанная дробь, и меня тормошили, заставляя разсказывать о вещахъ, которыя интересовали моихъ собесѣдницъ болѣе всего на свѣтѣ, вслѣдствіе чего разговоръ по преимуществу вертѣлся около фасоновъ юбокъ, корсажей, шляпъ, а также цѣнъ на матеріи, цвѣты, ленты и пр. Элиме весьма огорчилась, когда узнала, что ея любимый зеленый цвѣтъ не преобладалъ на фонѣ послѣдней моды. Толстая Базя даже обидѣлась и выразила глубокое порицаніе всѣмъ дамамъ Смирны за то, что онѣ не носили красныхъ кофточекъ, вышитыхъ бисеромъ, этого самаго изящнаго, какъ она объяснила, украшенія женскаго туалета.

День угасалъ въ красныхъ лучахъ заката; часы летѣли; турчанки болтали вздоръ, которому не предвидѣлось конца, и мое радужное, приподнятое настроеніе, съ которымъ я пришла къ своей подругѣ, ожидая отъ нея другихъ рѣчей, смѣнилось досадой разочарованія и неопредѣленной тревогой въ душѣ, такъ какъ чѣмъ дальше, тѣмъ становилось яснѣй, что она сознательно и по какимъ-то скрытымъ причинамъ не давала мнѣ подойти къ интимной сторонѣ дѣла, а именно къ тому, что томило и заставляло трепетать все мое существо. Но какъ ни увертывалась хитрая Элиме, мнѣ, наконецъ, удалось прижать ее къ стѣнѣ: поймавъ моментъ, когда мы случайно остались вдвоемъ, я съ дѣланнымъ равнодушіемъ спросила:

— А какъ поживаетъ Тафти-бей и его гаремъ?

— Да все по-старому,—отвѣтила она и сверкнула глазами:— Фатима еще не разведена, и невольницы также остались при немъ. Впрочемъ, едва-ли это можетъ интересовать васъ теперь,—добавила она, улыбаясь: по всѣмъ вѣроятіямъ вы уже полюбили въ Смирнѣ какого-нибудь ученаго франка, да и онъ, кажется, успокоился...

Мнѣ стало вдругъ холодно почти до физическаго страданія; но уязвленное самолюбіе женщины оказалось сильнѣе любви, сильнѣе ревности и другихъ чувствъ: я даже не растерялась и, такимъ образомъ, не выдала себя.

— Ну, конечно, Ибрагимъ, какъ и всегда, проводитъ васъ,— отвѣтили хозяйки на мою просьбу объ этомъ и переглянулись между собой:—онъ дежуритъ на площадкѣ и, безъ сомнѣнія, съ

величайшимъ восторгомъ пойдетъ за вами куда угодно!—разсмѣялись онѣ неизвѣстно чему.

Я сошла внизъ, гдѣ евнухъ открылъ мнѣ дверь и молча указалъ пальцемъ по направленію сторожевой будочки у входа въ конакъ.

Черная, хмурая ночь уже раскинулась надъ міромъ; луны еще не видно было на горизонтѣ, а звѣзды прятались за облаками.

При такомъ скудномъ освѣщеніи фигура сидѣвшаго неподвижно на своемъ посту солдата казалась издали безформенной массой застывшей во мракѣ; но когда я подошла къ нему вплотную, то увидѣла, что онъ, закутавшись до глазъ въ широкій плащъ и опустивъ низко голову, какъ будто бы спалъ.

— Ибрагимъ!—позвала я, наклоняясь къ его лицу:—ты спишь?.. Но я не успѣла ни шевельнуться, ни вскрикнуть или же понять, что произошло затѣмъ, такъ какъ сильныя руки обхватили меня и сжали до боли въ своихъ объятіяхъ.

— Ты вернулась, милая, дорогая! ты моя—не правда ли?—прошепталъ нѣжный голосъ, вздрагивая отъ страсти и огненные зрачки блеснули мнѣ прямо въ глаза—передо мной стоялъ Тафти-бей...

— Да отвѣчай же и поцѣлуй меня!—говорилъ онъ, прикасаясь горячими, какъ уголья, губами къ моему лицу.

Я съ трепетомъ сердца слушала его, но всѣ мои душевныя силы пошли въ разбродъ, а онъ, между тѣмъ, настойчиво повторялъ:

— Ну, скажи, что ты по-прежнему меня любишь и готова слѣдовать за мной, куда бы я ни повелъ тебя? Взгляни же на меня—я такъ давно тебя не видѣлъ и такъ страдалъ! Обстоятельства складываются не въ нашу пользу, и, кажется, придется намъ обоимъ уѣхать отсюда тайно—обѣщай же мнѣ, что ты безъ всякихъ колебаній пойдешь за мной?

Но вмѣсто того, чтобы отозваться на призывъ любимаго существа, я вдругъ съ ужасающей отчетливостью увидѣла себя на краю пропасти, и ненавистный призракъ его семейнаго быта сталъ между нами. Злоба, негодованіе и жажда оскорбить этого человѣка, такъ нѣжно ласкавшаго меня на своей груди, заполнили всю мою душу.

Я рванулась изъ желѣзныхъ тисковъ его объятій и, задыхаясь, крикнула ему:

— Оставь меня, азіатъ, и уходи къ своимъ наложницамъ—я ненавижу тебя!

Тафти вздрогнулъ, какъ отъ удара хлыста и нѣсколько мгновеній смотрѣлъ передъ собой: въ глубинѣ его глазъ разгоралось пламя—мнѣ стало жутко...

— Да какъ ты смѣешь оскорблять меня,—скорѣе прошипѣлъ, чѣмъ проговорилъ онъ сквозь сжатые зубы:—опомнись! или я убью

тебя, безсовѣстное, коварное созданіе—слышишь? и въ рукѣ у него блеснулъ клинокъ ятагана.

Невольнымъ, быстрымъ движеніемъ я отшатнулась въ сторону; но въ слѣдующій моментъ меня внезапно подхватилъ, словно налетѣвшимъ шкваломъ, бурный порывъ дикой отваги и отчаянной рѣшимости не сдаваться.

— Тафти,—сказала я, протягивая къ нему руки:—убей меня, если хочешь, но ты требуешь невозможнаго...

— Вотъ оно что! не хочешь ли ты этимъ сказать, что у меня соперникъ?—и съ угрожающимъ жестомъ онъ шагнулъ ко мнѣ—наши взгляды встрѣтились, и тогда я прекрасно поняла, что могло послѣдовать за тѣмъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! не то, совсѣмъ не то!—стремительно кидаясь къ нему на шею, чтобы предупредить вспышку ярости его необузданнаго темперамента, горячо убѣждала я, зажимая ему ротъ поцѣлуемъ:—Тафти, меня жестоко терзаетъ ревность: у тебя наложницы, и ты, кажется, ихъ любишь...

— Ахъ, какія глупости!—рѣзко перебилъ онъ:—и слушать не хочу!.. Начать хотя бы съ того, что мы еще не мужъ и не жена, а слѣдовательно ты не имѣешь права требовать отъ меня супружеской вѣрности... Но прежде всего прошу не забывать, что я также не монахъ съ Аѳонскихъ горъ, ни евнухъ и потому не нахожу возможнымъ жить по твоей программѣ... Однако и ты хороша—нечего сказать: клялась любить только меня одного, а сама, тѣмъ не менѣе, упорхнула въ эту проклятую Смирну и охотно позволяла ухаживать за собой! Не оправдывайся—мнѣ все извѣстно!—отвѣтилъ Тафти на мои протестующіе возгласы:—какъ и черезъ кого—то уже сюда не касается, хотя надо отдать тебѣ и справедливость, что серьезныхъ увлеченій съ твоей стороны не замѣчалось.

— Прелестная европеянка, не думаете ли вы по свойственному вашей расѣ самомнѣнію, что можно безнаказанно играть душой и пламеннымъ сердцемъ „презрѣннаго азіата“ лишь только ради новизны впечатлѣній или же отъ скуки, а затѣмъ все это отшвырнуть прочь, какъ негодную вещь?—совсѣмъ неожиданно перешелъ мой сердитый, но очаровательный собесѣдникъ на иронію и церемонное „вы“:—смотрите, не обожгитесь!—добавилъ онъ и въ тонѣ его голоса прозвучало мстительное, злобное чувство.

Издали сталъ доноситься шумъ голосовъ и шаговъ. Бей тревожно оглянулся и тихо сказалъ:

— Смѣна караула—уйдемъ отсюда, а то не хорошо, если солдаты застанутъ насъ въ столь необычайной обстановкѣ.

— Да, конечно,—подтвердила я:—но куда же дѣлся Ибрагимъ?

— Не все ли равно куда!—раздражаясь, отвѣтилъ онъ и, прикрывъ меня полою своего плаща, заставилъ слѣдовать за собой.

ГЛАВА XI.

Кругомъ царили черныя тѣни и безмолвіе ночи.

Вѣтеръ, разсѣявъ густыя массы облаковъ, притихъ, и въ глубинахъ небесъ загорѣлись яркія звѣзды.

Спутникъ мой, тяжело дыша, все прибавлялъ шагу, увлекая меня дальше.

Покоренная его волей, не размышляя и не сопротивляясь, я шла съ нимъ въ ногу.

Изъ темноты стали выступать очертанія валовъ цитадели и протяжное „бакъ“! [1]), перекликавшихся часовыхъ, неслось оттуда унылымъ, тягучимъ эхомъ. Чтобы не встрѣтиться съ патрулемъ, ходившимъ по улицамъ только европейскаго города, Тафти-бей сошелъ съ площади, и мы углубились въ лабиринтъ мусульманскаго квартала, гдѣ за деревянными рѣшотками оконъ турецкихъ домовъ уже не слышно было движенія жизни.

Даже собаки, валявшіяся стаями по грязной мостовой, не шевельнулись, скованныя мертвымъ сномъ, тогда какъ мой кавалеръ безъ всякой церемоніи наступалъ имъ на хвосты.

Наконецъ, мы остановились, чтобы передохнуть, и усѣлись на ступеньку порога какой-то разрушенной лачуги.

Я посмотрѣла на Тафти-бея сбоку, и мнѣ стало не по себѣ: выраженіе его лица обѣщало мало хорошаго. Слезы хлынули у меня изъ глазъ, и я робко заговорила:

— Тафти, ты отведешь меня домой—не правда ли?

— Ну, конечно,—сурово отвѣтилъ онъ и задумался.

— Мой прелестный и милый другъ,—приласкалась я къ нему, надѣясь смягчить въ немъ гнѣвъ, и стала нѣжно водить рукой по его волосамъ и хорошенькимъ усикамъ, разглаживая ихъ:—прости меня и забудь о томъ, что произошло сейчасъ между нами...

— Хорошо!—хмуро перебилъ онъ, слегка отстраняя меня; но помни, что если въ другой разъ, то...

Договаривать не надо было, такъ какъ лезвіе кинжала опять блеснуло въ невѣрномъ освѣщеніи звѣздъ.

Угроза эта хотя и вызвала во мнѣ глухой протестъ и негодованіе, но я нашла достаточно присутствія духа, чтобы не расте-

---

[1]) По-турецки „слушай“!

ряться и молча отвела въ сторону лезвіе ножа, считая себя не безъ основаній уже обстрѣлянной птицей.

— Ты называешь меня „азіатомъ“ и попрекаешь наложницами,— горячился онъ, при чемъ слова дрожали у него на губахъ, и въ зрачкахъ разгорался злой огонекъ, точно у кошки:—а между тѣмъ, у васъ же, просвѣщенныхъ европейцевъ, онѣ также въ ходу, какъ и на Востокѣ; но, конечно, подъ другимъ ярлыкомъ и съ тою разницей, что своихъ мы покупаемъ на рынкахъ по праву, данному намъ религіей, и пользуемся ими у себя дома, а вы строите имъ дворцы, осыпаете этихъ продажныхъ тварей брилліантами и разоряете легальныя семьи. Или по житейской неопытности ты еще не успѣла ознакомиться со всѣми тонкостями западной морали?

— Тафти!—возразила я съ горечью разочарованія, едва сдерживая крикъ отчаянія: все это неправда—такъ жить невозможно! Мнѣ легче было бы умереть, чѣмъ видѣть другихъ женщинъ возлѣ тебя—на такія условія я не пойду ни за какія блага міра...

Но онъ не далъ мнѣ высказаться и перебилъ восклицаніемъ глубокаго изумленія:

— Ты, кажется, забыла рѣшительно все, что я уже обѣщалъ тебѣ не разъ, или мы не понимаемъ другъ друга? Гурія моя,— продолжалъ онъ, захватывая меня въ свои объятія:—отдай мнѣ свою жизнь, и мы будемъ безумно счастливы.

Унесенная волною очарованія за предѣлы внѣшняго міра, я съ трепетомъ слушала его, безсознательно считая удары своего сердца и по непонятной ассоціаціи идей скорѣе думала о постороннихъ вещахъ, чѣмъ о томъ, что долетало только обрывками до моего слуха.

— Итакъ, сокровище мое, вопросъ, слѣдовательно, рѣшенъ, и мы уѣзжаемъ въ Боснію и уже тамъ обвѣнчаемся.

— Le vin est tiré—faut le boire, какъ справедливо говорятъ французы,—точно издали произнесъ голосъ.

Это вернуло мою мысль изъ области хаоса къ существу дѣла.

— Когда?—спросила я, замирая отъ страха передъ загадкой будущаго, словно на меня упалъ тяжелый камень.

— Во всякомъ случаѣ до праздника вашей Пасхи,—отвѣтилъ съ увѣренностью Тафти:—смотри же, не растеряйся и будь готова. Прежде всего ты получишь записочку отъ Элиме съ приглашеніемъ къ ней на обѣдъ. Тебя, конечно, отпустятъ и проводятъ. Что же касается дальнѣйшаго, то предоставь мнѣ обо всемъ позаботиться. Но прежде чѣмъ намъ разстаться до сказанной встрѣчи, я долженъ получить отъ тебя клятвенное обѣщаніе, что въ рѣшительную минуту ты не обманешь меня? Взгляни на небеса и перекрестись

сейчасъ же, какъ тамъ у васъ полагается, и успокой мою душу,— настойчиво повторялъ онъ, требуя немедленнаго отвѣта.

Тогда, заведенная въ тупикъ и не зная, какъ изъ него выбраться, я стала съ напряженіемъ воли искать въ умѣ такую комбинацію, чтобы и жениха своего не раздражить, и отъ прямого отвѣта уклониться до времени; но измученная сомнѣніемъ, ровно ничего не придумала подходящаго и вынуждена была исполнить въ точности его желаніе.

— Однако, скоро взойдетъ луна, и насъ могутъ замѣтить изъ оконъ—идемъ!—весело проговорилъ мой кавалеръ, запахивая надо мной свой плащъ. Мы прижались другъ къ другу и отправились дальше.

— Объясни же мнѣ, наконецъ, Тафти, кто устроилъ такъ, что на часахъ вмѣсто солдата оказался адъютантъ паши?—съ такимъ вопросомъ обратилась я къ нему, когда мы уже повернули въ греческій кварталъ.

— Кто устроилъ?—переспросилъ онъ, улыбаясь:—да никто иной, какъ мой кошелекъ!

— Нѣтъ! ты разскажи подробно,—настаивала я, охваченная любопытствомъ и получила въ отвѣтъ:

— Что же тутъ интереснаго? ну, подарилъ губернаторскому евнуху нѣсколько лиръ — кстати, онъ жаденъ, какъ дьяволъ,—и передалъ черезъ него же гаремнымъ дамамъ всякую тамъ ювелирную дрянь, до которой онѣ большія охотницы—вотъ и все! чего же проще—не правда ли?

Дыханіе вѣтра, пропитаннаго солеными испареніями, неслось къ намъ навстрѣчу, возвѣщая близость моря.

Вскорѣ мы пришли къ берегу и остановились передъ картиной волшебной ночи, развернувшей надъ Архипелагомъ всѣ свои чудеса. Изъ-за кряжа хіосскихъ горъ выходилъ багровый дискъ луны, разбрасывая вокругъ снопы лучей. Тѣни стали колебаться, побѣждая мракъ и населяя перспективы дрожавшими фантомами. Въ мистическомъ сіяніи фосфорились волны и тихо шуршали, бросаясь на песокъ къ нашимъ ногамъ.

На рейдѣ пылали и дымились красные факелы рыбаковъ, украшая панораму необычайными эффектами.

Вдругъ сорвалась яркая звѣзда, мелькнула огненной полосой и утонула въ глубинѣ моря.

Плохая примѣта!—сверкнула навязчиво суевѣрная мысль, и неопредѣленная тоска закралась въ сердце.

Я смотрѣла вверхъ на звѣздное небо и грустно размышляла о томъ, идти или нѣтъ въ ту загадочную даль, откуда уже не могло

быть возврата, и хватитъ ли у меня силъ оторваться навсегда отъ привычныхъ условій жизни? Но неотразимое вліяніе горячей любви туманило разумъ, и я никакъ не умѣла разобраться въ противорѣчіяхъ смущенной души.

Спутникъ мой также молчалъ; но порою онъ тревожно оглядывался, какъ-будто стараясь увидѣть что-то.

— Такъ поздно, Тафти! едва-ли мы найдемъ здѣсь лодку,— чтобы перевезти насъ,—угадывая его намѣреніе, сказала я громко:— вернемся назадъ, и проводи меня пѣшкомъ—воображаю, какъ безпокоится тетушка и какъ достанется мнѣ?!

— Да тебя вовсе и не ждутъ дома, предполагая, что ты осталась до утра въ гаремѣ—возразилъ онъ, улыбаясь: — надѣюсь вполнѣ, что наша ловкая посредница, Элиме, уже позаботилась объ этомъ и приняла надлежащія мѣры согласно моимъ указаніямъ...

Такое откровенное признаніе озадачило меня, и я заглянула ему въ глаза:

— Ты задумалъ что-то недоброе! у тебя выраженіе лица ужасное!—вскрикнула я и бросилась въ паническомъ страхѣ бѣжать отъ него. Но мнѣ не удалось сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ я снова была въ его рукахъ.

— Что съ тобой?—спрашивалъ онъ, усаживая меня на одинъ изъ прибрежныхъ камней, у которыхъ бился прибой, обдавая насъ фонтанами морской пѣны:—ты, кажется, опять вздумала оскорблять меня нелѣпыми подозрѣніями—опомнись, душа моя, и не забывай, что всему бываетъ конецъ и моему терпѣнію также...

— Ты любишь меня и боишься—странно!—звенѣлъ его голосъ, какъ натянутая струна:—а между тѣмъ обманулъ ли я твою довѣрчивую нѣжность? теперь представь себѣ на одинъ только мигъ въ обстановкѣ нашихъ свиданій какого-либо очаровательнаго франка—хотя бы изъ тѣхъ, которые ухаживаютъ за тобой—не думаешь ли ты, что онъ, подобно мнѣ, азіату, такъ благоговѣйно-свято охранялъ бы тебя въ своихъ же объятіяхъ?... Какъ поразительно ты наивна и какъ мало постаралась изучить судьбою назначеннаго тебѣ въ мужья человѣка, а я хочу безусловно вѣрить, что мы именно созданы другъ для друга.

Съ этими словами онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ и вдругъ пронзительно свистнулъ. Тогда я увидѣла, что изъ-за выступа скалы, чернѣвшей въ недалекомъ разстояніи, взлетѣла на гребень волны арабская фелуга и, ныряя, какъ утка, быстро стала приближаться къ берегу. Подплывъ къ тому мѣсту, гдѣ мы сидѣли на камняхъ, гребецъ вышелъ изъ лодки и приблизился къ Тафти-бею. То оказался

нубіецъ—евнухъ его гарема, преданный своему господину, какъ собака.

Черная физіономія раба и бѣлки его глазъ, блеснувшіе въ ночныхъ сумеркахъ, еще не разсѣянныхъ лучами поднимавшейся луны, вызвали въ моемъ и безъ того болѣзненно настроенномъ воображеніи иллюзію грознаго чудовища, явившагося по знаку своего жестокаго, мстительнаго и коварнаго властелина съ тѣмъ, чтобы запрятать меня въ мѣшокъ и бросить въ море.

Ужасъ смерти проникъ во всѣ фибры моего существованія и затмилъ разсудокъ: съ отчаяннымъ воплемъ: „Не надо! не надо—пощади!“—я упала къ ногамъ моего кумира и лишилась сознанія.

Е. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ біографіи Л. А. Мея.

Левъ Александровичъ и Софья Григорьевна Мей, ихъ родные и знакомые.

(Семейная хроника)[1]).

Глава VIII.

Борисъ Семеновичъ Озеровъ и сельцо Бурцово.

Бурцово, такъ называлось имѣніе, куда пріѣхалъ Л. Ал., принадлежало весьма уважаемому сенатору Озерову. Его единственный сынъ—Борисъ Семеновичъ, былъ уже въ высшихъ классахъ Училища Правовѣдѣнія, когда умеръ отецъ, оставивъ ему милліонное состояніе. Матери у него давно уже не было. Борисъ Семеновичъ, не окончивъ курса, вышелъ изъ Правовѣдѣнія, пріѣхалъ въ Москву и началъ проживать отцовское состояніе. Онъ былъ товарищемъ по училищу молодымъ Полянскимъ, и большой пріятель Л. Ал. Озеровъ только что женился на какой-то француженкѣ. Тотчасъ послѣ свадьбы она уѣхала въ Парижъ за своими родителями, а Бор. Сем., еще въ первый разъ послѣ смерти отца, рѣшился уѣхать въ деревню, чтобы поправить свое уже расшатанное состояніе, а такъ же и здоровье. Это былъ высокій, тонкій, бѣлокурый, съ большими, свѣтлыми глазами, двадцати-трехъ, или четырехъ лѣтній молодой человѣкъ.

Озеровъ уговорилъ Полянскихъ, съ которыми былъ очень коротко знакомъ, провести лѣто въ Бурцовѣ. Онъ предложилъ имъ половину

---

[1]) См. „Русская Старина“ апрѣль 1911 г.

своего обширнаго дома: самъ занялъ нижній этажъ, а верхній и мезонинъ уступилъ Полянскимъ. Въ это время у Григорія Михайловича была очень большая семья. Кромѣ своихъ дѣтей, у него жила родная племянница Анны Ивановны, дочь Пелагеи Ивановны — Екатерина Ивановна Есаулова, рано осиротѣвшая; тетка взяла ее къ себѣ и воспитывала со своими дочерями. Иванъ Григорьевичъ съ красавицей-женой тоже пріѣхалъ въ Бурцово.

Скоро возвратилась и жена Озерова, Марія-Антуаннета. Она привезла съ собой роскошное приданое, сдѣланное въ Парижѣ, Папà-Мамà Буръ, мадамъ—Люсъ (друга своего дѣтства) и двѣнадцати-лѣтнюю сестру—Нишонъ, очень хорошенькую дѣвочку, уже тогда подававшую надежды сдѣлать со временемъ тоже блистящую партію.

Въ Бурцовѣ Льву Ал. было весело. Онъ любилъ природу, лѣсъ и вообще деревню. Окруженный своей семьей и друзьями юныхъ лѣтъ, онъ пользовался полною свободой и беззаботной, роскошной жизнью прежнихъ богатыхъ помѣщиковъ.

Большой двухъ-этажный домъ, окруженный цвѣтниками и огромнымъ паркомъ, терявшимся въ лѣсу; обширный дворъ съ надворными строеніями; большая дворня; отличный поваръ; множество собакъ, лошадей и всевозможныхъ экипажей.

Оба семейства жили отдѣльнымъ хозяйствомъ, съ собственной прислугой, совершенно различными нравами и образомъ жизни. Но они каждый день видались и всѣ удовольствія были общія.

Смоленская губ. вся покрыта лѣсами, грибовъ бездна. Иногда, все общество, въ сопровожденіи двухъ великолѣпныхъ водолазовъ: Гундорки и Сарки, дворовыхъ дѣвушекъ и подводы съ корзинами, отправлялись за грибами. Въ лѣсу перекликивались, аукались, пѣли. На привалкахъ угощались, и черезъ нѣсколько часовъ возвращались съ полнымъ возомъ грибовъ. Шутили, смѣялись, хвастались кто что нашелъ. Одинъ разъ Л. Ал. принесъ огромную корзину грибовъ, онъ насилу дотащилъ ее и торжественно поставилъ передъ обществомъ. Но какъ онъ былъ смущенъ и огорченъ, когда вмѣсто предполагаемыхъ груздей оказались горькія скрипицы, которыхъ не ѣдятъ.

По праздникамъ, на широкій барскій дворъ собирались крестьянскія дѣвушки и парни водить хороводы. Когда сняли хлѣбъ съ поля, нѣсколько красивыхъ дѣвушекъ, въ нарядныхъ сарафанахъ, съ разноцвѣтными лентами въ длинныхъ косахъ, со снопомъ на плечѣ у каждой, въ сопровожденіи всего хоровода, съ низкимъ поклономъ, опустили ихъ передъ господами. Хозяинъ и его гости роздали дѣвушкамъ мелкую монету. А пока онѣ пѣли, плясали, водили хороводы, ихъ угощали: пряниками, орѣхами, изюмомъ,

леденцами. Подносили брагу и медъ. Расходившійся народъ веселился до глубокой ночи, и долго еще, до самой зори, доносились изъ деревни отдаленные звуки пѣсенъ.

У Озерова было еще маленькое имѣніе, возлѣ самаго Бородина. Льву Алек. удалось быть на Бородинскомъ полѣ, гдѣ былъ раненъ его отецъ, и на рѣкѣ Колочѣ, гдѣ тоже дрались съ французами. Настоятель Колоцкаго монастыря былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ обитателями Бурцова и пріѣзжалъ иногда къ нимъ въ гости, на стерляжью уху, куда для вкуса вливалась бутылка шампанскаго. Настоятель привозилъ съ собой нѣсколько молодыхъ, рясофорныхъ монаховъ и послушниковъ. Л. Ал. поддразнивалъ одну изъ своихъ родственницъ, и потихоньку, отъ имени инока, писалъ ей посланія въ стихахъ, поддѣльнымъ почеркомъ, въ семинарскомъ духѣ. Свернутыя въ видѣ письма и запечатанныя сургучемъ, они таинственно передавались кому слѣдуетъ, и посланный исчезалъ, не дожидаясь разспросовъ. Сохранилось два изъ этихъ шуточныхъ посланій: одно отъ вымышленнаго героя, а другое—отъ его друга.

1.

„Хоть дѣлятъ горы насъ и рѣки,
Я не томлюся, не крушусь,
Но нынѣ, присно и во вѣки,
Тебѣ о, Ангелъ мой, молюсь.

Не мни же ты, что страстью плоцкой
Я уязвленъ, мой духъ плѣня;
Нѣтъ: Богоматери-Колоцкой
Ты, дѣва, выше для меня.

2.

A la Heine.

„Отъ волненья то блѣденъ, то красенъ,
Скрыть тревоги души не умѣя,
Іерей былъ вполнѣ эпостасенъ;
А *она* божество Іерея,
Улыбалась ему идеально
И молчала, и взглядъ свой покорный
Къ потолку возводила печально,
Иль въ землю глядѣла упорно.

Онъ уѣхалъ..... она съ нимъ прощалась!
На дворѣ была темень и слякоть...
Засмѣяться *она* попыталась,
Но въ душѣ ей хотѣлося... плакать.

подписано Н. Растуновскій.

Озеровъ страстно любилъ лошадей. По срединѣ двора насажены были кустарники и мелкія деревья, обнесенныя кругомъ рѣшоткой. Каждый день, при закатѣ солнца, кучера выводили, одну за другой, его чистокровныхъ коней и гоняли ихъ на кордѣ, чтобы не застоялись. Но иногда Борисъ Семеновичъ самъ ихъ прокатывалъ. Въ красной шелковой рубашкѣ, въ черной бархатной поддевкѣ, въ высокой, ямщицкой шляпѣ, съ павлиньимъ перомъ, онъ ловко забиралъ возжи въ руки. Лошади били копытами, фыркали, рвались; нѣсколько кучеровъ и конюховъ едва могли ихъ удерживать. А когда ихъ пускали, и выѣзжали на столбовую дорогу, духъ захватывалъ отъ быстрой ѣзды. Но и Л. Ал. любилъ такую ѣзду не меньше Озерова. Изъ женщинъ только самыя смѣлыя рѣшались съ нимъ ѣздить.

У Озерова былъ прекрасный баритонъ, онъ пѣлъ цыганскія пѣсни съ такимъ *шикомъ*, что могъ быть запѣвалой въ любомъ цыганскомъ хорѣ. Конечно, эта наука обошлась ему не дешево. Но, несмотря на любовь къ цыганамъ, собакамъ, лошадямъ и наѣздничеству, даже не смотря на женитьбу на дочери французскаго сержанта, Озеровъ былъ совершенно порядочный человѣкъ. Въ немъ не было ни малѣйшаго ухарства или хвастовства. Онъ былъ сдержанъ, учтивъ, деликатенъ и очень добръ. Въ манерахъ его была полировка человѣка хорошаго круга.

Въ тотъ годъ лѣто было продолжительное и очень хорошее, такъ что въ началѣ октября можно было пить чай на балконѣ, въ лѣтнихъ платьяхъ; а нѣкоторые даже купались. Наставала осень, но никто и не думалъ разъѣзжаться. У Озерова былъ бильярдъ, что тоже составляло одну изъ любимыхъ забавъ Льва Алек. Гр. Мих. Полянскій привезъ въ Бурцово троихъ изъ своихъ музыкантовъ; вверху и внизу стояли хорошіе рояли; Михаилъ Григ. еще въ Правовѣдѣніи былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ Гензельта и пѣлъ басомъ. Пѣли, играли, принимали гостей, ѣздили по сосѣдямъ; француженки наряжались, болтали, кокетничали; Марія Антуаннета изображала русскую-боярыню и очень любила Льва Алек.

Настали Святки, задумали устроить гадальный вечеръ. Шили костюмы, спѣвались, дѣлали репетиціи. Въ назначенный день, когда передъ гостями распахнулась дверь ярко освѣщенной залы, по

срединѣ ея мѣрно и плавно двигался хороводъ, который подъ аккомпаниментъ кларнета и флейты, стройно пѣлъ: „Вдоль по̀ морю. морю синему, по синему, по Хвалынскому, плыла лебедь съ лебедятами, со малыми со утятами". Въ кругу хоровода, одна изъ молодыхъ женщинъ, съ двумя дѣтьми, представляла лебедь. А когда запѣли: „Отколь возьмись младъ, ясёнъ соколъ, Левъ Ал. замѣнилъ лебедь, а вслѣдъ за нимъ въ кругъ вошла „Красна дѣвица душа". Женщины были въ роскошныхъ сарафанахъ и кокошникахъ, а дѣвицы въ повязкахъ, съ распущиными косами; мущины въ шелковыхъ рубашкахъ и поддевкахъ. Озеровъ, съ балалайкой въ рукахъ, былъ запѣвалой. По окончаніи этого маленькаго пантоминнаго представленія, совершенно удавшагося и вызвавшаго аплодисменты гостей, началось гаданье: всѣ женщины сѣли вокругъ стола, покрытаго бѣлою скатертью; а мужчины окружили ихъ стулья. По срединѣ стояла чаша съ чистой водой; въ ней лежалъ уголекъ и горсточка песку, каждая положила въ воду колечко или сережку. Сперва пропѣли „*Славу*", а потомъ начались подблюдныя пѣсни. Послѣ каждой изъ нихъ дѣвочка вынимала одно изъ колечекъ, значеніе пѣсни предсказывало будущее. А съ послѣднимъ кольцомъ горничная бѣгала куда-то подслушивать, что говорятъ, чтобы узнать судьбу владѣтельницы колечка. Потомъ началась музыка: Мих. Гр. и Софья Григ. играли на роялѣ; а послѣ сытнаго, роскошнаго ужина, когда дѣтей отправили спать, гости смѣшались съ хозяевами, хоромъ пѣли и русскія, и цыганскія пѣсни, плясали и веселились всю ночь. Нѣкоторые изъ гостей уѣхали, но большая часть остались ночевать.

Когда на дворѣ шумѣла вьюга, по лѣсу разносились рѣзкіе крики филина и завывали волки; а въ домѣ было такъ свѣтло, тепло и уютно, становилось какъ-то еще веселѣй и оживленнѣй.

Только одного не любили Бурцовскіе жители—это охоты. Хотя у Озерова, на псарномъ дворѣ было до шестидесяти собакъ, разныхъ породъ, но никто кромѣ егерей не охотился. Правда, что какъ-то разъ, зимой, Борисъ Семен. съ гостями ѣздили на волковъ, съ поросенкомъ въ мѣшкѣ, но ни одного волка не убили, и злосчастный поросенокъ возвратился домой, въ томъ же мѣшкѣ, къ вящшему удовольствію всего общества. Иногда, лѣтомъ, Папà-Мамà-Буръ ходили на рѣчку удить рыбу, а Нишонъ нанизывала ихъ на нитку за жабры. Но на это всѣ возставали. Вообще, никакія жестокости не допускались у мирныхъ обитателей сельца Бурцова, помышлявшихъ только объ удовольствіяхъ. Левъ Ал. считалъ охоту величайшимъ варварствомъ и никогда не простилъ бы себѣ, если бъ убилъ, хотя одного воробья. Онъ тоже не любилъ птицъ въ клѣткахъ.

Живя уже въ Петербургѣ, каждую весну, въ Благовѣщеніе, Левъ Ал. покупалъ нѣсколько птицъ и выпускалъ ихъ на волю. Въ одной изъ Петербургскихъ квартиръ, въ его кабинетѣ стояло нѣсколько большихъ кадокъ съ ёлками, на которыхъ висѣли открытыя клѣтки, и по комнатѣ летали птички.

Никакія удовольствія не отвлекали Льва Ал. отъ умственныхъ занятій, онъ не могъ обходиться безъ нихъ ни одного дня, это была его органическая потребность. Левъ Ал. зорко присматривался къ народному быту, старался разгадать его характеръ, нужды и обычаи. Разговаривалъ съ крестьянами, заходилъ въ ихъ избы, записывалъ пѣсни и повѣрья. Въ Бурцовѣ онъ много занимался польскимъ языкомъ и изучалъ его поэтовъ, пользуясь сосѣдствомъ польскаго семейства и хорошей польской библіотекой. Въ деревнѣ Л. Ал. отдохнулъ и окрѣпъ, а когда пріѣхалъ въ Москву, онъ энергично принялся за свою новую должность инспектора.

Глава IX.

2-ая Московская гимназія; отъѣздъ и петербургская жизнь.

Всѣхъ гимназистовъ было *300*. Изъ числа ихъ только *60* пансіонеровъ, всѣ остальные—приходящіе. Посѣщая всѣ классы и проводя цѣлые дни въ гимназіи, Л. Ал. скоро ознакомился со своими воспитанниками, а такъ же и съ учителями, и началъ вводить новые порядки, основанные на справедливости и гуманности: онъ заботился о хорошемъ содержаніи пансіонеровъ; требовалъ отъ гувернеровъ ласковаго обращенія съ гимназистами; поддерживалъ даровитыхъ, но бѣдныхъ мальчиковъ, когда замѣчалъ, что ихъ стараются затирать; бралъ къ себѣ воспитанниковъ старшаго класса, которые не ѣздили домой: кормилъ ихъ обѣдомъ, читалъ съ ними, игралъ въ шахматы, бралъ съ собою гулять. Гимназисты обожали его, нѣкоторые учителя почувствовали къ нему дружбу и уваженіе, но была и недовольная партія. Левъ Ал. снова сдѣлался сотрудникомъ „Москвитянина“, часто видался съ Погодинымъ, Вельтманами, графомъ и графиней Ростопчиными и провелъ часть каникулярнаго времени въ ихъ знаменитомъ подъ-московномъ имѣніи: въ с. Вороновѣ. Но Льву Ал. не суждено было долго оставаться инспекторомъ 2-ой Московской гимназіи: не прошло и года, какъ жена его серьезно заболѣла, доктора предписали теплый климатъ, и въ концѣ поста 1853 года Левъ Ал. съ женою уѣхалъ въ Петербургъ хлопотать о переводѣ его на Югъ. Онъ думалъ скоровер-

нуться, чтобы присутствовать при экзаменахъ выпускныхъ гимназистовъ, но дѣла задержали его въ Петербургѣ, и Левъ Ал. уже никогда больше не возвращался въ Москву.

Въ это время министромъ народнаго просвѣщенія былъ Абр. Сер. Норовъ, Левъ Ал. былъ съ нимъ коротко знакомъ. Министръ назначилъ его инспекторомъ Одесскаго Лицея. Л. Ал. четыре мѣсяца уже считался тамъ на службѣ. Вся его мебель въ Москвѣ была продана, а остальныя вещи отправлены въ Одессу, но прежде чѣмъ онъ собрался туда уѣхать, началась Крымская война. Всѣ казенныя заведенія были переведены въ болѣе безопасныя мѣста, а воспитанники распущены по домамъ; ѣхать было некуда, и Л. Ал. остался въ Петербургѣ—навсегда. Онъ причислился къ Археографической Комиссіи и всецѣло отдался литературѣ. Первое время ему трудно было жить въ Петербургѣ, но его поддержалъ дядя—Петръ Ивановичъ Мей, который былъ въ это время главноначальствующій всего Воспитательнаго Дома.

Скоро имя Л. Ал. Мея стало самымъ популярнымъ: стихи [1]) и проза его появлялись вездѣ — въ толстыхъ журналахъ и въ мелкихъ современныхъ изданіяхъ. Всѣ редакторы, на расхватъ, желали имѣть его своимъ сотрудникомъ, и публика съ увлеченіемъ читала все, что онъ писалъ. Левъ Ал. сдѣлался моднымъ поэтомъ. Въ то время въ Петербургѣ были въ обычаѣ литературно-художественные вечера, Л. Ал. получалъ безпрестанныя приглашенія и вездѣ былъ любимымъ гостемъ. Въ домѣ графа Ѳедора Петровича Толстого, бывшаго тогда вице-президентомъ Академіи Художествъ, Л. Ал. встрѣчался почти со всѣми тогдашними художниками и познакомился съ извѣстнымъ тогда архитекторомъ Андреемъ Ивановичемъ Штакеншнейдеромъ.

---

[1]) Стихотвореніе: *„Ты печальна, ты тоскуешь“* положено на музыку гр. Гр. Ал. Кушелевымъ-Безбородко. Оно написано невѣстѣ двоюроднаго брата Л. Ал. единственнаго сына Петра Ив. Петра Петровича Мея. Онъ женился на княжнѣ Варварѣ Александровнѣ Кропоткиной. Это родоначальники всѣхъ теперешнихъ Меевъ, такъ какъ ни у Льва Ал., ни у брата его Вячеслава Ал. не было дѣтей.

Стихотвореніе: *„Знаешь ли, Юленька“* написано двоюродной сестрѣ Л. Ал. Юліи Ив. Мей, она была замужемъ за Ник. Ив. Липинымъ, впослѣдствіи это былъ извѣстный генералъ путей сообщенія.

А стихотвореніе: *„Любъ“* написано ихъ дочери Любови Николаевнѣ Липиной, теперешней Масловой.

Глава X.

Штакеншнейдеръ.

Окончивъ постройку своего дома, на Бол.-Милліонной улицѣ, Андрей Ивановичъ пожелалъ показать его Петербургу. Чтобы попасть въ число приглашенныхъ, слѣдовало быть, ежели не совсѣмъ знаменитостью, то по крайней мѣрѣ носить извѣстное имя. Въ назначенный день у Штакеншнейдеровъ собирались: почти вся Академія Художествъ, начиная съ Бруни, Айвазовскаго и пр.; литераторы, финансисты, чиновники-звѣздоносцы и многіе другіе. Сперва, всѣ эти знаменитости безцѣльно бродили по длинному ряду красивыхъ комнатъ, недоумѣвая, зачѣмъ ихъ позвали, и что они должны были дѣлать? Они толпились въ красной Помпейской гостиной, въ зимнемъ саду, гдѣ запахъ цвѣтовъ смѣшивался со свѣжестью фонтана, а въ полу-свѣтѣ, искусно разставленныя мраморныя изваянія драпировались густою зеленью экзотическихъ растеній. Самъ хозяинъ, исключительно занятый артистическимъ освѣщеніемъ своего дома, не зналъ и половины своихъ гостей даже по имени, ихъ принимали жена его и дочь. Но скоро у Штакеншнейдеровъ сдѣлалось веселѣй: начали танцовать, появилось множество хорошенькихъ женщинъ; затѣялись домашніе спектакли изъ того же общества. Въ домѣ Штакеншнейдера былъ хорошо устроенный театръ, въ партерѣ его помѣщалось до трехъ сотъ человѣкъ и болѣе. Моллеръ былъ режиссеромъ и главнымъ распорядителемъ. Сперва онъ служилъ въ артиллеріи, но изъ страсти къ театру бросилъ службу и сдѣлался провинціальнымъ актеромъ. Потомъ пріѣхалъ въ Петербургъ, пристроился къ литературѣ и являлся вездѣ, гдѣ только былъ театръ. Художники наполняли альбомы Штакеншнейдеровъ прелестными рисунками; поэты начали читать свои стихи. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, при многочисленномъ собраніи, Левъ Ал. прочелъ въ первый разъ свою поэму „Цвѣты“. Она произвела потрясающее впечатлѣніе. И долго въ толпѣ повторялось: „*И падаютъ и падаютъ цвѣты*“.

Домъ Льва Ал. все больше и больше наполнялся литераторами. Они толпились у него съ утра до ночи и мѣшали ему работать. Л. Ал. рѣшился назначить день, или вѣрнѣе пріемный вечеръ. Въ то время у него бывали Н. В. Гербель, Н. Ѳ. Щербина, Я. П. Полонскій, М. И. Михайловъ, А. Ѳ. Писемскій, А. А. Потѣхинъ, еще въ мундирѣ ополченца, В. и Н. Ст. Курочкины, Г. П. Данилевскій, А. Н. Пыпинъ, Н. А. Сѣверцевъ, С. В. Максимовъ, Чернышевскій и многіе другіе. Въ это же время Л. Ал. познако-

мился съ графомъ Григоріемъ Александровичемъ Кушелевымъ-Безбородко и скоро дружески съ нимъ сошелся.

Глава XI.

Гр. Г. А. Кушелевъ-Безбородко.

Гр. Григорій Александровичъ воспитывался въ Царскосельскомъ лицеѣ, такъ же, какъ и Левъ Ал., но былъ гораздо его моложе. Отъ природы онъ былъ уменъ, талантливъ, добръ и деликатенъ. Но слабохарактерный, довѣрчивый, самолюбивый, вовсе не зная практической жизни, графъ поддавался постороннимъ вліяніямъ. Растративъ здоровье съ ранней молодости, онъ страдалъ ужасною нервною болѣзнью. Судьба свела его съ женщиной, имѣвшей на жизнь его роковое вліяніе. Говоря о гр. Кушелевѣ, нельзя не говорить объ Любови Ивановнѣ Кроль. Отецъ ея былъ путейскій генералъ, временъ гр. Клейнмихеля. Въ первый разъ Любовь Ив. была замужемъ за гвардейскимъ офицеромъ Пенхержевскимъ. Послѣ его смерти она вышла за Голубцова и въ третій разъ за гр. Григ. Ал. Кушелева. Старшій братъ Любови Ив., Николай Ивановичъ Кроль, былъ безспорно умный, хитрый и хорошо образованный человѣкъ. Такъ же какъ и сестра его, онъ имѣлъ большое вліяніе на графа. Чтобы занять умственную дѣятельность гр. Кушелева, Н. Ив. Кроль втянулъ его въ литературу. Это легко было сдѣлать, потому что гр. Кушелевъ самъ имѣлъ склонность къ литературѣ и кой-что пописывалъ. Отъ него остались нѣсколько хорошенькихъ разсказовъ, они напечатаны подъ псевдонимомъ: Грицко-Григоренко. Мысль издавать толстый журналъ понравилась графу, и онъ окружилъ себя литераторами.

Въ 1857 г. Левъ Алек. и Софья Григорьевна прожили все лѣто у гр. Кушелева, въ подъ-московномъ имѣніи Кораловѣ. Между прочими удовольствіями тамъ устраивались домашніе спектакли, и такъ же какъ у Штакеншнейдера, распорядителями ихъ явился Моллеръ. И только въ Кораловѣ Левъ Ал. имѣлъ удовольствіе видѣть, въ первый и въ послѣдній разъ, свою „Сервилію“ на сценѣ.

Въ концѣ августа гр. Кушелевъ съ большой свитой знакомыхъ, родныхъ Любови Ив., домашняго доктора, оркестра музыкантовъ, подъ управленіемъ извѣстнаго музыканта Минкуса, изъ Коралова пріѣхалъ прямо въ Полюстрово, гдѣ начались разнаго рода праздники. Ежедневно къ обѣду пріѣзжали гости изъ Петербурга: собиралось много бывшихъ лицеистовъ и правовѣдовъ, военныхъ, изъ числа ихъ чаще другихъ пріѣзжалъ гр. Гр. Ал.

Милорадовичъ, онъ былъ друженъ съ графомъ Кушелевымъ. Бывали французы изъ посольства, литераторы, художники, музыканты. Изъ числа ихъ очень часто бывалъ извѣстный піанистъ Антонъ Конскій, пѣвица Д. М. Леонова,—итальянцы и многіе другіе. Каждый вечеръ приходили музыканты, являлся Минкусъ съ дирижерской палочкой, и гр. Кушелевъ, въ первой парѣ, открывалъ балъ. Онъ очень любилъ танцовать. Въ саду часто пускали фейерверки. Всѣ пріѣхавшіе изъ Коралова гости размѣстились по маленькимъ домикамъ, въ собственномъ саду графа, въ томъ числѣ и Л. Ал. съ семействомъ. Въ тотъ годъ до самаго Ивана-Купала было холодно и дождливо, но потомъ, до глубокой осени, погода стояла великолѣпная. Въ концѣ сентября 1857 года графъ и графиня Кушелевы, а вмѣстѣ съ ними и Н. И. Кроль съ семействомъ уѣхали за границу, но Л. Ал. еще долго оставался въ Полюстровѣ, а оттуда переѣхалъ на Николаевскую улицу, въ домъ Альштрема. Въ этомъ домѣ у Меевъ бывало очень весело и многолюдно. Кромѣ уже упомянутыхъ литераторовъ бывали: А. Н. Майковъ, И. А. Гончаровъ, И. С. Тургеневъ, А. Н. Дружининъ, А. А. Григорьевъ, М. И. Семевскій, В. В. Крестовскій, К. К. Случевскій, Ѳ. Н. Бергъ, Д. Д. Минаевъ, Снѣткинъ, Калиновскій, издатель „Свѣточа“, и многіе другіе. Изъ музыкантовъ бывали чаще другихъ: Вильбоа, М. А. Балакиревъ, Нильсонъ, Губертъ, впослѣдствіи директоръ Московской консерваторіи и другіе.

Проживъ всю зиму въ Парижѣ, лѣтомъ Кушелевы опять пріѣхали въ Полюстрово и привезли съ собой Александра Дюма-отца, онъ оставался у гр. Кушелева все лѣто. Туда же пріѣхалъ, знаменитый въ то время, медіумъ Юмъ. Даже Юлія Пострано пріѣзжала въ Полюстрово показываться. Юмъ женился на младшей сестрѣ гр. Кушелевой, на Алекс. Ив. Кроль, но она года черезъ два умерла.

Прежде чѣмъ вышла первая книга „*Русскаго Слова*“, журнала, издаваемаго гр. Кушелевымъ, перемѣнилось нѣсколько редакторовъ. Первый изъ нихъ былъ Моллеръ, но онъ очень скоро куда-то исчезъ. Его замѣнилъ Як. Пет. Полонскій, онъ ѣздилъ съ Кушелевыми въ Парижъ, но по возвращеніи оттуда тоже кѣмъ-то замѣнился. Левъ Ал. Мей никогда не былъ редакторомъ „*Русскаго Слова*“, онъ былъ только его сотрудникомъ и пріятелемъ гр. Кушелева. Изо всѣхъ окружавшихъ и посѣщавшихъ гр. Григорія Александровича онъ больше всѣхъ любилъ Льва Александровича и дѣлалъ для него все, что отъ него зависѣло. Не менѣе графа любилъ Л. Ал. Ник. Ив. Кроль. Онъ увлекался поэзіей и самъ

писалъ очень недурные стихи. Кроль чувствовалъ ко Льву Ал. глубокое уваженіе за его поэтическій талантъ, многостороннее образованіе, доброту и самобытный характеръ. Вообще всѣ, кто хорошо зналъ Л. Ал., всѣ его любили. Остроумный и пріятный собесѣдникъ, онъ былъ, какъ говорится, душою общества; Л. Ал. не отказывался ни отъ какихъ удовольствій: игралъ въ шахматы, въ шашки, въ карты, въ кегли, на билліардѣ, во что угодно; читалъ стихи, говорилъ экспромты, разгадывалъ шарады; стрѣлялъ въ цѣль, дрался на рапирахъ и дѣлалъ все это такъ беззаботно и весело— какъ дитя, каждый школьникъ могъ считать его своимъ товарищемъ. Но тутъ же передъ нимъ носились поэтическіе образы, и слагались его звучные стихи. Л. Ал. никогда почти самъ не писалъ, но всегда диктовалъ кому-нибудь, и въ то же время разговаривалъ и шутилъ съ окружающими. Онъ какъ-то разомъ жилъ двойною жизнью. Несмотря на любовь къ обществу и развлеченіямъ, Л. Ал. Мей постоянно былъ занятъ умственной работой. Онъ хорошо зналъ древніе языки и множество новыхъ. Поэтъ въ полномъ значеніи слова, онъ былъ въ то же время серьезный труженикъ науки; глубокій христіанинъ и мистикъ; принимая близко къ сердцу всякое чужое горе, Л. Ал. всегда былъ готовъ на помощь каждому, кто въ немъ нуждался. Снисходительный къ другимъ, онъ былъ строгъ къ самому себѣ; до крайности простой въ обращеніи, онъ никого не стѣснялъ; не вмѣшивался въ чужія дѣла; не выпытывалъ чужихъ убѣжденій, но рѣдко высказывалъ и свои. Общительный въ удовольствіяхъ, Л. Ал. былъ скрытенъ и замкнутъ во всемъ серьезномъ. Когда онъ задумывалъ что-нибудь писать, то прежде готовился къ своей работѣ, тщательно изучая все, что къ ней относилось; и тогда только читалъ кому-нибудь написанное, когда его работа была уже совершенно закончена; заранѣе онъ не любилъ говорить о томъ, что писалъ.

Его упрекаютъ въ страсти къ вину, онъ не такъ любилъ вино, какъ любилъ товарищество, оставаясь лицеистомъ на всю жизнь. А въ послѣдніе два года онъ вовсе не пилъ вина. Л. Ал. всегда старался казаться сильнѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Еще въ дѣтствѣ онъ такъ страдалъ и стыдился своего малосилія, что впечатлѣніе этого стыда сохранилось у него навсегда. Враговъ онъ не признавалъ, лично у него ихъ не было, но были люди, которые ему не нравились, и онъ избѣгалъ съ ними всякихъ сношеній. Тѣхъ же, съ кѣмъ онъ сходился въ жизни и кто бывалъ въ его домѣ, Мей считалъ своими друзьями. И этимъ-то многочисленнымъ друзьямъ онъ отдавалъ все, что имѣлъ: свое время, трудъ и послѣднія деньги. А между тѣмъ, онъ относился къ нимъ какъ-то

безразлично. Ко всѣмъ радушный и ласковый Левъ Ал. рѣдко выдѣлялъ кого-нибудь изъ окружавшей его толпы. Но истинныя его привязанности родства и дружбы глубоко хранились въ тайникахъ его сердца и вырвать ихъ оттуда могла лишь одна смерть.

На сколько уважали Л. Ал. Мея современники, видно уже изъ того, что въ его домѣ бывали, за малымъ исключеніемъ, почти всѣ тогдашніе литераторы, многіе музыканты, артисты и художники. Всѣ они приходили съ нимъ посовѣтоваться и узнать его мнѣніе. Когда Микѣшину было поручено сооруженіе въ Новгородѣ памятника на тысячелѣтіе Россіи, онъ очень часто пріѣзжалъ ко Льву Ал. за различными совѣтами; такъ же часто бывалъ одно время В. В. Самойловъ: ему очень хотѣлось, чтобы „Псковитянка“ была поставлена на сцену, но въ то время это было невозможно. Кто-то называетъ Мея поэтомъ чердаковъ? Большой надо было имѣть чердакъ, чтобы помѣстить всѣхъ его посѣтителей. Да и едва-ли эти господа стали бы лазать по чердакамъ. Л. Ал. никогда не жилъ на чердакахъ, жизненная его обстановка была всегда прилична, а хорошій вкусъ его жены дѣлалъ ее пріятною. „У васъ хорошій климатъ“, говорилъ Сѣверцевъ. Вотъ этотъ-то хорошій климатъ и привлекалъ къ нимъ всѣхъ. Въ ихъ небольшой, уютной гостиной бывало шумно и весело. Тамъ пѣли, играли на роялѣ, читали стихи и прозу, И. Ѳ. Горбуновъ и многіе изъ посѣтителей разсказывали,—тогда это было въ модѣ. Каждый чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ, какъ-бы въ родной семьѣ. Но ни политическихъ, ни религіозныхъ вопросовъ Л. Ал. не любилъ, у него бывали только литературно-артистическіе вечера.

Въ 1857 году вышло первое изданіе стихотвореній Л. Ал. Мея [1]). Это былъ одинъ томикъ маленькаго формата. Поэтому можно судить наглядно, сколько онъ работалъ въ послѣдніи пять лѣтъ его жизни. Въ этомъ изданіи помѣщены два маленькія стихотворенія, пропущенныя въ другихъ его изданіяхъ:

1) Ты—коса ли моя дѣвичья,
Ты—коса ль моя трубчатая,
Не на радость ты мнѣ, дѣвицѣ,
Не въ утѣху доставалася!

2) Снаряжай скорѣй, матушка родимая,
Подъ вѣнецъ свое дитятко любимое.
Я гнѣвить тебя нынче зарекалася—
Отъ сердечнаго друга отказалася...

[1]) С.-Петербургъ, 1857 г. Изданіе придворнаго книгопродавца А. Смирдина (сына) и Комп. ст. 211 и 219.

„Что тебѣ ли, русой косынькѣ
Люди добрые завидуютъ
За тебя ли, косу русую,
Извели меня, младешеньку,
Опоили горемычную
Зельемъ—лютою отравою...
Охъ, не зельемъ извели меня,
Опоили не отравою,
А извелъ меня соколій глазъ,
Опоила рѣчь медовая".

„Расплетай же мнѣ косыньку шелкòвую,
Уложи меня на кровать тесòвую,
Пелену набрось мнѣ на груди бѣлыя
И скрести подъ ней руки помертвѣлыя,
Въ головахъ зажги свѣчи воску ярова
И зови ко мнѣ жениха-то старова:
Пусть войдетъ старикъ — смотритъ, да дивуется—
На красу ль мою дѣвичью любуется".

А. Г. Полянская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой) [1].

Глава V.

Злостный джингоизмъ.

Народный протестъ противъ защиты турокъ вызвалъ реакцію джингоизма, обезпокоившую многихъ, даже самого Гладстона. „Пора сдержать побѣдительницу Россію“ кричали руссофобы, которыхъ обуялъ какой-то политическій delirium tremens. — „Турція гибнетъ: надо ее спасать“, кричали они.

Теперь трудно себѣ представить всю силу антипатій, возбужденныхъ этой восточной войной; на каждаго друга Россіи туркофилы тогда смотрѣли, какъ на измѣнника Англіи.

Я жаловался министру Мунделла на бездѣйствіе Общества Восточнаго вопроса. Тотъ мнѣ отвѣчалъ 29-го декабря:

„Я того мнѣнія, что начинается скверное дѣло. Насъ всячески хотятъ втянуть въ войну. Если же русскіе станутъ себя держать такъ же дерзко, какъ держали себя турки на конференціи, войну будутъ требовать въ этомъ случаѣ уже въ „защиту англійской чести“.

„Я слишкомъ хорошо знаю хитраго, злого негодяя, Биконсфильда, съ которымъ мы должны бороться, онъ ловокъ и находчивъ. Онъ

[1]) См. „Русская Старина“, апрѣль 1911 г.

будетъ увѣрять, что желалъ лишь мира, что не онъ и не его партія вызвали войну и т. д. и т. д.".

Я сообщалъ г-жѣ Новиковой, 19-го декабря, что наканунѣ я написалъ около тридцати, сорока писемъ противникамъ войны, предупреждая ихъ о новой формѣ опасности и побуждая ихъ готовиться къ энергическому сопротивленію.

„Епископъ Екзетерскій очень благодаренъ за предостереженіе, сдѣланное ему издателемъ Сѣвернаго Эхо. Его епископство готовится присоединиться къ либеральной партіи, чтобы воспрепятствовать такому бѣдствію, какъ вовлеченіе страны въ войну за Турцію".

Второе — была тонкая, разумная записка отъ тогдашняго герцога Аргайльскаго, перваго послѣ Гладстона антагониста Турціи въ парламентѣ. Онъ писалъ 19 декабря изъ Инверери:

„Я вполнѣ довѣряю агитаціи кабинета, о которой вы пишете, но я не считаю вѣроятнымъ, чтобы онъ достигъ своей цѣли. Всѣ другія державы враждебно относятся къ войнѣ. Но опасность заключается въ томъ, что усиленными демонстраціями Англія можетъ внушить новую энергію Турціи".

Перечитывая дикую брань на Гладстона и его приверженцевъ, невольно думаешь, что слушаешь рѣчи сумасшедшихъ. Но въ тѣ времена, въ клубахъ Вестъ-енда и въ концертныхъ залахъ такія безумныя рѣчи считались патріотическими, и широко распространенныя газеты поднимали страстный кличъ къ войнѣ.

Открытыя письма, посылаемыя семьѣ Гладстоновъ свидѣтельствуютъ о дикой разнузданности, царившей въ то время въ Англіи. Эти посланія часто посылались г-жѣ Гладстонъ писателями, имѣвшими претензію на пылкій патріотизмъ. Любимымъ пріемомъ наглости было цитированіе разсказовъ изъ турецкихъ газетъ объ оскорбленіяхъ, будто бы, наносимыхъ казаками турецкимъ женщинамъ и дѣтямъ, съ пожеланіемъ, чтобы жена и дочери Гладстона подверглись тѣмъ же истязаніямъ. Другіе шли еще дальше: они прямо изъявляли желаніе, чтобы Гладстонъ подвергся всѣмъ мученіямъ геенны огненной. Я ничего не видѣлъ грязнѣе и грубѣе, какъ это ужасное собраніе писемъ 1877—78 г.г., адресованныхъ нашему либеральному лидеру. Въ аду не нашлось бы ничего худшаго.

Такъ называемые „патріоты" не ограничивались бранными письмами. Они бросали дохлыхъ кошекъ въ нѣкоторыхъ либераловъ, били стекла въ домѣ Гладстона, и успѣли добиться запре-

щенія народныхъ митинговъ въ извѣстныхъ мѣстахъ. Во время всей этой сатурналіи грубости и насилія, они были твердо увѣрены, что доказываютъ этимъ высокій патріотизмъ, и что всѣ противники войны — лишь черные измѣнники. Они были убѣждены, что, поддерживая политику премьера, они отстаивали традиціонную политику Великобританіи. Самыя распространенныя газеты, періодическія изданія, претендующія на столичную культуру, считали себя выразителями еврейскаго премьера, и всѣ были за войну.

„Мы не хотимъ воевать", кричала пьяная чернь, прерывая либеральные митинги. Говоря по правдѣ: у насъ не было ни кораблей, ни людей, чтобы пуститься въ Европейскую войну; къ тому же и рѣчи не было о завладѣніи Россіей Константинополемъ.

Консервативная партія всегда обвиняла Гладстона, даже и тогда, когда рѣчь не заходила о русско-турецкой войнѣ. Но было много газетъ какъ Daily Telegraph, Post, Pall-Mall Gazette, Vanity Fair и др., которыя бѣшено защищали воинственную политику лорда Биконсфильда. Въ самомъ кабинетѣ министры раздѣлились: лордъ Сальзберри, лордъ Дерби и лордъ Карнарвонъ считали нужнымъ наложить veto на воинственныя стремленія ихъ главы, но послѣ того, какъ „нейтральный" кабинетъ допустилъ службу англійскихъ офицеровъ въ турецкой арміи и флотѣ, партійныя газеты перестали вдругъ требовать дальнѣйшаго вмѣшательства въ пользу турокъ. Но не всѣ. Такъ, напримѣръ: Vanity Fair продолжалъ настаивать на необходимости вмѣшательства:

„Никогда не было такого случая, какъ теперь, говоритъ газета, и такого никогда больше не будетъ.

„Не можетъ быть мира, не можетъ быть безопасности не только для Турціи, но и для Англіи, Франціи, Австріи, Голландіи, Швеціи и др., пока Россія не будетъ порабощена до самаго С.-Петербурга.

„Крымъ долженъ быть возвращенъ Турціи, Каспійскія провинціи—Персіи, Финляндія—Швеціи, Кавказъ долженъ быть независимъ, Турціи надо уплатить военную контрибуцію и тогда, на время, міръ успокоится".

Королева Викторія телеграфировала Русскому Императору о желаніи турокъ заключить почетный миръ. Говорили, что Государь отвѣчалъ: „если лордъ Биконсфильдъ не будетъ наускивать турокъ на сопротивленіе, главное препятствіе къ миру исчезнетъ".

Друзья Турціи, во главѣ съ Биконсфильдомъ, все болѣе и болѣе тревожились, по мѣрѣ приближенія русскихъ войскъ къ Константинополю. Переходъ черезъ Балканы начался на второй день Рождества, и отъ Новаго года до 20-го января, когда русскіе

заняли Адріанополь, много было попытокъ остановить ихъ. Русскія войска, обреченныя стоять мѣсяцами передъ укрѣпленіями Плевны, потокомъ разлились по всей Южной Болгаріи. Ходили слухи, что русскіе рѣшили броситься на Константинополь и взять Галлиполи. Лордъ Дерби и князь Горчаковъ обмѣнивались депешами по этому поводу, при чемъ англійскій ударъ былъ русскимъ кабинетомъ умѣло отраженъ. Англійское правительство было увѣдомлено при объявленіи войны, въ чемъ заключались требованія Россіи, чтобъ согласиться на миръ, тѣмъ не менѣе оно выражало душевную тревогу отъ происшедшаго замедленія, прежде чѣмъ настоящій мирный договоръ былъ представленъ турецкимъ уполномоченнымъ. Всюду чувствовалось лихорадочное возбужденіе. Даже Гладстонъ поддался общему настроенію и написалъ о предстоящемъ мирѣ статью, въ февральскомъ номерѣ Nineteenth Century, гораздо болѣе антирусскую, чѣмъ можно было ожидать отъ автора его прежнихъ воззрѣній.

24-го января мнѣ Чемберленъ телеграфировалъ, что лордъ Карнарвонъ вышелъ въ отставку, о чемъ я немедленно телеграфировалъ въ Москву. Говорили, что лордъ Дерби и лордъ Сальзберри тоже выходятъ въ отставку, и самые нелѣпые слухи принимались съ жадностью. Лордъ Сальзберри отъ того вышелъ въ отставку, что былъ данъ приказъ англійскому флоту отправляться въ Константинополь, и что было рѣшено требовать голосованія на 6.000.000 на военныя и морскія приготовленія. Среди этого волненія Гладстонъ писалъ г-жѣ Новиковой:

25 января 1878 г.

„Дорогая г-жа Новикова, я не удивляюсь, что Вы использовали содержаніе моихъ писемъ (безымянно, какъ я понимаю) съ тою цѣлью, о какой Вы пишете, но такъ какъ фактъ этотъ, вѣроятно, станетъ извѣстнымъ, я бы просилъ Васъ сдѣлать мнѣ одолженіе, прислать копію письма, на всякій случай, если мнѣ предъявятъ вопросъ объ его содержаніи. 17-го, когда получилось Ваше письмо, я былъ занятъ статьей для Nineteenth Century, подъ заглавіемъ „Предстоящій миръ“ съ намѣреніемъ направить мнѣніе англичанъ къ хорошему, а не дурному миру. Я всегда смотрѣлъ на это, какъ на большую опасность и боюсь, что англійское правительство всецѣло способствовало къ плохому миру, бросивъ Васъ въ объятія Австріи и усиливъ этимъ вліяніе на счетъ противъ свободы Славянскихъ княжествъ. Впрочемъ, будемъ уповать на Бога, такъ много даровавшаго имъ.

„Вы догадываетесь по числу на моемъ письмѣ, что я тороплюсь въ Лондонъ, по случаю предложенія, которое правительство намѣ-

рено сдѣлать въ понедѣльникъ. Я считаю, что это будетъ дурное предложеніе, какъ бы его ни разсматривать. Не предвижу, чтобы было сказано что-нибудь такое, чтобы я могъ поддержать и, судя по теперешнимъ сообщеніямъ, я не думаю, чтобы оно было пріятно странѣ. Вѣрьте искренней преданности

Гладстонъ".

Письма Ольги Алексѣевны, писанныя въ январѣ, даютъ яркую картину того гнѣвнаго настроенія, въ которомъ находилась Россія по случаю ухищреній Биконсфильда. Она писала 26-го:

„Мы положительно недоумѣваемъ, что продѣлывается въ послѣднее время англійскимъ правительствомъ. Ради Бога, дайте ключъ къ этимъ загадкамъ. Мы живемъ въ лихорадочномъ возбужденіи. Ожидая худшаго, мы принуждены всего остерегаться. На весну назначены большія военныя приготовленія. Еще жертвы, еще потеря жизней и сокровищъ. Что жъ? Если такъ нужно, пусть будетъ такъ. Мы не можемъ, мы не смѣемъ уклоняться отъ долга, но у меня сердце замираетъ при мысли, что между нашими двумя націями можетъ чего добраго возникнуть война.

„Здѣсь всѣ говорятъ, что Англія смотритъ на насъ, какъ на дѣтей, грозя намъ ежеминутно войной. Зачѣмъ она вмѣшивается и мѣшаетъ намъ кончить наше дѣло, какъ слѣдуетъ? Поставьте себя на наше мѣсто. Если бъ вся Англія была сплошной перевязочный пунктъ, если бъ въ ней не было города или села, гдѣ не было своихъ раненыхъ, за которыми надо ухаживать, и своихъ умершихъ, которыхъ оплакиваютъ, можетъ быть, даже ваша королева такъ же рѣшилась, какъ нашъ государь не жертвовать народными жертвами, согласясь на позорный миръ, который бы не удалилъ причины войны".

Мы дѣлали все, чтобы успокоить Ольгу Алексѣвну. Въ отвѣтъ на ея гнѣвное письмо я отвѣчалъ:

„Если Вы поступите разсудительно и ограничитесь тѣмъ, чтобы туркамъ оставить какъ можно меньше пространства, мы воевать не будемъ. Повѣрьте, все зависитъ отъ Васъ. До сихъ поръ Вы поступали прекрасно. Продолжайте также и впредь, и Вы въ безопасности, а лордъ Биконсфильдъ разбитъ. Потеряйте Вы терпѣніе, и лордъ Биконсфильдъ торжествуетъ. Мнѣ, какъ англичанину, стыдно сознаться, что только высокое терпѣніе и здравый смыслъ Россіи спасаютъ міръ отъ войны, которую нашъ премьеръ старается возбудить. Но что дѣлать, стыдно, это фактъ, а факты я признаю".

27 января правительство потребовало шесть милліоновъ на военныя и морскія приготовленія. Наканунѣ, лордъ Гранвиль сообщилъ Гладстону, что „Диззи увѣрялъ посланниковъ, что онъ,

будто, желаетъ мира, но что его волю насилуетъ народное чувство и онъ будетъ принужденъ послать 300.000 войска въ Турцію [1])".

1-го февраля г-жа Новикова писала:

„Никакія слова не могутъ Вамъ дать малѣйшаго понятія о томъ, что я перестрадала за эти дни. Я не могла ни думать, ни спать. Я вновь испытала ту же муку, которую чувствовала, когда узнала, что умеръ мой братъ Николай. Но мы не отступили отъ долга. Вамъ не придется стыдиться Вашихъ русскихъ симпатій; славяне не будутъ покинуты, чтобы ни случилось, даже, если Англія объявитъ намъ войну. Опубликованное мною письмо Гладстона было настоящимъ благодѣяніемъ. Онъ единственный человѣкъ, котораго здѣсь дѣйствительно уважаютъ. Но я бы не рѣшилась предать гласности это письмо, если бы не помнила, какъ онъ въ Вашемъ присутствіи сказалъ, что онъ никогда не писалъ мнѣ, чего боялся бы видѣть въ печати. Помните ли Вы это? скажите, неужели это мнѣ мерещилось во снѣ?"

Въ утѣшеніе я ей отвѣтилъ:

„Совершенно вѣрно, что Гладстонъ въ присутствіи моемъ и другихъ сказалъ, что ничего не имѣетъ противъ напечатанія всего, что онъ писалъ по Восточному вопросу собственно Вамъ и всему міру. Это конечно вполнѣ оправдываетъ Вашъ поступокъ".

Между тѣмъ, въ Англіи снова стали собираться митинги въ пользу войны, а когда Турція была разбита, консерваторы и руссофобы почувствовали, что опасно собирать народныя массы для поддержки правительства.

Но митинги въ Сити устраивались безъ оглядки военной партіей и возбуждали восторгъ джингоистовъ, оставляя совершенно въ тѣни многочисленныя собранія противной стороны. Ихъ дѣйствія дополнялись такими же сборищами въ Шефильдѣ, Портсмутѣ, Колчестерѣ и другихъ мѣстахъ, матеріально заинтересованныхъ въ увеличеніи военныхъ расходовъ. Большинство этихъ митинговъ были болѣе или менѣе шумныя сборища негодяевъ изъ черни, на которыхъ пѣсня Rule Britannia больше слышалась, чѣмъ что-либо другое.

Корреспонденты газетъ, подъ вліяніемъ возбужденія въ Лондонѣ, преувеличивали эти манифестаціи, называя ихъ воинственнымъ энтузіазмомъ. 4-го г-жа Новикова телеграфировала, прося объясненія. Она писала:

---

[1]) Жизнь Гранвиля. Часть II, стр. 172.

Понедѣльникъ 4-го февраля 1878 г.

„Я очень огорчена; телеграммы изъ Лондона, перепечатанныя во всѣхъ нашихъ газетахъ, объявляютъ, что будто десять милліоновъ фунтовъ дарованы націей и что вездѣ устраиваются сильныя демонстраціи въ пользу войны. Что все это значитъ?“

Я отвѣчалъ ей: „Деньги эти не дарятся Турціи; онѣ понадобятся, когда будетъ провозглашаться королевой ея Императорскій титулъ, а этотъ титулъ нуженъ, по увѣренію Биконсфильда, чтобъ замедлить успѣхъ Россіи въ Средней Азіи. Теперь Англія съ Россіей стоятъ лицомъ къ лицу. Но я все же думаю, что войны не будетъ между нами и вами до конференціи“.

„Новый элементъ, на который не разсчитывали, это взрывъ народнаго чувства къ правительству не потому, что оно противъ Россіи, или за Турцію, но потому, что англійскій народъ всегда готовъ поддерживать свое правительство. Говорятъ: въ критическую минуту эта поддержка особенно необходима. „Они не могутъ помогать Туркамъ, они англичане, кромѣ еврея—премьера; но не патріотично дѣлать затрудненія, отказывать въ смѣтѣ, пусть ведутъ страну, хотя бы къ діаволу, если нужно“ (добавляютъ они). Эти возгласы имѣютъ большое значеніе; прибавьте къ этому разрѣшенныя факельныя процессіи—хоры, костры, пиво и Rule Britannia, все это производитъ впечатлѣніе такого довѣрія къ правительству, что, конечно, это признакъ серіозный, съ которымъ нужно считаться. Даже это голосованіе шести милліоновъ,—пошлая выходка, но заслужила поддержку Вашего стараго друга Вилльерса, брата лорда Кларендона. Итакъ, тори торжествуютъ, а либералы раздѣлились. Они могутъ быть довольно тверды при голосованіи, но теперь, когда нѣтъ турка, они все больше и больше будутъ тяготѣть къ правительству“.

Гладстонъ говорилъ энергично противъ голосованія кредита и на другой день прислалъ мнѣ слѣдующее письмо, которое было очевидно послано для пересылки въ Москву г-жѣ Новиковой.

73 Harley Street.

5-го февраля 1878 г.

„Милостивый государь. Мы стоимъ на зыбкомъ пескѣ. То, что мы слышимъ изъ Россіи, не есть ли это лишь голосъ военной партіи, который можетъ быть не лучше нашей?

„Я, впрочемъ, не очень боюсь войны. Я больше боюсь заговора съ Австріей, цѣль котораго была бы уничтожить какъ можно болѣе свободу подчиненныхъ Турціи племенъ. Хотя мы напрасно противились занятію Константинополя для военныхъ цѣлей, я надѣюсь, что русскіе не завладѣютъ имъ даже на минуту.

„Я надѣюсь также, что они не будутъ настаивать на какой-нибудь части береговъ Дуная.

„Что касается проливовъ, ихъ положеніе такъ хорошо и опредѣленно, что не представляетъ никакой опасности, кромѣ какъ для грубаго насилія.

„Если въ этотъ великій моментъ исторіи, когда Россія совершала подвигъ долга, она останется ему вѣрна, то положеніе ея будетъ великолѣпно.

„Я Вамъ предоставляю право передать то, что я пишу, но ни при какихъ обстоятельствахъ это письмо не должно быть опубликовано подъ моимъ именемъ.

„Я желалъ бы знать настоящія условія. Скрытность даетъ поводъ къ худшимъ толкованіямъ.

„Къ несчастью я забылъ вчера предостеречь относительно Австріи, что былъ намѣренъ сдѣлать непремѣнно. За ней надо строго наблюдать. Если понадобится, я хочу разработать этотъ предметъ.

Вашъ искренно
Гладстонъ“.

По вопросу о занятіи Константинополя, Ольга Алексѣевна писала въ 1880 г.:

„Въ прошломъ году генералъ Грантъ (бывшій президентъ С. А. Штатовъ) пріѣхалъ ко мнѣ въ Парижъ. Первый вопросъ, что онъ мнѣ сдѣлалъ: „можете ли Вы объяснить мнѣ, какъ случилось, что Вы не заняли Константинополь, когда онъ былъ въ Вашихъ рукахъ“?

„Увы, отвѣчала я, хорошаго объясненія я Вамъ дать не могу. Въ Москвѣ мы никогда не ожидали такого добровольнаго отреченія отъ власти. Нѣкоторые изъ нашихъ военныхъ телеграфировали изъ Турціи въ Москву: „завтра займемъ Константинополь на нѣсколько дней“. Вы не можете себѣ представить разочарованіе всей Россіи, когда узнали, что миръ нами будетъ подписанъ не въ Константинополѣ.

„Общее убѣжденіе состоитъ въ томъ, что наше правительство было введено въ заблужденіе заграничными извѣстіями и телеграфировало приказъ главнокомандующаго Великому Князю Николаю Николаевичу не идти впередъ.

„Генералъ Грантъ слушалъ внимательно, улыбнулся и сказалъ: „я могу только сказать одно: будь я на мѣстѣ Вашего главнокомандующаго, я положилъ бы приказъ въ карманъ и распечаталъ бы его въ Константинополѣ черезъ три, четыре дня“.

„Да, отвѣчала я, это было большое испытаніе для нашего націо-

нальнаго чувства, и мы увѣрены, что никто въ мірѣ не будетъ намъ благодаренъ за эту ненужную уступку.

„Въ тотъ же день я обѣдала у М-г Emile Girardin, гдѣ было нѣсколько высокопоставленныхъ лицъ. Я повторила разговоръ съ генераломъ Грантомъ. „Васъ удивляетъ его замѣчаніе", говоритъ г-нъ Жирарденъ. Лишне говорить, какъ непріятна намъ была нѣмецкая прогулка по Парижу, тѣмъ не менѣе мы понимали, что нѣмецкое правительство не можетъ лишить свои войска такого законнаго удовлетворенія".

„Я слышала изъ очень достовѣрнаго источника, что князь Бисмаркъ, когда узналъ, что Россія не займетъ Константинополь, воскликнулъ съ нѣсколько нелестнымъ восклицаніемъ. „Nein, mit den Leuten ist nichts anzufangen (нѣтъ, съ этими людьми ничего не подѣлаешь)". Въ душѣ желѣзный канцлеръ былъ радъ, конечно, каждой нашей ошибкѣ, но, какъ хорошаго шахматнаго игрока, всякій невѣрный шагъ выводилъ его изъ терпѣнія".

7-го февраля анонимная телеграмма о томъ, что русскіе въ Константинополѣ, произвела дикое изступленіе джинговъ въ Лондонѣ и панику на биржѣ. Нашъ посланникъ въ Константинополѣ сэръ Л. Лаярдъ телеграфировалъ министерству иностранныхъ дѣлъ, что, несмотря на перемиріе, русскіе двигаются большою силою къ Константинополю. Дѣло было въ томъ, что согласно съ условіями о перемиріи русскіе двигались, чтобы занять Чекмеджскую линію въ тридцати миляхъ отъ Константинополя. Поправка опоздала остановить панику. Говорили, будто бы гр. Шуваловъ сказалъ: „nous sommes dedans", т. е. мы были обмануты. Лондонцы, переводя эти слова съ помощью лексикона, поняли, что они означаютъ, что русскіе въ Константинополѣ. Объясняя это г-жѣ Новиковой, я писалъ:

„6.000.000-ное голосованіе принято, но правительство дало самыя благопріятныя обѣщанія—не тратить, если возможно, этихъ денегъ, а открыть Дарданеллы для всенародной торговли и къ охранѣ Египта".

Фрудъ не употреблялъ такихъ сильныхъ выраженій, какъ Фриманъ, но сужденіе его о премьеръ-министрѣ было не менѣе строго. Привожу его письмо, писанное до уступокъ министерства 30-го мая:

„Дорогая г-жа Новикова, Вы убѣдились, что я имѣлъ основаніе сообщить Вамъ три недѣли тому назадъ непріятныя извѣстія. Лучшій другъ мира, лордъ Карнавонъ, былъ принужденъ выйти въ отставку, и мы были на волоскѣ отъ войны. Такъ какъ я не имѣлъ ободряющаго взгляда на положеніе тогда, Вы можете съ бо́льшимъ довѣріемъ отнестись къ моимъ словамъ теперь, когда я скажу Вамъ,

что опасность миновала и, если не произойдетъ какой-нибудь непріятный случай, она не повторится.

„Въ Англіи легко могла наступить паника, когда Турція стала гибнуть. Военная партія правительства, чувствуя, что пораженіе Турціи было пораженіе ихъ самихъ и уничтоженіе ихъ политики, воспользовалась тревогой... Это была послѣдняя надежда избѣжать позора. Долго я не могъ сказать, что будетъ. Если бы флотъ пошелъ въ Константинополь по первому приказу, двѣ недѣли назадъ, Порта могла не покориться, и война, вѣроятно, вспыхнула бы между Россіей и Англіей. Турецкой войнѣ конецъ. Нашъ флотъ посылается теперь безъ враждебныхъ намѣреній противъ Васъ, но какъ естественная предосторожность, которой Вы не воспрепятствуете, такъ какъ это успокаиваетъ нашъ народъ и смягчаетъ его приниженное самолюбіе. Теперь, я надѣюсь, все будетъ спокойно до начала конференціи. Не будемъ портить себѣ кровь волненіями о сраженіяхъ и потеряхъ нашихъ друзей... Мы станемъ мыслить хладнокровно и разсудительно, и дѣло уладится безъ дальнѣйшихъ ссоръ. Это мое мнѣніе въ настоящемъ. Не придавайте ему больше значенія, чѣмъ слѣдуетъ. Всякое несчастное столкновеніе можетъ опять насъ воспламенить. Министерство сознаетъ послѣдствія своихъ ошибокъ. Страна туманно чувствуетъ, что достоинство ея пострадало, и это ее раздражаетъ. Я хочу сказать, что за послѣдніе полтора года я только теперь надѣюсь, что Восточный вопросъ можетъ рѣшиться безъ войны между нами и Вами. Чернь всегда готова провозглашать войну, какъ только представится случай, а когда поднимется крикъ, спокойныхъ людей не слушаетъ. Не теряйте теперь надежды! остаюсь преданный Вамъ

И. Фрудъ“.

Г-жа Новикова объяснила Гладстону причины, побудившія ее напечатать его прежнее письмо въ Москвѣ, напомнивъ ему, что всѣ его письма къ ней онъ считаетъ возможнымъ публиковать. Гладстонъ отвѣчалъ спустя три дня, послѣ голосованія кредита 328 голосами противъ 124 и отставки лорда Хартингтона, г-на Фостера и другихъ.

43 Гарле-Стритъ

11-е февраля 1878.

„Дорогая г-жа Новикова. Очень благодарю за письмо. Не думайте, чтобы я Васъ обвинялъ. Вы совершенно правы, говоря, что я не имѣю никакого желанія скрывать какое бы то ни было мое мнѣніе, выраженное въ моихъ письмахъ къ Вамъ; но неудобство опубликованія письма въ томъ, что оно подвергается двукратнымъ

переводамъ. Сначала съ англійскаго на русскій, а потомъ съ русскаго на англійскій, и когда возвращается въ Англію, принимается за абсолютное выраженіе моихъ мыслей.

„Но это слишкомъ ничтожное дѣло, чтобы о немъ распространяться, когда мы среди великихъ событій и, собственно говоря, славныхъ событій дня.

„До настоящаго времени, насколько я могу судить, всѣ Ваши обязательства передъ нами были вполнѣ честно выполнены. Не знаю, что выйдетъ изъ путаницы, о которой сообщаютъ сегодня: турки будто бы вдругъ не разрѣшили англійскимъ судамъ проходъ черезъ Дарданеллы.

„Я все дѣлалъ, что могъ, противъ голосованія шести милліоновъ—этого глупаго и вреднаго предложенія. Либеральные лидеры даже совсѣмъ уклонились въ послѣднюю минуту отъ голосованія. Вообще либеральная партія, по моему мнѣнію, твердо противится голосованію, какъ мѣрѣ обманчивой и злонамѣренной.

„Правительственныя рѣчи улучшаются. Онѣ не только дѣлаются миролюбивѣе, но болѣе благопріятны великому освобожденію, которое Вы совершили цѣною крови. Я буду зорко слѣдить здѣсь за всѣми признаками могущаго быть соглашенія съ австрійской политикой. Если бъ это понадобилось, я постараюсь охарактеризовать иностранную политику Австріи.

„Я радуюсь:

„Что отказано избрать Вѣну мѣстомъ для конференціи;

„Что ручательство передъ Константинополемъ было исполнено;

„Что Вы пріобрѣли для Болгаріи настоящее освобожденіе, не основанное на конференціи;

„Что Вы сразу возстановили торговлю.

„Мнѣ жаль, если Вы настаиваете взять у храброй Румыніи кусокъ Бессарабіи. Великая слава не допускаетъ въ возвышенныхъ душахъ чувства обиды, а слава, которую жертвы Россіи Вамъ пріобрѣли, безмѣрна.

Болѣзнь (такъ какъ я съ трудомъ могъ присутствовать въ парламентѣ) помѣшала отвѣтить ранѣе. Вашъ искренно

Гладстонъ“.

Несмотря на расколъ либераловъ и на панику, произведенную Лаярдомъ, въ странѣ чувствовалось успокоеніе.

Г-нъ Фостеръ писалъ мнѣ: „полезно внушать умѣренность Вашимъ русскимъ друзьямъ, но я не могу сказать, что есть опасеніе войны“.

Даже такой непримиримый боецъ, какъ сэръ Джоржъ Коксъ, писалъ 12-го февраля:

„Я положительно думаю, что все обстоитъ благополучно. Искренно порадовался бы я, если бы мы могли достичь сердечнаго дружнаго союза между англійскимъ и русскимъ народомъ. Это спасло бы отъ многихъ золъ въ Европѣ, но Биконсфильдъ и тори готовы все сдѣлать, чтобы этому помѣшать. Все же это свѣтлая мечта, къ которой мы можемъ стремиться въ будущемъ".

Успокоеніе было кратко. На другой же день кризисъ возобновился. Причиной была на этотъ разъ попытка насильно провести англійскій флотъ черезъ Дарданеллы. Упоминаніе послѣдовательнаго приближенія и удаленія флота подъ командой адмирала Хорнби показалось бы фарсомъ, не будь оно полно трагическихъ возможностей конфликта. 23-го января данъ приказъ идти въ Константинополь, на слѣдующій день вызванъ обратно въ Бискайскую бухту; на другой день приказано идти въ Дарданеллы и опять возвращеніе въ Бискайскую бухту. 7-го февраля вновь приказъ идти въ Константинополь для того только, чтобы испытать блокаду, такъ какъ Турки отказали въ фирманѣ на пропускъ судовъ.

Наконецъ 13-го эскадра силой прошла черезъ проливы, несмотря на турецкій протестъ и сообщеніе князя Горчакова, что такъ какъ англійскій флотъ былъ посланъ для охраны англичанъ, живущихъ въ Турціи, русскіе считаютъ своимъ долгомъ направить часть своихъ войскъ въ Константинополь, для огражденія христіанъ, жизни и имуществу которыхъ могла грозить опасность. Положеніе обострилось. Лордъ Дерби послалъ депешу (по понятію нѣкоторыхъ ультиматумъ), протестуя противъ довода князя Горчакова, увѣрявшаго, что та причина, которая оправдываетъ пребываніе англійскаго флота въ Мраморномъ морѣ, можетъ служить оправданіемъ для занятія русскими Константинополя. 18-го февраля было достигнуто соглашеніе, по которому англійскій флотъ отступилъ на 35 миль отъ Константинополя, что равнялось такому же разстоянію русскаго аванпоста на Чекмеджской линіи.

Я постарался показать этотъ случай въ самомъ выгодномъ свѣтѣ г-жѣ Новиковой: „посылка флота была какъ нельзя болѣе благопріятна князю Горчакову. Лучшее, что могло случиться для вашего хитраго дипломата", замѣтилъ я.

Гнѣвъ г-жи Новиковой не успокоился дипломатической побѣдой. 22-го февраля она мнѣ пишетъ:

„Посылка англійскихъ военныхъ судовъ, несмотря на сопротивленіе султана, есть не только нарушеніе нейтралитета и явное уничтоженіе Парижскаго трактата, но это очевидная демонстрація противъ Россіи. Будь наше правительство энергичнѣе, прислушайся оно къ единодушному желанію страны, единственно разумный и

достойный шагъ былъ бы: вмѣсто всякихъ предостереженій, немедленное занятіе Константинополя. Мы были безразсудно уступчивы. Оскорбительно намъ унижаться ради удовольствія Биконсфильда. Если Англія можетъ терпѣть такого человѣка своимъ главнымъ представителемъ, это дѣло вкуса. Наши взгляды на національныя обязанности, повидимому, не тѣ. Негодованіе противъ Англіи здѣсь велико, что очень понятно".

Обнародованіе русскихъ условій мира 9-го февраля снова вызвало движеніе противъ Россіи. Я писалъ:

„Ваши условія мира произвели дурное впечатлѣніе здѣсь и въ Парижѣ. Одинъ мой голосъ раздается въ его защиту. Моя статья единственная, насколько я могу судить, оправдывающая Вашу умѣренность. Жалѣю я, что Вы не задушили совсѣмъ Турецкую имперію".

Гладстонъ былъ недоволенъ предполагаемой переуступкой части Бессарабіи, и онъ вылилъ свою душу въ мартовской статьѣ Nineteenth Century.

Я писалъ г-жѣ Новиковой:

„Вы знаете, какъ Гладстонъ стремится быть другомъ Россіи. Если онъ могъ говорить съ такой силой, то Вы можете судить, какъ здѣсь истолковываютъ переуступку Бессарабіи. Ваши враги—наши враги, потому что тотъ, кто желаетъ создать кровопролитіе между Англіей и Россіей, не менѣе врагъ нашъ, какъ и Вашъ".

Гладстонъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ въ тотъ же день, посылая ей копію своей статьи.

27-е февраля 1878 г.

„Дорогая г-жа Новикова,—посылаю Вамъ мою послѣднюю статью изъ Nineteenth Century за мартъ, копію которой я только что получилъ. Она была написана ранѣе, чѣмъ ходящіе теперь слухи объ условіяхъ мира дошли до насъ.

„Я не вѣрю, чтобы слухи эти были вполнѣ вѣрны. Я, напримѣръ, не могу повѣрить, чтобы въ нихъ говорилось объ Египетской или Болгарской дани. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ я согласенъ съ тѣмъ, что они дѣлаютъ договоръ преувеличеннымъ, и что это дѣлается для того, чтобы удержать Турцію на своей сторонѣ, во время конференціи. Всякая законная мѣра по такой причинѣ меня не могла бы удивить. У меня выбиты два стекла изъ оконъ дикой толпой, которая потомъ пошла подавать благодарственный и поздравительный адресъ лорду Биконсфильду, прошлое воскресенье въ Даунъ-Стритѣ.

„Не думаю, чтобы бѣдные глупцы эти имѣли какое-нибудь понятіе о причинахъ, или предметахъ неудовольствія. Такія демонстраціи на меня, конечно, не дѣйствуютъ. Я ясно видѣлъ свой

путь и старался твердо идти по немъ. Могутъ еще найтись затрудненія впереди, но, слава Богу, ненавистное и постыдное прошлое не можетъ повториться. Всегда Вамъ искренно преданный

Гладстонъ".

Эпизодъ, о которомъ говоритъ Гладстонъ, такъ описанъ въ его дневникѣ:

„24 февраля (воскресенье) между четырьмя и шестью, три группы простого народа пришли сюда, первая съ радостными восклицаніями, другія двѣ—съ враждебными.

Окна разбиты, шумъ, крики. Послѣдній отрядъ былъ удаленъ конной полиціей, которая выстроилась въ линію по обѣ стороны. Не слишкомъ воскресное занятіе. Странная закулисная работа: хорошо бы ее открыть. Виновны, очевидно, подстрекатели".

Это не единственный случай: „въ слѣдующее воскресенье, говорится въ дневникѣ, второе сборище народа было остановлено полиціей. Я вышелъ съ С., и большая толпа насъ окружила, хотя большею частью дружественно".

Бессарабія была больнымъ мѣстомъ. Г-жа Новикова откровенно выражала свое сочувствіе къ ея возврату. Она писала:

„Что касается меня, я была бы счастлива, если бъ Россія ничего не взяла себѣ, никакой части Арменіи, ничего. Но я бы желала, чтобы она получила Бессарабію, хотя бы съ тѣмъ, чтобы отдать ее сейчасъ же. Я понимаю жажду уничтожить всякій слѣдъ Крымской войны. Англія помѣшала Греціи присоединиться къ намъ. Если бы бѣдный Георгъ не послушался лорда Биконсфильда, Эпиръ и Ѳессалія ему бы теперь принадлежали. Я, и къ счастью не я одна, желаемъ, чтобы Россія прощала, забывала и оказывала бы всегда помощь униженнымъ и угнетеннымъ!"

3-го марта г-нъ Фриманъ пишетъ:

„Какую страшную путаницу изъ дѣла о 6.000.000 сдѣлали Хартингтонъ и Фостеръ. Совершенно ясно: для того, чтобы вышло что-нибудь хорошее, Гладстонъ долженъ, хочетъ или не хочетъ, быть возвращенъ къ власти.

„Путаница увеличивается. Мнѣ не нравится требованіе Россіей денегъ и части Румыніи. Она сдѣлала бы лучше, если бы завладѣла турецкимъ флотомъ: это помогло бы Греціи, что же касается до денегъ, то турокъ вѣдь ихъ можетъ имѣть только отъ новыхъ притѣсненій.

И надъ границами Болгаріи необходимо наблюдать, въ интересахъ самой Греціи, которые представлены Турціи. Я бы ничего не имѣлъ противъ того, чтобы дать Болгаріи выходъ въ Эгейское

море, потому что ни малѣйшаго препятствія не представляетъ Греческая территорія, разбросанная мелкими кусками, такъ какъ главное сообщеніе должно всегда быть моремъ. Пускай бы грекамъ принадлежали Константинополь и Адріанополь, а болгарамъ Ѳессалія".

Въ тотъ же день Кинглекъ длиннымъ письмомъ напоминаетъ Ольгѣ Алексѣевнѣ о разговорѣ съ нимъ, ею забытомъ:

„Надѣюсь, Вы вспомнили обо мнѣ, когда узнали, что рѣчь идетъ о Батумскомъ портѣ. Я помню, въ началѣ войны, какъ Вы протестовали, когда я заговорилъ о портѣ въ Батумѣ, но я, какъ видите, зналъ лучше Петербургъ, чѣмъ Вы. Я думаю, что изъ теперешняго положенія новая политика возникнетъ въ пользу Россіи".

Пока ходили сплетни объ условіяхъ мира, переговоры, тянувшіеся между Великимъ Княземъ Николаемъ и турками, со времени вступленія русскихъ войскъ въ Адріанополь, окончились подписаніемъ мирнаго договора въ Санъ-Стефано 3-го марта 1878 г. Это былъ день памятный для исторіи цивилизаціи. Россія совершила свое дѣло. Болгарія объединена и свободна отъ Дуная до Эгейскаго моря, освобождена русскимъ оружіемъ. Но тутъ черезъ три мѣсяца появился новый конфликтъ, слѣдствіемъ котораго было уничтоженіе освободительнаго русскаго дѣла въ Македоніи, какъ единственное торжество мудрой Британской дипломатіи.

Г-жа Новикова, всегда дававшая вѣрное выраженіе мнѣній храбрыхъ московскихъ патріотовъ, была очень недовольна. Она писала:

„Мы не особенно удовлетворены Санъ-Стефанскимъ договоромъ. Онъ могъ бы быть гораздо лучше. Къ Черногоріи и Болгаріи отнеслись хорошо, но Герцеговина, Боснія, Сербія, Эпиръ, Ѳессалія, Албанія, мы могли бы всѣхъ ихъ сдѣлать счастливыми, если бы посовѣтовались съ либеральной партіей Англіи и съ австрійскими славянами, вмѣсто Англійскаго и Австрійскаго кабинета. Угодивъ лорду Биконсфильду и мадьярамъ, мы испортили свое дѣло.

„Что касается Греческихъ провинцій,—это вина Англіи. Если бъ король Георгъ посмѣлъ не слушаться Биконсфильда, Эпиръ и Ѳессалія ему бы теперь уже принадлежали, но русскіе охотно дадутъ всякую поддержку Греціи. Бѣдная Грецiя! Она дрожитъ отъ страха, потому что Англія можетъ въ каждую минуту ее уничтожить. Все же мы надѣемся, что она получитъ свои провинціи".

Десять лѣтъ спустя послѣ подписанія Санъ-Стефанскаго договора, генералъ Игнатьевъ говорилъ мнѣ объ ошибкахъ политики князя Горчакова, при заключеніи мира. Вотъ его слова,

записанныя мною тотчасъ послѣ того, какъ я слышалъ ихъ отъ генерала Игнатьева:

Передъ окончаніемъ войны, генералъ Игнатьевъ былъ позванъ Императоромъ. Что бы Вы предложили теперь?“ спросилъ Его Величество. „Я предложилъ бы отвѣтилъ генералъ Игнатьевъ, какъ только русская армія будетъ въ виду Константинополя, созвать конференцію, которая была распущена въ январѣ, и начать работу съ того мѣста, гдѣ она была прервана. Державамъ я бы сказалъ: Вы потерпѣли неудачу въ началѣ года, потому что не было силы, покоряющей сопротивленіе турокъ. Россія совершила Ваше дѣло. Сопротивленіе турокъ уничтожено, и стотысячное русское войско готово исполнить Вашу волю. Въ какомъ блестящемъ положеніи мы были бы! Европа взяла бы отвѣтственность на себя, но Россія очевидно была бы ея уполномоченнымъ, и Россія заставила бы исполнить все, что конференція рѣшитъ. При наличности стотысячной арміи на югѣ Балканъ, не было бы ненужныхъ проволочекъ, и Европа сразу утвердила бы все, чего Россія достигла своими жертвами“. „Прекрасно“, сказалъ Государь, и одно время генералъ Игнатьевъ былъ увѣренъ, что планъ его принятъ.

Однако, къ несчастью Европы, Россіи и Востока, князь Горчаковъ помѣшалъ исполненію этого превосходнаго проекта. Князь Горчаковъ самъ желалъ подписать мирный договоръ, не допустить туда вмѣсто себя графа Игнатьева. „Нѣкоторые люди, сказалъ однажды Игнатьевъ, объясняя свою систему, имѣютъ одну цѣль и одинъ путь къ ея достиженію. У меня цѣль одна, но путей къ ней я имѣю много. Закрытъ одинъ, я беру другой. Для меня цѣль все, средства ничто“. Поэтому онъ немедленно изобрѣлъ такой планъ для выполненія своего проекта, по которому требовалась и подпись князя Горчакова. Пусть конференція будетъ созвана въ Константинополѣ, какъ бы ничего не случилось со времени послѣдняго созыва, потомъ ее перенести въ Одессу подъ предлогомъ, что Константинополь находится между враждующими арміями, и въ немъ переговоры вести было бы не безопасно. Тогда, если конференція состоится въ Одессѣ, князь Горчаковъ можетъ занять положеніе русскаго уполномоченнаго.

Но все было безполезно. Горячія головы, противящіяся совѣщанію съ Европой, настаивали на заключеніи мирнаго договора между Россіей и Турціей. Генералу Игнатьеву велѣно было написать проэктъ этого договора. Онъ усѣлся въ своемъ кабинетѣ въ Петербургѣ, и въ 24 часа былъ написанъ Санъ-Стефанскій договоръ, отъ перваго параграфа до послѣдняго. Онъ повезъ его въ министерство иностранныхъ дѣлъ и прочиталъ министрамъ. Они удивились

быстротѣ его составленія, но единодушно одобрили его предложеніе. Helas, le pauvre Turc! сказалъ г-нъ Ону, но его симпатіи были платоническія и не раздѣлялись главами министерства. Рѣшено было написанный генераломъ Игнатьевымъ договоръ принять.

Генералъ Игнатьевъ съ этимъ договоромъ въ карманѣ поѣхалъ въ Санъ-Стефано, и своевременно его подписали турецкіе уполномоченные. Но фальшивый шагъ довелъ Россію до унизительнаго Берлинскаго трактата; это униженіе можно было смягчить, если не совсѣмъ избѣжать его, будь совѣтъ графа Игнатьева принятъ во время.

Таково, по крайней мѣрѣ, было мнѣніе генерала Игнатьева въ 1888 г.

Сообщено Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Императоръ Николай I и Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ 1830—1831 г.

(Изъ переписки Николая I и Цесаревича Константина Павловича съ 14 января 1830 по 15 іюня 1831 года) [1]).

События, разыгравшіяся во Франціи въ іюлѣ мѣсяцѣ 1830 года, нашли сочувственный откликъ въ Польшѣ, гдѣ, благодаря революціонной пропагандѣ многочисленныхъ тайныхъ обществъ, существовала благопріятная почва для возстанія.

Когда изъ Парижа была получена тревожная вѣсть объ іюльскомъ переворотѣ, Императоръ Николай, предвидя возможность европейской войны, пожелалъ знать, какъ отразилось это событіе на настроеніи поляковъ; его тревожила мысль, какъ будетъ вести себя польская армія, которой, въ случаѣ похода, пришлось бы выступить вмѣстѣ съ русскими войсками, и онъ просилъ Цесаревича Константина Павловича сообщить все, что было ему извѣстно по этому поводу. „Доводятъ ли поляки свое преклоненіе передъ тѣмъ, что исходитъ изъ Парижа, до того, чтобы восхищаться происшедшими тамъ событіями?“ спрашивалъ Императоръ.

Цесаревичъ, застигнутый событіями врасплохъ, оказался плохо освѣдомленнымъ. „У насъ все спокойно, писалъ онъ въ августѣ 1830 г. [2]); военные и статскіе относятся къ парижскимъ событіямъ одинаково неодобрительно и осуждаютъ парижанъ за ихъ легкомыс-

---

[1]) Переписка Императора Николая Павловича съ Великимъ Княземъ Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ 1830—1831 г.г. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 132. Спб. 1911 г.

[2]) Письма изъ Варшавы отъ 2 (14) и 13 (25) августа 1830 г.

ліе и непослѣдовательность". Конечно „не слѣдуетъ заблуждаться и надобно имѣть въ виду, что поляки, несмотря на благосостояніе, коимъ пользуется страна, не забыли стариннаго pactum conventa, т. е. ежели монархъ нарушитъ чѣмъ-либо конституцію, они сочтутъ себя свободными отъ присяги; тѣмъ не менѣе, я ручаюсь, что вы можете положиться на армію и на большую часть населенія „я льщу себя надеждою, что поляки докажутъ вамъ свою вѣрность и уничтожатъ всякія сомнѣнія на этотъ счетъ".

Нѣсколько дней спустя, Константинъ Павловичъ подтверждаетъ сказанное: „Здѣсь (въ Варшавѣ), писалъ онъ 30 августа (11 сентября), благодаря Бога все совершенно спокойно; событіями дня интересуются лишь изъ любопытства. Я льщу себя надеждою, что Господь даруетъ намъ тишину, и что она ничѣмъ не будетъ нарушена", и далѣе: „если получаемыя мною донесенія, какъ я полагаю, правдивы, то общее настроеніе хорошо; военные полны усердія и преданности".

„Взглядъ, высказанный вами на поляковъ, вполнѣ согласуется съ моимъ мнѣніемъ о нихъ, писалъ Николай Павловичъ, въ отвѣтъ на успокоительныя увѣренія Цесаревича, а что касается моего довѣрія къ этой прекрасной и храброй арміи, то оно полное, и я не сомнѣваюсь въ ней ни минуты".

Въ то время, какъ писались эти строки, въ Варшавѣ стало извѣстно о распоряженіяхъ Императора Николая, предвѣщавшихъ близость европейской войны. Польская армія, сочувствовавшая іюльскому перевороту также точно, какъ и все польское общество, отнеслась несочувственно къ мысли о походѣ за границу, который привелъ бы ее къ вооруженному столкновенію съ Франціей. Вообще, отношеніе поляковъ ко всѣмъ мѣропріятіямъ, исходившимъ изъ Петербурга, было отрицательное; самъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ не раздѣлялъ взглядовъ Императора Николая на необходимость вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла Франціи и считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ предостеречь его отъ „опрометчивыхъ рѣшеній, вмѣняя ему въ обязанность сохраненіе спокойствія и хладнокровія". „Vos resolutions doivent être, pour ainsi dire, timbrées du sceau de la plus grande prudence exemptes de precipitation", писалъ онъ.

„Я сильно сомнѣваюсь, что въ случаѣ новаго крестоваго похода противъ Франціи, какъ это было въ 1813, 14 и 15 годахъ, мы встрѣтимъ такое же усердіе и такое же воодушевленіе къ правому дѣлу. Съ тѣхъ поръ было много невыполненныхъ или обманутыхъ обѣщаній, многіе интересы пострадали; въ то время пользовались вездѣ народомъ, чтобы ниспровергнуть тяготѣвшую надъ континентомъ

тираннію Бонапарта, и не предвидѣли, что эти мѣры вскорѣ обратятся противъ насъ самихъ...

„Что мнѣ дѣлать?“ спрашивалъ Императоръ, получивъ въ половинѣ сентября извѣстіе, что правительство герцога Орлеанскаго было признано въ Лондонѣ и Берлинѣ. „Если бы я повиновался лишь велѣніямъ своего сердца и личному чувству, я никогда не призналъ бы этого ненавистнаго мнѣ правительства; но мнѣ указываютъ на необходимость согласовать свои мѣры съ тѣмъ, что предпринимается нашими союзниками, ибо, въ противномъ случаѣ, они могли бы обвинить меня въ томъ, что я хочу вовлечь ихъ въ войну, которой они хотятъ во что бы то ни стало избѣжать“.

—. „Вы не должны забывать“, отвѣчалъ на это Константинъ Павловичъ [1]), „что вы монархъ и глава обширной имперіи, и что ваша первая обязанность согласовать интересы вашихъ подданныхъ и вашихъ союзниковъ“. „Сорокъ лѣтъ тому назадъ, я хорошо это помню, революція внушала ужасъ всѣмъ благомыслящимъ людямъ, всѣмъ классамъ общества, дворянамъ и буржуазіи, купцамъ и ремесленникамъ, всѣ смотрѣли на нее съ ужасомъ. Съ тѣхъ поръ вещи измѣнились, и я увѣренъ, что тогда какъ въ то время изъ ста человѣкъ не нашлось бы ни одного, который рискнулъ бы разинуть ротъ, чтобы оправдать революцію, и тѣмъ скомпрометтировать себя въ глазахъ общества, въ настоящее время на сто благомыслящихъ людей найдется навѣрно 25 сторонниковъ революціи... Отъ васъ зависитъ начать войну, но не отъ васъ будетъ зависѣть прекратить ее. Во время первыхъ революціонныхъ войнъ всѣ шли воевать съ энтузіазмомъ, вызваннымъ сознаніемъ долга и обуявшимъ всѣхъ страхомъ: всякій хотѣлъ сохранить свое соціальное положеніе. Второй разъ, если придется, войска пойдутъ тогда по обязанности и въ большинствѣ случаевъ нехотя. Новыя идеи пустили въ новомъ поколѣніи слишкомъ глубокіе корни, чтобы можно было думать иначе. Вдобавокъ, интересы слишкомъ многихъ были нарушены, слишкомъ много данныхъ обѣщаній осталось невыполненными, чтобы можно было разсчитывать на единодушное участіе всѣхъ въ общемъ дѣлѣ. Главными дѣятелями первыхъ революціонныхъ войнъ были нѣмецкіе князья и дворяне—владѣтели имѣній, по обоимъ берегамъ Рейна, и надобно сознаться, что они дѣйствовали ревностно, но при заключеніи мира они же были первыми жертвами; они были лишены всѣхъ своихъ правъ и изъ владѣтельныхъ князей превратились въ подвластныхъ великимъ державамъ. Я слышалъ собственными ушами, какъ эти

[1]) Письмо изъ Варшавы отъ 21 сентября (3 октября).

господа и представители знатныхъ фамилій высказывали взгляды, проникнутые самымъ якобинскимъ духомъ... За послѣднія 15 лѣтъ либерализмъ или якобинство,—что для меня синонимы, сдѣлали невѣроятные успѣхи; всюду распространяется какой-то космополитизмъ, ведущій къ индифферентизму. Возможно ли было у насъ въ 1812, 13, 14 и 15 годахъ подумать, чтобы въ Петербургѣ могъ вспыхнуть бунтъ? Но разъ это случилось, развѣ это не можетъ повториться? въ особенности въ томъ случаѣ, когда войска будутъ за границей, и война будетъ начата по нашему почину. Сосѣднія съ Франціей государства не могли не признать новаго порядка вещей; и если вы, будучи связаны съ ними трактатами, не сдѣлаете того же, то вы поставите ихъ передъ альтернативой сдѣлать выборъ между вами и Франціей, ибо послѣдняя скажетъ имъ: „Вы признали наше правительство, почему же вашъ союзникъ не признаетъ насъ? Выбирайте между нами и Россіей, иначе мы объявимъ вамъ войну“.

Высказывая, какъ „повелѣвалъ ему долгъ“, съ полной откровенностью свои мысли, совершенно расходившіяся съ петербургскими воззрѣніями, Константинъ Павловичъ твердо рѣшилъ, какъ онъ и высказывалъ неоднократно въ письмахъ къ Императору, что „если онъ будетъ вынужденъ дѣйствовать вопреки своему мнѣнію, то онъ исполнитъ это съ обычнымъ послушаніемъ, сохраняя свой взглядъ на вещи“, но на предложеніе императора ввѣрить ему, въ случаѣ войны, главное командованіе арміей, онъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ: „я бы ничего не имѣлъ противъ этого, писалъ Цесаревичъ, если бы одного усердія и преданности могло быть достаточно, но честь повелѣваетъ мнѣ напомнить Вамъ, что я никогда не командовалъ арміей противъ непріятеля. Связанная съ этимъ отвѣтственность огромна и превышаетъ мои способности. Я готовъ исполнить все, что Вы пожелаете, подъ чье бы начальство Вы меня не поставили; Богу извѣстно, что я говорю истинную правду“.

Высказавъ совершенно опредѣленно свое отрицательное отношеніе къ вооруженному вмѣшательству въ дѣла Франціи, Цесаревичъ въ цѣломъ рядѣ писемъ настойчиво повторяетъ совѣтъ „не дѣлать опрометчивыхъ шаговъ, не дѣлать ничего поспѣшно, а дѣйствовать спокойно и хладнокровно“.

Что касалось настроенія Польши—Цесаревичъ до послѣдняго момента былъ совершенно спокоенъ и, несмотря на свою тайную полицію и на многочисленныхъ агентовъ, пребывалъ въ полномъ невѣдѣніи и ничего не зналъ о готовившемся возстаніи. Изъ его писемъ и донесеній Императору Николаю I видно, „въ какой неизвѣстности съумѣли держать его варшавскія гражданскія и военныя власти

относительно настоящаго настроенія умовъ въ управляемомъ имъ краѣ"; онъ долженъ былъ впослѣдствіи откровенно сознаться, что „всѣ мѣры надзора, принятыя имъ, оказались безполезны".

Въ то время, когда въ Варшавѣ, съ октября 1830 года, образованъ былъ комитетъ для непосредственнаго распространенія возстанія во всей странѣ и намѣченъ даже составъ будущаго правительства, Великій Князь продолжалъ доносить Государю 13-го, 22-го октября и 3-го ноября; „здѣсь все спокойно, и я льщу себя надеждою, что, съ помощью Божіей, такъ будетъ и впредь" [1]). Еще за недѣлю до возстанія онъ полагалъ, что въ Польшѣ все обстоитъ благополучно, и что спокойствіе ничѣмъ не будетъ нарушено; продолжалъ плѣнять себя несбыточными надеждами; и даже 10 (22) ноября нашелъ возможность писать О. П. Опочинину: „у насъ, слава Богу, доселѣ все смирно и по старому, и я надѣюсь на благость Его, что такъ и останется" [2]) а, 17 (29) ноября въ Варшавѣ вспыхнула революція, мятежники ворвались въ Бельведеръ, и польская армія обратила свое оружіе противъ Россіи.

Императоръ Николай получилъ отъ Цесаревича первое донесеніе о возмущеніи войскъ и жителей Варшавы только 25 ноября (7-го декабря).

„Да будетъ воля Господня! — писалъ Императоръ, — Мы сдѣлаемъ все возможное, чтобы спасти Васъ... Мы трепещемъ за Васъ, но если бы даже Намъ пришлось погибнуть всѣмъ, Мы спасемъ Васъ; это—обѣтъ всецѣло преданнаго Вамъ на жизнь и на смерть Николая".

Два дня спустя, 29 ноября (11 декабря), онъ писалъ Цесаревичу вторично и между строкъ начерталъ лимономъ нѣкоторыя указанія, касающіяся его дальнѣйшихъ дѣйствій.

„Держитесь твердо того, что Вами было заявлено. Если войско откажется повиноваться Вамъ и перейдетъ на сторону непріятеля (чему я не хочу вѣрить), отступите, не теряя ни минуты; если вы увѣрены въ уланахъ Вейсенгофа, перейдите Вислу у Пулавъ или въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ и отступите къ Розену, который будетъ ожидать васъ въ Брестѣ. Но если это не будетъ удобно, идите какъ можно скорѣе къ Сандомиру. Въ Австріи уже отданы приказанія принять васъ съ войскомъ. Гнусности, которыя совершаются и говорятся въ Варшавѣ, до того безумны, что Мы еще не можемъ

---

[1]) Сборн. Имп. Ист. Общ. т. 132, стр. I.

[2]) Н. К. Шильдеръ. Императоръ Николай Павловичъ, его жизнь и царствованіе, т. II, стр. 320.

въ нихъ разобраться! Умоляю Васъ, и въ случаѣ надобности, приказываю Вамъ не дѣлать никакихъ уступокъ и не давать обѣщаній въ родѣ тѣхъ, какія они намѣрены, повидимому, требовать. Перваго января мы введемъ въ Польшу 100 тысячъ человѣкъ. Бога ради, извѣщайте насъ возможно чаще о принимаемыхъ Вами рѣшеніяхъ; я также постараюсь освѣдомлять Васъ обо всемъ. Вы ничего не пишете о томъ, какія приказанія даны Вами прочимъ войскамъ; это ставитъ насъ въ весьма затруднительное положеніе.

Мужайтесь, покоряйтесь безропотно волѣ Провидѣнія и уповайте на Бога"!

Изъ третьяго донесенія, полученнаго отъ Цесаревича, Государь узналъ, что Константинъ Павловичъ разрѣшилъ оставшимся при немъ частямъ польской арміи возвратиться въ Варшаву; взамѣнъ чего явившіеся къ Цесаревичу въ Вержбну депутаты обѣщали ему и русскому отряду свободный проходъ къ границамъ Имперіи.

Это снисхожденіе, по мнѣнію Бенкендорфа [1]), поддержало и скрѣпило бунтъ, давъ возможность принять въ немъ участіе всей польской арміи, большая часть которой еще выжидала, по крайней мѣрѣ, по виду, дальнѣйшихъ указаній Цесаревича.

„Отъѣздъ Цесаревича, со слабою и больною женою и съ нѣсколькими приближенными къ нему лицами изъ Варшавы, совершился при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, во время сильнѣйшей распутицы. Одновременно съ ними выступили оттуда русскія войска. Такъ какъ все это случилось совершенно неожиданно, то не только у солдатъ и у офицеровъ, но и у великокняжеской четы не доставало самаго необходимаго. О всѣхъ невзгодахъ и трудностяхъ пути Цесаревичъ писалъ однако безъ всякаго раздраженія и заботился болѣе всего облегчить участь находившагося при немъ отряда [2]).

„Вотъ мы, русскіе, у границы, писалъ Цесаревичъ изъ Влодавы 1 (13) декабря 1830 г., но, великій Боже, въ какомъ положеніи, почти босикомъ; всѣ вышли какъ бы на тревогу, въ надеждѣ вернуться въ казармы, а вмѣсто сего совершили ужасные переходы. Офицеры всего лишились и имѣютъ лишь то, что на нихъ надѣто... Однимъ словомъ, мы въ самомъ жалкомъ положеніи, и намъ остается идти еще три дня до Бржесца. Моя бѣдная жена чуть не умерла въ дорогѣ, но Господь подкрѣпляетъ ее, и она выказываетъ сверхъестественную энергію. Мы захватили съ собой, что могли; жена моя по оплошности служанокъ не взяла почти ничего; у нея всего

---

[1]) Шильдеръ, т. II, стр. 324.

[2]) Сб. Имп. рус. ист. общ., т. 132, стр. II.

только три рубашки. Намъ нуженъ отдыхъ, чтобы придти въ себя... что касается дальнѣйшаго хода мятежа, я посылаю Вамъ оффиціальное донесеніе на основаніи того, что мнѣ извѣстно".

„Константинъ Павловичъ долгое время не отдавалъ себѣ отчета въ единодушномъ революціонномъ настроеніи польскихъ войскъ и польскаго народа. Онъ писалъ Государю, что мятежъ былъ дѣломъ небольшой кучки экзальтированныхъ подпрапорщиковъ и студентовъ, которымъ удалось увлечь за собою генераловъ, офицеровъ и нѣсколько полковъ—здоровая же часть населенія искренно порицаетъ это движеніе. Тѣмъ тяжелѣе ему было потомъ, видя все болѣе и болѣе распространяющееся возстаніе, убѣдиться въ противномъ и сознаться, что 16-ти лѣтніе труды его сдѣлать изъ поляковъ преданныхъ и благодарныхъ русскому Государю подданныхъ оказались безплодны".

„И вотъ твореніе шестнадцати лѣтъ совершенно разрушено подпрапорщиками, молодыми офицерами и студентами съ компаніею, говоритъ онъ въ вышеприведенномъ письмѣ. „Я не распространяюсь объ этомъ болѣе, но долгъ повелѣваетъ мнѣ засвидѣтельствовать передъ Вами, что собственники, сельское населеніе и всѣ, кто только владѣетъ хоть какимъ-нибудь имуществомъ, въ отчаяніи отъ этого. Офицеры, генералы, равно какъ и солдаты, не могли удержаться, чтобы не послѣдовать за общимъ движеніемъ, будучи увлечены молодежью и подпрапорщиками, которые всѣхъ сбили съ толку. Однимъ словомъ, положеніе дѣлъ самое скверное, и я не знаю, что изъ этого, по благости Божіей, выйдетъ. Всѣ мои средства надзора ни къ чему не привели, несмотря на то, что все начинало раскрываться... Я сокрушенъ сердцемъ; на 51½ году жизни и послѣ 35½ лѣтъ службы я не думалъ, что кончу свою карьеру столь плачевнымъ образомъ".

„Молю Бога, чтобы эта армія, которой я посвятилъ шестнадцать лѣтъ жизни, одумалась и вернулась на путь долга и чести, признавъ свое заблужденіе прежде, чѣмъ противъ нея будутъ приняты понудительныя мѣры. Но это было бы слишкомъ хорошо для вѣка, въ которомъ мы живемъ, и я сильно сомнѣваюсь въ осуществленіи моихъ желаній".

30 ноября (12 декабря) прибыли во Влодаву къ Цесаревичу князь Любецкій и членъ сейма графъ Езерскій, посланные къ нему новымъ варшавскимъ правительствомъ съ просьбою пропустить ихъ черезъ границу. Они были отправлены въ Петербургъ въ качествѣ депутатовъ для переговоровъ съ Императоромъ Николаемъ, которому они должны были представить домогательства Польши и просить о возстановленіи королевства въ прежнихъ предѣлахъ.

Чрезвычайно любопытно повѣствованіе о свиданіи ихъ съ Императоромъ, на которое Цесаревичъ возлагалъ большія надежды.

Чтобы отстранить всякую мысль о томъ, что имъ была допущена какая-либо депутація отъ мятежниковъ, Императоръ Николай не принялъ Любецкаго и Езерскаго вмѣстѣ. Князь Любецкій призванъ былъ къ Государю въ качествѣ министра, а Езерскій принятъ былъ, какъ простой путешественникъ [1]).

„Какъ только я былъ извѣщенъ о пріѣздѣ Любецкаго и Езерскаго, писалъ Николай Павловичъ Цесаревичу 19 (31) декабря, я отдалъ приказаніе не позволить имъ пододвинуться ближе Нарвы и черезъ Грабовскаго велѣлъ увѣдомить ихъ, что если они являются въ качествѣ депутатовъ правительства или власти, которыхъ я не могу признать, то они не могутъ быть допущены ко мнѣ, или даже оставаться здѣсь. На это Любецкій отъ имени ихъ обоихъ написалъ отвѣтъ, который я приказалъ напечатать въ газетахъ, что онъ никогда не принялъ бы подобнаго порученія, и что онъ является въ качествѣ члена *Моего* правительства для того, чтобы представить отчетъ о происшедшемъ, что г. Езерскій сопутствуетъ ему. Это было то, что требовалось и *для Меня самого*, и для тѣхъ, кто здѣсь, и для тѣхъ, кто тамъ. Итакъ они пріѣхали; я собралъ у себя Михаила, Волконскаго, Толстого, Нессельроде и Грабовскаго (*которымъ Я какъ нельзя болѣе доволенъ*) и призвалъ Любецкаго одного. Онъ явился, какъ всегда, задравъ носъ кверху и очень весело принялся повѣствовать. Я обошелся съ нимъ весьма холодно, ибо, какъ членъ правительства, онъ отчасти отвѣтственъ за вполнѣ основательныя жалобы, которыя можно предъявить къ административному совѣту, и въ особенности за надменность, съ какою онъ высказывалъ парадоксы, которые едва не вывели изъ терпѣнія *даже* самого Грабовскаго. Послѣ полуторачасового разговора я отпустилъ его. Въ тотъ же вечеръ, я велѣлъ сказать черезъ Бенкендорфа Езерскому, путешественнику, что Я буду имѣть удовольствіе видѣть его у Себя. Онъ привелъ его ко мнѣ; какъ только онъ вошелъ въ комнату, онъ бросился передо Мною на колѣни, рыдая, какъ ребенокъ, Я съ трудомъ успокоилъ его, и послѣ того какъ Я обнялъ его, мы усѣлись всѣ трое, и Я предложилъ ему разсказать все то, что онъ желалъ передать Мнѣ. Онъ повторилъ мнѣ почти все то, что я уже зналъ отъ васъ, Гауке и Любецкаго. Все, что онъ высказалъ, было проникнуто самымъ лучшимъ духомъ. Когда онъ кончилъ, я попросилъ его на мгновеніе стать на мое мѣсто и сказать Мнѣ, *что Мнѣ слѣдовало бы сдѣлать*. Онъ испустилъ громкое восклицаніе и ска-

[1]) Н. К. Шильдеръ, т. II, стр. 326.

залъ, что одинъ лишь Богъ можетъ вдохновить Меня. Я спросилъ его, читалъ ли онъ воззваніе; онъ сказалъ Мнѣ, что „да“, и что оно хорошо для честныхъ людей, но что оно не прощаетъ виновныхъ, и что эти изверги (ces diables) нарочно замѣшали въ дѣло какъ можно болѣе лицъ, чтобы быть увѣренными, что ихъ не оставятъ и не предадутъ. Я отвѣтилъ ему, что гнѣваюсь только на убійцъ, что остальные должны быть увѣрены въ Моемъ прощеніи. Я указалъ ему, что случаю угодно было, чтобы именно сегодня, 14-го декабря, баталіонъ, занимавшій у Меня караулъ, былъ тотъ же самый гвардейскій экипажъ, который пять лѣтъ тому назадъ былъ противъ меня; что вслѣдствіе этого приведенный примѣръ доказываетъ, что я найду средство не только простить, но также дать войскамъ случай очистить себя въ *своихъ собственныхъ глазахъ*. Онъ нашелъ эту мысль очень хорошею, въ особенности, если для этого не будетъ избрана *Азія*; Азія или нѣтъ, сказалъ я, но нужно искать случая возстановить честь,—и онъ согласился, что это вѣрно. Тогда ему пришла мысль, чтобы я созвалъ сеймъ; я замѣтилъ ему на это, что я, безъ сомнѣнія, могъ бы сдѣлать это, но что они сами приняли на себя починъ въ этомъ дѣлѣ, и что мнѣ уже не приличествуетъ мѣшаться въ это, ко я предлагаю вамъ другое средство, сказалъ я, столь же дѣйствительное: вы возвратитесь въ Варшаву, вы нунцій, устройте же такимъ образомъ, чтобы утвердили диктатора; сдѣлайте болѣе, если если вы увѣрены въ большинствѣ своихъ сотоварищей, предложите и даже потребуйте отъ диктатора, чтобы онъ наказалъ виновныхъ, то есть тѣхъ, которые убили своихъ начальниковъ и нарушили всѣ требованія дисциплины, вы мнѣ окажете величайшую, какую только можно, услугу, потому что, повторяю вамъ, роль палача отталкиваетъ меня, и я хочу пользоваться лишь своимъ правомъ миловать. Если вы дорожите тѣмъ, чтобы смыть съ себя пятно, марающее вашу армію, вашъ народъ, то вы очистите себя въ глазахъ вашего Государя, вашего отечества и всей Европы.

„Ну, такъ я сдѣлаю это“,—сказалъ онъ мнѣ съ жаромъ.

— И васъ повѣсятъ, отвѣчалъ я ему.

„Все равно, я сдѣлаю это“.

„Такимъ образомъ мы разстались очень довольные другъ другомъ.

Два дня спустя, онъ, весь возбужденный, является къ Бенкендорфу и говорилъ ему:

— Я нашелъ вѣрное средство устроить все.

— Что такое?

— Пусть императоръ скажетъ: поляки! я недоволенъ вами! Вы обезчестили себя, но Я предлагаю вамъ средство поправить все: сейчасъ же двиньтесь на Галицію и Познань—Я даю вамъ ихъ!“

Бенкендорфъ вытаращилъ глаза отъ удивленія и спросилъ его, не сошелъ ли онъ съ ума.

„Почему?“ было его отвѣтомъ. Тогда тотъ перечислилъ ему все, что заключалось въ подобной мысли безразсуднаго, и очарованіе исчезло; онъ согласился со всѣмъ. Однимъ словомъ, они всѣ болѣе или менѣе страдаютъ разсудкомъ. Я не умѣю объяснить этого иначе“.

„Какъ я узнаю обоихъ (Любецкаго и Езерскаго) въ томъ, какимъ образомъ они исполнили возложенную на нихъ миссію, воскликнулъ Цесаревичъ, прочитавъ письмо Императора Николая, это меня не удивляетъ, но я не могу умолчать о томъ, что всѣ факты переданы Любецкимъ въ столь извращенномъ видѣ, что это можно объяснить только запамятованіемъ, либо желаніемъ придать фактамъ иную окраску“. „Впрочемъ, чистосердечіе всѣхъ этихъ господъ сомнительно болѣе чѣмъ когда-либо; объ этомъ свидѣтельствуютъ событія. Всѣ сознаютъ болѣе или менѣе свою вину и, стараясь выгородить себя, усугубляютъ ее, запутывая возможно большее число людей... да проститъ имъ Господь въ Своемъ милосердіи; я повторю слова Господа нашего: „Отче, прости ихъ, не вѣдаютъ бо что творятъ“... Я такъ ошибся во всѣхъ этихъ людяхъ, которые отплатили мнѣ неблагодарностью, что мнѣ позволительно будетъ, на закатѣ дней моихъ, стать болѣе осмотрительнымъ... единственно о чемъ я молю Господа, это чтобы армія, которой я посвятилъ 16 лѣтъ своей жизни, одумалась и вернулась на путь долга и чести и сознала свое заблужденіе прежде, нежели противъ нея будутъ употреблены понудительныя мѣры“ [1]).

Не злобою, не жаждою мести проникнуты слова Великаго Князя, они дышатъ глубокой скорбью,—скорбью человѣка, которому довелось видѣть крушеніе всей своей многолѣтней дѣятельности, который былъ уязвленъ въ своихъ лучшихъ чувствахъ и встрѣтилъ вражду и непониманіе въ тѣхъ, на любовь которыхъ онъ разсчитывалъ.

„Ему было тяжело сознаться, что шестнадцатилѣтнія его старанія сдѣлать изъ поляковъ преданныхъ и благодарныхъ русскому Государю подданныхъ оказались безплодны; но его привязанность къ полякамъ была настолько глубока, что, забывая какъ личное горе, причиненное ему мятежниками, такъ и разстройство, внесенное ими въ государственный организмъ, онъ взывалъ къ милосердію и кротости Монарха, увѣряя Его, что прощеніемъ можно скорѣе и

---

[1]) Письмо изъ Орлы, отъ 26 декабря 1830 г.

успѣшнѣе возстановить порядокъ въ охваченномъ революціею краѣ, чѣмъ вооруженною силою".

Приводимыя ниже выдержки изъ писемъ Цесаревича за декабрь 1830 г. и январь 1831 г. рисуютъ его душевное состояніе и говорятъ о томъ, что всѣ его помысли были заняты въ то время исключительно дальнѣйшею судьбою поляковъ и желаніемъ смягчить гнѣвъ Императора и склонить его къ великодушію и къ прощенію. „Я истерзанъ (tout meurtri) всѣмъ случившимся, писалъ Константинъ Павловичъ изъ Бржесца 8 (20) декабря 1830 года; я не могу понять, какъ люди, по существу честные и порядочные, могли безъ всякой причины, позабывъ присягу вѣрноподданнаго и военнаго, присоединиться къ кучкѣ виновныхъ и дѣйствовать съ ними заодно, чтобы спасти ихъ отъ наказанія, прикрывая этотъ сумбуръ понятій именемъ патріотизма. Тѣмъ не менѣе, дорогой братъ, я полагаю, что великодушіе произведетъ больше впечатлѣнія, нежели, сила. Проявите ли Вы великодушіе или силу, я все же осмѣливаюсь просить Васъ о великодушіи".

„Повторяю, совѣсть до сихъ поръ ни въ чемъ не укоряетъ меня, и я заранѣе умоляю васъ о состраданіи къ тѣмъ, кои хотѣли посягнуть на мою жизнь и ворвались въ мой домъ; Богъ видитъ, что въ сердцѣ моемъ я не помню зла. Дай Богъ, чтобы все могло устроиться въ законномъ порядкѣ, безъ пролитія крови" [1]).

„Я ничего не добиваюсь для себя, я повторяю себѣ каждый день, что моя общественная роль кончена, послѣ всѣхъ непріятностей, измѣнъ и гнуснѣйшаго вѣроломства, коими я былъ одураченъ въ награду за 16 лѣтъ труда, искренности и лояльности. И тѣмъ не менѣе я повторяю, что величайшее хладнокровіе, величайшая доброта и милосердіе нужны болѣе чѣмъ когда-либо и будутъ дѣйствительнѣе силы [2]).

...„Когда весь народъ ставитъ патріотизмъ выше присяги, выше долга,—возможно ли предотвратить бѣдствіе? Наканунѣ событія, у меня были князь Чарторыйскій и Ельскій; они высказывали самыя достохвальныя чувства (des sentiments tout à fait honorables), а на другой день, въ ночь, и впослѣдствіи въ Вержбнѣ, князь Чарторыйскій былъ ярымъ патріотомъ. Шестнадцатилѣтіе труды лопнули самымъ гнуснымъ образомъ въ награду за довѣріе и за сдѣланное добро.

„Кицкій и Шидловскій, все время говорившіеся больными, доказали, что они были больны не такъ серьезно, такъ какъ они испол-

---

[1]) Письмо изъ Великолитовска, отъ 13 (25) декабря 1830 г.

[2]) Изъ Высоколитовска, отъ 17 (29) декабря.

няютъ обязанности адъютанта у Хлопицкаго и т. д. Что можно ожидать отъ людей, которые ни во что не вѣрятъ, пропитаны ложными принципами и ставятъ патріотизмъ выше всего"? [1]).

Незлобіе и доброе сердце Константина Павловича высказались еще разъ въ полномъ блескѣ въ письмѣ изъ Бржестовицы, отъ 1-го (13-го) января 1831 года; посылая Императору Николаю свои вѣрноподданническія поздравленія и пожеланія наилучшихъ успѣховъ, онъ прибавилъ:

„Но я не могу сдѣлать этого, не осмѣлившись еще разъ поручить вашему милосердію заблудшій народъ, члены котораго не всѣ виновны, а виновны именно тѣ, которые вывели его на путь преступленія и всевозможнаго разврата. Пощада для нихъ, дорогой и несравненный братъ, и снисхожденіе для всѣхъ—это мольба брата, имѣвшаго несчастіе изъ послушанія посвятить лучшую часть своей жизни на образованіе войскъ, къ сожалѣнію, обратившихъ свое оружіе противъ своей родной страны. Моя общественная роль кончена; послѣ всего того, что случилось со мною, въ послѣднее время, никакое командованіе не прельщаетъ меня". Выражая желаніе остаться при своемъ, гвардейскомъ отрядѣ, выведенномъ имъ изъ Варшавы, Цесаревичъ добавляетъ: „Потерпите, чтобы я остался съ нимъ, ихъ судьба будетъ моею. Если же тѣмъ не менѣе вы полагаете, что я долженъ разстаться съ нимъ, разрѣшите мнѣ совсѣмъ удалиться отъ дѣлъ и сдѣлаться совершеннымъ ничто (absolument nul), чѣмъ,—я чувствую это все болѣе и болѣе,—я являюсь въ дѣйствительности".

Какъ отозвался Императоръ Николай на просьбы и увѣщанія своего августѣйшаго брата о помилованіи мятежныхъ поляковъ? На это даютъ отвѣтъ его письма къ Цесаревичу за это тревожное время.

Онъ не захотѣлъ испытать предлагавшійся ему способъ усмиренія Польши.

„Я исполню свой долгъ по отношенію къ отечеству и къ Польшѣ, писалъ Государь по полученіи отъ Цесаревича извѣстія о ноябрьскихъ событіяхъ въ Варшавѣ, и заставлю уважать ихъ достоинство" [2]).

„Ничего не зная о васъ, я вынужденъ принять какое-нибудь рѣшеніе... я не могу поступить иначе. Если бы вамъ довелось перейти нашу границу, я умоляю васъ *ничего не измѣнять* въ данныхъ мною приказаніяхъ, во избѣжаніе могущей произойти путаницы" [3]).

---

[1]) Писано въ Высоколитовскѣ, 24-го (5-го января 1831 г.).

[2]) Письмо отъ 29-го ноября (11-го декабря) 1830 г.

[3]) Письмо отъ 30-го ноября (12-го декабря) 1830 г.

„Негодованіе охватило здѣсь (въ Петербургѣ) всѣхъ, и все, что я могу сдѣлать, это *овладѣть общественнымъ мнѣніемъ*; пока это мнѣ удалось, такъ какъ всѣ убѣждены въ томъ, что я *никогда не уступлю насилію*. Первымъ нашимъ движеніемъ было *всѣмъ* летѣть вамъ на помощь—это чувство раздѣлялось всѣми. Не думайте, что мое сердце жаждетъ мести; оно настроено миролюбиво; и хотя бы это даже не согласовалось съ моими убѣжденіями, — но я христіанинъ, и моя обязанность какъ такового взяла бы верхъ. Доказательствомъ того служитъ прилагаемое воззваніе, которое я стараюсь распространить въ Польшѣ [1]). Но что мнѣ дѣлать, если поляки въ своемъ ослѣпленіи будутъ упорствовать въ своей измѣнѣ и въ своемъ безуміи? Если одинъ изъ двухъ народовъ и двухъ престоловъ долженъ погибнуть, могу ли я колебаться хотя мгновеніе? Вы сами развѣ не поступили бы такъ? Мое положеніе тяжкое, моя отвѣтственность ужасна, но моя совѣсть ни въ чемъ не упрекаетъ меня въ отношеніи поляковъ, и я могу утверждать, что она ни въ чемъ не будетъ упрекать меня; я исполню въ отношеніи ихъ всѣ свои обязанности, до послѣдней возможности; я не напрасно принесъ присягу, и я не отрѣшился отъ нея; пусть же вина за ужасныя послѣдствія этого событія, если ихъ нельзя будетъ избѣгнуть, всецѣло падетъ на тѣхъ, которые повинны въ немъ! Аминь... я высказываю вамъ съ полной откровенностью свои взгляды и прошу васъ также довѣрчиво изложить мнѣ ваши мысли, но я настаиваю на томъ, на чемъ *убѣжденіе повелѣваетъ мнѣ настаивать*, въ виду моей отвѣтственности. Вы сдѣлали *все, что могли*, чтобы пресѣчь и уменьшить зло. На ваши благодѣянія отвѣтили самой подлой измѣной; могу ли я осудить васъ за излишнюю довѣрчивость?

...Я вполнѣ вѣрю тому, что есть много заблудшихъ, и много, какъ вы говорите, глубоко несчастныхъ; разсчитывая на это, я еще разъ обратился къ лояльности и чести націи и арміи [2]). Вотъ нѣсколько экземпляровъ воззванія, обнародованнаго по моему приказанію въ Польшѣ; мнѣ кажется, что оно написано сдержанно и въ то же время твердо“ [3]).

Ознакомившись съ этимъ воззваніемъ, Цесаревичъ отнесся къ нему скептически, равно какъ и многимъ другимъ мѣропріятіямъ, исходившимъ изъ Петербурга.

„Ваше воззваніе къ полякамъ, какъ оно ни прекрасно, не мо-

---

[1]) Въ этомъ воззваніи къ войскамъ и народу Царства Польскаго выражалась готовность къ примиренію со всѣми, кои возвратятся къ долгу.

[2]) Вслѣдъ за воззваніемъ, которое было обнародовано 5-го (17-го) декабря, появился 12-го (24-го) декабря такого же содержанія манифестъ.

[3]) Письмо отъ 8-го декабря 1830 г.

жетъ, по моему мнѣнію, произвести того полезнаго дѣйствія, какого вы отъ него ожидаете, писалъ Константинъ Павловичъ, ибо мятежъ ведется энергично, и два засѣданія такъ называемаго сейма признали неограниченную власть Хлопицкаго и объявили его дѣло—дѣломъ всей націи. Это шагъ чрезвычайно важный, который можетъ имѣть неисчислимыя послѣдствія, въ особенности для людей, ставящихъ отечество выше присяги и выше всего на свѣтѣ. Дай Богъ, чтобы ваше воззваніе произвело какое-нибудь дѣйствіе, никто такъ не желаетъ этого, какъ я, но я сильно сомнѣваюсь въ этомъ; я ожидаю отъ него совершенно обратнаго дѣйствія; кто правъ—покажетъ время".

Убѣдившись окончательно въ томъ, что вооруженное столкновеніе съ мятежной Польшею было неизбѣжно, Императоръ писалъ Цесаревичу 19-го (31-го декабря) 1830 г.

„Желая приготовиться ко всему, я предложилъ женѣ отговѣть вмѣстѣ, не зная, будетъ ли Богу угодно позволить намъ быть вмѣстѣ въ такое время, когда мы имѣемъ обыкновеніе дѣлать это; по крайней мѣрѣ, мы причастимся, и я прошу у васъ обоихъ прощенія и вашего благословенія; да сподобитъ меня таинство, къ которому я готовлюсь приступить, найти ту силу и то присутствіе духа, въ которыхъ съ каждымъ днемъ я все болѣе нуждаюсь, и которыя я тщетно искалъ бы гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ тамъ, откуда истекаетъ милосердіе и сила".

„Я надѣюсь, вы убѣдились теперь, писалъ Николай Павловичъ нѣсколько дней передъ тѣмъ, что я готовъ испробовать всѣ средства, совмѣстныя съ честью *того лица*, которое я представляю, и съ моей совѣстью, чтобы вернуть къ разуму заблудшую націю; но я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы это средство, *которое я предпочитаю*, привело бы насъ къ желаемому результату" [1]).

„Предвидя все, что должно происходить въ вашей душѣ и въ вашемъ сердцѣ, такъ глубоко оскорбленномъ (froissé) той неблагодарностью, которую вамъ пришлось видѣть и испытать, я не могу не признаться себѣ въ томъ, какъ тяжело вамъ будетъ сражаться противъ тѣхъ, которые должны были остаться вѣрны присягѣ и *быть подъ вашей командою*. Я опасаюсь, что эта перспектива весьма вѣроятна; но твердо помните, что я исчерпалъ всѣ *средства*, чтобы вернуть этихъ безразсудныхъ на путь разума; сдѣлать большее превосходитъ мое пониманіе, такъ какъ это было бы несовмѣстимо съ честью лица, которое я представляю, и съ честью имперіи, не-

[1]) Письмо отъ 13-го (25-го) декабря 1830 г.

достойнымъ образомъ оскорбленной; такимъ образомъ насъ заставитъ сражаться не месть, а необходимость".

Поздравляя Цесаревича съ новымъ 1831 годомъ и высказывая ему наилучшія свои пожеланія, Государь присовокуплялъ:

„Трудно прозрѣть будущее, но, соображая въ предѣлахъ человѣческаго разума, взвѣшивая различныя вѣроятія успѣха, трудно предположить, чтобы новый годъ оказался для насъ болѣе тяжелымъ, чѣмъ 1830 годъ; дай Богъ, чтобы я не ошибся. Я желалъ бы видѣть васъ спокойно водворившимся въ вашемъ Бельведерѣ и порядокъ—возстановленнымъ повсюду, но сколько еще предстоитъ сдѣлать, прежде чѣмъ быть въ состояніи достигнуть этого. *Кто изъ двухъ долженъ погибнуть*;—такъ какъ, повидимому, погибнуть необходимо, — *Россія* или *Польша?* Рѣшайте сами. Я исчерпалъ всѣ возможныя средства, чтобы предотвратить подобное несчастіе; средства, совмѣстимыя только *съ честью* и *моею совѣстью*, эти средства исчерпаны, или, по крайней мѣрѣ, ничто не можетъ заставить меня повѣрить, чтобы ихъ хотѣли тамъ; что же мнѣ остается дѣлать? „Озеровъ прибылъ курьеромъ изъ Вѣны... все, что онъ говоритъ, доказываетъ, что Варшаву и войско окончательно обуяло безуміе; такъ онъ видѣлъ *собственными глазами*, что солдаты пріѣзжали на смотръ въ коляскахъ, сидя на первомъ мѣстѣ, сложивъ поперекъ ружья, а офицеры сидѣли впереди и тысячу тому подобныхъ вещей" [1]).

„Я вполнѣ понимаю ваши чувства, и что вы не желаете разстаться съ вашей храброй и прекрасной гвардіей, но, предвидя, что ей придется слѣдовать за арміей въ качествѣ резерва, когда она должна будетъ вступить въ королевство, я не могъ не сказать себѣ, что вамъ будетъ ужасно сражаться съ тѣми, которые должны бы находиться подъ вашимъ началомъ, и поэтому, я предложилъ вамъ обождать прибытіе гвардейскаго корпуса, который, подойдя позднѣе, составитъ, вѣроятно, резервъ арміи и присоединится затѣмъ къ вашему резервному корпусу: и такимъ образомъ вся гвардія соединится впослѣдствіи подъ вашей командою... впрочемъ, какъ бы ни захотѣли поступить, все будетъ одобрено мною... говорятъ, будто партія сумасбродныхъ рѣшила объявить о нашемъ низложеніи, по примѣру брюссельскихъ революціонеровъ [2]).

„Вамъ уже извѣстно, вѣроятно, сообщалъ Государь два дня спустя [3]), *что* мы получили вчера черезъ Берлинъ. Я говорю о воз-

---

[1]) Письмо отъ 3-го (15-го) января 1831 года.

[2]) Письмо отъ 8-го (20-го) января 1831 года.

[3]) Письмо отъ 10-го января 1831 года.

званіи поляковъ; несомнѣнно, что послѣ этого не остается никакой надежды на примиреніе; развѣ тѣ немногочисленные благоразумные люди, которые еще остаются, возьмутъ верхъ, что кажется весьма мало вѣроятнымъ. Въ воззваніи есть статья, въ которой взываютъ къ русскимъ, говоря: „развѣ между вами нѣтъ болѣе Пестелей, Муравьевыхъ и Бестужевыхъ?“ — Все это ясно. Богъ мнѣ свидѣтель, что я не желаю ни войны, ни мести; но что мнѣ дѣлать съ этими негодяями? (ces misérables). Они сами истребятъ себя, а не мы“.

Три дня спустя послѣ того, какъ были начертаны эти строки, война стала неизбѣжной: 13-го (25-го) января 1831 года сеймъ объявилъ династію Романовыхъ лишенною польскаго престола.

Императоръ Николай отвѣтилъ на это:

„13-го сего мѣсяца, среди мятежнаго противозаконнаго сейма, присваивая себѣ имя представителей своего края, дерзнули провозгласить, что царствованіе наше и дома нашего прекратилось въ Польшѣ, и что тронъ, возстановленный Императоромъ Александромъ, ожидаетъ иного монарха. Сіе наглое забвеніе всѣхъ правъ и клятвъ, сіе упорство въ зломысліи исполнили мѣру преступленій; настало время употребить силу противъ незнающихъ раскаянія, и мы, призвавъ въ помощь Всевышняго Судію дѣлъ и намѣреній, повелѣли нашимъ вѣрнымъ войскамъ идти на мятежниковъ“.

Въ день изданія манифеста главныя силы русской арміи перешли границы Имперіи и вступили въ Царство Польское.

В. Тимощукъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Записка Людовика XVIII [1]) къ Н. И. Арсеньеву.

C'est un devoir, c'est une consolation pour moi, d'exprimer en quittant la Courlande [2]), à Monsieur le gouverneur d'Arsénieff [3]) toute ma sensibilité à ses soins et surtout à ses sentimens. Je ne puis lui témoigner les miens que par des expressions, mais j'emporte avec moi la douce espérance qu'une âme comme la sienne sera appreciée par son auguste Souverain et qu'un jour l'Empereur se chargera lui-même de ma dette.

Je prie Monsieur d'Arsénieff d'être mon organe auprès de tous ceux qui m'ont témoigné de l'attachement pendant mon séjour en Courlande, j'en conserverai constamment le souvenir.

Louis.

A Mitau ce 9 (21) Janvier 1801.

(Вся записка собственноручная, была прикрѣплена къ гравированному портрету Людовика XVIII, пожалованному имъ Н. И. Ар-

---

[1]) Людовикъ XVIII, французскій король отъ 1814 по 1824 г., до вступленія на престолъ пользовался гостепріимствомъ Россіи съ 1797 по 1801 и съ 1805 до Тильзитскаго мира. Какъ признателенъ былъ Людовикъ XVIII Императору Александру I за русскую хлѣбъ-соль, свидѣтельствуетъ Шильдеръ въ III т. его прекраснаго труда „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“ стр. 227 и 228. Первое свиданіе Императора и Короля произошло въ Компьенѣ въ 1814 г., при чемъ, пишетъ Шильдеръ: „Король, принимая Императора, сѣлъ въ кресло и предложилъ своему высокому гостю стулъ“, а затѣмъ уже Тюильрійскомъ дворцѣ: „пригласивъ однажды на обѣдъ Государя и Короля прусскаго, Людовикъ вошелъ въ столовую залу первымъ и сѣлъ на почетное мѣсто; когда же одинъ изъ придворныхъ служителей, подавая блюдо, подошелъ прежде всѣхъ къ Императору Александру, Король громко крикнулъ: „à moi s'il vous plait“. *Ред.*

[2]) См. „Родъ дворянъ Арсеньевыхъ“ ч. I, 62 п. ч. II, 220—222 и *E. Daudet* „Histoire de l'émigration pendent la révolution française“.

[3]) *Николай Ивановичъ Арсеньевъ*, курляндскій губернаторъ, д. с. с., р. 3 XI 1760, † 2 II 1830; нѣсколько портретовъ его у внука его ген.-адъют. Д. С. Арсеньева; Н. И. дважды принималъ въ Митавѣ Людовика XVIII.

сеньеву; нынѣ записка и портретъ находятся у С. Д. Ивашкевичъ, урож. Арсеньевой).

Переводъ. Покидая Курляндію, я считаю для себя долгомъ и утѣшеніемъ выразить господину губернатору Арсеньеву—насколько я тронутъ его заботами и въ особенности выраженными имъ чувствами. Я не могу выразить ему моихъ собственныхъ чувствъ иначе, какъ словами, но я питаю сладостную надежду на то, что такая душа, какъ его, будетъ оцѣнена ея августѣйшимъ Государемъ и что когда-нибудь Императоръ возьметъ на себя заботу о моемъ долгѣ (относительно его).

Я прошу господина Арсеньева быть выразителемъ моихъ чувствъ по отношенію ко всѣмъ тѣмъ, кто во время пребыванія моего въ Курляндіи выказалъ мнѣ расположеніе, — о чемъ я никогда не забуду

Людовикъ.

Въ Митавѣ. 9 (21) января 1801.

Выписка изъ распоряженій Людовика XVIII передъ отъѣздомъ его изъ Митавы.

Je charge mon Cousin le Duc d'Aumont d'assurer ceux de mes fideles serviteurs que je ne puis emmener avec moi que leurs traitemens continueront à leur être payés, il leur exprimera la peine que je ressens en me séparant d'eux de ne pouvoir faire davantage; l'espoir que j'ai de les réunir encore autour de moi, il leur recommandera surtout de ne jamais oublier que je dois à Paul 1-er l'union de mes enfans, et que s'il me retire l'asyle qu'il m'avait donné, sa générosité me laisse les moyens de pourvoir à leur subsistance.

(signé) Louis.

à Mitau, ce 9 (21) Janvier 1801.

(Писано на бумагѣ, коей водяной знакъ—лилія).

Переводъ. Поручаю моему кузену, герцогу Д'Омону увѣрить тѣхъ изъ моихъ вѣрныхъ слугъ, коихъ я не могу взять съ собою, что ихъ содержаніе будетъ впредь имъ, уплачиваться по-прежнему; сверхъ того, онъ передастъ имъ, какъ мнѣ тяжело сознавать, разставаясь съ ними, что я не могу сдѣлать для нихъ ничего болѣе; но я еще питаю надежду видѣть ихъ снова около себя и въ особен-

ности прошу ихъ не забывать, что я обязанъ Павлу I союзомъ моихъ дѣтей [1]) и что, хотя онъ лишаетъ меня дарованнаго имъ мнѣ убѣжища, но я имѣю благодаря его великодушію возможность обезпечить ихъ существованіе.

(подписано:) Людовикъ.

Въ Митавѣ. 9 (21) января 1801.

(Оба документа находятся у внучки Н. И. Арсеньева — С. Д. Ивашкевичъ).

Сообщилъ В. С. Арсеньевъ.

---

[1]) Въ Митавѣ состоялся, какъ извѣстно, съ соизволенія Императора Павла, бракъ герцога Ангулемскаго, старшаго сына графа Артуа, впослѣдствіи короля Карла X, съ Маріей-Терезіей.

Воспоминанія жизни Ф. Ф. Тернера[1]).

(*Окончаніе*).

Около этого времени[2]) состоялось образованіе попечительства о дѣтяхъ ссыльно-каторжныхъ въ Сибири и на Сахалинѣ, подъ предсѣдательствомъ Ел. Ал. Нарышкиной; по ея приглашенію и я поступилъ въ это попечительство.

Съ Ел. Ал. Нарышкиной я познакомился нѣсколько лѣтъ тому назадъ у Пашковыхъ, во время проповѣдей у нихъ лорда Рэдстока. Убѣжденная христіанка, Елизавета Алексѣевна живо интересовалась этимъ религіознымъ возбужденіемъ, хотя и не сочувствовала уклоненію его въ догматическую сторону, противную православной церкви. Я съ нею часто разсуждалъ по поводу этихъ вопросовъ у Пашковыхъ, наши мысли сходились, и она пригласила меня посѣщать ее. Съ тѣхъ поръ наши отношенія становились все болѣе и болѣе близкими. Ел. Ал. принадлежала къ числу выдающихся женщинъ нашего времени. По теплотѣ сердца и живой отзывчивости на всѣ дѣйствительные интересы, по своему свѣтлому и вмѣстѣ съ тѣмъ практическому уму, она ярко выдѣляется изъ круга нашихъ свѣтскихъ дамъ. Рано овдовѣвши, она посвятила себя всецѣло разнымъ благотворительнымъ и общественнымъ учрежденіямъ. Взявшись за дѣло, Елизавета Алексѣевна всегда оказывается дѣйствительною его руководительницею, влагая въ него свои мысли, и такъ какъ всѣ относятся къ ней съ глубокимъ сочувствіемъ, то она со всѣхъ сторонъ всегда находитъ поддержку и полезное содѣйствіе. Просто удивительно, какъ все въ ея рукахъ преуспѣваетъ, даже денежныя средства всегда являются

---

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1911.

[2]) Январь 1897 г.

во-время, — на дѣйствительно добрыя и симпатичныя дѣла всегда оказываются жертвователи. Вникая всегда въ сущность каждаго дѣла, она съ рѣдкимъ тактомъ и практическимъ умомъ умѣетъ направлять его къ полезной цѣли.

Состоя уже передъ тѣмъ предсѣдательницею дамскаго Комитета, она умѣла сгруппировать около себя лицъ, дѣйствительно интересующихся дѣломъ, которымъ она какъ-то умѣла передавать свое серьезное отношеніе къ вопросу. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ тюремномъ Комитетѣ открылись нѣкоторыя злоупотребленія бывшаго секретаря и казначея; тогда Елизавета Алексѣевна просила меня помочь ей разобраться въ этомъ дѣлѣ и привести его въ порядокъ; по этому случаю я поступилъ тогда въ члены дамскаго тюремнаго комитета. При расширеніи дѣятельности этого учрежденія возникла мысль образовать при немъ особое попечительство о дѣтяхъ ссыльно-преступниковъ,—потребность въ такой дѣятельности вызывалась особенно тѣми печальными условіями, которыя сложились на Сахалинѣ. Лицо, командированное для изслѣдованія положенія дѣла на островѣ, о которомъ ходили уже очень неблагопріятные слухи—нашло, что дѣйствительность значительно превышаетъ все самое худшее, что говорили о сахалинскихъ условіяхъ жизни. Тамъ господствовала просто ужасающая распущенность нравовъ; при недостаточности женщинъ дѣло дошло до того, что рѣдкая 12—14 лѣтняя дѣвушка уже не была матерью. Благодаря усиліямъ и заботамъ Елизаветы Алексѣевны и сношеніямъ съ мѣстнымъ губернаторомъ, удалось устроить тамъ пріютъ для дѣтей и вообще достигнуть хотя нѣкотораго улучшенія нравственнаго положенія населенія.

Мои различныя занятія оставляли у меня однако достаточно времени для посѣщенія нѣкоторыхъ интересныхъ круговъ общества. Въ числѣ такихъ круговъ упомяну о вечерахъ графини А. Е. Комаровской, гофмейстерины Вел. Кн. Александры Іосифовны. На этихъ вечерахъ читались обыкновенно разныя литературныя произведенія, на нихъ присутствовали обыкновенно В. К. Константинъ Константиновичъ и его супруга.

На одномъ изъ этихъ вечеровъ Вел. Князь самъ читалъ свой переводъ Шекспировскаго Гамлета. Вел. Князь былъ страстно увлеченъ этой работой и дѣйствительно переводъ вышелъ очень удачный. Нѣсколько времени спустя давали на сценѣ Мраморнаго Дворца на любительскомъ спектаклѣ Гамлета въ переводѣ Вел. Князя. Онъ самъ игралъ роль Гамлета и исполнилъ ее вполнѣ драматично.

Около этого же времени мнѣ попалась въ руки книга мемуары графини Потоцкой, которую я читалъ съ большимъ интересомъ;—

упоминаю объ этомъ между прочимъ потому, что меня особенно поразила своею правдивостью и глубиною, заключительная фраза ея мемуаровъ: „l'homme ne cesse de souffrir et d'espérer, que lorsqu'il cesse de vivre. L'âge modifie et change la nature des impressions sans cependant les anéantir".

Во время моей службы въ церемоніальной экспедиціи, сослуживцемъ моимъ былъ Д. П. Голубцовъ, человѣкъ богатый, племянникъ графини Завадской, принадлежавшій къ аристократическому обществу, умный и пріятный товарищъ. Я съ нимъ нѣкоторое время поддерживалъ пріятельскія сношенія, но потомъ совершенно потерялъ его изъ виду. Много лѣтъ спустя до меня стали доходить слухи, что онъ совсѣмъ раззорился. Какъ-то въ апрѣлѣ этого года я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ мнѣ писалъ, что онъ женатъ, что у него дѣти, что онъ находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи и умолялъ меня заѣхать къ нему. Такъ какъ я уже услышалъ, что его состояніе совершенно разстроилось, и что онъ у всѣхъ занимаетъ деньги, то я хотѣлъ оставить его письмо безъ отвѣта. Но затѣмъ меня все же заинтересовало узнать, что съ нимъ стало послѣ столькихъ лѣтъ, и я рѣшился поѣхать къ нему. Онъ жилъ въ маленькомъ деревянномъ домикѣ на дворѣ по Каменноостровскому проспекту. Я былъ пораженъ тою картиною бѣдности, среди которой я засталъ этого, въ свое время блестящаго молодого человѣка. Больной старикъ, окруженный молодою женою и дѣтьми, въ крайне бѣдной—но все же опрятной обстановкѣ—онъ былъ глубоко тронутъ моимъ посѣщеніемъ, мы разговорились съ нимъ о прежнихъ временахъ, объ его отношеніяхъ къ его родственникамъ Толстымъ, о его прежнихъ служебныхъ сношеніяхъ съ графомъ Шуваловымъ и Адлербергомъ—все это прежнее было такимъ контрастомъ съ настоящимъ, что не могло не производить глубокаго впечатлѣнія и не вызывать сочувствія къ его настоящему положенію. Я у него просидѣлъ довольно долго, бесѣдуя, и потомъ сталъ посѣщать его отъ времени до времени, какъ стараго товарища. Года три спустя онъ скончался. Послѣ него осталась вдова, очень достойная молодая женщина съ тремя дѣтьми. Благодаря небольшой пенсіи, которую удалось ей выхлопотать, и нѣкоторому пособію Толстыхъ, ея скромное положеніе оказалось до нѣкоторой степени обезпеченнымъ, тѣмъ болѣе, что двѣ старшія ея дочери, очень милыя дѣвицы, были приняты на воспитаніе въ Патріотическій Институтъ.

Лѣто мы провели по обыкновенію въ деревнѣ Захоньѣ; въ этомъ году насъ постоянно посѣщали гости изъ Петербурга, между прочимъ Е. Д. Плеске, такъ что время проходило очень пріятно.

Въ августѣ мы отправились въ Ялту. Въ этомъ году происходилъ международный ученый медицинскій конгрессъ, на который пріѣхало множество иностранцевъ съ женами. Въ числѣ прочихъ развлеченій ихъ повезли и въ Крымъ, и вотъ въ послѣднюю ночь нашего путешествія, въ нашъ поѣздъ ввалилась такая масса иностранцевъ, что они заполнили всѣ свободныя мѣста въ вагонѣ и расположились даже частью въ корридорѣ, осаждая и буфетъ и туалетное помѣщеніе—все это къ большому неудобству коренныхъ пассажировъ, такъ что мы были рады, когда въ Симферополѣ эта ватага оставила нашъ поѣздъ.

Въ этомъ году въ Ялтѣ проводилъ осень и С. Ю. Витте. Мы съ нимъ часто видѣлись и даже иногда предпринимали вмѣстѣ прогулки. Незадолго передъ тѣмъ состоялось правительственное распоряженіе объ отдачѣ студентовъ, за производство буйства и безпорядковъ въ университетѣ, въ военную службу, отъ которой они по закону освобождались на время обученія. Это распоряженіе вызвало тогда всеобщее осужденіе. Такъ какъ инициативу этой мысли приписывали С. Ю. Витте, то разъ гуляя съ нимъ по Массандрѣ, я его спросилъ,—какъ онъ могъ предложить такую мѣру. На это онъ мнѣ сталъ объяснять, что, по его мнѣнію, принятая мѣра направлена въ интересѣ молодыхъ людей. До сихъ поръ, говорилъ онъ, ихъ за безпорядки долго держали подъ слѣдствіемъ, подвергали разнымъ полицейскимъ мытарствамъ, высылали въ отдаленныя мѣстности и въ добавокъ еще ихъ поставляли подъ надзоръ полиціи. Не лучше ли имъ вмѣсто всего этого пробыть годъ или два въ арміи, при чемъ въ случаѣ хорошаго поведенія, срокъ службы могъ бы быть имъ значительно сокращенъ; затѣмъ, возвращаясь по отбытіи военной службы въ университетъ, они уже ничѣмъ не были бы стѣснены и не подвергались бы даже полицейскому надзору. С. Ю. развивалъ свою мысль до такой степени убѣдительно, что и мнѣ начинало казаться, что онъ правъ. Но какъ бы то ни было, эта мѣра возбуждала такое неудовольствіе въ обществѣ, что отъ примѣненія ея скоро пришлось отказаться.

Кромѣ Витте и обычныхъ ялтинскихъ знакомыхъ: князя Ливена и графа Ностица, ялтинскаго патріарха, жившаго на своей красивой дачѣ Эталита, мы въ этомъ году видѣлись еще съ А. А. Нарышкинымъ, который тогда былъ товарищемъ Министра Земледѣлія, и со своимъ семействомъ жилъ въ Никитскомъ саду,—наконецъ, говоря о лицахъ, съ которыми мы встрѣчались въ Ялтѣ, слѣдуетъ упомянуть еще о живописцѣ Крачковскомъ, на дачѣ котораго по извѣстнымъ днямъ собиралось ялтинское общество на

выставку его картинъ,—съ видами Крыма, которые тогда составляли его спеціальность.

Гуляя разъ по набережной, я издали въ слободкѣ увидѣлъ большой столбъ дыма; опасаясь, какъ бы это не былъ пожаръ вблизи насъ, я поспѣшилъ домой и засталъ уже весь переулокъ передъ нашимъ домомъ запруженнымъ народомъ, такъ что съ трудомъ только удалось пробраться черезъ толпу. Оказалось, что горѣлъ сосѣдній съ нами домъ. Я быстро прошелъ на балконъ и увидѣлъ, какъ въ сосѣднемъ домѣ ломали крышу, чрезъ которую струился дымъ, и вдругъ изъ отверстія взвился громадный пламенный столбъ. На помощь нашей прислугѣ пришли сосѣдніе ремесленники, которые работали для насъ и долгое время, даже съ опасностью обжога, поливали нашъ деревянный балконъ водою и этимъ охранили его отъ загоранія. Наконецъ сосѣдній пожаръ потушили, и опасность миновала—мы отдѣлались однимъ испугомъ: кромѣ нѣкоторыхъ кипарисовъ въ саду ничего у насъ не пострадало. Когда распространился слухъ о пожарѣ въ нашемъ сосѣдствѣ, насъ стали навѣщать знакомые, справляясь, не пострадали ли мы отъ пожара.

Въ концѣ сентября наступилъ 50-ти-лѣтній юбилей артистической дѣятельности И. К. Айвазовскаго, торжественно чествовать который собиралась Ѳеодосійская дума. Иванъ Константиновичъ считался какъ бы протекторомъ Ѳеодосіи, для которой онъ дѣйствительно очень много сдѣлалъ. Получивъ приглашеніе на это торжество, я 25 сентября отправился на пароходъ въ Ѳеодосію. На другое утро я посѣтилъ Айвазовскаго и затѣмъ отправился на торжественный актъ въ думѣ. Къ этому дню Государь пожаловалъ Ивану Константиновичу орденъ Александра Невскаго. Его объ этомъ извѣстили по телеграфу, но такъ какъ самые знаки еще не прибыли, а желательно было, чтобы онъ на торжествѣ явился уже облеченный ими, то я ему предложилъ надѣть мою ленту, что онъ и сдѣлалъ. Актъ въ думѣ носилъ дѣйствительно торжественный характеръ—масса депутацій, одна за другою—отъ города, отъ разныхъ учрежденій, отъ училищъ, отъ мѣстныхъ обществъ русскаго, татарскаго, даже еврейскаго — появлялись и читали свои адреса. Видно было, какъ всѣ мѣстные жители и большіе, и малые и русскіе, и инородцы высоко чтили Айвазовскаго.

Затѣмъ въ роскошно убранной думской залѣ состоялся торжественный обѣдъ на нѣсколько сотъ персонъ, при чемъ мнѣ пришлось произнести тостъ за супругу юбиляра. Вечеромъ въ той же залѣ былъ балъ съ иллюминаціей, фейерверкомъ—однимъ словомъ чествованіе вполнѣ удалось. Вечеръ былъ чудный, мы вмѣстѣ съ губернаторомъ Лазаревымъ вышли на террасу и долго сидѣли тамъ

за бокаломъ шампанскаго, наслаждаясь чуднымъ вечеромъ, южной природой, иллюминаціей, движеніемъ народа.

Удивительно, съ какою легкостью Иванъ Константиновичъ, которому тогда уже было за 70 лѣтъ, переносилъ, повидимому, безъ всякаго утомленія всѣ перипетіи этого дня. Онъ былъ въ превосходномъ расположеніи духа, веселъ и явно очень доволенъ моимъ пріѣздомъ, заботился обо мнѣ очень любезно и передъ отъѣздомъ подарилъ мнѣ на память видъ Ѳеодосійскаго порта, его кисти.

На другой день былъ большой, но болѣе интимный завтракъ въ его домѣ. За завтракомъ я произнесъ небольшую рѣчь; вспоминая, какъ мы познакомились съ Иваномъ Константиновичемъ лѣтъ тридцать тому назадъ въ Египтѣ, вмѣстѣ наслаждались зрѣлищами открытія Суэзскаго канала, вмѣстѣ на томъ же пароходѣ плыли изъ Александріи въ Бриндизи, вмѣстѣ испытали на немъ бурю, которую онъ воспроизвелъ на полотнѣ, находящемся въ моемъ владѣніи—и какъ съ тѣхъ поръ въ теченіе столькихъ лѣтъ продолжаются наши дружескія отношенія, никогда ничѣмъ не омраченныя.

Вмѣстѣ со мною на чествованіи Айвазовскаго участвовали два сына А. Н. Куломзина. Послѣ завтрака я поѣхалъ съ ними осматривать ихъ виноградники и винодѣліе. Тамъ были устроены большіе погреба, въ которыхъ лежали громадныя бочки съ виномъ. Со всѣмъ этимъ устройствомъ мнѣ было интересно ознакомиться. Оказывалось однако, что значительныя затраты на это дѣло оплачивались очень скуднымъ доходомъ, въ виду постоянной трудности сбыта вина по хорошей цѣнѣ, вслѣдствіе большого въ то время предложенія со стороны разныхъ лицъ.

Вечеромъ у Айвазовскаго состоялся еще блестящій раутъ, прямо съ котораго, распростившись съ Иваномъ Константиновичемъ, я уѣхалъ на пароходъ, на которомъ, благодаря внимательной заботливости Айвазовскаго, мнѣ была предоставлена директорская кабина, и куда меня проводилъ молодой Куломзинъ.

Вскорѣ послѣ того мы возвратились въ Петербургъ.

Въ теченіе октября скончались К. К. Гротъ и И. Д. Деляновъ.

Съ Константиномъ Карловичемъ я находился въ близкихъ отношеніяхъ съ самаго почти его пріѣзда въ Петербургъ. Константинъ Карловичъ былъ губернаторомъ въ Самарѣ и, во время преобразованія откупной винной системы въ акцизную, былъ назначенъ директоромъ департамента неокладныхъ сборовъ. При самомъ началѣ реформы, какъ я уже разсказывалъ выше, у него вышло столкновеніе съ Княжевичемъ, который, подъ вліяніемъ ходатайствъ своихъ родственниковъ, обѣщалъ разныя мѣста управляющихъ акцизными

сборами лицамъ, которыя, по мнѣнію Грота, не соотвѣтствовали требованіямъ такого положенія. Такъ какъ весь успѣхъ реформы зависѣлъ отъ хорошаго выбора исполнителей,—то Константинъ Карловичъ рѣшительно отказался опредѣлить кандидатовъ Княжевича и вслѣдствіе настояній послѣдняго подалъ въ отставку. Тогда однако Княжевичъ отвѣтилъ ему, что если уже кому выходить въ отставку, то это ему—Княжевичу, а никакъ не Гроту, только что поставленному во главѣ столь важной реформы. Дѣйствительно, Княжевичъ оставилъ министерство, и на его мѣсто былъ назначенъ М. Х. Рейтернъ. Константинъ Карловичъ очень удачно провелъ акцизную реформу, затѣмъ онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, и нѣкоторое время былъ Главноуправляющимъ Учрежденіями Императрицы Маріи, но по несогласію мнѣній съ Баронессой Раденъ, которая пользовалась большимъ вліяніемъ у Императрицы, долженъ былъ оставить этотъ постъ.

Освободившись отъ оффиціальныхъ текущихъ занятій, Константинъ Карловичъ посвятилъ себя всецѣло задачѣ, которая сдѣлала, можно сказать, его имя безсмертнымъ въ исторіи Россіи. Онъ организовалъ попечительство о слѣпыхъ, поставленное подъ покровительство Императрицы Маріи Ѳеодоровны, и вложилъ въ это дѣло всѣ свои старанія, всѣ свои заботы и даже часть своихъ средствъ. Благодаря его стараніямъ, капиталъ попечительства дошелъ до 4 милліоновъ рублей, а ежегодный доходъ достигъ 600.000 рублей. Въ Петербургѣ построено обширное Александро-Маріинское убѣжище о слѣпыхъ. При немъ учреждены мастерскія, при чемъ слѣпые рабочіе снабжаются сырымъ матеріаломъ, и издѣлія ихъ принимаются отъ нихъ на комиссію по опредѣленной цѣнѣ. Учреждено общежитіе для слѣпыхъ, убѣжище для неспособныхъ къ труду слѣпыхъ рабочихъ, устроено нѣсколько больницъ,—затѣмъ попечительство заботится объ изданіи для слѣпыхъ спеціальныхъ книгъ.

Кромѣ того въ 23 городахъ учреждены мѣстные совѣты попечительства, и въ многихъ изъ нихъ устроены училища для слѣпыхъ.

Уже послѣ смерти К. К. образованы летучіе медицинскіе отряды, которые въ теченіе лѣта объѣзжаютъ мѣстности, зараженныя глазными болѣзнями, для производства въ нихъ амбулаторнаго лѣченія.

Памятникъ, сооруженный передъ домомъ близъ убѣжища, годы и годы будетъ вѣщать потомству о поразительныхъ результатахъ, достигнутыхъ иниціативой, трудами и заботами этого энергическаго дѣятеля.

Послѣ смерти К. К. предсѣдателями попечительства были Е. А. Перецъ, а послѣ него графъ Воронцовъ; за назначеніемъ послѣдняго

на Кавказъ, я нѣсколько мѣсяцевъ замѣнялъ его въ качествѣ предсѣдательствующаго.

И. Д. Деляновъ былъ очень долгое время Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Находясь подъ вліяніемъ Каткова и Георгіевскаго, онъ выказалъ мало собственной иниціативы въ управленіи министерствомъ, такъ что его дѣятельность не ознаменовалась особенно полезными результатами. При немъ вслѣдствіе руссификаціонныхъ стремленій были разстроены между прочимъ превосходныя училищныя заведенія въ Остзейскомъ краѣ.

Послѣ его смерти послѣдовалъ цѣлый рядъ кратковременныхъ министерствъ. Первымъ послѣ него былъ назначенъ Боголѣповъ, который черезъ два года погибъ отъ руки убійцы, затѣмъ временно управлялъ министерствомъ Звѣревъ, до назначенія министромъ Ванновскаго, о дѣятельности котораго рѣчь будетъ далѣе; пробывъ не болѣе года, онъ былъ уволенъ, и его мѣсто занялъ его товарищъ Зенгеръ, который тоже оставался на этомъ посту не болѣе года и былъ замѣненъ Глазовымъ.

Въ послѣдній день декабря, возвращаясь домой, я нашелъ у себя карточку С. Ю. Витте; оказалось, что онъ заходилъ поздравить меня съ производствомъ къ новому году въ чинъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника.

1898.

Извѣстный князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, владѣтель Алупки, такъ много сдѣлавшій для развитія Крыма, образовалъ изъ своихъ имѣній маіоратъ. Въ то время этимъ маіоратомъ владѣлъ его внукъ свѣтл. князь Михаилъ Андреевичъ Воронцовъ, графъ Шуваловъ. Человѣкъ болѣзненный и мало развитой, онъ не былъ въ состояніи управлять столь громаднымъ имѣніемъ (дававшимъ вмѣстѣ съ родовыми имѣніями до 400.000 ежегоднаго дохода) и потому, по ходатайству родственниковъ, надъ его имѣніями была учреждена опека. Опекунами были назначены члены Государственнаго Совѣта Шидловскій и Н. С. Абаза. Когда послѣдній, посвятивъ себя всецѣло устройству богатой южно-бережной мѣстности Кавказа, совершенно туда переселился и потомъ сложилъ съ себя званіе опекуна, это положеніе было предложено мнѣ. Вмѣстѣ съ Н. В. Шидловскимъ я занималъ это званіе опекуна до самой смерти князя Михаила Андреевича въ 1904 году. Занятіе это представляло большой интересъ, давая мнѣ возможность вникать во всѣ частности управленія столь громаднаго имѣнія.

23-го марта скончался мой близкій другъ, протоіерей А. А. Лебедевъ, объ отношеніяхъ къ которому я уже говорилъ выше. А. А. Лебедевъ хоронилъ мою матушку, затѣмъ ежегодно въ день ея смерти, 21-го марта, мы ѣздили съ нимъ на Волковское кладбище поклониться могилѣ матушки, при чемъ онъ всегда служилъ панихиду въ малой верхней Волковской церкви. Эта поѣздка въ обществѣ человѣка, столь близкаго нашему семейству и глубоко нравственнаго христіанина, имѣла для меня всегда нѣчто отрадное, вызывая въ душѣ какое-то мирное успокоительное настроеніе. И вотъ въ этомъ году 21-го марта пришлось ѣхать на Волково безъ него, а два дня спустя, 23-го марта, Александръ Алексѣевичъ скончался почти что въ тѣ же часы, какъ и моя матушка. Я уже говорилъ о томъ, какая ему была дана спокойная, благодатная, кончина. Потеря вѣрнаго друга, съ которымъ столько лѣтъ я находился въ близкихъ отношеніяхъ, глубоко меня опечалила. Во время его болѣзни я часто посѣщалъ его; онъ надѣялся еще на выздоровленіе, строилъ планы ѣхать на югъ, я ему предлагалъ остановиться на нашей дачѣ въ Ялтѣ, но всѣмъ этимъ планамъ не суждено было осуществиться. Въ послѣдній разъ я его видѣлъ дней шесть передъ его кончиной, ему казалось нѣсколько лучше, и мы долго съ нимъ бесѣдовали, онъ смотрѣлъ еще съ надеждой на будущее, хотя его семейство, на основаніи отзывовъ врачей, уже не питало никакихъ надеждъ. Несмотря на то, извѣстіе о его смерти меня ужасно поразило. Подъ вліяніемъ печальнаго настроенія у меня тогда являлась мысль, что не тяжело будетъ и самому умереть. Ввиду быстроты теченія времени я нерѣдко помышлялъ о смерти и, сознаюсь, не безъ нѣкотораго страха, но въ такой моментъ, когда душа исполнена печали по случаю смерти любимаго человѣка, этотъ страхъ какъ бы исчезаетъ. Я былъ тогда въ томъ же настроеніи, въ которомъ я находился послѣ смерти жены, настроеніе, которое даже хотѣлось бы сохранить—настроеніе, которое не препятствуетъ пользоваться благомъ сей жизни, но при которомъ ничему не придаешь особеннаго значенія и ничѣмъ особенно не связываешься; отъ всего является готовность отказаться во всякое время, помня изреченіе Апостола Павла „не имѣемъ здѣсь постояннаго града, но ищемъ будущаго“. Евр. 13, 14.

Въ началѣ этого же года приходится отмѣтить еще смерть двухъ лицъ, съ которыми я находился въ близкихъ сношеніяхъ, А. А. Шумахера и А. А. Рихтера. Съ А. А. Шумахеромъ, первоприсутствующимъ въ первомъ департаментѣ Сената и до самой смерти предсѣдателемъ попечительства по учрежденіямъ Вел. Кн. Елены Павловны, мнѣ приходилось работать вмѣстѣ нѣсколько лѣтъ и въ

Сенатѣ, и въ попечительствѣ. Говоря о А. А. Рихтерѣ, я уже упоминалъ, какъ, со вступленіемъ Вышнеградскаго въ управленіе министерствомъ финансовъ, ему пришлось, по требованію Государя, оставить постъ директора департамента окладныхъ сборовъ. Но въ качествѣ члена совѣта на него возлагались разныя порученія и мнѣ приходилось часто вмѣстѣ съ нимъ заниматься. На его похоронахъ С. А. Ольхинъ сказалъ мнѣ, что покойный еще незадолго до смерти отзывался очень сочувственно по поводу только что появившейся моей статьи „о крестьянскихъ платежахъ“, прибавляя слова, что у него „всегда чисто“. Такой, нѣкоторымъ образомъ загробный обо мнѣ отзывъ А. А. Рихтера доставилъ мнѣ истинное удовольствіе.

Но этимъ еще не кончается мой синодикъ 98-го года. Въ маѣ, возвращаясь изъ деревни въ городъ, я въ Лугѣ купилъ „Новое Время“ и прочелъ въ немъ извѣстіе о смерти графа Левашова, а въ концѣ іюля я получилъ въ деревнѣ телеграмму, извѣщавшую меня о смерти моего двоюроднаго брата А. А. Фольборта, нашего Генер. Консула въ Лондонѣ, наконецъ въ сентябрѣ въ Ялтѣ скончался Новосельскій, и я былъ тамъ на его панихидѣ.

Цѣлый рядъ memento mori!

Въ половинѣ августа я отправился въ Москву на торжество открытія памятника Александра II. Я остановился опять на квартирѣ, которую я занималъ во время коронаціи. Празднество продолжалось всего два дня. 16-го числа состоялось освѣщеніе памятника, затѣмъ обѣдъ въ Георгіевской залѣ, а на другой день балъ у Вел. Кн. Сергія Александровича. Памятникъ очень величественъ, но находится въ непропорціональной обстановкѣ, что портитъ общее впечатлѣніе. Памятникъ окруженъ колоннадою, но колонны слишкомъ низки, памятникъ представляется какъ бы выше ихъ, такъ что колоннада имѣетъ видъ не храма, въ средѣ котораго возвышается памятникъ, а какой-то пристройки къ нему.

За обѣдомъ въ Георгіевской залѣ я сидѣлъ между Велепольскимъ и Бобриковымъ, который только что былъ назначенъ ген.-губернаторомъ Финляндіи. Мы съ нимъ много говорили во время обѣда, при чемъ онъ настаивалъ на необходимости принятія разныхъ мѣръ для большаго сближенія Финляндіи съ Россіей—я нѣсколько сомнѣвался въ цѣлесообразности его системы — могъ ли я тогда предвидѣть, что его управленіе Финляндіею окончится такимъ трагическимъ эпизодомъ.

По окончаніи празднествъ ко мнѣ пріѣхали сестры, чтобы оттуда ѣхать въ Крымъ, и мы съ ними посвятили дня три на осмотръ достопримѣчательностей Москвы. Посѣтили Румянцевскій

Музей, Оружейную Палату, Страстной Монастырь и осмотрѣли нѣсколько частныхъ картинныхъ галлерей—Солодовникова, Боткина, пообѣдали у знаменитаго Тѣстова и посѣтили Петровскій паркъ,—а затѣмъ отправились прямо изъ Москвы въ Ялту.

Меня при этомъ поразило, что московскіе меценаты такіе знатоки и любители искусства; особенно выдается замѣчательнымъ выборомъ первоклассныхъ картинъ небольшая галлерея Солодовникова. Всѣ эти галлереи, хотя и находящіяся въ частныхъ квартирахъ, очень любезно сдѣланы доступными постороннимъ посѣтителямъ.

1899.

Въ началѣ января, заѣхавъ къ М. Н. Анненкову, я узналъ, что онъ серьезно боленъ, и что его видѣть нельзя. Вѣру Ивановну, его мать, я засталъ въ слезахъ; случилось что-то ужасное, повидимому, онъ отравилъ себя каплями опіума, которыя онъ принималъ на сонъ; на слѣдующій день, 9 января, когда я опять заѣхалъ къ нему, я засталъ его уже почившимъ.

Къ такому печальному концу его привела несомнѣнная забота о совершенно разстроенномъ состояніи. Его состояніе, нѣкогда очень значительное, было совершенно разстроено расходами по тѣмъ командировкамъ, которыя на него возлагались, и особенно порученіемъ обезпечить работами существованіе голодающаго населенія, послѣ неурожая 1891 года. Жаль было этого энергическаго и дѣятельнаго человѣка. Онъ несомнѣнно имѣлъ недостатки, но у него были и большія достоинства — живость, воспріимчивость, удивительная энергія и жажда дѣятельности—этими качествами можно бы было пользоваться для блага Россіи, а между тѣмъ послѣднія восемь лѣтъ онъ былъ совершенно устраненъ отъ всякихъ дѣлъ и принужденъ былъ посвящать всю свою дѣятельность отпискамъ и оправданіямъ по возводимымъ на него контролемъ чисто формальнымъ нареканіямъ—упускавшимъ совершенно изъ вида существо дѣла и достигнутые имъ полезные результаты.

Нѣсколько времени спустя я получилъ письмо отъ его сестры Е. Н. Нелидовой, которая просила меня принять участіе въ опекѣ надъ имуществомъ, оставшимся послѣ покойнаго, и ликвидаціи его долговъ въ интересѣ его дочерей. Какъ ни трудна была эта задача, но въ виду моей дружбы къ покойному, я, посовѣтовавшись съ С. Ю. Витте, который мнѣ прямо заявилъ „вы должны исполнить эту просьбу“ — я рѣшился войти въ составъ опеки, послѣ того какъ членъ Госуд. Совѣта Н. Н. Герардъ, по моей просьбѣ, согласился принять на себя предсѣдательство въ ней. О благопріятномъ результатѣ дѣятельности опеки я уже говорилъ выше.

Въ теченіе того же января я посѣтилъ другого умиравшаго товарища по Госуд. Совѣту, барона Веліо и долго съ нимъ бесѣдовалъ. Удивительно, какъ этотъ характерный человѣкъ, на порогѣ смерти, зная, что ему остается жить всего только нѣсколько недѣль и даже дней,—спокойно разговаривалъ со мною о разныхъ предметахъ. Мы говорили съ нимъ о смерти Анненкова, отъ Анненкова мы перешли къ графу Баранову, и Веліо разсказалъ мнѣ обстоятельства, вызвавшія болѣзнь и преждевременную кончину гр. Баранова, о которой я уже говорилъ выше по поводу Барановской комиссіи и моемъ участіи въ ней.

Въ Петербургѣ существовало общество вспомоществованія нуждающимся поселенцамъ, образованное при участіи и кажется по иниціативѣ проф. Исаева. Первое время средства общества слагались только изъ членскихъ взносовъ и мелкихъ пожертвованій, но уже два года спустя послѣ его образованія, оно получило значительный капиталъ въ 150.000 руб., завѣщанный ему П. Н. Третьяковымъ.

Эта замѣчательная личность была самаго скромнаго происхожденія. Сынъ дворовыхъ людей г.г. Беклемишевыхъ и выкупленный на волю, онъ получилъ образованіе въ нѣмецкой Анненской школѣ. По окончаніи курса онъ поступилъ на службу въ почтовое вѣдомство, гдѣ, занимая скромное мѣсто, онъ оставался до самой смерти, посвящая вмѣстѣ съ тѣмъ свободное время литературнымъ занятіямъ. Ведя чрезвычайно скромный образъ жизни, ему удалось скопить капиталъ въ 150.000 руб., который онъ желалъ посвятить на пособіе бѣднымъ и неимущимъ труженикамъ. Узнавъ самъ нужду въ юные годы, онъ только и помышлялъ о томъ, какъ бы помогать другимъ нуждающимся. Передъ смертью ему пришлось познакомиться съ дѣятельностью переселенческаго общества; питая особое довѣріе къ личности М. И. Капустина, стоявшаго тогда во главѣ этого общества, онъ пришелъ къ убѣжденію, что не можетъ сдѣлать лучшаго употребленія своимъ деньгамъ, какъ завѣщавъ ихъ переселенческому обществу.

По смерти М. И. Капустина, товарищъ предсѣдателя проф. Исаевъ и члены правленія, посѣтивъ меня, въ началѣ года, просили меня принять предсѣдательство въ этомъ обществѣ. Обремененный массою другихъ дѣлъ и занятій, я не рѣшался принять эту дополнительную дѣятельность и если, наконецъ, все же согласился, то только съ тѣмъ условіемъ, чтобы на мнѣ, какъ на предсѣдателѣ, лежало только руководительство преніями въ правленіи и общее руководство дѣла, всѣ же частности исполнялись бы товарищемъ предсѣдателя. Такъ какъ товарищемъ былъ проф. Исаевъ, иниціа-

торъ дѣла, то я былъ увѣренъ, что у него дѣло будетъ въ хорошихъ рукахъ, и потому я не буду имъ особенно обремененъ. Какое же было мое удивленіе, когда нѣсколько недѣль спустя я получилъ письмо отъ Исаева, который меня извѣщалъ, что онъ уѣзжаетъ изъ Россіи на долгое время за границу и потому слагаетъ съ себя званіе товарища предсѣдателя. Вслѣдствіе своего либеральнаго направленія онъ принужденъ былъ оставить каѳедру въ университетѣ и отправлялся за границу изучать тамъ съ ученой точки зрѣнія движеніе соціализма, о которомъ онъ и написалъ впослѣдствіи большое сочиненіе, которое онъ прислалъ мнѣ изъ Брюсселя.

Если бы онъ предупредилъ меня заблаговременно о своихъ планахъ, то я ни за что не рѣшился бы принять предложенное мнѣ предсѣдательство,—но теперь дѣлать было нечего, пришлось входить во всѣ подробности дѣла, при чемъ, впрочемъ, новый товарищъ, А. В. Васильевъ, оказывалъ мнѣ существенную помощь.

Общество образовалось въ такое время, когда переселеніе еще не пользовалось поощреніемъ и поддержкою правительства, а потому въ началѣ дѣятельности общество приносило существенную пользу нуждающимся переселенцамъ. При участіи его были сооружены бараки въ Казани, Тюмени, на Карташевской пристани и въ Барнаулѣ, т. е. въ пунктахъ, гдѣ тогда происходило наибольшее скопленіе переселенцевъ. Общество устраивало столовыя на пути ихъ слѣдованія, медицинскіе пункты, разсылало медикаменты, оказывало пособіе устройству мѣстныхъ школъ, устраивало склады лѣсныхъ матеріаловъ и земледѣльческихъ орудій. Но ко времени моего вступленія въ общество, характеръ его дѣятельности сталъ съуживаться. Взгляды правительства на переселеніе измѣнились; правительство стало само оказывать дѣятельное пособіе переселенцамъ, заботясь о возникновеніи учрежденій подобныхъ тѣмъ, которыми орудовало общество, но только въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ.

Конкуррировать въ этомъ отношеніи съ правительствомъ, очевидно, не было разумнаго основанія, пришлось упразднить постепенно разныя учрежденія, и вотъ почему общество стало переносить свою дѣятельность на оказаніе денежныхъ пособій какъ крестьянамъ, переселившимся уже въ Сибирь, но находившимся почему-либо въ бѣдственномъ положеніи, въ случаѣ, напримѣръ, неурожаевъ, такъ и крестьянамъ, которымъ не удалось устроиться на новыхъ мѣстахъ, для доставленія имъ средствъ на совершеніе обратнаго пути, а также на пріобрѣтеніе земли у себя дома, гдѣ передъ уходомъ они отказались отъ своихъ надѣловъ. Кромѣ того общество продолжало помогать устройству школъ, разсылать медикаменты и т. п.

Изъ прежнихъ складовъ, ко времени моего вступленія въ общество, еще сохранились склады машинъ и земледѣльческихъ орудій. На нихъ были затрачены довольно значительныя средства, кромѣ того было получено значительное количество орудій въ кредитъ отъ фабрикантовъ,—по которымъ приходилось расплачиваться, а между тѣмъ деньги отъ переселенцевъ, за отпущенные предметы, поступали очень туго. Руководство этой операціей было поручено молодому человѣку, очень способному, г. Оришичу. Такъ какъ при значительной цифрѣ долговъ фабрикантамъ, положеніе дѣла безпокоило общество, то мы рѣшились вызвать г. Оришича въ Петербургъ, чтобы получить отъ него словесныя объясненія. При довольно продолжительномъ обсужденіи дѣла съ Оришичемъ, оказалось, что это дѣло можетъ выйти изъ затруднительнаго положенія только при ассигнованіи на него значительнаго оборотнаго капитала. Нѣсколько дней послѣ этого разговора, я вдругъ получилъ извѣщеніе, что несчастный Оришичъ застрѣлился. Какая собственно была причина его самоубійству осталось неизвѣстнымъ — можетъ быть отчасти заботы о томъ, какъ вывести дѣло, за которое онъ взялся, на торную дорогу, отчасти можетъ быть семейныя обстоятельства, отчасти болѣзненное состояніе—никакой записки о причинахъ смерти онъ не оставилъ. Въ первую минуту меня стала безпокоить мысль, что можетъ оказаться растрата денежныхъ суммъ общества, но, къ счастью, этого не было, никакой растраты не оказалось — память г. Оришича остается совершенно чистою. Можно было только сожалѣть, что по неизвѣстнымъ причинамъ этотъ хорошій молодой человѣкъ такъ принялъ дѣло къ сердцу и такъ трагически покончилъ свое существованіе.

Изъ всѣхъ разговоровъ съ покойнымъ однако вполнѣ выяснялось, что такъ дѣло идти не можетъ, что надо или положить на него еще значительныя новыя средства въ видѣ оборотнаго капитала, или ликвидировать его. Но и безъ того на складахъ до 20—30 тысячъ долгу и жертвовать еще дополнительныя средства на дѣло, въ сущности коммерческое, которое вести изъ Петербурга очевидно было почти невозможно—представлялось совершенно не благоразумнымъ. Самая ликвидація машинныхъ складовъ была то же дѣломъ довольно труднымъ, приходилось въ короткіе сроки уплатить фабрикантамъ довольно большія деньги, платежи же переселенцевъ были разсрочены на долгіе сроки. Тутъ намъ пришло на помощь Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, благодаря теплому участію въ дѣлѣ начальника переселенческаго Управленія А. В. Кривошеина, состоявшаго и у насъ членомъ правленія. Такъ какъ Министерство устраивало склады въ широкихъ размѣрахъ, то ему не убыточно

было принять наши склады съ ихъ активами, которые со временемъ должны были получиться отъ переселенцевъ и съ ихъ пассивами, долгами фабрикантамъ, такъ какъ балансъ складывался даже нѣсколько въ нашу пользу. Такимъ образомъ удалось спасти капиталы общества, а между тѣмъ при усиленной ликвидаціи безъ помощи М—ва Вн. Дѣлъ могла быть значительная потеря. Я былъ чрезвычайно доволенъ, что мнѣ удалось такимъ образомъ освободить общество отъ лежащей на немъ тяготы и сохранить неприкосновеннымъ Третьяковскій капиталъ.

Предсѣдателемъ общества я оставался пять лѣтъ. Въ томъ же году мнѣ пришлось предсѣдательствовать въ комиссіи по пересмотру гербоваго устава. Министерство Финансовъ внесло въ Государственный Совѣтъ проектъ измѣненій гербоваго устава, — но такъ какъ на этотъ проектъ было сдѣлано много мелкихъ техническихъ замѣчаній, которыя неудобно было обсуждать въ столь многочисленномъ собраніи, то рѣшено было составить подъ моимъ предсѣдательствомъ комиссію для разсмотрѣнія проекта Министерства Финансовъ, изъ нѣкоторыхъ членовъ Гос. Совѣта и Товарищей Министровъ. Комиссія эта засѣдала около года, такъ какъ по множеству частныхъ вопросовъ было трудно придти къ соглашенію между интересами фиска и правовыми требованіями. Наконецъ мнѣ удалось, однако, довести дѣло до удовлетворительнаго окончанія. Передѣланный въ Комиссіи проектъ Министерства Финансовъ былъ принятъ въ Госуд. Совѣтѣ почти безъ всякихъ измѣненій, и я удостоился отъ Предсѣдателя Гос. Совѣта Вел. Князя Михаила Николаевича выраженія благодарности за удачное исполненіе довольно трудной задачи, заявленнаго мнѣ въ засѣданіи Общаго Собранія.

Осенью въ Ялтѣ я довольно часто встрѣчался съ несчастнымъ Боголѣповымъ у князя Ливена, на сестрѣ котораго онъ былъ женатъ,—мы съ нимъ даже гуляли вмѣстѣ по окрестностямъ Ялты и бесѣдовали о дѣлахъ М—ва Народнаго Просвѣщенія—ничто не предвѣщало тогда его близкой мученической кончины.

Въ октябрѣ И. Л. Горемыкинъ былъ уволенъ отъ званія Министра Вн. Д., на его мѣсто былъ назначенъ Сипягинъ. Въ разговорѣ со мною по этому поводу, С. Ю. Витте очень хвалилъ этотъ новый выборъ и предсказывалъ, что не пройдетъ и года, какъ всѣ оцѣнятъ благородство характера Сипягина. Этому предсказанію не суждено было оправдаться, исторія готовила въ будущемъ совершенно другое для бѣднаго Сипягина.

Остается упомянуть еще, что въ этомъ году скончались Великій Князь Георгій Александровичъ, Е. А. Перецъ, адмиралъ Посьетъ и Т. И. Филипповъ.

Съ Е. А. Перецомъ я видѣлся еще за недѣлю до его смерти. Онъ страдалъ жабой и жаловался на свои болѣзненные припадки, но никакъ не предвидѣлъ близкой кончины; онъ собирался даже ѣхать за границу. Передъ отъѣздомъ онъ еще хотѣлъ прочитать мнѣ свой послѣдній біографическій очеркъ, но смерть не допустила его до исполненія этого намѣренія. Въ послѣдніе годы онъ былъ занятъ составленіемъ біографическихъ очерковъ главнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей послѣдняго царствованія. Изъ этихъ очерковъ онъ мнѣ уже нѣкоторые читалъ, и я находилъ, что, по интересу и правдивости изложенія, они имѣютъ несомнѣнное достоинство. Эти очерки были предназначены къ опубликованію послѣ его смерти и, какъ онъ говорилъ мнѣ, онъ передавалъ ихъ на храненіе въ вѣрныя руки. Вѣроятно со временемъ они выйдутъ въ свѣтъ и, не сомнѣваюсь, что они вызовутъ большой интересъ. Кончина Егора Абрамовича наступила внезапно; онъ былъ въ своемъ кабинетѣ, лакей подалъ ему какое-то письмо и по его приказанію пошелъ позвать его жену, когда же вслѣдъ затѣмъ она вошла въ кабинетъ, она уже застала его лежащимъ на полу, безъ признаковъ жизни.

1900.

Этотъ годъ начался печальнымъ извѣстіемъ о смерти М. С. Каханова, который только что былъ назначенъ предсѣдателемъ Департамента Промышленности и Торговли. Я узналъ объ этомъ 1-го января при выходѣ изъ дворца;—а за тѣмъ въ апрѣлѣ скончался И. К. Айвазовскій; я въ послѣдній разъ видѣлся съ нимъ въ февралѣ, когда онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и по обыкновенію посѣтилъ насъ.

Въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ происходили довольно оживленныя пренія въ Госуд. Совѣтѣ, но, къ сожалѣнію преимущественно на реакціонно-бюрократической почвѣ. Засѣданія Соединенныхъ Присутствій и Общаго Собранія были посвящены ряду законодательныхъ проектовъ, составленныхъ въ этомъ направленіи и исходившихъ отъ разныхъ министерствъ.

Было время въ моей юности, въ эпоху Николаевскаго режима, когда ни о какомъ прогрессѣ не могло быть и рѣчи. Читая въ то время разныя біографіи государственныхъ людей, я завидовалъ счастью тѣхъ изъ нихъ, которымъ суждено было содѣйствовать благу своего отечества, работая на поприщѣ прогресса и всесторонняго улучшенія отечественныхъ законодательствъ.

Затѣмъ настала другая эпоха моей жизни, когда съ глубокимъ чувствомъ радости и удовлетворенія, я могъ сказать себѣ, что и въ моемъ отечествѣ настала эра прогресса и эра развитія, и что я самъ, хотя и въ скромной мѣрѣ, призванъ принять участіе въ этой дѣятельности.

Но вотъ я дожилъ и до третьей эпохи. Состоя въ высшемъ законодательномъ учрежденіи, я непосредственно участвую въ ея законодательной дѣятельности. Но все это мое участіе направлено къ противодѣйствію проведенія крайне реакціонныхъ законовъ и такъ сказать къ сдерживанію министровъ въ проведеніи ихъ реакціонно-централизаціонныхъ стремленій. Такая чисто отрицательная дѣятельность вызывала во мнѣ очень тяжелое настроеніе. Эту замѣтку заимствую непосредственно изъ моего дневника, въ который она была занесена послѣ выхода изъ одного изъ подобныхъ засѣданій, подъ вліяніемъ гнетущаго чувства, вызываемаго подобною негативною и при томъ даже въ этомъ смыслѣ часто безрезультатною дѣятельностью.

Я не предвидѣлъ тогда, что мнѣ суждено будетъ дожить еще до четвертой эпохи, эпохи полнаго разложенія внутри государства и полнаго военнаго разгрома извнѣ—я не предвидѣлъ 1904 и 1905 годовъ.

27 мая произошелъ колоссальный пожаръ въ Новой Голландіи. Это громадное старинное зданіе, находящееся около Крюкова канала, было наполнено разными матеріалами судостроенія и снабженія судовъ, сухимъ лѣсомъ, смолой, паклей, пенькой и т. п. Легко себѣ представить, какую это должно было давать пищу огню. Увидавъ изъ окна ужасное зарево, я немедленно отправился по направленію къ пожару. Дойдя до Галерной улицы я уже увидѣлъ въ концѣ ея море племени. Когда же я наконецъ дошелъ до Крюкова канала, то вся, можно сказать, ужасная прелесть этого зрѣлища представилась предъ моими глазами. Толстыя кирпичныя стѣны этого стараго зданія, которому болѣе ста лѣтъ,—стояли твердо несмотря на обхватывавшее ихъ пламя, но во всѣ громадныя окна его пробивались колоссальные пламенные языки,—это было просто море пламени. Долго я не могъ оторваться отъ этой поразительной картины и только позднею ночью вернулся домой. На этомъ пожарѣ сгорѣло матеріаловъ на огромную сумму.

1901.

11-го января исполнилось пятидесятилѣтіе моего служенія. По этому случаю мнѣ были дарованы алмазные знаки Александра Нев-

скаго—въ сопровожденіи Высочайшаго рескрипта. Мнѣ доставило особенное удовольствіе упоминаніе въ рескриптѣ о моихъ финансовыхъ познаніяхъ и о моемъ знакомствѣ съ крестьянскимъ дѣломъ, а именно слѣдующая фраза рескрипта „прилагая къ разсмотрѣнію обсуждаемыхъ совѣтомъ важнѣйшихъ дѣлъ, вашъ обширный финансовый опытъ и ваше глубокое знаніе разнообразныхъ законодательныхъ вопросовъ, относящихся до устройства дорогаго Мнѣ сельскаго населенія Россіи...“

Затѣмъ меня посѣтили утромъ для поздравленія многіе члены Государственнаго Совѣта, министры, родственники и знакомые, въ томъ числѣ нѣсколько лицъ, съ которыми я уже давно не встрѣчался. Кромѣ того С. Ю. Витте посѣтилъ меня съ депутаціей отъ Министерства Финансовъ, къ составу котораго я столько лѣтъ принадлежалъ, и обратился ко мнѣ съ краткою, но очень лестною для меня рѣчью, указывая на мою дѣятельность, какъ государственнаго человѣка, такъ и ученаго. Затѣмъ я получилъ очень теплое письмо отъ старушки В. И. Анненковой, которая всегда относилась ко мнѣ съ особеннымъ расположеніемъ; это письмо мнѣ привезли ея внучки, дочери покойнаго М. Н. Анненкова.

Нѣсколько дней спустя состоялось собраніе Совѣта казанскаго попечительства, на которомъ Члены Совѣта почтили меня поднесеніемъ мнѣ иконы Богоматери.

Въ теченіе всего этого зимняго сезона происходили постоянные безпорядки въ университетѣ. Противъ студентовъ принимались вслѣдствіе этого разныя репрессивныя мѣры, и, къ сожалѣнію, нерѣдко безъ должнаго разбора правыхъ и виновныхъ.

Въ виду непрекращавшихся безпорядковъ среди студентовъ, Государь поручилъ П. С. Ванновскому, бывшему Военному Министру, обслѣдовать все положеніе университетскаго дѣла. Ванновскій очень ревностно принялся за исполненіе возложенной на него задачи, разслѣдовалъ всѣ обстоятельства дѣла совершенно безпристрастно и представилъ Государю обширный докладъ, заключавшій въ себѣ очень серьезное порицаніе образа дѣйствій органовъ Министерства Внутреннихъ, Дѣлъ и Министерства Народнаго Просвѣщенія. Нѣсколько времени послѣ того я разговаривалъ по этому поводу съ Ванновскимъ и онъ говорилъ мнѣ, что послѣ представленія отчета никто не призывалъ его и съ нимъ не говорилъ объ этомъ дѣлѣ.

Все это производило очень неблагопріятное впечатлѣніе на общественное мнѣніе. Казалось, что дѣло будетъ идти по-прежнему—и вдругъ совершенно неожиданно 25 марта всѣ были обрадованы извѣстіемъ о назначеніи Петра Семеновича Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

Особенно пріятно подѣйствовали на всѣхъ мысли, изложенныя въ рескриптѣ Государя по этому поводу. „Опытъ послѣднихъ лѣтъ,— говорилось въ немъ,—указалъ на столь существенные недостатки нашего учебнаго строя, что Я признаю благовременнымъ безотлагательно приступить къ коренному его пересмотру и исправленію. Высоко цѣня Вашу государственную опытность и просвѣщенный умъ, Я избралъ васъ въ сотрудники Себѣ въ дѣлѣ обновленія и устроительства русской школы, и, призывая васъ на особо важную нынѣ должность Министра Нар. Пр., твердо увѣренъ, что вы строго и неуклонно будете идти къ намѣченной Мною цѣли и въ дѣло воспитанія русскаго юношества внесете умудренный опытомъ разумъ и сердечное о немъ попеченіе“...

Эти указанія и особенно слово „сердечное“ произвели на всѣхъ очень отрадное впечатлѣніе. Помню, что на слѣдующій день я былъ на музыкальномъ вечерѣ у Принцессы Елены Георгіевны Альтенбургской, и тамъ даже дамы съ умиленіемъ говорили о рескриптѣ. Всѣ стали ожидать лучшей будущности для нашихъ университетовъ.

Петръ Семеновичъ очень ревностно принялся за порученное ему дѣло. Онъ взялъ въ товарищи Попечителя Варшавскаго Университета Зенгера и служившаго въ Мин. Юстиціи Н. В. Мѣщанинова, который ему помогалъ при разслѣдованіи студенческаго дѣла, для его отчета. У него была мысль нѣсколько смягчить классическую систему введеніемъ смѣшанной системы классически-реальной. Хотя Государь при предварительномъ докладѣ и выразилъ на это свое согласіе, но затѣмъ, кажется, этотъ проектъ встрѣтилъ усиленную оппозицію въ ученыхъ сферахъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что черезъ годъ Ванновскій былъ уволенъ отъ поста Министра Народнаго Просвѣщенія, и на его мѣсто Управляющимъ Министерствомъ былъ назначенъ его товарищъ, Зенгеръ.

Это было на страстной недѣлѣ. Я пріѣхалъ въ домашнюю церковь Гос. Контроля на вечернюю службу, тамъ же былъ и П. С. Ванновскій. Послѣ службы мы пошли къ П. Л. Лобко пить чай. Я сѣлъ возлѣ Ванновскаго и сталъ разговаривать съ нимъ. На какой-то мой вопросъ о дѣлахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Ванновскій отвѣтилъ мнѣ: „я уже болѣе не министръ“.

Въ 1901 году исполнилось 100 лѣтъ со времени учрежденія Государственнаго Совѣта и большинства Министерствъ. По этому случаю во всѣхъ Министерствахъ и въ Совѣтѣ происходили торжественные акты съ раздачей медалей, выбитыхъ въ память этого торжества.

Актъ Государственнаго Совѣта происходилъ 7-го мая. По совершеніи благодарственнаго молебствія въ церкви Маріинскаго дворца, состоялось общее собраніе подъ предсѣдательствомъ Государя. Открывъ засѣданіе, Государь прочелъ Указъ о назначеніи Членомъ Государственнаго Совѣта тогдашняго наслѣдника В. К. Михаила Александровича.

За симъ Государственный Секретарь прочиталъ Высочайшую Грамоту, данную Совѣту по случаю его столѣтняго юбилея.

Послѣ того Предсѣдатель Совѣта обратился къ Государю съ краткою рѣчью, въ которой онъ указалъ на непоколебимую преданность престолу Госуд. Совѣта и его любовь къ отечеству,—чувства, въ которыхъ Государь имѣлъ случай убѣдиться, когда, бывши наслѣдникомъ, онъ Самъ участвовалъ въ дѣлахъ Совѣта—и заключилъ словами—что Совѣтъ единодушно возобновляетъ данные сто лѣтъ назадъ обѣты служить Престолу и Отечеству по крайнему разумѣнію и совѣсти...

Проводя по обыкновенію осень въ Ялтѣ, мы въ этомъ году совершили въ первый разъ поѣздку въ Козьмо-Демьянскій Монастырь. Эту поѣздку предпринимаютъ очень немногіе изъ Ялты, потому что она требуетъ нѣсколькихъ дней, но она представляетъ по мѣстному характеру живописной природы, по которой пролегаетъ дорога, необыкновенный интересъ.

Мы выѣхали утромъ и послѣ нѣкоторой остановки въ Гурзуфѣ, гдѣ мы пообѣдали и погуляли въ красивомъ паркѣ, мы къ вечеру прибыли въ Алушту, гдѣ пришлось переночевать въ очень порядочной гостиницѣ. На слѣдующее утро мы отправились въ монастырь. Дорога идетъ нѣсколько верстъ по ровной мѣстности, постоянно съ красивыми видами на окружающіе хребты горъ, и затѣмъ начинается подъемъ уже по самой горѣ, на которой лежитъ монастырь. Вся эта гора покрыта богатымъ лѣсомъ буковой и другихъ лиственныхъ и хвойныхъ породъ, среди котораго проходитъ дорога, при чемъ постоянно то справа, то слѣва открываются красивые виды;—лѣсъ до того еще дѣвственъ, что въ немъ водятся дикіе звѣри, между прочимъ серны, и намъ пришлось видѣть раза два граціозное животное, вышедшее почти на край дороги. Самый монастырь лежитъ на вершинѣ горы, но такъ какъ эта гора окружена цѣпью горъ еще болѣе высокихъ, то онъ лежитъ какъ бы въ котловинѣ и тонетъ въ окружающихъ лѣсахъ. Мѣстность чрезвычайно эффектная и живописная. Недалеко отъ монастыря находится царскій охотничій домикъ. Въ монастырѣ мы посѣтили церковь, затѣмъ насъ накормили монастырскимъ обѣдомъ, и къ вечеру мы возвратились въ Алушту очень довольные нашей экскурсіей.

Въ ноябрѣ за границей скончался В. М. Маркусъ, — такимъ образомъ въ этомъ году изъ лицъ особенно мнѣ близкихъ—двое—Мордвиновъ и Маркусъ — прекратили свое земное существованіе.

Кончая впечатлѣнія 1901 года, считаю нужнымъ упомянуть еще объ одномъ прискорбномъ обстоятельствѣ, происшедшемъ въ началѣ года и возбудившемъ въ обществѣ очень оживленные толки.

Графъ Л. Н. Толстой не разъ въ своихъ сочиненіяхъ поносилъ обряды православной церкви и высказывался противникомъ православнаго догматическаго ученія. Особенно непріятно поразило его глумленіе надъ православными церковными обрядами, которое, какъ говорятъ,—я этого не читалъ,—высказывалось въ заграничномъ изданіи его послѣдняго романа.

Это побудило Синодъ сдѣлать постановленіе о формальномъ исключеніи графа Толстого изъ лона православной церкви и о лишеніи его христіанскаго погребенія, въ случаѣ, если онъ передъ смертью не обратится и не возстановитъ своего общенія съ церковью — это дополнительное постановленіе было сдѣлано въ виду тяжкой болѣзни въ то время графа Толстого.

Вышеуказанныя распоряженія вызвали переписку между графиней Толстой и митрополитомъ Антоніемъ, которая была воспроизведена на страницахъ „Церковныхъ Вѣдомостей“.

Привожу главное содержаніе обоихъ писемъ въ виду толковъ, которые они подняли тогда въ обществѣ.

„Прочитавъ вчера, писала графиня С. А. Толстая, въ газетахъ жестокое распоряженіе Синода объ отлученіи отъ церкви мужа моего, и увидавъ въ числѣ подписей пастырей церкви и вашу подпись, я не могла остаться къ этому вполнѣ равнодушна. Горестному негодованію моему нѣтъ предѣловъ. И не съ точки зрѣнія того, что отъ этой бумаги погибаетъ духовно мужъ мой: это не дѣло людей, а дѣло Божье. Жизнь души человѣческой, съ религіозной точки зрѣнія—никому, кромѣ Бога, невѣдома и къ счастью не подвластна. Но съ точки зрѣнія той церкви, къ которой я принадлежу и отъ которой никогда не отступала, которая создана Христомъ для благословенія именемъ Божіимъ всѣхъ значительныхъ моментовъ человѣческой жизни: рожденій, браковъ, смертей, горестей и радостей людскихъ... которая громко должна провозглашать законъ любви, всепрощенія, любовь къ врагамъ, къ ненавидящимъ насъ, молиться за всѣхъ, съ этой точки зрѣнія для меня непостижимо распоряженіе Синода.

Оно вызоветъ не сочувствіе (развѣ только „Моск. Вѣдомостей“),

а негодованіе въ людяхъ и большую любовь и сочувствіе Л. Н-чу. Уже мы получаемъ такія изъявленія и имъ не будетъ конца отъ всего міра.

Не могу упомянуть еще о горѣ, испытанномъ мною отъ той безсмыслицы, о которой я слышала раньше, а именно: о секретномъ распоряженіи Синода священникамъ не отпѣвать въ церкви Л. Н-ча, въ случаѣ его смерти.

Кого же хотятъ наказывать?—умершаго, не чувствующаго уже ничего, человѣка или окружающихъ его, вѣрующихъ и близкихъ ему людей? Если это угроза, то кому и чему?

Неужели для того, чтобы отпѣвать моего мужа и молиться за него въ церкви, я не найду—или такого порядочнаго священника, который не побоится людей передъ настоящимъ Богомъ любви, или не порядочнаго, котораго я подкуплю большими деньгами для этой цѣли?

Но мнѣ этого и не нужно. Для меня церковь есть понятіе отвлеченное, и служителями ея я признаю только тѣхъ, кто истинно понимаетъ значеніе церкви.

Если же признать церковью людей, дерзающихъ своей злобой нарушать высшій законъ—любовь Христа, то давно бы всѣ мы, истинно вѣрующіе и посѣщающіе церковь, ушли бы отъ нея.

И виновны въ грѣшныхъ отступленіяхъ отъ церкви не заблудившіеся люди, а тѣ, которые гордо признали себя во главѣ ея, и вмѣсто любви, смиренія и всепрощенія, стали духовными палачами тѣхъ, кого вѣрнѣе проститъ Богъ, за ихъ смиренную, полную отреченія отъ земныхъ благъ, любви и помощи людямъ, жизнь, хотя и внѣ церкви, чѣмъ носящихъ брилліантовыя митры и звѣзды, но карающихъ и отлучающихъ отъ церкви—пастырей ея.

Опровергнуть мои слова лицемѣрными доводами—легко. Но глубокое пониманіе истины и настоящихъ намѣреній людей—никого не обманетъ"—(26 февр.).

На это письмо митрополитъ Антоній отвѣтилъ ей слѣдующее: „графиня Софья Андреевна, не то жестоко, что сдѣлалъ Синодъ, объявивъ объ отпаденіи отъ Церкви вашего мужа, а жестоко то, что самъ онъ съ собою сдѣлалъ, отрекшись отъ вѣры въ Іисуса Христа, Сына Бога живаго, Искупителя и Спасителя нашего. На это-то отреченіе и слѣдовало давно излиться вашему горестному негодованію. И не отъ клочка, конечно, печатной бумаги гибнетъ мужъ вашъ, а отъ того, что отвратился отъ источника жизни вѣчной. Для христіанина немыслима жизнь безъ Христа, по словамъ Котораго „вѣрующій въ Него имѣетъ жизнь вѣчную и переходитъ отъ смерти въ жизнь, а невѣрующій не увидитъ жизни, но гнѣвъ Божій

пребываетъ на немъ", и потому объ отрекающемся отъ Христа одно только и можно сказать, что онъ перешелъ отъ жизни въ смерть. Въ этомъ и состоитъ гибель вашего мужа, но въ этой гибели повиненъ только онъ самъ одинъ, а не кто-либо другой.

Изъ вѣрующихъ во Христа состоитъ Церковь, къ которой вы себя считаете принадлежащей, но для вѣрующихъ, для членовъ своихъ Церковь эта благословляетъ именемъ Божіимъ всѣ значительнѣйшіе моменты человѣческой жизни: рожденій, браковъ, смертей, горестей и радостей людскихъ, но никогда не дѣлаетъ она этого, и не можетъ дѣлать для невѣрующихъ, для язычниковъ, для хулящихъ имя Божіе, для отрекшихся отъ нея и нежелающихъ получить отъ нея ни молитвъ, ни благословеній, и вообще для всѣхъ тѣхъ, которые не суть члены ея. И потому съ точки зрѣнія этой Церкви распоряженіе Синода вполнѣ постижимо, понятно и ясно, какъ Божій день. И законъ любви и всепрощенія этимъ ничуть не нарушается. Любовь Божія безконечна, но и Онъ прощаетъ не всѣхъ и не за все. Хула на Духа Святаго не прощается ни въ сей, ни въ будущей жизни. Господь всегда ищетъ человѣка Своею любовію, но человѣкъ иногда не хочетъ идти навстрѣчу этой любви и бѣжитъ отъ лица Божія, а потому и погибаетъ. Христосъ молился на крестѣ за враговъ своихъ, но и Онъ въ Своей первосвященнической молитвѣ изрекъ горькое для любви Его слово, что погибъ сынъ погибельный. О вашемъ мужѣ, пока живъ онъ, нельзя еще сказать, что онъ погибъ, но совершенная правда сказана о немъ, что онъ отъ Церкви отпалъ и не состоитъ ея членомъ, пока не покается и не возсоединится съ нею.

Въ своемъ посланіи, говоря объ этомъ, Синодъ засвидѣтельствовалъ лишь существующій фактъ, и потому негодовать на него могутъ только тѣ, которые не разумѣютъ, что говорятъ. Вы получаете выраженія сочувствія отъ всего міра. Не удивляюсь сему, но думаю, что утѣшаться вамъ тутъ нечѣмъ. Есть слава человѣческая и есть слава Божія. „Слава человѣческая, какъ цвѣтъ на травѣ: засохла трава и цвѣтъ ея пропалъ, но слово Господне пребываетъ во вѣки".

Когда въ прошломъ году газеты разнесли вѣсть о болѣзни графа, то для священнослужителей во всей силѣ возсталъ вопросъ: слѣдуетъ ли его, отпавшаго отъ вѣры и церкви, удостоивать христіанскаго погребенія и молитвъ. Послѣдовали обращенія къ Синоду, и онъ въ руководство священнослужителямъ секретно далъ и могъ дать только одинъ отвѣтъ—не слѣдуетъ, если умретъ, не возстановивъ своего общенія съ церковью. Никому тутъ никакой угрозы нѣтъ, и иного отвѣта и быть не могло. И я не думаю, чтобы на-

шелся какой-нибудь, даже не порядочный священникъ, который бы рѣшился совершить надъ графомъ христіанское погребеніе, а если бы и совершилъ, то такое погребеніе надъ невѣрующимъ было бы преступной профанаціей священнаго обряда. Да и зачѣмъ творить насиліе надъ мужемъ вашимъ. Вѣдь, безъ сомнѣнія, онъ самъ не желаетъ совершенія надъ нимъ христіанскаго погребенія.

Разъ вы—живой человѣкъ, хотите считать себя членомъ церкви, и она дѣйствительно есть союзъ живыхъ разумныхъ существъ, во имя Бога живаго, то ужъ падаетъ собою ваше заявленіе, что церковь для васъ есть понятіе отвлеченное. И напрасно вы упрекаете служителей церкви въ злобѣ и нарушеніи высшаго закона любви, Христомъ заповѣданной. Въ синодальномъ актѣ нарушенія этого закона нѣтъ. Это напротивъ есть актъ любви, актъ призыва мужа вашего ко возврату въ церковь и вѣрующихъ къ молитвѣ о немъ.

Пастырей церкви поставляетъ Господь, а не сами они, гордо, какъ вы говорите, признали себя во главѣ ея. Носятъ они бриллiантовыя митры и звѣзды, но это въ ихъ служеніи совсѣмъ не существенное. Оставались они пастырями, одѣваясь и въ рубище, гонимые и преслѣдуемые, останутся таковыми и всегда, хотя бы и въ рубище пришлось имъ опять одѣться, какъ бы ихъ ни хулили, и какими бы презрительными словами ни обзывали.

Въ заключеніе прошу прощенія, что не сразу вамъ отвѣтилъ. Я ожидалъ, пока пройдетъ первый, острый порывъ вашего огорченія.

Благослови васъ Господь и храни, и графа—мужа вашего—помилуй...“ (16 марта).

Не касаясь содержанія этихъ писемъ и обращаясь къ сущности вопроса, несомнѣнно, что всякое общество, а потому церковь имѣетъ юридическое право, разъ одинъ изъ его членовъ вышелъ изъ общества, оставилъ его, публично о томъ оповѣщать членовъ общества.

1902.

Къ новому году предсѣдатель Департамента Государственной Экономіи Д. М. Сольскій, по случаю его 50-ти лѣтняго юбилея, былъ произведенъ въ графы. По этому поводу всѣ члены департамента явились къ нему съ поздравленіемъ, и мнѣ, какъ старшему члену, пришлось сказать ему привѣтственную рѣчь; кажется, мои слова его тронули, потому что нѣсколько времени спустя графиня Сольская просила меня написать для нея мою рѣчь, что я исполнилъ.

Одновременно съ этимъ состоялось Высочайшее повелѣніе, возлагавшее на меня предсѣдательствованіе въ департаментѣ, въ случаѣ отсутствія предсѣдателя. Это распоряженіе было вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ. По принятому положенію, въ случаѣ отсутствія Предсѣдателя, предсѣдательствуетъ старшій членъ по чину. Таковымъ я состоялъ въ департаментѣ нѣкоторое время, но къ новому году въ Деп. Гос. Экон. былъ назначенъ С. В. Марковъ, новый членъ Государственнаго Совѣта. Онъ оказался старше меня по чину, но такъ какъ онъ былъ еще совершенно незнакомъ съ ходомъ дѣлъ въ департаментѣ, то онъ самъ просилъ, чтобы предсѣдательство, въ случаѣ отсутствія предсѣдателя, было сохранено за мной. Съ тѣхъ поръ въ департаментъ поступило еще нѣсколько членовъ старше меня по чину, и каждый разъ возобновлялось данное мнѣ порученіе, такъ что съ 1902 года я считался постоянно замѣстителемъ предсѣдателя, а въ самое послѣднее время, когда графъ Дмитрій Мартыновичъ былъ назначенъ Предсѣдателемъ Госуд. Совѣта, я, хотя пока и временно, остался въ Главн. Департ. Госуд. Экономіи.

Въ началѣ года подъ предсѣдательствомъ С. Ю. Витте была образована Комиссія для разсмотрѣнія вопроса о сельской промышленности, въ которую я былъ назначенъ членомъ. Въ этой Комиссіи принимали участіе всѣ министры, графъ Воронцовъ, князь Долгорукій, губернаторъ Зиновьевъ, П. П. Семеновъ, графъ Толстой, гр. Шереметевъ, князь Щербатовъ, Горемыкинъ, Куломзинъ, князь Оболенскій, профессора и нѣкоторыя другія лица. Въ сущности эта Комиссія близко соприкасалась съ крестьянскимъ вопросомъ, но почему-то этого не хотѣли ясно выразить, боясь открыто поставить на очередь крестьянскій вопросъ, что, какъ полагали, могло бы вызвать крайнія вожделѣнія въ крестьянской средѣ. Только два года спустя, вслѣдъ за перемѣной въ личномъ составѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, разрѣшеніе крестьянскаго вопроса было передано открыто въ эту Комиссію,—а нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ началѣ 1905 г. Комиссія Витте была внезапно закрыта и все крестьянское дѣло было передано спеціальному Комитету подъ предсѣдательствомъ И. Л. Горемыкина—одновременно съ этимъ былъ уволенъ министръ земледѣлія А. С. Ермоловъ, а Министерство было преобразовано въ Главное Управленіе Земледѣлія и Землеустройства—и поставлено въ подчиненіи Комитету Горемыкина. Управленіе имъ было поручено Тов. М-ра П. Хр. Шванебаху. Все это преобразованіе было вызвано, повидимому, опасеніемъ въ слишкомъ абсолютномъ разрѣшеніи въ Комиссіи Витте крестьянскаго вопроса. Неудовольствіе въ этомъ отношеніи высказывалось по крайней

мѣрѣ нѣкоторыми членами Комиссіи; одинъ изъ членовъ, гр. Шереметевъ, даже заявилъ, что онъ слагаетъ съ себя званіе члена Комиссіи, по несогласію съ направленіемъ хода ея работъ.

Въ теченіе трехъ лѣтъ своего существованія Комиссія Витте собрала массу драгоцѣннаго матеріала по отношенію къ положенію крестьянъ и разработала окончательно нѣкоторые вопросы, но окончательное рѣшеніе получило только небольшое число этихъ вопросовъ, между прочимъ и вопросъ о мелкомъ крестьянскомъ кредитѣ, который удалось даже провести черезъ Государственный Совѣтъ. Разработка этого вопроса была поручена Подготовительной Комиссіи подъ моимъ предсѣдательствомъ. Хотя разработка проекта встрѣчала серьезное затрудненіе въ разномысліяхъ, проявлявшихся постоянно среди членовъ подкомиссіи—но, наконецъ, все же удалось провести дѣло къ окончанію. Составленный Подкомиссіею проектъ былъ одобренъ Главною Комиссіею и затѣмъ съ незначительными измѣненіями удостоился и утвержденія въ Государственномъ Совѣтѣ.

Весною по приглашенію А. Д. Оболенскаго я вошелъ въ составъ небольшого кружка лицъ, поклонниковъ В. С. Соловьева, которыя, въ память его, собирались отъ времени до времени за обѣдомъ, посвящая послѣобѣденное время обсужденію разныхъ философскихъ и религіозныхъ вопросовъ. Въ этомъ кружкѣ принимали участіе кн. Волконскій, Стаховичъ, Саломонъ, Милютинъ, К. Ухтомскій, Лукьяновъ, Исааковъ, Фроловъ и нѣк. др. Пренія за этими обѣдами представляли иногда существенный интересъ,—укажу между прочимъ на рефератъ Лукьянова, на одномъ изъ Соловьевскихъ обѣдовъ, по поводу эпизода явленія антихриста въ романѣ Достоевскаго „Братья Карамазовы“.

2-го апрѣля должно было состояться соединенное засѣданіе деп. госуд. экономіи и Комитета Министровъ. Мы собрались въ залѣ Комитета Министровъ; хотя установленный часъ уже насталъ, засѣданіе однако не открывалось, потому что ожидали пріѣзда М. В. Д. Сипягина. Вдругъ кто-то вошелъ въ зало и объявилъ, что Сипягинъ убитъ. Всѣ были поражены, не хотѣли вѣрить этому извѣстію, полагая, что это ложный слухъ. Но скоро пришлось повѣрить,—потому что оказалось, что онъ раненъ не на улицѣ, не въ пути, а у насъ въ самомъ зданіи Государственнаго Совѣта, въ передней, гдѣ онъ и лежитъ — удивительно, что никто изъ бывшихъ въ залѣ не слышалъ выстрѣловъ. Я немедленно спустился внизъ и увидѣлъ бѣднаго Сипягина, лежащаго на полу, на какихъ-то подложенныхъ подъ него подушкахъ, повидимому, онъ былъ безъ памяти. Недалеко отъ него стоялъ красивый молодой человѣкъ, въ

свитскомъ мундирѣ. Я думалъ, что это адъютантъ одного изъ Вел. Князей, присланный разузнать о случившемся, но оказалось, что этотъ молодой человѣкъ—убійца Сипягина;—странно было видѣть его по внѣшнему виду совершенно спокойнымъ, стоящимъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своей жертвы. Онъ прибылъ въ переднюю Комитета Министровъ незадолго до пріѣзда Сипягина, заявивъ, что ему поручено отъ Вел. Князя передать пакетъ на имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ; когда Сипягинъ пріѣхалъ, онъ подошелъ къ нему, подалъ ему пакетъ, и въ ту минуту, какъ Сипягинъ сталъ читать поданную ему бумагу, нѣсколько разъ выстрѣлилъ въ него изъ револьвера; одна пуля попала въ руку стоящаго вблизи курьера. До потери сознанія Сипягинъ произнесъ еще нѣсколько словъ, сказавъ между прочимъ: „я въ жизни никогда никому намѣренно не дѣлалъ зла“.

Послали за его супругой; я ее видѣлъ у одра умирающаго мужа и удивлялся силѣ духа и достоинству, съ которой она сдерживала выраженіе своей печали. Наконецъ прибылъ лазаретный экипажъ, и раненаго перевезли въ Максимиліановскую лечебницу, гдѣ онъ часъ спустя скончался.

Въ осеннюю сессію Государственнаго Совѣта былъ наконецъ принятъ законъ объ уничтоженіи круговой поруки. Такимъ образомъ ярмо, тяготѣвшее столько лѣтъ надъ крестьянскимъ сословіемъ и которое считалось неразрывно связаннымъ съ общиннымъ владѣніемъ, было наконецъ снято. Опасенія оказались неосновательными, нельзя сказать, чтобы послѣ уничтоженія круговой поруки—крестьянскіе платежи стали поступать хуже.

Въ декабрѣ состоялось празднованіе столѣтняго юбилея Комитета Министровъ, въ крайне скромной формѣ.

Говоря о происшествіяхъ 1902 г., считаю нужнымъ упомянуть еще о смерти В. И. Анненковой, матери Михаила Николаевича—послѣдовавшей весною. Вѣра Ивановна была женщина съ удивительнымъ умомъ и характеромъ, ко мнѣ она всегда относилась особенно тепло и благосклонно—я живо сохранилъ память о ней.

1903.

1903 годъ начался для меня очень печально. Въ началѣ января моя старшая сестра, Марія Густавовна упала на прогулкѣ и получила при этомъ очень опасный переломъ ноги. Ничего не подозрѣвая, я спокойно сидѣлъ въ кабинетѣ за бумагами, какъ вдругъ мнѣ вошли сказать, что мою сестру, сломавшую себѣ ногу, несутъ

наверхъ по лѣстницѣ. Я, разумѣется, былъ ужасно пораженъ этимъ внезапнымъ сообщеніемъ; особенно томительны были первыя минуты, пока не пріѣхалъ наконецъ хирургъ. Онъ нашелъ, что переломъ въ бедрѣ очень серьезный и что ей придется пролежать нѣсколько недѣль безъ движенія. Настало тяжелое время ожиданія — но, слава Богу, лѣченіе пошло успѣшно, можно было констатировать, что сращеніе кости совершается удовлетворительно; нѣсколько мѣсяцевъ спустя она могла уже ходить, хотя и хромая немного. Лѣтомъ, для окончательнаго поправленія ея здоровья, мы отправились за границу въ Карлсбадъ.

Въ эту зиму въ Петербургѣ давала представленія Московская труппа Станиславскаго. Эта труппа, составленная почти исключительно изъ любителей,—самъ Станиславскій, кажется, богатый помѣщикъ,—довела сценическое представленіе до удивительнаго совершенства; ее можно было сравнить въ этомъ отношеніи съ труппою Мейнингенцевъ въ Германіи. Вся обстановка, костюмы, декораціи, игра актеровъ — все это дышало историческою дѣйствительностью. Я еще помню глубокое впечатлѣніе, которое произвело на меня представленіе пьесы „Юлій Цезарь“. Это не было представленіе, а истинное воспроизведеніе исторической римской жизни. Ни одна изъ нашихъ казенныхъ сценъ не могла бы сравниться съ труппою Станиславскаго. Замѣчательно вообще, до какой степени въ Москвѣ развито артистическое чувство. Параллельно съ труппою Станиславскаго можно бы указать на бывшую оперную труппу Мамонтова, затѣмъ массу картинныхъ галлерей въ частныхъ домахъ, уже не говоря о Третьяковской галлереѣ — все это артистическое направленіе не имѣетъ ничего подобнаго у насъ въ Петербургѣ.

16-го мая праздновалось 200-лѣтіе основаніе Петербурга, день былъ чудный, свѣтило яркое солнце, и празднество вполнѣ удалось.

Въ іюнѣ скончался предсѣдатель Комитета Министровъ И. Н. Дурново. Съ нимъ сдѣлался параличъ, онъ нѣсколько оправился отъ него, и въ началѣ лѣта доктора послали его для поправленія за границу. Ему не суждено было однако доѣхать даже до Берлина—во время дороги онъ ночью внезапно скончался въ вагонѣ. Его бѣдная жена ѣхала вмѣстѣ съ нимъ, но въ другомъ отдѣленіи вагона, ничего не зная объ этой трагической катастрофѣ—утромъ пришлось сообщить ей о томъ, что случилось. Смертный случай близкаго человѣка всегда очень печально поражаетъ родныхъ,—но въ этой обстановкѣ, въ пути, въ вагонѣ, смерть Ивана Николаевича должна была произвести особенно тягостное впечатлѣніе на бѣдную вдову.

Весною, какъ я уже упоминалъ, мы отправились для поправленія здоровья сестры за границу,—черезъ Берлинъ въ Карлсбадъ, гдѣ мы пробыли нѣсколько недѣль. Я очень люблю Карлсбадъ и его красивыя окрестности, по которымъ я съ наслажденіемъ совершалъ ежедневныя прогулки.

Во время пребыванія въ Карлсбадѣ мнѣ попалась въ руки интересная книга, записки графа Кейзерлинга, бывшаго попечителя въ Дерптѣ, друга Бисмарка, человѣка необыкновенно умнаго и ученаго,—записки, изданныя послѣ его смерти его дочерью. Въ этихъ запискахъ меня особенно интересовали его мысли о будущей жизни, о разъясненіи идеи Бога, безсмертія и свободы; глубоко замѣчательны его усиленныя старанія выяснить себѣ эти высокія понятія, въ чемъ, однако, постоянно какъ бы задерживаетъ его невозможность отрѣшиться отъ понятія существующаго около него міра и трудность выяснить себѣ возможность существованія при совершенно другихъ, недоступныхъ нашему пониманію, условіяхъ. Какъ бы усвоивъ себѣ уже понятіе о личномъ безсмертіи, онъ опять отъ него отдаляется, потому что не можетъ себѣ представить мѣста, гдѣ индивидуумъ могъ бы существовать внѣ міра сего и понять умственную дѣятельность безъ пособія мозга. Хотя онъ допускаетъ существованіе предѣловъ для нашего пониманія, ссылаясь на ignorabimus Du Bois Raymond, но все же не можетъ отрѣшиться отъ желанія выяснить себѣ умственно то, что его ожидаетъ въ будущемъ. Это естественное настроеніе души человѣка, который постоянно стремится къ трансцендентному и постоянно сдерживается въ своемъ стремленіи скептицизмомъ, въ виду невозможности постичь трансцендентное умомъ.

Разные вопросы и сомнѣнія, относительно будущаго существованія, невольно возникаютъ не только у ученыхъ, но и у каждаго думающаго человѣка, въ этомъ отношеніи ученый не находится въ какомъ-либо особенномъ положеніи: будущее закрыто для него и для прочихъ смертныхъ. Всякому человѣку, ученому и неученому, хотѣлось бы раскрыть таинственную завѣсу, чтобы проникнуть взоромъ до того, что за нею заключается; никто не въ состояніи представить себѣ, въ какихъ условіяхъ будетъ происходить то будущее безсмертіе — вѣровать въ которое мы ощущаемъ такую глубокую потребность.

Въ началѣ апрѣля въ Петербургѣ скончался профессоръ Исторіи Церкви В. В. Болотовъ. За часъ до смерти онъ произнесъ знаменательныя слова: „какъ прекрасны предсмертныя минуты“. Это изреченіе указываетъ, до чего можетъ достигнуть вѣрующее убѣ-

жденіе въ области недоступной нашему разуму, области, которую такъ стремился объять гр. Кайзерлингъ [1]).

Изъ Керлсбада мы отправились въ милый Дрезденъ, гдѣ мы пробыли недѣли три, посѣщая музеи и театры. Въ это время въ Дрезденъ пріѣхалъ Императоръ Вильгельмъ для посѣщенія Саксонскаго Короля. По этому случаю происходили разныя военныя церемоніи, а по вечерамъ иллюминація города. Особенно эффектенъ былъ вечерній факельный концертъ на городской площади передъ соборомъ. Къ вечеру на площади собрались войска и выстроились, оставляя въ срединѣ свободный промежутокъ. Когда стемнѣло—издали показались шествующіе на площадь хоры военной музыки, сопровождаемые по сторонамъ солдатами, несшими горящіе факелы. Это шествіе представляло красивую и эффектную картину. Дойдя до площади, музыканты, окружаемые факельщиками, помѣстились на пустомъ пространствѣ среди войска — и затѣмъ начался военный концертъ, продолжавшійся около часа. Соборъ и окружающія площадь зданія освѣщались въ это время красными бенгальскими огнями.

Нѣсколько дней передъ отъѣздомъ изъ Дрездена я прочелъ въ какой-то нѣмецкой газетѣ, что С. Ю. Витте уволенъ изъ Министерства Финансовъ, и на его мѣсто назначенъ Э. Д. Плеске. Сознаюсь, что я не повѣрилъ этому извѣстію, дотого оно казалось мнѣ невѣроятнымъ. Но на слѣдующій день я уже прочелъ оффиціальныя телеграммы о смѣщеніи Витте.

Бѣдному Плеске, столь неожиданно призванному на такой высокій постъ, не долго суждено было на немъ оставаться. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, злая болѣзнь, саркома, приковала его на мѣсяцы къ страдальческому ложу и затѣмъ положила предѣлъ его земному существованію.

По возвращеніи изъ-за границы, мы провели, по обыкновенію, осень въ Ялтѣ.

---

[1]) Сегодня послѣ того какъ я написалъ эти строки, читая вечеромъ письма Вел. Герц. Саксенъ-Веймарскаго г-жѣ Левальдъ Штаръ, я напалъ на слѣдующее мѣсто: по случаю смерти сестры Вел. Герцогъ пишетъ слѣдующее: „Ошибочно полагать, что нельзя жить, если думать о смерти. Напротивъ того, жизнь именно учитъ, что смерть не есть прекращеніе, а вступленіе въ другую, продолжающуюся жизненную дѣятельность. Это убѣжденіе вселяется въ насъ какъ необходимость. Но Богъ истина и не обманъ, а потому то убѣжденіе, которое влито въ нашу собственную природу—должно быть истиной".

Nun aber ist Gott die Wahrheit und nicht der Trug. Was uns umgepflanzt ist in unsere eigene Natur, ist also Wahrheit.

Въ началѣ зимы въ Петербургѣ, въ Акваріумѣ, давали пьесу Метерлинка—„Монна Ванна“, въ которой роль Монны Ванны играла жена Метерлинка, извѣстная актриса. Своеобразный характеръ этой идеалистической пьесы и игра въ ней жены Метерлинка вызывали большой интересъ въ Петербургскомъ обществѣ.

Въ декабрѣ скончался князь Воронцовъ-Шуваловъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилось и мое участіе въ учрежденной надъ его имѣніями опекѣ.

Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. [1]).

Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину.

17.

26 января/7 февраля 1825 г. Кострома.

Извѣстно мнѣ, любезнѣйшій Николай Ивановичь, что я такъ давно къ Вамъ не писалъ, и на два письма вдругъ отвѣчаю, изъ коихъ послѣднее съ мѣсяцъ какъ получилъ; всему причиною мои несносныя обстоятельства: судьба навязала мнѣ мерзавца продавца, который завелъ со мной тяжбу, а я принужденъ въ Костромѣ, въ чужомъ домѣ, за несноснымъ дѣломъ проживать, проживаться и хлопотать. По словесности тоже хлопоты: не знаю чѣмъ Вы кончите во Франціи съ почтеннымъ P. B. G. [2]), но тотчасъ отправилъ циркулярное письмо къ Гречу и Каченовскому; не знаю только, напечатаютъ ли они [3]). Статью же Меркурія 77-й книжки получилъ я на прошедшей только почтѣ: такова исправность А. А. Жандра! Она вполнѣ удовлетворила мое

---

[1]) См. „Русская Старина“ апрѣль 1911 г.

[2]) „Lettre à l'éditeur“, подписанное Le P. B. G., напечатано въ Mercure du XIX-e siècle 1824 г. t. VII № 82 p. 181. Отвѣтъ L. N. (Бахтина)—въ томъ же журналѣ (p. 331—336). Подъ буквами Le P. B. G. скрылся братъ жены кн. П. А. Вяземскаго, кн. Василій Ѳедоровичъ Гагаринъ. См. письмо Катенина къ Бахтину отъ 26 апрѣля 1825 г. и Новь 1885 г. III стр. 94 (I. Ясинскій: князь П. А. Вяземскій въ письмахъ къ С. Д. Полторацкому), а также вводную ст.

[3]) Письмо Катенина напечатано въ „Сынѣ Отечества“ 1825 г. ч. 49 № 3 стр. 332.

ожиданье, даже въ отношеніи слога превзошла его. Но потому же самому и сообщу вамъ нѣкоторыя мѣлкія замѣчанія: начало съ Кантемира бѣдно, а лучше бы въ нѣсколькихъ строкахъ упомянуть о народныхъ пѣсняхъ и о словѣ о полку Игоря; Сумароковъ (это же сообщилъ мнѣ Жандръ и Грибоѣдовъ) никогда не превосходилъ Ломоносова par sa verve poétique [1]). Его главное достоинство, что онъ много дорогъ проложилъ. Не слишкомъ ли выгодно судите Вы Долгорукова [2])? что въ немъ? Жандръ недоволенъ похвалами Гнѣдичу, и не хочетъ признавать его авторомъ, а только переводчикомъ. Мнѣ кажется, Жандръ пристрастенъ, а статья Меркурія вопреки словъ P. B. G. безпристрастна: похвалы сряду мнѣ и Гнѣдичу сильнѣе всего доказываютъ, что цѣнитель нашъ не судилъ по личностямъ, но слѣдуя своимъ правиламъ и вкусу, вездѣ равно хвалилъ что сообразно съ первыми и услаждаетъ послѣдній. О Крыловѣ я бы сказалъ нѣсколько болѣе, тоесть что съ простотою и веселостію Хемницера, соединяетъ онъ красоты стихотворенья, часто большаго достоинства. Жандръ и Грибоѣдовъ чрезмѣрно хвалятъ статьи: обо мнѣ, о Шаховскомъ, о Вяземскомъ и Бестужевѣ; я прибавлю къ нимъ: о Пушкинѣ, Державинѣ, Херасковѣ, о Русскихъ дамахъ [3]), о Шаликовѣ и Шихматовѣ [4]): все это хорошо, умно, дѣльно, безспорно; это приговоръ потомства. Душеньку [5]) Вы опять хвалите слишкомъ много: она хороша была въ свое время, но останется ли такова на всѣ времена? Краски ни Греческія, ни Римскія, шутки часто подлыя, а стихи весьма нечистыя. Вообще же вся статья есть рѣдкое появленіе хорошей критики, рѣдкое не по нашему только безлюдью, но всегда и повсюду. Нѣсколько преждѣ доставлена мнѣ и русская рецензія на меня, которой одно начало я зналъ изъ Вѣстника Европы; будучи единственнымъ предметомъ ея, не умѣю судить, а душевно жалѣю что зависть, интрига и клевета не допустили ее выйти въ свѣтъ. Кюхельбекеръ въ Мнемозинѣ упомянулъ обо мнѣ съ похвалою; его статья: о направленіи нашей поэзіи въ послѣднее десятилѣтіе, отличается откровенностью и благородствомъ

---

[1]) „Поэтическимъ даромъ“.

[2]) Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій р. 1764 г., ум. 1833 г. поэтъ, авторъ „Капища моего сердца“ (1819).

[3]) „Авторъ русской Антологіи“, писалъ Бахтинъ, „не покинулъ область поэзіи, не отдавъ дани уваженія и дамамъ, отличившимся на литературномъ поприщѣ. Могли ли онѣ ожидать меньшаго отъ француза“.

[4]) Князь Сергѣй Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ р. 1783 г., ум. 1837 г., бездарный поэтъ, цѣнимый Катенинымъ и Кюхельбекеромъ.

[5]) „Душенька“ И. Ѳ. Богдановича (1743—1802) 1783 г.

мыслей; онъ крѣпко нападаетъ на новую школу, на ихъ элегіи и посланія, на рабское подражаніе образамъ часто дурнымъ, и на совершенный недостатокъ изобрѣтенія; онъ называетъ Шихматова: „поэтъ, заслуживающій занять одно изъ первыхъ мѣстъ на Русскомъ Парнассѣ". Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: „печатью народности ознаменованы какіе нибудь 80 стиховъ въ Свѣтланѣ, и въ посланіи къ Воейкову Жуковскаго, нѣкоторыя мѣлкія стихотворенія Катенина, два или три мѣста въ Русланѣ и Людмилѣ Пушкина". Хотя эта похвала безъ лести, какъ говоритъ Зельскій [1]), но послѣ нахальныхъ ругательствъ, на меня изблеванныхъ, и то много что меня ставятъ на равнѣ съ двумя Корифеями Парнасса. Я благодарилъ Кюхельбекера за журналъ, и намекнулъ о P. B. G. и прочихъ. Изъ новостей у насъ самая любопытная: Горе отъ Ума, комедія Грибоѣдова въ четырехъ дѣйствіяхъ и вольныхъ стихахъ съ риѳмами. Часть ея напечатана въ Альманахѣ Булгарина: Русская Талія. У меня она вся есть; Грибоѣдовъ мнѣ ее прислалъ въ рукописи [2]), ибо ни играть, ни печатать не позволено. Ума въ ней точно палата, но планъ по моему недостаточенъ; и характеръ главный сбивчивъ и сбитъ (manqué); слогъ часто прелестный, но сочинитель слишкомъ доволенъ своими вольностями: такъ писать легче, но лучше ли чѣмъ хорошими александринскими стихами? врядъ. По Грибоѣдова же совѣту и Жандръ лѣнивый перевелъ вольными стихами, индѣ съ риѳмами, а индѣ безъ риѳмъ; и Nota bene, не съ намѣреніемъ какъ въ моемъ пирѣ Іоанна безземельнаго, а какъ пришлось, трагедію Ротру: Венцеславъ. Почтенная цензура опять запретила ее играть, а первое дѣйствіе напечатано въ Таліи. Я и Жандру съ осторожностью сказалъ мое мнѣніе на счетъ стихотворныхъ вольностей. Шаховской, помня мои старые уроки, вздумалъ написать трилогію, и содержаніемъ выбралъ эпизодъ Финна изъ поэмы Пушкина: я прощаю ему эту кражу за то что въ статьѣ о театральной музыкѣ, онъ написалъ слѣдующіе три слова: прекрасный переводъ Есѳири. Вы видите что я похожъ на Мольерова Людовика XIV-го:

qu'avec moi l'on ne perd jamais rien,
Et que mieux que du mal, je me souviens du bien [3]).

---

[1]) Дѣйствующее лицо въ комедіи Катенина „Сплетни".

[2]) Ср. письмо А. С. Грибоѣдова отъ 17 октября 1824 г. Полн. собр. соч. Грибоѣдова, изд. подъ редакц. проф. И. А. Шляпкина. Спб. 1889 г. т. I, стр. 190.

[3]) Tartuffe A. V. sc. 7:

Que jamais le mérite avec lui ne perd rien,
Et que, mieux que du mal, il se souvient du bien.

Въ томъ же альманахѣ найдете Вы Загоскина [1]), Хмѣльницкаго [2]), Павлова [3]) etc. прозу Греча [4]), Булгарина [5]) и какова-то А. Ѳ. [6]) большаго скота и канальи. Колосова послѣ неимовѣрнаго успѣха въ Москвѣ, возвратилась въ Петербургъ; она хотѣла выйти Селименой [7]), а ей приказывали выходить Офеліей въ Гамлетѣ; за неповиновеніе посадили ее въ контору, оштрафовали на триста рублей, и отказали въ слѣдующемъ бенефисѣ. Она ѣздила въ Царское село жаловаться Государю; онъ выслушалъ ее весьма благосклонно, и препроводилъ дѣло въ театральный комитетъ: два голоса, Кутайсовъ и Долгоруковъ, были на ея сторонѣ, но Шаховской 1 и Милорадовичъ предсѣдатель 2, и того 3 противъ нее; она отошла отъ театра [8]): жаль. Сочиненія Лавиня прислалъ мнѣ въ подарокъ Гр. Зубовъ, я ихъ теперь имѣю въ двухъ томахъ 8-⁰. Вы правы: его послѣднія Messeniennes не имѣютъ простоты первыхъ, однакожъ: Tyrtée aux grees блещетъ красотами: Корабли Канариса въ видѣ змѣй Лаокооновыхъ, и конецъ безподобны; Napoléon не безъ величія; всѣхъ хуже le Voyageur, les Troyennes подражаніе хорамъ Есѳири, хорошо; Дуэтъ Антигоны съ Исменой изъ Есхила, чудо. Читали ли Вы (только не въ Полярной звѣздѣ, гдѣ все перепорчено) Кюхельбекера стихотвореніе: Святополкъ окаянный [9])? много достоинствъ. Кто русская сочинительница французкаго романа: Tableau slave du 5-éme siècle [10]) и каковъ онъ? есть ли отвѣтъ на

---

[1]) Изъ комедіи „Благородный театръ“ Михаила Николаевича Загоскина (1789—1852), кот. была играна въ первый разъ на Московской сценѣ въ 1828 г.

[2]) Отрывки изъ перев. ком. Мольера „Школа женщинъ“ и друг. ком. и водев.

[3]) Изъ трагедіи „Марія Стюартъ“ соч. А. Лебрена, пер. Н. Ф. Павлова (1805—1864).

[4]) „Историческій взглядъ на русскій театръ до начала XIX ст.“.

[5]) „Путешествіе изъ райка въ ложу перваго яруса“ и „Философическій взглядъ за кулисы“.

[6]) „Междудѣйствіе или разговоръ въ театрѣ о драматическомъ искусствѣ“ (рѣзкія нападки на классицизмъ).

[7]) Т. е. въ комедіи Мольера „Мизантропъ“.

[8]) А. М. Колосова „отошла отъ театра“ только на короткое время. См. С. В. Танѣевъ: „Изъ прошлаго Императорскихъ театровъ, вып. VI, Спб. 1886 г. стр. 35, а также письмо Катенина къ Колосовой („Русская Старина“ 1893 г., апрѣль, стр. 195).

[9]) Стихотвореніе В. К. Кюхельбекера „Святополкъ окаянный“, напеч. въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1824 г. стр. 266—271 и въ „Мнемозинѣ“ 1824 г. ч. I, стр. 55—60.

[10]) Авторъ этого романа, появившагося въ Парижѣ въ 1820 г. (2-е изд.— Парижъ 1824; 3-ье—Москва 1826 г.),—княгиня Зинаида Александровна Вол-

P. B. G.? не самому ли мнѣ въ Меркуріѣ подать прошеніе en calomnié [1])? Ахъ! Николай Ивановичь, какъ я Вамъ благодаренъ, и какъ много хотѣлъ бы съ Вами поговорить!. возвратясь въ Россію, не забудьте Шаева. Я придумалъ какъ бы хорошо вамъ сдѣлаться нашимъ Вальтеръ-Скоттомъ; есть въ Русской древности сюжетъ прелесть: распря К. А. Ю. Боголюбскаго и Кучковичей, начало Москвы, убіеніе князя, преданіе что гробы Кучковичей и теперь плаваютъ по озеру въ видѣ острововъ, словомъ: все богатство и разнообразіе тутъ. Коли стихи понадобятся, я къ вашимъ услугамъ. Будьте здоровы, любите меня, и не забудьте Шаева въ Кологривскомъ уѣздѣ. Остаюсь весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

Сообщилъ А. Чебышевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

конская, р. въ 1792, ум. въ 1862 г. въ Римѣ, католичкою, дочь (отъ перваго брака) оберъ-шенка кн. Александра Михайловича Бѣлосельскаго (р. 1752, ум. 1809) и княгини, Варвары Яковлевны, рожденной Татищевой (1764—1792), супруга кн. Никиты Григорьевича Волконскаго († 1844). Романъ княгини Волконской былъ переведенъ на русскій языкъ, подъ названіемъ: „Славянская картина V-го вѣка“ кн. П. И. Шаликовымъ. М. 1825 г. Существуетъ еще и польская передѣлка (1826).

[1]) Жалобу „за клевету“.

Воспоминанія стараго педагога [1]).

VI.

Назначеніе на должность старшаго учителя Законовѣдѣнія Черниговской гимназіи.—Первые педагогическіе шаги.—Персоналъ Черниговской гимназіи.—Порядки гимназическіе.—Отношенія начальства гимназіи, учащихъ и учащихся.—Система наказаній.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1850 г. я, проведя вакаціи дома, пріѣхалъ въ Кіевъ узнать свою судьбу. Какъ казеннокоштный студентъ я обязанъ былъ отслужить за казенное содержаніе въ теченіе шести лѣтъ, и потому я ждалъ отъ начальства своего назначенія. По пріѣздѣ въ Кіевъ явился я въ Канцелярію Попечителя, гдѣ господствовалъ знаменитый по своему вліянію въ округѣ въ тогдашнее время правитель канцеляріи Попечителя А. А. Лазовъ. Мнѣ объявили, что я назначенъ старшимъ учителемъ законовѣдѣнія въ Черниговскую гимназію и буду получать въ мѣсяцъ по 112 руб. и единовременно 500 руб. Это было объявлено съ большимъ апломбомъ, словно я удостоенъ великихъ милостей. На повѣрку оказалось, что для пущей важности принявшій меня съ юпитеровскимъ величіемъ правитель канцеляріи перевелъ серебро на ассигнацію, повидимому не безъ цѣли поразить бѣднаго человѣка громадностію цифры предстоящаго полученія. Въ переводѣ на нынѣшнія деньги громадная эта цифра сводилась однако въ 32 руб. 8 коп. ежемѣсячнаго жалованья и въ 125 руб. единовременныхъ подъемныхъ. Тѣмъ не менѣе я остался доволенъ своимъ назначеніемъ. Получивши изъ Кіевскаго казначейства подъ-

---

[1]) См. „Русская Старина“, апрѣль 1911 года.

емныя деньги и подорожную по казенной надобности, я на почтовыхъ выѣхалъ въ Черниговъ. На другой день въ полдень я прибылъ въ этотъ городъ, показавшійся мнѣ крайне невзрачнымъ послѣ Кіева. Меня поразило безлюдье черниговскихъ улицъ, сѣрыя постройки и патріархальная простота и мизерность построекъ, приличествовавшихъ болѣе какому-либо уѣздному или заштатному, а не губернскому городу.

Пріѣхавши въ Черниговъ, я остановился временно на квартирѣ у знакомаго еще по Кіеву учителя, моего будущаго товарища Сциславскаго, но поспѣшилъ отыскать квартиру, что впрочемъ и не составляло особаго труда, такъ какъ хозяева свободныхъ квартиръ въ Черниговѣ имѣли похвальное обыкновеніе закрывать ставни въ такихъ квартирахъ. Нанялъ я двѣ скромныя комнаты за базаромъ, довольно далеко отъ гимназіи. Устроившись на квартирѣ и побывавши въ первый же день у директора, которымъ состоялъ тогда человѣкъ очень образованный и много путешествовавшій за границею Януарій Михайловичъ Невѣровъ, я началъ готовиться къ урокамъ. Спустя одинъ или два дня я въ присутствіи директора и инспектора прочелъ свой первый урокъ, который, признаюсь, былъ скорѣе похожъ на плохую университетскую лекцію, чѣмъ на гимназическій урокъ. Этого впрочемъ и слѣдовало ожидать отъ человѣка, только что вышедшаго изъ-за скамьи, когда при томъ ни въ университетѣ, ни въ гимназіи никто даже не потрудился объяснить разницу между университетскимъ и школьнымъ преподаваніемъ. Только черезъ полгода я выяснилъ самъ себѣ мою безполезную дѣятельность. Только горькимъ опытомъ я убѣдился, что принятый мною методъ преподаванія никуда не годился, и что въ концѣ концовъ ученики мои ничего не будутъ знать, если я не откажусь отъ профессорскихъ замашекъ. Я рѣшился снизойти съ высоты своего величія, стать поближе къ ученикамъ и радикально измѣнить свое преподаваніе. Тогдашній длинный урокъ, въ часъ съ четвертью, я распредѣлилъ такъ, что только одну часть урока назначилъ на объясненіе, а остальную же—на спрашиваніе учениковъ, которыхъ у меня было не слишкомъ много; такъ что я успѣвалъ ихъ переспросить чуть не на каждомъ урокѣ. Тогда дѣло начало понемногу поправляться. Ученики, зная, что ихъ спросятъ непремѣнно, начали готовить уроки и мало по малу, благодаря частымъ повтореніямъ, наверстали потерянное время. Мои отношенія къ учащимся сложились удовлетворительно. Я принялъ за правило ни на кого не жаловаться, а главное никого не преслѣдовать, никому не вредить, входя въ положеніе каждаго. Второе основное правило моей учительской дѣятельности—полнѣйшее безпристрастіе и спра-

ведливость. Дѣти скоро поняли меня и стали въ самыя искреннія отношенія. Не обошлось однако и безъ столкновеній. Причиною было устройство классовъ въ Черниговской гимназіи. Всѣ они были проходными. Мнѣ приходилось въ свой классъ ходить черезъ шестой классъ и преимущественно на урокахъ латинскаго языка. Шалуны начали называть меня именами римскихъ юристовъ. Я долго не обращалъ вниманія на раздававшіеся за мною крики. Но однажды какой-то шалунъ чуть не передъ самымъ моимъ носомъ выкрикнулъ мое прозвище. Я остановился и поблагодарилъ за такое переименованіе меня. Шалунъ сконфузился, и съ этого времени я уже не слышалъ никакихъ прозвищъ. Къ начальству установились у меня чисто формальныя отношенія. Я былъ крайне пунктуаленъ и аккуратенъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Только по временамъ приходилось выслушивать замѣчанія, что не записываю отмѣтокъ въ журналъ. И совершенно напрасно, такъ какъ я отлично зналъ своихъ учениковъ, степень ихъ познаній и и ихъ успѣхи. Инспекторъ Н. И. Савинъ, игравшій роль строгаго блюстителя порядка, тѣмъ не менѣе доложилъ о моей неисправности самому директору, который подтвердилъ распоряженіе инспектора о запискѣ отмѣтокъ въ журналъ. Персоналъ учителей состоялъ изъ старыхъ преподавателей, уже втянувшихся въ черниговскія привычки, мало заботившихся о своей педагогической дѣятельности. Игра въ карты, составлявшая общую слабость тогдашняго черниговскаго чиновничества, по преимуществу занимала и умы педагоговъ, какъ и всего черниговскаго чиновничества. У всѣхъ чиновниковъ, занимавшихъ болѣе или менѣе видныя мѣста, были устроены журфиксы съ непремѣнною карточною игрою. Педагогамъ это было и на руку. Почти ежедневно они проводили вечера за картами, а на завтра являлись на уроки полусонными. Играли тогда преимущественно въ преферансъ. Но случалось, затѣвали штосъ и даже дьябелка. Странное дѣло! Кіевскія строгости какъ бы не доходили до Чернигова, который благодушествовалъ на зеленомъ полѣ, въ полнѣйшей халатности въ отношеніи къ исполненію обязанностей.

Къ большему сожалѣнію и Невѣровъ, пользовавшійся уваженіемъ служащихъ, перемѣщенъ въ Ставропольскую гимназію и скоро оставилъ Черниговъ. На его мѣсто назначенъ помѣщикъ Александръ Михайловичъ Богаевскій, большой библіоманъ, но за то плохой директоръ, почти не принимавшій участія въ дѣлахъ гимназіи. Возложивъ всѣ заботы по управленію гимназіею и дирекціею училищъ на инспектора и письмоводителя, онъ постоянно отлучался въ свое имѣніе и не появлялся въ Черниговѣ иногда

цѣлые мѣсяцы. Тѣмъ не менѣе онъ исправно получалъ изъ казначейства суммы, слѣдовавшія на содержаніе гимназіи, получалъ и расходовалъ по своему усмотрѣнію. По званію старшаго учителя и секретаря совѣта я долженъ былъ наблюдать въ числѣ прочихъ членовъ совѣта, старшихъ учителей, за правильностію расходовъ и подписывать кассовыя книги. Но по заведенному порядку мы подписывали, не смѣя вникать въ дѣло. Всякое поползновеніе на такое вниканіе, по установившемуся тогда взгляду, считалось актомъ невѣжливости въ отношеніи къ лицу директора и всегда разсматривалось, какъ явный признакъ строптивости подчиненнаго и неуживчиваго его характера.

Мы не знаемъ, какая выгода получалась отъ такого порядка вещей для казны; но твердо убѣждены, что ненормальное положеніе гимназическаго хозяйства не могло не имѣть вліянія на степень уваженія подчиненныхъ къ начальству и съ другой стороны не могло не сдерживать начальства въ желаніи преслѣдовать грѣхи подчиненныхъ. Главный грѣхъ тогдашней педагогіи въ Черниговской гимназіи—это манкировки учителей; онѣ были въ то время обычнымъ явленіемъ, и начальство смотрѣло на это сквозь пальцы. Правда, инспекторъ исправно записывалъ не только часы, но даже минуты пропусковъ, но обыкновенно такая записка не имѣла серьезныхъ послѣдствій.

Отношенія къ ученикамъ какъ начальства гимназіи, такъ и учителей были чисто формальныя. Наблюдали, чтобъ ученикъ пришелъ въ классъ, выучилъ урокъ, сидѣлъ въ классѣ спокойно, соблюдалъ надлежащую форму въ одеждѣ. Но дальше никто не шелъ. Учители оправдывали себя тѣмъ, что они устранены отъ дѣлъ гимназіи и словно какіе-то поденники: „отзвонилъ свой урокъ, обыкновенно говорилось тогда, и съ колокольни прочь“. Все дѣло со стороны учителей ограничивалось задаваніемъ и спрашиваніемъ уроковъ и выставкою отмѣтокъ въ журналахъ, а со стороны инспектора—въ наказаніи получившихъ дурныя отмѣтки. Въ основаніи всѣхъ отношеній лежало взаимное недовѣріе: недовѣріе дѣтей къ наставникамъ и наставниковъ къ дѣтямъ. Скрытность учениковъ и духъ товарищества, господствовавшій тогда между ними, не мало затрудняли надзоръ гимназическій, или, лучше сказать, инспекторскій. По необходимости надзоръ за учащимися ограничивался однимъ поверхностнымъ наблюденіемъ и носилъ по преимуществу полицейскій характеръ. О воспитательномъ вліяніи гимназіи на учащихся никто и не думалъ, да и едва-ли оно было возможнымъ при господствовавшемъ въ то время порядкѣ.

Главную заботу инспектора составляло наблюденіе за журналами.

Каждый день надзиратель долженъ былъ выписать изъ журналовъ получившихъ неудовлетворительныя отмѣтки учениковъ, преимущественно первыхъ четырехъ классовъ; такъ какъ старшихъ учениковъ не полагалось сѣчь, то выписка ихъ отмѣтокъ не имѣла цѣли и потому обыкновенно не дѣлалась. По окончаніи уроковъ самъ инспекторъ или надзиратель приказывали провинившимся остаться въ классѣ для полученія должнаго возмездія. Возмездіе же состояло по большей части, при полученіи ученикомъ отмѣтки единицы въ успѣхахъ, или въ поведеніи, въ тѣлесномъ наказаніи. Давали отъ 5-ти до 25-ти розогъ. Нѣкоторые изъ учениковъ, не испытавшіе еще, какъ говорилось тогда, „березовой каши“, плакали и молили о пощадѣ. Другіе угрюмо выносили тѣлесную боль, съ чувствомъ какого-то молодечества и озлобленія. А были и такіе отчаянные субъекты, которые, испытавъ много разъ тѣлесную боль, входили во вкусъ сильныхъ ощущеній, какъ пьяницы входятъ во вкусъ полынной водки. Для такихъ субъектовъ тѣлесное наказаніе составляло нѣкотораго рода спортъ и совсѣмъ ихъ не смущало. Мой классъ былъ по сосѣдству съ комнатою, въ которой производились экзекуціи. Съ болью сердца невольно я былъ свидѣтелемъ всѣхъ этихъ прелестей. До какой степени тѣлесныя наказанія входили въ привычки учениковъ, въ этомъ легко было убѣдиться изъ того, что обреченные наказанію ложились подъ наказаніе и вставали съ улыбкой на устахъ, а нѣкоторые просили даже поскорѣе ихъ посѣчь, чтобы не прозѣвать горячаго обѣда.

Не менѣе плодотворно было и второе наказаніе учащихся, практиковавшееся за двойки—это лишеніе свободы. Ученики запирались на два, на три часа въ классѣ, или въ карцерѣ и сидѣли тамъ, по большей части томясь бездѣйствіемъ и голодомъ. Къ шести часамъ вечера являлись они домой совершенно изможденными и, покушавши на голодный желудокъ сытно, способны были только спать вечеромъ, но совершенно не годились для приготовленія уроковъ. На другой день имъ было также не до уроковъ. Нужно было спѣшить въ классъ, чтобъ пошумѣть; да къ тому же уроки начинались рано—въ восемь часовъ; такъ что по краткости времени нечего было и думать утромъ приготовить уроки. И вотъ мало по малу начинали накопляться недоимки изъ дня въ день, пока ученикъ не приходилъ въ отчаяніе; не видя никакой возможности справиться съ своимъ дѣломъ, онъ по неволѣ долженъ былъ махнуть рукой на все свое учебное дѣло и поступить въ разрядъ отчаянныхъ.

Третій родъ наказаній, практиковавшійся преимущественно въ пансіонѣ, было лишеніе пищи. Это наказаніе, возмутительное по

самому существу своему, приносило пользу только экономy пансіона, который смѣло могъ не готовить десяти порцій ежедневно, въ надеждѣ на такое же число оставленныхъ безъ обѣда. Въ штрафной журналъ ежедневно записывались, кто оставался безъ обѣда, и по этимъ записямъ я составилъ пропорцію для полученія барышей экономомъ.

Описанный нами порядокъ исправленія учениковъ не былъ субъективнымъ изобрѣтеніемъ какого-либо инспектора. Нѣтъ! Онъ составлялъ господствующій въ то время во всѣхъ гимназіяхъ режимъ. Въ бытность мою въ Черниговской гимназіи, съ 1850 г. по 1860 годъ, перемѣнилось три инспектора, и всѣ они дѣйствовали совершенно одинаково, только съ разными оттѣнками. Одинъ сѣкъ, нѣсколько улыбаясь; другой съ крикомъ и грозой. Одинъ въ пылу гнѣва способенъ было ударить ученика собственною благородною рукой, или сорвать съ него знакъ отличія—петлички и учинить всякія безобразія. Другой не способенъ былъ на такія энергическія мѣры, но зато былъ совершенно равнодушенъ къ судьбѣ ученика. И все это такъ вошло въ нравы и обычаи, что всѣ смотрѣли на такіе порядки спокойно, а высшее начальство считало такого инспектора распорядительнымъ человѣкомъ и даже имѣло его на хорошемъ счету. Nomina sunt odiosa! Не стану называть такихъ отличныхъ инспекторовъ, которые, стремясь къ отличіямъ, въ особенности налегали на систему наказаній и доводили число высѣченныхъ ежедневно до 30-ти, на 180 учащихся въ гимназіи; такъ что, значитъ, шестая часть гимназіи должна была ежедневно попробовать „березовой каши“. Такимъ усердіемъ отличался одинъ изъ корифеевъ-инспекторовъ, быстро за свои подвиги попавшій въ директора гимназіи и закончившій свою службу въ Царствѣ Польскомъ съ пансіономъ въ три тысячи рублей.

А. Ѳ. Андріяшевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Около бурсы.

Воспоминанія о духовной школѣ 60-хъ годовъ, въ связи съ очеркомъ быта тогдашняго сельскаго духовенства.

Несмотря на то, что я почти весь училищный курсъ шелъ вторымъ ученикомъ и отличался скромнымъ поведеніемъ, мнѣ не удалось избѣжать тѣлесныхъ наказаній. Не говоря уже о мелкихъ щипкахъ за волосы, я разъ получилъ отъ В. И—ча такую пощечину, что нѣсколько дней былъ боленъ нервною горячкою, и только за то, что къ назначенному сроку не приготовилъ авдиторскаго журнала, т. е. не успѣлъ распредѣлить по списку, кто у кого долженъ быть авдиторомъ. А порку я получилъ по слѣдующему памятному мнѣ случаю. Разъ, на второмъ году ученія, по греческому языку на урокъ была задана только одна фраза изъ грамматики: „звательный падежъ сходенъ съ именительнымъ“. Такъ какъ фраза эта находилась въ рубрикѣ 3-е склоненіе, то въ сокращенномъ учебникѣ про 3-е склоненіе не упоминалось, но В. И—чъ настойчиво требовалъ, чтобы въ отвѣтахъ учениковъ заданная фраза дополнялась упоминаніемъ о 3-мъ склоненіи. Придя на урокъ, В. И—чъ сталъ вызывать учениковъ, но отвѣты ему почему-то не понравились, и онъ приказалъ мнѣ показать, „какъ надо отвѣчать“. Предполагая, что вся ошибка моихъ товарищей, не удовлетворившихъ В. И—ча отвѣтами, заключалась въ пропускѣ словъ: „въ 3-мъ скло-

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1911 г.

неніи", я ввелъ эти слова въ свой отвѣтъ, но получилъ грозное: „поставь ему два". Такъ какъ на обязанности моей, какъ второго по успѣхамъ ученика, было отмѣчать баллы по распоряженію учителя, я долженъ былъ поставить себѣ „2". Вызванъ былъ первый ученикъ С—въ. Его отвѣтъ вызвалъ резолюцію В. И—ча: „на колѣна, безъ обѣда!" Наконецъ, В. И—чъ вызываетъ великовозрастнаго ученика И. Сланскаго, и тотъ громкимъ голосомъ произноситъ отвѣтъ такой же, какой дали я и С—въ. Къ нашему изумленію за свой отвѣтъ Сланскій получилъ отмѣтку 8. Тутъ только разъяснилось, что „показать, какъ надо отвѣчать",—значило громко, на весь классъ, выкрикнуть отвѣтъ, чтобы всѣ 160 человѣкъ слышали примѣрный отвѣтъ, а мы съ С—вымъ не догадались этого и произнесли свои отвѣты обычнымъ тономъ, можетъ быть, даже нѣсколько пониженнымъ вслѣдствіе недоразумѣнія, въ чемъ дѣло. Результатомъ полученія мною двойки было внесеніе меня въ штрафной списокъ и присужденіе меня смотрителемъ училища къ наказанію 2 розгами. Это наказаніе и было отбыто мною въ слѣдующій понедѣльникъ при торжественной обстановкѣ, вмѣстѣ съ другими плохо учившимися товарищами. Не физическая боль (сѣкуторъ еле коснулся розгою), даже не стыдъ предъ товарищами были горьки: обидно было, что розги получены совершенно безвинно.

Въ теченіе 6 лѣтъ мы выучили по-гречески и по-латыни краткую этимологію и еще болѣе краткій синтаксисъ: умѣли склонять и спрягать [1]), могли опредѣлить, какихъ падежей требуютъ извѣстные предлоги, и успѣли перевести нѣсколько басенъ Эзопа и мелкихъ разсказовъ съ латинскаго и греческаго языка на русскій.

Казалось бы, что спеціальная духовная школа должна была широко поставить дѣло преподаванія Закона Божія. А между тѣмъ за 6 лѣтъ пребыванія въ духовномъ училищѣ мы успѣли вызубрить только краткій и пространный катехизисъ, священную исторію Базарова и краткое ученіе о Богослуженіи. Начали мы Законъ Божій съ того, что въ долбежку (у насъ говорилось также „на зубокъ"

---

[1]) Интересно, что образцомъ спряженій глаголовъ въ грамматикѣ нашей былъ глаголъ Τύπτω-бью, какъ разъ подходящій къ тогдашней системѣ воспитанія. Вообще въ нашихъ учебникахъ и примѣры-то были какіе-то особенные. Напримѣръ, въ греческой грамматикѣ въ отдѣлѣ синтаксиса мы учили: „ἕλκω τινὰ ῥινός"—тяну кого-либо за носъ". А составитель русской грамматики откуда-то выкопалъ стихи:

Хоть весною и тепленько,
А зимою холодненько,
Но и въ стужѣ
Мнѣ не хуже.

или „въ зубрежку“) заучили изъ краткаго катехизиса, что „Единъ Богъ, поклоняемый во Святой Троицѣ, есть вѣченъ, т. е. не имѣетъ ни начала, ни конца своего бытія, но всегда былъ, есть и будетъ“. Припоминаю, какъ слабые изъ моихъ товарищей зубрили эту фразу. Зажметъ 9—10 лѣтній мальчуганъ уши, чтобы не слышать товарищей, которые тоже зубрятъ, и начинаетъ затверживать фразу по частямъ: „Единъ Богъ... Единъ Богъ“ и т. д., по нѣсколько словъ прибавляя къ зазубренному. Пространный катехизисъ Филарета тоже выучивался наизусть. У насъ были молодцы, которые знали наизусть, подрядъ, весь катехизисъ съ вопросами и отвѣтами и могли безъ запинки отвѣтить на такіе вопросы: „почему сіе важно?“ „Что сіе значитъ?“ Даже священная исторія училась наизусть; вызывая ученика, учитель и по этому предмету приказывалъ ученику „читать урокъ“. Начнетъ, бывало, иной ученикъ „читать урокъ“ по священной исторіи. Останови его учитель, и ученикъ собьется и, чтобы продолжать „чтеніе“ урока, долженъ начинать съ самаго начала заданнаго урока. Вообще, въ громадныхъ нашихъ классахъ, изъ 160—180 учениковъ значительное количество было мало подготовленныхъ и, прямо сказать, тупицъ, которые могли только зубрить, да и то съ трудомъ. При этомъ считаю нужнымъ разсказать не анекдотъ, а дѣйствительное событіе, хотя оно и смахиваетъ на извѣстный анекдотъ. Былъ у насъ въ низшемъ отдѣленіи ученикъ Гавріилъ Ивановъ, сынъ консисторскаго сторожа. Бѣднякъ, плохо одѣтый, совершенно неразвитой, онъ, повидимому, былъ одинъ изъ представителей типа вырождающихся. Въ классѣ онъ былъ предметомъ насмѣшекъ и издѣвательства со стороны товарищей и учителей. Разъ, чтобы потѣшиться надъ Ивановымъ, учитель предложилъ ему вопросъ: „у Ноя было три сына: Симъ, Хамъ и Іафетъ. Кто у нихъ былъ отецъ?“ Ивановъ затрудняется отвѣтить. Учитель иллюстрируетъ вопросъ примѣромъ, который уже не можетъ быть не понятенъ даже и Иванову. „Ну, вотъ, у консисторскаго сторожа Петра Петровича Иванова есть сынъ Гавріилъ Петровичъ Ивановъ. Кто у него отецъ?—„Петръ Петровичъ“, отвѣчаетъ Ивановъ. — Такъ, подтверждаетъ учитель. Такъ вотъ и у Ноя было три сына: Симъ, Хамъ и Іафетъ. Кто же у нихъ былъ отецъ?—Петръ Петровичъ,—отвѣчаетъ Ивановъ къ всеобщему восторгу учениковъ и учителя. Хохочетъ весь классъ, хохочетъ и учитель, и только Ивановъ растерянно озирается,—что, молъ, значитъ этотъ смѣхъ. Къ чести нашего училища, я, впрочемъ, долженъ сказать, что Ивановъ дальше низшаго класса не пошелъ. Просидѣвъ въ немъ года четыре, онъ, помнится, за малоуспѣшность и неспо-

собность, былъ переведенъ въ такъ называемый „причетническій классъ“ [1]).

Въ среднемъ и въ высшемъ отдѣленіяхъ мы проходили географію и русскую исторію: первую — по Ободовскому, заучивая на память, почти безъ картъ, физическое и политическое обозрѣніе частей свѣта, а вторую — по учебнику Устрялова. Это была маленькая книжечка. Изложеніе ея было такъ сокращено, что выпустить что-нибудь представлялось положительно невозможнымъ и, по существующей методѣ, приходилось зубрить даже и русскую исторію, начиная съ опредѣленія ея въ учебникѣ [2]). При этомъ не обходилось безъ курьезовъ. Одинъ изъ насъ, заучивъ урокъ о царствованіи Ивана III, гдѣ говорилось, что этотъ царь строилъ церкви (и между прочимъ Успенскій соборъ въ Москвѣ), лилъ пушки и укрѣплялъ города, прочиталъ эту фразу такимъ образомъ, что будто Успенскій соборъ лилъ пушки и укрѣплялъ города. Такіе курьезы, впрочемъ, были нерѣдки при зубрежкѣ и по другимъ предметамъ. Такъ, одинъ изъ моихъ товарищей, уже имѣя не менѣе 16 лѣтъ отъ роду, въ извѣстномъ стихотвореніи Лермонтова „Бородино“, передавая ропотъ стариковъ на долгое отступленіе предъ Наполеономъ, произнесъ: „Не смѣютъ что ли командиры чужіе изорвать мундиры? О, русскіе штыки!“

Шестилѣтнее пребываніе въ духовномъ училищѣ давало намъ мало научныхъ свѣдѣній. Крѣпко ложились въ головѣ зазубренныя фразы учебниковъ, но это были обрывки знаній, безъ связи и системы. Учителя почти не объясняли уроковъ, и все зависѣло отъ памяти ученика и его самодѣятельности. Оттого въ громадныхъ классахъ въ 150—180 учениковъ, только первые два десятка учениковъ, наиболѣе способныхъ и самодѣятельныхъ, кое-что знали. Остальные еле-еле плелись, а цѣлые десятки учениковъ сидѣли въ классѣ по 4 года въ каждомъ и, такимъ образомъ, пробывъ въ училищѣ лѣтъ 12-ть, уже взрослыми людьми оставляли низшую школу, не успѣвъ подготовиться къ средней школѣ — духовной семинаріи. Они возвращались въ родительскіе дома, пристраивались на мѣста дьячковъ и пономарей, а зачастую приписывались къ податнымъ сословіямъ, „избирая, какъ тогда говорилось, родъ жизни“ или крестьянъ или мелкихъ ремесленниковъ и совершенно теряя типъ

---

[1]) Такъ называлось отдѣленіе для подготовки въ причетники (дьячки и пономари). Имъ завѣдывалъ протодіаконъ Т. М. С—въ, отецъ извѣстнаго и теперь опернаго пѣвца—баса К. Т. С—ва.

[2]) „Русская исторія есть наука, объясняющая постепенное развитіе нашего отечества отъ перваго его начала до настоящаго времени“.

членовъ сословія, все-таки въ нѣкоторомъ смыслѣ привилегированнаго.

XVII. Возвращеніе изъ класса на квартиры.

Занятія въ училищѣ оканчивались около 2 часовъ дня. Завязавъ книжки въ платки (другихъ приспособленій для ношенія книгъ не было), ученики гурьбами выбѣгали изъ училища и разбредались, стараясь идти, по возможности, кучками. Это былъ своего рода стратегическій пріемъ. Дѣло въ томъ, что между учениками духовной школы („кутейниками“) съ одной стороны и учениками городскихъ школъ и гимназистами съ другой стороны—существовала исконная вражда, нерѣдко оканчивавшаяся при встрѣчахъ дракою. Группа кутейниковъ не пройдетъ, бывало, мимо группы „гужей“ (такъ называли у насъ учениковъ городскихъ школъ) или красной говядины, какъ назывались гимназисты [1]), чтобы не обмѣняться взаимными комплиментами, а за словесными оскорбленіями подчасъ слѣдовалъ и рукопашный бой. При такой натянутости отношеній идти по улицѣ одному ученику того или другого лагеря было не безопасно. Я разъ какъ-то зазѣвался, поотсталъ отъ товарищей и былъ застигнутъ толпою „гужей“. Убѣдившись, что наши силы не равны, я счелъ дальнѣйшее сопротивленіе безполезнымъ, и мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ, завернувъ свою голову воротникомъ тулупа, лечь на землю, въ разсчетѣ, что сквозь толстый тулупъ удары дѣтскихъ кулачишекъ не будутъ особенно чувствительны. Снабдивъ меня нѣсколькими, не особенно для меня тяжелыми тумаками, толпа гужей удалилась.

XVIII. Обѣдъ семинаристовъ.

Вернувшись домой, мы садились обѣдать. Обѣдъ подавался намъ въ хозяйской кухнѣ. За большимъ столомъ усаживалось человѣкъ 8—12. Одинъ изъ старшихъ нарѣзалъ большіе ломти чернаго, по большей части, хорошо выпеченнаго хлѣба. Весною, когда былъ запасъ привезенныхъ изъ дома пасхальныхъ яицъ, хорошо перепеченныхъ и долго сохранявшихся, обѣдъ начинался окрошкою изъ яицъ, зеленаго лука и кваса. За этимъ слѣдовали щи или картофельная похлебка, въ скоромные дни — съ говядиной. Говядину старшій собственноручно разрѣзалъ на мелкіе кусочки, которые всѣ

[1]) Гимназисты въ началѣ 60-хъ годовъ носили фуражки съ краснымъ околышемъ и потому ихъ прозвали красною говядиною. Когда имъ дали синія фуражки съ гербомъ и буквами „Т. Г.“ ихъ стали дразнить „тухлою говядиною“.

и опускалъ въ стоявшую посреди стола большую миску со щами. Кости отъ мяса („мослы"—отъ слова „мосолъ") доставались малышамъ или по очереди, или по заслугамъ: за хорошую отмѣтку или за то, что малышъ несъ съ базара говядину, купленную старшимъ. Отдѣльныхъ приборовъ у насъ не было: все обѣденное вооруженіе состояло изъ деревянной ложки. Въ особомъ почтеніи были деревянныя ложки работы саровскихъ монаховъ. Они были довольно изящно вырѣзаны; на концахъ ручекъ ихъ обыкновенно была вырѣзана рука, сложенная для крестнаго знаменія, или благословляющая. На самой ложкѣ внутри обыкновенно было нарисовано черною краскою изображеніе церкви. Но большею частью въ употребленіи были простыя круглыя или лодочкой ложки, покрытыя желтымъ лакомъ. Ѣли всѣ изъ одной миски, при чемъ до особой команды старшаго никто не смѣлъ вылавливать изо щей говядину. Когда старшій замѣчалъ, что въ мискѣ уже мало щей, онъ командовалъ: „omnibuscum", т. е. совсѣмъ, и тогда начинали ловить говядину. Строго наблюдалось, чтобы больше одного кусочка говядины въ одинъ разъ не набирать въ ложку. Ѣшь, какъ хочешь, быстро, но лишь таская по одному кусочку говядины. Обыкновенно каждому доставалось куска по 4—5 говядины, но болѣе проворные въ ѣдѣ успѣвали вытянуть и больше. Бывали и такіе случаи. Иной изъ малышей, которому надоѣло глотать пустыя, безъ говядины, щи, въ ожиданіи команды: „omnibuscum" положитъ свою ложку да еще внутреннею стороной вверхъ. Какъ только раздается команда старшаго о дозволеніи таскать и говядину, кто-либо изъ сосѣдей малыша ударитъ своею ложкою по опрокинутой ложкѣ, и она отлетаетъ въ сторону. Пока-то онъ добудетъ ее, часть говядины уже съѣдена. Такъ наказывалось ротозѣйство. Вообще, проворство въ ѣдѣ не считалось недостаткомъ, и поговорка: „кто смѣлъ, тотъ два съѣлъ" да одиннадцатая заповѣдь: „не зѣвай" находили у насъ полное примѣненіе въ отношеніи, по крайней мѣрѣ, ѣды.

За щами или похлебкой слѣдовала каша, по большей части гречневая (бывала и пшенная); ее сдабривали небольшимъ кускомъ коровьяго масла или (въ постные дни) нѣсколькими ложками коноплянаго масла. Посты строго соблюдались,—въ среду и пятницу каждой недѣли, весь Великій постъ, Петровъ и Филипповъ посты пища была постная.

XIX. Послѣобѣденныя занятія. Игры. Кулачные бои въ городѣ.

Кашею заканчивался обѣдъ. Строго слѣдуя латинской пословицѣ: „satur venter non studet libenter", соотвѣтствующей русской по-

говоркѣ: „сытое брюхо къ ученью глухо“, мы послѣобѣденное время посвящали играмъ и забавамъ. За совершеннымъ отсутствіемъ образовательныхъ игръ, приходилось довольствоваться самыми обыкновенными. Наиболѣе любимыми и распространенными играми были: лѣтомъ — лапта, свѣчки (игра съ мячикомъ), шары или клюшки и „козанки“, или бабки. Послѣдняя была даже на интересъ и потому осложнялась даже разными приспособленіями. Козанки, или бабки— это небольшія кости изъ говяжьихъ ногъ. Ихъ разставляютъ на полянкѣ или лужайкѣ и стараются сбить. Сбившій получаетъ то, что онъ сбилъ, и это составляетъ его въ нѣкоторомъ смыслѣ богатство. У насъ были богачи, которые имѣли до сотни паръ козанковъ, частью привезенныхъ изъ деревни, частью купленныхъ (на копейку 10 паръ, на яйцо 5 паръ), а частью выигранныхъ у товарищей. „Битки“, т. е. тѣ бабки, которыми сбивались разставленныя пары, наливались свинцомъ, и ловкость игрока заключалась не только въ томъ, чтобы попасть въ разставленные ряды, но и въ томъ, чтобы сбить какъ можно больше паръ.

Зимою забавлялись въ снѣжки, дѣлали снѣговыя фигуры, устраивали горы для катанья съ нихъ, катались на салазкахъ и на льду замерзшей рѣки, устраивали кулачные бои, какъ между собою, такъ и съ мѣщанами. Впрочемъ, въ послѣдней забавѣ малыши не принимали дѣятельнаго участія. Они только начинали бой, а продолжали его уже великовозрастные взрослые семинаристы. Въ мое время бои въ городѣ уже переводились, такъ какъ полиція стала преслѣдовать ихъ, но все же я былъ очевидцемъ нѣсколькихъ серьезныхъ боевъ, бывшихъ, по большей части, въ зимнее время, по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ. Производились они, помнится, на 2 Долевой улицѣ, гдѣ полиція появлялась рѣдко. Одну сторону представляли мѣщане, а другую — болѣе интеллигентныя сословія: мелкіе чиновники, семинаристы и отчасти купцы. Насколько помнится, купцы фактически не участвовали въ кулачныхъ бояхъ. Ихъ вмѣшательство сводилось къ тому, что они угощали водкой или пивомъ „бойцовъ“ покровительствуемой ими стороны, подогрѣвая въ нихъ удаль и молодечество. Имена нѣсколькихъ такихъ бойцовъ очень славились. Подвиги ихъ были предметомъ разсказовъ, и долго между семинаристами вспоминались сила и ловкость какого-нибудь Преображенскаго или Воздвиженскаго, когда-то содѣйствовавшихъ пораженію мѣщанъ на особенно памятныхъ бояхъ. Переставъ участвовать въ бояхъ, когда начиналась борьба взрослыхъ, малыши оставались зрителями интересной борьбы, лѣпились по заборамъ и возвышеніямъ, чтобы не упустить наиболѣе интересныхъ моментовъ боя, зябли на морозѣ, плохо одѣтые и плохо обутые, и все-таки не

уходили, пока не оканчивался бой съ наступленіемъ темноты или пока полиція не прекращала его...

XX. Подготовленіе уроковъ.

Часу въ пятомъ по полудни мы садились за уроки. Въ небольшой, плохо освѣщенной сальной свѣчкою комнатѣ 4—5 человѣкъ громогласно зубрятъ уроки, стараясь заглушить другъ друга. Кто учитъ нотную азбуку, стараясь запомнить, между какими линейками та или другая нота; кто выводитъ самыя ноты и „по солямъ и по тексту“. Въ одномъ углу слышишь латинскія, въ другомъ греческія склоненія и спряженія. Въ комнатѣ старшихъ семинаристовъ въ это время услышишь игру какого-либо артиста на гитарѣ или скрипкѣ, сопровождаемую подпѣваньемъ его самого и товарищей. А нерѣдко, смотришь, на столѣ засаленныя карты, и слышатся возгласы: „пассъ, вистъ, безъ одной“ и т. п. А иной игрокъ, дѣлая ходы, сопровождаетъ ихъ протяжнымъ пѣніемъ: „Волною морскою“...

При такихъ условіяхъ ученику, не могущему сосредоточиться и углубиться въ учебникъ, было трудно заучивать уроки. Поэтому нѣкоторые, болѣе прилежные ученики устраивали себѣ особыя будки. При помощи стульевъ, скамеекъ и одѣялъ устраивали шалашъ, въ которомъ при свѣтѣ сальной свѣчи можно было предаться зубренію, не нуждаясь уже въ затыканіи ушей отъ постороннихъ звуковъ. Лѣтомъ, конечно, было больше удобства: садикъ, палисадникъ, огородъ, а то чердакъ и сарай — все это представляло извѣстныя удобства, чтобы уединиться. Но зато лѣтомъ бывало больше соблазна: садъ и огородъ и „вольный воздухъ“ не особенно располагаютъ къ книжному занятію.

XXI. Ужинъ. „Дачное“ препровожденіе времени. Пѣніе.

Часовъ въ 9 вечера подавался ужинъ, состоявшій изъ щей и каши или картофеля. Послѣ ужина устраивалось нерѣдко пѣніе. Послѣднее было въ ходу, особенно весною и лѣтомъ, когда изъ душныхъ комнатъ мы переселялись „на дачи“. Въ Т—вѣ почти каждый домъ, гдѣ жили семинаристы, былъ съ садомъ. Подъ большими вязами, кленами и липами мы устараивали себѣ постели. Нѣкоторые, какъ птицы, располагались на самыхъ деревьяхъ, примостивши доски между крупными вѣтвями, невысоко отстоявшими отъ земли. Здѣсь-то „на дачахъ“, раздавалось привольное пѣніе. Старшіе, обыкновенно, уходили гулять, играть на биліардѣ или садились играть въ карты, а малышамъ и подросткамъ раздолье. Во время сильнаго дождя (малаго мы не боялись) наши „дачи“ сильно протекали, и бывали нерѣдко случаи, когда мы съ подуш-

ками, одѣялами и войлоками, замѣнявшими у насъ матрацы, наскоро удирали отъ дождя и грозы въ комнаты и здѣсь въ духотѣ проводили остатокъ ночи.

Хоровое пѣніе было почти единственнымъ, болѣе или менѣе образовательнымъ развлеченіемъ семинаристовъ. На нѣкоторыхъ семинарскихъ квартирахъ можно было найти и гитариста, но все это были самоучки, выучившіеся играть безъ нотъ. Пѣніе между семинаристами было развито, но тоже безъ нотъ, съ голоса, по слуху и памяти. Пѣть у насъ любили, и по вечерамъ, особенно въ маѣ, іюнѣ и августѣ, проходя мимо семинарскихъ квартиръ, можно было слышать стройное хоровое цѣніе, раздававшееся изъ садовъ, окружавшихъ семинарскія квартиры. Кромѣ церковныхъ пѣснопѣній (особенно любимыми были: Да исправится молитва моя..., Покаянія отверзи ми двери..., Достойно есть), слышны были и свѣтскія пѣсни какъ тѣ, о которыхъ я уже сказалъ раньше, такъ и кое-что болѣе новое. У насъ уже пѣли изъ Пушкина (Утопленникъ. Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ), Лермонтова (Спи, младенецъ мой прекрасный), Кольцова и Никитина. Благодаря сосѣдству съ малороссійскими губерніями, до насъ доходили и малороссійскія пѣсни, но въ страшно искаженномъ видѣ. Наконецъ, въ ходу были и нѣкоторые оперные номера. Помню, особенно большой успѣхъ имѣли: хоръ (Гой ты, Днѣпръ...), арія Торопки-Головина—„Близко города Славянска“, а семинаристы, обладавшіе басомъ, небезуспѣшно воспроизводили даже арію Неизвѣстнаго изъ оперы Верстовскаго „Аскольдова могила“: „Въ старину живали дѣды веселѣй своихъ внучатъ“. О пѣніи семинаристовъ у меня сохранились самыя пріятныя воспоминанія. Немного позднѣе, когда я поступилъ уже въ семинарію (въ 1868 г.), у насъ въ семинарской церкви организовалось общее пѣніе. Любо было слушать, какъ подъ руководствомъ опытнаго учителя пѣнія (Пр. С—ва) болѣе 600 молодыхъ голосовъ дружно и громко, но вполнѣ благолѣпно пѣли церковные гимны даже обыкновеннаго напѣва: „Свѣте тихій“, „Взбранной воеводѣ“, „Слава въ вышнихъ Богу“, „Хвалите имя Господне“, „Отче нашъ“, „Достойно есть“ и т. д. Навѣрное знаю, что общее въ церкви пѣніе привлекало въ семинарскую церковь богомольцевъ и „изъ общества“ [1]).

---

[1]) Спустя пѣтъ 30-ть мнѣ въ М—вѣ пришлось опять слышать общее пѣніе прихожанъ въ каѳедральномъ соборѣ на внѣбогослужебныхъ чтеніяхъ, устраивавшихся благодаря стараніямъ моего земляка, мѣстнаго каѳедральнаго протоіерея В. М. У—скаго, и это напоминало мнѣ наше старое семинарское пѣніе всею церковью. Жаль, что этотъ прекрасный обычай, при-

XXII. Праздничные дни. Посѣщеніе церкви.

Праздничные дни у семинаристовъ разнообразились посѣщеніемъ церкви. Кажется, до 1867 года, пока въ нашемъ училищѣ не устроена была своя церковь, всенощная служилась у насъ въ помѣщеніи бурсацкой столовой. Къ обѣднѣ же мы ходили въ приходскія церкви или въ мужской монастырь, гдѣ была архіерейская служба, прекрасный архіерейскій хоръ, громогласный протодіаконъ и діаконъ. У насъ, учениковъ, были свои любимцы—діакона. Кто предпочиталъ Краснопѣвцева, кто Лебедева; иному нравился Фенелоновъ, а иной восхищался феноменальною октавою варваринскаго діакона, про котораго разсказывали, будто, встрѣтивъ на набережной рѣки быка, который не хотѣлъ уступить ему дорогу, онъ такъ крикнулъ на быка, что тотъ съ испугу бросился въ рѣку. О. Лебедевъ былъ солистомъ архіерейскаго хора и славился красивымъ высокимъ бассомъ. Его solo въ извѣстномъ стихѣ: „покаянія отверзи ми двери“ положительно приводило въ восторгъ слушателей, и трудно было не поддаться понятному настроенію подъ впечатлѣніемъ высокохудожественнаго и умилительнаго напѣва прекрасно исполненнаго покаяннаго стиха.

Весною, въ пору ягодъ, мы любили посѣщать стоящую за городомъ на горѣ небольшую кладбищенскую церковь. Тамъ можно было погулять на свѣжемъ воздухѣ среди благоухающихъ полей и ароматныхъ луговъ и полакомиться первыми ягодами земляники и полевой клубники. А главное—здѣсь уже далеко отъ начальства, которое обыкновенно строго требовало, чтобы во время богослуженія ученики не выходили изъ церкви. Вообще посѣщеніе церкви въ праздничные и воскресные дни было обязательнымъ и, бывало, „старшій“ по квартирѣ, чтобы убѣдиться, былъ ли мальчикъ въ церкви, спрашивалъ его, какой священникъ и діаконъ служили и какое читалось евангеліе.

XXIII. Лѣтнія развлеченія. Рекреаціи.

Весеннее и лѣтнее время (май и іюнь) разнообразилось у насъ рыбною ловлею, купаньемъ, ловлею раковъ и такъ называемыми рекреаціями. Наиболѣе распространенною и интересною была ловля раковъ, которыми изобиловала ближайшая рѣка и ея притоки и

влекающій всѣхъ богомольцевъ къ дѣятельному участію въ Богослуженіи, не находитъ себѣ поддержки въ высшихъ представителяхъ нашего духовенства.

протоки, называвшіеся у насъ ериками. Раковъ ловили мы руками. Рѣки и протоки имѣли много пороговъ, или обрывовъ, какъ около береговъ, такъ и въ нѣкоторомъ отъ нихъ отдаленіи. Пороги эти были изрыты раковыми норами, извилистыми и глубокими, и умѣнье ловить раковъ заключалось въ томъ, чтобы розыскать самые пороги, а затѣмъ уже раковыя норы, въ которыхъ гнѣздились крупные экземпляры раковъ. Таковые водились обыкновенно въ глубокихъ порогахъ, чтобы разыскать которые нужно было нырять, а слѣдовательно нужно было умѣть хорошо плавать. Не очень-то легко доставались крупные экземпляры. Иной разъ вцѣпится тебѣ громадный ракъ въ палецъ громадною клешнею, и освободиться отъ него можно было, только отломавъ клешню. Трудно было ловить раковъ, но зато по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ у насъ бывалъ прекрасный ужинъ.

Припоминаю два бывшихъ со мною случая изъ области раковаго спорта. Одинъ разъ, погрузившись глубоко въ воду, я долго обшаривалъ порогъ, ища раковъ. Наконецъ, крупный экземпляръ былъ найденъ, но взять его оказалось затруднительнымъ, благодаря кривизнѣ норы. Между тѣмъ въ водѣ, безъ дыханія, становилось тяжело,—требовалось вздохнуть, а ракъ все не давался. Еле-еле, наконецъ, ракъ попался ко мнѣ въ руку, но, поднимаясь на поверхность воды со своею добычею, я порядочно-таки наглотался воды. Другой случай былъ болѣе комичный. Чтобы перебраться на другую сторону рѣки, мы пользовались однимъ мѣстомъ противъ Покровской церкви, гдѣ рѣка была не глубока и гдѣ при переправѣ нужно было проплыть только нѣсколько саженей. Завернувъ свое немудренное платье на голову и взявъ въ одну руку сапоги, я съ товарищами перебрался чрезъ рѣку, чтобы наловить раковъ въ ерикѣ. Уловъ былъ обильный, и у меня въ небольшомъ холщевомъ мѣшечкѣ оказалось десятка 2—3 крупныхъ раковъ. Обратный путь чрезъ рѣку былъ тотъ же. Чтобы имѣть одну свободную руку для плаванія, я мѣшокъ съ добычею взялъ въ зубы и сталъ переправляться, держа сухое платье на головѣ, а сапоги въ лѣвой рукѣ. Сначала все было хорошо, но когда я поплылъ на спинѣ, раки зашевелились и чрезъ тонкій мѣшокъ такъ стали колоть мнѣ грудь, что я не выдержалъ и вынужденъ былъ взять мѣшокъ въ правую руку, а чтобы удержаться на водѣ, долженъ былъ опустить лѣвую руку съ сапогами. Голова моя нѣсколько разъ наклонялась къ водѣ, и я окончилъ переправу, смочивъ и платье и сапоги. Пришлось выждать нѣсколько часовъ на берегу рѣки, пока на горячемъ отъ солнца пескѣ мой костюмъ достаточно просохъ, чтобы въ немъ можно было путешествовать чрезъ городъ.

Рекреаціи—это будніе дни, въ которые начальство освобождало учениковъ отъ уроковъ на цѣлый день, позволяя день этотъ проводить за городомъ. Рекреаціи обыкновенно давались въ маѣ мѣсяцѣ. Я едва ихъ засталъ,—въ мое время онѣ уже отживали свой вѣкъ. Но раньше, по разсказамъ старшихъ семинаристовъ, рекреаціямъ придавалась нѣкоторая торжественная обстановка. Такъ, въ маѣ, когда устанавливалась хорошая погода, семинаристы отправляли къ ректору семинаріи депутацію—съ просьбой о рекреаціи. Эта просьба излагалась въ видѣ положенной на ноты кантаты слѣдующаго содержанія: Reverentissime, pater nostrarum musarum, Rector! Carissime vogamus, carissime vogamus recreationem. И ректоръ, обыкновенно, удовлетворялъ просьбу. А такъ какъ духовныя училища были отчасти подъ начальствомъ семинарскаго ректора, то его разрѣшеніе рекреаціи распространялось и на учениковъ духовныхъ училищъ, и такимъ образомъ рекреаціями пользовались одновременно ученики всѣхъ духовныхъ заведеній: семинаріи и двухъ духовныхъ училищъ. Получалась довольно оживленная картина. Толпы взрослыхъ семинаристовъ, дѣтей и подростковъ двигались за городъ. Кто шелъ ловить рыбу и раковъ, иные плыли на лодкахъ къ Т-ву монастырю, расположенному въ лѣсистой живописной мѣстности при рѣкѣ Ц-ѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Т-ва. На рѣкѣ на лужайкахъ и въ лѣсу раздавалось стройное пѣніе: „Вдоль да по рѣчкѣ“... „Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ“... „Какъ на матушкѣ, на Невѣ рѣкѣ“... Судя по времени года, когда устраивались рекреаціонныя гулянья, ихъ можно было сравнять съ майскими праздниками рабочихъ, но въ нашихъ рекреаціяхъ ничего политическаго не было. У насъ политикою не занимались, да едва ли кому-либо изъ учениковъ рекреаціонныхъ гуляній и извѣстно было значеніе западно-европейскихъ майскихъ дней рабочихъ.

XXIV. Каникулярное время. Путешествіе въ родительскій домъ.

Первая половина учебнаго года отъ 1 сентября по 20 декабря была самая тяжелая. Въ ней не было такихъ перерывовъ въ занятіяхъ, каковыми были во второй половинѣ года масленица съ первою недѣлею Великаго поста и Пасха со страстною недѣлею. Всѣ эти каникулы представляли для насъ двойной интересъ: и какъ время отдыха, и какъ посѣщеніе родительскаго дома. Обыкновенно только ученики, не имѣвшіе родителей, или уроженцы мѣстностей, далеко расположенныхъ отъ г. Т., не пользовались зимними каникулами. Всѣ же остальные отправлялись домой, кому какъ приходилось. Въ то время желѣзныя дороги еще мало пересѣкали Т-скую губ. и чтобы, напр., проѣхать отъ г. Т. до г. М-ска (раз-

стояніе по прямому пути 90 верстъ) по желѣзной дорогѣ, нужно было тащиться около сутокъ и около 300 верстъ. Почтовыми лошадьми мы никогда не пользовались, благодаря дороговизнѣ этого способа сообщенія. За нѣкоторыми изъ насъ изъ дома родительскаго присылали лошадей, но самымъ обыкновеннымъ способомъ путешествія на родину были поѣздки съ извозчиками, которые пріѣзжали въ Т-въ съ товарами и везли оттуда какую-либо кладь. За какія-нибудь 50—75 коп. такой извозчикъ соглашался подвезти мальчугана до родного села чуть не сотню верстъ. И вотъ, предъ Рождествомъ, масленицей и страстной недѣлей по большимъ трактамъ изъ г. Т. можно было видѣть длинный рядъ саней, на которыхъ часть клади составляли семинаристы, отправлявшіеся къ пенатамъ. Зимою кладь эта довольно смирно сидитъ на саняхъ, зарывшись въ сѣно, солому и накрывшись отъ холода рогожами и торпищами (нѣчто вродѣ теперешнихъ брезентовъ). Но какъ только морозъ и вѣтеръ сковывали плохо обутыя ноги, да и плохо одѣтыя туловища начинали коченѣть отъ холода, семинаристы соскакивали съ саней, чтобы отогрѣться, бѣгая около возовъ. А лѣтомъ малышей и не заставишь сидѣть на возу: почти всѣ они бѣгутъ за возами, и только изрѣдка иной присядетъ на облучекъ телѣги, чтобы немного отдохнуть отъ бѣготни. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что лѣтомъ значительная часть семинаристовъ отправлялась на каникулы по образу пѣшаго хожденія. И это было очень веселое путешествіе. Шли цѣлыми группами; пѣсни, рѣзвость, масса впечатлѣній. Багажъ былъ самый незначительный: „omnia mea mecum portо“—въ самомъ полномъ смыслѣ слова. Маленькая котомка съ парой бѣлья, сапоги (предпочиталось идти босикомъ—легче да и сапоги не изобьются), да палка, вотъ и все, что бралось съ собою. Отдыхъ—гдѣ-нибудь у ручья или на берегу рѣки. Можно закусить взятымъ съ собою кускомъ хлѣба и запить закуску водою изъ ручья. Можно выкупаться, порѣзвиться на бархатной зеленой лужайкѣ, можно половить рыбъ или раковъ, побросать камней въ рѣку—какое разнообразіе удовольствій для непривыкшихъ къ болѣе изысканнымъ удовольствіямъ малышей. Иногда отдыхъ устраивался и въ деревняхъ, въ эту пору по случаю страдной поры, почти пустыхъ. А тутъ, смотришь, какая-нибудь сердобольная старушка-крестьянка, у которой спросятъ малыши, не продаетъ ли она хлѣба, вынесетъ и кувшинъ квасу, и крынку молока и угоститъ малышей. Ночлегъ, большею частью, устраивался у родныхъ или знакомыхъ изъ духовенства или родителей одного изъ путниковъ, путешествіе котораго окончилось. Такъ бредутъ ученики дня по 2—5, съ ранняго утра (по холодку легче идти) до поздней ночи, пока добредутъ

до родныхъ селъ. Сначала идутъ бойко, но потомъ прыть соскакиваетъ, и спишь, какъ убитый, когда доберешься до ночлега. Я дважды шелъ пѣшкомъ на лѣтнія каникулы. Одинъ разъ, въ 1866 году, мнѣ не хотѣлось подождать 2—3 дня, пока мой старшій братъ окончитъ экзамены, когда за нимъ отецъ долженъ былъ выслать работника съ лошадью, а другой разъ—передъ Пасхой, когда я, по случаю распутицы, не предполагалъ, что за мною будетъ выслана подвода. Въ первый разъ я въ 2 дня прошелъ около 90 верстъ въ компаніи съ 2—3 мальчиками. Съ непривычки дѣлать большія путешествія пѣшкомъ я на второй день страшно усталъ,—усталъ до такой степени, что, добравшись поздно ночью до сада своихъ родителей и сѣвъ отдохнуть, пока мои товарищи прятали свои папиросы въ плетнѣ сосѣдняго огорода, я не въ состояніи былъ добраться до дома родителей и ночевалъ въ саду, къ тому же, пришлось бы, пожалуй, долго стучаться, пока родные мои, утомленные лѣтнею работою, проснутся. Въ другой разъ, кажется, въ слѣдующемъ году, на 6 недѣлѣ Великаго поста, я съ товарищами прошелъ только 35 верстъ, такъ какъ дорогою мы встрѣтили посланныхъ за нами верховыхъ лошадей, на которыхъ мы и продолжали дальнѣйшій путь. Сначала мы рады были лошадямъ, да еще верховымъ,—такъ пріятно было погарцовать хотя не на очень лихихъ коняхъ. Но стоявшая раньше хорошая погода вдругъ испортилась: подулъ сильный вѣтеръ съ гололедицею, и наше легкое платье, очень подходящее къ пѣшему хожденію, стало продувать насквозь; неприспособленные къ верховой ѣздѣ штанишки полѣзли наверхъ; ѣхать верхомъ безъ сѣделъ и стремянъ стало больно, и мы поневолѣ частенько-таки стали соскакивать съ лошадей, чтобы согрѣться и поразмять ноги. Къ довершенію всего, присланная для меня отцомъ лошадь оказалась довольно толстою (припомните, какъ Лука въ поэмѣ Некрасова „Кому на Руси жить хорошо“ характеризуетъ поповскую лошадь); сидѣть на ней верхомъ можно было, только широко разставивъ ноги. Результатомъ этого было то, что, проѣхавъ 45 верстъ, я почти всю страстную недѣлю едва могъ ходить отъ боли въ ногахъ.

Хорошо помню еще одно, уже зимнее мое путешествіе на родину. Въ началѣ декабря 1869 года начальство мое, получивъ телеграмму объ опасной болѣзни моего отца, разрѣшило мнѣ уѣхать домой на рождественскія каникулы тремя недѣлями раньше обыкновеннаго. Лошадей за мною прислано не было. Побѣгалъ я по постоялымъ дворамъ, чтобы найти какого-либо обратнаго извозчика, который бы согласился довезти меня до дому, — никого не было. Ѣхать на почтовыхъ было дорого. На мое счастье на ба-

зарѣ нашелся одинъ крестьянинъ-угольщикъ, изъ села Паганки, гдѣ жилъ мой дядя—священникъ, и гдѣ я могъ уже получить подводу. Угольщикъ, распродавъ свой товаръ, возвращался съ пустыми санями, по бортамъ которыхъ была укрѣплена большая плетеная корзина для углей, и охотно согласился подвезти меня до с. Паганки за нѣсколько копеекъ. И вотъ, въ корзинѣ отъ углей я тронулся въ путь. Правда, черезъ нѣсколько часовъ угольная пыль отъ корзины превратила меня въ трубочиста, но подъ защитою короба, въ которомъ я устроился, я не боялся холода и вѣтра. И только къ вечеру, когда морозъ усилился, намъ пришлось заѣхать на постоялый дворъ какъ для отдыха, такъ и для подогрѣванія. Мой возница, видя, что я порядочно-таки промерзъ, угостилъ меня стаканчикомъ сивухи, который я опорожнилъ тогда съ величайшимъ наслажденіемъ, хотя не любилъ водки. На другой день рано утромъ дядя отправилъ меня на своихъ лошадяхъ домой, снабдивъ теплымъ платьемъ, и я благополучно достигъ дома. Отца моего я нашелъ тяжело больнымъ, а чрезъ нѣсколько дней я похоронилъ его, оставшись круглымъ сиротою и обладателемъ капитала въ 600 руб., который отецъ мнѣ оставилъ для окончанія образованія.

XXV. Занятія на каникулахъ.

Послѣ этого небольшого отступленія „по личному вопросу“, какъ теперь принято выражаться, продолжаю свои воспоминанія, насколько они характеризуютъ тогдашній бытъ семинаристовъ. Продолжаю о каникулахъ. Конечно, самыя интересныя каникулы были лѣтнія — съ половины іюня до 1 сентября. Семинаристы и малыши, и подростки охотно помогали своимъ родителямъ въ сельско-хозяйственныхъ работахъ страдной поры: возили съ полей и луговъ хлѣбъ и сѣно, помогали молотить хлѣбъ, ѣздили въ городъ продавать сельско-хозяйственные продукты (огурцы, яйца, хлѣбъ, медъ). По ночамъ съ крестьянскими парнями они въ полѣ стерегутъ лошадей (ночное). Словомъ, почти всѣ деревенскіе семинаристы заняты все лѣтнее каникулярное время. Совсѣмъ другое—масленица, святки и Пасха. Въ это время, какъ извѣстно, сельскохозяйственная дѣятельность въ деревнѣ затихаетъ. Но тутъ для учениковъ духовной школы дома начинается другая работа. Въ это время, а особенно на первой недѣлѣ Великаго поста, на страстной и пасхальной недѣлѣ церковныя службы идутъ почти безпрерывно. У насъ строго наблюдалось, чтобы на первой и

страстной ученики „говѣли“, т. е. исповѣдывались и причащались Св. Таинъ. Говѣніе было не на словахъ только. Великимъ постомъ у насъ въ родительскомъ домѣ не ѣли не только мяса и молока, но даже и рыбы (кромѣ Благовѣщенія и Вербнаго воскресенья, когда разрѣшалась рыба, а въ Лазареву субботу разрѣшалась икра). На первой и страстной недѣляхъ у насъ не ѣли даже постнаго масла, а въ пятницу на страстной ничего не ѣли „до звѣзды“, т. е. до 6—7 часовъ вечера. Посѣщеніе богослуженія въ этой недѣлѣ было обязательнымъ. Здѣсь ученики духовныхъ школъ являлись помощниками своимъ отцамъ. Кто разводилъ и подавалъ кадило, кто носилъ подсвѣчники, кто читалъ и пѣлъ на клиросѣ, кто писалъ по просьбѣ прихожанъ, на просфорахъ имена лицъ, поминаемыхъ „за здравіе“ и „за упокой“,— дѣла всѣмъ было достаточно. А дома приходилось помогать отцу въ перепискѣ набѣло метрикъ, обыскныхъ и исповѣдныхъ книгъ, отчетовъ о состояніи церковной кассы и клировыхъ вѣдомостей. На Пасхѣ на обязанностяхъ дѣтей духовенства было принимать отъ отцовъ и складывать въ приготовленныя посудины красныя яйца, которыми каждый изъ прихожанъ христосовался на первый день Пасхи съ причтомъ. Припоминаю по этому поводу бывшій у насъ въ церкви курьезный случай. Когда на пасхальную утреню работникъ батюшки, получивъ отъ послѣдняго собранныя имъ яйца, понесъ ихъ въ алтарь, чтобы положить ихъ въ посуду, у батюшки уже опять набралось достаточное количество яицъ, и онъ позвалъ работника — принять отъ него яйца. Работникъ, имѣвшій въ это время въ рукахъ кадку съ яйцами, поспѣшилъ на зовъ батюшки и, ничто же сумняшеся, прошелъ съ кадкою чрезъ царскія двери къ великому негодованію причта и соблазну прихожанъ.

В. К.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Ѳеодоръ Густавовичъ

Тернеръ

Монголо-Сычуаньская экспедиція Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, подъ начальствомъ подполковника П. К. Козлова, 1907—1909 г.г.

Еще шагъ успѣха въ дѣлѣ изслѣдованія Центральной Азіи: долго пропадавшая столица Тангутскаго царства Си-ся, наконецъ, открылась для науки...

Недавно исполненное мною двухлѣтнее путешествіе въ Центральной Азіи есть прямое продолженіе географическихъ изслѣдованій незабвеннаго Пржевальскаго, отправившагося во главѣ первой экспедиціи въ эту страну въ 1870 году. Въ теченіе почти сорокалѣтняго истекшаго періода совершено восемь экспедицій; первыя четыре самимъ Н. М. Пржевальскимъ, остальныя его послѣдователями Пѣвцовымъ, Роборовскимъ и мною. На мою долю выпало двѣ отвѣтственныхъ экспедиціи; всѣхъ же путешествій мною исполнено пять. Послѣдняя экспедиція Пржевальскаго была моею первой, и нынѣ истекло ровно четверть вѣка съ тѣхъ поръ, какъ я впервые взялъ въ руки посохъ странника...

Задача Монголо-сычуаньской экспедиціи состояла, во-первыхъ, въ изслѣдованіи Средней и Южной Монголіи, во-вторыхъ, въ дополнительномъ изученіи Кукунорской области съ оз. Куку-норомъ включительно и, въ третьихъ, въ сборахъ естественно-историческихъ богатствъ сѣверо-западной Сычуани.

Въ составъ экспедиціи вошли, кромѣ меня, въ качествѣ моихъ ближайшихъ сотрудниковъ: геологъ Московскаго университета А. А. Черновъ, корпуса военныхъ топографовъ капитанъ Напалковъ и собиратель растеній и насѣкомыхъ С. С. Четыркинъ. Конвой экспедиціи составили десять нижнихъ чиновъ — четыре московскихъ гренадера и шесть забайкальскихъ казаковъ; одинъ изъ первыхъ, ветеранъ Ивановъ, а изъ казаковъ препараторъ Телешовъ, еще раздѣлявшіе труды съ Н. М. Пржевальскимъ. Изъ прочихъ гренадеръ нашелся толковый наблюдатель метеорологической станціи, изъ среды же забайкальцевъ вышли довольно сносные переводчики китайскаго и монгольскаго языковъ.

Средства на экспедицію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 30.000 рублей, были дарованы Государемъ Императоромъ.

Десятаго ноября 1907 года экспедиція, съ наличными членами, оставила Москву. Никогда мнѣ не забыть послѣднихъ минутъ пребыванія на Курскомъ вокзалѣ и лицъ дорогихъ соотечественниковъ, сказавшихъ: „до свиданія на два года“. Подъ звуки Екатеринославскаго марша поѣздъ плавно отошелъ отъ перона; родной кружокъ остался въ отдаленіи, колеса загрохотали, звуки оркестра замерли. Поѣздъ врѣзался въ ночную тьму и пошелъ обычнымъ ходомъ.

Впереди два года новой жизни полной невзгодъ, лишеній, но и полной заманчивой новизны.

Незамѣтно прокатили равнинную Россію, еще незамѣтнѣе промелькнулъ красивый Уралъ, а за нимъ степная или лѣсистая Сибирь... А вотъ и столица Сибири—Иркутскъ, резиденція генералъ-губернатора. Съ чувствомъ глубокой признательности вспоминаю я семью А. Н. Селиванова и представителей отдѣла Географическаго Общества, напутствовавшихъ меня въ далекую дорогу. Вѣчно холодная и вѣчно прозрачная стремительная Ангара еще не думала о ледяномъ покровѣ, равно и ея суровый отецъ Байкалъ, грозно ударявшій о скалистые берега могучими волнами. Ночной мракъ и безконечные байкальскіе тоннели усиливали своеобразность впечатлѣнія.

Въ Верхнеудинскѣ я съ А. А. Черновымъ пересѣлъ на лихую тройку и скоро докатилъ до границы отечественныхъ владѣній—городка Кяхты. Здѣсь прожили три недѣли слишкомъ въ неустанныхъ хлопотахъ, прежде нежели экспедиція приготовилась въ дорогу. Гостепріимные соотечественники встрѣтили и проводили насъ

самымъ дружественнымъ образомъ. Воспоминаніе о нихъ всегда вызываетъ во мнѣ чувство сердечной благодарности.

28 декабря (1907 г.) верблюжій караванъ гигантской змѣей растянулся вдоль главной улицы Кяхты, а черезъ четверть часа уже переступилъ родной порогъ и ходко зашагалъ по китайской территоріи. Мое сердце переполнилось великой радостью. Не вѣрилось, что началось настоящее путешествіе. Чувствовалъ ли духъ моего великаго учителя, что въ такую торжественную минуту я призывалъ его благословеніе!

„За Кяхтой тотчасъ начинается Монголія, сначала степная, далѣе горная, съ болѣе или менѣе массивными хребтами, еще богатыми растительнымъ и животнымъ міромъ. А тамъ и Урга, монгольская Лхаса, за которой физіономія монгольской природы рѣзко измѣняется, горный рельефъ сглаживается, растительный покровъ бѣднѣетъ, населеніе рѣдѣетъ, въ особенности южнѣе горъ, составляющихъ восточное продолженіе Монгольскаго или Гобійскаго Алтая. Здѣсь уже настоящая пустыня — Гоби, развертывающаяся то въ видѣ гладкой песчано-каменистой скатерти, то въ видѣ складокъ мягкихъ или скалистыхъ холмовъ, по вершинамъ которыхъ, въ вечерніе часы, картинно играютъ отблески заката... Наконецъ, Южная Монголія, почти цѣликомъ представляющая собою море сыпучихъ песковъ, по большей части, грядовыхъ меридіональныхъ барханов, нерѣдко поднимающихся въ высоту до сотни и болѣе футовъ“.

„Коренное населеніе Монголіи, монголы, также видоизмѣнено, съ одной стороны физическими условіями природы, съ другой — большимъ или меньшимъ воздѣйствіемъ своихъ родовыхъ князей или китайцевъ. Въ сѣверной Монголіи путешественникъ наблюдаетъ номадовъ, еще гордящихся своими традиціонными удалью, молодечествомъ, щегольствомъ пестрыхъ нарядовъ, бойкими иноходцами, ихъ убранствомъ, своею ловкостью ѣзды, лихостью; монголы эти переносятъ мысленно къ временамъ, давно минувшимъ, къ тѣмъ временамъ, въ которыя они имѣли собственную исторію. Сохраненію монголами славнаго былого способствуетъ въ значительной степени ургинскій іерархъ — богдо-гэгэнъ и владѣтельные управители хошуновъ — монгольскіе князья, съ которыми китайцы поступаютъ учтиво, стараясь ихъ расположить къ двору богдохана. Монголы центральной части страны значительно уступаютъ своимъ сѣвернымъ сосѣдямъ, но за то, нерѣдко, превосходятъ южныхъ обитателей, все болѣе и болѣе становящихся китайцами и по внѣшности, и по внутреннимъ качествамъ. Этими обитателями

національная жизнь забыта, родовой бытъ у нихъ исчезъ. Въ общемъ, съ нашей точки зрѣнія, бѣдна, незавидна жизненная обстановка монгола, бѣденъ и его внутренній міръ, хотя монголъ отличается отъ сосѣднихъ кочевниковъ тѣмъ, что достигъ сравнительно болѣе высокаго умственнаго развитія, имѣетъ собственныя письмена, печатные законы, изучаетъ тибетскую грамоту, всецѣло преданъ вопросамъ религіи, словомъ, приблизился къ понятію о культурѣ, а все-таки номадъ представляетъ собою, по европейскимъ понятіямъ, низшую, уже отживающую стадію общечеловѣческаго развитія".

...Подвечеръ, одиннадцатаго марта, 1908 года, когда караванъ Монголо-сычуаньской экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества особенно успѣшно шагалъ по слегка наклоненной къ Сого-нору центрально-монгольской равнинѣ, мы съ удовольствіемъ вперяли свой взоръ въ серебристую полосу ближайшей къ намъ береговой полосы указаннаго озера. При догоравшихъ лучахъ солнца, ярко скользившихъ по лону водъ, въ бинокль, отлично виднѣлись стаи птицъ, темной сѣткой пролетавшихъ надъ открытою частью бассейна. Забывались усталость, голодъ и та пустыня, среди которой мы теперь находились. Какое-то особенно высокое чувство охватывало всю душу вашу, васъ самихъ и неудержимо влекло къ мѣсту, гдѣ жизнь весенней природы била ключемъ... Мы шли до сгущенныхъ сумерекъ и остановились на ночлегъ въ красивомъ виду Сого-нора, все еще ярко выдѣлявшагося среди общаго сѣраго фона окрестностей. Показалось и Боро-обо, сложенное на высокомъ пустынномъ сѣверномъ берегу озера. Тихо спустилась на землю весенняя ночь. Небо зажглось блестящими звѣздами.

На слѣдующій день, нетерпѣніе наше попасть на Сого-норъ еще болѣе увеличилось. Теперь ясно различались на горизонтѣ нѣжно-бѣлыя или серебристыя вереницы пролетавшихъ цапель, лебедей, или обособленно сидящихъ на водѣ, чаекъ и крачекъ. Еще ближе, и мы заслышали голоса птицъ, но самое озеро уже понемногу стало скрываться береговыми увалами. Вотъ, наперерѣзъ нашего пути, быстро пронеслось стадо газелей, испугавшихъ дикихъ ословъ или хулановъ, въ свою очередь, карьеромъ умчавшихся въ сторону пустыни. Съ послѣдней придорожной высоты открылась широкая полоса золотистыхъ прибрежныхъ камышей, среди которыхъ привольно паслись табуны торгоутскихъ лошадей. Нашъ караванъ, вѣроятно, заставилъ обратить на себя вниманіе: къ одному

изъ табуновъ, съ западной стороны, подъѣхало двое вооруженныхъ всадниковъ...

Высокій камышъ, скрытыя въ немъ озерки, темно-голубыя полоньи самого Сого-нора, обиліе пернатыхъ странниковъ, высоко и низко, близко и далеко пролетавшихъ надъ сѣрымъ пыльнымъ горизонтомъ и положительно заглушавшихъ своимъ всевозможнымъ крикомъ ближайшую окрестность—все это вмѣстѣ мнѣ живо напоминало весну, проведенную мною съ экспедиціей Н. М. Пржевальскаго на берегахъ Лобъ-нора. Какъ тогда, такъ и теперь меня поражало то необычайное оживленіе, которое вносилось птичьимъ базаромъ. И тамъ, и здѣсь меня одинаково притягивалъ къ себѣ этотъ базаръ и заставлялъ цѣлыми часами смотрѣть, любоваться на него. Глазамъ не вѣрилось, что по сосѣдству съ вами, въ какихъ-нибудь ста шагахъ, а не рѣдко и гораздо ближе, беззаботно лежатъ, стоятъ, плаваютъ, рѣзвятся, перелетая съ мѣста на мѣсто, стаи гусей, утокъ, лебедей, баклановъ, турпановъ, цапель, чаекъ и многихъ другихъ. Всѣ эти птицы живутъ, радуются, хлопочутъ для одной и той же цѣли—размноженія. Въ разгаръ перелета, даже ночью, лежа въ палаткѣ лагеря, чувствуешь повышенную энергію пернатыхъ: то съ рѣзкимъ шумомъ крыльевъ быстро проносятся надъ бивуакомъ утки, то съ высоты неба раздаются голоса гусей, журавлей, то, иногда, среди ночной тишины гармонично льются чарующіе звуки музыкальнаго лебедя...

При юго-восточномъ заливѣ Сого-нора было такъ хорошо, такъ дышалось по-весеннему, что мы на время, казалось, совсѣмъ забыли про Хара-хото и незамѣтно провели здѣсь почти четыре дня. Хотѣлось и слѣдовало прожить дольше, но огромность новаго пустыннаго пути къ Алашаню, работы въ Хара-хото и неизвѣстность отношеній Торгоутъ-бэйлэ тянули на Эцзинъ-голъ, въ урочище Торайонца, куда мы и перенеслись бивуакомъ въ два послѣдующихъ перехода, выдержавъ въ дорогѣ, шестнадцатаго марта, сильную бурю, шедшую съ юго-востока пустыни. Окрестность, вдругъ, заволокло густою пылью, омрачившей воздухъ и сократившей горизонтъ до полуверсты. По равнинѣ потянулись длинныя песчаныя полосы, напомнившія нашу поземку. Періодически, встрѣчные порывы бури спирали дыханіе, песокъ слѣпилъ глаза, не давая возможности ступить шагу; не только мелкій песокъ, но даже и крупныя песчаныя зерна высоко взвивались въ воздухъ и до чувствительной боли хлестали въ лицо сидящимъ верхомъ на верблюдѣ. Съ гребней придорожныхъ бархановъ песокъ сдувало массами и видоизмѣняло ихъ второстепенныя очертанія.

Рѣка Эцзинъ-голъ, берущая начало въ снѣговыхъ поляхъ величественнаго Нань-Шаня, стремительно несется къ сѣверу, борясь съ горячимъ дыханіемъ пустыни почти на протяженіи пятисотъ верстъ, прежде нежели окончательно погибнетъ, разлившись въ два бассейна Сого-норъ и Гашунъ-норъ. Въ нижнемъ теченіи, долина этой рѣки обитаема монголами, торгоутами, пришедшими сюда изъ Чжунгаріи, съ Кобукъ-сайря, около 450 лѣтъ тому назадъ, когда еще дѣвственные эцзинголскіе берега были покрыты непроходимыми чащами лѣса, который торгоуты жгли въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ, чтобы образовать свободныя площади для пастбищъ. Эцзинголскіе торгоуты управляются родовымъ княземъ, бэйлэ, имѣющимъ главную ставку въ системѣ западнаго рукава рѣки—Моринъ-гола, отстоявшую верстахъ въ десяти отъ нашего лагеря, на правомъ берегу восточнаго рукава—Мунунгинъ-гола.

Современный бэйлэ наслѣдовалъ не отцу, а старшему брату, говорятъ, скоропостижно умершему не безъ грѣха младшаго брата, честолюбиваго, скупого, жестокаго человѣка, ставшаго такимъ образомъ управителемъ хошуна. Вотъ этотъ-то торгоутъ-бэйлэ и явился теперь къ намъ, чтобы познакомиться съ нами и узнать нашу дальнѣйшую цѣль. Послѣ одного-двухъ свиданій, мы стали пріятелями. Мое желаніе побывать въ Хара-хото [1]) и произвести тамъ раскопки, а затѣмъ изслѣдовать историческій пустынный путь, ведущій въ Алаша-ямынь, со стороны торгоутъ-бэйлэ не встрѣтило затрудненій, наоборотъ, мѣстный управитель оказалъ довольно существенное содѣйствіе. Съ своей стороны, мы одарили князя и его семью подарками, равно сдѣлали подношеніе и мѣстному монастырю, въ рядахъ монаховъ котораго стоитъ и старшій сынъ бэйлэ.

Первый разъ мы отправились въ Хара-хото, сравнительно, налегкѣ, девятнадцатаго марта, и пробыли тамъ около недѣли. Насъ сопровождалъ отличный проводникъ Бата, много разъ бывавшій въ мертвомъ городѣ и не мало слышавшій разсказовъ о немъ изъ устъ

---

[1]) Первыя свѣдѣнія о развалинахъ Хара-хото, подъ названіемъ, впрочемъ, „развалинъ города Эргэ-хара-бурюкъ“, мнѣ были извѣстны изъ труда нашего почтеннаго путешественника Г. Н. Потанина („Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголія“. Томъ I), который на страницѣ 464 этой книги пишетъ:... „Изъ памятниковъ древности (торгоуты) упоминаютъ развалины города Эргэ-хара-бурюкъ, которыя находятся въ одномъ днѣ ѣзды къ востоку отъ Кунделенъ-гола, т. е. отъ самаго восточнаго рукава Едзина; тутъ, говорятъ, виденъ небольшой кэримъ, т. е. стѣны небольшого города, по вокругъ много слѣдовъ домовъ, которые засыпаны пескомъ. Разрывая песокъ, находятъ серебряныя вещи. Въ окрестностяхъ кэрима большіе сыпучіе пески, и воды близко нѣтъ“.

отца и другихъ мѣстныхъ стариковъ. Онъ повелъ насъ кратчайшею дорогою, въ юго-восточномъ направленіи; Хара-хото отстоялъ отъ нашей стоянки въ двадцати верстахъ. Вскорѣ за растительной полосой Мунунгинъ-гола потянулась пустыня частью равнинная, съ оголенными блестящими площадями, частью пересѣченная болѣе или менѣе высокими холмами, поросшими тамарискомъ и саксауломъ. Съ половины пути уже начали попадаться слѣды земледѣльческой или осѣдлой культуры—жернова, признаки оросительныхъ канавъ, черепки глиняной и фарфоровой посуды и проч. Но насъ больше всего занимали глинобитныя постройки, въ особенности субурганы, расположенные по одному, по два, по пяти вдоль дороги, изстари проходящей къ Хара-хото—этому памятнику прошлаго, засыпаемому пескомъ пустыни. За три версты мы пересѣкли древнее сухое русло съ валявшимися по немъ сухими, обточенными временемъ, стволами деревьевъ, нерѣдко засыпанными тѣмъ же пескомъ, точь въ точь какъ я наблюдалъ въ окрестности Лобъ-нора, при пересѣченіи старинныхъ мертвыхъ руслъ Конче-дарьи. Отсюда же или немного раньше показался и самый городъ Хара-хото, надъ сѣверо-западнымъ крѣпостнымъ угломъ котораго возвышался главный субурганъ изъ ряда меньшихъ сосѣднихъ, устроенныхъ также на стѣнѣ и рядомъ со стѣною, внѣ крѣпости. По мѣрѣ приближенія къ городу, черепковъ посуды стало попадаться больше, видъ на городъ заслонился высокими песчаными буграми; но вотъ мы поднялись на террасу, и нашимъ глазамъ представился Хара-хото во всей внѣшней прелести.

Наблюдателя, ѣдущаго съ западной стороны Хара-хото, занимаетъ небольшая постройка, съ куполообразнымъ верхомъ, расположенная въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ юго-западнаго угла крѣпости, напоминающая собою нѣчто въ родѣ мусульманскаго молитвеннаго зданія—мечети. Еще нѣсколько минутъ, и мы вошли во внутрь мертваго города, въ западныя его ворота, устроенныя по діагонали съ другими послѣдними воротами, въ восточной стѣнѣ города. Здѣсь мы встрѣтили квадратный пустырь—сторона квадрата равняется одной трети версты,—пересѣченный высокими и низкими, широкими и узкими развалинами построекъ, поднимающихся надъ массою всевозможнаго мусора, включая сюда и возвышеніе съ черепками глиняной и фарфоровой посуды. Тамъ и самъ стояли субурганы; не менѣе рѣзко выдѣлялись и основанія храмовъ, сложенныя изъ тяжелаго прочнаго кирпича. Невольно мы прониклись чувствомъ предстоящаго интереса, чѣмъ будемъ вознаграждены въ трудахъ своихъ по отношенію къ наблюденіямъ и раскопкамъ всего того, что теперь насъ окружало.

Нашъ лагерь пріютился въ серединѣ крѣпости, подлѣ развалинъ большого, двухъ этажнаго глинобитнаго зданія, къ которому, съ южной стороны, примыкалъ храмъ, разрушенный также до основанія. Не прошло и часа времени съ прихода экспедиціи, какъ внутренность мертвой крѣпости ожила: въ одной сторонѣ копали, въ другой измѣряли и чертили, въ третьей и четвертой сновали по поверхности развалинъ. Набивуакъ прибѣжала пустынная птичка—соечка (Podoces Hendersoni), громко затрещавшая, усѣвшись на вѣтку саксаула; ей нѣжно откликнулся хорошій пѣвецъ пустыни—чеканъ-отшельникъ; гдѣ-то прозвучалъ голосъ песчанки... И здѣсь, на этихъ мертвыхъ развалинахъ, несмотря на безводіе, нѣтъ абсолютнаго отсутствія жизни... Вслѣдствіе того же безводія мы должны были привезти съ собою всѣ наши сосуды, наполненные водою, при чемъ этотъ питьевой продуктъ нужно было беречь въ цѣляхъ пребыванія на развалинахъ, возможно долгій срокъ. Въ интересныхъ занятіяхъ время бѣжало быстро, неуловимо. Полуясный, сѣренькій и обыкновенно вѣтренный день скоро смѣнялся тихою, ясною ночью, налагавшею на развалины суровый, мрачный отпечатокъ. Усталые, мы также скоро засыпали; немногіе изъ насъ съ вечера, впрочемъ, еще развлекались непріятнымъ голосомъ сыча, зловѣще кричавшаго съ вершины главнаго субургана.

Абсолютная высота Хара-хото опредѣлилась въ 2.700 футовъ. Географическія же координаты:—широта 41° 45, 40″,—долгота отъ Гринвича 101° 5, 14.85″.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, проведенныхъ на развалинахъ Хара-хото, экспедиція обогатилась всевозможными предметами: книгами, письменами, бумагами, металлическими и бумажными денежными знаками, женскими украшеніями, кое-чѣмъ изъ домашней утвари и обихода, необходимыми принадлежностями торговцевъ, образцами буддійскаго культа и друг.; переводя въ количественное отношеніе, мы собрали археологическаго матеріала, размѣщеннаго въ десять посылочныхъ пудовыхъ ящиковъ, приготовленныхъ затѣмъ къ отправленію въ географическое общество и академію наукъ. Кромѣ того, пользуясь хорошимъ дружелюбнымъ отношеніемъ къ экспедиціи торгоутъ-бэйлэ, я тотчасъ же отправилъ монгольской почтой въ Ургу и далѣе въ Петербургъ, въ нѣсколькихъ параллельныхъ пакетахъ, извѣстіе о фактическомъ открытіи Хара-хото, найденныхъ коллекціяхъ и приложилъ образцы письма и иконописи для скорѣйшаго изученія и опредѣленія. Насъ сильно занималъ вопросъ, когда существовалъ „Мертвый городъ“, и кто были его обитатели.

По словамъ современныхъ или нынѣ живущихъ торгоутовъ, ихъ

предки нашли развалины Хара-хото въ томъ же видѣ, въ какомъ они представились и намъ, т. е. городъ китайскаго типа, съ высокой глинобитной стѣной, оріентированной по странамъ свѣта, расположенный на острововидной террасѣ, нѣкогда омываемой съ сѣвера и юга водами Эцзинъ-гола. Остатокъ водъ уносился въ восточномъ направленіи въ пустыню, въ солончаково-песчаную котловину Хаданхошу, лежащую на линіи общей съ нынѣшними бассейнами Согоноръ и Гашунъ-норъ, впадины. Мѣсто головы сухого мертваго русла рѣки отмѣчено урочищемъ Ботокъ-беэрекъ. Непосредственно къ городу, къ его восточной стѣнѣ и воротамъ, прилегаютъ развалины значительнаго пригорода, разбитаго на правильныя улицы, подобно тому, какъ это выражено и внутри харахотоскихъ стѣнъ. Послѣднія присыпаны пескомъ сосѣдней пустыни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ настолько обильно, что безъ особеннаго труда можно подняться на ихъ вершину и спуститься—проникнуть внутрь крѣпости или выйти изъ нея. Даже наши неуклюжіе верблюды и тѣ, порою, взбирались на вершину стѣны и по ней свободно расхаживали въ разныя стороны.

Народное преданіе о „Хара-хото“ или „Хара-байшэнъ“, т. е. „Черный городъ“ или „Крѣпостной городъ“ гласитъ слѣдующее:

„Послѣдній владѣтель города Хара-хото батырь [1]) Хара-цзянь-цзюнь, опираясь на непобѣдимое свое войско, намѣревался отнять китайскій престолъ, вслѣдствіе чего китайское правительство принуждено было выслать противъ него значительный военный отрядъ. Цѣлый рядъ битвъ между императорскими войсками и войсками батыря Хара-цзянь-цзюна произошелъ къ востоку отъ Хара-хото, около современныхъ сѣверныхъ алашаньскихъ границъ, въ горахъ Шарцза, и былъ неудачнымъ для послѣдняго. Имѣя перевѣсъ, императорскія войска заставили противника отступить и, наконецъ, укрыться въ послѣднемъ его убѣжищѣ, Хара-байшэнъ, который и обложили кругомъ. Долго ли продолжалась осада крѣпости, неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ крѣпость взята была не сразу. Императорскія войска, не имѣя возможности взять Хара-хото приступомъ, рѣшили лишить осажденный городъ воды, для чего рѣку Эцзинъ-голъ, которая, какъ то и замѣчено выше, въ то время протекала по сторонамъ города, отвели влѣво, на западъ, запрудивъ прежнее русло мѣшками, наполненными пескомъ. И понынѣ тамъ еще сохранилась запруда эта въ видѣ вала, въ которомъ торгоуты еще недавно находили остатки мѣшковъ.

---

[1]) Монгольское названіе—богатырь.

„Лишенные рѣчной воды, осажденные начали рыть колодезь въ сѣверо-западномъ углу крѣпости, но, пройдя углубленіемъ около восьмидесяти чжанъ—чжанъ равенъ нашимъ пяти аршинамъ—воды все-таки не отыскали. Тогда батырь Хара-цзянь-цзюнь рѣшилъ дать противнику послѣднее генеральное сраженіе, но на случай неудачи онъ уже заранѣе использовалъ выкопанный колодезь, скрывъ въ немъ свои богатства, которыхъ, по преданію, было не менѣе восьмидесяти арбъ или телѣгъ, по 20—30 пудовъ груза въ каждой, это одного серебра, не считая другихъ цѣнностей, а потомъ умертвилъ двухъ своихъ женъ, а также сына и дочь, дабы непріятель не надругался... Сдѣлавъ означенныя приготовленія, батырь приказалъ пробить брешь [1]) въ сѣверной стѣнѣ, вблизи того мѣста, гдѣ скрылъ свои богатства. Образованной брешью онъ во главѣ съ войсками устремился на непріятеля. Въ этой рѣшительной схваткѣ Хара-цзянь-цзюнь погибъ и самъ и его до того времени считавшееся „непобѣдимымъ“ войско. Взятый городъ императорскія войска, по обыкновенію, разорили до тла, но скрытыхъ богатствъ не нашли. Говорятъ, что сокровища лежатъ тамъ до сихъ поръ, несмотря на то, что китайцы сосѣднихъ городовъ и мѣстные монголы не разъ пытались овладѣть ими. Неудачи свои въ этомъ предпріятіи они всецѣло приписываютъ заговору, устроенному самимъ Хара-цзянь-цзюнемъ; въ дѣйствительность сильнаго заговора туземцы вѣрятъ въ особенности послѣ того, какъ въ послѣдній разъ искатели клада вмѣсто богатствъ отрыли двухъ большихъ змѣй, ярко блестѣвшихъ красной и зеленой чешуями“...

Послѣ работъ на развалинахъ Хара-хото мы приступили къ изслѣдованію исторической дороги, ведущей въ Алаша-ямынь, отстоявшій отъ низовья Эцзинъ-гола, приблизительно, въ 570 верстахъ въ юго-восточномъ направленіи. Передъ нами опять развернулась монгольская пустыня во всѣхъ своихъ формахъ. Вначалѣ, мы долгое время шли по ханхайскимъ отложеніямъ. На сѣверѣ темнымъ валомъ залегали высоты Эргу-хара, къ югу отлого поднимались мощные сыпучіе барханные, отливавшіе характерной желтизной, пески. Въ серединѣ, въ наиболѣе глубокой части котловины, въ прекрасномъ урочище Гойцзо, мы встрѣтили настоящій оазисъ: достаточное обиліе воды и пышную камышевую заросль. Въ миніатюрѣ повторилась картина Сого-нора. И здѣсь перната странники давали о себѣ знать днемъ и ночью; и здѣсь частые выстрѣлы нашихъ охотниковъ будили дремавшую окрестность. Весеннее

---

[1]) Которая существуетъ и понынѣ.

солнышко чаще и чаще ласкало насъ. Проснулись жуки, мухи; забѣгали ящерицы; поползли противныя змѣи. Кустарники придорожныхъ уваловъ ласкали глазъ свѣтло-розовыми или золотисто-желтыми цвѣтами, подлѣ которыхъ изрѣдка проносились первыя бабочки. Отдаленный юго-восточный горизонтъ синѣлъ грядами горъ, издали сливавшимися въ одну общую массу. Мы шли, сравнительно, скоро, отсчитывая время недѣлями; теперь участники экспедиціи говорили только объ Алаша-ямынѣ, Алашаньскомъ хребтѣ, который еще скрывался туманной или пыльной дымкой.

Въ глубинѣ пустыни мы были пріятно удивлены любезнымъ привѣтствіемъ алаша-цинъ-вана, приславшаго къ намъ навстрѣчу двухъ чиновниковъ съ хлѣбомъ-солью и для оказанія содѣйствія въ дорогѣ. Кстати, подошелъ праздникъ святой пасхи, который, такимъ образомъ, мы проводили съ эцзинголскими и алашаньскими монголами. Передъ завтракомъ мы пропѣли хоромъ извѣстный тропарь „Христосъ Воскресе“... а послѣ—исполнилъ его много разъ граммофонъ. Вечеромъ, до позднихъ часовъ, нашъ лагерь былъ оживленъ подъ впечатлѣніемъ музыки и пѣнія отечественныхъ артистовъ, переносившихъ насъ мысленно на родину. Нѣкоторые изъ туземцевъ оказались большими любителями звуковъ граммофона и не расходились до тѣхъ поръ, пока граммофонъ не смолкнулъ. Алашаньцы, между прочимъ, привезли намъ извѣстіе, что нашъ транспортъ благополучно прибылъ въ Алаша-ямынь и заждался нашего возвращенія.

Семнадцатаго апрѣля, при одномъ изъ пустынныхъ колодцевъ—„Цакэлдэктэ“ или „Ирисъ“ мы выдержали сильный сѣверо-западный снѣжный штормъ, понизившій температуру до—4,8° С и парализовавшій весеннее возрожденіе органической жизни. Какъ впослѣдствіи выяснилось, буря эта губительно пронеслась черезъ оазисъ Дынъ-юань-инъ и западный склонъ Алашаньскихъ горъ, о которыя и разбилась. Нѣжное весеннее убранство оазиса поблекло: сирень отцвѣла въ своемъ зародышѣ; мелкія прилетныя пташки погибли. Прояснившійся было горизонтъ вновь потускнѣлъ отъ тонкой пыли, хотя съ вершины Баинъ-нуру мы уже видѣли силуэтъ Алашаньскаго хребета, а еще черезъ два дня и самый оазисъ Дынъ-юань-инъ, котораго достигли 22-го апрѣля, найдя отличный пріютъ въ хорошемъ домѣ торговой фирмы русскаго кяхтинскаго купечества „Собенниковъ и братья Молчановы“. Представитель этой фирмы Цокто Гармаевичъ Бадмажаповъ, спутникъ моего тибетскаго путешествія, встрѣтилъ насъ самымъ лучшимъ образомъ...

Отдохнувъ немного, мы принялись каждый за свое дѣло. Мои ближайшіе сотрудники, г. г. Черновъ и Напалковъ, раскинули сѣть разъѣздовъ въ области алашаньскихъ горъ и прилежащей къ нимъ съ востока долинѣ Желтой рѣки. Четыркинъ и препараторы экскурсировали въ лучшихъ ущельяхъ Алашаньскаго хребта, пополняя ботаническія и зоологическія коллекціи. Я былъ привязанъ къ главному бивуаку, къ складу, устройствомъ метеорологической станціи, сортировкой и упаковкой харахотоскихъ сборовъ и приведеніемъ въ порядокъ дневниковъ и журналовъ.

Алаша-цинъ-ванъ, для котораго мы имѣли спеціальные подарки, при встрѣчѣ съ нами оказался такимъ же предупредительнымъ и любезнымъ, какъ и прежде. И на этотъ разъ онъ угостилъ насъ отличнымъ обѣдомъ и китайскимъ театральнымъ представленіемъ. И теперь его взрослые сыновья были чуть не ежедневными нашими посѣтителями. Населеніе Дынъ-юань-ина относилось къ намъ также дружелюбно, давая возможность наблюдать и изучать мѣстныя характерныя монгольскія особенности.

„До прихода монголовъ въ Алашань или „Алаша“, какъ говорятъ мѣстные коренные обитатели, извѣстный подъ этимъ названіемъ раіонъ, ограниченный на востокѣ и югѣ культурной полосой китайскаго населенія, на западѣ кочевьями эцзинголскихъ торгоутовъ, на сѣверѣ землею монголовъ Халхи и, наконецъ, на сѣверо-востокѣ кочевьями уротовъ, оставался не заселеннымъ, хотя черезъ него и были проложены дороги по всѣмъ направленіямъ.

„Въ началѣ царствованія второго богдохана царствующей нынѣ въ Китаѣ династіи, въ Илійскомъ краѣ произошли среди олётовъ безпорядки и около тысячи семействъ, во главѣ съ однимъ тайчжи, вынуждены были бѣжать съ Или въ Алаша. Бѣглецы поселились главнымъ образомъ въ горахъ Ябарай, откуда производили лихіе набѣги за Алашаньскій хребетъ, равно къ сѣверу и западу отъ своего главнаго стана. Нападая на осѣдлыхъ китайцевъ, они въ то же время не пропускали ни одного каравана монголовъ или торгоутовъ, направлявшихся въ ту или другую сторону. Подобно могучему пауку, воинственный тайчжи опуталъ пески сѣтью разъѣздовъ и быстро посылалъ подкрѣпленіе въ нужный раіонъ пустыни. Такъ длилось двадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ пришельцы главною массою никогда не разставались съ горами Ябарай. За этотъ промежутокъ времени китайскія власти пытались если не усмирить совершенно, то хотя бы наказать дерзкихъ олётовъ, но попытки ихъ не увѣнчались успѣхомъ. Однако тайчжи и его ближайшій совѣтникъ, извѣстный подъ кличкою „ганцы-нюдутэй-лама“, т. е. „Одноглазый лама“, видѣли, что рано или поздно имъ при-

дется поплатиться за разбой, и чтобы обезпечить себѣ въ будущемъ спокойное владѣніе занятыми землями, рѣшили принести повинную богдохану.

„Во время правленія Китаемъ богдоханомъ Канъ-си, современникомъ Петра Великаго, Одноглазый лама, въ сопровожденіи болѣе или менѣе вліятельныхъ олётовъ, отправились въ Пекинъ и чистосердечно сознались во всѣхъ своихъ проступкахъ, въ грабежахъ и разбояхъ, объяснивъ все это крайнею нуждою, заставившею ихъ искать себѣ пропитаніе этимъ путемъ. Но убѣдившись, что жить такимъ преступнымъ образомъ не хорошо, они явились просить устроить ихъ законнымъ порядкомъ на заселенныхъ алашаньскихъ мѣстахъ. Повинная была принята, проступки прощены.

„Тайчжи былъ награжденъ званіемъ „бэйлэ“ и штатомъ управленія, соотвѣтствующимъ новому его положенію. Монголы бросили грабежи и перешли къ мирному занятію—скотоводству. Богдоханъ избавилъ населеніе „песчаной страны“ отъ всякихъ повинностей и податей. Эти привилегіи стали извѣстны въ окрестностяхъ, и въ хошунъ бэйлэ потянулись монголы отовсюду съ имуществомъ, стадами, и населеніе стало быстро разростаться.

„Во время управленія хошуномъ четвертаго бэйлэ, въ провинціи Гань-су вспыхнуло дунганско-саларское возстаніе, и алашаньскіе монголы должны были, по повелѣнію богдохана, принять дѣятельное участіе въ подавленіи мятежа. Алашаньскій бэйлэ освободилъ Ланчжоу-фу и преградилъ движеніе саларовъ на Куку-норъ устройствомъ крѣпости, извѣстной подъ названіемъ Баръ-хото. Салары были не только задержаны, но и разбиты на голову.

„За этотъ подвигъ алашаньскій бэйлэ былъ пожалованъ княжескимъ титуломъ „цинъ-ванъ“, и тогда же богдоханъ выдалъ за него одну изъ дочерей.

„Отправляя въ Алашань свою дочь, богдоханъ подарилъ цинъ-вану, кромѣ приданаго имуществомъ и людьми манчжурами, еще десять тысячъ ланъ серебра на устройство дворца въ укрѣпленіи Дынъ-юань-инъ и столько же для раздачи монгольскому населенію. Такимъ образомъ китайскую принцессу сопровождалъ огромный поѣздъ, въ составъ котораго вошло сорокъ семействъ манчжуровъ, прежняя прислуга дочери богдохана и цѣлая труппа актеровъ со всѣми принадлежностями для театральныхъ представленій. До этого времени алашаньскіе бэйлэ не имѣли постоянныхъ построекъ и жили въ юртахъ, кочуя съ мѣста на мѣсто со своими стадами.

„Къ прибытію принцессы, укрѣпленіе Дынъ-юань-инъ, что значитъ „отдаленный инъ-фанъ“, было расширено: возвели новую городскую стѣну, внутри построили дворецъ со службами и театраль-

нымъ заломъ и пр. Торговля новаго городка быстро увеличивалась. Но зато, съ тѣхъ поръ, какъ алаша-ваны начали жениться на принцессахъ крови, стали увеличиваться и расходы на содержаніе огромнаго числа прислуги манчжуръ и на прихоти и роскошь при дворѣ вановъ. Населеніе Алаша бѣднѣло и уменьшалось. Въ послѣднее время не только сами ваны, но и всѣ ихъ сыновья вступаютъ въ бракъ съ китайскими принцессами, съ которыми по-прежнему пріѣзжаетъ въ Дынъ-юань-инъ многочисленная прислуга изъ манчжуръ.

„Собственно олётовъ въ Алаша имѣется теперь не болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ, то есть половины общаго населенія, другія же четыре тысячи составляются изъ пришельцевъ—халхасцевъ, торгоутовъ, харчинцевъ и прочихъ монгольскихъ народностей. Въ самомъ Дынъ-юань-инѣ населеніе еще болѣе смѣшанное: оно состоитъ изъ двухсотъ семействъ манчжуровъ, почти столькихъ же (семействъ) китайцевъ, ста пятидесяти (семействъ) монголовъ, кромѣ того человѣкъ ста ламъ и около семидесяти кавалеристовъ, несущихъ службу при княжескомъ дворѣ.

„Если путешественникъ захочетъ видѣть въ восточномъ или южномъ Алаша чистокровнаго монгола-олёта, въ его платьѣ и обстановкѣ, то онъ, едва-ли, удовлетворитъ свое желаніе. Алашаньцы этихъ частей сильно окитаились: и мужчины и даже женщины носятъ китайское платье, въ юртахъ завели китайскую обстановку, ѣдятъ китайскія кушанья изъ китайской посуды, поютъ китайскія пѣсни, а когда нужно, то и говорятъ по-китайски, хотя свой монгольскій языкъ, въ большей или меньшей чистотѣ, еще сохраняютъ, за исключеніемъ настоящихъ китаистовъ, вводящихъ въ разговорную рѣчь не только отдѣльныя слова, но даже и цѣлыя фразы. Особенно отражается китайская цивилизація на богатыхъ и чиновныхъ монголахъ, которые вмѣсто юртъ строятъ себѣ дома китайской архитектуры.

„При дворѣ алаша-вана слышна исключительно китайская рѣчь.

„Въ мѣстахъ наибольшаго соприкосновенія алашаньскихъ монголовъ съ китайцами, кочевой бытъ первыхъ понемногу утрачивается; за счетъ уменьшенія скотоводства эта часть населенія занимается земледѣліемъ и транспортировкой клади.

„Населеніе же болѣе удаленныхъ, глухихъ мѣстъ Алаша все еще старается сохранить монгольскій обликъ, занимаясь по-прежнему только скотоводствомъ. Но и здѣсь мужской элементъ начинаетъ одѣваться въ китайское платье, да и молодыя модницы также не прочь принарядить свои головы въ китайскіе платки, а ноги въ мужскіе китайскіе сапоги, сшитые изъ плиса или ластика; пожилыя

же женщины еще упорно отстаиваютъ свой національный костюмъ, въ особенности безрукавку—цэгэдэкъ, убранство головы и самую прическу.

„Кромѣ этихъ, такъ сказать, наружныхъ признаковъ окитаиванья, алашаньцы и по духу, и по привычкамъ, и по обычаямъ стали почти китайцами. Они переняли отъ китайцевъ ихъ важную осанку, манеру говорить, встрѣчать и провожать гостя со всѣми китайскими церемоніями. Эти монголы уже перестали справлять праздники по-монгольски. Новый годъ празднуется по-китайски. Скачекъ, борьбы и проч. здѣсь нѣтъ, но зато процвѣтаетъ пьянство; городское населеніе пристрастилось къ опіуму и азартнымъ играмъ на деньги. Постоянное общеніе съ китайцами, съ проѣзжими богомольцами и торговцами сдѣлало изъ алашаньцевъ пронырливыхъ, мелочныхъ, жадныхъ и наглыхъ торгашей, превзошедшихъ въ этомъ отношеніи даже китайцевъ [1])“.

Алашаньскій хребетъ, на который монголы смотрятъ съ благоговѣніемъ, вытянутъ въ направленіи близкомъ къ меридіональному и гордо высится надъ сосѣдней равниной. Склоны его очень круты, гребень и ущелья скалисты, каменисты. Вслѣдствіе крутизны склоновъ влага мало задерживается, хотя въ растительномъ и животномъ отношеніяхъ онъ довольно богатъ и напоминаетъ собою уголки восточнаго Нань-шаня. Короче—Алашаньскій хребетъ, несмотря на неумѣлое эксплоатированіе его богатствъ, тѣмъ не менѣе служитъ большимъ подспорьемъ благосостоянію алашаньцевъ. Алашаньцы имъ справедливо гордятся и высшую вершину хребта—Баинъ-сумбуръ почитаютъ за святую. У большого обо, вѣнчающаго эту вершину, ежегодно, лѣтомъ, монголы собираются для отправленія богослуженій и обычныхъ празднествъ.

Два лучшихъ богатыхъ монастыря алашаньскаго хошуна устроены также въ алашаньскихъ горахъ. Одинъ изъ нихъ, Барунъ-хитъ, отстоитъ отъ Дынъ-юань-ина верстахъ въ тридцати, къ юго-востоку, другой, Цзунъ-хитъ, въ такомъ же разстояніи къ сѣверо-востоку. И тотъ, и другой монастыри расположены въ красивыхъ ущельяхъ, окаймленныхъ живописными скатами, по которымъ выступаютъ отвѣсныя скалы, нерѣдко испещренныя мистическими формулами или даже самими божествами буддійскаго пантеона. Обо, часовни, субурганы придаютъ монастырскимъ уголкамъ не мало оригинальной прелести. Цзунъ-хитъ славится строгими правилами, порядкомъ

---

[1]) П. К. Козловъ. „Монголія и Камъ“. Томъ I, часть вторая, страница 674—679.

отправленія службъ, продолжая слѣдовать традиціямъ знаменитаго алашаньскаго ламы Дандаръ-лхарамбо, составившаго лучшую грамматику монгольскаго языка и также переведшаго не мало тибетскихъ книгъ на монгольскій. Барунъ-хитъ гордится памятью о пятомъ Далай-ламѣ, бывшемъ въ этомъ монастырѣ и нашедшемъ здѣсь мѣсто упокоенія. Въ одномъ изъ барунхитскихъ храмовъ стоитъ субурганъ (надгробіе), заключающій въ себѣ священные останки Цаинъ-чжамцо...

Дождь, не перестававшій лить въ теченіе недѣли, задержалъ выступленіе каравана изъ Дынъ-юань-ина до 6-го іюля (1908 г.). Городской шумъ и сутолока смѣнились глубокой тишиной пустыни. Обмытый воздухъ сдѣлался прозрачнымъ и давалъ возможность, съ одной стороны, слѣдить за Алашаньскимъ хребтомъ, его очертаніемъ, съ другой—за широко разстилавшейся къ западу песчаной равниной, скрывавшейся за горизонтомъ. Маршрутъ экспедиціи пересѣкалъ пустыню въ ея кратчайшемъ юго-западномъ направленіи, отрѣзая восточные мысы песковъ, простиравшихся къ волнистымъ высотамъ лѣваго берега Желтой рѣки. Нашъ караванъ состоялъ исключительно изъ верблюдовъ, тридцати головъ, успѣшно шагавшихъ по раскаленной песчаной поверхности.

За песками вскорѣ дорога втягивается въ глинисто-каменистыя высоты или холмы, а затѣмъ и въ горные кряжи,—сѣверные отпрыски Нань-шаня, пересѣкая едва замѣтные слѣды Великой Стѣны у маленькаго захудалаго городишка Са-янъ-цзинъ, извѣстнаго мѣстопребываніемъ таможеннаго китайскаго чиновника.

Здѣсь впервые, послѣ Дынъ-юань-ина, мы напились хорошей воды. Отсюда пошло сплошное земледѣльческое населеніе вплоть до городишка Шара-хото, граничащаго съ переваломъ того же имени, откуда начинается кукунорскій бассейнъ, дающій приволье номадамъ.

Съ каждымъ днемъ движенія по восточному Нань-шаню, воздухъ становился прозрачнѣе, небо синѣе, растительность наряднѣе, зеленѣе... Только оглянувшись назадъ, на сѣверъ, висѣвшая надъ равниной пыльная дымка напоминала о пустынѣ. Съ Чагрынской степи, съ высотъ городка Сун-шан-чена[1]), мы уже любовались мас-

---

[1]) Въ этомъ городѣ пріютился небольшой буддійскій монастырь, во главѣ котораго стоитъ симпатичный гэгэнъ Нан-чжекъ, который, на собственныя средства, устроилъ очень нарядный храмъ. Съ этимъ святителемъ мы очень скоро сошлись, такъ какъ у меня съ нимъ нашлось немало общихъ пріятелей,—старѣйшихъ ламъ наньшаньскихъ монастырей. При разставаніи мы обмѣнялись подарками; гэгэнъ поднесъ мнѣ превосходное металлическое изображеніе Дархэ,—богини.

сивными цѣпями горъ, въ особенности въ юго-западномъ направленіи, гдѣ скрывалась стремительная горная рѣка Тэтунгъ, которая неоднократно была посѣщена незабвеннымъ Н. М. Пржевальскимъ. Тамъ не только среднія, но и окраинныя цѣпи богаты кристаллическими выходами въ видѣ острыхъ вершинъ, пиковъ или мощныхъ скалъ, громоздящихся одна на другую въ живописномъ, чарующемъ глазъ, величіи. Восточнѣе, на нашемъ пути черезъ Пин-фань, скалистыя цѣпи понизились, расплывшись на много второстепенныхъ луговыхъ грядъ, съ верха до низа занятыхъ пашнями китайцевъ. Еще сравнительно недавно здѣсь былъ пустырь, напоминавшій о грозномъ дунганскомъ возстаніи; нынѣ же почти все заполнено населеніемъ: положительно нѣтъ свободнаго необработаннаго клочка, пригоднаго подъ пашни. Колесныя дороги глубоко врѣзаны въ лессовыя толщи и бороздятъ поверхность траншеями, въ которыхъ встрѣчнымъ путникамъ очень трудно, а мѣстами даже невозможно разъѣхаться.

Города или населенные пункты вообще на пути слѣдованія каравана ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ прочихъ городовъ Западнаго Китая, уже хорошо извѣстныхъ изъ описаній прежнихъ путешественниковъ. И здѣсь города обнесены каменными или глинобитными стѣнами, и здѣсь въ городахъ группируются администрація, гарнизоны, торговцы, ремесленники и проч. И здѣсь управленія и базары въ теченіе дней полны народомъ. Можно утвердительно сказать, что китайскіе города, съ давнихъ временъ, созданы и продолжаютъ создаваться по одному шаблону; достаточно видѣть одинъ-другой населенный пунктъ, чтобы правильно судить о прочихъ. Неодинаковы лишь величины городскихъ участковъ и мощность или солидность городскихъ стѣнъ.

Во время нашего прохожденія по Нань-шаню, во второй половинѣ іюля, въ долинахъ, а также въ нижнихъ и среднихъ поясахъ прилежащихъ горныхъ скатовъ приступали къ уборкѣ хлѣбовъ. Поля были оживлены народомъ: на нихъ работали и мужчины, и женщины. Отъ палящихъ лучей солнца селяки укрывались широкими соломенными шляпами. Деревни, какъ и у насъ на родинѣ, оставались на попеченіи старыхъ и малыхъ.

Въ концѣ іюля мѣсяца экспедиція приблизилась къ Синину и расположилась лагеремъ въ восточномъ предмѣстьѣ города, въ небольшой деревушкѣ Цавъ-дя-цзай.

Сининъ—большой областной городъ, съ резиденціей китайскаго сановника Цин-цай'я, вѣдающаго не только номадами Куку-нора, но и номадами отдаленнаго сѣверо-восточнаго Тибета.

Чтобы успѣшнѣе и скорѣе покончить со всѣми занятіями въ Синінѣ, я налегкѣ, съ двумя переводчиками, перебрался въ этотъ городъ, найдя пріютъ въ китайской торговой фирмѣ Цянь-тай-мао, знакомой мнѣ еще по моему минувшему тибетскому путешествію. Въ теченіе трехъ дней, проведенныхъ въ Синінѣ, мнѣ удалось разрѣшить всѣ вопросы въ положительномъ смыслѣ. Синінъ уже за нѣсколько мѣсяцевъ былъ освѣдомленъ о нашей экспедиціи. Китайская администрація встрѣтила меня весьма любезно и изъявила готовность помочь мнѣ въ предстоящемъ посѣщеніи озера Куку-нора; хотя всѣ власти въ одинъ голосъ твердили: „Вы знаете, что времена измѣнились, что многіе тангуты и тибетцы вооружены скорострѣлками, что эти „дикари“ чаще, нежели прежде, собираются разбойничьими шайками, нападаютъ на караваны и немилосердно разграбляютъ ихъ... Пожалуйста, не ходите на Куку-норъ... Тангуты не оставятъ васъ въ покоѣ, произойдутъ непріятности, которыя доставятъ много хлопотъ всѣмъ намъ“. Цин-цай же зашелъ еще дальше. Изъ продолжительной бесѣды со мной онъ узналъ, между прочимъ, что мы собираемся плавать по Куку-нору и что для этой цѣли имѣемъ въ своемъ распоряженіи брезентную складную лодку. Китайскій сановникъ даже подпрыгнулъ въ креслѣ и, повысивъ голосъ, сталъ утверждать, что это безуміе, такъ какъ кукунорская вода особенная,—въ ней не только камень, но и дерево тонетъ. „Поѣдете, сами увидите; къ тому же,—продолжалъ Цинъ-цай,—на островѣ „Хайсинъ-шань“, или въ переводѣ „Морская новая гора“, какъ называютъ китайцы Куйсу, никого теперь нѣтъ; паломники собираются только зимой“. Съ своей стороны я очень благодарилъ почтеннаго сановника за любезную предупредительность, но не могъ не замѣтить ему, что теперь имѣю еще большее намѣреніе посѣтить Куку-норъ, чтобы убѣдиться въ справедливости его необычайнаго свойства — поглощать на дно сухія деревья... Послѣ этого Цинъ-цай сказалъ: „Хорошо, я все сдѣлаю для облегченія вашей поѣздки на Куку-норъ,—напишу хошуннымъ начальникамъ, снабжу васъ конвоемъ, но буду просить васъ выдать мнѣ бумагу, что вы, не взирая на мои предупрежденія и вѣжливые уговоры, тѣмъ не менѣе, идете и отвѣчаете сами лично за всѣ тяжелыя послѣдствія, могущія произойти отъ посѣщенія Куку-нора“.

Знакомый съ подобнаго рода выдачей подписокъ, я и на этотъ разъ удовлетворилъ желаніе строптиваго китайскаго чиновника, который сдержалъ слово по отношенію снабженія экспедиціи переводчикомъ китайско-монголо-тибетскаго языковъ и четырьмя кавалеристами, вскорѣ сдружившимися съ моими гренадерами и казаками.

Что же касается до сообщенія синінскихъ чиновниковъ о

большой смѣлости и предпріимчивости кукунорскихъ и другихъ тангутскихъ разбойниковъ, объ ихъ вооруженіи скорострѣлками, то въ этомъ мы уже имѣли случай сами убѣдиться, наблюдая воочію большіе и малые разъѣзды наньшаньскихъ тангутовъ, за плечами которыхъ красовались нѣмецкія или чаще японскія винтовки. Глядя на дикихъ энергичныхъ номадовъ, лихо проносившихся на рѣзвыхъ коняхъ съ европейскимъ оружіемъ, мыслишь, что не въ далекомъ будущемъ эти вольные сыны степей Куку-нора и Тибета станутъ грозными сосѣдями Китая. Сининскіе китайцы это сознаютъ, какъ сознаютъ и собственное современное безсиліе и непремѣнную потребность въ возможно непродолжительномъ времени обучить и вооружить войска на европейскій ладъ.

Покончивъ съ дѣлами въ Сининѣ, я отправилъ караванъ прямымъ путемъ въ Донгэръ, самъ же, съ однимъ казакомъ, свернулъ къ югу съ цѣлью познакомиться съ большимъ амдоскимъ буддійскимъ монастыремъ, отстоящимъ отъ Синина въ одномъ переходѣ. Гумбумъ словно спрятанъ въ лессовыхъ складкахъ высокихъ холмовъ, непосредственно примыкающихъ къ еще болѣе высокому альпійскому хребту, южное подножіе котораго уже омывается стремительными волнами Желтой рѣки.

Монастырь Гумбумъ былъ основанъ около пятисотъ лѣтъ тому назадъ. Основаніе ему положилъ богдо-гэгэнъ, который затѣмъ совершилъ паломничество въ Тибетъ, въ Лхасу, гдѣ и остался на постоянное пребываніе; основанный же имъ монастырь поступилъ въ вѣдѣніе гэгэна Чжаи (Ачжа), считающаго себя въ наше время въ пятомъ перерожденіи.

Въ 12-ти гумбумскихъ храмахъ, говорятъ, находится шестьдесятъ три гэгэна (перерожденца), вѣдающихъ монастырской братіей въ двѣ слишкомъ тысячи человѣкъ. Наиглавнѣйшихъ храмовъ четыре, которые были спасены отъ дунганскаго разгрома монастырскими силами,—молодыми, фанатичными ламами, отлично сражавшимися, съ оружіемъ въ рукахъ, съ дерзкимъ непріятелемъ.

Древніе, солидные храмы снаружи роскошно блестятъ золочеными кровлями и ганчжурами, внутри же они богато обставлены историческими бурханами лучшаго монгольскаго, тибетскаго и даже индійскаго изготовленія. Особенно пышенъ и чтимъ храмъ „Золотой субурганъ“ (субурганъ—надгробіе), передъ которымъ молящіеся простираются ницъ и движеніемъ своихъ рукъ и ногъ, отъ времени, въ досчатомъ полу паперти сдѣлали большія углубленія, въ которыхъ свободно помѣщаются переднія части ступни съ пальцами и скользятъ руки при земныхъ растяжныхъ поклонахъ. Въ хоро-

шемъ видѣ поддерживается и большой соборный храмъ, вмѣщающій до пяти тысячъ молящихся. При вступленіи на его паперть, меня поразилъ видъ семи основательныхъ плетей, развѣшанныхъ по стѣнѣ, при чемъ наиболѣе основательная изъ нихъ была украшена голубымъ хадакомъ. Эти плети, какъ передавали мнѣ мѣстные обитатели и старѣйшіе изъ ламъ Гумбума, только и поддерживаютъ должный уставный порядокъ монастыря, монашествующей молодежи... Красивъ и богатъ также храмъ, стоящій рядомъ съ восемью бѣлыми субурганами[1]), по преданію построенный на мѣстѣ спрятаннаго въ землю послѣда ребенка, а впослѣдствіи знаменитаго реформатора буддизма Цзонъ-хавы.

Гумбумъ тщательно бережетъ своего рода музейскіе предметы, какъ-то: одѣянія далай-ламы, банчэнъ-эрдэни, Цзонъ-хавы, кромѣ того телѣгу банчэнъ-эрдэни, шапку реформатора и сѣдло богдохана съ трепещущимся у передней луки дракономъ.

Раннимъ утромъ, 6-го августа, я покинулъ Гумбумъ, а вечеромъ уже прибылъ въ Донгэръ, у южной окраины котораго, на островкѣ, омываемомъ рукавами мѣстной рѣчки, бѣлѣли шатры экспедиціи. Караванъ прибылъ сюда лишь наканунѣ моего возвращенія изъ Гумбума.

Такъ какъ начальникъ города Донгэра во-время получилъ оффиціальное увѣдомленіе о нашей экспедиціи, то мы, кромѣ предупредительности и любезности съ его стороны, ничего не видѣли. Участники экспедиціи могли свободно разгуливать по городу, заходить въ любой магазинъ или лавку и вообще чувствовать себя какъ дома. Въ этомъ мѣновомъ городѣ особенно много толпилось на улицахъ кукунорскихъ тангутовъ и тангутокъ; послѣднія заставляли обращать на себя вниманіе пестротой одеждъ и оригиналь-

---

[1]) Исторія основанія восьми субургановъ такова. Однажды въ Гумбумѣ, среди монаховъ, произошли крупные безпорядки, продолжавшіеся довольно долгое время. Мѣстныя и ближайшія власти не въ силахъ были установить порядокъ. Тогда изъ Пекина, по указу богдохана, въ Гумбумъ былъ командированъ принцъ-судья, отличавшійся своимъ рѣшительнымъ нравомъ. Прибывъ на мѣсто, строгій принцъ немедленно приступилъ къ разслѣдованію дѣла, изъ котораго убѣдился, что главными виновниками безпорядковъ являются извѣстные восемь гэгэновъ... Принцъ обратился къ перерожденцамъ съ слѣдующею рѣчью: „вы, гэгэны, все знаете—что было, что есть и, даже, что будетъ; скажите же мнѣ, когда вы должны умереть?“— Испуганные и понявшіе свою тяжелую участь гэгэны отвѣтили: „завтра!“...— „Нѣтъ, рѣшительно произнесъ принцъ, сегодня!“ и велѣлъ тотчасъ отрубить несчастнымъ головы. На мѣстѣ казни гэгэновъ ламы и поставили эти восемь субургановъ или надгробныхъ памятниковъ.

ностью спинныхъ украшеній, въ видѣ двойныхъ—тройныхъ лентъ, богато убранныхъ монетами, раковинами, гау, бирюзой и проч. Еще большее оживленіе вносили тангутскіе всадники, въ карьеръ мчавшіеся по улицѣ въ полномъ вооруженіи. Гордые, надменные степняки ничего и никого не боялись, наоборотъ, скорѣе внушали страхъ и приниженность у мѣстныхъ китайцевъ.

Дождь опять задержалъ наше выступленіе (на Куку-норъ) на нѣсколько лишнихъ дней, до 12-го августа, когда, наконецъ, мы тронулись въ дальнѣйшій путь. На третій день перехода, съ сосѣдней перевалу Шара-хотулъ вершины, экспедиція радостно привѣтствовала мягко-голубую поверхность Куку-нора, убѣгавшую далеко на западъ. На югѣ тѣснились горы, среди которыхъ выдѣлялась каменистая вершина Сэръ-чимъ, посеребренная недавно выпавшимъ снѣгомъ; это—вблизи Куку-нора, вдали же, все въ томъ же полуденномъ направленіи, гордо высилась къ небу еще болѣе величественная цѣпь горъ, отливавшая матовой бѣлизной массивнаго снѣгового покрова. Въ дивно-прозрачномъ воздухѣ стояла торжественная тишина, солнце пригрѣвало ощутительно, по ярко-синему фону неба, тамъ и сямъ, носились царственныя пернатыя: гималайскій грифъ, грифъ-монахъ и бородатый ягнятникъ, который нерѣдко, впрочемъ, пролеталъ вблизи насъ и давалъ любоваться на его гордый полетъ, величину и общую картину природы, которую онъ оживлялъ собою, безъ взмаха крыльевъ скользя по воздуху вдоль горъ...

На слѣдующій день, 15-го августа, экспедиція вступила на самый берегъ альпійскаго бассейна, когда Куку-норъ еще болѣе привѣтливо улыбнулся намъ. Передъ нами развернулась его лазоревая поверхность, слегка колыхавшаяся мягкими волнами, начавшими убаюкивать насъ съ перваго дня монотоннымъ своимъ гуломъ. Въ тихую, ясную погоду Куку-норъ былъ просто обаяленъ. Не озера, а впечатлѣніе моря производилъ на всѣхъ насъ этотъ величественный бассейнъ. Его дѣйствительно грандіозный масштабъ [1]), убѣгающая за горизонтъ поверхность, окраска и соленость воды, глубина, высокія волны и по временамъ могучій прибой скорѣе даютъ понятіе о морѣ, нежели объ озерѣ. Мы, невольно, съ первыхъ до послѣднихъ дней пребыванія здѣсь, величали его моремъ... На устахъ моихъ спутниковъ я только и слышалъ:

---

[1]) Куку-норъ имѣетъ въ окружности около 350-ти верстъ. Его высота надъ моремъ 10.500 футовъ.

„Ой, какъ сегодня разбушевалось море, какъ высока морская изумрудная волна, какъ быстро и грозно несутся по морю серебристые барашки“ и проч.

Купанье въ Куку-норѣ превосходное; мы купались ежедневно по нѣсколько разъ. Легкость держаться на водѣ давала возможность отдаляться отъ берега на порядочное разстояніе, затѣмъ отдаться волѣ волнъ, чтобы вновь приблизиться къ берегу. Прозрачность воды такъ велика, что песчаное дно и плавающія по нему рыбы хорошо видны на значительной глубинѣ.

Но если Куку-норъ красивъ днемъ, то вечеромъ, въ особенности въ пріятную погоду, онъ поистинѣ очарователенъ, какъ былъ очарователенъ въ первый день вступленія экспедиціи на его берегъ. Солнце, совершивъ свой дневной путь, склонилось къ горизонту, отдавая одну часть лучей горамъ, другую же разливая по видимому намъ небосклону, картинно отражавшемуся въ лонѣ водъ. Прозрачное, тонко-перистое облачко, словно золотое кружево, тихо, стройно неслось къ югу. Тамъ, въ горахъ, стояла полная тишина, успокоившая и Куку-норъ; онъ уже не бушевалъ, не стучалъ грозно о берегъ, а лишь только тихо шептался съ нимъ...

На слѣдующій затѣмъ день, чуть забрежжила на востокѣ заря, нашъ лагерь пробудился. Сэръ-чимъ еще спалъ, на немъ въ видѣ покрывала лежала слоисто-кучевая тучка, вытянувшаяся вдоль гребня. Со стороны озера гоготали гуси, кричали и свистѣли на разные лады кулики, издавали клёкотъ орланы; на мокрыхъ лугахъ проснулись большіе жаворонки и начали съ пѣсней подниматься въ высь. Караванъ уже шагалъ по мягкой проторенной дорогѣ. Блеснули лучи дневного свѣтила по Сэръ-чиму; тучка, небесная странница, поднялась вверхъ и растаяла... Черезъ часъ пронесся первый рѣзкій порывъ вѣтра, вскорѣ второй и третій: Куку-норъ нахмурилъ брови...

Мы слѣдовали южнымъ берегомъ; навстрѣчу то и дѣло попадались тангутскіе караваны изъ яковъ; номады перекочевывали съ одного края долины на другой, съ западнаго на восточный, гдѣ стояли нетронутыми богатыя степныя пастбища. Показался, наконецъ, и центръ нашего притяженія — островъ Куйсу. Съ лугового откоса берега, гдѣ теперь проходилъ нашъ караванъ, открывалось еще большее пространство лазоревой и темно-голубой поверхности, по-прежнему скрывавшейся за горизонтъ. Куйсу, словно гигантскій военный корабль, выступалъ изъ синихъ волнъ Куку-нора и манилъ къ себѣ своей неизвѣстностью.

Слѣдуетъ замѣтить вообще, что Куку-норъ изъ года въ годъ усыхаетъ, уровень его понижается, береговая линія сокращается.

Наблюдательные туземцы, въ особенности прежніе обитатели Куку-нора,—монголы,—передаютъ, что Куйсу растетъ, что во времена давно прошедшія, какъ говорятъ старики, этотъ островъ былъ едва замѣтенъ, теперь же онъ представляется порядочной горкой.

17-го августа караванъ экспедиціи расположился лагеремъ въ ближайшемъ, со стороны южнаго берега къ Куйсу, урочищѣ Урто, гдѣ простоялъ около трехъ недѣль, пользуясь просторомъ и привольемъ кочевниковъ, отстоявшихъ отъ насъ верстъ на пять. Общая картина стоянки на Куку-норѣ такова; къ сѣверу, въ $^3/_4$ версты, залегаетъ самый Куку-норъ; къ югу, въ шести верстахъ, тянутся горы, — западное крыло Сэръ-чима. Отъ горъ стремится рѣчка, пересѣкающая слегка покатую къ озеру долину и образующая вблизи берегового предпослѣдняго къ Куку-нору вала второстепенный, или частный, замкнутый озеровидный бассейнъ, до двухъ верстъ въ окружности. На этой самой рѣчкѣ, на возвышеніи третьяго берегового вала, сливающагося съ материковой равниной, мы и имѣли свой лагерь, откуда открывался широкій видъ во всѣ стороны. Быстрая, прозрачная рѣченка оживляла нашъ бивакъ, капризно его опоясывая съ трехъ сторонъ. На рѣчку, а еще больше на сосѣднее озерко, постоянно прилетали гуси, утки, турпаны; по песчаному берегу самаго озера, большими или меньшими обществами, усаживались бакланы, чайки и одиночками, въ видѣ темныхъ точекъ, орланы.

Больше всего мнѣ нравились серебристо-бѣлыя чаечки, молча или съ своимъ оригинальнымъ крикомъ пролетавшія или парившія надъ озеромъ... Любуясь ими, прислушиваясь къ ихъ знакомымъ голосамъ, мысль частенько уносилась на берега родныхъ озеръ, гдѣ тѣ же самые виды такъ же свободно проносятся вдоль рѣкъ и озеръ и такъ же свободно красиво рѣятъ на солнцѣ...

Съ приходомъ на Куку-норъ, мы достали изъ вьюковъ свою складную брезентную лодку и, бережно собравъ ее, начали производить пробное плаваніе, отдаляясь отъ берега до пяти верстъ и болѣе [1]). Плаваніе производилось во всякую погоду: въ бурное и въ тихое состояніе Куку-нора. Въ общемъ пробныя плаванія по Куку-нору дали удовлетворительный результатъ. Лодка качалась

---

[1]) Глубина Куку-нора у берега почти саженная; далѣе, постепенно увеличивается: черезъ версту уже простирается на пятнадцать метровъ, а черезъ пять-шесть верстъ отъ берега глубина возрастаетъ до 20—25 метровъ.

на волнахъ словно поплавокъ, слушалась веселъ и довольно ходко подвигалась въ желаемомъ направленіи; это — ея положительныя качества; къ отрицательнымъ же, въ частности, можно было отнести слѣдующія: непрочность веселъ, которыя въ мѣстѣ уключинъ съ первыхъ дней плаванія начали мочалиться, сами уключины сидѣли неустойчиво, борты широко расходились, отъ чего высокая волна постоянно захлестывала на дно лодки; словомъ, пришлось порядочно поработать, прежде нежели наше суденышко стало внушать къ себѣ хоть маленькое довѣріе, при мысли о попыткѣ сплавать на Куйсу... Деревянный ромбовидный поясъ, положенный по бортамъ, основательно скрѣпилъ всю лодку и крѣпко зажалъ уключины; весла же были снабжены кожаными накладками.

Испытывая лодку, надо было позаботиться о продовольственномъ снаряженіи, — ѣдѣ и питьѣ, — о приспособленіи измѣрительныхъ и другихъ инструментовъ, а также выяснить вопросъ о составѣ участниковъ плаванія. Точкой отправленія должно было служить безымянное урочище, отстоящее отъ нашего Уртоскаго лагеря въ 7-ми верстахъ къ западу и 4-хъ верстахъ отъ берегового „обо“, служащаго указателемъ пути для паломниковъ-номадовъ, имѣющихъ сообщеніе съ Куйсу зимой, по льду.

Такимъ образомъ, среди интересныхъ занятій, незамѣтно промелькнула первая недѣля пребыванія на Куку-норѣ. Мы неустанно, по-прежнему, заняты были этимъ оригинальнымъ бассейномъ, слѣдя ежедневно за состояніемъ его поверхности, которая не всегда и не вездѣ бывала одинаковой. Такъ, напримѣръ, юго-восточный заливъ Куку-нора тихъ, спокоенъ, отливаетъ прелестнымъ лазурнымъ оттѣнкомъ небесъ, тогда какъ сѣверный районъ озера уже порядкомъ колышется изумрудными волнами; въ то же самое время съ сѣверо-запада бѣгутъ темные высокіе валы, украшенные барашками. Изъ тихаго въ бурное состояніе Куку-норъ переходитъ сравнительно очень скоро и, наоборотъ, долгое время не успокаивается послѣ болѣе или менѣе серьезнаго шторма.

Тихъ ли, взволнованъ ли Куку-норъ, всегда онъ величественно прекрасенъ. Часами я просиживалъ на его берегу, или далеко уходилъ вверхъ или внизъ отъ бивака, никогда не уставая смотрѣть на его безконечный водный горизонтъ, какъ одинаково не уставалъ и слушать его монотонный прибой, напоминавшій мнѣ берегъ Крыма.

Въ первую очередь плаванія на Куйсу я назначилъ самого себя. Все было приготовлено къ вечеру. 28-го августа я съ урядникомъ Полютовымъ перекочевалъ къ точкѣ отправленія. Куку-норъ успокаивался, солнце скрылось за чистый, прозрачный гори-

зонтъ [1]); барометръ стоялъ хорошо. Сумерки легли на землю. Едва потухла солнечная заря на западѣ, какъ на востокѣ всплыла луна, чудно озарившая всю видимую поверхность Куку-нора. Досадовалъ я на себя, что не приготовился къ отплытію на Куйсу днемъ раньше, чтобы воспользоваться сегодняшнимъ состояніемъ погоды.

Вдоволь нагулявшись по берегу и насладившись лаской природы, я отправился въ палатку, чтобы уснуть... Море также дремало; абсолютной тишины воздуха ничто не нарушало. Моряки, можетъ быть, справедливо не любятъ подобнаго затишья, замѣчая, что оно часто бываетъ зловѣще... Въ два часа ночи меня разбудилъ Куку-норъ, со страшною силою ударявшій о берегъ тяжелыми волнами... Къ разсвѣту, ко времени нашего предполагавшагося отплытія, онъ разсвирѣпѣлъ еще больше. Пришлось смириться и ждать у моря погоды. Къ полдню начало было стихать, и мы нѣсколько разъ пытались отчалить отъ берега, напрасно—девятый или двѣнадцатый валъ сердито отбрасывалъ насъ обратно къ берегу.

Возвратившись на главный бивуакъ, я предложилъ моимъ сотрудникамъ г.г. Чернову и Четыркину перебраться къ точкѣ отправленія и терпѣливо выжидать лучшаго состоянія Куку-нора. Они были счастливѣе меня; уѣхавъ въ безымянное урочище 30-го августа, на слѣдующій день, въ 1 ч., мои товарищи оставили берегъ, съ мыслью, если поверхность озера не успокоится, прослѣдовать хотя бы до половиннаго разстоянія. Однако, по мѣрѣ удаленія отъ берега, погода стала улучшаться, вѣтеръ окончательно стихъ, волны понизились. Обрадованные этимъ обстоятельствомъ, мои сотрудники поплыли смѣлѣе, съ большей надеждой на осуществленіе предпріятія. Прошло пять часовъ непрерывной тяжелой работы съ веслами; большая половина разстоянія, отдѣлявшаго берегъ отъ острова, осталась позади, хотя самый островъ ничуть не выдѣлялся крупностью очертаній. Товарищи сильнѣе налегли на весла; еще прошелъ томительный часъ, а островъ по-прежнему, для глазъ, отстоялъ далеко; желаніе во что бы то ни стало добраться до Куйсу подняло было энергію и повысило силы. Между тѣмъ, совершенно незамѣтнымъ образомъ спустились на воду сумерки, поднялся вѣтеръ, быстро разведшій сильное волненіе. Съ каждыми послѣдующими десятью минутами становилось темнѣе и темнѣе; островъ уже давно

---

[1]) Облаковъ вообще не было, за исключеніемъ сѣверной части неба, гдѣ они сбились въ небольшую, сѣрую, тучеобразную массу, сливавшуюся съ поверхностью Куку-нора.

исчезъ изъ наблюденій. Высокая волна то и дѣло обдавала студеной струей, заливая дно лодки. Товарищи надѣялись исключительно на собственныя силы, но запасъ ихъ понемногу началъ истощаться; работая веслами, борясь въ темнотѣ съ пѣнистыми валами, они подбадривали другъ друга предположеніемъ о близости острова. Еще томительные полчаса, еще четверть часа, еще пять минутъ... и вдругъ, словно темное чудовище, всталъ Куйсу. Наши путники счастливо очутились у мягкаго, доступнаго для лодки берега; справа и слѣва возвышались скалы... Можно представить себѣ, съ какою радостью мои сотрудники вступили на землю Куйсу... Въ избыткѣ пріятныхъ чувствъ товарищи поздравили другъ друга съ успѣхомъ. Тѣмъ временемъ облака порѣдѣли, выкатилась луна; Куйсу, его южный скатъ, предсталъ во всей красѣ. Усталость, голодъ и холодъ (отъ мокрыхъ одеждъ) на время были позабыты.

Всего мои сотрудники пробыли на водѣ, не разставаясь съ веслами, семь съ четвертью часовъ, въ теченіе которыхъ проплыли около тридцати верстъ. Лодка значительно намокла и, будучи, при томъ наполнена на треть водою, представляла такую тяжесть, съ которой усталые товарищи не могли справиться, не могли вытащить лодку на берегъ, прежде нежели не освободили ее отъ общаго груза. Только тогда они вташили ее на берегъ, опрокинули, сдѣлавъ себѣ нѣчто въ родѣ навѣса, подъ который и спрятались. Подкрѣпившись затѣмъ коньякомъ, яйцами и чаемъ, мои сотрудники думали уснуть, но не тутъ-то было; ихъ мокрые костюмы не давали имъ покоя; товарищи почувствовали сильный ознобъ, признакъ лихорадки, и не долго думая, пошли бродить по острову въ направленіи къ обо и кумирнѣ, расположеніе которыхъ имъ было хорошо извѣстно еще до прибытія на Куйсу изъ многочисленныхъ наблюденій въ бинокль или астрономическую трубу съ берега. По дорогѣ къ обо мои сотрудники наткнулись на лошадь, тревожно заржавшую и быстро отскочившую въ сторону. Это открытіе навело ихъ на пріятную мысль о присутствіи людей. Осмотрѣвъ обо и кумирню, товарищи вернулись было къ лодкѣ, но вскорѣ вновь пошли гулять по острову; на этотъ разъ въ другую сторону, вдоль берега, когда попали на жилье человѣка, обставленное оградой, откуда на нашихъ путниковъ смотрѣло съ любопытствомъ стадо козъ и барановъ. Боясь испугать кого-нибудь, товарищи послѣдовали дальше, вскорѣ найдя маленькую свободную пещерку, съ запасомъ топлива (аргалъ). Здѣсь, какъ Робинзоны, добыли огня, устроили костеръ, согрѣлись, обсушились и только въ два часа ночи, согнувшись въ три погибели, могли забыться сномъ.

Утромъ, 1-го сентября, по выходѣ изъ пещеры г.г. Черновъ и

Четыркинъ увидѣли, шагахъ въ полутораста отъ себя, дымъ, тонкой струей поднимавшійся изъ пещернаго жилища. Зайдя къ лодкѣ и захвативъ тамъ хадакъ и подарки, взятые на всякій случай, товарищи отправились съ визитомъ къ невидимому еще отшельнику. Приблизившись къ пещерѣ, они услышали голосъ монаха, отправлявшаго утреннія молитвы: „ом-ма-ни-па-дмэ-хумъ", т. е. „О сокровище лотоса". Чтобы дать понять о своемъ приближеніи и намѣреніи войти, С. С. Четыркинъ громко кашлянулъ, невидимый отшельникъ сталъ энергичнѣе молиться, голосъ его усилился, задрожалъ и сталъ обрываться, когда же товарищи вошли въ пещеру, монахъ былъ въ ужасѣ: вытянулъ физіономію, затрясся, расширилъ зрачки и, показывая на горло пальцемъ, скороговоркой твердилъ: „тэр-занда-тэр-занда",—что значитъ „что дѣлать, что дѣлать". Товарищи, насколько могли, успокаивали отшельника, заметавшагося по жилищу въ цѣляхъ угощенія нежданныхъ, негаданныхъ гостей. Долгое время монахъ не могъ придти въ себя, да, вѣроятно, и не пришелъ бы, если бы товарищи не показали ему лодку, при видѣ которой отшельникъ улыбнулся, просіялъ и далъ себѣ разумный отчетъ, что имѣетъ дѣло съ обыкновенными людьми, а не съ тѣми, которые наполняли его воображеніе...

Знакомство съ остальными двумя отшельниками, обитателями острова, такими же, какъ и первый тангутами-ламами [1]), произошло

---

[1]) Одинъ изъ ламъ считалъ себя выходцемъ изъ Лаврана, второй—изъ Гумбума, третій остался не выясненнымъ.

Весьма интересны нѣкоторыя подробности о монахахъ. А. А. Черновъ говоритъ о нихъ слѣдующее: „Подремавъ немного до восхода солнца, мы пошли къ лодкѣ. Стояла тишина, озеро тихо плескалось. Хребетъ Потанина былъ окутанъ снѣжно-бѣлыми кучевыми облаками, а надъ ними, послѣ голубого промежутка, висѣла еще лента облаковъ. Въ 7 часовъ утра температура воды въ озерѣ была 11,8°, въ воздухѣ было только 6,4°. Мы стали приводить въ порядокъ свое имущество: одно—мыть, другое—сушить.

„Изъ обитаемой пещеры курился дымокъ. Мы ждали ея хозяина. Замѣтивъ насъ издали, около лодки, онъ, можетъ быть, былъ бы не такъ испуганъ, какъ при нашемъ появленіи въ его жилищѣ. Но время шло, а тишина ничѣмъ не нарушалась. Мы рѣшили нанести визитъ.

„Овцы были еще внутри загородки. Изъ пещеры слышалось монотонное бормотанье: очевидно, въ ней былъ одинъ человѣкъ, занятый молитвой. Не входя еще въ пещеру, мы привѣтствовали его по-монгольски. Въ отвѣтъ онъ только повысилъ голосъ, но не вышелъ. Когда мы вошли въ жилище отшельника, онъ сидѣлъ на особомъ возвышеніи передъ раскрытой книгой, впереди которой стояли молитвенныя чашечки и блюдечки.

„Увидя насъ, монахъ вскочилъ. Онъ былъ необыкновенно испуганъ. Руки его тряслись, зрачки расширились. Принявъ привѣтственный хадакъ, онъ поспѣшно сталъ усаживать нежданныхъ гостей на полу, бросивъ туда шкуру. Передъ нами, какъ по волшебству, появились чутъ ли не всѣ

болѣе спокойнымъ образомъ, хотя, впрочемъ, это только съ вторымъ; что же касается до третьяго, болѣе дикаго, то онъ сильно смутился, несмотря на то, что свиданіе происходило въ присутствіи его обоихъ товарищей.

Четыре дня прожили мои сотрудники на островѣ Куйсу, занимаясь его изученіемъ и знакомясь съ бытомъ истыхъ монаховъ. Геологъ экспедиціи, А. А. Черновъ, даетъ болѣе подробное описаніе о поѣздкѣ или плаваніи на Куйсу, я же касаюсь лишь основныхъ ея чертъ, усвоенныхъ подъ впечатлѣніемъ первыхъ живыхъ разсказовъ возвратившихся на берегъ товарищей.

Островъ Куйсу расположенъ почти посерединѣ Куку-нора, нѣсколько ближе къ южному берегу, и оріентированъ съ сѣверо-сѣ-

---

съѣстные припасы, какими обладалъ лама. Скороговоркой, заплетающимся языкомъ онъ все время выкрикивалъ слова молитвы или заклинаніе, временами проводя пальцемъ по горлу и насильственно улыбаясь. Схвативъ большую чугунную чашу, монахъ выбѣжалъ изъ пещеры и сталъ поспѣшно доить козъ. Теперь можно было различить непрестанно повторяемое слово: „тэр-занда да-тэр-занда-да, „тэр-занда, да-тэр-занда-да“. („Что дѣлать. Что дѣлать“.—Какъ послѣ перевели намъ).

„Подоивъ козъ, онъ поставилъ котелъ на огонь. Увидавъ, что мы ѣдимъ, какъ обыкновенные смертные, онъ сталъ понемногу успокаиваться, чаще улыбался, но не сводилъ съ насъ глазъ, почти не мигая. Быстро перебиралъ свои четки, изрѣдка шевеля губами.

„Угощенье состояло главнымъ образомъ изъ молочныхъ продуктовъ: простокваши, сушенаго творогу—„чюры“—и масла. Кромѣ нихъ, у монаха оказался молотый ячмень („дзамба“) и кирпичный чай—очевидно, дары паломниковъ. Была предложена и баранья нога въ томъ же окаменѣломъ состояніи, въ какомъ мы нашли баранину въ нашемъ убѣжищѣ. Отъ чаю и отъ остальныхъ блюдъ мы отказались, зато оказали честь простоквашѣ, очень вкусной, приготовленной чище другихъ продуктовъ.

„Во время нашей ѣды монахъ снова сѣлъ для молитвы. Онъ ссыпалъ съ тарелочекъ гальку и вылилъ изъ мѣдныхъ чашечекъ воду, тщательно ихъ вытирая. Кромѣ этихъ предметовъ на божницѣ были „цаца“—глиняныя фигурки небольшихъ бурхановъ и одинъ рисованный бурханъ. Лама читалъ по очень длинной и узкой книгѣ, листы которой не были сшиты.

„Когда отшельникъ кончилъ свою молитву, мы знаками просили его слѣдовать за нами и привели къ лодкѣ. Осмотрѣвъ ее и остальное наше имущество, онъ совершенно успокоился, очевидно понялъ, откуда и какъ появились въ его владѣніяхъ чужеземцы, пріѣхавшіе въ совершенно необычное для посѣщеній острова время года. Врученный ему подарокъ—перочинный ножикъ и жестяная коробка изъ подъ сушеной капусты—установилъ между намп уже прочныя дружественныя отношенія. Монахъ пригласилъ насъ слѣдовать за собой, показывая, что на островѣ есть еще двое такихъ же, какъ онъ, обитателей.

„Мы пошли на западъ, по самому берегу подъ скалами за жилище перваго монаха, и вскорѣ увидали еще болѣе солидную постройку, но преж-

веро-запада на югъ-юго-востокъ. Онъ слагается изъ гранита, біотита, гнейса, сильно обнаженныхъ у береговъ и на возвышенныхъ частяхъ острова, въ прочихъ же мѣстахъ, прикрытыхъ слоемъ песчано-глинистой почвы большей или меньшей мощности, одѣтой въ свою очередь пышнымъ ковромъ травянистой растительности. Относительная высота гребня Куйсу простирается до двухсотъ футовъ; длина же береговыхъ очертаній не превышаетъ четырехверстнаго разстоянія, при длинѣ острова по оси менѣе двухъ верстъ и наибольшей ширинѣ, приблизительно у середины, до полуверсты.

Наибольшая скалистость острова выражена вдоль южнаго и запад-

---

няго, такъ сказать „пещернаго“ типа. На голосъ нашего проводника ея хозяинъ вышелъ къ намъ навстрѣчу. Между сосѣдями завязался оживленный разговоръ, въ которомъ нашъ первый знакомецъ выступалъ уже въ роли толкователя. Новый обитатель острова удивленно посматривалъ на насъ. Онъ показалъ намъ свое помѣщеніе и кумиренку, построенную рядомъ съ нимъ. Она была расположена тоже въ естественной громадной нишѣ среди скалъ, и только передняя часть ея была обдѣлана и къ ней пристроенъ входъ, имѣвшій даже дверцы и родъ сѣней. Въ кумирнѣ, быстро съуживающейся внутрь отъ входа, вдоль стѣнъ, стояли бурханы, въ одномъ непрерывномъ ряду; въ числѣ 21-го они были сдѣланы изъ глины, имѣли одинаковый размѣръ, около одного аршина высотой, и представляли главнымъ образомъ сидячую фигуру самого Будды.

„Послѣ осмотра кумирни мы пошли къ третьему отшельнику. Въ одномъ мѣстѣ пришлось подняться на скалы и вновь спуститься къ водѣ. Наконецъ, внутри большого углубленія, среди скалъ, мы увидали входъ въ пещеру. На вызовъ одного изъ нашихъ спутниковъ лама откликнулся, но не вышелъ, продолжая молиться. Зато онъ положительно остолбенѣлъ, когда, отведя глаза отъ книги, увидалъ прежде всего моего товарища. Долго онъ, не говоря ни слова, переводилъ глаза по очереди на каждаго изъ вошедшихъ. Наши спутники тоже не сразу заговорили, наблюдая то впечатлѣніе, какое произвело на ихъ собрата наше неожиданное появленіе.

„Монахи были людьми пожилыми, но еще далеко не старыми. Первый изъ нихъ, очевидно, болѣе молодой, былъ гладко выбритъ и имѣлъ видъ обычнаго служителя Будды. Остальные давно уже совершенно перестали заниматься своей наружностью: отросшіе волосы торчали у нихъ въ разныя стороны, представляя своеобразные головные уборы. Всѣ монахи, очевидно, были тангутами: первый и второй — типичными брюнетами, третій — съ болѣе свѣтлой кожей и волосами. Видъ послѣдняго отшельника положительно напоминалъ дикаго человѣка: взглядъ его былъ блуждающимъ, изо рта торчали зубы. На немъ, какъ и на другихъ монахахъ, была баранья шкура, но она имѣла только отдаленное сходство съ формой человѣческой одежды. На ногахъ были низкіе сапоги, кое-какъ сшитые изъ кусковъ бараньей шкуры мѣхомъ внутрь. Характеръ его былъ необщительнымъ и угрюмымъ: мы совсѣмъ не видали на его лицѣ улыбки,—очевидно онъ совсѣмъ отвыкъ и уже не могъ улыбаться. Второй лама тоже былъ сосредоточенъ, зато первый отличался противоположнымъ характеромъ: подвижной, постоянно смѣющійся, онъ все время оживленно болталъ“.

наго береговъ, вдоль прочихъ Куйсу поднимается мягкими пологими скатами. Растительность острова та же, что и на южномъ побережьѣ Куку-нора; ключей или источниковъ не имѣется. Довольствуются отшельники и ихъ скотъ дождевой водой, собираемой въ спеціально устроенныя углубленія.

Помимо кумирни и обо, устроенныхъ на вершинѣ острова, Куйсу украшенъ субурганами, молитвенными пещерами, второстепенными обо и проч. Въ кумирнѣ и пещерахъ имѣются довольно интересные старинные бурханы.

Главное занятіе отшельниковъ—систематическое отправленіе богослуженія, переписываніе молитвъ, приготовленіе многочисленныхъ „цаца". Внѣ же этихъ занятій они возятся со скотомъ—баранами и козами, общее число которыхъ простирается до ста—пятидесяти головъ. Каждый монахъ живетъ въ отдѣльной пещерѣ съ оградой для собственнаго стада. Животныя пасутся всѣ вмѣстѣ, но при возвращеніи съ пастьбы раздѣляются на три группы, при чемъ каждая, самостоятельно, направляется съ своему стойбищу. Лошадь—достояніе общее.

У монаховъ сосредоточены большіе запасы сухого творога (чюра), масла, топлива (аргалъ). Отшельники питаются исключительно молочными продуктами, чѣмъ ежедневно любезно угощали и моихъ сотрудниковъ.

На островѣ, въ сосѣдствѣ съ монахами и ихъ стадами, живутъ восемь лисицъ; вѣроятно есть пищухи и другіе болѣе мелкіе грызуны. Что же касается птицъ, то здѣсь преобладающими видами являются изъ отрядовъ плавающихъ и голенастыхъ: гуси, утки, турпаны, бакланы, разнообразные кулики и проч.; особенно много баклановъ и чаекъ, обыкновенно усаживающихся на скалистые берега или на песчаныя отмели. У береговъ острова постоянно держится рыба, большими или меньшими стаями разгуливающая на солнцѣ [1]). При спусканіи баклановъ на воду эти стаи рыбъ направляются въ сторону птицъ и слѣдуютъ за ними на далекія разстоянія. И здѣсь за рыбой охотятся орланы, тамъ и сямъ сидящіе на скалахъ; замѣченъ, также и одинокій, вѣроятно пролетный, коршунъ, кружившійся надъ пещерами или пролетавшій съ одной стороны острова на другую.

Въ зимнее время отшельники разнообразятъ свое прозябаніе: сюда, по льду, приходятъ паломники; впрочемъ, ледяная поверхность

---

[1]) Интересно, что въ Куку-норѣ нѣтъ рыбъ большихъ размѣровъ; самые крупные экземпляры не превышаютъ аршина длины и вѣса пяти—шести фунтовъ.

Куку-нора не каждую зиму бываетъ доступна для передвиженія изъ-за непрочности самаго льда и образованія многочисленныхъ трещинъ.

Съ вершины Куйсу открывается красивый видъ на всѣ четыре стороны. Прекрасно виденъ маленькій скалистый островокъ, расположенный къ юго-западу и особенно рельефно выдѣляется мысъ или полуостровъ на западѣ. Сѣвернаго берега мои сотрудники не видѣли вовсе, тогда какъ южный выдѣлялся отчетливо.

Неоднократные разспросы у туземцевъ, равно и личныя наблюденія относительно пребыванія въ Куку-норѣ какой-либо формы ластоногаго животнаго, не дали положительныхъ результатовъ, за исключеніемъ свѣдѣній, добытыхъ отъ сининскаго дао-тай'я, который утверждалъ, что видѣлъ шкуру звѣря, изловленнаго въ куку норскихъ водахъ, очень сходную по описанію съ таковой, про которую впервые сообщаетъ В. А. Обручевъ. Видѣть эту интересную находку намъ лично не удалось, такъ какъ она, говорятъ, давно увезена на пекинскій рынокъ.

Пятаго сентября, послѣ часового барометрическаго и метеорологическаго наблюденія, мои сотрудники покинули Куйсу и гостепріимныхъ отшельниковъ, которые приглашали „первыхъ лѣтнихъ гостей“ и „первыхъ иностранныхъ посѣтителей“ прожить до зимы, чтобы вернуться на берегъ болѣе безопаснымъ способомъ, а не въ этой скорлупкѣ, показывая на лодку, говорили провожавшіе монахи, покачивая головами...

На обратномъ пути товарищи произвели четыре промѣра, давшіе слѣдующіе результаты: первый промѣръ, въ непосредственной близости Куйсу, показалъ максимальную глубину южной части бассейна [1]), выразившейся тридцатью семью метрами, второй и третій промѣръ, пришедшіеся на серединѣ общаго разстоянія, оказались одинаково глубокими—въ тридцать пять метровъ и послѣдній, въ разстояніи пяти-шести верстъ отъ берега Куку-нора, вышелъ вполнѣ согласнымъ съ уже произведеннымъ промѣромъ при пробныхъ испытаніяхъ лодки, а именно въ двадцать пять или немного болѣе метровъ. Температура поверхностнаго слоя воды Куку-нора 14,5° С. Дно прибрежной полосы, шириною отъ пяти до восьми верстъ, песчаное, далѣе илистое.

Въ обратномъ плаваніи товарищи пробыли на водѣ восемь съ четвертью часовъ, стараясь держать курсъ прямо на главный бивуакъ—урочище Урто. И на этотъ разъ мои сотрудники, прибли-

---

[1]) Если условно, конечно, считать Куйсу гранью, дѣлящей весь Куку-норъ на сѣверную и южную части бассейна.

жаясь къ берегу, выдержали сильную трепку и страшную усталость.

Пока г. г. Черновъ и Четыркинъ плавали по Куку-нору, я совершилъ стоверстную охотничью экскурсію въ южно-куку-норскія горы. При моемъ возвращеніи на главный бивуакъ, Ивановъ радостно объявилъ мнѣ: „вчера, т. е. перваго сентября, на Куйсу была ракета“. Этимъ давалось понять, что наша „скорлупка“ доставила путниковъ на островъ. У меня съ товарищами было условлено, что съ ихъ отплытіемъ отъ берега, на главномъ бивуакѣ будутъ ежедневно, въ 9 час., вечера слѣдить за Куйсу, за появленіемъ двухъ ракетъ. Первая ракета должна быть пущена въ день вступленія на Куйсу или на слѣдующій, вторая—наканунѣ оставленія острова. „Маленькой огненной змѣйкой мелькнула ракета и ободрила насъ“, повторилъ мнѣ нѣсколько разъ мой неизмѣнный спутникъ Ивановъ. „Слава Богу“, говорю я, „теперь будемъ слѣдить за второй вѣсточкой товарищей“. Три вечера подрядъ, второго, третьяго и четвертаго сентября, стоялъ и я у астрономическаго столбика, окруженный своими спутниками, а также сининскими китайцами и алашаньскими монголами подводчиками. Всѣ мы собирались минутъ за десять до условнаго времени и, вперивъ глаза въ непроглядную тьму, по направленію Куйсу, стояли словно на молитвѣ. Къ девяти часамъ тишина превращалась въ святую, торжественную; все смолкало; слышны были лишь удары часовъ, которые я держалъ въ рукѣ, слѣдя за временемъ. Въ послѣдній вечеръ, четвертаго сентября, ровно въ девять часовъ, ночную тьму прорѣзалъ огненный штрихъ, блеснувшій на одинъ моментъ. Гробовая тишина была тотчасъ нарушена радостными голосами, особенно громкими въ устахъ китайцевъ и монголовъ, не видѣвшихъ появленія первой ракеты...

На другой день, въ девять часовъ вечера, когда Куку-норъ началъ порядочно постукивать въ берегъ, а наша надежда на ожиданіе блѣднѣть, я заслышалъ голоса своихъ товарищей, подошедшихъ къ палаткѣ. Радости нашей не было конца... Пошли безконечные спросы и разспросы, разсказы и пересказы, которые, повторяю, и легли въ основу вышеприведеннаго описанія плаванія на Куйсу.

Съ возвращеніемъ моихъ ближайшихъ сотрудниковъ изъ плаванія, экспедиція перенесла свой лагерь на двѣнадцать верстъ восточнѣе, къ основанію полуострова или мыса Чоно-шахалуръ, т. е. Волчій загонъ, оканчивающагося узкой песчаной косой, вдавшейся въ озеро. Съ этой косы С. С. Четыркинъ съ урядникомъ Полютовымъ произвелъ два плаванія: къ сѣверу—на семь верстъ, и юго-востоку—

обратно на берегъ, на пятнадцать; первое плаваніе въ области открытыхъ водъ Куку-нора, второе—въ заливѣ, образуемомъ съ одной стороны косой полуострова, съ другой—прилежащимъ къ ней берегомъ Куку-нора. На послѣднемъ плаваніи, приблизительно у середины, случилась непріятность: желѣзная поперечная скрѣпа лодки лопнула, что вызвало расхожденіе бортовъ, отказъ уключинъ и быстрый поворотъ лодки въ сторону. Борясь съ порядочной волной, наши путники едва справились съ лодкой, ея мало-мальской починкой и поспѣшили выброситься на берегъ...

На этомъ наши работы на Куку-норѣ и окончились. Я счелъ вторую задачу экспедиціи посильно выполненной и отдалъ распоряженіе къ выступленію въ обратный путь къ Синину, котораго мы и достигли шестнадцатаго сентября.

Въ Сининѣ мы радостно встрѣтились съ нашимъ товарищемъ П. Я. Напалковымъ, успѣшно совершившимъ разъѣздъ въ провинціи Гань-су.

Разъѣздъ капитана Напалкова охватилъ своимъ маршрутомъ большій раіонъ, нежели тотъ, который предполагался въ началѣ; кромѣ того самый маршрутъ удачно расположенъ по отношенію къ мѣстамъ, изслѣдованнымъ нашими предшественниками. Такимъ образомъ моему помощнику удалось посѣтить совершенно невѣдомый уголъ Гань-су и впервые поставить на карту названіе девяти новыхъ городовъ.

На этотъ разъ сининскія власти отвели для экспедиціи отличный домъ, спеціально для экстренныхъ потребностей, расположенный въ центрѣ Синина, и встрѣтили насъ, какъ говорится, съ распростертыми объятіями. Они уже были освѣдомлены черезъ посредство переводчика и кавалеристовъ, прибывшихъ въ Сининъ наканунѣ нашего вступленія, о всемъ томъ, чѣмъ мы занимались на Куку-норѣ, и какъ къ намъ учтиво относились куку-норскіе обитатели, а главное, что мы всѣ цѣлы—живы и здоровы, изъ насъ никто не утонулъ. Цинъ-цай и прочіе чиновники Синина, при встрѣчѣ съ нами, повторяю, исключительно говорили о нашемъ плаваніи по Куку-нору, о посѣщеніи острова, и всѣ они съ большимъ интересомъ разсматривали лодку, въ собранномъ и разобранномъ видахъ, а также просили показать г. г. Чернова и Четыркина, ихъ руки, на которыхъ все еще сохранялись основательныя мозоли. Въ концѣ концовъ Цинъ-цай сказалъ: „вы, русскіе, первые плавали по Куку-нору, первые сказали намъ о глубинѣ Цин-хай'я и первые иностранцы, посѣтившіе островъ Куйсу или Хай-син-шань; обо всемъ этомъ я непремѣнно сообщу въ Пекинъ“.

Чтобы не ослаблять прекрасныхъ отношеній и того хорошаго впечатлѣнія, которое я получалъ послѣ каждаго новаго свиданія съ синиискими властями, я счелъ излишнимъ напоминать прежнія увѣренія Цин-цай'я о томъ, что въ Куку-норѣ тонутъ не только камни, но и дерево,—это было само собою очевидно...

По приглашенію чжэн-тай'я, командующаго войсками, я, почти со всѣми моими спутниками, присутствовалъ на военномъ смотру китайской пѣхоты и кавалеріи. На меня этотъ смотръ произвелъ впечатлѣніе серьезнаго улучшенія сравнительно съ тѣмъ, что я наблюдалъ восемь—девять лѣтъ тому назадъ. Китайскіе офицеры и солдаты, въ значительной мѣрѣ, усвоили себѣ японскую тактику, впрочемъ самими японцами уже оставленную. Войска были представлены на смотру хорошо одѣтыми (въ старой формѣ), кавалеристы на отличныхъ, мѣстной породы, лошадяхъ. Традиціонные большіе флаги здѣсь еще не отмѣнены и по-прежнему составляютъ гордость китайской кавалеріи. Примѣрная стрѣльба холостыми выстрѣлами изъ пистонныхъ ружей (однозарядныя скорострѣлки берегутся), велась толково, залпы не срывались. Молодые офицеры значительно превосходятъ выправкой и молодечествомъ своихъ старыхъ товарищей, какъ равно и нижніе чины, молодежь, съ нетерпѣніемъ ожидающая полнаго измѣненія уставовъ на европейскій ладъ.

На смотру китайскихъ войскъ присутствовало много окрестныхъ тангутовъ, заранѣе прибывшихъ въ Синиинъ спеціально для этой цѣли. Нарядные, богатые номады, на общемъ плацу, въ сторонѣ, часто запускали своихъ рѣзвыхъ иноходцевъ, представляя зрѣлище не менѣе занятное, чѣмъ китайскія войска.

Въ Синиинѣ, между прочимъ, члены экспедиціи имѣли удовольствіе познакомиться съ англійской семьей H. French Ridley, проживающей въ качествѣ миссіонеровъ. Въ кругу симпатичныхъ англичанъ мы прекрасно проводили часы досуга, вспоминая культурныя страны. H. French Ridley также интересовался нашимъ плаваніемъ по Куку-нору и всегда, въ подходящихъ случаяхъ, сводилъ бесѣду на эту тему. Будучи старожиломъ Синина, любезный миссіонеръ далъ намъ много цѣнныхъ свѣдѣній про мѣстный край, равно въ значительной мѣрѣ способствовалъ приращенію нашей этнографической коллекціи путемъ пріобрѣтенія образцовъ таковой у мѣстныхъ обитателей.

Въ Синиинѣ же, благодаря улучшенію почтоваго сообщенія вообще въ Китаѣ, мы получили порядочно писемъ, точно также и сами могли отправить лишнюю вѣсточку на далекую дорогую родину. Какъ всегда, письма приносятъ однимъ радостныя извѣстія, другимъ печальныя; такъ было и теперь. Нашъ А. А. Черновъ

получилъ новыя грустныя свѣдѣнія изъ дома и, въ силу необходимости, принужденъ былъ отправиться въ Россію преждевременно. На обратномъ пути черезъ Алашань и среднюю Монголію геологъ экспедиціи долженъ былъ производить геологическо-географическія изслѣдованія до отечественной границы.

Пользуясь случаемъ, я отправилъ въ Алаша-ямынь, на складъ экспедиціи, семь лишнихъ вьюковъ—преимущественно коллекцій. Въ дальнѣйшемъ пути мы перешли съ верблюдовъ на муловъ, которые отличаются рѣдкой способностью хорошо двигаться въ горахъ, но зато и требуютъ внимательнаго ухода и хорошей обильной кормежки. Хорошій мулъ везетъ, повидимому, безъ особеннаго труда, грузъ до шести—семи пудовъ, строго уравновѣшенный по обѣимъ сторонамъ животнаго.

Какъ мы ни старались сократить багажъ, число вьюковъ осталось прежнее,—двадцать два,—что съ одиннадцатью верховыми мулами составило караванъ, растягивающійся по дорогѣ на значительное разстояніе.

Такимъ образомъ городъ Синингъ экспедиція оставила двумя караванами, выступившими разновременно. Верблюжій караванъ, во главѣ съ А. А. Черновымъ, выступилъ 27-го сентября; съ геологомъ отправлены двое забайкальскихъ казаковъ, Бадмажаповъ и Содбоевъ, первый изъ которыхъ долженъ былъ вернуться въ экспедицію изъ Алаша-ямыня, второй—по достиженіи геологомъ Урги, изъ этого города на складъ экспедиціи.

Главный же караванъ экспедиціи покинулъ Синингъ 30-го сентября, а 3-го октября уже благополучно прибылъ въ оазисъ Гуйдуй и пересѣкъ на пути высокій альпійскій хребетъ по перевалу Ла-дин-линъ, поднимающемуся надъ уровнемъ моря до 13.000 футовъ.

П. Козловъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ. (1864—1909 г. г.).

ГЛАВА XII[1].

Мои публичныя чтенія, доклады и рефераты. — Ихъ многочисленность и значеніе въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго вѣка.—„Соціальный міръ“, какъ ихъ главное содержаніе. — Лекція „Великаны промышленности“, ея происхожденіе и сущность. — Странное совпаденіе противоположныхъ послѣдствій: протестъ соціалистовъ и запрещеніе того же чтенія въ провинціи правительственными органами. — Какъ это согласовать?... — Лекція „Милліоны и что съ ними дѣлать?“, ея содержаніе, огромный успѣхъ и сборъ, одушевленіе слушателей и вызовъ пожертвованій на добрыя дѣла.—Общее вниманіе, сочувствіе въ Москвѣ и провинціи.— Просьбы о помощи и голоса изъ публики.—Какъ заключеніе, Петербургская сатира...

Послѣднія четыре главы моихъ „Воспоминаній“ посвящены разнымъ видамъ практической пробы моихъ силъ и знаній въ формѣ тѣхъ или иныхъ изслѣдованій. Мнѣ кажется, по справедливости, къ такимъ же пробамъ этихъ силъ надо причислить и мои многочисленныя чтенія, рефераты, доклады въ ученыхъ обществахъ и, наконецъ, публичныя лекціи, въ чемъ я особенно часто упражнялся и несомнѣнно заслужилъ большое сочувствіе въ московской публикѣ, выразившееся наглядно въ многихъ тысячахъ рублей, мною собранныхъ для разныхъ благотворительныхъ цѣлей. Многіе изъ моихъ избранныхъ трудовъ имѣютъ въ сущности одинаковое происхожденіе и были публично прочитаны [2].

[1]) См. „Русскую Старину“ май 1911.

[2]) Перечислю лишь важнѣйшіе:

1) „Очерки и изслѣдованія“ въ двухъ томахъ. 1884.

2) „Часы досуга“. Москва. 1896 г.

Само собой разумѣется, что я не сразу приспособился къ публичному чтенію, которое гораздо труднѣе университетскаго и требуетъ больше искусства, пріобрѣтаемаго лишь постепенно, путемъ практики. Каждому профессору, усердно занятому обработкой своихъ лекцій, весьма скоро становится знакомымъ уровень развитія и требованій своихъ обычныхъ слушателей — студентовъ и слѣдовательно онъ можетъ, коли пожелаетъ, къ нимъ въ достаточной степени приспособиться своимъ изложеніемъ, тѣмъ болѣе, что въ среднемъ этотъ уровень довольно однообразный и примѣрно одинаковый. По лицамъ своихъ слушателей внимательный профессоръ немедленно можетъ опредѣлить, хорошо ли понимаютъ его слушатели или нѣтъ; если онъ замѣчаетъ хоть одинъ недоумѣвающій взглядъ, это означаетъ, что данный абзацъ изложенъ неясно или неопредѣленно и надо его разъяснить по возможности быстро, какимъ-нибудь вставнымъ предложеніемъ или примѣромъ, не отрываясь замѣтно отъ общаго хода чтенія, чтобы слушатели не потеряли нить изложенія.

Гораздо труднѣе является рѣшеніе того же самаго вопроса на публичномъ чтеніи, передъ разношерстной публикой, а не студентами, примѣрно одной степени развитія и образованія. Тутъ невозможно и даже не должно обращать вниманіе на каждаго слушателя, а приходится приспособиться, такъ сказать, къ среднему слушателю, что дѣлается лишь путемъ извѣстнаго опыта, болѣе или менѣе продолжительнаго. Я замѣтилъ, напримѣръ, что если вниманіе публики утомлено, то надо его поднять какимъ-либо вводнымъ предложеніемъ или эпизодомъ: слушатели видимо настораживаются и начинаютъ прислушиваться внимательнѣе. Намеки на интересы минуты или политики замѣтно также оживляютъ аудиторію, особенно если взятый примѣръ производитъ нѣкоторую сенсацію. Я съ успѣхомъ много разъ пользовался этимъ пріемомъ, при чемъ даже двухчасовая длина лекцій не вызывала видимой скуки, и чтеніе дослушивалось внимательно до конца. При этомъ непремѣнно соблюдалось одно условіе рѣчи—говорить viva voce, а отнюдь не читать; лишь единственный случай, мнѣ извѣстный у насъ, составляетъ исключеніе, это — В. О. Ключевскій, который *читаетъ свои лекціи*, какъ бы говоритъ; но этотъ пріемъ, вѣроятно, требуетъ продолжительной и упорной подготовки.

Наибольшее число публичныхъ лекцій было прочитано мною

---

3) „Экономическая оцѣнка народнаго образованія". 2-е изд. 1899 г. Спб. (разныхъ авторовъ).

4) „Въ поискахъ лучшаго будущаго". Спб. 1893 и 2-е изд. въ 1908 г.

5) „Между дѣломъ". 1904 г.

въ 80-хъ и 90-хъ годахъ на самыя различныя темы и съ разными цѣлями. Ихъ такъ много, что я рѣшительно не нахожу возможнымъ перечислять ихъ, тѣмъ болѣе, что многія не вошли даже въ сборники моихъ статей и не были перепечатаны. Назову лишь нѣкоторыя, имѣвшія особенно выдающійся успѣхъ или чѣмъ-нибудь отличавшіяся. Главной моей заботой передъ публичной лекціей былъ прискорбный вопросъ, разрѣшатъ ли ее; требовалась длинная предварительная процедура хлопотъ о разрѣшеніи съ представленіемъ не только программы, но иногда даже подлиннаго текста лекціи и обязательства читать по нему.

Слава Богу, меня лично нѣкоторыя изъ этихъ безсмысленныхъ формальностей миновали, хотя тѣмъ не менѣе, какъ я передамъ дальше, и я дождался запрещенія или недопущенія моихъ лекцій въ цѣломъ рядѣ городовъ, которые хотѣли ихъ послушать. Въ высшей степени комично, если бы это не было въ то же время жалко, то обстоятельство, что относительно одной моей лекціи— „Великаны промышленности“ — въ 1898 г. выступила рядомъ съ администраціей провинціальныхъ городовъ или, можетъ быть, распоряженіемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, какая-то подпольная партія соціалистовъ, которая съ точки зрѣнія своихъ интересовъ выпускала пасквили противъ меня и моихъ чтеній, всячески предостерегая публику отъ ихъ посѣщенія. „Les beaux esprits se rencontrent!...“ Чтобы въ достаточной степени понимать этотъ странный случай, необходимо хоть вкратцѣ ознакомиться съ сущностью содержанія самихъ лекцій послѣдняго времени, передъ уходомъ моимъ изъ Московскаго университета и переселеніемъ въ Петербургъ.

Особый успѣхъ въ 90-хъ годахъ имѣли слѣдующія лекціи, повторенныя по нѣскольку разъ и въ разныхъ городахъ: „Народный Дворецъ въ Лондонѣ“, „Поселенія въ Восточномъ Лондонѣ“, „Великаны Промышленности“ и „Милліоны“... Послѣднія лекціи были моей своего рода „Лебединой“ пѣснею. Больше я ничего публично не читалъ, и переселившись въ это время въ Петербургъ, лишь повторилъ послѣднія двѣ лекціи съ благотворительной цѣлью и даже два раза, но, конечно, далеко не съ такимъ успѣхомъ, какъ въ Москвѣ.

Общее содержаніе указанныхъ чтеній — *соціальный миръ*, т. е. установленіе мира и согласія, вмѣсто борьбы и раздора съ различными, якобы классовыми интересами въ промышленныхъ классахъ: я всегда думалъ и глубоко былъ убѣжденъ, что періодъ классовой борьбы въ значительной степени миновалъ и отжилъ свой вѣкъ; во всякомъ случаѣ уже кончается, если не кончился, и его мѣсто должны за-

ступить соглашеніе интересовъ, т. е. попытки и пріемы къ возможному примиренію выгодъ классовъ предпринимателей и рабочихъ. Въ этой основной посылкѣ заключается сходство всѣхъ моихъ послѣднихъ лекцій въ данномъ отношеніи; но судьба лекцій была совершенно различна. „Великаны Промышленности“ въ сущности того же самаго содержанія, настроенія и духа, какъ и прочія указанныя лекціи, вмѣстѣ съ аплодисментами и большимъ денежнымъ сборомъ въ филантропическихъ цѣляхъ, навлекли на мою голову ругань московскихъ соціалистовъ и даже пасквили, распространяемые въ Москвѣ; но всего комичнѣе—административное запрещеніе этой лекціи въ нѣсколькихъ городахъ, въ унисонъ съ желаніемъ авторовъ пасквилей и несмотря на то, что лекція эта уже нѣсколько разъ предварительно была прочитана публично въ Москвѣ и Рязани и не вызвала тамъ никакихъ недоумѣній [1]).

Содержаніе „Великановъ Промышленности“ вкратцѣ состоитъ въ слѣдующемъ. Департаментъ Труда Соединенныхъ Штатовъ въ Вашингтонѣ, находящійся подъ руководствомъ знаменитаго статистика Карроль Райта (о которомъ я упоминалъ въ главѣ X моихъ „Воспоминаній“), рѣшилъ произвести спеціальное изслѣдованіе въ Европѣ положенія рабочихъ или точнѣе обезпеченія рабочихъ въ нѣкоторыхъ странахъ и на крупнѣйшихъ фабрикахъ. Для этой цѣли посланъ былъ туда одинъ изъ лучшихъ помощниковъ Райта—статистикъ Уилогби (Willoughby). Изложеніе его доклада, нѣсколько въ иномъ порядкѣ и составляло собственно сущность моей лекціи, вызвавшей для меня неожиданно много брани на мою голову. Уилогби изслѣдовалъ въ Европѣ относительно небольшое число фабрикъ во Франціи, Бельгіи и Германіи, но зато весьма типичныхъ и характерныхъ и при томъ самыхъ крупныхъ, поистинѣ „великановъ“ промышленности. Онъ знакомилъ своихъ соотечественниковъ въ докладѣ исключительно съ одной стороной—*обезпеченіемъ рабочихъ* всякихъ видовъ, начиная съ заработной платы и страхованія и кончая разными видами даяній и подарковъ со стороны хозяевъ и, наконецъ, плодами собственной самодѣятельности рабочихъ.

Въ общемъ докладѣ Уилогби, положенный въ основаніи моей лекціи, выставляетъ положеніе рабочихъ изслѣдуемыхъ фабрикъ правдиво, но можетъ быть нѣсколько въ розовомъ свѣтѣ, съ свойственной американцамъ слабостью отдавать всегда премущество крупнымъ формамъ производства передъ всякими иными, Особенно долго останавливался Уилогби на описаніи громадныхъ предпріятій

[1]) Лекція эта помѣщена цѣликомъ въ сборникѣ „Между дѣломъ“. Спб. 1904 г., стр. 304.

Круппа, „короля пушекъ“ въ Германіи, гдѣ съ вызывающимъ тономъ спрашивали Уилогби, можетъ ли онъ гдѣ-нибудь найти лучшихъ рабочихъ, чѣмъ тѣ, которые подготовлялись на предпріятіяхъ Круппа щедрыми пожертвованіями хозяина на ихъ образованіе и обезпеченіе?!

Еще выше чѣмъ обычныя, какъ бы онѣ велики ни были, заботы предпринимателя, Уилогби ставитъ *участіе рабочихъ въ прибыляхъ*, при чемъ приводитъ характерную исторію знаменитаго фамилистера Годэна въ Гизѣ во Франціи, гдѣ филантропъ, стоявшій во главѣ заведенія *принудительнымъ образомъ* облагодѣтельствовалъ своихъ рабочихъ постепенно, путемъ постоянныхъ вычетовъ превративши рабочихъ въ единственныхъ собственниковъ всего громаднаго многомилліоннаго фабричнаго заведенія. М-ръ Гринингъ, извѣстный англійскій кооператоръ, лично мнѣ знакомый и пользующійся огромнымъ уваженіемъ и авторитетомъ въ Англіи (см. о немъ упоминаніе въ главѣ III „Воспоминаній“ I вып. стр. 104), крайне высоко ставитъ благотворное вліяніе системы Годэна и результаты, имъ полученные.—„Превосходство производства“, говоритъ онъ въ своей книгѣ по этому предмету, „взятое въ цѣломъ, обязано всегда людямъ, т. е. качеству рабочихъ, поднятыхъ экономически, а черезъ то поднятыхъ нравственно и духовно [1])!“

Въ этомъ, въ сущности, заключается въ краткихъ словахъ, моя лекція о „Великанахъ Промышленности“. *Выгоды одинаковы для хозяевъ и рабочихъ въ мирномъ улаживаніи всѣхъ ихъ споровъ и соглашеніи интересовъ.* Докладъ Уилогби, который легъ въ основаніе моей лекціи, даетъ множество для того указаній и фактовъ, изъ которыхъ наиболѣе типичнымъ и сильнымъ является только-что приведенная исторія предпріятія Годэна. Успѣхъ его кооперацій такъ поразилъ многихъ слушателей, что ко мнѣ обращались незнакомыя лица съ письмами, даже не только въ Москвѣ, но и въ Рязани, гдѣ я успѣлъ прочесть эту лекцію до ея запрещенія.

Вскорѣ, черезъ какой-нибудь мѣсяцъ по прочтеніи лекціи „Великаны Промышленности“ появились въ Москвѣ гектографированные экземпляры пасквиля, распространяемаго въ образованной публикѣ, который разносилъ мою лекцію и меня лично за ея содержаніе. Обрушиваясь на мою голову избитыми фразами о буржуазіи и классовыхъ интересахъ, пасквиль этотъ состоялъ собственно не въ аргументахъ или желаніи опровергнуть необходимость приведенныхъ мною идей—мира и соглашенія, вмѣсто безцѣльной и вредной

[1]) См. The Cooperative Traveller Abroad, by Edward Owen Greening, London 1888 г., стр. 98.

борьбы хозяевъ съ рабочими, а выражался лишь въ ругательствахъ и голословныхъ утвержденіяхъ: очевидно, больше всего фиктивнымъ друзьямъ рабочихъ, представленнымъ пасквилемъ, противенъ миръ и мирный исходъ и хочется борьбы, не зная о ея результатахъ и забывая, что проигрываетъ всегда слабый. Въ своихъ лекціяхъ того времени, посѣщаемыхъ одинаково, какъ богатыми классами, такъ и рабочими, я имѣлъ двѣ цѣли: 1) смягчить сердца предпринимателей, 2 разсѣять предразсудки противъ выгодности всякихъ затратъ на обезпеченіе рабочихъ, и 3) привлечь правительство къ его обязанности заботиться и думать объ интересахъ рабочихъ, а не однихъ предпринимателей.

„Все это вздоръ, — утверждаетъ памфлетъ, — „мѣднолобіе и скрытое проявленіе „вражды къ рабочимъ!!“ Нѣтъ тѣхъ бранныхъ словъ, которыми авторы пасквиля далѣе не награждали бы меня за желаніе водворить соціальный миръ въ Россіи: „современный фарисей“; „тайный врагъ рабочихъ“, „наемный защитникъ интересовъ фабрикантовъ и заводчиковъ“, „поддѣлываетъ науку въ продолженіе двухъ или трехъ часовъ“, „прихвостень капиталистовъ“, и т. д. и т. д.—„Усилія и старанія профессора не увѣнчались успѣхомъ“... „Все—наглая и откровенная ложь“!!.. „Профессоръ и академикъ Янжулъ“, говоритъ пасквиль въ заключеніе, „съ высоты каѳедры приглашаетъ русскую буржуазію не бояться пролетаріата, не отмахиваться отъ рабочаго вопроса. Не вѣрьте, г.г. русскіе буржуа, вашему профессору, который въ розовомъ цвѣтѣ и сладкихъ словахъ рисуетъ передъ вами ближайшее будущее! Онъ лжетъ, вашъ великолѣпный фарисей, онъ обманываетъ васъ *и себя!* (!?) Нѣтъ, если кого и надо бояться русскимъ кровопійцамъ-фабрикантамъ, землевладѣльцамъ... и всякимъ либераламъ, то именно русскаго пролетаріата, и пр. и пр..!“ (!!!???).

Этотъ бредъ сумасшедшаго, какъ видно отсюда, еще раньше, чѣмъ онъ забрался въ лѣвое отдѣленіе нашей Госуд. Думы, раздавался въ Москвѣ по поводу невинной профессорской лекціи, продиктованной преклоненіемъ передъ самой широкой филантропіей и любовью къ человѣчеству и основанной на оффиціальныхъ данныхъ самой свободной изъ странъ міра—Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ!!!...

Самый странный результатъ получился въ концѣ концовъ: наша администрація, которая естественно *должна была бы помогать мнѣ въ борьбѣ съ врагами порядка*, наоборотъ выступила противъ меня и начала систематически воспрещать прочтеніе этой лекціи публично въ цѣломъ рядѣ русскихъ городовъ, куда я былъ приглашенъ и уже выразилъ на то свое согласіе. Такъ, въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ я обѣ-

щался прочесть въ началѣ 1898 г. „Великаны Промышленности“ въ пользу Общества Взаимнаго Вспомоществованія учителямъ и учительницамъ, и чтеніе было законнымъ образомъ сначала разрѣшено, оно было запрещено далѣе распоряженіемъ Нижегородскаго Губернатора и вслѣдствіе телеграммы изъ Москвы отъ управляющаго Учебнымъ Округомъ отъ 28 февраля, который *призналъ невозможнымъ допустить публичное чтеніе профессоромъ Янжуломъ лекціи „Великаны Европейской промышленности“*... Всякое объясненіе причинъ въ обоихъ случаяхъ отсутствуетъ.

Прис. пов. П. А. Рождественскій, замѣнявшій тогда въ этомъ Обществѣ больного предсѣдателя, извѣщая меня въ письмѣ отъ 3 марта 1898 г. объ этомъ печальномъ инцидентѣ и сожалѣніи всѣхъ представителей благотворительнаго общества, потерявшаго лишь деньги на расходы приготовленія, добавляетъ къ своему письму: „Комментаріи, надѣюсь, излишни; сообщаемые матеріалы современемъ найдутъ себѣ достойное мѣсто на страницахъ *„Русской Старины“* (что мною въ настоящее время отчасти и исполняется) и будутъ достаточнымъ образомъ оцѣнены историкомъ нашего просвѣщенія“... (!!!).

Единовременно съ Нижнимъ Новгородомъ ко мнѣ начали поступать просьбы о прочтеніи той же публичной лекціи—„Великаны Промышленности“ со всѣхъ концовъ Россіи: такъ изъ Саратова, Тамбова, Тулы (нѣсколько просьбъ), изъ Харькова, Ростова на-Дону—и все это почти въ теченіе одного мѣсяца! Всѣ эти просьбы о лекціяхъ присылались или непосредственно ко мнѣ лично, или черезъ знакомыхъ, или, наконецъ, черезъ только что устроенное спеціальное отдѣленіе Комиссіи по организаціи домашняго чтенія. (Черезъ посредство проф. Новгородцева и Е. Н. Орлову). Съ нѣкоторыми изъ приглашавшихъ, напримѣръ въ Харьковѣ профессорами Багалѣемъ и Данилевскимъ, я уже условился о подробностяхъ, давши согласіе, относительно двухъ лекцій, и сдѣланы были всѣ соотвѣтствующія распоряженія, кончая наймомъ залы, фиксированнымъ днемъ и проч. Точно также все было слажено относительно Тулы и Тамбова, гдѣ энергично дѣйствовали мои бывшіе ученики, желавшіе меня послушать.

Но внезапно полученная мною 2-го марта телеграмма, а затѣмъ письмо отъ Правленія Общества Попеченія объ учителяхъ и учительницахъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, сразу сокрушили всѣ эти благія начинанія по распространенію идей соціальнаго мира: въ Тулѣ уже получено было увѣдомленіе о неразрѣшеніи мнѣ тамъ чтенія лекцій, а такъ какъ источникомъ этого распоряженія являлось само Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, какъ я убѣдился не-

медленно справкой въ канцеляріи попечителя Московскаго округа, то дальнѣйшія хлопоты и намѣренія предположеннаго чтенія во многихъ городахъ становились безполезными и тщетными: пришлось лишь списаться съ устроителями лекцій въ разныхъ городахъ и сообщить имъ печальное и неожиданное извѣстіе. Особенно прискорбно мнѣ это было относительно Харькова, Тулы и Тамбова, гдѣ дѣло зашло уже далеко, и произведены были всѣ предварительныя формальности, включая назначенія дней моего пріѣзда. Изъ какого-то города даже присланы были деньги на желѣзнодорожный билетъ!..

Такъ покончилась первая моя попытка выступить съ моими чтеніями, т. е. во всеобщее обращеніе съ самыми невинными мечтаніями о соціальномъ мирѣ и лекціей по своему содержанію столь же противной для вкусовъ подпольныхъ агитаторовъ, какъ ладонъ для чорта!.. Но увы! всякое невинное дѣйствіе у насъ можетъ быть признано опаснымъ для спокойствія и порядка и, наоборотъ, бездѣйствіе и ничегонедѣланье объявлено желательнымъ!

Близко по времени къ лекціи „Великаны Промышленности“, была прочитана мною въ Москвѣ и новая лекція также въ пользу соціальнаго мира, удачно составленная, благодаря хорошему матеріалу—„Милліоны и что съ ними дѣлать“? Слухъ объ этой лекціи до провинціи, большею частью, дошелъ вмѣстѣ съ „Великанами“, и предполагалось читать обѣ лекціи, единовременно, почему эта лекція, имѣвшая огромный успѣхъ въ Москвѣ и затѣмъ въ Петербургѣ, въ провинцію не попала, несмотря на всѣ ожиданія и желанія, которыми меня осаждали. Въ виду особаго успѣха и чрезвычайнаго денежнаго тиража, который „Милліоны“ за собой повели для нашихъ благотворительныхъ учрежденій, я долженъ ознакомить читателя моихъ „Воспоминаній“ хоть вкратцѣ съ содержаніемъ этой любопытной лекціи.

Знаменитый американскій милліардеръ Андрью Кэрнеджи или Карнеги написалъ небольшую, но очень спльную книжку о богатствѣ и о способахъ распоряженія имъ [1]). Главная идея этого человѣка, имѣвшаго счастіе въ теченіе жизни нажить много, много милліоновъ, заключается съ одной стороны въ защитѣ существующаго экономическаго порядка и восхваленіи накопленія богатствъ, чѣмъ онъ занимался всю жизнь, съ другой же—въ организаціи настоящей господствующей системы передачи богатства послѣ смерти путемъ наслѣдства; доказывая необходимость коренной реформы въ этомъ послѣднемъ отношеніи путемъ раздачи состоянія богатыми людьми на добрыя

[1]) Wealth and the Best Fields for Philanthropy, by Andrew Carnegie, the American Millionnaire. London. The Victoria Publishing Company.

общественныя цѣли, но еще *при жизни ихъ*. „Всемогущій долларъ,—говоритъ Кэрнеджи въ своемъ оригинальномъ „Евангеліи Богатства“, какъ прозвана его замѣчательная книжка,—часто является истиннымъ проклятіемъ, которое ведетъ дѣтей къ несчастію, пріучая ихъ къ лѣни и роскоши, и если крайняя бѣдность часто ухудшаетъ нравственность человѣка, то нерѣдко, и даже чаще то же самое дѣлаетъ богатство, не нажитое трудомъ“... „Вообще наслѣдства дѣлаютъ“,—по его заключенію,—„чаще вредъ, чѣмъ добро“, вслѣдствіе чего Кэрнеджи рекомендуетъ родителямъ оставлять своимъ дѣтямъ лишь умѣренный достатокъ, необходимый для безбѣднаго существованія, остальнымъ же имуществомъ распорядиться иначе, раздавая его еще при жизни на добрыя дѣла.

Затѣмъ Кэрнеджи внушаетъ своимъ собратьямъ—милліонерамъ, что богатства, ими составленныя, въ дѣйствительности являются лишь фондомъ, временно довѣреннымъ судьбою ихъ попеченію. Милліоны составляютъ, утверждаетъ онъ, предметъ лишь временнаго пользованія богачей и должны непремѣнно быть возвращены народу. Единственное условіе,—чтобы эти богатства затрачивались отнюдь не на личную филантропію, не въ формѣ милостыни, которая развращаетъ и берущаго и дающаго... „Милостыня, большею частію, наслѣдіе порока, а не помощь добродѣтели“... Поэтому Кэрнеджи, осуждая такое употребленіе денегъ, дѣлаетъ попытку указать или пересчитать тѣ важнѣйшія общественныя нужды, которыя, по условіямъ американской жизни, могутъ въ ней наичаще имѣть примѣненіе. Онъ называетъ шесть такихъ способовъ пожертвованія: основаніе общественныхъ библіотекъ, университетовъ, госпиталей, зданій для собранія и увеселенія народа, общественныхъ парковъ, бань и купаленъ, церквей и часовенъ разнаго вѣроисповѣданія. Сверхъ того цѣли употребленія милліоновъ разнообразятся по странамъ и по времени [1]).

„Евангеліе Богатства“ (еще въ корректурѣ пересланное знаменитому Гладстону, тогда еще жившему) встрѣтило полное и искреннее сочувствіе мастистаго государственнаго человѣка и филантропа. Въ томъ же 1890 году появилось обширное открытое письмо этого

---

[1]) Какъ извѣстно, въ настоящее время Кэрнеджи по какой-то причинѣ, не совсѣмъ ясной, только что пожертвовалъ шести европейскимъ государствамъ, въ томъ числѣ Россіи, модели съ гигантскаго ископаемаго, очевидно по совѣту какого-либо геолога, увлеченнаго спеціальными интересами своей науки. Разумѣется, согласно русской поговоркѣ „дареному коню въ зубы не смотрятъ“, но я смѣю думать, что для нуждъ нашего отечества, по крайней мѣрѣ, можно было бы найти много иныхъ, гораздо болѣе полезныхъ и цѣлесообразныхъ способовъ пожертвованія.

почтеннаго лица къ Кэрнеджи. Въ качествѣ компетентнаго судьи, какъ бывшаго нѣсколько разъ министромъ финансовъ Великобританіи, богатѣйшаго государства Европы, Гладстонъ подтверждаетъ быстрый ростъ и увеличеніе въ современномъ мірѣ чрезмѣрныхъ богатствъ, которыя онъ остроумно называетъ терминомъ „безъответственныя богатства", которыя, по его мнѣнію, *безъответственны* въ томъ смыслѣ, что, въ большинствѣ, они не несутъ никакой тягости и не оказываютъ пользы, уклоняясь часто отъ налоговъ и не возвращаясь къ тѣмъ классамъ, которые трудились надъ ихъ созданіемъ.

Далѣе, дѣлая обзоръ, шагъ за шагомъ, указанной книжки американскаго милліонера, Гладстонъ цѣликомъ присоединяется къ важнѣйшей идеѣ Кэрнеджи—раздачѣ богатства лишь при жизни собственника и дѣлаетъ лишь нѣкоторыя поправки и дополненія по другимъ, большею частью, второстепеннымъ пунктамъ. Гладстонъ оспариваетъ самое названіе добродѣтели у акта пожертвованія путемъ завѣщанія послѣ смерти: „Уже имущество отнято", — говоритъ онъ,—„у насъ смертью; слѣдовательно, мы лично не можемъ имъ пользоваться, также какъ не можемъ прогуливаться по Bond-street или Hyde-Park"... Мало того, такой способъ распоряженія богатствами деморализируетъ людей при ихъ жизни, давая какъ бы оправданіе въ собственныхъ глазахъ, чтобы быть жаднымъ и скупымъ при жизни. Наконецъ этотъ способъ посмертныхъ пожертвованій является какъ бы уклоненіемъ изъ подъ цѣлительнаго и свободнаго дѣйствія общественнаго мнѣнія.

Наконецъ въ заключеніе „великій старецъ", какъ прозвали Гладстона еще при жизни, примыкаетъ всецѣло къ критикѣ американцемъ современныхъ формъ благотворительности, т. е. милостыни и даровщинки. Мало того, онъ объявляетъ задачей своего письма именно наибольшее распространеніе главнѣйшихъ идей Кэрнеджи; онъ надѣется, что если сѣмя, посѣянное имъ (т. е. Кэрнеджи), не дастъ самъ-шестьдесятъ, или самъ-сто, то, надѣется мастистый министръ, оно дастъ по крайней мѣрѣ *самъ-тридцать*. Дѣло серьезное и касается всѣхъ. „Во всякомъ случаѣ въ формѣ личнаго ли добровольнаго пожертвованія или спеціальнаго для того обложенія",—говоритъ Гладстонъ,—„богатые обязаны будутъ возвратить часть своихъ богатствъ народу"... Такъ сказалъ и рѣшилъ по столь важному вопросу великій Гладстонъ!

Статья Гладстона обратила всеобщее вниманіе: о ней заговорили во всѣхъ углахъ Англіи, и появились сочувственные отзывы и отклики въ формѣ открытыхъ писемъ отъ высшихъ духовныхъ лицъ трехъ разныхъ вѣроисповѣданій. Отклики эти были напечатаны въ

слѣдующей же за Гладстономъ книжкѣ журнала „Nineteenth Century“ подъ общимъ заглавіемъ „Безъответственное богатство“, какъ окрестилъ Гладстонъ тѣ милліоны, которые должны быть возвращены богатыми непремѣнно народу. Эти духовныя лица, подавшія свой голосъ по данному важному филантропическому вопросу, были: извѣстный ученый кардиналъ и католическій архіепископъ Маннингъ, нынѣ уже давно умершій, главный раввинъ въ Лондонѣ Адлеръ и извѣстный протестантскій проповѣдникъ въ Англіи Гюгъ Прайсъ Юзъ. Всѣ три открытыхъ письма этихъ духовныхъ лицъ или статьи ихъ были напечатаны, какъ выраженіе англійской вѣротерпимости, рядомъ на страницахъ одного и того же журнала — „Девятнаддатаго Вѣка“ (ноябрь 1890 г.). Всѣ три почтенныхъ автора совершенно одинаково, въ сущности, сочувственно относятся къ предложенію Кэрнеджи пожизненно распоряжаться „безъответственными богатствами“. Лишь нѣсколько отступаетъ отъ своихъ сотоварищей досточтимый Юзъ, признавая существующій экономическій порядокъ, который создаетъ милліонера, самъ по себѣ ненормальнымъ. Маннингъ всего ближе подходитъ къ мнѣнію Кэрнеджи и Гладстона и, анализируя ихъ подробно, приходитъ къ рѣшительному заключенію о необходимости въ нашъ вѣкъ принять твердыя мѣры, „дабы уничтожить бѣдность и возмутительную нищету“. Ключъ для этой реформы—говоритъ кардиналъ,—„заключается вовсе не въ новомъ законодательствѣ, а въ усиліяхъ отдѣльныхъ лицъ сдѣлать себя лучше, въ личномъ самопожертвованіи, въ развитіи духа благотворительной гуманности и самоотреченія“... Предложеніе милліонера распоряжаться богатствами лишь при жизни, вмѣсто системы наслѣдства, находитъ полное сочувствіе этого замѣчательнаго католическаго архіепископа. „Эта мысль — говоритъ онъ—совершенно согласна съ духомъ христіанскаго ученія и, если бы люди такъ поступали, то измѣнилась бы наружность всего міра“... Итакъ, развитіе личной симпатіи между людьми, требуемой для широкой филантропической реформы, можетъ явиться лишь результатомъ самопожертвованія и одно лишь въ состояніи спасти міръ.

Еврейскій раввинъ Адлеръ совершенно примыкаетъ къ этимъ требованіямъ филантропіи и реформѣ наслѣдства. По его словамъ, эта мысль даже не новая, составляя повтореніе того, что было санкціонировано Библіей; онъ приводитъ изъ нея образцы и примѣры. Моисеево законодательство вообще узаконяетъ, по словамъ Адлера, что десятая часть всего производства должна идти на святыя дѣла, и онъ самъ знаетъ многихъ единовѣрцевъ, которые самымъ строгимъ образомъ исполняютъ предписаніе объ обязательной раздачѣ

„десятины“, и записи своихъ расходовъ на благотворительность ведутъ не менѣе строго, чѣмъ свои торговыя книги. Кэрнеджи и Гладстонъ, по словамъ почтеннаго раввина, повторяютъ такимъ образомъ старый урокъ, но пригодный по своему качеству и къ новымъ условіямъ. „Никогда не было,—заключаетъ онъ,—большей надобности проповѣдывать обязанности богатства и права бѣдности, какъ именно въ настоящее время, ибо никогда пропасть между бѣдностью и богатствомъ не была такъ велика, какъ именно теперь!!“...

Изложивши во всей подробности „Евангеліе Богатства“, Кэрнеджи съ его выводами, и обширную статью по поводу него Гладстона съ добавленіями трехъ духовныхъ лицъ о „безъотвѣтственныхъ богатствахъ“, я перешелъ въ своей лекціи о „Милліонахъ“ къ иллюстраціямъ на эту тему филантропическихъ учрежденій и подробно ознакомилъ слушателей съ однимъ подобнымъ учрежденіемъ, основаннымъ лишь въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ—Институтомъ Геэ (Gehe stift). Хотя, обратно съ ученіемъ Кэрнеджи, Институтъ этотъ, имѣющій широкія образовательныя цѣли на родинѣ основателя Саксоніи, основанъ послѣ смерти жертвователя, но по точной мысли, къ выполненію которой онъ готовился всю жизнь и также на деньги, нажитыя собственнымъ трудомъ.

Наконецъ въ заключеніе я обратился къ нашему отечеству—къ Россіи—и задался вопросомъ, насколько всѣ мнѣнія и выводы Кэрнеджи и Гладстона могутъ имѣть примѣненіе къ Россіи? На это я рѣшительно отвѣтилъ, что хотя у насъ, сравнительно со многими странами, можетъ быть богатства еще относительно мало, но это не мѣшаетъ тому факту, что у насъ имѣется также, и при томъ въ весьма значительной степени, развитіе богатствъ, принадлежащихъ къ категоріи „безъотвѣтственныхъ“; при чемъ я привелъ примѣры неудовлетворительной организаціи нашей налоговой системы, способствующей именно развитію у насъ такихъ богатствъ, которыя не несутъ никакой своей доли на общественныя нужды или несутъ слишкомъ мало. Этому же обстоятельству, т. е. развитію у насъ, въ относительно небогатой странѣ, значительнаго количества „безъотвѣтственнаго богатства“, много способствуетъ и другая причина: это—вѣковая привычка всего нашего общества, *какъ можно болѣе ожидать отъ государства и какъ можно меньше ему давать*, при отсутствіи развитія личной и частной иниціативы и безъ привычки обходиться собственными силами и собственнымъ разумомъ. У насъ во всемъ надѣются получить помощь отъ правительства и вообще ждутъ ее лишь сверху.

Лекція эта „о милліонахъ“, прочтенная въ Москвѣ 21 февраля 1898 года (въ пользу голодающихъ крестьянъ разныхъ губерній), имѣла громадный успѣхъ, гораздо большій, чѣмъ я могъ мечтать. Обширная аудиторія Историческаго музея была набита народомъ сверху донизу. Многимъ недостало билетовъ, и устроители (во главѣ ихъ г-жа Самарина) рѣшили пускать публику безъ билетовъ, съ правомъ стоять въ проходахъ. Общій сборъ превысилъ 800 руб., при наличности слушателей примѣрно около 900 человѣкъ. На лекціи присутствовали многія очень извѣстныя лица изъ общественныхъ дѣятелей и капиталистовъ. Такъ, на первомъ мѣстѣ, противъ самой каѳедры сидѣлъ извѣстный К. Т. Солдатенковъ, рядомъ съ нимъ адвокатъ Плевако, много извѣстныхъ мнѣ лично банковыхъ дѣятелей и лицъ изъ торговаго и фабрикантскаго міра. Лекція окончилась поздно, около 12 часовъ ночи. Вызовамъ и овацiямъ не было конца.

Но главный, пріятнѣйшій результатъ готовился мнѣ на слѣдующій день. Утромъ почта принесла съ собой цѣлый рядъ увѣдомленій отъ извѣстныхъ лицъ и безъ подписей, о пожертвованіяхъ въ мое распоряженіе для благотворительныхъ цѣлей большихъ или меньшихъ суммъ, какъ внѣшній знакъ выраженія благодарности и сочувствія къ моему чтенію и проводимымъ въ немъ мыслямъ. Первое по времени письмо гласило слѣдующее:

„Побуждаемые чувствомъ благодарности къ Вамъ за вчерашнюю лекцію Вашу „о милліонахъ“; мы просимъ Васъ, по полученіи этихъ строкъ, почтить насъ указаніемъ наиболѣе симпатичнаго Вамъ дѣла для образовательныхъ цѣлей бѣднѣйшаго народа, на что мы рѣшили предоставить сумму, не менѣе той, какую составилъ сборъ со вчерашней лекціи. Покорнѣйше просимъ Васъ въ прилагаемомъ конвертѣ съ адресомъ, сообщить намъ такое дѣло, мѣсто или учрежденіе, куда для того адресоваться, а также и сумму сбора съ Вашей лекціи. Искренне уважающіе Васъ слушатели лекціи „о милліонахъ“.

„М. 22 февраля 1898“.

Я сдѣлалъ немедленно справку у распорядительницы лекціи и послалъ ее по означенному адресу, прося всѣ возможныя въ этомъ случаѣ пожертвованія направлять не прямо ко мнѣ, а въ Редакцію „Русскихъ Вѣдомостей“.

За этимъ крупнымъ пожертвованіемъ послѣдовало немедленно таковое же въ *тысячу* рублей прямо въ мое распоряженіе, на тѣ цѣли, которыя я сочту нужными, затѣмъ 500 рублей, съ просьбой удѣлить часть на нуждающихся крестьянъ Орловской и Тульской губерній. Далѣе 300 рублей опять въ мое распоряженіе, съ просьбой

бой 100 рублей выдѣлить на раздачу вспомоществованія крестьянамъ Воронежской губерніи, жертвователь не извѣстенъ. Далѣе 285 рублей, присланныхъ при письмѣ, на помощь „нуждающимся отъ неурожая“ Орловской губерніи, подписано: „отъ усерднаго слушателя Вашихъ публичныхъ лекцій“. Затѣмъ, отъ неизвѣстныхъ прислана *тысяча* рублей, изъ коихъ, по моему указанію, 500 р. употреблено въ пользу Пречистенскихъ классовъ для рабочихъ Техническаго Общества и 500—на устройство подвижныхъ игръ для дѣтей при гимнастическомъ Обществѣ.

Итого, слѣдовательно, моя лекція „о милліонахъ“ принесла для разныхъ благотворительныхъ цѣлей, включая 800 рублей по первому письму, свыше 3.800 рублей, а включая сборъ со слушателей болѣе 4½ тысячъ рублей.

Если бы я не имѣлъ для большей части этихъ денегъ росписокъ изъ конторы „Русскихъ Вѣдомостей“, то я самъ бы не повѣрилъ такому небывалому успѣху своего чтенія на пользу благотворительности, тѣмъ болѣе, что я раньше настоящаго—итоговъ не подводилъ, не имѣя въ томъ надобности.

Помимо денегъ посыпались со всѣхъ сторонъ въ этотъ послѣдній, счастливый годъ моей профессорской дѣятельности въ Москвѣ, во-первыхъ, многочисленныя справки и просьбы о помощи отъ разныхъ лицъ и учрежденій, во-вторыхъ, просьбы объ указаніи печатныхъ матеріаловъ, употребленныхъ для приготовленія моей лекціи. Такъ, одно письмо проситъ указать, гдѣ моя лекція будетъ напечатана, и существуетъ ли на русскомъ языкѣ книга Кэрнеджи? Другое письмо,—въ какомъ журналѣ она будетъ напечатана, и, наконецъ, К. Т. Солдатенковъ мнѣ до тѣхъ поръ извѣстный только въ лицо, подошелъ ко мнѣ съ убѣдительной просьбой дать лекцію для его изданія, но мнѣ пришлось отклонить эту просьбу, объяснивъ ему ничтожные размѣры брошюры „Евангеліе богатства“ и желаніе свою лекцію видѣть первоначально въ журналѣ, что и сдѣлалъ вскорѣ „Вѣстникъ Европы“.

Госпожа Кувшинникова, мнѣ совершенно не знакомая, просила у меня денегъ (въ Старомъ Осколѣ Тульской губерніи) на устройство аудиторіи въ какой-то слободѣ и на школу.

Казаки Рамодановскаго хутора Полтавской губерніи и учительница ихъ школы просили меня оказать имъ помощь при устройствѣ школы и библіотеки, при чемъ ходатайство носило совершенно оффиціальный характеръ, съ приложеніемъ казенной печати, и въ заключеніе также просьба повторить въ ихъ пользу мою лекцію „о милліонахъ“.

Священникъ Могилевской губерніи (станція Краснополье), прочтя

отчетъ объ этой лекціи, обратился также съ почтительной просьбой и „дерзновеніемъ“, какъ онъ выразился, удѣлить часть собранныхъ денегъ на устройство и обновленіе его бѣдной церкви, иконостаса и утвари. „Если же возможно“, пишетъ онъ, „то взять даже на себя роль ходатая о его нуждахъ въ Москвѣ передъ богатыми москвичами, мнѣ лично вѣроятно извѣстными“. „Изъ газетныхъ отзывовъ“, пишетъ онъ, „о Вашей прекрасной лекціи, видно, что слушателей, и въ числѣ ихъ владѣтелей милліоновъ, у Васъ было не мало, нельзя ли поэтому Вамъ предложить о нашихъ нуждахъ?“.

Другой неизвѣстный мнѣ почитатель моихъ лекцій обратился ко мнѣ съ цѣлымъ рядомъ совѣтовъ, куда употреблять нужно собираемыя деньги. „Очень Вамъ благодаренъ“, пишетъ онъ, „за лекцію о милліонахъ, и что Вы предаете гласности тѣхъ милліонеровъ (будто бы?), которые умерли, ничего не сдѣлавши для ближнихъ, и которые и сейчасъ живутъ, но также глухи и безучастны къ нуждѣ ближняго. Кромѣ Вашихъ сказанныхъ полезныхъ дѣлъ, у насъ не достаетъ дешевыхъ квартиръ, работныхъ домовъ, гдѣ могъ бы бѣдный заработать хлѣбъ и ночлегъ, недостаетъ также пріютовъ для подкидышей, за неимѣніемъ возможности заплатить въ воспитательный домъ установленной платы, поэтому часто бросаютъ дѣтей на улицу на явную гибель, какъ видно изъ газетъ. А еще сколько мы не видимъ и не знаемъ. На многихъ углахъ и папертяхъ стоятъ нищіе: не подавать—грѣхъ да и жалко, сказано, просящему дай, а давая копѣйку, дѣлаемъ пользу кабаку, котораго, если бы не было, то было бы меньше бѣдности и преступленій. А въ провинціи сколько голодающихъ отъ неурожаевъ, безработицы, сколько нищеты у переселенцевъ, сколько бѣдности отъ пожаровъ. На всѣ эти необходимости у насъ нѣтъ ни одного учрежденія, куда бы могли направлять жертвованія. Когда все это будетъ предано гласности, то несомнѣнно найдутся добрые люди. У насъ, вѣдь, много личностей и товариществъ, имѣющихъ капиталы, а также дохода болѣе милліона въ годъ, какъ видно изъ отчетовъ. Не вредно, пишетъ онъ, отъ такихъ доходовъ, кромѣ 5%, брать еще 10% на нужды ближняго, въ пользу города“, и т. д. и т. д., слѣдуютъ такіе же совѣты, не стѣсняясь предлагать съ богатыхъ больше брать въ пользу бѣдныхъ!!!...

Я получалъ запросы о своей лекціи даже изъ-за границы, напримѣръ одно любопытное письмо изъ Швейцаріи (изъ Женевы), отъ одной молодой дамы, которую я зналъ ребенкомъ и которая успѣла выйти замужъ за иностранца, но не потеряла, очевидно, связи и памяти о Россіи. Она спрашиваетъ меня, гдѣ будутъ напе-

чатаны мои публичныя лекціи этого года (т. е. 1898 г.) и въ какомъ журналѣ? „Мнѣ особенно интересно“, пишетъ она, „прочесть лекціи, такъ затронувшія человѣческія сердца; будьте добры сообщить, если онѣ будутъ напечатаны, то какимъ путемъ мнѣ ихъ достать. Мой мужъ страшно также заинтересованъ человѣкомъ, читающимъ такія замѣчательныя лекціи“!..

Но самое крупное, какъ по содержанію, такъ и по размѣрамъ, я получилъ письмо 18 марта, безъ подписи и по всей вѣроятности написанное женщиной и по профессіи учительницей, или гувернанткой. Оно занимаетъ собой цѣлый большой листъ почтовой бумаги, мелко исписанный. Я позволю себѣ привести только нѣкоторыя, болѣе характерныя выдержки изъ этого любопытнаго письма:

„Позвольте Васъ отъ всей души благодарить“, такъ начинается оно, „за истинно христіанское дѣло и храбрость, съ которой Вы такъ прямодушно высказались передъ нашими невѣжественными купцами-милліонерами, которые Великимъ постомъ (лекція читалась именно въ Великомъ посту, на первой недѣлѣ въ воскресенье, на сколько мнѣ помнится) дѣлаются иногда будто бы добрѣе и милостивѣе къ бѣднымъ, и даже къ образованнымъ, надъ которыми они всегда готовы издѣваться, говоря съ ядовитой улыбкой: „Вольно же вамъ коптѣть надъ книгами, когда можно разбогатѣть безъ всякой науки, одними кабаками, одной лишь бездушной сноровкой умѣть обманывать своего брата“. „Вотъ почему давно надо обратить строгое вниманіе на это вопіющее зло, которое теперь еще болѣе усилилось по милости нашихъ очень и очень сомнительныхъ друзей французовъ, которые начали совсѣмъ переселяться въ Россію для своего обогащенія и для вреда нашему народу. Даже въ деревняхъ начали проявляться никуда уже негодныя француженки, которымъ ни почемъ портить глупыхъ нашихъ бабъ, научая ихъ разнымъ мерзостямъ, о которыхъ и писать совѣстно“... По словамъ автора, „деревенскія дѣвицы покидаютъ будто бы деревни для того только, чтобы развратничать въ Москвѣ по меблированнымъ комнатамъ, гдѣ онѣ, не желая честно служить, лишь пьянствуютъ съ дворниками и швейцарами(?!). Давно надо бы смотрѣть за всѣми этими непорядками и стремиться ихъ искоренить. Прежде всего надо начать съ того, чтобы строго слѣдить за купцами—богачами, научившимися разъѣзжать по за-границамъ и тамъ срамить Россію своими дикими безобразіями. Этихъ богачей нечего щадить, ихъ давно надо подвергать штрафу не менѣе 25 тысячъ въ годъ съ каждаго живущаго за границей и тратящаго свои милліоны на одинъ лишь развратъ и кутежи, при чемъ возвращаются домой совершенно негодными, да

еще притащутъ съ собой цѣлый штатъ дармоѣдовъ, подъ предлогомъ учителей. А развѣ французъ можетъ быть учителемъ?"—спрашиваетъ она, „кромѣ однихъ кривляній онъ ничего не понимаетъ, какъ это видно по обществу, находящемуся у развратника и безбожника Омона (извѣстный въ Москвѣ кафе-шантанъ, кажется уже теперь закрытый), которому дозволено забавлять нашихъ скучающихъ бездѣльниковъ, а купцы оттуда начали даже приглашать въ домъ француженокъ гувернантками..." (!!!?)

Далѣе продолжаются такія же сильныя реплики противъ француженокъ-гувернантокъ, которыя пріѣзжаютъ въ Россію только наживаться и портить своихъ питомцевъ.

„Вотъ почему многіе купцы богачи сами за свои деньги погубили своихъ саврасовъ, воспитавъ ихъ рысканіемъ по за-границамъ, а въ Москвѣ они не могутъ до сихъ поръ построить пріютъ для престарѣлыхъ труженицъ, которымъ приходится мучиться съ ихъ тупоумными ребятишками, грубыми и привыкшими своевольничать съ своими дурами няньками, старающимися вооружать ихъ противъ гувернантокъ, твердя постоянно: „Да къ чему Вамъ, батюшка, учиться, и слушать Вашу мамзель... Вашъ отецъ ничему не учился, а нажилъ себѣ милліоны". Вотъ каковы наши купцы и какъ трудно у нихъ жить честнымъ, нравственнымъ гувернанткамъ. Между тѣмъ какъ теперь самыя лучшія мѣста по выгодѣ считаются купеческія, ихъ очень мало, потому что купцы воображаютъ, что можно довѣрять дѣтей такимъ иностраннымъ бездушнымъ развратницамъ. Для чего же у насъ существуютъ институты, гдѣ воспитываются сироты высшаго сословія, чтобы быть учительницами, какъ это было при великомъ и мудромъ Государѣ Николаѣ Павловичѣ"... и пр. и пр... „а теперь купчики лишь катаются за границей и возвращаются оттуда съ пустыми головами и съ дырявыми карманами. Вы бы могли, г-нъ профессоръ", обращается почтенный авторъ ко мнѣ, „посовѣтовать этимъ упитаннымъ тѣльцамъ уступить домъ для московскихъ тружениковъ, назначивъ Васъ управляющимъ этимъ домомъ(?!), какъ честнаго и дѣльнаго чиновника, всегда готоваго войти въ положеніе трудящихся и не могущихъ пріискать себѣ спокойное помѣщеніе въ Москвѣ! Какое же Вы сдѣлали бы также великое дѣло, уговоривъ г-жу Алексѣеву построить пріютъ для престарѣлыхъ тружениковъ близъ Іерусалимскаго подворья" и т. д. „Да вразумитъ Васъ Всевышній, какъ достигнуть этой благородной и честной цѣли и пробудить отъ преступной спячки нашихъ толстопузовъ, спасти ихъ отъ смерти, привлекая на добрыя дѣла, за которыя имъ будутъ прощены ихъ великіе грѣхи, а Вамъ бы досталась слава быть честнымъ направителемъ этихъ бездушныхъ

богачей, не умѣющихъ съ пользой употреблять свои милліоны. Аминь.“(!!?..)

Это любопытное письмо, какъ откликъ и неожиданный результатъ моей лекціи, не требуетъ многихъ коментаріевъ и во всякомъ случаѣ указываетъ, какъ содержаніе горячо мною изложенныхъ моихъ „милліоновъ и что съ ними дѣлать“ взбудоражило московскіе умы въ самыхъ далекихъ даже углахъ и у самыхъ разныхъ представителей московскаго и вообще русскаго населенія.

Любопытно, насколько Петербургъ отличается отъ Москвы. Разница двухъ нашихъ столицъ рѣзко сказалась по поводу моего чтенія. Переселившись въ томъ же 1898 году въ Петербургъ, я дважды, какъ и въ Москвѣ, прочелъ свою лекцію „о милліонахъ“, но далеко не съ такими уже результатами. Въ Петербургѣ, вопервыхъ, не пришлось и половины слушателей противъ Москвы. Залъ Соляного Городка втрое меньше, вѣроятно, чѣмъ Историческій Музей, имѣлъ много пустыхъ мѣстъ, особенно при повтореніи лекціи. Разумѣется, въ чиновничьемъ Петербургѣ я не получилъ никакихъ денегъ на благотворительныя цѣли какъ это было въ богатой купеческой Москвѣ. Какъ говорили мнѣ друзья, на второй лекціи слышали даже попытки отдѣльныхъ лицъ шикать за тѣ самыя мѣста (какъ, напримѣръ, письмо Гладстона и Адлера и пр.), которыя вызывали въ Москвѣ неудержимые аплодисменты!!

Мало того, я удостоился въ Петербургѣ получить даже сатиру на свою лекцію, написанную въ стихахъ, которой и заключу свои настоящія воспоминанія объ этомъ поучительномъ эпизодѣ изъ моей профессорской жизни:

29 ноября 1898 года.

„Преуважаемый профессоръ!

Узнавъ, что Вы для школъ
Гроши собрать хотите,
(Что не соръ)
Вамъ русской шлю рефлексъ души,
Вотъ онъ:
Давнымъ давно я излагалъ,
Что безъ свободы въ людяхъ мысли,
Свобода слова лишь бурьянъ,
Не выростетъ приволье въ жизни.
Давно я также вопрошалъ,
Бесѣдуя о благахъ мира,
Какой законъ бы я издалъ,
Когда бы былъ Владыкой Міра

И отвѣчалъ лишь „вертопрахамъ“
Милліоны можно настяжать,
И въ лучшемъ случаѣ, съ бахвальствомъ,
Ихъ дѣлу доброму отдать.
А потому, пусть всякій смертный,
Милліонъ коль франковъ наживетъ,
Несетъ избытокъ въ храмъ народный,
„Меньшая братья“ гдѣ живетъ.
Не принесетъ кто—отобрать!!!
Тогда „Ротшильды“ невозможны
И „Дрейфусары“ улетятъ,
Тогда о мирѣ въ мірѣ можно
И „слово Царское“ понять!!!

Эта странная сатира даже подписана, и авторъ ея просилъ сообщить объ его письмѣ на моей лекціи, параллельно съ другими открытыми письмами, чего, натурально, я сдѣлать въ свое время не могъ и исполняю его желаніе лишь теперь (и то лишь отчасти), предавая гласности его произведеніе, но изъ скромности умалчиваю его имя...

Иванъ Янжулъ.

Къ постройкамъ стараго Петербурга.

Церковныхъ построекъ времени Петра Великаго въ Петербургѣ не сохранилось. Считающаяся наиболѣе старинною Троицкая церковь на Петербургской сторонѣ — оффиціально „соборъ“, бывшій главнымъ городскимъ, соотвѣтственно первоначальному центру столицы въ этой мѣстности,—построена въ половинѣ XVIII вѣка, на мѣстѣ сгорѣвшей церкви. Она сначала была отдѣльной залой, примыкавшей къ „Лѣтнему дворцу“—нынѣ Михайловскому или Инженерному Замку—и перенесена по указанію Императрицы Елизаветы, при перестройкѣ этого дворца, на теперешнее мѣсто, при чемъ была покрыта сферической крышей, добавлена колокольней и приспособлена къ условіямъ богослуженія. Стиль ея полу-французскій, полуголландскій того времени.

До шестидесятыхъ годовъ прошедшаго вѣка существовала на Петербургской сторонѣ еще другая старинная деревянная церковь, такъ называемая „Николы-Трунила“. На мѣстѣ ея (въ концѣ Малой Дворянской улицы) нынѣ построена каменная церковь quasi-русскаго стиля XIX вѣка. Прежняя церковь состояла изъ двухъ срубовъ, одного большого, холоднаго, и другого меньшаго, отапливаемаго, съ особой колокольней, соединенной съ церковью крытымъ навѣсомъ и съ огороженнымъ погостомъ. По внѣшности она напоминала скромную деревенскую церковь прежнихъ годовъ, хотя рѣзной иконостасъ ея холодной половины отличался изяществомъ. Названіе „Трунилы“, по преданію, было дано ей потому, что при ея постройкѣ, вслѣдствіе крайней болотности грунта, основы ея постоянно уплывали, какъ бы смѣясь — „труня“ надъ строителями.

Изъ гражданскихъ построекъ времени Петра I-го прежде всего обращаетъ на себя вниманіе деревянный, голландскаго вкуса домикъ царя, въ которомъ онъ жилъ въ первые годы постройки Петербурга, наблюдая за работами. Въ настоящее время онъ извѣстенъ столичному населенію главнымъ образомъ по находящейся въ немъ иконѣ „Нерукотвореннаго Спаса“, сопутствовавшей императору въ походахъ, и самая его мѣстность называется въ просторѣчіи „Спасителемъ“. Въ половинѣ XVIII вѣка надъ домикомъ былъ выстроенъ каменный съ желѣзной крышей шатеръ, но такъ какъ открытый со всѣхъ сторонъ, онъ мало предохранялъ отъ непогоды, то въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка былъ перестроенъ и снабженъ стеклянными окнами съ дверьми. Въ такомъ видѣ футляръ остался и понынѣ, съ нѣкоторымъ лишь увеличеніемъ его съ южной стороны, ко дню двухсотлѣтія столицы, для помѣщенія здѣсь ботика. Самая мѣстность дворца, по поводу праздниковъ 200-лѣтія рожденія Петра (въ 1872 году) и основанія Петербурга (въ 1903 г.), а также постройки здѣсь набережной, подвергалась значительному измѣненію. Сначала домъ стоялъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ воды, окруженный небольшимъ садомъ съ газоннымъ спускомъ къ рѣкѣ, потомъ придѣлана была небольшая пристань; окружавшая домикъ рѣшетка все расширялась, и наконецъ, съ проведеніемъ здѣсь широкой набережной, домикъ совершенно отдѣленъ отъ рѣки.

Домъ князя Меншикова на набережной Васильевскаго острова, служившій для Петра I-го мѣстомъ торжественныхъ и увеселительныхъ собраній, еще со второй половины XVIII вѣка включенъ въ совокупность зданій помѣщеннаго здѣсь при императрицѣ Аннѣ „сухопутнаго шляхетнаго корпуса“ (какъ это значилось на имѣвшейся надъ центральнымъ домомъ до половины прошедшаго вѣка штукатурной надписи), впослѣдствіи перваго кадетскаго корпуса. Однако онъ замѣтно выдѣляется изъ остальныхъ построекъ и въ немъ сохраненъ кабинетъ князя Меншикова, реставрированный въ послѣдніе годы съ возобновленіемъ стѣнныхъ изразцовъ и мебели.

Зданіе Петербургскаго Университета (прежде 12-ть коллегій) на Васильевскомъ островѣ также донынѣ служитъ памятникомъ зодчества времени Петра Великаго. Оно состоитъ какъ бы изъ соединенныхъ домовъ одинаковаго фасада, благороднаго по простотѣ, съ любимымъ въ эти годы фронтономъ, навѣяннымъ зодчествомъ еще конца среднихъ вѣковъ, часто встрѣчающимся на зданіяхъ городовъ Балтійскаго и др. прибрежій, какъ Любека, Гамбурга, Копенгагена. Таковы же фасады и фронтоны особаго небольшого дома на набережной Невы, занимаемаго Ректоромъ Университета. Такой же

архитектуры и старое зданіе Академіи Наукъ. Но наилучшимъ памятникомъ Петровскаго времени — можно сказать самому Петру — представляется въ Петербургѣ Петропавловскій Соборъ въ Крѣпости того же имени. Въ его архитектурѣ ярко высказалась любовь Петра къ морскому дѣлу, мысль о Петербургѣ, какъ о звенѣ, соединяющемъ иноземный міръ съ отечественнымъ. Въ сущности это есть маякъ, сторожевая башня, подобная существующимъ въ бывшихъ ганзейскихъ городахъ, видимая своимъ золотымъ шпилемъ еще изъ Кронштадта и направлявшая иностранные корабли до Петербурга. Тяжелымъ корпусомъ она господствуетъ надъ церковью, и колокольный звонъ имѣетъ въ ней мало значенія. Съ бокового фасада все зданіе представляется похожимъ на корабль съ высокой мачтой и объемистой, разукрашенной кормой. Вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ продолговатымъ планомъ, безъ преобладающаго значенія срединнаго купола, висячей каѳедрой — этой непремѣнной принадлежностью первыхъ церквей петербургскаго періода,—почти отсутствіемъ иконостаса, четырехстворчатыя царскія врата котораго, при открытіи, совершенно обнажаютъ внутренность алтаря, храмъ этотъ отвѣчалъ и другой любимой мысли Петра: приблизить наше богослуженіе, если не самое исповѣданіе, къ лютеранству, какъ формѣ религіи, болѣе подходившей къ запросамъ его раціонализма и педагогики. Правда, соборъ былъ оконченъ постройкой уже при императрицѣ Аннѣ, но планъ его былъ установленъ имъ самимъ и нѣкоторое время сдѣлался какъ-бы моднымъ. Подражанія Петропавловскому Собору встрѣчаются въ Петергофѣ (Знаменская церковь до позднѣйшей ея перестройки), Шлиссельбургѣ и даже Ярославлѣ.

Постройки времени первыхъ преемниковъ Петра носятъ на себѣ тотъ же характеръ половинчатости и поспѣшности, присущій постройкамъ петровской эпохи. Не то деревянныя, не то каменныя, онѣ указываютъ на предстоявшую необходимость скорѣе удовлетворить потребности въ помѣщеніяхъ для всякаго рода государственныхъ и общественныхъ учрежденій новой столицы. Дворцы строятся по большей части деревянные, оштукатуренные, съ обиліемъ алебастровыхъ украшеній, статуй и т. п., по фасаду, иногда весьма изящному, какъ напримѣръ Лѣтняго Дворца. Они быстро подвергаются губительному дѣйствію сѣвернаго климата, вѣтровъ, дождей, сырости и мороза. Внѣшнія украшенія облупляются, открытые итальянскіе корридоры, любимые тогдашними иностранными зодчими, разрушаются, внутри царитъ невозможный холодъ. Такъ, упомянутый Лѣтній Дворецъ уже сталъ трудно обитаемъ къ половинѣ XVIII вѣка, и жившая въ немъ императрица Елизавета, на

время постройки нынѣшняго Зимняго Дворца, должна была удовольствоваться помѣщеніемъ въ частномъ домѣ, на углу Невскаго и Большой Морской (нынѣ Елисѣева), гдѣ и скончалась. Городскія церкви того времени были, по большей части, скромными сооруженіями шаблонной архитектуры, съ раздѣленіемъ на переднюю—теплую и заднюю—холодную части; первая, болѣе обширная и высокая, увѣнчивалась деревяннымъ малоизящнымъ куполомъ, передъ второй—небольшая колокольня. Красотой отличались въ этихъ церквахъ лишь иконостасы, московскаго типа XVII вѣка, иногда изумительной по изяществу рѣзьбы. Таковы церкви св. Пантелеймона, Симеона и Анны, первоначальная Сергіевская, Казанская, Захарія и Елизаветы въ Кавалергардскомъ полку. Впрочемъ, таковы были преимущественно приходскія церкви, расположенныя при пересѣченіи улицъ, гдѣ отведенное для нихъ ограниченное, обыкновенно продолговатое, мѣсто обусловливало указанный характеръ постройки и не давало возможности разнообразить сооруженія. На окраинахъ же города, особенно въ мѣстахъ расположенія полковъ, подъ церкви отводился обыкновенно обширный погостъ, служившій вмѣстѣ съ тѣмъ кладбищемъ для прихода, до послѣдовавшаго въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка, послѣ моровой язвы въ Москвѣ, запрещенія хоронить при церквахъ въ чертѣ города и устройства для этой цѣли особыхъ кладбищъ. На такихъ погостахъ строились или по двѣ церкви—одна лѣтняя, большого размѣра, а другая зимняя—меньшаго, или церкви болѣе просторныя, двухъэтажныя, изъ которыхъ нижняя была теплою, а верхняя холодною, съ наружными, открытыми лѣстницами въ два загнутыхъ марша, итальянскаго типа, иногда весьма изящными. Таковы были церкви Воздвиженія Св. Креста и при ней Іоанна Предтечи въ Ямской Слободѣ, Св. Андрея Первозваннаго на Васильевскомъ островѣ съ церковью Трехъ Святителей, двухъэтажная церковь Владимірской Божіей Матери, въ придворныхъ слободахъ, Морской Богоявленскій Соборъ—иначе Никола Морской—въ слободахъ Гвардейскаго экипажа. Характерные архитектурные мотивы встрѣчаются, между прочимъ, въ постройкахъ церквей Благовѣщенія на Васильевскомъ островѣ и Св. Самсонія на Выборгской сторонѣ. Первая, своей верхней частью, увѣнчанной пятью небольшими луковицеобразными главками, и незастроенной окружающею церковь пристройкой позднѣйшаго времени, напоминаетъ московскія церкви XVII вѣка, наприм. „Николы Большой крестъ“ на Ильинкѣ, а тяжелая ея колокольня невыработаннаго еще стиля—кіевскія башни того же вѣка; что же касается Самсоньевской церкви, то невольно удивляетъ шатрообразный верхъ ея колокольни, съ типичными окошечками фряжскаго образца, ка-

кимъ-то чудомъ перенесенный на обыденную постройку XVIII вѣка и переносящій въ Россію чуть не XVI вѣка.

Въ окрестностяхъ Петербурга интересенъ, между прочимъ, въ бытовомъ отношеніи архитектурный уголокъ дворца въ Ораніенбаумѣ. Дворецъ этотъ былъ построенъ въ царствованіе Екатерины I по указанію князя Меншикова, предполагавшаго имѣть въ немъ жительство и въ послѣдующее царствованіе несовершеннолѣтняго императора Петра II. Къ сожалѣнію, ему не пришлось имъ долго пользоваться, такъ какъ онъ былъ арестованъ замѣнившими его временщиками въ самый день окончательнаго открытія дворца. Расположенный на горномъ уступѣ, обдѣланномъ массивнымъ гранитомъ, и состоя изъ двухъэтажной центральной постройки голландско-французскаго стиля начала XVIII вѣка, съ двумя галлереями, Ораніенбаумскій дворецъ заканчивается по фасаду двумя обширными весьмигранными павильонами съ такими же куполами, напоминающими флорентинскіе храмы романской эпохи. Одинъ изъ этихъ павильоновъ назначался для бальной залы, а въ другомъ устроена церковь. Алтарь послѣдней помѣщается въ одной изъ наугольныхъ пристроекъ къ павильону и отдѣляется высокимъ, золоченымъ иконостасомъ самой тонкой рѣзьбы, переносящимъ въ московскіе храмы XVII вѣка; стѣны ея заполнены священными изображеніями итальянской живописи, а въ другой изъ угловыхъ ея пристроекъ имѣется ложа для высокихъ особъ. Въ общемъ церковь напоминаетъ придворныя иновѣрческія церкви владѣтельныхъ князей Германіи и прямо переноситъ въ своеобразный міръ двора первыхъ преемниковъ Петра Великаго,—этой механической амальгамы разнообразныхъ элементовъ византійско-московской и западно-европейской жизни.

Трудно миновать еще одинъ своеобразный храмъ, возобновленіе котораго относится къ той же первой половинѣ XVIII вѣка, находящійся въ мѣстности, хотя болѣе отдаленной отъ столицы, но подвергшейся съ теченіемъ времени ея воздѣйствію, — въ г. Нарвѣ. Это Нарвскій православный Спасопреображенскій соборъ. Храмъ этотъ, первоначально католическій, построенный въ XIII вѣкѣ, раздѣлялъ историческія судьбы Эстляндіи, переходившей изъ подъ власти датчанъ къ рыцарямъ тевтонскаго ордена, отъ нихъ къ шведамъ и, наконецъ, при Петрѣ I, къ Россіи, былъ обращенъ въ половинѣ XVI вѣка въ лютеранскій, а при окончательномъ завоеваніи ея русскими — въ православный, при чемъ однако находившаяся въ городѣ небольшая православная церковь была предоставлена лютеранамъ. Стиль храма—первобытно-готическій, стрѣльчатые своды внутри прямо переносятъ вглубь среднихъ вѣковъ; высокая, круглая башня, издалека видная по р. Наровѣ, дополнена

небольшой деревянной надстройкой для колоколовъ, такой же небольшой куполъ вѣнчаетъ нынѣ храмъ съ его стрѣльчатыми окнами и контрфорсами. Въ самой церкви замѣчателенъ иконостасъ также тонкой рѣзной работы временъ императрицы Анны, при чемъ онъ расположенъ по образцу иконостаса Петербургскаго Петропавловскаго собора, т. е. царскія врата его, низкія и широкія, совпадаютъ съ средней аркой церкви, такъ что при открытіи ихъ исчезаетъ представленіе о раздѣльности алтаря отъ церкви. Замѣчательна также въ ней особая каѳедра для проповѣдника, наивной рѣзьбы XVI вѣка, съ сѣнью и фигурой ангела, поддерживающаго ее снизу. Впрочемъ фигура эта недавно устранена, по несоотвѣтствію съ правилами православія.

Вступленіе на престолъ императрицы Елизаветы Петровны дало сильный толчокъ постройкѣ въ Петербургѣ болѣе обширныхъ, прочныхъ и изящныхъ частныхъ и общественныхъ зданій. Смутное время правленія первыхъ преемниковъ Петра не благопріятствовало этому дѣлу. Подъ вліяніемъ приверженцевъ старины, возникала даже мысль о возвращеніи столицы въ Москву. Самъ Петръ II провелъ три года царствованія (1727—1730) въ Москвѣ; въ Петербургѣ оставался лишь генералъ-губернаторъ, неизмѣнный сподвижникъ Петровъ въ сферѣ государственной техники, фельдмаршалъ Минихъ. По отзывамъ иностранцевъ, наприм. лэди Рондо, скороспѣлыя постройки первыхъ лѣтъ столицы къ тому времени уже обваливались, городскіе каналы осыпались, между тѣмъ средствъ на ихъ ремонтъ не доставало, да и не было къ тому охоты, при неизвѣстности окончательной судьбы столицы. Отъ кратковременнаго царствованія злополучнаго младенца-императора Іоанна VI остаются лишь Іоанновскія ворота Петропавловской крѣпости съ означеннымъ на нихъ годомъ постройки (1740), — единственнымъ годомъ правленія. Ворота эти донынѣ даютъ о себѣ знать въ церемоніалахъ погребенія при каждой кончинѣ высокихъ особъ.

Елизавета Петровна, несмотря на всю симпатію къ Москвѣ, съ которой она сроднилась во время продолжительнаго обязательнаго пребыванія въ ней, въ лучшіе годы молодости, по вступленіи на престолъ, разрѣшила спорный между Москвой и Петербургомъ вопросъ въ пользу послѣдняго, чтя память отца. Съ того времени усиленно пошла въ немъ постройка домовъ сановниками и вельможами. Дома эти расположились преимущественно по обоимъ берегамъ рѣки Фонтанки, на обширныхъ дворовыхъ мѣстахъ, которыя

и застраивались по исконному образцу Москвы и другихъ столицъ: въ центрѣ владѣнія обыкновенно стоялъ главный жилой домъ съ подъѣздомъ, съ обѣихъ сторонъ выступали отъ него меньшей высоты флигеля, обнимавшіе передній дворъ, на послѣднемъ бывала лужайка; задній фасадъ дома выходилъ въ садъ, доходившій до улицы Садовой или Загороднаго проспекта. Такъ былъ выстроенъ домъ графа Алексѣя Разумовскаго, нынѣ Аничковъ дворецъ, ставшій бокомъ къ Невской перспективѣ. По тому же плану были построены дома: кн. Чернышева, нынѣ Пажескій корпусъ, гр. Лестока на углу переулка его имени (Лештукова), сломанный въ 80-хъ годахъ прошедшаго вѣка, кн. Юсупова — въ настоящее время Министра Путей Сообщенія, подобный же домъ на противоположномъ углу Обуховскаго проспекта, сначала застроенный полуциркульнымъ домомъ, возведеннымъ при регулированіи здѣсь въ 30-хъ годахъ улицы подъ Московское шоссе, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ окончательно сломанный. По р. Мойкѣ были выстроены дома гр. Строганова, Кириллы Разумовскаго—нынѣ Николаевскій Сиротскій Институтъ, Орловыхъ, Демидовыхъ и др. Всѣ эти постройки принадлежали стилю французскаго возрожденія — точнѣе, той разновидности его, которая получила ходячее названіе стиля рококо, отличаясь отъ болѣе величественнаго стиля построекъ времени Людовика XIV меньшими размѣрами, легкостью и прихотливостью внѣшнихъ украшеній, колонокъ, пилястръ, пересѣченныхъ карнизовъ, раковинъ, трельяжа, за которыми такъ уютно жилось поколѣнію эпохи Людовика XV-го, далекому отъ серьезныхъ запросовъ государственности и искавшему лишь комфорта и роскоши частной жизни. Помощниками нашимъ предкамъ въ этомъ дѣлѣ были итальянскіе художники, преимущественно тѣ, которые сами или отцы ихъ были вызваны во Францію для осуществленія грандіозныхъ замысловъ Людовика XIV, но, съ наступленіемъ упорныхъ военныхъ неудачъ конца его царствованія, остались тамъ безъ занятій и охотно принимали приглашенія въ Россію. Этимъ объясняется и то, что указанные художники привили къ намъ не чистый стиль родины, а его французское видоизмѣненіе.

На-ряду съ постройкой частныхъ домовъ шла въ это время усиленная постройка дворцовъ. Зимній Дворецъ въ Петербургѣ остается донынѣ памятникомъ старанія императрицы Елизаветы имѣть здѣсь величавое помѣщеніе для представителей верховной власти, которое бы соотвѣтствовало измѣнившемуся значенію нашей страны въ средѣ европейскихъ государствъ. По складу тогдашней жизни залами дворцовъ пользовалось, кромѣ монарха, почти все болѣе образованное общество, воспитывая на ихъ красотахъ искусства изящный вкусъ

и разнося его между населеніемъ. Подъ стать Зимнему дворцу былъ тогда же выстроенъ большой Царскосельскій дворецъ, быть можетъ превосходящій его цѣлостностью и изяществомъ. Правда, заботливой строительницѣ не удалось видѣть окончанія этихъ сооруженій—открытіе обоихъ дворцовъ послѣдовало уже въ первые годы правленія императрицы Екатерины II. Наконецъ бойко пошла при Елизаветѣ постройка въ Петербургѣ храмовъ, при содѣйствіи правительства. За ея время были построены едва-ли не лучшія до сихъ поръ приходскія церкви, Владимірская, Никольская, Вознесенская, а также Смольный монастырь съ его соборомъ. Къ сожалѣнію, эти церкви не представляются нынѣ вполнѣ въ ихъ первоначальномъ видѣ: Владимірская удлинена въ началѣ прошедшаго вѣка пристройкой помѣщенія для теплой лѣстницы, ведущей въ верхнюю церковь, вмѣсто наружной, съ приданіемъ западному фасаду храма портика, не совпадающаго со стилемъ остальной части храма. Тогда же построена, при церкви, новая колокольня, тяжелаго, холоднаго вкуса сооруженій начала XIX вѣка. У Никольской церкви также уничтожена внѣшняя лѣстница изъ верхняго ея этажа, къ ущербу красоты храма и къ явной опасности въ случаѣ пожара. Отъ прежней Вознесенской церкви осталась нынѣ, можно сказать, одна только колокольня—изящное сооруженіе стиля рококо, стройное, легкое и по ширинѣ отверстій вполнѣ удовлетворяющее требованіямъ акустики. Самая церковь удлинена и фасадъ передѣланъ по типу построекъ слѣдующаго вѣка. Въ Смольномъ монастырѣ мы не видимъ колокольни, которая осталась лишь въ проектѣ,—впрочемъ, едва-ли не на пользу всего сооруженія. Можно думать, что при предположенной высотѣ колокольни (до 60 саж.) и соотвѣтственномъ объемѣ, она давила бы собой храмъ и постройки монастыря и, во всякомъ случаѣ, нарушила бы единство сооруженія. Въ окрестностяхъ Петербурга также было выстроено въ тѣ годы не мало церквей одинаковой съ указанными архитектуры, каковы главная Троицкая церковь въ Сергіевской пустынѣ, близъ Стрѣльны, и другія.

Кто же былъ зодчимъ всѣхъ этихъ домовъ, усадьбъ, дворцовъ и храмовъ, созданныхъ за время Елизаветы въ новой столицѣ и разсѣянныхъ по всей странѣ? Общій голосъ издавна соединяетъ ихъ съ именемъ архитектора Растрелли [1]). Если принять безъ

[1]) *Растрелли*, графъ Варѳоломей, род. 1700 г., сынъ скульптора, придворный оберъ-архитекторъ Императрицы Елизаветы Петровны, построилъ дворцы Зимній и большой Царскосельскій, дома гр. Строганова и Шереметева въ Петербургѣ, кн. Трубецкаго въ Москвѣ, соборы: Смольный, Никольскій и Андрея Первозваннаго (въ Кіевѣ) и множество другихъ зданій † 1771 г.

критики завидную популярность графа Растрелли, то пришлось бы заключить о его сверхъ-естественномъ творчествѣ и трудолюбіи. И дѣйствительно, необыкновенная производительность его подтверждается донынѣ сохранившимися документальными свѣдѣніями. Впрочемъ, многочисленность его построекъ видна изъ нѣкоторой спѣшности и однообразія ихъ выполненія. Судя по примѣрамъ послѣдующаго времени, можно также полагать, что славное имя Растрелли покрыло собою совокупность талантливыхъ архитектурныхъ силъ его учениковъ-сотрудниковъ, какъ Гваренги, Чевакинскій, Кокориновъ, Баженовъ и др., работавшихъ подъ его руководствомъ, своего рода школу, разнесшую по всей Россіи дорогое имя учителя. При томъ архитектору Растрелли выпала счастливая доля, если не родиться въ нашемъ отечествѣ, то узнать его съ юныхъ лѣтъ: еще его отецъ, замѣчательный для своего времени скульпторъ, былъ вызванъ при Петрѣ Великомъ и оставилъ здѣсь по себѣ память изваяніями Петра и Императрицы Анны. Молодой художникъ видимо смолоду проникся мѣстными воззрѣніями на характеръ и необходимыя условія сооруженій, которыя ему впослѣдствіи пришлось выполнять. Въ его дворцахъ и храмахъ причудливый стиль рококо никогда не впадаетъ въ его разнузданную разновидность, извѣстную подъ названіемъ стиля бароко, которая такъ претитъ простому русскому вкусу, а напротивъ пріобрѣтаетъ сдержанность и серьезность въ примѣненіи къ зданіямъ бо́льшаго размѣра. Растрелли любитъ нашъ старый многоярусный иконостасъ, выдвигаетъ его внутрь храма, поднимаетъ его въ самый куполъ, предоставляя просторное помѣщеніе алтарю. У него и алтарь свѣтелъ и иконостасъ счастливо освѣщенъ падающими сверху лучами, а что еще знаменательнѣе—онъ предпочитаетъ планировку храмовъ въ одинъ престолъ, что вносило единство въ богослуженіе, опять таки по образцу храмовъ первыхъ временъ. Кромѣ того Растрелли сталъ дорогъ русскому люду, любящему колокольный звонъ, какъ отецъ нашей колокольни послѣдняго періода: изящная, стройная, какъ пальма, колокольня Троице-Сергіевской Лавры знакома едва-ли не каждому съ первыхъ лѣтъ дѣтства, хотя бы изъ однѣхъ народныхъ игрушекъ, не говоря уже о многочисленныхъ подражаніяхъ.

Изъ всѣхъ сооруженій Растрелли въ Петербургѣ, если не во всей Россіи, самое совершенное—Смольный монастырь съ его соборомъ. Послѣдній, уже при первомъ взглядѣ, поражаетъ величавой оригинальностью своего верхняго строенія—купола съ примыкающими къ нему четырьмя башнями, составляющими одно цѣлое, какого нѣтъ ни на одномъ храмѣ. Здѣсь Растрелли разрѣшилъ интересную строительную задачу, на которой невольно останавливаешься. Извѣ-

стенъ первоначальный видъ христіанскаго храма, перешедшій къ намъ съ востока: каменный кубъ, увѣнчанный цилиндрической главой съ сферическимъ или луковицеобразнымъ покрытіемъ. Впечатлѣніе простоты и единства. Съ увеличеніемъ размѣра храма, увеличивалось разстояніе между внутренними его столбами, служащими опорою куполу, и внѣшними стѣнами; одна глава становилась недостаточной для завершенія зданія, требовалось освѣщеніе угловыхъ пространствъ—явились на храмѣ пять главъ. Впечатлѣніе единства было нарушено, и чѣмъ обширнѣе становился храмъ, чѣмъ грузнѣе главы, тѣмъ оно болѣе исчезало. Думается, что самъ Растрелли не могъ быть доволенъ внѣшнимъ видомъ хотя бы Никольской церкви въ Петербургѣ, гдѣ крайнія четыре главы оказались такъ удаленными отъ средней, что издали средняя глава кажется даже меньше крайнихъ. Во Владимірской церкви уже замѣтно стремленіе сблизить пять главъ, съ образованіемъ изъ нихъ какъ-бы одной купы, чему способствуетъ и закругленіе угловъ храма. Смѣлѣе, въ этомъ отношеніи, Растрелли становится при постройкѣ Андреевскаго собора въ Кіевѣ. Здѣсь онъ принимаетъ для храма планъ четырехъ-конечнаго креста, устраняетъ въ немъ отдѣльныя внутреннія опоры, для поддержки купола пользуется пересѣченіями внѣшнихъ стѣнъ въ углахъ креста, укрѣпляетъ ихъ извнѣ пристройкой четверо-угольныхъ контрфорсовъ, надстраиваетъ послѣдніе изящными башенками, и такимъ образомъ получается своеобразный видъ храма, увѣнчаннаго однимъ куполомъ съ четырьмя легкими опорами, припоминающими какъ бы постройки готики. Насколько понравилась въ свое время эта мысль Растрелли, видно на примѣрѣ Андреевской церкви въ Петербургѣ, строитель которой явно ею воспользовался, хотя не имѣлъ достаточнаго таланта, чтобы произвести одинаковый эффектъ. При постройкѣ Смольнаго собора Растрелли уже окончательно останавливается на увѣнчаніи обширнаго храма однимъ верхнимъ сооруженіемъ, которое бы составило естественное продолженіе нижняго. При этомъ онъ выбираетъ не ординарный однообразный куполъ, а сомкнутую совокупность купола съ четырьмя одинаковой съ нимъ высоты башнями. Ставить на храмѣ пять отдѣльныхъ главъ было въ данномъ случаѣ тѣмъ неумѣстнѣе, что по характеру монастырскихъ сооруженій соборъ самъ по себѣ былъ окруженъ четырьмя одноглавыми церквами, дополненными еще восемью небольшими башнями по угламъ монастырской ограды. Для своего причудливаго сооруженія Растрелли рѣшилъ воспользоваться четырьмя внутренними столпами храма, опорами купола, и на нихъ поставилъ двухъэтажныя башни, при чемъ небольшія пространства между башнями и ку-

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Смольный монастырь

поломъ, соотвѣтствующія паруснымъ сводамъ, замкнулъ едва замѣтными стѣнками, соединившими башни съ куполомъ. Онъ не побоялся увеличить давленіе на опоры, производимое куполомъ, еще тяжестью надстроенныхъ надъ ними башенъ, припоминая, быть можетъ, назначеніе, какое имѣютъ въ готикѣ высокоподнимающіяся вершины контрфорсовъ, сдерживающихъ внутреннія арки храмовъ. Во всякомъ случаѣ, послѣдующее время оправдало допущенный строителемъ рискъ статики; зданіе незыблемо простояло долгіе годы перерыва работъ по его отдѣлкѣ. И здѣсь, удачно разрѣшенная Растрелли задача сблизить церковныя главы въ одно цѣлое завлекла впослѣдствіи реставратора храма, архитектора Стасова, примѣнить подобный же проектъ къ порученной ему въ 30-хъ годахъ прошедшаго вѣка постройкѣ Троицкаго собора въ Измайловскомъ полку. Онъ также попытался образовать надъ храмомъ одну группу куполовъ, приблизивъ малые купола къ главному; для этого онъ принялъ проектъ четырехсторонняго креста и боковые купола поставилъ надъ сводами четырехъ крыльевъ храма. Получилось, дѣйствительно, цѣльное оригинальное сооруженіе, но далеко не красивое. У храма не оказалось передняго фасада, такъ какъ малые купола заслонили большой куполъ, а тамъ, гдѣ вполнѣ виденъ послѣдній, подъ него вдаются боковые углы зданія.

Красотѣ внѣшняго вида Смольнаго собора много содѣйствуетъ согласованность съ нимъ окружающихъ, бывшихъ монастырскихъ, построекъ, какъ по стилю, такъ и по размѣрамъ. Четыре малыхъ церкви, принадлежащія нынѣ Вдовьему дому и двумъ институтамъ (одна—лютеранская)—почти копіи Кіевской Андреевской церкви, а жилой квадратъ съ изящными корридорами прямо переноситъ въ итальянскіе монастыри прошлыхъ вѣковъ, или въ своего рода Эскуріалъ, въ которомъ царственная строительница предполагала провести послѣдніе годы жизни. Живописна и самая мѣстность монастыря на берегу Невы, дѣлающей здѣсь крутой изгибъ и тѣмъ открывающей видъ на монастырскія строенія и соборъ почти со всѣхъ сторонъ. Что касается внутренней отдѣлки Собора, то неприхотливый вкусъ современниковъ его реставраціи, подъ впечатлѣніемъ непривычной массы свѣта внутри растрелліевскаго созданія, не замѣтилъ ея бѣдности и несоотвѣтствія ея классическаго характера съ наружнымъ стилемъ храма. Лишь впослѣдствіи были произведены, въ этомъ отношеніи, нѣкоторыя измѣненія: тяжелые иконостасы замѣнены болѣе легкими, стиля рококо, добавлена каѳедра того же стиля и т. п. Но храмъ все еще ожидаетъ, согласно первоначальному плану, одного алтаря съ соотвѣтственнымъ иконостасомъ, болѣе выдвинутымъ и высящимся, припоминая тотъ грандіоз-

ный металлическій иконостасъ, который уже былъ нѣкогда установленъ въ немъ, но въ тяжелую эпоху 1812 года былъ разобранъ и перелитъ въ орудія.

Правленіе Императрицы Екатерины II составило новую эпоху во всѣхъ областяхъ общественной жизни Россіи, въ томъ числѣ и въ дѣлѣ строительства молодой столицы. Возникшій во второй половинѣ XVIII вѣка на западѣ, особенно во Франціи, поворотъ къ задачамъ устройства болѣе разумнаго человѣческаго общежитія нашелъ себѣ отраженіе и у насъ, по крайней мѣрѣ, въ средѣ болѣе просвѣщеннаго класса населенія. На-ряду съ правительствомъ, сотрудники Царицы-философа начинаютъ стремиться уже не къ одному увеличенію личнаго достатка, не только къ комфорту въ частныхъ жилищахъ, но желаютъ оставить по себѣ память устройствомъ общеполезныхъ учрежденій, научныхъ, образовательныхъ, художественныхъ и благотворительныхъ. Соотвѣтственно болѣе серьезному назначенію сооружаемыхъ зданій и стиль ихъ становится болѣе строгимъ, изъ легкаго ренессанса онъ постепенно переходитъ въ классическій, устраняется обиліе внѣшнихъ украшеній, строитель заботится главнымъ образомъ о правильности и величіи основныхъ линій и частей зданія. Фундаментъ такихъ зданій обыкновенно облицовывается камнемъ, первый этажъ заполняется крупными рустиками, образуя пьедесталъ всему сооруженію, фасадъ представляетъ обширныя плоскости, прорѣзанныя окнами и изрѣдка обрамленныя небольшими портиками возможно простого стиля, преимущественно тосканскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется самое расположеніе зданія: это уже не расплывшаяся на обширной площади постройка, съ безконечно выдвинутыми флигелями, обнимающими просторный дворъ, но компактное многоэтажное сооруженіе съ однородными помѣщеніями, величественною лѣстницею и внутреннимъ дворомъ, на который архитекторъ обращаетъ особенное вниманіе какъ въ отношеніи его плана, такъ и выходящаго на него внутренняго фасада зданія. Словомъ, зданіе становится монументомъ. Такъ и назвали его французы, распространивъ понятіе монумента и на образцовыя произведенія строительнаго искусства (примѣръ Старый Лувръ въ Парижѣ). Въ Петербургѣ типичнымъ зданіемъ указаннаго времени и стиля является Академія Художествъ, построенная въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка архитекторомъ Кокориновымъ [1]). Зданіе это, со всѣхъ

---

[1]) *Кокориновъ*, Александръ Филипповичъ, род. 1726 г. въ Сибири, сынъ архитектора гг. Демидовыхъ, съ 1742 г. ученикъ гр. Растрелли, съ 1754 г. унтеръ-архитекторъ и помощникъ Растрелли, съ 1758 г. на службѣ Академіи

Академія Художествъ .

сторонъ одинаковой высоты и почти одинаковыхъ фасадовъ, съ круглымъ дворомъ внутри, по благородной простотѣ и выдержанности стиля представляетъ собою такое законченное, монументальное цѣлое, что малѣйшая попытка его измѣнить всегда нарушала общую гармонію. Даже статуя Екатерины, временно поставленная надъ переднимъ куполомъ, ждала только случая покинуть назначенное ей мѣсто. Такого же правильнаго величаваго въ своей простотѣ стиля, даже безъ выдающихся пилястръ и только съ вертикальными желобками по фасаду, зданіе Стараго Эрмитажа на дворцовой набережной. Оно, кромѣ того, счастливо обрамлено—со стороны дворца—поперечнымъ флигелемъ (павильонъ Флоры), сохранившимъ въ небольшой колоннадѣ верхняго этажа капители стиля елизаветинскаго времени, а съ другой стороны—театральнымъ корпусомъ, украшеннымъ пилястрами, нишами и статуями классическаго характера, чѣмъ образуется удачный переходъ смежныхъ зданій отъ стиля одной эпохи къ стилю другой. Похоже на Академію Художествъ также одно изъ зданій, примыкающихъ къ Смольному монастырю, въ которомъ нынѣ помѣщается Александровскій женскій институтъ. По условіямъ мѣстности, стѣсненной съ одной стороны монастырской стѣной, а съ другой поперечной къ Невѣ улицей, зданію этому по необходимости предстояло имѣть нѣсколько этажей и небольшой внутренній дворъ. Во избѣжаніе отсутствія свѣта и воздуха во дворѣ, строителю пришла счастливая мысль сдѣлать въ поперечномъ флигелѣ, обращенномъ къ рѣкѣ, три изящныхъ арки, дающихъ двору свѣтъ, воздухъ и прекрасный видъ. Но наиболѣе типичнымъ въ Россіи памятникомъ данной архитектуры, о которомъ невольно приходится упомянуть, является московское зданіе бывшаго Сената, нынѣ судебныхъ учрежденій, первоначально назначавшееся для засѣданій комиссіи депутатовъ по составленію законовъ. Съ внѣшней стороны оно еще не привлекаетъ къ себѣ особеннаго вниманія, представляя какъ бы дубликатъ зданія петербургской Академіи Художествъ, только менѣе удачный, вслѣдствіе вытянутости фасада и малаго размѣра приставленнаго къ нему портика, но внутренній надворный его фасадъ, къ которому строитель зданія, архитекторъ Казаковъ, приложилъ, повидимому, наибольшее стараніе, истинно великолѣпенъ. Подъ рукой талантливаго зодчаго неудачно отведенное подъ сооруженіе треугольное мѣсто обратилось въ правильный шестиугольникъ, на который выходитъ

Художествъ, 1760 г. посланъ въ Парижъ, 1765 г. профессоръ Академіи, 1769—Ректоръ; строилъ зданіе Академіи по плану и при содѣйствіи иностраннаго архитектора Де-ла-Мотта. † 1772 г.

величественная ротонда, покрытая легкимъ куполомъ и увѣнчанная извѣстной эмблемой верховной власти, опирающейся на законъ.

Хотя за время Императрицы Екатерины постройка въ Петербургѣ церквей ослабѣла, однако и ея эпоха оставила здѣсь по себѣ нѣсколько монументальныхъ храмовъ того же переходнаго стиля, какимъ отмѣчены ея государственныя постройки. Лучшіе образцы въ этомъ родѣ соборъ Александро-Невской Лавры и церковь св. Князя Владиміра на Петербургской сторонѣ. Оба эти храма единствомъ и правильностью составныхъ частей, отсутствіемъ снаружи и внутри излишнихъ украшеній, какъ бы возвращаютъ къ временамъ итальянскаго ренессанса. Правда, церкви эти, своимъ удлиненнымъ планомъ, иногда двумя колокольнями, болѣе напоминаютъ западно-европейскіе храмы, но петербуржецъ конца XVIII вѣка, не всегда уже видавшій внутреннюю Россію, едва-ли ощущалъ потребность окружать себя на молитвѣ условіями старо-русскаго зодчества. Къ тому же времени и къ тому же, приблизительно, стилю относятся церкви Рождества на Пескахъ и Спаса на Сѣнной и иновѣрческія церкви: лютеранская св. Екатерины на Васильевскомъ островѣ, св. Анны на Кирочной, армянской на Невскомъ проспектѣ и римско-католическая тамъ же. Послѣдняя внутри весьма изящна.

Что касается замѣчательныхъ частныхъ домовъ изъ числа построенныхъ во второй половинѣ XVIII вѣка, то такихъ въ Петербургѣ немного. Повидимому, въ елизаветинское время было уже здѣсь выстроено достаточное количество помѣщеній для семействъ высшаго круга, почему представители ихъ, явившіеся дѣятелями и въ послѣдующее царствованіе, уже не нуждались въ новыхъ постройкахъ. Самъ грандіозный характеръ стиля эпохи, жертвовавшій внутренними удобствами помѣщенія требованіямъ фасада—мало отвѣчалъ запросамъ частнаго жилья. При всемъ томъ можно указать интересныя частныя постройки и этого времени, напр. домъ князя Чернышева на углу Гороховой и б. Малой Морской. Фасадъ его уже лишенъ выпуклыхъ украшеній стиля рококо, носитъ на себѣ только характерные вертикальные желобки, но сохраняетъ еще вокругъ оконъ небольшія цвѣточныя гирлянды прежней эпохи, такой же поясъ между этажами и въ общемъ производитъ замѣчательно пріятное впечатлѣніе изящной простоты.

Какъ извѣстно, въ концѣ XVIII вѣка, въ Западной Европѣ мыслители энциклопедіи, разбудившіе общественное сознаніе критикой современнаго строя, должны были уступить поле дѣятельности болѣе энергичнымъ практикамъ, мечтавшимъ быстро водво-

...ный фонд
...ковской обл. библиотеки

Горный Институтъ

рить царство правды чрезъ подражаніе героямъ древней Греціи и Рима. Вкусы общества направились къ насажденію, во всѣхъ сферахъ жизни, естественности и простоты, завѣщанныхъ античнымъ міромъ. Понятно, что слѣдомъ за обществомъ и архитектура на Западѣ, въ эпоху революціи, увлеклась тѣми же идеалами. Въ Петербургѣ лучшимъ памятникомъ стиля этого времени, перешедшаго и къ намъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины и въ царствованіе Павла, является зданіе Биржи на Васильевскомъ островѣ съ колоннадой дорическаго ордена, напоминающей Аѳинскій акрополь. Такого же характера зданіе Горнаго Института, также съ дорическою колоннадой, широкою лѣстницею съ бронзовыми группами, изображающими подвиги Плутона и Геркулеса, не во всемъ совпадающими съ задачами учрежденія. Одинъ изъ наиболѣе любимыхъ мотивовъ этого стиля у насъ, между прочимъ, заимствованъ изъ римскихъ термъ и состоитъ изъ ниши, пересѣченной большимъ карнизомъ, опирающимся на двѣ колонны, также преимущественно дорическаго ордена. Онъ повторяется и снаружи и внутри тогдашнихъ зданій. Примѣромъ могутъ служить павильоны: старыхъ придворныхъ конюшенъ, Государственнаго Банка на Садовой и Павловскаго парка. Изъ храмовъ этого стиля наилучшій—православная церковь св. Екатерины на Васильевскомъ островѣ, у Тучкова моста, прямой сколокъ Парижскаго пантеона, замѣчательная правильностью, цѣльностью и простотой—конечно, до той поры, пока къ ней не была пристроена въ 60-хъ годахъ колокольня, заслонившая ея передній фасадъ. Грандіозный куполъ этой церкви съ классическимъ ангеломъ наверху служилъ украшеніемъ пейзажа, открывающагося на островъ съ другой стороны рѣки. Не лишена интереса современная ей Знаменская церковь на Невскомъ проспектѣ—по оффиціальному названію Входо-Іерусалимская. Церковь эта привлекала къ себѣ вниманіе неприхотливаго петербуржца не только новостью стиля, но и наивнымъ стремленіемъ архитектора дать подобіе храма св. Софіи въ Константинополѣ. Къ тому же времени и стилю относятся римско-католическія церкви св. Станислава на Торговой ул. и св. Іоанна Іерусалимскаго въ мѣстности Пажескаго корпуса, а также церковь Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ на Шпалерной улицѣ. Послѣдняя замѣчательна не только внѣшней цѣльностью и простотой, не только изяществомъ своей внутренней смѣлой ротонды, но и замѣчательнымъ умѣньемъ ея строителя приспособить характеръ постройки этого храма, наполовину домоваго, къ окружающимъ ее строеніямъ казеннаго вѣдомства. Изъ немногочисленныхъ частныхъ построекъ даннаго стиля приходится отмѣтить одинъ Таврическій дворецъ, при томъ едва-ли

не только его передній фасадъ, простоты, доведенной до бѣдности, такъ какъ остальные его фасады, кое-гдѣ съ закругленіями, съ небольшими колоннадами и круглыми верхними окнами (oeil de boeuf), напоминаютъ еще постройки предшествующихъ лѣтъ.

Съ той поры, какъ во Франціи, съ утвержденіемъ консульства, наступило относительное спокойствіе, какъ даже лучшіе люди ея разочаровались въ возможности внезапной перемѣны существовавшаго дотолѣ строя и въ прославленной доблести невѣдомыхъ героевъ, то и строительное искусство ея, оставаясь на почвѣ классицизма, освободилось отъ пристрастія къ манерной простотѣ и лапидарности стиля. За ней и наша архитектура, въ первыя десятилѣтія XIX вѣка, сохраняя классическій характеръ, не чуждается украшеній, завѣщанныхъ древними образцами. Въ Петербургѣ, въ эти годы, какъ общественныя зданія, такъ и частные дома, продолжаютъ строиться трехъэтажными, но къ зданію почти всегда приставляется портикъ, при чемъ тяжелая дорическая и тосканская колонна смѣняется болѣе легкой іонической, коринѳской и даже сложной. Таковы: домъ Комитета заслуженныхъ чиновниковъ (б. іезуитской коллегіи) на Итальянской улицѣ, новое зданіе Академіи Наукъ на В. О., Смольный и Екатерининскій институты, Петербургская Духовная Академія за Александро-Невской Лаврой, бывшій домъ Министра Финансовъ на Дворцовой набережной, нынѣ проданный г. Громову и перестроенный, зданіе Биржевой Таможни на В. О., б. Румянцевскій музей на Англійской набережной. Вѣнцомъ классическихъ построекъ этого періода слѣдуетъ признать Казанскій Соборъ (1801—1811 г.г.) съ его колоннадами снаружи и внутри и украшеніями—созданіе архитектора Воронихина [1]). Засимъ начинается у насъ уже эпоха видоизмѣненнаго классическаго строительства, называемаго „стилемъ Имперіи“, къ тому времени сошедшей во Франціи съ политической сцены, но ярко распустившейся въ Россіи въ области архитектуры. Цѣлыя улицы и кварталы столицы застраиваются зданіями этого стиля съ его болѣе удлиненными, вытянутыми линіями, съ боязнью пустотъ на фасадахъ, заполняемыхъ богатствомъ барельефовъ, статуй и другихъ украшеній, созданныхъ фантазіей строителя. Руководителями здѣсь являются архитекторы Монферанъ и особенно Росси — второй Растрелли

[1]) *Воронихинъ*, Андрей Никифоровичъ, изъ крѣпостныхъ крестьянъ гр. Строганова, президента Академіи художествъ, род. 1759 г. въ с. Новомъ Усольѣ Тверской губ., учился у архитекторовъ Баженова и Казакова, сопровождалъ гр. Строганова за границу, по возвращеніи (1790) произведенъ въ академики и профессора архитектуры, построилъ зданіе Горнаго Института и Казанскій Соборъ, † 21 февраля 1814 г.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Казанскій Соборъ

середины XIX вѣка. Постройки эти доканчивались еще на памяти немногихъ, остающихся въ живыхъ, петербуржцевъ. Но если они не могутъ быть названы „Новымъ Петербургомъ“, то не относятся и къ наслѣдству, оставленному „Старымъ Петербургомъ“, а потому обсужденіе зодчества этой промежуточной эпохи уже выходитъ изъ предѣловъ предмета настоящей задачи.

С. Раевскій.

Вліяніе Наполеона на событія русско-шведской войны 1808—1809 г.г.

Французская историческая литература уже свыше 15 лѣтъ обладаетъ весьма замѣчательнымъ трудомъ. Я имѣю въ виду сочиненіе Альбера Вандаль: „Наполеонъ и Александръ I-й“ [1]). Этотъ трехтомный трудъ, излагающій исторію франко-русскаго союза въ эпоху первой имперіи, представляетъ исключительный интересъ не только для французовъ, но и для русскаго читателя. За время съ 1890 по 1896 годъ сочиненіе выдержало четыре изданія, при чемъ французской академіей дважды удостоено преміи Гобера [2]).

Для насъ интересъ сочиненія увеличивается тѣмъ, что въ числѣ прочихъ архивныхъ матеріаловъ авторъ широко использовалъ донесенія французскихъ посланниковъ при Петербургскомъ Дворѣ, имѣвшія въ то время не совсѣмъ обыкновенный характеръ. Съ каждымъ курьеромъ, привозившимъ изъ Петербурга обычныя депеши для Министерства, слѣдовало частное письмо къ императору, въ которомъ посланникъ подробно излагалъ свои впечатлѣнія. Болѣе того, послѣ каждаго изъ своихъ разговоровъ съ царемъ,

---

[1]) Albert Vandal. Napoleon et Alexandre I-er, L'allianse russe sous le premier empire.

[2]) Гоберъ (1807—1833)—извѣстный французскій филантропъ, учредившій двѣ преміи по 10.000 франковъ для выдачи, по присужденію академіи, за лучшее сочиненіе по исторіи Франціи.

происходившихъ почти ежедневно, посланникъ записывалъ ихъ слово въ слово, сохраняя форму діалога, и въ такомъ видѣ прилагалъ ихъ къ своимъ письмамъ императору подъ общимъ названіемъ „Rapports“. Эти діалоги столь характерны и живы, что при чтеніи ихъ какъ бы слышишь разговоръ Императора Александра I-го съ французскимъ посланникомъ, со всѣми особенностями мыслей и рѣчи, которыя столь часто раскрываютъ тайны характеровъ.

Нѣкоторыя изъ писемъ посланниковъ сопровождались еще особыми добавленіями, въ видѣ перечня придворныхъ и великосвѣтскихъ новостей Петербурга, въ которыхъ въ легкой формѣ воспроизводилась вся жизнь столичнаго общества, а порою живо освѣщались и событія чисто политическія. („Nouvelles“ et „on dit“ de Petersbourg) [1]).

Въ отношеніи русско-шведской войны 1808—1809 г.г. сочиненіе Вандаль даетъ крайне интересный и отчасти новый матеріалъ для глубокаго историческаго изслѣдованія какъ причинъ войны, такъ и тѣхъ сокровенныхъ вліяній, которыя незримо дѣйствовали между Парижемъ и Петербургомъ и несомнѣнно отразились на событіяхъ войны.

Борьба Европы противъ Наполеона воодушевлялась, главнымъ образомъ, Англіей. Едва побѣдивъ одного врага, Наполеонъ оказывался вновь лицомъ къ лицу съ вооруженной „владычицей морей“, готовившей противъ него новыя коалиціи. Мало-по-малу стремленіе добиться прочнаго мира съ Англіей сдѣлалось главною цѣлью внѣшней политики Наполеона. Средствомъ для достиженія этой цѣли Наполеонъ избралъ союзъ съ Россіей, который и былъ заключенъ въ Тильзитѣ при подписаніи мира, закончившаго войну 1807 года. Согласно статьи 13-й мирнаго договора, Наполеонъ принималъ посредничество Императора Александра для заключенія прочнаго мира между Франціей и Англіей при условіи, что это посредничество будетъ принято Англіей не позже, какъ черезъ мѣсяцъ послѣ ратификаціи договора. Дальнѣйшія дѣйствія союзниковъ предусматривались статьями 4 и 5-й *союзнаго* договора, согласно которыхъ, въ случаѣ, если Англія не дастъ отвѣта до 1-го декабря, Россія обязывалась отозвать своего посланника изъ Лондона и совмѣстно съ Франціей потребовать отъ Даніи, Швеціи и Португаліи закрытія портовъ и объявленія войны Англіи. Въ случаѣ отказа этихъ госу-

---

[1]) Vandal, vol. I p. XVIII.

дарствъ присоединиться къ союзникамъ, съ ними надлежало поступать, какъ съ непріятелемъ [1]).

Однако Англія не выражала желанія заключать миръ. Напротивъ того, она поспѣшила предупредить Наполеона въ Даніи. Въ началѣ августа 1807 года англійскій корпусъ высадился въ Зеландіи и совмѣстно съ флотомъ бомбардировалъ Копенгагенъ. Датская столица покорилась и выдала англичанамъ свои арсеналы и флотъ.

Наступила обстановка, предусмотрѣнная Тильзитскимъ соглашеніемъ для рѣшительнаго выступленія Россіи. Отправляя въ Петербургъ новаго посланника, Наполеонъ ставитъ ему первой задачей добиться, чтобы Россія объявила войну Англіи.

....„Поведеніе Англіи“, пишетъ Императоръ въ своей инструкціи, „представляетъ уже весьма серьезный поводъ къ войнѣ. Россія уронитъ свое достоинство, если потерпитъ безъ сопротивленія подобное посягательство въ предѣлахъ моря, свободу котораго она поддерживаетъ. Она ослабитъ этимъ свое международное значеніе и свою внутреннюю мощь. Война должна быть объявлена, если бы даже она тотчасъ закончилась миромъ; русскій посланникъ въ Лондонѣ долженъ быть отозванъ, а англійскій—высланъ. Къ тому обязываютъ Россію не только всѣ политическія соображенія, но также и Тильзитскій договоръ. Несомнѣнно, это будетъ выполнено по Вашемъ прибытіи въ Петербургъ. Россія должна тогда привлечь Швецію къ общему дѣлу, а въ случаѣ отказа, принудить ее. Швеція, столь же, какъ Россія, обязана защищать нейтралитетъ Балтійскаго моря. Данія, на основаніи только что заключеннаго договора съ Франціей, обязалась принять участіе въ мѣрахъ, предусмотрѣнныхъ на случай необходимости заставить Швецію присоединиться къ континентальнымъ державамъ. Увѣряйте, что, въ случаѣ, крайней необходимости, франко-датская армія приготовится вступить черезъ Норвегію въ Сканію, какъ только Россія овладѣетъ Финляндіей“ [2]).

Одновременно съ этимъ Наполеонъ предписываетъ Бернадоту, который занималъ своимъ корпусомъ ганзейскіе города, направиться въ Ютландію, чтобы быть готовымъ переправиться на датскіе острова и сговориться съ датскимъ правительствомъ относительно нападенія на Сканію, южную провинцію Швеціи.

Объ этомъ Наполеонъ спѣшитъ поставить въ извѣстность и своего посланника въ Петербургѣ:

---

[1]) Vol. I, Appendice, p. 502 et 507.

[2]) Vol. I, Appendice, p. 512. Instruction pour M. de Caulaincourt.

....„Получивъ Ваше письмо отъ 13-го числа“, пишетъ онъ Коленкуру, „я послалъ адъютанта въ Копенгагенъ съ приказаніемъ Бернадоту отправить въ Сканію 14.000 французовъ и голландцевъ“...

...„Что касается Швеціи“, пишетъ далѣе Наполеонъ, „то предвижу, что Александръ овладѣетъ даже Стокгольмомъ. Надо убѣждать его сдѣлать это, чтобы вернуть Даніи ея флотъ и колоніи. Россіи никогда не представится другого случая расположить Петербургъ болѣе центрально и избавиться отъ ея географическаго врага“ [1])...

Хотѣлъ ли онъ дѣйствительно ослабить Швецію? ставитъ вопросъ Вандаль и отвѣчаетъ на это такъ: ....„Въ мысляхъ императоръ былъ далекъ отъ подобнаго проекта: я ничего не выигрываю оттого, что русскіе будутъ въ Стокгольмѣ, писалъ онъ вскорѣ, и содѣйствіе, которое онъ имъ готовъ былъ оказать, никогда не было бы дѣйствительнымъ. Движеніе, которое онъ ожидалъ со стороны русскихъ, должно было представлять не болѣе, какъ политическую и военную диверсію, предназначенную для отвлеченія вниманія какъ нашихъ союзниковъ, такъ и нашихъ враговъ. Предлагая Россіи на Сѣверѣ то расширеніе, котораго она добивалась на Востокѣ, Наполеонъ давалъ первую пищу завоевательной алчности русскаго Двора; онъ занималъ его реально—Швеціей, а въ мечтахъ—проектами раздѣла Турціи. Съ другой стороны, походъ русскихъ на Скандинавскій полуостровъ, совмѣстно съ демонстраціей Бернадота, должны были все болѣе и болѣе привлекать въ этомъ направленіи силы Англіи, удерживая ихъ вдали отъ Испаніи и Средиземнаго моря“.

„Въ то время, какъ Англія не рѣшится отказать въ помощи Монарху, поставившему себя, ради нея, въ затруднительное положеніе, и пошлетъ свои лучшіе полки въ Швецію, Испанія, предоставленная самой себѣ, окажется въ рукахъ Наполеона, подъ его властью и какъ-бы гипнозомъ. Смѣнивъ, быть можетъ, династію и во всякомъ случаѣ порядокъ управленія, она болѣе тѣсно сблизится съ нами и будетъ дѣйствовать противъ нашего врага [2])“...

Въ теченіе первыхъ недѣль 1808 года задача французскаго посла въ Петербургѣ представлялась исключительно щекотливой: „онъ долженъ былъ внушать Александру дѣятельность на сѣверѣ и терпѣніе на югѣ, и не допуская предпріятій противъ Турціи, способствовать рѣшимости Императора въ отношеніи къ Швеціи [3])“...

---

[1]) Vol. III, Appendice, p. 551.
[2]) Vol. I, p. 260 et 261.
[3]) Ibid. p. 274.

Впрочемъ и Наполеонъ, съ своей стороны, не упускалъ внушать своему союзнику необходимость рѣшительныхъ дѣйствій. 2-го февраля 1808 года онъ писалъ Русскому Императору:

....„Ваше Величество узнаете о послѣднихъ рѣчахъ въ англійскомъ парламентѣ и о его рѣшеніи продолжать войну до крайности..... Вашему Величеству слѣдуетъ усилить свою армію. Съ своей стороны я охотно окажу Вамъ полную поддержку. Я вовсе не завистникъ Россіи, а желаю ей славы, благополучія и расширенія. Позволите ли Ваше Величество дать совѣтъ лицу, искренно и вѣрно Вамъ преданному? Вашему Величеству необходимо удалить шведовъ отъ своей столицы и отодвинуть съ этой стороны свою границу столь далеко, какъ пожелаете; я готовъ помочь Вамъ всѣми средствами [1])“...

Предлагая далѣе совмѣстныя дѣйствія какъ въ Азіи, противъ Индіи, такъ и на сѣверѣ, Наполеонъ пишетъ: „Къ 1-му мая наши войска могутъ быть въ Азіи, а войска Вашего Величества въ Стокгольмѣ [2])“...

Между тѣмъ шведскій король оказался совершенно не сговорчивымъ.

„Не внимая ни увѣщаніямъ, ни угрозамъ, онъ рѣшительно отказался примкнуть къ двумъ имперіямъ и закрыть свои гавани для Англіи. У этого монарха, съ рыцарской душой и съ малоуравновѣшеннымъ умомъ, вѣрность къ прошлому и ненависть къ революціонному императору обратились въ idée fixe. Онъ хотѣлъ остаться во весь ростъ среди преклонившейся Европы и считалъ противнымъ чести повиноваться требованіямъ Франціи или ея союзниковъ. Какъ только его рѣшеніе не оставляло болѣе сомнѣній, Коленкуръ начинаетъ настаивать передъ царемъ на принятіи предусмотрѣнныхъ мѣръ и побуждать къ нападенію на Швецію. Александръ не отказывался: къ концу 1807 года корпуса, предназначенные для овладѣнія Финляндіей, оканчивали свое сосредоточеніе вокругъ Петербурга. Однако, когда армія была готова и ожидала лишь приказа для выступленія въ походъ, правительство начало колебаться. Послѣднія приготовленія шли вяло и съ частыми перерывами. Задержки эти, какъ справедливо полагалъ Коленкуръ, „зависѣли не только отъ медлительности, свойственной русской администраціи, но отчасти и отъ другихъ причинъ“. До сего времени разрывъ съ Англіей являлся платоническимъ: Александръ объявилъ войну нашимъ врагамъ, но не велъ ея. Нападеніе на

[1]) Vol. I, p. 242.
[2]) Ibid. p. 243.

Швецію, состоявшую въ союзѣ съ Англіей и подъ ея покровительствомъ, означало бы переходъ отъ угрозы къ дѣйствію, закрывало бы путь къ отступленію, и Александръ медлилъ съ этимъ рѣшительнымъ шагомъ, желая окончательно убѣдиться въ нашихъ намѣреніяхъ".

„Александръ опасался, что если онъ поспѣшитъ съ занятіемъ Финляндіи, то Наполеонъ можетъ признать это завоеваніе равнозначущимъ занятію турецкихъ провинцій (Молдавіи и Валахіи) и занести его на приходъ въ счетъ Россіи, чтобы уменьшить соотвѣтственно ея могущество на Дунаѣ и Черномъ морѣ".

„Итакъ, Россія не спѣшила дѣйствовать, и графъ Румянцевъ, на котораго была возложена обязанность противостоять нашимъ намѣреніямъ, умножалъ съ неистощимой изобрѣтательностью причины для отсрочекъ. Сегодня оттепель мѣшаетъ движенію войскъ, завтра обнаруживается недостатокъ продовольственныхъ припасовъ; послѣзавтра генералъ Буксгевденъ падаетъ съ лошади и лишенъ возможности двигаться; затѣмъ приближается праздникъ Крещенія: это былъ день водосвятія, и религіозная церемонія сопровождалась большимъ традиціоннымъ парадомъ. Чтобы увеличить блескъ этого зрѣлища, рѣшено было привлечь къ участію войска экспедиціоннаго корпуса; надлежало, слѣдовательно, удержать ихъ въ Петербургѣ до этого времени".

„Единственнымъ средствомъ для посланника противъ такой тактики было вновь прибѣгнуть къ царю, и дѣйствительно, рѣдко бесѣда съ царемъ не влекла за собою уменьшеніе отсрочекъ, объявленныхъ его министромъ. Къ счастью для нашего посланника, случаевъ для бесѣдъ съ императоромъ было достаточно. Александръ не только принималъ Коленкура у себя чаще, чѣмъ когда-либо, но благодаря свѣтской жизни они встрѣчались почти каждый вечеръ. Зима приближалась, Петербургъ оживлялся; празднества оффиціальныя и частныя слѣдовали одно за другимъ. Императоръ появлялся на тѣхъ и на другихъ, оставался тамъ до глубокой ночи, отдаваясь удовольствіямъ со всѣмъ пыломъ своихъ лѣтъ, и отрывался лишь для бесѣдъ съ французскимъ посломъ. Тогда видѣли его ходящимъ съ Коленкуромъ, фамиліарно взявъ его подъ руку, забывшимся съ нимъ въ длинныхъ разговорахъ. Присутствующіе, привлеченные любопытствомъ, но сдерживаемые почтительностью, образовывали въ нѣкоторомъ отдаленіи кругъ зрителей, при чемъ наиболѣе внимательнымъ былъ шведскій посланникъ, старый и умный баронъ Стедингъ, на глазахъ котораго и безъ его участія обсуждалась судьба его страны. Онъ старался хотя-бы по выраженію лица и по жестамъ бесѣдовавшихъ угадать содержаніе таин-

ственныхъ разговоровъ; онъ видѣлъ, какъ французскій посолъ настаивалъ, какъ императоръ сперва не соглашался, потомъ уступалъ и по глубинѣ поклоновъ, которыми встрѣчались послѣднія слова императора, онъ заключалъ, что врагъ Швеціи получилъ новыя гарантіи, и что опасность приближается".

„6-го января Коленкуръ удостоился исключительной чести сопровождать Императора при водосвятіи; онъ находился рядомъ съ нимъ въ теченіе всей церемоніи, слѣдуя по льду за процессіей изъ духовенства, двухъ Императрицъ, Двора Императора и его свиты. По окончаніи водосвятія проходили войска, цѣлая армія въ 47 баталіоновъ и 39 эскадроновъ. „Это было превосходное зрѣлище, которое я желалъ бы лучше не видѣть", писалъ Стедингъ, съ грустью созерцавшій изъ окна это грозное развертываніе силъ.

„Довольны ли Вы остались моими войсками?" спросилъ Императоръ Коленкура послѣ парада. — „Да, Государь, я ихъ нашелъ превосходными", отвѣчалъ посланникъ и, воспользовавшись этимъ комплиментомъ, еще разъ просилъ, чтобы употребленіе этой отборной арміи болѣе не откладывалось. Ему отвѣтили, что декларація, равносильная манифесту о войнѣ, только что выпущена, и на этотъ разъ нашъ посланникъ считалъ дѣло выиграннымъ. Каково же было его разочарованіе, когда, явившись на слѣдующій день къ министру иностранныхъ дѣлъ за копіей декларації, онъ узналъ отъ него, что все отложено на двѣ недѣли. Онъ возмутился и не могъ воздержаться, чтобы не указать на противорѣчіе въ словахъ Государя и Румянцева; указывая на первыя, какъ на Высочайшее повелѣніе, онъ назвалъ нарушителей его „еретиками". Александръ, не желая, чтобы его честность была заподозрѣна, принялъ рѣшительную мѣру. Рѣшено было немедленно составить декларацію и копію вручить намъ; однако этотъ актъ, связывающій Россію съ Франціей, долженъ былъ сохраняться въ секретѣ, до 15 февраля, когда разрывъ будетъ объявленъ въ Стокгольмѣ, и армія вступитъ въ Финляндію. Благодаря своей разсчетливости и медлительности, Россія, дѣйствительно, была не въ состояніи начать дѣйствія ранѣе указаннаго срока; съ другой же стороны, прибѣгая къ способу дѣйствій не вполнѣ добросовѣстному, она не хотѣла раскрыть его сосѣду, ранѣе нанесенія ему удара".

„Бесѣды со Стедингомъ велись до послѣдней минуты въ успокоительномъ тонѣ, усыпляя безпокойство Швеціи и подготовляя вмѣстѣ съ тѣмъ внезапное нападеніе. „Я говорю, пока этого хотятъ въ Петербургѣ", сказалъ Александръ Коленкуру, „но это не мѣшаетъ моимъ войскамъ дѣйствовать". Въ самомъ дѣлѣ, армія незамѣтно приближалась къ границѣ; она неожиданно перешла ее

15-го, и военныя дѣйствія начались. Императорское правительство хранило молчаніе, не стараясь ослабить впечатлѣніе этого внезапнаго нападенія.

Россія еще разъ выполнила свои обѣщанія“ [1]).

„Окончательно рѣшивъ, со времени перехода войскъ черезъ границу, присоединить Финляндію и уже считая ее какъ бы своей собственностью, Александръ не преминулъ съ признательностью принять этотъ даръ союзника. Подарокъ этотъ, въ нѣсколько сотъ тысячъ подданныхъ шведскаго короля, былъ предложенъ и принятъ съ одинаковой развязностью, какъ знакъ вниманія и любезности“.

„Императоръ желаетъ, чтобы Ваше Величество овладѣли Финляндіей и для личныхъ Вашего Величества выгодъ, и для того, чтобы петербургскія красавицы не слышали болѣе грома пушекъ“, говорилъ Коленкуръ Александру словами Наполеона.—„Я благодарю его, отвѣчалъ Александръ, и отъ себя и за петербургскихъ красавицъ; (смѣясь) я это ему скажу; онъ всегда такъ любезенъ со мною“... „Дѣло налажено“, прибавилъ Царь.

„Въ самомъ дѣлѣ, первыя операціи въ Финляндіи удались блестяще. Застигнутые врасплохъ въ слабо занятыхъ пунктахъ, шведы не могли нигдѣ удержаться: Гельсингфорсъ, Або были заняты безъ сопротивленія, и пока летучія колонны углублялись во всѣ части края, встрѣчая лишь преграды, созданныя природою, главныя силы арміи сосредоточились вокругъ Свеаборга, осадили его и быстро имъ овладѣли“ [2]).

„Письма Императора Александра къ Наполеону за это время представляли какъ бы бюллютени его успѣховъ.—Александру хотѣлось о каждомъ изъ нихъ извѣщать своего союзника, чтобы подѣлиться съ нимъ своей радостью и въ то же время показать ему, что его совѣтами пользуются“... „Завоеваніе Финляндіи было не труднымъ“, сообщаетъ Императоръ Александръ въ отвѣтъ на письмо Наполеона отъ 2 февраля 1808 года, „мои войска занимаютъ уже важнѣйшіе пункты и идутъ на Або; одновременно бомбардируется Свеаборгъ. Я полагаю, что скоро здѣсь все будетъ покончено, и время, когда Англія должна смириться, благодаря всѣмъ мѣрамъ, принятымъ Вашимъ Величествомъ, представляется мнѣ не далекимъ...“ [3]).

„Съ удовольствіемъ отмѣчаю успѣхи русскаго Императора въ Швеціи...“ пишетъ Наполеонъ Коленкуру по этому поводу.

---

[1]) Vol. I, p. 274—277.
[2]) Vol. I, p. 318 et 319.
[3]) Ibid. p. 304.

„Еще ранѣе, чѣмъ полное занятіе Финляндіи явилось совершившимся фактомъ, Александръ, поощряемый нами и нашими примѣрами (пишетъ Вандаль), предрѣшилъ вынужденную уступку этой области шведскимъ королемъ и по праву завоеванія, простымъ декретомъ объявилъ ее присоединенной къ имперіи, подобно тому, какъ это дѣлалось Римомъ и Наполеономъ“ [1]).

„Это событіе произвело въ Петербургѣ глубокое впечатлѣніе и въ нашу пользу. Впервые союзъ съ Франціей принесъ существенный практическій результатъ, очевидный для всѣхъ. Александръ, видѣвшій въ завоеваніи Финляндіи свой личный успѣхъ, какъ первое оправданіе своей политики, не преминулъ указать на эту сторону вопроса. — „Что же, продолжаете Вы сожалѣть о моемъ союзѣ съ Франціей?“ говорилъ онъ недовольнымъ, — „а что дали союзы съ вашей милой Англіей?“ Аргументъ былъ неопровержимъ и производилъ впечатлѣніе въ высшихъ кругахъ. Конечно, непримиримые не отчаивались; въ салонахъ политика по-прежнему вызывала ожесточенные споры, но вліяніе нашихъ противниковъ поколебалось, и число ихъ уменьшилось. Знаменательный симптомъ: даже главари оппозиціи Чарторыйскій, Новосильцевъ, Строгановъ впервые сдѣлали визитъ нашему посланнику и появились у него на вечерахъ, и эти поступки, болѣе или менѣе искренніе, горячо обсуждаемые, казались предвѣстіемъ общаго поворота мнѣнія“ [2]).

„Первое разочарованіе остановило эту перемѣну. Основываясь на неоднократныхъ сообщеніяхъ Наполеона, Александръ и его министръ были увѣрены въ томъ, что походъ Бернадота въ Сканію состоялся, и что это содѣйствіе облегчитъ окончательное покореніе Финляндіи и обезпечитъ возможность болѣе смѣлыхъ предпріятій. Правда, Бернадотъ со своимъ корпусомъ передвинулся въ Голштиніи до пункта, ближайшаго къ датскому архипелагу, откуда онъ долженъ былъ отплыть для нападенія на южныя провинціи Швеціи. 6-го марта 1808 г. Наполеонъ писалъ Коленкуру: „Князь Ponte-Corvo (Бернадотъ) вступилъ въ Голштинію 3-го марта. Полагаю, что онъ достигъ береговъ Балтійскаго моря. Въ его распоряженіи болѣе 20.000 чел., что вмѣстѣ съ 10.000 человѣкъ, которыхъ ему могутъ дать датчане, составитъ корпусъ въ 30.000 человѣкъ. При благопріятной погодѣ онъ скоро будетъ въ Швеціи, и диверсія, столь желательная Императору, будетъ сдѣлана“... [3]).

---

[1]) Vol. I, p. 320.
[2]) Ibid. p. 320, 321.
[3]) Vol. III, appendice, p. 555.

Въ письмѣ отъ 18-го апрѣля, Наполеонъ сообщаетъ своему посланнику слѣдующее:

„Князь Ponte-Corvo въ Фіоніи; съ нимъ 15.000 французовъ, 15.000 испанцевъ и 15.000 датчанъ. Онъ переправился бы давно, если бы Данія не колебалась такъ долго его пропустить... Теперь хорошая погода помѣшаетъ можетъ быть вовсе его переходу. Однако, будетъ сдѣлано невозможное, и диверсія во всякомъ случаѣ произведетъ надлежащее впечатлѣніе. Я только что получилъ манифестъ Шведскаго короля. Все въ немъ лживо...

....„А пока что“, добавляетъ онъ въ концѣ письма, „Россія уже владѣетъ прекрасной провинціей, что является достойной наградой за ея труды, и я не чувствую зависти“ [1]).

„Между тѣмъ, хотя Наполеонъ согласно своимъ обѣщаніямъ и далъ маршалу планъ активныхъ дѣйствій, однако онъ не уполномочилъ его, до случая, приводить этотъ планъ въ исполненіе. Разсматривая предпріятіе въ Сканію, какъ простую диверсію, предназначенную для обезпеченія операціи русскихъ противъ Стокгольма и центральныхъ частей королевства, Наполеонъ слишкомъ долго раздумывалъ, прежде чѣмъ смѣло двинуть свои войска черезъ Балтійское море и рискнуть нѣсколькими дивизіями ради дѣла, которое его, непосредственно, вовсе не интересовало“.

„Онъ совѣтовалъ Бернадоту дѣйствовать только навѣрняка, съ усиленными предосторожностями; маршалъ долженъ былъ переплыть проливъ и вступить въ Швецію только въ томъ случаѣ, если датчане дадутъ ему достаточно войскъ, чтобы обезпечить вѣрный успѣхъ операціи. Осторожный по натурѣ, Бернадотъ истолковалъ эти приказанія въ самомъ узкомъ смыслѣ; онъ переправилъ на острова только авангардъ, а затѣмъ, видя у датчанъ мало рвенія и узнавъ о прибытіи въ Балтійское море нѣсколькихъ англійскихъ фрегатовъ, въ видѣ передовыхъ силъ эскадры, онъ пріостановился и не двинулся болѣе съ своей позиціи на материкъ“.

„Эта остановка, сдѣлавшись весьма быстро извѣстной въ Петербургѣ, произвела тамъ самое непріятное впечатлѣніе; въ ней ошибочно видѣли отмѣну распоряженія французскаго императора, первый признакъ его двоедушія... Нервное и перемѣнчивое до крайности, общественное мнѣніе повернулось тотчасъ же... Самъ Александръ, среди общаго волненія, казался смущеннымъ этимъ событіемъ“... [2]).

Наполеонъ долженъ былъ дать объясненія бездѣятельности Бернадота:

---

[1]) Ibid. p. 557 et 558.

[2]) Vol. I, p. 321 et 322.

„Если Вамъ будутъ говорить объ экспедиціи въ Сканію, пишетъ онъ Коленкуру 26 апрѣля, то вотъ положеніе вопроса: я не могъ предпринять эту экспедицію менѣе чѣмъ съ 40.000 человѣкъ. Князь Ponte-Corvo имѣлъ 15.000 французовъ и 15.000 испанцевъ. Датчане должны были также дать 10.000 человѣкъ. Но я настаивалъ и долженъ былъ настаивать, чтобы эти 40.000 человѣкъ отплыли одновременно. Если бы часть переправилась, а часть осталась на другомъ берегу, то экспедиція потерпѣла бы неудачу, и войска были бы обречены на жертву. Вы понимаете, что я не могъ допустить такой ошибки. Князь Ponte-Corvo поѣхалъ въ Копенгагенъ; онъ увидѣлъ тамъ, что имѣвшіяся средства для переправы могли поднять одновременно лишь 15.000 человѣкъ. Требовалось, такимъ образомъ, сдѣлать три рейса. Переправу пришлось отложить. Онъ имѣлъ приказаніе перевести 40.000 человѣкъ одновременно,—вотъ въ чемъ весь вопросъ. Теперь датскій король можетъ сосредоточить свои войска въ Зеландіи; у него 25.000 человѣкъ. Я приказалъ князю Ponte-Corvo отправить 6.000 человѣкъ. Даніи нечего опасаться. Если она обнаруживаетъ страхъ, то онъ неосновательенъ, если только ея солдаты не картонные“.

Въ концѣ письма Наполеонъ ясно даетъ понять своему посланнику, что рѣшительныя предпріятія противъ Швеціи не согласуются съ его тайными желаніями:

....„Получилъ сейчасъ Ваше письмо отъ 5-го апрѣля. Я нахожу, что Вы слишкомъ хлопочете объ экспедиціи въ Швецію. Я съ удовольствіемъ смотрю на то, что дѣлается императоромъ, но Вамъ не слѣдуетъ такъ его торопить. У Васъ были инструкціи относительно Финляндіи; относительно же прочаго Вы ихъ не имѣли“ [1]).

Черезъ мѣсяцъ, въ письмѣ отъ 31-го мая, Наполеонъ выражается еще опредѣленнѣе:

.....„Я не одобряю содержаніе Вашей записки, поданной Императору. Французскому посланнику не слѣдуетъ никогда писать, что русскіе должны идти на Стокгольмъ...“ [2]).

Желая вмѣстѣ съ тѣмъ разсѣять невыгодное впечатлѣніе, произведенное въ Петербургѣ бездѣйствіемъ Бернадота, Наполеонъ повторяетъ Коленкуру свои доводы, которые должны были прикрыть истинныя причины медлительности маршала: .... „Поздравьте отъ меня Императора со взятіемъ Свеаборга. Вы получили объясненія о положеніи дѣлъ въ Копенгагенѣ. Дѣло въ томъ, что необходимо отправить сразу по меньшей мѣрѣ 30.000 человѣкъ, такъ какъ

---

[1]) Vol. III, appendice, p. 558 et 559.

[2]) Ibid. p. 560.

нельзя быть увѣреннымъ, что второй эшелонъ пройдетъ, а если первый эшелонъ будетъ отрѣзанъ, то рискуетъ понести уронъ. Князь Ponte-Corvo шелъ форсированнымъ маршемъ въ надеждѣ, что Бельты покрыты льдомъ. Онъ лично прибылъ въ Копенгагенъ, чтобы удостовѣриться въ средствахъ для переправы, и увидѣвъ, что ихъ имѣется для поднятія лишь 15.000 человѣкъ одновременно, онъ пріостановилъ свой маршъ. Однако передвиженія продолжаются, и нѣсколько тысячъ человѣкъ прибыло въ Зеландію. Операція должна выполняться съ осторожностью"... [1]).

Между тѣмъ дѣла на Финляндскомъ театрѣ неожиданно приняли неблагопріятный для русскихъ оборотъ.

„Оправившись отъ разстройства, шведы начали защищаться и вновь обнаружили свои качества хорошихъ солдатъ; во многихъ стычкахъ они одержали верхъ, нанеся тяжелыя раны самолюбію своихъ враговъ: они овладѣли островомъ Готландомъ съ его гарнизономъ, и этотъ пунктъ, столь близкій къ Финляндскому берегу, давалъ имъ средство утвердиться на послѣднемъ и вновь оспаривать судьбу области".

„За спиной Швеціи и Англія начала заявлять о себѣ, выказывая намѣреніе прійти на помощь своимъ союзникамъ. Десять тысячъ солдатъ генерала Мура, взятые съ Сициліи, высадились въ Готенбургѣ. Стало извѣстно о прибытіи англійскаго флота въ датскія воды; ожидали его появленія въ Балтійскомъ морѣ. Не безызвѣстно было, что берега имперіи обнажены отъ войскъ, что Финляндская армія, плохо управляемая, дурно снабженная, разбросанная на обширномъ пространствѣ, съ трудомъ устояла бы при переходѣ врага въ наступленіе. Опасались, какъ бы соединенный натискъ шведовъ и англичанъ не перенесъ военныя дѣйствія къ вратамъ столицы, и Петербургъ не оказался бы въ опасности" [2]).

Видя, что общественное мнѣніе начинаетъ измѣняться неблагопріятно для Франціи, „Коленкуръ вернулся къ мысли воздѣйствовать непосредственно на монарха, „единственнаго человѣка", какъ онъ съ грустью признавалъ, „который имѣетъ нѣкоторую вѣру въ нынѣшнюю систему"... [3]).

„Онъ давалъ Императору техническія указанія, представлялъ записки о способахъ обороны Финляндіи и обезпеченія ея за собой; далъ планъ наступленія на Скандинавскій полуостровъ..."

„Александръ, казалось, высоко цѣнилъ эти знаки преданности,

---

[1]) Vol. III, appendice, p. 559.
[2]) Vol. I, p. 323, 324.
[3]) Ibid. p. 330.

и первыми доказательствами его признательности было строгое порицаніе вожаковъ оппозиціи"...

„Однако, эта новая тактика, которую Коленкуръ столь откровенно излагалъ въ своихъ донесеніяхъ, и плоды которой онъ уже началъ пожинать, вовсе не одобрялась его императоромъ. Совѣты, данные Царю, Наполеонъ нашелъ мало совмѣстимыми съ ролью посла и выражающими слишкомъ явную заботу объ интересахъ иностраннаго государства: — „Не забывайте, что Вы французъ!" строго писалъ онъ своему послу [1]).

Оправдывая свой образъ дѣйствій, Коленкуръ отвѣчалъ: „Императоръ никому не показывалъ записки или соображенія, которыя я ему представлялъ; однако, я знаю, что онъ дѣлалъ распоряженія по всѣмъ"... [2]).

Между тѣмъ Наполеонъ, отвлеченный возстаніемъ въ Испаніи, не желая въ эти минуты терять расположенія Россіи, приказываетъ Коленкуру предложить снова вступленіе французскихъ войскъ въ Сканію.

„Я съ грустью узналъ, пишетъ Императоръ своему посланнику 28-го іюня, что русскіе испытали нѣсколько неудачъ на сѣверѣ Финляндіи. Нѣсколько полковъ прибыли въ Копенгагенъ. Экспедиція не удалась теперь, но все можетъ быть легко налажено въ будущемъ ноябрѣ. Остается всего 4 мѣсяца и время терять нельзя. Необходимо, чтобы Россія побудила Данію просить меня ввести 40.000 человѣкъ въ Норвегію, и чтобы русскіе были готовы перейти проливъ у Финляндіи, когда онъ замерзнетъ. Они соединились бы съ нашими въ Швеціи; тогда англичане должны были бы постыдно удалиться, и Швеція была бы занята" [3]).

„Но въ это время испанскія войска генерала Ла-Романа, занимавшія, въ качествѣ авангарда Бернадота, датскіе острова, въ ожиданіи переправы въ Швецію, при извѣстіи объ успѣхахъ своихъ соотечественниковъ, возмутились, передались непріятелю и требовали, чтобы англійскій флотъ отвезъ ихъ на родину, гдѣ они хотѣли примкнуть къ борьбѣ за освобожденіе... Это обстоятельство сдѣлало силы Бернадота недостаточными для выполненія его задачи. Движеніе въ Сканію, доселѣ лишь запоздалое, дѣлалось уже невыполнимымъ; между тѣмъ извѣстно, какое значеніе придавалъ этой диверсіи Александръ" [4]).

Въ утѣшеніе русскому Императору, Наполеонъ доказываетъ, что

---

[1]) Vol. I, p. 331.
[2]) Ibid. p. 332.
[3]) Vol. III, appendice, p. 563.
[4]) Vol. I, p. 367.

война въ Испаніи отвлекла вниманіе англичанъ на югъ и удержала ихъ отъ оказанія помощи шведамъ. Въ письмѣ Коленкуру отъ 9-го іюля онъ пишетъ:

„Я увѣренъ, что экспедиція, предназначавшаяся для Швеціи, была направлена въ Кадиксъ и другіе пункты. Это и дало другой оборотъ дѣламъ Россіи“ [1]).

Однако, какъ ни старался Наполеонъ поглотить все вниманіе Александра Финляндіей, русскій Императоръ не упускалъ главныхъ выгодъ, ожидаемыхъ имъ отъ союза съ Франціей. Въ то время, когда Коленкуръ говорилъ ему о Финляндіи, пріобрѣтеніе которой, по его словамъ, являлось столь же необходимымъ дополненіемъ къ территоріи имперіи, „какъ рука къ тѣлу“, Александръ съ настойчивостью возвращался къ вопросамъ объ очищеніи Пруссіи и о раздѣлѣ Турціи [2]). Кромѣ того, Александръ продолжалъ ожидать болѣе активной поддержки со стороны Франціи и на сѣверѣ, гдѣ содѣйствіе Наполеона также не шло далѣе обѣщаній и фразъ.

Всѣ эти вопросы Александръ предполагалъ поднять на предстоящемъ свиданіи въ Эрфуртѣ.

„Довольно промедленій“, говорилъ Императоръ Коленкуру въ августѣ 1808 года, „нужно дѣйствовать, и пусть судьба Россіи рѣшается на всѣхъ пунктахъ: въ сентябрѣ—Эрфуртъ, въ ноябрѣ—движеніе и въ теченіе зимы—результаты...“

Въ частности, относительно шведской войны, Александръ полагалъ также своевременнымъ возобновленіе энергичныхъ дѣйствій: „Зима приближается; это благопріятное время года для возобновленія военныхъ дѣйствій противъ Швеціи. Ледъ образуетъ повсюду мосты, дастъ возможность перейти Ботническій заливъ и идти на Стокгольмъ; операція на сѣверѣ какъ нельзя лучше будетъ согласована съ широкими операціями, направленными съ юга“ [3]).

На Эрфуртскомъ свиданіи шведскій вопросъ былъ исчерпанъ статьей 5-й договора, согласно которой, однимъ изъ непремѣнныхъ условій мира съ Англіей ставилось „признаніе съ ея стороны присоединенія Финляндіи къ Россійской Имперіи“.

„Относительно прочихъ частей шведскаго королевства вопроса не поднималось, и такимъ образомъ, Александръ получалъ полную свободу продолжать войну на сѣверѣ“ [4]).

Тѣмъ временемъ „въ Финляндіи было заключено перемиріе, но непреклонное упорство короля Густава IV, дошедшее до безраз-

[1]) Vol. III, appendice, p. 564.
[2]) Vol. I, p. 383.
[3]) Vol. I, p. 386.
[4]) Ibid. p. 475.

судства, не позволяло надѣяться, что онъ согласится пожертвовать провинціей, не истощивъ послѣднихъ средствъ. Съ этой стороны Александръ предвидѣлъ необходимость нанесенія ему дальнѣйшихъ тяжелыхъ ударовъ“ [1]).

„Военныя дѣйствія возобновились съ прежней энергіей; поговаривали объ экспедиціи на Аландскіе острова, о высадкѣ на берега Швеціи, но то и другое оставалось въ проектѣ“... [2]).

Между тѣмъ... „Стокгольмское правительство не обнаруживало ни малѣйшей склонности къ миру и даже отправило черезъ Ботническій заливъ часть своей арміи“ [3]).

Это обстоятельство, въ связи съ неудачными переговорами о мирѣ съ Турціей, приводилось русскимъ правительствомъ въ оправданіе вялыхъ дѣйствій русскаго вспомогательнаго корпуса, оперировавшаго противъ Австріи.

Между тѣмъ, для Наполеона, въ его борьбѣ съ Европой, „даже тѣнь дружбы Александра имѣла значеніе“; одинъ „призракъ союза“, въ видѣ появленія русскихъ войскъ въ Галиціи, способствовалъ бы не только побѣдѣ надъ Австріей, но даже миру съ Англіей. Поэтому Наполеонъ снова нажимаетъ на Коленкура: „.... Онъ разрѣшаетъ ему содѣйствовать заключенію столь желаемаго въ Петербургѣ мира со Швеціей“, лишь бы взамѣнъ этой услуги русскіе сдѣлали серьезную диверсію въ Галиціи [4]).

Но двойная игра Наполеона въ вопросѣ о возстановленіи Польши не укрылась отъ Императора Александра, и послѣдній считалъ болѣе осторожнымъ ограничиваться лишь фиктивными дѣйствіями въ Галиціи.

Тѣмъ временемъ, въ серединѣ августа „графъ Румянцевъ отправился въ Финляндію, чтобы встрѣтиться съ уполномоченными Швеціи въ городѣ Фридрихсгамѣ и закончить побѣдоносную войну подписаніемъ мира, присоединявшаго навсегда къ имперіи завоеванную провинцію вмѣстѣ съ Аландскими островами“... [5]).

К. Рыльскій.

---

[1]) Vol. II, p. 9.
[2]) Ibid. p. 27.
[3]) Ibid. p. 66.
[4]) Vol. II, p. 98.
[5]) Ibid. p. 147.

Король.

I.

Стоялъ декабрь. Смеркалось. Съ хмураго пасмурнаго неба на столицу падалъ снѣжокъ. Невскій по обыкновенію полонъ былъ оживленія.

Къ одному изъ модныхъ лучшихъ магазиновъ лихо подкатили запряженныя парою санки. Выпорхнула стройная подвижная барышня. Съ изящною ловкостью пробралась чрезъ толпу и, отряхивая на ходу приставшія къ платью снѣжинки, вбѣжала въ дверь.

Отвѣтивъ кивкомъ на почтительные поклоны хозяина, покупательница потребовала какія-то кружева. И проворныя нервныя руки забѣгали по свертkамъ, нетерпѣливо отыскивая нужный рисунокъ.

Въ сторонѣ шелъ разговоръ.

До слуха донеслись странныя фразы.

— Сдебель масу хлитъ.

— Мадъ ломишникъ шенъ.

Непонятный языкъ и довольно смѣшное произношеніе заставили барышню обернуться.

Разговаривавшихъ было двое. Одинъ не представлялъ изъ себя ничего интереснаго,—обычный типъ провинціала-торговца средней руки. Но другой былъ довольно оригиналенъ. Высокій, дородный, лѣтъ 55—60, съ открытымъ выразительнымъ лицомъ и особенно выразительнымъ умнымъ и нѣсколько надменнымъ взглядомъ изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей, съ характернымъ орлинымъ носомъ,—онъ могъ производить впечатлѣніе. Несовсѣмъ обычный костюмъ,

что-то среднее между пальто и поддёвкой, обшитое мѣхомъ и украшенное шнуромъ на подобіе венгерки, и необъятныхъ размѣровъ мѣховой картузъ съ наушниками усиливали впечатлѣніе.

Окинувъ разговаривавшихъ удивленнымъ взглядомъ, барышня вполголоса спросила склонившагося къ ней приказчика:

— Кто это?

— Не знаю,—ваше сіятельство. Впервые у насъ. Закупаютъ на крупную сумму.

— А на какомъ это языкѣ они говорятъ?

— Богъ ихъ знаетъ,—улыбнулся приказчикъ.

Ея сіятельство была изъ любопытныхъ. Отвѣтомъ не удовлетворилась. И съ присущей ей живостью обратилась прямо къ заинтересовавшимъ ее лицамъ:

— Позвольте спросить,—на какомъ это языкѣ вы говорите?

Солидный господинъ недовольно посмотрѣлъ и промолчалъ. Спутникъ оказался любезнѣе.

— Это особый нашъ языкъ, сударыня, свой языкъ,—отвѣтилъ онъ.

— Какой? Откуда вы?

— Бѣжецкій. Король,—показывалъ онъ глазами на солиднаго господина,—а я состою при ихъ особѣ.

Состоявшій при королѣ добрякъ еще что-то хотѣлъ повидимому добавить, но суровый принципалъ не далъ. Предпочелъ самъ договорить:

— Много будете знать, сударыня, скоро состаритесь. Въ нашихъ краяхъ, сударыня, молодымъ дѣвицамъ почитается непристойнымъ относиться къ незнакомымъ мужчинамъ.

Ея сіятельство вспыхнула. Взяла съ прилавка отобранное и красиво упакованное кружево. Расплатилась и, небрежно отвѣтивъ на низкій поклонъ продавца, торопливо вышла.

Король проводилъ ее ироническимъ взглядомъ.

— Ну и барыни же у васъ,—пояснилъ онъ свой недобрый взоръ смущенному и видимо раздосадованному хозяину. У насъ, слава Богу, такихъ бойкихъ еще не повелось.

— Да у васъ, сударь, такихъ и не можетъ быть. Это—фрейлина Двора Ея Величества Государыни Императрицы, княжна С—кая. При такомъ высокомъ положеніи имъ съ вашими барынями не ровняться. Да и вамъ, сударь, слѣдъ бы отнестись къ нимъ попочтительнѣе. Чрезъ васъ и намъ непріятность можетъ выйти.

На лицѣ короля отразилось какъ-будто какое-то раскаяніе и даже тревога. Но это былъ одинъ мигъ.—Оно снова приняло обычное свое нѣсколько надменное выраженіе. И разговоръ этотъ сталъ исключительно дѣловымъ.

Княжну С. лихіе кони между тѣмъ мчали къ Зимнему Императорскому Дворцу.

II.

— Странная встрѣча, Ваше Величество,—скромно проговорила княжна С., раскладывая предъ Государыней привезенныя кружева.

— Что такое, дитя мое?—ласково спросила Императрица.

— Въ магазинѣ, гдѣ я брала кружево, оказался король... король... Це... Де... Не могу вспомнить,—какой. Мнѣ назвали его. Забыла. Но я вспомню, Ваше Величество. Представительный. Суровый. Одѣтъ не по-русски. Говоритъ на какомъ-то совершенно непонятномъ, незнакомомъ языкѣ.

— Почему же ты думаешь, что это непремѣнно король?

— Съ нимъ былъ кто-то изъ его свиты. И онъ сказалъ мнѣ, что это—король.

— Можетъ быть, ты и съ самимъ этимъ твоимъ королемъ, даже успѣла поговорить?

— Да, Государыня. Я обратилась къ нему съ вопросомъ. Но онъ очень суровъ. И очень важно замѣтилъ мнѣ, что въ ихъ государствѣ непринято, чтобы дамы заговаривали съ незнакомыми мужчинами, и что я скоро состарѣюсь.

— Какъ? Почему состарѣешься?

— Онъ сказалъ, Ваше Величество,—кто много знаетъ, быстро старѣетъ.

— Твой король, моя милая, лучше тебя знаетъ русскія пословицы. Но надѣюсь, онъ тебѣ еще ничего непріятнаго не наговорилъ?! При живости твоего характера это возможно. Разскажи же толкомъ!

Княжна повела свой разсказъ въ нѣсколько юмористическомъ тонѣ. Картинно изобразила короля, пустивъ при этомъ въ ходъ съ присущимъ ей умѣньемъ копирующія его позы, мимику, жесты. Описала живописно его костюмъ, принявшій въ ея разсказѣ совсѣмъ уже какой-то фантастическій видъ. Попробовала даже передать тѣ фразы, которыми обмѣнялся въ магазинѣ король со своимъ придворнымъ. Но это вышло такъ неудачно, что княжна разсмѣялась и поспѣшила закончить свой разсказъ комизмомъ положенія, въ какое поставилъ ее король суровымъ своимъ замѣчаніемъ.

Императрица, не переставшая улыбаться во все продолженіе разсказа, разсмѣялась.

У Государыни въ это время сидѣли два видныхъ сановника и нѣсколько дамъ. Смѣялись и они.

Принявъ смѣхъ за выраженіе недовѣрія, княжна сдѣлала оби-

женный видъ и принялась горячо, со слезами на глазахъ, утверждать, что она видѣла дѣйствительно короля, въ королевскомъ одѣяніи, съ иноземнымъ языкомъ, и что названіе королевства вертится у нея на языкѣ, и она потомъ его припомнитъ.

Искренній тонъ и та горячность, съ которою фрейлина Императрицы защищалась, не могли не подѣйствовать. Странная встрѣча княжны стала предметомъ обсужденій. Начались догадки относительно самой личности короля. Высказывались предположенія, что это—горецъ, князь какого-либо изъ племенъ Кавказа, названный приближеннымъ его королемъ для большей важности, что это—представитель какого-нибудь азіатскаго племени, что это—одинъ изъ владѣтельныхъ особъ мелкихъ германскихъ княжествъ и т. д. Однимъ изъ сановниковъ высказано было и такое предположеніе, что это—просто помѣшанный человѣкъ, страдающій маніей величія больной. Къ послѣднему предположенію отнеслись впрочемъ скептически. Противъ него была очевидность:—свидѣтельство княжны о корректности поступковъ короля и титулованіе его не личное, а со стороны его спутника.

Въ разгаръ этого оживленнаго общаго разговора вошелъ Императоръ Николай Павловичъ. Государь только что вернулся изъ кадетскаго корпуса. Корпусомъ остался доволенъ. И былъ въ хорошемъ настроеніи.

Императрица разсказала ему о встрѣчѣ княжны, передавъ при этомъ и высказанныя предположенія о личности таинственнаго короля. Николай Павловичъ благодушно выслушалъ. Посмѣялся надъ догадками. Задалъ нѣсколько шутливыхъ вопросовъ княжнѣ. И повершилъ:

— Безъ всякаго сомнѣнія, окажется какой-нибудь пустякъ! Но разъ дамы спорятъ,—нужно для ихъ спокойствія разузнать о сказочномъ королѣ что-нибудь поточнѣе.

Приказано было навести справки и доставить короля во дворецъ,—въ случаѣ его добропорядочности.

III.

Придворный камеръ-лакей бросился по указанію надѣлавшей шуму фрейлины въ модный магазинъ на Невскомъ.

Тамъ, конечно, сразу поняли, о комъ нужна справка. И дали оставленный королемъ для отсылки заказа адресъ. Оказались какія-то малоизвѣстныя скромныя меблированныя комнаты для пріѣзжающихъ.

Появленіе камеръ-лакея произвело въ послѣднихъ переполохъ.

Бѣжецкаго короля съ его первымъ министромъ посланецъ изъ Императорскаго дворца нашелъ въ обстановкѣ совсѣмъ не королевской. Оба сидѣли безъ кафтановъ, въ простыхъ русскихъ рубашкахъ. Комната была мрачная, неуютная. На столѣ, покрытомъ сомнительной чистоты скатертью, кипѣлъ самоваръ, стояла только что раскупоренная и непочатая бутылка коньяку, лежали икра въ бумажкѣ, большой кусокъ колбасы и нѣсколько свѣжихъ кондитерскихъ булокъ. Утомленные странствованіями по столицѣ петербургскіе гости предвкушали сладость заслуженнаго отдыха и подкрѣпленія.

— Его Императорское Величество Государь Императоръ соизволилъ приказать доставить господина короля во дворецъ,—величественно произнесъ камеръ-лакей, входя въ комнату и окидывая ее вмѣстѣ съ важными ея обитателями бѣглымъ испытующимъ взглядомъ.

Король поблѣднѣлъ. Вытеръ чайнымъ полотенцемъ вспотѣвшее лицо. Надѣлъ длиннополый сюртукъ и поверхъ его смутившее княжну верхнее платье. Взялъ свой необъятныхъ размѣровъ мѣховой картузъ и, помолившись на икону, послушно вышелъ вслѣдъ за ожидавшимъ его придворнымъ лакеемъ, бросивъ на ходу остававшемуся въ комнатѣ, напуганному товарищу:

— Раздѣлка за княжну!

Король рѣшилъ и не сомнѣвался, что его вызываютъ именно по жалобѣ княжны. Мысль о причиненномъ ей оскорбленіи и грядущей грозѣ не давала покоя, мучительно сверлила мозгъ и болѣзненно сжимала трепетавшее сердце. Сидѣвшій рядомъ въ саняхъ лакей молчалъ.

Блѣдный ласкающій свѣтъ и роскошь дворцовой передней вывели короля изъ охватившаго его оцѣпенѣнія. Онъ искалъ,—гдѣ бы положить свой картузъ, и готовился снять верхнее платье. Ему замѣтили:

— Не трудитесь безпокоиться. Приказано ввести,—въ чемъ пожаловали.

Въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ предложили обождать, ждать пришлось недолго. За портьерой раздались твердые шаги. Вышелъ Государь, окидывая на ходу короля своимъ орлинымъ царственнымъ взглядомъ.

Король поспѣшилъ опуститься на колѣни.

— Встань! — раздался повелительный голосъ Императора. Здѣшній?

— Нѣтъ, Ваше Императорское Величество. Пріѣзжій. Бѣжецкій.

— Бѣжецкій? Это гдѣ же?

— Тверской губерніи, Государь. Уѣздный городъ.

— Торгуешь?

— Купецъ, Ваше Величество.

— Фамилія?

— Невоpотинъ.

— Почему же ты зовешься королемъ?

— Люди такъ прозвали, Ваше Величество. У покойнаго отца моего домъ въ Бѣжецкѣ былъ получше другихъ,—большой и съ разными затѣями. Капиталъ—тоже большой по нашему мѣсту. Самъ покойникъ былъ спѣсивъ да горденекъ. Шутники и прозвали королемъ. Отъ него перешло ко мнѣ. Король да король,—настоящую фамилію почти совсѣмъ забыли. Не употребляютъ.

— А что это на тебѣ за одежда?

— Родительская же, Ваше Величество. Отецъ не любилъ ни въ чемъ на другихъ походить. Я ее беру въ дорогу,—по удобству. Въ нашемъ торговомъ дѣлѣ она много удобнѣе тулупа.

— А на какомъ это языкѣ ты говорилъ сегодня, когда тебя встрѣтила фрейлина въ магазинѣ?

— Это, Ваше Величество,—наши условныя торговыя слова. Мы употребляемъ ихъ въ разговорѣ со своими служащими при сдѣлкахъ, чтобы насъ продавецъ или покупатель не могли понять.

— Ну, что же ты говорилъ?

— Помнится, при княжнѣ я сказалъ своему молодцу: Сдебель масу хлитъ. Это значитъ на нашемъ нарѣчіи:—торгуйся, уступку сдѣлаетъ. Мы покупали матерію. А приказчикъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ будетъ давать за аршинъ ломишникъ, то-есть полтинникъ.

— Вотъ что! Ну ты напугалъ сегодня мою фрейлину. Ваши барыни не такія?

— Простите, Ваше Императорское Величество!—произнесъ король, опускаясь на колѣни. Я не зналъ, что это—фрейлина, княжна. Да развѣ бы я посмѣлъ ровнять ихъ съ нашими бабами!! По простотѣ сорвалось, Ваше Величество. Богъ видитъ, по простотѣ.

— Вставай и иди! Извини, что я тебя потревожилъ и больше моихъ фрейлинъ не пугай—сказалъ Императоръ и милостиво далъ ему поцѣловать свою руку.

Обрадованный счастіемъ, что неожиданно удостоился лицезрѣть обожаемаго Монарха, говорить съ нимъ и облобызать его державную руку, король, выйдя изъ дворца, нанялъ до своихъ меблированныхъ комнатъ извозчика. Это былъ первый въ его жизни случай, когда онъ на радостяхъ позволилъ себѣ такую роскошь. Но радость чего не сдѣлаетъ!

Событіе съ княжной С. стало извѣстно между придворными. На другой день, принимая рапортъ о состояніи столицы, Государь Императоръ изволилъ пошутить, что полиція и градоначальникъ просмотрѣли такое крупное явленіе, какъ пріѣздъ короля.

И долго потомъ, если кому-либо изъ знакомыхъ хотѣлось посердить фрейлину княжну С—кую, стоило только напомнить ей о Бѣжецкомъ королѣ.

А самъ король сталъ съ тѣхъ поръ еще надменнѣе. И прозвище настолько за нимъ упрочилось, что въ Бѣжецкѣ и доселѣ его потомки носятъ почетное названіе королей.

І. Постниковъ.

Генералъ-лейтенантъ А. А. Іедлинскій.

(Изъ далекаго прошлаго Кавказа) [1]).

Когда завершилось замиреніе Кавказа оружіемъ, правительство было озабочено обезпечить наступившее спокойствіе мирнымъ, культурнымъ завоеваніемъ края, для каковой цѣли стало раздавать на Кавказѣ свободныя земли заслуженнымъ военнымъ и гражданскимъ чинамъ для насажденія и развитія культуры въ этомъ дикомъ краѣ. На-ряду съ землею выдавались и долгосрочныя денежныя ссуды для созиданія разнаго рода предпріятій, имѣвшихъ цѣлью насажденіе и разработку естественныхъ богатствъ края, въ изобиліи разбросанныхъ какъ по поверхности земли, такъ и въ ея нѣдрахъ.

Среди лицъ, получившихъ ссуды, былъ и Іедлинскій, взявшій таковую неизвѣстно на какое предпріятіе, но такового, разумѣется, не создалъ, а полученныя деньги прошли у него по обыкновенію между рукъ. Наступаетъ срокъ возврата, еще годъ, другой, наконецъ вспоминаютъ объ этомъ дѣлѣ въ Петербургѣ (ссуды выдавало почему-то не кавказское начальство, а центральная власть въ Петербургѣ), и начинается обычная въ такихъ случаяхъ затяжная канцелярская переписка: Главный штабъ изъ Петербурга сообщаетъ въ штабъ кавказской арміи свое удивленіе, почему генераломъ Іедлинскимъ взятая тогда-то и въ такомъ-то размѣрѣ ссуда до сихъ поръ не возвращена, хотя срокъ уплаты давно наступилъ. По доброй, заведенной разъ навсегда привычкѣ къ отписи оффиціальныхъ бумагъ, ни одна изъ нисходящихъ инстанцій не давала себѣ въ то время труда въ составленіи самостоятельныхъ бумажныхъ запросовъ; а прямо переписывали содержаніе полученной бумаги, и лишь въ концѣ къ удивленіямъ Главнаго штаба присоединяли и свое удивленіе; такъ дѣло шло, не торопясь изъ Главнаго штаба, въ штабъ намѣстника, оттуда въ штабъ корпуса, въ штабъ дивизіи и наконецъ послѣ долгихъ странствованій, чуть ли не черезъ годъ, достигаетъ самаго виновника запроса, командовавшаго тогда казачьей бригадой.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ май 1911 г.

Іедлинскій, получивши запросъ, ни минуты не задумываясь и совершенно хладнокровно пишетъ въ отвѣтъ по начальству нижеслѣдующее:

„Главный Штабъ удивляется, штабъ кавказской арміи удивляется, штабъ корпуса удивляется, штабъ дивизіи удивляется, а бригадный командиръ Іедлинскій нисколько не удивляется и не возвращаетъ полученной ссуды по единственной причинѣ: ссуда истрачена, а у него ни копѣйки денегъ нѣтъ“.

И коротко и ясно.

Передавалъ мнѣ этотъ случай нынѣ покойный генералъ Ждановъ, бывшій въ концѣ 80-хъ годовъ начальникомъ отдѣленія штаба кавказскаго округа, и увѣрялъ, что этотъ документъ не апокрифъ, и хранится какъ курьезъ въ архивѣ штаба.

Въ результатѣ раздача всѣхъ этихъ земель и ссудъ въ концѣ концовъ не привела ни къ чему: ни Іедлинскій, ни другія лица ссудъ не вернули, не создали никакихъ культурныхъ предпріятій, да и иначе и быть не могло. Промышленныя предпріятія требуютъ и другихъ лицъ, съ иной подготовкой и иными знаніями и воспитаніемъ. Кавказскіе рубаки дѣлали и прекрасно сдѣлали свое дѣло на Кавказѣ, когда, не жалѣя и не задумываясь, проливали свою кровь за отечество, на пользу матушкѣ-Россіи и на славу батюшки Царя. Предъявлять къ нимъ еще требованія культурнаго развитія и подъема производительныхъ силъ завоеваннаго ими края было и не логично и не правильно.

Впрочемъ, долженъ оговориться. Среди лицъ, получившихъ казенную ссуду, нашелся одинъ, который не только во-время возвратилъ казнѣ взятыя у нея деньги, но и блестяще оправдалъ довѣріе правительства. Этимъ человѣкомъ былъ недавно умершій въ преклонныхъ годахъ, баронъ Кученбахъ, котораго и я когда-то лично зналъ и видѣлъ его образцовое молочное хозяйство съ знаменитой сыроварней на сѣверномъ Кавказѣ.

Изучивъ флору Кавказа, онъ разыскалъ луга, совершенно подходящіе къ швейцарскимъ, выписалъ оттуда коровъ, рабочихъ и въ короткое сравнительно время создалъ на Кавказѣ почти единственную образцовую молочную ферму и сыроварню. Его сыръ извѣстенъ въ продажѣ подъ именемъ швейцарско-кавказскаго, ничуть не уступаетъ настоящему швейцарскому и распространенъ по всей Россіи отъ Петербурга до Крыма, отъ Варшавы до отдаленныхъ предѣловъ Сибири. Большинство потребителей, покупая Кученбаховскій сыръ, даже не подозрѣваютъ, что это не иностранное, а наше отечественное произведеніе. Краткимъ, но теплымъ некрологомъ помянуло „Новое Время“ Кученбаха, по всѣмъ заслугамъ воздавъ должное усопшему

барону, неутомимому піонеру нашей въ тѣ времена отдаленной окраины.

Іедлинскій субсидіи не возвратилъ, сыромъ не прославился, но каждому свое. Австріецъ по происхожденію, католикъ по религіи, перейдя на службу, а потомъ и въ подданство Россіи уже 32-хъ лѣтнимъ зрѣлымъ человѣкомъ, Іедлинскій честно и преданно сталъ служить своей новой родинѣ, отдавши ей всего самого себя, свою кровь (былъ неоднократно раненъ), а если судьба не судила ему принести на алтарь новой родинѣ и свою жизнь, вина не его: не сомнѣваясь ни минуты, безъ размышленій клалъ онъ ее неоднократно къ ногамъ Россіи.

Не нужно же, чтобы память о немъ испарилась на вѣки, поэтому я думаю, что поступаю правильно, если дѣлюсь съ читателями настоящими своими воспоминаніями. Пусть они кратки, отрывчаты, но—fecі quod potui; пусть другіе, быть можетъ, лучше меня освѣдомленные, дополнятъ эти біографическія данныя о покойномъ, честномъ кавказскомъ рубакѣ.

Сообщ. Вл. Марковъ.

Очеркъ организаціи военныхъ силъ Южной Болгаріи [1]).

(Посвящается Царству Болгарскому).

Съ расчлененіемъ Болгаріи на княжество и восточную Румелію, послѣдняя осталась лишь съ девятью дружинами и двумя конными сотнями, передъ тѣмъ наскоро переформированными и еще не вполнѣ обученными. Съ такимъ малымъ количествомъ войскъ и при томъ вовсе неустроенныхъ, нельзя было и думать оставить страну, угрожаемую вторженіемъ турецкихъ войскъ и окруженную вооруженными хищными шайками разбойниковъ. Назначенный тогда генералъ-губернаторомъ восточной Румеліи генералъ-лейтенантъ Столыпинъ, со дня вступленія своего въ должность, съ высокою заботливостью и попеченіемъ о краѣ, выдвинулъ, между прочимъ, на первый планъ и организацію обороны страны.

Обращено было серьезное вниманіе на устройство и образованіе восточно-румелійской милиціи какъ кадра — ядра народной самообороны. По первоначально данной организаціи милиціи, какъ отдѣльному войску, изъ 9 дружинъ и 2-хъ конныхъ сотенъ составлены были двѣ бригады: Филиппопольская изъ дружинъ и сотни Филиппопольской губерніи и Сливенская изъ дружинъ и сотни Сливенской губерніи. Общее завѣдываніе милиціею (обѣими бригадами) было возложено на командира Филиппопольской бригады—полковника Кесякова—родомъ болгарина. Для приданія же самостоятельной и прочной организаціи милиціи были составлены (утверждены

[1]) Печатаемъ эту статью какъ историческій памятникъ высокой и безкорыстной дѣятельности чиновъ русскихъ войскъ приформированіи юной болгарской арміи; эта армія въ настоящее время представляетъ могучую силу, такъ успѣшно охраняющую миръ и порядокъ на Балканскомъ полуостровѣ. *Ред.*

22 февраля 1879 г.) штаты: штаба войскъ милиціи, управленія бригады, пѣшей дружины и конной сотни.

Параллельно съ этимъ приступлено было къ образованію изъ мѣстнаго болгарскаго населенія гимнастическо-стрѣлковыхъ дружествъ. Съ 15-го января 1879 г. начато вооруженіе этихъ дружествъ винтовками Крынка изъ артиллерійскихъ складовъ оружія: Филиппопольскаго, Казанлыкскаго и Сливенскаго. Раздача этихъ ружей въ селахъ возложена была на окружныхъ начальниковъ (тогда еще русскихъ офицеровъ), у коихъ должны были быть точныя свѣдѣнія и списки лицъ, коимъ розданы ружья и патроны.

Затѣмъ, въ виду выяснившагося тогда скораго очищенія страны нашими войсками, въ южно-пограничной полосѣ восточной Румеліи, гдѣ можно было ожидать набѣговъ хищныхъ шаекъ баши-бузуковъ, для отраженія ихъ и гарантіи отъ грабежей и разбоевъ были образованы изъ того же мѣстнаго болгарскаго населенія сельскіе караулы. Въ составъ ихъ назначались болѣе способные носить оружіе болгаре по числу имѣющихся въ селеніи ружей.

Обученіе сельскихъ карауловъ и занятія гимнастическихъ обществъ въ мѣстахъ расположенія нашихъ войскъ было возложено на нихъ и шло весьма успѣшно; но тамъ, гдѣ войскъ не было, дружества занимались, какъ то выяснилось личными провѣрками генерала Столыпина, нераціонально: обращалось вниманіе болѣе на строевую часть, упуская изъ виду, указанное въ особо данномъ наставленіи для обученія гимнастическо-стрѣлковыхъ дружествъ, изученіе прикладки и знанія сборки, разборки и сбереженія ружья.

Для пользы дѣла генералъ Столыпинъ счелъ затѣмъ необходимымъ сосредоточить наблюденіе какъ за обученіемъ сельскихъ карауловъ, такъ и общее попечительство за ходомъ занятій въ гимнастическихъ обществахъ въ штабѣ войскъ милиціи, такъ какъ: во-первыхъ, сельскіе караулы должны были быть безусловно въ связи съ милиціею, составляя какъ бы дополненіе оной; во-вторыхъ, наблюденіе за розданными въ сельскіе караулы и гимнастическія общества ружьями, сбереженіе ихъ, какъ и патроновъ требовало постояннаго контроля и наблюденія, въ третьихъ, самое обученіе сельскихъ карауловъ и гимнастическихъ дружествъ должно было быть однообразно и цѣлесообразно и въ четвертыхъ—въ виду рѣшеннаго тогда скораго ухода нашихъ войскъ и слѣдовательно необходимости сосредоточенія всѣхъ охранительныхъ средствъ страны въ однѣхъ рукахъ. А потому приказомъ отъ 30-го марта 1879 г. генералъ Столыпинъ предписалъ:

1) начальнику войскъ милиціи восточной Румеліи принять общее наблюденіе за обученіемъ сельскихъ карауловъ и непосредственное

попечительство надъ гимнастическими обществами Филиппопольской губерніи, обращаясь за содѣйствіемъ въ назначеніи инструкторовъ, гдѣ находились наши войска, къ начальнику 5 пѣхотной дивизіи генералу Полторацкому, а въ районѣ расположенія войскъ 4-го корпуса генералу Скобелеву, гдѣ же не было нашихъ войскъ—назначить учителей изъ дружинъ милиціи, какъ для обученія сельскихъ карауловъ, такъ и для наблюденія за занятіями въ гимнастическо-стрѣлковыхъ дружествахъ.

Непосредственное наблюденіе за занятіями гимнастическихъ обществъ въ Сливенской губерніи, подъ высшимъ наблюденіемъ генерала Скобелева, возложить на командира Сливенской бригады, которому доставить въ штабъ войскъ милиціи всѣ свѣдѣнія о состояніи сельскихъ карауловъ и гимнастическихъ обществъ.

2) Окружнымъ начальникамъ имѣть по-прежнему подробные списки, кому выданы ружья и патроны, и наблюдать за исполненіемъ своихъ обязанностей сельскими караулами, но немедленно представить въ штабъ войскъ милиціи свѣдѣнія сколько, въ какомъ селѣ округа имѣется вооруженныхъ людей сельскихъ карауловъ.

3) Окружные же начальники доставятъ свѣдѣнія — сколько въ округѣ имѣется гимнастическихъ обществъ, объ ихъ составѣ и количествѣ имѣющихся у нихъ ружей Крынка.

4) Начальнику артиллеріи 9-го корпуса по раздачѣ ружей закрыть артиллерійскіе склады оружія, передавъ самыя помѣщенія со сдѣланными приспособленіями въ вѣдѣніе штаба Румелійской милиціи. Въ Казанлыкскій же складъ, который будетъ общимъ складомъ патроновъ для Румелійскаго войска, должно быть назначено отъ милиціи нужное число чиновъ и одинъ офицеръ по распоряженію начальника Румелійской милиціи.

5) Г. г. губернаторамъ — филиппопольскому и сливенскому— оказать полное ихъ содѣйствіе къ представленію немедленно нужныхъ свѣдѣній отъ окружныхъ начальниковъ въ штабѣ войскъ милиціи и къ сосредоточенію управленія сельскими караулами и попечительства надъ гимнастическими дружествами въ рукахъ начальника Румелійской милиціи.

Этотъ знаменательный актъ генерала Столыпина ввелъ организацію военныхъ силъ южной Болгаріи во второй періодъ своего развитія. Актъ этотъ далъ возможность сплотить всѣ до того разорванныя силы, работавшія не только въ Румеліи, но и въ Македоніи, систематизировать дѣло обороны и дать выходъ воинственному пылу населенія, давъ вмѣстѣ съ тѣмъ ему и надежныхъ благоразумныхъ руководителей. Съ момента полученія этого акта всюду закипѣла работа, надрывалась въ трудѣ не одна ревностная грудь.

Результатъ вышелъ по-истинѣ блестящій. Какъ въ сказкѣ. Въ сорокъ дней и сорокъ ночей была образована со всѣми учрежденіями, готовая встрѣтить врага грудью и пасть въ неравномъ бою или побѣдить, цѣлая армія въ 60 дружинъ, 8 конныхъ сотенъ и 5 батарей съ саперными и прочими вспомогательными частями.

Для службы сельскихъ карауловъ въ штабѣ войскъ милиціи была выработана инструкція. Сельскіе караулы по отправленію охранительной службы раздѣлялись на: 1) посты, 2) заставы и 3) резервы.

1) Посты отъ 5 до 8 человѣкъ, въ числѣ коихъ 1 или 2 всадника, подъ командою унтеръ-офицера или опытнаго рядового, выставлялись по нѣскольку отъ каждой пограничной деревни—близъ самой границы около дорогъ на удобныхъ для наблюденія мѣстахъ; число ихъ зависѣло отъ количества дорогъ, подлежащихъ охраненію.

2) Заставы, силою отъ 8 до 12 человѣкъ при одномъ конномъ назначались для ближайшей поддержки постовъ, если послѣдніе были удалены отъ своей деревни болѣе 3-хъ верстъ.

3) Резервъ составлялся изъ всѣхъ прочихъ людей сельскаго караула и оставался въ своей деревнѣ.

Передовая служба сельскихъ карауловъ опредѣлялась такъ:

1) На постахъ выставлялся часовой, на обязанности котораго было зорко слѣдить за всѣмъ происходящимъ впереди и по сторонамъ; обо всемъ замѣченномъ докладывать старшему; часовой мѣнялся каждые два часа; остальные люди поста располагались сзади по возможности скрытно; половина изъ нихъ могла отдыхать и снимать аммуницію, а другіе находились въ постоянной боевой готовности; каждый постъ долженъ былъ посылать патрульныхъ: двухъ пѣшихъ или одного коннаго, смотря по разстоянію, къ сосѣднимъ постамъ для поддержанія съ ними связи.

2) Застава выбираетъ себѣ мѣсто, удобное для наблюденія по возможности за всѣми постами, изъ ея селенія наряжаемыми; выставляется часовой, который долженъ зорко слѣдить, не подаются ли какіе-нибудь сигналы съ постовъ; онъ останавливаетъ и допрашиваетъ проходящихъ и проѣзжающихъ; часовой мѣняется каждые два часа; остальные люди заставы могутъ отдыхать; половина изъ нихъ имѣетъ право снимать аммуницію и занимается приготовленіемъ пищи; застава поддерживаетъ связь съ постами посредствомъ пѣшихъ и конныхъ патрульныхъ; у заставы долженъ также находиться сигнальный шестъ, какъ и у каждаго поста.

3) Резервъ наряжаетъ ежедневно караулъ изъ трехъ ополченцевъ и одного за старшаго къ какому-нибудь мѣсту въ деревнѣ

или вблизи ея, удобному для наблюденія (минарету, высотѣ) впереди-лежащей мѣстности; остальные люди резерва могутъ заниматься ученіями, домашними и полевыми работами. Нѣсколько разъ въ продолженіе сутокъ начальникъ сельскаго караула посылаетъ конныхъ патрульныхъ къ заставамъ или постамъ, если нѣтъ заставъ, съ цѣлью повѣрять ихъ службу и узнавать о благополучіи.

Резерву должно быть назначено сборное мѣсто на случай тревоги по возможности въ передней окраинѣ къ сторонѣ границы селенія и выбрана позиція; послѣднею можетъ служить сама деревня или, если она окажется совершенно неудобною для обороны, то какая-нибудь впереди лежащая тѣснина или высота, которой непріятель не можетъ миновать, направляясь въ деревню съ цѣлью грабежа.

Смѣна постовъ и заставъ должна по возможности происходить каждыя сутки на разсвѣтѣ или передъ закатомъ солнца, какъ по мѣстнымъ условіямъ будетъ признано удобнѣе.

Если съ постовъ было бы замѣчено сосредоточеніе или движеніе турецкихъ войскъ или вооруженныхъ жителей, то, сообщивъ объ этомъ немедленно заставамъ и резервамъ (посылаемыми отъ заставъ), посты и заставы становятся въ ружье, а резервы собираются по сигналу; однако посты не имѣли права отступать иначе, какъ передъ явною опасностью быть отрѣзанными или подавленными значительнымъ превосходствомъ силъ, отступая спокойно шагъ за шагомъ къ заставамъ, а въ случаѣ необходимости къ резервамъ, они должны были зорко слѣдить за непріятелемъ. Было внушено постамъ, что для нихъ вовсе не могло быть страшно нападеніе вдвое—втрое сильнѣйшаго турецкаго разъѣзда или вооруженной шайки, такъ какъ постъ, стоя на мѣстѣ, весьма легко въ состояніи отразить подобную атаку спокойною и мѣткою пальбою; тѣмъ не менѣе и заставы и резервы должны были спѣшить на помощь постамъ для наказанія нападавшихъ. Если начальникъ сельскаго караула убѣдился бы, что онъ одинъ не въ состояніи справиться съ непріятелемъ, то долженъ обратиться къ ближайшему баталіонному или ротному командиру, который въ случаѣ дѣйствительной опасности обязанъ немедленно спѣшить на помощь сельскимъ карауламъ, не ожидая на то никакихъ приказаній.

Назначенія сельскихъ карауловъ деревень, не примыкающихъ къ пограничной линіи, состояли не только въ ближайшей поддержкѣ въ случаѣ необходимости пограничныхъ сельскихъ карауловъ, но и въ непосредственномъ участіи въ передовой службѣ, которая, ложась только на послѣдніе, была бы для нихъ слишкомъ тяжелою. Ближайшія распоряженія относительно очереди смѣны постовъ и

заставъ различными сельскими караулами или совмѣстнаго наряда людей отъ передовыхъ и заднихъ сельскихъ карауловъ на посты и заставы, предоставлялись офицерамъ, завѣдывающимъ сотнями, которые старались распредѣлить по возможности равномѣрно между сельскими караулами наряды на передовые посты.

Въ свободное отъ передовой службы время люди занимались своими работами дома и на полѣ, но непремѣнно нѣсколько разъ въ недѣлю должны были собираться для воинскихъ упражненій, состоящихъ изъ слѣдующихъ отраслей обученія:

а) основаніи одиночнаго обученія и ротнаго ученія; не налегая особенно на правильность ружейныхъ пріемовъ и маршировки, обращалось самое серьезное вниманіе на прикладку; обучая сотни главнымъ видамъ ротнаго строя, не увлекались ломкою фронта, а занимались возможно болѣе розсыпнымъ строемъ;

б) практической стрѣльбы на близкихъ разстояніяхъ. Вслѣдствіе ограниченнаго числа патроновъ вообще слѣдовало быть крайне бережливымъ въ израсходованіи патроновъ для практики, производить цѣльную пальбу толково и не торопясь, объясняя стрѣлкамъ дѣйствіе каждаго выстрѣла—почему пуля не попала въ мишень и т. п.

в) гимнастическихъ упражненій, которыя, развивая ловкость, способствуютъ умѣнію преодолѣвать мѣстныя препятствія;

г) возведенія простѣйшихъ окоповъ-ровиковъ для стрѣлковъ и ложементовъ.

Всѣ старшіе и младшіе начальники сельскихъ карауловъ должны были стараться развить въ высокой степени между подчиненными имъ болгарами идею взаимной поддержки и выручки своихъ. Объясняли это примѣрами, полагая, напримѣръ, что шайка башибузуковъ нападаетъ на пограничную деревню. Жители сосѣднихъ селеній, въ особенности сзади лежащихъ, ни въ какомъ случаѣ не должны думать, что, можетъ быть, другая шайка проберется къ нимъ, и что по этому случаю имъ надо остаться дома. Напротивъ всѣ должны спѣшить на помощь атакованнымъ; это ихъ святая обязанность и что народная оборона только тогда и возможна, когда каждый житель, дорожа своимъ домашнимъ очагомъ, тѣмъ не менѣе готовъ жертвовать и жизнью и имуществомъ въ пользу общаго блага.

Были затребованы отъ подлежащихъ лицъ и сосредоточены въ штабѣ войскъ милиціи всѣ свѣдѣнія по гимнастическо-стрѣлковымъ дружествамъ и сельскимъ карауламъ. Собраны были полныя статистическія данныя по округамъ, городамъ и селамъ о числѣ жителей, ихъ національности, о воздѣлываніи земель, скотоводствѣ и перевозочныхъ средствахъ по количеству подводъ и вьюковъ. По счисленіи добытыхъ данныхъ, для быстраго систематическаго обу-

ченія оказавшагося контингента сельскихъ карауловъ и гимнастическихъ обществъ, пришлось, пользуясь еще присутствіемъ оккупаціонныхъ нашихъ войскъ, всѣ 9 Восточно-Румелійскихъ дружинъ разсыпать по территоріи въ видѣ учителей населенія; для сего каждая дружина была снабжена планомъ и росписаніемъ раіона, въ которомъ она должна была обучать. Каждый раіонъ, назначенный для дружины, былъ раздѣленъ на число участковъ соотвѣтственно количеству полуротъ въ дружинѣ. Ротный командиръ, получивъ назначенные ему участки, выбиралъ въ немъ (если въ росписаніи не было назначено) два центральные пункта, занималъ ихъ по полуротно и затѣмъ раздѣлялъ между полуротами доставшееся количество селъ, соотвѣтственно числу обучающихся. Изъ назначенныхъ для полуротъ центральныхъ пунктовъ учителя расходились по опредѣленнымъ для нихъ селамъ, въ которыхъ, не отрывая людей отъ полевыхъ работъ, обучали ежедневно, выбирая для этого такіе часы, въ которые люди свободны; такъ, по вечерамъ, т. е. по окончаніи полевыхъ работъ. Два раза въ недѣлю всѣ обучающіеся жители были сводимы учителями въ центральные полуротные пункты, для производства занятій подъ непосредственнымъ наблюденіемъ командира роты, для чего ротный командиръ и долженъ былъ на одномъ сборномъ пунктѣ присутствовать до обѣда на ученіи, а въ другомъ послѣ обѣда.

Въ программу ежедневныхъ занятій введено было слѣдующее: 1) прикладка стоя и лежа, а изъ бруствера и съ колѣна; 2) сборка и разборка винтовки, чистка и правила сбереженія ея; 3) разсыпной строй и окапываніе; на послѣднее обращено было особенное вниманіе; пріучали людей въ самое незначительное время отъ 15 до 20 минутъ выкопать стрѣлковый ровикъ въ 1½ фута глубиною и той же высоты насыпью; 4) по провѣркѣ правильности прикладки и прицѣлки приступалось къ практической стрѣльбѣ, на прохожденіе каковой дано было по 15-ти патроновъ. Стрѣльба производилась на дистанціи 200, 280, 400, 600 и опять на 200 шаговъ, считая на каждую дистанцію по три патрона.

Обученіе жителей велось замѣчательно усердно и энергично, и обучаемые дѣлали поразительные успѣхи. Съ одной стороны каждый изъ массы обучаемыхъ жаждалъ серьезныхъ и обстоятельныхъ занятій, сознавая, что въ нихъ залогъ свободы и гарантія отъ хищныхъ ордъ башибузуковъ, а съ другой учителя прилагали все свое къ дѣлу рвеніе, имѣя въ виду, что въ минуту необходимости защиты края, народная милиція вступитъ въ ихъ ряды для приведенія ротъ въ составъ дружинъ. Г.г. офицеры, какъ начальники, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ коихъ производилось

обученіе, равно клали на алтарь свободы Болгаріи всѣ свои силы и исполняли свой долгъ съ сочувствіемъ и полною преданностью дѣлу.

Параллельно съ обученіемъ населенія необходимо было подумать и о приданіи ему прочной военной организаціи въ себѣ самомъ, выдѣленіе болѣе свѣдущихъ при призывѣ въ ряды для офицерскихъ и унтеръ-офицерскихъ обязанностей, а наконецъ и о денежныхъ средствахъ на случай мобилизаціи.

Все это предусмотрѣно, какъ легко видѣть, въ уставѣ гимнастическо-стрѣлковыхъ дружествъ, помѣщенномъ въ приложеніи. Дѣйствительную цѣль дружествъ въ уставѣ пришлось замаскировать въ виду невозможности потомъ при турецкомъ генералъ-губернаторѣ готовить цѣлую армію въ противность органическому статуту, который съ аптекарской точностью опредѣлялъ войска Румеліи и при томъ какъ оттоманскую военную силу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ для приданія войскамъ той необходимой организаціи, при которой они могли бы представить самостоятельную силу для отраженія внѣшняго непріятеля, ходатайствовалось о восполненіи въ составѣ войска всѣхъ тѣхъ какъ боевыхъ, такъ и спеціальныхъ частей и учрежденій, безъ которыхъ немыслимо существованіе отдѣльнаго войска; наконецъ, чтобы съ уходомъ учрежденій оккупаціонныхъ войскъ не лишить войска милиціи и зарождающіяся его учрежденія средствъ по снабженію необходимыми снаряженіемъ, вооруженіемъ и всѣмъ прочимъ, а также до установленія новаго порядка, не оставить ихъ безъ всякой возможности къ содержанію и довольствію, испрашивалось ходатайство генералъ-губернатора:

1) При громадномъ значеніи подготовки дружинниковъ,—какъ учителей населенія,—объ усиленіи кадровъ русскихъ офицеровъ въ дружинахъ.

2) Въ виду необходимости войскамъ милиціи имѣть какъ опытныхъ практиковъ учителей въ умѣніи окапываться, укрѣплять занятыя позиціи и преодолѣвать мѣстныя препятствія, такъ равнымъ образомъ шанцевый инструментъ и инженерный обозъ съ надлежащимъ инструментомъ и мостовыми припасами, испрашивалось о выдѣленіи для сформированія кадровой части: 5 саперныхъ оберъ-офицеровъ и 60 нижнихъ чиновъ; по матеріальной части: инженерный обозъ, полагаемый на одинъ саперный баталіонъ съ полнымъ комплектомъ инструментовъ и мостовыми припасами. Сверхъ того, въ виду крайне настоятельной необходимости имѣть всегда въ запасѣ требуемый въ громадномъ количествѣ шанцевый инструментъ, которымъ въ достаточной мѣрѣ не снабжены были даже дружины,

ходатайствовалось о передачѣ всего имѣющагося при оккупаціонныхъ войскахъ и складахъ этого рода инструмента, какъ весьма трудно находимаго на мѣстѣ и легко пріобрѣтаемаго въ Россіи.

3) Такъ какъ безъ артиллеріи войска милиціи не только не въ состояніи вступить съ врагомъ въ сколько-нибудь серьезное столкновеніе, но даже войска эти и не могутъ назваться войсками въ истинномъ значеніи этого слова, — какъ стойкая отражающая сила. Одно присутствіе артиллеріи въ составѣ войскъ, поднимая духъ и стойкость войскъ, заставляетъ противника признать въ немъ силу. Поэтому ввиду рѣшающагося вопроса о передачѣ въ войска милиціи 4-хъ 9-ти фунтовыхъ полевыхъ и одной горной батарей съ полнымъ матеріальнымъ имуществомъ, необходимо для полной организаціи артиллерійскаго дѣла не оставить назначеніемъ и необходимыхъ кадровъ личнаго состава: штабъ-офицера для общаго наблюденія, 6 оберъ-офицеровъ старшихъ чиновъ для командованія батареями и завѣдыванія артиллерійскимъ складомъ, 12 оберъ-офицеровъ младшихъ чиновъ въ помощь командирамъ батарей и назначенія въ мастерскія, а также до 400 человѣкъ нижнихъ чиновъ, по 70 на каждую батарею, въ томъ числѣ и ѣздовыхъ и 50 техниковъ и мастеровыхъ.

4) Имѣя въ виду неумѣлое обращеніе въ рукахъ мирнаго селянина съ ружьемъ и возможную отъ того порчу его въ то время, когда каждая винтовка — драгоцѣнный даръ, для возможно быстраго исправленія его, о необходимости передачи въ войска милиціи оружейныхъ мастерскихъ, а для изготовленія зарядовъ и производства такихъ работъ по содержанію въ исправности и храненіи боевыхъ припасовъ, которые требуютъ спеціальныхъ пріемовъ и лабораторныя мастерскія; какъ тѣ, такъ и другія со всѣми имѣющимися при нихъ станками и инструментами.

5) Для возможности вполнѣ безопаснаго подвоза артиллерійскихъ снарядовъ къ батареямъ, если на передачу таковыхъ послѣдуетъ разрѣшеніе, о необходимости дѣленія для сформированія парка хотя 100 двухколесныхъ зарядныхъ ящиковъ съ полною походною 9-ти фунтовою укладкою и конскою аммуниціею; если подвозку патроновъ еще можно было допустить на перевозочныхъ средствахъ края, то снаряженный снарядъ, даже при возможныхъ приспособленіяхъ, не всегда на этихъ средствахъ былъ бы гарантированъ отъ взрыва.

6) Военно-походно-телеграфный паркъ также просилось выдѣлить съ нѣкоторымъ кадромъ какъ крайне необходимое во время боя при войскахъ средство передачи приказаній и донесеній, отъ своевременности полученія коихъ нерѣдко зависитъ исходъ всего дѣла.

7) Такъ какъ по санитарной части имѣлись только одни околотки при дружинахъ, но и тѣ, по недостатку личнаго въ нихъ состава (фельдшеровъ) и числа мѣстъ, не въ состояніи были выполнять возложенную на нихъ задачу,—поданіе первоначальной помощи заболѣвающимъ и лѣченіе простыхъ болѣзней. Съ выступленіемъ же всѣхъ военно-временныхъ госпиталей вмѣстѣ съ арміею войска милиціи, получивъ находящихся въ нихъ своихъ больныхъ чиновъ, остались бы безъ всякихъ средствъ къ ихъ помѣщенію и вообще къ лѣченію болѣе или менѣе серьезныхъ болѣзней, требующихъ глаза опытнаго врача. Почему просилось о передачѣ въ войска милиціи всей матеріальной части хотя двухъ госпиталей—Филиппопольскаго и Ямбольскаго, въ томъ самомъ видѣ, какъ она имѣлась при нихъ въ то время, со всѣми запасами: шатровъ, бѣлья, посуды и другихъ принадлежностей, равно аптечныхъ средствъ и медикаментовъ, какъ имѣющихся при означенныхъ госпиталяхъ, такъ и оккупаціонной аптеки и аптечныхъ магазиновъ.—По личному составу настоятельно просилось разрѣшить также и врачамъ переходить на службу въ войска милиціи съ тѣми же правами службы, какъ и офицерскимъ чинамъ; кромѣ того, требовалось назначить изъ оккупаціонныхъ войскъ для госпиталей, лазаретовъ, околотковъ и вновь формируемыхъ частей, по крайней мѣрѣ 80 фельдшеровъ и 8 провизоровъ. Сверхъ госпиталей, для призрѣнія заболѣвающихъ во время слѣдованія войскъ, перевозки ихъ до ближайшихъ врачебныхъ пунктовъ, принятія раненыхъ, поданія имъ первоначальной помощи и лѣченія трудно-раненыхъ до сдачи во врачебные пункты, при войскахъ милиціи необходимо было образовать также и подвижные лазареты; для чего просилось о передачѣ матеріальной части дивизіонныхъ лазаретовъ, въ томъ самомъ видѣ, какъ она имѣлась при нихъ въ то время, со всѣми врачебными, аптечными и прочими средствами, а если бы въ этомъ встрѣтилось какое затрудненіе, то по крайней мѣрѣ сколь можно болѣе повозокъ (хотя не форменныхъ) съ конскою къ нимъ аммуниціею, шатровъ, палатокъ, бѣлья, посуды, врачебныхъ, аптечныхъ и прочихъ средствъ, для возможности скораго сформированія изъ нихъ лазаретовъ.

8) Въ виду необходимости имѣть хотя небольшіе запасы для обезпеченія войскъ милиціи разными видами довольствія и возможности удовлетворенія войскъ этими видами насущныхъ потребностей по уходѣ оккупаціоннаго интендантства, до установленія новаго порядка, хотя на первое короткое время, просилось о передачѣ въ войска милиціи имѣющихся сверхъ потребностей запасовъ вещевого, провіантскаго и прочихъ видовъ довольствія.

9) На транспортную часть ляжетъ всею тяжестью какъ подвозка къ войскамъ боевыхъ припасовъ, такъ и всѣхъ видовъ довольствія, и сверхъ того перевозка больныхъ и раненыхъ во врачебные пункты, мѣстныя же для того средства, ввиду неимѣнія въ краѣ почти вовсе легкихъ повозокъ, конской упряжи и крайне ничтожнаго числа, по собраннымъ свѣдѣніямъ, лошадей, могли служить тогда только подспорьемъ, когда не требуется отъ подвозки быстроты или когда подвозъ этотъ слѣдуетъ на вьюкахъ въ гористой мѣстности. По этому просилось о передачѣ прямо въ войска милиціи всѣхъ могущихъ оказаться излишними какъ въ частяхъ войскъ арміи, такъ и за расформированіемъ транспортовъ—перевозочныхъ средствъ: лошади, повозки, аммуниціи и прочія принадлежности, весьма дорогія для края, когда они будутъ помѣщены въ надежныя руки и сбережены для минуты необходимости.

10) До того времени войска милиціи всѣ виды довольствія получали изъ интендантства и казначейства арміи, съ уходомъ которой, а вмѣстѣ съ нею и ея учрежденій, до установленія новаго порядка, войска милиціи останутся безъ всякой возможности къ содержанію и довольствію. Чтобы поддержать войска милиціи, эту единственную опору народной обороны, просилось ассигнованіе за счетъ страны денежной суммы, обезпечивающей довольствіе войскъ и учрежденій въ теченіе по крайней мѣрѣ первыхъ двухъ мѣсяцевъ по уходѣ оккупаціонныхъ войскъ, согласно представленнаго разсчета въ размѣрѣ до полумилліона рублей.

Въ то же время, вслѣдствіе движенія 5 пѣх. дивизіи изъ Роденскихъ горъ были выдвинуты въ горы части дружинъ Филиппопольской бригады на линію: Пештере, Дермедере, Станимакъ и Хаскіой, а дружины Сливенской бригады, Германлы, Тырново-Семенли, Кизилъ-Агачъ, Кизилджикилиссе, Ямболь и Бургасъ. При этомъ на командировъ дружины и ротныхъ командировъ, въ раіонѣ селъ расположенныхъ, возложены занятія съ сельскими караулами, и въ случаѣ нужды предписано притягивать къ себѣ все вооруженное населеніе, превращая при этомъ роту въ дружину, смотря по численности людей, непремѣнно тутъ же создавая командные кадры. Вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣнено въ обязанность ловить шайки разбойниковъ, если бы таковыя гдѣ появились, и представлять ихъ по начальству. Также устроить часть лазутчиковъ, которая слѣдила бы за всѣми средоточеніями турецкихъ войскъ и вообще за наступленіемъ. Затѣмъ, чтобы дать время, необходимое для правильнаго обезпеченія довольствія милиціи, по уходѣ интендантства оккупаціонныхъ войскъ и по закрытіи складовъ, всѣ виды довольствія войскъ были продолжены до 1-то числа іюня мѣсяца.

Попутно съ этимъ, въ заботахъ къ оставленію въ рядахъ милиціи наибольшаго контингента русскихъ офицеровъ, расширялись рамки льготъ для нихъ, какъ это видно изъ прилагаемаго ко мнѣ отношенія Штаба 9-го армейскаго корпуса отъ 26 мая 1879 г. за № 2573. Также въ этихъ же видахъ отношеніемъ ко мнѣ того же Штаба отъ 7 іюня 1879 г. за № 2760 просилось о высылкѣ списковъ всѣмъ остающимся въ Румелійской милиціи русскимъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ.

Но, увы! Въ самый разгаръ такой систематической работы по формированіи со всѣми учрежденіями и хорошими кадрами русскихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ 60-ти тысячной арміи южной Болгаріи, въ половинѣ мая 1879 года состоялась передача власти генералъ-губернатора восточной Румеліи вновь назначенному лицу—князю Вогоридису, а съ нимъ и прибытіе новаго начальника войскъ восточной Румелійской милиціи—генерала Виталиса.

Тогда же, чтобы подчеркнуть необходимость оставленія на службѣ въ Румелійской милиціи хотя бы немногихъ офицеровъ русской службы, генералъ-губернаторомъ генераломъ Столыпинымъ 13 мая 1879 г. изданъ приказъ за № 68 съ приложеніемъ списка офицерамъ, временно остающимся въ Восточно-Румелійской милиціи.

Но со вступленіемъ въ должность генерала Виталиса началась не работа, а уничтоженіе всего сдѣланнаго—дезорганизація какъ самой милиціи, такъ и гимнастическо-стрѣлковыхъ дружествъ.

Общее наблюденіе за обученіемъ сельскихъ карауловъ и попеченіе за ходомъ занятій въ гимнастическихъ обществахъ было сосредоточено у начальника милиціи, который по своему положенію находился въ ближайшемъ соприкосновеніи съ этими обществами, и потому отвѣтственность за всякое злоупотребленіе дарованнымъ оружіемъ въ средѣ гимнастическихъ обществъ и карауловъ могла быть возлагаема на него же. Для управленія гимнастическо-стрѣлковыми дружествами были учреждены комитеты, какъ учрежденія законныя и совершенно явныя и которыя также были отчасти въ вѣдѣніи начальника милиціи. Обученіе населенія и прохожденіе ими курса стрѣльбы было возложено на дружины милиціи, распредѣленныя по округамъ. Все дѣло народной самообороны противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ было организовано, во исполненіе Высочайшей воли Государя Императора, по указаніямъ бывшаго генералъ-губернатора восточной Румеліи, по изданнымъ имъ на этотъ предметъ инструкціямъ и приказамъ.

Такимъ образомъ святое дѣло устройства самообороны, находясь въ связи съ милиціею, составляя какъ бы дополненіе оной, было

постановлено на твердыя начала. Каждому гимнасту внушено сознаніе святой цѣли, для которой онъ призывается,—охраны спокойствія и порядка въ странѣ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ.— Сборъ гимнастовъ 17-го апрѣля подъ Филиппополемъ [1]), какъ и прочіе примѣры въ другихъ городахъ, также у генерала Скобелева подъ Сливною, когда стекались десятки тысячъ вооруженнаго населенія, не только не повели за собою какихъ-либо нарушеній спокойствія, напротивъ вызывали удивленіе всѣхъ—примѣрный порядокъ и тишина, мыслимый только при сознаніи каждымъ своего священнаго долга—служить стражемъ спокойствія въ странѣ.

Со дня же передачи края новому правительству и перехода милиціи въ иноземныя руки сельскіе караулы и гимнастическія общества, не находясь уже болѣе ни въ какой связи съ милиціею, лишенныя учителей и руководителей, естественно или должны были распасться совершенно, или же организація ихъ могла принять опасное для страны направленіе. Между тѣмъ это святое учрежденіе народной самообороны невозможно было не поддержать и допустить до принесенія имъ обратныхъ результатовъ. Съ этою цѣлью желательно было признаніе этого учрежденія и новымъ правительствомъ за залогъ спокойствія въ странѣ и дарованіе ему необходимой организаціи, дабы оно не осталось безъ управленія и благоразумныхъ руководителей.

Между тѣмъ, вступая въ командованіе милиціею, генералъ Виталисъ съ самаго начала, повидимому, поставилъ себѣ цѣлью обойтись безъ помощи прежнихъ органовъ и, сокращая русскій элементъ въ милиціи, желалъ дать полный просторъ турецкимъ порядкамъ. Изъ числа русскихъ офицеровъ, назначенныхъ приказомъ бывшаго генералъ-губернатора генералъ-лейтенанта Столыпина по войскамъ милиціи отъ 10-го мая за №№ 20 и 21, получили утвержденіе только семеро въ составѣ учебнаго баталіона и четыре въ дружинахъ, но и эти офицеры, съ уходомъ изъ предѣловъ Румеліи нашихъ войскъ, вѣроятно были бы вынуждены оставить ряды милиціи. Изъ прибывшихъ съ генераломъ Виталисомъ лицъ, ожидавшихъ назначеній, образовалось бюро, которое стало подготовлять и даже выпускать нѣкоторыя распоряженія помимо штаба милиціи. Затѣмъ, несмотря на выработанный уже штабомъ проектъ порядка довольствія милиціи изъ источниковъ края, генералъ Виталисъ началъ

[1]) Въ теченіе двухъ дней собралось подъ Филиппополемъ 22.000 гимнастовъ, изъ коихъ мною, при помощи только четырехъ офицеровъ, въ теченіе около двухъ съ половиною часовъ времени, были сформированы 48 дружинъ. Конечно, это возможно было только при высокомъ сознаніи долга и дисциплинированности каждаго гимнаста въ отдѣльности.

вводить совершенно иной, основанный на сосредоточеніи всѣхъ видовъ денежнаго довольствія милиціи непосредственно въ своихъ рукахъ, дѣлая въ то же время начальника штаба за все отвѣтственнымъ, какъ предсѣдателя особой комиссіи по всѣмъ денежнымъ выдачамъ въ милиціи. Тогда оставленный генералу Виталису русскій штабъ милиціи, чтобы обѣжать двойственности въ распоряженіяхъ, а равно не быть причастнымъ къ столь несроднымъ ему вводимымъ порядкамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы ихъ не поддерживать, принужденъ былъ прекратить свою дѣятельность (28-го мая).

Генералъ Виталисъ образовалъ изъ своего бюро штабъ милиціи изъ лицъ иностранной службы, совершенно не понимающихъ мѣстнаго языка, и взялъ нѣкоторыхъ болгаръ, вовсе несвѣдущихъ въ дѣлѣ военной администраціи.

Штабъ этотъ открылъ свою оффиціальную дѣятельность изданіемъ приказовъ по личному составу. Затѣмъ сталъ формировать жандармерію, приводить въ исполненіе переформированіе милиціи, согласно органическому уставу и установлять порядокъ довольствія милиціи, но здѣсь уже встрѣтилъ такія затрудненія, что можетъ быть невольно, по неумѣлости, или по другой причинѣ, ввелъ безурядицу. 1) Измѣнивъ нумерацію и наименованіе дружинъ и давая каждому офицеру особое предписаніе, впалъ въ лабиринтъ. Слѣдствіемъ этого въ нѣкоторыхъ дружинахъ явились одновременно по нѣсколько претендентовъ, каждый снабженный нѣсколькими разнорѣчивыми предписаніями. Перепутавъ нумерацію дружинъ, сталъ было безъ всякой надобности передвигать ихъ съ мѣста; молодые офицеры, отправленные въ дружины, не могли напасть на ихъ слѣдъ—отыскать своего командира, такъ какъ получили предписаніе явиться не въ дружину, а къ предполагаемому командиру еще не существующей дружины. Такъ въ 7 Сливенской, напримѣръ, дружинѣ оказался двойной комплектъ молодыхъ офицеровъ. 2) Не сдѣлалъ никакого распоряженія о переформированіи конныхъ сотенъ въ жандармерію, ограничившись въ этомъ одною вербовкою или вѣрнѣе составленіемъ списковъ являющихся цѣлыми партіями охотниковъ грековъ и турокъ. 3) Вопросъ о довольствіи милиціи оставался совершенно открытымъ. Штабъ не могъ поставить его на сколько-нибудь твердыя начала и ограничился мѣрами чисто палліативными—выдачею въ дружины примѣрно денежныхъ суммъ всего на пятнадцать дней, по истеченіи коихъ послѣдовало то же распоряженіе, а въ конныя сотни и того не отпустили своевременно и дней десять онѣ продовольствовались на иждивеніи своихъ командировъ, несмотря на то, что смѣта содержанія военныхъ силъ восточной Румеліи могла бы быть опредѣлена безъ особаго затрудненія, и кредитъ

на сей предметъ былъ бы открытъ безъ замедленія, затѣмъ осталось бы только примѣнить извѣстную систему отчетности и порядокъ довольствія совершенно сталъ бы опредѣленнымъ. 4) Не сдѣлано было распоряженія о порядкѣ довольствія изъ суммъ края остающихся въ кадрахъ милиціи русскихъ офицеровъ и объ отправленіи въ свои части отчисленныхъ. 5) Не опредѣленъ былъ размѣръ жалованья русскимъ кадровымъ нижнимъ чинамъ, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ отказались отъ желанія остаться въ милиціи и нѣкоторые даже отправлены обратно.

Означенное положеніе дѣлъ далѣе было немыслимо и могло повести къ нежелательнымъ результатамъ. Не говоря уже о томъ, что нельзя было оставить страну безъ надежной военной силы, а такое положеніе дѣлъ могло повести къ дезорганизаціи и распаденію милиціи до ухода нашихъ войскъ и тѣмъ вызвать возстаніе въ странѣ. Пока еще было достаточное число русскихъ офицеровъ, возможно было быть за все покойнымъ, но разъ они оставятъ дружины, некому уже было бы возстановить дисциплину и порядокъ.

Такое состояніе дѣлъ вызвало затѣмъ обращеніе начальника 5-й пѣх. дивизіи и вмѣстѣ начальника тыла оккупаціонной арміи генерала Полторацкаго, остававшагося еще въ Филиппополѣ, къ генералъ-губернатору князю Вогоридису съ объясненіемъ: 1) Всей важности утвержденія тѣхъ назначеній по войскамъ милиціи, какія были сдѣланы бывшимъ генералъ-губернаторомъ Столыпинымъ, и учрежденія при генералѣ Виталисѣ штаба, понимающаго мѣстный языкъ и военную организацію. 2) Необходимости распоряженія о принятіи на довольствіе края, какъ остающихся офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ дружины. 3) Необходимости принятія какихъ-либо мѣръ къ организаціи дружинъ и установленію порядка требованій на довольствіе. 4) Признанія гимнастическо-стрѣлковыхъ дружествъ и новымъ правительствомъ за залогъ спокойствія въ странѣ и дарованія ему необходимой организаціи, дабы оно не осталось безъ управленія и благоразумныхъ руководителей.

Но и такое обращеніе къ кн. Вогоридису дѣлу не помогло и результатомъ двухмѣсячнаго только управленія войскъ Восточно-Румелійской милиціи генераломъ Виталисомъ и его штабомъ была полнѣйшая дезорганизація милиціи, полный хаосъ въ управленіи, глухое недовольство офицеровъ, неувѣренныхъ въ своемъ положеніи, упадкѣ дисциплины нижнихъ чиновъ, не знающихъ кого слушать при постоянныхъ нескончаемыхъ перемѣщеніяхъ офицеровъ, наконецъ полнѣйшее неуваженіе къ генералу Виталису и его помощникамъ—Бортвигу и Детустену. Одно время генералъ Виталисъ убѣдился было, что онъ не только не можетъ обойтись безъ

прежнихъ органовъ управленія милиціею, но даже и самъ зависитъ исключительно отъ поддержки русскихъ представителей, и упросилъ меня (11-го іюня), какъ бывшаго начальника штаба, возвратиться къ служебной дѣятельности въ восточной Румеліи, помочь уничтожить путаницу и безурядицу. Тогда были сдѣланы окончательныя назначенія по милиціи и жандармеріи, изданы приказы по организаціи дружинъ, учебнаго баталіона и жандармеріи, дѣло возстановленія порядка пошло быстро, переформированіе милиціи уже клонилось къ концу, число русской службы офицеровъ, зачисленныхъ въ милицію и жандармерію, дошло до 73-хъ, какъ вдругъ прибыла (15-го іюня) вызванная княземъ Вогоридисомъ комиссія по организаціи милиціи и открыла свои засѣданія (16-го іюня), приступивъ прямо къ ломкѣ предъидущихъ распоряженій и назначеній личнаго состава. По мнѣнію всѣхъ, смотрѣвшихъ со стороны на дѣйствія комиссіи, она вѣроятно прямо задалась цѣлью подготовить если не совершенное уничтоженіе милиціи, то по крайней мѣрѣ ея роспускъ — приведеніемъ дружинъ въ одноротный составъ; комиссія выработала (26-го іюня) своеобразную организацію, по которой 9-ть дружинъ должны быть одноротныя, двѣ 9-ти ротныя и одна 7-ми ротная, остальныя 2 роты выдѣлить въ составъ учебнаго баталіона цѣликомъ безъ различія способности, силъ и направленій людей этихъ ротъ, чѣмъ достигнуто уменьшеніе самой милиціи на 2 роты и уничтоженіе цѣли, задачи и всякой спеціализаціи учебнаго баталіона; при этомъ комиссія безъ сомнѣнія не могла упустить изъ виду и затрудненія при приведеніи въ исполненіе этой новой организаціи, равносильной генеральному расчлененію дружинъ поротно въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣста стоянки [1]); между тѣмъ при привычкѣ дружинниковъ (по принятой системѣ) стоять въ родномъ городѣ и при настоящей безурядицѣ, недостаткѣ офицеровъ и неопытности молодыхъ обществъ, хаосѣ, безначаліи, а слѣдствіемъ того упадкѣ дисциплины въ милиціи, такое четвертованіе дружинъ могло бы вызвать новыя осложненія, еще большіе безпорядки и могло отозваться вредно на цѣлости милиціи и самомъ спокойствіи въ странѣ.

Труды комиссіи по введенію порядка въ милиціи этимъ и ограничились, если не считать ломку и своеобразную перестановку личнаго состава, замѣщеніе русскихъ офицеровъ—турецкими, французскими, австрійскими и другими личностями—даже нигдѣ никогда

---

[1]) Такъ роты татаръ Базарджикской, Казанлыкской, Эски-Загрской, Сливненской и Ямбольской дружинъ должны были быть разведены въ Филиппополь, Карлово, Хаскіой, Бургасъ, Айдосъ и Германлы.

не служившими. Комиссія не коснулась даже вовсе ни одного изъ вопросовъ, стоящихъ прямо въ связи съ установленіемъ порядка въ милиціи, а ограничилась введеніемъ еще большей безъ̀рядицы, дезорганизаціи и хаоса, заставлявшихъ бояться за самую цѣлость милиціи и даже спокойствіе въ странѣ, чѣмъ и закончила свою дѣятельность.

Положеніе милиціи, въ которое она ввергнута генераломъ Виталисомъ и избраннымъ имъ штабомъ, описано было въ передовой статьѣ № 92 „Марицы“. Въ ней между прочимъ упоминается о проектѣ состава штаба, предложенномъ директоріей и совершенно отвергнутомъ генераломъ Виталисомъ. По этому проекту штабъ былъ составленъ исключительно изъ офицеровъ русской службы, русскаго и болгарскаго происхожденія.

Мнѣ, бывшему начальнику штаба милиціи, проектировано было высшее назначеніе—инспектора жандармеріи, такъ какъ по органическому статуту начальника милиціи и жандармеріи замѣщаетъ во всѣхъ случаяхъ инспекторъ жандармеріи, а не начальникъ штаба милиціи, почему маіору Попову проектировано было это послѣднее назначеніе. И если и этотъ проектъ не былъ осуществленъ, то только благодаря генералу Виталису, штабу милиціи и управленію жандармеріи, которые прямо возстали противъ утвержденія этихъ списковъ и не допустили возможности прекращенія разъѣдающаго милицію зла. Генералъ Виталисъ и Бортвикъ настояли на измѣненіи назначеній, въ которыхъ по-прежнему штабъ составленъ изъ лицъ, непонимающихъ мѣстный языкъ и дѣла военной администраціи: въ жандармерію было принято нѣсколько турецкихъ офицеровъ и многихъ нигдѣ вовсе не служившихъ и никому неизвѣстныхъ личностей.

По отношенію къ русскимъ кадровымъ нижнимъ чинамъ милиціи, не было доставлено не только свѣдѣній о срокахъ ихъ службы и какихъ они частей, но и самой ихъ числительности; при этомъ имъ не платили никакого содержанія, и всѣ вопросы о ихъ правахъ и преимуществахъ оставлялись совершенно невыясненными, вслѣдствіе чего многіе полезные инструкторы ушли изъ милиціи. И едва-ли возможно уже было насчитать нашихъ нижнихъ чиновъ въ милиціи свыше 30 человѣкъ, между тѣмъ элементъ этотъ въ молодомъ войскѣ былъ и желательный, и полезный.

На основаніи этихъ данныхъ и того, что генераломъ Виталисомъ вообще ни одинъ вопросъ не былъ приведенъ въ ясность и даже проглядывало въ его дѣйствіяхъ полное нежеланіе порядка и умышленное затрудненіе всѣхъ и каждаго, желавшаго принести посильную пользу странѣ, рѣшено было добиться смѣны такого врага

народа и спокойствія въ странѣ, какимъ оказался генералъ Виталисъ и прибѣгнувъ къ содѣйствію русскаго посла князя Лобанова-Ростовскаго. Была составлена о положеніи дѣлъ записка, а для личнаго доклада начальникъ тыла оккупаціонной арміи генералъ Полторацкій совмѣстно со мною — бывшимъ начальникомъ штаба войскъ, поѣхали въ Константинополь. Результатомъ этого доклада и послѣдовало назначеніе новаго начальника войскъ Восточно-Румелійской милиціи Штрекера-Паши, нѣмца по происхожденію, привыкшаго къ работѣ и порядку и потому въ силу уже своей натуры не допустившаго до дезорганизаціи войскъ милиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ попутно было достигнуто черезъ князя Лобанова-Ростовскаго и воздѣйствіе на князя Вогоридиса по вопросу о признаніи гимнастическо-стрѣлковыхъ дружествъ за залогъ спокойствія въ странѣ и дарованіи имъ необходимой организаціи.

Вотъ какъ собиралась и организовалась сила—залогъ свободы Южной Болгаріи, которая не допустила турокъ къ занятію по Берлинскому трактату Балканскихъ проходовъ, а затѣмъ, появившись на Сливенскихъ поляхъ, рѣшила кампанію съ Сербіею и тѣмъ закрѣпила соединеніе восточной Румеліи съ Болгарскимъ княжествомъ во-единое, цѣлое, нынѣ возведенное въ королевство—Царство Болгарское.

Н. Розовъ.

Проектъ устава Хаскіойскаго гимнастическо-стрѣлковаго дружества.

Общее положеніе.

§ 1. Цѣль дружества—развитіе и усовершенствованіе физическихъ и нравственныхъ силъ человѣка и подготовка учителей гимнастики и стрѣльбы для дружества и школъ.

§ 2. Дружество состоитъ изъ членовъ-участниковъ дѣйствительныхъ и почетныхъ.

Лица, внесшія единовременное пособіе при учрежденіи дружества, называются членами-учредителями и пользуются правами членовъ участниковъ до 1-го іюля 1879 года.

§ 3. Всякій, внесшій 6 франковъ (установленную плату), имѣетъ право быть членомъ дружества; 1-ое полугодіе начинается съ 1-го іюля 1879 года; плата вносится въ теченіе 1-го мѣсяца полугодія; почетные члены избавляются отъ обязательной платы.

§ 4. Дружество имѣетъ свой капиталъ, образующійся изъ членскихъ взносовъ и добровольныхъ пожертвованій; имѣетъ свою печать

и знамя изъ трехъ полосъ шелковой матеріи: зеленаго, краснаго и бѣлаго цвѣтовъ; каждая полоса шириною 8 вершковъ и длиною 1½ арш. на древкѣ, длиною 3 аршина.

§ 5. Почетными членами состоятъ тѣ лица, которыя принесли какую-либо матеріальную или нравственную пользу дружеству; принятіе въ почетные члены зависитъ отъ всѣхъ членовъ дружества; согласіе должно быть выражено большинствомъ $^2/_3$ наличнаго числа членовъ.

Членами-участниками состоятъ лица, участвующія въ теоретическихъ и практическихъ занятіяхъ дружества и внесшія установленную плату.

Дѣйствительными членами состоятъ тѣ, кто выдержитъ установленное для этого испытаніе.

§ 6. Всѣ члены имѣютъ право посѣщать занятія дружества.

§ 7. Исключаются изъ членовъ дружества: а) не внесшій установленной платы, б) добровольно отказавшійся и в) дурного поведенія.

Рѣшеніе послѣдняго принадлежитъ общему собранію членовъ по большинству голосовъ.

§ 8. Первоначально изъ членовъ-учредителей, а впослѣдствіи только изъ дѣйствительныхъ членовъ избираются на общемъ собраніи старшины дружества въ числѣ 5 человѣкъ и къ нимъ два запасныхъ, казначей и завѣдующій матеріальною частью; выборъ производится закрытою подачею голосовъ, простымъ большинствомъ голосовъ наличнаго числа членовъ; получившій большее число голосовъ становится предсѣдателемъ дружества.

§ 9. Предсѣдатель, старшины, казначей и завѣдующій матеріальною частью избираются на полугодіе, но могутъ быть избраны вторично на слѣдующее полугодіе, если согласятся сами на это.

§ 10. На обязанности старшины лежитъ направленіе занятій дружества, попеченіе за денежною и матеріальною частью, пріисканіе средства для развитія и усовершенствованія дружества, рѣшенія о принятіи и исключеніи членовъ (кромѣ почетныхъ и неодобрительнаго поведенія); производство испытаній въ дѣйствительные члены; назначеніе времени и мѣста занятій, пріисканіе учителей и матеріаловъ для занятій.

§ 11. Одинъ изъ старшинъ, по выбору ихъ же, занимается дѣловодствомъ.

§ 12. Предсѣдатель ведетъ всю оффиціальную переписку отъ лица дружества.

§ 13. Казначей сохраняетъ капиталы дружества, но расходуетъ ихъ по постановленіямъ старшины и съ разрѣшенія предсѣдателя;

завѣдующій матеріальною частью заботится о сохраненіи всего имущества; раздача учебныхъ припасовъ и принадлежностей производится по наставленіямъ старшинъ и указанію предсѣдателя.

§ 14. Для выбора старшинъ, принятія въ члены, для выслушанія отчетовъ собираются общія и случайныя собранія всѣхъ членовъ и собранія старшинъ.

§ 15. Общія собранія всѣхъ членовъ бываютъ въ началѣ каждаго полугодія, случайныя по постановленію старшинъ или по требованію $^2/_3$ членовъ дружества.

§ 16. Общія собранія старшинъ бываютъ въ началѣ каждаго мѣсяца, случайныя по заявленію предсѣдателя.

§ 17. Собраніе считается дѣйствительнымъ, если присутствуютъ $^1/_2$ дѣйствительныхъ членовъ на собраніи всѣхъ членовъ, а на собраніи старшинъ 4 старшины, считая и предсѣдателя.

§ 18. Постановленія собранія опредѣляются простымъ большинствомъ голосовъ, при равенствѣ голосъ предсѣдателя даетъ преимущество рѣшенію.

§ 19. Всѣ собранія, какъ членовъ, такъ и старшинъ гласныя, но право голоса на собраніи старшинъ принадлежитъ только старшинамъ.

§ 20. Для отчетности въ дѣйствіяхъ дружества существуютъ слѣдующія книги:

а) журналъ постановленій старшинъ и общихъ собраній членовъ,

б) книга членовъ,

в) книга казначея,

г) книга—опись имущества,

д) журналъ входящихъ и исходящихъ бумагъ.

§ 21. Предметы занятій дружества слѣдующіе:

а) гимнастика—приготовительная и на снарядахъ съ объясненіемъ почему и для чего дѣлаются назначенныя движенія такъ, а не иначе. (Руководство: правила гимнастики въ войскахъ русской арміи).

б) ознакомленіе съ устройствомъ оружія вообще и съ оружіемъ принятой въ дружествѣ системы въ особенности,

в) сбереженіе оружія,

г) теорія стрѣльбы,

д) фехтованіе на штыкахъ и рапирахъ,

е) стрѣльба боевыми патронами на 100, 200, 280 (300) шаговъ, по 3 патрона на каждое разстояніе.

Мишени приняты, употребляемыя въ русской арміи.

Патроны для практической стрѣльбы выдаются изъ складовъ дружества безплатно.

§ 22. Учителя для обученія приглашаются отъ войскъ милиціи безвозмездно, если же общее собраніе членовъ найдетъ возможнымъ, то плата за уроки рѣшается общимъ собраніемъ; могутъ быть учителями получившіе свидѣтельство отъ дружества на право учителя гимнастики и стрѣльбы.

§ 23. Право дѣйствительнаго члена дружества пріобрѣтается слѣдующимъ испытаніемъ:

а) по гимнастикѣ: должно объяснить и отчетливо и ловко исполнить всѣ пріуготовительныя упражненія, а на машинахъ слѣд.: на наклонной лѣстницѣ, ходьба по брусу, перелѣзаніе чрезъ стѣну, прыганье въ ширину черезъ ровъ и въ вышину чрезъ препятствіе и спрыгиваніе въ глубину.

б) по стрѣльбѣ: правила разборки и сборки ружья, принятаго въ дружествѣ, устройство и сбереженіе оружія и патроновъ, правила прикладки и прицѣливанія на различныя разстоянія и при различныхъ обстоятельствахъ, теорія прямого выстрѣла и стрѣльба на различныя разстоянія.

При испытаніи стрѣльбы на 100, 200, 280 (300) шаговъ, по 3 патрона на каждое разстояніе, необходимо попасть изъ 9 пуль 5 въ мишень № 4.

в) фехтованіе на штыкахъ и рапирахъ.

§ 24. Всѣ члены, получившіе званіе дѣйствительнаго, имѣютъ право получить отъ дружества безвозмездно ружье и 920 патроновъ и носить на шапкѣ трехцвѣтную кокарду краснаго, зеленаго и бѣлаго цвѣтовъ.

§ 25. Дѣйствительные члены по новому испытанію, удовлетворящіе всей программѣ занятій дружества, по единогласному рѣшенію старшинъ, получаютъ званіе гимнаста или стрѣлка и могутъ получать свидѣтельство на право полученія мѣста учителя въ дружествѣ.

§ 26. Дружество устраиваетъ гимнастическо-стрѣлковые праздники для состязанія на призы дѣйствительныхъ членовъ. Условія и порядокъ праздниковъ каждый разъ составляются старшинами.

§ 27. Деньги дружества хранятся въ мѣстномъ городскомъ казначействѣ, въ особомъ ящикѣ за ключемъ казначея и печатью предсѣдателя.

§ 28. Общее руководство и контроль надъ дружествомъ принадлежитъ командиру Хаскіойской дружины и начальнику Восточно-Румелійской милиціи.

Изъ Подольской старины.

Заштатный протоіерей Подольской епархіи Михаилъ Ивановичъ Ковальскій, почти уже восьмидесятилѣтній старецъ, при своей замѣчательной, живой памяти весьма искусный и занимательный разсказчикъ. О. протоіерей—точно живая лѣтопись Подоліи! Слушаешь его разсказы изъ далекаго прошлаго, и передъ глазами встаетъ вереница лицъ и событій самыхъ разнообразныхъ, начиная съ 30-хъ годовъ минувшаго столѣтія. Тутъ и своеобразный бытъ подольскаго духовенства, еще не вполнѣ отрѣшившагося отъ своего уніатскаго прошлаго, и дореформенная бурса со всѣми ужасами, и подольскіе владыки, и польскіе паны, крестьяне и окраинное чиновничество!..

Жаль было бы, если бы этотъ богатый матеріалъ остался неиспользованнымъ! Вотъ почему мы рѣшились помѣстить воспоминанія о. протоіерея на страницахъ „Русской Старины“. Постараемся, насколько это окажется возможнымъ, сохранить языкъ и манеру изложенія самаго разсказчика.

I.

Мое происхожденіе.—Родственники-католики.—Моя родина.—Благосостояніе отца.—Тяжба его съ помѣщикомъ Рациборовскимъ.—У преосвященнаго Кирилла.—Уніатскій символъ.—Переходъ отца на другой приходъ.—Обѣдненіе отца.—Рациборовскій масонъ.—Ромъ изъ его погреба для архіерейской службы.—Замужество сестры.

По дѣду нашъ родъ былъ издревле православнымъ. Отецъ моей бабки, Жуковскій, былъ уніатскій священникъ. Приходъ его

былъ с. Олексинцы, Проскуровскаго уѣзда. Онъ былъ человѣкъ почтенный, уважаемый и занималъ должность уніатскаго оффиціала—въ родѣ нашего благочиннаго. Дочерей же своихъ онъ отдалъ замужъ за православныхъ священниковъ. Тогда еще не было той рѣзкой грани, той фанатической нетерпимости между духовенствомъ православнымъ и уніатскимъ, какія явились впослѣдствіи, благодаря административному давленію правительства въ пользу православія и уничтоженію уніи, заставившему многихъ уніатовъ перейти въ католичество.

Поэтому, даже въ семьяхъ священниковъ не рѣдкость было встрѣтить совмѣстное сожительство православныхъ съ уніатами. Послѣдніе, правда, успѣвшіе уже заразиться шляхетскимъ гоноромъ, относились къ православнымъ нѣсколько свысока. Были и такіе, которые совсѣмъ окатоличились и ополячились и ко всему русскому и православному относились съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Такъ, въ дѣтствѣ я помню двухъ сыновей моего прадѣда, родныхъ братьевъ моей бабки Леона и Яна. Они служили въ польскихъ жолнерахъ и принимали участіе въ польскомъ возстаніи 33-го года. Послѣ подавленія возстанія они возвратились на родину уже стариками и пріютились у моего дяди по отцу, а своего племянника, православнаго священника. Жили они въ куренѣ, на пчельникѣ и съ православной родней избѣгали всякихъ сношеній. Обычно лѣто и зиму они ходили въ старыхъ нагольныхъ тулупчикахъ. Впрочемъ, въ праздникъ они принаряжались. Надѣвали пвѣтные кунтуши съ позументами, а съ боку привѣшивали длинныя сабли. Я старательно избѣгалъ всякихъ встрѣчъ съ ними, такъ какъ кромѣ ругательствъ и окриковъ ничего отъ нихъ не слышалъ. Бывало, пошлетъ меня дядя къ нимъ просить на завтракъ или обѣдъ. Робко я приближаюсь къ нимъ и прерывающимъ голосомъ говорю: „Стрыйца прòсилъ дядунивъ на снядàння“ (дядя просилъ дѣдушекъ на завтракъ) и въ отвѣтъ получаю: „иць пречь, попикъ пшеклентый“ (иди прочь, попенокъ проклятый) или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Родился я въ с. Думановѣ, Каменецкаго уѣзда, приходѣ моего отца, священника, въ 1827 году. Думановъ, Шатаева, Маковъ и др. села составляли одинъ помѣщичій „ключъ“ и принадлежали богатому польскому пану Рациборовскому. Отецъ мой былъ человѣкъ по тому времени зажиточный. Было у него пней 200—300 пасѣки, очень много рогатаго скота, свиней и 20 лошадей. Между послѣдними была одна, которая называлась „дьячихою“. Ее подарилъ моему отцу его бывшій дьячекъ за повѣнчаніе его передъ рукоположеніемъ его во священники. Было у отца и денегъ рублей 500, что считалось тогда въ нашемъ духовномъ быту большимъ капита-

ломъ. Жалованья въ то время духовенство не получало, доходовъ отъ полунищихъ прихожанъ-хлоповъ почти никакихъ не было. Все же благосостояніе отца нажито было большимъ трудомъ въ области сельскаго хозяйства, да крайнею бережливостью и умѣренностью... Духовенство жило тогда въ большой простотѣ, приближаясь въ своей жизни къ зажиточнымъ крестьянамъ.

Нашъ поддерковный домъ была также крестьянская хата маленькая, съ низкими потолками и крошечными окнами, съ земляными полами, раздѣленная большими сѣнями на двѣ половины: кухню и чистую половину, состоящую изъ горницы съ другою маленькою комнаткою. По образу жизни духовенство также мало чѣмъ отличалось отъ крестьянъ. Само работало въ полѣ: пахали, косили, жали. Просто ѣли и пили наши дѣды и отцы, просто и одѣвались. У моего отца была баранья шуба, крытая сукномъ. Это было уже признакомъ зажиточности. У него же была и шелковая ряса. А это ужъ была роскошь, объясняемая тѣмъ, что шуринъ моего отца священствовалъ въ пограничномъ мѣстечкѣ Гусятинѣ, гдѣ процвѣтала всякаго рода контрабанда, и гдѣ легко было за дешевую цѣну пріобрѣтать всякіе заграничные товары. Мать же одѣвалась такъ, какъ шляхтянка, т. е. немного лучше простой крестьянки. Но скоро насталъ конецъ и нашему благополучію и спокойной жизни. Тогда была самая темная пора крѣпостничества, „панщизны“. Чего, чего только не дѣлали самодуры-паны надъ бѣдными хлопами. Нашъ помѣщикъ Рациборовскій былъ изъ лютыхъ лютый. Нерѣдки были и такіе случаи, когда онъ на смерть засѣкалъ своихъ крѣпостныхъ. Отецъ, который близко стоялъ къ своимъ прихожанамъ, и котораго они любили и почитали, приходя къ нему дѣлиться своимъ безъисходнымъ горемъ и искали у него, какъ служителя церкви, утѣшенія, не могъ стерпѣть жестокаго издѣвательства помѣщика. О жестокомъ обращеніи его съ крѣпостными отецъ подалъ жалобу въ судъ. Нужно было много мужества, чтобы въ то время, въ положеніи отца, при забитости и приниженности православнаго духовенства, при всеобщей продажности и взяточничествѣ чиновниковъ, изъ которыхъ добрая половина была—католики, при легендарной теперь судебной волокитѣ начать дѣло въ судѣ съ богатымъ и сильнымъ польскимъ магнатомъ. Можетъ быть поводомъ къ жалобѣ отца были и мотивы личнаго неудовольствія на помѣщика, но главной причиной было возмущенное чувство отца за страданія своихъ пасомыхъ. И вообще образъ отца сохранился въ моей памяти, какъ образъ человѣка правдиваго, пылкаго и твердаго.

Началось дѣло, которое тянулось много лѣтъ и кончилось уже послѣ смерти отца. Конечно, Рациборовскій ничего не жалѣлъ,

чтобы выгородить себя изъ этого дѣла, а отцу нанести какъ можно больше непріятностей. Задаривались всѣ чиновники и свѣтскіе и духовные, имѣвшіе какое-либо отношеніе къ дѣлу. Разсказывали, что по субботамъ цѣлые воза всякаго добра тянулись изъ Думанова на архіерейскій дворъ. Вѣроятно, посулы эти принимались архіерейскою челядью помимо воли владыки. Помню также, что тогда много толковали о четверкѣ великолѣпныхъ, англизованныхъ лошадей, подаренныхъ Рациборовскимъ подъ архіерейскую карету.

Отца каждую недѣлю вызывали въ Каменецъ по заведенному имъ дѣлу. И вотъ начались тяжелые дни для него и для всей нашей семьи.

Скоро начало таять состояніе, нажитое съ такимъ трудомъ, появилась въ нашей семьѣ постоянная тревога и безпокойство. Такъ какъ благосостояніе духовенства въ то время зависѣло отъ благосостоянія прихожанъ, а эти послѣдніе были въ полномъ подчиненіи у помѣщика, то и каждый приходскій священникъ зависѣлъ отъ своего помѣщика. Да безъ согласія послѣдняго и само епархіальное начальство не опредѣляло священника на приходъ. Поэтому, нужно себѣ представить, что приходилось терпѣть отцу отъ пана Рациборовскаго. Разъ, напримѣръ, когда отца вызвали въ Каменецъ, гдѣ онъ и пробылъ нѣсколько дней, Рациборовскій лишилъ насъ „огня и воды“, т. е. поставилъ къ нашему дому двухъ дюжихъ молодцовъ, которые не допускали въ нашей хатѣ разводить огонь, ничего ни печь, ни варить и приносить воду для семьи и для скота. Выручила насъ слѣпая нищенка Параска, которая раньше часто находила пріютъ въ нашемъ домѣ. Она каждый день собирала кусочки, приходила къ намъ и кормила насъ, а скотъ мать выпускала каждый день изъ воротъ, и онъ самъ направлялся на рѣку Смотричъ. Возвратившійся отецъ прогналъ, конечно, помѣщичій караулъ. Нѣсколько лѣтъ уже велъ отецъ тяжбу съ паномъ. Страшно измучившись и физически и нравственно, не имѣя возможности добиться правды, забралъ онъ однажды все семейство и отправился съ нами въ Каменецъ-Подольскъ. Не знаю, вызвалъ ли отца владыка, самъ ли онъ вздумалъ къ нему явиться, но только по пріѣздѣ всѣ мы направились въ архіерейскій домъ. Подольскую каѳедру занималъ тогда архіепископъ Кириллъ (Богословскій-Платоновъ), отличавшійся, а особенно въ то суровое время, замѣчательною добротою и мягкостью обращенія и очень любимый духовенствомъ, которое говорило про него уже послѣ его смерти: „Кириллъ—всѣхъ мирилъ“.

Недолго пришлось намъ ожидать въ передней архіерейскаго дома. Вскорѣ къ намъ вышелъ самъ „благостный“ Кириллъ въ подрясникѣ и скуфейкѣ.

Я никогда не забуду ни его чистаго, бѣлаго и нѣжнаго лица съ добрыми глазами, ни его ласковаго, задушевнаго голоса. Играло ли роль здѣсь дѣтское воображеніе или и на самомъ дѣлѣ преосвященный употреблялъ духи, но мнѣ показалось, что отъ всей его фигуры исходитъ какое-то особое благоуханіе. Пахло и отъ его тонкой, бѣлой руки и даже отъ его расшитой туфли, когда мы всѣ вмѣстѣ съ отцомъ припали къ его ногамъ. Отецъ заговорилъ горячо и сильно. Вся горечь измученной страданіями души вылилась въ его словахъ. Преосвященный старался успокоить его. Въ моей памяти хорошо сохранились слѣдующія слова владыки Кирилла: „Отецъ Іоаннъ! Будь такъ добръ, уйди съ глазъ врага. Онъ сильнѣе тебя, онъ тебя заѣстъ“. Очевидно, рѣчь шла о томъ, чтобы перейти отцу на другой приходъ, отъ чего онъ рѣшительно отказывался. Преосвященный началъ разспрашивать про всѣхъ насъ. Обо мнѣ отецъ сказалъ, что я умѣю уже читать. Въ рукахъ у меня былъ старый, засаленный, съ вырванными въ началѣ листами уніатскій букварь. Преосвященный заставилъ меня читать по немъ „вѣрую“. Я довольно бойко началъ: „Вірую“ и т. д. Когда я дошелъ до 8-го члена и ничтоже сумняся прочелъ: „отъ отца и *сына* исходящаго“, владыка вдругъ весь измѣнился. Страдальческое выраженіе появилось на его прекрасномъ лицѣ. „Что это“? воскликнулъ онъ. „Какъ, ребенокъ православнаго священника—читаетъ уніатскій символъ“. Тутъ только онъ обратилъ вниманіе на букварь и спросилъ отца: почему онъ не купилъ мнѣ православнаго букваря и какъ это онъ допустилъ меня заучить символъ по-уніатски. Отецъ оправдывался недосугомъ, и что православныхъ книжекъ негдѣ достать. Тогда владыка вынулъ два двухзлотника (двухзлотникъ—монета въ 30 к.) и подалъ ихъ мнѣ и велѣлъ купить „русскій московскій катехизисъ Филарета“. Отецъ такъ и сдѣлалъ. Я началъ учить эту книгу подрядъ и вопросы и отвѣты и вскорѣ выучилъ его наизусть.

Визитъ отца къ архіерею и убѣжденія этого послѣдняго не остались все-таки безрезультатными. Отецъ помѣнялся со священникомъ с. Божиковецъ Летичевскаго уѣзда—Лапчинскимъ, который водилъ еще хлѣбъ-соль съ моимъ дѣдомъ и былъ стариннымъ знакомымъ нашимъ. И вотъ мы переѣхали на новый приходъ. Но Лапчинскій, побывавшій въ Думановѣ и уже успѣвшій разссориться съ Рациборовскимъ, вернулся снова въ Божиковцы, занялъ священническій домъ и не хотѣлъ выходить изъ него, и намъ долгое время пришлось помѣщаться въ хатѣ у дьячка. На новый приходъ отецъ перешелъ еще довольно зажиточнымъ человѣкомъ, хотя нѣсколько лѣтъ тяжбы порядочно растрясли его карманы. Но тяжба продолжа-

лась и на новомъ приходѣ въ конецъ раззорила отца, который дошелъ до такой бѣдности, что продалъ даже ковры, вытканные у насъ дома, продалъ даже двѣ маминыхъ „сукни“ (платье).

Рациборовскій уже давно хотѣлъ съ нимъ помириться, предлагалъ ему 500 р., но отецъ и слышать не хотѣлъ о мирѣ. Уже послѣ смерти отца прошелъ слухъ, что разбирать дѣло, затѣянное отцомъ, пріѣзжалъ изъ Петербурга какой-то важный генералъ, и что Думановъ былъ отнятъ у Рациборовскаго и переданъ въ казну. Про этого же Рациборовскаго разсказывали, что онъ былъ масонъ или какъ говорили крестьяне „фармазонъ“. Въ одномъ изъ своихъ имѣній, Шатавѣ, онъ построилъ церковь совершенно особой архитектуры, всю круглую, безъ угловъ и называлъ ее не церковью, а круглымъ домомъ.

Послѣ смерти отца семейство наше страшно бѣдствовало. Меня взялъ къ себѣ дядя, братъ отца, который и отдалъ меня продолжать науку къ своему сосѣду священнику Тарногродскому, который держалъ у себя нѣчто въ родѣ частнаго пансіона для подготовленія дѣтей духовенства въ бурсу. Онъ былъ самъ человѣкъ небольшого образованія—прошелъ лишь духовное училище—поэтому сообщить своимъ ученикамъ многаго не могъ, но четыре правила ариѳметики, правда безъ разсужденій, чисто механически, я все-таки усвоилъ.

Между тѣмъ въ виду бѣдственнаго положенія нашего семейства за матерью былъ почисленъ приходъ с. Липовка, Проскуровскаго у. до тѣхъ поръ, пока не подростетъ сестра. Требы въ Липовкѣ исправлялъ сосѣдній священникъ, а половина дохода и урожая съ церковной земли шли въ пользу матери. Такъ было до тѣхъ поръ, пока не подросла сестра. Когда ей исполнилось 15 лѣтъ, нашелся женихъ, нѣкто Мончинскій, послушникъ архіерейскаго дома, человѣкъ малограмотный и недалекій. Когда передъ рукоположеніемъ онъ читалъ въ церкви, то оказалось, что онъ еле бредетъ. Даже благодушный владыка Кириллъ разсердился и сказалъ ему: „А ты, дуракъ, и читать не умѣешь? Ну, да Богъ съ тобой, беру тебя на свою совѣсть“. Мать переѣхала съ семьей къ зятю. Но не сладко жилось ей у него: онъ оказался человѣкомъ грубымъ и горькимъ пьяницей.

В. Сл. и Ѳ. Ф—ко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Новый директоръ.

(Очеркъ изъ далекаго прошлаго).

Въ помѣщеніи „уборной“, свѣтлой, чистой комнатѣ, предъ ярко топившимся каминомъ, собралась компанія кадетъ старшаго класса, и одинъ изъ нихъ, рослый, красивый блондинъ, обращаясь къ товарищамъ, съ оживленіемъ говорилъ:

„Итакъ... Прощай старинные порядки!... У дяди вчера былъ jour-fixe, и я слышалъ, что къ намъ назначаютъ новаго директора... Должно быть онъ человѣкъ передовой! Одинъ изъ стариковъ очень уже иронически отзывался о его дѣятельности“...

Забилъ барабанъ, призывающій въ классы, и кадеты разошлись.

Слухъ оказался справедливымъ. Недѣли чрезъ двѣ, послѣ вышеприведеннаго разговора, въ Энскій кадетскій корпусъ былъ назначенъ новый директоръ. И дѣйствительно съ первыхъ дней вступленія въ должность новаго директора повѣяло какъ бы свѣжимъ воздухомъ. Отмѣнены были субботнія публичныя наказанія розгами „лѣнивыхъ“ воспитанниковъ, кадетамъ старшаго класса разрѣшено было курить, для чего отведена была особая курительная комната, открылся буфетъ, изъ котораго за минимальную плату можно было получить: чай, кофе, бутерброды, горячее мясное блюдо, сласти и пирожное. Кадетамъ старшей роты разрѣшалось, послѣ уроковъ, уходить въ отпускъ до 8 ч. вечера; а одинъ разъ въ недѣлю посѣщать театръ. Однимъ словомъ, повѣяло свободой.

Въ одинъ изъ вечеровъ кадетъ, принесшій вѣсть о новомъ директорѣ, возвращался изъ Маріинскаго театра, напѣвая вполголоса мотивы изъ только-что прослушанной имъ оперы. Положивъ лѣвую руку на эфесъ тесака, правой рукой онъ дѣлалъ видъ, что покручиваетъ свои еле пробивающіеся усы.

Подходя къ Николаевскому мосту, онъ замѣтилъ впереди себя идущую стройную женскую фигуру и прибавилъ шагу.

Поровнявшись и искоса взглянувъ на спутницу, онъ увидѣлъ прелестные черные глаза, щечки, разрумянныя морозомъ, и ему показалось, что она, взглянувъ на него, улыбнулась.

„Позвольте Васъ проводить!? галантно обратился онъ къ попутчицѣ, ловко подставляя ей правый локоть своей руки.

Она молча вынула изъ собольей муфты свою лѣвую руку и безъ слова оперлась на руку молодого ловеласа.

Соразмѣряя свои шаги съ маленькими шажками своей спутницы, кадетъ опять сталъ напѣвать пріятнымъ теноромъ: „Всѣ мы жаждемъ любви!“ „Любовь наша святыня!“ и вдругъ крикнулъ: „извозчикъ!“ Проѣзжавшій извозчикъ остановился.

— Не надо... Теперь уже недалеко... сказала спутница, закрывая свободной рукой, муфтою, свое личико.

„Не надо, такъ не надо! сказалъ ловеласъ и, пожимая маленькую ручку въ лайковой перчаткѣ, прибавилъ немного шагу.

Перешли Николаевскій мостъ, пошли по набережной, и вдругъ спутница ощутительно потянула кадета къ большому зданію, въ подъѣздѣ котораго было яркое освѣщеніе.

„Да вѣдь это нашъ корпусъ!“ сказалъ недоумѣвая ловеласъ.

Спутница молчала и продолжала тянуть, крѣпко держа его руку. За нѣсколько шаговъ до подъѣзда, спутница выпустила руку ошеломленнаго кадета и, повернувъ къ нему смѣющееся личико, сказала: „mercі“ и быстро впорхнула въ подъѣздъ.

Ловеласъ увидѣлъ, какъ къ вошедшей подбѣжалъ швейцаръ, снялъ съ нея мѣховую шубку, и она скрылась за дверью директорской квартиры.

Пройдя до угла 13-й линіи, ловеласъ постоялъ минутъ пять, а затѣмъ, нахлобучивъ башлыкъ какъ ни въ чемъ не бывало, вошелъ въ подъѣздъ, вбѣжалъ по лѣстницѣ и помчался по длинному коридору, ведущему въ спальню старшей роты. Явился къ дежурному офицеру и, раздѣвшись, легъ на свою кровать, но заснуть не могъ.

„Что-то будетъ? думалъ онъ, ворочаясь на постели... А впрочемъ какое же доказательство тому, что это былъ именно я? Нѣтъ, не поставятъ же „на очную ставку“—размышлялъ онъ.

„А она прелестный бабецъ!“ восхищался онъ, вспоминая прелестные черные глаза и стройную фигуру своей шаловливой спутницы. Долго онъ вертѣлся на своей постели и, утомленный, наконецъ заснулъ.

На другой день, послѣ утреннихъ уроковъ, кадеты старшей

роты были поставлены во фронтъ и передъ фронтомъ прохаживался ротный командиръ. Вдругъ вбѣжалъ дневальный и на ходу крикнулъ: „Его Превосходительство изволятъ жаловать“.

Неторопливыми шагами вошелъ директоръ, мужчина высокаго роста съ энергичнымъ лицомъ и, послѣ обычнаго привѣтствія, приказалъ вызвать изъ фронта тѣхъ воспитанниковъ, которые вчера были уволены въ театръ.

Впередъ вышло одиннадцать человѣкъ и въ томъ числѣ и ловеласъ.

„Господа! — обратился къ нимъ директоръ — Вчера одинъ изъ васъ былъ настолько любезенъ, что проводилъ мою жену. Не зная ее и видя, что женщина идетъ одна и можетъ подвергнуться непріятности отъ какого-нибудь нахала, онъ любезно предложилъ ей свою руку и довелъ почти до самаго подъѣзда. Это дѣлаетъ ему честь, такъ какъ онъ поддержалъ престижъ военнаго. Такъ вотъ я и пришелъ, по порученію моей жены, пригласить провожавшаго ее къ намъ на завтракъ. Такъ кто же это былъ?“ закончилъ директоръ, смѣясь глазами и смотря на покраснѣвшаго ловеласа.

Рослый молодецъ, покраснѣвшій, какъ піонъ, рѣшительно сдѣлалъ шагъ впередъ, и директоръ, взявъ его подъ руку, повелъ завтракать.

Д. Перскій.

Около бурсы.

Воспоминанія о духовной школѣ 60-хъ годовъ, въ связи съ очеркомъ быта тогдашняго сельскаго духовенства.

(Окончаніе).

Въ теченіе пасхальной недѣли духовенство съ иконами ходило по селу, служа молебны. Конечно, дѣти-школьники сопровождали родителей по приходу, пѣли молебны и получали за это отъ прихожанъ по грошу или по копѣйкѣ на человѣка, а отъ бабъ по яйцу. Это былъ уже личный заработокъ школяровъ, который они послѣ Пасхи везли съ собою. Яйца предварительно подвергались особому процессу: ихъ перепекали, ставя въ горшкахъ на ночь въ горячую печь. Здѣсь они теряли избытокъ влаги, и бѣлокъ получалъ коричнево-желтоватый оттѣнокъ. Правда, они дѣлались довольно суховатыми, но зато было практично: они могли не портиться въ теченіе 4—6 недѣль.

Впрочемъ не весь запасъ, собранный учениками на Пасхѣ, доставался имъ однимъ. Изъ нихъ надо было удѣлить десятка 2 учителямъ. У насъ было принято, возвращаясь съ каникулъ, являться къ инспектору и учителямъ. При этомъ, смотря по достатку родителей, ученики съ явкой вручали учителю 10—15—20 коп., а при христосованіи послѣ Пасхи—и 5—10 яицъ. Обычай этотъ настолько укоренился, что иной изъ наставниковъ, бывало, и упрекнетъ пропустившихъ явку учениковъ, что они забыли „явиться“ къ нему

---

[1]) См. „Русскую Старину“ май 1911 г.

послѣ каникулъ. Теперь подобный случай показался бы возмутительнымъ и во всякомъ случаѣ смѣшнымъ, но чтобы понять значеніе этого обычая, надо знать, что получали наши учителя за свои труды. Насколько я помню, вознагражденіе учителя не превышало 400—500 руб. ассигнаціями, т. е. 120—150 руб. на серебро. Такъ какъ на эту сумму нельзя было прожить семейному человѣку въ губернскомъ городѣ, несмотря на тогдашнюю дешевизну, то у кого поднялась бы рука съ камнемъ осужденія за полученіе отъ учениковъ подаянія въ 10—20 коп. и 5—10 яицъ. Мы, по крайней мѣрѣ, да и наши родители не протестовали противъ вышеуказаннаго обычая и не презирали за него своихъ воспитателей.

Вообще, насколько помню, къ учителямъ нашимъ мы особенной непріязни не питали. Конечно, наиболѣе строгихъ изъ нихъ мы боялись, не любили ихъ, но я не помню, чтобы кто-либо изъ учениковъ, даже жестоко тѣлесно наказанный, вздумалъ оскорбить учителя или мстить ему. Таковъ былъ духъ времени, что и учителя и ученики, повидимому, считали тѣлесныя наказанія необходимымъ элементомъ воспитанія и обученія. И дѣйствительно стоило только въ концѣ 60-хъ годовъ повѣять новымъ духомъ, какъ тотъ самый нашъ инспекторъ В. И. В—скій, о которомъ я выше говорилъ, какъ о самомъ жестокомъ педагогѣ, какъ бы перемѣнился. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ окончанія мною курса училища, онъ поступилъ въ приходскіе священники и, какъ говорятъ, сдѣлался неузнаваемымъ по своему добродушію...

XXVI. Экзамены.

Въ концѣ учебнаго года, обыкновенно въ іюнѣ, мы подвергались экзаменамъ. Экзамены были двухъ родовъ: простые („внутренніе“) и „публичные“. Простые экзамены производились въ классахъ нашими же учителями, а публичные совершались съ особенною торжественностью. На этихъ экзаменахъ присутствовали: мѣстный архіерей, ректоръ, инспекторъ и преподаватели („профессора“) семинаріи, губернаторъ, высшіе губернскіе чины и высшее духовенство города. Такіе экзамены были страшны не только намъ, но и нашему начальству. Помню, тотъ же В. И. В—скій, встрѣтивъ меня передъ началомъ публичнаго экзамена на корридорѣ и, спросивъ, не очень ли я трушу, замѣтилъ, что, вѣдь, сегодня „страшный судъ“ (при шепелявости его эти слова звучали, какъ „штрашный шутъ“). Дѣло въ томъ, что, если на публичномъ экза-

менѣ ученики отвѣчали неудовлетворительно или сбивались, робѣя въ непривычной обстановкѣ, за нихъ должны были отвѣчать сами учителя. Преподаватель предмета, по которому производился экзаменъ, обыкновенно становился около вызваннаго ученика и не смѣлъ сѣсть. Во избѣжаніе посрамленія учебнаго заведенія вслѣдствіе плохихъ отвѣтовъ учениковъ, вызывались, обыкновенно, лучшіе ученики. А когда архіерей случайно вызоветъ слабаго ученика, онъ замѣнялся другимъ, болѣе подготовленнымъ. Обманъ этотъ удавался и считался почти дозволеннымъ. Да и лучшіе-то ученики, которыхъ предполагалось вызвать на публичномъ экзаменѣ, знали отъ учителей, какіе вопросы будутъ предложены.

Если, такимъ образомъ, лучшіе ученики должны были показать начальству казовую сторону учебнаго дѣла въ заведеніи, то худшіе, мало подготовленные, должны были заботиться, по крайней мѣрѣ, о наружномъ украшеніи своей школы или, лучше сказать, экзаменаціоннаго зала. Для него отводилась, обыкновенно, одна изъ бурсацкихъ спаленъ, наиболѣе большая. Чтобы сдѣлать ее болѣе приглядною и скрыть ея грязный видъ, ее украшали гирляндами, цвѣтами и березками, а полъ усыпался травою и цвѣтами. Какъ цвѣты изъ полей и лѣсовъ, такъ и вѣтви деревьевъ добывали ученики сами. Они же и украшали залъ.

На публичныхъ экзаменахъ, какъ выше сказано, бывали и „профессора“ семинаріи. Иногда вопросъ, заданный ученику, и отвѣтъ послѣдняго вызывали споръ между самими экзаменаторами, и ученику, вызванному для отвѣта, приходилось превращаться въ слушателя. Насколько помню, большинство споровъ, возбужденныхъ на публичныхъ экзаменахъ, имѣло схоластическій характеръ, не особенно интересный для учениковъ, но послѣдніе были довольны, что споры эти возбуждались: чѣмъ больше начальство спорило между собою, тѣмъ меньше времени оставалось для самаго экзамена. На семинарскомъ языкѣ вопросы, предлагаемые внѣ учебника, назывались „возраженіями“. Никогда не забуду,—какъ на одномъ изъ экзаменовъ ученику, разсказывавшему исторію пророка Іоны, было сдѣлано возраженіе, какъ китъ могъ проглотить Іону, если у него очень небольшое горло. Преподаватель началъ объяснять, что, вѣроятно, Іону проглотила акула, имѣющая широкое горло, тѣмъ болѣе, что въ книгѣ Іоны говорится не о китѣ, а о „большой рыбѣ“, которой Богъ повелѣлъ проглотить Іону. Затѣялся споръ, произведшій большую сенсацію. Но раціоналистичное объясненіе событія съ пророкомъ Іоною быстро разрѣшилъ одинъ почтенный протоіерей, присутствовавшій на экзаменѣ, простымъ соображеніемъ, что если Іона могъ пробыть живымъ въ утробѣ „морского звѣря“, если и

это уже обстоятельство никакъ нельзя объяснить естественнымъ образомъ, и оно есть само по себѣ чудо, т. е. явленіе сверхъестественнаго свойства, то къ чему разглагольствованія о томъ, китъ или акула проглотилъ пророка Іону?.

XXVII. Заключеніе.

Еще одно послѣднее сказанье,
И лѣтопись окончена моя...

Монотонна и сѣра была семинарская жизнь того времени. Масса молодежи гибла въ этой захолустной средѣ или выходила изъ школы безъ всякихъ умственныхъ и нравственныхъ устоевъ. Школа не отвѣчала на высокіе умственные и нравственные запросы. Нѣкоторыя богато одаренныя, но слабовольныя натуры, видя, что школьная среда не удовлетворяетъ ихъ, сбивались съ толку и гибли, предаваясь извѣстному россійскому пороку, отъ котораго погибало такъ много даже выдающихся русскихъ людей: топили свое горе, свою неудовлетворенность, въ винѣ. Сколько даровитыхъ и въ высшей степени симпатичныхъ людей погибло такимъ образомъ даже на моей памяти! Никогда я не забуду одного изъ своихъ семинарскихъ учителей И. М. С—ва, человѣка въ высшей степени умнаго, остряка, человѣка образованнаго, съ широкими, гуманными взглядами, прекраснаго преподавателя, который еще въ своей молодости нашелъ себѣ справедливую оцѣнку своего ученика Добролюбова. И этотъ человѣкъ, краса и гордость семинаріи, любимецъ всѣхъ своихъ учениковъ, въ концѣ концовъ кончилъ нервнымъ разстройствомъ, вѣроятно, до конца своей жизни безпощадно бичуя себя за недостатокъ воли и стойкость характера,—недостатки, которые онъ отлично сознавалъ и отъ которыхъ онъ на урокахъ психологіи такъ часто предостерегалъ своихъ учениковъ...

Но не всѣхъ убивала обстановка тогдашней школы. Люди, съ твердымъ характеромъ и съ дѣтства направленные въ хорошую сторону, закалялись въ этой обстановкѣ, не поддаваясь вліянію ужасной среды. Нужда заставляла „калачи ѣсть“. Недостатки школы пополнялись самообразованіемъ. Чего не давала и не могла дать школа, они добивались своимъ умомъ, своимъ трудомъ, лбомъ пробивая себѣ дорогу. Наша школа мало помогала ученію; у насъ не было репетиторовъ, которые бы помогали намъ учить уроки, рѣшали намъ задачи и писали для насъ сочиненія. У насъ не было ключей къ латинскимъ и греческимъ авторамъ, такъ распростра-

ненныхъ въ настоящее время, не было примѣрныхъ рѣшеній математическихъ задачъ, не было плановъ сочиненій, не было разнаго рода, правда безтолковыхъ, повторительныхъ курсовъ,—всего того, чѣмъ разные юркіе издатели теперь снабжаютъ молодежь. Теперь, конечно, легче учиться. Но что легко дается, благодаря репетиторамъ и ключамъ, то легко и забывается. Не забывается лишь то, что добыто самостоятельно безъ излишней посторонней помощи, которая подчасъ совсѣмъ убиваетъ самодѣятельность и пріучаетъ молодыхъ людей цѣлый вѣкъ ходить „на помочахъ“.

В. К.

Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. [1]).

Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину.

18.

17-го февраля (1-го марта) 1825 г. Кострома.

Спѣшу отвѣчать, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, на письмо Ваше изъ Марселя отъ 15/27 ноября прошлаго года, и благодарить Васъ за отвѣтъ Р. В. G. Ему теперь досталось по обѣимъ щекамъ, и подѣломъ. Смыслъ этихъ словъ въ томъ, что я, со своей стороны, написалъ про него письмо циркулярное, и послалъ къ Каченовскому и къ Гречу; Гречъ напечаталъ его въ 3-й книжкѣ „Сына Отечества“; о Каченовскомъ ничего не знаю. Въ Москвѣ есть новый журналъ: „Телеграфъ“; издатель его нѣкто: Полевой, и кажется, шайки съ Гречемъ и Булгаринымъ. По крайней мѣрѣ, онъ не пропустилъ случая обругать меня за 3-е дѣйствіе Андромахи, помѣщенное въ Русской Таліи [2]). Теперь въ гору лезетъ на счету критиковъ Грибоѣдовъ за комедію: Горе отъ Ума, изъ которой въ той же Таліи помѣщены отрывки; рѣшительно ставятъ его на ряду съ Фонъ-Визиномъ. Комедія цензурою не пропущена, и по нашей системѣ и не могла пройти; онъ самъ прислалъ мнѣ ее въ рукописи, и конечно въ ней ума и соли тьма; но планъ далеко отъ хорошаго. Постараюсь Вамъ его объяснить. Нѣкто Фамусовъ, Управляющій въ Казенномъ мѣстѣ, лѣтъ пятидесяти, живетъ въ Москвѣ съ дочерью не-

---

[1]) См. „Русская Старина“ май 1911 г.

[2]) Московскій Телеграфъ 1825 г. ч. I № 2 стр. 170.

вѣстой; она еще ребенкомъ очень нравилась молодому Чацкому, и сама его любила. Этотъ Чацкій—главное лицо. Авторъ вывелъ его con amore и, по мнѣнію автора, въ Чацкомъ всѣ достоинства и нѣтъ порока, но, по мнѣнію моему, онъ говоритъ много, бранитъ все и проповѣдуетъ не къ стати. Сей Чацкій ѣздилъ куда-то вдаль изъ Москвы, а безъ него Софія слюбилась съ секретаремъ своего отца Молчалинымъ и всякую ночь глазъ на глазъ просиживаетъ съ нимъ, а служанка въ другой комнатѣ на часахъ; тѣмъ и пьэса начинается: Не совсѣмъ благопристойно. Еще хуже то, что Молчалинъ вовсе не любитъ Софьи, и пользуется ея милостями изъ подлости по службѣ, а волочится и онъ и старикъ Фамусовъ за служанкой, а та за какимъ-то буфетчикомъ. Отецъ же прочитъ себѣ въ зятья полковника Скалозуба, рѣшительную военную скотину. Чацкій, возвратясь въ Москву, является въ домъ, его принимаютъ сухо. Дочери не нравится его насмѣшки надъ всѣми и надъ ея Молчалинымъ; отцу его посредственное состояніе, небольшой чинъ и либеральныя идеи. Молчалинъ ѣхалъ куда-то и упалъ съ лошади, Софьѣ сдѣлался обморокъ, Чацкій ее оттеръ, отпрыскалъ, и тутъ ему спасиба не сказали. Всего бы умнѣе оставить въ покоѣ всю эту семью, но самолюбіе и старая любовь еще завлекаютъ Чацкаго. Въ этотъ вечеръ у Фамусова балъ, тьма гостей оригиналовъ всякаго рода, Чацкій никому не угодитъ; и даже отъ двусмысленнаго, съ намѣреніемъ, слова Софьи на его счетъ по всему обществу разпустился слухъ, что Чацкій съума сошелъ. Онъ сперва и не подозрѣваетъ этого; наконецъ гости одни за другимъ разъѣзжаются; сцена на парадной лѣстницѣ. Чацкаго кучеръ ушелъ куда-то, его не вдругъ сыщутъ; баринъ принужденъ ждать. Наскучивъ вздоромъ, который несетъ ему болтунъ, Репетиловъ, онъ прячется къ швейцару. Всѣ уѣхали, служанка приходитъ и стучится въ дверь къ Молчалину, зоветъ его опять на ночь къ барышнѣ, тотъ, со сна бранитъ ее, и ластится къ горничной; на бѣду его нетерпѣливая Софья сама вышла въ потьмахъ на лѣстницу и подслушала, онъ проситъ прощенія, она рветъ и мечетъ; Чацкій выходитъ изъ швейцарской и осыпаетъ ее укоризнами, Молчалинъ убѣгаетъ къ себѣ. На конецъ къ развязкѣ и отецъ является со слугами и свѣчьми, все открывается, отецъ бранитъ всѣхъ и хочетъ дочь послать въ деревню, а на Чацкаго просить у Государя; Чацкій, въ свою очередь, вскинется на отца и на дочь и на всю Москву: въ ней точно сойдешь съ ума, не остаюсь долѣе, карету! и уѣзжаетъ, куда неизвѣстно. Горестное размышленіе Фамусова: *Что станетъ говорить княгиня Марья Алексѣевна!* оканчиваетъ комедію. Вотъ вамъ довольно подробное изложеніе; судить не стану, покуда Вашего мнѣнія не услышу. Стихи вольные, легкіе

и разговорные, побочныя лица, являющіяся на одинъ мигъ, мастерски отрисованы; жаль только, что эта фантасмагорія не театральна: хорошіе актеры этихъ ролей не возьмутъ, а дурные ихъ изпортятъ. Смѣлыхъ выходокъ много, и даже невѣроятно, чтобы Грибоѣдовъ, сочиняя свою комедію, могъ въ самомъ дѣлѣ надѣяться, что ее русская цензура позволитъ играть и печатать. Я уже писалъ къ Вамъ, что Колосова отошла отъ театра. Каратыгинъ игралъ въ первый разъ передъ Императрицей Маріей Ѳедоровной роль Пожарскаго, и получилъ благоволеніе. Въ бенефисъ Семеновой готовится новая трагедія, (можетъ ужъ сыграна) Женевьева Брабантская; сочинилъ ее нѣкто Поморскій [1]), переводившій 5-е дѣйствіе Медеи [2]). Къ слову о Медеѣ, нѣмцы валяютъ новую трагедію Грильпарцера [3]) и журналы ее превозносятъ, но я, Ѳома невѣрный, опасаюсь романтическихъ пьесъ и похвалъ. Изъ письма Вашего замѣчаю, что и во Франціи мимическое искуство, опричь Парижа, не очень процвѣтаетъ. Ліонъ лучшій городъ, и въ немъ плохо, а въ Марселѣ гдѣ много денегъ, дураки платятъ ихъ à M-r. Durand et à M-me Pujos или, какъ говорилъ Саша Пушкинъ, Jopus. Источникъ Сорги въ запертой долинѣ (Vau close) я нѣсколько знаю по описаніямъ, но сказки о Петраркѣ мнѣ всегда казались и теперь кажутся сказками: онъ тамъ не жилъ [4]), а ѣзжалъ туда изъ Авиньона съ компаніей гулять, кушать sorbetti и сочинять sonetti. Я еще недавно имѣлъ терпѣніе перечитать оныхъ около сотни и, признаюсь, въ большемъ прежняго недоумѣніи: что тутъ находятъ? чѣмъ восхищаются? за что хотятъ человѣка въ боги посвятить? и не справедливѣе ли потомства судилъ онъ самъ, считая ихъ за пустячки; Nota bene что длина вѣщей на время отстраняется, что я согласенъ за стекло поставить пѣсни Анакреона, дышущія истиннымъ чувствомъ, сверкающія искрами богатаго воображенія, но не могу никакъ запутанныхъ, тем-

---

[1]) „Женевьева Брабантская, или Жертва клеветы и ревности“, трагедія въ 3 д. въ стихахъ, „Россійское соч.“ Андрея Петровича Поморскаго. Представл. 30 янв. 1825 г.

[2]) *Медея*, трагедія Лонжъ-Пьера играна въ 1-й разъ въ Спб. въ бенефисъ Е. С. Семеновой, 15-го мая 1819 г. Первое дѣйствіе было переведено С. Н. Маринымъ и Н. А. Озеровымъ, братомъ извѣстнаго трагика, второе—барономъ Дельвигомъ, третье—Н. И. Гнѣдичемъ, четвертое—Катенинымъ и пятое—„А. П. Поморскимъ“.

[3]) „Das goldne Vliess“ др. (1822) Франца Грильпарцера (1790—1872).

[4]) Катенинъ ошибается. Петрарка жилъ въ Vaucluse, съ нѣкоторыми перерывами, около 9 лѣтъ (съ осени 1337 до половины ноября 1352). См. Friedr. Wulff—„Petrarch at Vaucluse“. Lund. 1904 p. 12, 13, 14, 15, 17.

ныхъ, каламбурныхъ четвертаковъ и алтыновъ увѣнчаннаго въ Капитоліи [1]) педанта принять за чистую звонкую монету.

Теперь два слова объ отвѣтѣ Г-ну P. B. G. Лучше этого написать не льзя. Вы точно выгородили совершенно, что надобно, и умѣренность съ нѣкоторою твердостью и чувствомъ превосходства надъ противникомъ, всего сильнѣе подѣйствуетъ надъ умомъ читателей; и то уже хорошо и отъ части это доказываетъ, что издатель не замедлилъ напечатать, хоть конечно споръ о моемъ дарованіи сухая ложка для французовъ. Наполеонъ и Вы правы, грязнаго бѣлья въ гостяхъ не моютъ, но сколько корзинъ ожидаютъ Васъ дома! Запасайтесь мыломъ. Главное дѣло теперь въ направленіи, которое невѣжи хотятъ дать нашему театру; въ нихъ на одну сцену въ прозѣ не станетъ ума, а они, подъ эгидою проказника Шлегеля, объявляютъ войну здравому смыслу, Есхилу, Софоклу и Расину; въ трагедіи требуютъ Пушкинскихъ стиховъ, на манеръ Кавказкаго Плѣнника; въ комедіи прозы и сверьхъ того, чтобы не было никакой завязки, а такъ... о небеса!—Вы можетъ быть разсмѣетесь надъ моимъ восклицаніемъ, а я бы желалъ только на это сердиться. Представьте, милый Николай Ивановичъ, что я даже въ свою деревню, въ свои лѣса, не могу попасть, что я третій мѣсяцъ живу въ Костромѣ и жду, чѣмъ премудрая Гражданская Палата рѣшитъ мою тяжбу съ моимъ плутомъ продавцомъ, да еще того жду, что его оправятъ, ибо онъ въ неправомъ, подломъ, гнусномъ дѣлѣ, можетъ не щадить денегъ для выигрыша, я же напротивъ не имѣю ни нужды ни охоты прибѣгать къ средствамъ постыднымъ для честнаго человѣка, но весьма употребительнымъ въ нашихъ судахъ. Представьте сверьхъ того, что если дѣло здѣсь рѣшатъ не въ мою пользу, я долженъ просить въ Петербургѣ, въ Сенатѣ, а мнѣ туда ѣхать не льзя: что дѣлать? ума не приложу. О Ѳемида! Ѳемида! не знаю, что ты дѣлаешь въ чужихъ краяхъ, но на святой Руси ничего добраго. Теперь здѣсь морозы пошли, какъ Вамъ покажется? Вы, чай, отвыкли отъ нихъ, и въ концѣ февраля около Марселя цвѣты цвѣтутъ, а здѣсь только снѣжные на стеклахъ. Отъ чего Вы не познакомились по сію пору съ Лавинемъ? я видѣлъ отрывки изъ новой его Messenienne, на смерть Бейрона; его изображеніе, въ видѣ орла, поражаетъ своею величавою смѣлостью. Право, познакомтесь-ко съ нимъ, онъ человѣкъ молодой и долженъ быть умный, судя по дарованію къ стихамъ: оно не всегда обманчиво. Да ужъ какъ познакомитесь, и отъ меня отдайте ему поклонъ. Нѣтъ ли еще чего

[1]) Петрарка былъ увѣнчанъ лавровымъ вѣнкомъ за свою поэму „Africa“ въ Римѣ, 8-го апрѣля 1341 г.

новаго во Французской литературѣ? врядъ ли есть хорошее, и они обѣднѣли, а у насъ néant. Я извѣщалъ Васъ кажется объ Іисусѣ Шихматова [1]). Гнѣдичъ переводитъ какія-то греческія пѣсни народныя изъ новыхъ [2]), и что я читалъ изъ нихъ показалось мнѣ теплой водицей. Когда вы въ Россію? когда въ Кологривъ? прощайте, милый Николай Ивановичъ, будьте здоровы и любите насъ. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

19.

18 (30) марта 1825. Кологривъ.

Одно изъ самыхъ чувствительныхъ огорченій для честнаго человѣка, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, есть, конечно, невозможность въ нуждѣ услужить пріятелю. Вы у меня просите тысячи рублей когда у меня десяти нѣтъ, и занять здѣсь ни у кого не льзя. Весь уѣздъ умираетъ съ голоду, овесъ такъ пріѣли, что нечѣмъ будетъ яровую сѣять, а мѣстами мужики кормятся дурандой, тоесть остатками коноплянаго сѣмени, когда изъ него выбито масло. Посудите, много-ли денегъ можетъ быть въ такомъ нещастномъ краю. Я же свои всѣ изтратилъ въ Костромѣ, продавцу заплатилъ 27,500 рублей, съ издержками и прожиткомъ слишкомъ 30,000 ушло; разумѣется, что я послѣ этого голъ, какъ соколъ и въ долгу, какъ въ шелку. Имѣнія оттягать у меня не могли, но безсовѣстнымъ и нелѣпымъ образомъ присудили заплатить лишнихъ 1800 рублей за то, что въ прошедшемъ году изъ 25,700 руб. 10,000 присланы были мною полтора мѣсяца послѣ срока: какова Ѳемида? Я принужденъ просить на это въ Сенатѣ, и на этой же почтѣ пишу къ самому Государю и прошу позволенія ѣхать въ Петербургъ; не знаю, будетъ ли успѣхъ, а покуда остаюсь между страхомъ и надѣждой, но не уже ли Онъ на меня до конца прогнѣвался? Если и разрѣшится мое возвращеніе, не знаю, съ чѣмъ туда и отправиться, доходы всѣ прекратились, оброковъ мужики не въ состояніи платить, а въ усадьбахъ надобно все покупать, ибо ничто не родилось. Что за черные годы! наводненія, неурожаи, подумать грустно. Каково Вашему воображенію изъ Провансы скакнуть въ нашъ Сѣверъ; по новому стилю, сегодня 30-е марта, а здѣсь все покрыто снѣгомъ и по льду рѣки можно пушки возить; я боленъ, какъ собака, три дня какъ пріѣхалъ изъ Костромы на перекладныхъ саняхъ, простудился,

---

[1]) „Іисусъ въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтахъ или ночи у Креста“. Стихотв. князя С. А. Ширинскаго-Шихматова. Спб. 1824.

[2]) „Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ грековъ съ подлинникомъ, изданныя и переведенныя въ стихахъ, съ прибавленіемъ введенія, сравненія ихъ съ простонародными пѣснями русскими и примѣчаній“ Спб. 1825 г.

насморкъ, кашель, силъ нѣтъ; на нѣсколько дней остановился въ городѣ Кологривѣ, у меня въ немъ домикъ построенъ новой, и того нечѣмъ отдѣлать, живу во флигелѣ. Но что всего болѣе меня убиваетъ, и право вскорѣ убьетъ, это скука, одиночество, хлопоты и неудовольствія; рѣдко сыщется человѣкъ болѣе во всѣхъ предпріятіяхъ неудачный и горемычный: что дѣлать? терпи. Однако мнѣ совѣстно и Вамъ скучать моими жалобами на судьбу, пора перестать, одна рѣчь не пословица. О статьѣ Вашей въ Меркуріѣ я Вамъ, кажется, уже писалъ, я часто ее перечитываю, и она мнѣ все болѣе и болѣе нравится; въ предѣлахъ весьма тѣсныхъ заключаетъ она полное обозрѣніе всей нашей поэзіи, и даже для иностранцевъ лишнія подробности были бы не у мѣста. Намѣреніе Ваше, по возвращеніи въ Россію, еще болѣе заняться критикою не только хорошо и похвально, но я радуюсь ему какъ спасительному средству противъ наводненія дурнаго вкуса, романтизма, педантизма, невѣжества и шаекъ. На счетъ Ecole des vieillards я остаюсь при прежнемъ мнѣніи: развязка не та; я даже радъ, что авторъ самъ хотѣлъ было сдѣлать по моему, и жалѣю, что пустыя прихоти актрисъ заставляютъ портить комедію. Рогоносецъ, говорите вы, непріятенъ на театрѣ; онъ долженъ быть развѣ мститель и ужасный.—Въ трагедіи такъ, но въ комедіи ихъ много и другаго разбора. По возобновленіи театровъ въ Европѣ, это и было главнымъ предметомъ всѣхъ шутокъ, всего смѣху, вспомните Махіавелеву Мандрагору [1]).—Но во Франціи всегда на этотъ счетъ были щекотливѣе и старались тѣже интриги облагородить и вывести по пристойнѣе.—Согласенъ, но вѣдь Данвиль и не будетъ еще рогатъ, дѣло не сдѣлано, жена отказала Дюку смѣючись, и весьма серіозно докажетъ 60-ти лѣтнему мужу, что онъ ребячился со своимъ дуэлемъ, что онъ ее же по напрасну своей пустой ревностью оглашаетъ по городу, что онъ виноватъ кругомъ, что поправить все одно средство, помириться совершенно съ Дюкомъ, принять мѣсто, жить все тамъ же, а не выносить сору изъ избы. Критика Парижскихъ Салоновъ, что Дюкъ не во время открывается—самая à la Sevigné [2]), сирѣчь пустая. Въ драмѣ нѣтъ возможности откладывать до будущей недѣли; сжать и сблизить произшествія есть право и часто обязанность искуства, о которомъ Г-да и Г жи критики понятія не имѣютъ. Не слишкомъ ли Вы строги, батюшка Николай Ивановичъ, когда утверждаете что въ Ecole des vieillards нѣтъ

[1]) „Mandragore“, комедія извѣстнаго Nicolo Machiavelli (1469—1527), соч. ок. 1513 г.

[2]) Marie de Robutin-Chantal, marquise de Sévigné р. 1626, ум. 1696, франц. писательница.

ни одной комической сцены? Какъ же Вы назовете первую встрѣчу Данвиля съ Дюкомъ [1]), который его въ глаза не знаетъ? а прекрасная сцена мужа и жены: Vous irez au bal?—Non—и ссора ихъ? [2]) а что всего лучше въ пятомъ актѣ совѣты Бонару не жениться, а это: O moi, c'est autre chose? [3]) По моему мнѣнію, тутъ много комическаго и въ лучшемъ родѣ. Грибоѣдову я писалъ на счетъ Горя отъ Ума, онъ не соглашается и оправдывается всѣми обыкновенными софизмами Авторовъ, тоесть сочиняетъ новую піитику [4]) я паки возразилъ ему; всего лучше для меня, въ этой перепискѣ, лестное чрезвычайно свидѣтельство Грибоѣдова, что обдѣлкою своего дарованія онъ обязанъ единственно мнѣ, и говоритъ это всѣмъ и каждому. Жаль, что мой отвѣтъ на клеветы P. B. G. нѣсколько смягченъ и ослабленъ цензурою; и какое право имѣетъ она смягчать? не явная ли несправедливость обезоруживать одного, когда другой его рѣжетъ ножемъ? P. B. G. въ Парижѣ, во услышаніе всей Европы, меня ругательски ругалъ безо всякой причины, лжетъ на меня нагло и я же не моги сказать ему: mentiris impudentissime! [5]) Совсѣмъ тѣмъ и при премудрыхъ поправкахъ Красовскаго [6]) Г-ну P. B. G. можно быть сыту, а молчаніе его въ чужихъ краяхъ хорошій знакъ. Съ Г-мъ Dumoulin отнюдь ссориться не надо, онъ точно можетъ и впередъ пригодиться; а мнѣ какъ-то сдается, что дальнѣйшихъ споровъ не миновать; мое продолжительное молчаніе конечно отъ части и непріятелей моихъ заставило молчать: говорить не о чемъ; но чуть только я напечатаю мои стихотворенія, либо въ Петербургѣ пущу Андромаху на театръ, все стадо зареветъ, всѣ Гуси встрепенутся за Капитолій. Разтолкуйте мнѣ: кто перевралъ и перепуталъ Жуковскаго съ Шаховскимъ, а Мерзлякова съ Вяземскимъ? [7]) Нѣмецъ ли, или переводчикъ французъ, или (а то возможно) русскій критикъ—литераторъ? вотъ прямо Вяземскаго имя вездѣ, даже при чужихъ сочиненіяхъ; а гдѣ свои-то? вотъ Вамъ

---

[1]) II, 5.

[2]) (II, 7).

[3]) (V, 4).

[4]) Отвѣтъ Грибоѣдова (январь 1825 г.) на Катенинскую критику „Горе отъ ума“ впервые былъ напечатанъ въ „Всемірномъ трудѣ“ 1868 кн. 2 стр. 1—3. Соч. Грибоѣдова изд. подъ ред. проф. И. А. Шляпкина I, 196-197.

[5]) „Ты лжешь наглѣйшимъ образомъ“.

[6]) Александръ Ивановичъ Красовскій, „знаменитый“ цензоръ, р. 1776, ум. 1857 г.

[7]) „Перевралъ и перепуталъ“ Schnitzler, авторъ критической статьи о трудѣ Von der Borg: Die poetischen Erzeugnisse der Russen“ въ Revue Encyclopédique 1824 г. т. XXIV p. 391—394. Погрѣшность была отмѣчена Полевымъ въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1825 г. № 4, стр. 385.

къ стати нѣсколько стиховъ изъ Горя отъ Ума. Болтунъ Репетиловъ разхваливаетъ общество, въ которомъ онъ теперь членъ:

„Что за люди, mon cher! Сокъ умной молодежи“,
перебираетъ того-другого, наконецъ:

„Но если Генія прикажете назвать:
Удушьевъ Иполитъ Маркелычъ.
Ты сочиненія его
Читалъ ли что нибудь? хоть мѣлочь?
Прочти, да онъ не пишетъ ничего!
Вотъ эдакихъ людей бы сѣчь-то,
Да приговаривать: писать! писать! писать!
Однако можешь ты въ журналахъ отыскать
Его *Отрывокъ*, *Взглядъ* и *Нѣчто*.
О чемъ бишь *нѣчто*?... обо всемъ,
Все знаетъ, мы его на черный день насемъ“.

Что у Васъ вышло съ безалабернымъ патрономъ? Что бы ни было, а досадно. Лавинь — наконецъ Академикъ и почти единогласно принятъ: онъ стоитъ того [1]). Познакомьтесь съ нимъ, я бы этого не забылъ сдѣлать, еслибъ находился въ Парижѣ; онъ же долженъ быть и хорошій человѣкъ. Писалъ ли я Вамъ, что разлюбилъ Вальтеръ Скотта (то есть лично), съ тѣхъ поръ какъ прочелъ его Lettres de Paul? [2]), съ удивленіемъ нашелъ въ немъ человѣка набитаго предразсудками, съ односторонними сужденіями, съ нечистосердечнымъ языкомъ; я не того ждалъ. Прощайте, любезнѣйшій, весь Вашъ.

Павелъ Катенинъ.

Вал. Скотъ съ восхищеніемъ приводитъ — bon mot англинскихъ солдатъ второй линіи; они падаютъ и кричатъ переднимъ: *мылите французовъ, а мы ихъ выбрѣемъ*. Кабы В. Ск. послужилъ, какъ я въ полку, онъ бы столько наслушался въ этомъ вкусѣ острыхъ словъ, что постыдился бы ихъ печатать на славу.

20.

26-го апрѣля. 1825. Шаево.

Сей часъ только привезли съ почты письмо Ваше отъ 31 (14) марта, и я уже отвѣчаю. Какъ Ваши дѣла, любезнѣйшій Николай Ивановичъ? на чемъ кончилось съ патрономъ? скоро-ли возвратитесь въ Россію? когда и гдѣ мы увидимся? Со мной всегда бѣды

[1]) Delavigne избранъ въ члены Académie Française 7-го іюля 1825 г.

[2]) Напеч. въ 1815 г. Эта хроника событій „100 дней“ возбудила во Франціи большое неудовольствіе. Русскій переводъ появился въ 1827 г.

живутъ: письмо мое къ Царю отправилось изъ Кологрива 19-го марта, а Онъ 5-го апрѣля самъ уѣхалъ въ Варшаву. Теперь какъ знать? получилъ-ли, нѣтъ-ли? отвѣта еще нѣтъ. Къ довершенію бѣдъ карманъ мой тощъ до чрезмѣрности; а дѣла запутаны; долговъ много, а доходовъ ничего. Но оставимъ это, и обратимся къ Вашему письму. Вы рады моему одобренію: оно отъ чистаго сердца; въ иномъ соглашаетесь съ моими замѣчаніями, въ иномъ спорите: такъ всегда водится; одну только статью еще разъ замѣчу: воля Ваша, но verve poëtique не удѣлъ Сумарокова; страсти онъ конечно выражалъ несравненно лучше Ломоносова. Этотъ и понятія не имѣлъ о трагедіи, но онъ былъ истинный поэтъ, а Сумароковъ на врядъ. Перейдемъ къ нашимъ временамъ. Весьма забавно что съ Вами толкуютъ объ L N, но какъ не стыдно Гагарину [1]), что онъ обругалъ и оклеветалъ меня? мое письмо на этотъ счетъ было послано въ одно время къ Каченовскому и Гречу; въ 3-й книжкѣ Сына Отечества оно и напечатано, съ нѣкоторыми цензурными подслащеніями, и то (пишетъ мнѣ Грибоѣдовъ) „Издателямъ много труда стоило добиться позволенія отъ Министерства къ напечатанію твоего картеля“ [2]). Послѣднее слово значитъ, что я непремѣнно требую, чтобы P. B. G. свои на меня обвиненія доказалъ, пристыдилъ меня при всѣхъ, либо самъ устыдился. Между тѣмъ Бестужевъ въ Полярной Звѣздѣ на 1825-й годъ пишетъ вотъ что: „Кто-то Русской напечаталъ въ Парижѣ злую выходку на многихъ нашихъ литераторовъ, и предъ глазами цѣлой Европы, не могши показать достоинствъ, обнажилъ можетъ быть мнимые ихъ недостатки и свое пристрастіе. Другой, тамъ же, защищалъ далекихъ обиженныхъ, хотя не вовсе справедливо, но весьма благородно, и полемическая наша междуусобица загорѣлась на чужой землѣ“ [3]). Вы скажете, что тутъ нѣтъ никакого смысла, но за то и писалъ Бестужевъ. Есть еще гусь, нѣкто Полевой, издатель въ Москвѣ новаго журнала, подъ названіемъ: Телеграфъ; и онъ упомянулъ о Вашей статьѣ, по случаю Русской Таліи, гдѣ напечатано 3-е дѣйствіе моей Андромахи [4]). Полевой его разругалъ (само собою разумѣется) и стихи мои называетъ Сумароковскими. Pro forma

---

[1]) Кн. В. Ѳ. Гагаринъ, отвѣтившій Бахтину на его статью въ „Mercure“ и подписавшій свое письмо: „de P. B. G.“. Возраженіе Бахтина на это письмо L. N. см. вводную статью.

[2]) Письмо отъ 14 февраля 1825 г. Соч. Грибоѣдова I, 198.

[3]) Взглядъ на Русскую словесность въ теченіе 1824 г. и начала 1825 годовъ, стр. 21.

[4]) „Московскій Телеграфъ“ 1825 г. ч. I № 2 стр. 170.

Гречъ нѣсколько заступился въ Сынѣ Отечества [1]), если можно назвать заступленіемъ плутню; онъ пишетъ, что требовать въ трагедіи однихъ гладкихъ стиховъ не годится, а что главное въ ней то и сіо и прочее. Въ оной же Таліи статья Булгарина о театрѣ вообще, гдѣ говорится, что всѣ у насъ переводы съ французкаго никуда не годятся, и что подражать Корнелю и Расину тоже не годится, а надо все новое, все свое, никакая Андромаха (N.B. имянно) не сдѣлаетъ такого впечатлѣнія на Русскихъ, какъ Ярославна и пр. и пр. [2]). Грибоѣдовъ [3]), а за нимъ и Каратыгинъ увѣряютъ меня, что цѣль Булгарина унизить Лобанова и Гнѣдичева переводъ Андромахи [4]); это вздоръ: говорено вообще, къ щастію очень глупо. Булгаринъ пишетъ, что Корнель и Расинъ хороши для *своего времени*! трагедія французкая и семѣйственная картина нѣмецкая *однъ* не допускаются на театръ, впрочемъ что угодно александрійскіе стихи предаются анаѳемѣ; комедія отнюдь не должна оканчиваться свадьбой, etc. еще много вздору, выкраденнаго изъ Шлегеля и перевраннаго прозою à la Bestoujew. Писалъ я объ этомъ къ Жандру и Грибоѣдову; послѣдній отвѣчалъ плохими оправданіями, я опять писалъ, и теперь жду, что будетъ. Бѣда въ томъ, что Булгаринъ и вся компанія теперь кадятъ Грибоѣдову, а онъ любитъ запахъ ѳиміама. Я выше упомянулъ о Полевомъ, онъ изъ купцовъ, на него вышла въ Москвѣ пресмѣшная эпиграмма, которую мнѣ Голицынъ прислалъ. Вотъ она:

Журнала новаго издатель,
Второй онъ гильдіи купецъ,
Послѣдней гильдіи писатель
И первой гильдіи глупецъ.

Коротко и ясно. Слышно, что Кюхельбекеръ готовитъ за меня еще статью, а Пушкинъ, говоря о театрѣ въ своей маленькой поэмѣ *Онѣгинъ*, упомянулъ съ похвалою обо мнѣ. Онъ пишетъ:

Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
Корнеля Геній величавый.

---

[1]) „Третье письмо на Кавказъ“ Ж. К. отъ 25 февр. 1825 г. „Сынъ Отечества“ 1825 г. ч. 100 № 5, стр. 67, ср. съ письмомъ Грибоѣдова къ Ѳ. В. Булгарину (1826 г.). (Соч. Грибоѣдова изд. подъ ред. проф. И. А. Шлякина I, 218).

[2]) „Междудѣйствіе или разговоръ въ театрѣ о драматическомъ искусствѣ“ „Русская Талія“ на 1825 г. стр. 335—356.

[3]) Письмо Грибоѣдова къ Катенину отъ 14 февр. 1825 г. (Соч. I, 198) см. также его письмо къ Бѣгичеву (январь, 1825). Соч. I, 195.

[4]) Отрывки изъ трагедіи „Андромаха“ Расина въ перев. Гнѣдича. С. О. 1820. № 41 стр. 31—38. Подп. Н. Г—ъ.

Братъ Саша прислалъ мнѣ изъ новостей Полярную Звѣзду и Рылѣева поэму: *Войнаровскій*. Главное лице украинецъ, племянникъ Мазепы, сосланный послѣ войны въ Якутскъ. Случайно встрѣчается онъ тамъ съ ученымъ Миллеромъ, и разсказываетъ ему свое похожденіе, а на послѣдокъ умираетъ; все это копіи съ разныхъ Бейроновыхъ вѣщей, въ стихахъ по новому покрою; всего чуднѣе для меня мысль представить подлеца и плута Мазепу какимъ-то Катономъ. Диво и то, что цензура пропустила, но за то какими замѣчаніями изукрасила! еще диво: печатали въ Москвѣ, стало не Красовскій свой умъ приложилъ, стало въ обѣихъ столицахъ цензоры равные. *Звѣзда* [1]) еще хуже прежнихъ: изъ прозы можно съ удовольствіемъ прочесть только письма Жуковскаго о Швейцаріи [2]); изъ стиховъ Гнѣдича отрывки Иліады [3]), двѣ басни Крылова [4]), одно мѣлкое посланіе Пушкина [5]) и нѣсколько Барытынскаго, все вмѣстѣ составитъ страницъ 12, не болѣе. Пушкина же отрывки изъ будущей поэмы: *Цыгане* [6]) не по моему вкусу. Еще нѣкто *Языковъ* [7]) затѣялъ поэму: *Разбойники* [8]); еще Рылѣевъ поэму: *Наливайко* [9]), и во всѣхъ трехъ все какіе-то сорванцы, головорѣзы, забіяки, словомъ преразвратный народъ. Прибавьте, что къ нимъ-то стараются привлечь сильное участіе, любовь и почтеніе. Отъ этого ложнаго понятія выходитъ только, что всѣ они холодны до смерти, слабы, не страшны и ничтожны, а всему виноватъ Бейронъ: суди его Богъ. Теперь нѣсколько словъ о г-нѣ Бальби [10]); Ему отказывать не надо, по слѣдующимъ причинамъ: 1-е что для его книги напишется, будетъ служить въ одно время дополненіемъ къ 77-й книжкѣ Меркурія и основаніемъ, къ чему нибудь большему на Русскомъ языкѣ; 2-е оно послужитъ къ распространенію въ чужихъ земляхъ здравыхъ понятій о нашей словесности и можетъ приманить какого нибудь хорошаго человѣка къ дѣльному изученію нашего языка; 3-е весьма легко не отнять у Бальби табакерки [11]); книга его должна идти (я такъ думаю) черезъ Министра Просвѣщенія, иже

---

[1]) „Полярная Звѣзда“ на 1825 г.

[2]) Отрывки изъ письма о Швейцаріи стр. 117—140.

[3]) Отрывокъ изъ XIX-ой пѣсни Иліады, стр. 263—270.

[4]) „Мельникъ“ и „Ворона“, стр. 374—376.

[5]) Посланіе къ А(лексѣеву): „Мой милый, какъ несправедливы твои ревнивыя мечты!“ стр. 109—110.

[6]) Стр. 24—27.

[7]) Николай Михайловичъ Языковъ р. въ 1803 г., ум. 1846 г.

[8]) Отрывокъ изъ повѣсти „Разбойники“ стр. 359—367.

[9]) „Исповѣдь Наливайки“ (отрывокъ изъ поэмы) стр. 370—372.

[10]) Adrien Balbi, физикъ, географъ, р. въ 1782 г., ум. въ 1848 г.

[11]) „Этнографическій Атласъ“ былъ посвященъ Имп. Александру I.

есть Славенофилъ [1]); стоитъ только напереть на пользу принесенную Разсужд. о ст. и нов. слогѣ, послѣ котораго примѣтно отстали отъ сентиментальности и галлицизмовъ всѣ, а нѣкоторые начали писать прямо по русски; 4-е тутъ есть средство даже смягчить гнѣвъ Хвостова, упомянувъ о немъ. Вы спросите: Какъ? слушайте же:

Ecrivain laborieux, instruit et ferme sur les bons principes; son plus grand défaut est d'avoir trop écrit dans trop de genres. On distingue parmi ses ouvrages une Epitre sur la critique, où l'on rencontre des idées saines et des vers bien frappés, et sa traduction de l'Andromaque de Racine, qui à l'aide des nombreuses corrections, qu'il a faites, se soutient sur la scène avec un succès constant [2]).

Ась? Каково? право онъ будетъ прыгать съ радости, а все правда. Заключеніе: очень бы хорошо помочь Г-ну Бальби, и въ его книгу помѣстить Кр. Ист. Рус. Язык. и Слов., а что посвятится книга сія Государю, тѣмъ лучше во всѣхъ отношеніяхъ. Колосова въ послѣднемъ письмѣ увѣдомляетъ меня, что ей хочется перейти въ Москву [3]), и что К. Голицынъ [4]) ее очень зоветъ и все обѣщаетъ: жаль ея потери для Петербурга. Тамъ играли новую трагедію сочиненія Поморскаго: Женевьева Брабантская; она умерла тихою смертью. Переводы Маріи Стуартъ Павлова и Силлы Корсакова [5]) (отрывки въ Таліи) никуда не годятся. Сама трагедія Силла должна быть вздоръ. Сцена Диктатора съ Актеромъ Росціемъ безсмыслица: можетъ ли Росцій увѣрять Силлу, что всѣ Римляне бываютъ въ восторгѣ, когда онъ имъ представляетъ Регула, Фабія, Сципіона и тому подобныхъ? Это говоритъ Тальма, а не Росцій; въ Римѣ никогда не выводили на театръ своихъ великихъ мужей, это бы даже сочли за неблагопристойность, достой-

---

[1]) Александръ Семеновичъ Шишковъ р. въ 1754 г., ум. въ 1841 г., занималъ должность Министра Народнаго Просвѣщенія съ 1824 г. по 1828 г.

[2]) „Писатель трудолюбивый, образованный, стойкій въ хорошихъ принципахъ; его наибольшій недостатокъ состоитъ въ томъ, что онъ слишкомъ много писалъ въ слишкомъ многихъ родахъ. Изъ его сочиненій выдѣляется одно посланіе о критикѣ („Письмо о пользѣ критики"), въ которомъ встрѣчаются здравыя мысли и хорошо отдѣланные стихи, а его переводъ „Андромахи" Расина, благодаря сдѣланнымъ имъ многочисленнымъ исправленіямъ, держится на сценѣ съ постояннымъ успѣхомъ".

[3]) См. письмо Катенина къ А. М. Колосовой отъ 15 апр. 1825 г. („Русская Старина" апр. 1893 г., стр. 198—199).

[4]) Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ р. въ 1771 г., ум. въ 1844 г. Главнокомандующій въ Москвѣ съ 1820 г.

[5]) „Sylla" трагедія Jouy, представл. въ Парижѣ въ 1824 г.

ную наказанія. Наконецъ прочелъ я 10-й и 11-й томы Карамзина, и признаюсь Вамъ, они поколебали сильно мое мнѣніе о Лжедимитріѣ; я начинаю думать, что онъ точно былъ Лже, а не настоящій. Карамзинъ не называетъ Марины некрещеною самъ, а приводитъ слова того времени: Вы на него поклепали. Стыдно за русскихъ во всѣхъ этихъ произшествіяхъ: куда дурно они себя вели! Объ Нимѣ [1]) и его древностяхъ жду. Пишите ли Вы родъ журнала или записокъ о своемъ путешествіи? не худо бы. Прощайте, преумный и пресолидный Николай Ивановичъ, куда бы хорошо, кабы всѣ пріятели на свѣтѣ были такіе, какъ Вы! Вы издали помните, и у меня съ Вами переписка идетъ круглѣе, нежели съ кѣмъ либо изъ живущихъ весьма близко. Будьте здоровы, я былъ очень боленъ на дняхъ, и теперь горло опухло, боюсь, потому что оно болитъ нѣсколько мѣсяцевъ съ ряду. Весь вашъ

Павелъ Катенинъ.

21.

13 августа 1826 г. (С.-Петербургъ) [2]).

Вы молчите, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, сему молчанію что причина? дѣла ли, или веселости московскія, хотя не знаю почему мнѣ кажется, что тамъ веселятся по середнему. Вы бы сообщили сюда объ этомъ по подробнѣе; отселѣ же новостей не льзя ожидать. Мое житье идетъ по прежнему. Зыковъ гораздо поправился; по моей просьбѣ ему позволили прожить здѣсь до выздоровленія [3]). На счетъ писанія я видно истощился, ибо съ отъѣзда Вашего ничего не прибавилось: надобно подождать, когда-нибудь l'estro poetico [4]) нечаянно возвратится, а насильно его не притянешь. Заботитесь ли Вы объ исполненіи Вашего намѣренія? право, пора лѣность откинуть и взяться за дѣло путемъ. Видѣли ли Вы Колосову [5]), Перфильева, графа Толстого? Князь Николай Сергѣевичъ Голицынъ пишетъ ко мнѣ, что онъ сбирается на это время въ Москву: постарайтесь съ нимъ сойтись, онъ человѣкъ очень хорошій. Жандръ отъ меня рѣшительно бѣгаетъ; съ недѣлю

---

[1]) Городъ во Франціи (въ департаментѣ Garde).

[2]) Катенинъ прибылъ въ Петербургъ 16—19 авг. 1825 г. (Спб. Вѣдомости 1825 г. стр. 821).

[3]) Ср. письмо Катенина къ А. М. Колосовой отъ 6-го сент. 1826 г. и примѣч. 4-ое („Русская Старина“ апрѣль 1893 г. стр. 212).

[4]) „Поэтическое вдохновеніе“.

[5]) Колосова въ это время находилась въ Москвѣ и принимала участіе въ представленіяхъ, по случаю коронаціи.

тому, иду я къ Чепегову [1]) и вижу со двора, что они вдвоемъ у окошка чай пьютъ, вхожу въ комнату, гость изчезъ; на вопросъ: гдѣ онъ? хозяева дивятся, что онъ со мной не встрѣтился; какъ видно спрятался за дверь, пока я прошелъ. Оставляю размышленія Вамъ самимъ. Каратыгинъ окончилъ переводъ Женатаго Философа [2]). Хмѣльницкій недавно сзывалъ насъ слушать его маленькую комедію: Свѣтской случай, передѣланную изъ пяти дѣйствій l'Homme du jour [3]): она тоже, что Воздушные Замки и Семь пятницъ на недѣлѣ [4]). Семенова меньшая отходитъ отъ театра; она недовольна холодностью дирекціи, которую по истиннѣ въ лишней горячности къ театру и успѣхамъ его грѣхъ укорить. Репертуаръ, составленный на случай открытія зрѣлищъ во время коронаціи, дрянь. Пожарской, Бахчисарайскій фонтанъ [5]), два Сержанта [6]) и больше ничего по лучшей части. Новаго появится: Бояринъ Матвѣевъ [7]) и Ротмистръ Громиловъ [8]), оба трудовъ Бориса Ѳедорова [9]) автора Незабудки [10]) и Пріяты; какъ слышно, пьэсы даровыя, а даровому коню въ зубы не смотрятъ. Что Полночь? скоро ли пробьетъ [11])? В. В. Пого-

---

[1]) Чепеговъ принималъ участіе въ переводѣ трагедіи „Горація", вмѣстѣ съ кн. Шаховскимъ, Жандромъ и Катенинымъ. О немъ не разъ упоминаетъ Грибоѣдовъ въ своихъ письмахъ.

[2]) „Женатый Философъ" (Le Philosophe marié, 1727) ком. въ 5 д, въ стихахъ соч. Детуша, перев. В. А. Каратыгинъ, предст. въ 1-й разъ на Большомъ театрѣ 13 янв. 1827 г., напеч. въ томъ же году.

[3]) Передѣлка Н. А. Хмельницкаго пятиактной комедіи Буасси: Les Dehors Trompeurs ou l'Homme du jour (1740).

[4]) „Воздушные замки" ком. въ 1 д., въ стихахъ, Н. И. Хмельницкаго, представл. въ 1-ый разъ 29 іюля 1818 г. „Семь пятницъ на недѣлѣ или нерѣшительный", ком. того же Хмельницкаго, представл. въ бенефисъ Сосницкаго 26-го іюля 1820 г.

[5]) Пьеса кн. А. А. Шаховскаго „Керимъ-Гирей".

[6]) „Два сержанта или великодушные друзья", драма въ 3-хъ д., перев. съ франц. А. Ивановъ.

[7]) Исполн. 2-го сентября 1826 г.

[8]) Ком. въ 1 д. въ стихахъ, напеч. въ 1824, представл. въ 1826 г.

[9]) Борисъ Михайловичъ Ѳедоровъ, плодовитый писатель, драматургъ, журналистъ, р. въ 1798 г., ум. въ 1875 г.

[10]) Баллада, напеч. въ „Невскомъ Альманахѣ" на 1826 г.

[11]) Дѣло идетъ о франц. пьесѣ, которую Бахтинъ намѣревался перевести на русскій языкъ. Намѣреніе это, однако, не осуществилось. Одноактная комедія Desaudras: „Minuit ou le moment propice" (представл. въ 1-ый разъ въ Comédie Française 31-го декабря 1791 г., напеч. въ 1798 г.) была переведена вольными стихами В. А. Каратыгинымъ, подъ названіемъ: „Полночь или кто прежде поцѣлуетъ" и представлена въ 1-ый разъ въ Спб. въ бенефисъ А. М. Каратыгиной, урожд. Колосовой, 17 окт. 1827 г. Каратыгинскій переводъ напечатанъ въ Карманной книжкѣ для любителей и любительницъ театра на 1829 г., изд. Е. Аладьинымъ; „Букетъ" стр. 83—131.

динъ [1]) былъ у меня, и сбирается купить въ Кологривѣ большую отчину: дай Богъ! однимъ сосѣдомъ больше.

Прощайте, почтенный, пишите, я жажду Вашихъ извѣстій, а Вы меня морите.

До свиданія Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

22.

20 августа 1826 г. С.-Петербургъ.

Чего Вы ждете отъ моихъ писемъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, и чѣмъ могутъ они разогнать московскую скуку? не уже ли скукою петербургскою? У Васъ, по крайней мѣрѣ, шевелятся, хлопочутъ, болтаютъ; а здѣсь мертвая тишина. Не думаю, чтобы приготовленія на улицахъ къ освѣщенію были для Васъ любопытны; этого же передъ глазами довольно. Театръ откроется неизвѣстно когда, но навѣрно трагедіею: Пожарской съ, пришитыми въ концѣ на живую нитку, стихами; въ нихъ же говорится о печальныхъ событіяхъ, всѣмъ извѣстныхъ. Fama [2]) называетъ творцемъ сей поэзіи многомудраго Остолопова [3]). Послѣ трагедіи данъ будетъ новый дивертисементъ: возвращеніе князя Пожарскаго въ свое помѣстье. Въ ономъ Пожарской-Каратыгинъ (не разѣвая, впрочемъ, рта) выѣдетъ верхомъ на бѣломъ конѣ съ пышностью отмѣнной, ибо два дурака поведутъ коня за удила. Вы отгадываете, что крестьяне добраго князя будутъ плясать на разные манеры, и пѣть куплеты приличные (такъ ихъ зовутъ), трудовъ гонителя риѳмъ Рафаила Зотова; но всего этого мало, лучшее Вамъ и въ голову не входитъ: нѣсколько козаковъ на лошадяхъ по сценѣ заскачутъ и копьями попадутъ (коли попадутъ) въ нарочно для того повѣ-

---

Припомнимъ, что Катенинъ, въ письмѣ отъ 6-го іюня 1826 г., просилъ Пушкина написать для этой пьесы куплеты или романсъ. Есть основаніе предполагать, что романсъ „Флоридора“, имѣющійся въ русскомъ переводѣ, пьеса Desaudras, принадлежитъ Д. Н. Баркову. См. мою замѣтку: „Къ вопросу о куплетахъ Пушкина“ „Пушкинъ и его современники“ вып. VI, 1908 г. стр. 181—195 и поправки къ этой замѣткѣ (тоже изданіе вып. VIII, стр. 89), а также Н. О. Лернеръ: „Водевильные куплеты Пушкина“ (Русская Старина 1908 г. стр. 654—657).

[1]) Василій Васильевичъ Погодинъ р. въ 1790 г., ум. въ 1863 г. См. о немъ Русск. біографическій словарь т. Плавильщиковъ — Примо. 1905, стр. 153—154.

[2]) Молва.

[3]) Николай Ѳедоровичъ Остолоповъ р. въ 1782, ум. въ 1833, въ то время управлялъ петерб. театрами.

шенные вѣнки; ежедневно упражняясь въ этомъ искуствѣ, они приготовляются къ великому дню [1]). Цензурный новый уставъ [2]) вышелъ, я его читалъ, онъ превзошелъ мое ожиданіе. Мѣстами я не могъ понять; напримѣръ, что значитъ: „отрывки... не имѣющіе полнаго содержанія въ отношеніи къ полезной цѣли... запрещаются“? За то запрещеніе всѣхъ книгъ, гдѣ дѣло о логикѣ и философіи, очень ясно и бьетъ прямо въ цѣль Просвѣщенія. Ничто не опредѣлено постоянно, каждый годъ цензурѣ будутъ даваться новыя наставленія по обстоятельствамъ, и суда на притѣсненіе, или (что еще чаще встрѣчается) на невѣжество, глупость и трусость цензоровъ никакого нѣтъ. Что говоритъ объ этомъ пребѣлый Семенъ Ѳедоровичъ? поощрите-ко его къ поспѣшнѣйшему окончанію перевода Софокла: я бы весьма ему обрадовался. Каратыгинъ и Зыковъ благодарятъ Васъ за воспоминаніе и, въ свою очередь, кланяются. Здоровье послѣдняго примѣтно поправилось, первый помнитъ свое обѣщаніе, и только: этого недостаточно. Когда же Вы возвратитесь сюда? у меня пусто безъ Васъ, если не въ точномъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ, въ относительномъ или переносномъ: которое правильнѣе? До свиданія же, Николай Ивановичъ, будьте здоровы и пишите. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

23.

27-го августа 1826 г. С.-Петербургъ.

Нѣтъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, Колосова ничего ко мнѣ не писала послѣ поста, и я отъ Васъ перваго узналъ о подробностяхъ представленія моей комедіи [3]); самое же представленіе 17-го августа возвѣщено было въ Conservateur [4]). Жаль, коли Александра Михайловна была не болѣе какъ de mediocribus [5]); но братъ Александръ, зная строгость Вашей критики, и вникая во всѣ выраженія письма Вашего, увѣряетъ меня, что Колосова была довольно хороша,

---

[1]) Объ этомъ спектаклѣ см. „Сѣверную Пчелу“ № 103. 28-го авг. 1826 г.

[2]) Новый цензурный уставъ, названный С. Н. Глинкою „чугуннымъ“ (Записки. Спб. 1895 стр. 349), надъ кот. трудились А. С. Шишковъ и кн. П. А. Ширинскій-Шихматовъ, былъ утвержденъ 10-го іюня 1826 г. см. Ост. Арх. III, 561—562.

[3]) „Обманъ въ пользу любви“, ком. въ 3-хъ д. Мариво (Les Fausses Confidences“) пер. съ франц. П. Катенинъ. Спб. 1827. Представл. въ 1-й разъ въ Петербургѣ 8-го ноября 1826 г.

[4]) Conservateur Impartial издавался въ Петербургѣ съ 1-го января 1813 г. по 1-ое янв. 1826 г., когда былъ преобразованъ въ „Journal de St. Petersbourg“. См. Ост. Арх. т. I, 401.

[5]) „Посредственность“.

Мочаловъ ни то ни сіо, а Щепкинъ, можетъ быть, дуренъ: что Вы на это отвѣчаете? онъ Вамъ очень кланяется. Вчера начались здѣсь празднества. Я былъ въ нѣмецкомъ театрѣ, играли Fanchon la Vielleuse или das Leyermädchen [1]), довольно дурно; возвращаясь оттолѣ домой, видѣлъ я иллюминацію Невскаго проспекта отъ Аничкова моста до угла Конюшенной; толкотня нестерпимая и народу тьма, но, право, смотрѣть не на что; мнѣ, по крайней мѣрѣ, ничто не полюбилось, опричь Чухонской церкви въ Конюшенной, освѣщенной просто по рисунку архитектуры, въ чемъ я нахожу несравненно болѣе вкуса и красоты, нежели въ безпрестанныхъ аллегорическихъ картинахъ, пальмахъ, солнцахъ, звѣздахъ и прочихъ огненныхъ lieux communs. Сегодня иду смотрѣть Телемака, болѣе для избѣжанія вѣчныхъ мнѣ укоровъ Нимфодоры Семеновой [2]), что я никогда на нее не гляжу, чѣмъ изъ надѣжды на большое удовольствіе. Зыковъ поправляется такъ, что на дняхъ ѣдетъ, и пора, ибо уже начались хлопоты на его счетъ, и мнѣ весьма учтиво, однако сказано, что я, держа его такъ долго, могу самъ подвергнуться *замѣчанію* [3]); вопросъ: за что? отвѣта нѣтъ. Любопытно мнѣ узнать, о чемъ и какъ вы толковали съ редакторомъ? и все ли Вы въ добромъ къ нему расположеніи, или согласились съ тѣмъ мнѣніемъ, что онъ ремесломъ педантъ, а душою журналистъ? накопляете ли вы припасовъ для своего альманаха? [4]) скоро ли Семенъ Ѳедоровичь кончитъ Софокла? Комедія: *Недовѣрчивый* по немногу идетъ впередъ, и въ свое время поспѣетъ: я, какъ Вы хотите, работаю за послѣдней уже сценой, но она занимаетъ двѣнадцать печатныхъ страницъ, а это не шутка. Не знаете ли вы гдѣ Чебышовъ? не въ Москвѣ ли? его присутствіе мнѣ здѣсь крайне нужно. До свиданія, Николай Ивановичъ, когда Васъ ожидать? будьте здоровы. Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

24.

15-го іюля 1827 г. Шаево.

За неимѣніемъ почтовой, пишу къ Вамъ на простой бумагѣ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ: образчикъ деревенскаго быта.

---

[1]) Fanchon la Vielleuse, комедія въ 3-хъ д. Бульи, пер. на нѣм. языкъ А. Коцебу: Fanchon Das Leiermädchen (музыка Гиммеля) 1805 г.

[2]) Нимфодора Семеновна Семенова, сестра знаменитой трагической актрисы, оперная артистка р. въ 1789 г., ум. въ 1876 г.

[3]) Д. П. Зыковъ, знакомый съ многими декабристами, призывался въ слѣдственную коммисію, въ которой былъ допрошенъ и Катенинъ... См. Русск. Стар. 1893 г. апр. стр. 212, примѣч. 4.

[4]) Ср. письма Катенина къ Пушкину отъ 3 февр., 14-го марта и 6-го іюня 1826 г. (Соч. Пушкина изд. Имп. Акад. Наукъ. Переписка. 1906 г. т. I, стр. 322, 336, 355.

Ѣхалъ я долго, потому что всеобщій сонъ моихъ спутниковъ заставилъ меня дать имъ ночлегъ въ Устюжнѣ, потомъ пробылъ я три дня въ Ярославлѣ; князь Николай Сергѣевичъ Голицынъ выѣхалъ туда для свиданія со мной, а потомъ гостилъ я у Ѳедора Орлова, гдѣ видѣлъ и Вашу родню, тоесть князь Урусова отца съ сыномъ Николаемъ. Въ Костромѣ задержали меня цѣлую недѣлю, отъ одного къ другому; тамъ же отправилъ я и свои имянины: у меня обѣдало человѣкъ пятнадцать, въ томъ числѣ Губернаторъ. Въ Кологривѣ, ожидая почтоваго дня, тоже пробылъ дней пять; пріѣхавъ же совсѣмъ домой, вскорѣ опять отправился въ гости, и по пословицѣ: дѣла не дѣлаю, а дѣла не бѣгаю. Жалѣю, что Петербургскіе всѣ меня забыли; кромѣ Микулина [1]), никто не написалъ мнѣ ни строчки: что дѣлать? терпѣть, привыкать да и только. Сдѣлайте одолженіе, прикажите на строго моему выборному исправно выдавать старухѣ Христинѣ ея мѣсячный пенсіонъ, по двадцати рублей, чтобъ она не нуждалась отъ безпечности; прочія деньги храните у себя, доколѣ я попрошу Васъ ихъ употребить на что либо другое. Что новаго? разродился ли Сынъ Отечества давно обѣщанною критикою на Андромаху? [2]) познакомились ли Вы съ Пушкинымъ, и каковъ онъ Вамъ кажется? поклонитесь ему отъ меня при случаѣ. У Языкова [3]) остались мои книги; попросите его ихъ по почтѣ ко мнѣ прислать и заплатите, что слѣдуетъ за переплетъ. Я равномѣрно ожидаю извѣщеніе отъ Коммиссіи прошеній, по случаю моей жалобы Государю и тогда буду дѣйствовать, какъ мы условились. При свиданіи напомните обо мнѣ Каратыгинымъ и о просьбѣ моей ходатайствовать за драму, переведенную Чепеговой. Не навѣстите ли Вы слѣпаго [4]), онъ человѣкъ хорошій и съ умомъ. Еще просьба къ Каратыгину: напомнить Ежовой [5]) о Недовѣрчивомъ и о желаніи моемъ знать жительство Шаховскаго, дабы писать къ нему. Мой поклонъ Толстымъ и Хитрову. О журнальныхъ

[1]) Василій Яковлевичъ Микулинъ. Ум. 1841 г. на 50-мъ году отъ рода, въ чинѣ генералъ-адъютанта, однополчанинъ Катенина.

[2]) Обширная рецензія на „Андромаху“, траг. Катенина, представленную въ первый разъ на Спб. театрѣ 3-го февраля 1827 г., появилась въ „Сынѣ Отечества“ 1827 г. ч. 114. № 13 и 14, стр. 78—88 и 164—173 (съ подписью В. Л...въ).

[3]) Александръ Михайловичъ Языковъ, братъ поэта, служилъ въ Канцеляріи Коммиссіи прошеній, р. въ 1799 г., ум. въ 1874 г. О немъ см. Записки Д. Н. Свербеева т. I, 234, 264; II, 87—99.

[4]) Грибоѣдовъ писалъ С. Н. Бѣгичеву (изъ Петербурга) 10-го іюня 1824 г. „Чепеговъ здѣсь; однимъ глазомъ ослѣпъ и другой у него чуть держится, каждый день ждетъ, что вовсе зрѣнія лишится“ (соч. I, 185).

[5]) Екатерина Ивановна Ежова, актриса, сожительница кн. А. А. Шаховскаго, ум. въ 1837 г.

обидахъ, нападкахъ и обинякахъ покорно прошу меня извѣщать; хотя я и деревенщина и по куда ничего не пишу, но я еще живъ. Подумайте, почтеннѣйшій, нѣтъ ли средства безъ меня издать мои Стихотворенія? посовѣтуйтесь съ Пушкинымъ: онъ зело мастеръ ладить съ книгопродавцами, и поелику я бы охотно ему услужилъ въ подобномъ случаѣ, не вижу почему бы онъ не захотѣлъ того же для меня сдѣлать. Здѣсь я весь проза: ѣмъ за двухъ, и сплю также: однако хожу и верьхомъ ѣзжу, для предохраненія себя отъ толщины, которой паки начинаю опасаться. Какая земляника у насъ! райская. Худо что сѣна мало, а о хлѣбѣ еще рано говорить: что Богъ дастъ. Домъ свой въ городѣ я шибко двинулъ впередъ, и нынѣче же, за исключеніемъ печей, въ немъ все поспѣетъ; садъ свой нашелъ въ незавидномъ положеніи; садовникъ хуже своего предшественника, слѣпаго француза, его надо прогнать. Вы видите, что я прямо зарылся въ сельскихъ упражненіяхъ, и дѣлать нечего: судя по всему, не вскорѣ можно мнѣ будетъ возвратиться отсюда, гдѣ все свое, въ Петербургъ, гдѣ ничего нельзя достать, коли не за деньги. Желаю Вамъ ихъ и здоровья.

Не забывайте душевно преданнаго.

Павелъ Катенинъ.

25.

10-го сентября 1827 г. Шаево.

Долго я ждалъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, наконецъ дождался отъ Васъ извѣстія и очень обрадовался. По службѣ Вы, кажется, ничего не потеряли [1]); Менщиковъ [2]) извѣстенъ мнѣ за человѣка умнаго и, вѣроятно, будетъ достойно цѣнить умныхъ людей. Сожалѣю о Жандрѣ, но признаюсь Вамъ, я почти предчувствовалъ, что ему на этомъ мѣстѣ не уцѣлѣть [3]): онъ водилъ за носъ Лагоду [4]) слишкомъ нескромно и очевидно; если бъ Лагода былъ

---

[1]) Н. И. Бахтинъ въ 1825 г. былъ переведенъ изъ Капитула Орденовъ въ Провіантскій Департаментъ Военнаго Министерства, а въ августѣ 1827 г. былъ назначенъ состоять при Главномъ Начальникѣ Морского Штаба, князѣ А. С. Меншиковѣ.

[2]) Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ р. 1787 г., ум. 1869 г.

[3]) А. А. Жандръ занималъ мѣсто Правителя Канцеляріи Военно-Счетной Экспедиціи съ 1819 г. по 25-е іюня 1827 г. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ назначенъ къ сенатору Горголи, производившему въ Кронштадтѣ слѣдствіе. Пробывъ въ этой командировкѣ до 8 октября 1827 г., онъ былъ опредѣленъ 14-го октября того же года Начальникомъ Отдѣленія Артиллерійскаго Департамента Морского Министерства.

[4]) Дѣйств. Ст. Сов. Иванъ Григорьевичъ Лагода—Начальникъ Жандра, генералъ-контролеръ Военно-Счетной Экспедиціи.

смѣненъ, его преемникъ непремѣнно сдѣлалъ бы то, что теперь Хитровъ [1]), хотя, конечно, съ большею основательностью. Всего болѣе удивила меня женитьба Чебышова: въ умѣ ли онъ? что если его жена законная подастъ просьбу? онъ раззорится, либо его въ монастырь запрутъ на покаяніе; а какъ и то и другое, по очереди? Извините меня передъ Семеномъ Ѳедоровичемъ; слово: виноватъ— имѣетъ на русскомъ языкѣ большую силу. Извѣщенія отъ Комиссіи прошеній еще не получалъ, а жду. Отъ Каратыгиныхъ нѣтъ также ни слова, ни отъ брата моего, ни отъ Чепегова, ни отъ кого. Оброчнаго списка здѣсь повѣрить не могу, ибо мужики живутъ въ Петербургѣ Чухломскіе, а не здѣшніе; впрочемъ, кажется, что такъ и выборный явно обманывать не осмѣлится; я же черезъ нѣсколько дней ѣду самъ въ свою Чухломскую усадьбу Колотилово, гдѣ пробуду шесть недѣль, и тамъ могу справку учинить. Надписывайте въ это время письма Ваши ко мнѣ уже не въ Кологривъ, а въ Чухлому и другимъ моимъ знакомымъ скажите, буде кто изъ нихъ за благо разсудитъ послать ко мнѣ грамотку. Куда изволилъ отправиться Пушкинъ [2]), и зачѣмъ? по чести, мнѣ стыдно за него, что онъ такъ мало понравился Вамъ при первомъ свиданьи. Пришлите мнѣ однако его Наташу [3]), изъ нѣкоторыхъ словъ его я подозрѣваю, что это родъ подражанія или состязанія съ моею, а потому любопытенъ ее прочесть. Страничка или двѣ, вырѣзанныя изъ Телеграфа [4]) новое доказательство совершенной негодности нашихъ журналовъ: что слово, то вздоръ. Напримѣръ, во всей книгѣ Бальби объ одномъ только русскомъ языкѣ сказано дѣльно и основательно; на это только и напали; кто же? Русскіе, которые бы должны радоваться, что ихъ словесность съ хорошей стороны дѣлается извѣстною Европѣ. Положимъ, что Телеграфъ или другой ему подобный не во всѣхъ подробностяхъ согласенъ съ Вами, какое до

---

[1]) Дѣйств. тайный совѣтникъ Алексѣй Захарьевичъ Хитрово р. 1775 г., ум. 1854 г., въ началѣ 1827 г. былъ назначенъ Государственнымъ Контролеромъ.

[2]) Пушкинъ въ сентябрѣ находился въ селѣ Михайловскомъ, куда уѣхалъ въ іюлѣ (Н. О. Лернеръ „Труды и дни Пушкина“. 2-е изд. Импер. Акад. Наукъ стр. 159—162).

[3]) „Женихъ“ („Московскій Вѣстникъ“ 1827 г. ч. 4 № 13 стр. 3—10).

[4]) Въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1827 г. № 17 напечатана рецензія на статью: Coup d'oeil sur l'histoire de la langue slave et sur la marche progressive de la civilisation et de la litterature en Russie. (Взглядъ на исторію славянскаго языка и постепенный ходъ просвѣщенія и литературы въ Россіи), съ иниціалами Николая Полевого. Французская статья, вызвавшая эту рецензію, принадлежитъ Бахтину, помѣстившему ее въ „Introduction à l'Atlas Ethnographique du Globe“, изд. A. Balbi въ 1826 г. См. вводную статью.

этаго дѣло иностранцамъ? что они за судьи стиховъ Жуковскаго или Гнѣдича, Пушкина или Катенина? Главное въ томъ, что все вообще ознакомлено съ французами, что иной изъ нихъ рѣшится изучить языкъ большаго народа, уже обработанный людьми съ дарованіемъ; а тамъ онъ самъ по своему вкусу разберетъ, кто лучше, кто хуже. Далѣе: какое педанство въ выпискѣ именъ всѣхъ ученыхъ сотрудниковъ Бальби! Кто ихъ знаетъ изъ читателей Телеграфа? онъ самъ узналъ ихъ изъ оглавленія книги; и что же сдѣлали (тутъ по крайней мѣрѣ) всѣ сіи ученые мужи? Далѣе, какая глупость или какая плутня въ томъ, чтобы, нападая съ озлобленіемъ на статью Вашу, выставлять примѣръ изъ Нейенкирхена[1])! Вы не онъ; а за чужія глупости не возмется отвѣчать ни Телеграфъ: ему своихъ довольно. Наконецъ: что за слогъ! что за проза! что за слова! и что за гнѣвъ! Конечно, совѣстно выносить соръ изъ избы, но когда скрыть этой скверны нельзя, когда они сами на срамъ накупаются, мое мнѣніе, что ихъ должно нещадно обличить и точно также съ кротостью посвятить въ дураки передъ всѣми, какъ посвятился передъ Парижемъ и Петербургомъ P. B. G. Разбора Андромахи я не видѣлъ, авось Каратыгинъ пришлетъ. Жаль, если онъ плохъ; во всякомъ случаѣ, коли онъ не золъ, то на немъ дѣло не кончится, Москва бѣлокаменная воспитываетъ цѣлый полкъ романтиковъ-рецензентовъ, и врядъ ли они пропустятъ такой удобный случай къ жаркому нападенію на классиковъ. Начатое при Васъ мое разсужденіе объ изящномъ и поэзіи нѣсколько подвинулось[2]); но (Вы не повѣрите) мнѣ здѣсь писать не досугъ. Я уже не говорю о стихахъ: душа не такъ настроена; но даже на прозу времени не нахожу. Дѣла, хозяйство, и посѣщенія: то къ тебѣ гости наѣдутъ, то самъ въ гости поѣзжай; имянинниковъ и имянинницъ было пропасть въ это время, ѣшь, пѣй, да и только; пріѣдешь домой съ брюхомъ, набитымъ претуго, и съ головой совершенно пустой, если еще не скружившейся отъ вздорныхъ разговоровъ, водокъ и наливокъ. Дѣла мои все въ плохомъ положеніи, хотя уже есть надѣжда къ поправленію: на 1829-й годъ взяли мнѣ поставки въ казну 14.000 ведръ вина по 2-хъ 10 коп. Это очень дешево, но за то и хлѣбъ нынче будетъ дешевъ; на сію зиму предлагаютъ мнѣ откупщики имъ поставить хоть 25.000 ведръ по той же цѣнѣ 2-хъ 10 коп., но поелику они не выдаютъ трети де-

---

[1]) Къ статьѣ Бахтина приложены дополнительныя замѣчанія Нейенкирхена.

[2]) Рѣчь идетъ о статьяхъ Катенина, которыя появились въ 1830 г. въ „Литературной газетѣ“ подъ заглавіемъ: „Размышленія и Разборы“.

негъ впередъ, то и намѣренъ я съ ними еще поторговаться. Заводъ мой обвѣтшалъ, надобно строить новый: все издержки. Городской домъ свой я почти окончилъ; не достаетъ только печей, и тѣ уже заказаны, а въ маѣ складутся. Я ожидалъ нынѣче къ себѣ К. Голицына, но у нихъ въ семьѣ горе случилось: въ концѣ Августа умерла старшая сестра, княжна Анна Сергѣевна, рѣдкихъ достоинствъ дѣвушка; мать слегла въ постелю, сестры рыдаютъ, и братъ, самъ съ ними плача, не можетъ разлучиться съ семьею въ такое грустное время. Что слышно у Васъ о Грекахъ? мы вѣдь здѣсь ничего не знаемъ; я до политики и не охотникъ; но Греки особь статья, и я хочу знать ихъ участь, положеніе и ожиданія: Не забудьте также при первомъ случаѣ меня увѣдомить о Мочаловѣ, который видно пріѣзжалъ въ Петербургъ: Что онъ игралъ, и какъ его приняли? не пренебрегайте театромъ, хоть ради меня, ибо я его все люблю. Спросите-ко у Баркова, скоро ли они съ Кавосомъ [1]) сдѣлаютъ что надо для Полночи [2]). Когда вѣщь готова можно ее и въ ходъ употребить, а эдакъ ни то ни сіо. Прощайте, почтенный Николай Ивановичъ, будьте здоровы, успѣвайте и не забывайте отмѣнно уважающаго и душевно привязаннаго къ Вамъ человѣка.

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

26.

29-го сентбря 1827 г. Колотилово.

Вы конечно не забыли, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, обѣщанія своего мнѣ передъ отъѣздомъ моимъ похлопотать въ Сенатѣ и Коммиссіи прошеній на счетъ моей жалобы Государю. Надѣясь на Ваше слово и дружбу, посылаю Вамъ для этого дѣла по формѣ довѣренность; по полученіи же копіи, не худо попросить Языкова, чтобъ онъ, со своей стороны, постарался въ Коммиссіи прошеній, а то пожалуй еще не примутъ, скажутъ: поздно. Другая просьба—не менѣе важная: жившій у меня, молодой человѣкъ Гаврила Евстигнеевичъ Матвѣевъ послалъ отселѣ или, точнѣе сказать, его мать, вдова подпорутчица Прасковья Петровна Матвѣева, послала въ Петербургъ въ Инспекторскій Департаментъ прошеніе о выдачѣ ей для опредѣ-

[1]) Катерино Альбертовичъ Кавосъ, капельмейстеръ, композиторъ, авторъ многочисленныхъ романсовъ, оперъ и т. д., р. въ 1775 г., ум. въ 1840 г.

[2]) См. мою замѣтку въ изд. „Пушкинъ и его современники“ вып. VI (1908 г.).

ленія сына на службу копіи съ послужнаго списка покойнаго ея мужа, а его отца. Прошеніе сіе отправлено черезъ почту двѣ недѣли тому назадъ, тоесть Сентября 15-го изъ Кологрива. Сдѣлайте великое одолженіе, почтенный Николай Ивановичъ, справьтесь, получено ли оно, и что по немъ сдѣлано, и постарайтесь объ удовлетвореніи просьбы, самой дѣльной и для нихъ крайне важной. Къ первому Октября долженъ выборный мой принести Вамъ трехъмѣсячный оброкъ, около пяти сотъ рублей, что съ прежними составитъ семь сотъ, которые пожалуйста отнесите въ Опекунскій Совѣтъ въ уплату части процентовъ по 2-лѣтнему займу, коего срокъ, кажется, что около сей поры наступаетъ; заемъ же сдѣланъ 1825-го года. Дѣламъ конецъ и Богу слава.

Отъ Каратыгиныхъ получилъ я вчера письмо, и обрадовался позволенію консисторіи на свадьбу меньшаго[1]), я все боялся за него: гдѣ попы тамъ мало добра. Отвѣчать имъ теперь некогда, а я Вамъ скажу мое мнѣніе на счетъ разбора Андромахи[2]). Г-нъ Л—въ долженъ быть молодъ и отчасти робокъ, онъ боится провраться, но онъ не вретъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виденъ умъ и почти вездѣ вкусъ еще неизпорченный. Я бы желалъ узнать его и жалѣть буду, если онъ попадется въ дурныя руки. Его статья недостаточна, такъ; но кто изъ нашихъ журналистовъ или сотрудниковъ ихъ въ состояніи разобрать или разказать трагедію хоть такъ? если Вы въ этомъ со мною несогласны, то сдѣлайте одолженіе сыщите какую нибудь ихъ статью въ этомъ родѣ и укажите, ибо я ни одной не вспомню. Прощайте до другого раза, любезнѣйшій, я здѣсь проживу еще три недѣли.

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

27.

28-го ноября 1827 г. Шаево.

На прошедшей почтѣ послалъ я къ Вамъ 1750 руб. для уплаты въ Опекунскій совѣтъ; я былъ въ городѣ, любезнѣйшій Николай

---

[1]) Свадьба Петра Андреевича Каратыгина съ Любовью Осиповною Дюръ состоялась 28 сентября 1827 г., семь мѣсяцевъ послѣ свадьбы его брата, Василія Андреевича съ А. М. Колосовой. „Братъ мой“, писалъ П. А. Каратыгинъ въ своихъ „Запискахъ“ „уже давно былъ неравнодушенъ къ А. М. Колосовой, мать которой, Евгенія Ивановна, приходилась родной теткой Любушкѣ. Такимъ образомъ, если бы мы вступили въ бракъ прежде брата, то безъ разрѣшенія онъ не могъ бы жениться на двоюродной сестрѣ моей жены. Это затрудненіе выпало на мою долю“ (Спб. 1880 г. стр. 173, 174, 177, 179) Л. О. Каратыгина умерла отъ чахотки 4-го декабря 1828 г.

[2]) „Сынъ Отечества“ ч. 114 № 13 и 14.

Ивановичъ, гдѣ никогда нѣтъ мнѣ досуга ни на часъ, и потому отвѣчалъ тремя строчками на Ваше письмо, или лучше сказать, вовсе не отвѣчалъ; бѣду сію подлежитъ поправить. О жалобѣ моей на имя Царево прошу Васъ убѣдительно не пологать трату времени за ничто; ибо она все. Почемъ или почему Вы знаете, что Сенатъ Вамъ тотчасъ выдастъ копію, что не понадобится чего еще, новой переписки и новыхъ хлопотъ: сдѣлайте милость, не пренебрегайте моимъ дѣломъ: оно для меня важно. За справку о Матвѣевѣ благодарю, за попеченіе о Христинѣ того больше. Жалѣю крайне о смерти Чепегова: это былъ старый другъ, и хотя однажды измѣнялъ мнѣ, но опять исправился: желаю того же à qui vous savez. Если бы Вы видѣлись съ Каратыгиными, я бы просилъ Васъ напомнить имъ о драмѣ, переведенной женой Чепегова: теперь бы самая пора ее сыграть, ибо я пологаю, что у вдовы послѣ него не много денегъ осталось, и легко станется, что она въ крайней нуждѣ. Отъ чего же Вы не видитесь съ Каратыгиными? такъ или pour cause? Полевому должно непремѣнно отвѣчать въ русскомъ журналѣ, и оно subito [1]). Споръ о нашей словесности гораздо важнѣе покуда для нашихъ соотечественниковъ, чѣмъ для иностранцевъ, которые обязаны вѣрить большинству, либо силѣ голосовъ, слышимыхъ здѣсь. Вреднѣе всего передъ публикою объявить новое мнѣніе и потомъ не поддержать его до не льзя: я за свои всегда стоялъ и, даже вопреки всему и всѣмъ, настоялъ: я поднялъ въ мнѣніи К. Шихматова, Жандра, Эдипа царя [2]) и актера Каратыгина. Съ Полевымъ охотно бы я вошелъ въ споръ, но дѣло непремѣнно коснется до меня самаго, въ этомъ случаѣ я себѣ положилъ правиломъ никогда не спорить, а эта статья не изъ послѣднихъ: она ждетъ Васъ, вооруженнаго всей смѣлостью правоты и всей горячностью дружбы. Не забудьте, что я давно сбираюсь напечатать мои стихотворенiи, что если обстоятельства удержатъ меня нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ, я буду просить моихъ пріятелей, и перваго Васъ, издать ихъ безъ меня въ Петербургѣ. Публика должна быть приготовлена нѣсколько въ пользу ихъ, а споръ съ Телеграфомъ подаетъ удобнѣйшій случай указать на ихъ достоинство, къ статѣ, на ряду съ прочими, безъ вида какой нибудь личности или пристрастія; гораздо труднѣе было начать, когда мои враги хотѣли отмолчаться, а теперь не только поддержать, но и подкрѣпить свое мнѣніе. Вамъ уже свободно и легко. Сомовъ знакомъ съ Вами довольно коротко и, если точно онъ разбиралъ Андромаху, я пола-

[1]) „Немедленно“.

[2]) Трагедія Александра Николаевича Грузанцова, представл. 4 окт. 1811 г.

гаю что онъ въ душѣ отдастъ мнѣ справедливость. Гречъ тоже знакомъ и не осмѣлится отказаться отъ помѣщенія въ Сынѣ Отечества статьи, столько хорошей, какъ ваша должна быть. Невѣжество Полевого находка для противника; Петра Великаго надобно оставить въ покоѣ, вотъ и все: внимательные читатели поймутъ отъ чего на это отвѣта нѣтъ, а прочіе и хлопотать не станутъ. Словомъ, я вижу сто причинъ писать и ни одной молчать, а тамъ воля Ваша. Если Вы полѣнитись, или поупрямитесь, мнѣ останется только жалѣть и сильно жалѣть, что я связанъ по рукамъ въ этомъ дѣлѣ и долженъ ожидать себѣ награды за дарованіе, когда меня на свѣтѣ не будетъ, что немножко поздно, quand on n'a pas l'âme immortelle. Стихотвореніе: *Нашъ славный Владимиръ, нашъ солнышко князь* [1]) и Комедія: *Вражда и Любовь* [2]) и эстетическое разсужденіе о всемъ и всѣхъ [3]), и могущее войти въ него о Шекспирѣ одномъ, все это начато и будетъ кончено *со временемъ*; но теперь двигаться впередъ можетъ развѣ весьма медленно. Я занятъ хозяйственными распоряженіями, и хоть то хорошо, что по сію пору всѣ дѣла свои веду удачно; оно бы, конечно, способствовало и сочинителю, но вотъ еще бѣда; здѣсь не льзя ничего никому показать, не съ кѣмъ потолковать, на счетъ поэзіи одиночество въ полномъ смыслѣ: умъ и отвыкаетъ отъ нея по неволѣ и слабѣетъ въ работѣ. Къ слову о поэзіи, послѣднія здѣсь полученныя политическія извѣстія чудо: Таврисъ взятъ [4]), Абасъ-Мирза [5]) проситъ мира, и Европейцы сожгли Оттоманскій флотъ! я прыгалъ отъ радости. Вы улыбнетесь, можетъ быть, но это отъ того что, читая мое письмо, у Васъ давно жаръ успѣлъ простыть: вотъ что значитъ тысяча верстъ разстоянія; а отъ чего мы живемъ такъ далеко другъ отъ друга? отъ того, что Остолопову достоитъ быть Директоромъ Театра, а автору Андромахи не дали креселъ. Въ Ирландіи два города спорятъ: въ которомъ родился Муръ [6]): хорошо ему. Наташа Пушкина очень дурна, вся сшита изъ лоскутьевъ, Свѣтлана [7]) и Убійца [8]) окрадены безсовѣстно, и во всемъ нѣтъ никакого

---

[1]) Стихотвореніе Катенина „Старая быль", посвященное Пушкину, напеч. въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1829 г.

[2]) Отрывокъ изъ этой комедіи появился въ „Невскомъ Альманахѣ" (изд. Аладьина) 1830 г.

[3]) „Размышленія и Разборы".

[4]) Тавризъ взятъ 25 окт. 1827 г.

[5]) Аббасъ-Мирза р. 1781, ум. 1833 г., третій сынъ Фетхъ-Али-Шаха, въ 1826—1828 г. воевалъ съ русскими.

[6]) Thomas Moore, англ. поэтъ, р. въ 1779 г., ум. въ 1852 г.

[7]) Стихотвореніе Жуковскаго.

[8]) Стихотвореніе Катенина (С. О. 1815 № 23).

смысла. Правда и то, что ему не зачѣмъ стараться: все хвалятъ. Прощайте, почтеннѣйшій. Весь Вашъ Павелъ Катенинъ.

P. S. Послѣ Чепегова остались книги, между прочими: thèâtre des Grecs [1]); я бы его купилъ, коли продадутъ. Не напечатать-ли Ахилла и Омира [2]), если Вы рѣшитесь отвѣчать Телеграфу?

28.

14 декабря 1827 г. Шаево.

Сегодня черный день, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, сверьхъ того у меня въ головѣ ужасная пустота послѣ шума и угощенія пятидесяти человѣкъ, съѣхавшихся ко мнѣ на 11-е число, коихъ пріѣздъ начался съ 9-го, а только вчера, 13-го, послѣдніе въ обратный путь пустились. По всѣмъ симъ причинамъ пишу только о нуждахъ своихъ и прошу покорнѣйше: 1-е сходить, какъ можно скорѣе, къ дѣлателю разныхъ инструментовъ Мильзу (Mills) и купить у него *для большаго гидрометра термометръ*; ибо, по неосторожности моего Еврея, сей термометръ поврежденъ, а безъ него и всей гидрометръ къ употребленію не годится. Я слышалъ отъ человѣка уже находившагося въ подобномъ случаѣ, что это стоитъ, съ пересылкою на мѣсто, за что Mills самъ берется, 10 рублей. 2-е приказать выборному моему Лукіану Петрову справиться въ домѣ Оленина, гдѣ продается хорошее сѣмя травы дятленной и купить онаго пудъ, что стоитъ 14 рублей и ко мнѣ доставить. 3-е попросить Польнера (ему же кланяюсь), чтобы онъ отдалъ переплесть находящіяся у него книги мои, Шиллера по два тома въ одинъ и доставить черезъ почту сюда. 4-е и важнѣйшее: повидаться съ вдовою Чепегова, сказать ей, что я весьма сожалѣю о смерти ея мужа, и для чести его желаю имѣть все, что осталось въ его бумагахъ: можно бы написать объ этомъ въ журналѣ у Греча. Пусть она Вамъ, что есть отдастъ, а Вы ко мнѣ пришлете. Ну! слава Богу! Конецъ препорученіямъ. Теперь скажу Вамъ, что я молодого Жохова уговорилъ жить у меня и очень покуда радъ этому; въ здѣшнихъ пустыняхъ лучше и для меня любезнѣе нельзя найти. Что новаго? знаете ли, что Вы пишете отмѣнно рѣдко? впрочемъ, правда и то, что въ Петербургѣ не всегда писать досужно: и дѣло, и бездѣлье, все отнимаетъ время. Не забудьте, въ случаѣ новой переписки съ французкими журналами, употребить переводъ... [3]), о коемъ il n'y a pas de nouvelles отъ умнаго Бальби.

---

[1]) Théâtre des Grecs par le P. Pierre Brumoy. Paris 1730 (3 vol.).

[2]) Напеч. въ С. О. 1828 г. 117 № 3 стр. 194—208.

[3]) Не разобранное слово.

Хозяйственныя дѣла мои идутъ хорошо, вотъ почему я еще вспоминаю о литературныхъ. Гдѣ и что С. Ѳ. Яковлевъ? Кланяюсь ему. Прощайте до другаго раза, и пишите.

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

29.

9-го января 1828 г. Шаево.

Еще не читалъ статьи Полеваго [1]), я полагалъ нужнымъ, необходимымъ *дѣломъ*, остановить его вранье сильнымъ отвѣтомъ; теперь мнѣ кажется это *дѣло* неизбѣжнымъ. Слова: *я этого не говорилъ, я сказалъ не то*, вовсе недостаточны; надобно не защищаться слабо, не отнѣкиваться, а стоять при своемъ, подкрѣпить свои сужденія полнымъ объясненіемъ: иначе все пропало. Оправдаться слѣдуетъ въ одномъ только: въ педантическихъ эпохахъ дурака Бальби; наша словесность все еще недовольно значительна, чтобы ее дѣлить на эпохи, тѣмъ паче, что цвѣтущей еще не бывало, а судя по ходу *умовъ*, долго не будетъ. Всѣ споры о лѣтописяхъ, о царевнѣ Софіи и пр. о Сербскомъ языкѣ, или языкахъ, все это вздоръ, все личина, чтобы сколько нибудь прикрыть главную цѣль: обругать тѣхъ, кто не романтикъ, кто не клянется Карамзинымъ, кто не восхищается Горемъ отъ Ума; вотъ на что слѣдуетъ вооружиться, вотъ то гнилое зданіе, которое слѣдуетъ подрубить. Къ замѣчаніямъ Вашимъ прибавлю нѣсколько своихъ на счетъ подробностей: 1-е нѣкоторыя трагедіи Сумарокова играны на первомъ театрѣ въ Россіи, на Петербургскомъ, не такъ давно; Семенова играла Семиру въ свое лучшее время съ 1811 г. на 1812-й годъ, я видѣлъ ее три раза въ этой роли; Вальберхова также играла въ то же время роль Оснельды въ Хоревѣ. 2-е Не одинъ умный французъ, а многіе, напримѣръ Boileau, J. B. Rousseau [2]) etc всегда совѣтовали не сбиваться отнюдь въ языкѣ съ пути, проложеннаго Мальгербомъ [3]); послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, начинали снова на этотъ путь возвращаться, и лучшій ихъ стихотворецъ сего времени, Лавинь, имянно явно слѣдуетъ за Расиномъ и Депрео. Во всѣхъ почти литературахъ было тоже: новѣйшіе Италіанцы, Альфіери и Монти [4]) старались возобновить Данте, а всѣ Англичане клянутся Шекспиромъ; всѣ, вездѣ и

[1]) Рецензія Полевого на ст. Бахтина въ Атласѣ Бальби.

[2]) Jean Baptiste Rousseau р. въ 1670 г., ум. въ 1741 г.

[3]) Chrétien-Guillaume de Lamoignon de Malesherbes р. въ 1721 г., ум. въ 1794.

[4]) Vincenzo Monti, извѣстный итальянскій поэтъ, р. въ 1754 г., ум. въ 1828 г.

всегда возвращаются къ почтенной старинѣ, наскучивъ фіалками, незримымъ и шашками узденей [1]) NB. Кто или что такое Левизакъ? [2]) 3-е Зачѣмъ на Державинѣ уже Полевой начинаетъ восклицать и декламировать? Къ чему возгласы въ критикѣ? ихъ отнюдь терпѣть не должно, ихъ надо осмѣять, они много вредятъ. 4-е Вы почитаете Ломоносова выше Державина, а Полевой пишетъ: и *послѣ этого Авторъ берется писать*!.. Кромѣ Вяземскаго и Полеваго, еще никто не смѣлъ такъ рѣшительно унижать отца нашей поэзіи. Ахъ вы!.. 5-е Атестатъ нашей литературѣ, что она d'imitation сущая правда, похвала Державину за оригинальность дѣлаетъ честь ему и Вамъ, а Полевой дуракъ, невѣжа et pis encore 6-е Чья вина, что Капнистъ [3]) не первостепенный лирикъ? впрочемъ и Горацій не слыветъ за слишкомъ восторженнаго, есть другія достоинства; а главное тутъ, и далѣе, и почти вездѣ, что Полевой, охуждая Ваше мнѣніе, не сказываетъ своего, отъ того ли что внутренно съ нимъ согласенъ, или что не знаетъ какъ сказать; прямо противурѣчитъ онъ только на счетъ избранныхъ и оглашенныхъ. 7-е Что думаетъ онъ о Херасковѣ, о переводахъ Кострова и Петрова? [4]) 8-е И Елисей [5]), и даже Пьянюшкинъ Измайлова [6]), и даже Сосѣдъ В. Л. Пушкина [7]), могутъ имѣть свое въ словесности достоинство; есть въ живописи не только Теньеры [8]) и Бамбоши [9]), но и цѣховыя карикатуры, и тѣ, могутъ быть въ своемъ родѣ хороши. Забавно, что Полевой fait la petite bouche [10]).

---

[1]) Намекъ на Жуковскаго и Марлинскаго.

[2]) Въ рецензіи Полевого м. п. было сказано. „Если бы какой-нибудь французъ сказалъ своимъ соотечественникамъ, что они погубятъ свою литературу, когда сойдутъ съ пути, указаннаго Малербомъ и Левизакомъ, что бы о немъ подумали?“ (Московскій Телеграфъ 1827 г. ч. 17, стр. 107—108). Jean-Pons-Victor Lecoutz de Levizac, франц. писатель ум. въ 1813 г.

[3]) Вас. Вас. Капнистъ, авторъ комедіи „Ябеда“, р. въ 1757 г., ум. въ 1823 г.

[4]) В. П. Петровъ перевелъ „Энеиду“ (1770); Ермилъ Ивановичъ Костровъ (ум. въ 1796) перев. восемь съ половиною пѣсенъ „Иліады“ александрійскимъ стихомъ. (6 пѣсенъ появились въ 1787 г.; 7,8 и половина 9-ой были найдены послѣ его смерти и напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“ 1811 г. ч. LVIII, №№ 14 и 15).

[5]) Поэма Вас. Ив. Майкова (1726—1778) появилась въ свѣтъ въ 1775 г.

[6]) „Пьяница“ басня Александра Ефимовича Измайлова (1779—1821).

[7]) „Опасный сосѣдъ“ стихотв. Вас. Львовича Пушкина (1811).

[8]) David Teniers (1610—1694).

[9]) Pieter van Laar, прозванный Bamboccio, р. въ 1582, ум. въ 1642. Въ своихъ картинахъ мастерски изображалъ комическія сцены изъ жизни итальянскаго простонародья.

[10]) „Брезгуетъ“.

9-е Комедія при Екатеринѣ сдѣлала успѣхи весьма большіе: стихи въ Хвастунѣ [1]) первый шагъ къ хорошему, а Фонъ-Визинъ комикъ единственный, Недоросль есть chef d'oeuvre, какъ въ нравственномъ или гражданскомъ, такъ и въ филологическомъ отношеніи: это надо Полевому доказать, ибо онъ, какъ кажется, презираетъ Фонъ-Визина, et pour cause: надо оставить мѣсто и для Горе отъ Ума. 10-е Очень забавно обвиненіе: зачѣмъ говорить о Клушинѣ [2]) и Ефимьевѣ [3]), кто говоритъ не ладно о Карамзинѣ et comp? что тутъ общаго? NB. Le Dadais [4]) совсѣмъ не означаетъ деревенскаго дворянскаго быта; врядъ ли слово: Недоросль—переводится. 11-е Оссіана переводить все равно, что съ французкаго, что съ англинскаго; ни то, ни другое не подлинникъ; подлинника нѣтъ. Съ чего переводилъ Костровъ, не знаю, а перевелъ прекраснымъ языкомъ, мнѣ и того довольно. 12-е Время, когда писали Петровъ, Державинъ, Костровъ, Фонъ-Визинъ и Хемницеръ, было довольно хорошо для словесности, едва вышедшей изъ пеленъ; можно было бы надѣяться большаго, чѣмъ мы видимъ пятьдесятъ лѣтъ спустя. 13-е Страницы 113, 114 и 115 отличаются враньемъ несноснымъ, всего замѣтить здѣсь возможности нѣтъ; но одно: Полевой за диво разсказываетъ, что въ эпоху паденія жили многіе люди, писавшіе прежде и еще продолжали писать; но когда же всѣ писатели одного времени или одинакихъ правилъ вдругъ всѣ вымрутъ чтобъ уступить мѣсто другимъ? переходъ дѣлается нечувствительно въ словесности, какъ и въ жизни. Imbècile! 14-е Не о косѣ времени надо спорить, а о благодарности, которою всѣ русскіе якобы обязаны Карамзину; вопросъ за что? Исторія его подлая и педантическая, а всѣ прочія его сочиненія жалкое дѣтство; можетъ быть, перваго сказать не льзя, но второе должно сказать и доказать. 15-е *Творецъ Ермака* [5]) *единственный въ сказкахъ*... браво! Полевой, съ Богомъ! Нарочно дѣлать эпиграмму на Дмитріева, такъ не удастся. 16-е Слова всей нахальной шайки: *столько услугъ, столько заслугъ*, заслуживаютъ сильнаго возраженія; что за неприкосновенная святыня въ словесности? что жъ такое на повѣрку Карамзинъ и Дмитріевъ?

---

[1]) Комедія Я. Б. Княжнина (1786).

[2]) Ум. въ 1804 г., авторъ комедіи „Смѣхъ и горе“ (1793).

[3]) Авторъ комедіи „Преступникъ отъ игры, или братомъ проданная сестра“ представл. въ 1788 г., напеч. въ 1790 г., р. въ 1768, ум. въ 1804.

[4]) Полевой находилъ, что слово „Mineur“, предложенное Бахтинымъ, вовсе не выражаетъ русскаго „Недоросля“: „Г. Сенъ-При прекрасно передалъ это слово французскимъ le Dadais, зачѣмъ было выдумывать новое неудачно“.

[5]) „Ермакъ“ стихотв. Ивана Ивановича Дмитріева (1760—1837).

Мои бездѣлки и мои бездѣлки. 17-е Полевой находитъ Ваше опредѣленіе *Романтизма* дурнымъ: положимъ; не льзя ли у него попросить опредѣленія настоящаго: что это за звѣрь? авось узнаемъ. 18-е *Байронъ въ модѣ! цѣлой свѣтъ!.. цѣлой вѣкъ!* Увы! много ли это все? а Петрарка, а Марини? а Вольтеръ? Vanitas vanitatum. 19-е Крыловъ не похожъ на Хемницера: это что? видно Хемницеръ у Полеваго на худомъ счету: жаль! 20-е *Не была представлена, напечатана...* Несправедливо осуждать только за это, но только за это превозносить глупо. Театральная пьеса, не игранная, не выдержала главнаго испытанія; пусть отвѣдаютъ Орлеанской Дѣвы или Горе отъ Ума, on verra beau jeu [1]). Годунова еще не знаю, и молчу. 21-е Объясните Полевому, что онъ, а не Вы, Грибоѣдова ставитъ *въ первые поэты.* 22-е Озеровъ, К. Шихматовъ и Гнѣдичъ, которыхъ Вы хвалите, ему явно противны; il glisse [2]), затѣмъ что первый умеръ и у многихъ въ славѣ, второй близокъ къ Министру Шишкову, а третій щадится всѣми романтиками, за то что имъ льститъ: все сіе можно съ выгодой объяснить. 23-е Умный медвѣдь всегда отдѣляетъ на добычу отъ стада одного быка, а глупый медвѣдь, Полевой, отдѣлилъ двухъ быковъ, Шаховскаго и меня: gare les cornes [3]). 24-е P. B. G. укорялъ, что мало Шаховскаго похвалили, Полевой, что ему только и хвала: поцѣлуйтесь, добрые люди. 25-е Знаете ли, что хорошаго въ статьѣ Полеваго? она вселяетъ въ читателя невольное уваженіе къ той статьѣ, противъ которой онъ вооружается; вездѣ видно, что ее всѣ и онъ самъ, не хотя, уважаетъ. 26-е *Русской Публицистъ долженъ поставить обязанностью...* чудесная фраза; а что значитъ *Публицистъ* на языкѣ Полеваго? 27-е *Отказался и отъ литературы; одна словесность и пр.* Какая разница на его же языкѣ между литературой и словесностью? 28-е Что за слово: *послѣдовательность?* 29-е Андромаху до представленія ея знали многіе: Крыловъ, Шаховской, Гнѣдичъ, Жандръ, Батюшковъ, Лобановъ, Хмѣльницкій, Пушкинъ, Грибоѣдовъ; de plus я *для Мельпомены* перевелъ Аріадну, Есѳирь (съ похвалой игранную при дворѣ) [4]), и Сида; я участвовалъ въ Гораціахъ и Медеѣ, я издавна былъ и слылъ un pilier de théâtre [5]).

---

[1]) „Вотъ такъ будетъ игра“

[2]) „Онъ скользитъ“.

[3]) „Берегись рогъ“.

[4]) Катенинъ послѣ перваго представленія „Эсѳири“ (3 мая 1816 г.) былъ приглашенъ во дворецъ къ высочайшему столу.

[5]) Столпомъ театра.

Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
Корнеля геній величавый...

Онѣгинъ, П. I.

De plus, мнѣ обязана *Мельпомена* за Каратыгина и, хоть отчасти, за его жену, я ими горжусь, и хвалюсь, и хочу, чтобъ это знали. 30-е Цѣнитъ писателей каждый критикъ по своему; можно спорить и не соглашаться; требовать единовѣрія—непростительно, а клепать нелѣпо—глупо, ибо тотчасъ обличатъ. 31-е Анекдотъ о Клапротѣ [1]) и Бюсси-Рабютенѣ, письмѣ и печати требуетъ формальнаго объясненія. Телеграфъ явно хочетъ ввести въ подозрѣніе Шаховскаго, либо меня, и я затѣмъ нарочно пишу къ Шаховскому письмо, чтобы онъ, отъ лица обоихъ, объявилъ Г-на разказчика клеветникомъ, глупцомъ и бездѣльникомъ: je ne sais si je m'explique. Дивлюсь какъ полновѣсныя пощечины, данныя P. B. G. въ Россіи, и Франціи не устрашили Полеваго; человѣкъ любопытный. Много бы еще оставалось сказать, но, такъ и быть, на сей разъ довольно. У меня теперь гости, и я почти урывкой пишу, чтобы только къ почтовому дню письмо поспѣло. На счетъ прошенія, поданнаго Государю, не забудьте, деньги съ меня уже взысканы Опекунскимъ совѣтомъ, при выдачѣ подъ закладъ имѣнія: слѣдственно, мало если велятъ съ меня *сложить* взысканіе; мнѣ должно взысканное *возвратить съ процентами*. Потрудитесь это кому нибудь тамъ объяснить. Пришлите пожалуйста термометръ для гидрометра, о которомъ уже писано, и при немъ обыкновенный Реомюровъ термометръ; еще прошу Васъ: двѣ бутылки лучшаго прованскаго масла: прекрасное продавалъ нѣкогда въ большой Милліонной Lazzaro, еще закажите мнѣ у Петерса, имѣющаго мою мѣрку, un habit complet, не черный и не синій. Квитанцію въ 2.000 получилъ и благодарю. Читали ли Вы Козлова Наталію Долгорукову? [2]) буде стоитъ того, пришлите. Мое стихотвореніе: *Нашъ славный Владимиръ*... нѣсколько подвигается, и Грекъ castrato началъ уже пѣть по своему; я надѣюсь, что эта пьеса болѣе всѣхъ прежнихъ понравится публикѣ, но врядъ ли скоро ее кончу; Вы знаете, что я не люблю морочить, а работаю добросовѣстно, отъ чего никогда ничто скоро не поспѣваетъ. Не забудьте Полеваго, не забудьте, что уже онъ не смѣетъ меня ругать отъ того только, что начали хвалить, теперь меня язвятъ

---

[1]) Генрихъ-Юлій Клапротъ, оріенталистъ р. въ 1783, ум. въ 1835.

[2]) Иванъ Ивановичъ Козловъ р. 1779, ум. 1840 г. „Княгиня Наталья (Борисовна) Долгорукая" изд. отд. въ 1828 г. (одна глава появилась въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1827 г.).

слегка, учтиво, двусмысленно; c'est autant de pris sur l'ennemi; но этого мало, ихъ надо доканать, а это Ваше дѣло. Вы и мой пріятель, и отличный критикъ. Я очень радъ, что иностранцы, не зная даже въ чемъ основа дѣла, замѣтили, по одному тону сужденій, сколько вниманія заслуживаетъ Ваша статья [1]); надлежитъ русскихъ убѣдить въ томъ же. Журналъ у Васъ есть: Сынъ Отечества. О Гречѣ Полевой нарочно промолчалъ въ своей статьѣ. Сомовъ знакомъ съ Вами, и Вы тутъ можете состязаться съ Телеграфомъ, пока угодно или нужно. Какова зима въ Петербургѣ? здѣсь послѣ вьюгъ продолжительныхъ настали вдругъ такіе морозы, что подумать страшно, доходило до 32 градусовъ; потомъ опять убавилось, и слава Богу, ибо я не зналъ, что дѣлать на своей винокурнѣ: дымъ вверьхъ не шелъ, и всѣ работники половину тѣла отзнобили, а другую обожгли. О жизнь человѣческая! Еще просьба: мнѣ надобенъ каминъ: узнайте, любезнѣйшій, что стоитъ мраморный простой, и что чугунный: по сей справкѣ, я рѣшусь на то, либо другое. NB. Каминъ большой à la française. Прощайте до свиданія, весьма отдаленнаго, если Вы не посѣтите меня въ Кологривѣ; отъ Петербурга я, кажется, на долго отрекся, и весьма хорошо дѣлаю. Впрочемъ вблизи и издалеча моя привязанность къ Вамъ не измѣнится.

Весь Вашъ Павелъ Катенинъ.

30.

11-го февраля 1828 г. Шаево;

Очень знаю, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, что никто не сдѣлалъ больше Вашего, pour la bonne cause, очень понимаю, что одному состязаться съ множествомъ противниковъ тяжко: но то то и хорошо, и славно. Что же дѣлать, когда людей съ толкомъ вообще мало, и въ маломъ числѣ находятся еще Іуды предатели, не уже ли это должно заграждать уста тѣхъ, которые и знаютъ истинну, и желаютъ ее сдѣлать извѣстною? отнюдь, напротивъ того. Мысль перевести Вашу статью на русской языкъ я съ начала одобрилъ и радъ ея появленію [2]); а продолженіе споровъ съ Полевымъ еще болѣе одобряю. Форма писемъ, конечно, имѣетъ свои выгоды, только

---

[1]) О статьѣ Бахтина отозвался съ похвалою Бальби въ предисловіи; она была перепечатана въ Bibliothèque Universelle t. XXXIV. P. I p. 242 и сл.

[2]) „Сынъ Отечества“ 1828 г. ч. 119 № 9 стр. 64—80, № 10 стр. 175—190, № 11 стр. 263—278 и № 12 стр. 360—376. Переводъ подписанъ: Д. К....въ и принадлежитъ Кафтыреву. Не Дмитрій ли Яковлевичъ Кафтыревъ, умершій 20 янв. 1833 г.?

берегитесь плутней издателей пчелы, и настойте упорно на томъ, чтобы они не перестали печатать Вашихъ разсужденій, когда дѣло дойдетъ до ихъ кожи; о подписи М. И. повторяю, давно сказанное мною: почему не просто Бахтинъ en toutes lettres? Вы сами говорите, что они догадываются: и на здоровье! Гречъ se tue à repeter [1]): онъ дѣлаетъ очень хорошо для себя, и въ этомъ достоинъ подражанія; les plus opiniatres gagnent les batailles. Найдите средство мнѣ вступить въ бой, лишь бы не за себя и Вы увидите, si j'y vais de main morte [2]). Замѣчаніе Греча на мой счетъ я очень любопытенъ увидѣть. Вы властны въ Ахиллѣ и Омирѣ; онъ отчасти написанъ для Васъ, и за него, кажется, нѣтъ нужды бояться. Въ свѣтѣ онъ, правда, сильнаго впечатлѣнія произвести не можетъ: trop classique, но художники, вѣроятно, отдадутъ ему нѣкоторую справедливость. Грамматику [3]) Греча прошу Васъ купить и мнѣ прислать въ переплетѣ и другое, что Вы найдете достойнымъ стоять между книгами порядочнаго человѣка. Нѣмецкихъ книгъ жду; первая часть Борга [4]) взята была моимъ безпечнымъ братомъ, скажите ему, при свиданіи, чтобъ онъ ее отыскалъ. Знакомы ли Вы съ кѣмъ нибудь изъ книгопродавцевъ! если да, я бы имѣлъ къ Вамъ просьбу на счетъ экземпляровъ Андромахи, лежащихъ по сіе время въ типографіи Греча. Мнѣ чудится, будто Вы не совсѣмъ поняли, что я хотѣлъ сказать на счетъ денегъ, о коихъ производится дѣло въ Коммиссіи прошеній; не только проценты, но и вся сумма, двѣ тысячи рублей слишкомъ, съ меня уже взыскана, тоесть задержана въ Опекунскомъ Совѣтѣ, при выдачѣ мнѣ денегъ подъ залогъ имѣнія, слѣдственно, рѣшивъ въ мою пользу, какъ я надѣюсь, надобно вмѣстѣ увѣдомить Опекунскій Совѣтъ, чтобы оный мнѣ деньги сіи съ процентами возвратилъ. О прочихъ моихъ покупкахъ за лишнее полагаю повторять, ибо Вы и безъ того человѣкъ исправный. Благодарю за попеченіе о драмѣ перевода Чепеговой; да, къ стати, чуть не забылъ: у оной Чепеговой жила въ услуженіи дѣвка, по имени Лукерья; сей Лукерьи слѣдуетъ заплатить 25 рублей: потрудитесь же ей ихъ доставить черезъ Польнера и сестру Чепегова, Прасковью Ивановну Неймановскую [5]), или безъ Польнера, прямо черезъ сію сестру, ко-

---

[1]) „Неустанно повторяетъ".

[2]) „Что я не буду бездѣйствовать".

[3]) „Пространная русская грамматика" т. I. и „Практическая русская грамматика" Н. И. Греча, вышли въ 1827 г.

[4]) Fr. Von der Borg. Die Poetischen Erzeugnisse der Russen I Bd-Dorpat 1820; II Bd-Riga und-Dorpat 1823.

[5]) р. 1789, ум. 1841.

торая Директриса Маріинскаго института и въ ономъ живетъ: женщина умная. Еще бездѣлка: Коли Кафтыревъ пріятель Вашъ, узнайте, не съ родни ли онъ мнѣ приходится? Знаю, по наслышкѣ, что между его и моимъ семѣйствомъ бывало какое-то родство, свойство или сватовство. Термометръ, либо два, одинъ для дома, а другой для оранжереи, пришлите, при случаѣ, неловко что-то безъ нихъ. И такъ, моя Андромаха, Эльмира, Елена [1]) etc родила дочь: желаю новорожденной съ времянемъ превзойти въ дарованіи свою мать, qui en a beaucoup. За переводъ Полночи я не сержусь; конечно, лучше бы... но не всякое лыко въ строку, а впрочемъ, это и не повредитъ нашей оперѣ, коли она со времянемъ дождется представленія [2]). Перечитавъ написанное мною доселѣ, замѣтилъ я, что это письмо, и вѣроятно всѣ ничто какъ подробные отвѣты на Ваши письма, и что мы на бумагѣ разговариваемъ, какъ въ иныхъ французкихъ трагедіяхъ, гдѣ наперсникъ отъ себя ничего не прибавитъ. Правда и то, что изъ Кологрива мудрено писать о чемъ нибудь, или сообщать, что новое. Любопытнѣйшее извѣстіе, что я недавно былъ воспріемникомъ при крещеніи пятидесятилѣтняго жида и по сему долженъ былъ въ церкви въ слухъ прочитать на шести печатныхъ страницахъ in folio отреченіе его отъ Илимена, Мадата и Матоеани: si j'en connais pas un je veux être etranglé [3]). Стихотвореніе, начатое при Васъ въ Петербургѣ, все по немножку подвигается впередъ: въ расположеніи послѣдовала перемѣна необходимая, тоесть: Русской вовсе пѣть не будетъ, Грекъ же пропѣлъ, и, по моему, очень comme il faut, сообразно съ цѣлью всей вѣщи; только предчувствую, что Вы меня станете журить за нѣкоторую пародію нашего почтеннѣйшаго Ломоносова. Что еще горше, сомнѣваюсь, чтобы цензура пропустила: Ils ont le nez fin [4]). Что будетъ, то будетъ, а все пришлю Вамъ, когда кончу. Называется Essay *Старая Быль.* Коварство и Любовь Шиллера, хорошо игранная, должна всегда имѣть успѣхъ, въ ней есть много драматическаго: это все равно, что Сынъ Любви [5]) и тому подобное. Разбойники [6]) не въ примѣръ хуже, ибо въ нихъ нѣтъ вовсе натуры и всѣ лица безъ физіономіи. Успѣхъ ихъ точно стыдъ, но когда Висковатова Гамлетъ [7]) восхищаетъ всѣхъ, чего и ждать? Что больше думаю,

---

[1]) Жена В. А. Каратыгина (урожд. Колосова).

[2]) Рѣчь идетъ опять о комедіи „Полночь".

[3]) „Пусть меня задушатъ, если я въ этомъ что-нибудь смыслю".

[4]) „У нихъ тонкое чутье".

[5]) Драма Коцебу „Das Kind der Liebe" (1791).

[6]) Трагедія Шиллера.

[7]) Представленъ въ 1-й разъ 28 ноября 1810 г.

то сильнѣе утверждаюсь въ мнѣніи, что истинное чувство изящнаго есть удѣлъ весьма немногихъ, а толпа всегда судитъ на выворотъ; даже о мертвыхъ, и давно мертвыхъ, мнѣніе общее остепеняется не иначе какъ по урокамъ, и для того ихъ надо учить. Гдѣ Пушкинъ? [1]) Хрущова сожитель Барковъ; при театрѣ ли онъ? Прощайте, почтенный.

Весь Вашъ Павелъ Катенинъ.

P. S. Купите у Квакеровъ ножницы для обрѣзыванія пакетовъ.

31.

27-го февраля 1828 г. Шаево.

Посылаю Вамъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, новое, на дняхъ конченное мною, стихотвореніе: читайте и судите; потомъ напишите мнѣ обо всемъ, что Вы въ немъ найдете хорошаго и дурнаго, съ подробностію; особливо прошу Васъ быть строгимъ на счетъ языка и грамматики: самому никогда всего не разглядѣть. Скажите также: думаете ли Вы, чтобъ оно могло быть напечатано; я, какъ заяцъ, боюсь, чтобы мои уши не показались за рога. Другая рѣчь: извѣстите меня, сдѣлавши справку, хоть у Дельвига, черезъ Сомова, гдѣ находится Пушкинъ и какъ къ нему надписывать; мнѣ это крайне любопытно, во первыхъ, потому что здѣсь опять его сослали куда-то, но я этому не вѣрю; во вторыхъ, что я имѣю намѣреніе ему послать съ припиской [2]) мою *Старую быль* et je ne sais où le prendre. Вы мнѣ скажете: Къ чему это? Къ тому, батюшка Николай Ивановичъ, что онъ Пушкинъ меня похвалилъ въ Онѣгинѣ, къ тому, чтобы la canaille litteraire не пологала насъ въ ссорѣ, къ тому, что я напишу ему такъ, что Вы будете довольны, и къ тому, что оно послужитъ въ пользу. Я даже нахожу вообще пріятнымъ и такъ сказать почтеннымъ зрѣлищемъ согласіе и нѣкую пріязнь между поэтами, я же у него въ долгу и хочу разплатиться. По сей-то причинѣ, то есть, что къ нему надо послать вѣщь покуда она съ иголочки, я Васъ прошу не давать рѣшительно никому ее списывать, а можете Вы ее прочесть, либо дать прочесть брату моему Сашѣ, да Каратыгину et voilà tout. Къ трагедіи Пожарской, служащей оберткой, прошу Васъ присовокупить Дебору [3]), Эдипа

---

[1]) Пушкинъ въ это время былъ въ Петербургѣ (Н. О. Лернеръ. „Труды и дни Пушкина“, стр. 167—168).

[2]) Посвященіе „А. С. Пушкину“ напечатано въ I т. „Сочиненій“ Катенина Спб. 1832 стр. 98—100. Отвѣтное посланіе Пушкина: „Напрасно, пламенный поэтъ“, въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1829 г.

[3]) Дебора, трагедія, въ 5 д. кн. А. А. Шаховского, представл. въ 1-й разъ 24 янв. 1810 г.

царя и мою Андромаху и отдать переплесть le tout ensemble моему переплетчику Лауферту, живущему у Красного моста въ Гороховой, въ корешокъ съ голубымъ сафьяномъ и буде можно поставить на бока голубую же сафьянную бумагу. Съ нетерпѣніемъ жду отъ Васъ присылки полемическихъ статей, начиная съ перевода Кафтырева. Гдѣ Семенъ Ѳедоровичь Яковлевъ? почему онъ сидитъ сложа руки? кто мѣшаетъ ему выйти in arena? буде онъ въ Петербургѣ, его надобно непремѣнно разбудить, я бросаю отселѣ записочку на его стулъ, яко древле Марку Бруту. Сѣмя дятлина и книги получены. Потрудитесь, при свиданіи, сказать моему выборному, что и письмо его и оброчный счетъ я также получилъ; чтобы онъ полотна, присланныя ему изъ Колотилова, продалъ; гуртомъ можно отдать нѣсколько менѣе чѣмъ по полтора рубля аршинъ, а по кускамъ слѣдуетъ взять нѣсколько болѣе, судя по достоинству куска. Коли онъ въ этомъ торгу неопытенъ, пусть справится у другихъ выборныхъ нашихъ же краевъ и отъ нихъ уму разуму научится. Повторяю мою просбу о каминѣ и прилагая къ ней другую: для новаго дома въ городѣ нужна мнѣ англійская кухня: сдѣлайте милость узнайте на заводѣ у Берта, что оная будетъ стоить и сколько выйдетъ пудовъ, ибо и провозъ надобно въ счетъ поставить; кажется, однако, вѣсъ не такъ огроменъ выйдетъ; главное: три плиты, а безъ чугунной легко и обойтись, она почти безполезна; вмѣстѣ уже купите un gril, на чемъ Св. Лаврентія жарили, и на чемъ я хочу жарить котлеты; у меня есть оный, да малъ: прикажите хоть Лукіану. Не уже ли въ Петербургѣ стоитъ такая же мерзкая зима какъ здѣсь? Февраль на исходѣ и почти не было краснаго дня, объ оттепели и говорить не надо, все морозы да вьюги, такъ что дороги всѣ занесены, и ночью вовсе ѣздить невозможно; цвѣты въ теплицѣ не разпускаются, и солнца какъ не бывало. Надо признаться, что весело жить подъ такимъ небомъ; а я еще на будущій годъ сбираюсь въ Колу, черезъ Архангельскъ и Соловки: безъ шутокъ и даже прошу Васъ узнать, кто въ Архангельскѣ Губернаторъ и проч. и нѣтъ ли у насъ общихъ знакомыхъ, черезъ которыхъ я бы могъ trouver grâce devant lui [1]) и объѣхать полярный кругъ со всевозможнымъ удовольствіемъ. Мнѣ прислали новое театральное положеніе, это pendant къ цензурному уставу Шишкова; если кто нибудь Вамъ скажетъ, что оно отчасти писано съ моихъ мыслей, отвѣчайте сильно, что мысли, поставленныя вверьхъ дномъ, совсѣмъ не тѣ, что были, и что я первый пока все таки не дамъ на театръ ни одной сцены,

[1]) „Снискать его расположеніе“.

поклявшись непримиримой враждой враждовать съ врагами всего изящнаго, варварами, придворными полотерами.

П. Катенинъ.

32.

13-го марта 1828 г. Колотилово.

Въ концѣ письма я, можетъ быть, скажу Вамъ нѣчто о новомъ дѣлѣ, заставившемъ меня по разбитой дорогѣ пріѣхать въ Чухломскую усадьбу; но сначала два слова о словесности и критикѣ. У двоюроднаго брата моего Ив. Ник. Катенина [1]) нашелъ я нѣсколько Альманаховъ новыхъ и, взглянувъ въ Сомова статью, что въ Сѣверныхъ цвѣтахъ, нашелъ сказанное обо мнѣ [2]). Послѣ нѣкоторыхъ словъ одобрительныхъ на счетъ разположенія и страстей въ Андромахѣ, онъ кончаетъ сухо: „слабая сторона въ сей трагедіи стихосложеніе“. Во первыхъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, такъ ли отдаютъ отчетъ о произведеніи важномъ и рѣдкомъ, какова трагедія? во вторыхъ, если Андромаха стихами слаба, какая же русская трагедія сильна? смѣло можно сказать, что она даже стихами заключаетъ въ себѣ болѣе хорошаго и лучше, съ меньшими пороками, нежели ея предшественницы, а послѣ ни одной не появлялось. Онъ же Орестъ, à propos de bottes [3]), пишетъ, что Расина у насъ не умѣлъ никто переводить. А Есѳирь? Ради Бога заступитесь за правду когда случай представится. Признаюсь, смѣшно и досадно слушать такіе рѣзкіе приговоры надъ трудными и похвальными сочиненіями или переводами отъ человѣка, который самъ переводилъ не Расина, а Desaugiers [4]) и вотъ какъ:

Не завидую герою,
Кровь онъ любитъ на войнѣ;
Кровь и я люблю, не скрою,
Въ свѣжей, сочной дичинѣ.

Ор. Сом.

Сравните это съ хорами Есѳири, либо съ разказомъ Улисса въ 5-мъ дѣйствіи. Гдѣ Пушкинъ? сдѣлайте милость увѣдомьте: у меня къ нему и грамотка готова. Но теперь не то въ головѣ; я сегодня возвращаюсь въ Кологривъ, а пріѣзжалъ на три дня въ Чухлому по письму брата Саши, который промотался весь. Поелику на по-

[1]) Иванъ Николаевичъ Катенинъ, подполковникъ гвардіи, Чухломской предводитель дворянства съ 1823 г.

[2]) „Сѣверные цвѣты“ на 1828 г.: О. Сомовъ—„Обзоръ россійской словесности“ стр. 3—82.

[3]) „Совсѣмъ не кстати“.

[4]) Marc-Antoine — Madeleine Désaugiers (1772 — 1827). Его „Chansons et poesies diverses“ въ 3 т. изд. въ 1806—1816 г.

ходъ [1]) надобны ему деньги, то и прошу Васъ, что есть у Васъ моихъ, поберечь, отъ покупокъ покуда удержаться и приказать выборному Лукіану собрать къ 1-му Апрѣля, что слѣдуетъ за первую четверть года; все сіе отнюдь не вручайте брату самому, а выборному дяди моего Андрея Ѳедоровича, Ѳедору Кирилову, который за оными къ Вамъ явится и дастъ отъ себя росписку. Вашъ братъ получилъ владимирскій крестъ въ Персіи [2]): поздравляю. А султанъ каковъ Вамъ кажется съ угрозами? Ахъ! чуть не забылъ: просьба преважная. У брата въ казармахъ находится мой диванъ, полный книгъ (экземпляровъ); прикажите, коли онъ въ походъ идетъ, диванъ взять и поставить у себя, коли мѣсто есть, а не то велите хоть выборному для него въ какомъ нибудь сараѣ нанять мѣсто и сберегать его; диванъ славный, покрыть чѣмъ нибудь и мебель, и постель. Прощайте, почтеннѣйшій, пишите.

Весь Вашъ.

Павелъ Катенинъ.

33.

17-го апрѣля 1828 г. Шаево.

Преждѣ всего, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, влечетъ меня духъ къ стихамъ: побесѣдуемъ. Радъ я чрезмѣрно, что Старая Быль понравилась Вамъ; я трепеталъ и ожидалъ нѣкотораго выговора отъ усерднаго почитателя Ломоносова за нѣкій родъ пародіи его и всѣхъ нашихъ лириковъ вообще въ пѣсни Грека; но Вы, конечно, разсудили, что иначе не льзя было сдѣлать. Премного благодаренъ за критическое замѣчаніе, однако противъ нѣкоторыхъ прошу позволеніе слово молвить. Вы жалѣете, что Русскаго пѣвца не описалъ я величественнѣе; я этого имянно избѣгалъ по двумъ причинамъ: первая, огненный взоръ и сила членовъ лишнею выйдутъ рисовкою, когда ему не достанется ничѣмъ на дѣлѣ этаго оправдать; вторая и главная, по плану всего мнѣ хотѣлось отнюдь не казаться къ нему пристрастнымъ, а напротивъ говорить какъ бы холодно объ немъ: тѣмъ, можетъ быть, всѣ читатели лучше объ немъ заключатъ, что и князь, и народъ и самъ разказчикъ за него не стоятъ, хоть очень видно, что онъ человѣкъ хорошій и умный. По этому я его и пѣть не заставилъ, а слегка только намекнулъ о чемъ бы онъ могъ пѣть: воображеніе, лучше моихъ стиховъ, представитъ его пѣсенный даръ. Вообще объ этомъ надобно бы намъ съ часъ поговорить, и

---

[1]) 14 апр. 1828 г. была объявлена война Турціи.

[2]) Александръ Ивановичъ Бахтинъ, въ то время поручикъ Л.-Гв. Московскаго полка, прикомандированный къ Л.-Гв. Сводному полку, участвовалъ въ персидской войнѣ.

тогда только я бы могъ вполнѣ изъяснить Вамъ мою мысль и намѣреніе; но будьте увѣрены, что это не съ проста и, что мое внутреннее чувство сильно убѣждено. Вы говорите, что инымъ читателямъ надо въ ротъ класть; для нихъ, почтеннѣйшій, я никогда не пишу, тѣмъ паче, что у нихъ мнѣ никогда не сравниться ни съ Пушкинымъ, ни съ Козловымъ; я жду другихъ судей, хоть со временемъ. Вы говорите, что стихъ: *„Но младость не радость средь бранныхъ трудовъ“* не выражаетъ, что младость скоро утрачивается въ трудахъ“.—Онъ болѣе выражаетъ: въ трудахъ военныхъ и неутраченная молодость не весела. *Персидскаго дамъ ему подъ верьхъ коня*... удареніе совершенно правильное: Русскіе любятъ вообще переносить голосъ на предлоги, напримѣръ: За городъ, на рѣку, у мосту, подъ руку, подъ полъ, и т. п. Со словомъ *верьхъ*; въ смыслѣ конной ѣзды, всегда говорится подъ верьхъ. Пиррихія въ томъ же стихѣ на мѣстоименіи ему вѣщь обыкновенная и въ чтеніи нисколько слуху не противная, напримѣръ: Гробъ воздвигла; окрестъ его шумныя волны... либо: Въ жертву принесть тебѣ, Ахиллъ, и друзьямъ твоимъ вѣрнымъ. Далѣе, хотя бы Боянъ точно существовалъ, отъ этого не хуже стиху: *боянамъ и честь, и награда*, то есть *подобнымъ Бояну, хорошимъ пѣвцамъ, соловьямъ такимъ, каковъ онъ былъ*. На счетъ же оборотовъ: *добра не жалѣйте на завтрашнемъ днѣ*, и *какъ будто во всемъ догадался*, спорить не смѣю; я написалъ, потому что иногда такъ говорятъ, но, можетъ быть, что такъ говорить не должно, и это мнѣ впредь послужитъ урокомъ. Благодарю Васъ за присылку напечатаннаго Ахилла и Омира; опечатокъ не такъ много; одна кажется мнѣ поправкою: въ эпилогѣ, вмѣсто *возпретятъ*, въ печатномъ *не повредятъ* [1]). Чье это? Посылаю Вамъ при семъ списокъ со стиховъ моихъ къ Пушкину, при отправленіи къ нему Старой Были. Мнѣ писали, будто онъ въ Москвѣ, и я все отправилъ туда на имя Погодина, прося сего къ нему доставить; отвѣта еще не было [2]). О стансахъ С. П. [3]) скажу Вамъ, что онѣ, какъ

---

[1]) Въ т. I соч. Катенина (стр. 84) опечатка исправлена.

[2]) Письмо Катенина къ М. П. Погодину отъ 28 марта 1828 напеч. Н. Барсуковымъ въ II т. соч. „Жизнь и труды М. П. Погодина“ СПб. 1889 стр. 184. Пушкинъ въ мартѣ этого года находился въ Москвѣ.

[3]) Не стансы ли Пушкина „Въ надеждѣ славы и добра“....“ (напеч. въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1828 г. т, I № 1.? Буквы „С. П.“ могли означать „Саша Пушкинъ“. Катенинъ въ своихъ письмахъ не разъ называлъ такъ своего великаго современника, къ которому онъ еще съ той поры, когда видѣлъ его, почти мальчикомъ, на вечерахъ у кн. А. А. Шаховскаго, привыкъ относиться, какъ старшій къ младшему, см. „Мое знакомство съ А. С. Пушкинымъ“ (Изъ воспоминаній А. М. Каратыгиной „Русская Старина“ 1880 г. іюль, стр. 566).

многія вѣщи въ немъ, *плутовскія*, то есть, что когда воеводы машутъ платками, коварный Еллинъ отыграется отъ либераловъ, перетолковавъ все на другой ладъ: вникните и Вы согласитесь. Всего для меня жалче, любезнѣйшій, что я, не получая журналовъ, не знаю ничего о литературныхъ спорахъ и Вашего перваго письма не видалъ [1]): что дѣлать? потерпимъ, либо постараемся достать. Во всякомъ случаѣ, еще разъ приношу Вамъ мою благодарность, увѣренъ будучи напередъ, что Вы сдѣлали и сказали все, возможное къ защищенію меня и правого дѣла. Дай Богъ, чтобы изъ Аѳинея [2]) не вышла Ахинея; я въ состояніи на него подписаться, буде онъ только пойдетъ дорогой прямою, но я сильно боюсь Москвы, бѣлокаменной дуры. Жаль, что не всѣ деньги въ Опекунскій Совѣтъ внесены, но что дѣлать? потребовались они на походъ брата Александра, и, кажется, штрафъ за просрочку незначителенъ. О каминахъ, плитахъ, платья и пр. теперь намъ нечего тратить слова по пустому, когда судьба унесла Васъ изъ Петербурга въ полуденную Россію [3]). Я полагаю, что для васъ отчасти пріятно будетъ познакомиться съ Черноморскимъ краемъ. Справьтесь изъ любопытства у мореходцевъ: какъ зовется теперь островъ Ахилловъ, называвшійся также Leuce, лежащій въ морѣ не далеко отъ лѣваго или сѣвернаго устья Дуная, около 45¼ градусовъ сѣверной широты? [4]) Кому оный принадлежитъ, Портѣ или Россіи? есть ли на немъ жители, пристань кораблей и пр. пр.? Долго ли Вы пробудите въ Николаевѣ? я боюсь, что во все продолженіе начинающейся войны присутствіе Меньшикова будетъ тамъ необходимо, а съ нимъ вмѣстѣ придется и Вамъ тамъ же проживать. О перенесеніи дѣла моего въ Общее собраніе Сената я уже былъ офиціально извѣщенъ бумагою изъ Комиссіи прошеній за

---

[1]) „Первое письмо“ Бахтина (подпись М. И.) къ Булгарину по пов. указанной уже рецензіи Полевого (въ Московскомъ Телеграфѣ 1827 г. № 17 и 18) появилось въ „Сынѣ Отечества“ 1828 г. ч. 117 № 2 стр. 189—193; „Второе письмо“—С. О. 1828 г. ч. 118 № 6 стр. 163—176. Полемика затѣмъ переносится на страницы „Атенея“ (ч. III. № 12 стр. 404—419—третье письмо; ч. V. № 17 стр. 62—76—четвертое письмо).

[2]) „Атеней“ издавался проф. Моск. унив. Мих. Григ. Павловымъ (р. въ 1783 г., ум. въ 1840 г.).

[3]) Кн. А. С. Меншиковъ, при которомъ состоялъ Бахтинъ, получилъ начальство надъ десантнымъ отрядомъ для овладѣнія крѣпостью Анапы.

[4]) Въ примѣчаніи издателя соч. Катенина (1832 г.) т. I, стр. 181, къ стихотворенію „Ахиллъ и Омиръ“ мы читаемъ: „Островъ сей, называемый нынѣ Фидонисій, по-турецки Иламъ-Идаси, по-русски Змѣиной островъ находится отъ Сулійской Дунайской Гирлы къ востоку въ 17-ти Италійскихъ миляхъ. Онъ представляетъ мореходцамъ видъ необитаемой дикой скалы, выдавшейся изъ моря, и служитъ имъ часто защитою отъ вѣтровъ. Стихотворецъ описалъ его весьма вѣрно, не видавши...“.

подписью Лонгинова [1]), и теперь, право не знаю, что дѣлать: подавать ли прошеніе въ Общее собраніе въ томъ смыслѣ, на какой Вы указываете, или ожидать спокойно, чтобы они сами, что нибудь *приказали*. Ганскау [2]), по грѣхамъ нашимъ, уже не губернаторъ Архангельскій, но Костромской, и долженъ быть, по всему судя, великая скотина. Ни одной просьбы не принимаетъ безъ приложенія къ ней трехъ листовъ рублевой гербовой бумаги, что для бѣдныхъ людей крайне тягостно, дворянъ, къ нему являющихся, либо вовсе не принимаетъ, либо заставляетъ сперва по нѣскольку часовъ дожидаться въ канцеляріи, а чиновникамъ, подчиненнымъ, пишетъ циркулярно съ каждой почтой такія грубости и глупости, что мочи нѣтъ, напримѣръ: „Я принужденъ буду имъ напомнить русскую пословицу, которую они забыли, что покуда громъ не грянетъ, русскій человѣкъ не перекрестится". Какъ Вамъ это кажется? въ Россіи губернаторъ *печатно* ругаетъ свойство русскихъ людей! до чего мы дожили? по чести, не видавъ этой нелѣпицы своими глазами, ей трудно повѣрить. Отъ этого переходъ въ Полевому легокъ, и потому скажу Вамъ, что мнѣ весьма хочется скорѣе прочитать, что Вы противъ него написали, постараюсь выписать Сына Отечества отъ куда нибудь. Гречева грамматика любопытна для меня безъ сомнѣнія *пространная*, ибо въ *практической* могутъ находиться только вѣщи, безъ него извѣстныя; когда же она выйдетъ вся? и что-жъ будетъ тогда стоить, коли теперь уже по десяти рублей половина продается? Теперь только, перечитывая послѣднее письмо Ваше отъ 29-го марта, замѣтилъ я вѣщь, которая, при первомъ чтеніи, отъ вниманія моего ускользнула, то есть что въ Московскомъ Вѣстникѣ (Погодинымъ?) сдѣлано нападеніе на Андромаху [3]) прямѣе и рѣшительнѣе Сомова: ah! ah! cela est bon à savoir [4]), а я еще съ дуру писалъ къ нему, прося доставить мой пакетъ Пушкину. Правда, что мое письмо, кромѣ сей просьбы, ничего не содержитъ, и слѣдственно между нами ничего нѣтъ. Переписка графа Хвостова на 71-мъ году отъ рожденія жалка до слезъ: Какъ не стыдно Сенатору, старику, печатать вздорныя посланія къ юношамъ, каковы Языковъ и Дельвигъ? [5]) Какъ онъ

---

[1]) Статсъ-секретарь Ник. Ник. Лонгиновъ, отецъ извѣстнаго Мих. Ник. Лонгинова.

[2]) Яковъ Ѳедоровичъ Ганскау, архангельскій губернаторъ (1807—1824), костромской (1828—1830), курскій (1830—1831).

[3]) Московскій Вѣстникъ 1828 г. № 1 стр. 71—72 (въ ст. „Обозрѣніе русской словесности за 1827 г.").

[4]) „Это надо принять къ свѣдѣнію".

[5]) Посланіе гр. Д. И. Хвостова къ Н. М. Языкову напечатано въ „Славянинѣ" изд. А. Ѳ. Воейкова, 1827 г. ч. IV, стр. 30, а къ барону А. А. Дель-

не видитъ, что его дурачатъ? Другой шутъ Шаховской; читали ли вы печатнаго Аристофана? множество стиховъ безъ соблюденія условнаго размѣра и что за предисловіе, и что за посвященіе Дюровой, и что за замѣчанія! педанство и вмѣстѣ дѣтство. Узнайте, буде можно, гдѣ *теперь* второй учебный карабинерный полкъ и командиръ онаго полковникъ Тютчевъ? [1]) изъ Москвы онъ мнѣ не отвѣчалъ, почему и полагаю, что полкъ ушелъ въ походъ; но какъ *учебный* долженъ находиться въ одномъ изъ резерновъ. Не увидите ли Вы его? онъ обѣщалъ опредѣлить, жившаго у меня, Матвѣева, который, со свидѣтельствомъ оберъ-офицерскаго сына, горитъ нетерпѣніемъ вступить въ службу и не знаетъ куда отправиться. Прощайте, почтеннѣйшій, будьте здоровы, успѣвайте во всемъ и пишите ко мнѣ. Весь Вашъ Павелъ Катенинъ.

34.

30 апрѣля 1828 г. Шаево.

Благодарю Васъ, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, за Ваше письмо изъ Тулы; почти радуюсь нещастью Вашей коляски и совершенно радуюсь, что Вы не пропустили случая, вспомнили пріятеля и дали ему о себѣ вѣсть. Ахъ! кабы всѣ, хотя въ этомъ, на Васъ походили весело бы и хорошо было жить на свѣтѣ; но, увы! не такъ свѣтъ сей устроенъ, и я успѣлъ его узнать вполнѣ опытомъ довольно долгимъ и весьма печальнымъ. Вы удивились, сдѣлавъ Жандру добро, что оно ему кажется въ тягость; Вы знали, однако, преждѣ того о ссорѣ его со мной, не ссорѣ, а охлажденіи, скрытной враждѣ, ожидавшей только слабаго предлога, чтобы сбросить личину. Чѣмъ же я заслужилъ это отъ него? я имѣлъ и случай, и охоту творить ему добро, я его снабжалъ нѣсколько разъ деньгами и назадъ не требовалъ, ссужалъ его многими нужными вѣщами (ибо онъ нѣкогда былъ крайне бѣденъ), я его знакомилъ со всѣми, кого самъ зналъ, такъ что и теперь лучшая часть его связей составлена черезъ меня, я иногда поправлялъ его стихи, сообщалъ ему нѣкоторыя полезныя свѣдѣнія, хвалилъ его дарованіе, передъ самымъ разрывомъ жалѣлъ и хлопоталъ, когда ему угрожала опасность: все сіе etc, съ каждымъ днемъ, по крайней мѣрѣ съ каждымъ новымъ монмъ одолженіемъ, либо знакомъ дружбы, увели-

---

вигу въ „Драматическомъ Альманахѣ“ изд. Ард. Вас. Ивановымъ на 1828 г. стр. 301.

[1]) Аѳанасій Петровичъ Тютчевъ служилъ въ Преображенскомъ полку, 11-го октября 1826 г. назначенъ командиромъ 2-го учебнаго карабинернаго полка, впосл. дѣйств. статск. сов. (1840 г.). О томъ же А. П. Тютчевѣ Катенинъ справлялся у Пушкина, въ письмѣ отъ 27 марта того же года (соч. Пушкина изд. Имп. Акад. Наукъ. Перепис. подъ ред. В. И. Саитова, т. 2-ой (1908 г.) стр. 59.

чивало его ко мнѣ отвращеніе, и чѣмъ меньше имѣлъ онъ къ тому повода или права, тѣмъ глубже оно въ душѣ его вкоренялось. Не думайте, чтобы я изъ этого выводилъ, что Жандръ чудовище; совсѣмъ нѣтъ; множество людей, la plupart, ему подобны, и весьма, рѣдки напротивъ тѣ, которые думаютъ, чувствуютъ и (главное) дѣйствуютъ иначе. Ж. Ж. Руссо одинъ имѣлъ смѣлость признаться, что онъ въ душѣ отъ природы un ingrat, а сколькимъ бы пристало такое признаніе! NB., я не называю неблагодарнымъ того, кто просто забываетъ, сдѣланное ему, добро: нѣтъ, это безпечный, забывчивый, разсѣянный, и только; истинно неблагодарный, кто ненавидитъ за добро, старается отомстить за него; ихъ гораздо больше, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Жаль, что *Недовѣрчивый* не напечатанъ, я бы попросилъ Васъ прочесть въ немъ нѣсколько стиховъ, въ которыхъ эта мысль довольно просто и сильно выражена. Къ слову о стихахъ, я нашелъ на дняхъ припасы предорогіе для стихотворенія ultra—romantique, которое назовется, вѣроятно: Колдунъ. Въ бумагахъ одного умершаго здѣсь дворянина нашли волшебныя заклинанія по части любовной, тутъ вмѣстѣ и гиль, и поэзія: постараюсь воспользоваться, но сочиненіе требуетъ вдохновенія, а пока оно не пришло, занимаюсь я трудомъ болѣе удобнымъ, при моемъ хлопотливомъ житіи, продолжаю in rima terza начатый переводъ Данте, вторую пѣснь довелъ до половины и, по окончаніи всего, не замедлю къ Вамъ доставить. Боже! какой великій геній этотъ Данте! но за то какой и предметъ! Какое богатое, разнообразное содержаніе! чего онъ тутъ не могъ ввести и чего не ввелъ! вотъ истинно національный поэтъ. Кто, какъ я, убѣжденъ, что Гомеръ имя, а не лице, тотъ не можетъ не признать Данте первымъ по всѣмъ вѣкамъ и народамъ, ибо я отъ Азіатцевъ, кромѣ галиматьи, ничего не жду, хоть не имѣю чести быть съ ними коротокъ. Но худо, что, по милости сихъ чалмоносныхъ злодѣевъ, въ одинъ годъ два рекрутскихъ набора, а если еще потребуютъ ополченія, то я опять явлюсь на ратное поле. Правду сказать, что до меня, я бы даже не прочь, и это бы мнѣ еще устроило свиданіе съ любезнымъ Николаемъ Ивановичемъ. Хоть я не большой газетчикъ, однако не худо, коли Вы, находясь близко къ поприщу войны, между прочимъ, напишите нѣчто и о ея событіяхъ, мы живемъ далеко, въ глуши, и однѣ Московскія Вѣдомости знакомятъ здѣшній народъ съ тѣмъ, что въ мірѣ происходитъ. Что стоитъ Атеней или Аѳиней съ пересылкою и гдѣ и какъ на него подписаться? извѣстите, дабы я сіе могъ сотворить. Прощайте, почтеннѣйшій, поддерживайте переписку нашу со своей стороны, а я уже не уроню. Правда отселѣ сообщить нечего, да не въ томъ сила, а пріятно бесѣдовать и раз-

суждать издали, почти какъ бы на одномъ диванѣ сидя. До свиданія. Весь Вашъ.

Павелъ Катенинъ.

35.

20-го мая 1828 г. Шаево.

Переписавъ для посылки къ Вамъ вторую пѣснь Данте, мнѣ пришло вдругъ въ голову: до стиховъ ли теперь моему любезному Николаю Ивановичу? не обремененъ ли онъ множествомъ дѣлъ? все ли тамъ здорово на Турецкой границѣ? не загорѣлся ли тамъ адъ хуже вымышленнаго и слишкомъ реальный? Воля Божія, и такъ посылаю на волю Божію; притомъ же недосугъ или не до того, не читайте, вотъ и все. Послѣ третьей прочелъ я на дняхъ четвертую и пятую главы Онѣгина; въ нихъ много прекраснаго; есть и трудности, искусно побѣжденныя, напримѣръ: Отвѣтъ Онѣгина Татьянѣ; но есть также много вѣщей растянутыхъ и нѣсколько фальшивыхъ: сонъ не вездѣ сонъ, зимнія подробности скучны и не безъ дѣтства, а Ленскаго гнѣвъ близокъ къ безразсудству; стихи вообще не довольно отдѣланы и мѣстами небрежности непростительныя. При всемъ томъ, Онѣгинъ по куда chef d'oeuvre Пушкина; характеры нарисованы довольно хорошо, разговоръ часто хорошъ и ума много разбросано, хотя изрѣдка встрѣчаются и глупости. А Вы какъ думаете? напишите. Шестую главу Голицынъ очень хвалитъ; я еще не читалъ, но готовъ вѣрить, ибо К. Николай человѣкъ умный и со вкусомъ. Досталъ я также на прочтеніе семь Messeniennes, писанныхъ въ Италіи [1]). Стихи золотые безспорно; но вообще мнѣ Delavigne въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, особливо въ Орлеанской Дѣвѣ, нравился болѣе; онъ теперь слишкомъ прилѣпился къ вѣщи безъ сомнѣнія весьма хорошей, la Liberté, но все одно да тоже надоѣстъ. Я не хочу, чтобы поэзія была какимъ-то политическимъ орудіемъ, она, по свойству своему, выше всего этого и не должна себя подчинять другимъ разчетамъ. Онъ же вдругъ что-то пристрастился къ Бейрону и какъ бы подражаетъ, правда опять, что лучшему Бейронову творенію, Child-Harold, но, мнѣ кажется, и то лишнее; кто имѣетъ свое дарованіе, какъ C. de Lavigne, не имѣетъ нужды плестись съ благоговѣніемъ по слѣдамъ современника. Сверьхъ того мнѣ кажется еще, что Бейронъ un méchant modéle. Пом-

[1]) Messeniennes nouvelles. Paris 1827: le départ, trois jours de Christophe Colomb, le vaisseau, la Sibylle, les funerailles du général Foy, adieux à Rome, promenade au Lida.

ните ли Вы, любезнѣйшій, когда я въ Петербургѣ отъ Васъ услышалъ что Lavigne написалъ стихотвореніе о Колумбѣ? я жалѣлъ, что нельзя уже послѣ него приняться за то же, не сдѣлавшись подражателемъ; прочитавъ его пьесу, я Вамъ скажу, что очень можно: сама она подражаніе англинскому стихотворенію американца Barlow [1]); а я бы совсѣмъ иной планъ предпочелъ, кабы... да ну, Богъ съ ними. Вы находитесь теперь въ землѣ, гдѣ много хорошаго турецкаго табаку: не можете ли Вы для меня купить и прислать полпуда? но отнюдь не тюбеку, а желтаго, мѣлко крошеннаго, сладостнаго; можетъ быть все это иные знатоки назовутъ дурнымъ; есть же куряки, сосущіе вѣчно кнастеръ и вагштофъ; я имъ желаю удовольствія, но хочу имѣть и свое, и того ради желаю табаку такого, какъ выше писано; въ посылку не худо бы уже вложить сѣмянъ нѣсколько арбузныхъ, дынныхъ, тыквенныхъ, цвѣточныхъ и пр. словомъ все, что можетъ (авось) вырости здѣсь и, что бы не худо развести отъ юга на сѣверъ: я право становлюсь родъ хозяина. Другая рѣчь: давно уже какъ я Вамъ осмѣлился объявить мое мнѣніе на счетъ President de Montesquieu; теперь по принадлежности прилагаю къ нему и M. le Comte de Buffon [2]). Чертъ дернулъ меня на дняхъ перечитывать его Орнитологію; онъ просто ничего не знаетъ ни объ одной птицѣ, я говорю не о китайскихъ и бразильскихъ, а просто объ нашихъ: извольте ко взглянуть, что онъ пишетъ о тетеркѣ или о воронѣ, о галкѣ или цесарской куницѣ, это просто всѣмъ курамъ смѣхъ, et c'est une grande reputation и долго будетъ стоять. Когда мы увидимся? я долго не буду въ Петербургѣ, надо преждѣ устроить дѣла, а это не скоро творится. И Васъ служба задержитъ не мало времени въ Полуденной Россіи, ибо война начинается не шуточная и кончится не скоро; развѣ потребуютъ ополченіе, тогда я пойду и Васъ увижу; также и Вы, если поѣдете въ отпускъ въ Рыбинскъ, пріѣзжайте уже оттолѣ и сюда: не такъ уже далеко. Прощайте, милый и почтенный, будьте здоровы.

Весь Вашъ

Павелъ Катенинъ.

Сообщилъ А. Чебышевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Joël Barlow, американскій поэтъ р. 1755 г., ум. 1812 г., авторъ „Vision of Columbus“ (1787) и „Columbiad“ (1807). Бардо, въ качествѣ представителя Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ при Наполеонѣ, сопровождалъ послѣдняго въ его кампаніи въ Россію, гдѣ и скончался, не выдержавъ тягостей отступленія и суровости нашей зимы.

[2]) Извѣстный франц. натуралистъ р. въ 1707 г., ум. въ 1788 г.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 2 декабря 1910 г. по 12 января 1911 г.

Сенатскій архивъ. XIV. Указы и повелѣнія Императрицы Екатерины II за февраль-декабрь 1764 г. Спб. 1910. Изд Сенатскаго архива. Тип. сенатская. 8⁰ (18×26). XI+665 стр. Вѣсъ 3 ф. 3 л. 350 экз.

Сикорскій, И. А., проф.Н. И. Пироговъ, какъ мыслитель и человѣкъ. Кіевъ. 1910. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 8⁰ (19×27). 13 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 5 л. 200 экз.

Тенеромо, И. Толстой и Мечниковъ о женщинахъ. Спб. 1910. Тип. Улей (Кирпичный пер., 3). 8⁰ (15×21). 16 стр. Вѣсъ 3 л. 3.000 экз.

Толстой, Л. Н. „Богъ одинъ у всѣхъ“. М. 1910. Изд. Книгоизд. Максимова. Тип. Ф. И. Филатова (Срѣтенка). 16⁰ (12×18). XVI стр. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Толстой, Л. Н. Три сына. Новый разсказъ. М. 1910. Изд. Книгоизд. Максимова. Тип. Филатова (Срѣтенка, д. Малюшина). 16⁰ (11×17). XVI стр. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Толстой, Л. Н. „Ученіе Христа, изложенное для дѣтей“. М. 1910. Изд. „Посредника“, 2-е. Тип. Т-ва И. И. Кушнеревъ (Пименовская, св. д.). 8⁰ (14×20). 98 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 10 л. 7.000 экз.

Толстой, Л. Н. Чѣмъ люди живы. Разсказъ. М. 1910. Изд. 4-е „Посредника“. Тип. К. Л. Меньшова. 32⁰ (9×13). 31 стр. Вѣсъ 1 л. 16.000 экз.

Эрвинъ, Михаилъ. За Крестъ Господень. Историческая повѣсть изъ средневѣковой Византійской жизни. Спб. 1910. Изд. А. Ф. Девріена. Тип. Шмидтъ (Звенигородская, 20). 8⁰ (16×23). VIII+140 стр. Съ 8 рис. Ц. 1 р. 10 к. Вѣсъ 30 л. 5.100 экз.

Аксаковъ, К. С. Воспоминанія студентства 1832—1835 годовъ, съ приложеніемъ портрета К. С. Аксакова, неизданнаго стихотворенія и отклика А. И. Герцена на его кончину. Спб. 1911. Изд. т-ва „Огни“. Тип. „Герольдъ“ (Изм. п., 7-я рота, 26). 8⁰ (17×23). 42 стр.+1 портретъ, Складъ: Москва, Покровка, Введенскій пер., д. 28, Л. Э. Бухгеймъ. Ц. 60 к. Вѣсъ 7 л. 1.050 экз.

Бобринскій, А. А. гр. Народныя русскія деревянныя издѣлія. Вып. III-й М. 1910. Тип. А. А. Левенсонъ. 4⁰ (29×39). (9—12)+таблицъ 29—41. Вѣсъ 24. л. 500 экз.

Василичъ, Г. Разруха 1825 года. Восшествіе на престолъ Императора Николая I. Въ 2-хъ частяхъ. Со многими портретами и рисунками.

М. 1910. Изд. „Образованіе“, 4-е (Долгоруковская, 87). Тип. Русс Т-ва. (Мыльниковъ п., с. д.) 8⁰ (17×25). 159 стр. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 6.000 экз.

Измайловъ, А. Литературный Олимпъ. Левъ Толстой, Чеховъ, Андреевъ, Купринъ, Горькій, Сологубъ, Ясинскій, Брюсовъ, Саліасъ, Соловьевъ. Характеристики, встрѣчи, портреты, автографы. М. 1911. Тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8⁰ (16×22). 472 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 23 л. 3.000 экз.

Карпеко, Н. Древне-русская лѣтопись. По урокамъ преподавателя Д. И. Ревуцкаго. (На правахъ рукописи). Кіевъ 1910. Тип. Окружнаго Штаба (Банковая ул., 11). 8⁰ (15×23). 27 стр. Вѣсъ 3 л. 350 экз.

Кроспи, Эрнестъ. Толстой и его жизнеописаніе. Переводъ съ англійскаго. Со вступительной замѣткой Л. Н. Толстого и краткимъ біографическимъ очеркомъ „Эрнстъ Кросби, поэтъ новаго міра“, И. Горбунова-Посадова. М. 1911. Изд. „Посредника“ (Арбатъ, д. Тѣстовыхъ). Тип. И. Кушнеревъ и К⁰ (Пименовск., с. д.). 8⁰ (15×22). XXIII+62 стр. Ц. 45 к. Вѣсъ 9 л. 3.200 экз.

М., П. Н. Грибоѣдовъ. Горе отъ ума. (Характеристика главныхъ дѣйствующихъ лицъ). Разборъ русскихъ классиковъ. Вып. IX. Спб. 1910. Тип. Царскос. Центр. типографія. С. М. Боровкова (Малая, 61). 8⁰ (14×19). 39 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 3 л. 3.000 экз.

М., П. Н. Достоевскій Ѳ. М. Преступленіе и наказаніе и Братья Карамазовы. (Характеристика главныхъ дѣйств. лицъ). Вып. IX. Спб. 1911. Тип. Царскос. Центр. типографія С. М. Боровкова. 8⁰ (14×19). 85 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 3.000 экз.

Мартыновскій, В. Русскій писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ. Томъ II. Съ удареніями. Спб. 1910. Изд. Я. Башмакова, 20-е, стереотипное (Итальянская, 31). Тип. „Трудъ“ (Кавалергардская, 40). 8⁰ (18×25). VII+362+106 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 4.000 экз.

Михеевъ, С. Исторія Русской Арміи. Выпускъ III. Эпоха войнъ съ Наполеономъ I. М. 1911. Изд. С. Михеева и А. Казачкова (Знаменка, Александр. Воен. Уч.). Тип. Окружнаго Штаба. 8⁰ (16×23). 84 стр. Съ рис. Ц. 60 к. Вѣсъ 10 л. 1.200 экз.

Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ сенатскомъ архивѣ. Отд. III. Т. I. Спб. 1910. Тип. Сенатская. 8⁰ (18×27). 11+359 стр. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 300 экз.

Спасовичъ, В. Д. Байронизмъ у Пушкина и Лермонтова. Съ краткой біографіей лорда Байрона, составленной Богданомъ Степанцемъ. Вильна, 1911. Изд. Сѣверо-Западн. книгоизд. Тип. М. М. Кухты (Дворцовая, 4). 8⁰ (16×25). VIII+88+1 нен. стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 12 л. 3.000 экз.

Татищевъ, С. С. Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе. Томъ Второй. Спб. 1910. Изд. II-е и тип. А. С. Суворина. 8⁰ (22×32). XX+672 стр. Съ 24 порт. Ц. за 2 т. 12 р. Вѣсъ 7 ф. 16 л. 3.000 экз.

Тевтонскіе Крестоносцы (1410—1910). Историческая справка въ 500-лѣтнюю годовщину Грюнвальдскаго боя. Н.-Новгородъ. 1910. Тип. Губ. Правленія. 16⁰ (12×17). 23 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 2 л. 500 экз.

Щербатова, М. Н., кн. Матерьялы для справочной книги по русскимъ портретамъ. Вып. второй. Б. М. 1910. Тип. Синодальная. 8⁰ (20×27). 138 стр. Вѣсъ 26 л. 500 экз.

Козловъ, кап. Боевая служба 117-го пѣх. Ярославскаго полка со дня формированія (1763 г.). Минскъ. 1910. Тип. В. и И. Тасьманъ. 16⁰ (10×17). 8 стр.+1 таб. Вѣсъ 1 л. 2.000 экз.

Лермонтовъ, М. Ю. Полное Собраніе сочиненій. Томъ 2 и 3. (Академическая библіотека русскихъ писателей). Спб. 1910. Изд. Разряда изящной словесности Имп. Ак. Наукъ. Тип. Имп. Академіи Наукъ. 8⁰ (16×23). VIII+528+IV+370 стр. Ц. 1 р. и 1 р. 25 к. Вѣсъ 4 ф. 3 л. 15.012 экз.

Литовченко, К. П. Перечень дѣлъ и документовъ общаго архива Министерства Путей Сообщенія, имѣющихъ отношеніе къ предметамъ вѣдѣнія С.-Петербургскаго Округа Путей Сообщенія. Вып. II. Спб. 1910. Изд. Спб. Округа Путей Сообщенія. Тип. Ю. Н. Эрлихъ (А. Э. Коллинсъ) (М. Дворянск., 19). 8⁰ (17×26). 2+321—647 стр. Вѣсъ 1. ф. 20 л. 500 экз.

Лицейскій Журналъ. Годъ восьмой 1910—1911. Спб. 1910. Тип. Сиріусъ (Соляной, 7). 8⁰ (16×23). 62 стр. Съ рис. Вѣсъ 9 л. 300 экз.

Николай Михаиловичъ, В. Кн. Переписка Императора Александра I. съ сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной. Спб. 1910. Тип. Экспедиціи Загот. Гос. бумагъ. 8⁰ (20×22). XXX+320 стр. Съ 8 рис. и 2 факсимиле. Вѣсъ 3 ф. 1.300 экз.

Романовъ, Е. Р. Бѣлорусскія народныя мелодіи. Пѣсни сезонныя, обрядовыя, игорныя, танцы, духовные стихи. Бѣлорусскій сборникъ. Вып. 7. Вильна. 1910. Тип. Русскій Починъ. 8⁰ (20×28). 44 стр. Вѣсъ 8 л. 1.000 экз.

Сиповскій, В. В. Исторія русской словесности (Исторія новой русской литературы XIX столѣтія). Пушкинъ, Гоголь, Бѣлинскій). Ч. III. Вып. I. Спб. 1910. Изд. Я. Башмакова и К⁰. Тип. М. Волковича (Садовая, 60). 8⁰ (17×23). XII+255 стр. Вѣсъ 27 л. 10.200 экз.

Соболевскій. А. И. Древній церковно-славянскій языкъ (Фонетика). (Изъ лекцій). Кіевъ. 1910. Изд. студ.-филол. Ун. св. Владиміра. Тип. Прогрессъ (Б. Подвальная, 2). 8⁰ (19×28). 201 стр. Складъ: кн. маг. В. А. Просяниченко (Фундуклеевская, 6). Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 500 экз.

Соболевскій, В. І. Императорское Училище Правовѣдѣнія въ 1885—1910 годахъ (Памятная записка). Спб. 1910. Тип. одиночной тюрьмы. 8⁰ (19×27). 79+48 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 25 л. 1.200 экз.

Стефановичъ, Дмитрій, свящ. О стоглавѣ. Его происхожденіе, редакція и составъ. Къ исторіи памятниковъ древнерусскаго церковнаго права. Спб. 1910. Изд. Спб. Духовной Академіи. Тип. Леонтьева (Басковъ, 4). 8⁰ (17×25). II+319 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 500 экз.

Тарапыгинъ, Ѳ. А. Извѣстные Русскіе дѣятели. Краткое ихъ жизнеописаніе. Выпускъ 6. Редакція проф. П. И. Ковалевскаго. Спб. 1911. Тип. Леонтьева (Басковъ пер., 4). 4⁰ (28×21). 22 стр. Съ рис. Ц. 25 к. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Хвостовъ, В. М., проф. Теорія историческаго процесса. Курсъ лекцій. М. 1910. Тип. О. Л. Сомовой (Б. Никитская. д. Шапошниковой). 8⁰ (16×25). 247+IV стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 31 л. 600 экз.

403 Засѣданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей 23 Октября 1910. Одесса. 1910. Тип. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8⁰ (19×27). 8 стр. Вѣсъ 2 л. 210 экз.

Чуковъ, Н. К., прот. Историческій очеркъ развитія церковныхъ

школъ въ Олонецкой епархіи (По поводу 25-лѣтія ихъ со дня изданія „Правилъ о церковно-приходскихъ школахъ“—13-го іюня 1884 г.) Петрозаводскъ. 1910. Тип. Олонецк. Губернская, 8⁰ (18×26). 79 стр. Вѣсъ 7 л. 750 экз.

Алексій 2-й, іером. Краткія свѣдѣнія о Кожеозерскомъ монастырѣ, что въ Онежскомъ уѣздѣ, архангельской епархіи, и объ его основателяхъ-подвижникахъ и о св. преподобномъ Никодимѣ. Архангельскъ. 1910. Тип. В. Черепанова и-ки. 8⁰ (15×24). 8 стр. Вѣсъ 1 л. 2.000 экз.

Антоній (Храповицкій), архіеп. Полное собраніе сочиненій. Въ трехъ томахъ. Томъ II. Спб. 1911. Изд. 2-е, значит. дополн., И. Л. Тузова. Тип. М. П. Фроловой (Галерная, 6). 8⁰ (16×25). 540+4 стр.. Съ портр. Ц. за три тома 6 р. Вѣсъ 1 ф. 26 л. 3.000 экз.

Арсеньева, С. Д. Осада Пскова 1615—1616 г. Солдатская библіотека. Спб. 1910. Изд. В. Березовскаго, 2-е. Тип. Арнгольда (Лит. пр., 59). 16⁰ (13×17). 15 стр. Ц. 4 к. Вѣсъ 2 л. 7.000 экз.

Арсеньева, С. Д Царствующій Домъ Романовыхъ. Разсказы изъ русской исторіи. Вып. IX. Начало царствованія Императора Александра II, съ портретомъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, съ 14-ю картинами и 8-ю рисунками въ текстѣ. Спб. 1911. Изд. Училищнаго совѣта при Св. Синодѣ. Тип. Синодальная (Кабинетская, 15). 8⁰ (16×24). 2 нен.+ +333 стр. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 20.000 экз.

Архангельскій, А. С., проф. Русская литература XVIII вѣка. Изъ лекцій по исторіи русской литературы. I. Литература петровскаго времени и ближайшихъ десятилѣтій,—до Ломоносова. Казань. 1910. Изд. Историко-фил. фак. каз. унив. Тип. Университета. 8⁰ (17×25). 254+XXIX стр. Вѣсъ 23 л. 500 экз.

Бураковскій С. Горе отъ ума А. С. Грибоѣдова. Разборъ комедіи для учащихся. Спб. 1911. Изд. 9-е. Тип. В. А. Тиханова (Садовая, 27). 8⁰ (15×23). 38 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 4 л. 2.400 экз.

Виппер̀ъ, Р., проф. Очерки теоріи историческаго познанія. М. 1911. Тип. И. Кушнерева и К⁰ (Пименовск., с. д.). 16⁰ (13×18). 284 стр. Складъ: кн. маг. Спиридонова (Столешниковъ пер., д. Ліанозова). Ц. 1 р. Вѣсъ 18 л. 2.000 экз.

Волжинскій, пол. Бесѣды съ нижними чинами къ 100-лѣтнему юбилею Отечественной войны 1812 года. Варшава. 1910. Тип. Губ. Правленія (Медовая, 20). 8⁰ (15×22). 24 стр. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Гоголь, Н. В. Полное собраніе художественныхъ произведеній съ біографіей, написанной проф. А. И. Кирпичниковымъ. Съ рис. художниковъ Аѳанасьева, Иванова, Моравова, Навозова, Пичугина, Ягужинскаго и др. М. 1910. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая). 8⁰ (15×23). XXX+820 стр. Съ рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 24 л. 20.000 экз.

Кирѣевскій, И. В. Полное собраніе сочиненій. Въ двухъ томахъ. Подъ ред. М. Гершензона. Т. I. М. 1911. Тип. Университетская. 8⁰ (17×25). 287 стр. Съ портр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 1.500 экз.

Кирѣевскій, И. В. Полное собраніе сочиненій. Въ двухъ томахъ. Подъ ред. М. Гершензона. Т. 2. М. 1911. Тип. Университетская. 8⁰ (17×25). 296+II стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 1.500 экз.

Копи А. Ѳ. Докторъ Ѳ. П. Гаазъ (Краткій біографическій очеркъ). М. 1910. Изд. Московск. городск. склада учебн. пособій. Тип. городская. 8⁰ (15×22). 37 стр. Съ рис. Вѣсъ 5 л. 10.150 экз.

Лицейскій журналъ. Годъ седьмой. VI. 1909—1910. Спб. 1910. Тип. Сиріусъ. 8⁰ (16×23). 295—334 стр. Съ рис. Вѣсъ 6 л. 150 экз.

Матвѣевъ, Н. П. Краткій историческій очеркъ г. Владивостока 1860—1910 гг. Владивостокъ. 1910. Изд. г. Владивостока. Тип. Н. П. Матвѣева. 8⁰ (15×22). 192 стр. Съ рис.+1 планъ. Вѣсъ 17 л. 5.000 экз.

Мордовцевъ, Д. Л. Полное собраніе сочиненій. Т. LII. Замѣчательныя историческія женщины на Руси. Отъ Княгини Ольги до нашихъ временъ. 120 біографій и характеристикъ. Спб. 1910. Изд. Перевозникова (Банковскій пер., № 31—2). Тип. Балянскаго (Загородный, 74), 8⁰ (15×21). 347 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 24 л. 3.000 экз.

Мошинъ, А. Н. и Рыбаковъ, С. Г. Древнія псальмы Псковскаго Края. Спб. 1911. Тип. »Труженикъ« (Вознесен. пр., 53). 4⁰ (22×28). 15 стр. Адр. изд.: Николаевская 16, у Рыбакова. Ц. 35 к. Вѣсъ 5 л. 2.000 экз.

Озолъ, Р. Исторія Россіи съ приложеніемъ краткой исторіи Прибалтійскаго края и Битовскаго княжества. Для начальныхъ училищъ Прибалтійскихъ губерній. Венденъ 1911. Изд. и тип. Я. Озолъ, 2-е. 8⁰ (13×21) 52 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 7 л. 3.000 экз.

Острогорскій Викторъ. Руководство по чтенію поэтическихъ сочиненіе (по Л. Экквардту). Спб. 1911. Изд. 5-е. Тип. М. Стасюлевича. (В. О., 5 л., 28). 8⁰ (14×20). XV+107 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 11 л. 3.000 экз.

Пироговъ, Н. И. Сочиненія. Томъ первый. Съ портретомъ автора. Изданіе въ память столѣтія со дня рожденія Н. И. Пирогова 1810 г.—13-го ноября—1910 г. Кіевъ. 1910. Изд. Пироговскаго т-ва Тип. П. П. Сойкина (Спб., Стремянная, 12). 8⁰ (18×25). 962 стр. (въ 2 ст.) и 1 порт. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 27 л. 4.000 экз.

Положеніе о фондѣ имени А. С. Пушкина. Псковъ. 1910. Тип. Губ. Правленія. 8⁰ (15×24). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 512 экз.

Порфирьевъ, И. Исторія русской словесности. Часть II. Новый періодъ. Отдѣлъ 3-й. Литература въ царствованіе Александра I. Казань. 1910. Изд. автора, 4-е (2-я Солдатская, 2). Тип. университета. 8⁰ (17×25). 256 стр. Ц. 1. 20 к. Вѣсъ 22 л. 3.600 экз.

Ромашковъ, Д., свящ. Къ столѣтнему юбилею отечественной войны 1812 года. Приснопамятная и незабвенная страница изъ исторіи Московской Евпловской, на Мясницкой, церкви. М. 1911. Тип. „Русская печатня“. 8⁰ (16×23). 31 стр. Съ рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 6 л. 500 экз.

Русская историческая библіотека. Т. XXVII. Литовская метрика. Отд. I. ч. 1 книги записей, т. I. Спб. 1910. Изд. Археографической коммиссіи (Надеждинская, 27). Тип. Сенатская. 8⁰ (20×30). IX+38+872 столб.+150+ +2+5 таб.+II стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 4 ф. 18 л. 500 экз.

Свѣтлый Витязь Скопинъ-Шуйскій. „Отечественная библіотека“, № 6. Спб. 1911. Изд. Всероссійскаго Національнаго Клуба (Литейный пр., 10). Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8⁰ (15×22). 36 стр. Съ 8 рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 20.150 экз.

Слово о полку Игоря. Текстъ памятника съ примѣч., прозаическій и поэтич. его переводы, Матеріалы для сравнит. изученія, объясн. статьи и словарь.—Русская классная библіотека, изд. подъ редакц. А. Н. Чудинова. Пособіе при изученіи русск. литературы. Вып. I. Спб. 1911. Изд. 9-е. Тип. Глазунова (Казанская ул., 8). 8⁰ (16×21). X+82 стр. Съ 2 рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 9 л. 6.050 экз.

Собраніе сочиненій русскихъ и иностранныхъ писателей, имѣющихся

въ продажѣ въ книжныхъ магазинахъ товарищества М. О. Вольфъ. Спб. 1910. Изд. и тип. Т-ва М. О. Вольфъ. (18×26). 12 стр. Вѣсъ. 2 л. 40.000 экз.

Спиро, С. П. Бесѣды съ Л. Н. Толстымъ (1909 и 1910 г.г.). Съ портретомъ и факсимиле. Л. Н. Толстого. М. 1910. Тип. Городская. 8° (15×22). 74 стр. Съ портр. Ц. 50 к. Вѣсъ 9 л. 3.650 экз.

Сюзоръ, Георгій. Ко дню LXXV юбилея Императорскаго Училища Правовѣдѣнія 1835—1910 гг. Историческій очеркъ. Спб. 1910. Тип. Государственная. 4° (22×30). 512 стр. Съ портр. Вѣсъ 3 ф. 11 л. 600 экз.

Труды четырнадцатаго археологическаго съѣзда въ Черниговѣ 1908. Подъ ред. графини Уваровой. Томъ I. М. 1910. Изд. Археологическаго Общества. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестовоздв. пер., д. Лиснера). 4° (27×36). XVII+553 стр.+13 (табл.). Вѣсъ 6 ф. 3 л. 700 экз.

Тулуповъ, Н. В. Собраніе родныхъ сказокъ по Аѳанасьеву и другимъ сборникамъ. Рисунки художника С. И. Ягужинскаго. М. 1910 Изд. 5-е. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (20×24). 230 стр. Ц. 1 р. 20 к. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 4.000 экз.

Фаресовъ, А. И. Жизнь и поэзія А. П. Меженинова. Спб. 1911. Тип. А. С. Суворина. 8° (17×21). 88 стр. I портр. Ц. 75 к. Вѣсъ 13 л. 1.000 экз.

Шимаанъ, проф. и Брикнеръ, проф. Время Павла I и его смерть. Переводъ съ нѣмецкаго со многими портретами фото-типогр. и рисунками въ текстѣ. М. 1910. Изд. Образованіе (Тверская-Ямская 46/7), 3-е. Тип. Рус. Т-ва (Мыльниковъ п., с. д.). 8° (18×26). 153 стр. Съ портр. и рис. Вѣсъ 1 ф. 6 л. 6.000 экз.

Алферовъ, А. Д. Родной языкъ въ средней школѣ. (Опытъ методики). М. 1911. Изд. „Сотрудникъ Школъ“. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. п., 9). 8° (16×24). VII+556 стр. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 11 л. 3.075 экз.

Архивъ Раевскихъ, т. III. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. Спб. 1910. Изд. П. М. Раевскаго. Тип. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (18×26). XVII—717 стр.+4 рис. Вѣсъ 4 ф. 18 л. 600 экз.

Баршевскій, Вл. Мысли Гоголя о сценическомъ служеніи. Нѣжинъ. 1910. Тип. насл. В. К. Меленевскаго (д. Безсмертнаго). 8° (18×27). 12 стр. Вѣсъ 2 л. 320 экз.

Бирюковъ, П. И. Левъ Николаевичъ Толстой. Біографическій очеркъ для семьи и школы. М. 1911 Изд. „Юной Россіи“ (Б. Молчановка, 18). Тип. К. Л. Меньшова. (Никольск. п., 21). 8° (16×21). 39 стр. Съ рис. Ц. 12 к. Вѣсъ 5 л. 10.000 экз.

Бирюковъ, П. Левъ Николаевичъ Толстой. Краткій біографическій очеркъ. Со спискомъ сочиненій Л. Н. Толстого въ хронол. порядкѣ. М. 1911. Изд. „Посредника“ 2-е (Арбатъ, д. Тѣстовыхъ, И. И. Горбуновъ). Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская с. д.). 8° (14×20). 42—2 нен. стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 5 л. 10.200 экз.

Боднарскій, Б. С. Библіографія произведеній Л. Н. Толстого. Опытъ систематическаго указателя. М. 1910. Изд. Маг. Трудъ. Тип. М. В. Балдинъ и К° (Арбатъ, 7). 8° (18×26). 26 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 600 экз.

Голубевъ, С. Т. Память митрополита Петра Могилы въ Кіевской Академіи 31 декабря 1754 года. (Къ исторіи русскаго проповѣдничества за вторую половину XVIII столѣтія). Кіевъ. 1910. Тип. Акц. О-ва „Петръ Барскій“ (Крещатикъ, 40). 8° (17×25). 57 стр. Вѣсъ 7 л. 100 экз.

Добролюбовъ, В. Библіографическій словарь писателей, ученыхъ, художниковъ, уроженцевъ (преимущественно) Рязанской губерніи. Дополненъ С. Д. Яхонтовымъ. (Къ 25-лѣтію Рязан. Арх. Коммис.). Рязань. 1910. Изд. Рязанск. Арх. Комис. Тип. Губернская. 8⁰ (17×26). II нен+338+14 нен. стр. Вѣсъ 31 л. 400 экз.

Дюнькинъ, Н. И. и Новиковъ, А. И. В. Г. Бѣлинскій. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній. Подъ ред. Влад. Рябова. Спб. 1910. Изд. кн. маг. Ив. Загряжскаго. Тип. В. Безобразова и К⁰. (В. О., Б. просп., 61). 8⁰ (16×23). 103 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 9 л. 2.000 экз.

Записки Императорской Академіи Наукъ. Томъ XVIII № 9. Спб. 1910. Тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 л., 12). 4⁰ (24×33). 66 стр. Вѣсъ 22 л. 1.150 экз.

Извѣстія Императорской Археологической Комиссіи. Вып. 37. Спб. 1910. Изд. Археологич. Комиссіи. Тип. Киршбаума (Новоисаакіевская, 20). 8⁰ (20×28). XIII+114 стр. Съ 4 таб. и 85 рис. Вѣсъ 1 ф. 1 л. 900 экз.

Содержаніе: Никольскій, М. В. Новооткрытая въ Эриван. губ. клинообразная надпись.—Шкорпилъ, В. В. Боспорскія надписи.—Латышевъ, В. В. Дополненіе къ Ios P. E. II, № 313.—Шкорпилъ, В. В. и Ростовцевъ, М. И. Эпиграмма изъ Эль-Тегеня.—Шкорпилъ, В. В. Замѣтка о рельефѣ на памятникѣ съ надписью Евпатерія.—Латышевъ. В. В. Неизданныя Горлепійскія надписи. В. Л. Замѣтка къ эпиграммѣ Эль-Тегеня.—Латышевъ, В. В. Эпиграфическія новости изъ Ю. Россіи.—Латышевъ, В. В. Эпиграфическія замѣтки.—Радловъ, Н. Э. Два черенка съ о. Березани.—Веселовскій, Н. И. Развѣнчанный перстень.—Городцовъ, В. А. Бахмутская „миніатюрная каменная баба“.—Веселовскій, Н. И. По поводу отвѣта В. А. Городцова.—Новый Итальянскій законъ объ охранѣ предметовъ древности и изящныхъ искусствъ. Пер. съ ит. П. С. Раевскаго.

Изъ академической жизни. Оттискъ изъ журн. „Труды Кіев. духовной Академіи“. Кіевъ. 1910. Тип. Акц. О-ва „Петра Барскаго“ (Крещатикъ, 40). 8⁰ (17×25). 12 стр. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Исторія русской литературы XIX в. Подъ ред. Д. Н. Овсяника-Куликовскаго. Томъ I. 10 выпусковъ. М. 1910. Изд. т-ва „Міръ“ (Знаменская, 13). Тип. И. Кушнеревъ и К⁰ (Пименовск., с. д.). 8⁰ (19×28). 368 стр. Съ портр. Вѣсъ 6 ф. 8 л. 2.500 экз.

Исторія Торговли и Промышленности въ Россіи. Томъ I. Вып. VI. Кредитныя учрежденія. Подъ ред. П. Х. Спасскаго. Спб. 1911. Тип. М. Аленевой (Мойка 54). 4⁰ (23 × 30). 40 стр. Съ 8 рис. Вѣсъ 12 л. 1.350 экз.

Катаевъ, Н. М. Къ вопросу о типѣ учебника русской исторіи для средней школы. М. 1911. Тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8⁰ (15×22). 24 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 3 л. 2.000 экз.

Каталогъ библіотеки Императорской Археологической Коммиссіи. Дополненіе за 1907—9 гг. Спб. 1910. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8⁰ (18×26). 60 стр. Вѣсъ 13 л. 50 экз.

Крѣпостное право въ Россіи и реформа 19 февраля. (Историческая Комиссія Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З. Редакція А. Н. Дживелегова. С. П. Мельгунова и В. И. Пичета). М. 1911. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.), 8⁰ (16×23). 399 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 10 к. Вѣсъ 1 ф. 23 л. 8.000 экз.

Леонидъ. Краткая исторія Лейбъ-Гвардіи Кекгольмскаго Императора Австрійскаго полка. (Наша армія № 59). М. 1910. Изд. Вѣрность Тип. Русская печатня (Тріумф.-Садовая, 170). 16⁰ (11×17). 12 стр. съ рис. Вѣсъ 1 л. 500 экз.

М. Т. Чествованіе 50-лѣтней годовщины со дня смерти Алексѣя Степановича Хомякова. Кіевъ. 1910. Изд. Кіев. женской гимн. А. К. Титаренко. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 8⁰ (18×26). 26 стр. Вѣсъ 6 л. 75 экз.

Мережковскій, Д. С. Лермонтовъ поэтъ сверхчеловѣка. Гоголь, Творчество, Жизнь и Религія. Спб. 1911. Изд. и тип. Просвѣщеніе (Забалк. пр., 75). 8⁰ (14×22). 219 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 20 л. 3.300 экз.

Морской, А. Исходъ россійской революціи 1905 года и Правительство Носаря. М. 1911. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 8⁰ (14×21). 128 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 11 л. 3.000 экз.

Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенатскомъ Архивѣ. Отдѣлъ I т. 2-й Спб. 1910. Тип. Сенатская. 8⁰ (18×27). V+612 стр. Вѣсъ 2 ф. 22 л. 300 экз.

Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1907 годъ. Спб. 1910. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 4⁰ (28×37). 157 стр. Съ 134 рис. Вѣсъ 2 ф. 9 л. 650 экз.

Покровскій, В. И. Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1911. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. п., св. д.). 8⁰ (17×26). 127 стр. Складъ Кн. маг. В. Спиридова и А. Михайлова (Столешниковъ п., д. Ліанозова). Ц. 40 к. Вѣсъ 13 л. 3.000 экз.

Покровскій, М. Н. Русская исторія. Томъ 2. книга 4. При участіи М. Н. Никольскаго и В. Н. Сторожева. М. 1910. Изд. т-ва Міръ (Знаменка, 9). Тип. т-ва И. Н. Кушнерева (Пименовская, св. д.). 8⁰ (19×27): 161—306+49 стр.+9 лист. рис. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 15 л. 5.000 экз.

Постниковъ, І., свящ. Преподобный Нэктарій Бѣжецкій. Тверь. 1910. Изд. Тверск. епарх. истор.-археол. комит. Тип. Н. М. Родіонова (Трехсвятская, д. Шиканова). 8⁰ (16×22). 28 стр. Вѣсъ 3 л. 600 экз.

Пясецкій, В. Н. проф. Значеніе искусствъ въ нашей жизни и изученіе ихъ исторіи въ русскихъ школахъ. Спб. 1911. Тип. Сойкина (Стремянная, 12). 8⁰ (16×23). 34 стр. Вѣсъ 5 л. 700 экз.

Сборникъ статей по Архивовѣдѣнію, издаваемый подъ ред. И. И. Зубарева. Т. I. Ч. I. Спб. 1910. Изд. кн. скл. „Наука и жизнь“. Тип. Смирнова (Екатерининскій кан., 45). 8⁰ (18×27). L+250 стр.+1 портр. Складъ: ст. Дудергофъ, церковный домъ. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 950 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Т. I, вып. I-й. Народная словесность. Примѣнительно къ „Исторіи русской словесности“ того же автора. Ч. I, вып. I. Спб. 1911. Изд. Я. Башмакова и К⁰, 5-е (Спб., Итальянская, 31). Тип. М. Волковича (Садовая, 60, уг. Б. Подъяческой). 8⁰ (16×23). VII+252 стр. Ц. 90 к. Вѣсъ 27 л. 8.000 экз.

Судравскій, В. К. Военная галлерея Зимняго дворца. (Къ предстоящему юбилею 1812 года). Спб. 1910. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая 40) 8⁰ (16×24). 38 стр. Вѣсъ 5 л. 50 экз.

Титовъ, Ѳ. И., проф. Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви. Вып. X. Кіевъ. 1910. Тип. Акц. О-ва

„Петръ Барскій“ (Крещатикъ, 40). 8⁰ (17×25). 28 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 4 л. 115 экз.

Тулуповъ, Н. В. и Шестаковъ, П. М. Какъ крестьянамъ дали волю. (Для раздачи ученикамъ ко дню 50-лѣтія). М. 1911. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая ул., с. д.). 16⁰ (13×17). 120 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 9 л. 10.000 экз.

Финдейзенъ, Ник. Музыкальная Старина. Сборникъ статей и матеріаловъ для исторіи музыки въ Россіи. Вып. V Памяти Степана Васильевича Смоленскаго. Спб. 1911. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая 40). 8⁰ (17×24). 102 стр. Съ 5 рис. Ц. за V и VI вып.—3 р. Вѣсъ 16 л. 200 экз.

Цвѣтаевъ, И., проф. Спорные вопросы. Опытъ самозащиты М.-Дрезденъ. 1910. Изд. Москов. Публ. и Румянц. муз. Тип. А. Снегиревой (Савеловскій пер., св. д.). 4⁰ (23×30). 6 нен.+IV+XXXII+85 стр. Вѣсъ 1 ф. 1 л. 225 экз.

Чижовъ, С. Деньга великаго князя Димитрія Юрьевича Галицкаго, М. 1910. Тип. Синодальная. 8⁰ (19×28). 18 стр. и 1 карта. Вѣсъ 7 л. 65 экз.

Чижовъ, С. Непріуроченная монета удѣльнаго періода. Оттискъ изъ „Нумизматическаго Сборника“, т. I. М. 1910. Тип. Синодальная. 8⁰ (19×28). 19 стр. Вѣсъ 7 л. 60 экз.

Шахматовъ, А. А. Курсъ исторіи русскаго языка (Читан. въ Спб. университетѣ въ 1908—9 г.). Ч. I. Спб. 1910. Изд. 2-е. Литогр. Богданова (Эртелевъ пер., 1). 8⁰ (19×30). 160 стр. Вѣсъ 27 л. 200 экз.

Шляпкинъ, И. А., проф. Исторія литературы юго-западной Руси. (XVI—XVII вв.). Лекціи, читанныя въ 1908—9 гг. Спб. 1910. Лит. Богданова (Эртелевъ, 7). 8⁰ (19×30). 160 стр. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 500 экз.

Юбилейный актъ Калужской женской гимназіи 31-го октября 1910 г. (1860—1910 гг.). Калуга. 1910. Тип. Губернская. 8⁰ (13×18). 41 стр. Вѣсъ 2 л. 500 экз.

Бауэръ, Г. Ѳ. Старѣйшая гимназія въ Россіи. Очерки изъ прошлаго ревельской гимназіи Императора Николая I. Ревель. 1910. Тип. I. и А. Пальмана. 8⁰ (16×24). 59+1 стр. Съ рис. Ц. 60 к. Вѣсъ 9 л. 3.000 экз.

Божеряновъ, И. Н. Война русскаго народа съ Наполеономъ 1812 г. Спб. 1910. Изд. Общества попеч. о безпріют. дѣтяхъ (Спб., Ждановск. набер., 21). Тип. А. Бенке (Нов. пер., 2). f⁰ (32×40). 132 стр. Съ 164 рис. 13 отд. и 7 плановъ. Вѣсъ 6 ф. 8 л. 3.000 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Собраніе сочиненій въ трехъ томахъ. Юбилейное изданіе (1811—1911). Подъ ред. Иванова-Разумника, съ его вступительными замѣтками къ каждой статьѣ Бѣлинскаго, примѣчаніями и историко-критическимъ и біографическимъ очеркомъ. Съ приложеніемъ портрета Бѣлинскаго и именного алфавитнаго указателя ко всѣмъ тремъ томамъ. Библіотека русскихъ юристовъ. Спб. 1911. Тип. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8⁰ (20×28). I—CXXIV столбц.+1040 столбц.; II—1140 столбц.; III—1117 столбц. Ц. за три тома 3 р. 50 к. Вѣсъ 6 ф. 16 л. 5.025 экз.

Великая реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Юбилейное изданіе. Томъ III. (Историческая комиссія учебнаго отдѣла О. Р. Т. З.). Редакція А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. М. 1911. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 4⁰ (21×29). 266+2 нен. стр. Съ рис. Вѣсъ 3 ф. 19 л. 3.000 экз

Венгеровъ, С. А. Собраніе сочиненій. Томъ I. Героическій характеръ русской литературы. Спб. 1911. Изд. Изд-ства „Прометей“ (Спб., По-

варской, 10). Тип. „Энергія“ (Загородный пр., 17). 8⁰ (17×24). 205 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 22 л. 4.100 экз.

Воронежская старина. Вып. 9. Воронежъ. 1910. Изд. Воронеж. церк.-археол. комит. Тип. Т-ва Н. Кравцовъ и К⁰ (Б. Дворянская, д. Сталь). 8⁰ (18×27). II+348 стр. Съ рис. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 750 экз.

Годуновъ, В. И. Краткій очеркъ исторіи Эстляндіи къ 200-лѣтнему юбилею завоеванія ея Россіею. Ревель. 1910. Изд. Особаго, состоящаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ, комитета по сооруженію въ Ревелѣ памятника Императору Петру I. Тип. А. Миквицъ. 8⁰ (17×25). 94+7 нен. стр. Съ рис. Вѣсъ 21 л. 1.300 экз.

Грабарь, Игорь. Исторія Русскаго Искусства. Вып. 7. Спб. 1910. Изд. І. Кнебель.—Москва. Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4⁰ (24×31). 225—336 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 60 к. Вѣсъ 1 ф. 19 л. 15.000 экз.

Грейфенгагенъ, В. Осада и капитуляція Ревеля въ 1710 г. Къ празднованію 200-лѣтней принадлежности Ревеля и Эстляндіи къ Россійской Имперіи. Перераб. О. В. Грейфенгагенъ. Ревель. 1910. Тип. А. Миквица. 8⁰ (14×21). 33+1 стр. Вѣсъ 5 л. 500 экз.

Данилевичъ, В. Е. Музеи изящныхъ искусствъ и древностей при Харьковскомъ университетѣ (1805—1905). Харьковъ. 1910. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещ., 3). 8⁰ (17×26). 18 стр. Вѣсъ 3 л. 50 экз.

Записки Императорскаго Новороссійскаго университета историко-филологическаго факультета. Выпускъ II. Изд. подъ редакц. и. д. проф. Доброклонскаго. Одесса. 1910. Тип. „Техникъ“ (Успенская, 56). 8⁰ (18×26) 136+88+86 стр. Ц. 1 р. 75 к. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 400 экз.

Содержаніе. Аваліани, С. Историографія земскихъ соборовъ.—Его-же. О представительствѣ на земскихъ соборахъ XVI и XVII в.—Гордіевскій, М. Критическій разборъ двухъ первыхъ антиномій Конта.

Записки Императорскаго Новороссійскаго университета историко-филологическаго факультета. Выпускъ III. Изд. подъ редакц. и. д. проф. Доброклонскаго. Одесса. 1910. Тип. „Техникъ“ (Успенская, 56). 8⁰ (18×26). XXXVIII+319 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 300 экз.

Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX в. Томъ II. Спб. 1911. Изд. 3-е доп. Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. О., 5 лин., д. 28). 8⁰ (17×24). XVII+520 стр. Ц. 3 р. за два тома. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 3.050 экз.

Извѣстія Императорской Археологической комисіи. Вып. 36. (Вопросы реставраціи вып. 6). Спб. 1910. Изд. Археологич. Комисіи. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8⁰ (20×29). 126 стр. Съ рис.+17 таб. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 900 экз.

Содержаніе. Протоколы.—Покрышкинъ, П. П. Часть прясла въ древней смоленской крѣпостной стѣнѣ.—Романовъ, К. К. Георгіевскій соборъ въ г. Юрьевѣ Польскомъ,—Романовъ, К. К. Звонница Тихвинскаго Богородице-Успенскаго м-ря Новгородской губ.

Изъ введенія въ курсъ литературы преподавателя С. А. Новицкаго. (Приложеніе къ отчету Кобелякскаго Ком. уч. за 1908—09 и 1909—10 учеб. годы). Кобеляки. 1910. Тип. М. И. Золотаревскаго. 8⁰ (18×27). 13 стр. Вѣсъ 3 л. 200 экз.

Какъ прекратилось крѣпостное право на Руси. Отечественная библіо-

тека. Спб. 1911. Изд. Всер. Нац. Клуба (Литейный, 10). Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8⁰ (14×20). 28 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 10.000 экз.

Карѣевъ, Н., Краткая, исторія прошлаго столѣтія. Обзоръ главныхъ политическихъ событій въ Европѣ, преимущественно западной, между 1800 и 1900 г.г. Пособіе для самообразованія. Спб. 1911. Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. Остр., 5 линія, 28). 8⁰ (15×21). 288 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 20 л. 5.100 экз.

Каталогъ исторической выставки въ празднество 200-лѣтія присоединенія Эстляндіи къ Россійской Имперіи, въ домѣ братства Черноголовыхъ въ Ревелѣ отъ 29-го сентября по 3-е оятября 1910 г. Ревель. 1910. Тип. Ревельск. газ. 8⁰ (14×20). 44 стр. Вѣсъ 4 л. 400 экз.

Клейнъ, Э. М., Довгялло, Д. И. и Бѣлоцерковецъ, Н. Е. Городъ Борисовъ (Минской губ.). Содержаніе: Наружное описаніе съ 24 видами Борисова, Ново-Борисова и Стараго Борисова. Промышленная и общественная жизнь. Исторія. Вильна Изд. Сѣв.-Зап. отд. Русск. Геогр. Общ. Тип. А. Г. Сыркина (Большая, соб. д.). 8⁰ (16×25). 38 стр. Съ рис. Ц. 25 к. Вѣсъ 5 л. 300 экз.

Корикъ, Г. Обзоръ памятниковъ русской словесности. Выпускъ 7. Н. В. Гоголь. Подробный пересказъ содержанія и краткій разборъ произведеній Н. В. Гоголя, примѣнительно къ устнымъ отвѣтамъ по русскому языку. Одесса. 1910. Тип. „Одесскихъ Новостей“ (Екатерининская, 8). 16⁰ (13×18). 96 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 10 л. 2.000 экз.

Корикъ, Г. Обзоръ памятниковъ русской словесности. Выпускъ 6-й. М. Ю. Лермонтовъ, И. А. Крыловъ и А. В. Кольцовъ. Подробный пересказъ содержанія и краткій разборъ произведеній Лермонтова, Крылова, и Кольцова, примѣнит. къ устн. отв. по рус. яз. Одесса. 1910. Тип. „Одесск. Новост.“ (Екатерин., 8). 16⁰ (13×19). 96 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 11 л. 2.000 экз.

Короленко, П. П. Записки по исторіи Сѣверо-Восточнаго побережья Чернаго Моря Сочи. Одесса. 1910. Тип. Хрисогелоса (ул. Кондратенко. 8). (20×28). 20 стр. Вѣсъ 4 л. 50 экз.

Котляревскій, Н. А. Отчетъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за 1910 г. Спб. 1910. Изд. и тип. Академіи Наукъ. 8⁰ (17×25). 71 стр. Вѣсъ 10 л. 638 экз.

Крѣпостное право и крестьянская жизнь. Общедоступный сборникъ. Въ разсказахъ, стихахъ, пѣсняхъ и воспоминаніяхъ современниковъ. Подъ ред. С. П. Мельгунова. М. 1911. Тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8⁰ (18×26). IV+327 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 5.000 экз.

Кульбакинъ. С. М., проф. Древне-церковно-славянскій языкъ. I. Введеніе. Фонетика. Харьковъ. 1911. Тип. М. Зильберберга и С-вей (Донецъ-Захаржевская, с. д.). 8⁰ (20 × 25). VШ+124 стр. Вѣсъ 23 л. 1.000 экз.

Лапшинъ, И. И. Философскіе мотивы въ творчествѣ Н. А. Римскаго-Корсакова—О музыкѣ и музыкантахъ. Серія I. Вып. 2-й. Спб. 1911. Изд. В. Гоффа (Садовая, 70). Тип. Арнгольда (Литейный, 59). 8⁰ (18×25). 21 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 3 л. 450 экз.

Ольденбургъ, С. Ф. Отчетъ о дѣятельности Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣ-

леніямъ за 1910 годъ. Спб. 1910. Изд. и тип. Акад. Наукъ. 8° (12×25). 304+4 стр. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 638 экз.

Описаніе военныхъ дѣйствій на морѣ въ 37—38 г.г. Мейдзи (въ 1904—1905 годахъ). Т. IV. Дѣйствія противъ 2-й Тихоокеанской эскадры. Перев. съ японск. А. Воскресенскаго. Спб. 1910. Изд. Морск. Генер. Штаба. Тип. Морск. Министерства (въ Гл. Адмиралт.). 8° (18×28). V+315 стр. Съ 5 черт., 8 карт. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 24 л. 2.000 экз.

Писаревъ, А. А. Подробное извѣстіе о Лейбъ-Гвардіи Семеновскомъ полку. Полтава. 1910. Тип. И. А. Дохманъ. 8° (15×23). 26 стр. Вѣсъ 3 л. 250 экз.

Пушкинскій семинарій при Спб. Университетѣ. Подъ руководствомъ С. В. Венгерова. Вып. I. Программа составленія словаря поэтическаго языка Пушкина. Спб. 1911. Тип. „Энергія“ (Загородный пр., д. 17). 8° (16×25). 8 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 2 л. 500 экз.

Рагозина, Е. А. Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 гг. Спб. 1910. Тип. Стойковой (Знаменская, 27). 8° (16×25). 143 стр. Вѣсъ 14 л. 600 экз.

Рогозинниковъ, Ив. Къ двухсотлѣтію присоединенія Эстляндіи къ Державѣ Россійской. 1710—1910 Ревель. 1910. Изд. Особаго сост. подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ комит. по сооруж. памятника Имп. Петру I въ Ревелѣ. Тип. Г. Геберта. 8° (15×23). 24 стр. Съ рис.+7 лист. рис. Вѣсъ 5 л. 80.000 экз.

Святловскій, В. В. Мобилизація земельной собственности въ Россіи (1861—1908). Спб. 1911. Изд. 2-е. пересмотр. и доп. Тип. Герольдъ (Измайл. п. 7-я рота, 26). 8° (16×24). 150 стр. и 4 табл. Ц. 1 р. Вѣсъ 30 л. 850 экз.

Ухачъ-Огоровичъ, Н. А. Къ вопросу о транспортахъ Маньчжурскихъ армій. По поводу работъ Военно Исторической Коммиссіи, по описанію русско-японской войны. Кіевъ. 1910. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 8° (18×28). 198+XI стр. Вѣсъ 29 л. 500 экз.

Флоровскій, А. В. Изъ исторіи екатерининской законодательной коммиссіи 1767 г. Вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Одесса. 1910. Тип. „Техникъ“ (Успенская 56). 8° (18×26). XXXVIII+319 стр. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 200 экз.

Архивный фонд
Московской обл. библиотеки

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1911 г.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ШЕСТОЙ

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и воспоминанія. СТРАН.

I. „Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ". Генералъ Церпицкій (Константинъ Викентьевичъ). А. Витмера . . . . . 34—40
II. Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ (1864—1909 гг.). Ивана Янжула . . . . . 43—70, 267—289 488—506
III. Изъ моихъ воспоминаній о послѣ Е. П. Новиковѣ Ст. Ник. Митусова . . . . . 93—94
IV. Воспоминанія стараго педагога. А. Ѳ. Андріяшева . . . . . 95—101 431—436
V. М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны. (Изъ воспоминаній) А. Е. К. . . . . 111—118
VI. Депутатъ отъ Россіи. (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М. . . . . 127—138, 359—375
VII. Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера. . . . . 139—168 395—425
VIII. Около бурсы (Воспоминанія о духовной школѣ 60-хъ годовъ въ связи съ очеркомъ быта тогдашняго сельскаго духовенства. В. К. 212—230 437—452 579—583

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

I. Петръ Кузьмичъ Козловъ. (Русскій изслѣдователь Центральной Азіи). В—ъ . . . 3—33, 231—241
II. Письмо о кончинѣ Императора Александра I,

		стран.
	найденное въ бумагахъ барона Петра Казиміровича Мейендорфа, среди другихъ бумагъ того же года. Сообщ. баронъ А. Мейендорфъ	41—42
III.	Императоръ Александръ и Великая Княгиня Екатерина Павловна (Великій Князь Николай Михаиловичъ. Переписка Императора Александра I съ сестрою Великою Княгинею Екатериною Павловною В. Тимощукъ. .	71—85
IV.	Письмо архимандрита Фотія къ неизвѣстному Сообщ. В. С. Арсеньевъ	86
V.	Къ біографіи Л. А. Мея. Левъ Александровичъ и Софья Григорьевна Мей, ихъ родные и знакомые. (Семейная хроника. А. Г. Полянской. . . . . 87—92,	346—358
VI.	Генералъ-лейтенантъ А. А. Іедлинскій. Вл. Маркова. . . . . 102—290,	476—548
VII.	Изъ архива кн. Л. А. Ухтомскаго Сообщ. А. В. Жиркевичъ	103—110
VIII.	Сибирская казачья дивизія въ походѣ противъ Японіи 1904/5 г. (Дневникъ участника со 2 февр. 1904 г. по 30 іюля 1905 г.). Г. А. Данилова.	119—126
IX.	Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину. Сообщилъ А. Чебышевъ . . . 169—176, 426—430,	584—628
X.	Андрей Виніусъ, сотрудникъ Петра Великаго. И. П. Козловскаго	177—211
XI.	Памяти Бѣлинскаго. В. Я.	242—253
XII.	Дата рожденія Бѣлинскаго. Л.	254—257
XIII.	Дѣло поручика Гартлинга (историческій разсказъ). Марка Басанина	258—266
XIV.	Эволюція литературныхъ и общественныхъ взглядовъ Бѣлинскаго. М. Дьяченко . . .	291—328
XV.	Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г. Е. А. Рагозиной.	329—345
XVI.	Императоръ Николай I и Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ 1830—1831 г. (Изъ переписки Николая I и Цесаревича Константина Павловича съ 14 января 1830 г. по 15 іюня 1831 года) В. Тимощукъ	376—391
XVII.	Записка Людовика XVIII къ Н. И. Арсеньеву. Сообщ. В. С. Арсеньевъ.	392—394

СТРАН.

XVIII. Монголо-Сычуаньская экспедиція Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, подъ начальствомъ подполковника П. К. Козлова, 1907—1909 гг. П. Козлова. . . . . 453—487
XIX. Къ постройкамъ стараго Петербурга. С. Раевскаго. . . . . 507—523
XX. Вліяніе Наполеона на событія русско-шведской войны 1808—1809 гг. К. Рыльскаго. 524—538
XXI. Король. І. Н. Постникова . . . . . 539—545
XXII. Очеркъ организаціи военныхъ силъ Южной Болгаріи. Посвящается Царству Болгарскому. 549—569
XXIII. Изъ подольскій старины. В. Сл. и Ѳ. Ф—ко. . 570—575
XXIV. Новый директоръ (очеркъ изъ далекаго прошлаго). Д. Перскаго . . . . . 576—578
XXV. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 2 декабря 1910 г. по 12 января 1911 г. . . . . 629—640

Приложенія:

I. Портреты: Петра Кузьмича Козлова (къ 4-й книгѣ).
II. В. Г. Бѣлинскаго, Далай-ламы, Агвана Доржіева, Будда на львиномъ престолѣ (къ 5-й книгѣ).
III. Портретъ Ѳедора Густавовича Тернера. Къ постройкамъ стараго Петербурга: Смольный монастырь, Академія Художествъ, Горный Институтъ, Казанскій Соборъ (къ 6-й книгѣ).

Библіографическій листокъ.

1. Борисъ Сергѣевичъ Шереметевъ. 1822—1906 г. Графа П. С. Шереметева. М. 1910 г. (на оберткѣ апрѣльской книжкѣ).

2. Русскій Библіофилъ, журналъ Спб. 1911 г. № 1. Редакторъ-издатель Н. В. Соловьевъ (тамъ же).

3. Описаніе рукописей, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Т. II, вып. 2-й Спб. 1910 (тамъ же).

4. Сергѣю Ѳедоровичу Платонову—ученики, друзья, почитатели. Спб. 1911 г. (тамъ же).

5. Николай Яковлевичъ Гротъ въ очеркахъ, воспоминаніяхъ и письмахъ товарищей, учениковъ, друзей и почитателей. Спб. 1911 г. (тамъ же).

6. Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. 2-е, испр. и допол. изд.

Импер. Академіи Наукъ удостоено полной преміи Пушкинскаго Лицейскаго Общества. Спб. 1910 г. (тамъ же).

7. Пѣсни, собранныя П. Рыбниковымъ. Изданіе 2-ое, подъ редакціей А. Е. Грузинскаго, въ трехъ томахъ. Изданіе фирмы „Сотрудникъ школъ“. М. 1909—1910 г. (тамъ же).

8. Л. А. Чарская. Смѣлая жизнь. Подвиги загадочнаго героя. Историческая повѣсть. Изд. 2-е, тов-ва М. О. Вольфъ. Спб. и М. 1910 г. (тамъ же).

9. Русскіе художники. В. И. Суриковъ. Текстъ Виктора Никольскаго. Изданіе Т-ва „Огни“ Спб. *В. Я.* (на оберткѣ майской книжки).

10. Труды Псковскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета Псковская старина. Т. I Псковъ 1910 г. (тамъ же).

11. Дальневосточное Обозрѣніе. Выпускъ I. Составлена на основаніи отзывовъ всесвѣтной прессы, подъ ред. Вл. Гольмстремъ. Спб. 1910 г. (тамъ же).

12. Кн. М. Н. Щербатова. Матеріалы для справочной книги по русскимъ портретамъ. Выпускъ I. А. М. 1910 г. (тамъ же).

13. Былины старинки богатырскія. Со вступительной статьей Е. А. Ляцкаго. Изд. тов-ва „Огни“. Спб. 1911 г. (тамъ же).

14. Журналъ генералъ-адъютанта графа К. Ѳ. Толь, о декабрьскихъ событіяхъ 1825 г. Изданіе и редакція графа Е. Н. Толь. Спб. 1910 г. (тамъ же).

15. П. А. Вырубовъ. Десять лѣтъ изъ жизни русскаго моряка, погибшаго въ Цусимскомъ бою. (Въ письмахъ къ отцу). Кіевъ. 1910 г. (тамъ же).

16. Матеріалы по крѣпостному праву. Саратовская губернія. Изданіе Саратовской губернской ученой архивной комиссіи. Саратовъ. 1911 г. (тамъ же).

17. Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ. Странички прошлаго. Очерки и разсказы. Изд. тов-ва „Просвѣщеніе“. Спб. 1911 г. (тамъ же).

18. Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ. Сказки и Были. Рисунки В. В. Спасскаго. Изд. тов-ва „Просвѣщеніе“. Спб. Н. Л. (тамъ же).

19. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 25 ноября по 2 декабря 1910 г.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**